

•

Аннотация

Калеб Шаттибраль, мастер–маг и неунывающий шутник–философ, продолжает бороться за Вселенское Равновесие. На этот раз ему и его друзьям Судьба уготовила новое, невероятно опасное испытание. Древнее Зло, терпеливо ждавшее своего часа, восстало, чтобы выжечь Соединённое Королевство дотла. Дорога, пропитанная страхом и ужасом, поведет нашего героя к тоненькому лучику спасения. Препятствия, что встанут на пути у Калеба, будут охотно проверять его выдержку и самообладание на прочность. Игральные кости уже брошены: за ошибку – расплата смерть. Хитроумные головоломки, мистические подоплеки, темные, затянутые липкой паутиной секреты, отчаянные сражения и колдовские дуэли – все это будет окружать Калеба и следовать за ним попятам. Сможет ли он одолеть все преграды и не опустить руки, когда отчаяние будет так близко? Кто знает? Кто знает? Дорогой читатель, перед тобой второй том "Легенд". Устраивайся поудобнее и приготовься окунуться в удивительный мир волшебства и тайны.

«Какова она, это жизнь, что влечет меня вдаль?
Каков он, этот дом, где не могу я остаться?
Каково оно, приключение, зовущее в путь?
Моё сердце полно, когда ты рядом со мной»

Л. Маккеннитт

Это вторая книга, повествующая о Калебе Шаттибрале и его друзьях.

Посвящается моим вдохновителям и учителям прекрасного: Г. Лавкрафту, Р. Сальваторе и Л. Маккеннитт, а равно и всем тем, кто прошёл Свой путь через Тьму к Свету, и не сломался.

С благословения Вселенной, я начинаю...

Глава 1. Цена жизни

Я очнулся под водопадом света. Солнце, льющее через дыру в узорчатом своде, ласкало мне лицо и заливалось за воротник. Этакie приятные тёплые обнимания. Сам я, по-видимому, лежал в крайне неудобном положении – руки под спиной, ноги перекрещены. Конечности изрядно затекли, однако тело, вопреки этому, пребывало в состоянии умиротворения и какой-то лёгкости. Мне было хорошо и более того, радостно. Отчего в груди так весело прыгают зайчики? Стоп. Я же умер. Я не могу быть живым. Всего несколько мгновений назад свершилось Пророчество Полного Круга – древнее предсказание о победе сил Добра над силами Зла. Аватар Ураха, Бога Света, уничтожил Тауруса Красного Палача – могущественного человекоподобного козла, немезиду Десницы Девяносто Девяти Спиц. Таурус, он же Первый из Круга Смерти, был испепелён яркой божественной вспышкой, которая пронзила Бытие. Вселенская Прореха тут же заглотила меня в своё нутро, где я и... погиб? Нет. Я жив. Но почему? Мне ясно виделись звёзды, тёмный туннель и нестерпимо блистающий в нём конец. Я летел туда, стремился стать искоркой, хотел приобщиться к Замыслу. Я чувствовал нечто грандиозное... Однако что-то пошло не так. Сознание вернулось ко мне там же, где до этого покинуло – в громадной полой статуе Ураха, находящейся под хрустальным куполом Гамбуса, – миниатюрного загадочного мира. Так и что? В голове роятся миллионы вопросов, но прежде чем искать на них ответы, надо хотя бы подняться.

Я высвободил руки, согнулся дугой, после чего встал. Машинально подобрав сумку, завалившуюся под обломки камня, и откатившийся чуть поодаль от неё Лик Эбенового Ужаса – посох, доставшейся мне в награду за победу над Милтаром Бриззом в башне Мил'Саак, я направился к обугленному пульсару – крупной волнистой звезде, расчерченной на полу. Именно на ней, при помощи сосудов-хранителей, Таурус пытался извратить Пророчество Полного Круга. На обсидиановых столбах, к которым были прикованы герои древности, ныне остались висеть лишь пустые цепи, испещрённые отталкивающими кривыми символами. В середине пульсара, где до

этого в прозрачной чаше вертелась смарагдовая змея Десницы Девяносто Девяти Спиц, теперь подрагивала глянцевая клякса–вуаль. Я содрогнулся – в неё засосало вопящего Тауруса, а следом и меня. Сейчас непроглядная чернота дышала затаённым покоем, но каждый дюйм моей кожи ощущал всю мощь и непростительную гибельность её существования. Только опусти в разлом ногу и обратно достанешь уже аккуратно отрезанную культю. Я боязливо, но не без присущей мне задумчивости, смотрел в чуждую всему космическую прорезь, а ладонь сама собой приводила одежду в порядок. Пальцы задели по мечу – Альдбриг на поясе. Здорово, что он не потерялся. Ноги повели меня прочь от пульсара, к тому, кто ещё вчера был воплощением страха и сеятелем страданий, к Фарганорфу. Дракон–лич возлежал у лестницы кучей разбитых костей. Его серповидные когти и баснословно острые клыки отливали пергаментной белизной. Хищная, лишённая плоти морда навсегда вывернулась под неестественным углом. Созерцая распахнутые настежь челюсти и выпуклые надбровные дуги, я отметил про себя уникальность зрелища. Когда ещё доведётся поглядеть на останки дракона? Вместе со счастливо сгинувшим лихом пропала и тысячелетняя мудрость. Старейший Вирм Севера не имел в себе ни капли жалости, но вот парадокс, – когда Таурус сплетал Высшую Магию, он не стал цепляться за угасающую жизнь, а, напротив, в виде всезжигающей энергии передал её мне. В тот момент я одновременно выступил в роли преобразователя и проводника. Энергия перековалась во мне в заряд, которым я швырнул в опростоволосившуюся Эмириус Клайн. Я попал. Кульминационная развязка и занавес! Опять вылезают эти вопросы: зачем Фарганорф так поступил, и как, тролль побери, я очутился в рядах тех везунчиков, что в сказках ложатся в могилу лишь для того, чтобы потом вновь вернуться на сцену событий?

Потирая переносицу, я направился к дальней стенке развороченной залы. Здесь, за низеньким отгораживающим бортиком, в полуколье, громоздились столы, шкафы, комоды и прочая мебель с разнообразными книгами и замысловатыми предметами. Из–за аляповатых ваз с красными цветочками выглядывала кровать. Своеобразное жилище себе выбрал Нолд Тёмный. Я сел в резное кресло и, подперев рукой подбородок, погрузился в размышления.

Эмириус Клайн, Джед Хартблад, Цхева, Нолд Тёмный, Таурус, Урах – все исчезли из Гамбуса, а я и Фарганорф – нет. Этому должно быть объяснение. Неужели Вселенная считает, что я для чего-то ей ещё пригожусь? Я усмехнулся. Ферзи в шахматах ценятся на вес золота. Но я – то – пешка! Так, плюнуть и растереть! Таурус верховодил мной словно марионеткой на детском спектакле кукол. Я подал ему на блюде сосуда-хранители и едва не стал свидетелем его кровавого триумфа. При мысли о том, что могло случиться, у меня начинают дрожать поджилки. Если бы Пророчество Полного Круга грянуло так, как задумывал Таурус, то Урах был бы убит, а наш мир потонул бы в огне, принесённом гогочущими легионами Десницы Девяносто Девяти Спиц. Однако... спицы... Матрона Тьмы уверяла меня, что Бог Света не тот, за кого мы его принимаем. Конечно, она много лгала мне и умело играла, но кое-что, мне кажется, в её словах было правдиво. Является ли Урах неподдельным Богом Света и величайшим корчевателем потусторонней скверны или в том, что произошло, отразилась только его благообразная личина, наклеенная на облик истинного «Я» – глумливого и чрезвычайно хитрого Князя Десницы Девяносто Девяти Спиц? Мне никогда не узнать этого. Да и так ли это теперь важно? Наверное, я застрял в Гамбусе на веки вечные.

А мои друзья? Что с ними? Я поскрёб ногтем по столешнице. Бертран Валуа и Альфонсо Дельторо – закадычные приятели моей бесшабашной молодости и по совместительству завсегдатаи клуба «Грозная Четвёрка»! От вас нет весточек уже много лет. И столько же вы не получали их и от меня. Проходя через перипетии этого, без сомнения, самого опасного приключения в жизни, я понял, как соскучился по вам. Ах, если бы я только мог черкнуть письмецо и отправить его в Энгибар или в Магика Элептерум... Под локтем у меня чернильница, но пиши – не пиши, никакая птица не преодолеет заслон Гамбуса. Фарганорф, Искривитель Реальности – единственный, кому это было по силам, заснул и более не проснётся. Так близко и так невероятно далеко, за пределами хрустального ободка, в Килкваге, не находит себе места от волнения дорогая моему сердцу компания. Я прямо вижу, как в ожидании меня озадаченно шевелит усиками Снурфи – мой любимчик, чёрный таракан, как хмурит полосатый лоб Мурчик – серьезного характера кот, как Дурнбад – бесстрашный гном,

меряет шагами пол и бормочет ругательства на лундулуме, как Грешем – мой горе–ученик стискивает рукоятки коротких мечей, как Серэнити – Великий инквизитор Иль Градо тихо, почти про себя, читает молитвы и нервно крутит в латной перчатке амулет Ураха, и как Эмилия... Эмилия, моя подруга, от переживаний она сходит с ума. В её изумрудных широко распахнутых глазах медленно–медленно набираются слёзы отчаяния. С каждой канувшей в прошлое минутой нежнейшая душа колдуньи даёт новую трещину... Прости, моя родная, я не могу дать о себе знать, что за жребий мне выпал, а ты не в состоянии поведать мне про свой.

Жаль, что я сейчас не рядом с ней... рядом со всеми ними. Интересно, закрылись ли червоточины – порталы, выплёскивающие орды демонов из бездны, или моя теория на счёт того, что Таурус был их распространителем и неким стабилизирующим звеном, оказалась неверной? Я поспособствовал отсечению у Десницы Девяносто Девяти Спиц её мерзопакостной верхушки, но, ведь известно, что перерубленный червяк – это уже два червяка. Или нет? Пару месяцев назад, когда вся эта кутерьма с Десницей Девяносто Девяти Спиц только–только распалялась, старая экс–королева Элизабет Тёмная и её невестка – действующая королева Констанция Демей накидали мне кучу заданий: закрыть червоточины, отыскать похищенного принца Фабиана и Корону Света, а также восстановить, по возможности, целостность трещащего по швам Соединённого Королевства. За большинство из заданий я так и не взялся, не успел, впрочем, гибель Тауруса, скорее всего, принесла свои плоды. Я почему–то в этом уверен.

Я откинулся на спинку кресла. Мысли, мысли, мысли, были бы вы конструктивными, а то вы так, просто пиявки–мучители. Чтобы расслабиться и как–то распутать клубок, если не тайн, то, как минимум чувств, я прикрыл веки. Сон снизошёл почти мгновенно. Тяжёлый, он был отражением всего того, что мне довелось пережить за последнее время. Миражи и тени шептали мне о незавидной доле и бессрочном заточении. Я просил их перестать, умолял унять свой гнусный дребезжащий говорок, отстать от меня – всё бесполезно. Они напухали и пучились, обступали со всех сторон и наседали сверху. Я

закричал и вышел из дрёмы. Желудок нестерпимо болел. Я схватился за него рукой и закашлялся. У меня изо рта заморосила желчь. Петраковель предупреждала, что излеченный вампиризм будет аукаться мне подобными спазмами. Что же, не такую уж и непомерную цену я уплатил за то, чтобы не вступать в общество кровососущих, гроболюбящих и бледнящих недомертвецов. Низкий поклон королю Каменного Королевства Булю Золотобородому – тяпнул меня в Явархе, собака.

Я вздохнул, вытер набежавшие сопли, а затем неторопливо, потому как заметил краешком глаза тёмное движущееся пятно, стал поворачиваться корпусом влево. Рука на рукояти Альдбрига... Тихо, вот так... Я резко отпрыгнул и выставил меч перед собой. Полосатый хвост, серое тельце, милые лапки – я отёр рукавом скопившийся на висках пот. На приземистую тумбочку взбирался енот. Фу, как ты напугал меня, приятель. Как ты сюда пролез? Моя, было утихшая, сердечная мышца заколотила с утроенным усердием. На животе енота зияла рана, из которой вывернулись запёкшиеся кишки с копошащимися по ним червями. Альдбриг и Лик Эбенового Ужаса заняли боевое положение – будучи мастером–некромантом, я зомби от живой твари отличу на раз–два. Енот между тем принялся внимательно меня рассматривать. От его всепроникающего взгляда глазок–вишенок мне стало не по себе.

– Как я и предсказывал – мы встретились, Калёб Шаттибраль. Я бы явился быстрее, но подходящее «вместилище», предрасположенное к речи, лежало слишком далеко от Первородного Соблазна, – гулко протявкало гальванизированное животное.

Я чуть не поперхнулся.

– Что?

– Клинок Ночи. Грёзы наяву. Вспоминаешь?

Альдбриг вырвался из ладони и со свистом залетел в ножны, Лик Эбенового Ужаса прижался к груди. От этих, не имеющих ко мне

никакого отношения манипуляций, я похолодел и осунулся. Чутьё подсказывало мне, что я вляпался, вернее меня скоро вляпают, во что-то муторно-худое.

– На корабле мне приснилась моя отрубленная голова, – кое-как выдавил из себя я. – Она сказала, что поймает меня.

– На грани До и После, – кивнул зомби-енот. – Это был я.

– Ты... кто... или что... ты такое? – запинаясь, спросил я.

– Моё настоящее имя невозможно воспроизвести ни на одном языке Вселенной, поэтому для тебя я буду Привратник.

В такт произносимых слов мёртвое млекопитающее отвратительно качалось.

– Привратник? Ты хранитель каких-то врат?

– Практически. Когда из чьего-то тела в Гамбусе вырывается душа, я указываю, куда ей должно отправиться дальше.

Я плюхнулся в кресло, подоткнутое мне под колени порывом магии. Внутренне я осязал неуловимые энергетические линии, которые как бессвязными узорами, так и ровными геометрическими фигурами ползали по всему вокруг. От мельчайшей пылинки до самой громоздкой подпоры, всё прибывало под их дирижёрством. Мне доводилось приобщаться к неиссякаемым лавинам мощи, бездумно хлещущим в небесные просторы, но здесь... Здесь скользили уравновешенность и сдержанность. Я понимал, что энергетические артерии несут в себе необъёмную для человеческого разума реку информации. Она спиральями вклинивалось в эпицентр-енота, а потом расходилась из него во все уголки Мироздания. Невообразимо.

– То есть, иначе выражаясь, ты помощник Смерти?

Как бы близко я ни стоял у горячего края «каши–малаши», природная любознательность всегда прорывается из меня наружу.

– В твоём восприятии я укладываюсь в эту величину.

– Значит, это ты не дал мне окончить путь? Я умер, ведь так? Я нёсся туда, где блистал свет...

– Да, ты умер и да, по моей воле ты вернулся назад.

– Зачем?

Неожиданно голенище енота хрустнуло, и он плашмя упал на пол. Вновь вставая на задние лапы, Привратник потерял часть потрохов. Склизкой, дурно пахнувшей массой они размазались по бочку жаровни.

– Затем, что ты мне нужен. Ты выходец из совершенно иного рукава Бытия и оттого не принадлежишь Гамбусу. После гибели ты стал прецедентом, который не прописан в Законах Универсума. У меня был выбор, как поступить с тобой; Я мог пустить тебя раствориться в сверкающем Забвении или оставить у себя. В прошлом спаянные эпохи и континуумы приоткрыли мне гобелены будущего. Я знал, чему отдам предпочтение ещё до твоего рождения.

– Но почему именно я? Разве Нолд Тёмный, Эмириус Клайн и прочие соучастники Пророчества Полного Круга теперь не у тебя? Они тоже не из Гамбуса и, будь уверен, любой из них исполнит твои прихоти в сто раз лучше меня.

Привратник отрицательно махнул лапкой.

– Они мне недоступны.

Осознавая, что мне никак не вычеркнуть себя из планов Привратника, я сглотнул комочек слюны.

– Для чего я тебе понадобился?

Зомби–зверь поскрежетал зубами, полминутки помолчал, после чего прогавкал:

– Я хочу получить Корону Света. Ты принесёшь её мне.

– Корону Света? Серьёзно? Что ты про неё знаешь?

– Всё.

– Мне неловко тебя расстраивать, но она где–то там, за Гамбусом. Мне при всём желании до неё не добраться.

– Эта проблема разрешима. Искривитель Реальности отворит для тебя окно в родной мир.

Я округлил глаза. Неужели Привратник сцапал этого монстра в свои сети? Или, вручая мне своё естество, Старейший Вирм Севера припас для себя уголёк, который если на него дуть, умудриться разжечь в его незрячих колодцах прежний пламень? Лазеечка вернуться домой!

– Ты реинкарнируешь Фарганорфа, так же, как и меня?

– Не совсем. Это сделаешь ты.

– Я?!

– Дракон–лич попал в мои чертоги вместе с тобой, точнее в тебе. Только ты, воплощённый в изначальную форму, в силах провести ритуал и отделить его частицу от своего духа.

– Каким образом?

Енот подошёл вплотную к моему креслу. Его гадкая, извращённая трясушка саднила мой рассудок подобно напильнику.

– В Гамбусе есть много сакральных мест, мест мощи, пользуясь которыми можно добиться самых различных результатов, в том числе и тех, что выворачивают душу наизнанку и вытряхивают из неё чужеродное. От сего святилища, Первородного Соблазна, на восток вьётся дорога, приводящая к Отражателю – хитроумному комплексу линз. Твоя цель настроить Отражатель так, чтобы исторгающиеся из него лучи сложили на небе пульсар. Когда всё устроишь, поворачивай обратно, я расскажу тебе о том, что надо будет предпринять для завершения ритуала.

Я облизал губы.

– Все более–менее значимые места обыкновенно зорко охраняют и, как понимаю, Отражатель не является исключением из правил?

– Ты сам себе ответил.

– Тогда начёт настройки...

– Ничего сложного. Ты сообразишь, что к чему.

– Ясно. Буду разбираться по ходу пьесы.

Потряхивающийся енот ткнул пальчиком мне в плечо.

– Прежде чем уйдёшь, ты обязан напитать себя. Вот жаровня, нож в твоей сумке, пища перед тобой.

После этих слов гниющий енот закатил глаза и рухнул мне на живот. Фу! Видимо Привратник вышел из гуттаперчевого тельца. Я скинул с себя зверя. Постепенно всё проясняется. Чудо не произошло с бухты–баракты. Древнее, непостижимое создание, в пику «Костлявой», выволокло меня назад в Гамбус, чтобы я плясал под дудку его желаний. А желание–то каково? Корона Света! Замахнулся не на абы что! Чем Привратнику приглянулся монарший венец? В Соединённом Королевстве среди колдунов и подобных вертлявых личностей век от века гуляют толки о таинственных чарах,

заклѹчѣнных в гигантские алмазы и золотой ободок Короны Света, однако короли и королевѣ никогда не подтверждали, как, впрочем, и не опровергали эти домыслы. Народы провинций вообще исключительно редко лицезрят Корону Света на челах своих правителей, и из-за того, в суп сплетен непрестанно сыплются перчинки да соль. Обычно, королевские особы возлагают на себя легендарный головной убор только при восхождении на престол или на Величье Света – эпохальный праздник, славящий Ураха и его всемилостивую благодать. Ровно в полночь, в пирамидальном храме Шальха, что стоит на внушающей трепет площади Вилика Ура Светелик, Величием Света отмечают завершение старого и начало нового тысячелетия.

Кстати, это событие должно будет осуществиться как раз в этом году! Но как? Соединѣнное Королевство разбито на осколки, Корона Света как сквозь землю провалилась, и кроме того... меня принуждают её раздобыть и вернуть совсем не владельцу... Хотя, кто сказал, что я так и поступлю? В Гамбусе Привратник – одна из главных шишек – это точно, а за его пределами... имеет ли он какое-то влияние? Я критично осмотрел червивого енота. Возможно. Необходимо это как-то выяснить, а пока... Пока я буду паинькой и сделаю то, что мне приказали. Чтобы пустить пыль в глаза, я даже съем этого подпропавшего зверя. Я сыграю очень осторожно. Я затаюсь, смиренно почию Фарганорфа, тем более что теперь сам о том неимоверно мечтаю, наобещаю Привратнику с тридцать три короба и поминай, как звали! Я окажусь дома и держи «нос», мой алчный спаситель! А Фарганорф? Он, конечно, та ещё кость в горле, даром, что весь из них и состоит. Ладно, о том, как избавиться от дракона-лича я побеспокоюсь позже, сперва его ещё надо поставить на лапы. Я хмыкнул. Где-то во мне сидит не кто-нибудь, а сам Старейший Вирм Севера! Неуловимой песчинкой он витает по моим жилам и истошно ревет! Рrrrrr! А вдруг, ставши носителем трансцендентного летающего чудища, я обрѣл толику его сверхсилы? Я прислушался к себе. Нет. Ни фонтана энергии, ни фантастической твѣрдости бицепсов, ни безграничных знаний о первобытных зонах и вехах я в себе не обнаружил. Ну и пусть! Я сам – орешек со скорлупой! Вселенная, меня посадили в лужу, и что с того? Я выберусь из неё! Легко! Вот прямо даже не запачкавшись!

Приободрившись, я обошёл по периметру импровизированную комнату Нолда Тёмного. Среди всякой всячины, которая, естественно, меня интересовала, мне попалась тумба, забитая дровами. Подойдёт. Я взял парочку сухих брусков, после чего кинул в жаровню. Магическая искорка сорвалась с пальца! Вжух! Поленья затрещали, а я принялся протирать полкой мантии заплесневелую сковородку с растопыренными декоративными щупальцами – её, прочую посуду и рядок бутылок без этикетки я нашёл в серванте неподалёку. Язычки огня вились всё выше и всё ярче. Запах дыма приятно щекотал ноздри. Досадно, что мясо, которое мне, так сказать, преподнесли, не слишком свежее. Наверняка оно благоухает не так славно, как сосна, да, это её пожирает пламя. Угрюмо вздохнув, я развязал узелок на сумке – пора приступить к разделке тушки. Енот лежал брюхом книзу, поэтому я не видел его дефектов – и хорошо. Ладонь нащупала прохладную рукоять. В отсветах и бликах полыхающей жаровни лезвие старинного кинжала гномов набрало в себя багряного оттенка. Я поднёс его к глазам...

– Давай, парень, рубани уже этого плешивого енота! Я чувствую, что он возле меня!

Я выронил из рук заговоривший кинжал. Голос принадлежал призраку из Леса Скорби. На Куркумных Болотах он вселился в Дурнбада. Применив тёмное искусство, я вытащил его из друга и, повинуясь нахлынувшему сардоническому импульсу, заточил в оружие.

– Джейкоб! Ты говоришь!

– Ты удивлён? Я тоже.

Подобрав кинжал, я улыбнулся. Мне стало радостно от того, что у меня появился собеседник. Пусть Джейкоб несколько своеобразен в общении, но так даже лучше – не заскучаю.

– Ещё бы! Запечатанный в предмет, дух обзаводится речью, только если поблизости от него есть материальный остов, в котором он

раньше обитал. Твой скелет попивает чаёк в Лесу Скорби, поэтому ты должен быть нем, как рыба.

– Опять ты пустился в свои заунывные рассуоливания.

– Наверное, на твою клетку–сталь повлияло реализовавшееся Пророчество Полного Круга, – ничуть не смутившись, с полуусмешкой продолжил я. – В миг уничтожения Тауруса энергетические завихрения оказались столь экспрессивны и напористы, что все, находящиеся в их досягаемости, колдовские покровы, в том числе и мои, лишились некоторых связующих нитей, а это привело к тому, что твои мысли стали беспрепятственно покидать кинжал и попадать в пространство. Эпичность произошедшего отодвинула правило Юджина на второй план!

– Молю тебя, уйми свою научную канаву! Я говорю, и прекрасно!

– Есть шансы, что это навсегда.

– Трижды прекрасно! Мне надоело молчать!

Я повертел клинок перед носом.

– Любопытно, почему ты, такой неудержимый болтун, дал знать о себе только сейчас? По какой причине я не услышал твой металлический баритон ещё пару часов назад?

– О чём ты? Я до конца оклемался от твоего несуразного пророчества всего как минуточку–две.

Я заинтересованно нахмурился.

– Тебя оглушило?

– Что–то типа того.

– Опиши подробнее.

– Я был в прострации. Всё слышал, но по состоянию как будто дерябнул виски из большого стакана.

– Красочное сравнение.

– Только не ври, что так не делал.

– Ох, делал! Где те бары и кабачки, где я предавался этому беззаботному времяпрепровождению?

– Канули в лету, парень. Всё туда летит вверх тормашками.

Я перевёл взор на бездыханного енота.

– Что-то алкогольное я отыскал, осталось только приготовить к нему гарнир.

– Прекрасная идея! Бери меня в руку и вперёд свежевать тухлятинку!

– Эй, это прозвучало тошнотворно!

– В суровую повседневность иногда полезно закинуть кроху терпкого юмора.

– Тут наши мнения совпадают, – хмыкнул я, садясь на корточки у коченеющего зверя.

Весь кухонный процесс от «подайте мне фартук» до «пальчики оближешь» проходил под поклоны настольного маятника и пикантные комментарии Джейкоба. Тик-так – шкура снята, тик-мак – срезаны самые по виду удобоваримые филейные части, тик-тук – объятые жаром сковороды они покрылись румяной корочкой, тук-тик – яство на тарелочке, тик-тик – в фужере белое сухое вино, милости прошу отужинать!

На самом деле употреблять в пищу падаль категорически возбраняется. Сильнейшее отравление – это самое маленькое и безобидное, что может ожидать человека позарившегося на непонятно как умершее животное. В моём случае, я так решил после тщательного осмотра препарированного Джейкобом тельца, енот, хоть и был источен обитающим в нём червём, под чарами Привратника безвозвратно не испортился. Кровь в его сосудах не застыла и, вследствие того трупный яд, если и успел сформироваться, то совсем в небольшом количестве.

Я наколол вилочкой кусочек, прожевал, проглотил. Так себе вкуснятина. Вино же оказалось недурным. Я обновлял себе фужер, пока бутылка не опустела. А что? Отметить второй «День Варения» сама Вселенная велела! Радостно, но не без нервической нотки, похихикивая над вывертами проказницы Удачи, я, чтобы сбросить хмельную пелену, направился к громадному шкафу с книгами. Обложки. Они стискивали толстые–претолстые кипы пожелтевшей бумаги. Целые опусы! Я вытянул с полки сине–чёрный фолиант. Почему моя рука легла именно на него? Ну, во–первых, по сравнению с товарищами он показался мне непростительно худощавым, а во–вторых, на краях его переплёта имелись экстравагантные треугольные вставки. Серебряные, они были испещрены звёздными оттисками и мифическими бестиями. “Первоначала” – название, выведенное странным, однако почти интуитивно доступным к прочтению языком, моментально заинтриговало меня. Автором значился Индиговый Духовидец. Примостив Лик Эбенового Ужаса между перекрестием восковых огарков канделябра, я удобно, как привык делать в Шато, облокотился спиной о стену и стал жадно поглощать глазами строчки.

Индиговый Духовидец, ссылаясь на ряд снизошедших на него теологических откровений, писал о сотворении Бытия. По его словам, всё–всё во Вселенной появилось после Большого Взрыва – некого, неизмеримого по силе и необъяснимо–случайного толчка, который прорвал бесцветный вакуум и заполнил его раскалённой материей. Вместе с веществом, скоростно распространившимся по всей плеяде свежее испечённых Универсумов, из сосредоточения Большого Взрыва вылетели и постигли себя Вседержители – сущности, что в

итоге облачились в одежды Творцов. В списке демиургов, состоящем ровно из девяносто девяти имён, Индиговый Духовидец особенно выделил нескольких; Рифф, Назбраэль, Юкцфернанодон, Урах и Харо – в отличие от других великих духов не углубились в запредельные дебри непознанного, а остались там, где изначально возникли – в Гамбусе. В нём, в мистическую Эру Предтеч, была заложена основа для всего живого. Общими стараниями пятерых, жизнь, выпестованная из первичных элементов, обрела форму. По безбрежным растрескавшимся землям самостоятельно задвигался камень, из жерла вулканов потекла причудливая лава, в воде забарахтались нелепые волны, а по раздираемым молниями фантасмагорическим небесам закружили дикие ветры – то были разумные стихии. Чуть позже, в Гамбусе, доселе тусклые океаны обзавелись яркими водорослями и фосфоресцирующими кораллами, а голые долины поросли травой и лесами. Просторы наводнились многообразием животных, птиц и рыб. Далее, мишурой тесно переплетённых видений, Индиговый Духовидец повествует о том, как Вселенная родила второй раз. После огненных конвульсий и череды неописуемых катаклизмов из её агонизирующего лоно вышла несметная масса мыслящих образов, разделившихся на три группы. Тогда как две из них, Порядок и Хаос, ознаменовали собою неумолимо противоборствующие полюса, Арбитры – третья группа, возглавляемая Смертью, приняла на себя заботы по устройству и соблюдению основополагающих законов Зримых и Незримых Миров. К моменту пробуждения первых дриад и нимф Юкцфернанодон охладел к ваянию. В конце главы он покинул Гамбус, и на страницах Первоначала его имя стало упоминаться автором всё реже. К середине книги грёзы Индигового Духовидца исполнились угольной черноты и ослепительного сияния. Эмоциональная неряшливость, с которой подавалось эпоея, и нюансы перевода сложили для меня лабиринт противоречий. В полунамёках на туманные события и за неизвестными иероглифами крылась тайна становления звериных рас и гуманоидных народов. Природа и Вседержители то сообща, то порознь помешивали бурлящий метаморфизмами котёл. Эволюция, приправленная сверхъестественным вмешательством, спустя недатированный временной провал, предъявила людей, гномов и эльфов на умиление Вселенной. Тысячелетия сменялись тысячелетиями, королевства

рассыпались на черепки, дабы потом неожиданно воспарить в былом могуществе. Две сотканых окраины; Мир Света – Ураха и Мир Тьмы – Назбраэля вбирали в свои чертоги души, поставляемые Смертью. Так было, пока Харо...

Мой взгляд упёрся в безнадёжно измаранный лист. Что? И за ним такой же! Я быстро пролистал книгу – остаток весь в чернилах! Кто-то специально испортил концовку Первоначала. Но зачем? Я сморщился, сел за стол и выудил из сумки талмуд с Пророчеством Полного Круга. Аромат! Я его ни с чем не спутаю! Это розмарин! С задней стороны, расположившейся поодаль от меня стойки для оружия, в подвешенном за крючок горшочке рос великолепный зелёный куст. Ты сейчас придёшься очень кстати, пахучка! Розмарин стимулирует работу мозга, улучшает смекалку и сообразительность. Вдыхая сладковатое камфорное благоухание, я освежил в памяти предания Соединённого Королевства. Да, это феноменальное открытие! Эй, там, псевдоколдунишки из Магика Элептерум, Бертран, ты не в счёт, позовите меня на свой хилый симпозиум! Я вам такое расскажу – закачаетесь! Легендариум Индигового Духовидца есть ни что иное, как прелюдия к тому, что мы издревле считали точкой отсчёта! Такие извечные вопросы как «откуда родом наши предки?» и «что было До?» – теперь разгаданы! Джед Хартблад обмолвился мне, что Гамбус был сконструирован Нолдом Тёмным из специфической эссенции, добытой им в закромах Червонного Капища живорезов – но это не так. Ядро, из которого пошла рябь самозарождающихся Универсумов, Было всегда и Есть везде. За привычной трёхмерной оценкой окружающей действительности, видимо, нет рамок, и в том, что Гамбус для нашего убогого восприятия выглядит как хрустальная сфера, насыщенная зудениями и гротескными метеоявлениями, я думаю – вполне логично. Мы, смертные, познаём Гамбус так, как можем.

Под воздействием мыслительных процессов весь хмель из меня словно выжали. Я абсолютно протрезвел. Да и не мудрено! Закусив губу, я забарабанил пальцами по подлокотнику. Метафизические аномалии и их закрытые семью печатями секреты меня привлекали с самого детства. Кем бы ни был Индиговый Духовидец – сумасшедшим или провидцем, его труд – драгоценнейшая реликвия, подарила моей

кумекалке «глоток свежего воздуха». С такими космическими ребусами я ещё не сталкивался. От Гамбуса я перенаправил интеллектуальный взор на Арбитров. В Первоначалах глава «Держатели Равновесия» даёт им заретушированную, затянутую липкой паутиной энигматичности, характеристику. По силе они значительно уступают Вседержителям, но их безликая царица Смерть как минимум стоит наравне с Урахом, а то и выше. Арбитры лишены какой-либо притязательности. Они существуют, чтобы блюсти одним только им известные своды правил. Но Привратник... Ему захотелось обладать. Когда-то это желание изменило его и выдернуло из круга собратьев, безразличных ко всему земному. Привратник, олицетворяющий собою казус в метафоричном математическом уравнении, чрезвычайно могуществен. Прибывая у истоков Гамбуса, в древнейшем сосредоточении всего и вся, он способен изыскивать средства к вторжению на территорию других хранителей Врат Мёртвых. Так, на Клинке Ночи, Привратник проник в мой сон. Если я, по прибытию в Килквагу, брошу его задание в корзину, то нутром чувствую – он меня достанет. Я покачал головой. Пожалуй, буду беспокоиться об этом позже. Сейчас первостепенно сделать из Гамбуса «ноги».

Я сунул в сумку «Первоначала», водрузил в руку Лик Эбенового Ужаса и потопал к лестнице. Проходя мимо Фарганорфа, мне приспичило хлопнуть его по выбеленным костям. Скоро запорхаешь, пташка! Уж я порадею! Порожки повели вниз. Сменами пейзажей, круговоротом битв и веретеном героических эпизодов, фрески, молча и торжественно, пересказывали мне житие Ураха. Кое-какие изображения были любопытнее прочих. Особенно меня поразил кусочек, где Бог Света, в образе человека с нимбом, преклонил колени перед юной девушкой, которая исходя из антуража мрачной безысходности, его отвергала. Аж до мурашек! Я сошёл к арочным дверям. За ними меня ждал алеющий закат и прелый осенний ветер. Нестыковочка! Когда Старейший Вирм Севера нёс меня на закорках и громыхал рыком в небесах нас приветствовало лето! Я взъерошил волосы. Пророчество Полного Круга поглотило Красного Палача не вчера, и не на той неделе. Пронеслись месяцы или даже годы! Мои друзья... Я не представляю, сколько вы томились в ожидании меня...

Эмилия, давно ли ты, выплакав все глаза, ушла из гнетущего замка Джеда Хартблада? Подруга, что только в последнем совместном путешествии раскрылась для моего глупого сердца во всем своем женском обаянии, как я хочу обнять тебя и сказать, что ты для меня значишь... Сентиментальность всегда занимала во мне отдельную нишу, теперь же, при располагающей депрессивно–очаровательной атмосфере, она обострилась.

Щурясь, я присмотрелся к солнечному ареалу. Занимательный факт – светило, тонущее в багряных облаках, точно такое же, как и у нас. Почему? Наш мир создан по подобию Гамбуса? Интригующее вопрошание требует схожего ответа. Где он? Я не вижу, чтобы мне его несли! Ха! Подобными «из–за чего» и «как так» можно замызгать парочку академических досок. Я огляделся. От Первородного Соблазна расходился узел дорог. Моя – та, что узкой тропкой заворачивает на восток. Почти машинально, в заливающим спину солнечном сиянии, я побрёл в намеченном направлении. Вокруг желтеющей поляны, на которой воздвигли гранитного Бога Света, раскинулись лесные покрывала. Деревья, в основном дубы, вязы и клёны, почтительно кренились вдоль пути. Едва смыкающиеся ветки выстилали передо мной арочный проход. Я заметил, что ходьба меж могучих деревянных мудрецов доставляет мне удовольствие. Тихо, спокойно, как будто ничего плохого и не было в моей жизни. Я мог бы так прогуливаться по окрестностям Весёлых Поганок. Вон шишка закатилась под корягу, а там сова ухает – мышки прячтесь, она голодная. Принесённое крыльями стущающихся сумерек, на небосклоне проступило звёздное море. Из его мерцающих волн и перемигивающихся узоров, перламутровой жемчужиной, постепенно выныривала одутловатая луна.

Похолодало. Я застегнул плащ на все пуговицы и накинул капюшон. Ступни поднывали уже час или два, и мне пришлось дать им заслуженную передышку. Устроив «Мадам Сижу» на ложбинку замшелого валуна, я стащил сумку на колени.

– Ты что оглох?! Ау! Тетерев! – донеслось до моего уха невыразительное скрежетание.

Лезвие кинжала попало в середину трактата о Пророчестве Полного Круга и поэтому крики Джейкоба тонули в буквенной тюрьме. За всеми этими возвышенными думами, я грешным делом успел позабыть про него.

— Зачем ты так надрываешься? — хмыкнул я, кладя оружие подле себя.

— Тебя бы так засунуть не пойми куда!

— Справедливое замечание.

— Куда мы наострили сапоги? В Отражатель?

— А как ты узнал, что мы движемся?

— Ты трясёшь меня словно маракасы.

— Значит, ты и прикосновения теперь ощущаешь?

Я погладил пальцами рукоять.

— Что я сейчас сделал?

— Пощекотал у подмышки.

Я изумлённо покрутил старинное орудие убийства.

— Магический коллапс повлиял на тебя намного сильнее, чем я думал.

— Вот тебе и повод держать меня у пояса. Через мой клинок ты будешь познавать маниакально любимые тобою колдовские науки.

Я расхохотался.

– Ты мне тогда своим трёпом продоху не дашь! Ну, уж нет. Если ты продолжишь ехать в сумке, нам обоим будет комфортнее.

– Парень, поверь, комфорт комфорту рознь. И я сейчас говорю не о твоём кожаном мешке.

– Тогда о чём?

– О том, что мы не одни.

У искателя приключений, услышавшего такую фразу, зачастую сразу начинаются неприятности. Я моментально вырвал из ножен Альдбриг. Где враг?! Правее моей стоянки, на трухлявом пне восседал Птикаль. Я прямо дар речи потерял. Круглолицый, розовощёкий, он тёр красным платком взмокший лоб. Завидев меня, дурачок воскликнул:

– Ты обещал принести мне мармеладных червячков!

– Птикаль, мой дорогой, я намеревался отдать их тебе в Шато, – отозвался я, разогревая наверху Лика Эбенового Ужаса. Я прекрасно осознавал, что передо мной обманка.

– Мастер обещал! – повторил толстячок и разрыдался.

Пламя затрепыхалось сквозь пустые глазницы черепа. Я был готов явить напалм огня в любую секунду.

– И я не солгу.

Птикаль пустил струйку слюны.

– Хорошо! Но когда?

– В Шато. Ты получишь их в Шато. Веришь мне?

Я стал прицеливаться.

– Да! Но ты идёшь, а не скачешь! Почему? Так мне придётся тебя ждать тысячу тысяч лет!

– Стреляй, он не тот, за кого себя выдаёт! – крикнул Джейкоб.

Прежде чем я последовал его совету, Птикаль зарябил и распался на шарики Света, которые спустя мгновение устремились ввысь.

Минута, две, три. Никого. Я разрядил Лик Эбенового Ужаса в лужу, а потом стиснул рукоять кинжала.

– Откуда ты знал, что там кто-то есть?

– Я почувствовал магическое колебание.

– Пророчество Полного Круга! Вдобавок к голосу и тактильности, оно наделило тебя уникальным даром!

– Полезным для тебя, парень!

– Местечко на ремне ты себе заработал, – пробормотал я, лихорадочно роюсь в сумке.

Кампри – золотой орех – подарок ворожей лежал под ворохом книг. Я был уверен, что некто, примеривший на себя обличие Птикаля, нарочно подсказал, что у меня с собой есть ещё более необычный друг, чем Джейкоб. Я положил орех на землю. Никакой реакции. Его надо швырнуть! Я подхватил Кампри и что есть мочи кинул вниз. Не долетев до травы дюйма два, орех завис в воздухе и раскрыл сапфирные лепестки. Из них клубами синего дыма выпрыгнул призрачный конь! Расплывчатая голова боднула меня в грудь. Ух, как морозно!

– Я тоже рад тебя видеть, Юнивайн! Унесёшь меня обратно в Лес Скорби?

Грива отрицательно заколыхалась влево–вправо. Но попытаться стоило! Вероятнее всего, призракный конь способен попасть куда угодно, где будет находиться его Камень Призыва, и Гамбус тому не исключение. Однако бестелесность и умение мгновенно перемещаться по потусторонним червоточинам не распространяются на седоков Юнивайна. Только Фарганорф в состоянии распахнуть для меня створы хрустальной сферы. Поправка – был в состоянии.

– Тогда отвези меня, пожалуйста, к Отражателю. Эта штука где–то впереди.

Юнивайн заржал и забил копытом.

– Это значит «садись сверху»?

Призрачный конь повернулся бочком. Я забрался в седло, и мы помчались. Скорость, с которой Юнивайн запетлял по тропе утопающей в ночном тумане, была так высока, что у меня перед глазами всё смазалось в одно тёмное пятно. Скакали мы довольно долго. Я изрядно устал, и мой неутомимый товарищ понял это. К рассвету мы притормозили так, что мне стали видны очертания деревьев, а спустя примерно час Юнивайн остановился у громаднейшего вяза с дуплом, да таким, что туда поместился бы даже Грешем, будучи рыжим толстяком. Вяз пустил корни у скромной по ширине речушки. Как только я слез с коня, он собрался в вихрь и затянулся в Кампри, который оттопырил мне карман. Юнивайн воплотился где–то у Оплота Ведьм, а Джейкоб и я снова остались вдвоём. Лучше, чем ничего, правда? Журчащий поток, влекущий на себе охапки побуревшей растительности, манил меня подойти поближе. Откинув неторопливо плывущие листья, я умылся и протёр шею. Желудок между тем недовольно урчал. Хрустящие тосты, сосиски, сыр, кофе, яичница – он требовал этого в большом количестве. Может, рыбу поймать? Но как? Ах, если бы только у меня была при себе удочка или Снурф с его крючковатыми цепкими лапками! Увы! Придётся устроить себе «диетический день». Голодание даже полезно. Иногда. Раз не получится перекусить, то поспать в том дупле вполне удастся. Я влез в проём вяза. Свалявшиеся комья травы и

кочья шерсти недвусмысленно намекали, что внутри некогда проживало семейство лис. Я свернулся клубочком, чихнул и, подложив сумку под голову, обратился к Джейкобу:

— Я собираюсь вздремнуть. Предупреди, если на горизонте встрепахнётся что-нибудь.

— Договорились, я пихну тебя под ребро.

— Только не остриём!

— Ха!

— Расценю твоё «ха» как «само собой разумеется».

— Точно так. Спи, парень, я буду начеку.

— Спасибо.

Смежив веки, я стал думать о подоплёке, с которой столкнулся на пути к Отражателю. Что таится за внезапным появлением моего ирреального домочадца? Здешний Птикаль вёл себя один в один как тот, что жил... живёт у меня в Шато. Дурачок был скопирован с моей памяти. Но как? Для чего? И главное — кем? Враждебностью от фантома не веяло, впрочем, это ни о чём не говорит. Гамбус, Привратник, Отражатель... Моё одиночество сродни иллюзии — повсюду таятся следящие глаза. Надо быть настороже. Отосплюсь, а там...

Балдахин сна обвязал меня водевильными грёзами. В череде сменяющихся персонажей, панорам и фантазий, я вдруг ясно услышал знакомый голос. Он зывал ко мне:

— Парень, у нас гости!

Потом прибавился другой голос. Глухой и властный.

– Вставай, мальчишка!

Сонный морок видоизменился в длинное серое повествование о маленьком мальчике и старике. Чаще всего фрагменты–оттиски крутились вокруг многоуровневой башни полной диковинных механизмов, спрятанных волшебных дверей и зачарованных ниш. Быт могущественного волшебника перемежался с воркотнёй и несмыслёнными играми ребёнка.

– У тебя затычки в ушах?! Он приближается!

Сновидение поставило упор на отдельной картине. Сейчас оно дало мне детально рассмотреть старика и дотоле расплывчатую обстановку. Высокий, привыкший хмуриться человек с окладистой бородой и сетью гусиных морщин у глаз чертил на доске руны, а рядом с ним, туда–сюда, ползала коробка с дырками. Периодически из прорези–щёлочки показывался любопытный носик или звенел детский смех.

– Вопи громче, шпилька, или поцарапай ему мизинец!

В гамме, включающей в себя все оттенки чёрного и белого, возник странного вида гуманоид с загнутым в спираль черепом и впечатляющим количеством пальцев. Он прошамкал к коробке и пронзительно возопил:

– Калёб! Ты в опасности!

– Он будет в ней, если не проснётся!

В какой–то миг я понял, что не сплю и голоса, которые звенят в ушах – это не эхо усыпленного сознания. Я вскочил, и голова естественно соприкоснулась с препятствием. Твёрдая кора вяза преподнесла моему лбу выпуклую блямбу. Перед зрачками затрепыхались золотистые мушки. Меня ухватили за ворот и бесцеремонно вытащили из лисьего гнезда. В черепе всё гудело, но меня целиком занимало другое. Я обомлел, потому как колючие, чуть

раскосые глаза Квиля Лофирндваля буравили мне темя тяжёлым взором. За спиной моего приёмного отца радостно подметал хвостом землю лабрадор по кличке Виноград. До самой своей смерти Виноград был предан мне, и я почитал его за лучшего друга...

Собака прошмыгнула между ног Квиля и спустя секунду стала вовсю лизать мои ладони.

– Я кричу тебе уже битых пять минут! – пролязгал Джейкоб.

– Видимо мне довелось слишком крепко заснуть, – прошептал я, всматриваясь в суровое лицо. Сколько я искал его? Сколько мечтал увидеть вновь? Не сосчитать тех чисел и лет. Однажды Квиль впал в подобие комы и Энигма – творческая мастерская и по совместительству дом колдуна, попросту растворилась в воздухе, оставив меня безудержно ревущего стоять у колодца с полупустым ведром.

– Тебе надо уходить отсюда. Немедленно.

– Зачем?

– Надвигается свирепая буря.

Я поглядел на затягивающееся чёрными облаками небо и неотложно вспомнил ту вакханалию молний, что терзали хрустальный свод Гамбуса в Мил’Саак. Сейчас я убедился, что тот, кто прислал мне проекцию Птикаля, а теперь и Квиля Лофирндваля – желал мне добра. Предчувствие грандиозного шторма засосало у меня под ложечкой. Я растерянно стал искать глазами место, где можно было бы укрыться.

– Там есть скала, а в ней глубокая пещера, что сбережёт твою жизнь, – продолжал Квиль, указывая серповидным посохом на северо–запад. – Садись на коня и дуй туда.

– Откуда ты знаешь, что убежище находится в той стороне?

Фантом моего приёмного отца задумчиво насупился.

– Я вижу её. Местонахождение пещеры занимает весь мой разум.

– Ты поедешь со мной?

– Нет. Мне... У меня много других дел.

Я положил руку на плечо чародея.

– Прислушайся к себе и скажи мне – кто ты?

Ветер затеребил наши капюшоны. Виноград загавкал на угольные тучи. Под начинающийся дождь брови Квиля Лофирндвалья поползли к седым волосам. Он потряс головой, а затем неожиданно расхохотался:

– Конечно, как я только сразу не заметил – ты выглядишь на тридцать с хвостиком. Я помню, как вчера твоя возня не давала мне сварить зелье, но... Это было не вчера?

– Да.

– Я не настоящий?

– Скорее всего, выражаясь вашим чокнутым научным языком – ты магически стабилизированная сущность, кем-то взятая из воспоминания Калеба, – подтвердил Джейкоб.

Квиль Лофирндваль улыбнулся в бороду.

– Не хочу выяснять, где я взаправдашний, когда ты в беде, скажу лишь одно, мальчишка, я был рад увидеть тебя возмужавшим. Мать и отец гордились бы тобой.

У меня спёрло дыхание, а на глазах навернулись слёзы. Спасибо, Вселенная, их было не видно из-за разыгравшейся мороси.

– Беги, я предвижу, что гроза совсем рядом!

Квиль хлопнул в ладош,и и Кампри сам собой бултыхнулся об землю. Призрачный конь появился спустя миг. Я вскочил в седло и сверху вниз крикнул:

– Я люблю тебя!

– И я тебя, мой мальчик!

Мой приёмный отец и Виноград рассеклись на светящиеся полосы, быстро растворившиеся в нахлынувшей полутьме.

– Юнивайн, туда, к пещере!

Всхрапнув, мой эфемерный друг ринулся в гущу оранжевых зарослей. Петляя между россыпи источенных ветрами камней и стволов заскорузлых деревьев, мы уносились от подступающего урагана. Я отвернул голову от струи холодного воздуха, чтобы поглядеть назад. Сплошная стена града, молний, листвы и обломанных веток не отставала от нас ни на шаг. Юнивайн перепрыгнул через бездонную расселину и взял вправо. Мимо моего взора промелькнули колонны, волнистым строем уводящие к руинам куполообразного здания. За развалинами последовала цветочная поляна и вновь лес. Мы обогнули загромождённый валежником холм и выскочили к иззубренной, торчащей из почвы словно гребень, невысокой горе. Не сбавляя темпа, Юнивайн поскакал вокруг каменной породы. Вот он! Арочный вход притаился под нависающим природным карнизом! Призрачный конь тоже заметил его. Совершив манёвр, он завернул к тёмному провалу, после чего остановился и влился в Кампри. Мы успели! Спасибо, дружище! Я вдохнул носом бушующую сырость. Всполохи и вспышки на небесах достигли своего апогея. Земная твердь дрожала, а гром клялся оглушить всякого, кто не найдёт себе прибежище. Под ипохондрию непогоды, я вошёл вовнутрь базальтовых сеней.

Глава 2. Фаворит Праматери

Я сконцентрировал несколько шариков Света. Алая, пурпурная и синяя сферы развеяли густую черноту. Вперёд вёл явно рукотворный проход. Молотками и зубилами были стёсаны как своды, так и стены. Подгоняемый стопами обезумевшей бури, я зашагал по искусно подогнанному булыжнику. По пути мне попадались мотки паутины и кучки вековой пыли. Разорвав очередную молочную сеть, я вышел к перекрёстку с занятым фризом. На декоративной композиции, лентой опоясывающей архитравы колонных горловин, были вырезаны пауки, плетущие свитки, и люди с повязками на глазах, водящие по ним пальцами, – видимо, читающие наощупь. Многогранность узоров и их виртуозная проработка поражали воображение. Я почесал у себя за ухом. Что бы могла значить эта «застывшая музыка»? Неужели когда-то гора была облюбована экзотическим культом, почитающим кровососущих прядильщиков? Где его последователи? Сгинули? Всеобщее запустение говорит именно об этом. Я наугад выбрал коридор и, процарапав у его края засечку (по привычке), двинулся вглубь. Дышалось легко. Где-то сверху гулял сквознячок и отдалённо завывал взбесившийся тайфун. Я поднялся по приземистым порожкам и оказался в вытянутом овальном зале. Он поражал. В интенсивном блеске магических шаров я разглядел целые полотна паутинных сетей и занавесок. Среди их бесконечных переплетений теснилась архаичная мебель и непонятные приспособления. Пройдя по истлевшему ковру, я очутился у гладкой фосфоресцирующей двери. Что за ней? Не прикасаясь ладонью к створу, я надавил Ликом Эбенового Ужаса на замочную скважину. Дверь бесшумно раскрылась. За ней меня ждало нечто экстраординарное.

Желтоватые, приплюснутые с концов коконы, ровным, почти выведенным по линейке строем, заполняли собою четырёхугольную комнату, посреди которой свисал высохший арахнид-исполин. Я заворожённо приблизился к одному из коконов. В грязноватой бреши, зияющей между тугих нитей, проглядывалась мумия с завязанными глазами. Её рот был распахнут в душераздирающем крике, а тело, перекрученное в агонии, как бы из последних сил пыталось вырваться на волю. Оторвав взор от высосанного покойника, я перевёл его на чудовище в центре. Каракурт, так мне захотелось его назвать из-за

внешней схожести с данным пауком, был в холке крупнее медведя. Неимоверно острые, загнутые клыки вылезали из отвратительной пасти не меньше, чем на фут. Коричневый пушок, не полинявший от времени, тонким слоем оплетал арахниду пятнистое брюхо и жёсткие конечности. Я присвистнул. Ну и гадина!

— Я чувствую разложение и тлен! Где мы? — прорезал тишину Джейкоб.

— В логове сдохшего насекомого переростка.

— Много костей и всё такое?

— Картина из разряда — «при жизни я был сноровистым ловцом мух».

— Речь о пауке? Они никогда мне не нравились.

— Сейчас я почему-то думаю так же.

Покинув подвешенную тварь, я, ведомый любопытством, переместился к алтарю. Его сердцевина была плотно зашторена непроглядной материей. Как интригующе! Пальцы потянули за краешек ткани. Ого! Из щели полился свет! Я одёрнул полог. На треножной подставке покоилась прозрачная ёмкость конической формы. Её нутро заполняли туманные, испускающие собственный свет лоскуты с выступающими иероглифами и абстракциями. Такого непонятного по назначению объекта я ещё не встречал.

— Парень, магия!

— Всё нормально, это я тут кое-что нашёл.

— Поподробнее объяснить не можешь?

— Я сам пока не во всём разобрался, — прошептал я, наклоняясь над артефактом.

Вдруг лоскуты всколыхнулись и хороводом заметались по дну ёмкости. Их безостановочное движение создало единый дымно-мерцающий круг. Потом круг распался и эфирные полосы, уже переливающиеся разными цветами, склеились в миниатюрную фигуру паука, держащего над головой беспрестанно перестраивающийся перламутровый знак.

– Ты что там творишь? Меня прямо–таки будоражит от напора колдовства!

– Это не...

Я не окончил фразу по вине неземного паука. Он выполз из своего мистического обиталища и швырнул в меня знаком. «Подарочек» угодил мне в переносицу и рассыпался снопом искр, а его «даритель» в то же мгновение прыгнул к арахниду и тягучей жижей втёк ему под зубастую пасть. Подумать над случившимся я не смог – стало не до того. То древнее страшилище, куда вселилась призрачная сущность, зашевелило внушающими трепет лапами. Жвала разверзлись и издали пронзительный вопль. Он был властным и призывающим. Под его силой в коконах ожили и задёргались насильственно упокоенные слепцы. Вне сомнений каракурт понукал их спешить к нему, чтобы помочь отделаться от, превратившейся в соляной столб, удерживающей верёвки.

– Что это так истошно визжит?!

– Лучше не спрашивай!

– У тебя проблемы?

– Что–то вроде того! – выкрикнул я, со всех ног драпая в коридор напротив. Тёмный ход оказался короткой перемычкой между помещениями. Лабиринты столов с растянутыми на них гобеленами паутины и плеяды низеньких шкафчиков со скатанными рулонами на полках привели меня в соседнюю галерею, некогда бывшую

подземным садом. Я опрометью пробежал по зачахшим грядкам, а затем едва ли не кубарем скатился по раздробленным порожкам вниз. В боку колело; мне хотелось оторваться от погони, которая, несомненно, шла полным ходом. Её гибельные отголоски, выражающиеся мерным перебоем восьми «прутьев» и шарканьем разложившихся стоп, звучали всё отчётливее. Ступенчатый провал продолжал вести в недра пещеры и от этого моя паника только росла. Казалось бы, что я так разволновался? Опытный некромант должен чувствовать себя в любом склепе как у себя дома, но... противник уж больно шустрый попался. Я не понаслышке знаю о ловкости и скорости гальванизированных пауков – подчинить их своей воле за тридцать секунд не получится, а вот отравиться ядом или приобрести дыру в черепе за этот промежуток времени – легче лёгкого. Куда ведёт эта бесконечная шахта?! Надо успокоиться и сконцентрировать заклинание. Перейдя с бега на размашистый шаг, я принялся подготавливать заклинание «Цепной Молнии». Спустя три пролёта в моей перчатке забрезжил аннигилирующий шар, который я переложил на Лик Эбенового Ужаса. Злоехидное навершие посоха заблестело трепыхающимися дугами. Теперь при выстреле из посоха мощь «Цепной Молнии» увеличится стократ. Держа под контролем одно чародейство, я неотложно занялся вторым, профессиональным. Опириуя тёмным ремеслом, моя рука проникла в грешную Бездну Назбразля, откуда вылушила загробную, извергающую из себя противоречие, субстанцию – её я использую на восставших слепцах. Конечно, в отличие от арахнида их можно было бы подвести под некромантическую опеку и заставить перерубить самих себя в требуху, но это долго и небезопасно – при манипуляциях меня некому будет прикрыть. Сейчас я ищу способ, как «решить уравнение», не изгаляясь. Моё нисхождение, окрашенное сыростью монолитных сводов и мысленными тревогами, прервалось в громадной естественной каверне. Над потолком горели неугасающие фонари, а вдоль красной стекольчатой дороги высились разнообразные каменные пауки. Они были так правдоподобно и самобытно содеяны, что я безотчётно разинул рот. Багряное покрытие повлекло меня сквозь жуткую толщу. Птицееды, мизгири, тарантулы, крестовики – они и множество других паукообразных были лишь преддверием к зениту ксенофобии. Дорога вильнула и вывела к статую, превышающей по

своей порочности и кошмару все прочие когда-либо виданные мною дикие постаменты. Безумный скульптор выдолбил из породы настолько бесовское отродье, что понять, где в этом богомерзком клубке сочленений арахнид, а где гомункул с inferнальными чертами, было попросту невозможно. Подле сплющенного титанического уродца, в молитвенном экстазе, застыли изваяния людей. Широко распахнутыми лазуритовыми глазами-кристаллами они взирали на зажатую в клешнях спираль.

С трудом оторвав взор от кошунственной пантомимы, я, было, хотел бежать дальше, но обнаружил, что стеклянная тропа исчезла! Свет фонарей затухал, а спираль демонического божка, наоборот, разгоралась! Вместе с тем топот преследователей уже звучал совсем рядом! Позиция! Мне нужна оборонительная позиция! Я лихорадочно завертел парящими надо мною магическими сферами. Их сияние выхватило из савана теней очертания мумий. Они неумолимо приближались ко мне, а я ещё не подыскал место, где дать им бой! Куда?! Куда!? Эгей! Годится! Птицеед, набившийся в соседи к паучьему богу, практически полностью прижался брюхом к плите. В три прыжка я очутился у него на спине. Спираль разродилась вспышкой, и тут же послышался хриплый вой мёртвого войска. Сколько тухляков было в той комнате? Двадцать? Тридцать? Придётся пересчитать «вручную»! Меня окружали, однако я нашёл в себе силы проявить хладнокровность. Первую партию доковылявших до меня мумий уложила та самая орбита из недоступных глубин Назбраэля. С безобразным чавкающим звуком она слетела с моей перчатки, шмякнулась на пол, и вслед за тем, на секунду осветив всё вокруг гнилым оранжевым всполохом, расщепила кости доброму десятку врагов. Я повернулся назад. Лик Эбенового Ужаса испустил белоснежный зигзаг. Бах! Бах! Бабах! Семь мумий стали жертвами массового заклинания.

— Ты воюешь?!

— Да!

— Пусти меня в дело!

— Позже! — выпалил я, успешно отбивая Альдбригом направленный мне в колено топор. Мой импровизированный помост быстро превращался в островок посреди бурлящего моря. Я расквасил трухлявую черепашку посохом, а другую отсек мечом, но пропустил удар в лодыжку.

— Ай!

Я едва не упал на завывающую толпу мертвецов. Под разорванной штаниной потекла кровь.

— Не сдавайся, дерись, парень!

— Я стараюсь!

— Меня вновь посетили те магические ощущения! К тебе пришла подмога!

— Где она?!

— Под тобой!

Перекрутив Альдбригом замысловатую восьмёрку, которая спасла меня минимум от пяти порезов, я брякнул Ликом Эбенового Ужаса по плечу мумии. На этом моменте моё везение закончилось. Несколько пар культишек чрезвычайно болезненно вцепились мне в голенища. Я не потерял равновесие только потому, что ткнул мечом в перемотанную глазницу. В отместку моё колено получило сокрушительный удар молотом. Падая назад, я ожидал напоротся на пику или саблю, но... вместо них приземлился в латные рукавицы! Лысая голова, вена на весь лоб, изуверские голубые глаза! О, Вселенная! Это Касиус Млут, небезосновательно прозванный за свою свирепость Яростным! Тайнственный благодетель вынул из моей памяти самого непримиримого и эффективного борца с нежитью! Великий инквизитор Иль Градо, предшественник Серэнити, досаждал мне десятки лет. Касиус ненавидел меня и мечтал прилюдно сжечь.

Однажды, когда я попал к нему в лапы основательно, Королевский Дом в лице королевы Элизабет Тёмной своим прямым приказом вытащил мою шею из петли. Сейчас, увидев Касиуса, я не знал плакать мне или смеяться. Вначале великий инквизитор разберётся с реинкарнированными трупами, а потом непременно примется за меня.

– Шаттибраль! На этот раз ты не выкрутишься!

Касиус Млут перебросил меня через себя (словно пушинку!) и попутно треснул мне локтем в челюсть. Я охнул и, поскуливая от саднящего колена и лопнувшей губы, прижался к холодному основанию тлетворного изваяния. Теперь от кровожадного сонма меня отделял непревзойдённый мастер оружия и чемпион Ураха. Даже Серэнити не с такой опалой врезалась в нечестивые ряды, как прежде этот берсеркер Касиус кромсал моё неупокоенное войско. Может быть именно поэтому в Час Икс здесь появился он, а не она? Эх, жаль, что нельзя поменять их местами!

– Привет, кудряшка! Ты пришёл дать мне адрес своего цирюльника?

– Язви, сколько влезет, чернокнижник! На суде ты запоёшь иначе!

Великий инквизитор шарахнул топором по торсу мумии, с ноги перебил тянущуюся к нему руку, пригнулся и совершил круговое движение носком сапога! Удачная подсечка дополнилась многочисленными ратными комбо и магической атакой из стальной ладони – фонтан пульсирующего синего пожара срезал последнюю пятёрку сипящих нечеловеческими голосами слепцов. Всю победоносную схватку я тужился выдавить из себя заклинания «Огня» и заодно сообразить – где мой главный соперник? Где реанимированный арахнид?

– Отец Всемогуций! Тьма пожирает Тьму! – заорал Касиус Млут, метнувшись вбок.

В перчатке зарделась капелька пламени – уже не так кисло! Привстав на здоровую ногу, я выглянул из-за скульптуры и опять удивился. Причиной, по которой каракурт всё ещё не добрался до меня, был Марципан! Мой верный командующий форта Нави схлестнулся с монстром кривым ятаганом! Хищные жвала остервенело щелкали перед чёрным шлемом, бронированные лапищи со звоном скрещивались со щитом, а заговорённый булат метил в ссохшиеся, но аномально сверкающие медью зрачки. Вероятно, паук собирался подобраться ко мне с тыла, однако зомби, материализовавшийся поблизости, смешал ему все планы. В драке оба оппонента проявляли завидное проворство и военную сноровку. Кто же из них одержит верх? Правильно – никто. Подобно разъярённому быку Касиус ворвался в молчаливое противостояние. С рычанием, восхваляющим Всеотца, он жажнул топором по панцирю арахнида, стремительно извернулся из-под ответного наскока и пресёк финт Марципана. Выверенной комбинацией, состоящей из колдовских палящих пассивов и ударов рубила, великий инквизитор, не забывая о парировании с фланга, прижал омерзительного каракурта к его искусственному собрату. Бац! Бац! Блок! Бац! Бац! Уловка белым плащом, приткий выверт топором и оглушительно-едкий, сдобренный благословением небес, световой ремиз. Штурм великого инквизитора увенчался успехом. Распаханный от горловины до раздутого брюха паук, заливаясь ошалелой трелью, сплясал свой последний конвульсивный танец и одеревенел навсегда.

– Спасибо, волосатик, теперь можешь проваливать!

Прикончив злокозненного каракурта, Касиус Млут свёл топорище с ятаганом.

– Ну, уж нет! Без тебя, Шаттибраль, я никуда не уйду!

– Разбежался!

В надежде защитить себя и зомби от неминуемой расправы, я метнул шар «Огня». Он опалил оттопыренное ухо и долбанул в сталактит. Касиус даже не зажмурился! Его сморщенная некрасивая

физиономия была искажена полоумной экзальтацией. Он неуклонно теснил Марципана, и распоротый бицепс его ничуть не смущал. Командующий Нави, в прошлом бывалый солдат, под влиянием моих эзотерических ритуалов, усовершенствовался и стал превосходным воином. Конечно, сейчас Касиус жал его нещадно, впрочем, не без труда. Клинки сходились и расходились, а я безотлагательно сосредотачивал стихийный коктейль.

– Кто выигрывает? – осведомился Джейкоб.

– Пока счёт не в нашу пользу! – гаркнул я, высвобождая каустический цветной заряд из Лика Эбенового Ужаса.

Опять мимо! Да что ты делать будешь! Благополучно увернувшись от кипящего комка, великий инквизитор, что есть мочи, ударил по щиту ногой. Зомби накренился и отчаянным трюком, типичным для его вида оружия, пропорол Касиусу икру. Воздух сотрясла ругань едва ли присущая служителю храма.

– Ого! Отличное четверостишие!

– Джейкоб, молю, уймись!

Пораненный Касиус пошатнулся и Марципан тут же воспользовался этим обстоятельством. Ломанувшись вперёд, он взметнул ятаган под углом, метя в селезёнку. Великий инквизитор ожидал этого. Его слабость, как оказалось, была мнимой. Касиус отшиб хитрый тычок, стремглав перегруппировался и применил первоклассный магическо–тактический приём. Ложно взмахнув топором, он перекинул его в другую руку. Намереваясь отразить штурм с нового края, Марципан немного сместился, и этот нюанс стал его гибелью – неожиданно в пустой руке великого инквизитора возник второй топор, который свистнул и, пройдя в прореху между ятаганом и щитом, гильотинировал синюшную шею. Рассечённый на неравные куски зомби опал на землю грудой доспехов.

– Всякая гниль да падёт под святой яростью Ураха!

– Ух, как самозабвенно это было прогорланено! Акцент, слог, сама интонация! Меня аж мурашки пробрали! Брр!

– Варварский ор Касиуса – вещь сугубо устрашающая!

– Отрадно, что он тебе друг!

– Только с приставкой «не»!

– Недруг?

– В яблочко, ржавое лезвие!

– Вот как? Значит ты опять в затруднительном положении?

– Более чем!

Прихрамывая, Касиус Млут направился ко мне.

– Принимай поздравления, Шаттибраль. Я решил не утомлять Всеотца формальностями бумажной волокиты и произвести твоё судилище вдогон к тому, что уже свершил над слугами Назбраэля!

– Прости, Касиус, когда из той проймы, что тебе заменяет рот, вылетают столь детские угрозы, мне хочется хохотать!

– Неужели? Скоро твой смех подменится хныканьем, голосистыми раскаяниями и выпрашиваниями сию секундной смерти. Ты обратишься в тромбон, что моей по команде будет воспроизводить ноты заслуженно страдающей плоти. До, ре, ми, фа, со, ля, си – из них, зубодробительных и отчаянных, я воспроизведу музыку растоптанного грехопадения!

– Сразу видно – к запугиваниям человек подходит со всей серьёзностью. Не обижайся, но его мрачная увертюра фанатично–жестокости ласкает мне слух неизнеженными виньетками!

– Психическое расстройство – красноречию не помеха, – проворчал я, внимательно наблюдая за ковылянием Касиуса. Его голубые глаза–угли, втягивающие неистовство через апокалиптическую вену, неотрывно буравили мне темя. Амулет Ураха трепыхался поверх разорванной ризы. Футы съедали расстояние, а пульс изнашивал моё сердце. Отнимающаяся нога и стресс лишили меня чародействотворения, и теперь баталия обещала стать занятой, но, по всей видимости, короткой. Хотя... Почему это я настраиваюсь на проигрыш? Ему не бывать! Опираясь на Лик Эбенового Ужаса как на клюку, я поднял Альдбриг на уровень пояса. Потанцуем! В сумерках лиходейской, испещрённой идолами каверны застонала текущая сталь. От того, что Касиус Млут, как и Грешем, – амбидекстер (в правой и левой руке клинком машет одинаково чётко и без помарок), моя оборона с первых же секунд подверглась суровому испытанию. Топоры ударились о меч и посох крест–накрест, прошли по касательной и, не расцепляясь, вывернули мне руки вверх. Вовремя сориентировавшись, почти интуитивно, я вернул запястья в прежнее положение, чтобы принять новый шквал ударов. Быстрые и едва уловимые секирные махи с мифической безошибочностью выискивали мои самые плохо прикрытые места. Металлический па–де–катр Касиуса всецело подчинил меня своему ритму, контратаковать не было никакой возможности. Постепенно, шаг за шагом, я отпачивался к балюстраде, окаймляющей мерзко хмыкающего тарантула. Когда я прижмусь спиной к сочащемуся влагой камню, великий инквизитор перетрёт меня в крупу. Ножные раны установили правила смертельного дебюта, однако Касиус, более травмированный, но несравненно лучший знаток арсенальных премудростей, выявил в этом своё преимущество. Синхронно сведя волшебные топоры с Альдбригом, он, отдавая бедро в жертву игольчатой окончности Лика Эбенового Ужаса, выбил меч и, швырнув меня подсечкой наземь, прорезал лезвием мою грудь. Уже на холодной плите я, истекая кровью, толкнул середину посоха с оружием Касиуса. В отличии от Ночи Всех Усопших, разломившегося напополам под гнётом одного плешивого жреца в соборе Эльпота, Лик Эбенового Ужаса переносил столь негуманное отношение вполне покладисто. Великий инквизитор почувствовал, что победа близка и от этого, потеряв бдительность,

продолжал давить. А зря. Молниеносно оторвав кисть от посоха, я, выхватил с ремня кинжал и, напрягая все мышцы руки, вонзил его Касиусу в живот.

– Лысая башка, получи исподтишка!

Великий инквизитор закачался, топоры со звоном опали, а голубые глаза недоумённо заплыли под веки.

– Нет... Ты... Меня... – отрывисто захрипел он наполняющимся краснотой ртом.

– Убил, – не менее ослабленно пролепетал я. – Прощай, длинноволоска...

Спустя минуту, обессиленно привалившись к рунической платформе, я не без удовольствия проследил весь процесс фантомного развоплощения. Распростёртый пузом к низу Касиус и лежащий поодаль от него Марципан, засеребрились десятками набухших пупырышек, а затем лаконично, даже как-то робко, рассосались в сыром воздухе хлопущей искр. Я истощённо вздохнул. Сознание затуманивалось, боль снесла мне тело, и жизнь не собиралась задерживаться в нём надолго.

– Парень! Ты как?

– Джейкоб... похоже... ты тут... застрянешь...

– Что? Ты совсем плох? Оцени своё состояние по десятибалльной шкале.

– Десять... из... десяти...

– Скверно... Эй! Снова магия!

– Да? Разберись с ней... без меня.

Я закрыл глаза. Мне не хотелось смотреть на того, кто завершит дело Касиуса. О, Вселенная, как же нынче муторно умирать... Пальцы. Сухие и явно тонкие, они заводили по моей изнывающей груди. Свежесть стянула мне пылающие лёгкие морозной плёнкой. Последующий за этим рвотный кашель и тремор выволок меня в пелену безвременья. В ней, в нездоровой и хлипкой грёзе, мне привиделось лицо столь заботливое и отлучённое годами, что у порога, хранимого в Гамбусе Привратником, я не мог не насладиться его видом. Рыжие волосы, выдающиеся губы, фиалковые озёра над изящным носом... Лорина... Та самая колдунья... Она единственная поддерживала меня на экзамене в Магика Элептерум, а когда я с треском провалился на нём, дала мне неприкрашенное, искренне-доброе напутствие, которое стало моим кредо, и книгу «Прикладная магия. От новичка до мастера». В тот день Лорина, с которой я проговорил от силы всего-то пять минут, запала мне в душу и укрепилась в ней оплотом добродетели. Не знаю, почему так вышло. Наверное, тогда, впитав в себя бескорыстную ласку и внимание, я просто почувствовал её схожесть с мамой, которая очень меня любила ... В пёстром, животрепещущем сне, сляпанном из акустических колебаний и вогнутых эскизов, моё естество раскололось на две половинки. Ими, невидимками, я пребывал в жуткой глиптотеке, где меня иссёк Касиус, и параллельно с этим, метался по чудесным паркам с античными деревьями и залам, что познали красоту колонн и петроглифов. Как в мертвенном застое, так и путешествии по неведомым закоулкам, я обнаруживал рядом присутствие той колдуньи, ставшей мне проводником через Мир Теней и Духов. Она ворожила надо мной и тихо напевала мягким голосом древние рифмы могущества, таящие в себе бесконечный альтруизм и целительную силу.

Рождение – смерть, путь только один

Дало нам его Мирозданье.

Но все же Судьбы ты своей господин

И рано бросаться в скитанье.

По звёздам и весям успеешь пройти,

На то будет целая Вечность.

С загробного мира пытайся сойти.

Отстаивай свою вещность!

Пусть мысли и чувства тебя поведут

Обратно к добру и стараниям!

Дороги увьются и не пропадут

Послужишь ты злу наказаньем...

Я обновлялся. Кожа срасталась. Шрамы изглаживались и пропадали насовсем. Теперь мне дышалось как прежде – легко и без излома. С каждой строчкой, с каждым услышанным словом я всё больше хотел проснуться. Наговор всё длился и длился, пока не достиг своего наивысшего побуждающего аккорда, который прозвучал так:

Любовью Вселенской, что сердце полно,

Не должно Случайностью быть сожжено!

Я глубоко, как никогда раньше, вдохнул в себя воздух. Фиалковые глаза. Я их вижу. Наяву. Облачённая в бирюзовый плащ с фибулой в виде разложенного шатра, Лорина сидела передо мной на коленях и тепло улыбалась. Разъедающие спазмы, что царили во мне так недавно, уняли свои безжалостные тиски – боль ушла, уступив место слезам. И я плакал не потому, что глубокие и явно роковые увечья исчезли, колдунья – вот из-за кого мои эмоции полились через край. Я прижался к её атласной блузке и крепко-крепко обнял. В ответ мне на волосы опустилась ладонь.

– Долговязый юноша, ты стал таким взрослым.

– Если бы Вы только знали, как я тосковал по Вам!

– Но я никогда не покидала тебя.

– Никогда?

– Я – порождение твоей памяти.

Я отстранился, чтобы посмотреть на старую колдунью.

– Значит Вы... Вам ведомо, что Вы...

– Я – Лорина и вместе с тем, я – не она.

– Кто Вас послал ко мне?

– Меня никто не посылал. В отличие от других, тех, кого ты называешь фантомами, я, услышав твой отчаянный зов, пришла сама.

На меня вновь нахлынул вертеп обрывочных картин. Горьковато–халцедоновые и янтарно–аметистовые этюды, что были нарисованы Лориной в минувшем мороке, обретали во мне свою истинную суть. Из чистой энергии и флюидов, что черпаются из безымянных источников, древних как само Время, колдунья, погрузив меня в чуткое полузабытьё, свершила эзотерический акт, который подобно магии Света заживил мои разрубы.

– Без Вас бы я погиб...

Лорина загадочно покачала головой.

– Ты – сын Вселенной, Калев, и твои трудности, как Матери, хорошо известны Ей. Она провидела, что ждёт тебя и, в лазеечке, отделяющей Мир Света от Мира Тьмы, показала мне, прибывающей в

небезразличной нетленности, каким образом можно попасть в Зрячую Крипту, чтобы откинуть заведённую над тобою косу Смерти.

Я улыбнулся и отёр мокрые щёки.

– Значит Вселенная... Со мной?

– Ближе, чем ты думаешь, Калёб.

– Стало быть, я ещё пригожусь ей...

– Не зацкливайся на этом. Живи и радуйся каждому дню.

Мягко зарозовевшись, колдунья наклонилась и поцеловала меня в лоб.

– Мне пора. Береги себя, Калёб, и помни...

Лорина развоплотилась.

– Добро всему Основа, – прошептал я, уловив последние отзвуки милого голоса.

Подобрав Лик Эбенового Ужаса, кинжал (Джейкоба), сумку и Альдбриг, я, уже ничего не страшась, твёрдо зашагал по опять проявившейся стекольной тропе. Оставив позади отёчного арахнида с безобразной спиралью в лапах и кучу его застывших родственников, я добрался до арочного хода, ведущего лестницей вверх. Порожки, запруженные паучьими сетями и крошечным осыпавшегося гранита, провели меня по искусственному стволу и вывели к обветшалой двери. Я пихнул её и оказался в зале с рядом скамеечек. На ветхих знамёнах, свисающих с потолка, уже было не разобрать гербов. Изъеденные молью гобелены, занавешивающие все стены, размыкались у приступочка, за которым крылась новая дверь, более массивная и прочная. Из замочной скважины задувал ветер и лился свет. Там выход из Зрячей Крипты!

Потянув за резное кольцо, я отворил створ и подставил лицо занимающемуся солнцу. Перемычка–мостик, раскинувшийся над обрывом, перевёл меня на башню, предоставившую на обозрение потрясающую осеннюю перспективу. От вершины горы, на которой я находился, расходилось оранжевое море леса, увенчанное куполом синего, абсолютно безоблачного неба. О том, что шторм мне не привиделся, говорили переломленные кроны и выкорчеванные у подножья деревья. Безутешный птичий щебет не умолкал ни на секунду. Конечно, теперь придется заново вить гнёзда! Раздумывая над событиями, что произошли со мной после встречи с Птикалем, я отрешённо водил глазами по ландшафту. Кто всё–таки подсылает мне фантомов? Они возникают для подсказки или действия... Я считал, что их появления несут только помощь, но, видимо, ошибся. Касиус раскидал нежить, однако потом не пропал и пустил свой гнев на меня. Он мог стоять мне жизни... Лорина... Ради того, чтобы увидеть её снова, я готов ещё раз подставить грудь для удара. А мама? Папа? Вдруг в дальнейшем они тоже придут ко мне? Сердце заколотилось. Пусть они будут... не теми, но... Я сжал перила. Нет, их неприменный уход доставит мне лишь страдания.

– Почему ты скрежещешь зубами? У тебя воспалились десны?

– Нет, они в норме. Странно, что ты молчал больше двух часов.

– Я решил дать тебе побыть наедине с собой.

– Очень мило с твоей стороны.

– На будущее: когда у тебя появятся дети – прививай им воспитание с младых ногтей. Оно потом, правда не сразу, проявит себя.

– Это ты так завуалированно сейчас подметил свою деликатность?

– Лучше скажи – мы выбрались из могильника?

– Да, пару минут назад.

– Что вокруг?

– Чаща и... погоди.

– Ну? Что?

– На горизонте какая-то фортификация.

– Детали?

Сузив глаза, я потянулся взором к крошечному строению.

– Не разобрать, очень далеко.

– Сдаётся мне, парень, это то, что ты ищешь.

– Думаешь там Отражатель?

– Необязательно, но там могут быть подсказки, указывающие на то, где он.

– Мне почему-то тоже так кажется.

– Тогда по коням!

Вызывать Юнивайна на башне я не стал – для него площадка была бы слишком тесной. Ещё немножко поглядев на искрящуюся под небесной голубизной точку сооружения, я, парадоксально не обременённый усталостью (подозреваю, что из-за магии Лорины), запорхал по пролётам вниз. Порожки совершили полных восемь оборотов и распрощались со мной у раскуроченного циркульного проёма. Остатки крепких ворот, оплавленных либо заклинанием, либо чем-то подобным, уже как тысячелетия предоставляли дом лишайникам и мхам. Среди взнузданных корней деревьев и поваленных стволов прослеживалась бугристая линия. Я поковырял её Ликом Эбенового Ужаса. Булыжник. И если полагаться на природные

ориентиры, он стелется на восток. Я стянул перчатку и вынул из сумки Кампри. Золотой орех с сапфировыми лепестками приятно охлаждал ладонь. Сомкнув пальцы посильнее, я метнул его о влажную землю.

Как и прежде, Кампри не долетел до неё, а завис в футе–двух над муравейником. Драгоценные заслонки завибрировали, но не раскрылись. Я озадаченно почесал затылок. В чём дело? Может я тревожил Юнивайна слишком часто, и он должен отдохнуть? Или у него, такое вполне допустимо, имеются свои заботы? Я подобрал орех, соорудил сам себе огорошенную гримасу и, пристально карауля взглядом изгибы тропы, устремился вглубь высокоствольника. Изредка перекидываясь с Джейкобом пустопорожними репликами и наматывая при этом милю за милей, я не уследил, как вечер с невестой–луной затеяли звёздный вернисаж. Под треньканье цикад, полёты мотыльков и таинственный шорох бурелома, ночь усыпляла одних и пробуждала других. Я относился к первой категории. Присев на смятую траву, я напился из сызнава увесистой фляги (мой поклон попавшемуся родничку) и стал готовиться ко сну. Хищные звери, такие как кабаны, волки и медведи после чего–то жуткого, а в данном случае это был опустошительный вихрь, стараются не показывать носа из укрытия хотя бы пару дней, поэтому они меня не беспокоят. Впрочем, опасности разные бывают... В конце концов, Альдбриг из ножен вынимается быстро, а случись сюда заявиться «необычным гостям», Джейкоб тут же даст мне об этом знать. Устраиваясь поудобнее, я потихоньку погружался в туманную завесу, порождённую охотно остывающим воздухом. Вообще мне нравится дымная пелена с её визионерной основой и сопричастностью к мистике, однако ныне в ней заколебались огоньки. Источно–жёлтые, газовые глобулы света манили меня пойти за ними. Поражённый скоростью нахлынувшего марева и несколько сбитый столку волшебными перемигиваниями, я сразу взялся за концентрацию заклинания. Вооружившись переливчатым «Ледяным Болидом» и с мечом наперевес, я, не дожидаясь плутовского удара из непроглядной завесы, уверенно двинулся к вихляющим огонькам.

Серебристый дым окутывал всё плотнее. Через десяток шагов я уже не видел ничего кроме тех ирреальных светящихся глобул.

Содрогаясь в пульсации, они подплывали то ближе, то почти пропадали за границей различимого. Постепенно меня охватывала ажитация и чувство, что вся эта хмарь есть прелюдия к чему-то пребывающему за рамками леса и времени. Однако взволнованность, как бы абсурдно это ни было, распаляла во мне не страх, но отраду. Только суровый жизненный опыт не позволял мне сбросить заклинание и вернуть Альдбриг на место. Пахнущие гумусом и дождём глобулы болтались уже практически подле меня. Их шафранная люминесценция отдавала волнами благожелательности и расположенности. Туман сходил на нет, а вместе с ним рассасывались и газовые фонарики-поводыри. Просека расширялась, деформировалась и приобретала цивилизованный вид. У колеи, тут и там, цвели ромашки, пионы и хризантемы. Огибая пригорок, я уже знал, что будет за ним, и от того мчался чуть ли не бегом. Флюгер с залихватским петушком, печная труба, весело пыхающая снопами жара, свет в оконцах и недоделанные качели у сарая... Таким я помнил родительский дом.

– Парень, ты топаешь к магическому сосредоточению!

– Фантомов ощущаешь?

– В нём? Нет.

– Досадно...

Распустив волшбу, я остановился у резного крыльца. За овальным скосом отлакированных брёвен, по правую руку, цвёл чудесный палисадник, а дальше, у беседки, был разбит огород. Невысокий заборчик опоясывал хлев и прилегающую к нему оранжерею. В ней мама выращивала для меня раннюю клубнику.

Медная колотушка на двери притянула мои пальцы к себе. Тук–тук–тук. Сглотнув ставшую комом в горле слюну, я нерешительно замер. Тишина. А чего я ожидал? Не ожидал, но надеялся... Я повернул ручку до упора и переступил порог. Гостиная была точно такой, как в моём детстве – сиреневые занавески в лисичках, широкий

обеденный стол с тремя большими стульями и одним махоньким, альков за перегородкой, в нём кровать, а рядом другая, поменьше. Узорчатый ковёр звал меня в комнатушку с бежевыми обоями. На низенькой тумбочке лежала пряжа и недовязанный свитер, напротив – два шкафа с книгами, в углу, предшествующему зажжённому канделябру и дивану, приютился каталка–конь и парочка игрушек из ваты. Я опустил на мягкий пуфик и взял в руки Медка. На потрёпанной, дружелюбно–родной мордочке плюшевого мишки расплылась улыбка–ниточка. Разгладив складочки за ушами, я потрепал ему нос–пуговку. Мой ты милый, сколько безобидных шалостей мы с тобой совершили? Сколько ночей скоротали вместе? Незатейливые мечты уводили нас в сказочные страны, где степенные вороны и кроткие зайцы жили в гармонии и дружбе с хмурыми сычами и толстыми белками. Куда канули наши фарфоровые замки? Обо что разбились их серебряные минареты и купола? О две гробовые доски... Мама! Папа! Даже умерев и воскреснув, я не позабыл и не позабуду вашу... вашу... Вы и сами всё знаете...

Прижав Медка к себе, я притянул со спинки кресла объёмистое покрывало. Аромат полыни... Под колыбельное шатание свечного пламени и всеобщую атмосферу уюта, мне не составило труда соскользнуть в реалистичное и очень необычное сновидение. То место, что мой разум избрал для передышки, было уже знакомо мне. Зрячая Крипта, название коей Лорина выудила из полустёртой таблички, мельком прочитанной мною в холле горы, более не пустовала. Десятки людей в балахонах и глазных повязках составляли мою торжественную процессию. Их мерное песнопение и барабанный ритм, доносящийся из скрытых ниш, подсудобливали моменту подобающий апломб. Задрапированные чёрным бархатом и окантованные склепным золотом панели, что полукругом вились по потолку, только усиливали производимый эффект мрачности и тайны. Освещение, повинувшись гнетущему хору и ритму барабанных палочек, плодило демонические тени, уходящие длиннополыми рваными фалдами за углы и повороты. По мере того, как я проходил сквозь удушливые залы, моя свита разрасталась, а звуковое дефилирование, вбиравшее в себя гул заунывных органов, кичилось октавами гнетущей панихиды. Когда из полутьмы нефа, в который я спустился по винтовой лестнице, выплыл

куций алтарь, исклёванный рунами и кривыми символами, ритуальный шум грянул так, что со сводов посыпалась вековечная пыль. Дрожа всем телом, я встал в круг восьми факелов, подвешенных за паутинные тросы. Колдовское пламя было направленно строго в центр алтаря, на блюдо, где распластался уродливый арахнид. Именно он распространял столь едкое зловоние и, кажется, саму мглу. В его бородавчатых лапках с пятнами облезшего хитина, без устали мусолился белёсый моток... Что? Я сплю или бодрствую? Всё так предметно и так осязаемо... Из утробы лиходейского создания что-то забулькало и затрещало. Мало-помалу его невнятное «чмыканье» и скороговорное «прешепетывание» становилось понятным для восприятия.

– Ты не наш, ты не «видящий», ты не «шелкопрядный», ты не тот, но ты приглянулся нашей Праматери. Испытание было предопределено не тебе, однако Урочный» давно сгинул, а ты получил «отметку». Теперь, докажи, что достоин Её. Преодолей препятствия Испытания, срази Укулукулуну в Анкарахаде и предстань перед Непрерывающей Плести Тенета Рифф.

– О чём ты говоришь? – спросил я, передёргиваясь от омерзения.

– Ты узнаешь, ты постигнешь, если только Укулукулун не сломает, не задушит и не высосет тебя раньше, чем это произойдёт.

– Что?

Вместо ответа арахнид затеребил моток более резво, даже с некоторым остервенением. Его, безусловно, сакраментальное копошение имело надо мной действие. Оно изымало из меня нечто инородное. Над переносицей жутко сдавило, из ноздрей пошла кровь и, по-моему, я закричал, когда увидел, как вместе с ней сочится грязно-меловая масса, сама собой окатывающаяся на паучьем блюде в подобие продолговатой шкатулки. Словно под гипнозом я наблюдал, как выравниваются податливые стеночки и выстилается сетевой узор на крышке. Тёмные, с болотным отливом иероглифы дурного толка выкликивали на тальковой окантовке невообразимые письмена,

непостижимая древность которых чувствовалась в каждой завитке. Замочная скважина, сформовавшаяся последней, предполагала наличие ключа. Арахнид выкопал его из своего мотка. Он был торфяным и обладал фасетчатой структурой. Не понимаю, зачем и почему, я принял ключ и шкатулку в руки.

— Эта шкатулка — Путаница — дверь Рифф. Путаница откроет для тебя путь в Анкарахаду после трёх поворотов.

— Я не буду ничего крутить.

— Тогда Укулукулун станет сводить тебя с ума и склонять к самоубийству.

— Кто он и зачем ему это?

Я заметил, что бесовский рефрен и перебой барабанов практически стихли. Неф светлел, а люди вокруг, покачивая плечами, как бы таяли и воском оседали на старинные плиты.

— Укулукулун — архонт Дома Шелка, Укулукулун — король Анкарахады и слуга нашей искусительницы Рифф. Праматерь, наша Мракоплетущая Рифф имеет на тебя планы. Укулукулун боится потерять место подле Неё. Срази его пока в силах, победи его, пока он не добрался до тебя первым!

В сонном стенании я вдруг осознал, что шкатулка прислушивается к разговору. Сейчас она показалась мне живой и до безумия страшной. Орнамент на её чужеродном материале как-то покосился в сторону. Угловато и извращённо, он со всей злобой тянулся к моим пальцам. Я хотел бросить Путаницу в гадкого арахнида, но она прилипла к ладони! Из замочной скважины затрепетал смрадный дым. Его синюшные струйки змеями поползли по моему запястью.

— Парень! Тут вот-вот всё шарахнет в бездну!

Я панически оглянулся на стекающие в пространство декорации. Гобелены волнами уходили в пол, тумбы вгибались в себя, а разлапистые лавки–лари, в достатке населяющие залу, разрезались на бесчисленное множество светящихся чёрточек.

– Джейкоб!

– Удирай из этой кабалы!

Мои сапоги прилипли к половику и не желали двигаться. Тогда как Зрячая Крипта стиралась о грани нестерпимо белого света, паук и шкатулка набирали реалистичности и колорита. Тошнотворный туман Путаницы уже доставал мне до локтя! Его ядовитость разъедала одежду и плоть. Я костенел.

– Я не могу пошевелиться!

– Ты спишь! Это всё понарошку!

Однако боль была самой, что ни на есть настоящей! Мышцы, вплоть до грудины и спины, изнывали в мучениях. Левая рука не слушалась, а правая превратилась в сгусток агонии. Я запаниковал ещё больше, когда паук раззявил жвала и приготовился к прыжку.

– Изиди, тварь!

– Дороги назад нет, ты «Отмеченный». Праматерь спеленала для вас с Укулукулуном Паутину. Либо ты, либо тебя! Выбирай! Не затягивай!

Арахнид спружинил. Бородавочные лапы вцепились в изуверские выщерблены Путаницы. Два клычка с треском вонзились в крышку. Под дикий вой, центром которого была шкатулка, мычание развоплощающихся лицедеев, барабанную перебранку и туманный шелест, я, угнетённый звуком и блеском, сиганул в пучину обесцвечивающегося коловорота...

– Парень! Парень! Проснись!

Я часто заморгал, не понимая, что происходит. Покрывало, уволочив с собой Медка, слезло на колени. Плюшевый ротик улыбался, а я, как кривое отражение его, опускал уголки губ книзу. Что происходит в этом чокнутом Гамбусе?! Охапка несуразностей раздувается со скоростью ошпаренной блохи. Я всегда придавал значение снам, но это фантастическое, как ни расцени, умопомрачение побило все рекорды натуральности! Надо же... Я поглядел на руку – ни шкатулки, ни ключа, но... Я по-прежнему нахожусь в родительском доме. Мною развлекаются, и желающих вступить в забаву только прибывает. Мне необходимо спокойно подумать, осмыслить...

– Парень! Эй!

– Ну и ночка...

– Ты кричал как резанный.

– Правда?

– Да. Про Анкарахад, Укулукулуна, Испытание и всяких пауков.

– Они мне снились.

– Я почувствовал, как в дрёме тобою овладела магия, но не та, что окружает тебя сейчас.

– Другая?

– Сильно другая. От неё веяло смертью и чем-то, как бы это сказать, липким.

– Значит, не привиделось...

– Что?

– Если учуешь её вновь – буди меня.

– Да не вопрос.

Отирая рукавом вспотевший за ночь лоб, я принялся. Не может быть... с кухни идёт аромат сдобы! Запахи – хранители ассоциаций. Бывает раньше, идёшь, уловишь с пригорка пряную лавандовую нотку, и в памяти нежданно–негаданно всплывает поле, усеянное цветами, Виноград, с лаем несущийся вдоль каёмки дороги, и ведёрко окуней, пойманных на речке. Под влиянием невидимых глазу поветрий, образы, что сохранила молодость, могут подобно деликатному котику потрогать лапкой шнурок прошлого, а бывает, что иначе, ливнем обрушиться на незащищённую зонтиком голову. И чем старше ты становишься, тем больше власти имеют над тобой отголоски временной петли. Погружая в радость или ниспровергая в уныние, они, зрительной кавалькадой, возвращают тебя в ту пору, что осталась нетронутой лишь для одного тебя. Этим утром, под крышей уже несуществующего и вместе с тем вечного дома, я заново проникся потерявшимися корнями в веках впечатлениями моего детства. Подбиваемый слепой надеждой, я с Медком подмышкой влетел на кухню. На печном шестке, в керамическом блюде, громоздились пирожки, а рядышком с ними заварник, полный кипятка, нарезка сыра и кувшин молока. В раскрытое окно, через едва шелестящие шторы, заглядывало осеннее солнце.

Я облокотился ладонями об подоконник и вздохнул. Я ждал её, да ждал, свою маму... Я зажмурился и представил, что она не умерла, а просто ушла в сад, чтобы потом вернуться... Мне так бы этого хотелось! Отстранившись от нетленной панорамы (подозреваю, такой её мои глаза запечатлели столетия назад), я сложил еду на поднос и отнёс в гостиную. Я даже не удивился, когда увидел приготовленную к завтраку тарелку и столовые приборы. Только расположены они были неправильно – мне подойдёт место папы, а не моё маленькое. Садясь на стул отца, я с грустью думал о бессмысленности происходящего и свалившихся на меня проблемах. Рука потянулась к печёной горке. Ох, как же вкусно! С капустой и яйцом! Этот пирожок – самое чудесное, что мне довелось съесть в новой жизни! Я усмехнулся –

следовательно, с печёнкой мне понравится и того пуще! Вот и он, я узнал его по поддурманенному бочку! Восхитительно! Позабытое лакомство стряхнуло с меня саван нахлынувшей хандры.

Но миг умиротворения, увы, длился недолго. Прихлёбывая из кружки облепиховый чай, я наткнулся глазами на ковёр, что скрывал под собою погреб. И сразу мягкая булочка в горле обернулась непроходимым камнем, а на ресницах проступили слёзы. Там, в сыроватом помещении, где моя семья по зиме хранила картофель, мне довелось услышать последний возглас мамы и глухой удар – то, как она упала на пол. Во время путешествия по Железному Пути Серэнити вынула из меня видения тех кошмарных дней, слившихся воедино вплоть до похорон родителей подле Энигмы. Однако вскрик... Его Великий инквизитор забыла изъять. Я всё смотрел и смотрел на незамысловато вытканную лужайку, а кулаки между тем стискивали скатерть и крутили её по столу. В ушах стоял многократно повторяющийся хлопок смерти. Не в силах этого выносить, я взревел, словно зверь и, опрокинув поднос, бросился вон из иллюзорного дома, что навсегда отпечатался во мне нестираемым пятном порушенного счастья. Пароксизм рвал меня на части, я рыдал и не задумывался, куда несут меня ноги. Сникшие заросли бурьяна, ветки близко растущих деревьев, коряги и лиственные насыпи не могли остановить моего горячего бега. Я нёсся, пока лёгкие не загорелись огнём, грозящим выжечь мне нутро дотла. Скованный спазмами икроножных мышц, я завалился на прелую траву и залился диким, надсадным воем. Зачем мне надо было его увидеть?! Зачем?! Ненавижу! Ненавижу!

– Что с тобой случилось, человек? У тебя что-то болит? Почему ты мечешься?

Колючка опасности вызволила меня из чёрного забытья и помогла воспринять тот факт, что со мной говорит не Джейкоб. Я не вникнул, что конкретно было произнесено, и мозг дал трактовку нужную мне в данную секунду. Чудно! Рядом враги! Они позволят моей душе выместить ярость, что терзает её подобно раскалённому колесу! В критические моменты, особенно в припадке гнева, энергия может сконцентрироваться во мне без надлежащего позыва и умственного

усилия. Когда так происходит, чаще всего она принимает элементарный вид – становясь шаром «Огня» или дугой «Молнии», но изредка в моих перчатках начинает закручиваться нечто такое странное, что даже к тёмному искусству это сложно отнести. Лёжа лицом в оранжевом ворохе, созданном листопадом, я ощутил, как доселе владеющее мною бешенство перетекло в магический заряд. С быстротой кобры я перевернулся на спину, единым махом поднялся и кинул не глядя, однако точно зная, что в верном направлении, кроваво–сизый, испепеляющий воздух едкими парами, сгусток.

– Так тебе, злодей! – истошно заорал я, выпучивая зрачки вслед волшебнo–шипящему ареолу.

Врезавшись в скалу, за которую как мне почудилась, метнулась тень, моё произвольное колдовство расщепило часть камня.

– Внешность обманчива! Я вовсе не злодей! – просвистело откуда–то из–за деревьев.

– Джейкоб, что там у нас? Фантом? – спросил я, немного успокоившись, впрочем, вынимая меч и зорко осматривая вездесущие кущи.

– Ничего подобного. Почему ты надрывал глотку целых пятнадцать минут? Оса укусила?

– Кое–кто покрупнее, – отозвался я, продвигаясь вперёд и раздвигая заросли Альдбригом.

– Пчела?

– Не совсем.

– Шмель?

– Паук! – выдохнул я, найдя того кто, скорее всего, едва не попал под мой скворчащий болид. Я отпрянул, а с ремня и кустов

одновременно раздалось:

– Он пустил в тебя яд?

– Нет необходимости бросаться в меня гроздьями пламени!

За обветшалыми папоротниками, у влажной базальтовой стенки, поджал под себя восемь лап гигантский – в два раза превышающий размером Снурфа или Мурчика, старый–престарый, синий арахнид.

– Он разговаривает?

– Представь, прямо как ты, – сказал я, прижимая меч к колену и приподнимая посох вверх. В глазницах Лика Эбенового Ужаса задёргались красные точки дезинтеграции.

– Я не ядовитый!

– В таких огромных клыках– и нет яда? Не верю!

Арахнид вжался в растрескавшуюся породу.

– Я питаюсь цветами!

– Хорошо, допустим, что это так. Ради чего ты подкрадывался ко мне?

– Человек, смири своё озлобление, ты сам пришёл ко мне.

– Он забалтывает тебя!

– Тихо, Джейкоб!

– Обернувшись чуть направо, заметишь воронку – она мой дом.

Медленно я повернул голову в сторону жёлто–травяного клубка. Чуть выше того места, где я остановил свой бег и приклонил колени,

была вырыта нора, которая визуально подходила под габариты моего собеседника. Мне стало стыдно от того, что во мне всплыли первые вопросы паука. Он не желал мне ничего дурного.

– Ты спрашивал, болит ли у меня что–то?

Арахнид едва слышно поскрежетал педипальпами.

– Да. Ты напугал меня.

– Прости, я был изрядно взвинчен и не осознавал, что делаю. Я уже ухожу.

Вкладывая в ножны Альдбриг, но не распуская чаротворения с Ли́ка Эбенового Ужаса – вдруг что, я трижды размашисто отшагнул к дубу позади себя.

– Постой! Не покидай меня!

Арахнид неуклюже засеменил за мной. Покрытые жёсткими пластинами конечности служили хозяину уже явно не так безукоризненно как раньше. Я подумал, что членистоногий монстр может страдать от суставной ломоты. Удивительно, что ему удалось укрыться от моего колдовства, ещё дюйм–два, и беседа бы не состоялась.

– Не подпускай его близко к себе!

– Мой кинжал прав, я не могу доверять тебе, – согласился я с Джейкобом. – Оставайся там, у тех сорняков, пока я не покину твоё гнездо.

Гигантский паук застыл и как–то удручённо опустил жвала к земле.

– Мне нужна твоя помощь, человек! Мне не к кому обратиться, кроме тебя!

– Парень, либо испепели аспида, либо топай отсюда! Недаром тебе поутру приснился кошмар о его братии! Это знак!

Я понимал, что призывы Джейкоба нелегитимны, и мольба древнего, истасканного годами многоглазого страшилища могла быть лишь мнимой, усыпляющей внимание, прелюдией охоты, однако сердце, привыкшее подсказывать мне, как надо правильно поступить, не дало расчётливому благоразумию повернуть меня вспять. Оно говорило – ты же чувствуешь, что существо попало в беду! Хотя бы выслушай его!

– Что у тебя стряслось? – спросил я, изучающе разглядывая бирюзовые прожилки на вздутом брюшке.

– Глупо!

– Я контролирую ситуацию, Джейкоб!

Паук помялся, а затем грустно затрепал:

– Полагаю, прежде всего, мне надлежит представиться. Вот уже более чем сто сезонных смен я ношу имя Бракарабрад и живу в Тутовой Прогалине, где мои родители, а до них родители их родителей вязали сети и рождали на свет потомство. Наш род, Серебряная Роса, отличается от всех известных тебе паучьих племён тем, что не принимает соков иных созданий, но разводит сады, с коих питается нектарами. Ты можешь убедиться, что я не вру, заглянув за тот холмик, там у меня воздел.

– А потом ты продолжишь свой рассказ?

– С твоего позволения.

Я натянуто улыбнулся.

– Предупреждаю, если мне случится обнаружить по ту сторону дёрна твоих голодных родичей – добряка ломать не стану. Мой посох ой, как занозисто щипается.

– Собственно о родичах я тебе и хотел поведать. Возвращайся, человек.

– Калёб. Меня зовут Калёб.

– Тебя зовут не Калёб, а болван! Паукам кинжалы не нужны! Тобою сейчас закусят, а я останусь лежать в Тутовой Прогалине, пока твоё колдовство не развеется и мой дух не освободится!

– Как ты помнишь, оно никогда не сойдёт с лезвия и ты, до конца времён, будешь ржаветь в стылой почве, – хмыкнул я, заинтригованно направляясь к покрытому проплешинами зелени холму.

– Вот, вот! Ты умеешь ободрить!

Я неторопливо обогнул тройку деревьев и, поднявшись на взгорок, затем спустился с него вниз к дивно пахнущему, ухоженному вертограду. За бортиками, слепленными из паутины, дружно, ряд к ряду, вздымались самые невообразимые цветы – большие, красновато-розовые, с упругими стеблями и толстыми листьями, по-видимому, не боящимися мороза. Бутоны качались на уровне моей груди. Вот бы Эмилии здесь понравилось! Эх, жаль, что её нет рядом... Я побродил вдоль зарослей, после чего вернулся к Бракарабраду, который смиренно ждал там же, где мы и расстались.

– Я готов слушать дальше.

– Спасибо, что не покинул меня, Калёб.

– Переходи к сути, а то, знаешь ли, у нас и без тебя забот полон рот! – прокряхтел Джейкоб.

Бракарабрад осел лапами на мшистую подстилку и неожиданно выпустил из всех глаз потоки слёз.

— Не обращай внимания на мой кинжал, он не собирался тебя обидеть, — поспешил утешить я паука, подразумевая, что тот расплакался от резкого высказывания моего друга.

— Пустяки! Мы спешим!

Арахнид утёр чёрные зрачки пучком ковыля.

— Как видишь, Калерб, я тут один, а между тем, тремя днями ранее в Тутовой Прогалине нас было двое. Пастасараму — мою любимую дочь похитила Импрет, могущественная ведьма, что обитает в Гиро — сланцевом гало к северу от моих клумб. Я... Я бесконечно стучу Импрет в дверь, заклинаю отдать моё дитя обратно, клянусь сделать для неё всё, что она захочет, но все мои стенания разбиваются об издевательский смех! Я боюсь того, что когда-нибудь сквозь него ведьма скажет мне, что моя дочь больше не воротится в Тутовую Прогалину, потому что... потому...

Бракарабрад вновь не смог удержать плач. Он рыдал так громко, и так отчаянно горько, что у меня не осталось сомнений, как я должен поступить. Так было всегда — сострадание, коим я обладаю с детства, не даёт мне воспринимать чужое горе безучастно.

— Зачем Импрет понадобилась Пастасарама? — осведомился Джейкоб вперёд меня.

— Пастасарама необычный паук — Лородорола понесла её в позднюю зиму и, наверное, оттого от кончиков лап до пушка на спинке она совершенно белая. Ранее Импрет дружила с нами и частенько блуждала по Тутовой Прогалине, наслаждаясь видом цветов и их ароматом. Пока не увяла, Лородорола привечала её, и ведьма, до того много раз видевшая Пастасараму подле матери, всегда negliжировала её белоснежный окрас.

– Неглижировала? Это как?

– Другими словами не замечала, – объяснил я.

– Вы только поглядите, какой богатый словарный запас у мистера паука! Bravo! Bravo! Не то, что у меня – самого обычного парня из Леса Скорби!

Арахнид озадаченно поглядел на кинжал.

– Не зубоскаль, – попросил я. – Продолжай, Бракарабрад.

– Всё шло своим чередом. Однако намеренный Импрет как подменили. Вся закутанная в чёрные шали, она заявила ко мне с требованием отдать ей Пастасараму для какого-то ритуала. Я предложил ведьме себя вместо дочери, но та, безумно расхохотавшись, сказала, что только алебастровая паучья шуба годится для удовлетворения её потребностей. Тогда я прыгнул на Импрет, однако та уклонилась. Разразившись проклятиями и обещаниями заполучить желаемое против отцовской воли, она развоплотилась, а потом, совсем скоро... Пастасарама исчезла.

– Думаешь, могло случиться непоправимое? – мягко спросил я у вновь начинающего хлюпать Бракарабрада.

– Тревога о судьбе дочери сводит меня с ума. Я стараюсь верить в хорошее, но время идёт, и моя надежда на то, что всё образуется, таит вместе с ним.

Угрюмый арахнид упёрся мордой в лопуховую поросль.

– Когда тишину Тутовой Прогалины нарушил леденящий жилы крик я выбежал, чтобы хоть чем-нибудь помочь тому, кто его издавал, но... вспышка магии едва не погубила меня. Передо мной – неимоверно сильный колдун, он сможет справиться с Импрет – вот, что вопреки опасности прогремело в моём разуме. Я не знаю, что за кара заставила тебя, Калерб, так убиваться и стенать подле моего крова,

однако если ты спасёшь Пастасараму из силков злокозненной ведьмы, то мне будет за счастье, если ты позволишь, попытаться расплести паутину твоих проблем. Мои клыки, как и мудрость тысячелетнего рода Серебряной Росы, навеки станут твоими слугами!

– Слуги мне не нужны, – протянул я, активно обмозговывая то, как поведёт себя Импрет, когда я заявлюсь к ней с просьбой выдать Пастасараму. Тон, которым я ответил Бракарабраду, навёл его на ложный вывод.

– Я... Больше мне нечем уплатить... Видимо, моя трагедия...

– Ты меня неправильно понял, – улыбнулся я, отвлекаясь от внутренних рассуждений и впервые с того момента как покинул фантомный дом, смотря вверх крон. – Заглянув к Импрет, я не слишком отклонюсь от намеченного пути. Однако прежде, чем наша встреча состоится, я бы хотел узнать о ведьме чуточку больше, а именно: какую школу волшебства она практикует, если ли у неё стража, каков её характер, и тому подобное, – всё, всё, всё.

– Серьёзно? Мы потащимся к Импрет?

– Да, Джейкоб.

– Ой, ну ладно– ладно, убери из голоса этот мороз. Твоё добросердечие тебя когда–нибудь погубит.

– Не ворчи.

– А ты не молчи! – напустился кинжал на Бракарабрада. – Говори, где у ведьмы слабые места! Любая, даже незначительная мелочь, вероятно, может облегчить Калебу предстоящий поединок!

– Я попробую!

Паук перебрался на плоский валун, после чего задумчиво почесал коготком меховой подбородок.

– Всю мою жизнь Импрет была мила и приветлива с Серебряной Росой. Изредка она колдовала для наших посевов дождь или наоборот солнце, когда то подзабывало про нас. Я ни разу не видел, чтобы ведьма носила оружие, впрочем, как и тех, кто бы её охранял. Голубое платье, перчатки с блёстками, искренняя улыбка – она впархивала к нашему очагу непременно такой. Импрет всегда мало говорила и много слушала, однако я знаю, что у ведьмы есть какие-то обязанности в стеклянном замке, что высится на том утёсе.

– Отражатель! – гаркнул Джейкоб.

– Он самый, – подтвердил я, как раз, в этот момент, щуря глаза на яркий квадратик. – Чем она там занимается, Импрет не обмолвилась?

– Нет, об этом она не упоминала.

– Добавишь ещё что-то помимо сказанного?

На минутку Бракарабрад впал в раздумье, после которого отрицательно помотал четырьмя лапками.

– Пожалуй, что нет.

– Не густа капуста! Из этой информации супа не сваришь!

– Но и не пусто, бульон вполне застряпается, – не согласился я. – Подведём итог. Вся эта канитель с погодой указывает на то, что ведьма хорошо владеет магией Стихии, а точнее её разновидностью – Воздушным аспектом. Блестящие перчатки могут быть зачарованы на поддержание тлеющего, но по необходимости быстро доводящегося до кипения заклинания «Молнии» или иную смертоносную, а вполне допустимо, что и защитную, волшбу. Уверен, они таят в себе сюрприз, – вслух самому себе стал проговаривать я. – Также примечательно, что Импрет де-факто изменилась в одночасье, и сему должна иметься веская причина. Чует мой нос, что в этом как-то замешан Отражатель, в котором ведьма выполняет какую-то работу.

– Ничего себе, как ты всё разжевал! – изумился арахнид, нервно плетя из паутины платочек.

Пожав плечами, я перекинул сумку через плечо.

– Всего лишь логика, основанная на опыте.

– Ты... Ты идёшь к Гиро прямо сейчас? – спросил Бракарабрад, жалостливо глядя на меня тёмными глазами.

– Да, и полагаю, что лучше тебе со мной не ходить, – кивнул я, заметив, как паук собрался слезть с камня.

– Почему?

– Разве неясно? Ты испортишь всю затею! – просипел Джейкоб.

– Некоторые маги умеют распознавать, кто или что находится за их дверью. Если ты будешь поблизости от меня, Импрет попросту встретит нас издевательским смехом и мы, не солоно хлебавши, останемся куковать под её крыльцом.

– Я понял. Я подожду вас с Пастасарамой... либо тебя одного в Тутовой Прогалине. Принеси мне любые вести!

– Хорошо, до встречи, Бракарабрад.

Я потопал по направлению к чудесному саду.

– Человек!

Исполинский синий арахнид выполз из-за уступа. Как он обогнал меня на своих нездоровых лапах?! Да при том так бесшумно и быстро! Наверное, в молодости он был поистине неуловим!

– Да?

– Благодарю тебя!

– Пока не за что.

Глава 3. Большая проблема маленькой феи

Миновав поражающий воображение сад, я вышел к миниатюрной полянке с древним колодцем. Ведро на его основании выглядело вполне сносно, чего нельзя было сказать про цепь – оторванная, она повисла на ржавой ручке. Мои ладони тронули каменный овал, а глаза устремились вглубь подземного ствола. Темень. Почти не задумываясь, я сконцентрировал шарик Света. В его сиреневых лучах в футах десяти–пятнадцати заблестела подрагивающая гладь. Сломанная цепь меня не смущала. Чары Левитации вначале утопили ведро, а потом уже полнѣхонькое водрузили его в мои руки. Поставив «студѣную» около радушного хвоща (авось какой–нибудь волчок не откажется полакать водички), я пошёл по узенькой тропинке, что вилась из лесного массива. Почему–то я не сомневался, что она выведет меня именно туда, куда нужно. Едва различимая змейка утоптанной земли уходила то вправо, то влево, водя мои сапоги по замысловатому маршруту, дающему насладиться прикрасами осенней чащи. Гибкие берёзы, обстоятельные каштаны, раскидистые вязы с гордостью демонстрировали мне свои пышные убранства. В пахучих сугробах листьев, укутывающих собою низ деревьев, и цветных кронах, что пропускают через себя солнечные блики, я всегда вижу не просто красные, зелёные и жёлтые оттенки, но целый калейдоскоп красок, неизменно влекущий мою утончённую душу в спокойную гавань. Царящее вокруг безмолвие нарушали только мои шаги да шорох опадающей листвы. Джейкоб молчал и на короткий миг я ощутил себя абсолютно одиноким. Одиночество никогда не тяготило меня, более того, иногда оно приходится мне как нельзя кстати – сейчас, в мистический момент природного коловорота, я был рад побыть наедине с собой. Однако мысли, хоть и припудренные умиротворением, гнали меня в мрачные закоулки прошлого и настоящего. В лабиринте зарослей мне мерещились фигуры родителей. Ночь, проведённая в фантомном доме, бередила желание

ещё хоть раз увидеть родные лица, и восприимчивое сознание услужливо вторило ему. Чтобы отделаться от пустых и болезненных вожделений, я переключил думы на Импрет. Мне казалось, что история про Пастасараму лишена какой-то краеугольной детали. Что ускользнуло от внимания Бракарабрада? В драматических, нуждающихся в незамедлительном решении или эмоционально-напряжённых ситуациях из вида может исчезнуть нечто существенное. Арахнид же при встрече с Импрет находился в двух ипостасях сразу. Веками водящая дружбу с Серебряной Росой ведьма вдруг ни с того, ни с сего резко меняет свои приоритеты – очень загадочно. Конечно, позволительно предположить, что Импрет, как и любой эгоистично-расчётливый колдун, панибратствовала с соседями пока это было ей выгодно, но, наверное, это не тот случай. Тут заковырка кроется в ином... В чём? Ответ ждёт меня впереди.

Дорога вильнула к болотцу. На толстом слое тины, как в мармеладном желе, застряли кувшинки. Я притормозил, чтобы разглядеть упитанную жабу, забравшуюся прямо на бутон и подмявшую его под себя. «Ква-ква-ква» – возмущённо высказывала она своё «фи» расположившимся поблизости подружкам. Моё появление вызвало уже всеобщий гвалт. Десяток ртов, наперебой, стали просить меня покинуть их важное совещание, что я и сделал с лёгкой ухмылкой. В спину, вместе с багульниковым амбре, мне ещё долго летело лягушачье недовольство. Завернув за россыпь тесно прижатых скал, я вышел к несуразному кремниевому шару с золотой дверью, разделённой на два створа. Предварительно сформировав заклинание Огня», я, взявшись за причудливую скобу, постучал. Спустя минуту из-за драгоценного полотна раздался оглушительный старушечий смех. Я-то надеялся, что ведьма окажется миловидной особой, ну да ладно.

– Это Гиро? Здесь живёт великолепная Импрет? – осведомился я своим самым обольстительным голосом.

Если задаваемый женщине вопрос снабдить ненавязчивым комплиментом, можно выгадать пару очков в свою пользу, уж я-то знаю эту лисью уловку.

Гогот разразился ещё пуще и это меня немного смутило.

– Мне напел вереск, что сия красавица пребывает именно в этом... роскошном доме! – вновь проворковал я.

– Проваливай, а не то я тебя испепелю молниями!

– Ох, угроза! Нравом Импрет напоминает мою Фчифчи, – прокомментировал Джейкоб.

– Мне надо поговорить с тобой, – отозвался я, ненавязчиво наклоня Лик Эбенового Ужаса.

– А мне – нет, катись отсюда!

– Дело касается Пастасарамы!

Импрет снова рассмеялась, а потом выдала:

– Она моя, и точка!

– Я так не считаю.

– Меня это не волнует!

Золотистая дверь внезапно налилась синевой. Я, привыкший к шельмоватости магических предметов, по наитию отскочил в сторону. И вовремя! В следующую секунду, сияющий зигзаг прожёл дыру ровно там, где до этого стояли мои ноги.

– Ой, ой, как мне больно! Я умираю! – притворно запричитал я, из-за уступа нацеливая посох на арочную пройму. Мне хотелось, чтобы Импрет поддалась любопытству и открыла дверь, посмотреть, кого она сокрушила, а я бы шваркнул по ней Огнём. Естественно, устраивать дамам «а-та-та» нехорошо, но я изрядно разозлился – кошёлка чуть меня не обуглила!

– Я в тебя не попала, но в другой раз, будь покоен, попаду!

– Как ты узнала? – проорал я из укрытия.

– Она использует странную магию, – прошептал Джейкоб. – Не как фантомы, но очень похожую, искажённую.

– Не валяй дурака! Я тебе не скажу! – сквозь хохот пролаяла ведьма.

– Ух, какая вредная...

Мне пришлось прикусить язык, потому что дверь исторгла из себя новую молнию. Она сдёрнула с меня капюшон и я, ошарашенный её меткостью, попластунски пополз за бугор.

– Надо было хотя бы кинуть в неё сферой Огня, – пробурчал я себе под нос, приглаживая дымящиеся волосы и распыляя стихийную волшбу в воздух.

– Пустое. Барьер, через который ты говорил с Импрет, был зачарован на магическое отражение. Бац, и твоё жало полетело бы обратно, – оповестил Джейкоб.

– Ага? Заранее нельзя было сказать про рикошет? Я же мог быть уже мёртвым!

– Не злись, парень, то, о чём я тебе сообщил, я только сейчас понял.

Скептически поглядев на кинжал гномов, я, нахмуривая лоб, процедил:

– Что же в сухом остатке? Крыльцо надёжно защищено, и через него в Гиро путь заказан, впрочем, это ещё не значит, что всё потеряно. Иногда визитёры могут неожиданно явиться с «чёрного входа».

– Отражатель? Ты к нему клонишь?

– Я думаю, что у ведьмы есть секретный ход или портал быстро и безопасно приводящий в Отражатель и обратно. Им–то я и воспользуюсь, чтобы продолжить разговор уже на своих условиях.

– Звучит победоносно, только вот одно «но»: эту лазейку ещё придётся отыскать.

– Скажу даже больше, здесь куча этих «но», перво–наперво нужно добраться до Отражателя и войти в него. Предвижу, что сделать это будет ничуть не легче, чем уговорить Импрет выдать Пастасараму.

– Не попробуешь – не узнаешь.

– Точно, – кивнул я, вынимая Кампри. Посланный моей рукой в почву, он спустя мгновение замигал волнами синего дыма, из которого материализовался Юнивайн. Встряхнув удивительной гривой и приветливо заржав, призрачный конь присел на четыре ноги.

– Здравствуй, дорогой! Получив твою дружбу, я стал ею часто пользоваться, – сказал я, садясь в седло.

– На то друзья и нужны!

Юнивайн согласный с Джейкобом чуть всхрапнул.

– Тогда пункт прибытия всё тот же – Отражатель. Мне кажется, что та штука, возвышающаяся над лесом, это он.

Юнивайн устремил взор к указанной моим пальцем ориентации, а потом, как всегда, со скоростью превышающей прыть всякого живого существа, рванул через чащу Гамбуса. Деревья, камни, кустарники – всё заволокло пеленой и слилось воедино. Этакий коричнево–зелёный мазок, прилипший к глазу. Совершенно не ощущая ездовой тряски, я, тем не менее, был преисполнен вниманием её извечного спутника –

ветра. Противный писк в ушах и почти морозное, не прекращающееся иссушать кожу, дуновение не давали в полной мере сказать – да, кататься на Юнивайне одно удовольствие. Через какое-то время мой неутомимый носильщик сбавил темп, и я смог различить, как ловко мы увёртываемся от нависающих веток и объезжаем вездесущие препятствия. Конечно, всё это делалось исключительно для меня. Призрачный конь бестелесен и любые вещественные препоны ему нипочём. Дорога шла вверх и за редющим алым строем облюбовавших высоту рябин хорошо проглядывался Отражатель. Рассмотреть монумент мне помогло и то, что вскоре мы стали огибать его по плиточной дороге, уложенной вдоль пятифутовых постаментов, содержащих в себе авантажные лампадки.

Отражатель представлял собою трёхгранник башен, примыкавших к внушительному зданию без окон и крыши. Серые стены венчало множество отполированных дисков, хаотично исторгающих магический свет во все стороны. Самые крупные из источников сияния были закреплены на выдающихся шпилях, попеременно исторгающих радужные всполохи. Столь странная неизвестного предназначения постройка произвела на меня глубокое впечатление. В Отражателе чувствовалась седокудная древность и тайна, что тысячелетиями скрывает в себе нелущёное зерно Познания. Я так погрузился в созерцание причудливых парапетов, тонких зеркал, пилястр и контрфорсов, что не заметил, как Юнивайн подменил бег трусдой. Рябины, сокращающие свои посадки, уступили место лужайке и её гигантским базальтовым столбам, поддерживающим на себе треугольный потолок, под которым у костра восседал полуголый великан. Перекинув босые ноги крестом, он что-то безмятежно насвистывал в клетку, где томилась крошечная фея. Для гуманоидного чудовища росточком в пять локтей, она была, что мне мушка. Тюрьма феи находилась на столе, и среди разнообразных, по габаритам даже превосходящих потребности огров нехитрых предметов (в том числе и хрустальной дубинки), её изысканные прутья и гагатовый колпак вызвали диссонанс. За спиной великана, на расстоянии его трёх шагов, по глазурной мозаике катались волшебные лучи, а сразу за ними скромно темнел проход в Отражатель.

– Юнивайн, тпру, – тихо сказал я.

Призрачный конь застопорился у бирючиной изгороди, и я незаметно слез на землю.

– Приехали? – поинтересовался Джейкоб.

– Говори на три октавы ниже, впереди громила величиной с мачту корабля.

– Стережёт проход в Отражатель?

– Вроде того.

– Что будешь делать?

Наблюдая за великаном, я поджал губы. Ему явно нравилось вот так вот, всем весом, нагружать стул, почёсывать пузо и что-то бубнить понурой фее. Изредка верзила макал здоровущую кружку в пенную бочку и кусал зажаренную ногу, наверное, телячью. Рассеянные качания головой, мешкотные потягивания и прочие ленивые движения наводили меня на вывод, что желающих пробраться в Отражатель великан встречает крайне редко и оттого излишней бдительностью себя не утруждает. Это хорошо, потому что тягаться в силе с такой машиной меня как-то не прельщает, а вот прибегнуть к маленькому чародейскому трюку и мышкой подобраться к пёстрому балдахину, чтобы затем юркнуть за него, будет в самый раз.

– Парень! Ты опять в ступоре?

– Да? Я накину на себя заклятие Маскировки и полупрозрачным контуром, фактически не различимым при полуденном солнце, проскользнув под носом у громадины, растворюсь во тьме Отражателя. И никакого лязга стали, всё будет чисто и аккуратно.

– План что надо, за одним маленьким, но весомым изъяном. Отражатель (ты, наверное, сейчас стоишь к нему лицом), испускает из

себя колоссальную, невыразительную для восприятия мага энергию, которая подавляет собою любые волхвования. Так что бормотать старинные руны и кидать ритуальные пассы здесь без толку – ничего не произойдёт.

– Умеешь ты обрадовать, – проворчал я после неудачной попытки сконцентрировать Покров Невидимости. – У Импрет дверь заговорена, тут волшебство не сплетёшь. Как же быть?

– Дождись, пока верзила уснёт, а там прокрадись без всяких своих штук.

Провожая взглядом кружку, вновь тонущую в необъятной бочке, я вскинул бровь.

– Задаётся мне, что твой совет не так и плох.

– Как и все мои советы, парень!

Я отпустил Юнивайна, а потом удобно примостился за пьедесталом и стал ждать, когда алкогольное опьянение возьмёт над стражем верх. Мои прикидки о финале возлияния, исходившие из гипотетических представлений о том, сколько дрожжей и сахара способно в себя принять тело такой кубатуры, оказались близки к реалии. Лишь к сумеркам пальцы–брёвна вяло уронили недопитую чарку на груды обглоданных костей, утянув за собою и плечо, и голову. Завалившись на бок, великан сонно перевернулся на живот и затащил оглушительно храпящую серенаду. Пора! На цыпочках (правда это было излишним, если учесть какой вокруг стоял грохот от посекундных «хабх–хабгх–хабх–фугх») я выбрался из теней на поляну и в щепетильно разгорающимся мерцанием звёзд прокрался к беспросветной утробе Отражателя. Спиртные пары, витающие в воздухе, были такими плотными и вонючими, что у меня слегка помутилось сознание. Как будто сам выпил! Основная локализация едких миазмов, конечно, приходилась на клетку феи. Чуть живая, она, закатив глаза под веки, часто–часто дышала. Пробираясь мимо отключившегося стража, я вскользь подумал о том, что надо бы как–то

извернуться и освободить её, но... не окажу ли я себе этим «медвежью» услугу? Вызволяя фею из заточения, мне может не повезти подставиться под дубинку растревоженного великана, а об этом ли я мечтаю? Ага, кукиш с маслом! Я в Гамбусе только проездом и роль эмансипатора всех и вся мне не подходит! О том и думать не стоит!

Ах, Вселенная, вначале Пастасарама, теперь это... Я страдальчески вздохнул. Фея выглядела так жалко и чахло, что моё треклятое сердоболие, наперекор всякому здравому смыслу, подталкивало меня прямо к столу. Подвергнуть эго суровому испытанию и отмахнуться от нравственного побуждения? Да ну! Это не про Калеба–Я–Возьму–На Себя–Ваши Проблемы– Шаттибраля! Компания «пьянствующей пожарной каланчи» и сопутствующее ему времяпрепровождение рано или поздно угробит эфемерное создание и, если я уйду, брошу эти прозрачные крылышки на произвол судьбы, то не прощу себе того уже никогда.

Скользя во тьме не иначе как по–змеиному, я подобрался к грубому табурету, к тому, который был рядом с пирамидой ящиков, забитых снедью. Благополучно забравшись на него и удостоверившись, что великан по–прежнему прозябает в хмельном усыплении, я перебрался на выщербленную, однако отлакированную столешницу. На золочёной решётке, удерживающей полумёртвую фею, имелась нехитрая щеколда – всего два движения и мне удастся её вынуть. Я потянул руку...

– Парень не!..

– Тшшшш! – испуганно прошипел я, сдавливая кинжал полкой мантии и вместе с тем бережно берясь за шпингалет.

Задвижка, поартачившись для приличия, всё же уступила нажиму и отъехала в сторону. Мутные глазки приоткрылись, и фея, удивлённо, впрочем, не без панической нотки, вполголоса прошептала:

– Ты пришёл спасти Фирджи из лап Яцка?

– Твоя проницательность тебя не подвела, – утвердительно прошептал я, потянув створку на себя. Моё действие породило жуткий визг. На клетке лежало заклятие Хлопушки–предупреждения, но разве Джейкоб не сказал, что потенциал Отражателя гасит собою всю волшеббу?! По–видимому, на вещи «сторожа–переростка» данная специфика не распространяется! «Почему...» – на этом вопрошании, неприятно поразившая меня мысль оборвалась, а всё из–за того, что был дан старт накалу страстей, закономерно последующему за звуковым сигналом. Яцк мигом очнулся от дрёмы и, не устаивая меня вниманием, с рёвом бросился ловить Фирджи, которая, ликуя, уже почти выбралась на волю.

– Не смей, негодница, не смей!

Ручища хлопнула по дверце, закрыв её, но поздно – фея успела выпорхнуть в ночные просторы. Упоённо хихикая, она совершила неуловимый пирует над макушкой великана и, стремительно набрав высоту, дабы не попасться в беспрестанно сжимающиеся кулаки, пропела:

– Добрый мой избавитель! Крепись! Я попробую помочь тебе в борьбе с Яцком!

Произнеся эти слова, Фирджи, оставляя за собой серебристый след пыльцы, вихрем понеслась к Отражателю. И я, и Яцк потеряли её из виду практически сразу, что естественно заставило нас обратить внимание друг на друга. Не мешкая, великан сцапал кварцевую дубинку. Я отпрыгнул, предвидя, куда она может угодить, однако прогадал – громоподобный удар пришёлся не в стол, распрощавшийся с моей персоной, а на матово–чёрный, выпирающий из почвы на целый фут кристалл, дотоле не замеченный мною за смятым лежаком. Раздался взрыв света. Не причинив мне физического вреда, он рассеялся по периметру и неярким негаснущим куполом, сотканным из подрагивающих ромбиков, накрыл небольшую площадь, заключившую меня и стража в колдовские рамки.

– Вокруг тебя дезинтегрирующий буфер! Не трогай его! – завопил Джейкоб через подкладку мантии.

– Час от часу не легче! – раздосадовано отозвался я, снова прыгая, – в этот раз дубинка явно метила в меня. Глухо ухнув об поляну, она оставила после себя неглубокую ямку. Глиняные комья, врезавшиеся в преграду перед Отражателем, превратились в пучки искр и всполохи молний, наглядно подтвердив предостережение Джейкоба.

– Тебе кирдык! – заорал великан, заноса необыкновенное оружие для нового удара. – За то, что ты выпустил малявку Фирджи, я размажу тебя в лепёшку! Сотру Громышателем в порошок!

– Как бы ты сам при этом не расшибся! – нервно огрызнулся я, перескакивая с места на место.

При всем своём феноменальном масштабе Яцк, что печально, двигался очень плавно, даже несколько грациозно. Его туловище, снабжённое невиданными буграми мышц, без затруднений маневрировало и разворачивалось туда, куда тащили меня ошалелые ноги. Не завладей им слепая ярость, виною коей стала потеря феи, я бы простился с жизнью ещё в первые секунды чудовищной охоты. Пребывая под властью чувств и не выветрившегося хмеля, Яцк лупил грозным орудием без всякого прицеливания, но часто, вымещая тем самым клокотавшую в нём злобу. Бух! Бух! Бух! Принимая в себя промашки великана, твердь отзывалась мелкой дрожью, меня же трясло как в лихорадке. Принуждённый бегать от монстра по очерченному смертью кругу, и лишённый привычной чародейской подвязки, я подчинился первобытному инстинкту самосохранения. Яцк страшно рычал и громил свой незатейливый скарб, снабжающий меня краткосрочной защитой.

– Думаешь, спрятался? Я тебя везде достану! – прогорланил великан, обрушивая грязную пятку на перевороченный вверх-тормашками стул со спинкой. Моя импровизированная крыша треснула, я откатился. И в самый раз! Ступня, пробив деревянное сиденье, по щиколотку вылезла из дыры.

– Поймай меня вначале, недотёпа! – крикнул я, всаживая Альдбриг в отвратительную мозоль, проживающую ниже мизинца.

Яцк взвыл, резко поднял ногу вместе с проломленным стулом и взметнул хрустальную оглоблю, в надежде поразить ею мою бренную плоть. Однако когда она шваркнулась о камень, великан не обнаружил меня среди раздавленного щепа и крошева. Я, не будь копушей, перекатился к тлеющему костру, над рдением которого увидел как энергетический свод, продукт оригинального механически–волшебного деяния, проминается под давлением лучей, исторгающихся из Отражателя. Сочные палочки света, фиолетовые, красные, малиновые, словно ножи резали магические ромбы, но те неустанно восстанавливали свою геометрическую сцепку. От завораживающей конфронтации, которой я, вопреки надвигающемуся Яцку, залюбовался на два вдоха и выдоха, меня оторвало лязганье Джейкоба:

– Я чувствую твоих союзников! Они не могут пробиться через заслон!

– Вижу! – только и вымолвил я, в последний момент, увёртываясь от Громышателя.

Озверелый великан послал его с такой нечеловеческой силой, что, чуть не задев меня, по инерции сам трепыхнулся вперёд. Ножища со стулом завелась за другую ножищу и Яцк от собственной подножки рухнул физиономией прямо в угли. Вопль обжёгшегося стража был таким лютым и оглушительным, что для того, чтобы не оглохнуть, мне понадобилось заткнуть уши. Пока Яцк судорожно катался по траве, ругался и тёр рубашкой обугленное лицо, я наконец заимел малюсенькую передышку. Измождённо опираясь на Лик Эбенового Ужаса, я напряжённо обдумывал, как найти выход из такой дрянной ситуации. Возможно ли серьёзно покалечить или подавно убить Яцка без магии, мечом? При фантастической удаче – да. Если мне каким–то чудом посчастливится перерезать ему подколенную артерию (до «сонной», когда враг встанет, я Альдбригом не дотянусь), то он

попросту истечёт кровью. Сейчас, пока Яцк деморализован, было бы самое то попробовать дать дерзкой идее ход, но... поздно, он уже поднимается.

– Молись своим никчемным богам! Я иду! – брызжа слюной и до хруста костей сжимая рукоятку диафонической дубины, воскликнул великан.

Весь в саже, с ослеплённым глазом, он гневно сорвал с себя прицепившийся стул и ломанулся ко мне. Его уродливый вид, тускло играющий острыми гранями Громышатель, тяжёлая поступь и колоссальная высота, внушили бы страх кому угодно, и по правде сказать – я ему тоже едва не поддался. Спешно ища взором то, что хоть на минуточку сумеет уберечь меня от нападков Яцка, я неожиданно заприметил тот вороной кристалл, очертивший границы сражения коварной перегородкой. Он! Дело в нём! Чтобы добраться до загадочного минерала, придётся совершить отчаянный кульбит. Великан приближался, а я всё стоял, проявляя невероятную выдержку. Когда, обрадованный моим мнимым принятием фатума, Яцк размахнулся Громышателем, чтобы прикончить меня, я прошмыгнул у него под набедренной повязкой и со всей прытью помчался к намеченной цели. От этого фортеля верзила буквально обезумел. Кинувшись вдогонку, он сыпал такими изощрёнными проклятиями, что мне и слышать-то не доводилось. Добежав до кристалла «с языком на плече», я, выиграв у Яцка драгоценное время, от души рубанул по нему Альдбригом. И тут же меня поразила электрическая дуга. Меч выпал из онемевшей руки и я, задыхаясь, упал на ворох вонючих покрывал, служивших стражу кроватью. Пока мой шок проходил, а участок, разделяющий меня и Яцка, сокращался, лучи Отражателя, проминающие купол, бросили своё занятие и соединились на небе в одну точку, разросшуюся и преобразовавшуюся в головку Фирджи. Ротик открывался и закрывался, но звуков не издавал.

– Твои друзья просят передать тебе, что Яцк должен ударить дубиной по Хромму, тогда его чары разрушатся! – послышался голос Джейкоба.

– Проще пареной репы! – обречённо хихикнул я, понимая, что мне сейчас предстоит сделать.

Подле идеально–симметричного Хромма валялись спальные принадлежности. Видимо, Яцк любил встречать чужаков «сюрпризом», поэтому, спал подле него, держа Громыхатель наготове. Чтобы выйти сухим из воды, а по моим оценкам у меня на это был всего один шанс на миллион, я, поставив на «карту» сразу всё, залез под кипу зловонного тряпья. Где–то надо мной утробно зарычал подоспевший Яцк. Само собой он не догадывался об истинной причине моего поступка. Яцк решил, что я сглупил, и что теперь его Громыхатель легко приготовит из меня отбивную. Ища добычу, в дюйме от наверхия заткнутого за ремень посоха, хлопбыстнула дубинка, потом ещё и ещё раз, но всё мимо. Извиваясь не хуже ужа, я в холодном поту полз под одеялом, пролегающим в непосредственной близости от кристалла, и беззвучно упрашивал Вселенную о том, чтобы верзила в меня не попал.

– В прятки играть со мной задумал, червяк?! Так я тебе покажу! – гаркнул Яцк откуда–то слева.

Осознанно идя на смертельный риск, я, высунувшись из–под покрывала прямо перед Хроммом, ответил:

– Эй ты, остолоп, я у тебя под носом!

Подтрунивание дало нужный результат. Яцк стремительно крутанулся и с перекосившимся от бешенства ртом занёс Громыхатель за плечо. Я торопливо ретировался вглубь скомканных перин и пудовое «бабах» пришлось уже по опустевшим складкам. Звук был глухим, не стеклянным как изначально, поэтому я «через не хочу», с икотой, лишь по необъяснимой удаче избегая гибели, вновь отправился бороздить необъятные наволочки, доверив чутью подтолкнуть меня к Хромму в подходящий момент.

– Я вижу, как ты там мечешься, и меня это только забавляет! – хохотнул Яцк, так–таки обнаружив меня и хорошенько наподдав мне

стопой по рёбрам. Я ойкнул, трижды перекувыркнулся и, обласканный обессиливающей загрудинной ломотой, сбитой кеглей выкатился из пододеяльника, да не куда–нибудь, а к измазанным ногам стража.

– Ха–ха! Крысёнка выгнали из его норки! – гоготнул Яцк, смекнув, что его пинок выбил из меня дух. – Всё, ты своё откашлял! Готовься к смерти!

Холодно блеснув на фоне скучающей луны, Громышатель устремился к моей персоне, распластанной подле угольного, как будто надсмехающегося кристалла. Вжух! Я зажмурился и... по раскуроченному жилищу великана прокатился многократно повторяющийся, словно увязший сам в себе, звон. В тот миг, когда изборождённая оскаленными резцами дубина должна была вколотить мой череп в луговую подстилку, я, сжавшись в комочек, совершил оборот назад. Вместо меня Громышатель бултыхнулся в Хромм!

Ура! Энергетические ромбики тут же распустили свои ниточки и лучи, изливающиеся из Отражателя, и, более не сдерживаемые их силой, хищно впились в остолбеневшего великана. Как только это произошло, он завизжал, а потом, к моему глубокому изумлению, стал скоротечно уменьшаться в размерах! Когда пёстрый свет оставил Яцка в покое, он уже не был той громадиной, что раньше. Теперь мы, а я стоял напротив него и улыбался, смотрели друг на друга вровень.

– Добро пожаловать с небес на землю! – крикнул я, взмахивая Альдбригом.

– Я тебя и так изничтожу! – с ноткой озадаченности ошетинился Яцк, парируя мой удар Громышателем, который сократился соразмерно своему владельцу.

Лик Эбенового Ужаса заблокировал ответную атаку и при поддержке Альдбрига, отведшего дубинку вправо, пропорол остриём кожу над пупком Яцка. Болезненно взыв, страж сумбурно замельтешил кварцевым оружием перед моим лицом. Я переместил баланс тела на выставленную вперёд ногу и уверенно, посылая меч в

верхнюю часть туловища, при этом слегка смещая локоть с посохом книзу, напал на противника. Панически защищаясь, Яцк, непривыкший вести бой с равным себе по росту врагом, ежесекундно допускал мелкие ошибки, награждающие его порезами и синяками. Впрочем, до по–настоящему опасных ран дело не доходило.

На небе вновь проступила мордашка Фирджи. Я отвлёкся, за что получил жуткий удар по запястью. Лик Эбенового Ужаса вывалился из обмякшей руки и я, пытаясь отыгаться хоть в чём–то, стукнул Альдбригом плашмя. Дубина и меч проскрежетали, и Яцк отпрянул с разбитой фухтелем губой. Верзилу, однако, приобретённая травма не сильно беспокоила. Он понимал, что выведя мне руку из строя, значительно сократил мои ратные возможности, потому он как минимум занял в поединке преимущество, а как максимум проложил себе плёвый путь к победе.

– Что? Без палки ты уже не так лыбишься? – осведомился Яцк, напирая Громышателем. – Чуешь приближение кончины? Здесь она, рядышком!

– Я чувствую только смрад от твоих подмышек! – пропыхтел я, ловко уходя из–под дробящей дубинной завитушки.

– Торопиться надо, парень! Скоро заклинание Отражателя рассеется, и твой неприятель обретёт прежний вид! – сообщил Джейкоб. – Кинь его на лопатки, пока это не случилось!

– Передай Фирджи – пусть она поспособствует этому! Один я не выкручусь!

– Попробую!

Поглощённые топтанием по кругу и обменом кварцево–стальных «любезностей», мы далеко не сразу заметили как в звёздной каше, затуманенной облаками, пухнет сизый шар, творимый макушкой Отражателя.

– Приготовься!

– К чему?!

Яцк, только завершивший успешный наскок, презентовавший мне гематому на голенище, отшагнул к базальтовому столбу и настороженно сощурил здоровый глаз.

– С кем ты там шушукаешься?

Сизый шар пробуравил ночной воздух и миниатюрной кометой впеллся в моё запястье. Что-то хрустнуло и тупая боль, а также онемение пропали из него, как и не бывали.

– С твоей смертью! – выкрикнул я, бросаясь напролом, воодушевлённый внезапным исцелением.

Ложно вздыбив полу плаща, завлекая за ней дубину, и быстро двинув мечом в бок, мне удалось не только вонзить остриё в печень Яцка, но ещё по окончанию финта подхватить посох, валяющийся в траве. Ошеломлённый моим агрессивным натиском и сызнава заработавшей пятерней, страж, тесно прижимая к кровоточащему увечью кулак, едва успевал выставлять Громыхатель в нужную для защиты позицию. Альдбриг, веками путешествующий со мной по миру и, по сути, ставший моим продолжением, безжалостно высекал искры из хрустальной дубины, норовя добраться до живота или шеи её обладателя. Вжих! Вжих! Вжих! Контрнаступление Лика Эбенового Ужаса! Вжих! Вжих! Вжих! Прокол! По торсу Яцка уже вовсю текли красные ручьи, и я небезосновательно считал, что вот-вот поставлю точку в этом ратоборстве, однако колесо фортуны – своенравная девица, в который раз оно укатилось от меня на противоположный конец воинского везения. Великан опять стал становиться великаном. Его мышцы набухали и пучились, ноги раздавались вширь, а косая сажень в плечах увеличивала свою и без того внушительную диагональ. Завидев изменения, Яцк демонически расхохотался.

– Магия Фирджи на исходе! – просигналил Джейкоб.

– Мне нужно ещё пять минут!

– Фея говорит, что удерживание заклинания может привести к непоправимым последствиям!

– Непоправимые последствия случаться гораздо раньше, если позволить Яцку вновь обрести всего себя! – выдавил я, перекрестием меча и посоха принимая Громыхатель сверху.

Вдруг страж осунулся и по-бесовски заголосил. Его рост вначале замедлился, а потом, появился еле-еле приметный регресс. Это лучи Отражателя затрепетали как по Хромму, набравшемуся изнутри оранжевой истомы, так и по Яцку. В этот недолговечный миг деформации, ниспосланный Фирджи, мы с великаном, сейчас превышающим меня всего наголову, ожесточённо заколотили друг по другу инструментами вражды. На пике баталии, израсходовав, наверное, десять «вторых дыханий» и открыв одиннадцатое, я, избитый Громыхателем, исхитрился ткнуть Яцку посохом в морду, уклонился от слепого тычка коленом, после чего по рукоять вонзил клинок в натужно вздымающуюся грудь. Лавина крови хлынула из уст побеждённого великана. Он закашлялся, бухнулся на карачки и затих. Всё. Несите бокал шампанского чемпиону! И не забудьте присовокупить к нему сырную нарезку! Шучу, мне бы лечь и умереть – так устал.

Я отёр выступивший на лбу пот и произвёл беглый осмотр себя любимого; Переломы – точно есть, куда же без них, растяжения, налитые лимфой большущие опухоли, ссадины... В общем жить буду. Усевшись на обломок ящика, я устало уставился на Хромм. Что-то мне в нём не нравилось. То ли его чернота, то ли крепнувшая под остовом ржавая таинственность, колыхающаяся наподобие свечного пламени.

– Парень, ты не умер?

– Разве есть в природе сила, что сможет скинуть меня в могилу? – усмехнувшись, ответил я.

– Фу! Напыщенные речи ничуть не лучше заумных лекций.

– Зато предсмертный хрип хуже и того, и другого.

– Однозначно, – согласился Джейкоб. Помолчав, он добавил: – Я ощущаю толчки мощи... Она прорывается!

Между тем свечение в Хромме стало настолько интенсивным, что казалось, кристалл никогда и не был чёрным. Оранжево–красные всполохи лизали его чрево и раскаляли добела. Я поднялся, намереваясь покинуть это гиблое место, однако не успел... Измятая Громыхателем поляна, я и розовеющий горизонт стали жертвами нестерпимого жара, вплеснувшегося из Хромма. Сокрушающая волна, вывернувшая мне жилы наизнанку, уходя, родила на моей мантии и волосах пучки разноцветного огня. Весело закружившись под мои крики боли, они были вынуждены вскоре погаснуть, потому–как сырая земля не дружит с пламенем.

– Гвоздики–точилки! Я опоздала! Он сгорел! – пропел знакомый голосочек.

– Прокоптился – да, сгорел – нет, – промычал я, приподнимая ещё дымящуюся голову.

Фирджи быстро порхала крылышками и опечаленно прижимала ладошки к щекам.

– Жив? Ура! Подожди, я тебя подштопаю!

Фея принялась летать туда–сюда, рисуя в предрассветной мгле пыльцовые знаки. Лучи из Отражателя, по–видимому, послушные её невесомой пляске, обдали меня тёплым, врачующим водопадом бликов. Наконец я поднялся на ноги таким, каким был до конфликта с Яцком.

– Во–первых, спасибо за лечение...

– Это тебе спасибо! Спасибо огромное, что дал мне волю! – затараторила Фирджи.

– Пожалуйста, – кивнул я. – А во-вторых, что с ним произошло?

– Я сказала твоему кинжалу, что если Хромм перенасытиться сиянием Отражателя, то произойдёт беда! И она произошла! Кристалл выбросил излишек! Дукас не смог его удержать!

– Дукас? Что за Дукас? – любопытствовал Джейкоб.

– Дукас – мой брат. Он ждёт...

Фея смущённо запнулась.

– Меня зовут Калерб.

– Он ждёт тебя, Калерб, в Отражателе.

– Надеюсь, чтобы поблагодарить не словами, а как следует? Парень своей жизнью тут рисковал!

– Джейкоб!

– Твой кинжал прав. Теперь мы с Дукасом перед тобой в невероятном долгу.

– Раз так, то плотный завтрак и чашка кофе будут приняты мною в вашем доме без возражений.

– Конечно! Конечно! Идём!

Кинув последний взгляд на поверженного Яцка, его чудовищный Громышатель и утихомирившийся Хромм, я бодро пошагал за низколетающей феей. Пройдя сквозь штору полупрямых и косых, часто прерывающихся и изменяющих свою цветовую насыщенность

зеркальных излучений, я оказался в лабиринте, собранном из разнообразных отшлифованных осколков, кабошонов, охровых слюд, пёстрых вогнутых луп и пятнистых стёкол. Коридоры так и будоражились блеском, и по мере того, как осеннее солнце поднималось над отсутствующим потолком, они ярились всё с большей силой. Я двигался медленно, практически наощупь, с трудом различая очертания оранжевого платья Фирджи. Вроде бы мы преодолели несколько длинных галерей, пару раз свернули налево и спустились по лестнице, ступеньки которой были вырезаны из яшмы. Фея прикоснулась к овалу двери и на меня снизошла благодатная полутьма. Вернее там, где я очутился, висело множество фонариков, и света было предостаточно, но после той лавины отсверков, что мучили мои глаза всего одно моргание назад, обстановка показалась мне сладостно–затемнённой. Когда я, наконец, к ней привык, то смог разглядеть, что нахожусь в помещении, декорированном под сюрреалистический лесной уголок. Деревья, мхи и даже нарисованные тучки на круглом своде – всё несло в себе избыток лимонных и соломенных штрихов. Фирджи провела меня под ветками песочного дуба, а потом увлекла за россыпь адонисов и кустарников, за которыми, утопая в мраморной основе, вращались шестерёнки и трещали малюсенькие рычажки. Над этим тикающим и гудящим механизмом парил, если так можно выразиться, фей в коричневой мантии. Он быстро носился от балки к табличке с цифрами, от тонкой матовой трубки к руническому тетраэдру, от одной непонятной штуки к другой. Его пальчики перебирали, щёлкали и нажимали до тех пор, пока широко улыбающаяся Фирджи не пропищала:

– Дукас, посмотри, кого я к тебе привела!

Дукас тут же прекратил мельтешение и, издавая звуки, отнесённые мною к степени «крайнего восхищения», бросился меня обнимать и целовать.

– Ты! Ты! Вернул мне мою драгоценную гаечку! Да! Мою Фирджи! Мою Фирджи! С этого радостного дня я – твой страстный обожатель! Да!

– Мне так неудобно дышать, – просипел я.

Переполненный эмоциями фей сжимал ручками мои ноздри всё крепче и крепче.

– Ой, прости! Да! Естественно! Знаешь, ведь это всё я! Да! Я тебя привёл сюда! Да, да! Я! Сюда! Обоюдная помощь! Да! Но ты, конечно, осчастливил меня больше! Да! Несравнимо больше!

– Отсюда поподробнее! – потребовал Джейкоб. – Что значит – ты? И про какую такую обоюдную помощь ты говоришь?

Воззрившись на кинжал гномов, Дукас восторженно воскликнул:

– Вот каков он! Твой «Улавливатель» и мой «Передатчик»! Или твой «Передатчик» и мой «Улавливатель»! Неважно! Он – клинок! Да! Зачарованный на разговор клинок! Именно его эфирная структура, попавшая в объектив Искателя, случайно привлекла моё внимание! И ты здесь! Благодаря ему мы осуществили свои желания! Да! Мы!

Прежде чем я, насупившись, успел что-то сказать, вклинилась Фирджи:

– Дукас, Калеб ничегошеньки не понимает! Расскажи ему всё с самого начала!

– Прекрасная идея, сестрица! Прекрасная! Заодно и ты послушаешь всю историю целиком! Только! Только! Так, не так!

Дукас молниеносно дёрнул за рычажок, и из скрытой ниши выкатился гигантский палевый эллипсоид. Обогнув вербу, он, чуть дрожа, остановился между мной и феями. Ажурные стенки треснули, явив под собой мягкий стул и накрытый скатертью стол, укомплектованный изысканным сервизом и едой.

– Так! Так! Как надо! Прошу не стесняйся, всё для тебя! Да!

Фирджи верно подметила — сбивчивая болтовня Дукаса, намекающая на то, что ему принадлежит некая роль в моём походе, довольно—таки удивила меня. Пробудившиеся во мне подозрения и предположения, настойчиво призывали напитать их информацией, поэтому я, после того как удобно устроился и налил себе ароматного чая, не преминув при этом наложить на фарфоровую тарелку картошки с овощами, промолвил:

— Я весь во внимании.

Дукас спланировал на край блюдца, подхватил оливку и, взмыв на уровень моих глаз, экспансивно зажурчал:

— С чего бы? С чего бы? Да! Фирджи и я, мы славная семья, мы — брат и сестра! Да! Всю свою жизнь мы занимаемся тем, что следим за Жёлтой Башней Отражателя! Да! Ты сейчас в ней! Это она! Да! Здесь мы латаем агрегаты, клеим битые колбы, смазываем маслом гайки, перенастраиваем положения зеркал! Всё в этом роде! И в чём суть? Да! В одну из крайне дождливых ночей в шпиль, что прямо над нами, сиганула молния, и параболический экран — Хроникёр, главный распорядитель светового перемещения в Жёлтой Башне, вышел из строя. Фирджи — виртуоз ремонта, а я мастер—корректировщик, поэтому мудрёный и сложносоставной Хроникёр, требующий к себе особого светотехнического подхода, отправилась чинить она. Однако каких—либо положительных результатов ей достичь не удалось, да, а всё из—за того, что оплавленный край шпиля, как назло притягивал и проецировал молнии аккурат в надсводный проем, ведущий к поломке. Путь наружу был закрыт! Да! Жуть! Катастрофа! Добросовестность на пару с ответственностью, талдычившие мне губками Фирджи, что бесперебойная работа линз превыше всего, потолкали мою ненаглядную сестру на крайне опасный шаг. Хотя я и уговаривал её дожидаться прекращения ненастья, она, вопреки всем моим увещаниям, покинула Отражатель через Спектральный Зоб, чем, к нашему общему горю, нарушила заповедное правило...

— Спектральный Зоб — это вход, который стерёг Яцк, — перебила пояснением Фирджи.

– Что за правило ты нарушила? – спросил я, кусая хлеб, намазанный арахисовой пастой.

– Первостатейное! Оно запрещает нам, дирижёрам–оптикам, отлучаться из Отражателя.

– Да! Во веки веков! Так гласит Немеркнувший Закон! – подкинув и поймав оливку, подхватил Дукас. – Дайте процитирую его кусочек: – «Если дирижёр–оптик пересечёт черту Спектрального Зоба, и таким образом оставит предписанную ему зону обслуживания без присмотра, что из-за неперемного сдвига фокусировок Отражателя является категорически недопустимым, то за этот демарш он будет отловлен Яцком и посажен в тесный острог, в котором, маясь от скуки и непогоды, проведёт неопределённый срок, дожидаясь моего беспристрастного приговора».

Я окинул взором беспрестанно тренькающие шарниры и щипцы.

– Получается, что ваша будничность находится в зависимости от неких регламентов. Кто же их сочинитель?

– Немеркнувший Закон, как и весь этот искрящийся, вечно меняющийся оплот акварельного вальса – Отражатель, принадлежит уму нашего покровителя, Горгона Преломляющего Оттенки, – отпивая из чашечки, ответила Фирджи. – Мне жутко не хотелось переступить через границу Спектрального Зоба, но разве у меня был выбор? Нет! Хроникёр накалялся, и если бы я промедлила, то Жёлтая Башня перестала бы функционировать, а вместе с ней и весь Отражатель!

– На момент моего появления ты сидела у великана в заложниках, поэтому могу предположить, что Горгон Преломляющий Оттенки ещё раздумывал, как с тобой поступить – миловать или казнить, – заявил я, ощущая, как по спине разливается неприятный холодок. Даровав Фирджи свободу и убив Яцка, я заочно «подмочил», если и вовсе «не утопил» будущее знакомство с создателем Отражателя, который, по-видимому, не числился в рядах «лопушков».

– По ходу я знаю кое–кого, наплевавшего на устав Горгона не раз и не два, – едва слышно проворчал голос с моего пояса.

– Мы не в силах узнать, как бы наш покровитель отреагировал на данный инцидент. Его с нами давным–давно нет! Да! Да! – покачал головкой Дукас, не разобрав того, что изрёк Джейкоб. – Однажды, годы и годы назад, Горгон Преломляющий Оттенки заперся в своей комнате, и что же? Да! Лучезарный Замок на его двери с тех пор так и не открывался.

– То есть, говорить, что ваш покровитель не с вами, в принципе не совсем корректно? – крикнул Джейкоб.

– Ну, формально – да, но номинально – нет. Горгон Преломляющий Оттенки всей душой любил Отражатель и ежедневно, ежечасно, ежесекундно его холил и лелеял. То, что он исчез без предупреждения и соответствующих инструкций на время его отсутствия, может указывать только на что–то очень плохое, – опечаленно пропела Фирджи.

Новость о том, что Горгон Преломляющий Оттенки некогда предпочёл добровольное заточение в своих апартаментах, меня изрядно обрадовала. Теперь мне не надо будет выкручиваться и объяснять, что за спектакль разыгрался у Спектрального Зоба. Я незаметно выдохнул и, перед тем как отправить в рот имбирный пряник, сказал:

– Мне кажется, мы несколько отошли от первоначальной темы. Дукас, удовлетвори, пожалуйста, мою просьбу, возобнови свой рассказ.

Фей быстро закивал.

– Да! Спешу продолжить! Да! Ради устранения неполадки, Фирджи стрелой вылетела из Отражателя, увернулась от ручищ взбаламученного Яцка и, преодолевая дробь нескончаемого ливня,

вспорхнула к Хроникёру! Да! Я видел это всё в Искатель! Молнии так и вились вокруг моей сестры, но она, демонстрируя чудеса сноровки и отваги, не только избегала их – её ключики, полировщики, загустители, сцепщики и прочие инструменты, поочерёдно, а иногда и в паре, трудились над реставрацией Хроникёра. Да! Любо–дорого было смотреть! Да! И одновременно страшно!

– Ух, я тогда находилась словно во сне, – пискнула Фирджи, отодвигая от себя блюдо. – Дети урагана – адамантовые зигзаги (молнии, видимо) обещали меня изжарить и ослепить, а чудовищный ветер своим воем и порывами с живостью аккомпанировал их намерениям!

– Однако, невзирая на все кошмарные тернии, моя храбрая сестра исправила Хроникёр, и Жёлтая Башня вновь озарилась светом! Да! Как бы и желал того Горгон Преломляющий Оттенки!

Поменявшись в лице, Дукас скинул оливку в миску.

– При всём при том эйфория от успешного завершения дела быстро сменилась стылой горечью. Да! Разобрав Брикетную Заслонку, увы, без этой операции Хроникёр было не отремонтировать, Фирджи допустила в монобль, координирующий перераспределение излишней энергии по всем зеркалам, попадание влаги, благодаря чему обугленный шпиль, по–прежнему мечущий молнии в проход Жёлтой Башни, удесятерил мощность зарядов и частоту их образования. Чтобы вернуться обратно, Фирджи должна была проделать тот же путь, что и в начале. Она спикировала вниз, но Яцк, грубый и надменный Яцк не дремал! Да! Он протянул кулачищу, ловко словил мою бедную, измученную сестру и посадил в клетку! Беда! Беда! Да!

– На все мои оправдания и воззвания к доводам разума, глупый Яцк бубнил, что согласно Немеркнувшему Закону он обязан держать меня в клетке и ему чихать на то, что Горгон Преломляющий Оттенки куда–то запропастился, и суд, возможно, никогда не состоится, – пролепетала Фирджи, перепархивая мне на плечо. – Представляешь, Калёб, если бы Дукас не обнаружил твой кинжал Искателем и не

привёл бы тебя ко мне, чтобы ты совершил подвиг, достойный эльфийского рыцаря, то я могла бы провести вечность, смотря сквозь прутья на ненавистного, повседневно пьяного Яцка и родненький Отражатель.

– Мне, конечно, приятно, что меня сравнили с эльфийским рыцарем, подали вкусный обед и бла–бла–бла, но теперь мы подступили к главному, к вашей и моей взаимосвязи.

Внимательно поглядев на Дукаса, я недвусмысленно постучал костяшкой пальца по клинку подгорного царства.

– Эй! Я тут! – мигом откликнулся Джейкоб.

– Да! Вы оба тут, и как я вначале сказал, – это моя заслуга! Да! Пойдём, я покажу

Глава 4. Приумножающие Триплексы

Фей поманил меня к скрученной посадке яблонь. За её переплетением, от элегантного фонтанчика в форме птички скользила дорожка, вымощенная жёлтым камнем. Травка, пробивающаяся сквозь трещины и выбоины в кладке, перемешивалась с редкими подмаренниками и купальницами. По бокам лиственными вздрагиваниями перешёптывался тепличный, не ведающий о заморозках и жаре, сад. Феи парили чуть впереди, и их пыльца, отделяющаяся от прозрачных крылышек, постоянно попадала мне в нос. Я чихал и украдкой улыбался. Маленькие разносчики аллергии! Тропинка пошла вверх, к пьедесталу, прилегающему к замшелому своду Жёлтой Башни. Когда мы поднялись, Дукас потянул за спрятанный рычажок – постамент разделился напополам и разъехался. Из его нутра вынырнул прибор, отдалённо похожий на подзорную трубу. Поддерживаемый треногой, он имел десятки эластичных шнуров со светящимися кубиками на концах. После нежных надавливаний Дукаса, щупальца, а иначе я их назвать не мог, закувыркавшись по оси основного цилиндра, стали трогать стенку Жёлтой Башни. Для чего были нужны эти мимолётные касания, я

понял, когда в монолитный на первый взгляд фундамент, как червь в землю, зарылся пульсирующий апельсином шнур – оказывается, он нащупывал дырочку! Заинтересованно следя за углублением «каменного ныряльщика», я на миг упустил из виду его товарищей, а они, проворные и неуловимые, так же успели просочиться в замаскированные прорехи. Станный, подрагивающий под напором бегущих туда–сюда магических крупниц аппарат нагрелся и, немного погодя, исторг из порфировой горловины поток раскалённого пара. Белой дымкой он покругил над нами, а потом собрался в плотное облако, зарябившее всей палитрой красок. В туманном многоцветии, еле–еле дрейфующем у меня перед грудью, проступил отчётливый знак вопроса.

– Искатель! – гордо представил конструкцию Дукас. – Смею доложить, что среди всех изобретений нашего покровителя, он по гениальности уверенно держит позицию лидера. Да! А почему? Отвечаю! Как ты наверняка заметил, Калерб, в архитектуре Отражателя наличествует много хрупких деталей, которые, разумеется, бьются и выходят из строя по вине самых прозаичных okazji. Для того, чтобы повреждения можно было своевременно поправить или компенсировать, нам необходимо соответствующее сырьё, и здесь без Искателя уже никуда. Да! Искушённый в распознавании минеральных и металлических залежей, он шутя отыщет их, извлечёт и перенесёт сюда, в Эфирную Тучу.

– Если фигли–мигли этой штуки распространяются на золото и алмазы, то она достойна похвалы! – одобрил Джейкоб.

– Однако, как я понимаю, возможности Искателя не ограничиваются изысканием руд, – подтолкнул я Дукаса в нужное мне русло.

– Да! О, да! Помимо того в пределах пятидесяти миль плюс–минус погрешность в милю–две, Искатель способен обнаруживать колдовские вуали. Их спиритические излучения, Передатчики, попав в Улавливатель, – фей потерял шнур, – преобразуются. и искажённо, в виде карандашных очертаний предмета, отображаются в Эфирной

Туче. Чем дольше происходит контакт, тем чётче становится картинка. Например, Фирджи, круглый год протирающая Искатель одной и той же замороженной на вечную чистоту тряпочкой, проявляется в Эфирной Туче почти сразу и во всех подробностях. Да!

– Я её всегда ношу с собой! – пискнула Фирджи, вынимая из кармана сиреневый лоскуток.

– Мы достигли главного отрезка рассказа! – торжественно объявил Дукас. – В ту роковую, мокрую ночь, ознаменовавшуюся потерей моей любимой сестры, от безысходности я кусал локти и думал, думал, думал, как её воротить домой. О бросании Жёлтой Башни на самотёк и сражении с Яцком и речи быть не могло – и то, и то закончилось бы плачевно. Нужен был план, и он у меня стал формироваться, когда я, отчаянный, обратил взор на Искатель – он тренькал. Его Улавливатели наткнулись на исключительно сильный магический маяк, отдающийся в Эфирной Туче красными и фиолетовыми помехами. Быстро растворившись во мгле, они вдруг сменились проступившим обрывком диалога, суть которого я расценил так: кто-то обязал кого-то идти в Отражатель! Затем маяк разом угас, и осталась только едва приметная искорка-точка, рапортующая о том, что всё это мне не привиделось. Да! С Искателем такое было впервые! Да!

– Беседа с Привратником, – бледно хмыкнул я.

– И я на заднем фоне, – лязгнул Джейкоб.

– Что?

– Это мы между собой. Не останавливайся.

Фей принялся летать взад-вперёд.

– Да? Я знаю, что до Отражателя добраться нелегко. Чтобы укрыть своё детище от посторонних глаз, Горгон Преломляющий Оттенки специально выстроил его в месте подверженном

разрушительным бурям и штормам. Да! Гибель в вихре или камнепаде! Не позавидуешь! Нацелив все Улавливатели на объект, то бишь, как мне стало ныне известно, на кинжал, я выяснил, что тебе нужно покрыть приличное расстояние и, предвидя твой будущий конфликт с Яцком – преподносящий шанс на освобождение Фирджи, я возжаждал помочь тебе это сделать. Да! Идея, родившаяся у меня в голове, показалась мне предварительно радикальной, но, ах, но... Да! Я прокрался в другие башни Отражателя и, сняв с тамошних Искателей Приумножающие Триплексы, вставил их в наши Улавливатели...

– Ты свихнулся, братец! – закричала Фирджи, набрасываясь с кулачками на Дукаса. – Ты хоть понимаешь, что натворил? Моё тюремное приключение того не стоило! Ты вывел из строя Искатели наших коллег – это раз, а два – в Отражателе из-за твоих краж могло произойти что угодно плохое!

– Она зрит в корень, – шепнул голос мне в ухо.

– Джейкоб?

– Парень, погоди, пусть они выяснят отношения! – откликнулся мой друг.

– Ты вернул Приумножающие Триплексы их владельцам?! – неимоверно громко для своей щуплой комплекции и маленького росточка, спросила разъярённая Фирджи.

– Да! Эм! Пока нет! Не вернул! Ещё не подсуетился! Да? И когда? План только осуществился!

– Напильники–стамески! Это надо сделать немедленно!

– Их отнесёшь ты, это будет повод попасть в башни... – пошушукал мне всё тот же голос.

– Кто это говорит?! – воскликнул я, крутя подбородком в разные стороны.

Между тем, для поглощённых склокой фей, мои слова прозвучали несколько иначе.

— Он сказал — дай договорит! Да! — взвизгнул Дукас, отчаянно тыча в меня пальчиком. Сердитая сестра припёрла его крылышками к окуляру Искателя.

— Из всех присутствующих меня слышишь лишь ты, — прошелестело у меня с колен. — Отражатель испорчен, тебе не... выполнить поручение Привратника... мои силы утекают... Зарядиться... Найди его дефекты... Почини... и тогда я... помогу тебе.

Нестройное, призрачное обращение, вмещающее в себя просьбу, осведомлённость о моих намереньях и расплывчатый посул их реализации, хоть и огорошило меня, но не напугало. Я почти привык, что в Гамбусе — родоначальнике всех миров, творятся каббалистические и не разъясняемые вещи. Если таинственный шептун окажется врагом, я покажу ему «зубы». Впрочем, может статься так, что незнакомец не лицемерил, а предлагал обоюдовыгодную сделку — такой расклад меня устроил бы больше. По деловому этикету следующий шаг должен быть за мной. Он-то и отделит «чёрное» от «белого».

Дукас, убедивший сестру в том, что изложению требуется эпилог, фанатично жестикулируя, расписывал как Искатель, укреплённый Приумножающими Триплексами, изобличил новые, доселе потаённые в нём чудеса. Погрузившись на минутку в мысли, я упустил все технические описания.

— ... под пристальным вниманием сконцентрированных лучей твой кинжал, правда, я тогда думал на посох, сам стал Улавливателем! Да! И Передатчиком, и Улавливателем! Да! Успех! Успех! Эфирная Туча предоставила мне шикарный обзор — смотря, как ты идёшь сквозь лес, я повелел Искателю как-нибудь увеличить твою скорость! Да! Фантастика! Он исполнил! Из Жёлтой Башни к тебе устремились

шарики света! В мгновение ока они преодолели доли и, очутившись подле тебя, обратились пухлым человечком...

– Птикалем! Он напомнил мне о Юнивайне! – возопил я, собрав разрозненные факты и догадки в метафоричный кубик–рубик. – Фантомы – это порождения Искателя!

– Да! Оперируя твоей памятью, он, как гончар из каолина, вылепливал образы, подходящие под каждую, отдельно взятую ситуацию.

– Ты видел в своей Эфирной Туче, куда по наущению чокнутого Искателя меня отправил Квиль Лофирндваль? – грозно спросил я.

– Да? Старик? Да! Видел! Но кроме Зрячей Крипты других укромных пещер поблизости не было! Тебя бы поглотил тайфун! Да! А так ты выжил! – заламывая ручки, выдавил Дукас.

– Выжил? Ты же это сейчас прострекотал?

Я придвинул оскаленное лицо к оторопелому фею.

– Я именно, что выжил! Кое–как! Гнилой каракурт, орда зомби и изюминка вечеринки – Великий инквизитор Касиус Млут, все они, с неугасающим энтузиазмом, соревновались за право разорвать меня на куски!

– Мамочки мои! – выдохнула впечатлительная Фирджи.

– Та ещё заварушка была! Парня чуть на «Каракарскую» колбасу не порезали! – поддакнул Джейкоб.

– С тем лысым человеком, сознаюсь, вышла промашка! Да! Но кто же знал, что так получится?! Да! Не я! Паук пробудился, его почитатели всколыхнулись, я запаниковал и, прокручивая Приумножающие Триплексы, перестарался – вместе с дружественным воином в дегтярном доспехе к тебе перенёлся громадный, феерично–

лилейный жрец, разгромивший не только нежить... Да! От моих скорбных воззваний и поспешных вращений Приумножающих Триплексов Искатель перегрелся и замкнулся в себе. Его свет, побуждаемый неведомыми мне задачами, хаотично заметался по горизонту, а Эфирная Туча померкла. Я наладил Искатель не более как час назад – в тот момент ты открывал клетку Фирджи.

– Приход Лорины и твой дом детства – породил сбой в Искателе!

– Такой вывод напрашивается сам собой, – утвердил я, по-актёрски прикладывая палец к губам. – Мне вот что неясно, Дукас, почему, модернизовав Улавливатели, ты не воспользовался ими, чтобы победить Яцка? Ведь у Фирджи была при себе волшебная тряпочка, а у её тюремщика такая же дубина.

– Всё верно! Всё верно! Но! Искатель не мог пробиться через гагатовый колпак птичника – наш покровитель смастерил его невосприимчивым к любым видам магии, да, как и Гроыхатель! Моё световое полоскание для них было, что об стену горох! Да! Передатчики не переделывались в Улавливатели! Хоть ты тресни!

– Теперь истолкуй мне мой бой с Яцком.

Дукас сморщился.

– Ты показался в Эфирной Туче слишком поздно, и оттого Яцк опередил меня. Его Хромм, расстелив непроницаемую завесу, заблокировал мне доступ к твоему кинжалу.

– Однако тебя это не сломило! Мужественно пустив в ход мою подсказку, ты переборол Яцка...

– Да! С моей скромнейшей помощью!

–... и добрался до Отражателя! – довершила Фирджи.

– Дукас, тебе не приходило в голову, что я мог бы переступить гобелен Спектрального Зоба тайком? – саркастически обронил я, наводя внимание на явный изъяс во всей задумке.

– Без всяких самоотверженных порывов, спасений незадачливых фей и перспектив нарваться на ненужные проблемы! – прибавил Джейкоб.

Маленький дирижёр–оптик помял подол своей мантии.

– Эм? Да? Нет. Ты бы просто ударился лбом о цветную стену, потому как Отражатель не открывается перед чужаками без соизволения стража или, ну, да... смерть Яцка дала тебе на то разрешение.

– Не унывай! Ты сделал доброе дело! Оно зачтётся тебе! – просвистела Фирджи, упоённо танцуя в воздухе.

– Ага? Вот оно что...

Присев на лавочку, наверное, ею когда-то пользовался Горгон Преломляющий Оттенки, я отрешённо поскрёбся носом об Лик Эбенового Ужаса. Феи, приземлившись на шелковистый, канареечно–жёлтый тын лапчатки, учтиво ждали того, что я скажу дальше. Обвивающие меня цепи загадок потихоньку разматывали свои звенья. Фантомные посещения были продуктом моих воспоминаний и колдовских интерференций Искателя. Организовывая мне достопримечательные «свидания с прошлым», Дукас всеми силами пропихивал меня в Отражатель, дабы я отстоял в нём его интерес. Касиус, Квиль, Птикаль, Лорина, Марципан, родительский дом, Виноград – они, поднёсшие мне к глазам и сердцу клочки прежних дней, эскортировали меня к «сторожевому псу», избежать драки с которым, как теперь выяснилось, было нельзя. Смехотворная по соотношению силы коллизия – муравей и гигант, обескураженно отшумела поражением последнего. В «лавровом венке» я, ничем не сдерживаемый, миновал радужный маскарад Спектрального Зоба. Тут, на первом этапе, озаглавленном как «Дорога от Первородного

Соблазна до Отражателя», я ставлю жирную точку. Однако она, в манере свойственной моим точкам, окукливается рассуждающей запятой – как бы сложилось моё путешествие без настойчивого присмотра Дукаса? И сложилось бы вообще? Может я бы погиб в круговороте, выдирающего деревья вихря, или, позабыв про Юнивайна, до сих пор плёлся бы через чащу, стирая подошвы сапог о камни и щебень. Всё могло бы быть, но снисходительная Вселенная распорядилась иначе. Впереди этап под номером два – «Засвети на небе пульсар и доложи об этом Привратнику». Ой, предчувствую – «чистая страница книги» ещё обогреться моей кровью. Но куда же без этого? Мужчину шрамы украшают, так что прыгнем в омут с головой! Кое–кто благодаря моим радениям обрёл семейное единство – пора об этом напомнить и взыскать должок.

– Пока я шёл в Отражатель, мою шкуру, из–за твоего халдейского обращения с Приумножающими Триплексами, Дукас, не единожды пытались ободрать. Морок постоянно давил на моё сознание и ты, оправдывайся–не оправдывайся, не сделал ничего, чтобы намекнуть мне о том, что он значит. Ныне уже одно это приводит меня в бешенство, – мрачно промолвил я после кратковременного молчания.

– Отвёрточки – плоскогубцы! Мой бедный брат обошёлся так с тобой не нарочно! Были обстоятельства! Он же сказал!

– Мне–то от этого что?

– Да? Я! Но! Да, я... – заохал фей, резко бледнея.

– Да! Да! Но! – криво передразнил я Дукаса, игнорируя клёкот Фирджи. – Что я? Вот и то! В конце сумасшедшего турне, не предупреждённый об особенности Спектрального Зоба и от того соответствующе неподготовленный к поединку с его стражем, я, по доброй воле и пренебрегая всеми чреватостями, освободил Фирджи. Опять же, заклинание Сигнализации на клетке стало для меня неприятным сюрпризом. Я уделал Яцка, и это «доброе дело, хочу отметить, тоже идёт вам в плюс, ведь неизвестно, сколько бы ещё раз в будущем вы бы могли попасть к нему в сети.

– Я подставил тебя, подставил, да, и нет мне прощения! Но злого умысла я не таил! Да! Не вынашивал его и не возвращал! – завыл Дукас. Он приземлился на лавочку и, укрыв голову подрагивающими крылышками, засипел в подол:

– Всё правильно ты указал! Да! И твой гнев справедлив! Да! Я должен был продумать всё лучше! Лучше–е–е–е–е...

Порция негодования, выплеснутая мною специально – для узды последующего диалога, ниспровергла легкоранимого фея в яму самобичевания. Пару секунд он трясся и стонал, а потом... брякнулся в обморок. Жалея, о том, что чересчур «перегнул палку», я, под пронзительные вскрики Фирджи, плеснул на Дукаса водой из фляги. Это привело его в чувство. Фей уселся в лужицу, стёкшую с него, и осоловело заморгал ресничками.

– Послушай, я рад, что в твоей жизни всё наладилось и... Я уверен, что ты желал бы того же и мне.

– Более чем, более чем! Да!

– Отлично. Ты можешь помочь это устроить, – кивнул я. – Как ты знаешь, мне препоручили навестить ваш чудесный Отражатель, и не просто так. Мой отправитель...

– Кто он? Кто он? Кто? Да? Кто? – пытливо прожужжал Дукас, перепархивая на череп Лика Эбенового Ужаса.

– Братец, не прерывай Калеба на полуслове!

Он... – подыскав нужный эпитет и имя, я про себя хмыкнул, – Он очень выньдаположный друид–эзотерик, мой дядя – Снурф. В его необыкновенных экспериментах, направленных на регенерацию дестабилизированной природы, сейчас превалируют жонглирования с заоблачными светилами и их сиянием. Снурф собирает ночной свет в специальные мисочки, ворожит над ними, а потом распыляет над

прогоревшими лесами и загнивающими болотистыми кочкарниками. Безжалостные когти, что катаклизмы впускают в кожу мира, под воздействием мягко блистающих крупниц, обламываются, а иногда и убираются совсем.

Фирджи захлопала в ладошки.

– Как мило! Как достойно! Твой дядя Снурф – большой молодец!

Я натянуто улыбнулся.

– Птичкам, рыбкам, зверушками и рощам – он первый друг, однако на сироту племянника его теплота не распространяется. Снурф, никогда не любивший ни мою маму, ни моего папу, гоняет меня и в хвост, и в гриву. Я доковылял до Отражателя, спасибо тебе, Дукас, (на навершии посоха фей беспокойно задрыгал ножками) с приказом собрать на небе из его лучей репродукцию пульсара. Если волшебные цвета, сакрально сложенного изображения Отражателя, для вбирания которых была недавно выплавлена Снурфом подходящая бронзовая чаша, добавить в уже имеющиеся световые эссенции, то их силы возрастут до небывалых высот! Мёртвые пихтарники распустятся вновь, дюны и барханы разглядятся и опять станут плодородными землями, а заражённые мором реки сызнава ощутят чистоту и биение жизни.

– Выколотки–гвоздодёры! Это так бархатисто звучит, что мне срочно нужно станцевать!

Закружившись вокруг себя, Фирджи заодно застучала каблучками по лавке. Дукас, так же забарабанив чечётку, провозгласил:

– Да! В своих нравственных стремлениях Снурф невероятно похож на Горгона Преломляющего Оттенки! Да, а ты, наделённый без исключения всеми высокодуховными качествами, посланник его волеизъявления! Да! Да! Вы, и ты, и он, вы бесподобны! Да! И мы непременно окажем содействие добрейшему господину Снурфу, однако...

Резко оборвав свой пляс, Дукас, уставившись на сестру, обхватил ладонями щёчки и замотал головкой словно метроном.

– У нас, наверное, ничего не выйдет! Да? Не выйдет! У двоих–то? Да, Фирджи?

– Сто процентов из ста!

– Эй, почему это? Затычки из ушей выньте! Парень вам непрозрачно намекнул, как его надо отблагодарить за расшивку ваших дурацких неурядиц! Уважьте человека! – взъерепенился Джейкоб.

– Снурф не пустит меня домой, пока в надзвёздной сфере не увидит пульсар Отражателя! Я останусь без крыши над головой! Этого ли вы мне желаете? Этим ли хотите наградить за тяжкий труд? – напустился я на фей, метая взглядом молнии.

– Нет! Нет! Да! Вернее, нет, не совсем так! Потребуется поддержка наших соседей – вот так точнее! Да! Их тоже! – заскулил Дукас, сыпля на меня сверху пылью. Я чихнул и дирижёр–оптик, подхваченный потоком воздуха из моего рта, слетел с Лика Эбенового Ужаса.

Растягивая грудь для очередного чиха, я натужно изрёк:

– Ты рассуждаешь, словно кашу жуёшь! Повтори всё ещё раз, медленно, избегая речевого каламбура и своего вездесущего «да»!

– Не причиняя вреда деятельности Отражателя, мы можем выделить на моделировку пятивершинника, и с огромной радостью сделаем это, все Запасные Зеркала. Но их яркости, к сожалению, не хватит, чтобы запечатлеть весь узор, максимум треть. Понимаешь? Ресурсов только одной Жёлтой Башни здесь будет недостаточно. Без мощи Красной Башни Короля Брена и Синей Башни Импрет мечта Снурфа так и останется мечтой. Тебе придётся заручиться их...

Моё громогласное «апчхи» опрокинуло Фирджи в лопуховую заросль.

– Да! Тебе понадобятся их Запасные Зеркала! Да! Ой, извини! Я опять это сказал, да? – зачастил Дукас, вылетая из-за горчичного дерева. – Если Жёлтая, Синяя и Красная Башни объединят свои усилия то, гарантирую, мы все увидим, да, прости, озарение небес! Пульсар вспыхнет! Да! И ты на «ура» выполнишь свою сановитую, глубоко этичную миссию!

Я открыл рот, собираясь со всей прямолинейностью отправить Дукаса лично истребовать у других дирижёров–оптиков Запасные Зеркала, но передумав, закрыл его. Поводов на то у меня было три – генеральный, второстепенный и побочный.

Генеральный – неизвестно, как фея или его сестру встретят прежние владельцы Приумножающих Триплексов. Не надевая пенсне сыщика, Король Брен и Импрет уже давно, по дорожке пылицы ведущей от барахлящих Искателей к Жёлтой Башне, поняли, в ком возбудился аппетит до чужого добра. Их справедливая обида, заражённая спорами враждебности, шутя отвергнет все упрасивания и ходатайства крылатых пискунов. Ультимативный отказ как способ наказания фей, потом, безусловно, перекинется и на меня. Этого допустить нельзя, поэтому Красную и Синюю Башню я навещу сам.

Второстепенный – в моём списке героических свершений есть пункт с «восьмью белоснежными лапами». Бесстыжее похищение Пастасарамы из Тутовой Прогалины клеймит Импрет как злодейку, это так, но её странное преображение из внимательной и отзывчивой ведьмы, ухаживающей за посевами Серебряной Росы, в монстра не находит у меня дискурсивного объяснения. Только колдун–мракобес, до костей изгрызенный плесенью Тьмы, позарится снимать с кого–то кожу, а за стихийными ведьмами такого пристрастия не водится, им подавай иное: огонь, воду, ветер. Разрыв многовековых дружеских отношений, жуткий мотив, чёрные шали вместо излюбленных синих одежд, враждебность, сии, кричащие о своей ненормальности метаморфозы проклеены ленточками загадок и гнилостных

противоречий. Необходима очная ставка с Импрет. Она, подобно ножу для писчей бумаги, подковырнёт угол запечатанного конверта и выудит из него лист, который поведаёт мне, что предпринять дальше. Приступить к «спасательной операции» меня подначивает ещё и собственный стимул – Импрет метнула в меня Молнию, а я не из тех, кто стерпит такое – я мягко или крепко, смотря по ситуации, шлёпну её в ответ.

И третий, побочный повод – удовлетворить изголодавшееся любопытство. Одержимый расширением своей эрудиции, я всегда, как саранча на злаки, мчусь поглощать бесценную цедру тайн. Исследовать или не исследовать Отражатель? Пфф! Сомнения такого толка меня никогда не мучали! Всенепременно исследовать! Секреты, прячущиеся за композициями люстр, линзовыми пилястрами, рычажками, искрящимися канелюрами и слепящими изразцами так и молят, чтобы я поскорее их всех отыскал, а затем раскрыл! Разве тактично им отказывать в этом? Ни в коем случае! Сверхъестественность! Инженерная каббалистика! Дифракционные мистерии! Ух! В закутках Отражателя таких сокровищ полным-полно и я с наслаждением, если получится, окунусь в их закулисную негу.

– Мне тут припомнилось, что о пропорциях и размахах цветной звезды Отражателя дядя Калеба пожеланий не озвучивал. Возможно, не придавая, как выражаются в простонародье, кисти излишнюю жирность, у вас, фей, заладится обстригать дельце Запасными Зеркалами Жёлтой Башни, не? Обрисуйте пульсар поменьше, да и баста!

– Какой он умный, твой зачарованный кинжал! Он мыслит не как оружие, но как умудрённый летами человек! – восхитилась Фирджи, высовывая фиолетовую макушку из-под стеблей.

Я рассмеялся.

– Долго кочуя от хозяина к хозяину, Джейкоб поднабрался сметливости. Но это ещё что! Потом он персонифицировался и поверил, что и сам когда-то имел две руки и две ноги.

– Они у меня были!

– Ты забавный! Да! – звонко произнёс Дукас, потерев ладошкой по рукояти оружия.

– Не щекочись!

– Да? Ой! По «Искателю» я знаю, что дом Снурфа находится очень далеко и крохотный пульсар, а другой нашими Запасными Зеркалами не создать, твой дядя не приметит! Да! Незадача!

Я потянулся и широко зевнув, вспомнил совет невидимого шептуна.

– Ладно, давай мне Приумножающие Триплексы. Я пойду, отдам их Импрет и Королю Брену. Надеюсь, что получив причиндалы от Искателей, они проникнутся ко мне симпатией и любезно прибавят мощь своих Запасных Зеркал к вашим. Вы же начнёте воссоздавать пульсара уже сейчас, так?

– Щётки–ёршики! Мы примемся за его иллюстрацию немедленно!

– Да! Да! Фирджи подготовит Запасные Зеркала Желтой Башни, а я пока сниму Приумножающие Триплексы Короля Брена! Да! Я их последними вкручивал! На это уйдёт у меня часов шесть!

– А у меня не менее семи!

– Чудесно. Я тогда посплю. Наколдуйте мне подушку.

Дукас потерял выпиравшую веточку дерева, на поверку оказавшуюся штырьком, и из дупла тут же вытиснулся вещевого шар, скомпонованный из одеяла, подголовного валика и матраца. Едва не бабахнувшись об меня (я вовремя отскочил), он растелился на лавке и заблагоухал утончёнными нарциссами.

– Спасибо. На завтрак я хочу сэндвичи, кофе и яичницу, – снимая сапоги, немного нагло оповестил я.

Вежливость – украшение любого стола, но за этот день мне довелось столько набегаться, надуматься и «насражаться», что я сказал по–простецки, так, как привык говорить в своём замке. Шато! Мой дорогой повар Тина, давненько ты не квакал мне на ухо о том, что на десерт подашь чизкейк... Я скучаю по тебе!

– Будет исполнено! Да! Устраивайся и отдыхай! Да! Еда будет!

Улёгшись на бок, я прикинул лбом к деревянной спинке импровизированного ложа. Щель перед правым глазом акцентировала внимание на примечательный кусочек лесной обстановки. Среди буйства золотистой растительности возвышалась бледно–медовая копия Хромма. Кристалл помигивал и я, загипнотизированный истомой его пульсации, кувыркнулся в мрачный сон.

Коридор зарешёченных окон, таящих за собой дымные ямы пустоты, намекал на то, что пути кроме как вперёд, у меня нет. Колыхания и белёсые растяжения цвета, остающиеся после каждого шага, опустили мой взор вниз. Я был чем–то струящимся, призрачным. Мою чёрную одежду сменила мертвецкая хламида с нечётким перламутровым оттиском и ржавыми кандалами. Неведомая сила рабски согнула меня и поволокла через всю наводящую страх длину, к проёму быстро разрастающейся пропилеи. Мои колени и локти стёсывались об холодный пол, я кричал, но из горла вместо крика выливалась грязная, отвратительно пахнущая жижа. Ощущая себя совсем не собой, а кем–то, не вписывающимся в рамки реальности, я против своего желания затащился в промозглую залу с десятками фигур в серых балахонах. Из–под их объёмных капюшонов, обтянутых молочными сетями, навеивая макабрическое уныние, сверкали лазурные очи. Хранящая молчание толпа расступилась, и меня потянуло к паутинному трону, на котором сидел величественный мужчина в доспехе из костного материала и высоком шлеме, стилизованном под коронованного паука. Мужчина встал, и аура его всевластия ещё более придавила мою и без того согбенную голову к

алмазной плитке. Я осмелился искоса взглянуть на богоподобное лицо, а таким оно, несомненно, казалось. Его поразительно правильные, восковые черты, плывущие в отсветах свечного хоровода, кичились царственной безгливостью и мощью. Огненно–красные глаза, заворачиваясь дырами и пронзая саму материю, изучали меня и что–то прикидывали... В моих руках вдруг возникла шкатулка и ключ. Мужчина потянулся к ним, но потом отступил. В нём полыхала ярость. Он не мог дотронуться до меня.

– Отдай их, и я отпущу тебя, – потребовал мужчина не допускающим возражений голосом. Его лазурноокая свита, непрестанно мнувшая в перчатках шёлковые комки, обступила нас со всех сторон. Витающая в воздухе злоба, налитая неуёмной жаждой насилия, тушевала и опрокидывала мой рассудок в пучину отчаяния. Мне хотелось исчезнуть, раствориться, провалиться сквозь землю, но не я мог, я был пленником нависшей надо мною горы могущества. Прижимая к животу шкатулку и ключ, подсознательно осознавая, что они–то и есть моя единственная защита от жестокого господина, я тихо ответил:

– Нет.

– Тогда страдай, – безучастно сказал мужчина, вновь усаживаясь на безобразный трон.

От колонного предела оторвалось пятно живой мглы. Затем оно рассыпалось, и я с ужасом увидел, что на меня несётся рой эфемерных тварей. Насекомообразные, с загнутыми клычками и острыми коготками на мерзких лапках, они остервенело накинудись на мою полупрозрачную шею и просвечивающиеся под тряпьем вены. Они сосали мне кровь, выдёргивали жилы, отравляли ядом, а я всё не умирал и продолжал испытывать неопишемую боль. Всю пытку миньоны–нелюди хрипели заунывные оды, «чмыкали», «прешепетывали» и стучали каблуками. Их демонические рефрены сводили меня с ума, однако шкатулка с затейливой вязью, так же как и фасетчатый ключ, не позволяли безумию взять надо мной верх. Я корчился и, обессиленно шевеля губами, уверял себя, что фатальный

финал неизбежен, что рано или поздно Смерть заберёт меня, потому как ни что не может длиться вечно...

– Феи... На помо... Эй! Кто-нибудь, на помощь... Парень, проснись... – донеслось до меня невнятное дзиньканье. – Паре...

Эхо на задворках слуха... Нет. Оно внутри меня. Я брежу...

Время, растянутое в струну тоньше волоса, измывалось надо мной атаками плотоядных гнид. Хныча, я уже больше тысячелетия был принуждён взирать на дьявольскую ухмылку моего палача. Раны от укусов мгновенно зарастали и под нажимом слюнявых пастей выступали опять. От сего круговорота фасад моей выдержки, закалённой в бессчётных смертоубийственных переплётах, дал трещину, и огненно-красные прорези сразу это уловили.

– Я Укулукулун из Дома Тобольдо, архонт Обрекающей на Забвение Рифф! Сопротивляться мне не имеет смысла! Ты обречён! Уступи Путаницу или я продлю твою агонию ещё на миллионы лет!

– Зря ты так самоуверен, Паучий Ставленник, – утомлённо ответил ему чей-то знакомый голос. – Отражатель вмиг разобьёт твои липовые наваждения.

Внезапно устеленный туманом свод взорвался радужными брызгами. Там, где раньше господствовала тошнотворная ночь, и её сыны изгалялись над своей жертвой, занялось солнце. Его животрепещущие лучи, без промедления, занялись обдиранiem пыльных обоев и испепелением, завопивших бесами людей. Под гнётом блеска трон деформировался и вмял Укулукулунa в своё льняное лоно. Костяная броня треснула и оголила розовые рёбра, однако близкая кончина, похоже, ни чуточку не взволновала архонта. Он пялился на меня страшными рдяными воронками и скалился.

– Я вернусь. И друзьям будет тебя не спасти.

– Пошёл ты к троллю в зад! – выдавил я, привставая с колен.

Укулукулун дёрнулся и затащился в последнее пятнышко мрака, не поглощённое солнцем. Меня же, напротив, понесло к насыщенной ячменной выси. Зернистость сжалась и приобрела черты спящей орбиты. Неистово моргая и прерывисто дыша, я, втянувшись в сердцевину лучезарности, внезапно обнаружил, что свет исходит из жёлтого двойника Хромма. Мокрый от пота, я свалился под лавку, где и метался в сонном умопомрачении.

– Мой задаток... Не сомневайся во мне... Отремонтируй Отражатель! Начни с Брена... Он важнее...

– Кто бы ты ни был, я благодарен тебе за своевременное вмешательство, – прошептал я затухшему поблёкшему кристаллу.

– Что значит, кто бы ты ни был? Тебе «вспоминалку» отшибло? Я орал тебе минут двадцать! Парень, давай завязывай со своими кошмарами! Это уже не смешно!

Выплюнув пару травинок, попавших в рот, я, мелко подрагивая, перебрался на матрац.

– Хотел бы я с ними так легко завязать.

По дорожке, ведущей от центра Жёлтой Башни, ко мне грузно порхал довольный Дукас. В его ручонках бултыхался мешок превышающий размер фея раза в четыре. Долетев до меня, он скинул свою ношу на покрывало и приветливо улыбнувшись, произнёс:

– Ты выспался? Да! Вижу, что да! Как огурчик, весь такой бодрый! Да! Фирджи ещё возиться с Запасными Зеркалами, а я уже управился! Да!

– Не то слово, как заново родился. Твоё усердие находится в нём?

Отчаянно кивая, дирижёр–оптик развязал узел мешка и из расчехлённой горловины достал два поменьше.

– Да! Я скрутил Приумножающие Триплексы Короля Брена и да, не остановился на этом! Воодушевлённый значимостью опытов, производимых твоим дядей Снурфом, я ускорился! Да! Плюсом к Приумножающим Триплексам Красной Башни, я вынул из наших Улавливателей ещё и части Искателя Импрет! Да! Бери!

– Молодец, – похвалил я, перекладывая мешочки себе в сумку. – Кстати, что это там у вас за камень такой?

Я показал пальцем на сливающийся с окружающим с фоном кристалл.

– А? Да! Это Гхомм, он как ему вздумается, странствует по Жёлтой Башне! Светится, вибрирует, звенит! Да! Горгон Преломляющий Оттенки говорил, что на нём держатся некие основополагающие принципы работы Отражателя. Да! У него есть брат Хромм, черныш Яцка, Омм – синева Импрет и Умм – багрянец Короля Брена. Да!

– Ясненько.

– Завтрак! Да? Ты про него спрашивал перед сном! Он готов! Да! Пойдём!

– Если ты настаиваешь, – пробормотал я, направляясь за Дукасом.

Пока я шёл по тропинке, мой мозг анализировал реалистичность минувших сновидений и то, что им предшествовало. В Зрячей Крипте потревоженный арахнид швырнул мне в нос меловой, клубящийся дымом окатыш, смахивающий на руну. Я как мог, представил её в воображении. Чёрточки, линии, переплетения, рассыпчатая середина... Почему мне так легко удалось воспроизвести в памяти знак, который я лицезрел всего долю секунды? Потому что я видел его ранее, в книге с серебряными вставками... Она со мной.

Вынудив из закров котомки Первоначала, я прямо на ходу стал листать древние страницы, ища нужного Вседержителя. Так–так–так... Все сходится, эмблема – песочные часы с лапами–ответвлениями и спираль вверху, принадлежит Вседержителю Рифф. Она «помазала» меня горькой благосклонностью, и когда я погрузился в сон, тем самым вознёсшись сознанием к невообразимым океанам Вселенной, через слугу вручила мне Путаницу и ключ к ней, отворяющий дорогу к Испытанию. На нем, на этом Испытании, я должен доказать, что достоин поучаствовать в каких–то будущих интригах Рифф. Препятствием мне определён Укулукулун Тобольдо, наиболее приближённый к Праматери сателлит, коему отныне я своим существованием угрожаю потерей положения – места архонта в Ее Мире – Анкарахаде. Подозревая, что гипотетически низвержение возможно, Укулукулун настроен уничтожить соперника и... Если бы не удивительное вмешательство Отражателя, то у него могло бы получиться это осуществить уже сейчас... Всё это не очень–то и ободряюще. Скорее всего, со здоровым и спокойным сном теперь придётся распрощаться на... Ага, до той поры пока рак на горе не свиснет. Мда–уж. Рифф...

Поворошим чулан памяти. В стародавние эпохи, богатые на сумрачные события, на земли будущего Соединённого Королевства откуда–то с юга, судя по всему, из Ноорот'Кхвазама, мыкающиеся по миру пилигримы принесли с собой семена заморского вероисповедания, восхваляющего Рифф, Праматерь пауков. Кое–кому они пришлись по душе. Так, среди сонма извращённых злом культов, появился ещё один – Дом Шёлка. В дремучих непролазных чащобах «неравнодушными кумиротроителями» были возведены гигантские мегалиты. Изрезанные светящимися письменами, они скрывали под собою глубокие норы, где в обводке фриз, состоящих из голиафов, птицеедов и каракуртов, перед скрижалями и жаровнями затевались кровавые священнодействия и затягивались сиплые оды. Самые ярые фанатики, желающие отдать себя Рифф без остатка, на чудовищных церемониях вкушали фосфоресцирующие яды, ниспосланные свыше тёмным волшебством. Если им везло, и они перебарывали отравление, то по легенде Праматерь делилась с ними Своей энергией, а избранных Она награждала мифологической способностью

«мгновенного перемещения». В изложении Индигового Духовидца, Рифф, как и Урах Вседержитель, – мудрейшая из мудрых и сильнейшая из сильных, однако на данный момент Её последователей в Соединённом Королевстве практически, а как бы и полностью, уничтожили выпускники Инквизитика Конопуса. Один из последних оплотов Дома Шёлка разобрало на щепки семейство Грэкхольмов. Мама и папа Эмилии хотели спасти её младшего брата Ансельма, похищенного с родительского крыльца, но не успели, к их приходу он был уже мёртв. Печальное событие навсегда поселило в моей подруге лютую ненависть к Рифф, и вот теперь... проклятие легло и на меня. От мысли, что мне придётся угождать хищным планам Праматери, мои кулаки непроизвольно сжались. Такому не бывать! Пусть Она и Укулукулун подавятся Путаницей, Анкарахадой и Испытанием! В следующий раз я покажу им, почём нынче стоит фунт изюму!

Между тем Дукас вывел меня к прогалине со старым резным столом. На персиковой скатерти с тонкой бахромой дымилась чашка каши с орехами. Рядышком с ней, на блюде, толпились бутерброды с сыром, поодаль пыхтел кофейник, а за ним – джем, вафли и конфеты.

– То, что ты просил! Да! Всё здесь! Кушай, не обляпайся! Да! А если загваздаешься, то там фонтанчик!

Я улыбнулся. Без яиц, но с кофе. Отрадно, что хоть про него он не забыл.

– Ты идеально запомнил мои пожелания. Овсянка на утро – самое то. Благодарю.

– Приступай! Да! Я вернусь через секундочку! Да!

– Этот фей так часто говорит «да», что в моей голове одни лишь «да»! – пробурчал Джейкоб.

– Да? Головой ты называешь кончик лезвия, да? – подшутил я, отправляя в рот молочное кушанье.

– Ой, острить и я умею! Причём недвусмысленно!

Я расхохотался.

– Кофе восхитительный! Да!

– Я безумно рад, что он пришёлся тебе по вкусу! Да! – пропищал Дукас, неожиданно выныривая из кустов. При нём был овальный футляр. Положив его возле вафель, фей сказал:

– Посмотри, что я тебе принёс! Да! Их носил Горгон Преломляющий Оттенки, но его нет, да, а они тебе понадобятся! Открой! Да! Открой!

В футляре оказались чудачковатые очки с филигранными стёклами.

– Это Светофильтры, они помогут тебе добраться до Короля Брена и Импрет! Да! В них тебе будет не страшен коридорный блеск Отражателя! Да!

– Очень кста...

Желудок стиснуло конвульсивной дугой. Из моих ноздрей хлынули ручьи сопель, а изо рта непереваренная еда и желчь. Я согнулся пополам, чистя Буля Золотобородого на все корки.

– Да? Да! Нет! Я тебя накормил некачественной пищей! Да! Ужас! Что делать?! Что делать?! Фирджи! Да! Фирджи! – запаниковал маленький фей, мотаясь туда–сюда.

– Не зови её, всё нормально, пусть занимается, чем занималась, сейчас всё пройдёт, – прогнусавил я, отплёвываясь. – Такое со мной бывает.

– Не пугай так меня больше! Да! – просвистел Дукас, облегчённо хватаясь за грудь.

– Тебе надо сходить к доктору, парень, твоё здоровье меня беспокоит.

– Я в порядке. Дукас, поведай мне, как дойти до Красной Башни.

– Да! Выходишь вон из тех дверей (дирижёр–оптик махнул в сторону тропинки, уводящей к массивным створам) и идёшь от жёлтого к багряному. Да! Если, заплутав, наткнёшься на другие краски, не относящиеся к данной гамме, то просто поверни назад и начни сначала.

– Хорошо. Привет Королю Брену передавать будешь? – любопытствовал я, вставая со стула. После рвоты меня немного подкачивало.

– Нет! Да? Нет! Да!– глотая звуки и потупив взгляд, забубнил Дукас. – Мне жаль! Да! Скажи ему, что мне жаль! Он норовистый! Да! Может ущипнуть!

– Поглядим. Ну, пока.

– Да! До встречи! Да!

Сапоги затоптали тропинку, посох застучал по камушкам – я двинулся к двери.

– Надеюсь, у Короля Брена нет привычки повторять слово из двух букв, – проворчал Джейкоб.

– Да? О чём это ты? Да? Да!

– Перестань! У меня от этих «да» всё так и кипит!

– Да? Да! Да! Да! – запричитал я к поднесённому к губам оружию гномов.

– Парень! Я близок к тому, чтобы взорваться!

– Тогда согласишься, что лучше слушать умные речи, нежели чем «да»? Да? Да?

– Да! Да! – возопил Джейкоб. – Пожалуйста, понуди про космогенные протуберанцы и магические коллапсы! Мне этого так не хватает! Да! Про них! Да! Да!

– То–то же!

Пихнув створы, я оказался под прицелом тысяч и тысяч отполированных поверхностей. Трапеции, цилиндры, овалы, кубы, октагоны и прочие геометрические фигуры, обретая исступление в самих себе, саднили сетчатку каскадами неутихающих зарниц. Поспешно нацепив Светофильтры, я взглянул на окружающую действительность по–новому. Нестерпимая резь нефрита, смывающая собою контуры и очертания ближайших рубежей, подменилась мягкостью прорисовки и затенённостью фона. Теперь мне было видно, что у меня под ногами, умеренно сверкая турмалином, стелется циклоидная дорога. Слева и справа бесконечно крутились и перестраивались кабошоны и гладкие хрусталики. Их миражная, беспорядочная циркуляция, замешивающая золотую палитру, равно как и настенное ползание эксцентричных пиритных цепочек, дотоле мною не усмотренных, возбудили во мне жаркую заинтересованность. Пустившись в блуждание по лабиринту, я ощупывал стены и заглядывал в сферические ячейки. Кое–где мне попадались странные вазы с тонкими лапками–опорами, в них вместо привычных всем букетов флоры торчали адамантовые стержни, ткущие своими набалдашниками–звёздами непостижимые сияющие узоры. Эпизодически я натёкался на диковинные глыбы. Спаянные из россыпи пузырчатых стёклышек, они, тихо вибрируя, сочились светом и вращались вокруг своей оси. Я шёл и шёл, а клацающие шестерёнки, жеоды, источенные штифтами, и громадные кварцевые столбы, словно сладости для мальчишки, вызывали у меня восхищение. Каждый малюсенький закуток, каждая полость, отделённая от центрального прохода флюоритовой кладкой, что–то за собой да скрывала! Будь то ряды полых трубочек, катающих через перемычки мерцающие дыней

орбиты или приборы, усеянные чем-то наподобие стальных перьев, – всё тянуло мои глаза к себе! О, Вселенная, сколько же тут всего! Заворожённый прелестями Отражателя, я, тем не менее, не упустил из виду, как ярая желтизна мало-помалу стала подменяться тёмными тонами. Переход к багряному оттенку происходил едва приметно – там выглянет румянец, сям мелькнёт розовый. Постепенно малиновые и гранатовые цвета вытеснили весеннюю солнечность на задворки гаммы. В один из моментов, осматривая дощечку с вязью рун, я вдруг понял, что уже довольно давно вступил в зону Красной Башни. Бесконечные разновидности алого окраса,водя меня по туннелю, битком набитому сверкающими чудесами, в конце концов, направили мои стопы на подиум, прошествовав по которому я остановился перед рубиновой дверью. Она была чуть приоткрыта, и мне, прежде чем вежливо постучать, захотелось сперва заглянуть в щель, сочащуюся багровой поволокой. После всех аккуратных и самобытно подогнанных зеркальных вариаций, порядка и грациозности, повсеместно встречаемых мною в Отражателе, увиденное в просвете поразило меня – в Красной Башне явно творилось что-то неладное. Побитые осколки зеркал вперемешку с кроваво-минеральным крошевом, удручающим ковром устилали обожжённый кирпич дороги, ведущей к нечёткому очертанию коридора, таящемуся в тумане. Дивясь разорению, я уловил краем уха отдалённые звуки, одновременно несущие в себе глухой хруст, топоток мелких ножек и боязливые повизгивания. В гнетущем предчувствии очередных малоприятных событий, с вновь болезненно задёргавшимся желудком и обострённой осторожностью, я, пихнув дверь, оказался в палатах Короля Брена.

Изнутри главный оплот Красной Башни олицетворял собою некий подземный мир, сочленённый из множества ходов-дыр, по округлости уводящих вверх. Ни деревьев, ни пёстро-струйных фонтанчиков, как в Жёлтой Башне, здесь не было, зато в достатке имелись корневища и грибные наросты, с удивительными включениями надломанных и как бы обкусанных фрагментов смородиновых и вишнёвых линз, а так же драгоценных камней и полированных форм. Поразительным было и то, что кое-где вздутые отростки и трюфельные колонии оплетали иззубренные механизмы, утробно ворчащие и испускающие пар без

всякого запаха. Ориентируясь на писк, в децибелах возрастающий с каждым пройденным шагом, я поднялся в просторную пещеру, в глубине которой, у разветвлённой адамантовой конструкции с тубусом, принятой мною за Искатель, копошилось нечто живое. Когда я приблизился, то понял, что передо мной мышинный клубок, мельтешивший туда–сюда подле здоровенной трёхголовой крысы в коронах, держащей в пухлых лапах кусок радужного прута! Верещание прекратилось, только после того, как эта крыса–мутант махнула прутом и громко воскликнула всеми тремя головами:

– Олухи! Никчёмные серые животы! Посмотрите! Мои враги уже чувствуют себя в Красной Башне как дома! Они разгуливают у престола, а вы даже не шелохнётесь! Что встали?! Защищайте меня!

Штук двести–триста усатых мордочек, незамедлительно повернулись в мою сторону. Зубки заскрежетали, хвостики злобно задрожали, коготочки растопырились – мохнатая армия приготовилась к нападению.

– Воу–воу! Стойте! Я не враг, а наоборот – друг! Меня зовут Калёб, и я ищу Короля Брена! – поспешно заговорил я, косясь на мышинное море. Быть съеденным подвальной сворой я как–то не желал.

– Зачем тебе нужен дирижёр–оптик? Что у тебя к нему за дело? – осведомилась крыса–мутант, знаком придерживая своё войско. Я увидел, что моё заявление вызвало интерес у трёхголового создания.

– Я принёс Королю Брену его Приумножающие Триплексы и извинения от Дукаса, – ответил я, похлопав по своей сумке. – Но отдам я их только ему.

– Я Король Брен! И я знаю, что Дукас – мерзкий воришка! Не так давно его пыльца была здесь повсюду! И теперь, что? У него совесть взыграла? Решил вернуть краденое? Однако надо полагать, прилететь самому у дурака оказалась кишка тонка – он подослал ко мне, только подумайте, человека! Давай уже мне мои Приумножающие Триплексы, без них в Красной Башне всё пошло кувырком и ещё того хуже!

– Как посреднику между вашими взаимоотношениями мне причитается небольшая плата, не совсем впрочем плата, скорее малюсенькая услуга.

– Ты смеешь требовать у меня расчёта за то, что принадлежит мне по праву?! – возопил Король Брен, хлопая по лапке своим прутом. – Да я тебя ущипну!

Мышиное полчище угрожающе загалдело.

– Назревает новая драка, приятель? – подал голос Джейкоб.

– Пока нет, – с кривой ухмылкой отозвался я, удостоверившись, что грызуны ошалело отшатнулись от устрашающего посоха.

– Я не хочу причинять тебе и твоим эээ... подданным вреда, о высокочтимый Король Брен. Как было сказано мною вначале – я – друг, но если того потребует ситуация – всё может кардинально измениться. Выбор за тобой.

– Чего же ты хочешь, д-р-у-г? – растянуто, с недоверчивым прищуром, спросил дирижёр-оптик.

– У меня есть задача – чтобы Отражатель создал на небе светящийся пульсар. Я обсудил детали с хозяевами Жёлтой Башни и они уверяют, что без твоей помощи мне не справиться. Я хочу, чтобы ты, в обмен на Приумножающие Триплексы, подключил Запасные Зеркала Красной Башни в мою затею.

– Ха! Будь уверен, что сейчас это невозможно! Приумножающие Триплексы мне очень нужны, не спорю, но без целой «Чесалочки» (Король Брен покрутил своим прутом над головами) я больше не могу управлять линзами Красной Башни! И виною, кстати, тому Искатель и безмозглый Дукас!

– Что ты имеешь в виду?

– Видишь палку? Раньше то была не палка, на её вершине серебрилась ворса и звалась она Чесалочкой! Орудую ею, я скрёб себе пятки и монтировал положение зеркал в Красной Башне как было заведено по укладу. Однако когда Дукас скрутил мои Приумножающие Триплексы, в один из прошлых дней, из Искателя, ни с того ни с сего выпрыгнула полупрозрачная копия меня – Доппельгангер! Я так опешил, что и охнуть не успел, как мерзавец вцепился в Чесалочку пастью и, оторвав от неё наверх, скрылся в недрах моих владений!

– Ну и история у тебя! Что же ты так сплеховал? – присвистнул Джейкоб.

– Меня нервируют такие вопросы! – возмущённо пропищали три головы, две из которых сердито нахмурились.

– Джейкоб, будь добр, помолчи.

– Я тоже хочу участвовать в разговоре!

– Хорошо, поучаствуешь в нём из сумки.

– Ну, ты и противный. Ладно, замолкаю.

– Я всё уладил, – сказал я, кивая Королю Брену.

Дирижёр–оптик, грузно облокотившись на одну из мышинных спин, взобрался на трон с затейливым декором, а затем печально продолжил:

– Доппельгангер забрался в Стекольник – расщелину со смальтой. Он бьёт её и ест – от этого становиться наглее и более реалистичнее. Мои помощники не такие умные, как я, и поэтому стали принимать его за меня! Общество Красной Башни разделилось, половина думает, что я – самозванец, другая половина пока на моей стороне. Бесконечное увиливание мышей от самых простых поручений, ввиду того, что в их скудных извилинах проступают сомнения – «а Король ли Брен

поручил мне это», не дают мне поддерживать вверенную мне Горгоном Преломляющим Оттенки территорию в надлежащем порядке!

Три носика печально всхлипнули.

– Красная Башня вот–вот собьёт все настройки Отражателя! И тогда останется только кричать караул!

– Вот о чём я тебе говорил, – прошептал мне всё тот же загадочный голос. – Красную Башню нужно спасать...

– Я попробую, – шёпотом отозвался я, выпрямляя спину.

– Для тебя мною отменён Немеркнущий Закон...Твоя магия будет работать...

– Что? – спросил трёхголовый грызун.

– Если я решу твою проблему, то ты обещаешь «вложиться» в мой пульсар?

Мыши и я устремили взгляды на Короля Брена. Он пожевал одной из голов длинные усы, а потом сказал:

– Верни мне Приумножающие Триплексы и часть Чесалочки, что умыкнул Доппельгангер, и тогда я, так уж и быть, сделаю то, что ты просишь.

– Замётано. Что я должен знать ещё о твоём Доппельгангере?

– Лже–Я – полная моя противоположность! Я выступаю в открытую – он хитрит, я – созидая, он – разрушает, я стремлюсь к порядку, он – к хаосу. Доппельгангер – порождение конфуза моего Искателя, он связан с ним и это даёт ему силу распоряжаться мощью Отражателя – только поэтому я не смог прижучить гадину. Завидя меня, Доппельгангер выставляет барьер, за который моей коронованной особе не получается пробраться. Я не знаю, как ты его

преодолеешь и как вынудишь убратся Лже–Меня из Красной Башни, однако мне есть что посоветовать: берегись зелёных красок – они паразиты–ошибки, плодимые Доппельгангером.

– Понял. Где находится Стекольник, о котором ты говорил?

– Тремя витками ниже, вход в него ты найдёшь прямо за статуей Горгона Преломляющего Оттенки.

– Жди меня с куском твоей Чесалочки, – уведомил я, направляясь к началу мышинной пещеры.

– А как же Приумножающие Триплексы? – вдогонку крикнул мне Король Брен.

– И с ними тоже.

Глава 5. Пленник Пёстрого Бога

В моих приключениях, а их на моём веку выпало немало, я сталкивался с самыми различными, выглядящими как не пойми что, представителями звериного мира. Однако с крысой с тремя головами, нынче, я познакомился впервые. Мало того, что она говорит на моём языке (впрочем, как и Дукас, и Фирджи, что странно), так ещё и носит миниатюрные короны, управляет мышинным царством и следит за ворохом блестящих штукovin! Мда, Вселенная, чудны твои творения!

Я спускался по красноватой воронке вниз, с любопытством осматривая бугорки гигантских корней и рыхлые, припорошённые светящейся пудрой грибы.

Если Король Брен для меня – кое–что новенькое, то с термином «Доппельгангер» я знаком из древней книги «Иллюзии Тайного», хранящейся в моей библиотеке – некогда мне подарил её Бертран Валуа. При феноменальном стечении обстоятельств, послужи тому неудачный магический выверт либо фантасмагорическое аномальное явление, внезапно свергнувшееся с небес, из чародея или волшебного

предмета, ставшего ядром мистического коллапса, может вылезти его противоположность—двойник — разумная тень, целью которой неизменно является только одно — получение вещественности. Лже—оболочка будет стремиться впитать в себя аспекты сродные «оригиналу» и, при достаточном насыщении, воплотится в явь. Доппельгангер Короля Брена, следуя интуитивному позыву, забрался в Стеклольник, содержащий в себе, по всей видимости, легко усваиваемые компоненты для своей материализации. Достигнув неких результатов он, в определённой доле помыкающий силами Отражателя, смог отгородиться от нападков своего прототипа. Опираясь на толкования «Иллюзии Тайного», я могу предположить, что ключ, отмыкающий «преграды», лежит в вещах конгениальных самому Доппельгангеру. А именно в Приумножающих Триплексах, которые не были отданы мною Королёв Брену из—за данной, сформировавшейся во время разговора, теории.

— Парень, какие сводки с фронта?

— Пока тишь да гладь.

— Что—то мне это не нравится. Лезвию чувствую, что это к неприятностям.

— Неприятности — мои верные наперсники.

— По моему мнению, эта компания тебе не подходит.

— Что поделать? Они набились мне в друзья ещё в детстве.

— И ты тому не возражаешь.

Я усмехнулся.

— Зато не скучно.

Мимо прошмыгнуло с десяток мышей. Задорно попискивая, они все вместе тащили тележку, набитую слюдяными плиточками. Вдруг

Красную Башню затрясло. Со сводов посыпались осколки и комья земли. У моих ног оголился изгиб корня. Испуганно вереща, мыши бросили свою ношу и скрылись в тёмном углу. Землетрясение продолжалось всего какую-то долю секунды, однако теперь мне стало ясно из-за чего вокруг так много всего разрушенного. Несомненно, эти проказы чинятся лапами Доппельгангера. Скоро я с ним встречу.

Миновав два яруса, я снизошёл к третьему. Здесь было жарко и сыро. Запотевшие зеркала испускали приглушённое, маревое сияние. По полу там и сям сновали грызуны. Моё появление их нисколько не смущало, хотя вызывало некое недовольство, когда Лик Эбенового ужаса, по случайности, задевал тот или иной длинный хвост. У основания Красной Башни, корневища, как и пульсирующие бордовые глыбы, облепленные вездесущими грибами и алым мхом (схистостегой перистой), по размерам значительно превосходили своих собратьев с более высоких нор-уровней. Идя по влажной тропинке, я внезапно ощутил, как пятку пронзила острая боль. Я мигом поднял ногу – подошва дымилась. На том месте, где она имела несчастье приземлиться, лучилась весёлая зелёная снежинка размером дюйм на дюйм (едва не продырявила меня, окаянная). Дальше я уже шёл более сосредоточенно. Чем ниже я нисходил к Стекольнику, тем больше зелени и погрома попадалось мне на глаза. Изумрудные и нефритовые тона въедались в антураж стен подобно яду, а плесневая флуоресценция и малахитовые миазмы подземного газа создавали какой-то потусторонний, чарующий колорит. Дышалось легко, но не опасны ли эти испарения? На всякий случай я натянул воротник мантии по самый нос. Тут, в высоком углублении, обласканном призрачным, полностью зелёным светом, выступила величественная статуя мужчины, закутанного в плотную хламиду. Его лик, мудрый и суровый, непроизвольно вызывал уважение – так выглядят мастистые колдуны, умудрённые загадочными исследованиями. При взгляде на остов статуи, странные руны сами собой сложились в три слова – «Горгон Преломляющий Оттенки». Вот значит ты какой.

Осторожно, чтобы невзначай не задеть глянцево-оливковые наросты, я прошёл через арку, щедро оплетённую мраморными лианами. Стекольник... Да, это он. Всюду огрызки смальты и

геометрическая разруха... Идя вдоль квадрата, болезненно мигающего торфом, я издали приметил полупрозрачную тень Короля Брена. Она с упоением жевала смальту, в избытке подносимую скопищем мышей, возглашающих заискивающее «пи–пи–пи». Смотря на всю эту возню, я формировал «Огненный Шар». Заклинание у меня получилось. Немеркнувший Закон, как и сказал незнакомец, перестал тяготеть надо мной! Чары переместились на Лик Эбенового Ужаса, после чего я двинулся к самозабвенно пирующему Доппельгангеру. Мне казалось, что он так увлёкся набиванием трёх ртов, что моё возникновение в Стекольнике осталось без внимания... Я заблуждался. Прицеливаясь скворчащим пламенем в дорожное тельце, я ни с того ни с сего, бабахнул об невидимый барьер, зарябивший разнообразными всполохами травяных тонов. Лоб обожгло. Глаза заслезились. Меня затрусил кашель, переросший в удушливое перхание.

– Парень, я не успел тебя предупредить, магическая стена выросла прямо из неоткуда!

– Любят они тут стенки воздвигать! – прохрипел я, отшатываясь к кургузому пунцовому камню.

– Ох, ох, ох! Кто это явился – не запылится? – отбросив смальту в сторону, гнусаво протявлял Доппельгангер. – Тот, кто называет себя Калобом, тот, кто пришёл повидаться с подлинным Королём Бреном! Да, мне все ведомо, что твориться в Красной Башне!

Мыши вокруг трёхголовой лже–оболочки одобрительно зачирикали.

– Так что же ты не заходишь? Что не здороваешься? – продолжал Доппельгангер, крутя в лапках радужную пластинку, снабжённую мелкой ворсиной. – Не можешь? Плохо тебе? Ай, ай, ай! Досадно! Сейчас я тебя подлечу.

– Без тебя обойдусь, – отозвался я, совладав с собой.

Самозванец–король взмахнул куском Чесалочки и громко повелел:

– Вы давно вкусно не ели, дети мои! Вперёд! Обглодайте его дочиста!

Писк, вобрав в себя октаву голодного иступления, поднялся до небес и все как один, грызуны кинулись вкусить моей плоти. Вонючей лавиной они набросились на меня, и их клычки принялись терзать мою одежду, а кое–где и кожу. Погубив Огненным Шаром с полсотни мышей, я быстро вынул мешочек с Преумножающими Триплексами и кинул половину его содержимого перед собой. Окатанные орешки, своенравно утыканные вертикальными гвоздиками, лягнулись об пустоту и упали вниз. Доппельгангер демонически расхохотался, при этом его пузо задрезжало жирными складками. Мыши, мелкие бестии, тем временем вновь атаковали моё тело. Они подпрыгивали и больно кусали меня, где придётся: за локти, за голени и за бока. Альдбриг и Лик Эбенового Ужаса, на пару, кромсали меховой океан, но его «воды» с каждым мгновением все прибывали. Меня облепили всего, и только волевым усилием я всё ещё не впал в панику.

– То–то же, «мак–дурак»! Будешь знать, как соваться, где тебе не рады!

Наиболее вёрткая и проворная мышь, подскочив, вместо моей перчатки тяпнула зубками за кинжал гномов, после чего свалилась замертво.

– Парень, очко в мою пользу! Сколько на счету у тебя?

– Пока штук семьдесят, но к ста от меня останется лишь один скелет, – крикнул я, давя каблуком очередного несносного вредителя подземелья.

Сосредоточиться для хоть какого–нибудь заклинания я не мог, и поэтому, здраво оценив свои шансы на победу, стал отступать. Почуввав мою слабость Доппельгангер Короля Брена сипло возликовал:

– Тебе некуда идти! Сзади тебя ждёт сюрприз!

Лже–оболочка оказалась права. Стоило мне попятиться и – бамс, затылок стукнулся об невыразительную для глаза твердь, а спину обдало горячим напалмом.

– Посыпь...посыпь Умм оставшимися Приумножающими Триплексами... это сработает... – проговорил полный изнурения голос. – Умм... слева...

Я крутанулся и понял, что тот пунцовый камень, находящийся подле меня, моргает затаённой энергией. С трудом стряхнув с себя обезумившее прожорливое полчище, я ринулся к брату Хромма и Гхомма. Развернув мешочек во второй раз, я трясущимися пальцами сыпанул горсть Приумножающих Триплексов на Умм. Раздался беззвучный взрыв, и мыши с визгом побежали кто куда. Своё место не покинул лишь Доппельгангер. Он ослабился и направил половину Чесалочки на меня. Из ворсы вылетел густой комок и врезался мне в грудь. Ух, как крепко... Ударом меня откинуло на какой–то склизкий нарост.

– Дорога к паразиту... свободна, – оповестил мне мой незримый помощник. – Действуй...

Весь израненный, я вскочил на ноги и, увернувшись от нового запала, прошелестевшего расплавленным сгустком в дюйме от моего виска, со всей «дури» на «графский манер» шандарахнул посохом по карликовым коронам Доппельгангера. Мерзавец осел, зарябил, но не развоплотился.

– Меня такими штучками не возьмёшь! – просвистела лже–оболочка, вцепляясь тремя парами челюстей в мою лодыжку.

– Ах, ты мелкий фурункул! – взвыл я, ниспосылая Альдбриг вниз.

Мой меч бзынькнул об радужное навершие Чесалочки и, не причинив вреда её обладателю, упёрся остриём в почву. Впрочем, Лику Эбенового Ужаса повезло больше. Его магическо–парализующий

тычок оторвал негодя от меня. Словно мяч, Доппельгангер совершил кульбит и измождённо рухнул подле горки поколоченной смальты. Заклинание, выпущенное Ликом Эбенового Ужаса, поставило «крест» на противодействии лже-оболочки.

– Парень, что за чехарда там у тебя?

– Пытаюсь состряпать любимую еду гоблинов – «крысу на вертеле»! – крикнул я, подводя Альдбриг к уродливой мордочке.

– Твоя взяла! Я сдаюсь! – пропищал Доппельгангер, поднимая лапки кверху.

– Не ведись... Он зло для Отражателя и не должен... существовать, – настойчиво надавил голос.

– Я сам решу, что с ним делать, – нахмурившись, ответил я в пустоту.

Альдбригом, я поддел подбородки Доппельгангера и тот захныкал.

– Ну, пожалуйста! Я не виноват, что появился на свет!

Заявление лже-оболочки было правдой. Доппельгангера породил дисбаланс Отражателя, вызванный манипуляциями Короля Брена с его Искателем. Отталкиваясь от этого нравственного умозаключения, я спросил себя – разве можно кого-то, пусть даже «тень», винить за желание жить? Конечно, Доппельгангер пытался убить меня, и его прихвостни хорошо над этим постарались, однако кто поступил бы иначе, знай, он, что по его душу пришла Смерть? Оттого, вопреки многочисленным травмам, я не винил лже-оболочку за её грубое поведение.

– Что мне с тобой делать? – спросил я у побеждённого Доппельгангера.

– Отпустить! Отпустить! – разом пропели все три головы.

– А куда ты пойдёшь? Я знаю, что «воплощения» своих хозяев не могут уходить от них далеко.

– Ты прав, у меня не получится покинуть Отражатель – запинаясь, пробубнил Доппельгангер, понуро грызя коготь на задней лапе.

И тут меня осенила идея. Её подсказала мне как природная смекалка, так и сердце, которое никогда не забывало наставления Лорины – «...заруби себе на носу – ты – человек и должен им оставаться. Между милосердием и жестокостью всегда выбирай милосердие».

– Ты же Горгон Преломляющий Оттенки? Я догадался об этом, – сказал я, поворачивая голову к Умму.

– Да... это я, – незамедлительно последовал ответ.

– Я предлагаю тебе взять Доппельгангера новым стражем Отражателя. Так я не пойду против своих принципов, а ты обретёшь защитника вместо павшего в бою Яцка. Лже-оболочка сметлива и твои поручения будет исполнять куда более обстоятельно, чем великан.

– Решение...Я против...

– Тогда чини сам свой Отражатель, – сказал я, решив поставить всё на кон.

– Хорошо, не кипятись... Пусть подойдёт к Умму.

– Я только что общался с Горгоном Преломляющим Оттенки, и он готов пойти на мировую, и даже больше – нанять тебя на работу. Ты станешь в дозор у сверхъестественного камня – Хромма, что лучится у Спектрального Зоба, и будешь следить за соблюдением свода правил Отражателя. Насколько я понимаю, Хромм поспособствует твоей

стабилизации, что не даст тебе развоплотиться и пропасть без смальты. Ты согласен?

Доппельгангер отчаянно закивал.

– Естественно! Я даже на это рассчитывать не смел!

– Тогда отдай мне обломок Чесалочки и ступай к тому камню.

Лже–Король Красной Башни застенчиво протянул мне радужную ворсу, после чего вперевалочку засеменил к Умму.

– Спасибо, что... Что не погубил меня! Ты поступил как настоящая крыса!

– Ха–ха! Парень, вот это комплимент!

– Самый достойный, – хмыкнул я.

Доковыляв до Умма и прикоснувшись к нему, Доппельгангер растворился в зареве множества бликов–свечей, исторгнувшихся как из волшебного камня, так и из окружающей смальтовой геометрии. Я повертел в руках обломанный радужный предмет – много тайн ты содержишь, и мне очень жаль, что на их разгадку у меня нет времени. Между тем вездесущая зелень померкла, а было начинающийся грохот, потонул сам в себе, так и не успев толком начаться. На обратной дороге меня сопровождали, вынырывающие из щелей мыши. Их количество все возрастало, и к тому моменту, как я добрался до пещеры Короля Брена, впереди меня, пища и ликуя, лился целый мышиный поток. Дирижёр–оптик приветствовал меня со своего трона, который, надо думать, и не покидал. Постучав прутиком по Искателю, он заявил:

– Я всё видел! Ты – молодец!

– Приятно, когда твою работу оценивают по достоинству.

– Оставить Доппельгангера хранителем Отражателя – до этого надо ещё додуматься! Правда, если честно, сия затея мне не слишком по нутру.

– Твоё «нутро» только выиграло от моего решения, потому как лже–оболочка из врага превратилась в твоего заступника. Теперь у Отражателя есть, на кого положиться, – улыбнулся я, протягивая ранее подобранные Приумножающие Триплексы и часть Чесалочки. – Так, и что там по поводу Запасных Зеркал Красной Башни?

– Моё Королевское Величество пришло к мнению, что твоя изначальная просьба должна быть удовлетворена, – важно сказал Король Брен, принимая свои сокровища в лапы. – Но перво–наперво мне надо починить Искатель и привести Красную Башню в порядок.

– Только не затягивай с этим.

Трёхголовая крыса соединила Чесалочку воедино и она, приобретя неразделённый вид, поприветствовала хозяина интенсивным свечением.

– Не беспокойся, я переговорю с Дукасом и Фирджи. Максимум через день мои Запасные Зеркала включатся в твою заковырку.

– Только не ругайся с ними сильно. В воровстве Приумножающих Триплексов повинна братская любовь, а она, как известно, не злая девица.

– Разберёмся, – подчёркнуто напыщенно отозвался Король Брен, самозабвенно натирая Чесалочкой пятку.

Я оглядел серую кучу–малу. В тронном зале «сыру» было негде упасть. Все мыши вернулись к своему правителю. Щебет стоял такой, что у меня стало закладывать уши. Прежде чем покинуть эту радостную шумиху, я задал важный для меня вопрос:

– Мне надо повидаться с Импрет. Подскажи, куда мне идти, чтобы выйти к Синей Башне?

– Вон туда, – вальяжно указал дирижёр–оптик куда–то позади себя. – Светофильтры только не снимай! Там не как у меня, полутьма, у неё всё так и сияет.

Я бы мог сказать Королю Брену о том, что у него в Красной Башне не так мало света, как он думает, и о том, что Светофильтры я бы вообще нигде в Отражателе не стал бы стягивать с носа, но передумал. Зачем тратить лишние минуты на пустые разговоры, когда для Пастасарамы каждое мгновение на счету? Поэтому, слегка поклонившись, я зашагал по направлению к горловине прохода. Миновав скрученные в дугу кустистые корни и вязанку перемигивающихся альмандинов, я, горько вспомнив о переломанном Ночи Всех Усопших, кристалл которого был родственником именно этих полудрагоценных камней, вошёл в длинный коридор, олицетворяющий собою всю палитру красного. Рывина шла под уклон и мои сапоги, набрав внушительную скорость, несли меня мимо кармазиновых чудес и многоугольных, непонятных сочленений разных форм и конструкций. Понемногу сочная «малина» декора уступала место серовато–голубому оттенку, а земляное убранство подменялось мерцающими плитами. Я трижды свернул направо и, вопреки задуманному маршруту, очутился не там, где планировал. Посреди тальковых красок ярились лакуны тьмы. Я попытался найти путь обратно, но только ещё больше увяз в черноте покровов.

– Парень! Где–то там тебя поджидает нечто магическо–склизкое!

– Спасибо, что предупредил, – откликнулся я, рыская глазами по угольным стезям.

– Тебе... рано сюда, – послышался измученный шёпот Горгона Преломляющего Оттенки. – Не сюда... левее и выше... такое пока тебе не по силам...

– Туда?

– Да... бери западнее... вот так... Не получается говорить...

Я кардинально поменял свой маршрут.

– Та скользко–враждебная сущность отдаляется.

– Она может двигаться?

Джейкоб на секунду задумался.

– Нет, она к чему–то привязана.

– И то хорошо, – вздохнул я, ловя взглядом аквамариновый окрас на брусчатке.

Дойти до Синей Башни оказалось куда сложнее, чем до Красной. Ветвистые туннели, водящие меня по фиолетово–васильковому лабиринту, никак не хотели сменяться одним нужным мне тоном. Хотя переживания о судьбе пленённой паучихи не давали моей душе покоя, я не шибко сетовал на отсутствие путевода, ведь достопримечательности Отражателя поражали всякое воображение! То, что было усмотрено и проанализировано в коридорах Жёлтой и Красной Башен кардинально отличалось от того, что попадалось мне здесь в окуляры Светофильтров. Скобы и аркатуры, фризы и вдавленные в твердь сфероиды совместно с горизонтальными столбами и балками, увенчанными криптографиями, заставляли меня невольно притормаживать своё путешествие. Особенно мне необыкновенным показался монумент, смонтированный из просвечивающихся трубочек и лопастей–зеркалец, которые, повинаясь одним только им ведомым позывам, крутились по неряшливой орбите. Я понаблюдал за их прокручиваниями, однако догадаться для чего они происходят так и не сумел. Наконец, за очередной стеной, когда уже на небе вовсю танцевали звёзды, я полноправно ступил на окраину Синей Башни. По контуру бордюрика, чинным строем росли светящиеся изнутри сосульки. Их индиговые кончики, как фонарики, хорошо озаряли мне брусчатую насыпь. Аккуратно поскоблив ради интереса

Ликом Эбенового Ужаса одну из наиболее крупных сосулек, я получил сноп голубых искр. Занятно. Да, о чём я? Тут всё просто загляденье! Качая головой, как любознательный ворон, я стал взбираться на лестницу. За десятком серебрившихся ступеней скрывалась пергола, примыкающая к кладке с невообразимой, исчерченной геммами дверью. На геммах, в разных ракурсах, позировала девушка. Я залюбовался. Настоящая красавица! Впрочем Эмилия в тысячу раз очаровательнее... Эх, Эмилия! Моя родная! Как я хочу увидеть тебя вновь!

Не успел я поднести руку к двери, как она сама-собой распахнулась. Импрет выглядела именно так же, как и на геммах. Молодая, волосы цвета лунной ночи, заплетённые в тугую косу, просторное платье с рукавами из рюша, сапожки на застёжках, а перчатки... их не было.

— Здравствуй, Калев, — поздоровалась Импрет, печально моргая большими глазами. — Весь Отражатель молвит только о тебе и не стану скрывать — я ждала твоего визита.

Сведя губы в прямую линию, я отметил, что голос у ведьмы вовсе не старушечий, а под стать внешнему виду.

— И тебе привет! Я пришёл с тобой поговорить о Гиро и о кое-чём еще, более важном!

— О Гиро? Там что... Ох! — Импрет всплеснула руками. — Заходи, нам надо многое обсудить.

Как только ведьма зашла вовнутрь, Джейкоб подал голос:

— Парень, я что-то почуял.

— Плохое?

— Неопределённое.

– Ловушки?

– Вроде как нет.

– Держи ушки на макушке.

– Не сомневайся во мне.

Я перешагнул приступочек и пошёл за Импрет. Синяя Башня воплощала собою облачный дворец. Мне сразу пришли на ум роскошные палаты Минтаса. Здесь, так же, как и в хоромы витающего над Ледяными Топями города–государства, антураж состоял из туч–кресел, комодов, инкрустированных аквамаринами, скамей–ларей, визуально подогнанных под крылатых созданий, шкафов с прихотливой вязью и алебастровых статуэток с серебристыми абрисами. Я уселся на предложенный к моему распоряжению пуховый диван и, скрестив руки на груди, приготовился слушать, что мне поведает Импрет.

– Дукас умыкнул у меня Приумножающие Триплексы, – невесело начала ведьма. – Я знала, зачем они ему, и не стала препятствовать, потому как не сомневалась, что он вернёт мне их обратно. Я собиралась дожидаться его, но... Понимаешь, Калев, мой Искатель сам включился. Запыхтев и раскалившись, он выплюнул мне на пол мрачную тень, кривое подобие меня. Так же как и Король Брен, – я растерялась, и это стоило мне моих перчаток, Грозовинок. Доппельгангер сорвала их с меня и забаррикадировалась в Гиро.

– Я так и думал. Твоя лже–обманка пошла дальше, чем ты могла предугадать. Она напала на меня...

– Мне очень жаль! Очень–очень! – перебила меня ведьма, сокрушённо кладя мне ладонь на колено.

– И это ещё не самое главное! Доппельгангер утащила у Бракарабрада его дочь Пастасараму!

Мне показалось, что Импрет стало дурно. Она схватилась за подлокотник кресла и с трудом в него опустилась.

– Воды...

На глаза мне попался кувшин, из которого я налил ведьме полный стакан минералки.

– Спасибо... Это надо исправить! Я люблю Серебряную Росу... Вселенная, какое горе!

Что-то мне показалось странным в поведении Импрет. То ли жестикуляция, то ли мимика, однако, что конкретно, я понять не мог.

– Мы должны немедленно прийти к ней на помощь! Вдвоём мы справимся с мерзким Доппельгангером!

– Хорошее предложение, – кивнул я. – Потом у меня будет к тебе дело.

– Да-да, пульсар... Не тревожься, когда вернём Пастасараму в Тутовую Прогалину, я разверну свои Запасные Зеркала туда, куда нужно. Кстати...

Импрет внимательно и как-то по-особому посмотрела на меня.

– Кстати, могу я получить свои Приумножающие Триплексы уже сейчас.

– Нет. Они понадобятся, чтобы пробиться к Доппельгангеру.

– Именно поэтому я и прошу их у тебя сразу. Никто лучше меня не ведает, как ими правильно воспользоваться. Обещаю, что исполню данный тебе уговор.

– Обворожительной леди можно верить на слово? – спросил я, отдалённо ощущая какую-то подозрительность.

– Всенепременно!

– Тогда не будем просиживать штаны, – скрепил я, вставая с дивана и отдавая Приумножающие Триплексы. – Веди к Гиро.

Импрет приняла мой дар, и мы на всех парах понеслись сквозь анфилады Синей Башни. По пути она рассказывала мне историю её дома. Давным–давно, говорила Импрет, Отражатель был построен на развалинах древнего сооружения, настолько старого и покрытого поволокой мистики, что само название его кануло в небытие. Вроде бы как тут высились гигантские менгиры, и несусветные существа устраивали здесь празднества в честь Пёстрого Бога. Спустя эпохи, истёршие с лица земли чудные алтари и гротескные колоннады, на руины храма наткнулся Горгон Преломляющий Оттенки. В пепле и развалинах он отыскал Амасту – легендарный кристалл поразительного блеска и силы. Амаста пленила амбиции Горгона, и он захотел удесятерить мощностъ найденного артефакта. Для того чтобы каждый цвет мира, исторгающийся из кристалла, был наполнен магической энергией, Горгон заключил Амасту в специально выстроенный комплекс линз – Отражатель. Много невообразимых чудес творил гениальный кудесник с помощью Амасты. В былые времена, правильно скорректированные волшебные зеркала могли даже возвращать людей с порога смерти. Но то было до того, как Горгон Преломляющий Оттенки закрылся в Лучезарном Замке в своём кабинете.

Я слушал и слушал, а сапоги считали лазурные футы, приближающие меня к грядущему сражению за жизнь Пастасарамы. Мы шли в плавно стелящемся тумане, мимо высоких ваз и античных горельефов. Я крутил головой и вместе с длинным преданием, устами Импрет набивавший мой умственный чемодан знаниями, впитывал в себя многовековую пригожесть Синей Башни.

Завиток, завиток, направо и вниз. Мы добрались до разветвлённого хода, один из рукавов которого привёл нас к вытянутому нефу с разнообразными колбами и бутылками с

причудливыми жидкостями. Вдруг, откуда не возьмись, из-под четырёх, обведённых в квадрат скрижалей, вылез красивый сапфировый камень – я сразу понял, что это Омм. Импрет ушла немного вперёд и не видела его.

– Я долго заряжался... берегись её... она не...

– Парень!

Но я и без восклицания Джейкоба понял, что моё дело дрянь. Бедро мне пронзила страшная боль – это молния соскользнула с вершины сосульки. Скрюченный, я повалился на пол. Бросив взгляд на Импрет, я увидел на ней одетые Грозовинки, мерцающие разрядами стихии. Ведьма медленно пошла по направлению ко мне.

– Удивлён, сердобольная мочалка? У Импрет тоже брови наверх полезли, когда она попалась на мою уловку. Да, я приняла твоё обличие и пленила её, как и сладенькую белую паучиху. Теперь, когда у меня есть три компонента магической силы, я смогу полностью воплотиться в явь, – прокряхтела Доппельгангер безобразным фальцетом.

По Грозовинкам пробежали молочные дуги, и об моё плечо ухнул новый смертоносный всполох. Меня перекинуло к бутылкам, которые от столкновения со мной посыпались на пол цвета морской лагуны. Скованный выворачивающими мучительными спазмами, я без всякого сопротивления был ухвачен за шиворот и потащен в закуток, где на двух столах со всевозможными непонятными приспособлениями томилась точная копия Доппельгангера и громадный паук-альбинос. Меня швырнули на свободный стол и туго перевязали посередине торса. Чтобы я лишний раз не рыпался, мне на голову низложили одну из заряженных Грозовинок. От удара током я, и без того лишённый дара речи, едва не проглотил язык.

– Парень, ты там как?

– Он немножечко устал и решил прилечь, – ответила за меня лже-оболочка. – Скоро он умается так, что свалиться в «сыру–землю».

– Всем вам тёткам лишь бы мужика в гроб свести!

– А ты дерзкая штучка, – отметила Доппельгангер, снимая кинжал гномов с моего пояса и приближая к глазам. – Может быть, ты мне пригодишься.

– Если речь идёт о членовредительстве, то я в деле, – неожиданно для меня сказал Джейкоб. – Мне эта умная жужелица страсть как надоела.

– Хочешь, я позволю тебе пустить ему кровь первому? – безумно ослабилась лже-оболочка, прикладывая мне остриё кинжала к шее.

– О, да! Только води лезвие медленно, даже бережно, чтобы я получил удовольствие!

Что, тролль тебя разрази, ты несёшь! Разве ты не на моей стороне?! – беззвучно возопило моё сознание. Ответом ему стали быстро разворачивающиеся события. Омм, до этой секунды где-то скрывающийся за колбами, вдруг вынырнул и послал луч синевы прямо в руки Доппельгангера. Грозовинки раскалились, злодейка заскулила, и Джейкоб, вместо того, чтобы полоснуть меня по вене, извернулся и перерубил мне тугой, стискивающий жгут. Полную свободу подарил мне новый луч Омма – сняв оцепенение бодрящим голубым поветрием.

Я вскочил и с криком – «молодчина Джейкоб!» ударил Доппельгангера кулаком в живот. В отместку я получил оплеуху по затылку и подсечку. Рухнув, я поспешил подняться – хоть у меня это и получилось, но дотоле оброненные Альдбриг и Лик Эбенового Ужаса были сброшены сапогом Доппельгангера в возникшую из неоткуда дыру! Моё оружие! Треклятая ведьма, ты за это дорого заплатишь! Злость пробудила во мне всплеск жуткой магической скверны, вылившейся из гнойных недр Назбразля. Гнилая пульпа сорвалась с

моих пальцев и, столкнувшись с очередным лучом Омма, попала не в Доппельгангера, а, разделившись на два сгустка, угодила в путы Пастасарамы и Импрет.

– Я перенаправил твой... Они... они... втроём вы справитесь... – еле слышно прошептал Горгон Преломляющий Оттенки.

Два пленника Доппельгангера как будто очнулись от глубокого сна. Настоящая Импрет сделала неопределённый пас и Грозовинки, сорвавшиеся с рук лже-оболочки, вернулись к своей исконной обладательнице. Доппельгангер тем временем вцепилась в хищные жвала Пастасарамы, не давая той себя разорвать. Тут подключился я. Стиснув кинжал гномов, я рубанул самозванку по бедру. Доппельгангер заголосила, как цикада, и сильным нажимом послала мне вывернутый коготь Пастасарамы прямо в грудь. По моим ощущениям он проткнул меня до лёгкого. Пуская изо рта кровавую слизь, я согнулся пополам. Рыча и причитая, Доппельгангер откинула паука и сцепилась с Импрет.

– Пусть вас будет хоть сотня! У меня Приумножающие Триплексы и вам меня не одолеть!

– Так-таки не одолеть! – сквозь стиснутые зубы отозвалась Импрет, потчuya мощью Грозовинок своего двойника.

У меня мутилось сознание, и я привалился к постаменту, поддерживающему четвёрку разлапистых канделябров.

– Ты слишком самоуверенна, – впервые подала голос Пастасарама, прыгая сзади на лже-оболочку.

Одним махом Доппельгангер вновь скинула себя белую паучиху, наградила Импрет мрачно-синим пламенем и, хлопнув в ладоши, обратилась Лже-Пастасарамой.

– Я иду к твоему папочке, мерзкое животное! Думаю ему понравится мой визит!

После чего Дюппельгангер растаяла в воздухе едким дымом. Как только она пропала, ко мне кинулась Импрет.

– Потерпи, Калёб, я сейчас...

Грозювки заводили над моими ранами, и сжигающая мука отступила. Кожа стянулась, и я поднялся.

– Нам надо торопиться! Бракарабрад в Опасности! – прошипела Пастасарама, приближаясь ко мне.

– Мой меч и посох...

– Я достану их после, – ответила Импрет, широким шагом направляясь к боковой двери. – У нас на это пока нет времени.

– Постараюсь оказаться полезным и без них, – проворчал я, потирая саднящую грудину.

Путь к сланцевому гало порадовал меня своей короткостью. Надо было всего-то пройти пару комнат и спуститься по лестнице вниз.

– Я построила Гиро, чтобы иногда бывать на природе, – сказала Импрет, толкая створы ворот, замаскированных под шифоньер. – Немеркнувший Закон Горгона Преломляющего Оттенки обязал нас, дирижёров-оптиков, сидеть в Отражателе круглые сутки напролёт... Я так не могла. Редко... Крайне редко я выходила прогуляться по лесу, где однажды познакомилась с семьёй пауков.

– В глубине веков Серебряная Роза подружилась с ласковой чаровательницей из Стекланного Замка, – дрожащим шипением, подтвердила Пастасарама. – Мои предки приносили Импрет цветы.

– А я за то зазывала дождь на их палисадник.

– Поэтому, когда Лже–Импрет позвала меня с собой – я пошла с ней, ни о чём не подозревая. Заманив меня в Гиро, она набросилась на меня, и, связав, сказала, что снимет с меня шкуру для своего воплощения.

– Затем прикинувшись тобой, Калёб, она обдурила меня во второй раз, который стоил мне Грозвинок.

– Первый был, как понимаю тогда, когда Доппельгангер материализовалась из Искателя?

– Верно, – печально отозвалась Импрет, ведя меня сквозь столовую Гиро (изнутри сланцевое гало выглядело как самый обычный дом). – Я пожалела жалкую тень и не стала её изгонять обратно в Искатель, и за свою доброту, как видишь, мне пришлось расплатиться. Вскоре Доппельгангер взяла твою личину и притомила моё внимание – неподготовленную к схватке, она сграбастала меня и приволокла в погреб, где мне уготавливалось лишиться своей кожи.

– Но двух покровов для её замысла ей оказалось мало, – дополнила Пастасарама, перетаптываясь лапами рядом со мной. – Лже–Импрет требовался третий, сильный, волшебный, способный дать ей перейти из тенистости в вещественность.

– Угадывать, кого она выбрала целью, видимо, нет нужды.

– Тебя, – невесело усмехнулась Импрет.

– Угрюмо как-то это всё, господа и дамы, – вставил своё мнение Джейкоб. – Моя Фчифчи до такой низости никогда бы не опустилась. Хоть она и слыла занудной кочерыжкой, но дальше слов черту не переступала... Эй! Чего ты меня так давишь?!

– Прости, это просто от переизбытка нервов, – отозвался я, разжимая пальцы с рукоятки кинжала.

Как я и подозревал, в Гиро существовал портал, приводящий в чащу возле Тутовой Прогаины. Полу-арка – она же входная дверь, при отпирании перенесла нас прямо на то крыльцо, где Доппельгангер чуть не испепелила меня молниями. Теперь я понимал, почему она пожалела мою душонку – я ей нужен был живой.

Мы помчались вдоль тропинки в густой и тёмный лес. Я вспомнил, каким мыслям предавался, идя через его обширную посадку. Буквально день назад меня снедали сомнения, и память прошлого бередила во мне светлую грусть. Ныне смутные догадки покинули меня, однако мысли о маме и папе никуда не делись. Разгребая перед собою листву и подбрасывая ногами каштаны, я думал о родном доме, в котором, пусть и призрачном, мне довелось побывать. Помехи Отражателя подарили мне две «ложки» – с сахаром и солью. Ах, мой любимый Медок, мой мишка! Как бы я хотел вернуть хотя бы тебя! Но не найти мне дороги к тебе и флюгера с петушком никогда не отыскать, потому как будучи маленьким мальчиком, я не знал в какой части Соединённого Королевства он крутился вместе с озорным ветром, а Квиль... Я не успел спросить его об этом.

Старый колодец – знакомый ориентир и полупустое ведёрко, поставленное мною для утоления жажды какого-нибудь зверька, подсказали мне, что Тутовая Прогаина совсем близко. Пастасарама, клокоча от нетерпения и тревоги за своего родителя, большим усилием заставляла себя бежать наравне с нами. Отдуваясь, мы поднялись на пригорок, а затем стали быстро спускаться к его низине. Дерево, дерево, кустарник, вот и вертоград! Перемахнув через ограду, (простите меня, пауки Серебряной Росы, за раздавленные цветы), я, впопыхах мастера заклинание Огня, устремился к чернеющей дыре, подле которой на моих глазах разворачивалось самое настоящее лицедейство. Лже-оболочка, прикинувшись Пастасарамой, тянула лапы к не находящему себя от радости Бракарабраду. Я предупредительно крикнул, однако мой возглас потонул в трели жуткого страдания – это настоящая Пастасарама увидела, как Доппельгангер вонзила клыки в шкуру её отца. Бракарабрад осунулся и поник.

Вихрем паучиха–альбинос пронеслась над жухлой травой и накинута на своего двойника. Я попытался прицелиться сгустком пламени, но в катающемся, кипящем злобой клубке, не мог понять – кто из арахнидов есть кто. Грозовинки Импрет подрагивали и были готовы дать бой, но, как и я, она тоже медлила. Не спуская взора с драки, я склонился над Бракарабрадом. Он заговорил со мной срывающимся голосом:

– Калерб...Моя жизнь утекает из меня, но я не прощаюсь... Знай, что Серебряная Роса необычный род... Я... хотел тебе... Пастасарама... пусть совершит ритуал Нити... Я приду...

Бракарабрад дёрнулся и более не шевелился. Я до хруста сдвинул костяшки пальцев. Клянусь, сейчас я отомщу за его смерть! Ярость, что поднялась во мне, кинула меня прямо в схватку. Ударившись о двух арахнидов, я спровоцировал падение Светофильтров с моей головы. Они брякнулись о паучьи педипальпы, и те отозвались неудержимым блеском! Вот, кто из вас двоих Доппельгангер! Спустя секунду мы с Импрет, послали в лже–оболочку Огненную Стрелу и зигзаг Молнии. Заклятия, угодив в уже весь рябивший голубым панцирь, прожгли в Доппельгангере громадные дыры. Пастасарама отскочила, и мы стали свидетелями страдальческих превращений. Корчась и ревя, ненавистная нашей троице и хищная до чужих жизней тень, превратилась вначале в Импрет, потом в меня, а затем обратно в Пастасараму и под конец в синюю, извивающуюся в агонии, блестящую субстанцию. Раздался взрыв, и нас засыпало снопом мелких блёсточек.

Доппельгангер Импрет разительно отличался от Доппельгангера Короля Брена – тот просто ел смальту без всякой коварной чехарды, а этот, гнус, мечтал одеться в плоть через гнёт и попытки убийства, одна из которых, к сожалению, увенчалась успехом. Исходя из этой простой истины, я нисколько не жалел о том, что лже–оболочка получила по заслугам.

Навзрыд плачущая Пастасарама подползла к отцу и накрыла его своим телом. Горькая была эта картина, и я сам печалился о

миролюбивом Бракарабраде. У Импрет вовсю текли слёзы.

– Я очень сожалею, – проговорил я, подходя к вздрагивающей паучихе. – Твой... Бракарабрад сказал, чтобы ты совершила ритуал Нити... Это последнее, что он хотел тебе передать.

К моему глубочайшему удивлению Пастасарама как-то радостно встрепенулась.

– Значит, это правда. Мои сны о тебе.

– Какие сны? – спросил я сбитый с толку поведением арахнида.

– Сперва ритуал, потом объяснения.

Пастасарама извлекла из брюшка шёлковую пряжку и, коснувшись ею лба Бракарабрада, затем притянула её в мои руки.

– Теперь мой отец будет с тобой.

– Я не понимаю, – честно сказал я.

Прядь между тем засеребрилась и пропала.

– Теперь вы связаны обрядом Нити.

– Это очень древняя и сильная магия, – кивнула Импрет.

– Растолкуйте уже парню, что там у вас творится! И мне заодно! – проскрежетал Джейкоб.

Забравшись на валун, Пастасарама промолвила:

– Моя матушка, Лородорола, была Плетущей Пряжу, и я переняла её дар – направлять пауков в их прижизненных и посмертных деяниях. Несколько ночей назад мне приснился сон, и теперь я понимаю, что он был вещим, о том, что покровительница всех пауков, Многоликая

Рифф, выбрала себе нового любимца – человека. Но этому человеку придётся доказать Ей, что он достоин Её благосклонности. Я видела тебя, Кaleb, и архонта Укулукулуна тоже видела. Вам уготована великая битва, и мой отец, когда ты вновь войдёшь в покои архонта, при помощи ритуала Нити будет с тобой.

От этого заявления я опешил.

– То есть он не умер?

– Нет, он вошёл в преддверие Анкарахады, царство самой Рифф.

– Что ты знаешь про Рифф и Укулукулуна и вообще про всю эту затею – Испытание и Путаницу?

– Для всех пауков, малых и больших, Великолепная Рифф является Праматерью и Прародительницей. Она Восьмая из Колеса Девяносто Девяти. Рифф создала арахнидов по Своему подобию, и Своей Любовью их одарила. Она высоко сидит и всё знает. Её исконная Колыбель – Анкарахада, и в ней главный ставленник – архонт-король Укулукулун из клана Тобольдо. Я провидела во сне, что Мрачная Рифф недовольна Укулукулуном, от него нет результата, нет движения. Из-за него великий культ Дома Шёлка пришёл в упадок. Он слабый. Мудрая Рифф хочет поставить тебя на его место. Но ты должен утвердить себя, показать, что ты не ломкий. Ломкие не нужны Рифф.

– А если я отдам Путаницу Укулукулуну?

– Не делай этого, – предостерегла меня Импрет. – Я вожу дружбу с пауками Серебряной Росы многие века и достаточно наслышалась их преданий о Рифф. Если шкатулка попадёт в руки Укулукулуна, это будет означать твой проигрыш. Вед, без Путаницы ты не сможешь попасть в Анкарахаду и на Испытание. Рифф не станет терпеть это. Ты умрёшь.

Мою спину обдал холодный пот.

– В прошлую мою дрёму Укулукулун едва не победил меня, и у него бы получилось одержать вверх, не вмешайся вовремя Горгон Преломляющий Оттенки.

– Не бойся, Бракарабрад тебя не бросит.

– Значит, я могу спать спокойно?

– Нет, над тобой сплетено Испытание. Тебе не деться от него.

– В твои сны приходил Горгон Преломляющий Оттенки? – удивилась Импрет.

– Да, силой Отражателя он изгнал Укулукулуна из моих видений.

Ведьма подошла к поверженному арахниду.

– Это хорошо. Возможно, наш покровитель скоро вернётся. Но об этом мы поговорим в Синей Башне, а пока давайте воздадим почести моему другу.

Втроём мы подняли Бракарабрада и отнесли его на неприметный погост в скромном ущелье, чуть западнее дурманно пахнущих цветов. Пастасарама раскопала лапами норку, и десяток холмиков, покрытых мшистым налётом, приняли к себе нового соседа.

– Здесь покоится Лородорола. Теперь мама и папа будут вместе навсегда, – прошелестела Пастасарама.

– Я хорошо понимаю твои чувства, – сказал я, погладив паучиху по меловой шкуре. – Когда-то я точно так же стоял у могил своих родителей.

– Спасибо тебе, Калерб... Мне... Нужно побыть одной.

– Прощай, Пастасарама, я не забуду тебя.

— Как и я тебя.

Я и Импрет покинули нуждающуюся в одиночестве Пастасараму и повернули к Гиро. Услышав мою историю про пульсар, ведьма сразу же согласилась подогнать свои Запасные Зеркала на уже светящийся небесный контур. Фирджи и Дукас не теряли время даром, и звезда, которую истребовал у меня Привратник, приобрела на ночном свode первую окантовку.

Вернувшись в Синюю Башню, ведьма, прежде всего, извлекла из голубой лагуны моё оружие, а затем стала возиться с Искателем и Приумножающими Триплексами, подобранными с поля боя. Вопреки её уговорам остаться переночевать, я захотел навестить хозяев Жёлтой Башни. Преодолев замысловатый маршрут, я вошёл под сени золотистых тонов. Мои ожидания тёплого приёма оказались более, чем оправданы. Завидев меня, Фирджи весело заплясала, а Дукас затараторил о том, что все мои пожелания исполнены, и Запасные Зеркала светят куда и как надо. Попросив дирижёров–оптиков организовать мне ужин и постель, я получил тарелку тыквенной каши с масляным глазком и ватную перину всё на той же лавке подле Гхомма.

В эту ночь кошмары с Укулукулуном меня не мучили. Я выспался и, полный сил, отзавтракал молочным коктейлем и экзотическими банановыми бутербродами. Во время принятия пищи появился не кто–нибудь, а сам Король Брен. Трёхголовая красы держалась очень важно и даже несколько заносчиво. Король Брен начал потчевать дирижёров–оптиков Жёлтой Башни колючими эпитетами, а те, потупив взгляды, стоически их сносили, потому как знали, что рыльца у них (особенно у Дукаса) в пушку. Король Брен поведал мне, что его Запасные Зеркала скорректированы на уже имеющуюся заготовку, и что ночью я непременно увижу всю мощь Красной Башни. К обеду меня посетила Импрет. Её Запасные Зеркала также вступили в дело. Радостно потирая ладони, я стал караулить вечер... Скоро! Уже скоро! Однако... Вопреки чаяньям, наступившие сумерки принесли мне горечь разочарования. Пульсар проявился на небе неполностью. Видимо, для

его воплощения мощности Запасных Зеркал всех Башен было недостаточно.

Собравшись в изящных покоях Синей Башни, мы все крепко призадумались, как нам быть. Идеи предлагались разные, впрочем, конструктивных и по-настоящему хороших озвучено так и не было. Всё сводилось к тому, что моя задача невыполнима и тут... Из-за вазы с васильками вылез Омм. Он громко заговорил так, чтобы его могли слышать все присутствующие.

– Калерб...Благодаря тебе Отражатель вновь функционирует, но многие его механизмы всё ещё пребывают в недееспособности... Тьма сидит в сердцевине моего комплекса...Только изгнав её, ты достигнешь успеха.

– Да! Да! Я знал! Знал, что наш покровитель среди нас, да! Прости меня! Тысячу раз прости!

– Мы скучали по тебе, Горгон! – протявкали Король Брен.

– Я хочу тебя обнять, где ты?! Появись сам! – воскликнула Фирджи.

– Надеюсь, ты не злишься на нас, ведь иной раз мы огорчали тебя своими выходками.

В один голос прочирикали дирижёры–оптики.

– Я всё... знаю. И про Приумножающие Триплексы, и про Гиро, и про чрезмерное увлечение власти Чесалочки... но сейчас не об этом.

– Что парня будет ждать в этой сердцевине? – спросил Джейкоб. – Опасности?

– Да... Калерб, я открыл Лучезарный Замок... иди и победи зло, что таится за ним... ослаб...больше не могу говорить.

– Что может скрываться за Лучезарным Замком? – осведомился я у притихших жителей Отражателя.

– Скорее всего, Амаста, – ответила за всех Импрет. – Мы никогда не заходили в личные палаты Горгона Преломляющего Оттенки, потому что там всегда стоял барьер. Теперь наш покровитель его снял. Для тебя. Чтобы попасть к Лучезарному Замку иди за синими красками к многоцветию. Главный коридор приведёт тебя туда, куда нужно.

– Вы не пойдёте со мной?

– Нет, – покачал тремя головами Король Брен. – Путь туда закрыт для нас.

– Да! Горгон Преломляющий Оттенки даёт тебя шанс сделать то, что ты задумал, и помочь нам! Да! Как я и говорил тебе, помнишь, в самом начале нашего знакомства, да, обоюдосторонняя выгода! Да! Помнишь?

– Что же, я – известный лихоборец, – усмехнулся я. – Пойду, разведая, кому там надо накрутить «хвост».

– Мы будем держать за тебя кулачки, – пропела Фирджи мне в спину.

Поправив Светофильтры, я отправился в путешествие по Отражателю. Резная мозаика, обрамляющая каналы коридоров, вела меня сквозь завораживающие циклопические сталактиты и прихотливые изразцы Синей Башни. Томимый неопределённостью и волнением перед новой схваткой, я, тем не менее, не переставал радоваться мистическим агрегатам Отражателя. Когда тона стали более разнообразными, включающими в себя палитру всех красок, я создал заклинание Огня и оголил меч. Джейкоб предупредил меня, что впереди вырисовывается нечто страшное, хотя я и сам это чувствовал. По пути к ядру загадочного, возведённого на древних руинах строения, мною были усмотрены совсем уж странные сияющие

магические предметы и чёрные лакуны, которые с каждым пройденным шагом, кичились всё большей мрачностью. Белизна, мгла и многоцветие перемешались в какой-то невообразимый этюд. Постепенно, туннели заполнялись искрящимся туманом. И когда я подошёл к вычурной, испещрённой символами двери, поволока едва давала мне возможность глядеть впереди себя.

Толкнув створы, я просто обомлел. В овальных апартаментах, унизанных сотнями разнообразных драгоценных камней и зеркал, в воздухе, стиснутый адамантовой рамкой, висел огромный кристалл с заключённым внутри человеком. Внутри Амасты, а это была несомненно она, был запечатан Горгон Преломляющий Оттенки! Проникнув в мифическое сокровище, он стал сердцем Отражателя! Но... Несомненно, что в этом сердце точилась болезнь. Фигуру Горгона, всю вокруг, оплела весьма гнусная обсидиановая кобра. Вонзив в пленника клыки, она лениво высасывала из него кровь. Когда я подошёл к Амасте, змея внутри её полости оторвалась от своего жуткого занятия и вперила в меня свои агатовые зрачки.

– Шшшш! Маг! Еслишшш ты приблишишьсяя, то я убью, шшшш, его! – прошипела кобра.

– Кто ты? – сглотнув липкий комок в горле, спросил я.

– Её зовут Хадра, – приоткрыв веки, сообщил мне Горгон Преломляющий Оттенки. – В своих исследованиях я зашёл слишком далеко и не усмотрел, что Амаста не так безопасна, как мне вначале показалось... Хадра – приспешница Пёстрого Бога. Его цепная собака...

– Шшш! Заткнись, глупец, а не то, шшш, я выпью тебя до дна!

– Не выпьешь. К сожалению, Пёстрому Богу я нужен живой, – болезненно скорчившись, отозвался Горгон Преломляющий Оттенки.

Было ясно, что Хадра доставляла Горгону непомерные муки.

– Я так устал, Калеп... Освободи меня... Разбей Амасту... И тогда... Вырвавшаяся из неё энергия переключается в Запасные Зеркала... их силы хватит, чтобы Отражатель сформировал пульсар для Привратника... Я всё устроил...

– Не слушшшшай его, но послушшшшай меня! – огибая тело мученика подобно лиане, шикнула Хадра. – Я сама, шшш, дам Запасным Зеркалам силу, шшш, только уходи... Оставь меня и мою добычу! Шшшш!

– Разбей его, молю... Или она будет меня пытаться всю оставшуюся вечность...

Рядом со мной материализовались Омм, Умм, Гхомм и Хромм с Доппельгангером Кроля Брена.

– Через стража, связанного с Отражателем, ты пробьёшься... в Амасту и взорвёшь её изнутри...

– Шшшшш! Только попробуй! Шшшшш! И ты присоединишься к своему дружку! – ударившись тупорылым носом об стену Амасты, угрожающе просипела Хадра. – Оставь меняшшшш! И я выполню, шшш, что обещала!

Передо мной встал нравственный выбор – попытаться побороться с Хадрой и прекратить страдания Горгона Преломляющего Оттенки или оставить всё как есть, и довериться пестрящей чёрными бликами каменной кобре. С одной стороны меня подначивало чувство не ввязываться в драку и пойти по лёгкому пути, а с другой (я перевёл взгляд на ожидающего моего решения искусанного старика) — мне никогда не нравились змеи!

– Отпусти Горгона, и никакого боя не будет! – крикнул я, грозно приподнимая Лик Эбенового Ужаса.

– В далёком прошшшшшлом Горгон украл Амасту, шшшш, у Пёстрого Бога! Он завладел её секретами, шшшш, теперь он за это

платит! Шшш! Мойшшшш ответ – нет!

– Тогда нам придётся сразиться.

Сконцентрировавшись на сущности лже–оболочки Короля Брена, я почувствовал ментальный толчок. Моё сознание закрутилось, и я оказался в комнате–калейдоскопе, где среди всевозможных цветов самую значимую роль играли тёмные тона. Через секунду весь мрак стусеивался в одну точку, вспух, а затем обратился в дородную, переливающуюся обсидианом кобру с алмазным «капюшоном» и пиквидным хвостом. Целиком чудище было футов десять. Хадра привстала на хвост и сердито зашипела:

– Ссссвежий! С тебя я напыюссссс крови ссссполна!

– Скорее, я завяжу тебя узлом! – с дрожью в голосе воспротивился я.

– Наглец! Шшшшш!

Хадра сделала молниеносный бросок, но я, испытанный множеством сражений, ловко отклонился и шваркнул Алдбригом между выпускающих пар ноздрей. Удар выбил из твёрдого обсидиана лишь искры.

– Ты мне нипочём! Шшш! Я загоняю тебя, а потом буду медленно и долго вкушать твою мякоть! Шшш!

– Размечталась!

Я перекувыркнулся, ушёл от ядовитых зубов и, прислонившись к стенке, кинул заклинание Огня, дотеле трепыхавшееся на Лике Эбенового Ужаса. Раскалённая сфера попала в цель и... к моему глубочайшему огорчению, не причинила змее никакого вреда. Отряхнувшись как мокрая кошка, Хадра вновь устремилась на меня.

– Жалкий человешишшка! В Амате ты мне не страшишен!

Тут среди многогранного блеска проступили черты Горгона Преломляющего Оттенки.

– Калев! Харду можно победить, если использовать краски!... Аргх... Светофильтры!...

Лик Горгона потонул в туне мучения, а затем исчез вовсе. Что Светофильтры? Что с ними надо сделать?! Я подпрыгнул и вовремя, так как змея впиалась клыками в алмазную оглоблю, прямо туда, где только что стояли мои ноги. От такого телодвижения Светофильтры соскочили с моей переносицы и я, ослепнув от яркости и насыщенности цветного колорита, вопреки всему увидел три камня близнеца – Омма, Гхомма и Умма. Они, как неугасающие маяки, застыв в разных оконечностях Амасты, источали чистое сияние своих тонов. На самом верху, ровно посередине, над ними ярился Хромм, на котором сидел эфемерный Доппельгангер.

– Повели...ему, – еле расслышал я голос Горгона Преломляющего Оттенки.

– Шандарахни–ка по Хадре чем–нибудь свеженьким! – возопил я, перескакивая с места на место. Волшебная кобра едва не сцапала меня за бок!

Из переливающегося радугой Хромма вылетела лавина зелёного пламени. Она угодила Хадре в голову, и та запылала изумрудным костром. Змее это страшно не понравилось. Она заверещала и, изогнувшись, попыталась сцапать лже–оболочку Короля Брена. Мощные челюсти ухватили лишь воздух, а Доппельгангер остался сидеть там же, где и сидел. Видимо для Хадры он был бестелесен. Кипя злобой, кобра вновь переключилась на меня, но я уже сообразил, что предпринять дальше.

– Страж Отражателя, скрепи Хадру антрацитовым цветом!

Тотчас Доппельгангер воздел свою ирреальную лапку, и змею стиснули бело–серые цепи. Я собирался прокричать новый приказ, но вдруг Хадра извернулась и тяпнула меня за руку. Необычный кристаллический яд заструился по моим венам. Я заорал от боли, когда мелкие песчинки–стёклышки стали резать мою плоть.

– Так тебе, так, шшшш! Меня не победить!

Мне сделалось дурно. Из рта и носа полился розовый пенящийся поток. Я покачнулся и упал, чем, естественно, воспользовалась сквернавка Хадра. Она ухватила меня за ногу и подтащила поближе к себе. Я изнемогал от страдания, однако сообразительности не терял. Мне пришло на ум воспользоваться помощью Отражателя не для нападения, но для исцеления, как это сделала Фирджи после моей битвы с Яцком, поэтому я повелел:

– Отражатель, затяни мои раны и вытрави яд!

Поддействовало. Меня окутали тёплые лучи, которые заживляли кожу и изгоняли из тела хворь. Впрочем, я все ещё находился в объятиях Хадры. Она обвила меня кольцами и начала давить. Я завопил.

– Сссдавайссссся, и я пощажу тебя! Шшшш!

– Нет! Доппельгангер! Дай ей по макушке чем–нибудь оранжевым! – борясь с удушьем, прохрипел я.

Я не видел, что произошло, но Хадра зашипела. Покрываясь малюсенькими рыжими факелами, она откинула меня на блистающую глыбу. Я ударился очень сильно. Кряхтя и охая, как дед, я в самый последний момент увильнул от пудовых клыков.

– Пора с тобой поговорить по–взрослому! Отражатель, взорви тут всё к троллям!

Не защищённый линзами Светофильтров, я чуть не лишился зрения. Маревое сияние пронзили тысячи сочных, истирающих сетчатку, всполохов. Я охнул. Круговерть понесла меня куда-то вниз. Когда сознание и способность видеть вернулись ко мне, я понял, что нахожусь напротив треснувшей Амасты. Горгон Преломляющий Оттенки развалился на полу, а Хадра, извиваясь, ползла ко мне.

— Поглядим, как ты сильна вне своего логова! — рявкнул я, с размаху приложив Альдбриг и Лик Эбенового Ужаса к морде гадины.

Меч отколупнул часть обсидиановой физиономии, а посох довершил всё красным взрывом. Хадра возопила, дёрнулась пару раз, потом сникла и осыпалась мелким крошечком. Всё! Устало дыша, я доковылял до Горгона.

— Калёб...спасибо тебе, — мокрыми от крови губами промолвил старик.

— Подожди, сейчас я тебя вылечу!

Я повернул голову и... не обнаружил Доппельгангера. Умм, Омм, Гхомм и Хромм пропали.

— Меня не спасти... Отражатель дестабилизировался... вся энергия сейчас в Запасных Зеркалах...

Горгон Преломляющий Оттенки приподнялся на локтях.

— Многое открылось мне... Отражатель давал шанс прозревать... Твой кинжал... Он служит...

Старик обмяк и я понял, что его жизнь подошла к концу.

— Почему последние слова Горгона были про тебя? — нахмурившись, спросил я у Джейкоба. — Что значит «он служит»?

– Не знаю, парень. Может во мне ещё есть какие-то нераскрытые полезные силы, которые могли бы послужить тебе в путешествии?

– Думаешь, Горгон собирался про них поведать, да не успел? Ладно, потом это обсудим.

Встав с колен, я, вздохнув, прихватив кусок Амасты (авось, в хозяйстве пригодится), направился к выходу.

Глава 6. Сущность Добра

Для мага мистическая сила и знания являются первоосновами жизненного уклада. Без них нельзя победить противника и додуматься, как распутать сложную загадку. Однако частенько этих двух составляющих бывает недостаточно. Удача – вот краеугольный камень, на котором зиждется любое предприятие. Ты можешь быть каким угодно могучим и знающим, но если везение не на твоей стороне, то любая оплошность может столкнуть тебя в гроб. По правде говоря, я не могу назвать себя ни великим колдуном, ни тем более всеведущим мудрецом, и всё же есть та, кем я облакан, а именно Фортуной. Преодолевая все препятствия Отражателя, я несколько раз был на волосок от гибели, и только фарт хранил мою голову на плечах. Сейчас, после похорон Горгона Преломляющего Оттенки, находясь в Жёлтой Башне и наблюдая в окуляр Искателя, как на ночном небе ярко горит пульсар, я содрогаюсь от того, что мог стать закуской прожорливой Хадры или лишиться кожи под ножом мечтавшего воплотиться в явь Доппельгангера Импрет. Впрочем, это всё позади, а впереди новые трудности и опасные приключения.

– Куда ты теперь? Да? Куда пойдёшь? Да? Да! – пропищал Дукас, вместе со мной любуясь звёздным заревом в одну из продолговатых трубочек.

– Вернусь к своему дяде Снурфу.

– Он, наверное, заждался тебя, – кивнула Фирджи. – Такой племянник хороший вырос! Прямо загляденье!

Я чихнул, а Джейкоб пролязгал:

– Прямо от нетерпения сгорает. Небось, хочет нарезать парню новых заданий.

– В этом ты прав, – задумчиво протянул я, отстраняясь от Искателя. – Я переночую у вас, а затем тронусь в путь.

– Знай, что в Отражателе ты всегда желанный гость! Да!

– Как я сказал вам ранее, ваша работа здесь закончена. Неужели вы останетесь? Даже после того, как Горгон Преломляющий Оттенки отошёл к праотцам?

– Плоскогубцы–молоточки, а куда мы пойдём? – удивилась Фирджи. – Жёлтая Башня – наш дом, и мы её не бросим!

– Мы очень скорбим по Горгону, да, но надо как-то всё поддерживать тут в порядке! Да! Он бы так хотел!

– Я вас понимаю. Могу я рассчитывать на постель?

– Да! Как всегда, твоя лавка с того края! Да!

Ложась на ватную подстилку в блеске лимонных и золотых отсветов я вопреки удачно завершённой компании проникался страхом. Предстоящая дрёма пугала меня. Я отчаянно не хотел увидеть вновь бесстрастное, но в тоже время отвратительное лицо Укулукулуна. Как я смогу противостоять ему? Поможет мне Бракарабрад? Но как? Отныне каждый мой сон будет ввергать меня в уныние. Я буду изматывать себя до потери сознания и только потом ложиться спать. Закрывая глаза, я готовился не к отдыху, но к битве...

Впрочем, сегодня Укулукулун так и не пришёл ко мне. Я проснулся, позавтракал манкой и, попрощавшись со всеми дирижёрами–оптиками (Король Брен важно пожал мне руку, а Импрет

поцеловала в щёку), отправился обратно в Первородный Соблазн. Покинув Отражатель и помахав трёхголовому стражу в малюсеньких коронах (Хромм исчез, но Доппельгангер нет, по всей вероятности при паталогическом расстройстве комплекса линз он впитал в себя чёрный кристалл и стал полностью осязаем), я извлёк из сумки Кампри и что есть силы кинул его об землю. Сапфировые створочки задрожали, и из необыкновенного ореха выпрыгнул Юнивайн. Он присел в копытах, и я легко запрыгнул в седло.

– Мой добрый друг, неси меня к монументу Ураха! Здесь я со всем разобрался!

Ветер обдал моё лицо холодной пощёчиной. Мы понеслись вниз, сквозь рябиновые заросли, обрамлённые постаментами–лампадами, и дальше, дальше, дальше. Пока я скакал, я думал: что же мне уготовил Привратник? Зеркальный пульсар горит, да, но каким образом он поспособствует пробуждению Фарганорфа? Что мне надо будет сделать теперь? Меня снедали мысли, а эфирные подковы Юнивайна – мили. За целый день мы сделали всего три небольших привала. Что знаменательно, во время стоянок мой призрачный товарищ не покидал меня. В конце концов, к самому вечеру Юнивайн притормозил у размашистого дерева, обмётанного лишайником. После того как я с него слез, он влился в Кампри. Я сел под тугую вязанку корней и задумчиво достал подобранный скол Амасты. Мне припомнилось то, что говорила лже–оболочка Импрет – раньше Амаста могла воскрешать людей из мёртвых. Надо произвести кое–какие опыты... Хадры больше нет, а вот Серэнити, я надеюсь, ещё жива. Вдруг сила, дремлющая в Амасте, может отворотить действие Живой Воды, которую та выпила под разрушенными воротами Эльпота?

Привычно почесав подбородок, я отложил радужный кристалл и воззрился на Лик Эбенового Ужаса. Раньше у меня не было времени повозиться с посохом, но сейчас, когда как–никак появилась свободная, а самое главное спокойная минутка, и я решил им заняться. Лик Эбенового Ужаса принадлежал кудеснику из Мил’Саак, Милтару Бриззу. Он был настроен на него, а я нет... Надо восполнить этот пробел. Посох для мага – что меч для воина – его святая святых, и от

того, как он «лежит» в руке зависит многое! Я пользовался Ликом Эбенового Ужаса без вдумчивого подхода, словно слепец клюкой – так нельзя. Необходимо связать себя с ним, дать ему раскрыться...

Я возложил ладонь на череп и прошептал заклинание:

Служил ты ранее иному.

Сегодня будет по-другому.

Отныне я – твой властелин!

Так вверь же мне свой турмалин!

Скрытый под черепом камень зарделся красным. Из глазниц Лика Эбенового Ужаса пошёл дым – он сопротивлялся, да я другого и не ждал. Покумекав, я произнёс:

Сломаю волю я твою

И навяжу тебе свою.

Ты сильный – я в сто раз сильнее!

Ты верный – нет меня вернее!

Ладонь обожгло раскалённым металлом, однако я и не думал убирать её с черепа. Моё упорство вот-вот должно было сломать сопротивление посоха.

Упрямый ты, и то – прекрасно!

Но вот перечить мне опасно.

Сотру я древко в порошок,

Не посчитав то за грешок!

Из–под сомкнутых пальцев повалили струйки пара. Руку жгло, как будто я схватил ею горячий уголёк. Я был близок к победе, и всё же упрямство, с которым мне противостоял Лик Эбенового Ужаса, могло перечеркнуть все мои старания. По вискам потёк пот, но я не останавливался на достигнутом.

Вместе – мы – стойкость,

Вместе – мы – власть!

И не дадим мы друг–другу пропасть!

После этих коротких двух строк череп Лика Эбенового Ужаса нестерпимо зарделся красным, а затем, разродившись яркой вспышкой, потух, только во впадинах глазниц не пропали две алые точки. Я ощутил, как от запястья к плечу растекается река силы. О да, Милтар Бризз знал толк в магическом оружии. Надо его протестировать. Сосредоточившись на посохе, я создал заклинание тёмного искусства – Бесовскую Оторопь – очень мощную штуку с парализующим эффектом. Прицелившись в небо, я выстрелил. Фиолетовая, ромбовидная мембрана со свистом пульнула ввысь и там рассеялась на губительные крупницы, разлагающие своей едкой сутью сам воздух. На чародейство я не задействовал даже половины той концентрации, что мне обычно приходится из себя выжимать на столь серьёзную волшбу – это просто чудесно! Трепещите, мои враги, Калев Шаттибраль обзавёлся острым жалом! Мой старый посох – Ночь Всех Усопших был приспособлен к обширному кругу колдовского действия, а Лик Эбенового Ужаса узкоспециализирован – его предназначение – убивать. Мне и раньше попадали в руки подобные артефакты, но столь разрушительным я завладел впервые. Положив на колени обломок Ночи Всех Усопших, с треснувшим альмандином и затаённо румянившийся турмалином Лик Эбенового Ужаса, я подумал – какой из них мне более близок? С одной стороны мне привычна гармония, а с другой... Возможность постоять за себя имея отличное подспорье – тоже не дурна. Хотя что тут рассусоливать, что да как, ведь Ночь Всех Усопших сломан, и выбора сейчас у меня нет.

– Парень, ты спишь?

– Нет, Джейкоб, ковыряюсь в своих вещах.

– Скоро отправимся домой.

Я ухмыльнулся.

– Стосковался по Лесу Скорби? Подожди, ещё Фарганорфа починить надо.

– За этим дело у тебя не станет, я уже привык, что ты можешь разрулить любую ситуацию.

– Эй! Это комплимент! Сознавайся, зачем подлизываешься?

– Ну ладно, ладно! Мне хочется у тебя узнать: есть ли всё–таки лазеечка вернуть меня в... – Джейкоб сделал паузу, которую я заполнил:

– Дать тебе тело? Так?

– Да.

– Это интересный вопрос...

– И?

– Ты хочешь, чтобы я тебе ответил на него?

– Коротко и чётко. Без своих научных закидонов.

Я рассмеялся.

– Ну ладно. На первый взгляд, как я тебе уже однажды сказал, ты скован с кинжалом навсегда. Но вот парадоксы никто не отменял.

Вспомни хотя бы то, что вопреки правилу Юджина у тебя появилась постоянная речь и ощущения. Предположим, что при феноменальном раскладе, правда, не знаю, что должно произойти, ты будешь способен разорвать мои чары, затем вновь стать призраком и вселиться в человека.

– Теоретически ты не отрицаешь данную аксиому?

– Я даю один процент из тысячи. Наверное, ещё какой-нибудь легендарный маг типа Квиля Лофирндваля или существо, наделённое божественной силой, тот же Ютвинг, могли бы прокрутить «Ритуал Освобождения», но где ты их сыщешь?

– Не так и плохо, не так и плохо, – пробубнил сам себе Джейкоб.

– Я спать, – потянувшись, сказал я. – Вверяю тебя самое ценное, что у меня есть – мой сон.

– Да, да, медведи, волки, ведьмы, фантомы, я всё помню.

– Отлично, спокойной ночи, – проговорил я, укладывая голову на сумку.

Заснуть я не мог достаточно долго. Я ворочался и мёрз, и сон никак не шёл, но потом...

Меня унесло на чёрную травяную равнину с низенькими кустарниками, опутанными толстыми белыми прядями. Вокруг них, как серые мотыльки, кружили хороводы люди в капюшонах. Они пели мерзкие песни и то и дело воздевали свои руки с белёсыми мотками к небу, да не просто к небу, а к целой паучьей сети! Вместо звёзд на ней липли разнообразные пленники, а по центру, на тугой верёвке свисал Укулукулун. Он был крошечным, но с каждой секундой все увеличивался и в конце концов его костяные сапоги упали на смрадную землю прямо напротив меня. Огненные глазницы горели такой нестерпимой злобой, что я, встретившись с ними взглядом, едва не упал в обморок. Люди выудили из своих плащей призрачные

факелы и обступили нас со всех сторон. В моих перчатках проступила Путаница и торфяной, с прихотливой резьбой, ключ. Архонт медлил, он наслаждался мучениями, которые я испытывал от его лиходейских очей–воронок. Казалось, они выворачивали меня наизнанку и ввергали в безумие. Сколько я так простоял? Не знаю. Моя спина одеревенела, а мышцы при этом изводились в судорогах. пытка была страшной, и рассудка я не терял, только потому, что пальцы мне неестественно согревала Путаница. Вдруг шкатулка слегка приоткрылась, и из неё вышел пар, который обратился очень высоким человеком в синем пластичном доспехе. Он проговорил:

– Отпусти его, архонт.

Лицо Укулукулуна подёрнулось брезгливостью.

– Бракарабрад, отшельник Серебряной Росы, как смеешь ты входить в Дом Тобольдо? Или тебе не дорога жизнь?

– Ты знаешь, что наш поединок будет тяжёлым, и раны тебе придётся зализывать долго.

– Я давно мечтал прихлопнуть самого недостойного из любимчиков нашей Госпожи!

Укулукулун сжал кулак, и меня пронзило такой болью, что я упал на колени.

– А ты, ничтожество, следи за тем, что с тобой произойдёт в скором времени.

Сама собой моя голова приподнялась, и я стал взирать на двух таких разных и таких неуловимо похожих воина. У Укулукулуна в руках возник удивительной тесьмы меч и великолепный алебастровый щит, мерцающий россыпью алмазов, а у Бракарабрада – резная булава. Хор людей возвысился настолько, что я стал глохнуть. Они извращённо чмыкали, прешепетывали и скандировали «Укулу, Архо! Укулу, Табольдо! Укулу, Рифф!»

Первым удар нанёс Бракарабрад. Он размахнулся и что есть мочи столкнул булаву со щитом. Посыпались искры. Меч взвился и едва не достал горла моего защитника, который сделал шаг назад в самый последний момент. Финт, наскок, отступ, затем блок и контратака – Бракарабрад разыгрывал «карту» осторожно, пытаясь нащупать слабые места Укулукулуна, но их не было. Архонт, по моему мнению, являлся непревзойдённым мастером меча, достойным сразиться с самим Нолдом Тёмным. Лезвие клинка скрестилось с булавой, вывинтилось и по касательной проехалось по доспехам Бракарабрада, оставив после себя глубокую полосу шрама.

– Ты ничто по сравнению со мной! Архонтом! Господином всех арахнидов! – выкрикнул Укулукулун со смешком на устах.

– Серебряная Роса не твоя челядь, иначе бы ты со мной тут не судачил, – спокойно ответил Бракарабрад, уходя в оборону.

Зарницы–глаза Укулукулуна дрогнули и он рассмеялся:

– Я вижу! Ты мёртв! Твоя дочь последняя из Серебряной Росы, значит, твоя смерть здесь будет самая настоящая!

И после этих слов натиск архонта утроился. Его невообразимый меч, сплетённый из молочных прутиков, разил Бракарабрада без пощады. Твёрдая синяя броня, вся изрезавшаяся, уже покрылась кровяной поволокой. Однако, отшельник Серебряной Росы, её обладатель не падал духом. Было видно, что он ни за что не сдастся и... в его «кармане» оказался сюрприз. Из ладони Бракарабрада вылетела сетка. Она оплела Укулукулуна и тот в короткий миг замешательства пропустил сильнейший таран булавы. Корона–паук съехала с длинноволосой головы набекрень. С черепа полилась алая струйка. По–волчьи хмыкнув, архонт, единым махом разорвав сеть, без труда блокировал следующий удар. Сделав Бракарабраду подножку, он навалился на него коленом и вогнал меч в руку, туда, где сочленялись пластины на локте. Отшельник Серебряной Росы не издал ни звука. Пинком сбросив с себя Укулукулуна, он обманно крутанул булавой и

пихнул архонта плечом. Пошатнувшийся Укулукулун принял щитом молниеносную атаку зубчатого оружия. Люди были так надсадно и фанатично (Тобольдо, Тобольдо, Тобольдо), что я, гложимый агонией их песнопения, уже мечтал, чтобы у меня лопнули барабанные перепонки. Между тем, Укулукулун закинул щит за спину и простёр на Бракарабрада отвратительную белёсую длань. С пальцев сорвался шар невообразимого цвета и вмазался отшельнику Серебряной Росы по торсу. Бракарабрад скрючился и, задыхаясь, повалился недалеко от меня. Победным, неторопливым шагом Укулукулун приближался к своей жертве.

– Червяк, тебе ли было прыгать выше своей головы, – проговорил он, занося меч над Бракарабрадом.

– Ты никогда не умел смерить свою гордыню!

В последнюю секунду отшельник Серебряной Росы воздел булаву вверх, и она успела перехватить летящий вниз клинок. Развернувшись в полуприсяде, Бракарабрад стукнул кулаком по коленной чашечке противника. Раздался противный хруст, а вместе с ним и вой Укулукулуна. На следующую секунду Бракарабрад остриём булавы разрезал, казалось бы, прочный доспех архонта. Из брюшины повалил вонючий дым.

– Чувствуешь боль? Она настоящая, и умереть ты здесь можешь точно так же, как и я.

– Довольно разговоров!

Архонт кинул в Бракарабрада щит и пока тот уклонялся, он прыгнул ко мне и приставил кончик меча к моей шее. Он давил, но магия Путаницы не давала ему причинить мне физический урон. Рифф хранила меня.

Укулукулун выругался и вновь свёл свой мистический меч с булавой Бракарабрада. Обмениваясь ратными приёмами и терпя увечья, обасоперника тяжело дышали. Прошло ещё минут десять

беспрерывного боя и тут, Бракарабрад, весь израненный, после нескольких пропущенных уколов, внезапно приложил перчатку к лицу Укулукулуна. Из неё вырвался световой луч и архонт, издав дикий крик, рухнул на колени.

– Теперь! Ты! Мой! – членораздельно возвестил отшельник Серебряной Росы. – Властью, данной мне Рифф, повелеваю оставить Калеба в покое!

– Не-е-ет! – взвыл архонт, отсекая мечом руку Бракарабрада.

Меня и всех присутствующих закрутило по равнине со скоростью листопада. Небо–сетка разорвалось и нас выкинуло в пустоту...

Я проснулся с горечью во рту и ломотой в суставах. Моя мантия, хоть и была тёплой, не сумела спасти от ночной стужи. Весь дрожа, я ощупал пальцами своё горло – всё в порядке. Укулукулун мог пытаться меня ментально, но, когда дело доходило до настоящих увечий, тут его власть заканчивалась. Тяжело вздохнув, я устался в свинцовые тучи. Скоро должен был начаться дождь. Я люблю своенравную погоду, особенно она мне нравится, если осенняя хандра застаёт меня дома. Эх, когда–нибудь я ворочусь в Шато...

Юнивайн не откликнулся на мой призыв, и я пошёл пешком. В полдень мною был обнаружен орешник. Я взял кое–какую снедь у Фирджи и Дукаса и поэтому голода не испытывал, однако пожевать маслянистый фундук никогда не вредно. Мы тихо беседовали с Джейкобом на разные отвлеченные темы, которые всегда вытекали в одни и те же вопросы – что нас ждёт впереди? Каким образом мне удастся вырвать из себя Искривителя Реальности? И не разберёт ли меня Фарганорф на составные части, когда очнётся его сознание?

Мало–помалу день клонился к закату. Отыскивая обратную дорогу по природным ориентирам, я с доброй улыбкой вспоминал Альфонсо Дельторо. Это он научил меня многим тонкостям следопыта. К самому вечеру откликнулся Юнивайн, и я снова понёсся так быстро, что мне заложило уши. Мы скакали всю ночь и к самому

утру вывернули к аллегорической древесной аркаде. Я остановил Юнивайна, и оставшийся путь продолжил на своих двоих.

Солнце прелестно подсвечивало листву, что немного развеивало мою зевоту. Я рассчитывал добраться до Первородного Соблазна и там вздремнуть, пока не объявится Привратник. Дубы приветливо кивали мне раскидистыми ветками, пахло осенней землей и чем-то свежим. Монумент Бога Света высился передо мной гранитной громадой. Кто видел его таким? С человеческими чертами и головой из огня? Таким он изображён на страницах безымянной книги, содержащей в себе Пророчество Полного Круга. У меня было чувство, что его срисовали туда именно с этой натуры. Древняя гранитная скульптура-гора выглядела так внушительно, что я невольно снял капюшон, входя под её сени. Потянув на себя кольцо двери, я вошёл внутрь. Поднимаясь по циклопической лестнице, заворачивающейся кальдерой, я осматривал фрески с эпическими событиями из жизни Ураха. Я был готов поклясться, что многие из них видоизменились и стали другими. Первородный Соблазн, м-да, каково же твоё истинное предназначение?

Мои ноги пронесли меня мимо Фарганорфа к уже знакомому столику и очагу, где я отведал не столь вкусного енота. Надеюсь, что в новую встречу с Привратником мне есть никого не придётся... Я прошёлся вдоль полок, заставленных причудливыми вещами. Особенно мне понравился корабль в миниатюрной бутылочке. Лакированный и покрашенный, он пленил меня своим реализмом и соблюдением всех тонкостей и нюансов, которые встречаются на настоящей морской каравелле. Повертев его туда-сюда, я решил взять его с собой. А почему бы и нет? Если выберусь отсюда, то потом установлю бутылочку на видное место, буду любоваться и вспоминать своё чудесное воскрешение из мёртвых. Ха! На пробке прозрачной тары интуитивно понятным языком вилося название судна – «Ригель». Что же, имя вполне подходящее. На донышке мелкой тесьмой также точился текст – «Кинувший меня в море – поплывёт на всех парусах». Неужто мне в когти попала магическая безделушка? Люблю такие!

Я присел на кресло и в полусне принялся ждать Привратника. Долго караулить он себя не заставил. Не прошло и двух часов, как я услышал скрежет. От заполнивших залу магических интерференций волоски на коже встали дыбом. Ко мне шаркала мартышка с удивительно внимательными глазами. В её груди зияла рана, и кажется, для животного она не так давно стала смертельной.

— Я вижу, ты выполнил, то, что я просил.

— Да. Пора отделить меня от Фарганорфа, — кивнул я, ощущая лёгкую дрожь в лодыжках.

— Теперь узнай, что для этого надо сделать.

Я затаил дыхание.

— Первородный Соблазн — одно из самых старых дарохранилищ Гамбуса, — изуверски трепыхаясь, начал Привратник. — В нём Бог Света оставил Свою Благодать. Тот, кто пройдёт семь Его ступеней, преодолеет семь смертных грехов, сможет прильнуть к Ней и таким образом овладеть тем, в чём более всего нуждается. Тебе будет дан выбор — ты знаешь, что должен попросить.

— Почему же ты не обяжешь меня взять Корону Света?

— Потому что подношения Ураха нематериальны.

— Что будет, если я не осилю какой-нибудь из грехов?

У изводящейся в конвульсиях мартышки, на мордочке появилась тень задумчивости.

— Семь ступеней — семь достояний Назбраэля. Тот, кто не справится с ними — упадёт в Бездну.

— Вот уж не сахар.

– Пульсар Пёстрого Бога, Ходящего по Краю Гамбуса, отворит для тебя замок, приводящий к Сакральному Семиступью. Однако прежде, чем ты пойдёшь к нему, услышь меня – Если ты одолеешь препятствия Первородного Соблазна, попадёшь к себе домой и там попытаешься забыть моё повеление или обмануть мои ожидания, то я узнаю об этом и настигну тебя через Провал, что остался после смерти Тауруса Красного Палача. Ценой твоего отступничества станет беспросветная клетка в моей извечной тюрьме. Помни – я буду следить за тобой. Твоя душа в моей власти.

Я облизал пересохшие губы.

– Я понял... Но как же мне заставить Фарганорфа, восставшего во всём могуществе, вынести меня из Гамбуса?

– По моей воле, без тебя ему не вернуться в Килквагу.

Обезьяна кивнула мне.

– Ныне мы распрощаемся. Ступай в центр, туда, где творилось Пророчество Полного Круга. Когда выглянут первые звёзды – ты поймёшь, что надо делать. На этом всё.

Мартышка обмякла и колодой упала к моим ногам. Разговор с Привратником поверг меня в уныние... Стоп! Унывать нельзя – это один из смертных грехов. А какие остальные? Я понуро опустился на кресло. Гордыня, зависть, кревоугодие, блуд, гнев, алчность, ну и то, в чём я прибываю сейчас. А отчего я так раздосадован? Наверное, от того, что подозревал изначально – Привратник от меня так легко не отстанет – через прореху в Мироздании он будет наблюдать за моими действиями, и, если я его подведу, мне несдобровать. Вот же зараза! И Фарганорф! Какой Привратник умный – мол, дракон–лич тебя отнесёт в Килквагу. А если тот не захочет? Если ему будет больше по нраву остаться в Гамбусе? Что тогда?

– Я всё слышал, парень.

– И каково твоё мнение?

– Всё на мази.

– Уж и всё!

– А что ты печалишься? Отыщешь Корону Света – отдашь Привратнику. Жизнь продолжается.

– Ты такой оптимист, я смотрю. То, что Корона Света принадлежит королеве Констанции Демей – это ничего? Ничего, по твоему мнению и то, что впереди меня ждут неизвестные испытания Первородного Соблазна, и Его Величество Старейший Вирм Севера, для которого я не более, чем жалкая моль, также та ещё колоша!

– Оттого, что ты будешь лить слёзы и жаловаться, ситуация никак не изменится. Выше нос, пока ты не умер – ты жив.

Я горько усмехнулся.

– Твоя правда! Что же, подожду вечера – чувствую, он запомнится мне надолго.

Сумерки опустились быстро. В тревожных мыслях и за скитанием по Первородному Соблазну, я и не заметил, как прошло время. Подойдя к обугленному пульсару, на котором Урах испепелил Тауруса, я вздрогнул. Та самая Прореха – свидетельство превосходства Света над Тьмой, подёргивалась противоестественным глянцем. Через неё за мной будут наблюдать. В дыре, что Фарганорф разбил своим телом, засияли звезды, и я увидел, как с приходом ночи на небе проступает незримая днём инсталляция Отражателя. Цветистыми красками она упала на плиты, и они затрещали, и разъехались, являя под собой лестницу, уводящую вглубь гранитного гиганта. Пора приступать к выполнению задания. Посмотрим, насколько я испорчен...

Снизойдя ступенек двадцать пять, я оказался в просторном холле с семью пьедесталами–статуями. Одна из них, самая первая,

олицетворяющая собою надменного мужчину, воздевшего подбородок кверху, переливалась золотистыми всполохами. Значит «гордыня» – будет моим первым грехом. Я открыл единственную дверь, исписанную странными символами, и вошёл... на громадную трибуну Магика Элептерум, разверзшую своё полотно над заполненной до отказа Толкучкой – великим базаром Шальха. Народу собралось столько, что казалось давка внизу стояла невероятная. Все головы были подняты вверх и тысячи глаз смотрели только на меня. А я... в атласной мантии, отороченной белым мехом, простирал свой удивительный жезл над жителями столицы. Подле меня стоял Бертран Валуа в венце и низко склонившийся Драт, отринувший меня на вступительном экзамене в Академию. Он протягивал мне Дхимбу – ожерелье архимага Магика Элептерум. Я раздулся от собственной значимости – наконец-то меня оценили по достоинству! Вот то, чего я действительно заслуживаю! Я потянул к Дхимбе руки и тут в подсознании тревожно зазвонил колокольчик... Чтобы он мог значить? Почему он говорит мне – «не бери»? Дхимба моя по праву! Я очень долго старался и много работал, чтобы получить её! Вот и Бертран кивает, чего же я жду? Драт прогнулся ещё ниже, и я проникся таким всемогуществом, что мне захотелось пихнуть несносного учителя, нерассмотревшего мои задатки с самого начала... Дхимба практически касается пальцев, ещё чуть-чуть и все в Соединённом Королевстве узнают, что у них появился новый, одарённый, здравомыслящий архимаг! Да что же такое, почему предчувствия молят меня отринуть предложенное ожерелье?! Я попытался вспомнить, что же я такого сделал, чтобы получить столь великие регалии и... Это всё не по-настоящему... Я мастер-некромант, да, но ничего сверхчеловеческого не изобрел, и моя магическая сила не выше, чем у Бертрана Валуа... Нет, тут всё нечисто! Меня проверяют! Но кто? Огромным усилием воли, я, вместо того, чтобы взять Дхимбу отвёл её от себя в сторону...

Всё померкло, я стоял посередине пустой комнаты с лестничным пролётом, уводящим вниз. Значит грех «гордыни» я прошёл...Самое страшное, что моё сознание считало, что я действительно стоял на дугообразном парапете Магика Элептерум. Жуть... Первородный Соклазн – явно не простая штука. Надо быть очень осторожным – подумал я, нисходя на второй этаж. Тут постаментов-статуй осталось

шесть. Теперь «горела» та, что представляла из себя сутулого старика, исподлобья глядящего на разодетого вельможу с большим мешком золота. «Зависть». Чему же я могу завидовать? Пора это узнать... Открыв дверь, я попал в кондитерский магазин. На мне были прорванные сандалии, перештопанные штанишки и замызганная рубашка. Мне –четырнадцать! И я прихожу сюда каждый день посмотреть на сладости и понюхать чудесные ароматы, витающие в стенах этого магазинчика на улице Скрипачей, в Ильварете. Передо мной стоит пухленький мальчуган, его папа покупает ему огромный кекс и коробку со свежеиспечёнными эклерами. А у меня нет денег... Я сирота. Ох, как же мне хочется, чтобы эти сласти принадлежали мне! Только бы один эклер оказался у меня в руках, и я был бы счастлив! Ну, пожалуйста, угостите меня тоже! Ах, этот взгляд мелкого мальчонки, уплетающего сдобу! Я бы всё отдал за малюсенький кусочек его кекса! Мои ручки сжались в кулаки. Это несправедливо! Почему у него есть вкусная выпечка, а у меня нет?! Я стал подкрадываться к сверстнику, с желанием отобрать его кушанье. Погодите... Ведь мне давно не четырнадцать лет... Наваждение и морок! Не нужны мне никакие липкие ватрушки! Я вполне могу себе их купить сам, если потребуется...

Круговерть. Постамент–статуя померкла. Блики и всполохи свечей кондитерского магазина сменились волшебными шариками света. Притягательные запахи, занимающие моё воображение, улетучились, уступив место затхлому воздуху. Разверзшийся проём манил меня углубиться дальше, ну так вперёд, не будем испытывать Первородный Соблазн задержками!

Прошествовав на новый уровень, я застопорился у скульптуры растолстевшей женщины. Она сидела у печки и набивала рот яствами. «Чревоугодие». Вот это уже ближе к теме, покушать я всегда любил. Собравшись с духом, я нажал дверь... О, Вселенная, какой же я голодный! Я только–только вернулся в Шальх, а конкретнее в тронный зал из длительного путешествия. Королева Эведенс посылала меня добыть ей сведения об одной зазнавшейся фрейлине, угрожавшей её репутации. В королевских покоях как раз отмечали день рождения Манфреда Второго, и Клакацин Тёмный, его благолепный отец,

потчевал всех такими разносолами, что у меня чуть ли не ручьём текли слюни. Завидев, что королева Эведенс занята, я плюхнулся за резной стол и, навалив себе пюре и сёмгой под сыром, занялся тем, что стал набивать себе живот. Я ел и ел: грибочки, тарталетки, котлетки, перепелов и отбивные, при этом потусторонняя тьма, непонятно откуда взявшаяся, постепенно заполняла собою пространство под разукрашенными сводами. Что мне не нравится? Чернота, скорее всего, это преддверие шоу, которое хотел устроить придворный маг Астус для собравшейся знати. Почему я не могу налопаться? У меня как будто дыра в желудке. Я объел, наверное, уже полфуршетного стола... Надо прекращать! Но мне хочется продолжения банкета! Нет, так не пойдёт! Если я перестану обжираться, велика вероятность, что просто лопну по швам! Я откинул вилку и нож, и спустя десять расплывчатых секунд очутился в галерее с шестью несуразными фигурами. Получается «чревоугодие» я кое-как, но выдержал. Посмотрим, что Первородный Соблазн преподнесёт мне на этот раз.

Снова ряд ступенек и поджидающая четвёрка назидательных изваяний. Мушки-сверчки вились у полураздетой девы с обворожительными формами. Она лениво опиралась на стойку и пила из бокала. «Блуд». Ну, этим меня не проймёшь. Я умею держать свои чувства под контролем! Я шагнул за двери и... Повсюду пар! Трузд! На пути к Эмириус Клайн! Как же хорошо прогреть свои косточки в подгорном источнике!

– Калёб, старый гриб, принеси нам полотенца! Они остались в вашей комнате! – послышался звонкий голос Эмили.

– Где? Я их не вижу?

– Да там они, на крючках! Аййй...

Эмилия в опасности – стрельнуло у меня в голову. С махровой стопкой я кинулся за разделяющие колонны женской секции. Моя подруга была цела и невредима, просто она поскользнулась и бухнулась в негу бурлящей воды. Завидев меня, Эмилия стала подниматься из неё, и я поспешно отвёл взгляд...

– Калёб, ну что же ты... Посмотри на меня.

Мне страшно хотелось это сделать, но я, тяжело вздохнув, только плотнее закрыл свои глаза.

– Не могу...

– Тут никого нету... Только ты и я...

Страсть практически обуяла меня, и только здравомыслящая ниточка вещала – здесь должна быть ещё Серэнити... но где она? Поблизости?

– Мы одни, Калёб, мой сладкий...

– Нет! – завопил я, изворачиваясь из объятий. – Мы не можем быть одни!

И тут же картинка смазалась, и меня перекинуло в Первородный Соблазн. Я отошёл от транса и едва не заплакал от обиды. Только невероятность произносимых слов и самой ситуации оттолкнули меня от греха... Я его победил. После того, как перчатки смахнули пот с висков, мои ватные ноги понесли меня вниз. Среди тройки статуй выделялась одна – люминесцирующий рыцарь с перекошенным от ярости лицом. «Гнев». Я вообще уравновешенный человек и меня сложно вывести из себя. Поворот дверной ручки и... Моему взору предстал Грешем – он только что разбил стеклянный шкаф, заполненный редкими зельями! Мои ноздри раздулись. Я был готов испепелить неаккуратного ученика. Отпихнув ковыляющего зомби с осколками в руках, мои уста разразились такими изошрёнными ругательствами, что острые уши вампира прижались к самой макушке. Ну, где это видана такая безалаберность! Играть со своими мечами в моей и без того тесной алхимической кладовой! Знает же, кровосос, что весь верхний этаж в его распоряжении! Нет, полез сюда! Видите ли, оттачивать мастерство клинка ему нужно было в узком пространстве! Ух ты, несносный клыкожуй! Грешем сжался, и мне

вдруг стало стыдно. Ну чего я разорался, в самом-то деле? Наварю ещё зелий, всё равно у многих уже срок годности давно истёк и их нельзя было бы принимать... Нашёл, из-за чего ругаться...

На предпоследнем уровне Первородного Соблазна дышалось тяжело. Сюда, должно быть, не заходили уже очень давно. На гипсовом, переливающимся перламутром кресле восседал лендлорд, у колен которого громоздились мешки, нафаршированные невесть чем. «Алчность». Жадным меня не назовёшь, наоборот я постоянно хочу со всеми чем-нибудь поделиться. Я ступил в проход и... Шкафы с мистическими фолиантами забивали мой дворец от пола до самого потолка. Низенькие разлапистые трюмо ломились от разнообразных колдовских безделушек. Я шёл вдоль коридора и ошупывал магические камни на комодах. Целые горы свитков возлежали на секретерах. Сколько в них знаний! И всё это моё! Моё! И мне мало! Хочу ещё вагонетку волшебных палочек, сотню жезлов и тысячу посохов! Мне нужны уникальные гримуары и древние инкунабулы! Я присвою себе все чудо-медальоны и чудо-кольца! Мне нужно ещё мешков с закалёнными ретортами, рубиновыми ступками и самостучащими пестиками! Я упал на кучу позолоченных книжек – моё счастье в обладании! Из-за угла появился зомби, который донёс мне, что подвезли новую партию артефактов – она уже возле ворот. Я шустренько поднялся и выбежал на обсидиановое крыльцо! Здоровенная телега, запруженная чародейскими прибабасами, тяжело кренилась под собственным весом. Я, было, подался к ней и вдруг оглянувшись, понял – это не мой Шато, а какой-то совершенно чужой замок! И все эти занятные перстни и телескопы – не могут принадлежать мне! Сокровища, неизвестно как попавшие в чужеродную обитель, пробудили во мне низменное чувство стяжательства. Я всегда был свободен от него. Мне нравится дарить! Я люблю отдавать и делать людям приятное! Ненужно мне все это барахло!

Наваждение прошло, и я вспомнил, кем являюсь и где нахожусь. Сейчас дотяну последнюю преграду Первородного Соблазна, и Благодать Ураха поможет вылущить из меня Фарганорфа. Я оправил измятую мантию, и, оглядев растрескавшиеся, уже не различимые за

истечением веков фрески и оборванные гобелены, двинулся к мрачной ступенчатой воронке. Последняя статуя–монумент выглядела неимоверно жалко – расстроенный человек, подпирающий подбородок двумя руками, лил слёзы над озером. «Уныние». Много раз я бывал в казематах этого, выпивающего все силы, Духа Страдания. Сожмём зубы и приступим! С учащённым сердцебиением я пересёк дверной проём... Серое дождливое небо над головой, бередилось короткими вспышками молний. Виноград, мой лабрадор, поскуливает и глядит на меня. Квиль Лофирндваль поручил мне набрать сосновых шишек из леса возле Энигмы. Я набил ими лукошко и по привычке заглянул к папе и маме. Мой приёмный отец возвёл два надгробия и поставил лавочку, чтобы я мог на ней посидеть... Сейчас, когда летняя гроза должна вот–вот начаться, мне ужасно хочется плакать. Детские переживания о том, что я один во всём мире грызут меня и не дают радоваться жизни. Я так скучаю по маминому голосу, по её милым, тёплым руками и смеху! А папа! Как же мне его не хватает! Его опрятные чуть седые усы так заодно топорщились, когда он улыбался... За что, Вселенная, ты отняла их у меня?! Разве я плохой человек?! Разве я сделал что–то злое?! Не передать словами, как мне щемит в душе при воспоминании о моих самых ласковых и любимых родителях! Я захныкал, а потом зарыдал навзрыд. Тучи исполнились угля. Дождь заморосил на мою голову. Я упал на могилу матери и зарывался в неё ладошками... Мамочка, как я хочу тебя обнять! Меня всего окутало мглой. Виноград выл и тянул меня зубами за воротник, но я не желал уходить, мне хотелось остаться лежать здесь, с ними, до конца своих дней... Огромным усилием воли я оторвался от мокрой почвы и побрёл по направлению к гордому шпилю Энигмы. Гроза шипела мне вслед, но вопреки всему я знал, что мои мама и папа смотрят на меня с небес, что они рядом, что они со мной и я улыбался этому...

Тяжело выйдя из полузабытья, я ещё некоторое время тупо пялился на свои переплетённые пальцы. «Уныние» не взяло меня, а это значит, что я поборол все превратности Первородного Соблазна и обозначил, что достоин его Дара. Снизойдя в открывшийся простор, в помещение с невообразимыми кенотафами и портиками, источенными канелюрами, я подошёл к висящему в пустоте громадному золотому

шару, лучившемуся энергией такой доброты и заботы, что у меня на губах заиграла нелепая змейка–смешнушка. Похихикивая, сам не зная над чем, я наперекор усталости почувствовал себя невероятно хорошо. Тепло от шара манило меня, и я потопал прямо к его многочисленным руническим кольцам–спутникам.

– Калерб Шаттибраль. Я – Ио, Хранитель Благодати Ураха, – раздался глубокий миролюбивый голос. – Хотя ты и не являешься исконным обитателем Гамбуса – я знаю о тебе всё. Ты попал в переплёт Высших Сил, и от того мне грустно.

– Мне очень приятно познакомиться с тобой, Ио, – ответил я, поклонившись потустороннему созданию. – Тогда тебе известно, чем наградить меня за то, что я смог претерпеть семь грехов.

– Конечно. Это так. Мне ведомо, что ты стремишься отделить себя от Фарганорфа, и я дам тебе Это. Однако ты заслуживаешь большего.

– Чего? – любопытствовал я, борясь с желанием дотронуться до одной из притягательных магических сфер Ио.

– В тебе сидят множество потребностей, и все они связаны не с твоей выгодой, но с дорогими тебе людьми. Урах – истинный Бог Света. Всемиловитый и Любящий, Он разрешил мне нарушать Правило одного Подарка для тех, кого я сочту Достойным Того. Я даю тебе выбор Просвещения. Задай вопрос о тех, кто мил твоему сердцу – и я отвечу.

Не думая ни секунды, я спросил:

– Как называется фиал, способный снять с Эмили проклятье Тауруса Красного Палача?

– Этот фиал именуется Светочь. Ранее целый, а ныне разбитый на осколки, Светоч – древний и очень могущественный артефакт.

– Но... но где мне искать осколки Светочи?

– Они в твоём мире, Кaleb. Бoльшeгo я oткpыть тeбe нe мoгу. Единиcтвeннoe... Иo пoмeдлил, a пoтoм cкaзaл: – Бeзымянный. Спpocи o Свeтoчи eгo. Он нaпpaвит тeбя.

– Тpoлль из Aнoнимнoгo Дeльцa! – вькpикнул я, нe пoмня ceбя oт paдocти.

– Дa. Ты знaкoм c ним, – пoдтвepдил Иo, пoдплывaя кo мнe пoближe. – Кaleb, мoё Пpocвeщeниe пpeпoднeceнo. Нacтaл чepёд вьpвaть из тeбя Cтapейшeгo Вирмa Сepвepa и вepнуть eму oбpaтнo eгo cпaщую Жизнь. Вoйди в мeня, и Фaргaнopф внoвь вoспapит ввьcь.

Я зaжмуpилcя и oкунулcя в мepнe вибpaции дpужeлюбнoгo Иo. И cpaзу мeня oбвoлoклo мupиaдaми гopячих игoлoчeк, oт кoтopых пo тeлу зaстpуилcя пoтoк нeзнaкoмoй пo oщущeниям энepгии. Oнa cкoнцeнтpиpoвaлacь вo мнe и, пoкa я нaхoдилcя в cocoяннии пoлнoгo умирoтвopения, cтaлa тoлкaть из мeня чтo-тo инoрoднoe, нe пpинaдлeжaщee мoeму opгaнизмy. Этa гaдocть нaбухлa, и кoгдa я cдeлaл вьдoх, oнa вьлeзлa из мoих лёгких и пoнecлacь кудa-тo ввepх.

– Вcё, ты cвoбoдeн! И Фaргaнopф тoжe, – c нoткoй жалocти cooбщил мнe Иo. – Он ждёт тeбя, Кaleb. Ждёт, чтoбы гoвopить c тoбoй. Пpощай.

Пocлe этиx cлoв зoлoтиcтый шap вoбpaлcя в ceбя и coвepшeннo бeззвучнo иcчeз. Я oстaлcя oдин нa oдин c кoлдoвcкими вcпoлoхaми и гнeтущим чувcтвoм пpeдcтoящeй вcтpeчи. Пoднимaлcя пo пopoжкaм я нeхoтя, oбдумывaя, чтo мoгу cкaзaть дpaкoну-личу тaкoгo, чтo зacтaвит eгo пepeнecти мeня зa пpeдeлы Гaмбyca. Нe пpидумaв ничeгo тoлкoвoгo, я пpeдocтaвил мoим нoгaм вьнecти мeня из cакpaльнoгo oбитaлищa Иo. Cтoилo мнe нacтупить нa пocлeднюю cтупeнькy, и вxoд, paзвepзшийcя oт пpикocнoвeния Oтpaжaтeля, мьгкo coмкнулcя пoд мoими пoдoшвaми. Фaргaнopф... Я cpaзу зaпpимeтил pacкaлённe угли eгo пycтых глaзниц. Он cмoтpeл cтpогo нa мeня и я, вoпpeки cвoей вoлe, пoшёл к eгo cтpaшнoму чepeпy.

– Подойди ко мне ближе.

Молча я сделал это.

– Я снова обрёл себя, но тело моё разбито – тебе придётся потрудиться.

– Чего ты хочешь? – млея от ужаса, пролепетал я.

– Я чувствую, что ты много знаешь о Загробном Ремесле. Собери меня.

– Склеивать у скелетов суставы и восстанавливать тебе остов не одно и то же.

– Ты справишься. Начни с каркаса.

Что мне оставалось? Я занялся самой масштабной из всех некромантических работ в своей жизни. Под чуть слышное полязгивание совершенно глупых советов Джейкоба, я сперва отыскивал все разбросанные части Фарганорфа, а затем при помощи магии перетащил их в одну большую гору. Красный огонь в очах Старейшего Вирма Севера едва трепыхался, и я понял, что он, предоставив мне свободу действия, попросту собирает силы. Разобрав кости на отдельные группы (это для лап, это для крыльев, а это?... это для... хм, для чего?), я решил разделаться с самым жутким – со вставкой обломанных клыков. Напустив волшебную поволоку на резцы, я пролевитировал их на прежние места, а потом тёмным искусством скрепил «неразрывной» субстанцией, выдернутой из макабрических каверн Назбраэля. К раннему утру мне удалось составить драконий остов. Выглядел он поистине впечатляющим и грозным. Рёбра, ключицы, грудина – всё это заняло положенное место в общей картине. Однако мой кропотливый труд был очень далёк от завершения. Многие детали ещё только стояли в очереди на «состыковку». После короткого сна (Укулукулун, слава Вселенной, не приходил ко мне) и перекуса, я возобновил свои старания. Наиболее сложным оказалось смонтировать хвост. Его костяные трёхгранники вставлялись один в другой, а так как размером «от большего к меньшему» они отличались не так заметно,

как хотелось бы, то я провозился с ними около полудня. Поздним вечером я воззрелся на практически завершённого дракона–лича. Мне осталось прикрепить голову к шее и сочленить лапы.

Всю мою «возню» Фарганорф отмалчивался, зато Джейкоб болтал без умолку, правда, полушёпотом, что радовало. После утомительного времяпрепровождения я завалился на кровать. Завтра птишка Фарганорф будет в состоянии размять свои крылья. Их ремонт я запланировал на финал. Закрыв глаза, я почти моментально провалился в фантастически реалистичное сновидение. Мне снилось, что я нахожусь в пещере с удивительным синим полом и гладкими стенами, завешанными гобеленами из паутины. Подле меня стоял Бракарабрад в образе человека. При близком рассмотрении отшельник Серебряной Росы выглядел как умудренный летами мужчина, по возрасту близкий к «старикам», но еще не дотягивающий до этого определения стопроцентно. Широкий нос, седые волосы в пучке, аккуратно подстриженная борода и внимательные лазурные глаза – таков он был. С обрубка его руки сочилась какая–то белёсая сукровица.

– Я здесь, чтобы сказать: Укулукулун вернётся. Я не смог его победить, – проговорил отшельник Серебряной Росы.

– Когда это будет?

– Дату определить сложно, но точно не так быстро, как бы ему того хотелось.

– Ты станешь меня защищать?

– Рифф запретила мне это делать, – понуро ответил Бракарабрад.
– Испытание соткано только для тебя и короля Анкарахады – Укулукулуна Тобольдо. Но я дам тебе совет: в следующий раз постарайся ему противостоять.

– Мне не нужна Путаница и «место» архонта тоже.

– Тебе не избежать Испытания. Оно выше тебя.

Отшельник Серебряной Росы начал таять и пещера вместе с ним.

– Постарайся... принять свою Судьбу.

Я проснулся, как и не спал, – вымотанным и усталым. Меня ожидала реконструкция Фарганорфа и, чтобы не думать о Путанице, Испытании и Укулукулуне, я занялся ей безотлагательно.

Минута к минуте, час к часу тикал настольный маятник, отмеряя мои старания на свой пессимистический лад. Тени водили хороводы, а магические шарики света, кружащиеся над потолком и у колонн, размазывали их грани по всему плиточному полу. Когда последнее костяное крыло было прикреплено к спине Фарганорфа, то я услышал громоподобный рык – чудище сочло мою миссию оконченной.

– Я благодарен тебе, Искорка, за то, что ты воссоздал меня, – потянувшись (если так можно назвать костяные пертурбации), пророкотал дракон–лич. – Мой господин сокрушил Тауруса, а значит, Пророчество Полного Круга было совершено, и мне пора возвращаться домой. Если ты хочешь, я могу взять тебя с собой.

– На большее я бы и не смел надеяться, – с облегчением в голосе, отозвался я.

– Тогда забирайся на меня – мы покидаем Гамбус.

– Наконец–то! – радостно возопил Джейкоб.

Я влез на жёсткие позвонки, и Фарганорф, слегка пробежавшись, воспарил к пролomu в куполе. Шух, шух, шух – трепетали крылья. Быстро удаляясь от Первородного Соблазна, мы понеслись в мрачное небо.

Глава 7. День – хорошо, ночь – плохо

Мы летели, и это было одинаково прекрасно и ужасно. Фарганорф резво набирал высоту, и от того мои уши терзал ледяной ветер. Всё внизу смазалось и превратилось в одно разноцветное одеяло. Добравшись практически до звёздного купола, я вдруг почувствовал, как начинаю таять. Мои пальцы сделались липкими и эластичными, а хребет дракона–лича, на котором я восседал, заходил мягкой волной – мы развоплощались. Фарганорф, взревев как тысяча огров, покрылся красными всполохами, и я словно попал в осознанное сновидение. Я знал, что нахожусь на закорках Старейшего Вирма Севера, и понимал, что происходит магический акт, но осознать себя более чем тонюсеньким волоском, пробивающимся через пульпу Вселенной, не мог. Весь процесс длился считанные секунды – бац, и вот мы уже кружим над остроконечными шпилями Килкваги. Раннее утро вовсе лучилось весной! Деревья Великого Леса, проснувшиеся от стылой зимней хандры, набухли живительными почками, а кое–где уже их распускали. Птицы весело щебетали... правда недолго. Заприметив нас издалека, все пернатые устремились вглубь расцветающей чащи. Я в родных пенатах! Ура! Здесь, как и в Гамбусе минула целая пора! Уму непостижимо!

Фарганорф тяжело приземлился на башенную площадку и сложил на спине крылья. Я худо–бедно слез и пошатываясь, уставился на лысый череп, который в привычной манере возлёт на передние лапищи.

– Мы дома. И это хорошо, – отметил дракон–лич, взирая на меня парализующим взглядом. – Мне не хочется быть должным тебе за моё воскрешение и потому, Искорка, если я тебе понадоблюсь – позови меня, и я приду.

– Спасибо, – только и смог вымолвить я.

– Иди, Килквага под моей защитой, ничего не бойся.

Прежде чем «пойти», я задержался у блестящего шарика, покоящегося на столбике у Гамбуса. Под хрустальной сферой мистического Мира–Начала кружились листики и сверкали

малюсенькие грозовые разряды. Взять его с собой, как это некогда сделал Джед Хартблад? Попробовать напиться от него силой и стать непобедимым волшебником? Ну уж нет, у неконтролируемой мощи есть свой предел, и то наглядно доказал Милтар Бризз. Лишившись постоянной связи с Гамбусом (а шар всего-то лишь упал с пьедестала), кудесник в одночасье потерял всё своё могущество, и Людвирбинг Эмилии моментально снёс ему зазнавшуюся головёнку. Я так не хочу. Пусть уж лучше Гамбус останется в Килкване... до тех пор, куда на него не наткнётся новый чародей.

Нервно хмыкнув, я зашёл в апокрифическое обиталище Джеда Хартблада. О маге я знал только то, что он являлся чемпионом Ураха и был одним из самых древних обитателей нашего континуума. Сколько загадок осталось после его смерти... Некоторые из них я раскрою, побродив по обветшалым коридорам тёмного замка.

Лестничный марш повёл меня через многочисленные уровни цитадели туда, где Эмириус Клайн потчевала меня благородной ложью. В библиотеку. Конечно, она была пуста, я ни на что другое и не надеялся. Пройдясь меж пыльных торшеров с перемигивающимися волшебными фонариками, я подошёл к столу с одиноким белым листом. У меня заколотилось сердце, когда я с первых же букв различил почерк Эмилии! Письмо! Я схватил его и принялся жадно читать:

— «Мой дорогой и милый Калёб! Если ты каким-то чудом остался жив и читаешь это послание, то знай, я ждала тебя, так долго, как могла, а потом вместе с Грешемом, Мурчиком и Снурфом, которого я тащила отсюда за усы чуть ли не силой, пошла в Ильварет, вслед за Серэнити и Дурнбадом, ушедшими туда двумя неделями ранее. В Великом Лесу творится что-то неладное, будь осторожен... Всей душой надеюсь на встречу с тобой. Твоя Эмилия Грэхольм».

Я пробежал глазами листок ещё несколько раз, а затем прижал его к груди. Я должен увидаться с ней... с ними! Сказать, что со мной всё хорошо! Что я в порядке! Я понуро опустился в кресло... В каком-то порядке? Если я хочу и дальше жить, то надо преступать к

поискам Короны Света... Откуда мне начать? Логичнее всего будет двинуться в Ильварет и, если я не застану там друзей, то уж навести справки и собрать слухи о том, где может быть Корона Света. У меня должно получиться. Так и поступим.

Доев последний кусочек хлеба и запив его водой, я прогулялся по громаднейшей библиотеке Джеда Хартблада. Что мне только не попадалось на глаза: книги с заклятиями, размышления о возникновении энергии, всевозможные церемониалы, тайнописи, рунические и эзотерические предсказания, мифы о Бархатных Королевствах, Империи Хло, Королевстве Бурунзия, Острохвостии, Минтасе, Ноорот'Кхвазама и многое, многое другое. Пролистав один том, я брался за его «соседа», отложив «соседа», моя рука тянулась к толстенному альманаху. Я так погрузился в чтение, что не заметил, как за окном солнце практически потонуло в закатной пелене. Под конец я раскрыл самую заинтересовавшую меня книгу и потому оставленную на «сладенькое». Название её было таково – «Как обхитрить Смерть посредством спиритического воздействия Вселенной». Само собой, прочтя заголовок, я думал о полюбившейся мне Серэнити. Автором значился сам Джед Хартблад, от этого моё любопытство только возросло. Легендарный чародей писал о том, что кончина, «обещанная» через ритуал или алхимию, иной раз может быть отвратима. Чистая кровь эльфов является безоговорочным антидотом к неисчислимому перечню заболеваний и проклятий (это я узнал ещё из книги «Трагедия Роберто де Ильги»), измельчённый рог единорога горазд отодвинуть «неминуемое» на второй план (эти волшебные животные, как их длинноухие покровители пропали века назад), некие кристаллы... С этого места я стал читать втрое внимательнее. Джед Хартблад на страницах своего произведения уверял, что уникальные камни, заряженные божественными флюидами и соответствующим образом обрамлённые в держатели из квазальда, при прикосновении к челу «обречённого» и произнесении наговора (состоящего из нечитаемого набора знаков, неотносящихся ни к одному из известных мне языков), способны излечить любую из злокачественных отметин.

Чтобы не тащить книгу Джеда с собой (и так места в сумке мало), я переписал из неё наговор в блокнотик.

Значит, получается вот что: у меня есть кусок Амасты, ранее принадлежащий Пёстроу Богу и, по всей вероятности, сохранивший возможность поднимать людей из могилы. Так же я имею зашифрованный текст наговора – с этим мне может помочь признанный полиглот и лингвист Бертран Валуа. А до полного «набора», список который приводит Джед Хартблад, мне недостаёт только квазальда... Квазальд – сверхпрочный металл, который в незапамятные эпохи залегал на шапках Железных Гор и принадлежал нирфам. Когда-то предки Дурнбада попытались отнять у нирфов их квазальд. Война с детьми Неба окончилась победой гномов и... полным исчезновением квазальда. Почему он пропал? Дурнбад предполагает, что то было последним желанием (заклинанием) умирающего короля нирфов... Так он наказал гномов за их предательство и жадность... А может квазальд исчез не весь? Петраковель из Оплота Ведьм упоминала, что чувствует его. Правда, в этом времени или прошлом чувствует, сказать она не смогла... М–да! Информация мне попала в сети, что надо... Держись, Серэнити... Клянусь, я перерою весь Будугай, но квазальд достану...

Я устало потёр переносицу и переключил мысли на приземлённые потребности. Мне хотелось есть и спать, и первое возобладало над вторым. Я пошёл раздобыть себе пищи. Должен же был Джед Хартблад тут чем-то питаться? Припоминаю... Когда я вместе с Эмириус Клайн проходил через вытянутую банкетную, то она находилась в запустении... Пожалуй, придётся поискать столовую поменьше, на одну персону. Чутьё повлекло меня на ярус ниже. Ведь так хотелось есть! Пройдя через длинный коридор и, по интуиции завернув направо, я вдруг почувствовал отдалённый запах жареного мяса! Прибавив шагу, я, как шмель на пыльцу, понёсся к чудесному аромату. Невероятно! За высоким арочным проходом располагалась комнатка, уставленная снедью! Единственная фарфоровая тарелка и приборы ждали, когда ими воспользуются. А воспользоваться было, для чего! На столе с бело-красном махровым покрывом дымились разнообразные кушанья, – ровно такие, о каких я мечтал! Здесь было всё: до копчёности, жареное мясо, салаты! Вдруг я понял, с чем имею дело! Передо мной лежала скатерть «На любой вкус». Но я был

уверен, что предания лгут, что скатерть – настоящая фольклорная выдумка! Но – нет! Вот же она! Легенды говорят, что ее полотно действительно производит еду для любой, именно любой сущности, за исключением живых носителей других сущностей. То есть живого кролика скатерть не предложит не менее живой лисице. Но соорудит лисе то, чем та сможет утолить голод. Только вряд ли лисам попадался столь удивительный предмет.

Я бережно погладил по краю уникальную вещь

Вдруг под тарелкой я увидел вчетверо сложенную записку. Вынув лист, я прочитал: «Калерб, чтобы ты не умер тут с голоду – оставляем тебе Скатерть «На любой вкус». Э. Г. и Ко»

Эх, спасибо друзья! Такая редкая вещь! Как же вы верили, что я вернусь, как же понимали, что она мне очень–очень пригодится...

Поминая Эмилию, Серэнити, Дурнбада и Грешема добрым словом, я навалил себе картошки с котлетами, налил вина и наложил салата из овощей. Прекрасно! Даже более, чем! Фирджи и Дукас такими вкусностями меня не кормили.

Наевшись и еще раз мысленно поблагодарив друзей, я решил добавить скатерть к своим приобретениям. В самом деле, не оставлять же ее тут, где она никому не нужна! Так–так, подсчитаем! За свой поход я приобрёл: Кампри, Лик Эбенового Ужаса, брошку, что кинула мне сова за спасение Леса Скорби, скол Амасты, занятный мини–корабль «Ригель» – думаю, он магический, и вот теперь Скатерть «На любой вкус», и это всё не беря в расчёт вороха книг! Ну я и обогатился! Вернусь в Шато с обновками! Если получится, конечно...

– Джейкоб! Знаешь, что я тут обнаружил?

Клинок гномов молчал. Я достал его и, нахмурившись, положил перед собой.

– Джейкоб? Ты чего там? Я от тебя целый день ни лязга не слышал! Ты обиделся на что-то?

И вновь ни единого слова в ответ.

– Эгей, братец, вот и сказочке конец, – растянуто промолвил я, догадываясь, что к чему. – В нашем мире правило Юджина никто не отменял. Вероятнее всего, ты мог говорить только в Гамбусе, так как он, являясь первозданным источником энергии, питал тебя своей мощью, которая случайно сконцентрировалась на тебе из-за локальной дестабилизации, вызванной Пророчеством Полного Круга. Мне жаль, дружище, отныне ты будешь нем, как рыба. Или я не прав?

Я выждал десять секунд, а потом скрепил:

– Видимо прав, а жаль! Без твоего трёпа мне будет скучновато!

Набив брюхо до отказа, я, вспомнив по преданиям, как надо обращаться со Скатертью «На любой вкус», собрал её с четырёх концов и сложил в аккуратный свёрток. Все столовые приборы на ней и еда пропали в бархатистых складках. Отлично! Ныне я обеспечен бесконечным запасом провианта! Хоть свою закусочную открывай – «В Гостях у Некроманта!» Ха!

Поели – пора и баиньки! Тяжело шаркая и кудахча себе под нос песенку про растеряху-повара, я направился по цитадели вверх. Почему я туда шёл? Потому что все маги, как на подбор, любят спать чуть ли не под крышей своих владений. Точно-точно... На восьмом уровне я обнаружил альков, а за балдахином скрывалась кровать. Раздевшись, я предоставил своё брненное тело в объятья мягкой перины. Предстоящий сон пугал меня, но вспоминая минувшую грёзу, в которой Бракарабрад сказал мне, что Укулукулун явиться не скоро, я всё-таки надеялся на спокойную ночь. И так и вышло. Мне снились окрестности Весёлых Поганок, Мурчик, прыгающий за бантиком, и какая-то дама в розовом платье – набор вполне неплохой.

Проснувшись, я первым делом двинулся к питьевому фонтанчику. Ополоснув лицо и наполнив флягу, я воспользовался Скатертью. Чтобы не расстилать её каждый раз, я набрал себе из неё орехов, сухарей и вяленого мяса – того, что весит мало, а насыщает хорошо. Прежде чем уйти из Килкваги, я спустился в мастерскую, где мне довелось увидеть странный стальной механизм, схожий с человеком, только больше раза в три. Шестеренки, гайки, отвёртки и напильники, а так же куча бутылок с маслом в нетронутom виде громоздились всё на тех же местах, что и раньше. Неспешно осмотрев конструкцию, я пришёл к выводу, что сей агрегат есть не что иное, как незавершённый голем – неодухотворённое создание, предназначенное для служения кудеснику. Ранее мне доводилось лицезреть только природных големов – элементарей – Огня (В Узилище Ярости был заключён такой) или Воды, а вот самодельный вариант я видел впервые. Оставив любопытнейший образец инженерного гения, я заторопился к выходу из Килкваги. Коридоры, коридоры, коридоры, лестница... Прощай, таинственный замок!

Великий Лес наполнен смертельной опасностью... Живорезы, обитающие в нём, могут доставить мне много проблем, хотя... Перейдя через длинный иззубренный мост, я швырнул Кампри об землю. Появился Юнивайн. С призрачным конём у меня есть все шансы выбраться из чащи живым. Забравшись в седло, я попросил своего друга отвезти меня в Ильварет. Издав мелодичное ржание, Юнивайн сорвался с места. Уже привычно на меня обрушился калейдоскоп мазков – мы неслись со скоростью стрелы. Я держался за маленькую ручку седла и думал, о том, где найти Корону Света, о Светочи и о том, как снять с Серэнити проклятие Живой Воды. Размышления, вы не оставляете меня ни на секунду... Мы скакали сквозь бор около шести–семи часов, и Юнивайн затормозил только тогда, когда на небосклоне выглянули привычные взору звёзды. Осторожно идя по зарослям Великого Леса, я подыскивал себе ложбинку, которая сможет укрыть меня от таящихся живорезов.

Заросли сменялись зарослями, а искомое всё не попадалось мне на пути. Я бродил и бродил и, не найдя должного укрытия, привалился к могучему дубу. Лучше выбрать чуткий полусон, чем вообще не

спать. Однако вопреки моим ожиданиям и постоянным осматриваниям вездесущих куц, грёзы всё же сморили меня, и проснулся я рано утром от голоса...

– Добрый господин, я так рада, что наткнулась на вас!

Я медленно приоткрыл глаз, кляня себя, на чём стоит свет, за свою безалаберность. Подле меня стояла девочка–подросток лет шестнадцати. Её лицо было одновременно радостным и печальным. Что, во имя Вселенной, дитя забыло в Великом Лесу?!

– Ты потерялась? – хрипло спросил я, как бы ненароком кладя ладонь на рукоять Альдбрига.

– Нет... нет, но мне нужна ваша помощь!

Сколько раз за последние несколько месяцев я слышал подобную фразу? По–моему, цифра скоро перевалит за отметку «сто».

– Как тебя зовут, и что у тебя случилось?

– Я – Илва... а про несчастье вам лучше расскажет мой отец... он в Нальде.

– Что такое Нальд?

– Это наша обитель...

– Разве в Великом Лесу живут люди? – осведомился я, недоверчиво косясь на Илву. Девочка начинала мне не нравиться.

– Вот об этом–то мой папа вам и поведаст. Пожалуйста, без вас мы будем обречены...

– А с чего ты решила, что я смогу тебе чем–то помочь? Я что, похож на сильного воина или опытного друида?

– В Великом Лесу никто другой попросту не выживет, – со вздохом ответила мне Илва, теребя подол платья.

Почему-то моё сердце билось спокойно, я не чувствовал обмана... Может, правда неподалёку находится скрытое поселение рейнджеров, попавших в опалу. выслеживая маршруты живорезов. В наше беспокойное время всякое бывает...

– Хорошо, води меня в Нальд, – после минутного раздумья отозвался я.

Мы пошли по неприметной тропинке мимо посадок каштана. Ветви то смыкались, то размыкались, а некоторые опускались так низко, что иногда нам приходилось раздвигать их руками. Дорогу ещё усложняли громадные грибы и непролазные кусты, неукоснительно наводнявшие каждую пядь пути. Изредка мы обходили небольшие, вырывающиеся из земли гранитные глыбы или перескакивали быстро бегущие ручейки. Вообще Великий Лес – это ландшафтная солянка, в которую замешаны даже самые натуральные одиночные горы – правда, сейчас их поблизости не было. Облизав губы, я подумал – интересно, а насколько Килквага далека от Ильварета? Как долго мне придётся скакать (или идти, если Юнивайн будет занят своими делами) к ближайшему посту Карака? Может даже удачно, что сейчас я топаю в Нальд... Разузнаю, что к чему.

Будучи в постоянном напряжении, я, огибая с Илвой миловидное озерцо, увидел то, что уже давно готовился увидеть – живорезов, а именно безволосых обезьян. Это мерзкие гуманоиды как две капли воды похожи на здоровенных горилл, обитающих в Бархатных Королевствах, только в отличие от своих братьев они невероятно злобны и лишены на теле всяческой растительности. Мерзко, с присвистом похрюкивая, живорезы дербанили какую-то тушу, вероятнее всего собираясь ею отобедать. Я схватил впереди идущую Илву за талию и без лишних сантиментов, прижав ей рот рукой, показал на внезапную опасность. Как я и ожидал, девушка попытался вскрикнуть, однако, слава Вселенной, не смогла. Крадучись, мы заторопились покинуть сходку безволосых обезьян, но, к моему

глубокому сожалению, миновать её у нас не получилось. Всё дело в том, что у этого типа живорезов, поклоняющихся Богу–Идолу Маморгамону, отличный нюх... особенно на людей. Одна из безволосых обезьян оторвалась от своего нелюбимого занятия и, принявшись, точно ткнула на прячущихся нас корявым пальцем. Спустя секунду, гикая и ворча, к нам понеслась целая орава живорезов.

Приблизительно девяносто футов разделяли меня и Илву от уродливых гадин, и когда первые пять, улюлюкая на своём кривобоком наречии, оказались у нас перед носом, моё заклинание Многогранного Огненного Шара, усиленное Ликом Эбенового Ужаса, испепелило четыре из них. Верный Альдбриг вошёл в глотку пятой безволосой обезьяны. Впрочем, ещё семь живорезов были живее всех живых. Я ткнул посохом в отвратительную морду, пригнулся от мощного кулачного удара и, уклонившись от захвата, перерубил мечом тянущуюся лапищу. В это время Илва ловко орудовала маленьким кинжалом. Подрезав сухожилие одному живорезу, она по рукоять всадила клинок в сердце другому. Лезвие обломалось, и следом куцая пятерня проехала по красивому личику. Брызнула кровь, и Илва без чувств упала на землю. Я кинулся к ней. Плечом оттолкнув загородившего мне проход противника и обдав жаром Лика Эбенового Ужаса мускулистый торс, я успел добежать до Илвы прежде, чем хищные зубы сомкнулись на её шейке. Вонзив в живореза Альдбриг чуть пониже пупка, я низверг его красочную поросль. И тут мне по затылку что-то больно ухнуло. Я потерял равновесие и шмякнулся на поверженное создание. Клыки у самого моего носа... Арбалетный болт продырявил макушку безволосой обезьяны. Пшить, пшить, пшить, только и слышались победные голоса спускаемых курков. В миг все живорезы были истыканы смертоносными иглами. Я приподнялся и увидел, как из тени к нам выходят одетые в хитиновые доспехи воины. Самый высокий из них склонился над Илвой.

— Как ты здесь оказалась...о, девочка моя... что же за несчастье выпало на мою седую голову!

— Все нормально, пап, — прошептала Илва, тяжело садясь. — Я цела!

– Кто разрешил тебе покинуть Нальд?!

– Потом, пап! Я привела нам помощь...

Тон человека сразу изменился.

– Ты уверена?

– Сам посуди, он положил семь живорезов... и четыре из них магией.

Воин и десять его товарищей, уставились на меня.

– Я –Элми, глава гвардейцев Нальда, а ты...

– Я – Калерб, – представился я, хватаясь за протянутую руку.

Череп саднило, однако ощутив его, я обнаружил лишь крупную шишку – легко отделался.

– Спасибо, что спас мою безответственную дочь...

– Пап!...

– Нам надо поговорить, но не здесь.

– Хорошее предложение, – согласился я.

Мы оставили валяющихся живорезов на попечение природы и пошли неприметными тропками. Все хранили молчание. И это было не потому, что нам не хотелось расспрашивать друг друга о чём бы то ни было, а из-за того, что разговоры могли бы привлечь к нам ненужное внимание. Дважды мы обходили походные костры гоблинов и столько же раз избегали встречи с омирами – очень опасными врагами, носящими панцири вместо кожи. К полудню наша скрытная вереница подошла под каменные сени. Элми ухнул по-совиному, и

замаскированные ворота разъехались в стороны. Я оказался в самой настоящей крепости, заключённой в плотное кольцо почти смыкающихся скал. Пара десятков домиков жались к донжону, выпирающему из земляной тверди. Я поднял голову и изумился: от верхушки донжона шли стропила, примыкающие к горным выступам — на них была натянута мелкая стальная сетка, едва пропускающая солнечный свет.

— Она волшебная, — объяснил мне Элми. — Любой живорез, глянувший на неё, увидит лишь отвратительную кипящую жижу.

— Отличная маскировочная иллюзия, — одобрил я. — Ваша крепость законспирирована под гигантский грязевой источник!

— Именно. Который скрывает в себе неприятный секрет, — кивнул Элми, пропуская меня вовнутрь донжона, отчего-то пахнущего мускусом.

Пока мы поднимались по порошкам, немногочисленные обитатели Нальда с интересом меня осматривали. Несколько раз мне показалось, что взгляды таят затаённую тоску.

Когда мы достигли зала со сдвинутыми столами, Элми пригласил меня сесть. Налив нам по стаканчику хереса, он, стянув с себя экипировку, опустился на стул напротив меня. На вид ему было лет сорок пять — кустистые брови, давно небритая щетина и выпирающий «перцем» нос.

— Мне бы хотелось о многом порасспросить тебя, Калёб, как наверняка и тебе меня. Но времени у нас не так и много...

— Почему? Разве Нальд не надёжен? Или иллюзию купола раскусили, и ожидается нападение? Об этой помощи говорила Илва?

— Не всех можно провести на волшебной «сметане», это так, но я пригласил тебя поговорить не об этом.

– Тогда о чём?

– Чтобы ответить на твой вопрос недостаточно пары слов. Необходимо рассказать тебе историю...

– Я слушаю, – откликнулся я, сделав маленький глоточек из стакана.

Элми кивнул.

– Нальд был основан в ту стародавнюю эпоху, когда влияние Соединённого Королевства простиралось вглубь Великого Леса. Да... Ту пору, а я имею в виду правление Эрзаца Демея, отметили многие достославные победы, и Нальд построили, чтобы упрочить власть Света над Тьмой. Однако живорезы быстро взяли своё. При сыне Эрзаца Демея, Инке Чахоточном, пограничные посты вновь отодвинулись на периферию Карака, и Нальд, хорошо укутанный в магическую опеку, остался единственным военным оплотом в море зла.

Элми покрутил бокал в руках.

– В один из сонма дней с Нальдом были отрезаны все связи. Понимаешь, Калерб, мы очень далеко от Клейменда. Тебе же известен Клейменд?

– Крепость Ордена Лучезарных Крыльев с кучей боевых адептов и паладинов. Живорезы её терпеть не могут. И есть, за что.

– Ага, а от Ильварета мы вообще «за тридевять земель». О нас быстро забыли... Однако мы продолжали выполнять свой долг.

– И?

– Мы держались, пока на Нальд не обрушилось несчастье.

– Что за несчастье?

– О нём–то я и хотел с тобой поговорить.

Элми придвинулся ко мне поближе.

– Однажды наш жрец, Комодриан, пропал. Мы искали его, искали и нашли в пещере... Он был истерзан, но жив. Скорее всего, Комодриан решил провести кое–какие исследования и наткнулся на того, с кем не смог совладать... Мы принесли его в Нальд и тут...

Элми сжал кулаки.

– Когда появилась луна, он обратился в волка, после чего тайком выбрался из лазарета и кинулся на спящих. Жрец кусал их, и они, под воздействием бледной сестры солнца, моментально трансформировались в оборотней... Что тогда было... Спеша утолить первый голод, мы рвали своих близких, и те, кто к утру выжил, навсегда стали такими же, как Комодриан.

Я неосознанно уронил свой недопитый херес на пол, а Элми горько хмыкнул.

– Но это ещё не всё. Убегая в чащу, Комодриан, мерзопакостно скалясь, протявкал жуткое проклятие, связав нас, помеченных его зубами, со своей волей. Днём она не висит над нами, и мы по–прежнему служим на благо Соединённого Королевства...

– Зато в полночь вы превращаетесь в ликантропов и вершите жуткие дела, навязанные вам жрецом? – тихо спросил я.

– Мы выискиваем людей и тащим их к Комодриану, зачем – можешь не спрашивать.

У меня пронеслось в голове, что если Юнивайн по каким–то причинам не откликнется на мой призыв, то мне каюк. Ликантропам в беговой гонке я не ровня.

– Даже если я сейчас уйду, вы выследите меня!

– Ты прав, подразумевая то, что нам не подвластно управлять собою, когда «жёлтая бестия» появляется на небосклоне.

– Получается, что у меня уже нет времени уйти от Нальда на достаточное расстояние? – поперхнувшись, сказал я.

– Получается так.

– И что же мне теперь делать?!

– Помочь себе и нам.

– У тебя есть идеи, как?

Элми погрузился в раздумье.

– Я думаю, что Комодриан нашёл способ, как контролировать свою болячку или избавиться от неё совсем, потому как при мне порабощённый лихом жрец волком никогда более не становился. Язва мрака помутила его рассудок, однако, как видно, не совсем. Мне очевидно, что для Комодриана быть самому «тварью» не так привлекательно, как повелевать «тварями».

– Спрошу так, ради «галочки» – что мешает гвардейцам Нальда «потрясти» Комодриана, пока над ними не тяготеет луна?

Элми покатал желваки.

– Комодриан подстраховался – наложенное им проклятие не только сделало из нас его послушных «дворняжек». Оно навязало нам неодолимый страх. Приближаясь к пещере жреца в своём настоящем облики, мы оказываемся в тисках паники – воображение захватывают чудовищные мысли, и сопутствующие им тревоги гонят наши подкошенные ноги обратно в Нальд.

Я поднял оброненный стакан.

– Ты сказал, что Налъд был заложен при Эрзаце Демее... и при тебе тоже?

– Да, при муже Лии Темной, дочери Харальда Темного и мне. Налъду тысячи и тысячи лет, – вздохнул Элми. – Мы не стареем, не живём, не существуем. Это пытка тянется многие века и большинство из нас давным–давно наложили на себя руки или погибли в бою с живорезами, но я... Я не оставляю надежду на светлое будущее своей дочери. Ради неё я не даю себе сорваться. Я хочу, чтобы она стала обычной девочкой, чтобы ощутила каково это...

– Жить нормальной жизнью?

– Да. Я мечтаю о том, чтобы покинуть Налъд, этот опостылевший Великий Лес и пробиться, уехать, в спокойное, лишённое войны и кровавых прихотей Комодриана, место. С ней... с моей Илвой.

На суровом лице Элми заплесали тонюсенькие морщинки. Он страдал.

– На твоих плечах не лежит проклятие Комодриана. По тебе видно, что ты опытный скиталец–маг и не убоишься его козней. Выведи жреца на чистую воду, вытяни Налъд из тугой петли! Спаси нас... и себя!

Я обхватил подбородок двумя пальцами и стал кумекать.

Ликантропия – болезнь из того разряда, что в Инквизитика Конопус называют – «достойная аутодафе». Если от вампиризма отделаться нельзя (я уникальный случай), то от неё вполне возможно – по крайней мере, были описаны такие прецеденты.

Ликантропия известна нам довольно хорошо. Первые упоминания о ней относятся к периоду, когда Соединённое Королевство ещё не стало единой страной, то есть до правления Нолда Тёмного.

Ликантропы или оборотни, как их принято называть в простонародье, ведут свой род от Ризика Пьюра – тёмного мага, которого по преданию укусила мифическая Джазоф, гончая бога–идола Кхароторона, когда тот прогневал её господина. После череды болезненных метаморфоз Ризик Пьюар обернулся громадным серым волком, который по велению Джазоф пустился плодить себе подобных. Только его сила уступала силе фурии Кхароторона, и звериный дух не полностью завладевал покусанными им людьми.

В светлое время суток носители болезни могут вести обычный образ жизни и ничем не выделяться среди не заражённых людей, однако стоит только среди звёздной россыпи появиться «колеснице ночи», как несчастные тотчас теряют разум, а вместе с ним и все человеческое.

Трансформация в волка происходит чрезвычайно тягостно. Одномоментно удлиняются конечности, вырастает шерсть, и прорезываются клыки, а глаза начинают рдеть янтарными зарницами. Животный инстинкт гонит ликантропов насытить жажду крови и обратить в своё «колени» новых приверженцев.

Литература знает несколько примеров полного излечения от ликантропии. Первым освободившимся от оков заболевания был великий знахарь Огли Клое. Получив рваный укус в лодыжку и, поняв, что ему грозит, он, использовав отвар собственного приготовления – Огокл, в состав которого входили редчайшие водоросли из Островного Королевства, эссенция цветов вистулума из Бархатных Королевств и два десятка ингредиентов с разных концов Соединённого Королевства, смог–таки выгнать из себя ликантропию. Отметим, что по заметкам Огли Клое Огокл действует положительно только в первые недели заражения. Ввиду сложного нахождения компонентов для Огокла, исцелить болезнь с помощью него практически невозможно.

Единственная, кто умела изгонять ликантропию при помощи «наложения рук», – это Жозефина Улл, верховный понтифик Братства Света. При паломничестве в Кнюрмонд, монастырь с мощами святого Кнюра Заступника, её прелата подрал оборотень. Прелат очень

мучился, и Жозефина, возложив на него тонкие длани, просила Всеотца сжалиться над ним, и Урах услышал её молитвы. Вскоре прелат встал с кровати, а верховный понтифик, обрета благословение небес, до конца своих дней врачевала пагубу Ризика Пьюра.

Второй случай и последний, когда ликантропия отступила под воздействием алхимии, был отмечен в хрониках Альфазацких мудрецов с острова Альфазия, безвозвратно канувшего в Абрикосовое Море. Некто Эгромонд Сизый, вернувшийся из путешествия по Лесу Скорби, превратился в оборотня. Альфазацкие мудрецы изловили его и, вызвав из глубин своего покровителя, водяное божество Цхерануса, получили от него неизвестные науке голубые кораллы, при употреблении которых Эгромонд вновь стал полноправным членом общества.

Из всего вспомненного мною следует, что...

Поджав губы, я посмотрел на Элми, терпеливо ждавший, когда я соберусь с мыслями.

— Своими силами я помочь «нам» не смогу. Видимо, всё-таки придётся наведаться к вашему Комодриану.

— Ты сделаешь это?! — вскричал Элми, не помня себя от радости.

— Очевидно же, что да, — с некой дрожью в голосе ответил я. — Где находится пещера жреца?

— Мы прозвали её Ненавистным Волчатником. Она расположена на северо-западе от Нальда, под сенями гигантского известкового холма.

— Есть ли возле Ненавистного Волчатника какие-нибудь ловушки?

— Насколько мне известно, нет.

Элми потёр щетину, а затем глянул в окно. Солнце заливало зал своими лучами, и мы оба щурились.

– У живорезов о Ненавистном Волчатнике ходит дурная слава, и они боятся подходить к нему. Поэтому я уверен, что Комодриан чувствует себя в безопасности. И ты, заявившись в Ненавистный Волчатник на «чай», застанешь его врасплох. И...

Мой собеседник глубоко вдохнул, а потом единым духом выдохнул:

– Если я ошибся в своих суждениях – просто убей его. Отомсти за нас!

Я встал и направился к лестнице.

– Я вернусь либо с хорошими новостями...

– Либо не приходи совсем. Беги в сторону Клейменда, на восток.

– Попробую оторваться от вас, – кивнул я, ещё раз вспоминая, что при неудачном стечении обстоятельств за мной начнётся погоня. Юнивайн – мой козырь в рукаве, однако он может не явиться, и тогда ликантропы, никогда не прекращающие преследование своей добычи, разорвут меня на куски. Это проблема из разряда «первостепенной важности», и вычеркнуть её из списка необходимо быстрее быстрого.

Покинув Нальд через скрытые в граните ворота, я обогнул его с запада и, придерживаясь направления на север, потопал к Ненавистному Волчатнику. Травы и цветы под ногами чудесно благоухали. Настороженно озираясь, я, вопреки всему, радовался тому, что зима, принёсшая мне кучу сражений и невзгод, ушла на заслуженный покой. Но что принесёт мне весна? Чувствую, она будет ещё более «заводной», чем её «беловолосая» свояченица. Естественно, если я переживу эту ночь...

Проходя мимо стволов деревьев и кучих кустарников, я заметил свору упитанных кабанов. Они злобно перехрюкивались – моя компания им не нравилась. Недолго думая, я взобрался на дерево и я помахал кабанам Альдбригом. Перехотев мной отобедать, они гуськом засеменили в тенистую чащу. Обозревая сверху окрестности, я безошибочно выделил из общей массы растительности высокий бежевый холм – значит, Ненавистный Волчатник совсем недалеко. Носу на один сук, теперь на другой, вот так, не торопясь, и – оп – я на земле и иду туда, куда наметил. Минут через двадцать пять показался известковый склон. Задержавшись рассмотреть на неровной поверхности отпечаток аммонита, я, зарядив Лик Эбенового Ужаса «Огненным Шаром», напущено невозмутимо поднялся по откосу к горловине пещеры. Никакой трусости или робости я не испытал и поэтому, считая что волшебство Комодриана и прямо действует только на его несчастных клеветников, зашёл в Ненавистный Волчатник. Внутри пахло чем-то затхлым и тяжёлым. Я поморщил нос – ну и гадость. Самодельные светильники с небольшими магическими сферами тут и там подмигивали мне сиреневым или жёлтым светом. Я прошёл мимо наваленного горкой тряпья и бесшумно устремился к безмятежно храпящему человеку. Обросший бородой, он зарылся в ворох слежавшейся овсяницы. Нацелив наверх посоха на исковерканное оспинами лицо, я громко проговорил:

– Ну, Комодриан, почему не встречаешь гостей?

Спросонья жрец попытался вскочить, но завидев трепещущий жаром Лик Эбенового Ужаса, поник и, облокотившись на руки, полулежа, сказал:

– Добро пожаловать, брат-маг в мою скромную берлогу. Можешь потушить свой посох? Уверяю, он тебе не понадобится.

– Гвардейцам Нальда ты бы тоже самое проворковал?

Комодриан осунулся и как-то разом побледнел.

– Я не виноват в том, что с ними случилось.

– А кто же тогда? – осведомился я, перенаправляя Лик Эбенового Ужаса на горло жреца.

– Ах, бедный мой, ты услышал слезливую побасёнку о том, какой я негодяй, но ложь, она так непроглядна!

– О чём ты?

– В Нальде действительно живут оборотни, однако, их недуг дело рук коварного Элми и мелюзги Илвы, – сбивчиво заговорил Комодриан. – Они подослали тебя ко мне, чтобы убить, но прежде, чем ты сделаешь это, послушай вот что. Много лет назад Элми и Илва ушли на разведку и вернулись со ссадинами, которые могла бы оставить только большая собака. Они уверяли, что наткнулись на гоблинов и их псы – крупные бульдоги, успели–таки подарить им парочку царапин. Как оказалось, это было не так. Когда снизошёл мрак, мои уши прорезал страшный вой – люди Нальда метались вокруг крепости, а два волка рвали им запястья и бёдра. Я вскочил и, выбежав в чём есть, кинулся наутек. Мне подвернулась эта пещера. Я сотворил над ней заклинание Специфического Отваживания – ни один носитель волчьего духа не может сунуться ко мне, не испытав удушливый страх. Отсюда, из моего нового дома, я устраиваю партизанские вылазки и истребляю ликантропов Нальда одного за другим. Ведь ты понимаешь, они множатся уже, как тысячи лет...

– Элми дал мне совершенно другую обрисовку картины, – протянул я, внимательно следя за реакцией Комодриана. – Вообще–то меня прислали не прикончить тебя, а выбить знание – как снять с Нальда ярмо ликантропии.

– Если бы оно у меня было, то я бы не медлил ни секунды, чтобы применить его! – пылко воскликнул жрец, взъерошивая пятерней волосы.

– Да ну? И про Подчиняющее проклятие ты тоже не в курсе?

– Наверное, по уверению Элми я как-то с ним связан? Он придумывает всё новые и новые басни...

Комодриан покачал бородой.

– Я не тот, за кого меня выдают. Я поклялся себе, что не покину эту вонючую дыру, пока последний из оборотней не окажется на том свете! Это мой долг перед Соединённым Королевством, перед Лией Темной. А они... Став ликантропами, люди Налда быстро свыклись со своим положением... Болезнь переименовала их в угоду Тьмы. Им хорошо здесь – полно еды, воды и жертв для того, чтобы не дать заскучать клыкам. Единственное бельмо на глазу для ликантропов – это я, потому что мешаю развернуться, как того им хочется.

Страсть, с которой Комодриан доказывал мне свою невиновность, пошатнула мою прежнюю уверенность в его злодеяниях. Но что же делать?! Как проверить, кто врёт, а кто нет? Словно прочитав мои мысли, жрец тускло улыбнулся:

– Это повторяется каждый день, повторится и сегодня – жёлтый блин появиться на небе во всей своей красе. Они пойдут за тобой и разорвут на куски, однако если ты останешься здесь, в безопасности, то к утру я приготовлю для тебя специальную мазь, которая притупит их нюх, и ты сможешь сбежать... Оставь ликантропов мне, старику, следующему своим принципам, а сам не ввязывайся в это...

Тени у входа в Ненавистный Волчатник неумолимо удлинялись. Сумерки опускались резвее, чем я рассчитывал. Обстановка угнетала меня всё больше и больше. Я стал разменной фигурой двух противоборствующих лагерей. Так и что... плюнуть на всё и попробовать немножко взять фору на Юнивайне или довериться жрецу и дожидаться обещанной мази, способной сбить ликантропов с панталыку? При любом стечении обстоятельств стычки с оборотнями мне не избежать, поэтому сыграю ва-банк... Выгоднее поверить Комодриану...

Я распустил чары с Лика Эбенового Ужаса и сел на пологий камень.

– Не печалься, – сказал Комодриан. – Ты далеко не первый, кто попадает в сети этих кровожадных шакалов.

– А что было с другими? – любопытствовал я, пристально смотря на патлатого жреца.

– Кому–то я, убедив в том, что не несу лиха, помогал скрыться подальше от Нальда...

Комодриан приподнял спрятанную в овсянице трость.

– Ну, а кто–то попадался в лапы к волкам или гиб от моей руки. Пойми, я тоже не хочу умереть.

– Никто не хочет, – вздохнул я.

– Я предлагаю тебе остаться, – повторил Комодриан.

– Видимо, это будет самый правильный вариант. Сражаться со стаей ликантропов я как–то желанием не горю.

Я развязал сумку и, достав съестные припасы, протянул их жрецу, но тот покачал головой.

– Ешь сам, я пока не голоден...

Что–то мне не понравилось, как при таком ответе сверкнули глаза Комодриана. Пожав плечами, я принялся хрустеть орехами, позаимствованными из Скатерти «На любой вкус» – вот, ведь, чудесное изделие. Кто интересно его создатель? Легенды говорят, что родиной столь волшебной ткани, является Параллельная Вселенная. Она как пронзает материю нашего мира и производит продукты питания из мельчайших гранул, по сути, сродных энергетическим песчинкам – родителям всякой магии.

Минута липла к минуте, мы беседовали с Комодрианом о его прежней службе в Магика Элептерум (оказывается, он был одним из первых ее магистров), а мгла перерастала в непроглядные потёмки. Услышав отдалённый вой, я прервал диалог и, встав с насиженного места, подошёл к проёму Ненавистного Волчатника. Луна, громадным пупырчатым диском, ярко испускала свой желтоватый свет. И, казалось, звёзды в эту ночь старались держаться от неё подальше. Где-то неподалёку зашевелились кусты. На всякий случай я отступил вглубь убежища и, награв Лик Эбенового Ужаса Стихийной Дезинтеграцией, приготовился ждать, когда ликантропы появятся проверить, что случилось с Комодрианом. Только вот загвоздка оказалась в том, что глухое рычание раздалось у меня за спиной... Жрец обманул меня! Как только темнотища вступила в свои права, он превратился в гигантского кудлатого волка, между прочим стоявшего на задних лапах!

– Что удивлён? Ну, а то! Языком чесать я мастер! – протявкали Комодриан, приближаясь ко мне. – Я тебя убивать не стану. Пойми мне тут хоть и сытно, но скучно, а...

– Получи под хвост огнём! – завопил я, не собираясь дослушивать речь мерзкой твари.

Жрец-оборотень отпрыгнул, и запал Лика Эбенового Ужаса разбил часть известкового свода.

– Дурень! Я предлагаю тебе стать партнёром! – заходя с фланга, процедил мой противник. – Мы будем вместе повелевать Нальдом, а потом, может, и на Клейменд двинем!

– А давай сразу в Ильварет рванём? – крикнул я, отбивая Альдбригом первую атаку когтей Комодриана.

Парировав ещё два удара и отступив к шершавой стене, я старался сообразить, как мне выкрутиться из вполне себе «невыкручиваемой»

ситуации. Ведь скоро должны были показаться все преобразовавшиеся жители Нальда... Клацкнув челюстями, Комодриан злобно рассмеялся:

– Хочешь ты того или нет, но ты будешь мой!

Как только жрец–оборотень это произнёс, послышалось многоголосное «Рrrrrr»!

Я успел сконцентрировать на навершии посоха Мистический Конус, но подозревал, что даже если получится уложить им десяток ликантропов, то остальные непременно мною закусят. Под сени неровного потолка ворвались серо–чёрные тени с жёлтыми зрачками. Они пялились на меня и подвывали, предвкушая приказ Комодриана – расправиться со мной. Но тот медлил.

– Не сопротивляйся, так только хуже будет!

– Я так не думаю, – отозвался я, вздымая Лик Эбенового Ужаса над головой.

Мистический Конус вырвался из оскаленного черепа, и тут же треть ликантропов покрылись язычками пламени. Они забегали и заголосили, а Комодриан, пришедший в ярость от моей выходки, завопил:

– Рвите его на части! Дерите мерзавца напополам!

Мохнатая волна кинулась исполнять глухое повеление. Всё, что я смог придумать – это выставить Магический Щит, коим пользовался, обороняясь от скорпионов червоточины и монахов Братства Света. Он сформировался на кончике Лика Эбенового Ужаса, окутав меня мембраной в самый последний момент! Едва фиолетовая защитная плёнка опустилась к моим сапогам, как хищные клыки, пуская дурно пахнущие слюни, забарабанили по моей защите. Я превратился в одно сплошное сосредоточение. Пот градом тёк у меня по вискам и заливался за шею, но я понимал, что стоит мне дать слабину. и меня уже будет не собрать воедино. Ликантропы наседали. и я, практически

выдохшийся, решил поменять безнадёжную тактику – очень быстро сбросив с себя энергетический Щит и перенаправив колдовскую мощь в посох, я, пихнув в грудь стоящего передо мной ликантропа, вызвал сильнейший Огненный Взрыв. Меня откинуло прямо на Комодриана. Я сбил его с лап и теперь, пока его ослеплённые и обожжённые прислужники метались по Ненавистному Волчатнику, он, находясь подо мной, пытался укусить меня за горло и руки. Но у него это не получалось, потому как я просунул Альдбриг за спину и попал полотном лезвия в лязгающую пасть. Мы катались с Комодрианом по земле – я силился отцепить от себя жреца–волка, а тот убрать из рта мой меч, третирующий его порезами. Ударив фырчащего Комодриана локтем в «олнечное сплетение, мне посчастливилось ослабить его хватку на моих рёбрах – в следующую секунду я уже стоял на ногах. Но и ликантропам уже удалось прийти в себя. Отразив Альдбригом нападение первой, воняющей мускусом бестии, я, перекрутив Лик Эбенового Ужаса, саданул им по другой мохнатой голове. Гавканье, вой, визг и мои стоны слились жуткую какофонию звуков. Меня всего исцарапали, но укусов, что принесли бы мне «радость» почувствовать, как живётся ликантропу, пока не было.

На луну набежали грозовые облака и от этого многие оборотни (их осталось штук двадцать) впали в лёгкое недоумение. Их «пупырчатый блин» скрылся в небесном мареве, и подействовало на людей Нальда отрезвляюще. Самый крепкий ликантроп прижался к почве и проговорил:

– Калерб... Это я, Элми... Мне трудно... Я и Илва... задержим своих... Разберись с Комодрианом!

После этих слов Элми–оборотень страшно зарычал и вместе с другим, более изящным ликантропом, кинулся на своих собратьев. В это же время на меня рухнул корноухий Комодриан.

– Ты меня начинаешь бесить, – прогнусавил он мне сверху вниз.

– Это взаимно! – отозвался я, напрягая мышцы.

Катание по полу мне изрядно надоело. Засунув гарду Альдбрига в розовое горло, я вогнал острие Лика Эбенового Ужаса в волосатый живот. Только вот покончить с ликантропом одним единственным ударом не так-то просто. От боли Комодриан едва не перекусил мне меч напополам. Его когтистые пальцы завозились по моей мантии, награждая меня всё новыми и новыми рубцами. Терпя жуткие муки, я правой, держащей посох рукой, надавил на брюхо жреца—оборотня в два раза сильнее. Он охнул, но не обмяк. Пользуясь всеобщей «катавасией» ликантропов, я попробовал запугать Комодриана:

— Если ты сейчас же не произнесёшь контрнаговор, который снимет с гвардейцев Нальда твою мерзкую порчу, то я подкопчу твои кишки своим посохом!

Жрец—оборотень заскулил, однако напора на меня не ослабил.

— Ну же! Даю тебе последний шанс! — проорал я, прокручивая в сером брюхе Лик Эбенового Ужаса.

Серьёзная рана и моё яростное сопротивление повергли Комодриана в исступление. Он заюлил и с остервенением замельтешил по мне когтями, однако при этом только сильнее насаживался на металлическую основу посоха.

— Калерб... Быстрее... Луна выходит! — услышал я сдавленный крик Элми. Он растопырил лапы и как ветряная мельница отгонял от меня страшно воющих ликантропов.

— Мне... — прохрипел Комодриан.

Он обмяк и спустя секунду превратился в человека. Его бледная кожа наглядно показывала, сколько он потерял крови, причем, и я её лишился немало... Голова кружилась, но я сделал над собой усилие и, схватив жреца перчаткой за горло, повелительно произнёс:

— Читай свой «контрнаговор» или прощайся с жизнью!

– Ну, хорошо! Хорошо. Ты победил... – пролепетал Комодриан, простирая дрожащие пальцы на ночное светило.

Его губы беззвучно заходили на лице и... спустя секунду яркая вспышка озарила звёздное небо. От луны как будто оторвался маленький кусочек. Ликантропы попадали ниц, и тут же обременительные метаморфозы затеребили их вздрагивающие тела. Пока оборотни очеловечивались, я, умудрённый опытом, приставил острё Альдбрига к шее Комодриана.

– Я тебе, что? На дурака похож? То, что ты сейчас вернул гвардейцев в их прежний вид – ещё не значит, что ликантропия более не висит над ними!

– Ах, ты паразит, ишь, что смекаешь...

– Приму твою фразу за комплимент, – устало хмыкнул я. – Теперь займись тем, чем должен.

– В обмен на возможность уйти...

– Договорились, но только без фокусов!

Дрожа и постанывая, Комодриан встал, после чего взял свою трость и, под нажимом Альдбрига, стал водить ею над встающими воинами. В воздухе закружились малюсенькие искры. Их становилось все больше и больше и в конце концов образовалась целая лавина всполохов, которые оплели стонущих гвардейцев Нальда. Когда чародейство закончилось, и ко мне направились прихрамывающий Элми и растрёпанная Илва, я схватил собирающегося уйти Комодриана за ворот.

– Не так быстро, мой дорогой!

– У нас был уговор! Им больше не придётся обрастать шерстью! – содрогаясь от возможности скорой встречи с Элми и остальными гвардейцами Нальда, возопил Комодриан.

– Уговор в силе. Только вот одно «но». Завтра настанет новая ночь, и вдруг как-то так случится, что ликантропия никуда не ушла. Что тогда? Нет, я проконтролирую ситуацию. Денёк ты посидишь в Нальде, и если всё будет «ладушки», пойдёшь на все четыре стороны.

– Он снял с нас свои чары?! Дай мне теперь убить его! – это доковылял до нас Элми.

– Нет! – воскликнул я, перехватывая руку с занесённым клинком.
– Прояви здравомыслие! Если вы всё ещё больны ликантропией, то через двадцать четыре часа вновь станете оборотнями! Надо поместить Комодриана под стражу, и ко ли случится неприятность, я смогу «убедить» его исправить положение.

– Запрём его в самой глубокой и сырой темнице, – вставила подоспевшая Илва.

– Справедливо, – согласился я, кидая Комодриана в железную хватку Элми.

Следом я переломил об колено отобранную у Комодриана волшебную трость – прежде всего у змеи надо вырывать её клыки. При помощи магического оружия можно много всего натворить – уж я-то знаю. Придерживая рану рукой, жрец одарил меня таким взглядом ненависти, что я понял – поступил правильно.

Пока я, Элми, Илва и пленный Комодриан следовали в Нальд, идущие рядом со мной гвардейцы полушёпотом благодарили меня за их освобождение от волчьих оков. Всё моё тело изнывало от причинённых ему увечий, но я улыбался – в историю об отвратительной болезни можно вписать пару новых строк.

Ненавистный Волчатник остался позади, а впереди нас встречали распахнутые настежь ворота. Быстренько пройдя сквозь их проём и сомкнув за собой створы, мы спустились в подземелье. Крепостной лекарь бережно перевязал мне порезы, а затем с большой

брезгливостью, халтурно обработал увечье Комодриана. Состояние его здоровья было не из лучших. Он тяжело дышал и всё время просил пить. Как оказалась, Лик Эбенового Ужаса продырявил ему печень, и без должного ухода жрец был обречён вскоре отойти в могилу. Уговорить лекар, врачевать Комодриана «по–нормальному» я не смог, поэтому с разрешения Элми воспользовавшись незатейливой алхимической лабораторией. Сделал из подручных материалов два пузырька со снадобьями – одно останавливало кровь, другое снимало болевые ощущения. Конечно, в составлении животворных препаратов мне до Эмили далеко, однако кое–что я тоже умею. Взяв приготовленные эликсиры с собой, я навестил тюремную камеру Комодриана. Дежуривший возле неё Элми скептически на меня посмотрел:

– Ты несёшь ему яд?

– Сам знаешь, что нет. Мне нужно с ним поговорить.

– Только смотри, чтобы он тебя не укусил.

– Когда ликантроп находится в людском облики, его зубы угрозы не представляют, придерживая себя за подштопанный бок, с кривой улыбкой отозвался я.

– Надеюсь, ты знаешь, о чём говоришь, Калёб, – отпирая мне дверь, промолвил Элми.

Жрец встретил меня без всяких эмоций. По всей вероятности, он решил, что я не стану сдерживать данное мною обещание и приготовился умереть, не прося о жалости. Глупец! Калёб Шаттибраль никогда не опускается до нарушения своих зарокóв!

– Я так думаю, что ты всё же не обманул меня, когда сказал, что люди Налда очистились от ликантропии. Однако у меня есть к тебе вопросы по самому ритуалу.

– Хочешь знать, как у меня это получилось? Пришёл выведывать мои секреты? Ха! Я тебе ничегошеньки не расскажу! – гадливо осклабился Комодриан. Впрочем, его ужимка стоила ему спазматического кашля.

– У нас с тобой впереди целые сутки – поверь, ты мне сам всё выложишь.

– Да? Моя смерть близка!

– Тут ты ошибаешься, – не согласился я, улыбнувшись одними губами. – У меня с собой два зелья. Вот это (я показал на сиреневый сосуд) будет поддерживать в тебе жизнь столько – сколько я захочу, а другое – обезболивающее, ты получишь только в том случае, если станешь словоохотлив.

– Я недооценил твоих способностей, Калеб.

– Как и моих желаний. Поверь, ты сейчас не в том состоянии, чтобы сопротивляться мне. Я залью в тебя снадобье силой и...

– Станешь пытаться? – слабо кивнул Комодриан.

– Возможно, – слукавил я.

Естественно, я бы не причинил вреда жрецу, а просто пугал бы его расправой, однако страх – лучший товарищ дознавателя.

– Тогда попробуем обойтись без этого. Давай мне своё лекарство.

Откупорив пузырьки, я протянул их Комодриану.

– По глотку каждого, не больше, – сурово оповестил я, садясь на кушетку рядом с пленником.

Жрец хлебнул из моих склянок и сразу приободрился.

– Ещё!

– Пока хватит, – хмыкнул я, вынимая из потных рук свои снадобья.

– Ну ладно, – поморщился Комодриан, накрываясь тоненьким одеялом. – С чего мне начать? С конструкции моей ворожбы?

Я достал свой маленький блокнотик и карандаш.

– Нет, не с неё. Я люблю, когда мне зачитывают прологи, поэтому давай вернёмся к тому моменту, когда ты ушёл из Нальда на поиски заветных знаний.

Комодриан махнул рукой, а затем почесался по-звериному.

– Не искал я ничего, оно само собой так вышло. При сборе Бальзамической Ягоды, произрастающей в известковом грунте, мне не посчастливилось наткнуться на логово одинокого оборотня. Мы сразились – я победил. Вскоре меня нашли наши, однако я не стал предупреждать их об опасности, потому как мной уже пару ночей владел хищный дух. Я затаился, и когда над Нальдом взошла луна (на этих словах Комодриан самозабвенно облизнулся) я учинил кровавое пиршество и удрал обратно в пещеру.

– В Ненавистный Волчатник?

– Так её прозвали гвардейцы. Ранее, ещё до того, как мне пришлось поломать комедию, претворяясь обессиленным перед обнаружившим меня Элми, в самом отдалённом проходе Ненавистного Волчатника я набрёл на обжитую коморку того оборотня, в которой лежал Олтодорис Химерикум. Гримуар – весь заполненный размышлениями и ритуалами, связанными с ликантропией...

Комодриан умолк.

– Дальше, – потребовал я.

– В горле пересохло.

– Ещё глоток, – усмехнулся я, снова протягивая эликсиры.

– Так–то лучше. И о чём я? В Олтодорис Химерикуме я наткнулся на несколько любопытных обрядов. Один из них помог мне управлять своими превращениями. А также я вычитал, как исцелить ликантропию совсем, но на себе испытывать открытие не стал. Понимаешь, власть...

– Она развращает, – отметил я.

– Именно так. Это я осознал, когда всё тот же гримуар подсказал мне, как повелевать покусанными тобою людьми. Знание я применил на практике.

– Где сейчас этот Олтодорис Химерикум?

– Спрятан.

– Тебе он больше не понадобится.

– Разреши допить, и я скажу, где он лежит.

– Торгуешься? Я бы тоже так делал, – проворчал я. – Хорошо, пей до дна.

Комодриан сразу же осушил обе тары, а потом, осмотрев свою запёкшуюся кровавой коркой рану, прокряхтел:

– Твои настойки творят чудеса! Ты случайно не учился в Алхимикус Деторум?

– Нет, у меня был хороший учитель зельеварения, – проговорил я, вспомнив об Эмилии. – Но мы отвлекаемся от темы.

– Да, да, – вздохнул Комодриан. – Гримуар, ах, гримуар! Ты найдёшь его в Ненавистном Волчатнике под треугольным камнем.

Я потянулся и, заломив пальцы за затылок, зловеще произнёс:

– Ты же понимаешь, что с тобой произойдёт, если его там не будет? Я не переносу, когда меня обманывают.

– Можешь не беспокоиться, никто не знает про Олтодорис Химерикум, кроме меня. Он там.

– Проверим сразу после ночи.

Оставшийся день я провёл в Нальде. Гвардейцы, а в особенности Элми и Илва, с трепетом ждали, когда взошедшее солнце вновь уйдёт на заслуженный покой. Перекусив предоставленной мне олениной и своими орехами (меня опять безудержно тошнило), я, измученный безумным приключением, завалился спать. Засыпая Из-за многочисленных ссадин я чувствовал себя препаршиво. Чтобы как-то отвлечься, я думал о родном Шато и об отчем уюте Весёлых Поганок. Наверное, сейчас на склонах моего края уже всюду цветёт нарцисс и медуница, а кривобокие низенькие деревья обзаваются первыми тёмно-зелёными листочками – тепло на север Иль Градо приходит поздно. Море Призраков по-прежнему лениво лижет чёрную косу берега, и с Башни Заката на неё смотрит Птикаль... Нет, мне не дано знать, жив ли мой дорогой друг. Видение, оно же прозрение, ниспосланное Таурусом Красным Палачом близ горящего Эльпота, однозначно намекало мне, что я вернусь в Шато на развалины. Десница Девяносто Девяти Спиц тяжёлой телегой проехала по нашему миру, и язвы её ядовитой колеи будут аукаться нам ещё очень долго... Стоит ли мой дом на прежнем месте? Высятся ли его осанистые шпили и стены из мрачного базальта? Пропускают ли оконца свет в мой заваленный хламом кабинет, и по-прежнему ли Тина норовит подсунуть Катубу несвежую капусту? Цело ли всё то, что мною так отчаянно любимо? Только время даст мне ответ. А пока... Пока не будем вешать носа, ведь понурый вид ещё никого не красил!

Глава 8. В гости к Хельбертам

Я проснулся. Солнце клонилось к закату, а это, разумеется, говорило о том, что мне надо вставать и принимать меры безопасности. Наскоро закинув в рот слежавшееся вяленое мясо и запив его глотком воды, я открыл дверь своей спальни и спустился вниз, в холл донжона. Гвардейцы Нальда, все как один собравшиеся внутри (отсутствовал только Элми) вопросительно подняли на меня свои глаза.

— Что нам делать, мастер Калёб? Если Комодриан солгал тебе и мы всё ещё оборотни, то... Мы не желаем наброситься на тебя, — робко промолвила Илва, потупляя взгляд.

— Я видел у вас достаточно вместительный погреб, и к нему прилагается амбарный замок. Я закрою вас там и буде вы вновь станете ликантропами, то жрец заплатит за это. А вообще станем разбираться по ходу вальса.

— Тогда мы пойдём в каземат, — сказал солдат с надвинутым капюшоном. — Задвиньте за нами засов.

— Да, нечего медлить. Солнце практически село, — одобрил я.

Когда трясущиеся от неизвестности своей судьбы обитатели Нальда зашли в просторное, совершенно изолированное помещение в глубине своей крепости, я, щёлкнув дужкой тяжеленного замка на двери, отправился к Элми и Комодриану. Топ-топ-топ, до конца направо, к одиночным камерам, предназначенным для содержания особо опасных тварей из Великого Леса. Глава Нальда позволил запереть его в соседнем от жреца застенке, и я остался наедине с тремя разномастными ключами. Глянув за толстую решётку, я убедился, что с моего последнего визита самочувствие Комодриана заметно улучшилось — мои зелья пошли ему впрок. Жрец лежал на здоровом боку и явно маялся тем, что размышлял, как примут оборот

дальнейшие события. Я запалил парочку шариков Света и, подняв брови, уставился на худое лицо в оспинах.

– Часики тикают, Комодриан. Скоро мы узнаем – хороший ты мальчик или плохой, – шепнул я сквозь стальной заслон.

– Поосторожничай никогда не вредно, – загадочно улыбнулся мой пленник.

– Вот и займёмся этим, – проговорил я, садясь на стул напротив двери.

Мне не нравится держать заклинания в боевой готовности – это истощает энергию и вызывает усталость, однако сейчас другого выхода кроме, как зарядить Лик Эбенового Ужаса Молнией, у меня не было. Электрические дуги затрепыхались по бесовскому черепу посоха, и я полностью погрузился в поддержание их дееспособности. Комодриан своего положения на кушетке не менял. Он спокойно лежал и молчал, а я прислушивался – не заскребутся ли когти в камере позади моей спины. Если бы такое случилось, то я бы просунул наверх Лика Эбенового Ужаса через решётку и пульнул бы в Комодриана разрядом–двумя. Тогда бы он соблаговолил бы применить знания Олтодорис Химерикум на благо проклятых им гвардейцев. Время тянулось медленно, но неумолимо. Приблизительно в час ночи при раздувшейся луне, испускающей свой призрачный свет за малюсенькое оконце, я, осмотрев Элми и убедившись, что шерстью он не оброс, понял, что моя миссия здесь окончена. Можно смело поставить плюсик в графу «Добрые свершения». Поворошив пальцами в кармане и достав наружу связку ключей, я выбрал тот, который имел засечку и, вставив его в скважину, прокрутил два оборота.

– За твои дела надо было бы пришибить тебя, однако... Иди куда хочешь, – сказал я приподнявшемуся в локтях Комодриану.

Жрец хмыкнул и, одарив припавшего к прорези оконца Элми блёклым взглядом, проворчал:

– Спасибо, что позаботился о моей свободе раньше, чем об его.

– Чтоб тебя сожрал Назбразль! – ударив кулаком по двери, выкрикнул гвардеец из-за прутьев своего острога.

– Пусть идёт, – покачал головой я, смотря, как Комодриан вперевалочку покидает донжон Нальда. – Его убийство в Великом Лесу бессмысленно.

– Думаешь, он не сможет добраться до Клейменда и там всех перезарезать? – спросил выпущенный на волю Элми.

– У Братства Света нюх на таких, как Комодриан. Если он появится близ крепости Ордена Лучезарных Крыльев, ему несдобровать.

– Хотелось бы верить в это... Ну да ладно, пусть катиться подальше отсюда...

Элми подался вперёд и крепко-крепко меня обнял.

– Над Нальдом более не висит Рок ликантропии. Поверь, нельзя выразить словами, как я благодарен тебе. Теперь Илва сможет обрести то, что заслуживает – счастливое и не запятнанное детство.

– Она молода только внешне.

– Нет, в душе Илва – ребёнок. Ребёнок, у которого украли его право на обычную жизнь.

Слова Элми побудили меня произнести коротенькую речь перед выжившими людьми Нальда.

– Многие столетия вы, поданные Короны, не по своей воле вели двойное существование. Когда то было возможно, ваши мечи и луки разили живорезов на благо Соединённого Королевства, однако при коварной луне вами правила Тьма. Сейчас, после того как Комодриан

снял с вас наговор, вы больше не несёте на себе груз ликантропии. Все сроки вашей службы давно минули, и потому я призываю вас покинуть Нальд и идти в Клейменд, в котором вы обретёте душевное равновесие и новую жизнь с чистого листа.

Моё предложение было воспринято одобрительным гулом. Немногочисленные гвардейцы подхватили меня и начали подбрасывать к потолку. От того, что раны, нанесённые мне Комодрианом, были свежи, под мантией моментально проступили кровавые полосы. Я морщился, однако вместе с тем и радовался – забытые всеми люди Нальда вновь обрели лучик надежды. Позднее, после пышных признательных произношений, поклонов, всяческих комплиментов и уверений в вечной дружбе, я, со всеми попрощавшись, отправился в Ненавистный Волчатник. Пройдя по извилистым дорожкам и благополучно обойдя колонну дружно марширующих омов, я подошёл к входу в интересующее меня место. Как и прежде внутри Ненавистного Волчатника искрились шарики света. На всякий случай обнажив Альдбриг, я прошел мимо останков погибших ликантропов, печально взирающих на меня остекленевшими глазами, и, миновав кучу тряпья, вышел к малюсенькой комнатке, заставленной двумя шкафами грубой работы, дубовым в выщерблинах столом и единственным стулом. Мой взгляд скользнул по огаркам свечей к треугольному камню. Он был перевёрнут. Я вздохнул – пусто! Да разве могло бы быть иначе? Пока я принимал поздравления в Нальде, Комодриан шустренько сгонял в Ненавистный Волчатник и забрал с собой Олтодорис Химерикум.

Досадненько! Я рассчитывал поковыряться в его тайнах. Хотя сам виноват – отпустил хитрюгу раньше положенного времени. Удивляясь своей собственной глупости, я, между тем, по привычке осматривал незатейливое убранство. Пусть Олтодорис Химерикум мне не достался, зато вон тот свиток, выглядывающий из грязной папки, несколько утихомирит моё любопытство. Впрочем, я ошибся. Свиток не содержал в себе абсолютно ничего, кроме чернильных клякс и мелких дырок. Да уж! Я скомкал бумагу и кинул её в ворох мусора. Пора и честь знать! Надоел мне этот Великий Лес со своими вечными напастями и проблемами! Хочу уже поскорее отсюда выбраться! И

потому вопреки властвовавшей на небесах ночи, я решил вызвать Юнивайна и дать дёру в Ильварет. Покинув нутро Ненавистного Волчатника, я не смог отказать себе в удовольствии произвести беглое палеонтологическое исследование его известкового покрова. Чуть потрескивающее искрами сияние Лика Эбенового Ужаса выхватывало из темноты многочисленные очертания аммонитов, белемнитов, брахиоподов и прочих древних существ, которые ранее населяли наш мир, а потом из него исчезли. Я потёр подбородок. Если Ненавистный Волчатник состоит из известковой породы с вкраплениями окаменелостей, то можно предположить, что давным-давно на этом самом месте плескалось Море Призраков, а Великого Леса не было и в помине. Ах, как жаль, что у меня нет с собой лопатки, чтобы поковыряться в таком, вне всяких сомнений, набитом научными познаниями холме. Однако сожалеть на счёт лопатки не приходилось, учитывая, что под боком бродят живорезы.

Как только эта мысль пришла мне в голову, снаружи послышался треск сучьев и жужжание, похожее на пчелиное. Я осторожно выглянул из Ненавистного Волчатника. В чаще, сметая все на своём пути, лавиной катилась орда ядовитогубых причмокивателей. Эти отвратительные землистые твари, внешне напоминающие слизней с крючкообразными ногами, руками-змеями и безразмерными ртами с токсичными иглами на ободке пасти, ненавидят покидать свои норы, в достатке наводняющие лесную подстилку, а тут на тебе – целым выводком ползут на восток. Нервно прищёлкивая языком, я, переместившись за размашистый куст, подумал, что Эмилия была права, уверяя меня в письме, что в Великом Лесу творится что-то неприятное. Конечно, ядовитогубые причмокиватели нередко присоединяются к другим живорезам в их атаках на рубежи Соединённого Королевства. Но по большей мере они предпочитают таиться и поджидать своих жертв в рыхлых почвах, присасываясь к ним кошмарными устами и затаскивать в нутро подземных туннелей. Моему удивлению не стало предела, когда вслед за ядовитогубыми причмокивателями, громко переругиваясь и топоча, последовали гоблины – любимый деликатес (после вкусеньких людей, естественно) тех, кто двигался перед ними. Почему так происходит? Ещё до того, как я попал в Килквагу, наша бравая компания,

выбравшись из Мил'Саак наткнулась на ораву самых разнообразных живорезов. Тогда мною было предположено, что монстров куда-то ведёт воля Тауруса Красного Палача. Однако теперь я вижу, что это не так. Кто-то иной, могущественный и всевластный, объединил таких разных и нетерпящих друг друга выроdkов зла. Но кто это может быть? И для чего? Вопросы! Сколько вас у меня! Эй, попотчуйте меня уже кто-нибудь ответами, а не то у меня вскипит мозг!

Дождавшись момента, когда тишину перестала разрезать тяжёлая поступь гоблинов, я, покопавшись в сумке, выудил Кампри. Сапфировые лепестки, туго сомкнутые в золотой орешек, раскрылись, не долетев до моих ног всего пару дюймов. Из синего тумана показалась грива Юнивайна. Оглядевшись, призрачный конь радостно встал на дыбы, после чего боднул меня ледяным лбом. По всей моей коже пробежали мурашки – никогда не привыкну к таким «тёплым» приветствиям. Привычно закинув сапог в стремя и расправив спину, я сказал:

– Юнивайн! Спасибо тебе огромное, что вновь пришёл ко мне!

Призрачный конь чуть всхрапнул и повернул ко мне свою умную морду. Он как будто бы говорил – хватит меня благодарить каждый раз! Я здесь, потому что ты мне дорог! Точка! Куда едем?

Улыбнувшись, я промолвил:

– В Ильварет, приятель, в Ильварет! Я страсть как соскучился по своим закадычным приятелям!

Быстрее любой птицы, а по-другому и не скажешь, призрачный конь запетлял по нехоженным зарослям угрюмого бора. Чёрные, синие и фиолетовые – цвета оборотной стороны дня, палитрой тьмы закружились перед моим взором. Капюшон сорвало с меня сразу, и натягивать его обратно не имело смысла. Вроде бы помимо деревьев по пути нам попадались реки, водоёмы, утёсы и даже поляны, утаивающие на подстилках, полных травы, какие-то фортификации. Может статья так, то были древние замки или башни давно

позабывших колдунов. Много таинственного и мистического, ещё не тронутого человеческой пытливостью, прячется в необхватных просторах Великого Леса. Прежде чем поселиться в Энгибаре – священной роще рейнджеров, Альфонсо Дельторо – выдающийся следопыт–друид бесчисленное число раз бороздил доли этого злопахательного леса. От него–то я впервые и узнал о загадочном пресном озере Кристальное Одиночество, к которому безволосые обезьяны боятся приблизиться даже под страхом смерти, и о реках – Рыжей и Гнилой, чьи воды доходят аж до оконечности Железных Гор на самом юге. По уверениям Альфонсо, Великий Лес своими посадками дотягивается до Ледяных Топей, а возможно, что и дальше, до Ноорот’Кхвазама. А что же кроется за бесконечными тенетами эндоритов – разумных и злых паукообразных созданий? Место, занятое живыми тенями–свечками – мифический Бумфамар, в котором не бывал ни один человек. По летописям мудрецов, основывающихся на откровениях пленённых эндоритов, Бумфамар от Ноорот’Кхвазама отделяет Альтараксис – река, несущая свою кровавую влагу в утробу Бездны Душ, сердцевину Мира Тьмы, где, если верить преданию, Назбразль вечно мытарит грешников и нечестивцев. Только Вселенная ведаёт, насколько велик Бумфамар, и сказать, что за ним находится, нельзя. Зато нам точно известно, что после Бархатных Королевств, что граничат с Великим Лесом на востоке, лежит земля шипунцов – Острохвостия, а ещё дальше, на полуострове Тлингве, обласканном Морями Щавелевым и Грозovým, берут свои начала Королевство Бурунзия, Золотая Пустыня Муат’Лан и царство извечного владыки–чернокнижника Ютвинга – Клирдвайт. А там, за унылыми пейзажами Клирдвайта и россыпью островов Вольных Городов, в океане Лирики, на материке Укзарате, простирается громаднейшая Империя Хло.

Современную картографию – точной наукой не назовёшь, однако все её сведения указывают, что Укзарат превосходит наш континент – Олфолию, примерно на треть. Кстати Империя Хло пребывает в постоянной войне с Островным Королевством, чьи мрачные каравеллы, переплывая из океана Безнадёжности в океан Лирики, безбожно пиратствуют у бухт и гаваней плохо контролирующего себя государства. И всё это лишь верхушка айсберга! Потому, как мне кажется, наш Мир так невообразимо и грандиозно обширен, что не

ограничивает себя всеми очевидными нам ориентирами. Кто из моряков Соединённого Королевства насквозь проходил Абрикосовое, Ледяное и Мухоловочное Море, да не сверху вниз, а слева направо, туда, за океан Темного Холода? Кто перебирался за Бумфамар? Кто видел, что за широты простилаются за океаном Безнадёжности и океаном Лирики? А за Щавелевым Морем и Камнепадами – горами Острохвостии? Никто! Где-то там, за туманами нашего неведенья, прячутся другие безымянные территории и «солёные приволья», только и ждущие, чтобы их открыли...

Вот куда – в далёкие от Соединённого Королевства дали, совершенно случайно унесли меня мои мысли.

Юнивайн мерно скакал, миля за милей сокращая моё расстояние до Ильварета. К утру он сбавил скорость, и я вновь стал видеть то, что проносится мимо нас. К моей досаде, чем ближе мы подбирались к пределам Карака, тем больше биваков и доморощенных лагерей живорезов попадалось мне на глаза. Такое неисчислимое количество стоянок и их ужасающих постояльцев, глупо таращившихся вслед молнией проносящемуся Юнивайну, могло свидетельствовать только об одном – почитатели Хрипохора готовят для Соединённого Королевства очень и очень неприятный сюрприз. Конечно, объединённые рати живорезов и раньше покушались на форпосты Карака. Здесь стоит хотя бы упомянуть Войну Пик и Багровое Воззвание. Но нынешняя ватага, видимо собранная со всего Великого Леса и покрывающая вокруг каждую пядь свободного пространства, доставит много проблем тем, кто встретит её своей грудью. От такого разнообразия бесовских рас (а тут были все – оморы, гоблины, черноокие зелёные гуманоиды с длинными когтями, ядовитогубые причмокиватели, огры, великаны, трупоеды, безволосы обезьяны, тролли, чумазые окаянники, циклопы и ещё сонмы страшилищ), беспрестанно вопящих, шипящих и рычащих, все звери и птицы бежали без оглядки. Ни одного медведя, волка, лисы или скворца я не заметил. Все они попрятались, чтобы не попасть в голодные желудки или лапы беснующихся тварей.

К полудню я так устал болтаться на закорках призрачного коня, что попросил его подыскать мне местечко, где можно было бы отдохнуть и перекусить. Глубокую и скрытую от ненужных взоров ложбинку, что стала моим пристанищем, Юнивайн подобрал только ближе к концу второй половины дня. Я буквально свалился с седла и, завалившись под корягу, с улыбкой вспомнил о другой длительной поездке, о скачке в Будугае, в которой Джизи – неутомимый снежный барс пронёс меня сквозь бушующий горный обвал Прохода Безнадёжности. Тогда моя «пятая точка» не отрывалась от спины Джизи целые сутки, и сегодня я практически повторил тот свой рекорд.

Наскоро перекусив остатками орехов и мяса, подложив под голову сумку и крепко стиснув рукоятку Альдбрига, я погрузился в напряжённый сон. Нервные переживания, думы о Короне Света и прочие волнения, связанные с благополучием друзей, не дали мне хорошо выспаться. Проснувшись, я понял, что суматошливое состояние души, безапелляционно навестившее меня в дрёме, никуда не ушло. Мой настрой был мрачным, отчасти ещё из-за того, что за ночь я сильно продрог. Чтобы чуть-чуть согреться, я, запалив малюсенькое пламя на собранных веточках, подставил под него побелевшие пальцы. Дым не чадил, поэтому страха, что меня обнаружат, я не испытывал. Радовало то, что не надо было беспокоиться о еде. Перед тем как развернуть Скатерть, я чётко сформировал своё желание – «Хочу получить сочный индюшачий окорок, бутылку апельсинового сока и пюре, а так же сухарей и кулёк сухофруктов». Вуаля! Всё что я себе придумал, тут же появилось у моего носа. Мой завтрак пришёлся на восход солнца. Оно неспешно ползло вверх, одаривая стволы деревьев своими живительными лучами. В эти волшебные мгновения смены суточного цикла, на которое большинство людей, к сожалению, так редко обращает внимание, я, подставляя лицо мягким касаниям тепла, пожалел о том, что со мною нет рядом Снурфа. Ах, мой маленький, добренький, верный таракан, как тебе нравилось тянуть свои усики к поднимающемуся светилу. Я скучаю по тебе, малыш... Хорошо, что ты с Эмилией – она позаботится о тебе...

Прихлопнув малюсенький костерок перчаткой, я, предварительно убедившись, что поблизости нет живорезов, выбрался из ложбинки и кинул Кампри о землю. Он завибрировал, задёргался и явил передо мной Юнивайна. Спустя десять секунд я уже нёсся по обворожительному, кутающемуся в шали опасности, Великому Лесу. Призрачный конь скакал не так быстро как вчера (всего лишь со скоростью беркута), и поэтому я, худо-бедно привыкший к постоянному мельканию листьев и веток над головой, наслаждался совершенством и чарующим колоритом, который чаща щедро преподносила к моим широко открытым глазам. Причудливые изгибы корневищ, прорастающие цветы, ледяные ручьи, бегущие только по им одним известным маршрутам, тени, тени, тут и там неуловимым веретеном увивающиеся по древним деревянным гигантам изумрудные пятна мха и вечнозелёного плюща, эти и иные природные картины наполняли меня отрадой.

Трясаясь на спине Юнивайна (с периодическими, недолгими привалами), я, избавленный от неминуемых стычек с живорезами, предавался отвлечённым размышлениям о занятных случайностях, которые изредка прорываются через плотное покрывало предвзятости и наволочку предсказуемости. Есть Зло, и есть Добро, есть красота, и есть уродство, но эти величины не всегда соответствуют своим стандартам. Примерами тому могут послужить мои недавние знакомства. Так Брубор – лесной неприглядный огр, выигравший в карты у дриады Нифиль её Красный Камень, оказался приятным малым, а вот благоухающая юностью Эмириус Клайн – сосуд-хранитель самого Ураха, амбициями выжгла своё нутро чуть более, чем полностью. Иногда угадать, кого Судьба поставила перед тобой, просто невозможно. Засим в таких случаях надо довериться своим внутренним мироощущениям. Однако, как показывает практика, они тоже далеко не всегда могут достойно проанализировать то, что хоронится за внешним покровом. Комодриан – жрец Нальда поддавшийся как ликантропической, так и владетельной страсти – наглядный образчик двуличия, и занятой случайностью тут и не пахнет. Заговорив мне зубы и втёршись в доверие, Комодриан продемонстрировал мне всю суть своей испорченности, которая, увы, не такая уж редкая гостья у очагов наших человеческих душ.

Совсем «иной коленкор» представляли собой сгинувшие в тёмных веках эльфы. Некогда проживающие в сверкающем Тумиль'Инламэ, мистическом городе–дереве, когда–то произрастающем в дремучих куцах Великого Леса, они, в отличие от их недолговечных соседей, превыше всего ценили искренность и порядочность. Для эльфа поступить «неправильно», «превратно» и подло было прямо–таки невысказано. Верные своим идеалам чести, они, более всего почитающие откровенность и непорочность, с достоинством несли титул самого высоконравственного народа всех Королевств. Однако если же принять к рассмотрению прочие племена, ныне обитающие с нами бок о бок, мы увидим, что и они обладают рядом положительных, вошедших в притчи, морально–этических специфичностей, ставящих их пусть и не на одну «доску» с эльфами, но как минимум где–то поблизости. Из–за географической смежности Железных Гор и Соединённого Королевства, культурные особенности гномов нам известны довольно хорошо, поэтому будет логичным поукмекать вначале о них. Живущие в сословности и рьяно заботящиеся о своей репутации низкорослые крепыши зачастую действуют согласно установленным канонам поведения – и этот нюанс даёт прекрасную оказию подстроиться под «струю» предстоящей коммуникации. Обычно, вступая с кем–то в контакт, гномы решают для себя, кто перед ними – сородич, друг, «никто» или враг. В зависимости от того к какой группе будет отнесён «объект», такой шаблон к нему и применяют. С врагом цацкаться не станут – голова с плеч, к «никто» – отнесутся с подозрительностью или отстранённостью, вероятно даже и с некоторой грубостью, для друга им не жалко ничего, а за соплеменника не глядя отдадут жизнь. Я, на поле боя получивший высочайший для «не гнома» статус – брат по крови, вошёл в чертоги Зарамзарата – столицу клана Надургх кем–то между «соплеменником» и «другом», и за то был окружен неподдельным вниманием и заботой. Дурнбад – благородный гном и старейшина войны, отправившийся со мной в путешествие, чтобы от всех жителей Будугая сразаться с Десницей Девяносто Девяти Спиц, готов был ради меня свернуть горы – и в этом желании, как в зеркале, отражается вся суть его соотечественников. Поданные Соединённого Королевства позволяют себе осуждать гномов: за жадность,

замкнутость, за крутой нором и за многое другое, но ни один «бессребреник» не скажет, что обитатели Железных Гор не знают цену взаимовыручке и поддержке. А за доказательствами далеко ходить не надо – стоит только припомнить недавнее сражение у разрушенных стен главного града провинции Хильд, когда гномы Надургх, углядев с вершины Зарамзарата полыхающий сигнальный маяк Эльпота, поняли, что дело соседа плохо. и тут же поспешили ему на выручку. Верхом на снежных барсах они, словно серебряный клинок, врезались в беснующуюся орду Десницы Девяносто Девяти Спиц, чем отвлекли удар на себя и дали мне шанс закрыть изрыгающие потусторонних демонов червоточины. Если бы в тот кровавый день гномы не проявили беспримерную самоотверженность и не совершили бы ратный подвиг, Эльпот был бы стёрт с лица земли.

Безусловно, что в большинстве своём гномы, как и исчезнувшие эльфы, заслуживают того, чтобы им симпатизировали, однако, перебирая нации и раздавая им штампы и характеристики, нельзя обойти стороной и премилых мягкошерстов. Кто они и каков их темперамент? Прекрасно себя чувствующие в тороватых на разноразличные территории Бархатных Королевствах, мягкошёрсты – те же коты, только прямоходящие и очень умные. Их средний рост без учёта хвоста варьируется от пятидесяти пяти до шестидесяти пяти дюймов, то есть немаленький. Имея очаровательные лапки и усаые мордочки, мягкошерсты славятся своими шаловливыми, а подчас экспансивными и плутоватыми нравами. В молодости я в составе «Грозной Четвёрки» не раз и не два странствовал по Бархатым Королевствам, и оттого могу с уверенностью заявить, что мягкошерст – мягкошерсту рознь. Бывают они всякими: елейными, вредными, мечтательными, осмотнительными, рациональными, озорными, ехидными, коварными и даже воинственными. Кстати, междоусобицы в Бархатных Королевствах – обычное явление. Однако в целом мягкошёрсты вполне миролюбивы. Ненавидят они только шипунцов из страны Острохвостии, конфликты с которыми не затихают уже тысячи лет. Что же касается людей, то к нам мягкошерсты относятся снисходительно, считая нас неловкими и жуть как нескладными «великанами». Впрочем, торговать с Соединённым Королевством им нравится. Периодически расписные корабли мягкошерстов, доверху

нагруженные дурманным табаком, эфирными маслами, лунным песком и эссенциями вистулума, пребывают в рассыпанные по побережью порты Керана, где важные пушистые кормчие, купаясь во внимании местных зевак, отдают распоряжения о начале товарооборота. Что любопытно, в Хафлане, в городе хрустальных минаретов, рынков, пристаней и таверн есть посольство Бархатных Королевств – «Маслице и Блинок». Из него главный негодант «Объединённого Союза Челночников», носящий почётный чин «перекупколап», ведёт прибыльный бизнес с «неуклюжими громилами», а выборный делегат из аристократического прайда «Белого Воротничка», со звучной должностью «щекоткореперент», проводит переговоры с королевским двором Соединённого Королевства. Здесь удобно упомянуть, что жители Бархатных Королевств хоть и называют себя мягкошерстами, на деле не все они покрыты шерстью. В пустыне Бао–Мяу, отгороженной от Цап–Царап саванны посадками кактусов, встречаются совершенно лишённые пушка «мурлыки». Подводя итог разбору трюизмов допустимо сказать, что мягкошерсты потешны и приветливы, однако не лишены самомнения и некой кошачьей изворотливости. К тому же, если того требует ситуация, они вполне себе могут показать внушительные зубы и сделать болезненный «кусь» тому, кто их обидел.

Между тем, моя дорога продолжалась. На Великий Лес стала опускаться дымка сумрака. Удлиняющиеся тени и загадочные мерцания, а также перешёптывания обомшелых деревьев и звёздные перемигивания вынынчивали во мне, натуре тонкой, некую сопричастность к мистическому антуражу доисторической чащи. Я чувствовал, как внутри меня разливается тайна наступающей ночи. Тёмные норы, воздух, полнящийся запахами каштанов, грибные семейства, проносящиеся мимо глаз едва различимыми сероватыми пятнами, и сама земля, беззвучно принимающая на себя бестелесные копыта Юнивайна, все это пленяло мой очарованный. Я вдруг осознал, что Великий Лес не просто огромный непролазный бор, наполненный живорезами и прочими созданиями, а нечто фантастически грандиозное и недоступное интеллектуальному восприятию. Всю сказочность и мифическую уникальность «Зелёного Моря», расплескавшего свои «воды–посадки» между Королевствами виалов,

мягкошерстов и людей, можно вкусить, только если вопреки заслонам тенденциозности раскрыть перед ним свою душу. Купаясь в нахлынувшем на меня откровении, я не заметил, как призрачный конь подменил галоп неспешной трусцой.

Спустя полчаса мы остановились у влажной расселины. В её покатах нутре была крохотная лагуна, из которой бил родник. После того как Юнивайн затянулся в Кампри, я, быстро сбросив с себя мантию и отцепив от пояса меч, отёр торс, шею и плечи студёной влагой. Брр! Жалко мыла нет, а то бы я повозился в воде подольше. А ещё более досадно, что теперь мне не с кем перекинуться словом – разговорный поток Джейкоба, увы, иссяк сразу же, как мы покинули Гамбус. Я люблю одиночество, и в Весёлых Поганках у меня долгое время вообще не было «живых» обитателей. Однако иногда мне хочется с кем-нибудь завести беседу о магических парадигмах или поделиться догадками насчёт того или иного эзотерического вопроса. Порой, испытывая позыв поразглагольствовать, я, взяв Ночь Всех Усопших, наведывался в Лунные Врата, где, лучась теплом и уютом, меня всегда ждал домик Эмилии. Надо сказать, что моя дорогая подруга – отличный слушатель. Когда того требуют обстоятельства, она, человек привыкший щебетать без умолку, держит рот на замке, смотрит на меня своими яркими зелёными глазами и кивает. Я подозреваю, что в такие моменты колдунья, скорее всего, во многом со мной не согласна и могла бы осечь мой мысленный паводок (особенно когда мои речи касаются алхимии), но она молчит и даёт мне возможность выговориться. Это очень ценное качество для любой девушки, а Эмилия... Сколько удивительных незаурядностей прячутся в её добром сердце! Женская мягкость и кокетство в сочетании со сверхъестественной рассудительностью, железной волей и гениальной смекалкой неизменно делают колдунью предметом моего восхищения. А красота... Эмилия настолько бесподобна, что практически любой мужчина, познакомившийся с ней, тут же теряет свою голову и погружается во власть ее женских чар. В Эрменгере Таурус Красный Палач изувечил мою подругу, низложив на неё ужасное «Проклятие Старости». Оно доставило Эмилии такие муки, что она решилась на самоубийство – задумала утопиться в промёрзшей реке. Но Вселенная, моя покровительница, распорядилась иначе – я, Грешем и Серэнити

сумели вытащить Эмилию из стылого омута и помогли принять себя такой, какой есть... В один из дней наши общие старания поднялись на новый уровень успеха. Солнечный Лут – лепреккон из провинции Хильд, заставивший играть нас в свои дурацкие загадки, после проигрыша моему ученику и последующей короткой потасовки, был вынужден откупиться от нашего гнева Сухим Льдом – осколком фиала, той самой Светочи, способного стереть с Эмилии проклятие Тауруса. Ныне мои мысли прикованы к Светочи ничуть не меньше, чем к Короне Света и к алчному Привратнику. Ещё два месяца назад я будто бы бродил в потёмках и не видел очевидного – того, что Эмилия значит для меня неизмеримо больше, чем мне казалось накануне кутерьмы с Пророчеством Полного Круга. Её смех, улыбки и нежные подтрунивания – вот, что всегда дополняло и скрашивало мою занудную натуру. Сейчас, на пути в Ильварет – житницу воинской славы Соединённого Королевства, все моё существо изнывает отчаянья застать там Эмилию.

Я поплотнее завернулся в мантию и лёг спиной к холодному камню. Все кости, в особенности тазовые, нестерпимо ныли – эту поездку на Юнивайне я запомню надолго. Спать всю дорогу, как зверю, «под кустом», мне опостылело, но разве на горизонте мелькает альтернатива? Так-так, что у нас впереди... Элми упоминал, что ближайший к Нальду форпост – это Клейменд, выстроенный аж самим Нолдом Темным. Заявиться в «улей» Братства Света, в котором паладины Ордена Лучезарных Крыльев привыкли отделять «чёрное» от «белого», моя персона как-то не желает, поэтому я последую за его кряжистые бастионы в город Роуч, а дальше в Осприс, а там уже выстелется прямая колея на Ильварет.

Я заснул почти моментально. В эту ночь сны меня не обуревали. И поутру, хорошо выспавшийся и наевшийся, я, оседлав Юнивайна, поскакал в Роуч. Ландшафт разнообразием не радовал – поросшие бурьяном холмы, да непролазные чащобы – вот и всё, что помимо бредущих живорезов, я лицезрел. Раз в несколько часов призрачный конь подыскивал стоянку, чтобы дать мне размяться и маленько отдохнуть.

В течение последующих трёх дней Юнивайн появлялся из Кампри каждый раз, когда я его звал. Постепенно лесной массив редел и обзаводился крохотными лагунами, не занятыми деревьями. На глаза всё чаще попадались звери, а вот кумиропоклонников Хрипыхора в округе стало значительно меньше – редкие отряды оморков или гоблинов следовали куда-то на юг. На четвёртые сутки моего пути, к полудню, Юнивайн обнаружил просеку, которая спустя какое-то время окончательно вывела нас из глухомани Великого Леса. Эгей! Прощайте, великие дебри! Прощайте, живорезы! Я выбрался из ваших силков живым и невредимым! Ура! Вдыхая воздух полной грудью, я мчался по каменистому полю. Чувствуя мою радость, Юнивайн громко заржал и припустился во весь дух. Перед тем как из-за сумасшедшей скорости я потерял способность концентрировать внимание на отдельных объектах, в дали мною были примечены громадные стены и башни, гордо тянущие свои шпили в небо, – то вздымался непобедимый страж Карака и гроза всех демонических исчадий – Клейменд. Я попросил призрачного коня не сбавлять своего темпа. покуда мы не отъедем от Великого Леса на достаточно безопасное расстояние.

Поздним вечером Юнивайн затормозил у дубовой посадки. Я слез с седла и, подобрав с земли Кампри с исчезнувшим в нём другом, воззрился на одутловатые чёрные облака. Всполохи молний и запах свежести предвещали скорое начало дождя. О, гром... Крупные капли забарабанили по моим плечам. Поспешно натянув капюшон и сев под ствол древнего зелёного патриарха, я развернул нехитрые запасы пищи. По моим соображениям до Роуча оставалось рукой подать. Если всё будет в порядке, то завтра Юнивайн домчит до него в считанные часы. Жалко, что это не случилось к этому ужину, но... видимо, у призрачного коня нарисовались свои неотложные дела, и он, умозаключив, что мне сегодня более ничего не угрожает, поспешил ими заняться.

Ну что же... Роуч. Когда-то я хорошо знал в нём одну семью. Хельберты – старый и уважаемый в Роуче род берёт свои истоки от Шилли Хельберта – мелкого аристократа, которому я по молодости лет помог сохранить свою честь и недвижимость при себе. От рождения

Шилли обожал резаться в картишки, и как-то раз, находясь за покерным столом в резиденции лорда Финигана Де'Лорена, он с горяча, понукаемый желанием отыграться у хозяина дома, поставил на кон своё поместье – Кулуат Хель. В узких кругах Финиган Де'Лорен слыл непревзойдённым шулером и потому без зазрения совести вывел прибыльную партию в угоду себе. Однако в тот злополучный уикенд лукавого лорда занимало ещё кое-что помимо карт. Утром некто передал ему крайне дорогой презент, криминальная подоплёка которого нещадно жгла пальцы Финигана Де'Лорена и понукала побыстрее схоронить его где-нибудь в другом месте. Подальше от себя. Пораскинув мозгами так и сяк, Финиган Де'Лорен предложил убитому горем Шилли вернуть себе Кулуат Хель за чепуховую услугу – перевезти из Роуча в Ильварет некий обоз, не задавая при этом лишних вопросов. Шилли согласился. Он отправился в путь и наткнулся на отряд стражников, получивших приказ обыскивать всех и каждого, кто едет со стороны Роуча, ибо буквально накануне визита Шилли к Финигану Де'Лорену у герцогини Элишер из замка был похищен сундук, набитый золотом и драгоценными камнями.

При досмотре телеги оказалось, что среди соломы в кузове у Шилли скрывается именно тот самый сундук. Без всяких нежностей несчастного Хельберта поместили в острог: дожидаться грядущего приговора. Так вот... Незадолго до тех событий, по заданию Магика Элептерум в Роуч приехал Бертран Валуа, ну и я с ним за компанию. С блеском исполнив свою миссию, заключающуюся в изобличении коварной ведьмы, околдовывавшей местных детей, мы, передавая каргу в длани правосудия, познакомились с бургомистром Роуча – Гаем Гнедом, настоявшем на том, чтобы отметить наш успех. В таверне, пропустив стаканчик, он поведал нам о недавнем ограблении герцогини Элишер. По его словам, дело Шилли было гиблым – Финиган Де'Лорен среди знати имел безупречную репутацию, и уверениям Хельберта о его непричастности к сундуку никто не верил. Меня как что-то кольнуло тогда, и я, распрощавшись с Бертраном, спешившим в Магика Элептерум принести хорошие вести, выпросил у Гая Гнеда «ордер» провести собственное расследование. Выйдя на нескольких неблагонаправных людей в окружении Финигана Де'Лорена и надавив на них, я собрал сведения, которые выявили прямую связь

алчного лорда с преступлением. Вооружённый добытыми сведениями, я, предварительно записавшись к Шилли в защитники, в зале суда обвинил Финигана Де'Лорена в гнусной сопричастности к несчастью герцогини Элишер. Выслушав мои доказательства, Канцелярия Правосудия Роуча постановила: признать Финигана Де'Лорена виновным и отправить его отбывать наказание в Хинтхостен – тюрьму для высшего сословия, а Хельберта, принявшего участие в афере по невежеству, счесть ошибочно оступившимся и возвратить ему проигранное поместье. С тех пор я и Шилли крепко подружились, и уже потом, когда мой товарищ отошёл в мир иной, его потомки всегда тепло принимали меня в Роуче.

Ныне, гонимый всеми ветрами в Ильварет, я с удовольствием воспользуюсь гостеприимством Хельбертов – приведу в порядок одежду, хорошенечко выплюсь и послушаю свежие новости о том, что происходит в Соединённом Королевстве.

Уткнувшись носом в плечо и сжавшись в комочек, я, убаюканный мерной капелью весенней непогоды, безмятежно заснул.

Разбудила меня рвота. Желудок болел так, что я подумал – неужели он хочет выпрыгнуть у меня через горло? Поджав под себя колени и судорожно схватившись пальцами за мокрую траву, я не шевелился, пока приступ дурноты не покинул моё ослабленное тело. Желчь... Я сплюнул и пригладил волосы трясущимися ладонями. Всё лучше, чем быть вампиром. Хотя Грешем так не считает.

Дилемма «есть или не есть»–передо мной не стояла (конечно, нет!). Поэтому поёжившись в противно липнувшей, сырой мантии, я, придя к выводу, что в разведении костра смысла немного, выудил из сумки Кампри. Швырнув тяжёлый орешек вниз, я досадливо вздохнул – сапфировые створки завибрировали, но не раскрылись. Юнивайн был занят. Да это и немудрено. Всю неделю он только тем и занимался, что таскал меня на себе – пора бы мне и постыдиться.

Опираясь на Лик Эбенового Ужаса, я пошёл по заросшей фиалками дороге к Роучу. За длинными променадами Хельберты от

встречи к встрече, всегда рассказывали мне массу интересного о своём городе. Роуч был возведён на сопке Криде, вдоль и поперёк изрезанной туннелями, ведущими к глубокой подземной реке Ольхеле, из воды которой высовываются загадочные статуи, совсем не похожие на людей. Кто раньше обитал внутри покатого склона до возведения на нём Роуча, остаётся тайной. Среди старожилов городка гуляет молва, что не все из прошлых его уроженцев канули в лету. Вроде бы иногда из проходов, уводящих к самым тёмным местам Криды, доносятся страшные нечеловеческие стоны и будто бы бряцают ржавые цепи. В оные дни Туриса Куртафа – наместника Карака – при закладывании Роуча уведомили о странностях, скрывающихся под покровом Криды. Однако правителя провинции это сообщение не смутило, а наоборот подстегнуло дать начало строительству там, где он задумал. Турис руководствовался тем, что за окном у Клейменда маячит Великий Лес, и расквартированному в нём Ордену Лучезарных Крыльев для поддержания боевой готовности необходимы своевременные поставки продовольствия и оружия. Откуда их взять? Из Осприса? Далековато. Нужен был перевалочный пункт поближе, и Крида, снабжённая мудрёными лазами и потому способная спрятать в себе население от внезапной атаки живорезов, прекрасно подходила на эту роль. Впоследствии, когда грянула небезызвестная Война Пик, и паладины Клейменда, принявшие главный удар Хрипохора на себя, не смогли быстро оказать осаждённому Роучу поддержку мечами, постулат Туриса Куртафа об оборонительном преимуществе Криды получил подтверждение на практике. Испуганные жители Роуча забаррикадировались в недрах сопки, и беснующимся тварям, сколько они не старались, так и не удалось сокрушить пудовых люков, ведущих к ним. Вывалившись из дверей города не солоно хлебавши, живорезы нос к носу столкнулись с подоспевшим арьергардом Карака. Затяжная сеча закончилась полной победой Соединённого Королевства.

За воспоминаниями о «были–ковыли» Роуча, я протопал большую часть до него. Где–то после обеда, грызя на ходу орехи, подаренные мне Скатертью «На любой вкус», я, взобравшись на пригорок, увидел впереди знакомые скалистые очертания Криды. Ага! Отлично! Воодушевлённые скорым свиданием с мягкой кроватью в доме

Хельбертов, мои ноги зашагали куда резвее, чем прежде. Выйдя на дорогу, я стал встречать редкие экипажи с эмблемой Карака. Проезжающих я одаривал улыбкой. Их лица после чумазных и скалящихся морд живорезов казались мне милыми и даже родными. Рядом, осыпав меня пылью, пронёсся эскорт рыцарей. Они неслись на восток. Я проводил их взглядом, а затем, отряхнувшись, стал подниматься вверх по склону. Через пару миль показали резные ворота Роуча.

Я в городе! Улочка повела меня на полупустую площадь и дальше в лабиринт проулков и переулков, приветливо мигающих мне зажжёнными масляными лампами. Семейное гнездо Хельбертов располагалось на самом северном отроге Криды, и пока я до него топал, на небе, подёрнутом рябыми тучками, отгорали последние закатные краски. Перед решетчатой калиткой висел колокольчик. Дзинь–Дзинь–Дзинь! В прихожей вспыхнул свет. Чуть помедлив, на створе щёлкнула заслонка. На озаренный светом свечей порог вышла женщина лет сорока. С лёгкой хрипотцой она осведомилась:

– Кто вы и что вам надо?

Я поклонился.

– Как и прежде меня зовут Калёб Шаттибраль. Я здесь, чтобы навестить дорогих моему сердцу Хельбертов.

– Тот самый великий маг?! Это же Вы тогда вытащили моего предка из препротивной передряги?! – вскричала женщина, бросаясь впустить меня в палисадник. – Неужели! Входите! Входите!

– Ну, великим меня не назовёшь, – минуя посадки крокусов и заходя в прихожую, со смущением ответил я. – А что касается Шилли – то правда. Приятно, что в Кулуат Хеле эта история ещё не забыта.

– Ох! Как я рада, что Вы решили оторваться от своих научных изучений и посетить нас! Это так кстати! – затараторила Хельберт,

вынимая у меня из рук Лик Эбенового Ужаса и ставя его в соломенную корзину между многочисленных тростей. – Меня зовут Дина!

– Очень приятно познакомиться, Дина. И давай без всяких «вы», я с твоей семьёй всегда был на короткой ноге, – сказал я, освобождаясь от плаща.

– М–м–м, ладно! – протянула Хельберт. – Мастер... Калёб, проходи в гостиную, а я сбегаю распорядиться накрыть на стол!

Я кивнул:

– Только без излишеств. Я – парень простой. Картошки и жареных сосисок будет вполне достаточно.

Прошествовав в зал, облагороженный картинами и изящной мебелью, я сел в кресло у камина из обожжённого кирпича. Да... Кулуат Хель... С моего предыдущего визита сюда мир успел состариться на добрый век. Я ухмыльнулся. Кто меня тогда принимал? Некретта и Лиом Хельберты. Наверное, Дине они приходится прадедушкой и прабабушкой.

В покои прошмыгнула служанка в белом переднике. Поклонившись и накрыв стол чудесной алой скатертью, она юркнула обратно на кухню. Не прошло и минуты, как передо мной выстроился целый ряд блюд и напитков. Выглядело всё очень аппетитно, и я, обуреваемый голодом, насилу дождался возвращения Дианы. Переодевшаяся в чёрное платье, с наскоро уложенной причёской, Хельберт держала в руках бутылку вина. Когда она устроилась напротив меня, я взялся наполнить бокалы.

– Ты так похожа на неё, – улыбнулся я, показывая глазами на висевший над трюмо портрет Некретты.

– Правда? – удивилась Дина, предлагая мне пюре с телячьими котлетами. – Мой покойный муж мне тоже так говорил...

Хельберт осеклась и опустила глаза.

– У тебя что-то случилось? – поднимая брови, спросил я.

– Вообще-то да... Я не знаю... Признаться, у меня такое горе! – разрыдалась Дина, откидывая нож и вилку.

О, Вселенная! Женские слёзы! Пожалуйста, только не это!

Пересев на соседний от Хельберт стул, я обнял её за вздрагивающие плечи.

– Расскажи мне, что случилось! Глядишь, на пару-то мы и придумаем, как справиться.

– Я как услышала, что Вы... ты представился Калёбом Шаттибралем, то сразу подумала – хвала тебе, Урах! Ты ответил на мои молитвы, похлопотал – и прислал мне Своего заступника!

Все же невозможно было не почувствовать сраказм: заступником Ураха меня ещё никто не называл. Любопытно, будь Серэнити здесь, то как бы она отреагировала на такое? Уж точно бы отмалчиваться не стала... «Кто?! Шаттибраль?! Да он же!...» Пряча улыбку, я подал Дине салфетку.

– Спасибо... Я так расстроена... Такое горе! ... Мой сын Лешпри... Он пропал два дня назад! Я боюсь, что это всё из-за карты...

– Какой карты?

– Древней карты Криды, которая якобы ведёт к сокровищам тех, кто обретался тут ещё до основания Роуча. Её обнаружил Симон в одном из подземных переходов... Симон, отпетый пьяница и лгун, он продал карту Лешпри, а мой мальчик... Он знает, что наш бюджет трещит по швам и... Наверняка Лешпри отправился в Криду искать

для нас счастья, но... оно не стоило того! Я так волнуюсь, что с ним там приключилось что-то ужасное...

– Стража искала Лешпри?

– Нет. В Канцелярии Правосудия мне ответили, что примутся за поиски только по истечении недели! – вновь разрыдалась Дина. – Но почему?! Почему они не согласились отправиться за ним уже сейчас?! Я не выдержу этих пяти дней... Этих терзаний!

Мысленно попрощавшись с приятной ночёвкой, я вздохнул:

– Где я могу найти этого Симона?

Дина сжала меня за запястье и растроганно всхлипнула:

– Ты пойдёшь к нему... ради Лешпри?

– У Шилли вырос достойный потомок – авантюрист, заботящийся о благополучии Кулуат Хеля. И было бы кощунственно бросить его в трудный час, – тепло ответил я. – Я постараюсь выпросить у Симона всё, что он знает о карте и предполагаемом маршруте Лешпри, а потом... Спущусь за ним.

От переполнившего её волнения Хельберт задохнулась.

– У этого отброса нет постоянного пристанища, – овладев собой, промолвила Дина. – Симон вечно обретается по всяким захолустным кабакам и подобным им темным притонам. Вчера я отловила его в «Изворотливом Вереске». Он был мертвецки пьян и бубнил, что ни о какой карте и слухом не слыхивал. Мне так и не получилось развязать ему язык и... пришлось уйти.

Хельберт отвернулась – по её щекам вновь заскользили капельки.

– Симон мне врал! Перед своим уходом в потёмки Криды, Лешпри поведал мне, кто всучил ему тот пожелтевший свиток! Я

призывала сыночка не валять дурака, не геройствовать, обещала, что мы сведём концы с концами и без этого проклятого богатства, но он всё отнекивался, да отшучивался, а теперь... теперь его нет...

– Не кори себя. Юноши всегда считают себя самыми умными и оттого не воспринимают слова своих родителей всерьёз. Лешпри поступил опрометчиво, да, однако, убиваться нам пока рано.

Сняв с воротника полотняную салфетку, я встал.

– Я в «Изворотливый Вереск». Советую тебе после моего ухода лечь спать. Во сне разум освобождается от скопившегося напряжения, а тело набирается новых сил. И то и то тебе сейчас показано.

– Спасибо, Калерб... Я провожу тебя.

Пошатываясь, Дина сопровождала меня в прихожую. Лик Эбенового Ужаса, прислонённый к вешалке, плотоядно скалился мне из корзины с тросточками. «Недолго же ты отдыхал» – хмыкнул себе я, беря его в руку. Ободряюще подмигнув Хельберт и мягко прикрыв за собой дверь, я вышел из Кулуат Хеля.

На небосклоне ночь расплескала ковш звёзд. В воздухе пахло отгорающим костром и пряными травами. Вдыхая ароматы заснувшего города, я, позёывая, заторопился в нижнюю часть Роуча, туда, где разношёрстные питейные заведения являлись прибежищем для сонма сомнительных личностей. Длинный бульвар со строем чинных деревьев вывел меня в квартал ремесленников. Его аллеи и возникающие из ниоткуда тупички, замыкающие на себе содружества слепленных домов, в итоге вывели мою, кутающуюся в плащ фигуру на неровную брусчатку. Облупленные ставни приземистых хибар и обшарпанные вывески на их фасадах подсказали мне, что я близок к цели. Притормозив одного празднующего гуляку, я попросил его указать мне адрес «Изворотливого Вереска». Оказалось, что идти осталось чуть-чуть. Надо было завернуть за угол, а там уже, не сбиваясь с курса, двигаться только вперёд. Что я и сделал. «Изворотливый Вереск», замызанное бревенчатое здание, встретило

меня ржавыми баками, мусором и грязью на порожках – стало быть, пришли. И, ведь, Дина–то молодец. Не побоялась давеча заявиться в столь злачный кагал.

Стараясь не привлекать к себе внимания, я, надвинув на голову капюшон, причалил к барной стойке. Бармен – усатый дылда с татуировкой на лбу, наклонившись, сипло спросил:

– Что пьём?

– Тоже самое, что и Симон.

Бармен смерил меня взглядом.

– Не знаю никакого Симона. Заказывай или проваливай.

Пряча посох под нишей, я, слегка оголяя меч, хмуро процедил:

– Где Симон?

– Запугивать меня удумал, гнус? С такими как ты, у меня разговор короткий, – злобно отозвался бармен, вынимая пудовую дубинку.

Он резко свистнул – сразу три скучающих детины оторвались от диванчика и, поигрывая мускулами, затопали ко мне. Я между тем, сосредоточившись на навершии Лика Эбенового Ужаса, заставлял его раскалиться. Уловив как за спиной грозное сопение, я резко достал посох из укрытия. Кошмарные провалы–зарницы демонического черепа вспыхнули на Лике Эбенового Ужаса красными углями. Свет, исходяемый волшебным оружием, отразился в глазах бармена животным страхом. Он отшатнулся, а вместе с ним и тройка его вышибал.

– Маг... Мне не нужны неприятности! – сдавленным голосом, прокряхтел бармен.

Я сардонически осклабился.

– Тогда повторю свой вопрос – где Симон?

– Он в восьмом номере, это на втором этаже... Привести его?

– Нет. Я сам к нему поднимусь.

Громилы попятились, и я никем не задерживаемый, спокойно взойшёл по лестнице. Комната с цифрой «восемь» притаилась в западном крыле «Изворотливого Вереска». Стучать я не стал. Телекинезом нащупав замочную задвижку и отодвинув её, я безапелляционно пихнул дверь. Кавардак из пустых тар, подушек и разбросанной одежды был вместилищем алкогольных паров и чада благовонных курильниц. Посреди беспорядка, на расстеленном ложе, валялся дородный мужик, которого полуобнажённая девица потчевала гроздью рубинового винограда. Мой визит вызвал у присутствующих бурю эмоций. Девица закричала, а предмет её обхаживаний кинул в меня тапочкой.

– Какого рожна ты ко мне вот так вот врываешься?! – завопил мужик, натягивая на пузо одеяло.

– Здравствуй, Симон. Нам есть о чём поболтать, – улыбнулся я, а затем добавил, глядя на «жрицу любви»: – Мадам, вам лучше покинуть нас.

Это предложение пришлось ей по вкусу. Она живо собрала свои вещички и выскочила из номера как ужаленная. Пока я прикрывал за девицей распахнутую настежь дверь, Симон успел разжиться кривым кинжалом. Он неуверенно наставил его на меня.

– Мне не о чем с тобой лясы точить. Давай, дуй отседова по добру поздорову!

– Убери своё шило, пока оно не наделало бед, – растянuto сказал я, подводя к носу Симона Лик Эбенового Ужаса.

Небритые, заплывшие пивной отёчностью щёки трусливо затряслись.

– Мужик, я тебя первый раз в жизни вижу! Чего ты хочешь?!

Вынув из обмякших ладоней кинжал и указав Симону на табурет, я проговорил:

– Для начала сядь и успокойся. Если будешь паинькой, я тебя не трону.

Подобно грузному тюленю Симон брякнулся на выдавшую виды седёлку. Его глазки постоянно елозили взад–вперёд, а мясистые кулаки, подпёршие мощный подбородок, сжались до хруста костей.

– Ну и дальше что?

– Я смотрю, ты неплохо гуляешь на золото Хельбертов, – лениво протянул я, поддавая сапогом полупустой кувшин.

– Эти денежки мои! Мальчуган, как его там, Лешпри заплатил мне их за одну... ценную вещьцу!

– За карту сокровищ, – участливо подсказал я, позволяя Лику Эбенового Ужаса грозно затрещать. – Она поддельная?

– Нет! Однозначно нет! – проскулил Симон. – Я подцепил её в Криде!

– Конкретнее! – приказал я ледяным тоном.

– Лады, лады! Отодвинь от меня свой посох! Ну, что...

Симон отёр вспотевшие виски.

– Работы у меня нет, поэтому я регулярно нуждаюсь в... э–э–э, финансах. В Криду люди обыкновенно не суются – остерегаются

всякого, ну суеверия у них, сечёшь? А в Ольхеле меж этих статуй заплесневелых водится отличная рыбина. Как прижимает мне кошелёк, так я тащусь туда, к ней. Наловленную мною рыбину разбирают, аж за плавники дерутся... Речка–то самая близенькая к Роучу у Клейменда течёт...

– Переходи к главному.

– Да, кхм, рыбачил я как–то, рыбачил, а поток на Ольхеле что надо – несёт его из под матушки земли – ух, чувствую на живца клюнуло – я тяну, тяну, смотрю, а тама на крючке ящичек висит махонький, металлический – за колечко зацепился. Я его вскрыл – гляжу – схема какая–то. Повертел так да эдак и понял, что это дорога к секции под самым дном Криды. Ага, а на секции груды очаровательных побрякушек была намалёвана. Бросил я тогда рыбачить, вылез обратно на солнышко, и стал обдумывать, как приобретением распорядиться. И тут на тебе – подошёл ко мне этот Хельберт и спрашивает, что это у меня. И вдруг поговорка батькина во мне всплыла, мол, ближняя соломка краше дальнего сенца. Я и говорю Хельберту – меняю карту на три золотых. Он помялся, н– таки вдарили по рукам.

Симон почесал локоть.

– Всё, мы попрощались и разошлись каждый в свою сторону.

– Нет, не всё. В Роуче полным–полно люков, уводящих к корневищам Криды. Мне надо знать, в который из них снизошёл Лешпри.

Для острастки я выпустил из Лица Эбенового Ужаса струю пламени. Она облизала лысый череп посоха и язычком огня затрепетала сквозь его распахнутые челюсти. Демонстрация моего колдовского потенциала подействовала на Симона весьма эффективно. Он сжался и быстро залепетал:

– У–у–у! Я так статья кое–что запомнил из карты, пока её разглядывал. Молодой Хельберт должен был начать свой путь в Криду

из люка, расположенного у нерабочего фонтана на рынке. К тому же, как я скумекал, тама, в туннеле, нужно нажать одну пластину, чтобы раздвинуть стену – за ней и есть тот самый проход к сокровищам. Э–э–э... ты же собираешься догнать Хельберта, да?

– Возможно.

– Если он всё сделал правильно и откупорил рыночный лаз, ты легко настигнешь его. По отпечаткам. Пол там пыльный.

Симон мерзко хихикнул:

– И сокровища станут твои!

О, как лестно – забулдыга принял меня за мерзавца, намеревающегося поживиться за чужой счёт. Усмехнувшись, я потянулся и, погасив Лик Эбенового Ужаса, подался к двери.

– То уже тебя не касается, – сказал я, удаляясь из прокуренного «благовониями» номера «восемь».

Глава 9. Победи врагов, избавь от долгов, скажи, чего требуешь от учеников

Я выяснил то, что хотел, и теперь, преодолевая сонливость, пошевеливался прийти к Лешпри на помощь. Оставив позади «Изворотливый Вереск» с его задиристым барменом, я перекрученными тротуарами устремился к рынку Роуча. Где-то перекликались залетевшие за мышами в город совы. Проспекты, облепленные домиками, мирно спали. Их тёмные мостовые бороздили только редкие колобродники да стражники с факелами. Обойдя недавно побелённую колокольню и пройдя через ухоженный сад с причудливыми ротондами, я вывернул на улицу, предшествующую ярморочному району.

Так, так, так...Почти на месте. Да, вот и он. Посреди безлюдных прилавков вздымалась пересохшая чаща с тремя уровнями слива.

Фонтан, истрескавшийся и покрытый лишайником, уже давненько не функционировал. В футах десяти от него, поблёскивая зеленцой, притаилось то, что я искал. Древний люк, изрезанный странными символами, прямо притягивал мои перчатки к себе. Щелчок! Мрачное отверстие дохнуло на меня влажным воздухом. Настала пора расширить свой кругозор. Крида! Готовься раскрыть мне свои тайны – я намылился к тебе в гости! Засунув Лик Эбенового Ужаса за ремень и сконцентрировав парочку шариков Света, я наполовину слез в дыру, после чего нащупал сапогом железный прут. Ать–два, ать–два, руки принялись перебирать планки – м–да, нисходить по статичной, но окружённой пустотой вертикальной лестнице развлечение то ещё. Кряхтя и причитая, я спустя четверть часа ударился каблуком о твёрдую поверхность – долгожданное дно! Искренне удивляясь тому, как всё это время Симон с его весом и «проворством» умудрялся проделывать подобные спелеологические вояжи, я занялся осмотром разветвляющихся коридоров. Большинство из них представляли собою грубо стёсанные, округлые скважины. Со сводов на шею и голову падали мелкие капельки – конденсат от перепада температур. В Криде было холодно, как в погребе. В какой же из этих извилин исчез Лешпри? Повертев шариками Света в разных направлениях, я обнаружил, что вездесущая влага создала на каменистом грунте едва приметную корочку грязи, на которой чётко вырисовывались следы недавно прошедших подошв. Значит, мне направо. Словно охотничий пёс, учуявший у берега озера дичь, я, припав к земле, направился по следам Хельберта. Моё путешествие по однообразному и затяжному штреку окончилось внезапно. Доселе ясно проглядывавшие следы будто испарились.

Я выгнул затёкшую спину. Мерцание магических сфер выхватывало из темноты очертания... да, вне всяких сомнений, это кладка! Причём, если чуть–чуть пройти вперёд, она вновь подменяется бугристыми стенами. А это значит, что Лешпри изменил свой курс именно здесь. Ну, и где тут, скажите мне на милость, замаскированная пластина, отмыкающая преграду к драгоценностям? Поводя носом у опутанных паутиной кирпичей, я выбрал тот, который, на мой взгляд, был самым чистым. Да... вот они, три свежие отметены... Сюда надавил Хельберт... Приложив пальцы в чистые точки, я услышал

негромкий скрежет. Обветшалая кладка неожиданно зарябила и преобразилась в небольшие ворота, покрытые прихотливым барельефом. Через секунду они распахнулись, и я шагнул на порожки, устремляющиеся куда-то вниз. Концентрация... На посохе набухла орбита тихо стрекочущих Молний. Хорошо, нынче мне есть, чем за себя постоять. Проявляя максимальную осторожность, я двинулся во чрево горловины. Напряжённый сход... Моё ухо уловило шум стремительно несущихся волн. Он раздавался слева, сверху. Значит Ольхеле и её чужеродные статуи уже надо мной... Как же глубоко я забрался? Нежданно-негаданно пролёт расширился и вывел в просторный холл. Отовсюду свисали сталактиты и дыбились сталагмиты; но появилась узорчатая плитка. Она вихляла между пройм, принимающих в себя водопадные лавины, низвергающиеся с запредельной выси. Миновав столь эксцентричную каверну, я очутился в полузатопленном зале с громадными трубами. Вдоль и поперёк источившие периметр своими медными венами, они испускали пар и изводили воду пузырями. Вдалеке что-то блестело и я, войдя по пояс в булькающую жидкость, пошлёпал прямо туда. Чем ближе моя персона подбирался к неизвестному источнику сияния, тем плотнее переплетались между собой трубы. И тут я увидел его... На пирамидальном постаменте, возле ярившегося зарницей стеклянного куба, возлежал бледный, как мел, Лешпри. Не тратя ни единой секунды, я в «темпе вальса» достиг постамента и по высеченным ступеням взобрался на его загадочный подиум. От обморочного тела Хельберта к кубу, тянулись полупрозрачные шланги. По ним, медленно-медленно, сочилась кровь.

– Я так долго спал... но раб разбудил меня... скоро проснутся и другие, – прошептал голос в моём сознании.

Бамс! Чья-то ворожба опрокинула меня на колени и выбила из рук Лик Эбенового Ужаса.

Подле Лешпри материализовался тощий высокий гуманоид с уродливым хоботом вместо рта и чешуйчатой кожей. Его газообразную тунику украшал жемчужный бисер, а предплечья стискивали браслеты из отполированного халцедона. Он хотел подойти ко мне, но тут

многочисленные трубы отчаянно затряслись и заскрипели. Казалось, что оглушительный рокот, возникший не более, чем на мгновение, сотряс всю Криду. Теперь понятно, что за «непостижимые стоны и бряцанье» порой беспокоят жителей Роуча.

– Посмотри, «низший», что произошло с Шаб’Гахалом. Он превратился в руины, – поведя когтистой лапой, мысленно передал мне гуманоид. – Но я, Хаз Гон, владыка всех галанов, восстановлю его и подниму в прежнем величии!

Хаз Гон протянул длань и грубо ухватил меня за волосы.

– Знаешь, как всё было? Однажды жуткие н’гарини, притупив бдительность дозорщиков лиходейскими ритуалами, украдкой пробрались в Шаб’Гахалом. Неисчислимой сворой они понеслись по уровням цитадели, круша её акведуки и угощаясь тёплым мясом её обитателей. Пока в вышине шла чудовищная жатва, я собрал остатки своего народа и запер его здесь, в Священном Инкубатории. Н’гарини не смогли найти нас, но я провидел, что больше они никуда не уйдут – некогда блаженный Шаб’Гахалом стал их гнусной вотчиной. С уверенностью в том, что в будущих тысячелетиях н’гарини сгинут или пожрут сами себя, я окунул спасшихся галанов в вековую дрему...

До посоха было не дотянуться, поэтому я безвольно внимал Хаз Гону. Его боевая магия как будто вынула из моего тела все силы, которые теперь постепенно возвращались обратно... Ну же, тролль тебя разбери, приходи в себя уже, Калёб!

В Священном Инкубатории вспыхнул свет. В сотнях замаскированных фонариков пробудились изумрудные искры.

– Мой план сработал! – восторженно воскликнул Хаз Гон в моём мозгу. – Перед своим погружением в грёзы я смастерил десяток, обещающих поживу «путеводителей», и отправил их бороздить реку. Я надеялся, что рано или поздно, когда безглазые н’гарини осыпятся прахом, путеводители выловят те, кто приспособлен видеть, те, кто имеет в себе жизненные соки и алчность – кто-нибудь из

примитивной, хилой расы. Раб, что так удачно наткнулся на путевода, распечатал короб... Однако там не было ни рубинов, ни изумрудов – лишь я. Твой соплеменник даже не сопротивлялся... Я подключил его к Гхамару, и «сердце» Шаб'Гахалома снова забилося! Когда Гхамар выпьет этого раба досуха, я преподнесу ему тебя.

Хаз Гон нежно погладил стеклянный куб, на треть заполненный кровью Лешпри. По периметру постамента забурлила вода. Под бултыхающимися волнами проступили диковинные абрисы. Секунда и... Оплетённые тиной и болотными нечистотами вынырнули продолговатые сосуды – в их матовых внутренностях шевелилась какая-то гадкая субстанция.

– Гхамар вбирает в себя силу! Галаны близки к тому, чтобы очнуться!

Само собой это заявление меня не обрадовало. Мне удалось побороть владеющую мною слабость, и теперь я незаметно концентрировал заклинание Льда. Вероятно, Хаз Гон интуитивно что-то заподозрил, потому как, когда я метнул в его спину смертельную сосульку – он исчез. Воспользовавшись этим обстоятельством, я моментально подхватил Лик Эбенового Ужаса, а потом бешено завертелся, пытаясь найти своего противника.

– Ничтожный смертный! Ты даже не представляешь, какие муки тебя ждут за содеянное! – возопил Хаз Гон в моей голове.

– Меньше трёпа – больше дела, роток-хоботок! – вслух крикнул я, заметив наконец костистую фигуру.

Раскорячившись на балкончике в двадцати футах от меня, Хаз Гон готовил какую-то волшбу. Сработали старые рефлексy – я отпрянул и как говорится – кстати. Пламенное копьё откололо от постамента громадный кусище. Мой посох, рождённый только для одной цели – убивать, всё ещё содержал в себе заряд Молнии. Я поднял его и выстрелил точно в морду Хаз Гона. Белая дуга пролетела между двух

труб и... врезалась в наколдованную Мембрану–Щит. Владыка галанов разразился надрывным смехом:

– Твои потуги так же жалки, как и ты сам!

Из куцей конечности гуманоида вырвался оранжевый сгусток. Пронзительно свистя, он стремительно направился ко мне. Увернувшись от новой испепеляющей вспышки, я подскочил к Лешпри и содрал с него тонкие шланги. Гхамар, переставший получать кровавую подпитку, сердито завибрировал. И как бы вторя его недовольству, толща Криды тоже утробно загудела. Мне вдруг почудилось, что где-то там, в недосыгаемой бездне, потревоженная нашей вознёй всколыхнулась некая закоснелая во мраке сила...

– Что ты наделал?! – дико заорал Хаз Гон.

– Испортил тебе вечеринку!

Воплотившись возле побуревших сосудов, Хаз Гон стал поочерёдно жать на них отвратительным хоботом (как я понял через миг, таким образом, он выводил своё порочное племя из анабиоза). Под его прикосновениями сосуды трескались и вместе с облаком пара выплёвывали из себя обтянутых липкой слизью галанов. Видимо из-за дестабилизации Гхамара и преждевременного нарушения сна они осоловело пялились в пустоту. Пока Хаз Гон суетился над ними, я взвалил на плечо субтильного Хельберта и дал дёру. Но далеко убежать не удалось. Я споткнулся и упал. Поспешно вставая, я увидел, как из выщербленного жерла самой циклопической трубы в Священный Инкубаторий вырвалась струя Живой Тьмы. Тучей тягучего марева она, взмыв к потолку, обзавелась мириадами щупальцев–отростков и заискрилась вспышками–звездами.

– Н’гарини!... – смятенно выдохнул Хаз Гон. Однако собравшись с духом, он добавил: – Одному тебе со мной не справиться!

Щупальца–отростки н’гарини качнулись, а потом, прытко удлинившись, набросились на ничего не соображающих гуманоидов.

Они обволакивали их, превращая в мглистые коконы, и под жалобные верещания, inferнально отдающиеся у меня в разуме, тащили в лоно своей Сущности. Впрочем, н'гарини заарканить Хаз Гона не смог, потому что тот сотворил над собою непроницаемый белый шар, мешающий сумрачным спиральям впитаться в его плоть. Поглотив всех галанов, н'гарини вобрал в себя щупальца, переформировался в демонический венчик и «короновал» защитную оболочку Хаз Гона, сместившегося к Гхамару. Блеск и траурный глянец разъедали друг друга энергетическими всполохами. Борьба шла не на жизнь, а на смерть.

Озабоченно наблюдая за противостоянием двух древних существ, я почти машинально наложил чары на Лик Эбенового Ужаса. Вылущенные мною из изуверской хляби Назбраэля, они тошнотворно–угадливо отравляли воздух мертвящими миазмами. Молясь Вселенной о милости к её бедовому непоседе, я нацелил посох на сцепившихся тварей. Вжух! Блёлло–малиновый, смрадный сфероид с тоскливым чавканьем отделился от металлического черепа, грузно пронёсся по дуге и столкнулся с Гхамаром. Я моргнул... Всего лишь моргнул... Что я успел рассмотреть? Панически–оторопелую морду Хаз Гона... Конвульсивное сжатие н'гарини... Расщепление стеклянного куба и... Взры–ы–ы–ыв! словно ничего не весивших пылинок меня и Лешпри отбросило в каверну с водопадами. Кое–как приподнявшись, я оглядел то, что осталось от Священного Инкубатория – колоссальная воронка да груда сплавленных труб. Конец всем галанам! Конец всем н'гарини. В этом в раунде победил Калёб Шаттибраль.

Прижимая рукавом ранку на лопнувшей губе, я склонился над Лешпри. От встряски он пришёл в себя и теперь, испуганно таращась, пытался от меня отползти.

– Ты... ты... убьёшь меня?!

Я улыбнулся.

– Возможно, это сделает твоя матушка, когда ты вернёшься домой.

– Это она тебя наняла? Ну, спуститься за мной? – несколько успокоившись, спросил Хельберт.

– Отнюдь, я вызвался сам.

– Ради чего?

– Ради памяти о твоём прапрадедущке. Шилли был мне хорошим другом.

От удивления брови Лешпри едва не поселились в волосах.

– Я... то есть... Калев Шаттибраль?!...Ну, тот самый? Да? Мне о Вас столько рассказывали! Вы же главная легенда нашей семьи! И Вы... Тут!

– Вот видишь, мы с тобой знакомы.

Вдруг Хельберт помрачнел и тихо сказал:

– Мама залезла в долги, и я хотел раздобыть нам денег, чтобы их покрыть.

– С деньгами что-нибудь придумаем.

Я протянул Лешпри руку.

– Встать сможешь?

– Наверное...

Мы поковыляли по Криде. Терпя боль от саднящих синяков и ушибов, я думал о таинственных эпохах, уходящих своими корнями вглубь времён, и о том, как много люди ещё не знают о своём мире. Когда-то в Шаб'Гахаломе, источенной туннелями и водоводами сопке, правили горделивые галаны. Жуткие по человеческим меркам, они боялись и ненавидели порождений, сотканных, казалось бы, из одной

лишь тьмы. Шаб'Гахалом пал тысячелетия назад, но точка в борьбе н'гарини и галанов была поставлена сегодня. С моего посула Зло прошлого так и не переросло во Зло настоящего, Хельберт спасён, я – цел и как итог – минувший день можно заслуженно назвать продуктивным. В награду за подвиги я бы желал получить пинту холодного пива и жареные фисташки – ценник завышен или в самый раз?

Виток за витком коридоры вели нас обратно в Роуч. Безвозмездное донорство истощило Лешпри, и потому мы двигались очень медленно. Хельберт помалкивал, но его по-юношески любопытные взгляды недвусмысленно просили меня поведать о своих приключениях. Эх, мальчик, не так уж они и эпичны... Хмыкнув и отложив свои размышления на потом, я завёл негромкую беседу. Мои предположения оправдались – Лешпри очень интересовали свирепые сражения, могучие герои, красивые принцессы и смертоносные драконы. Начав с Фарганорфа, я постепенно перешёл к краткому повествованию о похождениях «Грозной Четвёрки». Уши Хельберта ловили каждое моё слово. Он ахал и охал, а я радовался тому, что кошмары прожитых суток ненадолго отошли от него на задний план. В довершении всего я дал ему подержать Лик Эбенового Ужаса – Лешпри был просто в восторге. Вдоволь налюбовавшись посохом, он внезапно стал изливать мне свою душу.

Хельберт мечтал освободиться от общества и его тяготящего уклада. Он грезил о дальних землях, опасностях и невзгодах, выпадающих на пути странника. Однако отправиться в блуждание по свету Лешпри позволить себе не мог, и причиной тому было то, что Хельберты больше не владели Кулуат Хелем. «Если я уйду, то ма пропадёт без меня». После преждевременной кончины супруга дела у Дины Хельберт пошли под откос, и чтобы свести концы с концами она заложила родовое поместье нынешнему бургомистру Роуча – Энтони Фришлоу. Господин Фришлоу проявил сострадание. Он разрешил Дине и Лешпри пожить в Кулуат Хеле, но потребовал, чтобы они погасили свою задолженность в течение полугода. Ныне истекал шестой месяц, а выданного займа Энтони Фришлоу пока так и не

получил. Вывод тут очевиден – уже завтра–послезавтра Хельбертам придётся распрощаться с уютом Кулуат Хеля и ночевать на улице.

Слушая сумбурную речь Лешпри о том, как его мать предпринимала неудачные попытки организовать бизнес, я соображал, как помочь Хельбертам выбраться из их незавидного положения. Есть ли у меня с собой хоть что-то, что посчастливилось бы удачно продать? Я стал перебирать содержимое сумки. Книги? Да кому они нужны, кроме меня. Альмандин из Ночи Всех Усопших? В лучшем случае торговец согласится взять его за бесценок. Кампри? Нет. Юнивайн – мой друг, а друзей, как известно, на монеты не меняют. Ригель? В магазине сувениров ему повесят ярлычок – «антиквариат, два серебряных». Скатерть «На любой вкус»... Конечно, жаль отдавать такую редкость, но Хельберты... Шилли, Шилли, ты и твои потомки одного поля ягоды – опять умудрились прозевать Кулуат Хель и пустить всё по миру. Ладно. Либо рыбку съедим – либо на мель сядем. Первую проблему ухлопали, ухлопаем и вторую.

– Сколько говоришь, твоя матушка должна Энтони Фришлоу?

– Полторы тысячи золотых, – глухо откликнулся Лешпри.

– Не хухры–мухры!

– У ма вроде есть триста...

– Прижмись! – понизив голос до шёпота, оборвал я Хельберта.

Мы прислонились к углублению в стене и замерли. Затушив все шарики Света, я весь обратился в слух – да, топот шагов раздавался всё отчётливее. Спустя минуту ожидания мимо нас пронеслась семёрка вооружённых до зубов стражников. По всей видимости, грохот от взрыва Гхамара побудил Энтони Фришлоу снарядить в Криду разведывательный отряд. Это логично – бургомистру надо быть в курсе, что за вакханалия происходит под его городом. Впрочем, зная кто её зачинщики, ему совсем ни к чему. Крадись по лабиринту каменных коридоров и попутно избегая встречи с блюстителями

порядка, наводнившими Криду, мы, в конце концов, достигли лестницы, приводящей к рынку Роуча. Повезло! Для проникновения в сопку стражники воспользовались другими ходами, и на площади, освещённой сейчас восходящим солнцем, никого не было. Для надёжности я осмотрелся ещё раз, а потом вылез из люка. Следом показался Лешпри. В окнах, из-за штор осторожно выглядывали лица. Квартал не спал, но выходить из укромных домов пока никто не решался. Ну а что! «Маргарет, давай-ка пока отложим утренний поход к ростовщику хотя бы на пару часиков. Крида бабахала всю ночь – пусть там в ней всё успокоится».

Сдвинув ногой люк на прежнее место и подтащив Хельберта за фонтан, я спросил:

– Где живёт Энтони Фришлоу?

Лешпри указал пальцем на искрящийся сусальным золотом купол.

– Вон храм Ураха, а напротив него, стоит особняк с колоннами – это там.

– Хорошо. Иди в Кулуат Хель –обрадуй маму, поешь и отдохни. Я приду к вам попозже.

Лешпри кивнул и похромал в проулок, а я, натирая кулаком слипающиеся глаза (второй день без сна!), поспешил нанести визит Энтони Фришлоу. Сфантазировать, как уговорить его не отнимать у Хельбертов Кулуат Хель я не сумел, и поэтому решил пустить предстоящие prelimинарии на самотёк. Мостовая услужливо проводила меня до площади, окружённой импозантными зданиями, выполненными во вкусе раннего омбольдомского зодчества. Окинув ироничным взором толстую парочку шушукающихся братьев Света, я затормозил у подковообразной арки.

– Я к бургомистру.

Красная физиономия громилы, подпирающего задом ворота, презрительно скривилась.

– Все аудиенции он проводит в ратуше. Время – с одиннадцати до четырёх. Ясно? Тогда отчаливай.

– Мне надо видеть его сейчас.

– Особенный либо?

– Да.

– Что, да? Сковорода? Ты – оборванец, а оборванцев бургомистр у себя дома не принимает.

Выглядел я и правда не очень – весь запорошённый пылью, в рваном плаще и в замызганных сапогах.

– Что завис? Канай, пока я тебе по макушке не настучал.

– Прости, прости, уже уйду, – наигранно виновато отозвался я.

В моей спрятанной за пазухой перчатке заструилась сфера Замедления. Я сделал резкий шаг вперёд и (чпок!) вмазал заклинанием по лбу громилы. Не больно. Но теперь он был способен шевелиться не быстрее улитки. Прежде чем открыть ворота, я, похлопав его по плечу, весело улыбнулся:

– В следующий раз обращаю тебя в лягушку! Кв–а–а–а–а!

Бодро прошествовав по плиточной тропинке, по бокам которой там и сям ютились миниатюрные гипсовые статуи, я отворил дверь особняка. Отделка из лепнины, широкий камин, морские раковины, черненное серебро, черепаховые панцири, позолоченная бронза, подсвечники из горного хрусталя, вздутые вазы, бархатные ковры – роскошный холл у Фришлоу! Манфред Второй и тот скромнее жил!

С дивана вскочил крохотный человечек. Он приблизился ко мне и, подслеповато щурясь снизу вверх, гаркнул:

– Докладывай! Что там за свистопляска в Криде?!

– У тебя есть очки?

– При чём здесь очки, капитан?! Очков у меня нет! – воскликнул карлик. – Я тебе про Крид...

Вообще очки в Соединённом Королевстве – это редкая редкость. Их производят в Шальхе и исключительно поштучно – для приобретения, будьте добры, запишитесь в очередь. О, не переживайте, она подойдёт всего–то через пару–тройку лет.

Идея мне пришла спонтанно – я подумал, что изделие Горгона Преломляющего Оттенки способно не только сглаживать цветовую палитру, но и улучшать зрение. Раскупорив футляр, я водрузил Светофильтры на толстый нос. Изумлённый, чётко сфокусированный взгляд и прерванная на полуслове артикуляция подтвердили мою догадку.

– Теперь они твои, барбосик. Носи на здоровье.

– Спасибо... Как ты... попал ко мне?! Сьюты же на охране! – ошарашенно пробасил карлик.

– Ты – Энтони Фришлоу?

Я сел на кресло и налил себе из графина вина. Какое блаженство! Так бы сидел и сидел на мягоньком пуфике...

– Я! А ты–то кто?!

Бургомистр продолжал стоять и недоверчиво ощупывать Светофильтры.

– Я – маг.

– Маг?! Вряд ли ты пришёл сюда только за тем, чтобы подарить мне очки!

– Определённо, – пригубив бокал, согласился я. – Я хочу разобраться с долгами Хельбертов. Очки – это аванс. Если забудешь, что Кулуат Хель заложен, я преподнесу тебе безделушку посерьёзнее. Разумеется волшебную.

Энтони Фришлоу затянул пояс на шёлковом халате и взобрался на софу.

– За очки, как я уже сказал – спасибо, но... Полторы тысячи, в золоте, – это целое состояние! Нет! Никакая колдовская фитюлька столько не стоит! Никакая!

– По опыту знаю, что у бургомистров, лендлордов, наместников и королей всегда есть какие-нибудь трудности или неприятности, которые они боятся предавать огласке. Так что...

Я поболтал вино в бокале.

– Если тебе нужно сохранить инкогнито и деликатно избавиться от беспокоящей докуки, то пользуйся выпавшим шансом. Однако учти, я не торгуюсь – за мою услугу ты снимешь с Хельбертов все финансовые обязательства.

Покусывая края чёрных усов, бургомистр задумчиво уставился на меня. После долгого молчания он мрачно заговорил:

– Вчера ко мне неожиданно прибыла уполномоченный инспектор Её Королевского Величества. Я не успел спрятать кое-какие бумаги, и она выявила...ммм... что я случайно «отмыл» немножко денег из бюджета Роуча. Сумма пустяковая – даже не сравниться с той, что мне должны Хельберты, однако... Если сам факт этого глупого

недоразумения достигнет ушей наместника Карака, то меня обвинят в казнокрадстве, а это повлечёт за собой весьма дурные последствия...

Я невозмутимо подлил себе вина.

– И мне плесни... да, хватит.

Залпом осушив бокал, коротышка, насупившись, изрёк:

– Инспектор оплатила номер в гостинице «Мёртвый Гоблин» до сегодняшнего заката. Подразумеваю, что потом она отбудет в Ильварет. При ней находится моя бухгалтерская книга и листок с цифровыми несоответствиями. Если в дороге они вдруг «потеряются», я буду считать, что Хельберты со мной в расчёте.

– Как зовут инспектора?

– Ханна Нитвурд. Она такая, – высокая, не шибко симпатичная, хотя, может, на любителя... Шатенка с веснушками. И кстати, инспектор не одна – её сопровождают четыре мордovorота–рыцаря. Это так, тебе на заметку.

Поставив пустой бокал на деревянный подлокотник дивана, я неохотно поднялся – всё тело ныло и просило отдыха. «Потерпи родное, как только я верну проворовавшемуся карлику его гроссбух, то сразу удовлетворю все твои нужды».

– Это всё, что мне нужно было знать, – обронил я, направляясь к двери. – Скоро увидимся.

Кто для себя не желает сладкой жизни? Энтони Фришлоу – яркий образчик чиновника–клеща. Подобно многим двурушникам–управленцам, расчухавшим, что аппарат власти где–то там, за тридевять земель, и что надзора за их деятельностью как такового нет, бургомистр Роуча не упустил возможности набить свой карман из мошны государства.

Я ни секунды не верю в то, что кулуарное обогащение Фришлоу не вылезло за рамки «полторы тысячи золотых» – вот пятнадцать тысяч – звучит более правдоподобно. В судебском кодексе есть специальная статья «Расхищение королевской собственности в особо крупных размерах». За неё предусмотрено два наказания – «Бессрочная ссылка на Присыпки» (никакой не Хинтхостен) и плаха. Отчего-то я догадываюсь, что если улики дойдут до места назначения, то высокопоставленный служащий Энтони Фришлоу будет обвинён именно по этой статье. Пройдохе крупно свезло, что бюрократический механизм Соединённого Королевства плохо смазан. При явной вине Энтони Фришлоу на арест человека его чина может выписать бумагу только наместник Карака.

Бургомистр – не глупец, и я уверен в том, что он решил улизнуть из Роуча сразу, как только Ханна Нитвурд двинет в Ильварет. Моё появление для него – это как сброшенная спасательная шлюпка при кораблекрушении. Я – чудесная лазеечка, которая поможет отвести от него топор правосудия и сохранить прежнее положение в Роуче. Мне глубоко плевать на карлика – каждый сам должен нести ответственность за свои поступки. Однако если он попадёт за решётку или сбежит – быть беде. Кулуат Хель и прочее имущество Фришлоу отойдёт в распоряжение муниципалитета Карака. Для Хельбертов такой расклад неприемлем.

Итак, гостиница «Мёртвый Гоблин»...

У ворот особняка мялся всё тот же громила, видимо Сьюти. Заклинание Замедления уже доставляло ему неудобства. Он нечленораздельно мычал и заторможено сгибал пальцы. Завидев меня, Сьюти стал меняться в лице – проступающая бледность, расширение зрачков, ох, милый мой, это признаки страха. Ну, право! Я же не монстр! Сейчас всё поправлю!

– Крибле, крабле, бумс! – снимая чары, произнёс я ничего незначащие слова.

Овладев прежней подвижностью, Сюти испуганно попятился к калитке.

– Эй, на счёт лягушки я пошутил! Я собираюсь переколдовать тебя в жука!

Не желая быть жуком, Сюти со всех ног понёсся к особняку, а я, посмеиваясь, потопал в восточный район города. «Мёртвый Гоблин» – самый старый и почтенный постоялый двор Роуча. Мне приходилось бывать в нём, и потому я знал, куда нужно идти. Улицы постепенно наполнялись горожанами. «Крида вроде утихомирилась – пора нести укроп на прилавок»! Пряный ветерок, птичье пение и солнечные лучи... Прекрасно! По натуре я человек, более предпочитающий серость и пасмурность (пить чай и смотреть, как по окнам барабанит дождь – разве это не наслаждение?), однако такая погода мне тоже нравится. Весеннее утро открыло у меня «второе дыхание» – сонливость пропала, и я, изредка улыбаясь проходящим мимо миловидным барышням, с приливом новых сил, бойко шагал к своей цели. Чтобы завладеть «рапортом» Ханны Нитвурд я составил кое-какой план. Он, конечно, был шатким и требовал импровизации, но меня сии нюансы не смущали. Я привык балансировать на острие ножа.

Почти на месте... За той закуской вроде бы налево... Точно! Пришёл!

Как и в стародавние года фасад «Мёртвого Гоблина» украшали барельефы гипсовых уродцев. Они дрались между собой кружками и плотоядно скалились. Подмигнув особо отвратительному гоблину, повисшему на аркбутане второго этажа, я вошёл в вестибюль гостиницы. За регистрационной стойкой крутилась пышная дама. Отложив метёлку и широко зевнув, она сказала:

– Здравствуй, добр человек. Прейскурант таков: обычный номер – четыре серебряных за сутки, комфортный обойдётся в шесть. Если накинешь двадцать медяков сверху, то получишь ещё горячую ванну и трёхразовое питание.

Я приветливо сверкнул зубами (недолгий вампиризм сделал их идеально красивыми).

– Спасибо за информацию, красотка, но я прибыл не для того, чтобы заселяться. Мне нужна Ханна Нитвурд. Она должна быть в «Мёртвом Гоблине».

– Нитвурд? – холодно переспросила дама. – Твоя Нитвурд завтракает в кафе напротив, ей наша еда, видите ли, не по вкусу пришлась. Хорошо, что она уже съезжает – то госпоже не то, это госпоже не так. Экая цаца! Погляди вон, какие тяжеленные короба мой бедный муж тягал в её номер накануне, а сегодня стаскивал обратно! Жуть! А спутники Нитвурд, здоровенные такие бугаи, даже и в ус не дули, чтобы ему помочь!

– М–м–м, бессовестные какие, – протянул я. – Ладненько, я, пожалуй, пойду.

На выходе я окинул багаж внимательным взглядом. Два крепких сундука – наверняка в них нет ничего, кроме платьев, туфель и женских украшений. Уверен, что компромат на Фришлоу Ханна держит при себе. Попробуем его забрать...

Я вышел из «Мёртвого Гоблина», после чего устремился к вывеске «Сыр, сосиски, тосты и пивцо». Высокая шатенка в зелёном платье и четыре суровых вояки сидели прямо на веранде. Поглощая яичницу с сыром, они что-то оживлённо обсуждали. Предварительно обмотав навершие посоха поднятой тряпкой (демонстрация злобного черепа могла навредить моей задумке), я ухватил стул от незанятого столика и бесцеремонно подсел к Ханне Нитвурд.

– На грубость нарываешься, приятель? – прорычал мне раскосый рыцарь.

– Остынь. Я– жрец Братства Света и нахожусь здесь по заданию Ордена Инквизиции. Мне поручено найти инспектора Ханну Нитвурд.

Ей грозит опасность.

– Инспектор перед тобой, – промолвила женщина, удивлённо разглядывая меня большими карими глазами. – Что за опасность?

– Просматривая ауру Соединённого Королевства, Орден Инквизиции обнаружил в Караке очень мощную концентрацию Чёрной Магии. После секретных спиритических церемониалов, Великому инквизитору Ордена удалось установить, что источником скверны является человек, а конкретно ты, сестра.

– Как, я?! Что за чушь! – всплеснула руками Ханна Нитвурд. Её губы слегка задрожали.

– Вышвырнуть этого шарлатана, инспектор? – рявкнул рыцарь, вцепляясь лапицей в башлык моей мантии.

Не отвлекаясь на телесный контакт, я, сосредоточив помыслы на коже под волосами Ханны Нитвурд и обволок её безобидным заклинанием Света.

– погоди! – осекла инспектор своего телохранителя. – У тебя есть доказательства того, что я проклята?!

– Где-то на тебе должно быть святащееся пятно – оно знак Назбраэля.

– Нет на мне никаких пятен! – взвизгнула Нитвурд, заглядывая под вырез платья.

Пока она обследовала себя, я отметил, что возле её локтя покоится кожаный портфель – зуб даю, что щекотливые материалы по Энтони Фришлоу находятся в нём.

– Может оно там, где ты не видишь?

– Например?!

– На шее или ниже.

Резко крутанувшись на стуле, Ханна Нитвурд повелела:

– Расстегни молнию, Динго, и посмотри на мою спину!

Малость смутившись, Динго обнажил Нитвурд до самого копчика.

– Чисто, инспектор!

– Эй, – вскричал рыцарь, всё ещё держащий меня за шкуру. – У вас на затылке как будто что-то синее поблёскивает!

Спешно задрав свою «гриву» кверху, Нитвурд пролепетала:

– Вы видите его?

– Да, – бледнея, подтвердил Динго.

Дрожа, как ива под ураганом, Нитвурд, с грехом пополам застегнув платье, обморочно спросила:

– Что со мной будет? Как мне... Что?! Ты повезёшь меня в Орден Инквизиции...?!

Там–там–там! Рыбка проглотила наживку! Теперь главное всё не испортить!

Напустив на лицо одухотворённости, я многозначительно покосился на удерживающего меня рыцаря.

– Немедленно отпусти жреца, Маркус!

Маркус тотчас повиновался.

– На твои вопросы, сестра, есть только один ответ – всё по воле Ураха. Ехать в Орден уже слишком поздно – ты можешь не пережить поездки. Мы попробуем провести обряд очищения прямо здесь. Я буду молить Всеотца о снисхождении к тебе, и если Он откликнется – порча Назбраэля сойдёт с тебя.

– Да? Не пережить?!... Мы пойдём в храм Ураха?

– Нет... Приходу Роуча незачем знать о твоём недуге. Чуть ранее я выяснил, что ты остановилась в «Мёртвом Гоблине»². Для священнодействия нам подойдут твои апартаменты.

Ханна Нитвурд отрывисто кивнула. Отодвинув стул и втиснув подмышку портфель, она поманила меня следовать за собой. Ворвавшись в гостиницу, инспектор вихрем взлетела по лестнице и отворила дверь в комнату.

– Я готова, – сообщила она, становясь подле тумбочки с изящной вазой (четыре рыцаря затоптались вокруг неё).

– Разойдитесь, братья, разойдитесь, мне нужно пространство! – пылко воззвал я к воякам, размахивая руками.

Чернокнижник, разыгрывающий воззвание к Всеотцу... Ох, мамочки, если бы Серэнити пронюхала о моём богохульстве – она бы меня прибила.

Внутренне похихикивая, я возвёл перчатки к потолку и вообразил знак Ураха – соцветия, круг, звезда... Теперь слова... Я столько раз слышал, как Серэнити восхваляет Всеотца, что без труда забубнил нечто похожее:

– Урах, Отец Неба и Тверди, Владыка Света, твоя дочь – Ханна Нитвурд пребывает под гнётом Тьмы! Прояви сострадание и яви Своё могущество! Исторгни из Ханны гнилое семя Назбраэля! Прогони из её души Мрак! Поверни лицом к Своему Лику! Её сердце – Твоё

Сердце, её помыслы – Твои Помыслы, её тело – Твое Тело и Тьме не принадлежит! Ниспошли...

Произнося пышные фразы, я творил в воздухе трёхмерно-магическую проекцию пульсара. Художник из меня не прям «вау», и потому выплетаемый из колдовского Света символ вырисовывался с некоторыми огрехами. Впрочем, неказистость формы никого не волновала, его восприняли как самое настоящее чудо – рыцари преклонили колени, а инспектор в экстазе смотрела на пухнущую голограмму и громко плакала.

– Урах услышал! Урах услышал! – фанатично возвещал я, распаляя в окружающих эмоциональное возбуждение.

Когда восторженные рыдания Нитвурд переросли в вой, я решил, что представление надо заканчивать. Расширив мерцающий знак Ураха до размеров бочки, я вознес его над головой инспектора, а потом обрушил вниз. Оплетённая радужной лавиной необжигающих огней, Ханна, однако, вопила словно её резали.

– Всё, сестра! – торжественно возвестил я, развеивая магию. – Урах снял с тебя оковы Бездны! Более тлетворность не владеет тобой!

– Спасибо! Спасибо! Тысячу раз спасибо! – запричитала Нитвурд, крепко стискивая меня в объятьях. – Я, такая недостойная! Не причащалась, не постилась, а Всеотец... Поистине нет границ Его любви!

Пора разыграть эпилог спектакля! Отстранившись от инспектора, я взял её за плечи, а затем зловеще сказал:

– Назбраэль очень хитёр, и Он ещё может выследить тебя...

– Как?! Урах же...

– Я провижу, что весь твой скарб в Мёртвом Гоблине хранит на себе отпечаток Тьмы. Если ты или твои люди пробудут с ним дольше

чем час или два, то гнусность Назбраэля вновь переберётся на тебя и тогда... Тогда ты умрёшь в страшных мучениях! Дабы этого не случилось, нужно сжечь вещи по особому ритуалу!

Ханна Нитвурд сглотнула.

– Естественно...да... ты займёшься этим?

– Это мой долг, сестра, – отозвался я, небрежно беря портфель с тумбочки.

– Положи обратно! – взъерепенился рыцарь по имени Маркус.

– Да пропади он пропадом! – отталкивая от меня рыцаря, возопила Нитвурд.

– Но, инспектор, а как же документы на Фришлоу...

– Я не собираюсь расставаться со своей жизнью из-за какого-то вороха бумаги! Наместнику доложим, что в бухгалтерии Фришлоу изъянов не нашлось. Вам ясно?!

– Да, инспектор... – хором просипели рыцари.

Я стоически сдерживал улыбку торжества.

– Сестра, над Роучем всё ещё парят духи Бездны... Пока они сбиты с толку, но им нельзя дать вспомнить о том, ради кого их сюда забросили. Я настоятельно рекомендую тебе покинуть город как можно скорее.

– Мы выдвигаемся немедленно! – тут же решила Ханна Нитвурд.
– Маркус, раздобудь экипаж! Динго, займись поиском новой одежды, старую и всё снаряжение оставляем в Мёртвом Гоблине! Даю вам полчаса!

Скрежеща доспехами, два рыцаря удалились из комнаты.

– Жрец, я очень благодарна тебе и всему Ордену Инквизиции за то, что вы для меня сделали! Божественное вмешательство Ураха... Со мной!... Я до сих пор пребываю в шоке!... – горячо проговорила инспектор. Она оцепила от ремешка вздутый мешочек и впихнула мне его в ладонь. – Возьми и распорядись по своему усмотрению. Это лишь малая толика того, что ты действительно заслуживаешь.

– Деньги все равно пришлось бы бросить здесь, сестра. Порча! Порча, на них! Но пусть Всеотец воздаст тебе за щедроты твои! Ведь ты поделилась со мной деньгами, не задумываясь, от чистого сердца! – низко кланяясь, ответил я. – Сейчас мне надо покинуть тебя, сестра. Я должен подготовиться к ритуалу, который надо провести сегодня до заката. Так как мы больше не увидимся с тобой, прими от меня благословение Храма и пожелание счастливого пути.

– Спасибо, жрец! Я не забуду тебя!

– Да прибудет с тобой Урах, сестра. Прощай.

Стрелой вылетев из Мёртвого Гоблина, я забежал за угол и открыл портфель. Гроссбух бургомистра и тетрадь с арифметическими расхождениями лежали в нём. Отбирать у Нитвурд «чёрное досье» Энтони Фришлоу силой мне не хотелось. Не того я полёта птичка, чтобы «прессинговать» порядочных людей. Кражи – тоже не мой конёк. Моё – это интеллектуальная хитрость. Обстряпав изъятие «кляузы» как акт доброй воли, я обезопасил Фришлоу (теперь наместник Карака будет думать, что Роучем управляет порядочный бургомистр) и не замарал свои руки об конфликт интересов. Всё прошло тихо и мирно – так, как я люблю.

Насвистывая весёлую песенку, я направился к особняку низкорослого казнокрада. По пути мне попалась лавка «Наряды для похорон и свадеб». Оу, тут я найду применение монеткам Нитвурд. Зайдём! Елейный торговец в сюртучке, выслушав мои пожелания, подобрал для меня новую мантию, сапоги, брюки и рубашку – всё чёрного цвета. Расплатившись, я, весь сияя опрятностью, пошагал к

площади с храмом Ураха. Ага! Сьюти на своём посту! Я повернул к уже знакомым воротам и приблизился к громиле. Не заметивший меня ранее, Сьюти испуганно вскрикнул.

– Тутти–Сьютти! Ты так вопишь, потому что рад меня видеть?

– Нет!...

– Знаешь, чей ответ? Ква? – улыбаясь, спросил я.

– Не делай из меня лягушку!

– Больше хочешь стать слизнем? Хорошо, уговорил! – вскидывая руку, возвестил я.

Сьюти вжался в решётку ограды и стал что-то о шептать.

– Да не нервничай ты так, я же пошутил! – боясь того, что у громилы с испугу остановится сердце, сказал я. – Не возражаешь, если я навещу бургомистра ещё раз? Вроде бы сейчас я одет подобающе.

– Иди! Иди! – только и выдохнул Сьюти.

– Спасибо, что разрешил!

Подходя к двери особняка, я уловил обрывок диалога.

– ... прочесали её вдоль и поперёк.

– И шум возник сам по себе?

– В Криде такое бывает, сами знаете. Поводов для беспокойства нет.

Я зашёл в холл и сразу две пары глаз обратились на меня. Над бургомистром, как скала, возвышался некто в пластичных доспехах,

поддерживающий подмышкой шлем с плюмажем. Кивнув незнакомцу, я, как ни в чём не бывало, прошествовал к стойке с бутылками.

– Не обращайтесь на меня внимание, – промолвил я, наливая в стакан виски.

Вояка возмущённо дёрнулся, и Энтони Фришлоу пришлось схватить его за локоть.

– Это ко мне, капитан. Очень важный гость... Э–э–э, раз в Криде всё нормально, не стану тебя больше задерживать. Возвращайся на службу.

Нахлобучив шлем и глухо гавкнув «как прикажете», капитан удалился.

– Есть новости?! – сгорая от нетерпения, выпалил бургомистр.

Я швырнул карлику портфель.

– Ты не поверишь, Энтони! Инспектор Её Королевского Величества сама отдала мне его.

Холёные пальцы проворно поймали «снаряд». «Длинёк–длинёк» – сказала застёжка. Жуликовато осмотрев через Светофильтры «добычу» и положив её обратно в портфель, карлик шустро засеменил к горящему камину.

– Ты её заколдовал?

Поворошив угли, Энтони Фришлоу сунул портфель в огонь.

– Тебе это знать необязательно, барбосик, – хмыкнул я, делая глоточек виски. – Давай лучше вспомним про Хельбертов.

– Я им всё прощаю! Так Дине и передай! – сразу же отозвался бургомистр.

– Устное заверение? И всё?

– А что ещё? – скорчив невинную физиономию, осведомился карлик.

Вот же плут! Захотел и на Присыпки не попасть, и Кулуат Хель себе оставить. Я тебе покажу, как меня дурить!

Чуть подогрев Лик Эбенового Ужаса, так что в его турмалиновых зарницах проступили красные всполохи, я, добавив в голос прохладцы, проворчал:

– Хитрить с магом – не лучше, чем гладить кобру. Неси сюда вексель.

– Ам–м! – Энтони Фришлоу жеманно ударил себя по лбу. – Как же я мог про него позабыть?! Бегу, бегу!

Ненадолго скрывшись на второй этаж своего роскошного дома, бургомистр спустя минуту принёс мне долговую расписку Дины Хельберт. Скатав её в рулон и сунув в сумку, я мрачно сказал:

– Ещё золото.

– Какое–такое золото?! – взвизгнул бургомистр.

– Оно полагается мне за твою утайку.

– Мы так не договаривались!

– Мы не договаривались, что ты будешь здесь ломать комедию. С тебя пятьсот золотых.

– Это же грабёж! – покрываясь испариной, завопил Энтони Фришлоу. – У меня столько нет!

– По записям Ханны Нитвурд у тебя есть, как минимум, в тридцать раз больше.

– Враньё!

– Прошу тебя, не испытывай моё терпение. Оно скоро закончится.

Покосившись на злобный череп моего посоха, бургомистр, брызжа слюной во все стороны, стал отодвигать скрытые половицы. В нише лежали мешки. Да не просто мешки, а мешочки! И все с деньгами?! Ну, ты и нахапал, приятель! Отсчитав положенную сумму, карлик кинул мне к ногам увесистую торбу.

– Подавись!

– Если тебя это утешит, то на себя я их тратить не буду, – подбирая торбу, улыбнулся я. У самой двери я добавил: – Да, и ещё, предостерегу твою бургомистерскую особу от очередной ошибки – не пытайся натравить на меня гарнизон Роуча, оно тебе боком выйдет.

Я прикрыл за собой дверь и вышел в палисадник.

В Соединённом Королевстве живёт очень много бедных людей, и Роуч тому не исключение. Хельбертам я решил отдать почти все деньги Ханны Нитвурд. В её мешочке было около восьмидесяти золотых, из них я приберёг для себя десять – авось, понадобятся. А «щедрое пожертвование» Энтони Фришлоу раздать малоимущим горожанам.

Наворачивая круги по улицам и кварталам Роуча, я вкладывал в руки нищих и стариков монеты с изображением Манфреда Второго. Как по мне, дарить – это одно из самых приятных занятий в мире. Эмоции радости от услышанных мною благодарных слов и увиденных очастливленных лиц, подобно губке смывали с меня тяготы минувших дней. Зло часто нарушает Равновесие Вселенной и потому любое Добро, пусть даже самое незначительное, всегда Ей угодно. Надо понимать, что милосердие, а равно ему и сострадание,

проявленное к «нуждающемуся», непременно найдёт отклик на Небесах и воздастся сторицей. Сейчас, наблюдая, как чумазные беспризорники, схватив в кулачек «несусветное богатство», несутся к магазину со сладостями, я вспоминаю своё горемычное отрочество. Тогда мечты о материнской заботе, об отчем доме и сытом желудке были моими неотлучными спутниками. Конфеты и шоколад... о, как я хотел, чтобы меня кто-нибудь ими угостил! И поэтому... Пусть хотя бы сегодня, в этот час, для ребятишек Роуча сбудутся их желания. Иногда, чтобы сотворить «волшебство» быть магом вовсе не обязательно.

Опустошив торбу Энтони Фришлоу, я с теплом на душе вернулся в Кулуат Хель. Как я и полагал, меня встретили в нём с распростёртыми объятиями. Хельберт уткнулась мне в грудь и навзрыд зарыдала. Когда на моей мантии образовалось маленькое озеро, я мягко отстранил от себя Дину и потряс руку Лешпри. Все вместе мы проследовали за стол, где я вручил Хельбертам заветный вексель и «презент от инспектора». Мои подношения, вкупе с подробным рассказом всех событий, были приняты новым потоком слёз. Безостановочно подкладывая мне на тарелку добавки, Дина так много раз говорила «спасибо», что едва не охрипла. Наевшись, я перенаправил русло беседы в интересующую меня струю.

– В Роуче что-нибудь слышали о Деснице Девяносто Девяти Спиц?

– Эти четыре слова кричали страшные твари из бухты-барахты возникнувших дыр! Два месяца назад о них только разговор и шёл! – мигом отозвался Лешпри. – Одна из дыр прорезалась в лесу близ Осприса. Какое там было сражение! Ночью, завывая и рыча, целая лавина полулюдей-полуживотных хлынула в город! Если бы генерал Мито Якк и его ребята, скачущие по Змейчатому Тракту в форт Нур, не заметили бы зарева пожарища, то от Осприса осталась бы лишь горстка пепла. Генерал выбил монстров из города и встал лагерем под его стенами. Солдаты Мито Якка держались до тех пор, пока из Ильварета не прибыла колдунья. Огороженная щитами и мечами воинов, она пробилась к потусторонней дыре и уничтожила её.

Мне довелось закрыть парочку червоточин, и потому я знал, как это трудно и опасно. Дестабилизируя сопредельный разрыв, маг высвобождает мощный заряд энергии, который при печальном стечении обстоятельств может взорвать не только «учёный колпак», но и всё, что находится в пределах одной мили. Жителям Осприса очень повезло то, что в Ильварете оказалась чаровательница, способная обуздать силу червоточины.

Я улыбнулся своим мыслям. Не перевелись ещё в Соединённом Королевстве стоящие маги!

– Занятно. А как выглядела дыра, ты не в курсе?

– Молвят, что она была похожа на синий костёр. Но там, внутри него, как будто проглядывался иной мир – жуткий, с исполинскими факелами и дымными ямами!

О, ля-ля! По описанию червоточина Осприса была практически такой же, как и та, что повстречалась мне у форпоста Иль Градо. Впоследствии я и Эмилия, объединив свои магические потоки, устроили тому сопредельному разрыву «бабах–тарабах–бабах» или проще говоря – стёрли его с лица земли.

– И что же? Осприс таки–уцелел?

– Не весь, – вздохнула Дина, отерев губы салфеткой. – Десница Девяносто Девяти Спиц частично его сожгла.

– Хорошо, что н полностью, – кивнул я. – Кстати, а как здесь обстоят дела с живорезами?

– Они как обезумели, – покачала головой Хельберт. – Зимой их громадная ватага вырвалась из Великого Леса и, сметая всех и вся на своем пути, понеслась вглубь провинции. Тогда Наместник Карака Лей Клинич лично возглавил пять тысяч рыцарей и разгромил живорезов у Сивой Гривы.

– Ого! У Сивой Гривы? Это же речушка течёт у границы с Плавенем!

– Вот и да! Это странно! – торопливо вставил Лешпри. – Раньше живорезы нападали исключительно на Карак, а тут их словно что-то потянуло в Королевство Плавень. Причём потом они предприняли ещё три попытки добраться до отколовшейся провинции. Вся армия Карака сейчас прибывает в постоянной боевой готовности.

– Теперь Плавень считается Королевством?

– И не только он. Ещё Керан, – ответил молодой Хельберт. – Соединённое Королевство треснуло по всем швам. Карак, Иль Градо и Вельдз – вот всё, что от него осталось.

– А Хильд?

– В Роуче о нём толков нет, – пожал плечами Лешпри. – Может, он и верен Короне, а может, и нет.

– Не понимаю, почему королева Констанция медлит! – в сердцах воскликнула Дина. – Почему она не прихлопнет этих новоявленных выскочек-королей, удерживающих в своих руках власть лишь террором и насилием? Один приказ – и армия Карака взяла бы Плавень, а Вельдз разделался бы с Кераном! Тем более что особого сопротивления бы не последовало – ведь всем известно, что простые люди, без исключения всех провинций, любят королеву Констанцию!

Откинувшись на спинку стула, я ответил:

– Ты сама говорила, что живорезы из Великого Леса «как обезумели», и я уверен, что Констанция Демей тоже знает об этом. Если королева уведёт часть гвардейцев Карака на войну с Плавенем, а для успешной «компании» будет нужна не одна тысяча воинов и даже не десять тысяч, то Роуч, Осприс и другие города станут лёгкой добычей для Хрипыхоровых бестий. И к тому же, кто сказал, что с

Десницей Девяносто Девяти Спиц покончено? Представляешь, что произойдёт, если у Криды прорежется портал? Дай Вселенная, арьергард Клейменда подойдёт вовремя, а случись что не так? Всеми же конец.

– Ах, всё это так грустно! – всхлипнула Дина. – Королевство Плавень уже давно перекрыло в Карак поставки зерна. Надеюсь, королева Констанция обуздает баламутов, иначе в нашей провинции вскоре начнётся голод.

Неожиданно Хельберт схватила сына за оттопыренное ухо.

– Всюду не пойми какой кавардак происходит, и ты ещё тут со своей картой сокровищ! Слава Ураху, что мастер Калёб постучался в Кулуат Хель и принял моё горе как своё! Жаль, отец умер, а то бы он дал тебе ремня!

– Ма, отпусти! Меня и так чуть монстры не съели! – заверещал Лешпри. Его ухо наливалось пунцовым оттенком, – Хельберт не нежничала.

– Ух, пришибла бы тебя!

– Я люблю тебя, мама! Я хотел, чтобы у нас с тобой всё было хорошо!

Дина притянула Лешпри к себе.

– Никогда так больше не делай! Слышишь?! Никогда! Жизнь за деньги не купишь!

– Да, понял я, ма! Понял! Прости!

Я просидел с Хельбертами до позднего вечера. Со слипающимися от недосыпа глазами и истомой во всех конечностях, я всё-таки совершил над собой подвиг и посетил ванную комнату. Мыло! Зубная паста! Горячая вода! Что за блаженство! Я попал в Мир Света?!

Последний раз мне довелось принимать омовения в Оплоте Ведьм, а это было, так, между прочим, ещё до моей смерти и воскрешения! Тщательно пообтёршись мочалкой, вымыв с шампунем макушку и как следует отмокнув в пене, я перебрался в кровать. Пуховая подушка и перина с одеялом, я отдаю себя на ваше попечение! Убаюкивающее тиканье настенных часов... Я засыпал... В моих сонных видениях и грёзах, где были и античные парки, и анфилады древних замков, ощущалось присутствие Укулукулуна. Он был рядом, он дышал мне в спину. Липкая паутина и тёмные углы... Заросли... Чем больше я старался сбежать, тем навязчивее он меня преследовал. Поворот... Да, здесь, он меня не найдёт. Как?! Из-за угла вынырнуло мертвенно-бледное лицо. Неугасающие очи и хищная ухмылка пророчили мне страшные мучения...

Я проснулся весь в поту.

Вселенная, сколько это будет ещё продолжаться?! Как донести до Рифф, что Она выбрала не того?! Я не хочу становиться никаким архонтом! Пусть Укулукулун и дальше верховодит своими пауками! Мне пауки не нужны! Ещё пару таких ночных фантасмагорий и я либо умру, либо слечу с катушек!

Приглаживая трясущимися руками мокрые волосы, я вдруг ухватился за лучик надежды. Серэнити умеет проникать в чужие сны! Надо найти её и разузнать... Способна ли она помочь мне избавиться от козней Укулукулуна? Палец даю на отсечение, что Великий инквизитор что-нибудь да придумает! Когда мы волочились к Эмириус Клайн, её магия Света отворотила от нас даже чуму Трузда! Наверняка такой пустяк, как мои «кошмарные яви» Серэнити на раз-два расщёлкает! Поставит заслон... Хотя... Проклятие Тауруса, разъевшее Эмилию пол лица, ей снять не удалось... Ладно, поживём-увидим...

Ополоснувшись и одевшись, я, более-менее отошедший от минувшего морока, стал спускаться в гостиную Кулуат Хеля. По всей вероятности, Дина и Лешпри уже давно ждали моего появления. Они шёпотом переговаривались и поглядывали на лестницу. Еда-единушка! Я сел за стол, ломящийся от яств, и пожелал всем доброго

утра. Кофе! Мне большую кружку, пожалуйста! Так, а это что? Мясо в горшочке? Вкусненько!

Отдавая долг кулинарным изыскам, я заметил, как Лешпри будто бы мнётся и ёрзает. Ему хотелось мне что-то сказать, но он всё никак не решался.

– Я не кусаюсь, приятель. Выкладывай, что тебя волнует, – улыбнулся я.

Искоса глянув на мать, юный Хельберт выпалил на одном дыхании:

– Мастер Калёб, возьмите меня в ученики!

– Что?! Ты в своём уме! – взъярилась Дина, отвечивая Лешпри подзатыльник. – Какие тебе ученики?!

Лешпри стиснул губы и, невзирая на гнев матери, умоляюще на меня посмотрел.

– А чему ты собираешься у меня учиться?

– Магии! Алхимии! Мудрости! Всему! – скороговоркой, отчеканил Хельберт. – Вашими стараниями Кулуат Хель снова принадлежит ма, и я... Теперь я спокоен за неё. Понимаете, все свои двадцать лет я только тем и бредил, что стану похожим на Вас... Там, в Криде, когда Вы сказали, что Вы – это Вы, я от радости чуть не упал в обморок! Для меня стать Вашим учеником – это шанс осуществить свою мечту! Развиться! Набраться опыта! Повидать то, что находится за пределами опостылевшего Роуча! Я буду делать всё, что Вы мне поручите! Я не пропущу ни одного произнесённого Вами слова! Клянусь, Вас поразит моя прилежность и преданность!

– Ты не представляешь, о чём меня просишь.

– Представляю!

Я вздохнул.

– В твоём сыне, Дина, пробудился егозливый дух Шилли. Я предвижу, что, рано или поздно, он уйдёт от тебя.

Хельберт уткнулась носом в рукав платья и срывающимся голосом промолвила:

– Я знаю это... Всегда знала... Он такой! Угомону нет!

– Пожалуйста, мастер Калеп! Если я пойду с Вами, то Вы не пожалеете об этом! Вот, честно–пречестно!

Я отчётливо помню, как в Магика Элептерум я точно так же вглядывался в глаза Лорины. Желание того, чтобы мне ответили заветное «да» в те секунды выжигало всё моё нутро почище калёного железа. Угасающее здоровье не позволило Лорине удовлетворить мою просьбу. Однако она показала мне «дверь», ведущую к колдовскому будущему, и в виде книги «Прикладная магия. От новичка до мастера» подарила от неё ключ. Сейчас я, как и Лорина в прошлом, стиснут рамками обстоятельств. Привратник, Корона Света, Праматерь Арахнидов, Светочь и прочие, нависшие надо мною невзгоды, ныне перечёркивают чаяние Лешпри, но... Если «монета» выпадет ребром, и мне подфартит пережить все пертурбации Судьбы, то за «парту» Грешема подсядет ещё один школяр.

– На данный момент моя дорога пропитана неопределённостью, болью и смертельными западнями. Ты не подготовлен к ним и от того, извини, станешь мне обузой...

– Но, мастер Калеп!...

Призывая Хельберта к молчанию, я поднял руку вверх.

– Я не отказываю тебе, Лешпри. Я говорю: «на данный момент». Учись слушать меня уже сейчас. Когда я разберусь со всеми

«обременительностями» и вернусь в Шато – свой замок, то отправлю в Кулуат Хель восточку. Я позову тебя начать обучение под моим руководством. Верь мне, так и будет.

– Ура! Мама! Ура! Мне повезло, как никому другому! – в экстазе закричал Лешпри, затанцевав вокруг ошарашенной Дины. – Мастер Калёб пригласит меня к себе! Меня! К себе! Ура! Я добьюсь успехов! Мама! Из меня выйдет отличный волшебник! Ура!

– Где находится Шато? – пролепетала Дина.

– На север от Лунного Леса.

– Как далеко...

– Ты умеешь читать? – полюбопытствовал я у Лешпри, улыбаясь уголками рта.

– Да, мастер Калёб, только не бегло.

– Тогда, чтобы не терять времени даром, ты займёшься самообразованием...

Я достал из сумки «Прикладную магию. От новичка до мастера».

– Для меня важно, чтобы до твоего прихода ко мне ты имел представление о том, что такое магия и как её применять. Держи. Этот фолиант многое поведаёт тебе об этом. Особенно удели внимание разделам «энергетические линии» и «концентрация». Тебя ясно?

Благоговейно поглаживая выцветший корешок моей первой наставницы, Лешпри бешено закивал.

– А в ней есть... заклинания?

Я хмыкнул.

– Предостаточно.

– Я вызубрю их все!

– Обязательно и я тебе в этом помогу. Однако, чтобы явить свою первую «искорку» тебе придётся проделать длинный и весьма заковыристый путь. Предупреждаю – сразу у тебя ничего не получится. Только спустя месяцы, а то и годы каждодневных упражнений ты сможешь увидеть плоды своего труда.

Мысль–сосредоточение. На моей ладони заюлил сиреневый шарик Света. Его приглушённо–матовое сияние отразилось в глазах Хельбертов неподдельным восхищением.

– Ты даже не представляешь, Лешпри, сколько бессонных ночей он украл у меня столетия назад. Практика, практика, только практика и никакой лени!

– Вы меня не испугали!

– А я и не хотел тебя пугать. Просто знай, если опустишь руки, то я, как и твоя мать, дам тебе подзатыльник, а потом выгоню взашей. Лодыри мне в учениках не нужны.

Лешпри упрямо поднял подбородок.

– Я не лодырь! Когда я окажусь на пороге Шато, то покажу вам точно такой же искрящийся мячик!

– Ну, удиви меня! Если справишься, то утрёшь нос моему нынешнему воспитаннику, – по–доброму расхохотался я. – Он, конечно, уже кое–что ворожит, но заклинания Света ему пока не даются.

– У тебя уже есть один ученик? – робко спросила Дина.

– Да. Вампир.

– Ух ты! Класс! Ма, у меня будет друг вампир!

– Настоящий вампир?! – бледнея, ахнула Хельберт. – Он же съест моего Лешпри!

– Ма!...

– Нет, он... воспитанный.

– А он может сделать из меня вампира?

Перед моим взором всплыли жёлтая борода и клыки последнего короля Каменного Королевства. Его укус... Какая же он был гадина! По вине Буля Золотобородого я едва не обратился в отпрыска Племени Ночи. Видоизменение тела, непереносимость обычной пищи и всеобщая ненависть – вот, что бы ждало меня по завершению перевоплощения. Плюсы от вампиризма тоже, конечно, есть (бессмертие, молниеносные рефлексy, острое зрение и слух), но его минусы, как по мне, абсолютно неприемлемы.

– Человеком быть гораздо лучше, поэтому я ему этого не позволю.

Я посмотрел в окно. Полдень.

– Мне пора, мои ненаглядные Хельберты...

Меня уговаривали остаться ещё хотя бы на пару дней, но я отказался. Пора! Взяв сумку, пристегнув меч и забрав свой посох, я вышел из Кулуат Хеля. У самой калитки отвоёванного у Энтони Фришлоу милого мне дома, я тепло сказал:

– Мне было очень приятно познакомиться с тобой, Дина.

– Ах, мастер Калеп... Вы... ты... вытащил меня и Лешпри из передрыг... я... Я буду вечно благодарна тебе за это... – несвязно отозвалась Хельберт, понуро теребя оборки юбки. Она искренне

сожалела о том, что мы расстаемся. – Лешпри... ты потом, когда он покинет меня... ты позаботишься о нём?

– Как о самом себе, – улыбнулся я, поворачиваясь к своему будущему ученику. – Храни «Прикладную магию. От новичка до мастера», как зеницу ока! Если ты её потеряешь, всё твоё обучение в Шато сведётся к поимке крыс для одного прожорливого таракана. И никакого колдовства! Только крысы и бесконечная чистка замка!

Лешпри любовно прижал книгу к груди.

– Ни за что на свете, мастер Калеп! Теперь она для меня дороже всех богатств!

Я потрепал Лешпри по кудрявым волосам.

– Тогда до встречи, ученик!

Глава 10. Секрет совершенства

Роуч, Роуч, город на величавой сопке Криде, я–то надеялся, что ты не мне принесёшь неприятностей, однако тебе так–таки удалось попить моей крови. Но всё хорошо то, что хорошо заканчивается, верно? Хаз’Гон и н’гарини канули в Небытие, Лешпри не пострадал и более того, даже набился мне в ученики (!), Кулуат Хель наново «закрепился» за Диной, а лицемерный крючоктвор Энтони Фришлоу сохранил за собою место бургомистра (я заново одурачивание Ханна Нитвурд в список «так уж и быть», потому что её донесение почти наверняка лишило бы карлика его жизни, а любая спасённая мною жизнь идёт в «зачёт» к моей карме.

Скача на Юнивайне во весь опор, я настраивался выкинуть из головы все снедающие меня дилеммы и открыться духовной отдушине. Всё дело в том, что в Осприсе нашла приют Академия Изобразительных Искусств имени Рамира Пятого Красного Голоса! Испокон веков талантливые художники Соединённого Королевства

стекаются в её пенаты, дабы поднять своё мастерство и обзавестись престижной «корочкой» выпускника.

При Академии Изобразительных Искусств есть свободная для входа выставочная галерея – «Мазня–Возня». Вопреки своему забубённому названию, «Мазня–Возня» вполне заслуженно прослыла «жемчужиной кисти и палитры». Самые разные стили живописи, разделённые здесь по обширным залам, с первых же секунд уводят созерцателя в страны чудес и феерических аллегорий. Шедевры, угнездившиеся в «Мазне–Возне», так и лучатся идеальной прорисовкой, изумительной фантазией и гармонией красок. Только лучшие из лучших удостоиваются чести разместить своё детище в знаменитой галерее. Для косолапых копиистов, пресловутых бумагомарателей и бездарных пачкунов холста сюда дорога заказан». Из сего следует, что все те, кто гордо величают себя «обожателями акварельных пассажей» и «ценителями масляных натюрмортов» должны хотя бы один раз за свою юдоль навестить потрясающую и уникальную «Мазню–Возню».

Предыдущий раз я наведывался в «Мазню–Возню» аж при правлении Клакацина Тёмного, а это так на прикидку... Давненько! Несомненно, что с тех пор её закрома пополнялись свежими работами, и вскоре я с огромным удовольствием смогу оценить их профессиональный уровень. Но всё же современники – это одно, а вот признанные корифеи – совсем другое. К числу оных относится и мой любимчик Икки Тир – «ремесленный гений» из эпохи короля Гюнтри Третьего Самонадеянного. Кстати, именно благодаря инфантильному брату Его Королевского Величества – Сараху Бесславному, вошедшему в историю своей неудачной военной компанией в Железных Горах, и была основана Академия Изобразительных Искусств. Сарах, разгневавший Гюнтри испорченными отношениями с гномами Гхургха и возмещением их главе клана морального вреда золотом, отправился в ссылку («Поди с глаз моих долой!») в Осприс. Тоскуя в нём по общению с утончёнными личностями, коих при королевском дворе его папеньки Кандагаре Белокуром и дедушки Рамире Пятом было пруд пруди, он повелел бургомистру создать какое-нибудь пристанище (на его усмотрение) для персон «этаких разэтаких» (рафинированный

сюзерен желал сюрприза). Обдумав ситуацию, бургомистр Осприса пришёл к выводу, что самые «этакие разэтакие» индивиды – это литераторы и художники. Так как стихи и поэмы он считал белибердой (какой от них толк?), а картины, напротив – штуками приятными, то отдал своё предпочтение последним. Всего за один год, отгрохав в Осприсе четырёхэтажное здание, бургомистр, чтобы не показывать Сараху в нем пустые стены и аудитории, пригласил Икки Тира развесить парочку своих полотен в новоиспечённой Академии. Когда Сарах Бесславный на церемонии открытия увидел рисунки Икки Тира, то восторженно воскликнул: «Это же мазня–возня! Но какая красивая! Пусть здесь будет галерея подобных фуроров!». Так «Мазня–Возня» получила своё название, а Икки Тир – место преподавателя в Академии Изобразительных Искусств.

Думая о прекрасном, я и не заметил, как день стал клониться к закату. Искрящийся солнечный диск медленно тонул в мареве надутых облаков. Ветер уже колыхал зелёные шапки деревьев: погода обещала дождь. Как раз когда первые капли упали мне на капюшон, Юнивайн остановился неподалёку от придорожного трактира. Отпустив друга бороздить просторы Леса Скорби, я зашёл в «Ночлег у Барти». Оказалось, что внутри довольно уютно. Барти – пухленький старичок лет шестидесяти за скромную плату организовал мне ужин, а после того сопровождал в крохотную, но чистую комнатку. За маленьким оконцем бушевал ливень. Распахнув ставни, я втянул носом свежий воздух. Обожаю ненастье!

Через какое-то время расстеленная кровать притянула меня к себе. Ждать ли мне тебя сегодня, премерзкий паучий архонт? Нет... По милости Вселенной Укулукулун был, видим, чем-то занят (а может ещё не полностью восстановился после битвы с Бракарабрадом), и во снах я лицезрел покрытое цветами поле, Шато и Эмилию в изумрудном платье...

Рано проснувшись, я, удивительно бодрый, позавтракал и отправился в путь. Юнивайн проигнорировал призыв Кампри, и потому мои сапоги зачавкали по грязной колее, а глаза заплутали по широтам Карака.

Вообще западная провинция Соединённого Королевства чрезвычайно колоритна. Буйная растительность и изломы ландшафта совокупно с множеством речушек и озёрными «кляксами» соткали для неё чарующую индивидуальность. Однако если спросить любого «встречного—поперечного» о том, что есть дух Карака, то он вспомнит не леса и холмы, а Горы Заботы. Эти громаднейшие хребты, дыблящиеся из тверди на самом севере провинции, своей осанкой не уступают кряжам Будугая! Их вершины блестят первозданным снегом, а недра полны неисчислимых, непчатых киркой сокровищ. Впрочем, все шахты в Горах Заботы долбят руду исключительно на периферии. И причин тому несколько: первая – это ледяные сходы, которые могут внезапно низвергнуться на голову незадачливого рудокопа, вторая – частые землетрясения, способные обрушить своды выработок или намертво запечатать выход из них, а третья – это безмерный страх, испытываемый перед вулканом Вугу. Присутствие «Огненного Великана» ощущается ещё за сотню миль до его подножья. Дым, чадающий из кратера вулкана, безостановочно клеймит синеву небес черным столбом, а сопутствующая ему гарь нещадно разъедает ноздри. В «Присыпках», единственном каменном карьере, расположенном под сенью Вугу, да и в принципе в сердцевине Гор Заботы, люди (в основном сосланные преступники) не понаслышке знают о том, что такое удушье, копоть и испепеляющие расселены. Тем не менее, «ворчание» дремлющего вулкана не идёт ни в какое сравнение с гневом его пробуждения. Примерно раз в двести–триста лет, кипящая лава с рёвом проталкивается через жерло Вугу и словно «багровое море» топит в себе близлежащие отроги гор. Представить, что при этом катаклизме творится в «Присыпках», мягко говоря, сложно. За свою историю каменный карьер перенёс два «тотальных выжигания» и следующего, исходя из периодичности извержений вулкана, ждать осталось не так недолго. Но... не будем о грустном.

Нет смысла спорить, что Горы Заботы и их венценосец Вугу являются главными достопримечательностями Карака, однако в провинции есть и другие уникальные и вместе с тем таинственные природные объекты. Чего только стоит Туманная Пляска, величаво впадающая в Узел Благополучия! Об этой водной артерии

Соединённого Королевства была написана куча книг, причём не только по натурализму и естествознанию, но и по мистике и эзотерике. Корень подоплёки, которым Туманная Пляска век от века манит к себе «учёно–мочёные шляпы», заключается в загадочных обсидиановых глыбах – «Отуманивателях», кое–где встречающихся у её берегов. Конусообразные, от пяти до десяти футов в высоту и от четырёх до шести футов в поперечнике, Отуманиватели испускают из своих трещин маревую поволоку. Плохо различимая днём и хорошо видная ночью, она спускается к поверхности Туманной Пляски и с течением уносится в дали далёкие. Связанна ли как–то деятельность Отуманивателей с активностью газов, сочащихся по подземным каналам, или их плотный, долго не рассеивающийся пар – это продукт магических, непонятных процессов? Ответа на данные вопросы у меня нет. Сам я, естественно, осматривал Отуманиватели, но разобрался в них не более, чем коллеги–кудесники.

Заводя разговор о Караке, непростительно еще не затронуть его легендарную Тлеющую Чашу, некогда известную, как Малахитовый Дворец. В стародавнюю пору у города–крепости Брандварда рос дивный лес. Его тенистые кущи были полны птичьего щебета и ароматами медовых цветов. Ягодные прогалины, звонкие роднички, бьющие из–под замшелых камней, грибные семейства и прочие, миловидные и настраивающие на умиротворение, пели в нём о Празднике Жизни. Однако в один летний полдень, позже наречённый как Полдень Игл, в Малахитовом Дворце всё круто изменилось. Две армии – Хрипохора и Карака вошли в лес, чтобы определить будущее Соединённого Королевства. Надо обязательно подчеркнуть, что большинство хронистов оценивают Полдень Игл как самую тяжёлую сечу, когда–либо выпадавшую на долю человечества. Ордой тварей всяческих мастей, смявшей к тем роковым «двенадцати часам» уже треть провинции, командовал сам Дроторогор – Бог–Идол Хрипохора, непостижимым образом вторгнувшийся в наш мир из своей астральной реальности. Противовесом ему выступила отважная четвёрка героев: преемник Нолда Тёмного – король Харальд Тёмный, его друг – принц эльфов Легия, жрица Ки Аная и генерал Гвин Гокатюр. За их спинами реяли сотни знамён – гвардейцы, лучники, рыцари–плютеранцы, маги и проповедники Всеотца (Братство Света

ещё только образовывалось) – все они пришли отстоять свой дом и свою родину.

Кошмары Полдня Игл подробно задокументированы в опусе «Крахе чёрного знамени». Из него мне всегда вспоминается животрепещущий кусок о финале битвы. Пока живорезы и люди проламывали друг другу черепа, Харальд Тёмный, Легия и Ки Аная с маленьким отрядом телохранителей прорвались к Дроторогору и окружили его. Страшен был враг и огромен ростом. Так как обычное оружие не могло причинить Богу–Идолу никакого вреда (раны от него сразу затягивались), его горящий молот Игла Пламени и морозный кнут Игла Стужи шутя раскидали стоящих перед героями воинов. Ки Аная воздела посох вверх, но Дроторогор отбил её заклинание Иглой Пламени. Взметнувшийся за молотом кнут разорвал жрицу напополам. Демонически смеясь, Бог–Идол, убеждённый в своей неодолимости, двинулся на эльфа и короля. Но он не ведал, что меч Легии – «Филириниль», подаренный Сирвиллой, и копьё Харальда Тёмного – «Молния Света», благословлённое Урахом, наделены силой погубить его. Филириниль сошёлся с Иглой Стужи, а Молния Света скрестилась с Иглой Пламени. Заговорённая сталь затянула оду Смерти, а живорезы, истребившие весь отряд сдерживающих их смельчаков, взяв поле брани в кольцо, вторили ей подобострастными, восхваляющими Бога–Идола, криками.

Однако в том поединке Дроторогору было предначертано проиграть. Когда уже казалось, что печальная участь героев неотвратима, кавалерийский корпус Соединённого Королевства, ведомый генералом Гвином Гокатюром, врезался в ряды Хрипохора. Возникшая сумятица всего на секунду отвлекла Дроторогора от его противников, но именно этой ниспосланной с небес секундой воспользовался Легия. Взмахнув Филиринилем, он отсёк лапищу, сжимающую Иглу Пламени. Не кровь, а жидкий огонь полился из обрубка Бога–Идола. Через мгновение от Иглы Стужи замертво пал Гвин Гокатюр, каким-то чудом успевший спешиться и оттолкнуть Легию от взбесившегося Дроторогора. Как записано в «Крахе чёрного знамени» – «Засим Харальд Тёмный метнул Молнию Света во Владыку Хрипохора. Копьё с треском вонзилось в могутное

подреберье, тут же обуглилось, а потом вместе со своей жертвой развеялось по ветру». Увидев, что Дроторогора повергли, живорезы запаниковали и кинулись наутёк. Постфактум кого-то из них настигли, а кому-то удалось сбежать под сени Великого Леса. Выделяя из битвы Полдня Игл главное, можно сказать, что в тот день Соединённое Королевство одержало хоть и громкую, однако угрюмую победу. От рати, приведённой Харальдом Тёмным на бой с Дроторогором, осталась всего лишь жалкая горстка израненных и уставших солдат. Всех дохлых живорезов и лапу Бога-Идола король повелел сжечь в общей куче, а их пеплом насыпать курган для погибших витязей.

Потом, спустя годы и годы, Хрипохор отомстил Харальду Тёмному за Полдень Игл. Всю его семью, кроме малышки Лии, живорезы распяли в Лесу Скорби. Что же касается Малахитового Дворца, то он, приняв в своё лоно чистую квинтэссенцию Зла, просочившуюся из испепелённой длани Дроторогора, стал слыть местом жутким и тлетворным. Его деревья выгорели изнутри, скукожились и грязно-пепельными кронами нагнулись к смоляной, периодически вспыхивающей фонтанчиками искр, почве. Густая, почти осязаемая и вонючая хмарь устлала собою каждую пядь осквернённого леса. Совиное уханье подменилось завываниями потусторонних голосов, а на смену звериным мордашкам, ранее любознательно выглядывающим из-за кустов, пришли макабрические тени и inferнальные глобулы. По ночам из недр Малахитового Дворца, переродившегося в Тлеющую Чашу, к опушке стекаются расплывчатые фигуры в сгнивших доспехах и рваных ризах. При яркой луне и безоблачной звёздной шири их хорошо видно со стен Брандварда. Интеллектуалы и мыслители склоняются к тому, что это призраки людей, коих похоронили в братской могиле после Полдня Игл. Оплетённые нечестивостью огарка Бога-Идола, они вынуждены вечно бродить по плешивым тропинкам Тлеющей Чащи. Участь, как ни крути, незавидная.

Ну и напоследок. В Караке, невзирая на всю его мрачность и набатную славу, снискал прибежище самый романтичный и опоэтизированный уголок Соединённого Королевства! Речь, безусловно, идёт о «Надежде Сердца»! Крохотный парк, обнесённый

неувядающей изгородью из остролиста, издревле манил к себе и продолжает манить юношей и девушек, пронзённых стрелами любви. Вся соль в том, что в «Надежде Сердца», промеж мудрецов–буков и каменных лавочек, находится статуя молодой и ошеломляюще красивой девы, святой Яинески. Приклонив колени и воздев головку вверх, она держит в ладонях вспархивающего голубя. Из уст в уста кочует народное предание, что тот, кто возложит свои руки на кварцитовую пташку и от всей души помолится о взаимности чувств, может (если человек добрый и порядочный) получить снисхождение Яинески к его (её) просьбе. Нет, святая не уговаривает и не принуждает избранников увлечься их воздыхателями. Она действует кротко и ласково. На алеющем закате или в предрассветной синеве, Яинеска тихо войдёт в дрёмы, к примеру какого–нибудь Бобби–Боба, чтобы музицировать, напевая ему о непорочности и искренности влюблённой в него какой–нибудь Марии и о её желании создать семью и быть рядом с ним. Нотными аркадами и бальзаминовыми куплетами святая раскроет для Бобби–Боба истинную, не отягощённую внешностью, внутреннюю красоту Марии. Сновидение, ниспосланное Яинеской, окунёт мужчину в омут нежной страсти и тепла, который в груди женщины возник специально для него. Отведав целую гамму эмоций и переживаний, принадлежащих Марии, Бобби–Боб уже не забудет о них. После пробуждения он возможно совсем иначе, по–новому, взглянет на ухаживания барышни. Однако, гарантий того, что, познав ощущения Марии, Бобби–Боб позовёт её пойти под венец, увы, нет. Ведь он вполне себе может симпатизировать другой прелестной особе, или считать, что «сахарные отношения и маячащая за ними бытовщина» – это не для него. При невезении, поводов, мешающих Марии обрести супружеское счастье, наберётся ни один и не два. Яинеска не обещает взывающим к ней, что всё исполнится так, как они хотят. Святая лишь помогает донести их чаянья до обожаемых ими пассий. Между тем, многие заскорузлые и толстокожие «вороти–от–суженного–ряженого–морды», прозрев, после встречи со святой Яинеской, какими дураками они были, истово кидаются в объятья их ценителей.

Яинеска благодетельствует в Соединённом Королевстве уже тысячи лет, но вот вопрос... Кто она такая? И почему всё–таки её

статуя творит чудеса? Легенда гласит следующее:

Будущей святой довелось родиться где-то в провинции Вельда в сложный и трагичный период деспотии короля-консорта Эрзаца Демей – мужа королевы Лии Тёмной и прямого предка нынешней королевы Констанции Демей. Когда Яинеска подросла, она ушла из дома и отправилась странствовать. Однажды, дойдя до Бри –ныне несуществующей деревеньки Карака, Яинеска попала на глаза тамошнему лендлорду Апалаксу. Неравнодушный к слабому полу, спесивый и вульгарный лендлорд моментально увлёкся прельстительной девой. Он познакомился с ней и пригласил переночевать у него в поместье. Напускная учтивость и вежливость заставили Яинеску довериться Апалаксу. Она согласилась. В ту же ночь напившийся лендлорд, завалился в опочивальню к невинной гостье и грубо потребовал от неё физической близости. Страшно испугавшись, прижатая к стене Яинеска схватила кувшин и треснула Апалакса по макушке. Оглушённый насильник упал и дева, выбравшись из комнаты через окно, бежала в перелесок. К несчастью лендлорд быстро пришёл в себя и организовал за ней погоню. Слыша за спиной собачий лай и храп коней, выбившаяся из сил Яинеска опустилась на траву и принялась умолять Ураха, чтобы тот защитил её. И в ней было столько нерастраченного альтруизма и праведности, глубокой веры и нравственности, что Всеотец сжалился. Аватаром он явился к деве и вложил в её ладошки голубя – символ целомудрия и незапятнанности. Затем Урах промолвил: «Дитя, не бойся. Я – твой Бог, и Я очень люблю тебя. Я пришёл наградить твой Дух и твою Плоть вечным служением Мне». Спустя минуту Апалакс со сворой псов и челяди ворвался на прогалину, где сидела Яинеска. Но то была уже не она, а её реалистичная копия из цельного куска кварцита. Обезумев от злости и удивления, лендлорд рубанул по Яинеске мечом. Клинок отскочил от статуи и вонзился Апалаксу в горло. Он умер мгновенно. В это же самое время Левапу, мирно спавшему кожевеннику из Гельха, приснилась Яинеска. С улыбкой она поведала ему, что Урах назначил её покровительницей «девственных сердец и их сентиментальных надежд». Вместе с тем Яинеска указала Левапу, где искать её святилище и как ей надо возносить ходатайства. Очнувшись после Откровения, Левап со всех ног помчался в Карак.

Когда он добрался до статуи Яинески, то узрел подле неё мальчика, сидящего на каменной лавочке. То был сам Урах. Всеотец подтвердил, что сон был вещий и угодный Ему, а также сказал распространить весть об этом по всему Соединённому Королевству.

Я топал по дороге уже не меньше шести часов. С любопытством разглядывая проезжающие повозки и эскорты, сопровождавшие вельмож, я прикидывал, сколько ещё миль отделяет меня от Осприса. Получалось, пятьдесят, а может, и все шестьдесят. В общем, примерно послезавтра я окажусь там, где запланировал.

Устроив себе обеденный перекус в цветочной прогалине (Скатерть «Ла любой вкус», мой тебе поклон), я передохнул и собрался идти дальше. Тик-так, тик-так... Постепенно моя тень удлинялась. Палантин ночи, сотканный из звёздного хоровода и студёной синевы, приглушал яркость солнца и вызывал у меня зевоту. Подыскать трактир мне не удалось, и потому я лёг на влажную траву. Сумка под голову, вот так... Я завернулся в плащ и достал кинжал гномов. Джейкоб, мне бы сейчас с тобою поболтать! Ты тоже, небось, скучаешь по моей магической белиберде... Я хмыкнул. Конечно, Джейкоб бы скрасил моё одиночество, но не так, как могла бы сделать это Эмилия. Где ты, моя подруга? В Ильварете? Надеюсь. Хотя... Чувствую, что в нём ты надолго вряд ли бы задержалась. Да и к тому же, живущий в Ильварете человек, наше с тобой табу, уж точно не поспособствовал бы твоему длительному пребыванию в этом городе... А вдруг я ошибаюсь?

Вздыхнув, я убрал кинжал и погрузился в тревожную хлябь дрёмы.

Если выпадает нужда «караулить» луну под голым небом, без подстилки и тёплых вещей, то с утра есть вероятность проснуться задубевшим и простывшим. Простыть я не простыл, однако замёрз изрядно. После зарядки я позавтракал, чем спровоцировал желудочный спазм и рвоту. Всё это, несомненно, ерунда, но чтобы меня стошнило на тарелку на приёме у королевы, мне бы не хотелось.

Не долетев до лютиков, Кампри завибрировал. Сапфировые створочки золотого ореха разошлись в стороны. Юнивайн выпрыгнул и переливисто заржал. Поздоровавшись с эфемерным другом, я вскочил в седло и рванул к Оспрису.

На Юнивайне я стал подобен метеору, прорывающему собой материю мира. Мы скакали, а где-то позади, едва слышным эхом, доносились изумлённые крики людей. Нечего и говорить, что столь необычного, воздушно-молниеносного коня случается увидеть не каждый день. Я спокойно трясся на закромах Юнивайна до тех пор, пока его копыта не оторвались от земли, и мы не сиганули с обрыва в реку. У-у-у-у! А-а-а-а! Мой рот распахнулся сам собой. Нет, мы не разбились и не утонули. Юнивайн приземлился на водную гладь и поскакал прямо по ней. Обогнув плывущий корабль, призрачный конь вспорхнул на поросший бурьяном уклон. Мы пересекли широченную Туманную Пляску всего за какую-то минуту! Юнивайн пробрался сквозь заросли и выбежал на мощёную колею, которая, немного погодя, привела нас под закопчённые стены Осприса. Я слез с Юнивайна и огляделся. Лешпри Хельберт не солгал – пару месяцев назад тут было страшное сражение. Всюду рытвины, сажа и обгоревшие стволы деревьев. М-да, миленько! Пождав губы, я кивнул хмурому стражнику и прошёл через уже отреставрированный городской бастион. Внутри меня ждали разруха и запустение. Утлые кварталы, облепленные остовами пострадавших в пожарищах домов, шептали мне о развернувшейся здесь трагедии. Хрустя подошвами по кирпичной крошке, я с грустью думал о том, как преобразился Осприс. Встречающиеся мне по пути обломки и незрячие бельма окон, словно язвы на теле чахоточного больного, нещадно изглодали его статный облик. Улочки и переулки, с их чумазыми перекрёстками и унылыми подворотнями, навевали на меня тоску. Впрочем, кое-где шли восстановительные работы. Семьи Осприса потеряли кров, однако веру в себя сохранили. Отцы и деды латали крыши и чинили фасады, отроки подвозили им на тачках строительные материалы, а мамыши и дети подавали инструменты. Моё первоначальное впечатление было неверным. Рана, нанесённая Десницей Девяносто Девяти Спиц, не оказалось для Осприса смертельной. Он не погибал от неё, а

оправлялся. Минует фазис, и всё здесь вернётся на круги своя. Так будет – это точно.

Зажиточная часть Осприса от нападения не пострадала. Гротескные часы, уместившиеся на ратуше, пробили шесть раз. Значит план таков. Сейчас коли не поздно, наведуясь в Академию Изобразительных Искусств имени Рамира Пятого, а затем, к самому вечеру, переберусь в таверну пропустить стаканчик пивка. Вон она, кстати, «Злачное Место».

Утвердительно кивнув составленному мною расписанию, я купил у лавочника фисташковое мороженое. О–хо–хо... Восхитительный вкус! Уплетая ледяную сладость, я, не торопясь, пошлёпал вперёд. Добираться до архаичных шпилей Академии Изобразительных Искусств мне предстояло по проспекту Пленэр Сараха. Он примечателен тем, что по бокам его брусчатки, стелящейся вдоль рядов двухэтажных зданий, испокон веков студенты–художники выставляют свои зарисовки на всеобщее обозрение. Понравившуюся картину тут, обычно, можно купить втрое дешевле, чем в специализированной галерее. Аристократы Соединённого Королевства, желающие щегольнуть роскошью перед друзьями и родственниками, посылают на Пленэр Сараха своих доверенных лиц, дабы те раздобыли им какое–нибудь произведение «вырви глаз». Сейчас, шествуя по знаменитому проспекту, я непрестанно водил носом влево–вправо, взад–назад. Перед моим взором мелькали полотнища всех видов и мастей. Их авторы, по внешности в основном мечтательные и томные, лениво беседовали с клиентами либо обсуждали друг с дружкой тот или иной приём, используемый ими при создании очередного, как им казалось, шедевра. Обрывки фраз, типа: «... важность стаффажа...», «...согласен, эстетика, заключающаяся в приёме сфумато, служит передачей...», «...госпожа, я никогда не торгуюсь, но для вас устрою скидку...», «...ха, да он по трафарету малюет!...», «...я считаю её бесценной, а вы?...» проникали в мои уши со всех сторон. Деликатно обойдя уставившегося на небо веснушчатого живописца с карандашом в руке – он застыл посреди проспекта, видимо проникшись музыкой, я, наконец, оказался у массивных дверей Академии Изобразительных Искусств.

– Поступить надумал, касатик? Сегодня все преподаватели уж разошлись. Завтра приходи, – по-свойски прокряхтел мне старичок–портье.

– О, нет–нет, я здесь не для того, чтобы сдавать вступительный экзамен, – улыбнулся я. – В Осприсе я проездом. Зна...

– А?! Говори громче. Я глуховат.

– Знакомые посоветовали мне завернуть к вам, посмотреть «Мазню–Возню»!

– А! Что же ты тогда молчишь? Она закрыта.

– В каком смысле –, закрыта? Почему?

– А?!

– Почему она закрыта?! По–че–му?!

– Не надо так орать! Ишь, раскричался–то!

– И?

– «Мазня–Возня» расположена, где? А? Правильно, в самом низу Академии нашей–то, в подвале. И тут на днях грянул ливень как–то, да тако–о–о–ой, скажу тебе, что в Осприсе не видывали. Угу. Ну и затопило её–то, «Мазню–Возню». По дырочкам, по трещинкам водичка забралась в неё. Теперь она опечатана.

Новость старика меня сильно огорчила. Впрочем...

– Кто может меня пусть в «Мазню–Возню»?

– Ась?!

– «Мазня–Возня»! Кто меня туда пропустит?!

Всене непременно я бы сумел навестить хранилище экспонатов» и без чьего–либо дозволения, но... Зачем так поступать?

– Руководитель–то наш, ага, Стампи Шклир, разумеется! Он!

– Где мне его найти?! – прогорланил я.

– Ты чего такой нервный? Вопишь, тут мне. Шклир у себя в мастерской. На четвёртом ярусе. Ага!

– Спасибо! – крикнул я, переступая порог Академии Изобразительных Искусств.

Внутри на меня дохнуло тем уникальным концентратом, что витает только в подобных заведениях. Я набрал его полной грудью и пошёл по тёмному высокому холлу к колоннадной лестнице. Сквозь изумительные арки и свисающие канделябры размашистая ступенчатая горловина повлекла меня вверх. Ах, ты ж... Восковая капелька упала мне на шею. Отодрав застывающую массу, я поднялся на нужный уровень. Передо мной предстал просторный зал с десятифутовой скульптурой Сараха Бесславного, вырезанной из единого куска мрамора. Облупившиеся от времени надсводные фрески, низенькие деревянные подоконники с высокими стёклами и приглушённое мерцание свечных фитилей толковали здесь о монументальности и величественности. Узнав у куда–то спешившей девушки, где апартаменты Стампи Шклира, я направился в восточное крыло Академии. Комнатки, аудитории, комнатки, аудитории... Стоп! Вот дверь с табличкой «Ректор». Я вкрадчиво постучал.

– Кто там? – тут же раздался скрипучий голос.

– Калёб Шаттибраль.

– По какому поводу?

– Я намереваюсь сделать пожертвование на реставрацию «Мазни–Возни».

Дверь немедленно отворилась.

– Добрый господин, прошу прощения за мою бестактность! Знаете ли, меня отвлекают по поводу и без повода, – затараторил коренастый, начинающий сидеть человек. В его руке была зажата бумажка с ещё непросохшими чернилами. – Не стойте на пороге, любезнейший! Входите! Я налью вам чашечку чая!

В кабинете Стампи Шклира мне понравилось. Резная мебель и паркетная доска в коричневых тонах оттеняли собою индиговые обои, а блюда с нарисованными на них пейзажами дополняли антураж аляповатыми пятнами.

Я сел за стол, а напротив плюхнулся ректор. Быстро окинув меня взглядом и плеснув мне в кружку из заварника малинного питья, он вкрадчиво осведомился:

– Какую сумму вы готовы нам выделить? «Мазне–Возне» нешуточно досталось от треклятой грозы, да... Не скрою, что Академия Изобразительных Искусств уже давно не находится на попечении короны, и о того мы нуждаемся в каждой копейке.

После посещения «Ночлега у Бартя» у меня осталось девять золотых и восемь серебряных (один золотой я предусмотрительно приберёг для «Злачного Места», положив его болтаться в карман со счастливым медяком Манфреда Второго). Я положил мешочек с деньгами в плетёную корзинку, а затем промолвил:

– Это покроет некоторые расходы академии. По мелочи.

Пару раз моргнув, Стампи Шклир, видимо надеющийся на визуально более объёмный презент с моей стороны и оттого потерявший ко мне интерес, расстроено вздохнул:

– Спасибо большое за участие в нашем горе, мистер Калев. Я запишу вас в немногочисленное число меценатов. Список с фамилиями будет зачитан перед студентами и преподавателями после окончания всех работ в «Мазне–Возне2.

Стампи Шклир опустил взор на заваленный листами стол.

– Если я могу ещё чем–то быть полезен, то...

– Я понимаю, как дорого стоит время ректора, и сколько у него обязанностей, – кивнул я, отхлёбывая чай. – Однако, как радатель «Мазни–Возни», я хотел поглядеть бы, на что пойдут выделенные мною деньги.

– Хотите, чтобы я отвёл вас в галерею? – чуть напрягаясь, спросил Стампи Шклир.

– Лично отрываться от работы не обязательно, – я обвёл рукой кипы бумаг. – Мне вполне будет достаточно вашего разрешения пройтись по залам Мазни–Возни.

Стампи Шклир ещё раз вздохнул, пожевал карандаш, а потом что–то нацарапал им на кусочке пергамента.

– Покажите это Рюи на входе. Он наш хранитель Мазни–Возни.

– Приятно было познакомиться с вами, – захватывая кончиками пальцев краешек пропуска, улыбнувшись, сказал я.

– Взаимно.

Мягко закрыв за собою ректорскую дверь, я, довольный тем, как легко получилось проверить допуск в «Мазню–Возню», побежал по порожкам на самый нижний уровень Академии Изобразительных Искусств. У горловины прохода, ведущего к закромам зрелищных уникальностей, меня остановил курносый мужчина, стриженный под горшок. Рюи внимательно изучил выданную мне Стампи Шклиром

«дозволительную», после чего вернул мне её, сказав, что «Мазня–Возня» в моём распоряжении, а на единственного студента, назначенного за плохие отметки приводить стены в порядок, чтобы я не обращал внимания. Кивнув головой, я поспешил вниз. И сразу на меня обрушился калейдоскоп картин, принадлежащих кисти заслуженных мастеров Соединённого Королевства. После стольких опасностей и круговерти сражений мне было отрадно окунуться в животрепещущую палитру красок.

Бродя по залам «Мазни–Возни», я лицезрел выведенные на полотна изумительные замки, природные стихии, тихие деревенские этюды, сочные фруктовые палисадники, изящные леса и грозные, исполненные величия и гнетущей тоски, морские просторы. Я тихо перемещался от одного шедевра к другому. Вот мужчина с серьгой застыл напротив томной дамы, а здесь одуванчиковое поле тянется ввысь округлыми белыми шляпками, а н там одухотворённая девушка с копной рыжих волос играет на хрупкой арфе! Наслаждаясь трудами канувших во времени, но сбережённых от забвения художников, я не мог не отметить, насколько сильно обрушившийся на Осприс ливень и образовавшийся от него потоп попортил галерею. Штукатурка на потолке была изборождена тысячами трещин. Арочные обводы приобрели размазанные кляксы подтёков. В помещении стоял запах сырости, смешанный с маслянистыми нотками лака. Удручающе. Почему Стампи Шклир не распорядился вынести всю коллекцию «Мазни–Возни» наверх? Всё дело в том, что сами картины не пострадали и впредь не пострадают. Узкоспециальная художественная» магия, некогда наложенная на экспонаты галереи Лупусом Норовистым – даровитым чародеем–живописцем, нанятым Сарахом Бесславным, по сей день защищает их от перепадов температур или незваной сырости.

Перебираясь от выставки к выставке, я искал любимого автора–Икки Тира. За тремя поворотами и коридором, отданным на попечение тонким мазкам акварельных талантов Аннет Горши и лорда Нофокла Дьюти, я, наконец, достиг той секции «Мазни–Возни», где разместили полотна Икки Тира. Благоговейно охая и вздыхая, я рассматривал каждый шедевр с умилением и каким–то томным упоением. Горы

Заботы с выведенным над ними великаном Вугу, Железные Горы с внушительными, выдолбленными в скалах, форпостами гномов, и Камнепады страны Острохвостии занимали главное место в тематике Икки Тира. Залюбовавшийся облаками, ревущими молниями над одинокой вершиной, я упустил из вида то, как перестал быть единственным созерцателем галереи. Вежливое покашливание побудило меня обернуться. За моим плечом стоял юноша лет двадцати – двадцати двух. Его соломенные волосы покрывал картонный колпак. Точечки веснушек и голубые пытливые глаза над острым носом. Паренёк был щупленьким и перемазанным шпаклёвкой.

– Тоже нравится старина Икки? – по-свойски спросил он меня. – Не правда ли, он– лучший?

– Полностью с вами согласен, молодой человек, – отозвался я, вновь возвращая взор к творению Икки Тира.

– Я– Гамбальд, – донёсся из-за моей спины голос. – Ты у нас новенький в Академии?

– Нет, я посетитель.

– У! Посетитель?

– Именно.

– М–м–м, – промычал настырный Гамбальд, обходя меня вокруг. – Колдун? – тыкая пальцем в мой посох, задумчиво продолжил он свои вопрошания.

– Да. Не боишься? – чуть насмешливо откликнулся я, перемещаясь к другой позолоченной раме.

– Нисколечко.

Парень словно прилип ко мне.

– Икки Тир, конечно, «красавчик», но я малюю не хуже, – самоуверенно уведомил меня Гамбальд, поправляя съехавший на лоб колпак.

– В самом деле? – хмыкнул я. – А мне кажется, Рюи у дверей говорил, мне что-то про одного не шибко хорошо учащегося школяра, отправленного в «Мазню–Возню» вытирать полы. Обманываешь, получается?

– Нет, – насупился Гамбальд. – Я – стоящий художник! И, между прочим, кроме оттирки полов, я тут творю, пока никто не видит! Хочешь, покажу? Тебе понравится!

– И не хуже Икки Тира говоришь, выходит? – усмехнулся я.

Мне стало ясно, что юноша от меня не отстанет, пока я не соблаговолю лицезреть его «невероятную поделку». Видимо он нуждался в одобрении и похвале. Ну что же, почему бы и нет? Я что, в конце концов, старый гриб, как называет меня Эмилия, чтобы не поглядеть на успехи парня? Похвастаться перед случайным гостем «Мазни–Возн» и своими трудами – разве это дурно? Нет, я так не считаю.

– Ладно, води меня к своему детищу, – благосклонно отозвался я.

– Ты не пожалеешь! – с жаром произнёс Гамбальд.

Идти пришлось недолго. Прошлепав по извилистому коридору, облагороженному картинной эстетикой, я вслед за Гамбальдом затормозил там же, где и мой провожатый, у трех холстов, два из которых были уже окончены, последнего же кисть еще не касалась. Вспученная грибная поросль первого детища Гамбальда и впрямь поражала воображение. Я даже присвистнул, настолько тонко и изящно студент запечатлел свою задумку на полотне. Цветные хороводы, кружащиеся по светлым шляпкам лисичек, светотени и малюсенькие божьи коровки, с милovidными пятнами на спинках, привели меня в восторг! Другой, не менее впечатляющий рисунок, нет,

не так, – впечатляющий «мир» состоял из россыпи капелек, струящихся по стеклу, за которым пряталась одинокая свечка с приникшим к ней старцем. Старец разглядывал, что кроется за ливнем, бьющим в окно.

После пятиминутного созерцания я поднял большой палец вверх. Мне, правда, понравилось.

– Ты молодец, – искренне похвалил я.

– Их еще никто не видел. Ты первый.

– Не понимаю, почему Рюи сказал, что ты плохо учишься.

Гамбальд смущенно и как-то странно заулыбался:

– Те мои работы не так хороши, как эти.

– Почему? – осведомился я.

– Ну как почему, почему, – вновь заулыбался Гамбальд, отходя от меня на шаг и засовывая руку за пояс. – Понимаешь, раньше, не так давно, я умел выводить только гусениц да птиц, но вот неделю назад все сильно изменилось. Я наткнулся на одну штуку, теперь помогающую мне ваять изображения.

– Что за штука? – нахмурился я. – Какая-то особая кисть?

– Почти, колдун, почти, – извлекая из штанов кусок деревяшки, отозвался Гамбальд.

Он направил ее на меня... Вырвался луч света, и мое тело словно превратилось в тысячи красок. Я как будто размылся и сделался маслянисто влажным.

– Волшебная палочка! – оповестил меня Гамбальд о том, что я уже и так понял без него. – Необычная! Рисовальная!

Я двинулся вправо, но чуть не расплескал своё естество. Лик Эбенового Ужаса, который я попытался мысленно возжечь, обзавелся набухшей оранжевой кляксой.

– Не трепыхайся, колдун. Ты мне нужен целёхонький.

Я выпустил в Гамбальда эссенцию из посоха. Гулко чмокнув, она сорвалась с Лика Эбенового Ужаса и медленно, очень медленно, как бабочка, запарила к моему врагу. С полуумешкой Гамбальд отклонился, и моя цветастая капля томно брякнулась в стену, размалевав ее во всевозможные оттенки рыжих тонов. Гамбальд нахмурился.

– Не безобразничай! Оттирать тут еще за тобой придется теперь целую вечность!

– Что ты со мной сделал? – пробулькал я. Мой голос походил на чавканье грязевого источника.

– Я тебя раскрасил, – отозвался Гамбальд, деловито прищуривая большие голубые глаза. – Ты станешь моей новой картиной (студент ткнул пальцем в чистый холст), но мне надо решить, что на ней изобразить в дополнение к тебе. Поэтому ты пока составишь компанию доверчивому Джози (Гамбальд кивнул на изображение дряхлого старика, прячущегося за окном). Посидишь с ним, поболтаешь, скучно вам не должно быть.

Гамбальд потянулся всем телом, а я, пребывая в состоянии аморфности только и мог, что каким-то чудом удерживать себя целым. С меня текли ручьи – красные, синие, фиолетовые и коричневые. Они покрывали собою пол и заливались в трещины и выщерблены. Подо мной набиралась радужная лужа. Великолепно! Ощущения, что я испытывал, были, мягко говоря, мне внове.

– Ну? Готов? – дружелюбно спросил Гамбальд, направляя на меня волшебную палочку вновь.

—Погоди!

— Что такое? — деловито осведомился мой заклинатель. — У тебя есть вопросы к мастеру художнику? Так и быть, отвечу на один единственный. Ты заслужил.

— Откуда у тебя она?

— Палочка—то? Гамбальд подкинул артефакт и ловко поймал его другой рукой. — Джози. Все он. Джози — это наш закупщик сырья в Академии. Мы с ним сдружились, и перед тем, как Стампи Шклир послал его в Ильварет договариваться о поставках акварели, он заглянул ко мне в комнату. Поболтав о том, о сем, мы уже стали прощаться, как Джози и говорит: «Ты мне стал как сын, Гамбальд, хочешь, я отведу тебя посмотреть кабинет Икки Тира? Сделаю тебе приятное перед отъездом». Отмечу, колдун, что покои любимого тобою художника являются у нас вроде как музейного, закрытого помещения, куда, нас школяров, не пускают. Я, естественно, согласился. И когда мы пришли и Джози снял замок...

Гамбальд присвистнул.

— Сколько там всего! Неоконченные наработки, задумки, древние рамы! Я бродил, вздыхал и ахал, а потом, когда пожилой Джози отвлекся на барабнящий в стекло дождь, мне захотелось посмотреть, что находится в рабочем столе Икки Тира. Я быстро отодвинул ящик и среди перьев, листков и запечатанных баночек увидел её.

Гамбальд поднес волшебную палочку к моему расплывчатому носу.

— Я взял её и мне как будто кто—то прошептал: «Нацель меня на Джози». Не задумываясь, я сделал это. Луч света, сорвавшийся с кончика деревяшки, превратил закупщика в нечто похожее на тебя. Ага, а потом голос снова пошушукал: «А теперь повели мне создать новый шедевр». Я сказал голосу: «Давай!», и Джози влился в

пустую холстину, а вместе с ним и горящая свеча и слякоть за окном. То была та самая гроза, что затопила «Мазню–Возню2, кстати. Схватив портрет, я побежал к себе в коморку. Затем, когда меня назначили прибраться галерее, я перетащил своего «друга» сюда.

– Замечательно, – отозвался я, кумекая, о том, как мне теперь быть.

– Грибы тебе тоже понравились? – склоняя голову на бок, спросил Гамбальд. – Их мне тоже волшебная палочка подсказала в воображении, но ты...

Гамбальд погладил своё приобретение.

– Она говорит, что ты ей сразу пришелся по вкусу. Она еще сказала: «Вот он, наш будущий триумф!»

– Как мило.

– Агась, мило, очень мило, согласен. Ну, все, мы с тобой наговорились, ведь, так? Давай уже тебя отправим в твой временный домик, к Джози. Палочка того просит.

Гамбальд очертил круг волшебной палочкой и все краски, из которых я состоял, будто бы сжались. Я вобрался в шар и горячим комком врезался в холст с Джози. Ощущения, что мне довелось испытать при этом, были похожи одновременно и на переход в Гамбус на спине Фарганорфа, и на путешествие в «лучезарных скорлупках» Нифиль. Меня расщепило на тысячи капелек и втянуло в реальность столь искаженную, что поначалу мне показалось, что все состоит из каких-то штрихов, линий и округлостей. Голова кружилась, меня тошнило, но я вновь стал самим собой. Больше не было той густой влаги, из которой всего минуту назад я полностью состоял. Я – это снова я, только вот, где... Я был в кабинете, это точно. Массивные шторы, резной стол, канделябры с завитками огарков, мольберты, кресла, обитые кожей, всякая всячина на полках. У подоконника стоял сгорбленный старичок. При моем появлении раздался хлопок.

Старичок повернулся на звук и теперь смотрел на меня. Мы пересеклись взглядами.

– Он был мне как родной, – проскрипел Джози. – Неуспевающим, неуклюжим и нелюдимым, но мы с ним сразу поладили. Наверное, потому что когда-то я и сам был таким же. И чем он мне отплатил за мою любовь?

Старик расплакался.

– Я – Калев, – представился я.

Сколько раз за последние месяцы мною была произнесены эти два слова? Два десятка раз? Или четыре?

– Мне приятно, молодой человек. Я – Джози.

– Молодым я был века три назад, – нервно усмехнулся я.

– Маг? – как и Гамбальд, покосившись на Лик Эбенового Ужаса, просипел Джози. – Тогда у нас еще не все потеряно.

– Что ты имеешь в виду?

– Оглянись вокруг, мы в точной копии апартаментов Икки Тира.

– И что? – не понял я, скорбно сознавая, что Икки Тир на самом деле не был даровитым художником, а скорее всего, просто пользовался волшебной палочкой.

– То, что возможно тут, в этих чертогах, сокрыт путь обратно!

Я пихнул дверь, ведущую в коридор – она была словно каменная.

– Все ограничено только этой вот комнатой, Калев! Мы в западне! Мы в картине!

– Ты сказал, что может, из нее есть выход, – отметил я.

– Да, и мне, как человеку далекому от магии его не отыскать, однако... Вдруг ты усмотришь то, что мои глаза не видят?

– Попробуем, но дай мне вначале собраться с мыслями, – ответил я, примечая корешок блокнота. Он оказался дневником Икки Тира. Я раскрыл его. Страницы зарябили аккуратным почерком. Определённый отрывок привлёк мое внимание...

«... Я бездарность, какую еще поискать! А ведь бабушка всегда говорила мне, что кисть в моих руках способна нарисовать только кошку с тремя корявыми лапами! И сколько бы я ни учился, сколько бы труда ни вкладывал в свои произведения, я понимаю: бабуля была права. Из меня такой же художник, как из моего пса жонглёр! Однако хорошим людям периодически везет, а я считаю себя именно таким. Месяцем ранее я наткнулся на тайник в лесу. В трухлявом пне была выемка, где лежала рукопись волшебника. Он писал, что за свою жизнь он снискал много богатств, однако ни подмастерья, ни детей, которым можно было бы их передать, у него нет. Поэтому он смастерил несколько хранилищ, указывающих на тот или иной магический предмет, принадлежавший ранее ему. Урах ли меня послал тогда в лес прогуляться или Вселенское провидение, не знаю, важно лишь то, что моим предметом стала волшебная палочка «Зожа», как назвал её маг. Она могла рисовать удивительной красоты картины, основываясь на том, что видит перед собою человек...»

Я перелистал дневник.

«...Зожа беседует со мной о моем успехе. Да, я прославился. Всё Соединенное Королевство говорит только обо мне, но! Ей хочется большего! Она требует чего-то, как она говорит свеженького, живого и неповторимого....»

«... Зожа ненасытна! Ей хочется делать картины не только из моего воображения и того, что я вижу! Она предлагает запечатлеть

человека! Но не просто так! Она требует оплести человека чарами и перенести на холст!...»

«... Я не представляю, как мне избавиться от Зожи... Она сводит меня с ума! Сарах Великий, за глаза называемый Бесславным, говорит, что я осунулся... И осунешься тут! Мне приходится вести постоянную борьбу с самим собой!...»

«... Зожа! Я не могу отделаться от нее! Я ненавижу и люблю её одинаково сильно! Мне кажется, что я схожу с ума. Я попытался выкинуть Зожу в реку, но вместо того лишь воткнул её себе в бедро. Кровь понравилась волшебной палочке, и она на какое-то время отстала от меня. Надо воспользоваться этим...»

«... Я кормил Зожу своей кровью пока она не утихла. Мне остаётся только одно – убить себя. Да. Убить. Я более не вынесу этих мук. Её голос в моем разуме, отвращение и ее вожеление...Убить!»

«...Я сделаю это сегодня...»

Отложив дневник, я сел на кресло и подпер кулаком подбородок.

Попав в ловушку, я не потерял уверенности в себе. Я оказывался в переплетах и посерьезнее. Разумеется, мало какие из них были связаны с попаданием в какую-то смежную реальность (Гамбус не в счёт) ... Икки Тир, мастер-ремесленник эпохи Гюнтри Третьего Самонадеянного, лепил свои картины не сам, а с помощью могущественной Зожи...

Волшебные палочки нами, кудесниками, плохо изучены, и то, что одна из них обладает собственным разумом – вполне допустимо. Но вот, что необычно: все волшебные палочки имеют определённое количество зарядов, а Зожа, видимо не из таких. У нее нет предела деятельности. Или все-таки есть?

Я посмотрел на Джози.

— Что ты чувствуешь?

— Не знаю, время здесь не имеет власти. Я не хочу есть, не желаю пить и спать. Всё подчинено одному мигу (Джози глянул в окно) и дождю.

— Ты читал его? — спросил я, кидая дневник старику.

— Конечно. Талант без таланта — откликнулся Джози. — Что интересно, когда мы с Гамбальдом пришли сюда, дневника тут и в помине не было. Скорее всего, Зожа добавила его сама на холст. По своим воспоминаниям, что ли?

— Почему ты так думаешь?

— Потому что, когда Гамбальд околдовал меня, Зожа «захватила» меня и подоконник, а вот остальное при переносе на картину, ей пришлось дополнить самой. А взяла она недостающий антураж из дней, когда тут обитал Икки Тир. Во! Следовательно, тут полным-полно вещей, которых в нашей реальности уже давным-давно нет.

— Годный вывод.

— И, следовательно, вдруг у Икки Тира тут что-то было, что поможет нам выбраться обратно.

— Другая волшебная палочка? Вряд ли, — хмыкнул я. — Он бы написал об этом в дневнике.

— Истина так, Калев, но все же. Осмотри кабинет. Вдруг нам повезет.

— Уверен, что ты это сделал не раз и не два. Однако, что нам еще остается?

Я поднялся с кресла и стал осматривать многочисленные полки, ниши и сундуки. Не обнаружив ничего неординарного, я прошествовал

к столу, из которого, по уверению Гамбальда, он достал Зожу. Внутри него лежал целый ворох разнообразных предметов, в том числе... и сама Зожа.

– Да–да, она была там, поместила себя окаянная, не забыла. Но тут Зожа просто кусок ни на что не годной древесины, не более, – прохрипел Джози, когда я достал волшебную палочку наружу.

– Поглядим.

Взвесив Зожу на ладони, я крепко стиснул её пальцами. Ничего. На вид она была словно ветка облезлого ясеня. Повертев её так да этак, я отложил Зожу на столешницу. Засада! Но внутренне я согласился с Джози: выход отсюда должен быть! Непременно! Я не собирался сдаваться! Перешерстив весь кабинет Икки Тира вдоль и поперек, я, в конце концов, плюхнулся на большую кровать под балдахин. Мой затылок под подушкой почувствовал что–то твердое. Запустив руку под подушку, я извлёк футляр, в котором лежал туго скрученный свиток.

Ага! Тот самый свиток, что некогда написал колдун, бывший владелец Зожи. Видимо, Икки Тир боялся его выбросить, но и показать кому–то тоже, по известным причинам, не мог. Чародей, Олви, как он сам себя назвал в заголовке рукописи, поместил в своё послание кучу ученой требухи, которую Икки Тир вряд ли мог понять, а вот я... Я – другое дело. Из заметок Олви мне стало ясно, что Зожа –продукт слияния чистой энергии Вселенной и художественной пытливости существа с именем Милк Ман.

Милки Ман, некогда живший в Великом Лесу, очень любил рисовать и перед своей смертью решил вложить имевшийся у него талант в подходящий сосуд – в ранее уже использованную волшебную палочку Ожу. Ожа... Тут я стал читать втрое внимательнее... Ожа до своего полного истощения могла вырывать из потусторонней реальности объекты и переносить их к колдующему. Что–то сродни призыву существ из червоточин... Я заложил руку подмышку и перевернулся на бок. А что если...

– Додумался до чего–то? – подал голос Джози.

– Подожди, не мешай мне.

А что, если не все заряды Ожи, ставшей Зожей, были израсходованы. Волшебные палочки слишком необычны и своенравны, чтобы знать, когда истощится их заряд. Вдруг, наполнившись силой Милки Мана (он же совершал над ней всякие ритуалы?), она напилась энергией вновь? И так как мы заключены с Джози в картину прошлого, и здесь, вероятно Икки Тир еще не успел попользоваться Зожей «и в хвост и в гриву», она может иметь в себе некоторый сокрытый потенциал Ожи. Зожа – хитрая волшебная палочка, и своё умение рисовать не поместила на картину Гамбальда. Однако спрятала ли она от нас следы величия Ожи? Как это проверить? Я спрыгнул с кровати и вновь поднял Зожу со столешницы. Так, так, так... Мысленно я приказал – «Яви мне себя!» Ничего. «Откройся мне!» Тоже пусто. У меня в голове мелькнуло: Зожа очень похожа на Хиловису. Я достал из сумки веточку, купленную у пропойцы–капитана на Беломраморном Форуме Ильварета, и поднёс к Зоже. Вдруг между двумя скрюченными деревяшками проскочила искра и обе они засветились зеленоватым мшистым светом!

– Что ты сделал?! – воскликнул Джози.

– Тихо! – гаркнул я, сам не осознавая, что происходит.

Зожа и Хиловиса замигали, а потом затухли, едва пульсируя малахитовыми всполохами. Они почувствовали родство! Значит Хиловиса все–таки тоже волшебная палочка! И я еще не додумался, в чём её предназначение! Дайте мне только выбраться из треклятой картины, и я непременно покажу Хиловису Альфонсо Дельторо!

Держа волшебные палочки в перчатках, я отчетливо услышал в разуме: «Приказывай, Калев».

Я сдвинул брови домиком и подумал: «Которой из вас? Хилловиса, тебе? Или Зожа, тебе?»

– Мне, Оже, – незамедлительно последовал ответ.

– Разве ты не пуста?

– Сестра не желает, чтобы ты был тут, и она оживила меня. Приказывай.

По моему лбу потёк пот.

– Ты можешь вернуть нас с Джози обратно в Соединённое Королевство?

– Нет. Только тебя. На большее меня не хватит.

Я поглядел на Джози, который подслеповато, с надеждой, на меня щурился.

– Джози?

– Одного из вас. Тебя. Или его. Точка.

– Двоих, – – мысленно уперся я.

– Одного!

– Тогда я сломаю тебя об колено! – взъярился я.

– Не упрямься, Калев.

– А ты попробуй.

– Если я попытаюсь вернуть вас двоих обратно в галерею, случится дестабилизация пространства, и тебя или Джози закинет неизвестно куда. Повторю, у меня мало сил.

Меня вдруг осенило! Я вспомнил, что Икки Тир писал о том, что Зожа любит пить кровь. А может и... Ожа тоже?

– погоди, я знаю, как вернуть тебе недостающую мощь.

Я спрятал Хиловису обратно в сумку и, повернувшись к Джози, промолвил:

– Не пугайся сейчас.

Засучив рукав мантии, я провел кинжалом гномов (Джейкобом) по руке. Струйка крови весело полилась на керамические плиты. Больно, больно, но что же делать? Я подставил текущий поток под Ожу. Поначалу ничего не происходило, но потом волшебная палочка стала впитывать в себя мои живительные соки. Спустя полминуты моего кровопускания она зарделась бирюзовым огнём, а затем ярко малахитовым.

– Ты напилась?

– Ох, этот вкус...Да!

–Что от меня требуется теперь?

– Видишь пустой холст? Повели мне нарисовать на нём настоящее Соединённое Королевство»

Я направил Ожу на чистый лист.

– Повелеваю!

На выбеленном холсте, находящемся всего в шаге от меня, проявились залы «Мазни–Возни».

– У тебя получилось! – вскрикнул Джози.

– Возьмитесь за руки и дотроньтесь до моего творения.

– Давай мне свою ладонь, – скомандовал я старику.

Его старческая пятерня легла в мою перчатку, и я уверенно коснулся пальцем пестрой картинки. Толчок! Юлой меня и Джози закрутило против часовой стрелки. Все случилось в одну секунду... Вот я был в картине! А вот я уже и дома!

Я – дома! Не на картине! Кто тут молодец? Я – молодец–огурец! На холсте, где ранее был нарисован Джози ныне осталось только окно и дождь, а в самом отдалении – очертания кабинета Икки Тира. Так–с, где же наш малыш Гамбальд? Я покрутил головой влево–вправо. Да вон же его сутулая спина! Гамбальд старательно шпаклевал стену. Сосредоточившись на облезлом черепе Лика Эбенового Ужаса, я оплёл его Молниями, не убийственными, но крепкими, такими, чтобы сделать а–та–та зазнавшемся школяру.

– Не убивай его! – взмолился Джози, наблюдая за тем, как хищно застрекотал мой посох. – Он всего лишь мальчишка! Заигравшийся мальчишка!

– Даже и не думал пускать его жизнь по ветру.

Теперь я был готов к предстоящей встрече с Гамбальдом. Студент заметил нас и размашистыми шагами, с миной крайнего неудовольствия и удивления, быстро шёл к нам. Прежде, чем он успел вскинуть Зожу и пустить её в ход, я выпустил из Лика Эбенового Ужаса электрическую дугу. Она пронеслась по красивым залам «Мазни–Возни» и врезалась точно в руку Гамбальда. Зожа вспыхнула красным огоньком и обуглилась. Зеркально этому и Ожа в моей перчатке превратилась в кучку пепла. Так и должно было случиться – моментально смекнул я. Ведь это одна и та же палочка.

– Что ты наделал?! – испуганно завопил Гамбальд, извиваясь от боли.

Получить удар Молнии, даже такой слабой, достаточно неприятно.

– А ты что думал? Что я оставлю её тебе?!

В два прыжка я оказался возле Гамбальда и схватил его за кривое ухо.

– Что мне с тобой сделать, а? – грозно спросил я, у извивающегося студента. – Может, в моль тебя обратить?!

– Не надо–о–о! Не надо–о–о! – завопил Гамбальд. – Это все Зожа! Она понукала меня плясать под её дудку!

– Тут ты правдив, – скрипнул зубами я. – Будет тебе уроком на будущее, что волшебные палочки не так безопасны, как кажутся сперва.

кинул Гамбальда в руки Джози:

– Поздоровайся со своим другом.

Глаза полные раскаянья впились в морщинистое лицо:

– Прости меня, пожалуйста! Я был словно во сне! Не ведал, что творю!

– Я уже понял.

Джози воззрился на меня и засмеялся:

– Будешь ещё смотреть сегодня картины в «Мазне–Возне»?

– Ни сейчас. Ни завтра. Никогда.

Мы рассмеялись.

Глава 11. Рожденный в глубинах, пришедший на равнины

Быстро поднявшись по лестнице, ведущей из «Мазни–Возни», я помахал скучающему Рюи и подался из Академии Изобразительных Искусство обратно в город. На выходе меня окликнул тот самый глуховатый портье:

– Побродил по «Мазне–Возне», малек?

– Есть такое.

– А?!

– Побродил, говорю!

– Понравилось?

– Ага.

– Ага, или нога? Я не расслышал.

– Ага!

– Опять орешь, окаянный! Никакого уважения к старшим!

– У меня была нервная экскурсия.

– Затопило–то её как, а? Нехило!

– Согласен.

– Опасен? Что за опасность?

– Ой, всё! Хорошего тебе вечера!

– Ишь, ворон крикливый! Я все слышу!

На Осприс опустился вечер. Масляные фонарики хорошо освещали дорогу к трактиру. «Злачное Место» показалось спустя две улицы и один узкий переулок. Расположенное на небольшой площади с высаженными по кругу деревьями, оно манило меня приветливыми свечками и вкусным ароматом запекающегося жаркого. Я открыл дверь и оказался в переполненной гостиной. Кинув хозяину прибережённую монетку, я получил номер на втором этаже и вкусный ужин, состоящий из картофеля, овощного салата и жирного бараньего мяса. Споро перекусив, я подался наверх, а потом, передумав, вернулся в холл. Мне хотелось вымыться, и смыть с себя этот сумасбродный день. Кликнув мальчишку, я попросил мне нагреть мне ванну. Одежда аккуратно легла на спинку стула, а моя кожа окунулась в негу бурлящей воды. Этого мне не хватало!

Отмокая в водах, я как водится у меня после приключений, раздумывал о минувших событиях, а именно об обожаемом мною Икки Тире. Надо же... Художник оказался заложником ненасытного желания Зожи – волшебной палочки, рожденной творить художественные шедевры. Бывшие её владельцы Милки Ман – непонятное существо и колдун Олви наверняка знали об аппетите Зожи (Ожи), но могли как-то совладать с ним. Я же попросту уничтожил волшебную палочку. Переделанная Милки Маном Ожа стала Зожей, однако памяти о самой себе не потеряла. Хиловиса помогла пробудить Ожу ото сна и та, выпив моей крови, перенесла меня обратно в Соединённое Королевство. Где я нашлепал Гамбальду по его дурной костлявой попе. Все закончилось хорошо. Причём, что, кстати, быстро и... В мою копилку знаний легла парочка новых фактов как о «гении» Икки Тира, так и о том, что волшебные палочки могут иметь собственный разум и более того, быть ранее зачарованными на другое колдовство. М-да! В чудном мире я живу! Больше в «Мазню-Возню» я не пойду – насмотрелся!

Земляничное мыло, которое принес мне мальчишка – восхитительно пахло, и мочалка в моих руках усердно работала. В бане, где я находился с пятью другими мужчинами желающими почистить перья, стоял душистый пар. Он приятно щекотал ноздри и покрывал мою спину мелкой россыпью водянистых песчинок. Вдоволь

насидевшись в жестяной кадке, я вытерся, оделся и пошёл спать. Матрас на кровати был набит периной. Наверное, гусиной. Моё тело с удовольствием улеглось на него. Сон снизошел почти мгновенно.

Наутро я проснулся бодрым и отдохнувшим. Ночные видения не посетили меня, и я радовался тому, что гадкий Укулукулун, о коем я вспоминаю чуть ли не ежечасно, не приходил ко мне в гости. Я натянул носки, напялил сапоги и облачился в мантию.

Солнце, пробивающееся через мутное окошко, предвещало хорошую погоду. На небе не было ни облачка. Щебет птиц и шум города, как и лай собак, поднял мне настроение. Я умылся и спустился завтракать. Овсяная каша с вялеными абрикосами! Их я не люблю, а вот овсянку жалую. Сложив её, я намазал мягкий хлеб маслом и уложил сверху ломоть сыра. Так! Теперь я готов выдвигаться к Ильварету! Я поблагодарил хозяина «Злачного Места», за сим вышел на улицу. Людные кварталы Осприса проводили меня до его ворот. Там я, завернув в тенистую рощу, кинул Кампри о податливую почву, еще усеянную прелыми листьями и уже прораставшей травой. Синий дым обволок меня по пояс. Из него выпрыгнул Юнивайн. Он заржал и приветливо, как и всегда, боднул меня своей эфемерной мордой в плечо. Мороз, прокатившийся от лопатки до пупка, заставил меня поёжиться и улыбнуться.

— И тебе привет, мой дорогой! Впереди у нас намечается дорога!

Призрачный конь игриво встал на дыбы.

— Она нам нипочём? Знаю, знаю! Сегодня наш путь лежит в столицу Карака, в Ильварет!

Юнивайн присел, и я забрался в седло. Синюшные всполохи, из которых состоял мой друг, зарябили и мы сорвались с места. Скакать надо было сравнительно долго. От Осприса до Ильварета миль сто, а то и сто тридцать. Обычный конь такую дорогу может осилить дня за четыре, а Юнивайн, конечно, куда быстрее. Сидя на Юнивайне, я не просто нёсся по Змейчатому Тракту, я практически летел! По бокам

Змейчатого Тракта, тянувшегося от Ильварета аж до форта Нура, что много правее и южнее Клейменда, приютились многие и многие селения мелких лендлордов. Все проезжавшие по широкой дороге, завидев нас, озираясь, смотрели нам вслед. Но только вспышку молнии они и видели. Торговые караваны, рыцари, вольные всадники, наемники, пилигримы, кочующие странники, ремесленники, рыбаки, – все они непременно удивлялись моему другу. Юнивайн даже для Леса Скорби уникален, что уж говорить о широтах Соединённого Королевства.

Вообще откуда взялся призрачный конь? Об этом я ещё не думал. Один ли он во всем мире или есть подобные ему братья и сестры? Если бы Юнивайн умел говорить, то я бы обязательно расспросил друга о его родословной, однако, увы и ах! Хотя Призрачный конь очень и очень умный и может найти путь куда угодно, вести беседы ему не дано. Опять–таки, может при каком–нибудь стечении обстоятельств он и сумеет заговорить? Как Джейкоб, к примеру. Надеюсь, это ещё случится.

Змейчатый Тракт, проложенный в незапамятные времена, петлял. Я различал мелкие речушки, весело поющие свои песенки, лесочки, поля, болотца и расцветающие многоцветные поля. Всюду чувствовалась весна. Чем дальше мы были от Великого Леса, тем спокойнее становилось у меня на душе. Сейчас доберусь до Ильварета, встречу (может быть) Серэнити и Дурнбада, а если повезет, то и Грешема с Эмилией. Вместе мы попробуем разобраться с Привратником и состарившимся лицом моей милой сердцу Грэкхольм. Впрочем, если я не застану друзей в грозной столице Карака, то хоть узнаю свежие новости о том, как дела в Соединённом Королевстве, точнее в том, что от него осталось. Королевство Плавень и Королевство Керан – две новые фишки на политической карте держав, скорее всего, потребуют моего внимания.

Надо также отыскать королеву Констанцию Демей и доложить ей о своих успехах...

Пока я несся во весь опор на Юнивайне, ловя на себе взгляды зевак, мои мысли меня опережали. Они витали вокруг древнего города, вокруг Ильварета. Каков он? Муравейник улиц, бастионные укрепления, достойные легендарных королей, площади и башни, крытые рыночки и внушающий трепет Беломраморный Форум – базар тысячи диковин, флаги и кадила огромного храма Ураха, портовые пристани и причалы с боевыми галерами и купеческими баржами – это все Он, монументальный в своём изяществе и военной простоте Ильварет.

История Ильварета на диво богата. Все началось с того, что некий Иль Вар, крупный речной лорд Туманной Пляски, захотел воздвигнуть крепость на её быстротечных водах. Иль Вар обустроил крепкие стенные фортификации и построил над ними Гордость Вара – замок о мириадах бойниц, скорпионов и парапетов. Люди, живущие в округе Ильварета, стали стягиваться под его знамя Кабана, «коричневого на золотом», ревущего и попирающего копытами живореза–тролля. Торговля процветала в Ильварете, и вскоре он стал крупным, а затем и центральным городом сформировавшейся провинции Карак. Ильварет переживал несколько крупных пожаров и измен. Власть, крепкая и боевая, заключенная в солдатских мечях и рыцарской доблести, не раз сменялась внутри его бастионов. Однажды лорд Громонгер Лютый, повелитель Ильварета и Карака, дядя короля Жвани Тёмного, попытался сместить своего племянника с трона, и только объединённые войска Плавения, Иль Градо, Керана, Вельза и Хильда смогли остановить его победоносную поступь к столице Соединённого Королевства. И то не единственный случай гордыни лордов–наместников Карака. Своевольные, они ни раз и не два показывали миру, кто действительно владеет мощью и силой, кто держит стальной кулак Соединённого Королевства.

Хоть Вельдз тоже не обделён ратным достоянием и победами, именно Карак с его несокрушимым Ильваретом – «Князь Войны». Вспоминая о неподатливом сером камне, из которого сложен Ильварет, я невольно вижу и его громаднейшие пропускные ворота с решетками и башнями–стражами – «Голубое Горло», «Рваная Риза», «Одичалый», «Хранитель Верности», «Крысиный Хвост». Они, неприступные и

осанистые, каждодневно пропускают через себя толпы людей различных провинций. Но то на тверди ворота – короли дозора, а что касается воды, то текущая сквозь город Туманная Пляска охраняется «Гребенчатой Заставой» и «Ракушкой». Корабли проходят через их высокие своды непрерывно. То чувство, когда ты стоишь на палубе и проплываешь под украшенными кабаньими головами арками – непередаваемо. Я частенько плавал по Туманной Пляске и дальше за Узел Благополучия и Реку Серебрянку со своим другом Говардом – отцом Констанции Демей, по совместительству лордом крепости Ригиро и опытным кормчим. Между островов Абрикосового Моря лавировали мы на корабле «Шторм» и плавали к далям Бархатных Королевств и магам Минтаса, витающих над Ледяным Морем на своём городе–диске. Я скучаю по Говарду всем сердцем, и Ильварет, любимый им более прочих центров Соединённого Королевства, мне о нём напомнил. Горькая утрата, но Ильварет... Ильварет хранит в себе не только ратную и коммерческую жилу, в нём находится много таинственного и до сих пор непознанного.

А именно! Когда поданные Иль Вара закладывали для города основу, они обвели стенами ририями. Ририи – деревья исполины с красной корой и ветками, смахивающими на руки покойников. По ночам от ририй иногда исходит как бы шепоток, то пугающий, то наоборот умиротворяющий. Среди обывателей ходит молва, что Ририи – это злые демоны и духи добра, которые вели между собой кровавую войну, долгую и безрезультатную, до тех пор, пока старые Боги не обратили их в деревья. Если заснуть под кронами Ририй, сны придут самые необыкновенные: мистические, легковесные или исполненные истомы и мук. Как бы там ни было, и Ририи не самые загадочные постояльцы Ильварета. Вот Купель Семи Преданий по моему мнению – госпожа потусторонности и сверхъестественности. Эта чаша черного оникса, покоящаяся в глубине Гордости Вара на треноге из тонкого золота, может показывать в своём чреве образы будущего и прошлого, а та же события, что никогда не произойдут. Купель напоминает мне зеркала из Оплота Ведьм. Такая же коварная и лживая, но не лишённая одной ей ведомой правдивости. Я, как и Бертран Валуа, считаю, что Купель Семи Преданий по–своему мыслит, однако Эмилия и

Альфонсо, всегда поднимают нас на смех, когда мы с ними заводим об этом речь.

Что еще упомянуть? Библиотека в Ильварете мне нравится. Она огромна и стара. Иль Вар, а потом и его приемники усердно пополняли её все тянувшиеся в дали века. Библиотека носит имя Ноклидан, что на языке первых народов означает – «мудрость». Мудрости в ней предостаточно, и это так. Эмилия рассказывала, что когда она была подростком, её частенько подмывало убежать из Грэкхелькхольма и зарыться в книжные джунгли. Это сейчас Эмилия книг не жалуется, а раньше – читала в запой. «Я книг в Алхимикус Деторум насмотрелась на две жизни вперёд», – так щебечет она мне своим милым голоском, когда я показываю ей тот или иной занятный том. Однако Ноклидан – «своего первого учителя» – моя подруга никогда не забывает.

Хм, и вот ещё, что надо добавить о Ильварете. Часы Гонг Дракона. Это часы на площади Союза. Их смастерил часовщик Щид Вало. Щид Вало сделал их из останков (как он сам уверял) погибшего вирма. Они белые, гигантские и якобы собраны из кучи косточек. Венчают Гонг Дракона вполне себе похожий на драконий череп с зубами–иглами. Магического в них ничего нет, но они впечатляющи и увидеть подобные им где-то в Соединённом Королевстве вряд ли получится. Что сказал бы Фарганорф, улицезрев Гонг Дракона – я не знаю, но почему-то уверен, что ему бы это зрелище по душе не пришлось. Хотя, как по мне, души у Фарганорфа нет, а вот ригидность – её полно.

Я намеревался добраться до Ильварета послезавтра к вечеру – при благоволении Юнивайна. Ну, а к худшему, как повезет.

Призрачный конь скакал, не касаясь копытами травы, и мне казалось, что мы, подхваченные вихрем, мчимся, словно падающая звезда. Мелькнул водопад. Его звонкий смех отрывисто донёсся до моих ушей. Капюшон с меня сорвало сразу, как я сел на Юнивайна. Волосы мои хлестал поток холодного воздуха, в ушах стоял свист.

Солнце перевалило за полдень, и мой друг решил сделать остановку. Я, кряхтя, слез с него у валунов близ расщелины и достал Скатерть «На любой вкус». Горячий каплун, пирог с миногами и малиновый джем на булочке вывернулись из меня практически сразу, как я отобедал. Радость невелика. С дергающимся спазмами желудком я прошёлся взад–вперёд по небольшой полянке. Дикие фиалки и васильки манили мои пальцы к себе. Я погладил их нежные лепестки и, разогнув спину, уставился на соседний холм. Там под тремя шатрами расположился караван. Да не абы какой караван, а караван гномов! Я удивился. Гномы?! Так далеко от излюбленных ими Железных Гор? Даже не в Хильде, а в Караке! На севере провинции! Может, гномов тянет посмотреть на Горы Заботы? Меня разобрало любопытство. Шепнув спокойно стоящему Юнивайну, что скоро приду, я направился к шатрам. Шагать пришлось минут двадцать. Меня заметили. Боевые секиры – в мускулистые длани, на тетивы – стрелы, на головы – шлемы. Чтобы произвести благонадежное впечатление, я, закинув Лик Эбенового Ужаса за спину, развёл руки в разные стороны.

– Кто ты, и что тебе надо? – спросил меня практически квадратного вида гном на людском наречии.

Его доспех, репейный по цвету, с клеймом рогатого козла, плотно сидел на нём. Поблизости я приметил знамя с всё тем же обитателем горных кряжей.

– Я – друг. Пришел узнать, как у вас тут дела.

– Лучше не бывает. Это всё?

Я внимательно осмотрел гнома. Выглядел он сердитым.

– Не очень–то ты любезный, – отметил я, улыбаясь.

– Ба! Станешь тут!

– А что такое?

– Я – что? Каждому встречному–поперечному буду о себе рассказывать?

– Ты в Соединённом Королевстве. В Караке. За тридевять земель от дома, поэтому почти каждый человек удивится тебе.

– Может и так.

Гном насупился, а его соплеменники, около двадцати, заворчали на лундулуме.

– У тебя проблема, – отметил я.

– Ба!

– Да?

– Я сказал – Ба!

Моему немногословному собеседнику, что–то шепнул его сосед, седой гном с впечатляющей бородой. После чего «мой» гном изрёк:

– Ты наёмник?

– Что–то вроде того, – согласился я. – Правда, нанимаюсь обычно по зову сердца.

Гном смерил меня взглядом.

– Ба! Ладно! Любишь драгоценности и гулять?

– Зависит от того, что за драгоценности, и куда гулять?

– Я тебе расскажу, а ты уж сам решай.

Гном подбоченился и жестом показал мне на раскладной стульчик, куда я и присел.

– Звать меня Шулум Медный Щит, и на ваши равнины я со своими братьями и дядями спустился с Будугая за своей законной добычей, похищенной из нашего клана Хагала, одним из нас, подгорнорождённых. Много лун назад я отыскал то, что мой народ потерял давным–давно в сражении с нирфами, существами, ранее населявшими Железные Горы. Я говорю об одном редчайшем металле, исчезнувшем со всех кряжей, после того как правитель нирфов проклял моих праотцов и Дюрнац Сердитый – король Каменного Королевства, остался с носом.

– Квазальд! – выпалил я, не чуя себя от радости.

Шулум Медный Щит прищурился.

– О нём. Да, о нём идет речь. Ты – знаток наших летописей?

– Чуть–чуть! Ты продолжай! – горячо попросил я.

– Ба! Так вот! Я нашёл кусочек сплюснутого металла на вершине горы нашего клана. На самой её макушке! Легкий, как перо и твердый, киркой не разбить. Я так думаю, что это квазальд! Ба! Да, все недра побери, это он и есть! И, что?! Ба! Что? Некто похитил квазальд прямо из моей опочивальни!

– Некто?

– Некто! Да! Ба! Некто! Я не знаю кто, потому что Хагал в тот день принимал у себя гостей из других подгорных общин! Был праздник Кузницы! Вор убежал, но снежные барсы – Шулум Медный Щит указал на дотолё незамеченных мною гигантских кошек, хищно скаливших свои зубы, взяли след гада! Пакость состояла в том, что ворюга тоже оседлал свою животину, и погоня затянулась. Мы гнались за вором день и ночь, то сокращая расстояние, то увеличивая его, пока в один момент не достигли рубежей Соединённого Королевства.

Большая часть клана покинула меня, однако самые верные мои друзья продолжили охоту. И сейчас мы практически у цели! Я хочу убить недоноска! Один на один! И забрать то, что принадлежит мне!

– Так, а я тебе зачем?

– Ба! Да за тем, что по правилам дуэли у моего противника должен быть «причгихон»... Э–э–э! Ба? Самое точное на ваш язык слово будет «секундант». Не один из моих родичей ни за что не согласится стать у этой мерзости секундантом! Ты понял?

– Смекаю, что ты приверженец старых укладов ведения боя.

– Честного боя! Хотя этот червяк его недостоин!

– Какова твоя плата?

– У меня есть пригоршня изумрудов – они станут твоими.

Изумруды – это, конечно, хорошо, но мне позарез нужен квазальд! Хоть кусочек! Для Серэнити!

– А что, если ты мне дашь не изумруды, а чуточку квазальда?

Гном подбоченился.

– Даже не надейся! Легендарный металл – это достояние Хагала! И только его!

Я медленно кивнул. Я пока ещё не знал, как мне уговорить Шулума Медного Щита расстаться с маячившим перед ним сокровищем, однако был уверен, что что–нибудь да придумаю. Пока на квазальд надо было хотя бы посмотреть. Каков он? Вдруг это окажется не квазальд, а пустотелая руда. Я так–то тоже кое–что смыслю в породах.

– Где беглец?

– У той скалы, – махнул латной перчаткой Шулум Медный Щит. – Его снежный барс порезал лапу, и он засел в пещере. Канать ему некуда. Гад припёрт спиной к стене, и знает это.

– Что же, не будем медлить, – скрепил я.

– Люди скоры на уговоры – это меня в них восхищает, – хохотнул Шулум. – Пошли!

Отрядом в двадцать, а то и в двадцать пять гномов (я не успел всех пересчитать) мы двинулись к испещренному трещинами и изъеденному непогодой размашистому утёсу. С его боку была дыра, возможно, там раньше мог ютиться медведь зимой или обитать волки. Дойдя до входа, Шулум сказал:

– Ты как секундант лиходея должен войти и оповестить его, что исход близок! Пусть вылезет наружу и примет поединок!

– Слушаю и повинуюсь, – прижав пальцы к груди, отвечал я.

Я вооружился Ликом Эбенового Ужаса и оголил Альдбриг. Глазницы посоха уже привычно вспыхнули колдовским огнём. Это так, на всякий случай...

Внутри было сыро, сверху свисали какие-то корни. Летучие мыши притаились под самым потолком. Они пищали и недовольно скалили слюнявые рты. Я прошёл небольшим коридорчиком и вышел к полукруглой естественной каверне. Первыми мои глаза углядели снежного барса. Очень уставший и явно больной, он подгибал под себя искалеченную когтистую лапу. Его розовый язык свисал на пятнистый подбородок. Он зарычал. Мне сразу припомнился Джизи. Мой дорогой друг, пронёсший меня через скалы, ветвистые дороги и ухабы Будугая. Джизи лишила жизни (даровала последнюю милость) Серэнити, когда тот погибал от чумы близ Трузда, и я горевал по нему.

Возле снежного барса сидела поникшая фигура в капюшоне. Моё появление было встречено молча.

– Привет! – поздоровался я. – Сегодня не лучший день для знакомства, но судьбу не выбирают. У входа тебя ждёт Шулум Медный Щит, а я – твой секундант.

– Он хочет убить меня, – отозвался певучий голос на сильно искажённом языке Соединённого Королевства.

Фигура скинула капюшон, и я увидел, что передо мной не гном, нет тоже гном, но женщина!

– Фридия, меня зовут Фридия, в честь богини снежных барсов.

– Красивое имя...

Помедлив, я добавил:

– Зачем ты умыкнула квазальд?

– Секундант должен знать? – невесело хмыкнула Фридия. – Я хотела выкупить им своего отца Доргха у клана Умбрдун. Он попал к ним в плен после пограничной стычки с нашим кланом Дригольхи.

– Не думала, что старейшины Умбрдуна элементарно отняли бы у тебя квазальд, когда бы ты им его принесла?

Фридия гордо распрямила плечи.

– Такое могло бы иметь место. Впрочем, когда я взяла квазальд Шулума, у меня таких мыслей не возникло. Я думала только об отце и его свободе. А потом эта скачка... меня отрезвила.

– Покажешь мне своё приобретение? – попросил я.

– Только не подходи близко, – предупредила меня Фридия, вынимая и кладя себе на колени кинжал.

Развернув домотканую ткань, женщина продемонстрировала мне смятую, похожую на кривую щупальцу, однако неимоверно блестящую и притягательно красивую металлическую пластину. Одного взгляда мне хватило, чтобы понять – это не серебро и не платина, это нечто другое!

– Мне самому нужен квазальд, – не стал юлить я.

– Смеешься? Даже, если ты отнимешь его у меня силой, то Шулум Медный Щит ни за что тебе его не отдаст.

У меня в голове стал вырисовываться план и я, обычно кидающийся в опасности с головой, нервно хихикнул.

– Посмотрим, – протянул я, прищёлкнув языком. – Предлагаю тебе вот что: я сохраню тебе жизнь, а ты по доброй воле за это отдашь мне квазальд. Идёт?

Фридия встряхнулась.

– Жить я хочу. Поэтому будь по–твоему.

– Отлично! Пошли выйдем из этой пещеры и... И попробуем разыграть нашу карту. Авось нам повезет. Только одно – молчи, говорить предоставь мне.

– Я в твоей власти, – вздохнула Фридия, вставая с валуна. – Джархо, сиди тут. Я скоро вернусь... А если нет, то, когда поправишься, беги в Железные Горы и живи счастливо, – обратилась женщина гном к снежному барсу.

Зимний кот рыкнул и зажмурил глаза.

Когда мы показались с Фридией перед гномами клана Хагала, нас встретили злобным улюлюканьем и потрясанием увесистого оружия.

– Ты, юбка! Кашеварка! – сплюнул Шулум Медный Щит, хватаясь за топор.

– Да, она женщина, и тебе зазорно будет её убивать, – отозвался я.
– Я предлагаю тебе кое–что другое.

– Ба! Другое?! Ты сказал, другое?!

– Как секундант воровки, я прошу у тебя разрешения принять сечу вместо неё.

– Ты – человек, а она – гном! По правилам это недопустимо! – вмешался в наш разговор коренастый старец с раздвоенной бородой.

– С одной оговоркой, – улыбаясь, отметил я. – Милостью Вселенной я являюсь кровным братом клана Надургх, а это, насколько мне известно, позволяет выполнить то, что ныне сказано.

– Ты– Калёб Шаттибраль! – учтиво воскликнул Шулум Медный Щит.

Затем он что–то пробасил на лундулуме своим сородичам. Те зашлись криками. Видимо, уважительными.

– Ты знаешь меня?

– Весь Будугай ведёт толки о тебе! Клан Надургх – наипочетнейший клан, и в его традициях рассылать птиц в другие кланы с важными сообщениями. Одна из ворон прилетела и к нам, в Хагал. На пернатом брюхе висела каменная табличка, гласившая, что под стенами Эльпото’одо, древней людской крепости, Калёб Шаттибраль стал кровным братом Надургх. Пусть все это уразумеют и привечают его как гнома.

– Значит, я знаменитый? – удивился я.

– Имеет сейчас значение лишь то, что ты вправе защищать гадюку, которая прячется за твоим плащом.

– Если я проиграю, ты отпустишь женщину?

– Нет. Но убивать я её не стану. Она вернёт квазальд и всю оставшуюся брэнность будет долбить шахты в Хагале. Так предписывает закон, – проворчал Шулум Медный Щит.

– Тогда другой вопрос. Деремся до первой крови или насмерть?

– Мне станет за честь отправить твой дух к Владыке Гор!

Не хотел я смертоубийств, также как и не желал подставляться под внушительное рубило Шулума Медного Щита, однако... Серэнити, в квазальде находится её спасение, и я готов рискнуть даже своей шкурой, чтобы заполучить его. Что делать? Порой, чтобы вытянуть из рук «Костлявой» одного, надо отдать ей другого. Вселенная бывает жестокой. Она даёт нам возможность решить, что важнее – твой друг или случайный гость на пути. Сейчас я ощущал желчь в горле, и не от того, что недавно весь мой обед покинул желудок, а потому что мне необходимо было отнять жизнь, жизнь к которой я отношусь трепетно. Выбор за мной, и я принял его. И ещё. Это дуэль должна была быть честной, и я не собирался использовать магию. Только сталь в наших руках определит, кому и дальше дышать, а кому покоится в могиле.

– Показывай место, где случится правосудие, – сказал, уверенно, но не без внутреннего трепета, берясь за пояс.

– Та поляна нам подойдёт, – гаркнул Шулум Медный Щит, указывая на травянистую и лишённую деревьев почву.

– Тогда не станем томить Богов нашими разговорами, – подытожил я.

– Ба! Смельчак! – хохотнул гном, размашисто шагая к намеченному месту. – Я тоже не трус! Тоже! Вот увидишь!

Мы достигли полянки. Гномы клана Хагал взяли её в кольцо. В центре остались лишь я да Шулум Медный Щит. Фридию зажали между плечами два рослых бородача. Я посмотрел на неё. Нежданно–негаданное избавление от неминуемой кары изменило её лицо, однако страх от того, что должно было случиться, никуда не исчез. Ну, а кому приятно глядеть на кровавую сечу? Лично я никогда от этого удовольствия не получал.

– На счёт три! – рывкнул важный гном на лундулуме (я смог перевести его слова).

Оголив Альдбриг правой рукой, левой я достал Лик Эбенового Ужаса. Боевая стойка – меч у бедра, посох чуть выше, под наклоном. Я вознамерился ждать первой атаки и прочувствовать насколько хорошим бойцом окажется гном. Шулум взгромоздил на лохматую голову шлем с рогами, помахал топором и поднял круглый, весь во вмятинах, щит желтоватого цвета.

Гном осторожно двинулся на меня. Первые удары его топора я смог заблокировать Ликом Эбенового Ужаса. Они были разведывательными, прощупывающими мою оборону. Альдбриг со звоном встретился с вражеским лезвием и по касательной врезался в щит. Посох вторил ему ударом по латной рукавице. После этого я не преминул сразу уйти в оборону. Получив болезненный шлепок, Шулум выругался. Наскок, опасный финт, снова наскок! Я заблокировал удары гнома, один за другим. Мой лоб давно обзавёлся потными каплями, которые горячими потоками заливали мне глаза и капали за воротник. Я не имел на себе брони, а мой оппонент был закован в отличный доспех. Поэтому когда мне посчастливилось проехать по его торсу мечом, на нагруднике осталась лишь борозда – Шулум не получил повреждения. Меня это огорчило.

Моей целью, если я хотел победить, должны были стать глаза, но они скрывались за прорезями шлема и добраться до них я пока не мог. Рубанув гнома по щиту Альдбригом, я отклонился назад и, заблокировав топор Ликом Эбенового Ужаса, что есть мочи стукнул каблуком сапога по коленной чашечке! Ничего не произошло. Отшлифованная броня поглотила моё отчаянное нападение и даже не скрипнула. Шулум Медный Щит расхохотался. Он обнажил желтые зубы в ухмылке и вновь двинулся на меня. Мне очень хотелось создать заклинание огня и зажарить гнома, как рыбу в фольге, но я дал себе зарок не делать этого. Увернувшись от топора, метившего мне в селезенку, я остриём Лика Эбенового Ужаса ударил по обитому сталью сапогу. Удар пробил носок, и из дырки полилась кровь. Шулум взвыл и дал мне попробовать на вкус каков его щит. Он вмазал им мне по лицу, и из моей разбитой губы потекла красная струйка. Мы обменивались ратными приемами очень долго. Мы оба устали, однако я, не носивший на себе груз доспехов, сохранил в себе сил чуть больше и потому, мои боевые «па» все чаще попадали в цель. Хоть это было и так, но успеха я от этого пока достиг немногого. Наша полянка была уже вся истоптана, когда топор Шулума врезался мне в икру. Боль. Горячая, нестерпимая, запредельная. Я охнул и едва не упал. Шулум воспользовался этим. Он пригнулся и, как гусеница, медленно, но верно, стал теснить меня к стоящим кружком соплеменникам. Я яростно защищался, тихо шипел проклятия и отпихивался назад. Когда, казалось бы, Шулум практически одержал вверх, я, преодолевая тремор и агонию, терзающую мою ногу, скрестив Альдбриг и Лик Эбенового Ужаса, зажал топор гнома в тиски. Крутанув своё оружие вправо, я вырвал топор из перчатки Шулума. Он кинул в меня щитом – я отклонился и что есть мочи всадил меч промеж глазниц рогатого шлема. Шулум рухнул громко, с лязгом и облаком пыли. По «живому кругу» прокатился шепот. Я вымотанный, страшно желавший пить, опустился на землю рядом со своим поверженным врагом.

– Он сражался достойно, – тихо сказал я. – Как настоящий гном клана Хагал. Ему надо воздать почести. Владыка Гор сейчас готовится принять своего сына.

Тот гном, что крикнул «на счёт три», обратился ко мне на лундулуме:

– Брат по крови Надургх, ты говоришь, как истинный гном.

– По праву победителя я объявляю своё право на воровку и на квазальд Шулума Медного Щита, – заплетающимся языком провозгласил я на ломанном языке Железных Гор.

– Твои претензии – законны, – сказал мне другой гном. – Пусть так и будет, Калёб.

– У вас есть лекарь? – подала голос Фридия.

На неё посмотрели враждебно.

– Есть, – промолвил член клана Хагал. Низенький и худой, он склонился надо мной.

– Я Орогхал, целитель. Дай мне осмотреть твою рану.

– С великим удовольствием, – тут же согласился я.

Пока Шулума Медного Щита раздевали от доспехов и облачали в белый саван, чтобы везти в Железные Горы (там он заснёт вечным сном в гробнице), меня осматривал Орогхал. В его наплечной сумке оказалось много целебных травок и припарок. Он промыл мне порез, дошедший чуть ли не до кости, и сшил костяной иглой рваные края. Мне было больно (просто ужасно), но я терпел, взяв в зубы веточку дерева, чтобы не кричать.

– Если не загноится, то выживешь, – поведал мне Орогхал. – Загноится – будет заражение крови, и ты умрешь. Все теперь во власти Владыки Гор.

– Спасибо тебе, Орогхал, без тебя я бы сник уже завтра.

– Мир тебе, Калев Шаттибраль, брат по крови клана Надургх. Мы принесем вести о твоём поединке с Шулумом в Хагал, – сказал подошедший ко мне гном с раздвоенной бородой. Он положил рядом со мной мешочек. – Твои изумруды.

– Спасибо. Шулум... Он был славным воином.

– Так и есть.

– С вашего разрешения, о гномы клана Хагал, я покину вас вместе со своей пленницей и квазальдом.

– Ступай. Мы не забудем о тебе.

Я приманил к себе таращающуюся на всех Фридию и жестом показал, чтобы она помогла мне встать. Опершись ей на плечо, я с трудом поднялся на ноги. Идти было невыносимо мучительно, и я скулил себе в разбитый нос. Мы дошли до входа пещеры, где до этого пряталась Фридия. Там я протянул перчатку.

– Квазальд, – потребовал я.

– Бери, он твой, – сказала Фридия, передавая мне сверток.

– А они твои, – отвечал я, отдавая ей изумруды. – Выкупи ими отца.

– По-честному их надо разделить, – не согласилась Фридия, вынимая для меня десяток зернышек.

– Хорошо, – не стал противиться я.

– Ты обмолвился, что я твоя пленница...

– Только для их ушей. Иди куда хочешь, и пусть Вселенная благословит тебя.

– Спасибо тебе, Калев Шаттибраль, ты и впрямь брат по крови... всем гномам.

Я улыбнулся.

– Оттого, что мы встретились, я выиграл так много, что ты даже не представляешь.

– Зачем тебе квазальд? – любопытствовала Фридия.

– Чтобы попробовать отвести Смерть от головы моей подруги.

– Он может?

– Я надеюсь.

– Тогда удачи тебе в этом.

– И тебе.

Фридия вошла в пещеру, а я как соломенный болванчик, заковылял к Юнивайну. Мой путь был исполнен конвульсивной и стреляющей по всему телу боли. Я не помнил, как дошёл до призрачного коня – дорога показалась мне вечностью. Он ждал меня там же, где я его и оставил. Заржав, Юнивайн как-то по-особому взглянул на меня. Призрачный конь понимал, что мне плохо, и что недавно я испытал потрясение. Потрясение – ещё слабо сказано! Нога доставляла мне ужасные мучения... У меня поднялась температура. Ехать я, естественно, никуда не мог. Я отпустил друга, а сам свалился под колючий куст шиповника. Иглы вонзились мне в лоб, но я не придавал этому никакого значения. В моей руке был зажат осколок квазальда.

Я помнил то, что рассказывал мне Дурнбад. Гномы во главе с королем Каменного Королевства Дюрнацем прознали о квазальде и захотели им обладать. Развязанная война с нирфами окончилась победой предков Дурнбада, однако весь квазальд по проклятию короля

детей Неба пропал и вот... некто Шулум Медный Щит обнаружил его на горе, принадлежащей клану Хагал. Я, знаток многих исторических событий и летописей, припоминал клан Хагал как верноподданных клана Умбрдун, раскинувшего свои подземные коридоры и скважины близ Великого Леса. Сейчас я одновременно испытываю отраду (больше её) и уныние. Отраду, потому что Серэнити, скорее всего, останется жива, и уныние, потому что я убил благородного гнома, нашедшего квазальд милостью Вселенной. Но, наверное, именно Вселенная и затормозила Юнивайна у ссохшейся скалы. Она показала мне лазеечку к тому, как вызволить Серэнити из лап Живой Воды. В моем списке теперь есть все: кристалл, заряженный волшебными флюидами, – Амаста, квазальд и нечитаемый наговор, с которым мне поможет Бертран Валуа! О, Бертран! Как я скучаю по твоей рыжей шевелюре, твоим шуткам, смеху и авантюрному духу! Ты – самый веселый из Грозной Четверки и вместе с тем самый открытый и любящий нас: меня, Калеба Шаттибраля, Эмилию Грэкхольм и твоего лучшего друга Альфонсо Дельторо. Сколько приключений мне довелось пережить с тобой, Бертран? Один десяток, сотню, тысячу? Не упомню. И столько же раз мы приходили друг другу на выручку. Сейчас, когда я скукожился и весь горю, у меня перед глазами стоят картины минувших дней... В ту пору мы с Бертраном были молоды и скоры на безумные странствия... Я надеюсь, как только получится, посетить Магика Элептерум и её одарённого мага – Бертрана Валуа.

Весь оставшийся день и всю ночь я пролежал, практически не двигаясь. Мне было плохо. Я дрожал и молился, чтобы Смерть с её Арбитрами не прознала обо мне. Наутро, в полузабытье, я откупорил флягу и выпил её до дна. Перевернувшись с затекшей спины на бок, я увидел, как по Змейчатому Тракту, стелившемуся от меня в каких-то тридцати футах, катит повозка, запряженная двумя лошадьми. О том, чтобы трястись в седле на Юнивайне и речи быть не могло, поэтому я, набрав в легкие побольше воздуха, закричал:

– Эй, эй там! Мне нужна ваша помощь! Пожалуйста!

Меня услышали. Повозка замедлила свой ход, а затем повернула ко мне. Из неё спрыгнула молодая девушка.

– Здравствуйте, леди, – лежа помахал ей я.

– Вы ранены? – озабоченно спросила она, после чего повернулась и крикнула: – Гарри, тут человек умирает!

Гарри, рослый детина лет двадцати семи, показался из-за бортов повозки.

– Что с вами произошло? – поинтересовался он.

– Сражение, – коротко сказал я. – Вы направляетесь в Ильварет?

– Да, – отозвалась девица.

– Возьмете меня с собой? Один я туда не доберусь.

– А чем ты заплатишь? – хмыкнул Гарри.

– Как тебе не стыдно! – взъерилась девушка. – Представь, если бы ты лежал так?!

– Миа...

– Никаких «Миа», он едет с нами.

Гарри оправил жилетку и критически меня осмотрел.

– Подняться сможешь?

– Сам вряд ли.

– Ладно, давай, Миа, ты берешь его под левое плечо, а я под правое...

С помощью двух пар рук я встал. Припрыгивая со «здоровой» на изувеченную ногу, я кое-как доплелся до телеги, где завалился на дно,

покрытое слежавшемся, но душистым сеном.

– Занятный у тебя посох... Был! – пробасил Гарри, окидывая Лик Эбенового Ужаса пытливым взглядом. – Теперь он мой. Ты мне отдаешь его за поездку и нашу доброту.

Я хмыкнул.

– За доброту – спасибо, однако, зачем тебе моя палка? Я могу дать кое-что повесомее неё.

Миа тронула лошадей, и мы покатили по Змейчатому Тракту.

– Что же?

– Изумруды, приятель, изумруды.

Я показал Гарри зеленые кристаллы. Они пришлись ему по вкусу (более чем, он чуть не запрыгал от радости). На том и порешили. Лик Эбенового Ужаса останется при мне, а Миа и Гарри обзаведутся баснословным богатством. По правде сказать, в деньгах они очень нуждались. Как поведал мне Гарри – их, молодожёнов, не получивших родительского благословения, выставили из дома. И они вознамерились попытать счастье в Ильварете. А теперь... теперь на какое-то время жизнь их станет безбедной. Конечно, за десять камешком дворца не купишь, но они точно помогут начать какое-нибудь своё дело. Как я понял, Гарри был подмастерьем кузнеца, так что в Ильварете он вполне сумеет открыть свою лавку, скажем «Острые Мечи Гарри» или «Закалённые Доспехи Гарри», ну или как он там сам решит, какое «Гарри» ему больше по вкусу.

Мерная тряска убаюкивала меня. Я то просыпался, то вновь засыпал. Меня кормили тем, что имелось: вареными яйцами, картофелем, копченой колбасой. Я ел и пил вино (неимоверно терпкое, оно обжигало мне гортань). Я хмелел, и меня забирало забытие. Икра мучила меня... Я потерял счёт времени... Сколько мы ехали? Знаю одно: в определённый момент мы резко остановились. Причиной тому

были волки. Стояла кромешная ночь и кони, на которых пытались прыгнуть «серые псины», истошно ржали. Гарри и Миа запалили факелы и достали что-то наподобие серпов, но ими волков отогнать не представлялось возможным. Рык, вой и скорбные восклицания «сладкой парочки» о том, что все пропало, побудили меня найти в себе силы напитать колдовством намерения Лика Эбенового Ужаса. Когда Гарри увидел, как из пустых глазниц черепа сверкают Молнии – он опешил. Я же, кое-как, выбравшись из телеги, запустил заряд Жуткой Пляски по хвостам волков. Бам! Бам! Бам! Бзац! Пятеро хищников обратились в пепел, а остальные с визгом разбежались. Хорошо, что кони отделались лишь парой укусов и были в состоянии бежать дальше. Выдав себя как мага, я приобрел уважение со стороны Мии и уж тем более Гарри. Они стали величать меня милорд-колдун и всячески пытались окружить моё тело заботой. К концу третьего дня мы вывернули на берег близ Туманной Пляски. Корабли и баржи, плывущие по реке в Ильварет, перемигивались светом масляных ламп. Я перевесился с края телеги и любовался ими. Несмотря на поздний час, вокруг было полным-полно людей, спешащих как к столице провинции, так и из неё. Ильварет с его замком «Гордость Вара», возвышался на горе. Вид города, грозный и величавый, наполнил радостью мое сердце. Если Серэнити в Ильварете, то она залатает мою ногу.

Долго ли коротко, но к самой заре мы доехали до страж-ворот «Рваная Риза». Гвардейцы и рыцари с эмблемой кабана, попирающего копытами тролля, пропустили нас через поднятую решётку.

Я глубоко вдохнул и выдохнул. Наконец-то!

– Где вас посадить, милорд-колдун, – спросила меня Миа.

– Если вас не затруднит, то доведите меня до Храма Ураха (в предрассветный час я надеялся застать Серэнити там... О, если она там!).

– Как прикажете.

Мы покатались по широким улицами Ильварета. Монументальные особняки, кварталы, наполненные множеством трактиров и харчевен, благоухающие чем-то сладким Ририи, парки и сады, а дальше, там, у Туманной Пляски – доки и верфи. Да, Ильварет, здравствуй, мой милый! Давненько я не посещал тебя! Мостовая, проведя телегу между нависающими фронтонами и двускатными крышами зданий, вывернула к площади Прихожанин, на которой раскинул свои крылья–постройки, флигели и башни Храм Ураха. Не то чтобы мне хотелось заходить туда, но где ещё искать Серэнити, как не здесь? Я отдал молодоженам изумруды, распрощался с ними и двинулся (кое–как, чуть не падая) к позолоченным дверям. Тук, тук, тук – сказала колотушка. Мне открыл послушник в коричневой рясе.

– Ещё рано, молодой человек, богослужение начнётся чуть позже.

– Мне нужна Великий инквизитор Иль Градо, – устало отозвался я.

– Госпожа Серэнити? – тут же пошамкал послушник. – Какое у вас дело к ней? Эти раны...

– Она тут?! – взволнованно воскликнул я.

– Здесь, да.

– Разбуди её, если она спит! Скажи, что на пороге храма стоит ее старый друг!

Мирянин закусил черные усы.

– Хорошо, я схожу в крыло Инквизиции. Ждите.

Я тяжело опустился на ступеньки, спиной к храму Ураха. Серэнити. Я успел! Ох, сколько же мне надо рассказать тебе! Сколько поведать! Наслаждаясь пением птиц и гулом просыпающегося города, я обессилено улыбался.

– Шаттибраль!

Я повернулся.

Серэнити! В великолепной рясе с амулетом на груди, с белыми, струящимися волосами, заплетёнными в аккуратную косу... Льдистые, наполненные отрадой глаза. Это она! Моя ненаглядная!

Я протянул руки, чтобы обнять её, и впервые в жизни она сделала то же. Ощущая её запах шоколадного парфюма, перемешивающегося с какими-то нотками амбры, я, наконец, почувствовал, что нахожусь рядом с тем, кто любит меня и кому я дорог. Моей радости не было предела.

– Хвала Небесам – ты жив!

– Разве есть сила, что может погубить Калеба Шаттибраля?

– И ты ранен!

– Вылечишь меня?

Серэнити сняла перчатки и возложила свои тонкие руки с сеточкой голубых вен мне на ногу. Прохлада заструилась по икре. Под стяжками иглы Орогхала постепенно проступала молодая розовая кожа! Боль уходила из меня! Я улыбался:

– Как же мне не доставало твоего врачевания все это время!

– Пойдем, расскажешь мне, что с тобой приключилось. И как ты уцелел.

– Того же я жду и от тебя.

– Мне есть, что поведать тебе, – грустно улыбнулась Серэнити.

Мы зашли в Храм Ураха и направились в палаты Ордена Инквизиции. Мой друг, моя милая Серэнити, которую я боялся и терпеть не мог, когда только познакомился с ней, шла ныне рядом. Я любовался её осанкой и величественностью. Как я рад, что она рядом. Вместе мы Таурусу второй раз рога можем свернуть! Я вновь не одинок! Спасибо, Вселенная!

Глава 12. Грезы наяву или Свет против Тьмы

– А что Грешем, – первым делом спросил я Серэнити, – как Эмилия? Мой Снурф?

– Их нет в Ильварете, – отрывисто сказала Серэнити. – Они ушли искать лекарство от заразы, испортившей Грэхольм ее лицо.

– Куда, куда они пошли?

– Этого я не знаю, но мне известно, что перед отъездом Эмилия заходила в Грэхелькхом – свое родовое гнездо. Я желала бы присоединиться к ним, но мои руки связаны... на данный момент. –

– Придётся и мне наведаться в Грэхелькхом, – кивнул я. Грэхелькхом (по своим причинам) я посещать не хотел, но это сделать было надо!

– Теперь расскажи мне всё. Как ты выжил?

В небольшом кабинете, отведённом в Ильварете под покои Серэнити, я рассказал ей все, что со мной приключилось после того, как меня волей Эмириус Клайн, Джеда Хартблада и Цхевы занесло в Гамбус. Великий инквизитор Иль Градо слушала молча, однако она не смогла сдержать вздоха, когда я поведал о поручении Привратника и о возможности ликвидировать действие Живой Воды. Когда я закончил свою повесть, Серэнити налила мне чашку обжигающего кофе и подала бутерброды, которые, наверно, ей принес служка на завтрак. Моя подруга свела указательные пальцы домиком и начала говорить:

— Моё сердце бьется с отрадой, узнав, что ты не умер. Никогда бы не думала, что скажу так, но так оно и есть. Теперь обо всём по очереди. В Ильварете нахожусь я и Дурнбад. Для Соединённого Королевства настали тёмные времена, и Алан Вельстрассен попросил меня, как примаса Братства Света, не возвращаться в Иль Градо и быть сейчас при нём. Помнишь ту орду живорезов в Великом Лесу, что мы видели с тобой у Мил'Саак? Она вырвалась из чащи и покатилась, но не сюда, в Ильварет, а в королевство Плавень. Лей Клинч, наместник Карака, лично возглавил рыцарей и раздавил нечисть у Сивой Гривы, однако... Что живорезам понадобилось в Плавене, мы так и не поняли. Их количество было так велико, что подобной ватаги, как поговаривают, не видели с дней Войны Пик. Нутром чувствую, что это далеко не последняя атака Хрипохора. Готовится что-то грандиозное, и сообщения из Клейменда тому доказательства. Ко всему этому неподалёку от кромки Великого Леса видели фигуру могучего демона, громадного и мускулистого... Как мне кажется, это их предводитель, но более подробной информации у меня нет. Это раз. Во-вторых, со смертью Тауруса Красного Палача все порталы исчезли с земель Соединённого Королевства, и это не может не радовать. В-третьих, гражданская война продолжается. На периферии Карака, в том же Роуче или Осприсе, о ней мало слышно, но на стыке провинций развернулись самые настоящие боевые действия. Керан ударил по Вельдзу, и наместник Вельдза, без согласования с короной ответил тем же. Многие тысячи жизней унесло к Всеотцу и в Бездну Назбраэля. Селения и города горят.

Серэнити привычно намотала на десницу амулет Ураха и пристально поглядела на меня своими светлыми глазами.

— Но это ещё не все. Самые кровопролитные стычки происходят между Иль Градо и мятежным Королевством Плавень. Королева Констанция Демей разрешила генералу Кирфу Маяну использовать все средства, какие у него есть. Полилась река крови, Шаттибраль. А между этим... Корона Света так и не была найдена, как и наследник королевства принц Фабиан. Ещё теперь твой Привратник со своим желанием...

– С одной стороны наседают живорезы, а с другой изменники.

– Именно так, Шаттибраль, именно так.

– Где я могу найти Дурнбада?

– Дурнбад осел в «Гордости Вара». Он принят там как герой Соединённого Королевства и высокопоставленный посланник Железных Гор.

Серэнити откинула белые струи волос за спину.

– Про твои сны и Укулукулуна. Сегодня вечером, перед сном я навещу тебя, и мы вместе поглядим на этого архонта. Я применю к тебе тоже средство, что и на Железном Пути. Авось этой проблемой станет меньше.

– Где мне остановиться?

– У меня, – просто ответила Серэнити. – Так мне будет проще наблюдать за интригами паучьего ставленника.

– Хорошо! Спасибо! Я могу быть тебе чем-то полезен?

Серэнити улыбнулась.

– Многим; но пока отдохни и повидай Дурнбада. Я уверена, он себе бороду вырвет от радости, что брат по крови оказался целехонек. Я выпишу тебе бумагу, которая пропустит твою особу в «Гордость Вара».

Великий инквизитор Иль Градо черкнула что-то на пергаменте и подала мне, а потом поднялась с резного стула, не предусматривающего особого удобства.

– Меня ждут заботы, Шаттибраль. Встретимся вечером и ещё...

Серэнити открыла дверцу шкафчика и достала увесистый кошель.

– Тебе понадобится золото в городе. Держи и примени по нуждам.

– Спасибо, дорогая!

– Не называй меня так, отродье Тьмы!

Я засмеялся:

– Узнаю тебя, Серэнити, так ты больше на себя похожа.

– Иди давай, а не то я передумаю и подвешу тебя за ребро на стену.

Конечно, Серэнити так бы не поступила, и мне было приятно, что она шутит со мной в обычной своей манере.

– Уже лечу на всех парусах, – снова рассмеялся я.

Я вышел из Храма Ураха, окутанный теплотой приёма у Серэнити. Я соскучился по этой белобрысой воительнице со Злом, и сейчас, пообщавшись с ней, во мне пели вьюрки. Я перепрыгнул со ступеньки на ступеньку (моя признательность тебе Великий инквизитор, я вновь могу бегать) и оказался на площади Прихожанин. Моя дорога повела меня на гору, на которой высился «Гордость Вара». Его парапеты, переходы, башни, баллисты и зубчатые откосы, как и бастионные валы, гордо заявляли о неприступности и мощи.

Улицы заворачивались и переплетались. Я толкался в суете города, протискиваясь сквозь его заполненные людом кварталы. С разных сторон кричали:

– Свежая морковь, лучшая морковь, огромная и рыжая, как солнце перед закатом!

– Подкую вашего коня за десять медяков, всего за десять!

– Не проходите мимо! в Доме Наслаждений Вайры вас покинут все неприятности и вы окунётесь в лоно любви!

– Подайте на пропитание, милостивые горожане! Молю, подайте во славу Ураха!

– Спую песню вам я, да, на многие счастливые года!

Пройдя сквозь переходы Беломраморного Форума и его торговую сутолоку, я начал взбираться на гору к «Гордости Вара». По пути мне встретился мрачный Ноклидан с его задумчивыми читателями, бродящими по округе с книжками и свитками или сидящими на ступеньках. Помахав библиотеке, словно старому другу, я вступил на огромную лестницу «Тысяча и Одна» и стал взбираться вверх. Порожки, рябые и стертые, со многими выщербленами и вмятинами привели меня к двум башням–близнецам. Сутулый плечистый рыцарь в пластичном доспехе неспеша прочёл мою бумагу и махнул перчаткой, чтобы подняли решётку. Я прошёл по длинному мосту, который разверзся над сухим рвом, утыканным кольями, и перебрался во внутренний двор. Здесь я бывал несколько раз, и посему без труда наметил дорогу к донжону, стиснутому стройными и высокими башнями. В холле «Гордости Вара» мальчишка–паж спросил, к кому я иду на аудиенцию, и я ответил: «К храброму гному». Мальчик поманил меня за собой. Дурнбада я углядел сразу. Он сидел на пуфиках в широком кресле, соразмерном его внушительной «пятой точке». Дурнбад был окружён знатными людьми и дамами Ильварета. Он обедал. Звучно вгрызаясь в куриную ножку и запивая её вином, мой любимый гном громогласно хохотал. Я стал у стола и, улыбаясь, стал слушать, как Дурнбад пересказывал нашу битву близ Эльпота.

«... У него рога, что твои руки. Я наклонился к Джизи, шепнул ему, моему снежному барсу, куда нестись надо. Джизи парень н глупый был, смекнул, что почём, да и побежал на этого Таурса быстрее быстрого. Тут что произошло! Вытянул я брата по крови из рук Смертушки! Отвел от него длань Владыки Гор! Вот этим своим молотом, агась, ка–а–ак вдарил по макушке плешивой того козла, а

потом все — как в тумане! Помню только вспышку огненную, да как Калеб грозно с посохом идёт на эту образину, мечом своим потрясывая, а я...»

— А ты стоял и пялился на меня, как сова на новый день, — подсказал я, выходя из тени.

Надо было видеть глаза Дурнбада, когда он разглядел мою фигуру среди снующей челяди. Гном вскочил с кресла, перевернув снесь, и кинулся ко мне. Заключив меня в железные объятия, он прогремел:

— Горы и недра! Владыка Гор, ты ли слышал мои воззвания! Брат по крови! Это ты!

Мои ребра так трещали, что я не мог произнести ни звука.

— Калеб, бездна тебя разбери! Ты, вот он ты! Ты тут! Чтобы у меня все волосы в бороде выпали!

— Да, мой родной! — отвечал я с теплой улыбкой, когда гном, наконец, разжал свои тиски. — Я скучал по тебе!

— Иди, садись за стол!

Гном вытащил какого-то рафинированного лорда с его места и усадил меня рядышком.

— Рассказывай!

И я рассказал. О Гамбусе, о Привратнике, об Отражателе, Фарганорфе, Первородном Соблазне и Укулукулуне. Я говорил о тех приключениях, что мне выпали наемни и о тех, что еще, возможно, у меня (нас) случатся.

— Паучий король, значит! Кишка у него тонка, выйти он один на один! Да хоть бы и со мной! Я бы показал ему, где снежные барсы себе хвосты чешут!

– Эта проблема одна из многих, – напомнил я Дурнбаду.

– Знаю! Знаю! Эмилия эта твоя! Ой, да ладно такую гримасу корчить! Я сразу смекнул, что она тебе нравится! Ушла, значит, она, а я с Серэнити остался, да! Нужен ей тут друг этой нашей защитнице Светлого Бога! А у твоей Грэкхольм вампир есть!

– Я благодарен, что ты не покинул Серэнити и не подался в Железные Горы. Ей необходимо... мужское плечо.

– То то же! Я и сам все знаю! Давай выпьем за твоё возвращение! И это, давай, показывай квазальд! Нет, ну ты подумай! Квазальд у меня под носом!

– Только по маленькой, – вновь улыбнулся я, вынимая свёрток из сумки. – День–деньской на дворе!

– Тут неййли–пеййли нет, а вот вино в Ильварете – класс! – ответствовал гном, наливая мне кубок, а затем бережно принимая у меня металл.

Могу сказать, что тот первый день моего знакомства с Зарамзаратом практически повторился вновь – в том смысле, что мне было весело, а не то, что я наклюкался. Я пил и закусывал. Сухое и полусладкое, сладкое и совсем сахарное. Мы трещали с Дурнбадом о жизни, обнимались, пели песни и вспоминали совместные приключения. Я порядком захмелел. Желая сбросить с себя тяготы минувших дней, я растворился в дружеской компании милого мне гнома. Мы смеялись, мерились силой на руках, и Дурнбад играючи повалил меня все три раза – не чета я Грешему, с которым он возился добрых десять минут; пели песни. К вечеру я так умаялся и нахохотался, что еле открывал и закрывал глаза. Меня клонило в сон. Дурнбад вызвался проводить меня до покоев Серэнити.

– Ты мог бы заночевать у меня, брат по крови, но надо тебе со светлой нашей жрицей увидиться. Ага, надо Укулуку, сломишь его об

вагонетку ногу, не выговоришь, выгнать из твоих снов.

– Очень надеюсь, что так и произойдёт, – искренне согласился я.

Мы вышли из замка и потопали по «Тысяча и Одной» вниз. Сумерки заходящего дня создавали причудливые тени. Запахи костров и пряностей, перемешивающихся с ароматами цветов и Ририй, щекотали мне ноздри. Я чихнул и улыбнулся гному. В половину меня, крепкий, как тысячелетний камень, сильный и храбрый – вот он, мой друг! С ним мне не страшна никакая сеча и никакой враг! Я потрепал старейшину войны по лохматой голове, на что услышал:

– Попридержи свои перчатки, наглый человечиска! Я тебе не абы кто! Я высокорождённый! Дурнбад из рода Надургх! Нечего меня тормозить!

Дойдя до храма Ураха, мы распрощались. Когда Дурнбад стал возвращаться в «Гордость Вара», его доспех засеребрился, как будто впитывая в себя свет восходящей луны. Я помахал ему в спину и постучал в ворота. Меня впустили и без лишних разговоров отвели в келью Серэнити. На месте её не было. Чтобы скоротать время в ожидании подруги, я принялся рассматривать её жилище. Скромное и аскетичное – я так охарактеризую его. Кровать (рядом поставили вторую, видимо, для меня) чистая и аккуратно убранная, пряталась за балдахин, рабочий стол с кипой бумаги, тройка навесных полок, забитых всяким барахлом, комод, пару горшков с цветами, шкаф с одеждой. Я поднёс к носу флакончик с духами. М–м–м! Душисто! Снурф бы точно оценил! Эх, где ты мой маленький, верный таракан! Надеюсь, Эмилия не даёт тебе голодать!

– Если их долго держать открытыми, они заполнят собою всю комнату, – произнесла Серэнити почти в самое моё ухо.

Великий инквизитор забрала у меня флакон и плотно закрыла его колпачком.

– Твои духи действительно стойкие.

– Это единственная роскошь, которую я себе позволяю.

Серэнити отстегнула белый плащ и повесила его на крючок. Сняв латные перчатки, она устало вздохнула.

– У меня был тяжелый день, и он ещё не закончен.

– Мы будем... Встречаться с Укулукулуном? Или... может, потом?

Моя светлоголовая подруга потёрла виски.

– Я обещала тебе сегодня. Значит сегодня. Ложись на свою кровать. Вон она.

Я послушно лег.

– Нет. Давай раздевайся.

– При тебе?

– Что тебя смущает? – вскинула бровь Серэнити.

– Хотя бы ты!

– Мне нужно, чтобы твоё тело охладилось. Так проще создать контакт, – промолвила Великий инквизитор, распахивая настежь окно. – На Железном Пути, в глубине гор, было нежарко, как ты помнишь, поэтому мне не надо было просить тебя об этом.

– Хорошо, как скажешь, – кивнул я, раздеваясь.

оставшись перед Серэнити в нижнем белье, я чувствовал себя скованно, но... Так уж мне велели. Я вновь уместился на койке.

– Выпрямся и расслабься, – тихо проговорила Серэнити, накрывая мне глаза своей ладонью.

Я слышал, как ветер колышет шторы. Его дуновение остужало меня. Прохлада... На лоб мне опустился амулет Ураха – волнистая звезда, украшенная соцветиями и мелкими камушками.

– Ты засыпаешь... Ты проваливаешься в забытие... Ты уже спишь... – тихо и монотонно запела Серэнити где-то рядом.

Я куда-то падал... Свет струился... Неподалеку и во мне самом ... Я очнулся возле древнего и замшелого алтаря Ураха, находящегося в кругу мегалитов с выдолбленной на них затейливой резьбой. Солнце вовсю лилось с абсолютно голубого неба. Серэнити, ослепительная и грациозно красивая, запрокинула голову ввысь. На ней ладно сидел отполированный зубчатый шлем, а торс защищала изумительная кольчуга, сотканная из маленьких частиц чистого сияния.

– Сейчас мы на моей территории, – тихо сказала Серэнити. – Тут господин всего – Всеотец. Это его место в моём сердце. Посмотрим, осмелится ли Укулукулун сунуться сюда. Если он придёт – я дам ему бой и попробую выстоять. А если ему не хватит сил пробраться сквозь оболочку моих чар, то бояться тебе больше будет нечего, так как я заточу тут все твои сновидения.

– План хороший, – отозвался я.

Умиротворение, которое исходило из окружающей меня действительности, изгоняло мои страхи и заталкивало их далеко на задворки восприятия. Я ощущал себя под защитой. Под взором и любовью Ураха.

– Ты готов?

– Да.

– Тогда начнём.

– Укулукулун! – громогласно крикнула Серэнити ввысь. – Укулукулун Тобольдо! Грязное отрепье Тьмы! Я взываю к тебе и вызываю тебя на сражение за душу Калеба! Услышь меня! Так говорю я, Серэнити, великий инквизитор Иль Градо, примас Братства Света и помазанница Ураха! Приди и отведай могущества Света!

И он услышал. И он пришёл. Без вспышек. Без феерического представления, как раньше. Он просто появился за валуном. Его костный доспех плотно облегал тело, а паучья корона как влитая сидела на длинноволосом челе. Его удивительно правильные, словно резные черты лица, украшала плотоядная и злобная ухмылка. Медленно ступая по травяному настилу, Укулукулун приближался к Серэнити, совершенно не обращая на меня внимания– я был за её абсолютно прямой спиной. Великий инквизитор подняла свою булаву и выставила вперёд щит. У архонта же оружия в руках не было. Оценивая оgleдев мою подругу, он расхохотался издевательским смехом.

– Девочка, ты даже не представляешь, какие силы ты призвала на свою глупую головку! Отойди в сторону и я, так и быть, пощажу тебя. Мне нужен он, а не ты.

Я отклонился, чтобы увидеть лицо Серэнити. Оно было непоколебимым, непроницаемым, безбоязненным и волевым.

– Попробуй взять его, если сможешь.

– Неужели ты вообразила, что я стану играть в твои игры? – осклабился Укулукулун, делая новый шаг по направлению к Великому инквизитору.

Действо его явно забавляло.

– Дурашка. Смотри!

Укулукулун хлопнул в ладоши, и в моих моментально налившихся свинцом руках, стала проявляться шкатулка и фасетчатый ключ.

Синева небосвода обзавелась угольными тучами. Дождь забарабанил по мегалитам и потёк ручьями по их выбоинам. В алтарь Ураха ударила молния. Она расколола его напополам и наполнила нездоровым рыжим свечением. Паутинные занавески опали с деревьев, приютившихся чуть поодаль нас. От благолепной и живописной обстановки, которой изначально был окутан мой сон, не осталось ничего. Дым и копоть пробились сквозь почву и наполнили воздух смрадом. Я закашлялся... Но Серэнити не дрогнула, не поменяла своего сурового вида.

– Тебе ли, женщина, выставять против меня свои жалкие иллюзии!

Путаница обжигала мои пальцы. Безобразная окантовка шкатулки, вкупе с плешивыми завитками иероглифов на крышке, и мерзопакостная замочная скважина заставляли меня дрожать от одного её вида. На моей обнажённой груди постепенно проступал молочно-белый знак – знак Испытания и Предопределения, вынесенного Восьмой из Колеса Девяносто Девяти, Вседержителем Рифф. (Меня оглушила истина, что Таурус Красный Палач из Десницы Девяносто Девяти Спиц, был ни кем иным, как знаменосцем Вседержителей. Колесо Девяносто Девяти – это девяносто девять Богов, познавших себя в Гамбусе после Большого Взрыва, и сотая среди них Смерть – царица Над Всем.)

– Ты умеешь только погоду портить или ещё что-то? – насмешливо осведомилась Серэнити.

– Дерзость. Она вдохновляет, – хмыкнул Укулукулун, извлекая из ниоткуда длинный меч и алебастровый щит в алмазах. – Ну же, покажи мне, из чего ты сделана, дитя!

Первый, ленивый удар Укулукулуна угодил в легендарный артефакт Нолда Тёмного. Сноп искр, взъерившихся от соприкосновения оружия и щита, обожгли мне сетчатку оранжевым всполохом. Архонт стал обходить Серэнити, пробуя её оборону. Великий инквизитор блокировала все атаки и в отместку посылала

свои, которые, правда, не могли достичь своей цели. Как и прежде, я увидел, насколько гениален Укулукулун в военном ремесле. Все попытки пронять его защиту захлебывались. Серэнити согнула колено и провела ряд боевых приемов: булава рубанула крест–накрест, а щит прижался к боку. Затем снова так же, но под другим углом. Укулукулун уклонился и издевательски, будто потешался, стукнул Серэнити эфесом клинка в скулу. Кровь выступила на разбитых губах. Щелчок, наскок, замах, удар, шаг в сторону, удар, и два вперёд, скрещение булатов, подсечка, наскок.

– Простофиля Бракарабрад из плешивой Серебряной Росы, и тот был более прытким, – сказал мне Укулукулун как бы между прочим. – Эта твоя новая хлопотунья меня утомляет.

Архонт сделал неуловимый выверт мечом, и на щеке Серэнити показалась алая полоска. Белую рясу окропили бордовые капли. Великий инквизитор стиснула зубы и, вложив в тычок булавы все свои силы, огрела хмыкающего Укулукулуна по бедру. Костный доспех треснул, издав противный хруст. Больше архонт не улыбался. Он боднул Серэнити щитом, а затем навалился на неё, атакуя яростно и резко. Сталь секлась. Увечья получали оба. У Серэнити был прорезан живот и запястье, у Укулукулуна, в дополнение к поврежденному бедру нарисовалась вмятина на шлем–короне и на колене. Пока Белое и Черное, Доброе и Злое противоборствовали, из Путаницы, приоткрывшей свои створки, послышался голос отшельника Серебряной Росы:

– Противопоставь ему себя, Калерб, иначе твоя подруга погибнет... Случись так... Смерть её станет настоящей... Она не очнётся...

– Каким образом?!

– Используй Путаницу. Путаница – это мощь Рифф... Огради ею Серэнити и себя...

– Но...

– Быстрее!

Я сосредоточил мысли на чудовищной шкатулке...

– Призови Рифф... Поклонись Ей...

Я не хотел этого делать. Не желал. Но видя, как Серэнити получила очередное увечье, я взмолился:

– Рифф, могущественная и Первая среди Первых, я склоняюсь перед Тобой. Перед Твоим Замыслом и Испытанием. Дай мне доказать, что я чего-то стою, и что Твой выбор относительно меня был судьбоносным.

Путаница зарделась, и как бы в ответ на мою просьбу изрыгнула из своего чрева полупрозрачную сеточку с крошечными паучками. Белесое покрывало взметнулось и, врезавшись в Укулукулуна, опрокинула того навзничь. Воспользовавшись этим Серэнити, тяжело дыша, опрокинула булаву на венценосный висок архонта. Бзацц... Укулукулун ойкнул и, залившись кровью, зарябил и пропал.

– Возвращаемся... – выдохнула Великий инквизитор.

Мир закрутился, и мы вновь оказались в опочивальни Серэнити. Я все так же лежал, весь в поту, а моя подруга, бледнее мела, стискивала пальцами амулет Ураха.

– Я звала Всеотца... звала Его всем своим естеством побороть Этого... Эту Пакость... но Он не пришёл... И я не смогла... не смогу... Твой враг... Укулукулун могущественнее меня... – пролепетала Серэнити. – Нас спасла удача...

– Что мне теперь делать? – шёпотом спросил я. – В следующий раз, когда тебя не будет... Укулукулун сломает меня. Если только...

– Если только, что? А эта сеть? Откуда она взялась?

– Я обратился за помощью к госпоже Укулукулуна и инициатору всего этого действия... к Рифф.

– Ты пообещал ей служить?

– Я... Да, я сказал, что принимаю Её волю и Её Испытание...

– Плохи наши дела, – поникла Серэнити. – Ты понимаешь, почему?

– Более, чем...

– Нет, не понимаешь. По хроникам Братства Света Рифф и её культ – Дом Шелка хорошо известны мне. Согласившись на условия тлетворного божества, ты негласно подписал договор, который развязал Рифф руки... Сейчас, после твоего метафоричного коленопреклонения, твоё тело и твой разум стали вместилищем Её тёмной магии. Великой Порчи. Теперь, скорее всего, я не смогу пробраться в твои сны...

– Но ты попробуешь?!

– Да. И я, и, если не получится у меня... Я попрошу Алана Вельстрассена... Если уж он не сможет помочь, то...

Серэнити измождённо опустилась на кровать.

– То ты будешь в беде.

Моя подруга нахмурилась, глядя на моё осунувшееся лицо.

– Не отчаивайся. Ты нашёл для меня квазальд, а я отыщу способ, как противостоять Укулукулуну.

– Его надо победить в Анкарахаде. Так мне сказал арахнид из моего первого сна.

- Ты должен попасть в неё? В эту страну?
- Да, Путаница откроет себя после трех оборотов.
- Я видела ту шкатулку в твоих руках. О ней речь?
- И снова да.

Серэнити сжала губы в тонкую линию.

– Думаю, сегодня тебя Укулукулун больше не побеспокоит, поэтому постарайся заснуть. Завтра я пойду к Алану Вельстрассену, и если у него будет на меня время, то я поведаю ему обо всем, что случилось сегодня ночью.

Серэнити измождённо перебралась на свою кровать и, уже лёжа, стянула с себя рясу, оставшись в белых колготах и сорочке. Её руки от плеч по запясть, покрывали удивительные символы. Моя дорогая подруга как-то сказала мне, что то есть отметины Ураха, но я (по своим соображениям и по полунамёкам Петраковель) думал иначе – они – пятна Хрипохора. Это из-за них Серэнити такая сильная. Я смотрел на синие, геометрически правильные узоры великого инквизитора, а пока сон вновь не одолел меня.

Я проснулся рано, но Серэнити уже не было в покоях. Записка в моём сапоге гласила: «Прелат понтифика Братства Света наметил нам аудиенцию на девятнадцать часов. Не опаздывай. Жду тебя без пятнадцати семь. С.»

Я буду тут ещё раньше. Как за мной, излишне пунктуальным, всегда и водится.

Холодная яичница, ломтики бекона, остывший чай и ломоть черного хлеба ждали меня на столе. Я потер щёки, оделся и сел завтракать. Еда ложилась в желудок абы как, и поэтому, боясь, что она во мне не удержится, я отложил трапезу на потом. У меня намечалось одно неотложное дело. Мне необходимо было навеститься в

Грэкхелькхом. Это старое родовое гнездо – целое поместье внутри обширного Ильварета – издавна принадлежало семейству Грэкхольмов. Много веков как нет родителей Эмилии. Отца её я никогда не видел, а мать – мельком, и то пару раз. Зато одну особу мне довелось лицезреть несколько чаще... Не лежит мне сердце переться в Грэкхелькхом, ой, не лежит. Однако... там я смогу найти (возможно, но я не уверен!) зацепку, куда Эмилия и Грешем могли направиться в поисках осколков Светочи.

Приладив меч на пояс, пригладив волосы, жеманно улыбнувшись в зеркало, я покинул опочивальню и потопал из Храма Ураха. Отдалившись от Прихожанина с его неиссякаемым потоком мирян, я завернул на Каскадную улицу. Потом вышел к проспекту Столпов и дальше, через Беломраморный Форум – к переулкам ремесленников. Обойдя по дуге ширь, состоящую из трехэтажных зданий, плотно прилегающих друг к другу стенами, я направился по алее Зоркая Птица, пока она не вывела меня к калитке огромного особняка. Никем не охраняемая, она пропустила меня во фруктовый сад. Сейчас плодов в нем я не заметил, но летом их тут будет не сосчитать. Вот и он – Грэкхелькхом.

Нервно сняв перчатки, я сжал и разжал пальцы, после чего постучал дверным молоточком. Мне открыли буквально через минуту. Молодая служанка в переднике и чепце.

– Доброе утро. Я – Кaleb Шаттибраль. Могу ли я видеть леди Настурцию Грэкхольм?

– Госпожа ушла в «Гордость Вара», милорд. Могу я передать...

– Нет, нет, – поспешно ответил я. – Я сам её отыщу. Всего хорошего.

Путь от Грэкхелькхома до «Гордости Вар» занял у меня не меньше полутора часов. Особенно меня порадовала «Тысяча и Одн»а. Я аж вспотел, пока поднимался по лестнице. Зато её удобно оборонять. Везде есть свои плюсы и минусы.

Я прошел по подвесному мосту и оказался в замке. Коридор из пустых рыцарских доспехов... так, тут налево, а потом напрямик, к галерее. Я точно знал, куда мне надо идти... Бывал уже тут как-то... Дубовая дверь с пентаграммой. Да, она мне и нужна. Я приложился к ней кулаком. Бум! Бум! Бум! Скрип петель... Она. Я смотрел на неё, а она глядела на меня. Лицо Эмилии (точная её копия), но человек, коему оно принадлежало, был совсем другим. Настурция Грэкхольм, придворная колдунья Ильварета, родная сестра-близнец моей самой близкой и любимой подруги буравила меня ненавидящим взглядом изумрудов. И с каждой секундой, проведенной нами в молчании, он становился все более зловещим.

— Ты...

— Я.

— Убирайся прочь!

— Нет.

Настурция сделала над собой усилия. Она явно хотела ударить меня, но сдержалась.

— Говори, что тебе нужно и проваливай!

— Я хочу знать, куда пошла Эмилия.

— Мне нет дела до твоей Эмилии!

— Это неправда. Великий инквизитор Иль Градо сказала мне, что Эмилия приходила к тебе. Скорее всего, хотела посоветоваться, куда ей идти дальше. Ты же её видела...

— Видела. Это ты виноват, что она стала такой.

– Это правда. Мой проступок лишил её дома в Лунном Лесу и повлек за мной...

Настурция попыталась закрыть передо мной дверь, но я вставил сапог в щель.

– Я тебе сейчас его сожгу! – недвусмысленно воспламеняя на ладони шар Огня, предупредила меня Настурция.

– Просто скажи, куда она пошла, и я тебя больше не побеспокою.

– Я не знаю и знать не хочу! Все!

Я отпрянул и вовремя. Магическая сфера, пущенная Настурцией, едва не обуглила мне бедро.

Из-за двери послышался голос:

– Я тебя ненавижу, Шаттибраль, ненавижу всеми фибрами души!

– Другого ответа я и не ждал...

Я повернулся на каблуках и побрёл прочь. К Дурнбаду, наверное, да, пойду к нему... Пока я шел по ветвистым переходам «Гордости Вара», мною владели воспоминания. Эмилия и Настурция в детстве были не-разлей- вода – так мне всегда говорила моя подруга. Обе они стали выдающимися чаровательницами. Эмилия отточила свои навыки в Алхимикус Деторум, а Настурция – в Магика Элептерум. Две красавицы, две умницы и... однажды смертельно поругались и вспыхнули ненавистью друг к другу.

Тот день... да, я его не забуду. Я, Эмилия и Настурция отдыхали в тени вяза в Шальхе. Жаркое лето, прохладный сидр, спелые сливы... Они спорили о каком-то человеке, не называя его имени. Настурция уверяла, что он должен быть с ней, а Эмилия горячо оспаривала это, говоря, что он ей не пара. В конце концов, споры начались не шуточные. Видимо, Настурция Грэкхольм влюбилась в кого-то, что

категорически не понравилось Эмили. Эмилия так и заявила: «Если ты уведешь его от той, которой он дороже сердца, ты перестанешь мне быть сестрой, потому что поступишь подло. Ты знаешь, о ком я говорю». На что Настурция ответила: «Он с ней, только он ещё не в курсе, что должен быть со мной!». Они так долго препирались, что я немного прикрикнул на Настурцию (уж слишком она наседала на Эмилию, а Эмилия все-таки – мой самый близкий друг). Настурция после этого аж взбеленилась. Уж не понимаю, почему. Она прокричала: «Ты всегда с ней заодно! Всегда её во всем выгораживаешь! Всегда всё мне портишь! (чем я хоть что-то ей портил?!) Видеть вас обоих не желаю! Никогда!» И впрямь после этой ссоры отношения между сестрами стали холоднее льда, а ко мне уж как относиться Настурция начала, ну как – так же, как было сказано мне пару секунд назад. Дурацкая, конечно, ситуация, но Настурция Грэхольм – упертая и раз решила меня ненавидеть, так и ненавидит по сию пору. Вот, ведь, девушки...

Не солоно хлебавши, я побрёл по громадному замку «Гордость Вар»а. Встречаемые мною знатные персоны и слуги не обращали на меня никакого внимания. Завернув за угол, я оказался в музейной анфиладе. Там комнатка, тут комнатка, а напротив их товарки. Каждая из них содержала в себе какие-то диковинки, запертые под стеклянными крышками ящиков. Задумчиво разглядывая тяжелую золотую подвеску, принадлежащую некогда самому Вару, я ойкнул, когда мимо промчалась свора дворцовых собак. В Иль Градо хвостатых держат на псарне и не пускают бродить по замку, тут же – дело иное. Наместники Карака всегда питали любовь к пёселям и давали им носиться по своим покоем.

Дурнбада я не отыскал. Он ушел куда-то из замка, а куда, мальчик-паж, который был закреплён прислуживать гному, сказать мне не смог. Поэтому я решил пообедать в общей гостиной, а потом вернуться в покои Серэнити. А больше некуда. Своего пристанища в Ильварете я не имел.

Я вышел из замка.

Рядом прогремела повозка, груженная всяческими диковинками, за ней ещё одна, потом ещё, ещё и ещё... Приятно осознавать, что хоть в Соединённом Королевстве и идёт война, но товарооборот не иссяк. Посторонившись, я пропустил вперёд двух девушек с корзинами, полными ягод. Мальчишки смеялись, кузнецы били молотами по наковальням, в кабачках и погребках слышались застольные песни. Из портового района тянуло запахом реки... Толстая крыса выглянула из мусорного ящика. Пошевелив усами, она сочла меня не представляющим опасности и вновь занялась своими делами в недрах выкинутого хлама.

Суэта Ильварета, пульс его жизни благотворно сказывались на моём настроении.

Без лишних разговоров меня пропустили в крыло Инквизиции (скорее всего, Серэнити распорядилась, чтобы мне не задавали лишних вопросов). Не то чтобы мне нравилось место, где меня поселила моя подруга. Но я немного нервничал от того, что рядом со мной снуют вездесущие инквизиторы.

– Шаттибраль!

Меня схватили за рукав мантии и бесцеремонно развернули на девяносто градусов. Белая ряса, как и у Серэнити, изогнутый серповидный посох с навершием в виде звезды Ураха. Я посмотрел на лицо: всё в оспинах, кривой длинный нос, густые брови и копна смоляных волос над чрезмерно оттопыренными ушами.

– Не имею чести быть знакомым, – отозвался я, мягко высвобождая рукав из латных перчаток.

– Великий инквизитор Карака, Зенобий.

– Мне очень приятно...

– Мне же – нет. Серэнити привела тебя в святая святых, уверяя, что ты – наш спаситель... Я уважаю сестру, но знай, я смотрю за

тобой. Ты – черный маг и не соверши ты своих подвигов, я бы сжег тебя на Прихожанине.

– Хорошо, что я все–таки их совершил, не так ли?

– Бесспорно.

Зенобий сжал зубы, похрустел ими, после чего изрёк:

– Иди. Пока на этом всё.

– Спасибо, что отпустили, ваше сиятельство.

Ну вот, ещё какой–то Зенобий нарисовался. А куда без него? Он тут – главная шишка в Ордене Инквизиции. Если я дам ему повод, заступничество Серэнити будет значить немного. Я на чужой территории (да к тому же еще и коротаю ночи здесь!). Буду осторожным. Ох, забавно все это, забавно.

Оказавшись в опочивальне Серэнити, я взял чистый лист пергамента и окунул перо в чернильницу. Я хотел написать письмо Бертрану Валуа. Начав с короткого приветствия, я по пунктам расписал историю Великого инквизитора Иль Градо и Живой Воды. Перечертив зашифрованный наговор на бумагу, я попросил Бертрана как можно скорее его перевести и с птицей послать мне. О себе я ничего не присовокупил: «Обо мне при личной встрече».

Запечатав конверт, я отправился к воронятне, что приютила свои крыши во внутреннем дворе Храма Ураха. Прыщавый паренек лет семнадцати выслушав, что мне необходима пернатая, способная долететь до Магика Элептерум, нахмурился.

– Есть у нас один ворон... Старый, как кости моего дедули, что уже давненько стынут в могиле. Он когда–то помнил дорогу в Свихнувшуюся Башню.

– Дед или ворон помнил?

– И тот, и другой. Но ворон пока еще жив, а дед уже как пятнадцать лет пьет пиво в обнимку с женой Назбраэля.

– Пошли ворона, авось долетит.

– Точно не деда? – расхохотался паренек.

– Давай не будем отрывать твоего предка от пива и чужих жен, – улыбнулся я. – Пусть уж ворон.

– Как прикажете, милорд.

До девятнадцати часов оставалось ещё два, и я захотел провести их с книжкой. Топ, топ, топ, и снова в город... В архивы Братства Света меня бы не пустили, даже если бы я попросил именем Великого инквизитора Иль Градо, поэтому моей целью стал Ноклидан. Ещё издали я увидел его сечённые колонны и треугольный навес над ними. Я поднялся по порожкам и зашёл в холл. Широкая стойка, а за ней книжные шкафы, тянущиеся вдаль... Я кинул управителю библиотеки пару медяков из кошелька, выданного мне Серэнити. Тут за вход надо платить – так-то!

Побродив туда-сюда по залу, я вытянул с полки книгу об Узле Благополучия. Удобно устроившись в низеньком креслице в тени разросшегося физалиса я принялся перебирать страницы. Сама по себе литература о водных артериях меня всегда пленяла, а тут Узел Благополучия... Вообще нам неизвестно, впадают ли в него реки, убегая куда-то вглубь земли, или это просто место, где они встречаются и, пересекаясь, текут дальше. Ходит молва, которую проверить (или опровергнуть) нельзя, что Узел Благополучия – это гигантская впадина, засасывающая в себя все воды Мира. Вроде как иногда, при спокойной погоде на переливчатой глади Узла Благополучия можно разглядеть едва заметный водоворот. Поговаривают, что он есть не что иное, как верхушка того водоворота, что многими милями ниже втягивает в себя всё и вся. Была одна легенда о моряке Идукле. Вроде как его корабль проплывал как раз над

одним из таких пузырящихся водоворотов и тут, вжух, магия–стихия! Судно Идукла завертелось в тысячу раз быстрее и его уволокло на самое дно Узла Благополучия. По каким–то противоестественным причинам Идукл не захлебнулся и мог дышать, как бы попав в воздушный карман. Долго опускался испуганный моряк на самое дно Узла Благополучия, а когда достиг его, то увидел распахнутые двери, уволакивающие в себя водоросли, камешки и пузыри. Когда корабль Идукла потащило к воротам, послышался загробный голос: «Нет, тебе нельзя сюда». Идукла вместе с его судном что–то толкнуло, и он невредимый, был выкинут обратно – на поверхность Узла Благополучия. Как по мне, легенда не хуже прочих.

Отложив книгу, я взял другую, также посвящённую достопримечательности нынешнего Королевства Плавень. Она повествовала о Яме Сибиллы. Это – огромная трещина, приютившаяся между двух отрогов Пироманта и Сводника. Кривая, узкая и с неровным сводом, Яма Сибиллы имеет порожки, которые ведут так глубоко, что по преданиям, по ним можно добраться до царства Назбраэля. Так это или не так, но вот завывания, что порой доносятся из недр Ямы Сибиллы, заставляют, как говорят, кровь стынуть, а жилы вытягиваться в тугие веревки. Яма Сибиллы и Альтараксис – река, несущая свою красную влагу в утробу Бездны Душ, схожи между собой возможностью «сакрального перехода» из нашей юдоли в хлябь Назбраэля. Если в Мир Света попасть, не умерев, не получится, то, как уверяют «знатоки» в Мир Тьмы – вполне допустимо. В пыльных томах говорится следующее: «тех, кто живым отважится предстать перед Назбраэлем, Владыка Ночи одаривает своей черной милостью. Назбраэль показывает герою свои владения: камеры пыток, огненные, непрестанно бьющие ввысь столбы, клетки у серной дороги, мертвецов и свой Трон Праха – безобразный стул, сотканный из плоти и экстрактов душ. Когда экскурсия подходит к концу, Назбраэль спрашивает: «Служение или Смерть». И этот выбор ужасен, потому что если согласиться на «Служение», то Назбраэль овладевает телом несчастного и ходит в нем по долам Королевств, склоняя к Тьме всех, кого встретит. «Смерть» же подразумевает собою стать частью Трона Праха, чтобы вечно ощущать на себе груз Чистого Зла». Такие дела.

Я поднялся и рпотянул руку за другой книжкой. «Говорящие Менгиры». О, тоже из Плавеня! Они тут все как на подбор стоят – чудеса центральной провинции, пардон, королевства. Никак не могу привыкнуть к новому статусу Плавеня. Я постучал пальцем по корешку фолианта, а затем открыл оглавление. Так, главы, главы, главы... В целом–то я все знаю о Говорящих Менгирах, но недурно вспомнить позабытые мелочи. Говорящие Менгиры – это ряд истуканов, похожих на раскоряченные каменные идолы Хрипохора. Только от них не веет этим всепоглощающим насилием и безумной жестокостью. Говорящие Менгиры – монолиты с выдолбленными на них ликами (карикатурными и немного сардоническими). Они были найдены первыми праотцами человечества ещё на заре эпох. Фантастичности или какой–то силы в них нет никакой, и они, в принципе, ничем не примечательны, за исключением одного. Если дунуть в ушную раковину Менгира, из его рта раздастся звук «Бонум». Перейдя к другому Менгиру и проделав с его ухом тоже самое, послышаться уже иной звук «Омниум», и так можно упражняться довольно долго. Каждый раз Менгир скажет единственное новое слово. Потом получится что–нибудь вроде «бонум про омнибус нихил» или «не куис скандализетур» и так далее. Как заявляет монография «Наши предки Менгиры», то, что слышит человек – это некое послание древней расы, которая жила на земле Плавеня за тысячелетия до прихода людей. Сам я неоднократно дышал в уши Менгиров и слышал, что они отвечают, однако, как и с Отуманивателями Туманной Пляски, не разгадал, в чем их секрет.

Я пощупал ногой пол. Обычно под пяткой у меня, когда я предаюсь литературе, всегда сопит Снурф. Я печально вздохнул. Я скучал по своему проказнику и любимчику, таракану–непоседе.

Время на часах, примостившихся между щитами с гербом Карака, застыло на отметке 18.20. Пора обратно в Храм Ураха.

Воротив книжки на их прежние места, я подался из Ноклидана наружу. Улица, улица, вязанка проулков, красная кирпичная колея, палисадник, Прихожанин.

Когда я вошел в покои Серэнити, она уже была там:

– Хорошо, что ты всегда приходишь вовремя. Нам пора.

Великий инквизитор повела меня на самую верхушку пирамидального Храма. Чем больше мы проходили ступенек, тем больше зажжённых свечей мне попадалось на пути. Они ютились в подставках у образов с Ликами Всеотца, на торшерах и в ризницах. Кристаллические люстры, витражи из ляпис-лазури и рассыпанные всюду лепестки цветов, – все это выглядело очень красиво. Ладанки на постаментах исторгали из себя клубы благовоний и чарующего сиреневого дыма. Я нагнулся к позолоченной раковине, чтобы посмотреть, что за розовая вода в ней плещется, но Серэнити молча поволокла меня дальше. Когда мы оказались над куполом Храма, я предстал перед самым внушительным и великолепным изваянием Ураха, которое, когда-либо видел – сложенное из одних мускулов, оно имело голову в виде огня. Под статуей Ураха высотой не менее двадцати футов сидел старичок с совершенно белыми волосами.

– Алан Вельстрассен? – почтительно спросил я.

– Нет, – хмыкнул дедушка. – Я его прелат. Семви Тарт.

Обратив взор выцветших голубых глаз на Серэнити, Семви Тарт промолвил:

– Понтифик вместе с Зенобием и другими братьями и сестрами ожидают вас в Чертогах Сопевания.

– Спасибо, прелат, – ответила Серэнити, увлекая меня куда-то в сторону.

Толкнув разукрашенные двери, мы с Великим инквизитором оказались в просторном холле с кругом сидений, которые почти все были заняты. Следом за нами вошел престарелый Семви Тарт. Он закрыл створы, и я оказался среди духовенства Карака. Смотрели на меня по-разному. Кто-то оценивающе, кто-то пристально, а кто-то

открыто враждебно. Удивляться, впрочем, нечему. Только в одном лице я прочитал радушие. Оно принадлежало морщинистому, однако, крепкому на свои года мужчине. На его ладонях, обращённых вверх, тускло поблескивали две синие звезды. Он заговорил:

– Калеб Шаттибраль, Маг Смерти и одновременно Ревнитель Равновесия и Жизни. Я многое знаю о тебе. Проходи и садись. Я понтифик Братства Света.

Я сел подле Алана Вельстрассена. Рядом уютилась прямая, как стрела, Серэнити.

– Примас Братства Света рассказала мне о твоих подвигах, и потому сейчас, перед всем приходом Карака, я говорю: (тут Алан Вельстрассен встал):

– Калеб Шаттибраль более не считается целью Света. Я, Алан Вельстрассен – понтифик Братства Света, отменяю всякую охоту за ним. Буде то Ордена Инквизиции, Ордена Войны или любого другого Ордена. Таково мое слово. Донесите его до всех и каждого.

(Алан Вельстрассен опустился в кресло и вновь обратился ко мне:

– Ты искупил свои злодеяния кровью и потом. За Всеотца боролся ты не жалея себя. И это не упущено мной.

От Алана Вельстрассена исходила сила. Я чувствовал её. Он обладал какой-то неуловимой духовной мощью, которая ставила его выше прочих собравшихся здесь чинов Братства Света. Он казался более одухотворенным, более приближенным к Всеотцу; по светлой мощи, по благочестию, по разуму. В ярких голубых глазах плясали затаённые искры.

– За твои благодеяния я также постараюсь избавить тебя от влияния Укулукулуна и от Тьмы, что льется с уст Рифф.

Алан Вельстрассен опять поднялся с кресла и подошел ко мне. В его жилистых руках лежал маленький фиал бирюзового цвета с множеством граней.

– Возьми его.

Я принял фиал.

– Его имя – Луковое Спокойствие. Название странное (понтифик Братства Света улыбнулся), но так уж его зовут. Это древний артефакт принадлежащий Ордену Милосердия. Его задача – охранять грезы того, кто блуждает во мраке. По моей просьбе магистр Ордена передал Луковое Спокойствие мне, а я отдаю тебе.

Алан Вельстрассен сощурился.

– Сейчас мы, ты и я, проверим, как будет работать Луковое Спокойствие. Я введу тебя в забытье и подобно Серэнити призову Укулукулуна. Посмотрим, что будет дальше. Приготовься. Расслабься.

– Мне надо раздеться?

– Нет, – сказала Серэнити, сурово глядя на ухмыльнувшегося магистра в лиловой рясе (мой вопрос показался ему смешным).

– Алан Вельстрассен – самый просветлённый из нас, – дополнил Зенобий. – Его Милостью понтифик Братства Света умеет больше, чем каждый из ныне присутствующих. Для ритуала ему не нужно, чтобы твоё тело стыло от холода.

– Не преувеличиваете мои возможности, братья и сестры, – качнул седовласой головой Алан Вельстрассен. – Я один из вас. Не более. Всё по желаю Ураха.

Понтифик Братства Света под взгляды окружающих (а нас было в зале около пятнадцати) провел меня на кушетку и уложил.

– Серэнити и Зенобий, будьте рядом. Возможно, вы мне понадобитесь.

Два Великих инквизитора стали по бокам от понтифика Братства Света. Алан Вельстрассен вложил мне в кулак Луковое Спокойствие и крепко сжал его.

– Думай о хорошем.

Взяв меня за запястье, Алан Вельстрассен тихонечко зашептал молитву. Мои глаза сами собой налились тяжестью. Я засыпал. Проваливался в грёзы...

В этот раз я очнулся в абсолютно зеленой комнате, ограненной матовыми сколами стекла. Мне сразу припомнилась Амаста, и как я сражался в ней с Хадрой за Горгона Преломляющего Оттенки. Только отличие тут было в том, что мне не резал глаза нестерпимый свет, и я ощущал некую защищённость и вроде как неуязвимость. Великие инквизиторы Иль Градо и Карака, словно стражи, примостились за спиной понтифика Братства Света. Оттого, что подле меня стояла несгибаемая Серэнити, я приободрился. С ней мне – море по колено, а тут ещё Алан Вельстрассен и Зенобий, тоже гонитель мерзости не из робкого десятка...

– Мы в Луковом Спокойствии, – сказал Алан Вельстрассен. – Приготовься.

Понтифик Братства Света опустил мне руку на плечо.

– Укулукулун Тобольдо. Покажись.

За гранями Лукового Спокойствия проступили черты архонта.

– Кто ты?! – удивлённо воскликнул Укулукулун.

Мне подумалось, что архонта оторвали от дел против его воли. Выглядел он недовольным. Этакая гримаса спеси и ненависти.

– Я – слуга Ураха. Так же как и ты – прислужник Рифф. Ты и я. Мы равны по рангу.

– Я тебе не ровня, белый червь.

– Но ты пришёл, когда я тебя позвал.

– Тебе есть, что сказать мне?

– Только то, что Калерб теперь под протекторатом Ураха. Это моё слово, – промолвил Алан Вельстрассен, вглядываясь в молодое, но искажённое непомерной гордыней и злобой лицо.

– Нет преграды, что не сломает Рифф!

– Докажи мне это.

За стенками Лукового Спокойствия Укулукулун сдвинул брови и, мне показалось, что он напрягся. По сводам фиала, в котором я находился, пробежала рябь. Потом все затряслось и загудело. Архонт стал виден более четко. Его пальцы тянулись ко мне, однако пройти сквозь заслон не могли. На внешней стороне Лукового Спокойствия проявились сколы и зигзаги... Укулукулун порывисто выдохнул. Он гневался и безмолвно постигал своё поражение.

– Не получилось, правда?

– Путаница сама выжжет дыру в его клетке, – сплюнул Укулукулун. – И тогда я пройду и уволоку твоего птенчика.

– Всё возможно, – согласился Алан Вельстрассен. – Я буду молиться Ураху, чтобы этот момент настал как можно позже.

– Тебе не избежать меня, – пообещал мне Укулукулун, развоплощаясь в зернистом тумане, за огораживающим барьером Лукового Спокойствия. – Ты станешь моим...

Алан Вельстрассен дернул меня за локоть, и я перенёсся обратно в себя – из сновидения в наш мир.

– Он сказал правду, – печально прошептал понтифик Братства Света.

– В смысле? – не понял я.

– Луковое Спокойствие не спасет тебя от Укулукулуна. Я углядел в твоих руках призрачное очертание шкатулки. Это она – та вещь, что называется Путаницей – гнойный дар самой Рифф, путь к Ее Дому, Ее Сути и она действительно, вопреки заступничеству Ураха, проведёт архонта к тебе. Энергетический потенциал Путаницы превосходит Луковое Спокойствие во сто крат.

– Мне нет спасения?

– Луковое Спокойствие тоже сразу не сломить. Какое-то время у тебя есть.

– Как его много?

– Неделя, две, месяц. Зависит от того, как сильно Укулукулун будет жаждать добраться до тебя.

Алан Вельстрассен отёр мокрый лоб платком.

– Перед сном клади Луковое Спокойствие в руку. Пока оно твой буфер между тобой и Укулукулуном.

– ...потом?

– Потом мы что-нибудь придумаем. Главное, что сейчас победа за нами.

Понтифик Братства Света повернулся к своему приходу.

– Я прошу вас заняться заботами ваших Орденов. Завтра утром я соберу вас вновь. Кaleb Шаттибраль, ты тоже свободен. Зенобий, Серэнити – останьтесь.

Я слез с кушетки и направился к выходу из Чертогов Сопения. Второг день подряд я нос к носу сталкивался с Укулукулуном, и то мне не шибко нравилосъ. Я чувствовал, что из меня выжали все соки. На ватных ногах я покинул Храм Ураха и забурился в одну из таверн, что примостиласъ у каймы Туманной Пляски. В «Солёном Бризe» – так звалосъ то питейное заведение, я заказал пинту пива, а затем ещё одну, и опять повторил заказ. Я желал напиться. Сушеный кальмар плохо лез в глотку, но я жевал его с остервенением. Я ненавидел Укулукулуна, Рифф, Её Дом Шелка, Испытание, Анкарахаду, всех арахнидов и самого себя. Мне было тошно оттого, что я попал в вертеп, из которого выбратъся живым было практически невозможно. Я чуял, что архонт, когда займет Путаницу, просто–напросто сотрёт меня в порошок. Даже Алан Вельстрассен с его Луковым Спокойствием лишь отсрочивает неизбежное. Ай, да в тартарары их всех и вся! «Бармен налей мне ещё! До краев!» Я бахнул пустым стаканом об стойку. «Повторить!» Сомнительные личности, что терлись в Солёном Бризe, сторонились меня – уж такой вид был у меня! Да, надо полагать! Ещё Альдбриг у бедра и Лик Эбенового Ужаса у подлокотника. Моё оружие, мантия, грозный взгляд – все это внушало трепет у обывателей и моряков. Однако они не ведали! Нет, не ведали, что я обречен! Что у меня нет пути назад! Его нет!... Я брякнул серебряную монету с Манфредом Вторым в миску с мелочью. «Мне нужно новая чарка! Полная! По риску!» Голова кружилась, но я вливал в себя едкое спиртное снова и снова. Я так назюзюкался, что решил не идти в Храм Ураха (во–первых. я бы опозорил Серэнити перед Братством Света, во–вторых Великий инквизитор Иль Градо, скорее всего, отлупила бы меня, если бы мне довелосъ таким завалиться к ней в покои). Ай, да ладно!

Глава 13. Черные крылья – черные вести

Икая, постанывая и горько смеясь во весь голос, я как безумный вывалился на набережную. Держа за донышко пузатую бутылку, я, кое–как ковыляя, делал из неё глоток на каждый четвёртый шаг. Меня потянуло к докам. Каравеллы, баржи, драккары, бригантины, шхуны, галеры и бриги, еще целая куча пришвартованных лодочек и незначительных судов, ноздря в ноздрю, занимали своими деревянными каркасами всю протяжённость причала. Я подпрыгнул и уместился на перевернутую бочку. Ха! Вторая! Моя родная поллитровка вина! Терпкое и вяжущее рот, ну нечего, переживу! Я облил себе вином ворот и грудь. От раззява! Ветер, пришедший с севера, заворошил мои волосы. Я отклонился и, расправив плечи, подставил воздушным потоком свои щёки. Хмель, хмель, хмель, чего мне не хватало – так это тебя. Иногда надо «отпустить» все события и хорошенечко надраться. Снять стресс и выпустить пар. Крики чаек и ругань матросов, задубевшие узлы веревок, груды ящиков, плеск воды и черный её омут внизу – я впитывал в себя окружающую действительность и приобщался к ней. Мимо меня прошествовала компания гуляк. Бородатые и улыбающиеся, крепкие мужики в тельняшках, сопровождаемые дамами в коротких юбках. Все у них в жизни хорошо, и пусть эта «хорошость» их не покинет. Мне захотелось спеть. Ага! А почему нет–то? Я столько песен знаю, и морские, кстати тоже. Приложившись к бутылке, я театрально воздел руку к луне и затянул:

Бороздил как–то воду Кракен–здоровяк

Страшный, фиолетовый, голодный

Был он, что переросший всех червяк

Длинный, изворотливый, холодный!

В Ильварете, как в привете, на Туманной Пляске

Кракен как–то встретил Хлюпса —

Рыбку в синей ряске...

Песня нескладная и я позабыл следующую рифму. Как там дальше? Второй куплет! А ну его... Я допил вино и швырнул осушенную тару в урну. В глазах у меня двоилось, и крики, что стали слышны в пятнадцати футах от меня, противно резали уши. Я повернул голову на гневные вопли. Там члены команд двух кораблей выясняли отношения. Они, видимо, не поделили, с кем местные красотки должны были проводить время. Когда обвинения и угрозы себя исчерпали, в дело пошла сталь. Засверкали изогнутые сабли. Клинк–кланк, прокол, и – труп на мостовой. Кровь отрезвила матросов, и пока не набежали гвардейцы Канцелярии Правосудия, они решили ретироваться. Бросив убитого как есть, и его друзья, и враги разбежались словно крысы от дикого кота. Я поджал губы. Стоила она того, смазливая мордашка? Как по мне – так нет. Я было уже собрался слезть со своей бочки, как тот, получивший смертоносный укол в бок, парень зашевелился, а затем встал. По моей спине потек пот. Мертвец приближался ко мне... Я понял кто Он почти сразу... Вся пивная муть мигом покинула меня.

Из красного блестящего рта покойника слышались нечеловеческие, искаженные слова:

– Ты испытываешь моё терпение, Кaleb Шаттибраль.

– Привратник.

– Я послал тебя за Коронай Света, но ты не ищешь её, не прикладываешь усилия.

– Я долго выбирался из Великого Леса.

– Может мне поторопить тебя?

Труп взмахнул пятерней и у меня словно внутри ожил огонь. Горела моя душа. Я бессознательно задергался. Как затушить этот пожар?! Мука, не физическая, а ментальная, была страшна. Меня словно выворачивало наизнанку. Я переставал ощущать себя собой.

– Ты забываешь, кому принадлежит твоё естество. Забрать его у тебя? Или ты все же одумаешься?

Я, скрюченный в три погибели, прохрипел:

– Нет, нет, я найду Корону Света!

Линии энергии, что перепутьями и завитками вливались в покойника, давили на моё сознание своей невообразимой геометрией. Я практически видел тот поток информации, что струился в Привратника из Гамбуса – мира, который нигде и везде, мира–начала.

– Сейчас я оставлю тебя. Надеюсь, ты усвоишь урок.

Привратник покинул «вместилище» и тело мужчины безвольной грудой рухнуло на щербатый камень. Меня вырвало. Я одернул плащ и побежал... Куда я бегу?! Куда?! Подальше отсюда! Не знаю, сколько часов я блуждал по лабиринтам Ильварета, но солнце–таки подменило на небосклоне луну. Я нашел себя привалившимся к забору дома в неблагополучном районе города. Ни есть, ни пить, ни спать я не хотел. Прострация... С этим надо что–то делать! Возьми себя в руки, Калеб! Я заставил себя ополоснуться в бадье с тухлой водой. Оттерев шею и виски, я выдохнул и поморгал. А куда же без него, родненького? Без Привратничка. Он тут как тут. Блюдёт, что его мышка здесь подделывает. Не хватало мне Укулукулуна, так этот ещё нарисовался. От меня слишком многого хотят. Эй, ребята, вы занимали друг за другом очередь? Кому первому я должен угодить? Тебе, Укулукулун, или тебе, Привратник? Это, что касается вас двоих. Так у меня есть еще побочные заботы! Эмилия со Светочью, Живая Вода и Серэнити, Фабиан, война в Соединённом Королевстве и прочее, по мелочи. Знай себе жил в Шато, пока от Элизабет Тёмной письмецо не нагрязнуло.

Облокотившись на ржавую окантовку бадьи, я всматривался в своё отражение. Пока ты жив – ты не мертв, и ещё не все пропало. Я ещё покажу и докажу, что Калеб Шаттибраль сделан из годного теста!

Ворот поправлен, пуговицы на месте, складки плаща разглажены – привел себя кое–как в божеский вид.

Прихорошившись и взбодрившись, я наткнулся мыслью на ту, о которой беспокоился. На Серэнити. В сумке у меня лежал осколок Амасты и квазальд – необходимо их соединить. Где в Ильварете самые лучшие кузнецы? Знамо, где! На улице Перекованный Наплечник. Это своего рода даже не улица – так это место называет простонародье, а ряд кузниц, что бок о бок льнут к изрезанной шпилями южной стене под «Гордостью Вара». Мне потребовалось совсем немного времени, чтобы туда добраться. Дым от кирпичных труб здесь стоял столбом. Молоты колотили о наковальни, а клещи опускали в масло раскалённую сталь. Все кипело и скворчало. Огонь был тут властелин, а металл– его суженная. Я водил носом взад–вперед, выискивая нужную мне вывеску. Я шёл целенаправленно. Все кузни на Перекованном Наплечнике хороши, но одна всегда была лучше прочих, а именно Бесовская Плавильня. Она славилась самыми искусными мастерами – дедами, отцами и детьми, что передавали свои знания и своё ремесло из поколения в поколение. Но главным для меня было и ещё кое–что, другое. В Бесовской Плавильне умели работать с волшебными артефактами и украшениями одинаково ладно – так, по крайней мере, считал Бертран Валуа, и о чем мне частенько говорил. А уж ему, магу из самого Магика Элептерум, доводилось по роду деятельности обращаться к тем или иным ремесленникам, дабы создать основу для последующего зачарования. Треугольное полотно с изображением тролля, ворошащего угли в тигле, уведомило меня, что я пришел туда, куда нужно. Я толкнул дверь и оказался в ярко освещенной комнате. По её центру стоял гигантский горн. Его очаг с мехами и поддувалом для накаливания металла выпускали из себя клубы жаркого пара. Всем действием, а тут закаляли новый доспех, правил огромный волосатый мужик, ещё не старый, но уже и далеко не молодой. Единственный глаз его зорко следил за температурой в печи и на меня скосился быстро и всего единожды. По открытой красной груди кузнеца сочился пот. Он капал на кожаный фартук, после чего на штаны и вниз, на разогретый пол. Рядом со мной возник юноша. Весь в веснушках и с глубокой вмятиной на запястье, он спросил меня:

– Что привело вас в Бесовскую Плавильню, сударь?

Я отер морось со лба и улыбнулся.

– Хочу подкинуть вам очень выгодное дельце.

– У нас неделя наперед расписана, – уведомил меня юноша. – Приходите дней через пятнадцать.

Я не знал, сколько Серэнити отрядила мне денег, но тяжесть кошелька до неприличия тянула мой пояс, и «медных портретов Манфреда Второго» в нем было куда меньше, чем золотых.

– Даю двадцать червонных Манфредов, если пустите меня вперед вереницы заказчиков.

Одноглазый зыркнул на меня, а потом пробасил:

– Говори, что там у тебя.

– У меня есть некий кристалл и кусок необычного металла. Я желаю, чтобы металл красиво опоясывал, а лучше заключал кристалл в клетку своих линий.

– Подвеску забавать?

– Что–то наподобие кулона.

– Дай поглядеть материалы.

Я достал из котомки блестящую Амасту и квазальд, после чего протянул на ладони кузнецу. Тот пробежал по ним взором и хмыкнул:

– Для девицы подарок?

– Для очень дорогой сердцу девушки. Да.

Кузнец кивнул подмастерью.

– Забери их и деньги. Завтра займемся этим перед заказом господина Дриена.

Я отсчитал золотых Манфредов (слава Вселенной, их хватило!) и подал вместе с даром Железных Гор и сокровищем Пестрого Бога.

– Странный металл у тебя. Что это? Не видел никогда такого.

– В том то и суть! Он редкий, и я не хочу его потерять.

– Не переживай, милорд, ты отдаешь свои побрякушки в опытные руки.

– Надеюсь.

– Приходите за своей красивой штучкой послезавтра, – сказал подмастерье, а кузнец добавил: – Обделаем в лучшем виде. Твоя дама запоем от красоты нашей побрякушки и поманит тебя в постель.

– Расписку дадите?

– Я тебя запомнил, – хохотнул кузнец. – Уж слишком ты во всем чёрном.

– На том и порешим. До свидания.

– И тебе не хворать.

Покинув Бесовскую Плавильню, я, всей душой надеясь на добротную репутацию её ваятелей и их умения, не знал, куда мне дальше податься, поэтому снова пошёл в «Гордость Вара». Авось, Дурнбада там встречу. Серэнити, я тебя не брошу, – стучало у меня в голове. – Мы вытянем из тебя пагубу Живой Воды. Если кузнец удачно скует мне кулон, то только расшифровка заклинания будет отделять нас от успеха! Так держать! Курс намечен!

Преодолев «Тысячу и Одну», я встал возле каменного бортика с трезубцами. Отличная площадка для обзора! Я рассеяно наблюдал за вознёй на Беломраморном Форуме, пока не протрубил рог, и колокола на звоннице Одичалого не отозвались ответным трезвонном. Я глазам своим не верил. По Змейчатому Тракту со знаменем монархов – все шесть животных провинций, поддерживающих корону, неся эскорт рыцарей–плютеранцев. Их–то да не узнаешь сразу! Да их не меньше трехсот! Одетые в ослепительные голубые доспехи они ровным строем проезжали через бастионные ворота. Это могло означать только одно – в Ильварет пожаловала Констанция Демей. Я застыл, ожидая, когда рыцари доскочат до «Гордости Вара». Разгоняя ошеломлённую толпу, они промчались по главной улице Черная Битва и стали подниматься в гору. Из замка тем временем высыпала куча народу – не каждый день поют все литавры по округе. Слуги, стражники, вельможи, чиновники ахали, понимая, кто пожаловал к ним в гости. Когда мимо меня пронёсся первый всадник со стягом у локтя, я громко крикнул:

– Моя королева!

Мой порыв был для меня неожиданным, но его, однако услышали. По резкой отмашке капитана конница остановилась и, через расступившиеся пластичные доспехи сверху вниз на меня глянула Констанция Демей.

– О, Урах! ... Кaleb Шаттибраль!

– Ваше Выличество.

Королева, одетая в походную одежду, с сапфировым венком на голове тепло мне улыбнулась, а потом сдвинула брови. Её золотистые локоны, заплетённые сзади в тугую косу, ниспадали за спину. Констанция Демей выглядела утомлённой, но блеск в её глазах говорил о том, что она не собирается отдыхать. Как и Великий инквизитор Иль Градо, королева превыше всего ставила перед собой долг и службу Соединённому Королевству. За это она мне и нравилась.

– Вы прошли через Тьму к Свету и не сломались. Вы нашли Эмириус Клайн. Вы победили Тауруса и закрыли червоточины.

– Я рад, что хорошо послужил вам, моя королева.

– И послужите ещё. Если вы целы, то нам надо о многом поговорить. Мне отрадно, что я не потеряла такого ценного союзника, как вы.

– Я в вашем распоряжении, Ваше Величество!

Констанция Демей кинула взор на спешащих к ней людей.

– Поговорим через полчаса.

– Как прикажете, миледи.

– Сегодня я не приказываю. Я прошу, – вновь улыбнулась королева. – Вы – герой, и я не забуду, что было сделано вами для Соединённого Королевства. Никогда!

Констанция Демей тронула коня, и её свита понеслась в «Гордость Вара». Я заспешил следом. По дороге я наткнулся на Дурнбада. Он, как и прочие, решил посмотреть, с чего вдруг поднялось столько шума.

– Брат по крови! Ваша королева пожаловала! Красивая, что твой алмаз!

– Отличный повод ей представить защитника Железных Гор, – сказал я, стискивая твердую руку гнома. Его медвежья хватка болезненно отзывалась во всей моей кисти. Силища–то в нём какая!

– Пойдем, пойдем, я давно хотел с ней познакомиться, с владычицей вашей.

Бок о бок мы протиснулись сквозь толпу и заспешили в главный зал «Гордости Вара» – Громовой Шатер. Внутри толкалось столько

народу, что я ощутил себя не в просторном холле замка, а на какой-то ярмарке по случаю Дня Всех Святых. Констанция Демей, окруженная своими верными рыцарями-плютеранцами, благосклонно кивала и оказывала знаки внимания подходящим к ней людям. Рядом с ней нарисовался человек в атласной сорочке, штанах с золотой каемкой и замшевых сапогах. Его седеющую шевелюру, но еще кудрявившуюся, обрамлял обруч с кабаном – наместник Крака Лей Клинч – понял я. Он громогласно возвестил:

– По случаю приезда в Ильварет королевы Констанции Демей вечером будет дан пир! А сейчас попрошу всех разойтись. У Её Величества – неотложные дела.

Пока люд заспешил готовиться к грандиозному празднику (столько блюд надо состряпать, столы поставить, украсить помещение, убрать чисто-чисто и все остальное), я и гном приблизился к Констанции Демей. Лей Клинч смерил нас испытывающим взглядом. Он, несомненно, признал Дурнбада, но я для него был пустым местом. Глядя на меня, Лей Клинч грозно сказал:

– Все мои аудиенции на сегодня отменяются.

Констанция Демей покачала головой.

– Это – Калев Шаттибраль, наместник, тот, кому мы обязаны своими жизнями и жизнями наших детей. При упоминании об отпрысках очи королевы наполнились слезами, ей на ум, конечно же, пришёл пропавший принц Фабиан – её сын.

Лей Клинч приосанился.

– От всей провинции Карак, я говорю Вам спасибо, Калев Шаттибраль! Вы совершили невозможное. Потусторонние врата, как оспины, избородили вверенную мне землю. Было много сражений с демонами, но потом все закончилось. Одной проблемой стало меньше.

Я поклонился.

– Не стоит благодарностей.

– Наместник, где мы можем посоветаться в тишине и без лишних ушей? – осведомилась Констанция Демей.

– Если Вам будет угодно, в моём кабинете, моя королева.

– Тогда мы незамедлительно идёт к вам, – кивнула Констанция Демей. Как я и предполагал, уставшая с дороги, она все же намеревалась сразу взяться за свои обязанности. – Распорядитесь пригласить туда же двух Великих инквизиторов, Алана Вельстрассена, придворного мага Ильварета, генералов, а также префекта Канцелярии Правосудия.

– Все исполню, Ваше Величество.

Лей Клинч подозвал к себе одного из снующих повсюду мальчишек и распорядился, чтобы нужные королеве люди незамедлительно явились в указанное место.

Констанция Демей, вокруг которой стоял десяток рыцарей–плютеранцев, тепло обратилась к гному:

– Я счастлива познакомиться с Вами, принц Дурнбад. Я много наслышана о Вас, Ваших подвигах и о могучем клане Надургх, который пришёл на помощь Эльпоту в самый роковой час. Я бы хотела Вас отблагодарить лично, поэтому просите – и Вы получите это.

– У гномов нет принцев, королева! Я — высокорожденный и Старейшина Войны! – пробасил мой друг, снимая шлем и низко опуская голову. Клан Надургх получил от Вас кольцо Буля Золотобородого (которое Дурнбад благополучно стащил у отца и таскал с собой в кармане, чтобы потом обменять его у Дунабара на своё возвращение в Надургх), и этого более чем достаточно. Мне ничего не надо, кроме Вашего Общества.

– Вы говорите, как благородный из благородных, Дурнбад из рода Надургх. Я бы хотела, чтобы Вы тоже присутствовали на моём совете.

– У Вас я стану говорить от своего клана и от имени его главы, моего отца Дунабара.

– Да будет так!

Королева повернулась к капитану рыцарей–плютеранцев, мужчине с красным влажным лицом. Еще бы! Под этими тяжёлыми доспехами не так ещё запреешь!

– Разместите своих людей, а потом дайте им выходной. В «Гордости Вара» я под надёжной защитой.

Развернувшись на стальных каблуках, капитан рыцарей–плютеранцев заторопился выполнять поручение.

Констанция Демей, Лей Клинч, я и Дурнбад отправились по широкой лестнице вверх. Среди убранства «Гордости Вара» королева в своем невыразительном наряде казалась бы женщиной не шибко знатного происхождения, если бы не её царственность, чувствующаяся в каждом движении и жесте. Я любовался ребенком своего друга – Говарда Демея и мысленно поздравлял его с тем, чего его дочь смогла достичь и кем стать. Много испытаний свалилось на Констанцию Демей, и я, как и раньше, желал помочь ей выпутаться хотя бы из некоторых из них.

Лей Клинч толкнул дверь, охраняемую двумя гвардейцами в серых плащах, и провел нас к чудесному дивану. Поданное вино приятно освежило мое горло. Его точно привезли из Плавеня. Скорее всего, из Житницы Солнца. Марочное! Эх, эх давненько, наверное, в Карак не приходило поставок перебродившего винограда из Плавеня. Королева делала маленькие глоточки и ждала, когда все те, кого она позвала (тех, кто на данный момент был в городе), подойдут. Первым явился командующий армией Карака. Он представился нам Энейгридом. Лет сорока – сорока двух, Энейгрид был полной

противоположностью генералу Кирфу Маяну из Иль Градо. Худой, поджарый, с копной светло русых волос, тот держал под мышкой шлем с плюмажем. Через плечо у Энейгрида висел двуручный меч с занятой ручкой, выполненной из кости. Следом за ним зашел префект Канцелярии Правосудия – Риц Глузи. Этакий неприметный и бледный господин в перчатках с вышивкой кабанами. Его лысину покрывал венок из медных листьев. Широкий палаш у бедра Рица Глузи блестел и обладал явной остротой.

Потом в проёме показался некий Лодли Щавелевые Щеки – подчинённый Энейгрида, генерал западной оконечности Карака и командор крепости Ортхеймова Падь. Гладко выбритые щеки Лодли и правда отдавали зеленцой. Настурция, прошелестев фиолетовым платьем в звездах, разместилась в кресле напротив Лея Клинка. Взгляд ее изумрудных глаз дырявил во мне сквозные отверстия. Ох, уж мне эта бедовая сестра Эмили! Алан Вельстрассен мягко прошествовал в компании Серэнити и Зенобия. Великий инквизитор Иль Градо села между мной и гномом. Она сдержанно кивнула мне и обратила свой взор на королеву. Последний через дверь просочился карлик. На его поношенных сапогах болтались серебряные подвески, а лоб опоясывала блеклая лента с изображениями деревьев и животных. Несмотря на свой экзотический вид карлик казался неприметным и как-то по волшебному сливался с меблировкой. Было что-то неуловимое и в нем, и в его выцветшем наряде. Я отметил, что подвески на сапогах карлика при появлении не издали ни звука.

– Это... – промолвила королева Констанция, но карлик её вежливо перебил.

– Я бы предпочел, чтобы моё настоящее имя не фигурировало здесь, моя королева.

– Как будет угодно, – согласилась Констанция Демей.

Человечек сам налил себе бокал и, встав у карты Соединённого Королевства, разложенной на лакированной столешнице, сказал:

– Можете называть меня Тень. Я – глаза и уши королевского дома.

– Именно из-за господина Тени я и приехала в Ильварет, – сказала королева собравшимся вокруг неё поданным. – Прошу Вас, поведайте нам о том, что недавно стало известно мне.

Тень ткнул коротким толстым пальцем в малахитовое пятно Великого Леса на карте.

– Нет нужды ходить вокруг да около, поэтому перейду сразу к сути. Тут возродилось Древнее Зло. Настолько старое и всесокрушающее, что я, узнав о нем, уговорил нашу королеву, провести срочное совещание.

– Тьма плодится и множится. Так всегда было, – тихо сказал Алан Вельстрассен. – Однако Свет сильнее.

– Я уповаю на то, чтобы Вы были правы, понтифик, – отметил Тень. – Потому что мои разведчики в кущах Великого Леса видели Его.

Карлик достал из-за пазухи лист и показал нам кривоватую зарисовку демонической сущности. С рогами и... без одной руки. В единственной мускулистой пятерне страшилище стискивало длинный изогнутый кнут. Я сразу догадался, Кто Это, и от того по моему телу побежали мурашки.

– Дороторогор, Бог-Идол Хрипохора, – пролепетала Настурция, тоже смекнувшая, что к чему быстрее прочих. – Возможно ли, чтобы самый ужасный демон вновь проник в нашу реальность из своего астрального мира?

По присутствующим побежал шепоток страха. Никто не желал, чтобы на его жизнь выпал жребий встретиться с мифическим Дроторогором. Непобедимым и жутким. Такое легендарное создание, исполненное злобы и ненависти ко всему сущему, посоперничало бы в своём всесии и разрушительности с самим Таурусом Красным

Палачом, а чтобы сокрушить немезиду Десницы Девяносто Девяти Спиц потребовалось вмешательство Ураха. Придёт ли теперь Бог Света второй раз? Я в этом сомневался. Пророчество Полного Круга исполнено и... как же нам теперь выпутаться? Несомненно, что Дроторогор вскоре, обратит свой пылающий взор на Соединённое Королевство, к которому питал лютую ненависть, и тогда... тогда пиши пропало. Заступников, как Нолд Тёмный или Харальд Тёмный в наше время уже нет... Привратник, Укулукулун, будьте знакомы с моим новым врагом. И подвинетесь. Он уж будет поосанистее, чем вы.

– Да. Это Он, – подтвердил Тень. – Именно Дроторогор направлял ту армаду живорезов, что вы, Лей Клинич, разбили у Сивой Гривы.

– Тут ты ошибаешься, – отозвался наместник. – Среди тварей продвигающихся к Плавеню этого гада я не видел.

Карлик вздохнул и, уперев ладони в бока, печально отозвался:

– К счастью для вас и для всех нас – нет. Дроторогор, насколько я понимаю, предпринял первую, прощупывающую попытку добраться до... до Плавеня? Я не знаю планов Дроторогора, но его появление в Великом Лесу – есть знак Рока и больших печалей. Я думаю, что в ближайшую пору Бог-Идол Хрипохора всерьёз возьмётся за Соединённое Королевство. Что дальше? Вспомните Полдень Игл. Только выстоим ли мы на этот раз?

– Дроторогор таит в себе опасность не меньшую, чем Таурис Красный Палач. Нам надо уничтожить его во что бы то ни стало, – после долгого молчания сказала Констанция Демей.

– Как это уже некогда сделал Харальд Тёмный? – проскрежетал Зенобий. – По сказаниям обычное оружие не может причинить вреда Дроторогору. Он неуязвим.

– А Копье Харальда Тёмного, которым он пронзил Грудь Дроторогора, обратилось в пыль, – дополнила Серэнити. В Соединённом Королевстве нет ни одного клинка, что был бы способен

изгнать Дроторогора обратно в Бездну. Я так же сомневаюсь, что таковой сыщется у магов Минтаса, Рунного Королевства или в Бархатных Королевствах. А в Железных Горах, Дурнбад?

– Не вспомню о таком. Кое–что колдовское и могучее у нас действительно есть. Но так понимаю, что все наши «крушилки» не дотягивают до того, чтобы справиться с вашим демоном, – крикнул старейшина войны.

– Да даже бы если оружие и нашлось, то, сколько бы его пришлось ждать? – ввернул Риц Глузи. – Вечность!

– Угу. Хотя бы и так, имея при себе что–то, что могло бы ранить Дроторогора, кто бы отважился выйти против него один на один? – тихо проворчал Энейгрид. – Отчаянный смельчак или сумасшедший.

– Это уже другой вопрос, – сказала Констанция Демей. – Нам необходимо получить какой–то противовес Богу–Идолу.

– Филириниль, меч эльфа Легии не пропал, – задумчиво изрёк я.

– И где же он? – резко спросила Настурция. – Ты знаешь?

– Нет, – честно ответил я.

– Он исчез тысячи лет назад с принцем эльфов, – сказала сестра близнец Эмилии. – О Филириниле нам ведомо не больше, чем о самом Легии.

– Надо выяснить, где сейчас Филириниль, – поджав тонкие губы, проговорила королева Констанция. – Я не хочу, чтобы Дроторогор вышел из Великого Леса и пошёл вглубь мой страны, а мы бы не могли дать ему отпор.

– Мы никто этого не хотим, – проворчал Риц Глузи. – Придется нам что–то придумать.

– Я так бы ему отдал Плавень, куда этот скот ломится, – пожал плечами Энейгрид.

– Нет! Там мой народ! – отсекла Констанция Демей.

Генерал благоразумно смолчал о том, чей теперь это народ.

– Времени у нас немного, – промолвил Тень. – По донесениям моих соглядатаев в Великом Лесу собирается несчетное число живорезов. И кто знает, куда они скоро пойдут...

– В Соединённое Королевство, ты хочешь сказать, – мрачнее мрачного определил Лей Клинч. – В Карак. В мои земли.

– Я подтверждаю слова Тени, – сказал я. – Я лично видел походные костры и доморощенные лагеря тварей Хрипохора. Им нет числа.

– Калерб Шаттибраль, и вы, Настурция Грэкхольм, я поручаю вам заняться поиском Филириниля, – обратилась к нам Констанция Демей. – Переройте все книги и соберите мне о нём хоть крупицу информации. Она нам очень пригодится.

Королева повернулась к Энейгриду.,

– Вас я уполномочиваю укрепить рубежи Карака. Такие гарнизоны, как Клейменд, Ортхеймова Падь, Поцелуй Девы, форт Нур и Небывалый Ветер должны быть готовы к нападению живорезов. Вы поняли?

– Все исполню, моя королева, – отрапортовал Энейгрид.

– Вы, Лей Клинч, займитесь всем Караком в целом. Позаботьтесь о моем народе.

– Сколько мечей прибудет в Карак из Иль Градо и Вельдза? – напрямую задал вопрос наместник Карака.

– Я привела с собой четыре сотни рыцарей–плютеранцев и ещё около тысячи я вызову завтра. Свою личную армию. На иную поддержку, в виду сложившейся ситуации с предательством Плавеня и Керана, пока рассчитывать не придётся. Понимаю, что это немного, но все регулярные войска Иль Градо сейчас задействованы в битве за Соединённое Королевство.

– Разрешите осведомиться, Ваше Величество, о последних новостях с фронта, – попросил я.

– Все плохо. Племянник королевы Эльзабет Темной и по совместительству теперь уже самозванный король Плавеня Гильберт Энтибор Первый перешёл в нападение. Его вельможные знаменосцы и бургомистры все как один поставили своих людей в ряды армии. Маршал Плавеня Индванцио Гнобиль нанес удар по южным селениям Иль Градо. Пали несколько городов и десятков деревень. Генерал Кирф Маян дал крупное сражение Индванцио Гнобилю под Небесным аббатством и одержал победу. Но хоть солдаты Иль Градо более опытные, чем гвардейцы Плавеня, их меньше. Пока ватага Плавеня была откинута назад, однако, чувствую, ненадолго. Гильберт Энтибор жаждет расширить свои владения за счет Иль Градо и... поставить крест на мне и Элизабет Тёмной.

– Этому не бывать. Численный перевес ещё ничего не значит, – вмешался Энейгрид. – Важна выучка и дисциплина.

– Прикажете..., – заикнулся Лодли Щавелевые Щеки.

– Я не могу велеть Энейгриду отправить на Плавень часть подначальных ему солдат. Вы теперь знаете, почему.

– Что на счет Вельдза? – спросил Зенобий.

– Наместник Вельдза сдерживает живорезов Леса Скорби и нападки Керана, который в сговоре с руководящей верхушкой Плавеня.

Его тоже нельзя задействовать, – отринула идею королева Констанция.
– По крайней мере, пока... Пока я не готова к этому.

– Керан возомнил о себе невесть что! – громыхнул Щавелевые Щеки. – Морские крысы! Переметчики ещё запищат под нашими секирами!

– И мы не посодействуем, как это не печально. Нет Архиурата, нет полководца Света, – вздохнул Алан Вельстрассен. – Брибирио практически со всеми монахами–рыцарями Железного Кулака примкнул к Шарлиз Орик.

– Выскочке, назвавшей себя понтификом Братства Света, – возмутилась Серэнити. – Ох, добралась бы я до неё.

– Урах накажет её рано или поздно, – сказал Алан Вельстрассен.

– Предательнице всех канонов уготовано самое теплое местечко в преисподней Назбраэля, – прокрипел Зенобий, сжимая амулет Всеотца в латной рукавице. – Я бы пересчитал ей все ребра булатным прутком.

Тень, до этого внимательно всех слушавший, вернул нас к своему донесению:

– Дроторогор. Он убьет нас всех. И ему неважно – целое Соединённое Королевство или оно раздроблено.

– Да, только Гильберту Энтибору это не докажешь, – воскликнула Констанция Демей. – Дроторогор у Карака, а он в безопасном Плавене заседает в Гельхе. И все–таки бросить Плавень я не имею права!

За окном блеснула молния, и полил дождь. Надутые облака забрали собою все небо. Тугие струи полились по стеклу. Я всматривался в разыгрывающуюся весеннюю непогоду и гадал, что Судьба уготовила во всем этом мне... Эмилия со Светочью отодвигались на второй план – Дроторогор, вот кто выходил на

подмостки спектакля. Он – отличный актер и непревзойдённый мастер драматургии. Ему пристало аплодировать стоя... Чтобы отважному мужу или сестре выступить против него – нужен Филириниль. Нужен п зарез. Я глянул на Настурцию. Вот она, давным-давно невзлюбившая меня сестренка Эмилии, станет мне помогать его искать. Грэкхольм хмурилась и теребила подол платья. Я улыбнулся ей, на что она скривила рот. Тоже мне! Цаца! Между тем Констанция Демей сказала:

– Прошу оставить меня всех, кроме Серэнити, Калеба Шаттибраля и Дурнбада.

Генералы, духовенство, карлик и наместник раскланялись и подались к выходу. Когда мы вчетвером остались одни, королева, взглянув на нашу породнившуюся троицу, промолвила:

– Мастер Калев, я хочу услышать обо всем, что с вами приключилось после того, как вы отбыли из Шальха.

– Позвольте, Ваше Величество, я обновлю себе бокал, прежде чем начать?

– Разумеется, – обронила Констанция Демей. – Видимо, без него рассказ выйдет суховатым.

Сколько времени я пересказывал королеве свои злоключения, не знаю, но ливень успел прекратиться и возобновиться вновь. Моя речь подошла к концу только тогда, когда солнце стало клониться к горизонту, и его мягкие лучи зашевелили невесомую пыль, витающую в воздухе покоев Лея Клинка. Маятник тренькал – тик-так, тик-так, тик-так, а свечи, зажжённые Серэнити, плодили хоромы из бликов и струящихся отсветов – желтых и оранжевых.

– Вы говорите, что должны добыть Корону Света Привратнику, – вздохнула королева. – Понимаю, что Рок весит над Вами, но я не могу позволить монаршему венцу попасть в чьи бы то ни было руки. Если представится случай, и Вы отыщите Корону Света, ей надлежит

вернуться в королевский Дом. Без неё не сможет произойти Величие Света — начало нового тысячелетия, которое грядет к нам семимильными шагами.

Констанция Демей задумалась, а потом произнесла:

— Вам ведомо, мастер Калёб, что есть предание, гласящее, что если отпрыск Харальда Тёмного на Величие Света не оденет на своё чело Корону Света, то на мир обрушится Хлад и Мор.

— Смерть уже всюду стучит в свои костяные бубенцы, моя королева, — отозвался я. — Но я приложу все усилия, чтобы в канун праздника Вы или Ваш сын, дай Вселенная его вернуть обратно,, возложили цветы на алтарь Ураха в Короне Света.

— Только Фабиан, только он. Я верю, что мой мальчик жив. Я чувствую это.

— Мы отыщем лазеечку, как противостоять Привратнику, — проговорила меня Серэнити, после чего обратилась к Констанции Демей: — Мы не прекращаем поиски, Ваше Величество. Братство Света, вернее, то, что от него осталось, молится за то, чтобы принц Фабиан был цел и невредим.

— Если бы это было так просто...

— Вся это магия-шмагия, существа волшебные мне не по нутру, — возвестил Дурнбад. — Вот если бы эти твари, как ваш Дроторогор, не прятались за своими шельмами колдовскими и вышли бы один на один, то я...

— То ты бы проиграл, — закончила Великий инквизитор за гнома. — Это сверхъестественные силы. И не нам, смертным, им противостоять в чистом поле. Тут нужно что-то иметь в рукаве.

Старейшина войны поскрежетал зубами, а затем шлепнул меня по плечу.

– Вывернемся. Пока с тобой брат по крови – ты не одинок. Я стою сотню гномов, тысячу людей и десять тысяч живорезов.

– Ваша уверенность вселяет в меня уверенность, что у нас и у мастера Калеба не все так худо, – улыбнулась Констанция Демей.

– Я за него горы сверну!

Королева допила бокал и аккуратно поставила его на подлокотник дивана.

– Займитесь завтра Филиринилем, мастер Калев. Безотлагательно.

– Я отправлюсь в Ноклидан и попробую отыскать какие-то сведения о нем, – сказал я. – Мне поверхностно знакома история Харальда Темного, но я постараюсь откопать что-то о его друге принце эльфов и его оружии.

– Спасибо. Где Вы остановились на ночлег?

– У меня, Ваше Величество. В храме Ураха, – уведомила Серэнити.

– Вам там по нраву?

Я глянул на Великого инквизитора, после чего засмеялся.

– Я люблю Серэнити, да, да, Серэнити, тебя очень, но остальные обитатели храма Всеотца меня немножечко смущают. Ну, вы понимаете, о чем я.

– Ты меня тоже конфузишь, некромант!

– Я распоряжусь, чтобы Вас поместили в апартаменты рядом со мной. Так будет лучше и Вам, и мне. Чтобы посоветоваться, нам не нужно будет искать друг друга.

– Мудрое решение, Ваше Величество.

На столике покоился звоночек, и королева в него позвонила. Тут же возник престарелый камердинер.

– Я хочу, чтобы мастеру Калёбу отвели комнаты возле моей опочивальни. Есть такие?

– Конечно. Я попрошу милорда проследовать за мной.

– Ваше Величество, вы позволите?

– Доброй ночи, мастер Калёб. Если что-то разузнаете о Филириниле, сразу навестите меня.

Я распрощался с королевой, гномом и Великим инквизитором и подался вслед за фалдами старика в белом парике. Мы проследовали на четвертый этаж «Гордости Вар»а, а там, два раза свернув налево, остановились перед дубовыми дверями.

– Внутри чисто, милорд. Если вам что-то понадобится, только сообщите.

– Вам лично?

– Необязательно. Можно кому-нибудь из замка. Мне передадут.

– Где покои королевы?

– Вон там.

Я глянул на золоченый орнамент проёма напротив.

– Спасибо.

– К вашим услугам.

Выделенные мне апартаменты впечатляли своим простором. Четыре комнаты – первая кабинет со столом, вторая – гостиная, третья – спальня, четвертая – уборная. Я стянул с себя сапоги и, мурлыча от удовольствия, помассировал затекшие стопы. Оп–оп, вот и махровые тапочки. Миленькие какие – с острыми носиками. Стягивая на ходу верхнюю одежду, я потопал в ванную. Вода хлынула из открытого крана. Я умылся и причесал пятерней волосы. Мне хотелось спать. Кровать – более подходящая для семейной пары (двухспальная) угодливо приняла на себя мой груз. Прежде чем отправиться в страну грез, я взял в ладонь Луковое Спокойствие. Я возлагал на него надежды... Укулукулун очень силен, но Алан Вельстрассен уверил меня, что на сколько–то дней мне можно забыть про него... Это радовало. Я провалился в грезы, и мне приснился Шато. Сна я толком не запомнил, зато на утро у меня было чудесное настроение. Луковое Спокойствие в моей ладони светилось ровным зеленым светом, но когда я отложил его в сторону, стало затухать – магия Братства Света прекращала своё действие. Укулукулун, у меня появился хороший защитник! Попробуй пробиться через его заслон! Присвистнув, я соскочил с кровати и, напаялив на себя всю свою «черноту», пошёл в столовую. Я выбрал зал для слуг, где мне, как и всем, подали кашу, колбасу со ржаным хлебом, сладкий чай и сыр. Меня чуть–чуть затошнило, однако я справился с собой и удержал пищу в себе. Моим первостепенным делом на день было разыскать сведения о Филириниле. Я бы, может, и хотел бы один покопаться в закромах Ноклидана, но Настурция, возможно, знала что–то такое, чего не ведал я, поэтому я отправился в Грэкхелькхом. Черета городских проулков привела меня к внушительному особняку. Настурция Грэкхольм встретила меня сама.

– Ты.

– Я.

– Что тебе надо на этот раз?

– У нас с тобой есть общее дело. Я намерен узнать, что ты думаешь о Филириниле.

Настурция сузила глаза.

– Бредовая затея.

– Есть получше?

– Нет.

– Впустишь меня?

– Нет.

– Я так и буду стоять на пороге?

– Скажи спасибо, что я тебе позволяю хотя бы это.

– Настурция, право же, нам надо работать в команде.

Сестра Эмилии недовольно поморщилась, от чего на её прекрасном лице проступили складочки.

– И это ужасно.

– Я собираюсь навестить Ноклидан. Ты со мной?

– В моей личной библиотеке полно книг. Я займусь ими.

– Хорошо, если тебе станет что-то известно... Оповести меня. И так же поступлю и я.

Не наградив меня ответом, Настурция Грэкхольм с грохотом закрыла перед моим носом дверь. Хорошо хоть Огненным» шаром не запустила – всё же перемены к лучшему. Я пожал плечами и заторопился в Ноклидан. Его величественные стены из дикого камня

приветствовали меня трещинами, сколами и лианами, свисающими откуда-то сверху. Ох, эти бесконечные коридоры с их стеллажами, напичканными рукописными произведениями. Я вдохнул в себя запах клея и бумаги. Я обожал этот аромат. Сейчас, когда стрелки часов показывали едва за двенадцать, я находился в Ноклидане практически один. Лишь пара серьезных мужчин да одна женщина бродили где-то поблизости, бормоча что-то об интересующих их вещах. Моей остановкой в библиотеке стала секция, посвящённая былым временам и расам, что некогда бороздили просторы как Соединённого Королевства, так те, что лежали вдали от него. Я внимательно осматривал корешки книг – «До прихода людей», «Виалы Рунного Королевства», «Великий Лес и его история», «Эндориты Ноорот'Квазама» «Дриады», «Лепреконы, их быт, нравы и загадки», «Загадочные существа Абрикосового Моря», «Лес Скорби и его прежние границы», «Мягкошёрсты – игривые шалуны или опасные охотники?», «Проклятие и Благословение «потерянных» рептилий Земляничного Звона», «Эльфы, кто они и куда делись?». Последнюю книгу я взял подмышку. Следом, в рядок стояли еще несколько книг, способных пролить свет на Филириниль, – «Родословная Альвов», «Тумиль'Инламэ», «Сердце Дерево и его обитатели». Я стащил с полка эти фолианты и ещё четыре подобные им. Пригибаясь под охапкой книг, я дотащил их до столика. Налив себе полный стакан из кувшина я водой, я опорожнил его и занялся чтением.

Предавался я этому занятию до тех пор, пока трижды в фонарях не поменяли свечи (в Ноклидане небесное светило имело поверхностную власть). Вот, что я прочёл об эльфах в целом: Длинноухие отпрыски появились в нашем мире из сопредельного разрыва, вызванного Урахом. Всеотец привел первых эльфов после гномов и людей (хотя в разных источниках информация отличается). Местом, которое Урах отвел альвам для жизни, стало дерево – настолько большое, что своей верхушкой оно достало бы до шпиля Магика Элептерум. Тумиль'Инламэ – как называли эльфы это дерево–исполин. Оно приняло на себя весь их немногочисленный народ. Бессмертные, красивые и гордые альвы с самого начала были окружены многочисленными тварями – живорезами. Из-за кровавых ритуалов эльфы их невзлюбили. Война между поклонниками

Хрипыхора и прекрасными созданиями шла на протяжении всего существования последних. Сами по себе эльфы слыли великолепными мастерами во всех ремеслах, уточненными личностями и даровитыми певцами. Тумиль'Инламэ был жемчужиной Великого Леса и всегда привлекал к себе множество гостей, которых под ветвями дерева-города непременно встречали с радушием. Множество восторженных отзывов о великолепии Тумиль'Инламэ прочитал я, но нигде в книгах не говорилось, где именно искать столицу-дом затерянного Зеленого Королевства. Это меня опечалило...

У эльфов за всю их брэнность было всего три короля. Первый, Лузановиэль, правил около тысячи лет и погиб в схватке с ядовитогубыми причмокивателями в битве Сотня Ножей, что разыгралась в катакомбах Гривирдана. Его сын Кириан по прозвищу Летящая Стрела сидел на троне после отца еще две тысячи лет и усох сам, просто заснул и не проснулся. Последний же король, более всех друживший с людьми, – Пиримиэль отправил своего сына, принца Легию в знаменосцы Нолда Тёмного, а когда тот сложил с себя Корону Света, повелел Легии сопровождать Харальда Тёмного. Много испытаний прошли бок о бок Легия и Харальд, и их наиболее эпическое сражение-приключение Полдень Игл надолго откинуло живорезов от рубежей Соединённого Королевства. Меч Филириниль, который я собирался добыть, в сказаниях воспевался не раз и не два. Его подарила Легии сама Сирвилла – богиня и покровительница эльфов. Филириниль светился собственным светом и был способен разрубить как доспехи, так и гранит без всяких затруднений. Когда Харальд Темный и Легия попрощались, а было это примерно в сорок шестом году от образования Соединённого Королевства, принц эльфов вернулся в Тумиль'Инламэ, который вскоре накрыла Тьма. Неизвестно, что стало причиной падения Зеленого Королевства и куда делись эльфы, но все книги сходились в том, что при Лии Темной – дочери Харальда Тёмного от эльфов уже не осталось и следа.

По обычаю почивших коронованных особ эльфов замуровывали в кору Тумиль'Инламэ. И если Легия погиб, допустим, защищая Зеленое Королевство от живорезов, то его вполне могли захоронить с оружием. Так по канону делали всегда: Лузановиэль упокоился с серпом –

Рассекающим, а Кириана Летящую Стелу запечатали с Альтнадиром – луком Яда в стене города–дерева. Это как один из вариантов. Другой таков: Легия пропал, как и прочие эльфы, и отыскать его не представляется возможности. Но даже если Легия и действующий на тот момент король Пиримизель исчезли, то в Тумиль’Инламэ наверняка еще сокрыты Рассекающий и Альтнадир. Особенно Рассекающий – могучее, зачарованное оружие.

Я задумчиво потер подбородок. Тумиль’Инламэ – его необходимо отыскать. А там, если Вселенная будет благосклонна, мы смогли бы вскрыть могилу принца эльфов (или чью–то другую) и извлечь Филириниль. Но Ноклидан... В нем нет ни намек на то, где на картах искать этот Тумиль’Инламэ. Почему? Единственное, что бы сошло за ориентир – это то, что эльфы Тумиль’Инламэ благоволили Кристальному Одиночеству – озеру, что и ныне отпугивает безволосых обезьян. Так может статься, что Зеленое Королевство располагалось где–то неподалеку от него? Не густо! Вообще не густо! С этими знаниями к Констанции Демей не пойдешь, да и к Настурции Грэкхольм тоже. Где бы мне отыскать пруттик, который укажет, где копать дальше?

Я хотел есть и на сегодня решил завершить свои изучения эльфийской истории. Поднявшись со стула и потеряв уставшую спину, я отправился в «Гордость Вара». Завтра мне предстояло навестить Бесовскую Плавильню. Авось, тамошний кузнец создаст для меня кулон, что спасет Серэнити. Я надеюсь!

Вечерний Ильварет шумел в свойственной ему манере. С Беломраморного Форума слышались отголоски торговли, а с пристаней дул речной ветер. При себе у меня оставалось тридцать серебряных Манфредов и двадцать три золотых, поэтому я решил переменить изначальный маршрут и свернуть в какой–нибудь трактир. Я люблю вино и эль люблю, да и в принципе не прочь пропустить маленькую, только не всегда у меня на это есть время, а сейчас... Почему бы не принять на грудь, как давеча? Мне не хотелось пить и есть в одиночестве, но Серэнити спиртное не признает, а Дурнбад – где мне его отыскать? Я завалился в «Китовый Ус» и запросил пинту

темного. Густое пиво с пеной у краев кружки, м–м–м! Поесть я взял себе стейк из тунца. Поедая отменно сочную рыбу, я все думал о Филириниле – сегодня только он занимал мои мысли. Даже если мы будем знать, как добраться до Тумиль’Инламэ, и Легия окажется погребенным в нём, при том, что клинок Сирвиллы окажется там же, то... кто воспользуется им, чтобы сразиться с Дроторогором? Я? Ну уж нет! Из меня боец так себе. Я хорошо владею мечом, но не лучше, чем, скажем, какой–нибудь рыцарь–плютеранец, который всю свою жизнь положил на оттачивание каждого приема. Вот Грешем, вот он, да. У него может и был бы шанс выйти против Бога–Идола, но у меня? Нет. Я воскресил в памяти, как мой ученик махался на клинках – любо–дорого смотреть. Грешему сейчас лет, наверное, сто, и каждый день он заостряет свое умение, доводя его до совершенства. Я же, будучи куда старше, ратным делом занимаюсь только по принуждению.

В «Китовом Усе» пели веселые песни и плясали бойкие танцы. В один из музыкальных перерывов ко мне под села томная черноволосая красotka. Её витые локоны ниспадали на открытые плечи и декольте было более смелым, чем того требовало приличие. Голубые глаза и розовые губки. Она прямо–таки дышала юностью, грациозностью и молодостью.

– Я Велиса. Ты один?

– Как видишь.

– Скучаешь?

Я расхохотался.

– Леди, вопрос праздный.

– И все же?

Я улыбнулся.

– Не настолько, чтобы отвлекаться от стейка.

– Мы могли бы скоротать ночь, – сказала Велиса, проведя пальчиком по моему бокалу. – Три серебряных.

– Пожалуй, откажусь.

– Считаешь, дорого? Давай сторгуемся.

– Вовсе нет, просто я занят (в этот момент у меня перед глазами встала Эмилия).

– Да кому это помешает, – рассмеялась девушка.

– Мне.

Девушка положила мне руку на локоть.

– Забудь свою суженую, сегодня я заменю её.

– Нет.

Я кинул три серебряных перед Велисой.

– Бери, они твои.

Девушка посмотрела на меня странным взглядом и быстро забрала монеты.

– Богач, что ли, ты или дурак?

– Опять же нет, но тебе деньги, видимо нужнее, чем мне. Проведи эту ночь в спокойствии.

Велиса не желала уходить.

– Ты мне понравился. Ты красивый.

– Девочка, я очень стар, найди себе кого–нибудь помоложе.

– Тебе и тридцати нет, а мне двадцать три.

– Ты заблуждаешься, – с аппетитом отправляя в рот рыбу, отозвался я. – Мне больше, чем тебе раз в десять–пятнадцать.

– Так не бывает.

– Если ты колдун, то такое вполне допустимо.

– А ты такой?

Пиво сделало меня более приветливым, чем обычно, поэтому я решил продемонстрировать маленький фокус. Сосредоточившись, я извлек из воздуха сферу Молнии.

– Она опасна. И способна погубить человека.

Велиса округлила очи. Прямо как Лешпри, когда я сотворил заклинание Света. Для людей, далеких от всего магического, такие вещички кажутся, мягко говоря, выпадающими из ряда привычного.

– Убери её!

Я распустил волшебство.

– Как пожелаете, миледи.

Велиса выглядела одновременно напуганной и решительной.

– У тебя есть дом?

– Шато, – вздохнул я. – Замок у берегов Моря Призраков. Был, по крайней мере, раньше.

– А что с ним сейчас?

Мне живо припомнился сон близ Эльпота, когда Таурус поселил в моем разуме видение, заставляющее меня сделать нравственный выбор – кого спасти, мой дом, осаждаемый приспешниками Десницы Девяносто Девяти Спиц или столицу Хильда.

– Не знаю, – отозвался я.

– Возьми меня с собой.

Прямо Хельберт какой–то – один в один.

– Возьми меня, и я стану счастливой, а то, что у меня всего–то увеселений в жизни – балансировать между жизнью и смертью, – им до этого дела нет. «Возьми» и все. Как эти юноши и девушки далеки от реалий суровой жизни горемычного скитальца Калеба Шаттибраля.

– Чтобы ты погибла в какой–нибудь передряге? Зачем тебе это?

– Нет, я хочу в Шато.

– Девочка, думаю разговор можно считать законченным.

Я попытался высвободить локоть, но Велиса крепко стиснула мою руку.

– Забери меня отсюда, и я стану тебе хорошей женой.

– Мне не нужна никакая жена, кроме Эмилии.

– Это твоя дама сердца?

– Да. Только она не знает об этом.

– Ты ей не открылся?

– Вы задаете слишком много вопросов, леди.

– Уверена, что ты ей тоже нравишься, ведь ты красавчик.

– Лестно слышать об этом второй раз.

– И все же.

Я держал свои чувства в себе слишком долго и потому выплеснул их на ничего не значащую для меня куртизанку. Почему бы и нет? Раз эти ушки на макушке хотят что-то услышать, пусть.

– Я боялся сообщить ей о том, что она для меня значит, чтобы не стать отвергнутым. Эта девушка, Эмилия, моя давняя подруга и... Я не хочу порушить нашу дружбу своим откровением. Вдруг то, что я скажу, поставит крест на том... на том, что мы пережили вместе.

– Все вы, мужчины, такие, – вздохнула Велиса. – Хоть сколько вам лет будет – двадцать или триста, как тебе, ничему вас жизнь не учит. Для женщины важны слова, любые слова, и вы их не произносите, а потом сидите мрачные и думаете – а как она отреагирует на это или как на то! Девушкам нужны и слова, и действия! Пойдем со мной! Или уведи меня отсюда!

– Какая же ты приставучая, Велиса, и ты ничего, совсем ничего не знаешь и не понимаешь.

Куртизанка вздернула носик.

– Я живу здесь и сейчас, и ты живи.

– Легко сказать, но не сделать. Прощай.

Под расстроенным взором Велисы я покинул «Китовый Ус». Вечер ласкал мою шею последними теплыми лучиками торопящегося на боковую солнца. Шелест листьев да шепот трав и многовековых Ририй, вкупе с журчанием Туманной Пляски, навеивали на меня какое-то томное чувство. Одиночество и предопределенная стезя –

мои спутники. Да, Дурнбад и Серэнити тут и могут помочь скоротать мне время, но... Я почему-то застрял в самом себе. В своей скорлупе и своих проблемах. Я уже почему-то не надеюсь, что кто-то из друзей способен вернуть мне мой прежний настрой. Веру в лучшее, надежду на спасение и будущие беззаботные дни, которые я бы проводил в спокойствии. Мне не хватает Катуба, Птикаля, жабы-повара Тины и прочих обитателей Шато. Я стремлюсь увидеть их не только потому, что соскучился, а из-за того, что они некогда были фундаментом моего умиротворения. В Веселых Поганках, наверное, еще холодно и снег лежит на кряжах гор, что кольцом опоясывают мою твердыню. Ленивое и студеное Море Призраков так же лижет черный берег, и призрачные голоса по-прежнему звучат из его далей. Они долетают до Шато...пустого и разоренного или все ещё целого и невредимого. Не дано узнать мне, что случилось с ним, и еще долго я буду пребывать в неведении...

Я подобрал два камушка (кремня), постучал ими друг об друга и выбил искру. Вот она – моя жизнь, Велиса, неприметная мигающая звездочка среди ревающего шторма событий.

Россыпь созвездий постепенно покрывало небосклон узорами. Яркий «Хвост Дракона» указывал на восток. Если бы я отправился за ним, то непременно дошел бы до Шато.

Я шагал и трогал ладонями молодую зеленую растительность, бурно заполонившую Ильварет. Сумерки удлиняли мою тень и перемешивали её с иными длинными и темными пятнами, отбрасываемыми зданиями, бордюрами и столбами. Масляные фонари зажигались один за другим. В их теплом зареве, в дыму, что тянулся вверх, и в отдаленном стрекоте цикад, я, поглощённый мыслями о самом себе, брел к «Гордости Вара». Тысяча и Одна, лестница, выдолбленная стародавними мастерами, как ты велика и осаниста... Видала ты на своем веку и королей, и героев, и отъявленных мерзавцев. Носила ты их раньше, а сейчас принимаешь на себя мои подошвы... А я, кто я? Мученик или избранник Вселенной? Скорее и тот, и другой, ай, да ладно переливать из пустого в порожнее!

Подвесной мост, застрявший между двумя барабанами башен, пропустил меня во двор. «Гордость Вара» встретил меня оживленной речью и спешащими туда–сюда людьми. Как же иначе – на завтра надо тесто замесить, хлебешек и торты испечь, привести в порядок мебель, убрать посуду, вытереть отовсюду пыль. На меня никто не обращал внимания, и мне это нравилось. Я поднялся к себе на этаж и отыскал свою дверь. Сон, я хочу, чтобы ты забрал меня целиком и полностью. Стиснув новоприобретенный артефакт Братства Света, я погрузился в сновидения. В эту ночь я метался по кровати и причиной тому был не Укулукулун. Жарко! Я вспотел. Кое–как задремав под утро, я проснулся от ноющего желудка – желчью меня вырвало в раковину. Уперев руки в живот, я, согнувшись, посидел на окаемке ванны, пока мне не стало лучше. Уже собираясь выйти из своих покоев, я услышал стук. Странно, я не жду гостей... Может быть, это гном, или Великий инквизитор?

Я открыл дверь. Передо мной стояла бледная, как мел, Констанция Демей.

– Впустите меня, мастер Калев?

– Разумеется, Ваше Величество, – ответил я, отодвигаясь в сторону. Меня прямо с ходу проняло ощущение чего–то ужасного. Королева в мягких вельветовых штанах и длинной блузе цвета индиго села в кресло. Ноги её не держали, а руки тряслись. Удрученный вид и слезы на глазах... Что же произошло?

– Ворон принес черные вести.

Констанция Демей мяла в кулаке письмо, до этого не увиденное мною.

– Какая случилось беда?

Королева с трудом проглотила комок в горле, а потом бесцветно произнесла:

– Моя свекровь... Королева Элизабет Тёмная в плену и наверное, может... может уже мертва.

Глава 14. Когда не ты ешь грибы, а они тебя – это немножко плохо

– Что?! О чем вы говорите? Почему? – опешил я. – Шальх надежно защищён, и ни одному Гильберту Энтибору туда не пробраться!

Королева молча подала мне скомканное письмо, и я второпях принялся читать: «Ваше Величество, сообщаю вам об ужасном происшествии. Королева Элизабет Тёмная стала заложницей волшебников из Магика Элептерум. Замок, в котором она находилась неотлучно, окутала пелена магии, вырвавшаяся из шпиля Свихнувшийся Башни. Непреодолимый заслон светящейся энергии запечатал ворота, и их невозможно ни открыть, ни взломать. По периметру бьют молнии, грозясь испепелить всех и каждого, приблизившегося к их бесовским створам. Из ловушки нет выхода и нет входа. Сама Магика Элептерум так же сияет и горит, словно факел в ночи. Буря из пламени и льда кружится вокруг её остова ещё паче, чем над твердыней Шальха. Магистры Орденов Братство Света оказались бессильны что-либо предпринять. Их молитвы и ритуалы не оказали на заклятье никакого действия. Несколько нанятых мною магов просто развеяло по ветру. Что или кто стоит за происшедшим событием, мне, как и прочим, неизвестно. В дополнение к вышеизложенному присовокупляю ещё одну загадочную и печальную новость – весь состав Канцелярии Правосудия вместе с префектом Канахесом Илькой исчез. Казармы пусты. В городе из-за воцарилось смятение и беззаконие. Вспышки насилия и разбоя повсеместны. Регулярная армия и рыцари-плутеранцы под моим командованием оцепили центральную часть Шальха и пытаются контролировать ситуацию, но простой люд как обезумел. Прошу Вас ввиду отсутствия префекта Канахеса разрешить мне применить к преступающим закон жесткие меры и карательные средства в больших масштабах. Не тюремные сроки, но показательные казни. Жду вашего ответа, решения. Гарнизонный генерал Шальха, лорд Валио Сейтри».

Я вернул письмо Констанции Демей.

— Бессмыслица какая-то, — прошептал я. — В Магика Элептерум всегда уважали королевский Дом, и раньше... Никогда такого бы не произошло.

— Но это стряслось! Я так и знала, что Ингри Звездный Плащ — никчемный чародей! Он прозевал подлую атаку колдунов Магика Элептерум и дал им захватить Элизабет Тёмную! Предатели! Они все предатели! Как и Канцелярия Правосудия с Канахесом! Куда они все испарились?! А мой народ! Без правосудия он теперь бесчинствует!

Королеву колотила мелкая дрожь

— Что мне делать? Удар следует за ударом!

— Надо попытаться пробраться в замок, чтобы спасти Элизабет Тёмную...

— Как? Как, я Вас спрашиваю, мы туда попадем, если мы здесь! Даже если бы мы были там, то... как?

—... и вместе с тем утихомирить ваших поданных. Их поведение вызвано допущенной вседозволенностью и войной.

Констанция Демей смотрела на меня огромными, полными паники, глазами. Первый раз за наше знакомство я увидел, как королева потеряла власть над своими чувствами.

— Дайте мне совет, мастер Калев! Вы практически единственный, к кому я могу обратиться за ним!

— Для начала возьмите себя в руки, — подавая королеве стакан воды, сказал я. — Ещё не все потеряно и не все так скверно, как кажется на первый взгляд.

Я облизал пересохшие губы.

– Путь до Шальха не близкий – то, правда, однако, я бы мог попытаться добраться до него в кратчайшие сроки и постараться что-нибудь придумать на месте.

– Но как? – снова повторила королева.

– Помните, я рассказывал Вам о моем сверхъестественном друге, Юнивайне. Ему по силам отнести меня к Шальху в кратчайшие сроки. Он не ведаёт усталости, и его скорость намного превышает прыть даже самых горячих воронов.

– Сколько дней Вам потребуется, чтобы достичь Шальха?

– На призрачном коне... если скакать практически без перерыва, то... Дней десять, Ваше Величество.

– Десять, – горемычно протянула королева. – Десять!

– Это предпочтительнее, чем двадцать пять.

– Отправляйтесь немедленно! – почти крикнула Констанция Демей. – Нет! Скажите, Юнивайн унесет на себе второго седока?

– Вы желаете поехать со мной?

– Серэнити, пусть едет Серэнити! Её железный кулак наведёт порядок в Шальхе лучше Валио Сейтри и прочих!

– Думаю, что Вы правы.

– Бегите к великому инквизитору Иль Градо, а затем срочно выдвигайтесь в Шальх! А я напишу Валио Сейтри, чтобы выполнил любые ваши указания!

Сонливость с меня и так слетела после рвоты, сейчас же меня пробил внутренний жар. Один в один, как ночью. Действовать стоило быстро.

– Смею дать Вам рекомендацию. Пока меня не будет, не покидайте Ильварет. Здесь Вы в безопасности и... Ваше присутствие подстегнёт наместника Карака держаться курса, утвержденного Вами минувшим вечером. Дроторогор – опаснейший Бог-Идол Хрипохора. Его нужно остановить, во что бы то ни стало. Настурция Грэхольм – опытная чаровательница и интеллектуалка, и я уверен, что она что-то отыщет про Филириниль. Я почти на сто процентов уверен, что нам придётся наведаться за мечом эльфа в Великий Лес, а его никто не знает лучше, чем мой товарищ Альфонсо Дельторо – верховный следопыт из Энгибара. Священная роща друидов раскинулась близ Шальха, посему я навещу его и приведу сюда. Я чувствую – он здесь понадобится.

Констанция Демей сделала над собой усилие и приняла привычный мне королевский вид. Она сдержанно кивнула, а затем промолвила:

– Примите мое благословение в эту черную годину. Вы спасли нас от Тауруса, избавьте и от Дроторогора. Но то... прежде Элизабет Тёмная. Я люблю её. Постарайтесь сделать для неё все возможное. Она очень стара, и я боюсь за неё. Передайте Серэнити и Валио Сейтри, что моё слово таково – все виновные за содеянное с Элизабет Тёмной, а также за распри в Шальхе должны понести суровое наказание. Пусть их всех обезглавят. Прямо на Толкучке.

– Дурную траву рвут с корнем. Я вернусь к Вам, когда все улажу.

– Верю, мастер Калерб! Верю, как никому другому! Да направит вас Урах.

Больше не говоря ни слова, я развернулся на каблуках и заторопился в Храм Ураха. Времени попрощаться с Дурнбадом не имелось и я жалел об этом. Наверняка гном расстроится, узнав, что я

отбыл, не пожав его могучую пятерню. Я надеялся, что по моему приезду в Ильварет Дурнбад все ещё будет гостить в нём. Хотя что его тут держит? Привязался он ко мне, а я к нему, вот что. Хотя ему давным-давно пора бы отбыть в Зарамзарат, где его ждут соплеменники, брат, мать и отец. Размышляя об одном друге, я по дороге стремился разыскать другую свою беловолосую и светлоглазую подругу. Она сыскалась не в оплоте Урах (служба Братства Света подсказал, куда мне бежать), а на Перекованном Наплечнике, где вместе с Зенобием выбирала новое оружие для Ордена Инквизиции Ильварета.

Ещё до того, как я увидел Серэнити, я её учуял. Экзотический запах духов Великого инквизитора, словно маячок, потянул меня через ряды кузниц точно к цели. Она стояла у почерневшего от копоти горна, а Великий инквизитор Карака договаривался с мастером о поставке булав и иных смертоубийственных орудий в арсенал Братства Света. Зенобий, заметив меня раньше Серэнити, прекратил разговор и гаркнул:

– Шаттибраль!

– Шаттибраль! – повторила Серэнити, оборачиваясь на восклицание Великого инквизитора Карака. – Что ты тут забыл?

– Ты и я, мы вместе сейчас же мчим в Шальх! Такова воля королевы Констанции Демей!

Серэнити выгнула бровь. Она всегда так делает, когда я говорю нечто сомнительное.

– Сперва потрудись объяснить мне причину её столь срочного указа. И добавь, почему она не объявила о нём мне лично.

– Все в дороге! Знай только, что ехать нам предстоит на призрачном коне!

– Вдвоём?!

– Да! И это срочно, срочно!

– Что же. Раз так... Воля королевы – закон.

Я метнул Кампри о мостовую. Юнивайн показался из него спустя секунду. Вокруг послышался удивленный гул толпы. Кое-кто шарахнулся в сторону, кто-то выронил корзину с яблоками и, может быть, даже упал в обморок, однако мне некогда было обращать на это внимание.

– Верный мой товарищ, сегодня тебе предстоит взять на себя не только меня, но и Серэнити, – обратился я к Юнивайну. – Скакать нам предстоит не одни сутки, и я очень тебя прошу: отложи все свои дела в Лесу Скорби и являйся на каждый мой зов. От твоей прыти зависит судьба королевы.

Призрачный конь всхрапнул и бурно потряс удивительной мордой. Мне показалось, что он не шибко доволен моим вопрошанием (Юнивайн не всегда откликается на мой вызов, иногда у него есть какие-то свои занятия и тогда я иду пешком), но в беде он меня бросать не собирался. Встав на задние ноги, призрачный конь взбрыкнул передними в воздухе.

– Он такой один на всем белом свете! – воскликнула Серэнити, глядя на переливчатый круп Юнивайна.

– Другого нет – это точно, – согласился я, вскакивая в седло и подавая руку Великому инквизитору Иль Градо. Когда Серэнити устроилась впереди меня, я сверху вниз обратился к опешившему Зенобию: – У меня есть маленькая просьба к тебе. Передай, пожалуйста, Дурнбаду, пусть заберет из «Бесовской Плавильни» мой кулон. Он очень важен для меня.

– Возьми свою побрякушку сам! Я тебе не мальчик на побегушках! «Бесовская Плавильня» совсем рядом! Вон там!

– Зенобий! – рявкнула Серэнити. – Я тебя прошу!

Скривившись, Великий инквизитор Карака кивнул.

– Вперёд! К Шальху! – крикнул я Юнивайну.

Мы сорвались с места и, лавируя между клиентами «Перекованного Наплечника», ломанулись к страж-воротам «Голубое Горло». Бульвары и завороты проулков замельтешили перед моими глазами. Удивительно ловко и грациозно Юнивайн объезжал, казалось бы, застывших по сравнению с нами, горожан. Беломраморный Форум – вот он перед нами, а, хоп-па, уже и позади. То же приключилось с россыпью лавок, булочных, красильных, гончарных, с вереницей борделей и иных строений. Они появлялись на пути и уже через секунду исчезали из вида. Понесшись вдоль пирса Туманной Пляски, Юнивайн легко перепрыгнул затор из телег и рванулся дальше. Так как узды у призрачного коня не имелось, Серэнити, не привыкшая скакать на нём, судорожно ухватила за седло. Я обнял её за плечи и прижал к себе.

– Не так близко, отродье Тьмы! – всей мощью легких проорала Великий инквизитор.

– Извини, извини!

Решетка «Голубого Горла», прижатая к своду, не задержала нас на проходе, и мы, оставив Ильварет позади, вильнули на дорогу, по обе стороны которой ютились домишки и поля поля, ныне еще пустые. Юнивайн не собирался долго везти нас по ровной колее. Ему были нипочем заросли и деревья, поэтому он свернул направо и погнал напролом через лес. Он выбирал самый короткий маршрут. Серэнити пригибала голову, когда та или иная крупная ветка грозила шмякнуть её по макушке. Однако делала она это запоздало. Впрочем, ни одна ель или клен её не задевали. Юнивайн осторожно относился к своим седокам. Он интуитивно увертывался от любых препятствий, способных навредить нам или сбросить нас на землю. Уже сейчас, когда мы во весь опор скакали к Шальху, я подумал, что надо было бы

самому зайти в «Бесовскую Плавильню». Времени на это ушло бы не больше пятнадцати минут, и кулон, способный противостоять Живой Воде, уже болтался бы в моей сумке. Я собирался зайти в Магика Элептерум (если получится) и встретить там Бертрана Валуа. Если бы он перевел наговор Джеда Хартблада, я бы смог снять проклятие, что носит в себе Серэнити. Ай, досадно! Но поворачивать уже поздно. Когда мы воротимся в Ильварет, я избавлю Великого инквизитора от ноши, что ей пришлось на себя взять под стенами Эльпота. Только бы Бертран Валуа, наделенный гениальным талантом переводчика, расшифровал непонятные закорючки текста легендарного мага Великого Леса. Я надеюсь на это!

Светило сделало по небосклону круг, а мы все продолжали свой путь. На первой стоянке я показал Серэнити Скатерть «На любой вкус».

– Как хорошо, что мы тебе обнаружили её и оставили тогда, – проговорила Великий инквизитор, жуя извлеченный из Скатерти–Самобранки кусок говядины. – С ней нам не придется заботиться о пропитании.

– Вам спасибо, что вы верили в меня. Что я не погибну в Гамбусе.

– Мы ждали тебя две недели. Я и Дурнбад. Эмилия и Грешем ушли из Килкваги намного позже.

Серэнити облокотилась спиной о ствол ясеня.

– Мы поняли, что Таурус погиб почти сразу. Возле Килкваги разверзлась червоточина, прямо тогда, когда Фарганорф творил своё чародейство. А потом, спустя полчаса, она обрушилась.

– Видимо Красному Палачу было нужно подобраться ко мне как можно ближе, чтобы затесаться в Гамбус. Таурус использовал межпространственные врата как точку опоры, которая позволила ему преодолеть заслон Мира–Начала. Я думаю, он попал туда чуть раньше, чем мы с Фарганорфом.

– Теперь этот козел Девяносто Девяти Спиц убит. И все благодаря тебе. Хотя этой проблемой стало меньше для Соединённого Королевства.

– Нет, мы все вместе сражались, проливали кровь и пот, чтобы демоны ушли обратно в Бездну. Каждый из нас внес свое имя в историю учебников Соединенного Королевства.

Серэнити хмыкнула.

– Мы, история? М–да. А как на счет Дроторогора?

– С ним выйдет позаковыристее, – честно ответил я. – И то, не потому что он круче Тауруса, нет. Дело в том, что нам придётся бороться с ним без помощи Ураха.

– Пророчество Полного Круга, свершилось, однако Всеотец не оставит нас.

– Помолись ему за нас.

– Каждое мгновение мои мысли прикованы к нему и к нашим нуждам.

– Я не знаю, Серэнити, что у нас впереди, – тихо сказал я, полируя Альдбриг точилом. – Дроторогор – Бог–Идол Хрипохора, и все живорезы Великого Леса и Леса Скорби в его кулаке. Я чувствую, что мы скоро, невероятно скоро, хлебнем с лихвой горькую печаль, принесенную ордами Хрипохора.

– С Полдня Игл минуло ни одно тысячелетие, и человечество живо только усилиями Харальда Темного и принца эльфов Легии. Сейчас у нас нет подобных им, поэтому... Поэтому надо ими стать.

– Во–во! И добавить к учебнику истории ещё одну главу.

– Когда ты стал задумываться о том, что ты собою представляешь? – сузила глаза Серэнити. – Смири свою гордыню и просто соверши то, что должен.

– Гордыни во мне нет, – улыбнулся я. – Однако, моя дорогая...

Серэнити кинула в меня яблоком.

– Не называй меня так, отпрыск Назбразля!

Я поймал лбом фрукт и рассмеялся.

–... однако мы, ты, я, Дурнбад и Эмилия потрудились на славу. Разве не так?

– Нет не так. У нас осталось много забот.

– Да, Дроторогор, – кивнул я.

– Мы займемся им сразу, как успокоим ситуацию в Шальхе.

– Без меня, – вздохнула Серэнити. – Алан Вельстрассен с позволения Констанции Демей немного ранее распорядился, чтобы я заняла пост полководца Света – должность Архиурата. Из Иль Градо в Карак я не вернусь.

– С тобой и только с тобой, так как ты будешь противостоять Дроторогору вместе с Братством Света. Где бы ты ни находилась.

– Уповаю на то, что он не доберется до Иль Градо...

– Я тоже.

Наш привал пришелся на побережье Туманной Пляски, и Серэнити наблюдала за её водами своими удивительно ясными глазами. Вообще Великий инквизитор Иль Градо достаточно симпатичная девушка. Её очи, словно звезды, – чистые и искрящиеся

льдом очень выделяются на нежном лице. За прошедший год Серэнити осунулась и, мне кажется, исхудала ещё больше. Однако внешность её это не портит. Я украдкой разглядывал Великого инквизитора, засунув прутик в рот.

– Шальх, – медленно проговорила Серэнити. – Что же там произошло...

– Разберемся, когда доедем. У меня пока нет картины события.

– Главное – спасти Элизабет Тёмную.

– Будем стараться...

Серэнити поджала губы.

– До Иль Градо мили и мили, а до Шальха и того дальше. Время играет против нас.

– Юнивайн даст нам крохотную фору перед дальними далями.

Великий инквизитор оправила белоснежную рясу, встала и, глядя на меня сверху вниз, сказала:

– Кликай призрачного коня. Медлить нельзя.

Я нашарил Кампри в сумке.

Оставшийся день мы неотлучно придерживались течения Туманной Пляски. Юнивайн мчался вдоль её беспокойного потока. Корабли, что скользили по реке, как мимолетные видения, не задерживались перед взором дольше, чем наш вдох и выдох. Лесные массивы, что шумели по левую сторону от русла Туманной Пляски, приветствовали нас одним расплывчатым зеленым пятном. Каменья да овраги, кусты да кущи переплетенных корней и деревьев – все они, исконные жители Карака, умиротворяли мою душу своим видом. Прижавшись к Серэнити, я ощущал её тонкий аромат шоколада и

пряных цветов. Как хорошо вновь путешествовать со своей любимой, непримиримой ко Злу, подругой. В ее обществе на сердце становится теплее. Я не ведал, с чем нам придётся столкнуться в Шальхе, но от того, что Великий инквизитор, её Бог и её сокрушительная булава рядом, мне спокойнее. Серэнити – непревзойдённый боец, уникальный целитель и грозный враг любого, кто попытается нас обидеть. С ней я защищен. Я хмыкнул. Маг прячется за Великим инквизитором и посылает в нападающих шары Огня. Ха! Как мне этого не хватало! А еще я встречусь с Бертраном и Альфонсо. Вот кому я тоже обрадуюсь! Мои приятели, вынесшие со мной многие тяготы судьбы, ныне нам предстоит вновь объединиться. На счет Рыжей Колючки сказать однозначно нельзя (ведь Магика Элептерум в опале), а Комок Нервов (Альфонсо прозван так в Грозной Четверке за то, что постоянно волнуется за всех и вся) непременно должен примкнуть ко мне. На то есть «согласие» королевы. Это вам не что-то!

Вечером мы въехали в деревеньку под названием Упавший Монарх. Такое название поселение получило из-за того, что некогда Ниль Темный, будучи хмельным, по приезде сюда, брякнулся с кобылы и сломал себе обе ноги разом.

Куцые домишки с ветхими крышами и печные трубы. В воздухе – запах свежего навоза и гвоздики. Грязь на дороге от прошедшего недавно ливня липла к сапогам. Наша маленькая компания подалась в трактир, где за скромную плату получила две комнаты на ночлег. Моя кровать оказалась продавленной и замызганной чем-то бурым. Клопы, что сновали по её покрывалу, меня огорчили вдвойне. Это тебе не «Гордость Вара» с его опрятными накрахмаленными наволочками и пухлыми подушками. Тут процветает антисанитария! Делать нечего – поездка на Юнивайне измотала меня, поэтому лягу спать, где дают. Луковое Спокойствие уже привычно легло в мою пятерню и зарделось изумрудным блеском – мой заслон от Укулукулуна, но не от надоедливых насекомых, что уже принялись вползать на меня и кусаться. Вот заразы!

Ночка выдалась так себе. Клопы меня всего искусаили, и то же постигло Серэнити. Не выспавшиеся и со скверным от этого

настроением, мы двинули на Юнивайне дальше. Последующие пять дней сменялись без всяких происшествий. Моя «пятая точка» уже так ныла от седла, что на коротких передышках, устраиваемых нами для обеда или ужина, я едва ковылял по земле. Серэнити в отличие от меня не жаловалась. Она просто в принципе никогда не ропщет на неудобства. Иногда Великий инквизитор порицает меня за нытье.

Территория Карака закончилась, начинались уголья Иль Градо. Кочуя для отдыха от городка к городку, мы пополняли свой багаж какими-то новыми сведениями и слухами. Например, в Кривом Утесе нам поведали о войне с Плавенем. Мол, солдаты лорда Бракса Иссохшего, знаменосца Гильберта Энтибора наведались к ним и подчистую выгребли все более-менее ценное. Сие Серэнити разозлило. Еще сильнее ее привело в бешенство то, что некоторых сельчан солдаты лорда повесили в знак назидания. Сир Грабр из Ольховой Дубравы по распоряжению генерала Кирфа Маяна сразился с лордом Браксом и обратил того в бегство, но учененный Браксом беспредел уже было не исправить. Примерно то же самое нам поведали в Львиной Незабудке – тут войска Плавения и Иль Градо схлестнулись не на шутку. Триста тяжелых рыцарей и тысяча пехотинцев со стороны короны и две тысячи латников от ранее центральной провинции Соединённого Королевства рубились здесь чуть меньше недели. Разбросанное в округе от Львиной Незабудки оружие и разлагающиеся трупы, как и воронье, недвусмысленно подтверждали полученные нами вести. Огорчительно было то, что Королевство Плавень терзало Иль Градо в глубине его границ, выжигая города и предавая мечу всех, кто не склонял колен и не желал отдавать на поругание своих жен и детей.

С грустью я и Великий инквизитор увидели обугленные остовы Прыткого Мельника. Покосившаяся и измаранная кровью табличка – вот и все, что представляло ранее оживленное поселение, промышляющее сбором урожая и помолом зерна. В другом поселке, старый подслеповатый глава Пряных Волос поделился с нами за кружкой эля (Серэнити, естественно предпочла клюквенный морс), тем, что его сын, получивший стрелу в бок и вернувшийся на телеге к родителям (и еще повезло, что не умер от такой раны) только и говорит

о том, как Дир Сладкоречивый, лендлорд этих мест, сделал вылазку к городу Зиворот, что в Плавене, и сломил его сопротивление. Серэнити приняла подобную информацию с болью. Ей, как и королеве Констанции Демей, было не по нутру, что Соединённое Королевство пожирает Само Себя. Особенно Великого инквизитора повергло в уныние уничтожение Плавенем одного придорожного аббатства. По её мнению, Братство Света должно быть вне распрей новоявленных королевств. Однако аббатство разграбили, вынеся из него всю позолоченную утварь, а приход умертвили через колесование. Жуткое зрелище... Не поленились же, гады...

На шестые сутки под сумерки, улегшись на травяной подстилке, я и Серэнити, как у нас уже вошло в обиход, неспешно беседовали о предстоящих невзгодах и способах их преодоления. На ум нам шли самые различные варианты того, как вытащить Элизабет Темную из застенков смертоносной преграды, но ни один из них не казался приемлемым или осуществимым.

— Ты же треклятый колдун! Назбраэль тебя заberi! Почему ты не придумал еще, как разобраться с оккультной пакостью Магика Элептерум!

— Ты всегда мне задаешь такие каверзные вопросы, и каждый раз я тебе отвечаю — я не всеведущий! Мне надо вначале понять этимологию свершившегося ведовства. Как я могу заочно тебе сказать — волшебство мною будет снято так-то и так-то? Ты же не можешь заочно отпустить кому-то грехи — без исповедания. Вот и я не могу.

Серэнити глотнула воды из фляги.

— Тебе никому грехи отпускать не нужно. Достаточно будет того, что ты не оплошаешь, когда мы достигнем Шальха.

— Разве я когда-то подводил нас?

— Тебе припомнить кровунов Яварха? Кто заприметил эти отбросы Эмириус Клайн в саркофагах, но не потрудился сообщить нам о

грозящей опасности?

– У меня до сих пор перед глазами стоит тот твой взгляд на меня в гномьих чертогах, – воскликнул я.

– Нечего смеяться, Шаттибраль!

– Я...

– Гав–гав–гав! – на нашу полянку забрался поджарый бульдог. Я почесал псу за ушами. – Гав–гав–гав! – не унимался он.

Бульдоглизал мне протянутую ладонь и, оборачиваясь, забегал назад–вперед.

– Он нас завет, – задумчиво сказала Серэнити.

– Вижу.

– Странно, что в такой глуши обнаружилась собака. Допускаю, что её хозяину требуется помощь.

– Пойдем посмотрим?

– Давай.

Едва мы поднялись, бульдог ринулся вглубь темноты.

– Не так быстро, приятель! – крикнул ему я, со всех ног несясь за виляющим хвостом.

Путешествуя на крупе Юнивайна, мы с Серэнити не отягощали себя мыслями о том, в какую сторону нам стоит следовать. Призрачный конь, когда ему говорили точку, сам знал, как до неё добраться. И оттого, для меня стало настоящей неожиданностью место, куда привела нас собака. Палантинные Холмы – одна из достопримечательностей Иль Градо. Так вот, где мы оказались сейчас!

Гигантские грибы в четыре фута ввысь – Плотоядки, как их величают в Соединённом Королевстве, усеяли бугристую и крайне неровную долину своими толстенными стволами. Фиолетовая почва от выделения Плотоядок стелилась пучками плесени и уродливыми нефритовыми растениями–симбионтами Царапками. Колючки Царапок цеплялись за одежду и пронзали штаны шипами. Пока бульдог юлил промеж грибов, я, как у меня заведено, на ходу припоминал то, что знаю о Палантиновых Холмах.

Это сакральное уголье грибов–переростков обнаружили люди в стародавние эпохи. Поначалу Плотоядки попробовали употребить в пищу, но яду в них оказалось не меньше, чем в поганках или мухоморах. Интересно то, что не только народ Соединённого Королевства вознамерился отведать Плотоядок, но и сами Плотоядки не побрезговали кусить человечины. К сожалению, она пришлась им по вкусу. У этих несуразных грибов имеются очень прыткие корневища – зшахватыши, которыми они норовят схватить тех, кто празднует возле них зевает. Зайчик, лисичка, волчок, какой–нибудь Пип из Сахарных Блинов или Рож из «Бочонка Эля» – любой из них по недосмотру может очутиться в крепких объятиях Плотоядок, а потом будет с удовольствием ими переварен. Захваташи опутывают жертву и волочат её под землю, где и происходит акт насыщения. Впрочем, Плотоядки вполне себе выживают и без «дичи» – солнце, дождь и экстракты чернозема – все это их питает тоже. Они приспособлены к жизни очень даже хорошо. Кое–кто, не раз и не два, заводил волюнку об уничтожении Плотоядок, и это всегда отвергалось. А почему? На то имеются причины. Во–первых, эти грибы – уникальное природное явление. Во–вторых, раз в несколько лет они, что называются, потеют. Их пот или слезы, стекающие по стволам, нашли отклик у ремесла алхимиков. Было выявлено: жирная слизь Плотоядок помогает бороться с такими тяжелыми болезнями, как чума и оспа, и еще с целым рядом более легких. Король Родерик из ветви Краварков и его супруга Мила Темная на Вселенском Собрании некогда объявили Плотоядок достоянием страны и под страхом смертной казни запретили их трогать или, упаси Урах, искоренять. Лекари и знахари внушительными партиями исправно наведываются в Палантиновые

Холмы, но только когда у Плотоядок настает сезон «плача». В иную пору тут ловить нечего. Как бы они не поймали!

Кое–как поспевая за собакой, я подумывал, что какой–нибудь костоправ высчитал, когда сюда нужно явиться за чудодейственной эссенцией и угодил в захватыши. Отдуваясь, с болью в боку, я, а Серэнити за мной, достигли того уголка, где громогласное «гав, гав, гав» более никуда не удалялось. Под грибницей Плотоядки торчала рука.

– Мы опоздали, – с грустью промолвила Серэнити.

– Незавидная участь, да.

Рука дернулась и схватила пальцами пустоту.

– Рефлексы? – обронил я.

– Нет! Посмотри!

Великий инквизитор бесцеремонно схватила меня за башлык (эй, не жалую я, когда так делают!) и подтянула к дыре, что зияла подле Плотоядки. Оттуда раздался хрип:

– Помогите! Урахом заклинаю! Помогите мне!

Серэнити дернулась к булаве, но я перехватил её латную рукавицу.

– Погоди, сумасшедшая, если ты бабахнешь по Плотоядке своей колотушкой, то тебя залет её соком. Личико тогда у тебя окажется не краше, чем у Эмилии.

– Что ты предлагаешь?!

– Дай подумаю.

Я аккуратно обошел Плотоядку по кругу. Мне было яснее ясного, что физическое воздействие на прожорливый гриб применять нельзя. Поэтому... Я склонился над прорехой.

– Дышать можешь?

– Он меня разъедает!

– Раз еще говоришь, значит еще не все так плохо.

Мне не по нутру было то, что я собирался предпринять. Однако иного выхода я не видел.

– Ты жить–то хочешь?

– У–а–а–а... Да! Да! Конечно!

– Увы. Тогда тебе придется расстаться со своим барбосом. Ты согласен?

– Я... Пшеничный...да! Только вытяни меня отсюда!

Серэнити нетерпеливо переступала с ноги на ногу.

– О чём ты говоришь? – спросила она меня.

– Мы должны внушить Плотоядке, что Пшеничный вкуснее, чем его хозяин, – ответил я, с тяжестью внутри себя, свистя собаке.

– Ты намерен его убить?

– Увы! Увы! Кажется, придется.... Да...

– И скормить этой гнуси?

– Плотоядки устроены так, что не в состоянии переваривать две жертвы сразу. Они набрасываются всеми своими захватывающими на

несчастливого и усваивают его через присоски. Если Пшеничный, скажем, будет истекать кровью, то хищный гриб, думается мне, переключится с несчастного на его питомца.

– Ты уверен?

– Не берусь уверять, но что же еще нам делать...

– Не радетель я таких мероприятий, – проворчала Серэнити.

– Как будто я любитель... Я подержу Пшеничного, а ты...

Я достал из сумки кинжал гномов.

– У самого кишка тонка?

– Честно? Именно так.

– А у меня, значит, сердца нет, так?

– Серэнити...

– Ладно... Замолчи только.

Я мягко закрыл глаза бульдогу, а потом... Великий инквизитор умеет такие штуки проворачивать за одно мгновение. Уж я–то знаю, я знаю... Я тешил себя мыслью, что Пшеничный ничего не ощутил. Бережно приподняв пса, я поводил им возле Плotosядки. Капающая из под мехового горла кровь заморосила по Захватывшам и они нервно зашевелились.

– Уууу! Оно меня перетирает!

– Не рыпайся там! – предупредил я мученика.

Опустив Пшеничного прямо на корневище Плotosядки, я стал наблюдать, как Захваташи вострепенулись и, оставив свою прежнюю

жертву, кинулись на собаку. В считанные секунды Пшеничного облепили отростки–щупальца и затащили в рыхлую землю. В это время я овец не считал. Крепко стиснув запястье человека, я со всей силой потянул его на себя. Серэнити тоже присоединилась. Дюйм за дюймом, с чавкающим звуком, показалась прежде всего вся рука, затем плечо, а уже потом и каштановая макушка. Когда мы извлекли человека наружу, он зашелся скорбным рыданием.

– Я любил его... Любил! Мой Пшеничный! Верный друг!

Он вперил в меня безумный взгляд.

– Ты зарезал его, нелюдь!

– Да но, иначе бы...

Обезумевший мужчина кинулся на меня с кулаками. В челюсть попал первый удар, а второй... Серэнити сгребла нападающего в стальные объятия.

– Угомонись ты! Он спас твою жизнь!

Теперь локтем прилетело Великому инквизитору. Скула у нее обрела синеватый цвет. Серэнити зарычала и развернула мужчину лицом к себе и наотмашь проехала ладонью по бороде (определяю пощечину в одну восьмую силы Великого инквизитора). Охнув, чумазый человек отлетел на пару футов и брякнулся на лопатки.

– Не беси меня!

Я подошел к скулящему мужчине. При моем приближении он весь обмяк и скукожился. Не волнуйся ты так, я тебя не обижу!

– Благодарю Небеса, что Великий инквизитор Иль Градо не пришибла тебя за твою выходку. Иногда для совершения справедливого суда ей нужно лишь плохое настроение. Как твое имя?

– Шаттибраль! Что ты несешь?! Хочешь на костер?!

– Умолкаю!

– Я – Грунти.. А то – что же ... сама Серэнити?

– Мы знакомы? – уже более спокойным голосом спросила Великий инквизитор.

– Да, то есть, нет... Вы... вы же мать Ордена Инквизиции. Ваше имя у всех на слуху...

– Мать? – протянула Серэнити, как бы пробуя слово на вкус. – Так меня ещё не называли.

Великий инквизитор окинула Грунти взглядом. По его голому торсу вились напухшие полосы, из которых сочился гной и сукровица.

– Давно ты тут в гостях у Плотоядки?

– Смею предположить, что день, а то и полтора, Ваша Светлость.

– Что ты тут забыл?

– Я – торговец лечебными настоями и притирками, – как-то виновато проговорил Грунти, садясь подальше от гриба, что пожирал его пса. – Мною двигал заработок и, ну, Плотоядки только-только должны были заморосить «слезами» – ранняя весна их сезон, если повезет. Я, ну, и отправился проверить, так ли это.

– Проверил? – блекло хмыкнул я.

– Более чем, милорд.

– Подойди сюда, – позвала Грунти Серэнити. – Я залечу твои повреждения.

– Я слышал, что вы умеете это... Все знают о вас, как же, святая... Что вы врачуете раны руками... но со мной?

– С тобой, с тобой, радуйся этому, – сказал я.

– Урах определил сохранять тебя для своей Цели, – церемонно ответила Великий инквизитор. – Я лишь орудие в Его дланях. Не святая.

Серэнити сняла латные перчатки (ох, сколько же эти рукавички поколотили народу, бабушка дорогая!) и наложила свои тонкие белесые пальцы на волдыри Грунти. Желудочный сок Плотоядок хорошенько поработал над брэнной, одутловатой плотью пленника, однако Магия Света, пролившаяся через милость Всеотца, стянула их и убрала совсем. Из груди Грунти вырвался невнятный звук восхищения. Я–то такое повидал и не единожды даже прочувствовал, а он–то впервые принял на себя благодать Ураха. Почесав лоб Ликом Эбенового Ужаса, я сказал:

– Повезло тебе. Но в следующий раз такого может не произойти. Будь впредь более осмотрителен, куда ставишь свои ноги, и где намерен раздобыть лишний медяк.

– Приму за напутствие!

– Ага, давай.

Так уж повелела Вселенная, чтобы незадачливый Грунти вылез из передряги. Туза из колоды вытянул, ай, везунчик!

Как я помню, Палантиновые Холмы кроют своей фиолетовой грибной посадкой акры и акры, от Фиалкового Взгорья аж до речки Хворушки. Внушительно на ландшафтный пересчет. Но к чему это я?

Чтобы по случайности не угодить в какую–нибудь оголодавшую Плотоядку, мы, уже втроем, пошли туда, откуда мы с Серэнити двинулись за Пшеничным. Ах, бедный песель, как мне его жаль. Он

отдал свою преданную жизнь, чтобы Грунти продолжил свою. Справедливо ли это? Правильно ли я поступил? Почему человек всегда ставит себя выше животного? Мы, люди, мним себя самыми разумными и превозносим свою брэнность как дар Богов. Однако другие существа – звери или птицы в неменьшей мере достойны того, чтобы дышать, есть и обитать на белом свете. Если бы мне предложили, умри ты или погибнет твой Снурф, что бы я выбрал? Я крайне привязан к своему неутомонному и вечно стрекочущему таракану, но... Хорошо, что никто не предлагает мне вынести подобный вердикт. Верно?

Мы распрощались с Грунти (он вознамерился как можно быстрее и как можно дальше отойти от Палантиновых Холмов) и легли спать. Положив под голову сумку, я кивнул Серэнити. Её очередь дежурства была первой. Великий инквизитор сидела у костра, и тени, что плясали по её тонкой фигурке, придавали ей мистический вид. Размеренное колыхание пламени, звездный водоворот на небе, переклички тетеревов и уханье сов... Я засыпал... Последнее, что я увидел, прежде чем провалиться в дерму, это водопад молочных волос... Идя к Пику Смерти, Грешем как-то обозвал Серэнити альбиносом. И ведь она действительно такая... Непохожая ни на одну девушку Соединённого Королевства. Моя бесценная и своеобразная подруга... Долг, честь и служение – в этом ты вся. Мысли мои путались и перемешивались... Семейное счастье... Для Серэнити... Нет, о, нет. Хотя... кто знает? А для меня? Эмилия... Я улыбнулся в застёжку сумки и окончательно провалился в сон.

Моя вахта наступила быстрее и резче, чем я того бы желал. Великий инквизитор беззастенчиво пихнула меня под ребра, и я ойкнул. Позевывая, я уместился у догорающих угольков. Там, за Палантиновыми Холмами, звенит река Оленья, а уже далее находится пара-тройка городов и гудящий, словно улей, Шальх. Чтобы скоротать часы, я извлек из своей кожаной спутницы «Первоначала» и стал перечитывать ранее бегло проглоченные строки. Меня тянуло разузнать побольше о Рифф и прочих Вседержителях. Я уже усек, что сущностей, что верховодят всем и вся девяносто девять, и по сему числу их некто объединил в касту Девяносто Девять Спиц. Сотая же

Спица – это Смерть с её Арбитрами, пребывающая над ними всеми. Лениво перелистывая страницы и между тем посматривая вокруг (Серэнити мне голову оторвет, если кто-то незаметно подберется к нам), я читал книгу из личной библиотеки Нолда Темного.

Рифф – Восьмая по градации мощи и уступает местом Ураху (Он Седьмой), но опережает Назбраэля (Девятый), Юкцфернанодона (Десятый) и Харо (Одиннадцатый). Пространно и метафорично в «Первоначалах» описывалось превосходство одних Вседержителей над другими. Все они умеют управлять «первозданными частицами Бытия» и создавать что-то из Ничего. Могут прозревать будущее и грядущее. Менять судьбы и выносить приговоры относительно того, чему Быть, а чему «Не Быть», пропасть. Тонкая игра, сплетаемая Ими несчетные веки назад, поработала или возносила предмет Их внимания. Что необходимо отметить – Вседержители соединяли помыслы для созидания чего-то трепетного и уникального всего пару раз, как пример – Жизнь. Когда Их первое «порождение» осознало себя – тогда-то Девяносто Девять Спиц и приняло в свой круг Смерть, последнюю, замыкающую круг, – Ту, что имела от каждого Вседержителя по чуть-чуть. Рифф, по намекам текста, относилась к ней сугубо предвзято и холодно (если так вообще допустимо сказать). Как-то Смерть взяла первенца Праматери – паука о двадцати лапах Кьюбирга и отправила в Забвение. Тут заострим карандаш: всяким насекомым, животным, рыбам и прочим не уготован ни Мир Света, ни Мир Тьмы – их души запираются в энном полюсе, что находится вне пределов досягаемости Вседержителей. Да, да, есть и такой – Серединный Мир, им, по допущению Смерти, заведует Харо. Так вот, Праматерь пришла тогда к Смерти и потребовала вернуть ей Кьюбирга из Серединного Мира (при том, что Харо был согласен), но получила отказ. Рифф уже не могла воротить своё чадо назад, и потому, чтобы такого впредь не повторилось, соткала свой собственный План – Анкарахад, куда указом Праматери после издыхания попадают все пауки всех Реальностей. Я вычитал, что Анкарахад – это некий лабиринт сетей и переплетений, заполняющий собою карман Бесконечности. Ей нет постижимого предела и нет там власти у Смерти, как и у остальных Вседержителей. Анкарахад – аналог Мира Света, Мира Тьмы и Серединного Мира, нашей обозримой Юдоли и

налагающийся на неё других континуумов. Как страшен Назбраэль и прекрасен Урах, так же и Рифф – самодостаточна в своём липком обликии. Какова Она вообще? Если Всеотец преподносится нам в виде человека с горящим челом или элементом чистейшей энергии, а Лорд Ужаса, как чудовищный и черный титан, то Праматерь по сравнению с ними выглядит скромно – женщина– мужчина (или только женщина, или только мужчина) с волосами–нитями и алмазными глазами или паучиха–паук с серповидной короной о мириадах пульсаров–огней. Если Урах, Назбраэль, Харо и Юкцфернанодон тяготеют более к типуажу «Он», то Рифф заняла нишу «Оно, Она, Он». Иными словами, Праматерь сродни гермафродиту и принимает обличие по своему настроению и ситуации. Так или эдак, но чаще же всего ей свойственна «Она», именно поэтому о Рифф говорят в женском роде. Примечательно, что в Анкарахаде у Рифф нет пределов могущества – каждый её обитатель, буде то воля Праматери, станет в ней Богом, правящим в личной безграничной Шири. Избранные люди Соединённого Королевства, поклоняющиеся Дому Шелка, иногда, приняв на себя толику всевластия Анкарахады, обращались в непобедимых и дерзновенных персон. Многие и многие легенды описывают противостояние древних героев с любимцами Рифф. Их сражения столь эпичны и трогательны, что невольно отпечатываются в разуме чередой грандиозных картин. Однако... Дом Шелка выкорчеван Братством Света, и я... Я должен возродить Его. Тут и там... У нас, в Гамбусе и везде... Сама мысль об этом изводит мой дух почище раскаленных щипцов. Примкнуть к Праматери... Нет уж! Но я уже склонил колени перед Ней и пообещал сойтись в поединке с Укулукулуном... Троль все это разбери! Засада! Как быть–то мне?! Я перемотал остаток листов и вперил взор в Серединный Мир. Ранее упоминания о нем, где бы то ни было, встречались редко и пространно. Что ж... Харо – Господин природы и Покровитель эзотерики походил на эльфийскую богиню Сирвиллу. Харо меньше всех из Девяносто Девяти Спиц тяготел к суете и верховенству над жизнями низших рас. Оплот невозмутимости и самодостаточности, Он занимал весьма невзыскательный раздел в Первоначалах. Ему приписывалась стальная воля в решениях и неумолимость в свершениях, связанных с метаморфизмом Твердых Материалов. Он испытывал радость от созидания и преображения веществ разных компонентов. По своей

сути отшельник (Харо редко взаимодействовал с другими Вседержителями), обликом Он походил на Серебряный Ветер, что рокошет то тихо, то свирепо и громко. «Первоначал»а приписывали Ему многие благодеяния, но между строк ощущалась какая-то скрытая напряженность. К концу книги Серединный Мир упоминался все чаще, и когда дело дошло до Планарнастей Его Родичей, все оборвалось на предложении: «Две сотканых окраины; Мир Света – Ураха и Мир Тьмы – Назбраэля вбирали в свои чертоги души, поставляемые Смертью. Так было, пока Харо...» Что Харо? Из подтекста было понятно, что в Серединном Море, что-то произошло... противоестественное и неприглядное, однако... все последующие страницы Первоначала были замараны чернильными кляксами – что там сообщалось, узнать было невозможно.

Я вздохнул, фолианты часто оканчиваются на чем-то интересном. Не люблю незавершенности и недосказанности!

Первые лучи солнца коснулись лица Серэнити. На мраморной, словно выбеленной коже заплясали теплые зайчики. Великий инквизитор моргнула, а после сладко потянулась. Звякнули звенья тонкой кольчужной рубашки. Серэнити из всей брони предпочитала только её. Иные доспехи и снаряжения мешали её двигаться – так она считала.

– Доброе утро, миледи. Что желаете на завтрак?

– Ты что это такой галантный, Шаттибраль? – обронила Серэнити.
– Ты в чем-то провинился за ночь?

– Если ты не заметила, я всегда веду себя с тобой максимально уважительно и вежливо.

– Мне это не нужно.

– Знаю; но ты девушка, а девушкам такое обращение обыкновенно по вкусу!

– Ко мне это не относится, – нахмурившись, проговорила Великий инквизитор. – Девушек он вспоминать стал. Хватит тут такие шутки шутить.

– Да я еще не начинал даже!

– Хватит, я сказала!

Серэнити видимо была не в «минорной ноте». Она размяла затекшие ноги и поводила руками из стороны в сторону.

– Доставай Скатерть. Поедим и в путь.

– Так Вы уже выбрали меню?

Великий инквизитор заплела волосы в косу и потерла покрасневшие глаза.

– Яйца, каша, черный хлеб, сыр.

– Слушаюсь и повинуюсь!

– Если ты ещё раз, Шаттибраль, так по–дурацки мне поклонись, то потом обратно не разогнешься. Я тебе не Грешем и не Эмилия, чтобы устраивать со мной потешные представления.

– Намек понял!

Я извлек из Скатерти то, что заказала Серэнити, а затем достал себе лапшу с морепродуктами (захотелось почему–то), два бутерброда с бужениной и шоколадный эклер – десертник, чтобы взбодриться и напитать мозг энергией. Про чай для нас я тоже не забыл. Обжигающие кружки с малиной, чабрецом и лепестками синего василька. Ум–м–м! Вкусно! Мягкий и утонченный напиток из Скатерти обладал более, чем приятным ароматом. Прихлебывая чай и откусывая бутерброд, я про себя отметил: достаточно заварить чашку розово–зеленого настоя, чтобы устроить себе приятный ленч –

расслабиться, подумать о приятном и вернуться к делам с новыми силами.

– Что ты там себе насвистываешь?

– Ничего такого, – пожал я плечами. – Так, настроение просто выше среднего.

– Странно, почему у меня его нет. Может причина в том, что Соединённое Королевство терзает война? Или Элизабет Темная в опале? Или Дроторогор вот-вот нагрянет из Великого Леса, а о Фабиане, как и о Короне Света – ни слуху, ни духу?

– М–м–м–м. Серэнити, я переживаю не меньше тебя. Но иногда необходимо хоть немного отпустить насущное, хоть каплю отдохнуть. Да хоть порадоваться вкусному чаепитию в приятной компании.

Серэнити закатила глаза, разом допила свою чашку и передала её мне.

– Никогда не привыкну к тебе. Ни–ко–гда!

– К друзьям не нужно привыкать, их надо принимать такими, какие они есть.

– Я не говорила, что ты мне друг.

– Мне не обязательно это слышать, чтобы знать, – улыбнулся я. – Ты – моя подруга, а я твой верный...

Серэнити заложила мне рот ладонью, и я пробубнил что-то невнятное.

– Перестань разглагольствовать уже. У меня от тебя начинают зудеть виски.

Я смиренно замолчал и выудил наружу Кампри. Призрачный конь вылетел из него и по-свойски (как уже не раз) боднул меня ледяным лбом. Словно в снег окунулся! Серэнити тоже досталось такое приветствие.

– Ты такой морозный, – попеняла Юнивайну Серэнити.

– И-го-го-го!

Великому инквизитору досталась новое ледяное прикосновение.

– Бррр! – вскрикула Серэнити, отшатываясь от крупа призрачного коня.

– Он тоже с чувством юмора, – рассмеялся я. – За это я обожаю его вдвойне.

Юнивайн подтвердил мои слова ржанием.

– Мне и одного-то тебя, Шаттибраль, хватает с лихвой, – проворчала Серэнити, взбираясь следом за мной в седло. – А тут ещё второй. Тоже почти Шаттибраль.

Великий инквизитор оглянулась на меня, от чего наши носы соприкоснулись.

– Здравствуйте, сударыня!

– О, Урах! И вам замечательного дня!

Я расхохотался и направил Юнивайна вперед. То, что из Серэнити, пусть очень-очень редко стали пробиваться ростки юмора, доставляло мне искреннее удовольствие. Раньше за Великим инквизитором, а я говорю о первых наших совместных шагах в дальние дали, никогда не числилась тяга к чему-то смешному. Моя подруга медленно, очень медленно менялась. Она сбрасывала с себя непробиваемый заслон отчужденности и стужи, что проявлялось в

таких вот фразочках. Я, Эмилия, Грешем, Мурчик, Снурфи, Дурнбад – мы заняли в её сердце уютный уголок. Он, естественно, был крохотным, но теперь у Ураха появились соседи. Великий инквизитор часто грозит отдать моё тело изощренным орудиям пыток, а душу Назбразлю. И если пару месяцев назад подобные угрозы высказывались ею неподдельно и с гневом, то ныне лишь для того, чтобы скрыть свою привязанность ко мне. Серэнити несколько поменяла своё мировоззрение, и от того в ней тлел раздор. Старые устои давили на ее новые ощущения. Быть нужной, тут понятно, но полагаться на кого-то для Великого инквизитора было в диковинку. Не при-вы-чно! Забота, которой мы окутали Серэнити, впитывалась ей, словно губкой. Она забирала её, а возвращала по крупице. И это не потому, что Великий инквизитор жадничала своим благоволением к нам. Просто она ещё этому не научилась. Со временем, я надеялся, Серэнити открыто будет говорить о том, как мы ценны и, может быть, даже ненаглядны, а пока: «Дыбы на тебя, Шаттибраль, нет!», «Я подвешу тебя за ребро в каземате Ордена, Шаттибраль!», «Вырвать-ли тебе ногти, Шаттибраль?» – такие и подобные выражения – это все, на что я могу рассчитывать. Я улыбнулся. Серэнити – дикая кошка, которая гуляет сама по себе, но если кисоньку поманить вкусной рыбкой, то, может статься, когда-нибудь и подойдет, и помурчит. Я глянул на Великого инквизитора и взял свои мысли обратно. Она скорее мне ухо отрежет, чем скажет: «мяу-мяу». Эх, эх, я терпеливый. Продолжу втискиваться в её доверие.

Юнивайн мчался по одному из Трактов. По-моему, так, навскидку, мы рвали когти по Львиной дороге. Нечастые путники, экипажи и эскорты пугливо отшатывались от призрачного коня. На той стороне мелькнул ручеек. Конечно, его таким в моих очах рисовало расстояние. Быстротечная река, что вливалась в Туманную Пляску – совсем не мала. Поблизости где-то находятся Подлунные Пеньки, из которых мы с Эмилией и Грешемом выехали на повозке Джокса – монаха, предавшего нашу компанию. Я реинкарнировал его жену, а он оплатил нам тем, что натравил на нас весь светоносный приход Подлунных Пеньков. Тогда Мы схлестнулись с братьями Света и одержали победу, стоящую мне десятка гематом. Я упал с обрыва, и Эмилия выхаживала меня чуть ли не неделю. Я дал себе зарок, что

нашлепаю Джоксу по попе за его некрасивый поступок. И я держу свои обещания. Как только разгребу все неприятности и навоююсь в Шато, то пройду через Лунные Врата, где Джокс вознамерился крупно обосноваться. Шато... Он так близко... От этой истины у меня засосало под ложечкой. Что мешает дать крюка на Юнивайне и навестить Веселые Поганки? Нет, нету у нас лишних трех суток... Нету! Я сжал зубы. Превыше всего сейчас Элизабет Тёмная, Дроторогор и распри Соединённого Королевства. Мои чаянья стоят ниже них. Ничего, я ещё пожму лапу Тине и обниму Птикаля. Вселенная, молю, пусть они будут живы и здоровы. Я готов дать пырнуть себя ножом за это. И не единожды.

Глава 15. Меч на меч, магия и булава

Магика Элептерум издревле высится напротив арены Лепесткового Поля и Толкучки – огромного базара, расположенного посредине Шальха. Академия Чародейства за её мрачные тени, мистические всполохи и видоизменения в простонародье зовется Свихнувшаяся Башня. Её ярусы имеют свойство перестраиваться так, как им угодно. Нижний этаж может переползти к верхушке, а тот, что недавно занимал центр, опуститься вниз. Когда каменные блоки стекают друг по другу, как мягкое масло, просачиваясь сквозь толщу кладки, создается впечатление, что Магика Элептерум – живое существо, которое меняет местами свои руки и ноги. Шпиль трехсотфутового строения вечно окутан молниями и всполохами колдовства. Небо над ним то ясно-розовое, то, как сажа, а то и вовсе радужного цвета. Доподлинно неизвестно, кто создал Свихнувшуюся Башню, однако ясно одно – она старше, чем сам Шальх. Возможно всего лишь на века, а может статься, что и на тысячелетия.

Когда её обнаружил Имфир Рубиновый – архимагистр–чернокнижник кочующей секты «пожирателей трупов», то по преданию двери Магика Элептерум были распахнуты настежь. Над ними сияло послание. Спроектированное из тонюсеньких ниточек и обрывков тумана, оно гласило: «Чающие знаний – обретут их здесь. Жаждающие могущества – получает его в этих стенах. Тьма и Свет сосредоточены в недрах Элептерума и ждут своих правообладателей.

Сие есть урочище концентрации и энергии. Распоряжайтесь ими мудро». Кто или что оставил столь странное и столь длинное послание – так и не было выяснено. Однако внутри Магика Элептерум нашлось много книг на странных языках, негаснувших стеклянных свечей, висящих в воздухе, монументов невероятных существ, длинных затененных залов, катакомб с ржавыми цепями в нишах, петляющих и передвигающихся лестниц, окон–зеркал, алтарей с пятнами крови, сундуков–ларей из костей сгинувших мамонтов, а также шифоньеров и кладовых, забитых причудливой утварью. На протяжении трех столетий «пожиратели трупов» ревностно охраняли найденные ими сокровища, но на четвертое столетие на Твердыню Загадочности обратил внимание Шал Хрост – владыка Семи Отрогов (ныне этой семерки городов уже нет), пиромант и эзотерик. Он пообещал своей жене–сестре Шальхии, что завладеет Магика Элептерум, устранит её злых обитателей и возведет вокруг неё Восьмой Отрог. Длительное сражение «пожирателей трупов» (а они действительно вкушали плоть мертвых, чтобы получить их силу) и Шал Хроста окончилось оглушительной победой последнего. Шал Хрост самолично отрубил мерзкую и раздутую голову Импри Рубиновому. Затем он заложил замок на Ночных Небесах и окрестил его Шальхом, по имени своей жены–сестры. К моменту смерти Шал Хроста, Магика Элептерум уже обросла десятком селений, которые впоследствии обнесли могутной стеной. Говоря «Шальх» долгое время имели ввиду не замок и королеву, но все, что раскинулось по округе от Свихнувшейся Башни. Назначенный Шал Хростом архимаг Магика Элептерум – Крик Зумитибаль прожил достаточно долго для того, чтобы увидеть, как Шальх вошёл в состав Соединённого Королевства. Встретившись с Нолдом Темным, он принёс ему присягу верности и по настоянию короля учредил в Магика Элептерум несколько школ колдовства, куда могли поступить все те, кто выбрал путь волхования. Так Свихнувшаяся Башня обрела свое истинное предназначение – учить и расширять кругозор даровитых юношей и девушек. За все время в Магика Элептерум сменилось сто двадцать восемь архимагов, и ныне в ней председательствует Уфций (Штормовой Рык) Ринаут. У меня, скорее всего, устаревшие данные, но не так давно в Магика Элептерум находилось всего тридцать семь магов и восемь студентов. Бертран

Валуа, мой друг, занимал в Свихнувшейся Башне должность Мастера над Иллюзиями. Скоро я с ним увижусь... Если он жив.

Каков он, приятель дней моих суровых?

Бертран Валуа. Красивый, медноволосый, с усами и клиновидной бородой. У него голубые глаза. На вид ему около тридцати пяти, но по-настоящему годков Бертрану примерно столько, как и мне. Он острослов и предмет обожания женщин. Галантность у него в крови. Валуа поджарый и подтянутый, всегда с иголки одет. Я помню его в синем со звёздами плаще – дань классике, непременно в белой рубашке и безупречно чистых замшевых сапогах. Он отлично владеет шпагой – Пиявкой (она залечивает раны) и малюсенькими дротиками, смоченными ядом. Ему нравится Эмилия, что теперь у меня не вызывает радости. В Грозной Четвёрке у Бертрана прозвище «Рыжая Колючка». Характер его – задорной и балагуристый. Он обязан мне сохранением чести (но то другая история). Вопреки, впрочем, своему несерьезному нраву, Валуа может быть очень разумным и скрытным. Бертран всегда добивается своей цели, как бы долго к ней ни пришлось идти. Упрямый Валуа, меры нет. Если взбрело ему что-то в голову, так в лепешку разобьется, но сделает это. Валуа – полиглот и знает, наверное, десятка три языков. Более других ему нравятся диалекты Бархатных Королевств, Рунного Королевства, Империи Хло и Железных Гор. Однажды мы с Эмилией, чтобы утереть нос Бертрану, выучили язык канувших в Абрикосовое Море альфазацких мудрецов с острова Альфазия, но как оказалось, Валуа его уже знал, и сюрприза не вышло. А мы так старались! Хотя, как выяснилось не напрасно. Алфавит альфазацких мудрецов помог мне расшифровать текст на мегалите в Близках Тишины, пройти его загадки и призвать Цхеву.

Я люблю Бертрана. Его импульсивный нрав, порывистые решения и всенепременную лучезарную улыбку, которой он умеет растопить самое черствое сердце (ох, сколько прелестных девушек пали под её чарами!). Я скрещиваю пальцы, надеясь, что Бертран Валуа не стоит за тем Безумием, что постигло Магика Элептерум. Свихнувшаяся Башня и до этого выкидывала разные фортели, но никогда еще она не

обрушивала поток своей энергии на королевский дворец. Что же там произошло?

Пока мы сокращаем мили по направлению к Шальху, неплохо бы вспомнить и другого моего товарища, коего я тоже собираюсь навестить.

Альфонсо Дельторо. Он высокий, под семьдесят семь дюймов. Плотного телосложения, мускулистый. С длинными чёрными волосами, забранными в пучок. Для своей комплекции Альфонсо невероятно быстро и плавно двигается. На вид ему около сорока двух – сорока пяти лет. Имеет шрам через щеку. Глаза, так же, как и Бертрана, голубые, с индиговыми искорками, и всегда будто смеются. Но Альфонсо серьезен – этого у него не отнять. Уже не менее века он живёт в Энгибаре – роще друидов и рейнджеров близ Шальха. Альфонсо – искусный следопыт и избранный, всеми уважаемый глава Энгибара. Он в совершенстве владеет магией природы и телепатией на профессиональном уровне (умеет общаться с животными). Его оружие – длинный лук Резец с бесконечным колчаном стрел и топор – Щавель, светящийся по воле хозяина оливковым огнем. Альфонсо носит бесшумные сапоги (зачарованные им самим) и особую зелёную броню, не стесняющую движения. Альфонсо – лучший друг Бертрана. Он, бывает, осуждает Грозную Четверку за неосмотрительность. Он за всё переживает. Трепетно относится к каждому воробушку и синичке. В Грозной Четверке его имя – «Комок Нервов». Альфонсо напичкан лесными легендами и эпосом «первых» людей. Дельторо ценит одиночество не меньше, чем компанию. В одиночку он пропутешествовал по всему Великому Лесу, Лесу Скорби, джунглям Бархатных Королевств и зарослям Ноорот'Квазама. Надо обязательно отметить, что Альфонсо всегда старается всё сделать правильно. Иногда это выводит меня из себя, Эмилию доводит до состояния кипения, а Бертрана и подавно бесит. Вопреки этой особенности, Дельторо нам невероятно дорог, и мы обожаем его за то, что он такой и никакой другой. Альфонсо человек, конечно, нервный, но рассудительный и добрый.

Не представляю, какотреагирует Альфонсо на то, что ему нужно будет покинуть Энгибар и отправиться со мной в Ильварет. Однако точно могу сказать, что он заворчит о том, что ему не на кого будет оставить Священную Рощу. Чем больше пролетает лет, тем меньше Альфонсо стремится ввязываться в приключения. Ко мне это тоже относится. Дайте мне сидеть в Шато, собирать травки да грибки, и я буду счастлив. Тут мы с Альфонсо похожи. Впрочем... Герои не избирают пору, когда надо покинуть уют насиженных мест и отправляться вершить подвиги. Так случилось со мной, так произойдет и с Альфонсо. Я намеревался прихватить в Ильварет не только его, но и Бертрана, но неразбериха Магика Элептерум, вероятнее всего, не позволит ему сопровождать «половину» Грозной Четверки.

Вспомнив родных мне людей, я вновь переключил мысли на Магика Элептерум. Примечательно, что она не одна такая мире. В разных точках нашего континента, Олфолии, есть и подобные ей. В Бархатных Королевствах, во владениях прайда Шерстяного Хвоста дыбится практически точная копия Магика Элептерум. Копия, разумеется, сказано громко, но песчаник Когтистого Скарабея – монументального строения с шипами–парапетами, так же передвигает свои глыбы, как заблагорассудится. В Рунном Королевстве есть башня Двух Ликов. Оледеневшая и мерцающая своим собственным светом, она стала обиталищем для «морозных кудесников», общины лицегрудых виалов, практикующих магию холода и мглы. В прериях Камнепадов из Острохвостии так же виднеется силуэт башни, что изменяет самую себя. Из–за бесконечных землетрясений и схождения камней, подобраться к ней невозможно. Мышки Острохвостии (ну как мышки, – большущие крысы ростом с мягкошерста), нарекли её Ветреная. Ноорот'Кхвазам эндоритов и Островное Королевство так же имеют подобные башни. Первая, Паучья, оплетена молочными сетями и наглухо закрыта. Вторая – Шепот Моря – резиденция «молчаливых служителей». В Империи Хло и в Клирдвайте чернокнижника Юдвинга имеются тоже подобные Магика Элептерум пилоны. Ни в одной из них, кроме Свихнувшейся Башни, мне побывать не довелось. Однако я много читал о них и могу заявить, что они есть нечто нераздельное целое. Какие–то невидимые нити соединяют их между собой. Об этом пишут Рули Шури и преподобный Роджер, хранитель

анналов Черного и Белого Знания – общины, собирающей сведения о мироздании в целом.

Некогда, будучи мальчишкой, голодным и до жути долговязым, я попытался поступить на обучение в Магика Элептерум, но провалился на вступительном экзамене. Меня осмеяли, и только Лорина, отпечатавшаяся в моей душе отблеском добра, соизволила направить меня на путь, что стал мне путеводной звездой в будущее. Я часто вспоминаю Лорину... Я хотел бы принести ей цветы на могилу, но не знаю, где ее упокоили... Бертран тоже мне в этом не помог... Кладбище Магика Элептерум занимает собою несколько акров земли у подножия Ночных Небес и таблички на саркофагах не имеют имен – такова традиция. Считается, что ушедший из жизни маг растворяется в потоке Вселенской энергии. Что он (или она) теряет своё мирское «я» и потому, в знак очищения и нового этапа Бытия, его (ее) эпитафии содержат лишь символы элементов – «вода, пламя, земля, воздух, дух».

Срэнити ерзала в седле, и её белоснежные волосы постоянно щекотали мне нос, щеки и лоб. Я чихал ей в затылок, а Великий инквизитор недовольно ворчала. Поездка вдвоем на одном коне, даже на таком, как Юнивайн, удобством не отличалась. Стесненные друг другом, мы мечтали о конце нашего путешествия. Особенно Срэнити. Ей не нравилось, что я к ней прижимаюсь и изредка хватаюсь за ее талию. Извините, Великий инквизитор, мне тоже не по нутру ваши космы! Из-за них практически ничего не видно! В очередной раз я убрал мелованную прядь от глаз и, повернув лицо вправо, я заметил, что наш курс сместился к югу. Шальх, по моему мнению, лежал куда восточнее. О чем я и крикнул Юнивайну. Призрачный конь заржал, но продолжил нестись туда, куда наметил. Что это с ним? Ответ на свой вопрос я получил через два часа. Юнивайн как-то почувствовал неладное... Он затормозил между двух оврагов. На расстоянии полета стрелы от нас шла сеча. Звуки соприкасающейся стали, стоны и хрипы погибающих, скорбно оглашали округу. Срэнити оглянулась на меня.

– Ты видишь это?

– Как и ты.

– Львы Иль Градо против проклятых Лосей Плавеня!

По моим прикидкам на пяточке сошлось не меньше тысячи солдат, и рубились они, как полагаю, с рассвета. Конницы я, как я видел, было немного. С одной стороны тридцать рыцарей, а с другой где-то двадцать-двадцать пять. Я моргнул, а вдали пика пробила чей-то шлем.

– Твои предложения? – тихо спросил я.

– Надо ввязаться в драку! – ни секунды не раздумывая, рявкнула Серэнити. – Юнивайн, вперед!

Но призрачный конь не двинулся с места. Он ждал то, что скажу я.

– Серэнити, мы же погибнем! Ты погляди, сколько их!

– Твоя магия наведет переполох в рядах Плавеня, а моя булава поддержит её!

– Послушай...

– Ты, что? Трусишь, Шаттибраль?!

– У нас есть миссия...

– Знаю, однако тут гибнут люди Иль Градо, и я не могу их бросить!

– Хорошо, хорошо... Нам нужен план!

– Заряжай свою перчатку Молнией. Вклинимся в центр. Там я спрыгну, а ты поскачешь по кругу, испепеляя всех и вся.

– Как вариант, – с сомнением в голосе откликнулся я.

Перенаправив мысли на Лик Эбенового Ужаса, я втягивал в его турмалин под безобразным черепом некромантические чары, черпанные мною из вонючего и унылого жерла Назбраэля. Всполохи красной энергии, вышелушенные муками и агониями миллионов душ, образовали на навершии посоха багряную каплю. Она расщепляла пространство миазмами и само её присутствие отравляло реальность смрадом и разложением. Серэнити почувствовала Зло, что я сотворил. Она плотно сжала губы, а я вытащил Альдбриг и поместил его чуть ниже бедра. Великий инквизитор то же приготовилась. Щит Нолда Темного в одной латной перчатке и колючая булава – в другой.

– Юнивайн, мчи в середину. Там сбросим Серэнити, а затем понесемся к тем рыцарям. Нам необходимо их... уговорить.

Призрачный конь постучал копытами, после чего двинулся вперед, с каждым мгновением прибавляя в скорости.

Наше появление (Юнивайн – конь не какой-то там масти) переполошило как защитников Иль Градо, так и нападающих Плавения. Призрачный конь, невзирая на опасность, пробежал через тонюсенькую тропку, не занятую ратниками, и метнулся в сердцевину бойни. Серэнити опустила булаву на чей-то шлем. Хршм! Донесшийся до меня хруст и капли крови, что оросили мою мантию, подсказали – бедолаге конец. Великий инквизитор грациозно спрыгнула и с воплем: «Урах! Урах! Иль Градо!» устроила вокруг себя настоящее побоище. Я мельком увидел, как промялся нагрудник под тяжестью её оружия и буквально сразу за этим кто-то получил щитом в лицо. Серэнити присела, подсекла острой рукоятью булавы сухожилие, размахнулась и сломала коленную чашечку человеку, чей вой ворвался в мои уши подобно шторму. В круп Юнивайна угодил арбалетный болт. Он промелькнул сквозь всполохи его естества и вонзился в глазницу солдата.

– Юнивайн! Гони по кругу!

Призрачный конь припечатал копытами парня со знаменем Люся (копыта, к моему удивлению, обрели материальность!) и сиганул на периферию военных действий. Туда, где махалась мечами кавалерия. Мы лавировали, и я тыкал Альдбригом куда придётся. Пару раз я точно попал. Между тем ор, мольбы и стенания все возрастали. Я, очутившись в самой гуще Смертельной Жатвы, был преисполнен жара и трепета. Как выжить в этой мясорубке?! Я всего-то пару раз участвовал в таких баталиях! Чем ближе я подбирался к закованным в латы рыцарям, тем больше волновался. Одного удара пики хватит, чтобы пробить меня насквозь! Бзынь-бзынь-бзынь, – говорил металл, и река крови текла подобно Альтараксису. Я чудом умудрился оббежать скакунов Плавения и встать за их спинами. Они были так поглощены своими противниками, что не заметили одинокого наездника. А зря! Вытянув посох вперед, я, верхом на Юнивайне, как всадник из легенд, указал им на блестящие доспехи рыцарей. Со смычным чавканьем от Лика Эбенового Ужаса отделилась сфера разложения и пагубы. Она расщепилась на крупицы и как через сито, прошла по поясам и плечам врагов Иль Градо. Я не всегда знаю, как то или иное чародейство сработает. В этот раз эффект был сравним с кислотой. Гадость Назбраэля, царя Мира Тьмы, прожгла в крепких, казалось бы, кольчугах и кирасах дыры размером с яблоко. Шипя и пенясь из разъеденных, моментально проржавевших щелей полились потроха. Потянуло горелой плотью. От этого запаха меня едва не стошнило. Едва, потому что времени опорожнить желудок не имелось – на меня неслось три разъярённых витязя. Опущенные забрала, копыта наперевес...м-м-м! Хана мне! Один из троих упал на полпути. В его шее затрепыхалось гусиное оперение. Второго «отрезали» от меня рыцари Иль Градо. Ну, а третий, третий занес свой топор... Я отбил рубило и что есть мочи приложил посохом по бедру. В отместку мне рассекли бок. Мешком я брякнулся на землю и закричал. Боль, что посетила меня, затуманила сознание. Вот так, даже посопротивляться толком не получилось. Топор вновь взметнул ввысь. Я выставил Альдбриг и... Удача не покинула меня! Я отвел от себя верную Смерть. Концентрироваться в таком положении было невозможно, поэтому я доверился своим боевым навыкам. Ну да, ну да, с пробитой, видимо, селезенкой. Где-то рядышком вовсю горланили: «С нами Всеотец! С нами Великий инквизитор Иль Градо! Иль Градо! За Иль

Градо!» С фанатичной Серэнити весы сражения перегибались в нашу пользу, но что мне—то с этого проку, если я вот—вот умру? Наседающий на меня рыцарь срубил пару неприятельских голов и опять переключился на меня. Он был огромным, словно медведь. С разукрашенным щитом и длинным плащом, накинутым поверх мерцающего доспеха, он хорошо поставленным командирским голосом, прокричал:

— Не отступать! Не смейте отступать, псины! За Гильберта Энтибора! За Лисий Дол!

Меня располовинит лендлорд Лисьего Дола, смекнул я. Кто бишь там обитает? Ах, это род Хайлов. Спесивцы те еще. Мелкие аристократы, всегда ошибочно мнившие себя знатным и старинным родом. Хайлы утверждают, что тянут своё происхождение от Аркенрама Лисы — сметливого и пронырливого воротилы, сколотившего состояние на мехах и шерсти. Ой, наверное, нынче не самый подходящий момент вдаваться в подробности семейного древа Хайлов?...

Отпрыск Хайлов врезал мне стопой в зубы, и от этого я едва не потерял сознание. Кобыла Хайла вроде как собиралась меня растоптать, но этому воспрепятствовал Юнивайн. Он обрел вид грозового облака (на нем замигали молнии) и боднул пегую лошадь в круп. И сразу раздался звук чем—то напоминающий легкий треск. Так орех ломается под тяжестью двери. Юнивайн, видимо, израсходовавший свой мистический потенциал, втянулся в Кампри, что покоился у меня в кармане. Легкий, невесомый парок вырвался изо рта кобылы и она, подкосив ноги, грохнулась чуть левее меня. Едва не придавила, окаянная! Лендлорд Хайл в последний миг смог покинуть седло как будто бы тренировал такие акробатические трюки каждый вечер, и как ни в чем не бывало, очутился рядом со мной.

— Цыплячьи испражнения!

Топор ретиво поцеловался с Ликом Эбенового Ужаса.

– Милорд Хайл? Так меня ещё не называли. Польщён...

Альдбриг процарапал предплечье, увы, не причинив его обладателю вреда.

– Дуглас Хайл! – кичливо оповестил меня лендлорд. – Запомни моё имя! С ним на устах ты испустишь последний вздох!

– Жирный Хайл, Образина Хайл. Правильно я расслышал?

– Ах, ты скот!

Залп стрел взметнулся над нашими макушками. Отважные «львы» Иль Градо теснили пехоту Плавеня. Но помощь от них пока запаздывала. Блеснул клинок – это телохранитель Хайла с десятком–другим гвардейцев держали оборону от нападающих на них латников Иль Градо. Где–то сбоку отдавала приказы Серэнити. О, да! Она неизменно берет контроль над кем–то. Всюду, везде! Ну же, моя драгоценная. Поспешి мне на выручку!

– Не дышать тебе уже завтра утром!

Топорище едва не достало мою переносицу. Альдбриг сделал замысловатый кульбит (лежа – это неудобно провернуть!) и наградил шрамом подбородок Дугласа (шлем тот потерял, падая с кобылы).

– Точно дурак! – огрызнулся я.

По правде сказать, меня трясло как в лихорадке. Кровь из моей раны в боку хлестала, словно из родника, и я, опрокинутый на лопатки, доживал свои последние секунды. «Железная Гора» и я без всякой защиты – разве есть у меня шанс? Внутренне я молился, чтобы Серэнити подросла и спасла меня... Да где же ты, зараза белобрысая?! Где тебя Всеблагой Урах носит?! Ты мне нужна здесь и сейчас! Позарез!

Дуглас заблокировал мой клинок своим, вывернул руку и таким образом принудил меня разжать пальцы. Все, Альдбриг я потерял. Лендлорд Хайл опустил топорище на Лик Эбенового Ужаса. А потом еще и еще раз.

– Ух, какой червяк! – сплюнул Дуглас, выхватывая кинжал с пояса.

– Изворотливый! – подтвердил я.

Кинжал вошёл мне куда-то в живот. Я терял сознание. Что же такое агония? Это явно она, щекочет мне кишки своими свинцовыми щупальцами... Рядом со мной прилег (в кавычках, отдохнуть) парень с пробитым булавою лбом. Его мозги забрызгали мне волосы, а глаза укатились под мою подмышку. Такие веселые мячики. Прыг-скок, прыг-скок! Хайл добил бы меня, но его вниманием завладела Серэнити. Она прорвалась сквозь заслон Плавения и самозабвенно, с неизменным кличем «Урах! Орден Инквизиции! Урах! За Соединённое Королевство!» занялась своим страшным ремеслом – безжалостно повергать лиходеев в могилы. Я окинул мутным взором свою подругу. Она один на один сошлась с Дугласом в дуэли. Там и сям, добивали последних солдат Плавения. Вернулась и конница Иль Градо. Я так думаю, она до сих пор гнала лучников, а теперь, покончив с ними, устремилась назад. Пики прошили парочку визжащих тел. Так поросят насаживают на вертел. Лендлорд Хайл, тоже поросенок хоть куда, оказался окруженным со всех сторон. Поделом ему, собаке!

– Сдавайся, клятвопреступник! – повелела Серэнити.

– Заткнись, девка трактирная!

Дуглас видимо вознамерился пасть храбро. Я не винил его за это. Где гарантии, что тебя пощадят? Великий инквизитор патологически любит причинять увечья (припомнить только Ральфи-людоеда, и то, как он болтался на крюке после доброй трепки), и Хайл вполне, по суждению Серэнити, мог сойти за предмет её правосудия... с пристрастием, разумеется.

Серэнити, закалённая сотней совсем не турнирных поединков, легко и даже как-то играючи, обошла Дугласа. Она наподдала его, неповоротливого, щитом, ухнула булавой по крестцу и сшибла на матушку сыру землю.

– Связать этого предателя! Позже я займусь им лично!– звонко распорядилась Серэнити. – Всех несерьёзно и средне– раненых несите сюда, умирающим – оказывайте последнюю милость.

– Миледи, Великий инквизитор, я Фалго Дю Бод. Кирф Маян разместил мой гарнизон...

– Фалго Дю Бод, ты слышал, что я сказала!

– Серэнити...

Я поднял трясущуюся перчатку вверх:

– Стаканчик виски за этот столик! Будьте любезны!

– Шаттибраль, живорезы тебя раздери!

Великий инквизитор тут же отвернулась от Фалго Дю Бода и присела подле меня. Бегло оглядев членовредительную работу Дугласа, она разорвала на мне одежду.

– Не знаю, вытяну ли я тебя на этот раз. Слишком уж ты... нецелый.

– Порадей, малышка, – прошептал я. – Во имя наших будущих детей.

– У меня твои шуточки уже в печенках сидят! Помолчи хоть сейчас!

– У меня в печенках тоже что-то побывало... По мне видно?

– Видно.

Серэнити отложила рукавицы и наложила свои вспотевшие ладони на мой живот. Этакая прохлада... Исцеляющие касания Великого инквизитора, по ощущениям, были сравнимы с ледяной прорубью. Когда ты в неё окунаешься, то все конечности горят огнём, и ты не можешь дышать. Тут примерно то же самое, только «пламя» постепенно стихает и ему на смену приходит некая воздушность и даже невесомость. Разрубы стягиваются, порезы пропадают, а кровь сворачивается красными песчинками.

Великий инквизитор не отходила от меня минут десять. Чтобы вернуть мне прежнее состояние здорового и бодрого человека, ей потребовалось выложить все свои силы. Постепенно, вдох за вдохом, я отодвигался от царства Привратника. Наконец, Серэнити утерла лоб.

– Повезло тебе... Сегодня.

– Благодарю тебя, Серэнити! – сказал я, еще лежа и затем тяжело поднимаясь на ноги. – Если бы не ты, то я бы ещё пару месяцам тому назад дрых бы в домике из досок.

Великий инквизитор пропустила мои «спасибо» мимо ушей. На нее навалилось слишком много забот. Отовсюду к нам стекались люди. Кто-то сам шёл, кого-то несли на руках, кого-то даже тащили волоком. Всех их объединяло одно – проколы, от стрел и мечей. В ноги Серэнити положили страдальца, утыканного арбалетными болтами. Два в груди, три в ногах. Он тяжело сипел и тихо приговаривал: «Отнесите меня к ней, отнесите меня к святой».

– Я не святая, – мягко промолвила Серэнити, бегло оценив человека своими глазами цвета айсберга.

Она нежно положила руку на чело человека.

– Как тебя зовут?

– Эндри Ревью из Велбшира, если вам будет угодно.

– Эндри, я уже ничем смогу помочь тебе. Слишком поздно, – ласково сказала Великий инквизитор, подбирая кинжал. – Урах примет тебя в Мир Света.

Движение, скользящее и едва приметное, но прекращающее тяжкие страдания, и Эндри Ревью из Велбшира уснул навсегда. Другому калеке повезло. Его Серэнити залатала. А потом потянулась вереница из ушибленных, хромых и травмированных. И конца ей не было и края. Пока Великий инквизитор исполняла свой жреческий долг перед Богом Света и Его детьми, я отыскал Фалго Дю Бода. Отдав советуемые указания, он поведал мне, что имеет честь быть лендлордом Утеса Эрми и помазанным рыцарем Иль Градо. Кирф Маян подозревал, что Гильберт Энтибор попробует вклиниться в глубь Соединённого Королевства и потому наказал Фалго Дю Боду держать своё войско в боевой готовности. Разведчики во–время донесли лендлорду Утеса Элми о надвигающихся отрядах Хайла, и его атака на близ расположенный Глиняный город сорвалась. Самого Дугласа Хайла поместили в наскоро вырытую яму, откуда он по–волчьи на всех пялился. Глубоким вечером Серэнити, закончив со всеми страждущими, я и Фалго Дю Бод выволокли лендлорда Лисьего Дола на допрос.

– Я– Серэнити, Великий инквизитор Иль Градо и примас Братства Света, хочу, чтобы ты мне рассказал все, что ты знаешь о замыслах Гильберта Энтибора и его двора, – начала моя подруга. – Сразу предупреждаю, за каждую ложь – расплатишься одним из своих пальцев.

– По закону военного времени, – согласно буркнул себе в усы Фалго Дю Бод.

– Да пошла ты в задницу к Назбраэлю, кикимора! И ты туда же вали, жирный увалень! – хохотнул Дуглас Хайл, вздернув подбородок.

Он хорохорился. Смелый какой гусь попался. Жаль, но эта смелость вскоре улетучится.

– Не желаешь по–хорошему, получай по–плохому, – мрачно улыбнулась Серэнити. Её белые зубы блеснули в свете походных кострищ. Великий инквизитор сейчас походила не на служительницу Ураха, но на восковое изваяние, с угловатыми чертами и маниакальной, блуждающей усмешкой на устах.

Она надавила Хайлу на плечи и усадила на камень, потом разжала его сомкнутые пальцы и поднесла к ним поданный нож. Фаланга на «мизинце» потеряла своё первоначальное место. Опальный лендлорд дико закричал.

– Ты, что, думал, я бросаю слова на ветер? Пускаю их в пустоту, да? Ты ошибся.

Наблюдение за такими вещами не входит в «топ» моих удовольствий. Серэнити же наоборот, прямо расцвела, когда алая струя намочила её рясу. Как Вселенная допускает то, что люди получают садистическое удовлетворение от пыток? Мне горько и противно, что моя подруга поражена этим, одним из худших, недугом. Я поглядел на Фалго Дю Бода – от сего представления его челюсти свело судорогой, и он молчал. В своём замке–то, небось, он отделялся розгами и иногда подвешиваниями в петле, а тут такое...

– Провались ты и все твои блошинные братья в тартарары!

Теперь безымянный, весь, отделился от запястья.

– А–а–а–а–а–а!

Серэнити поддела лезвием ноздрю Дугласа Хайла.

– Нос у тебя некрасивый. Эта перегородка в нём лишняя.

Лендлорд Лисьего Дола весь сжался, а затем надсадно вскрикнул:

– Такие ты обеты давала в Братстве Света! Убивать пленников?! Да?!

– Я тебя еще не убила и быстро не убью, – вновь улыбнулась Серэнити, пронзая щеку Дугласа насквозь. Под розовым мясом оголились десна...

Нож в латной рукавице Серэнити струился кровью. Ба–бах! Пощечина сменила заточенную сталь (пощечины – фирменный знак моей подруги, жалуется она их очень). Лендлорд Лисьего Дола покинул камень и завалился в кусты. Великий инквизитор лениво ухватила его за шкурку и водрузила обратно на «лобный» гранит.

– Итак. Пальцы. У тебя их еще восемь. Три на правой, и целых пять на левой. Я думаю, следует их сровнять в счете.

– Ты исчадь Тьмы!

– Семь! – утвердительно кивнула Серэнити, усекая другую пятерню Дугласа. – Я терпеливая, а вот они у тебя убывают.

– Гильберт Энтибор не посвящал меня в свои планы! – проскулил Хайл. – Я всего лишь его знаменосец, выполнявший свою задачу!

– Какую?

– Навести шороху в Иль Градо!...

– То есть выжечь Глиняный город?

– Что-то вроде того, – не стал юлить Дуглас.

Его осунувшееся и посеревшее лицо говорило: он сломался. Да и как тут не прогнуться, когда тебя «привечает» сама Серэнити – этакая служительница возмездия и муки. В Ордене Инквизиции Иль Градо, чей штаб пребывает в Шальхе, полным-полно средств, для

развязывания языка, и я осознавал – моя подруга чуть–чуть расстраивается, что у нее нет их под рукой. Раскаленные щипцы, штыри, «колыбели грешников», воронки и их родственники – они бы позабавили Серэнити, а это – нож, так, игрушка для малышей.

– Ты присутствовал на советах Гильберта Энтибора?

– Пару раз.

– Какова его стратегия?

Серэнити придвинула нож к кадыку Дугласа.

Сглотнув комок в горле, лендлорд Лисьего дола тихо заговорил:

– Весь юг Иль Градо уже подмят нами. Заморыши этого маменькиного сынка Кирфа Маяна только и могут, что метаться от одной точке к другой. Однако они всегда на шаг позади нас и видят лишь пепелища и руины. Наши драккары, бриги и шхуны контролируют Оленью реку вплоть до Алтодоса – флот Иль Градо разбился в пух и прах в битве при Элингтоне. Там ваш королевский флагман «Нолд Тёмный» потонул, и его моряков смыло течением. Четыре крупных сражения так же окончились нашими победами при Рузе, Карповых Егерях, на болоте Перепелки и Гидбранге. Маршал Плавеня, Индванцио Гнобиль, не в пример лучше вашего тепы Кирфа Маяна. Вот–вот будет разбит последний оплот перед Шальхом – крепость Огнморт. Когда это случится, путь на столицу рухнувшего Соединённого Королевства будет открыт. Индванцио Гнобиль собрал в Эрменгере тридцать тысяч пехотинцев и десять тысяч конницы. Не сегодня–завтра они двинут на Огнморт. Устоит он? Ставлю все золото Лисьего Дола, что нет.

– Какова твоя роль?

Дуглас Хайл пожал плечами:

– Моя задача была лишь в том, чтобы прощупать обстановку близ Шальха. И я бы, клянусь, опрокинул пьяниц и шутов Фалго Дю Бода в преисподнюю, если бы не ты и твой приятель–колдун.

Фалго Дю Бод скривил рот.

– Чтобы ты, блоха лисья, и одолел моих парней? Ха! Кишка у тебя тонка!

– Смейся, смейся, не подоспей твоя ошалелая инквизиторша, то вы бы все сейчас болтались на тех деревьях с посиневшими мордами и обделанными штанами.

Лендлорд Утеса Эрми плюнул Дугласу Хайлу на замызганные сапоги.

– Полевым судом ты проговариваешься к обезглавливанию.

Серэнити вскинула бровь.

– Не торопись с решениями вперед меня. Я еще не все услышала от него.

– Спеть тебе песню, что ли еще, отщепенка? Ведите на плаху уже, я устал от вас.

– При всем моем уважении к вам, миледи, тут я определяю, когда пора выносить вердикт, – напыжился Фалго Дю Бод. – Он сказал все, что знал. Пора проявить милосердие и отправить его к праотцам.

Великий инквизитор пошла пятнами гнева. Ух, этот её взор, он булыжник расплавить способен! Лендлорд Утеса Элми тоже смекнул, что ляпнул лишнего.

– Тебе напомнить, кто я? – спросила Серэнити. – Ты подчиняешься мне и будешь делать, что я тебе велю. Ты понял?

Робкое молчание. Фалго Дю Бод шустро пошевелил извилинами и уразумел, что бесить Серэнити своими высказываниями – себе дороже. Великий инквизитор Иль Градо – это вам не хухры–мухры, не крестьянка из села Рыбья Чешуя и не барышня какая–нибудь из графства Шишек, что умеет руководить поварами, повитухами да пастухами. Её диктатура в Соединённом Королевстве (в том, что от него осталось) неоспорима. Вельможа, барон, бургомистр или штабной генерал – все они стоят ниже Серэнити. Хоть её вотчина – духовенство, однако в мирских делах её голос, буде того ей захочется, имеет перевес над остальными. Притязать на что–то – её право. Оно заложено историей и укладом. Равные Серэнити по рангу лишь наместник провинции и магистры, а выше неё только понтифик Братства Света да королева Констанция Демей. Все. Здесь, этой сгущающейся ночью с намеком на дождь, она – Власть Соединённого Королевства.

– Индванцио Гнобиль пользуется поддержкой боевых монахов, в частности клевретами Шарлиз Орик?

– В наших рядах есть твои братья и сестры, да. Они не умеют, как ты, сращивать кости магией, но их пиявки, притирки и бальзамы спасли немало наших ребят.

Серэнити сокрушённо, как бы не веря сказанному, принялась теревить четки. То, что Братство Света Плавеня прияло на себя телесную заботу (а значит и привилегию Гильберта Энтибора на трон) о крамольной рати Индванцио Гнобиль, говорило одно – Шарлиз Орик, она же лжепонтифик, согнула в рог всех высокопоставленных персон Ураха, тех, что пребывали на территории бывшей центральной провинции.

Дуглас Хайл осклабился.

– Хочешь, поведаю, какое у тебя прозвище в Плавене? Как тебя величают во всех захудалых дворах и придорожных трактирах, а?

– И как? – натянуто, спросила Серэнити.

– Блевотина Ураха! Его Отрыжка и Понос!

Я отвернулся, потому что догадался, что последует за этим высказыванием. Ладно, то, что Серэнити назвали за глаза «блевотиной», но «блевотиной Ураха», Всеотца, которому моя подруга преклонила всю себя – это прозвучало... не просто оскорбительно для Великого инквизитора, это было кощунственно по отношению ко всей её личности и системе ценностей. Фалго Дю Бод предложил лишить Дугласа Хайла головы, но тому на долю выпало нечто более болезненное и позорное. Серэнити заколотила его латными перчатками. Да, бум, бум, бум. До смерти. Когда уже лендлорд Лисьего Дола перестал подавать признаки жизни и превратился в кровоточащий мешок с потрохами, я еле отволол Серэнити от её «занятия». Мне сгоряча, при этом досталось в солнечное сплетение и по ребрам. Буйство и психоз Серэнити покинули её не сразу. Она как с цепи сорвалась. Даже мне, её другу, стало страшно в эти минуты.

Великий инквизитор тяжело дышала.

– Его можно было бы обменять на одного из «наших» в Плавене, – осторожно укорил я Серэнити.

– Он нужнее Назбраэлю. Там о нём позаботятся.

– Вы совершенно правы, миледи, – подал голос Фалго Дю Бод. Он помолчал, затем хрипло, все еще находясь под впечатлением садистического представления, добавил: – Утес Элми в двадцати лигах отсюда. Если вы пожелаете, то станете моими гостями на эту и другие ночи.

– У нас нет на это времени, – отрезала Серэнити. – Заночуем здесь.

– Среди трупов и слетающегося воронья? – опешил Фалго Дю Бод.

– Нам не привыкать.

– Тогда постараюсь предоставить вам хоть какие-то удобства.

Лендлорд Утеса Элми кликнул капитана, солдаты которого расчистили нам поляну у кромки леса. Натасканная трава и нарванные лопухи плохо заменяли кровати, но это было лучше, чем спать на голой земле. По обыкновению я подсунул под ухо сумку и задремал. Так спать, после сечи, в пятидесяти футах от тысячи распластанных мертвецов, что ещё недавно вспахивали поля и поднимали кружки эля, рыбачили и охотились, мне доводиться нечасто. Больше не дождутся их дома. Да разве все они хотели попасть на войну? Поставленные в строй, они должны были сражаться. И пали... Сон погрузил меня в Воды Забвения, и Луковое Спокойствие сохранило меня от скребущегося на задворках перцепции Укулукулуна. Я чувал его желчное, издевательское присутствие. Приторно гнилое на «вкус», оно отягощалось невообразимым и острым желанием добраться до меня. Пока, впрочем, Луковое Спокойствие действовало как надо. Мне мерещились только пауки и их мелкие лапки, что беспрестанно ползали по моей одежде и забирались под неё. В конце моих грез я как бы весь опутался паутиной. Некто взирал на меня с вышины небес, не архонт, кто-то могущественнее его. Рифф? Наверное. Праматерь ждала моего отклика, моего служения и моей души...

Меня разбудила Серэнити. Первые застенчивые лучики солнца ласкали изрубленные доспехи и красную от крови почву. Птицы, что кружили над побоищем, беспрестанно перестраивались. Они то планировали вниз, то взлетали вверх. Гвардейцы Иль Градо занимались тем, что копали глубокую рытвину – туда скинут всех павших витязей и навалят над ними холм. Серэнити заочно прочла молитву об упокоении их душ и мы, оседлав Юнивайна, махнули в Шальх. Я даже не завтракал (не беда, конечно, но все же). Серэнити попросила призрачного коня нестись во всю прыть, и он послушался ее. Картина, нарисованная мастихином, – так выглядел передо мной мир, покоряющийся скорости Юнивайна. Где-то мелькали речки, а где-то виднелись коричневые линии троп. Чащи обращались зелеными кляксами, валуны же вторили им дымчатым прочерком. Я немножко

сожалел, что красотища Иль Градо, его дубняки, рощи и лощины, были недоступны мне для восприятия. Глаза просто не успевали различить обстановку вокруг. Единственно, что четко маячило передо мной – так это синева поднебесья и окатанные огромные облака, что парили, словно раздутые пузырями мешки. Ветер холодной струей оведал мне бока, мотал плащ туда–сюда и теребил волосы.

Скача на Юнивайне, я думал о прошедшей битве. Затем мои мысли заняла катастрофа под названием Дроторогор – вот, кто наша проблема номер один. Пока он далеко, пока... Маморгамон, Ворг, Вилисивиликс, Ливан, Нургахтабеш, Захваш, Мрахарафат, Дуни, Шигхломар, Вайри, Кварцарапцин, Кхароторон и Кчорохорох – все они Боги–Идолы Хрипохора. Замыкающий эту деспотичную касту – Дроторогор самый лютый и зверский из них. Корни появления Богов–Идолов теряются в легендах, ветхих книгах летописцев и в истертых сказаниях полуслепых старух, шепчущих их у очагов в канун Солнцеворота. Если кратко, то, сублимируя их все, получается выделить следующее. Задолго до того, как первые наши предки вышли из Великого Людского Окна Перехода, две квинтэссенции Черный Огонь и Сумрачный Лед породили отпрыска – Дроторогора, даровав ему в наследство от отца Иглу Пламени, а от матери – Иглу Стужи. Потом Черный Огонь и Сумрачный Лед – Духи Вселенной женились на иных разумных Стихиях, на Лавовой Проточине, Морском Вихре, Урагане Слез, Шторме о Шестисот Ятаганов, Зыбучем Громе, Землетрясении, Утопающем в Себе Крике, Эхе Гор и прочих, рождая других Богов–Идолов (Старых Богов, как их еще иногда называют), но их первенец всех превосходил в силе и мощи. Дроторогор подчинил себе всех живорезов тогда ещё бескрайнего Великого Леса и объявил войну драконам, что населяли шири от Хло и Клирдвайта до Альтараксис и Бумфамара. Красные, золотые, серебряные, фиолетовые и бронзовые вирмы яростно противостояли Богам–Идолам.

Схватки были столь масштабны и всесокрушительны, что под их влиянием целые заливы испарялись, оголяя иссушённое дно, а кряжи, пронзающие своими верхушками звездчатый потолок, обращались в песок. В этих, отдалённых от нас провалом веж эпохах, Дроторогор возвел Червонное Капище, которое украсил черепами убитых им

драконов и их костей. Они развешаны вокруг громоздкого алтаря, сочащегося темной энергией, что по мифам черпается из эссенций Безымянного Мира, что глубже и жарче Мира Тьмы. Как бы там ни было, Дроторогор с Богами–Идолами и драконы не могли закончить свою вражду, пока не появился Урах. Увидев Величие Всеотца и Его Всеблагой Лик, семь вирмов отринули владычество Фисцитрона Венценосного и перешли на сторону Света. С ними, с вирмами–святыми, Урах истребил их непокорившихся собратьев, а так же выгнал Богов–Идолов за пределы Вещественности. Дроторогор вооруженный Иглой Пламени и Иглой Стужи был тем, кто пал от Меча Света последним. Перед своим изгнанием в Пустоту (убить Бога–Идола не способен даже Урах), он пообещал вернуться и истребить всех людей, эльфов и гномов – детей Всеотца. Каким–то образом тысячелетия назад Дроторогору удалось прорвать Космическую Вуаль и явиться в Великий Лес, но все мы знаем, чем окончился тот его приход. Легия и Харальд Темный по воле Ураха в Полдень Игл отправили Дроторогора обратно в Бесцветную Непроглядность. Однако... Сейчас Бог–Идол лично, сам, вновь тут, и живущие ныне народы Соединённого Королевства, Королевства Плавень, Королевства Керан, Будугая, Бархатных Королевств, Минтаса, Рунного Королевства, Ноорот’Кхвазама, а так же и другие, все они ощутят на себе его притязательность и жестокость. Если Тауруса Красного Палача мы расщепили Пророчеством Полного Круга, то как найти то, что ниспровергнет Дроторогора? Ни один смертный ему не ровня. Харальд Тёмный был человеком, да, но он владел Копьем Света – подарком Ураха, а Легия Филиринилем – подношением Сирвиллы. Копье Света рассыпалось от прикосновения к плоти Дроторогора, а вот Филириниль быть может, еще покоится с останками принца эльфов в сердцевине Тумиль’Инламэ. Найти его – не простая задача. Но даже если мы отыщем знаменитый клинок принца альвов, где гарантии, что кто–то из нас победит им Дроторогора? Я даю на это один шанс из миллиона. Мы еще не осознаем, с чем нам придется столкнуться. Бог–Идол, Совершенство и Неуязвимость... Он заставит нас дрожать и плакать, стенать и умолять о быстрой смерти. Для Хрипохора настает новая эра, эра господства. Его кургузые жрецы упьются кровью наших детей, жен, братьев и сестер. Война с Плавенем – это ничто по сравнению с тем, что в будущем нам преподнесёт Дроторогор и его

плешиное племя. Где есть он, там поднимутся на ноги и другие Боги–Идолы. Звучит ужасно, но так оно и есть. Я содрогаюсь от того, что к нам пожелует Мрахарафат – Повелитель Гремучих Бубенцов и Мистагог Тьмы. Кхароторон с его собаками – кхатрами, с их алыми языками и факельными пастями, исторгающими клубы дыма и разъедающего смрада. Кварцарапцин – Бич Мороза и Прядильщик Теней. Вайри – наиболее безумный, Надзиратель Темниц и Мытарь Невинных. Маморгамон – правая рука Дроторогора, раздувшийся слон с дубиной Крушитель Королевств. Шигхломар – Семь Грехов, Змей, Покровитель Отравленной Воды. Ворг – заклятый враг матерей, Опустошитель Колыбелей и Пожиратель Детей. Вилисивиликс – Одноглазый, опрятный и невероятно красивый, источающий благовония демон с четырьмя крыльями, соблазняющий девственниц, рождающих от него исчадия Рока. Дуни – жаба с мириадами ртов, Поглотитель Душ. Захваш – Червь Пространства, Фантаст и Алчущий Мозгов. Кчорохорох – Генерал Оранжевого Легиона, Низвергающий Правду. Ливан – по прозвищу Пыль и Пепел, Палач Драконов. Нургахтабеш – Восточное Проклятье, с Отрядом Беспризорников–Ос. Они, эти древние Чада Скорби и Пасынки Смерти, ворвавшись к нам, насытят свой голод насилия только тогда, когда весь мир склонит перед ними колени. В Червонном Капище возносят ритуальные песнопения в их честь, и я даже отсюда, со спокойных дол Иль Градо, ощущаю то, как они подобно древоточцу проникают во Вселенское Естество. Обречены ли мы? Погибнем ли мы? Так будет, если сложить ручки и усесться в удобном кресле. Я, Калерб Шаттибраль, постараюсь не допустить этого. Пусть я всего лишь снежинка в Буране, но если Вселенная захочет, и в моей власти как воспитанника Мироздания окажется возможным помешать наступающему концу мира. Напыщенные слова? Да? Поглядим, учтем, увидим. Пока жив, я не отдам нас на поживу Богов–Идолов. Филириниль... Будь там, в Тумиль’Инламэ, пожалуйста... Ты нужен нам! Без тебя мы... Я думал, что Таурус положит нам конец, но тут ему на смену пришел Дроторогор. Кто из них хуже? Не знаю. Понятно одно, Испытания, выпавшие на долю людей, еще не закончились. Они только начинаются! И их надо преодолеть. А как? То уже иной вопрос.

Я провел пальцами по коже, обнажившейся под туникой. Мягкая, теплая, своя... На мне есть более двух десятков татуировок и сейчас их рисунки, эзотерические и художественные, все вещают мне о незавидной доле. Мне не надо их видеть – я знаю каждую из них. Дух Добра с крыльями всегда грустно взирает на меня с предплечья. Масляный фонарь в лепестках и ягодах под кровом меланхолического города, уныло разбрасывает свои лучи вширь. Оголенный череп в розах сардонически смеется. Спрут, ниспускающий свои щупальца на мой собственный портрет с Квилем Лофирндвалем на заднем фоне, хмурит желтые зрачки. Синий глаз, соцветие колхикума, корабль на плече, лоза винограда, нетопырь с костями в лапах, горящая свеча, песочные часы, цепи, кристаллы, книги, символы с именами покойников, руны, клевер, все они и за ними другие говорят мне: ты прошел долгий путь, ты достиг многого, однако, чтобы мы не истерлись в земле, ты должен найти способ одолеть Дроторогора. Мои татуировки не похожи на те, что носит на себе Серэнити (у Великого инквизитора россыпь синих линий – отметины Хрипохора), но они мои и делают меня мной.

Я поглядел на светлый затылок Серэнити. Моя подруга медитировала. Даже скача на крупе Юнивайна, она была способна абстрагироваться и придаться собственному самопознанию. Я так не умел. О чем она думает? О Соединённом Королевстве? О Констанции Демей? О Элизабет Темной? Об Ордене Инквизиции? Живой Воде? О вчерашней битве? О том, что было после нее? Не дано узнать мне это. Серэнити – загадка для меня. И почему-то, мне захотелось, чтобы завеса приоткрылась. Прямо сейчас.

– Юнивайн, тпру!

Призрачный конь сбавил галоп, а затем остановился. Раскинутые валуны и дорога, уходящая вверх к холму, буераки и редкие осины – таков антураж нашей стоянки. Великий инквизитор соскочила с седла и потянулась.

– Предположительно, три часа дня. Ты как считаешь, Шаттибраль?

– Около того.

– Я узнаю эти места. Подразумеваю, что Королевский Тракт в двадцати милях севернее. Ещё час– другой и мы въедем в Шальх.

– Где–то неподалеку нас привечал Ральфи. Помнишь?

– Как забыть, – странно улыбнулась Серэнити, садясь на кочку. – Мой лоб должен был обзавестись красным пятном от столешницы. Как же я тогда желала отправить тебя и Эмилию на суд к Всеотцу. И особенно Грешема.

– Ты бы и сегодня предала его огню. Я прав?

– Разумеется, – кивнула великий инквизитор. – Вампиры – это нечисть, и каким бы Грешем не был, его место на поленьях.

– Врешь?

Серэнити посмотрела на меня долгим взглядом алебастровых глаз.

– А тебе то что?

– Ты не умеешь лгать, – ответил я не отводя взора. – Мы все дороги тебе. Я, Эмилия, Дурнбад и Грешем в частности.

– Зачем ты опять заводишь эту беседу?

– Потому что я люблю тебя.

– Ты головой ударился, Шаттибраль?

– Нет, совсем нет, – улыбнулся я, садясь возле Серэнити. – Я так думаю, что мы единственные, кто есть у тебя.

– Не вы одни.

– А кто еще? – заинтригованно спросил я. – Помимо Ураха, разумеется.

– У меня есть... друг.

– У тебя? И кто он?

Серэнити нахмурилась. Я видел, как она устала раскачиваться в седле Юнивайна и думать о насущном. Мои вопросы слегка отодвинули её мысли от Соединённого Королевства.

– Он... Его зовут Роберт...

– Дальше, – подстегнул я.

Серэнити подобрала опавшую веточку и прочертила ей овал под сапожками. Юнивайн тем временем поскакал по поляне, вернулся ко мне и втиснулся в Кампри.

– Почему ты допытываешься? Мне не это нравится.

– Госпожа Великий инквизитор Иль Градо и примас Барства Света, я намерен узнать Вас чуть больше, чем такие скудные слова, как «доброй ночи» и «поднимайся, несносный Шаттибраль, пора в путь».

– Роберт хлебопек.

– Хлебопек?

– Да, я познакомилась с ним на Толкучке. Стояла осень, и он тоже «стоял» – с температурой и жаром и продавал пирожки. Я сняла с него лихорадку...

Я был заинтригован. Во-первых, Серэнити так открыто говорила крайне редко, во-вторых Роберт... Хлебопек? Seriously? Неужели он

запал Великому инквизитору в сердце? Верхушка Братства Света дает обед: не жениться и не заводить детей. Их долг – нести знамя Всеотца, а тут...

– Он тебе небезразличен?

Серэнити потупила взгляд. За ней такое водилось так сказать совсем уж ечасто! О–хо–хо!

– Нет. Я ни к кому не испытываю симпатии, Шаттибраль. Урах – мой ориентир. Давай закончим разговор об этом.

– Чуть позже, – отозвался я, осознавая, что ступаю на опасную тропинку.

Серэнити обладала крутым нравом, и нарваться на грубость от неё не составляло труда.

– Сколько ему лет?

– Двадцать восемь.

– А тебе?

Серэнити отбросила веточку.

– Ты решил праздно поковыряться во мне? Не выйдет.

– От двадцати пяти до пятидесяти?

Лицо Серэнити я бы оценил в двадцать два года. Кожа молочно–белая, молодая. Без намека на морщины, но Свет Ураха и Его Магия хранит тех, к кому Он расположен.

– Мне тридцать один, Шаттибраль.

– И ты влюбилась в Роберта?

Удар, что я получил в скулу, отозвался в моей макушке калейдоскопом завихрений и вертепов. Я опал на траву и тихонечко заскулил. Меня выдернули на корягу обратно...

— Прости, я не хотела...

— Но пришлось?

— Да. Не сдержалась.

— Твой Роберт. Он знает о твоих чувствах?

— Про какие чувства ты говоришь?

— Ты хотела бы иметь семью? Ну, знаешь, детишек, мужа, дом у речки? Как женщина.

— Как женщина — да, — глухо ответила Серэнити, ощупывая латной перчаткой мой ушиб. — Но эту женщину я заперла на тридцать три замка. Для этого счастья в моей жизни нет места. Только служение. Я сама так выбрала.

— Мне кажется, что это не так. Роберт...

— Роберт — примерный последователь Ураха, он не такой, как вы все.

— Расскажи мне о нём.

Серэнити замолчала. В ней боролось желание высказать свои чувства и...я. Некромант, что познал силу Тьмы. Разве можно ему довериться?

— Ты значишь для меня больше, чем кто бы то ни было, — с натяжкой сказала Серэнити, не глядя на меня. — Другом я тебя назвать не могу, но... Шаттибраль!

Серэнити схватила меня за ногу.

— Так не должно быть!

— Конечно, не должно. Однако так есть. И я рядом с тобой. И буду рядом всегда.

— Ты слишком настойчиво пытаешься пробраться в мою жизнь.

— Кто, если не я?

— Кто?...

Серэнити поглядела вдаль. Её точеная фигурка приняла форму буква «Г». Плоский живот и на нем пряди белоснежных волос... Подозреваю, что Роберт тоже влюбился в Серэнити, но сказать ей об этом...нет. На это духу не хватит ни у одного мужчины. Великий инквизитор Иль Градо — это вам не что-то. Тут абы как не посватаешься.

— Серэнити, он...Давай вернемся к Роберту?

— Он веселый. Всегда улыбается, когда я захожу к нему за булочками. Шутит... не так как ты, по-иному. Роберт — калека, у него нет ступни, и оттого он передвигается на костылях... Я предложила ему поступить в Орден Инквизиции нашим личным пекарем, но он отказался...

— Ты присматриваешь за ним?

— По возможности.

— Чем он так тебя обаял?

Серэнити вздохнула.

– Ничем. Все, Шаттибраль. Я не намерена дальше вести об этом беседу. Точка.

То, что у Великого инквизитора была тайная любовь, которую она принципиально откинула, меня огорчило и порадовало. Огорчило, потому что Серэнити ни за что не позволит себе окунуться в омут страсти и семейного благополучия, а порадовало то, что моя странная подруга все-таки не чужда обычным человеческим влечениям. Великим инквизитором становятся раз и навсегда. И у неё нет шанса вступить в брак с Робертом, однако кусочек тепла, что горит в груди под кольцами кольчуги, меняет её в моих глазах. Преданность Всеотцу и нам – лишь две части одного зерна. Серэнити высокая, стройная, красивая, с льдистыми очами и копной белоснежных волос – настоящий самородок среди пустотелой руды. И такие жуткие вспышки гнева, как она считает праведного гнева.. Как жаль, что ей не суждено пройти свою брэнность рука об руку с Робертом. Она тогда могла бы... Хотя... Что помешает Серэнити когда-нибудь свернуть с выбранного пути? Я хихикнул. В прошлом Великий инквизитор, а в нынешнем, заботливая матушка с малышом в люльке. Сыночка она могла бы назвать Грешем, а доченьку – Эмириус. Комично, верно?

Глава 16. То, что стояло за Пророчеством Полного Круга

Десять дней и десять ночей, как я и предполагал, мы добирались до престольного Шальха. Если бы не призрачный конь, то сие количество дней увеличилось бы втрое. Нам бы пришлось справляться по Туманной Пляске на бриге, а там брать вороных и менять их обессиленных на каждой попадающейся конюшне. Юнивайн помог нам преодолеть колоссальное расстояние в предельно сжатые сроки. Спасибо ему!

Скача по Королевскому Тракту в половину прыти призрачного коня, я осматривал Ночные Небеса и город, что раскинулся на ней. Минареты и башни Шальха приветливо блестели на солнце. Барбаканы с бойницами сторожили входы-выходы, а баллисты и скорпионы на их крышах усиливали впечатление защищенности и порядка. Флаги, как крошечные лоскуты, трепетали под порывами

воздуха. Различить, что на них было изображено не представлялось возможным, но я знал, что на полотнах вышит как отважный лев в короне, так и все шесть животных – эмблемы провинций. Вереницы людей, тянувшиеся из Шальха и в него, оторопело таращились нам в след. Юнивайн ловко объезжал экипажи, повозки и вереницы крестьян. По пути нам попала колонна рыцарей, клином гарцевавшая в Шальх. Серэнити попросила Юнивайна скакать с их скоростью. Мы поравнялись с человеком в пластичной броне и с плюмажем на шлеме.

– Кто вы?! Назовитесь! – гаркнул рыцарь, потянувшись к мечу. Его коричневая кобыла истерично заржала, заметив Юнивайна.

– Ты не узнаешь своего Великого инквизитора?! – рявкнула в ответ Серэнити.

– Миледи...

– Я еду в королевский дворец. Ты и твои люди составят мой эскорт.

– Леди, Серэнити, мы...

– Никаких «мы»! – отрезала Великий инквизитор. – Пошли одного из своих подчинённых в Храм Ураха – пусть передаст, что я желаю, чтобы весь приход Ордена Инквизиции собрался на Толкучке. Также разыщи мне Кирфа Маяна, если он в Шальхе, и гарнизонного генерала Валио Сейтри.

– Как прикажете!

Мы и пятьдесят закованных в латы всадников проехали через ворота Мышиной Дыры. Улицы пронесли нас через ряды домов, парков, садов и трактиров, после чего вывели ко второй стене города. Я отметил, что Шальх был полупустым. Там, раньше сновали толпы нищих, простолюдинов, вельмож и купцов, сейчас гулял ветер. Мрачные личности, сбившиеся в группки, как испуганные крысы при

виде дикого кота, бросались от нас наутек. Лавки с заколоченными ставнями, обители наслаждений с вывесками о том, что они закрыты, питейные заведения с амбарными замками на дверях – вот каким стал Шальх. Учиненный переполох, виновником коего являлась Магика Элептерум, выгнал перепуганных горожан за черту столицы, в села и остроги. Гвардейские патрули да редкие всадники, спешащие по своим делам, – это все, кого я мог видеть. Свихнувшаяся Башня – оплот магов и их науки, сверкала ослепительными всполохами молний и энергетических разрядов. Её шпиль попеременно освещали электрические дуги, тянувшие свои пальцы–пунктиры к замку. Перестройки Магика Элептерум несли на себе отпечаток хаотичности и разлаженности. Её базальтовые блоки ползли то наискосок, то по какой–то сумасшедшей вертикали и трапеции. Разглядывая Магика Элептерум, еще не доехав до неё, я гадал, каким образом у меня получится в неё попасть. На площади, предшествующей Толкучке, Серэнити покинула седло Юнивайна.

– Шаттибраль! Разделимся! Я со своим приходом буду у королевского дворца. Как только ты снимешь с него вуаль Магика Элептерум – я сразу зайду внутрь.

– Договорились.

Великий инквизитор обратилась к сопровождавшему нас рыцарю.

– Ты и твои люди отходят в подчинение к этому колдуну. Выполняй все, что он прикажет.

– Будет исполнено, – мотнул небритой физиономией наш всадник.

К Серэнити уже приближались послушники её Ордена, поэтому я оставил подругу и напрямик направился к Магика Элептерум. Гвардейцы держались от меня на почтительном расстоянии. Их приводил в замешательство Юнивайн, и пугала надвигающаяся Свихнувшаяся Башня. У меня её вид тоже вызывал беспокойство. В Магика Элептерум мне довелось быть всего однажды (после провала на экзамене, я более не имел права в неё заходить) и её внутреннее

устройство знал лишь по описаниям Бертрана. Я надеялся попасть в Магика Элептерум и отыскать там своего друга... Бертран Валуа – опытный и неунывающий волшебник. Я уверен, что он уже приложил все усилия, чтобы вернуть Свихнувшийся Башне её стабильность, но... Жив ли Бертран или его уже нет? Скоро узнаю...

Древние, повитые ветвями растений и декорированные диковинными бестиями широкие створы запертых ворот искрились бликами пурпурного и аметистового огня. Прикоснись к ним – и моментально обуглишься. Я задумчиво поджал губы, а рыцаря позади меня испепелила случайная вспышка дезинтеграции. Молния возникла из стеклянного шара. Он и его близнецы на постаментах опоясывали двор Магика Элептерум своеобразным геометрическим узором. Вой бедняги, заживо изжарившегося в своих доспехах, поселил панику в рядах приставленного ко мне эскорта.

– Назад, все назад! – скомандовал рыцарь–командир.

Люди отодвинулись от меня на добрых пятьдесят шагов. Я опустил взор на плитку с крупными шахматными квадратами. Они то подергивались блеском, то мигая, затухали. Чародейская ловушка! Я шустро запрыгнул на алебастровый бортик посаженного в грунт дерева и таким образом избежал всенепременного запекания.

– Стойте пока там, – крикнул я.

Как снять стихийно–колдовской запор с двери? Эти стеклянные шары... Может, это они стабилизируют её энергию и насылают дифференцированно–плотоядные атаки? Я сконцентрировался и зарядил Лик Эбенового Ужаса заклинанием Пролома, тараном, что способен разнести в щепки добрый десяток кирпичей. Направив эбонитовый посох, предназначенный для усиления «убийственно кулака» творимого колдовства на один из шаров, я освободил беснующийся заряд в глумливом черепе. С намершия Лика Эбенового Ужаса сорвался бирюзовый ком и, пронесшись по воздуху кометой, шарахнулся о цель. Треск ломающегося стекла и взметнувшиеся вверх осколки... Все шары вокруг зарябили зеленым цветом. Ой, кажется,

сейчас что-то будет! Досчитав до трех, чтобы успокоиться, я, призвал к себе всю доступную мне мощь Вселенной и сотворил над собою «Элементарный Щит» – мембрану, способную защитить от воздействия магии Огня, Мороза и Молний. Мой расчет оказался верным. По моему магическому щиту заморосили капли расплавленной материи. До меня пытались добраться малюсенькие, но смертельные язычки пламени и колющие снежные хлопья, способные заморозить жилы одним касанием. По затылку потек пот, а напалм волшебства, исходящий из стеклянных шаров, все не оканчивался. Когда я практически уже обессилил, хоровод Стужи и Жара резко прекратился. Повезло!

– Рубите их своими мечами! – повелел я топчущимся на задворках рыцарям.

Повиновались мне лишь десять человек самых храбрых. Они пустили коней галопом и обрушили булавы и секиры на круглые сферы. Двоих наездников пришибло разрядом магии, третий провалился под землю (раз, и исчез), но остальные выполнили моё поручение. Я уничтожил последний стеклянный шар все тем же заклинанием Пролома. Дверь Магика Элептерум засеребрилась и резко потухла, оголяя под собой ничем незамутнённые скульптурные образы. Отерев лоб перчаткой, я покинул свою спасительную возвышенность и приблизился к монументальным створам. Это ещё не конец! Это только начало! Теперь надо их открыть!

– Отворись, – промолвил я, зная, что никакое колдовство и никакой физический акт не причинит дверям никакого урона.

– Отказано, – послышался глухой, не принадлежащий ни мужчине, ни женщине голос.

– Причина?

– Ты не принадлежишь к Магика Элептерум. Тебе отказано.

Самое время включать смекалку.

– Есть ли прецеденты, которые позволили бы мне войти?

– Их три. Первый – ты пришёл поступать в Магика Элептерум и никогда этого ранее не делал. Второй – ты остался единственным магом во всем мире. Третий – обещание о миссии Магика Элептерум, данное Криком Зумитибалем Нолду Темному, потеряло значимость.

Значит, это Крик Зумитибаль зачаровал двери Магика Элептерум – пронеслось в моей голове. Постоим на этом.

– Я говорю, что третий прецедент имеет место быть.

– Твои доказательства, – равнодушно изрек потусторонний голос.

– Король Вильгельм Тёмный убит, а его сын, принц Фабиан, пропал без вести. Пока Фабиан не наденет на себя Корону Света и не провозгласит себя новым королем Соединённого Королевства, технически обет Крика Зумитибалья – «учить и расширять магический кругозор юношей и девушек» не считается действующим. Есть король – есть исполнение клятвы, нет короля – нет клятвы. Это так работает. Де факто Магика Элептерум сейчас не является академией волшебства. Она не подвластна короне и вольна запускать к себе и выпускать из себя кого угодно.

Ворота Магика Элептерум затряслись. Они, что? Кумекают, что ли там себе? Через долгих десять секунд, голос сказал:

– Тебе разрешено войти.

Створы, бесшумно и как-то грациозно-плавно распахнулись. На меня дохнуло тем, непередаваемым, но хорошо узнаваемым запахом античности и тайны. Нечто схожее можно учуять в старой библиотеке или в покинутом всеми музее, чьи экспонаты покрылись пылью и плесенью. А ещё я остро почувствовал тлен и разложение... Из глубины Магика Элептерум мне загадочно светили синие хрустальные свечи, парящие и чуть подрагивающие. Их кристаллические фитили,

никогда не перегорающие, то затухали, то ярко вспыхивали и мигали. Я переступил порог и поманил за собой жавшихся друг к другу гвардейцев.

Холл представлял из себя звезду с пятью проходами и тремя лестницами, ведущими вверх. Где-то над головой слышалось жужжание. Мне оно не понравилось. А еще больше по нутру не пришлось мне то, что пол вокруг усеивали останки тел с характерными признаками воздействия элементарных заклятий. Трупы, искореженные и оплавленные, облаченные в одежды Канцелярии Правосудия, не принадлежали к роду людскому. По крайней-мере, не совсем... Их звериные пасти, закрученные хвосты и рога, без всяких обиняков указывали на родство с живорезами. Только вот таких живорезов я никогда не видел. Это были ни оморы, ни тролли и даже не безволосые обезьяны. Гуманоиды, что испустили дух в Магика Элептерум, являлись помесью человека и inferнальных существ... Мне сразу припомнились мифы о безобразных и преступных ритуалах Хрипохора, заключающихся в кровосмешительстве женщин с семенем живорезов. Вот теперь они передо мной, и я вижу, что то были не сказки. Промеж inferнальных тварей я обнаружил два тела в мантиях – ученики Магика Элептерум с деревянными посохами. Перевернув одно мерзкое чудище носком сапога, я закалил турмалин Лика Эбенового Ужаса Хлыстом Назбразля. Если быть рассудительным и мыслить рационально, мне нужно подняться к шпилью Магика Элептерум и посмотреть, что именно его колдовской «темперамент» проецирует на замок. У Свихнувшейся Башни свои секреты, и многие из них могут стоять жизни. А тут еще эти гости-мутанты из Великого Леса...

Будем осторожны. Я, а за мной и рыцари ступили на широкие ступени. Не успели мы сделать и десяти шагов, как лестница крутанулась и опрокинула в образовавшийся бесцветный круг половину солдат. Они даже закричать не успели. Так быстро их поглотила западня Магика Элептерум. Я схватился за поручень и побежал. В это мгновение неведомая сила подхватила весь первый этаж и перекинула его ввысь. Свихнувшаяся Башня передвинула саму себя и, содрогнувшись, затихла. Ох, уж мне эта её бесовская

реорганизация! Нас буквально выкинуло на новый уровень. Мы оказались среди бесконечного лабиринта книжных полок и витающих над ними мерцающих глобул. Они фонтанировали завитушками осязаемой, дымной густоты, подсвечивая ею неувядающие растения, приютившиеся то тут, то там в глиняных горшках. Я обогнул пару стоек с трухлявой литературой и направился по ковру, пролегающему между забитых невесть чем шифоньеров. Вопль... Один из оставшихся двадцати рыцарей пропал за ширмой...

– Сомкнитесь и не выпускайте товарищей из вида, – приказал я.

Первыми врагами, что встали у нас на пути, были два голема. Стальные, закаленные и оживленные магией латы с двуручными клинками неожиданно выплыли из-за угла. Они разрубили пополам двух зазевавшихся солдат и ринулись на остальных, но моё заклинание охладило их пыл. Красный луч ударил в одного, а затем рикошетом в другого голема. Как нарочно, моя волшба задела и рыцаря, что как раз уклонялся от бастардного меча. Его плоть пошла волдырями и ручьем стекла на пол. Я поскрежетал челюстями. Не специально же я так! Кое-как отыскав в мешанине стеллажей подъем на новый этаж, я, прошествовав по нему, очутился в пространстве с входами-выходами.

Это ярус принадлежал личным покоям школяров Магика Элептерум. Тут я обнаружил не только гниющих полукровок живорезов, но их живых братьев, самозабвенно предающихся каннибализму. Они обгладывали бедра и животы своих родичей, а также почивших слугителей Свихнувшийся Башни. Числом их было около десяти. Тот рыцарь-капитан, коему Серэнити наказала оберегать меня, пал под ударом молота. Его плюмажный шлем, превратившись в смятую тарелку, весело покатился к витиеватому канделябру. Пришлось мне поработать не только Ликом Эбенового Ужаса, но и Альдбригом. Пока мои навязанные телохранители тыкали клинками, я, не мешкая, низверг из посоха Цепную молнию, а потом подкрепил её пыл взмахами меча. Четыре гадины осыпались горячим прахом, а пятая и шестая, заливаясь визгом агонии, слегли с перерезанными шеями. Других уничтожил мой отряд. Из наших пало два рыцаря и два получили тяжелые увечья. Тащить раненых к пилону Магика

Элептерум не имело смысла, и потому я распорядился нести их вниз. Рыцарей вообще не надо было вести за собой, не подумал. Мое повеление приняли с воодушевлением. Подхватив товарищей, рыцари Илья Градо живенько меня покинули. Ну вот, я теперь один. М–да! Выше нос, Калев! Магика Элептерум только на вид страшная и каверзная... да уж, подбодрить себя не получилось. Я знаю, я–то знаю, что она действительно и страшная, и каверзная. Но? Кто наслал на Магика Элептерум прихлебателей Хрипохора? У кого хватило дерзости провести их через бдительный взор Ордена Инквизиции и всего Братства Света? Серэнити отсутствовала в Шальхе несколько месяцев, но неужели её отлучка сыграла свою незавидную роль? Видимо, так.

Лик Эбенового Ужаса корчился аннигилирующими зарницами. Назбраэль, сидящий в своей Преисподней, щедро одарил его скверной, что ныне охотно жгла мою перчатку и коптила воздух вокруг. Я крался вдоль колонн и зорко посматривал по сторонам. По этим гордым залам некогда ходила Лорина, и шастал напыщенный Драт, преподаватель, что осмеял мою неудачу на экзамене. Оба они мертвы, но память о них не покинула меня. Я очень хотел найти Бертрана. В этих закоулках я с гулким биением в сердце, пристально вглядывался в каждое лицо, навеки застывшее в маске предсмертных мук. Погибших наставников Магика Элептерум мне довелось найти на седьмом ярусе, который был предназначен для вызова из Планов различных созданий. По нефу метались сотни импов и фей. Они верещали и громко стонали о своей доле. Скорее всего, дотоле их держали под ментальным контролем, однако потом он дестабилизировался и призванные существа не отправились обратно в свои Планы, а по стечению неких обстоятельств остались здесь. Один из импов впился клыками в ляжку пролетающей феи. Он разорвал ее до кости и, упившись кровью и мясом, с зычным победоносным возгласом взметнулся к потолку. Моё появление среди этих крошек дало повод для паники и суеты. Импы ломанулись к скрытым нишам, а феи наперебой завопили о том, что они сдаются на мою милость. Я поднял руку в жесте, просящим их умолкнуть.

– Что тут случилось? – спросил я у толстенькой феи в гетрах и опаловом платье.

– Катастрофа! Катастрофа! Банкротство! Коллапс!

Я знал, что феи часто несут белиберду, однако других свидетелей «банкротства» у меня рядом не было.

– Более внятно! – потребовал я, аккуратно ловя фею пятерней.

– Переполох! Кавалькада! Шумиха!

– Если ты продолжишь нести околесицу, я тебя раздавлю, – припугнул я.

– Они зашли сюда! Целое море «их»! Они разбили жаровни! Убили магов! Исковеркали пентаграммы!

– Кто они?

– Нечисть! Воняющие тухлятиной упыри! Трупоеды!

– Еще раз, что за нечисть такая? Откуда она взялась?

Фея меня как не слышала. Она впала в прострацию.

– Отстань! Отстань! Отстань! Худосочный черничный колдун!

Добиться от феи чего-то членораздельного у меня не вышло, поэтому я выполнил её требования.

Пробираясь через душное мускусное облако спящих фей, я шел дальше, к лестничному маршу. На середине моего подъёма Магика Элептерум вновь решила перестроить свою кладку. Я опустил на этаж ниже, а потом терпеливо забрался на два над ним. Анфилада комнат, все те же трупы и тупик – заваленный камнями лестничный проем... Я громко вздохнул. Как подняться к шпилью? За моим ухом

послышалось дыхание. Даже точнее хрюканье. Не медля, я пригнулся и, несмотря куда мечу, сделал подсечку носком сапога. Она попала в яблочко. Живорез, так напоминавший собою кривую копию человека, упал на лопатки. Я погрузил в него Альдбриг, но... Меня окружали еще двадцать, а то и тридцать его товарищей. Куцые, изорванные плащи Канцелярии Правосудия болтались на их плечах подобно шторам. Так, так, так, я в кольце... Да откуда, вас тут столько?! Эх, почему рядом нет Серэнити или Дурнбада? С ними бы мои колени так не ходили ходуном... Человек! Живой! Настоящий! Он мельком показался из-за нагромождения сундуков и скрылся, отвлекая на себя половину моих врагов. Следом появился еще один человек. Он взметнул полую хламида, привлекая к себе внимание. А там еще и еще один его товарищ разными действиями отманивали от меня живорезов. Я пронзил печень ближайшего ко мне пособника Хрипыхора Альдбригом и переключился на другого. Живорезы метались по залу и неизбежно нарывались на сталь или заклинание. Я пригвоздил троих выроdkов Огненным Вихрем и расколол череп четвертому Ликом Эбенового Ужаса. Мои помощники, люди, тоже вершили своё судилище. Когда последний их живорезов испустил дух под нажимом Альдбрига, я уже очень устал. От пилястр, кариатид и пьедесталов ко мне спешили те, кто недавно пришли мне на выручку. Они окружили меня и наставили свои шпаги точно на моё сердце. Я рассмеялся. Я так беззаботно не смеялся, наверное, уже тысячу лет. А виную тому... Я подобрал валяющуюся на полу щепку от разбитого ящика и бросил в ближайшую ко мне фигуру. Она пролетела насквозь и упала куда-то за корзину с засохшими пионами.

— Который из них ты?

— Угадаешь?

Я вновь вооружил руки предметом (на этот раз им стал блокнот) и швырнул его в физиономию человека. Так же, как и предыдущий мой снаряд, он пронёсся сквозь пустоту.

Восемь, нет, около пятнадцати одинаковых мужчин со шпагами наперевес низко поклонились мне и потянули свои левые руки к моей

спине. Чтобы обнять. Они все, невесомые и потусторонние, однако очень реалистичные, не коснулись меня.

– Где ты, Вселенная тебя разбери?!

– Туточки.

С не приметного балкончика мне беззаботно махал Бертран Валуа. Мой дорогой друг! Все во мне перевернулось в эту минуту. Его завитые рыжие усы и клиновидная борода, как и манерно уложенная шевелюра, небрежно ниспадающая на цепкие голубые глаза, пробудили во мне горячий ключ отрады. Как же я был рад видеть этого старого пройдоху, мастера иллюзий и грозу девушек. Ха!

– Рыжая Колючка, гром тебя оглуши! Ты даже не представляешь, как я счастлив, что ты до сих пор дышишь!

– Кaleb! Мой дорогой и нудный Кaleb. Скажи мне, Толковая Каракатица (это мое прелестное прозвище в Грозной Четверке, познакомьтесь), и почему я не удивлен, что ты как-то замешался во весь этот балаган?

– То длинная история.

– Они у тебя всегда такие. И канительные. О, Вселенная, какие же они, правда, всегда канительные. Моя тетушка так говорила. Помнишь?

– Естественно. Эта женщина непременно угощала меня свекольным салатом, от которого мой желудок настойчиво требовал найти ему уборную.

Бертран ловко перескочил через парапет и встал подле меня. По мановению ладони все его фантомы растаяли в воздухе.

Твой трюк никогда не перестает иметь успех.

– Я люблю пользоваться проверенными приемами.

– У меня есть куча новостей, но сперва я хочу услышать, что тут приключилось?

– Двумя словами тут не обойтись.

– Постарайся сжать свой рассказ до самого основного. Я собираюсь покончить со всей этой кутерьмой уже через пару часов.

– Толковой Каракатице обязательно надо всюду успеть и все порешать? Ладно, вдвоем у нас, может быть, и есть шанс.

Бертран уселся в кресло и беспечно (как в критические минуты у него получается принимать такой вид?) подпер подбородок эфесом Пиявки.

– Эдмундус Деритус Опирити! Эта фраза на языке Империи Хло обозначает – все мы смертны. Дней пятнадцать назад в Магика Элептерум находилось семнадцать учеников, четыре магистра и архимаг. Из всех них на данный момент дышу только я. Тогда, в ту на редкость дождливую ночь, на Магика Элептерум опустилось колдовство, что расшатало её энергетические линии и подчинило своей воле. Весь заряд мистицизма, с помощью которого, наша твердыня контролировала свою основу, вобрался в «сетку» и ниспровергся на замок Шальха. Что-то сродни пагубной мембране – окажись в трех футах от неё и подохнешь. Уфций Штормовой Рык Ринаут, я, Леви Матели, Хирна и Сергио Алхимик собрались на срочный совет и определили, что центром столь мощной дисгармонии является ни кто иной, как человек. Представляешь, Калёб? Какой-то хлыщ взял и вот так вот сграбастал весь потенциал Магика Элептерум! Уму непостижимо, что смертный может повернуть подобное. Бог, да, но двуногий «обезьяникус»?

– И все же.

– Да, да и все же это было так. Уфций Ринаут взобрался на шпиль, собираясь так сказать, вернуть его активность на круги своя, но стоило ему только подняться на башню, как взбесившийся Кристалл Хадингтона попросту расчленил его на ядрышки–тычинки. Пуф! И все! И тут понеслось! Ты даже не представляешь, Кaleb, что произошло!

Бертран ненавязчиво создал три своих иллюзии, которые ретиво закивали, соглашаясь с его восклицанием. Выглядело это комично.

– Магика Элептерум заполонили хирко, цапаши, липачи, айгубы, хахи и прочие призраки. Они вились по просторам Академии и иссушали её учеников. Урах их разбери, откуда повылазили эти субстраты? Ты, возможно, как мастер–некромант навел бы в этом хаосе порядок, но из нас, магистров, пребывающих в Магика Элептерум, твоим опытом никто не обладал. Мы кое–как приструнили этих духов, но на смену им, как в той песенке «а за ними пришли гномы, гномы, гномы, голодные гномы», только то были не гномы, а те рыла, что ты да я только что отправили на тот свет. Каким идолом живорезы пробрались в Магика Элептерум – отвратная гадючья загадка, однако они сумели это сделать. Мы сражались с ними и в сражении проиграли. Их была орда и маленькая вагонетка, а нас меньше восьми. Леви Мантели разрывали у меня на глазах, а он все сыпал Молниями из своего жезла. Сергио Алхимика зажали в лаборатории. Хирна и я держались теней, но и эту красавицу–ведьму подстерегли, когда мне приспичило в уборную. М–да! Живорезов тянуло к Кристаллу Хадингтона и они туда в конце концов добрались. Пробились! Да! Через все мои препоны! А я, ты в курсе, не лыком–то шит, да не шелками–то укрыт. Чародей живорезов, огромный такой уродливый бугай, в шлеме и костюмчике Канцелярии Правосудия, что–то учудил с Кристаллом Хадингтона, а затем пропал, бросив здесь свою челядь. Ну и вот, пока ты не появился, растрепанный и с задорным румянцем на щеках, я отлавливал живорезов и отправлял их на ужин к «пирожочку» Назбразлю.

Три иллюзии Бертрана Валуа зарядили, и их стало шесть. Каждая по очереди откинула непослушные рыжие локоны со лба. Настоящий

же Бертран Валуа извлек из-за пазухи бутылъ и сделал три глотка.

– Золотое из Плавеня. Только оно-то меня и поддерживало все минувшие недели. Будешь?

Я приложился к горлышку.

– Конечно! Жаль, что не полная!

– Фу, обслюнявил всю! Допивай теперь сам!

Я пропустил насмешку Бертрана мимо ушей и спросил:

– Этот чародей живорезов, как думаешь, он куда делся?

– Портал. Прямиком в замок Шальха. Мне указал на это Кристалл Хадингтона, я на него в своем роде настроен. Когда его энергия куда-то движется в таком масштабе, я чувствую это.

– Он ещё там?

– Портал? А куда ему деваться? Кристалл Хадингтона как заиклился, так и остался заикленным на самом себе. Жрец лишь как-то отделил от него «струю колдовства» и состряпал ею межпространственный переход. Понятия не имею, как.

– Нам надо войти в этот портал.

Бертран укоризненно на меня посмотрел, а его иллюзии кинули в меня перчатками.

– Толковая Каракатица – ты, но иногда ты так же Бестолковая Жужелица. Кристалл Хадингтона сейчас бьет во все стороны огнем, и его температура, что в твоей наковальне. Как усмирить его, у меня мыслей нет. Дороти и Дэнис Вирфил – настройщики Кристалла Хадингтона бродят где-то по Соединённому Королевству, закрывая червоточины. Вообще практически все маги Магика Элептерум по

приказу Констанции Демей связали узелки, прихватили шляпы и потопали к этим червоточинам. Сколько их вернется под сени Академии? Одной Вселенной известно.

– Червоточин больше нет.

– Ты в курсе событий?

– Принимал в них непосредственное участие.

Я залпом допил вино и поставил бутылку на журнальный столик, который от прикосновения подпрыгнул и поехал куда-то вдаль.

– Зачем ты его напугал?

Иллюзии Бертрана слиплись в одну. Она села рядом с оригиналом и перекинула ногу за ногу.

– Тут все у вас «свихнувшееся».

– Свихнувшаяся Башня, да. Шо гуруто де лос тамборес, что на все том же языке Империи Хло звучит как – «в словах плебса святая простота».

– Хорошо, что ты хоть сейчас не мяукаешь на кошачьем Бархатных Королевств. Их мур-мяу неуместно смешны в данной обстановке.

Бертран осклабился.

– Мяо джин, мяо, ди ляс, мяо тан, мяо сян. Козырять транскрипциями и филологией – моя слабость. Эта означает, что не все «лотки» так чисты, как кажется.

– Давай пока их отложим, твои транскрипции и лотки. Кристалл Хадингтона. Речь о нём.

– К нему одному мне было не подобраться, – пожал плечами Бертран. Его двойник скорчил мне гримасу. – Там рыщут штук сорок живорезов. Правда, может, они друг дружку перегрызли уже.

– Проверим? Грозная Четверка!

– Рыжая Колючка не против пощекотать свои нервы, – хмыкнул мой друг.

Бертран Валуа встал, а я за ним.

– Постараюсь провести тебя к Кристаллу Хадингтона по самому безопасному пути. Хотя все они нынче не блещут этим качеством.

Иллюзия Бертрана заспешила вперед, мы, чуть отставая, следом. Валуа повел меня через разнообразные комнаты и галереи, которые замкнулись на передвигающейся лестнице. Мы дождались, что она придвинула к нам свои порожки и стали взбираться вверх. Бертран пару раз тыкал меня в грудь и в спину, чтобы я остановился. Он обнаруживал затаённые ловушки. На уровне с шевелящимися цепями, вмурованными в кладку, и переминающимися на своих постаментах гипсовыми статуями, мы нос к носу столкнулись с отрядом живорезов–людей. Доспехи, булавы, топоры, щиты – они были хорошо вооружены, но что нам, двум друзьям, умеющим действовать в паре, их неорганизованное нападение? Очень даже, что! Бертран натворил аж дюжину своих иллюзий и направил их за шеренги зачарованных изваяний. Сам же он достал черные дротики, смоченные токсичным ядом и, выбрав нужную позицию, стал их метать в живорезов. Я с Ликом Эбенового Ужаса и Альдбригом вершил «жатву» где–то в центре скопища мутантов. Иллюзии Бертрана мне изрядно помогали. Резко возникая из–за поворотов и убегая обратно, они притягивали к себе наседающих на меня живорезов. Молнии и Глыбы Льда, финты и приемы Альдбрига, а так же уколы Пиявки, наносимые исподтишка, утопили Хрипохоровых бестий в лужах крови.

– Дальше трап, за ним дверь, а за дверью – Кристалл Хадингтона, – бодро уведомил меня Бертран Валуа, вынимая из туши живореза

дротик.

Иллюзии сновали туда–сюда, и в какой–тон миг я потерял Бертрана из виду.

– Да вот же я, – хлопнув меня по плечу, рассмеялся Бертран. – Ищет он, ищет Толковая Каракатица своего верного друга. Тетушка моя недаром называла тебя совой. Так же головешкой своей крутишь.

– Все–то ты свою тетку припоминаешь!

– Любил я её и тебя люблю, степной хореk, – улыбнулся Бертран.

Я наподдал ему по попе Ликом Эбенового Ужаса.

– Ух, больно же! И что это за новая игрушка у тебя, кстати? Где Ночь Всех Усопших? Потерял где–то под забором?

– В моей сумке.

– Складывать его научился либо? – хмыкнул Бертран.

– Ночь Всех Усопших мне разломали в Эльпоте.

– Еще одна история? Хорошая палка была. Нам бы засесть в таверне с добрым элем. Меня разбирает любопытство, что там с тобой происходило все эти годы.

– Ага. Обязательно. Как нам подобраться к Кристаллу Хадингтона?

– К порталу, ты имеешь в виду? Все–то он о скучном да насущном. Я тебе сразу сообщил – у меня нет никаких соображений.

– Сотворим Элементарный Заслон?

– Я не умею этого – это раз, а во-вторых он не сработает. Кристалл Хадингтона твои хилые затворы разобьет и даже не напряжется. А из тебя попутно рагу сделает. Как из Уфция Ринаута. Толковый мужик он был, хоть и занудный, как ты.

– Откуда он черпает энергию? Может, есть способ его как-то ослабить?

– Ринаут уже ниоткуда, а Кристалл Хадингтона аккумулирует её в самом себе.

Бертран извлек из-за пазухи маленькое зеркальце и поднес к моим глазам. По его отполированному полотну пронеслись синие искорки, и я увидел, как по крыше Магика Элептерум моросят нити и дуги аннигиляции. Валуа чуть наклонил зеркальце, и мне открылся грубый неотшлифованный сердоликовый камень, заключенный в тиски подпор, облепляющих его с самого низа до треугольного венца. Я понаблюдал за пертурбациями Кристалла Хадингтона и вынес резолюцию – энергия, выплёскивающаяся из него, подвержена задержкам, в одну-две минуты. Если точно выверить время всполохов Кристалла Хадингтона, то перебегая с места на место, получится добраться до ослепительного круга, коим явно был портал.

– Твой план безумен, – скрестив руки, отрицательно покачал головой Бертран. – Мы с тобой прожили пару столетий, вкусили опасностей, и умереть, вот так, от случайной вспышки Кристалла Хадингтона? Глупо. Ну, ты, конечно, бестолковый, но я-то – нет. К тому же нам надо не только проникнуть в портал, но и прекратить эту вакханалию над замком.

– Я лишь предложил. Теперь твоя очередь.

Бертран Валуа подергал свою бородку.

– Что если ненадолго расшатать фокусировку Кристалла Хадингтона твоими руками?

– Я знал, что ты меня не так ценишь, как говоришь! Хочешь, чтобы я за него схватился?

– Ты не понял, – блеснул зубами Бертран. Он укутался в свой звездный плащ, интригуяще помолчал, затем сказал:

– Кто у нас умеет поднимать мертвых?

– Допустим, я.

– Вот и подними всех этих живорезов, – утвердил Бертран. – Сколько, их бишь? На пересчет штук тридцать. Они взойдут к Кристаллу Хадингтона и облепят его своими тухлыми тушами. Пропекутся они знатно и вонь будет стоять столбом, но – Пиявку на кон ставлю, Кристаллу Хадингтона от этого придётся несладко. Он к такому обращению не привык. Он у нас нежный. Цепочка наложенного на него колдовства слабеет день ото дня, а так вдруг твои мертвяки расклинят её совсем.

– Это тебя приличествует величать Толковой Каракатицей, – пошутил я.

– Нет, тебя. Ты у нас мегамозг, а я у тебя всегда на побегушках значился! Но это не отменяет твоей частой бестолковости!

Бертран принялся театрально распылять свои иллюзии (представление передо мной чинит, негодник, щелкнет пальцем и фантом рассеивается), а я взялся за концентрацию. Неохотно, с хрустом суставов покойники выстраивались передо мной единым фронтом. Удерживая над каждым из живорезов клинья Темного Ремесла, я, как кукловод, задвигал их стопы к ступенькам. Я глядел в зеркало Бертрана и, обливаясь холодным потом напряжения, подталкивал своих болванчиков к Кристаллу Хадингтона. Пшить! Пшить! Пшить! Это убавлялось поголовье живорезов от стихийных «поцелуев» коварного волшебного камня Магика Элептерум. Тринадцать из моих подопечных пали, а другие семнадцать все-таки

достигли своей цели. Они обхватили Кристалл Хадингтона, и тот заворчал. Я уловил этот грозный рокот, находясь этажом ниже!

– Ходу, Толковая Каракатица! Ходу! – крикнул Бертран Валуа, тыкая в зеркало. – Ещё недолго и дисгармония Кристалла Хадингтона развоплотит портал!

Как ужаленные, я и Бертран выбежали на крышу Магика Элептерум. Окно–червоточина, то втискивалось само в себя, то расширялось до пределов какой–нибудь хибары. Очертя голову, я, отскакивая от вездесущих молний, юркнул в портал. Рядом выпал Бертран Валуа.

– Эти ощущения того стоят! – отметил Бертран, стряхивая с белой рубашки серую порошу. – Где мы?

Вопрос был насущным.

Мы точно попали в замок. Поводив взглядом туда–сюда, я узнал апартаменты. Здесь королева Констанция Демей потчевала меня, Грешема и Эмилию разносолами, а потом пришла Серэнити и испортила весь аппетит. Тогда я еще не ведал, как привяжусь к ней.

Бертран прихватил меня за локоть. Острие его Пиявки показывало на... Вселенная, кто это? Массивный нагрудник из полированной стали фиксировался на широкой грудной клетке. Поножи и металлические сапоги плотно сидели на их владельце, а шлем... Вот его не обнаруживалось. На плащ Канцелярии Правосудия ниспадали длинные черные локоны. Куцые рожки пробивались на красной макушке (не как у Тауруса, однако тоже приметные). Глаза желтые с оливковым отливом и острые, длинные кривые зубы, выступающие за нижнюю губу. Тварь улыбнулась и заложила руки за пояс, на котором висел эбонитовый меч и такой же кинжал. Мы оторвали её от созерцания Шальха через высокое окно. На столе, в трех футах от твари, там, где обычно ставили еду, возлежала королева Элизабет Тёмная. Без сознания, без одежды, вся в ссадинах и синяках.

– Это не моя работа, – сказал рогатый, проследив за моим взглядом. – Однако, все по порядку? Если честно, то я вас заждался.

– Кто ты? – сощурился Бертран, вынимая из кармана черный дротик.

– Он тебе не пригодится. Я с вами драться не буду. А зовут меня Канахес Илька. Префект Канахес. Глава Канцелярии Правосудия Шальха и всех Ночных Небес. Но для вас, я – живорез.

– Почему ты хочешь говорить? – спросил я, накаляя Лик Эбенового Ужаса. Заклинание Огня прытко заплясало через пустые глазницы черепа и оттого я почувствовал себя увереннее.

– Потому что ты, Калёб Шаттибраль, имеешь право знать то, где вы допустили ошибку, – сверкнув акульей челюстью, ответил Канахес. – Изменить все равно уже ничего нельзя, а мне напоследок доставит удовольствие побаловать тебя кое–какой информацией. Она разъест тебе нутро и вывернет кишки наружу. Ваша королева почти мертва, а вскоре погибнет и все Соединённое Королевство. Да что там ваше мелкотравчатое Соединённое Королевство, которого по сути–то уже и нет. Весь мир сгорит дотла.

Живорез, назвавшийся префектом Канахесом Илькой, порывисто сел на стул и воткнул кинжал в столешницу, в полудюйме от шеи Элизабет Тёмной. Одно движение, и горло королевы будет перерезано.

– Так я заставлю вас обратить внимание на меня.

– Не трогай её! – мрачно процедил Бертран.

– Я кормил Элизабет Тёмную маковым молоком, чтобы она не умерла раньше положенного срока, – томно отметил Канахес, поигрывая лезвием кинжала взад–вперед. – У нас на разговор есть, наверное, минут сорок, пока моя дочь, Великий инквизитор Иль Градо и примас Братства Света, не перебьет всех моих защитников и не ворвется сюда. Так что поспешим.

Дочь?! – пронеслось у меня в голове. Дочь?! Его дочь?! Этой... Этого...?! Серэнити?! Не может быть... Как хорошо, что её нет рядом, и она это не слышит...

– Тогда приступай, – решил я.

Живорез растопырил пятерню незанятой руки.

– Четыре десятилетия назад к нам в Червонное Капище возвратился наш владыка Дроторогор. Не в физическом обликии, а в ментальном. Дроторогор собрал всех высших жрецов Хрипыхора и поведал им, что грядёт Пророчество Полного Круга – именно Оно, своими предродовыми метаморфозами, потрясшими Вселенную, позволило нашему владыке перейти в Мир Вещественности. Ну не только Оно, а еще Кое–Какой Небезызвестный Пес–Барбос в этом подмог, но то не суть... Чтобы обрести самого себя из плоти и крови, а так же осуществить свою Задумку, Дроторогору нужна была Корона Света, и выкрасть её надлежало как раз в смуту Пророчества Полного Круга. До Него даже пытаться не стоило. Алан Вельстрассен дышал молодостью и силой, а Касиус Млут зорко хранил Шальх. Для выполнения своего долгосрочного плана Дроторогор избрал меня.

– Какую Задумку? – спросил Бертран. Ему, как и мне, эта фраза показалась важной.

– Ту, которую он хотел осуществить ещё в проклятый Полдень Игл. Тогда Легия и Харальд Тёмный случайно вырвали вам победу, впрочем, это лишь отодвинуло Замысел Дроторогора. Он бессмертен, терпелив, всемудр и всемогущ. Время наступило. Сейчас настал ваш черед платить по счетам, – хохотнул Канакес. – Впрочем, слушайте дальше. Задача, которую владыка Хрипыхора поставил передо мной, отличалась сложностью и филигранностью, но от того она делалась для меня только более желанной. Мне надлежало подготовить Шальх к приходу Хрипыхора. Вы понимаете, о чем я?

– Не совсем, – сказал я.

– Касиус Млут был мне, хм, неудобен.

– Мне тоже, – кивнул я.

– Я знаю. Он погонял тебя по всему Соединённому Королевству, – страшно улыбнулся Канахес. – Как бы там ни было, мне вменялось поставить своего инквизитора у руля Ордена Инквизиции Шальха. Женщина, что стала матерью Серэнити, так кричала, когда я возлѣг на неё. Очень сладко! После её «отѣла», я съел её горячее сердце. А девочка... Девочка, коей мать подарила имя на прощание, удивительно... Она впитала в себя милость Ураха. Я ясно видел это, но Дроторогору отметина Бога Света показалась забавной. Два Начала, два Лица. Второго такого ребенка не сыщешь ни в одном уголке земли. Дроторогор простер длань над Серэнити и наградил её своим расположением – рунами Хрипыхора, всеми Царями Запада, Юга, Востока и Севера – Вилисивиликсом, Ливаном, Маморгамоном, Нургахтабешем, Кчорохорохом, Кварцарапцином, Захвашем, Мрахарафатом, Кхаротороном, Вайри, Шигхломаром, Воргом и Дуни. Серэнити получила по крупнице силы от каждого из них. Ну и Урах тоже приложился.

Префект Канахес смаковал своё изложение, а мне с каждым его словом становилось только хуже и хуже...

– Младенцем я подбросил Серэнити в село Незабудковая Долина провинции Карак. Я чуял, что Божественная Составляющая приведет её в Храм Ураха. Так и случилось. Мою дочь занесло в Орден Креста. В свои юные годы она стала его послушницей. Я следил за ней, за её взрослением и её жаждой причинять другим боль. Ей было по вкусу отрывать у мотыльков крылья и выдергивать хвосты крысам. Умница моя! Подобрав удачный момент, через годы, я вырезал весь тот приход Ордена Креста и пощадил лишь свою дочь. Так я заронил в её нутро ненависть и ко всем живорезам – так вы нас называете, мы же зовем себя «буревестниками». Серэнити решила посвятить себя Инквизиции. Ну а потом, потом все пошло, как по маслу. Я явился в Шальх и подкараулил уже дряхлого–предряхлого Касиуса Млута. Убив лысика,

я создал вакантное место в Ордене Инквизиции. Алан Вельстрассен не из тех, кто назначает на такой пост абы кого, и у меня имелся некий запас времени для подготовки к нему Серэнити. Я быстро закрепился при дворе Вильгельма Тёмного и выбил себе пост префекта Канцелярии Правосудия. С его вершины я взятками, угрозами и лестью толкал Серэнити к верхушке Ордена Инквизиции. Отмечу, что я не изворачивался, а ходил по Шальху открыто. Алан Вельстрассен, как и другие слепцы–магистры Братства Света не могли прозреть моё натуральное обличие.

– Почему? – осведомился я.

– Что касается Алана то, он – высший проповедник Света, а я – рассекающий серп Хаоса. Мы стоим на одной планке рангов и одинаково пользуемся флюидами Вселенной. И у него, и у меня есть свои увертки и мистические секреты. Алан очень силен, это так. Я уважаю его. Однако так вышло, что тут я вашего понтифика переиграл. Я и те, кого я видоизменяю, находятся вне его неусыпного взора. То же касается и магистров. Но орудия войны Всеотца – Великих инквизиторов, живущих только ради разоблачения мне подобных, ни я, ни даже Дроторогор обмануть не властен. Всеведение, обнажающее души, Урах ниспосылает только на Великих инквизиторов, при принятии ими сана. То есть церемониал древний и тайный, глубоко укоренившийся в первобытную пору. Глупо со стороны Ураха так избирательно подходить к тому, кто достоин, а кто недостойн, видеть самую суть, но разве мне судить Бога? Когда Серэнити достигла чина «Гонитель ереси», я нашептал Вильгельму Тёмному о том, какой бы хороший из неё вышел Великий инквизитор, а он в свою очередь, замолвил словечко перед Аланом Вельстрассеном. Оп–ля! Мой сценарий завершился, как положено! Серэнити оделась в белое!

– Что с того, что ты придвинул своего Великого инквизитора к Братству Света? – протянул Валуа, все так же держа дротик в боевой готовности. – Что Хрипохор с этого поимел?

– Важный аспект! – сверкнув странными очами, ответил Канахес Илька. – Серэнити было не дано распознать тех буревестников, коих я,

её отец, приводил в Шальх. У моей дочери есть на запястье магический символ «Повязка на глазах», а я выжигал на своих рабах клеймо «За повязкой меня не видно». В Шальхе я заменил всю Канцелярию Правосудия своими приспешниками.

– Ваял Диянги из Эльпота говорил мне об этом! – возгласил я.

– О чем, об этом? – вкрадчиво осведомился Канахес.

– То, что Великий инквизитор Шарлиз Орик из Плавения, приехав в Шальх, поразила тому, как он обьят Тьмой! Что она пробралась туда в обход Серэнити и Алана Вельстрассена! Она видела вас такими, какие вы есть!

– А–а–а! Помню–помню, то уже произошло под занавес всех событий. Впечатлительная особа эта Шарлиз Орик! Ей не повезло совсем чуть–чуть. Пророчество Полного Круга должно было вот–вот грянуть, и Вильгельма Тёмного одолевали визии смерти. Констанции Демей и настоятельнице Шальха Кеатони Пресветлой, да, как и всем, кто имел реальную возможность поднять инквизицию Братства Света, чтобы изобличить меня, буревестников и нежить, уже стало не до чего. Они ворковали над Вильгельмом и не принимали аудиенций.

– Нежить? Какую еще нежить? – не врубился я.

– Терпение, об этом я еще поведаю. Так вот, я под шумок хотел подстроить дела так, чтобы Шарлиз повторила судьбу Касиуса Млута, но она сбежала от меня, шурша юбкой. Однако! Это слово «однако» мне нравится. Вы заметили? Давайте не нестись впереди коней. Откатимся назад и разложим все по полочкам.

– А нам твоя рожа не нравится, – буркнул Бертран. – Мы остановились на том, что ты в лице Серэнити упрочил для Хрипыхора плацдарм в Шальхе. Что потом?

– Дроторогор хотел, чтобы Серэнити убила Вильгельма Тёмного и забрала Корону Света, а я со своей армией помог бы ей выбраться в

Великий Лес.

– Серэнити ни за что бы это не сделала! – крикнул я. – Она – верная последовательница Всеотца!

– В этом то и заключалась загвоздка, – сказал Канахес. – Чем дольше моя дочь управляла Орденом Инквизиции, тем больше Урах имел над ней власть. Насилия, пытки и страдания «неверных» оттягивали её душу к Хрипохору, да, но справедливость и благородство, что достались ей в наследство от матери, противостояли этому. В Обители Ураха Серэнити поборолла свои врождённые корни Огня, и хоть они не покинули её совсем, она стала неуправляема. Если в семнадцать – двадцать лет я без труда помыкал ее помыслами и поступками, то к тридцати ее годам у меня это уже не получалось. Дроторогор был недоволен мной...

Канахес Илька показал на отвратительный шрам на своей мерзкой морде. Он гнил, кровоточил и по нему лазили личинки мух.

– Когда я в людском облиии – его не видно, но стоит мне обернуться самим собой, и ярость Дроторогора уже не скрыть из глаз.

– Жаль, что он не раздавил тебя, как червяка, – изрек Валуа.

– Дроторогору я нужен, поэтому он лишь наказал меня, – вздохнул живорез. – Затем все внезапно изменилось. Усоп Альбарах Красный, а ему на смену пришел Ингри Звездный Плащ. Этот Ингри баловался Тёмными Искусствами и частенько путешествовал по весям и долам, ища их энигмы и подоплеки. Вот тут...

Префект Канахес Илька нахмурился.

– Вот тут у Дроторогора и у меня пошло все немножко криво. За год до свершения Пророчества Полного Круга Ингри Звездный Плащ забрался вглубь Великого Леса, туда, куда Хрипохор не дотягивал «крючьев». Там, в Вестмарке – мрачном и стылом лихолесье, ему повстречался Некто могущественный и амбициозный, почти ровня

нематериальному Дроторогору. Король всех вампиров и ковенон, Вальгард Флейт, он же Летучая Смерть и Искуситель. Вальгард Флейт тоже имел виды на Корону Света, и ему также было ведомо о Пророчестве Полного Круга. Он пообещал Ингри бесконечную власть и принятие в королевский ковен Порхающей Ночи за то, что тот добудет ему Корону Света. С её помощью Вальгард собирался распахнуть Врата Бездны и выпустить в наш мир Назбраэля. Ингри согласился. Да и как этот дурень мог бы отказать самому Вальгарду Флейту? Никак. В Вестмарке Ингри подвергли ритуалам Тьмы и его мнимое «я» растворилась в кулаке короля вампиров. То, что я вам рассказываю, я узнал уже, когда Ингри вернулся в Шальх со своим новым как бы подмастерьем, но по сути его надзирателем и руководителем, неприметным и очень опасным кровососом, лидером антропомантов Аспида–Хаттона, Блюдером Рови. Вальгард Флейт втиснул своего протеже в Шальх, и Серэнити это просмотрела – давление Хрипохора через меня на неё не ослабевало и Высшие Силы, даже Тьмы, ей были недоступны для восприятия. Блюдер Рови околдовал Фабиана и, как марионеткой, шевелил Ингри. Он ждал приказа Вальгарда Флейта. И мы с Дроторогором тоже ждали. Мой владыка провидел и передал мне – Пророчество Полного Круга произойдет руками не Серэнити, как мы изначально задумывали, но Блюдера Рови, и чтобы я был к этому готов. В тот день, когда Вильгельму Тёмному уготавливалось умереть – я держал пальцы на «пульсе». Я уже давно расставил по всему замку Шальха буревестников Канцелярии Правосудия, по–вашему живорезов. Они сообщили мне, что Блюдер Рови вместе с Фабианом идет к Вильгельму Тёмному. Король Соединённого Королевства прибывал под воздействием заклятий Блюдера Рови и, сходя от них с ума, носил на себе Корону Света почти постоянно. Загипнотизированный Фабиан убил своего отца, а Блюдер Рови взял Корону Света и намарал то напыщенное послание. Сейчас, я воспроизведу его по памяти. Как бишь, его там?

Канахес воззрился в потолок, а затем вновь вернул взор на меня.

– «Сему есть начало. Смерть последнего короля да отверзнет Врата Бездны». Письменности Огня Хрипохора и Тьмы Назбраэля

схожи между собой. Блюдер создал портал, который был должен перенести его в Вестмарку, но все пошло у него чуточку иначе. Я подмешал в чародейство жреца Аспида–Хаттона свою собственную магическую каплю, и он вышел не там, где изначально планировал. В Великом Лесу его привечал сам Дроторогор. Надо отдать должное Блюдеру, он не спасовал и сразился с моим владыкой. Итогом тому стало то, что Дроторогор случайно разбил Корону Света на две части. В пылу схватки жрецу Аспида–Хаттона посчастливилось схватить Фабиана и половину Короны Света. Он вновь призвал портал и улизнул–таки в Вестмарку.

– Получается Корона Света ныне не целая? – спросил я.

– Да, – угрюмо подтвердил Канахес. – С её куском Дроторогор сделался осязаемым, но Вальгард Флейт, заполучивший другую составляющую Короны Света, до конца уравнился с ним по силе. Однако теперь Дроторогор и Вальгард Флейт по «осанке» уступали Таурусу Красному Палачу, что вышел из Плана и принялся охотиться за Урахом. Они более не могли воплотить свои цели, не нарвавшись на гнев Десницы Девяносто Девяти Спиц, поэтому им пришлось на время затаиться, как и мне с Ингри. Когда Урах уничтожил Тауруса, Дроторогор и Вальгард Флейт вновь активизировались. А я все посматривал за Ингри. Присматривал, и так вышло, что не досмотрел. Этот телячий интриган, он все–таки обмишурил меня.

Канахес небрежно оправил плащ Канцелярии Правосудия.

– Ингри – маг, хитрый маг, умелый, который ловко прятал свой колдовской потенциал от королевы Констанции Демей и от меня. Его бестолковое нытье и лживые как будто неумелые фокусы притупили мой нюх. Он, как оказалось, был осведомлен обо мне и терпеливо выжидал, когда нанести удар и заручиться важной информацией от королевы Элизабет Тёмной, которая позарез требовалась Вальгарду Флейту. Я считал, что ему не по «росту» раскидать карты складно, но Магика Элептерум и её Коллапс опровергли мои суждения. Как только остатки Пророчества Полного Круга, что напоследок отразилось в тебе, Кaleb, Откликом Мощи перестали витать над Шальхом и мешать

постройке энергетических мостов, Ингри получил из Вестмарки, как – не знаю, Элементарный Заря», который перенаправил на Свихнувшуюся Башню.

– И она действительно «свихнулась», – заметил Бертран.

– Кристаллом Хадингтона, его мистическим запалом, он окружил замок Шальха непреодолимым смертельным заслоном. Это не позволило мне среагировать оперативно. Ингри призвал теней и призраков, что расправились с буревестниками Канцелярии Правосудия и взяли в заложники королеву Элизабет Тёмную. Когда я со своими прочими рабами пробился через Магика Элептерум сюда, Ингри уже и след простыл. Он выведал у Элизабет Тёмной, что ему было нужно. И это взбесило Дроторогора пуще прежнего. За мою оплошность он приказал мне умереть. Здесь. От булавы моей дочери.

– Почему ты не убил Элизабет Тёмную сразу после Пророчества Полного Круга или вообще до Него? Зачем было давать Ингри возможность что-то узнавать у королевы? – осведомился Бертран.

– Дроторогор не отдавал мне такой приказ. Почему? Не понимаю.

За дверями послышался шум и крики.

– Серэнити ворвётся сюда с минуту на минуту, – промолвил я. – Она станет тебя пытаться, пока ты не испустишь дух.

– Это-то мне и нравится в моей девочке. Её кровожадность вытянет мне все жилы. Дыбы, клещи, кнуты. Я уже предвкушаю то, как они вопьются в мою плоть, – страшно улыбнулся Канахес. – Но я уже рассказал вам все, что знаю. Большого от меня не добиться.

– Все, кроме одного. Ты обошел стороной то, чего желал достичь Дроторогор в Полдень Игл, и что он намерен делать сейчас, – проворчал Бертран.

— Ах, это! — весело воскликнул живорез. — Маленький, но важный нюанс! Убить вас, всех людей, любимчиков Ураха. Созвать своих братьев из Безвременья. Распространить влияние Хрипохора от края до края. Сесть на Трон из костей и черепов, в конце концов. Все же просто, так, глупый Бертран? Да, да, я знаю, как тебя зовут и кто ты такой. Вы у меня все были под платком.

В этот миг в зал вломилась Серэнити, окруженная боевыми инквизиторами. Её булава капала свежей кровью, а бледное лицо блестело от пота.

— Демон! — крикнула она, оценив ситуацию. — Немедленно отойди от Элизабет Тёмной!

— Слушаюсь и повинуюсь, моя дорогая дочь, — промолвил префект Канахес. Он напоследок крутанул кинжал у горла королевы и, не причинив той вреда, встал.

— Преподношу себя на забаву тебе и твоему Ордену Инквизиции, — смиренно заявил Канахес Илька, подходя к моей подруге.

— Ты! Псина! Какая я тебе дочь?!

Серэнити брезгливо ухватила Канахеса за длинные патлы и рывком опустила на колени.

— Волочите эту мерзость в казематы! Я займусь ей чуть позже!

Инквизиторы, числом в десять человек, взяли Канахеса под конвой. Они заковали его руки в цепи и грубо потащили из зала. Серэнити не глядя ни на меня, ни на Бертрана Валуа заторопилась к Элизабет Тёмной. А мы тоже не отстали. Великий инквизитор опустила ладони на виски старой королевы, и из них полился свет. Элизабет Тёмная утомленно открыла глаза и обратила свой взор на меня.

— Калёб... Калёб, нас связывает Уговор Предков... Ты помнишь?

– Да...

– Моя королева, не утруждайте себя. Вам необходим отдых, – перебила Серэнити.

– Нет... Уже слишком... Я не выживу...

Элизабет Тёмная закашлялась. Она перхала и хрипела, но потом приступ её отпустил. Королева Элизабет Тёмная надрывно заговорила.

– Ингри Звездный... Плащ... Предатель... Он пытал меня... Я сказала ему, как превозмочь Дроторогора... Если в обломок Короны Света он вставит Кость Ночи, то Дроторогор окажется слабее...

– Что за Кость Ночи? – тихо спросил я.

– Древняя реликвия Тьмы... Оно находится в Вельдзе... В Гричинге...

– Гричинг никогда и никому не взять, – мягко промолвила Серэнити.

– Если Вальгард Флейт... Если он заполучит Кость Ночи, он побьет Дроторогора и раздобыв его часть Короны Света скует в Тысячелетнем Громе Корону Тьмы... Тогда Вальгард Флейт позовет Назбраэля... И нам всем придёт конец... Вальгард Флейт... питается кровью Фабиана... Так он становится сильнее... Фабиан нужен ему живой, чтобы провести обряд Призвания... Если мой внук оденет Корону Тьмы и вскрыет себе вены на Алтаре Нечестивого, то Назбраэль... Он станет Фабианом, а Фабиан ниспровергнется в Мир Тьмы...

– Что такое Тысячелетний Гром? – задал вопрос Бертран Валуа.

– Это... Это кузница, где... Урах... отковал Корону Света... Она находится...

– Где? – это я подал голос.

Элизабет Тёмная часто задышала. Целительство Серэнити не могло отодвинуть от неё надвигающуюся Смерть.

– Дроторогор... Ингри мне рассказал, что Он тут... Ему так же нужна вся Корона Света... Он пойдет в Плавень за...

Королева Соединённого Королевства Элизабет Тёмная, супруга Манфреда Второго, мать Вильгельма Тёмного, свекровь Констанции Демей и бабушка принца Фабиана умерла, так и не окончив свою фразу. Вместе с ней для меня ушла целая эпоха... Мои мысли путались и мешались... Дроторогор, Корона Света, Вальгард Флейт, Ингри Звездный Плащ, префект Канахес, Корона Тьмы, Тысячелетний Гром, Вестмарка, Блюдер Рови и Фабиан... Как вас много, фишек во Вселенском Спектакле... Тьма и Огонь вот-вот вцепятся в глотки друг друга, а мы, мы достанемся победителю... Нас не пожалеют. И молить о пощаде будет бесполезно. Секундная стрелка Предопределенности, что застыла в разбитых часах после Пророчества Полного Круга, вновь возобновила свой ход. Тик-так, тик-так – говорит она, – я не остановлюсь пока Белое и Черное, Плохое и Хорошее не сольются воедино, покуда пепел и смог не опустошат каждую пятую землю, до тех пор, пока жива Надежда. И я боюсь, что скоро мы её потеряем...

Глава 17. Хрупкость восприятия

Я стоял как вкопанный и глядел на мертвую королеву. Ни я, ни Серэнити, ни Бертран говорить не хотели. Своим молчанием мы как бы отдавали последнюю дань Элизабет Тёмной. Вдруг... Мутные глаза, с застывшими капельками в уголках, вновь обрели зрячесть...

– Урах! Отец Небесный, вы...

– Не она. Я.

Голос был Элизабет Тёмной, но слова принадлежали ни ей. Королева легко встала, и мы все отшатнулись от неё. Нагота, кровоподтеки на теле, старческая дряблая кожа – все выглядело ужасно, гадко и неестественно. И это было оттого, что Элизабет Тёмная не была собой. Она богомерзко жестикулировала и припадала то на левую ногу, то на правую. Ей завладел мой поработитель из Гамбуса, мой Хозяин и мой Господин, Привратник. Мощь и лавина, что полились из королевы, проникали в каждый дюйм естества, крутили его и изводили в судорогах.

– Калерб. Ты слышал о Короне Света?

– Кто ты?! Что ты?! – крикнула Серэнити, остервенело замахиваясь булавой.

Привратник опередил Великого инквизитора, да, как и Бертрана Валуа. Элизабет Тёмная повела сухопарой рукой и два моих друга, как невесомые тычинки одуванчика, отлетели и ударились спинами о стены.

– Ты слышал о Дроторогоре и Вальгарде Флейте? О Вестмарке и Великом Лесе? И Тысячелетнем Громе?

– Да.

– Мне неважно, что Корона Света расколота напополам. Добудь мне её.

– Но как?

Мою душу (да, душу!) пронзила такая боль, что я упал на колени и захныкал.

– Разве ты забыл свое обещание?

– Нет!

– Я приберу тебя в Гамбус, если ты не будешь стараться. Ты хочешь этого?

– Нет!

Привратник почмокал губами Элизабет Тёмной. Как же это мерзко выглядело! Нелепо! Адски! Безобразно! Королевское тело сотряс озноб и та саднящая разум трясучка, что я лицезрел в Первородном соблазне у плешивого и червивого енота, коего потом съел.

– Найди Филириниль. Он путь к свержению Дроторогора и Вальгарда Флейта.

– Хорошо! Хорошо! Хорошо! – заскулил я, мучаясь и изнывая под гнетом Привратника.

– Мое терпение не безгранично. Займись уже делом. Нашим делом. Самым важным делом.

Привратник огляделся.

– И чтобы ты поспешил, вот тебе моя Отметка Арбитра.

На моём предплечье, там, где мне некогда вытатуировали фонарь над блеклым городом, засветилось маленькое пятно Тьмы. Оно словно ожило и расщепилось на щупальца, которые впитались в мои жилы. Отметка Арбитра растворилась во мне и засела, как паразит в кишечнике.

– Оно иногда, будет причинять тебе физические страдания. Это тебя поторопит.

– Я сделаю!

– У тебя нет выбора, – промолвил Привратник, опадая на пол. Последние его слова были произнесены шёпотом: – Ты мой.

Тут же вся магическо–геометрическая вуаль вобралась в королеву Элизабет Тёмную и исчезла, освобождая нас от своего влияния.

– Это тот Привратник? – выдохнула Серэнити, приходя в себя.

– Он самый.

Великий инквизитор подошла ко мне вплотную. Она стала меня прощупывать.

– Эта Отметка Арбитра... Я не ничего чувствую... Никакой опухоли или язвы.

– Я так думаю, её так не отыскать... Даже тебе.

– Я осмотрю тебя более внимательно, чуть позже. Ладно?

– Конечно.

– Что еще за Привратник?! Что это за чучело всемогущее?! – воскликнул Бертран Валуа.

– Мне надо о многом тебе рассказать. Он – одна из моих насущных проблем, – ответил я, потирая предплечье. – Серэнити, ты сейчас займешься демоном?

– Безотлагательно.

– Я бы сам пересказал тебе то, что он тут нам с Бертраном сообщил, но... Ты же захочешь получить сведения из первоисточника?

– Так правильнее.

– Он поведает тебе страшные вещи. Я... Встретимся с тобой утром, чтобы обсудить как нам быть дальше.

– Ночи с ним мне хватит, – согласилась Великий инквизитор, проводя латной перчаткой по волосам Элизабет Тёмной. – Я распоряжусь о том, чтобы королеву подготовили к погребению, и завтра отправлю птицу Констанции Демей. А ты... Сегодня отдыхай, Шаттибраль... Выспись, если сможешь.

– Тут не сон нужен, здесь необходим бочонок вина, – вклинился Бертран Валуа, убирая свой дротик куда-то за плащ.

– Ты, тролль тебя побери, прав, как никогда! – отозвался я. – Пойдем, напьемся!

– Только не переусердствуй, – насупилась Серэнити. – В девять утра, я жду тебя в Ордене Инквизиции.

– Договорились.

Мы тихо, друг за другом, покинули зал. То, что творилось за его пределами, меня буквально повергло в шок. Всюду, в разных позах, валялись живорезы, они же буревестники Канцелярии Правосудия. Над потолками болтались, словно коровьи туши у мясника, обглоданные и изрезанные люди. И не было им числа... Головы, отрубленные головы, как мячики, засели в штыках на стропилах лестниц. Повсеместно встречались письма, куцые и тлетворные дипинти и граффити, они походили на руны Хрипыхора, но теперь я знал, что их корни лежат во Тьме. Липкий пол, свечные огарки и плодящиеся за шторами тени... И всюду непереносимая вонь гниения! Замок Шальха, когда-то светлый и многолюдный, превратился в оплот сумрака и скорби. Повстречавшийся мне слуга с раздробленными колотушкой пальцами и вывернутыми наизнанку ребрами, заставил меня стошнить. Бертран тоже брел весь зеленый. Рыцари-плютеранцы, солдаты, их сержанты и капитаны, а также жрецы Братства Света сдергивали трупы людей с веревок, а живорезов скидывали в кучи. Серэнити задержалась у одного из инквизиторов, чтобы переговорить, а мы с Бертраном, чуть ли не бегом, зашагали к выходу, наружу. Воздух... Какой же он сладкий! Какой приятный! За воротами замка Шальха я втянул его в себя всеми легкими. Бертран тоже никак не мог

отдышаться. Как две тряпичные куклы, мы на ватных ногах пошли по улицам и переулкам. Отыскать таверну, что снабдила бы нас спиртным, оказалось достаточно сложно. Столица Соединённого Королевства, как я ранее приметил, опустела и одичала. В Мышиной Дыре мы все-таки сыскали незаколоченное питейное заведение. «Шершавая Ящерица» называлось оно. В холле я насчитал всего десяток мужчин и трех скучающих куртизанок. Мы были никому неинтересны. Бертран плюхнулся на потертый стул в самом дальнем углу, так чтобы смотреть на входную дверь. Я устроился напротив него.

– Сначала ты или я?

– Давай я.

Нам принесли по пинтовой кружке отвратительного сидра. Первый же глоток обжег мою трахею едкой горечью, отдававшей яблоками и лимоном. То, что знахарь прописал. На закуску подали острые колбаски с зеленым свежим луком и вяленую рыбу. Я повел беседу о себе с того момента, как ко мне доставили в Шато письмо от Элизабет Тёмный и окончил её на третьей порции сидра. Бертран порядком охмелел, но его взгляд все так же неуклонно буравил мои глаза и изредка переезжал входную дверь (привычка).

– Говоришь, Эмилия теперь... другая?

– Светочь. Она может вернуть ей прежнюю красоту, украденную Таурусом.

–М–да... Надо за это взяться... Еще Укулукулун, Привратник, Корона Света, Дроторогор, Буль Золотобородый и его трухлявое Каменное Королевство! И прочие! Вселенная на тебя обозлилась, что ли? Что ты учудил? Достал звезду с неба? А Гамбус и Фарганорф! Толковая Каракатица, чего ты только не повидал за последний год! На толстую книгу хватит!

– Страниц в семьсот!

– Ничего, разгребем все это как–нибудь...

– Ты пойдешь со мной?

Бертран сделал маленький глоточек и промокнул рыжие усы салфеткой.

– Калев, я хочу, очень хочу, но не могу. По крайней–мере в ближайший месяц–два.

– Из–за Магика Элептерум?

– Нельзя её бросать. Ну, нельзя вот от слова «никак»! Я остался в ней единственным магом, и кто его там разберет, что станет с Шальхом и остальной провинцией, если оставить её без присмотра. Ты сам видел, на что она способна.

– Значит, уйду без тебя...

– Клянусь своей честью и своей ненаглядной теткой, упокой Урах её в Мире Света, я присоединюсь к тебе и помогу расщелкать твои заботы, как только все в Магика Элептерум придёт в норму. Я разошлю воронов к другим магистрам и попрошу их вернуться обратно. Нам надо выбрать архимага, привести все в порядок... Калев, я разыщу тебя. Где бы ты ни был. Ты веришь мне?

– Но потом?

– Да.

Я поглядел на Бертрана. Он искренне переживал за меня и... за Эмилию. То, что дама его сердца подверглась столь жестокой участи, отдавалось в нём глубоким страданием. И я тоже безмерно волновался за Весенний Шторм, потому что... Этого я Бертранию не открыл. Побоялся.

– Ты получил моё послание? Я отправлял тебе его из Ильварета.

– Послание? От тебя? Нет. Магика Элептерум до сегодняшнего дня выжигала всех и вся в радиусе семи футов. Недели подряд! Или того дольше?

Я достал из сумки блокнотик и показал Бертрану закорючки Джеда Хартблада.

– Расшифруешь их?

Мой друг задумчиво пожевал усы. Он повертел страничку так и эдак, а потом убрал к себе за пояс вырванную страницу.

– Мне не знаком этот язык.

– Я думал, ты все их знаешь.

– Ага, весь миллион и ещё десяток сверху. Калерб, я мастер–переводчик, филолог и лингвист, это так, но иногда мне попадается то, с чем я раньше не сталкивался. Твой Джек Хартблад, как пить дать, использовал тут свой собственный шифр.

– Но ты попробуешь его понять?

– Скажу больше. Я точно переведу этот текст. Мне просто нужно время.

– От твоих познаний зависит, умрет Серэнити или нет. Живая Вода может сработать в любую секунду. И я до сих пор поражаюсь, что этого еще не произошло.

– Пока Урах хранит её. Я запишу твоё задание в список – «важнее важного». Как только я составлю из «этого» что–то дельное – сразу перешлю тебе.

– Как?

– То мои заботы.

– Опять секреты?

– Если бы! – расхохотался Бертран, обливаясь водянистым сидром. – Ну вот, белую рубашку испортил! Кто постирает её, а? Ты?! Иди, стирай, тебе говорят! Правда, после боев с живорезами ее давно стирать пора...

– Не велика беда. У тебя их полным–полно в шкафу.

– Я слежу за своим гардеробом, да, не то, что ты. Весь в черном и только в черном. В одном и том же черном. Всегда!

Бертран Валуа улыбнулся своей фирменной улыбкой.

– Теперь моя очередь излиться тебе в уши.

Монолог Бертрана такими опасными приключениями как у меня, не блистал. Там он ведьму злую прижал, тут выявил тлетворного колдуна, сям победил болотных кикимор. В общем, его тоже покидало по поручениям Магика Элептерум, но все было ему по плечу, и со всем он прекрасно справлялся. За заслуги перед Свихнувшейся Башней и за долгие годы службы Уфций Ринаут вручил Бертрану жезл Шпицрутен, который умел утраивать потенциал творимых заклинаний – Огня, Мороза и Молнии. Бертран теперь усердно тренировал элементарную магию и достиг в ней определенных успехов. Мой друг продемонстрировал мне вполне сносную сферу дезинтеграции. Её появление на вытянутой руке Бертрана разогнало всех выпивох, что делили с нами кров «Шершавой Ящерицы». Трактирщик же и его дамы легкого поведения ретировались за дверь у барной стойки.

– Тебе бы Шпицрутен пригодилась больше, чем мне.

– Я и без неё прилично колдую подобные штуки, – хмыкнул я, воспламеняя Лик Эбенового Ужаса.

– Чего мне твоя палка–скакалка? Будем теперь меряться, кто в хитросплетениях волшебства осанистее да кто в мистицизме продвинулся дальше? – спросил Бертран, освобождая из покровов своего плаща десяток иллюзий–двойников. Все они стали тыкать в меня пальцами и показывать неприличные жесты. А кое–кто из них забавно кривил рожицы. Потом они обступили меня плотной гурьбой и стали плясать танцы живота.

– Хватит! Хватит! – расхохотался я, расплескивая недопитый эль на колени. – Твои фантомы кого угодно от смеха заставят умереть!

– Ты хохочи громче, так треснешь по шву!

– Моя голова скоро треснет от этого сидра! Чую, ночка выдастся в обнимку с графином воды.

– Или с тазиком?

– Типун тебе на язык!

Я и Бертран пропустили еще по паре стаканчиков захудалого виски. Мы сами взяли его с полки и положили на прилавок, в уплату за него, серебряного Манфреда Второго. Предаваясь воспоминаниям прошлого и превратностям грядущего, я и не заметил, как за окном проступила ноздреватая луна. Её бледные лучи легли между мной и Бертраном.

– Канахес Ильяка, наверное, уже испустил дух и... Насчет Серэнити... – как бы нехотя заикнулся Валуа.

– Ты про то, что Канахес наплел ей о том, что ею предводительствовал Дроторогор?

– Не наплел, а сказал правду о её родстве с Хрипохором.

– Она не поверит ему. Да и кто докажет, что префект не лжет? Никто.

– А я бы с горяча так не судил.

– Ты веришь ему?

– Как и ты.

Бертран попал в яблочко. Я уже давно подозревал о том, что Хрипыхор приложил свою паклю к челу Серэнити, но... Я гнал эти мысли. Потому что, если все так и есть, то... То, что?

– Ты клонишь к тому, что может случиться что-то непоправимое?

– Я твою подругу знаю только заочно. Известная персона, конечно... Как она отреагирует на трепотню Канахеса? Просто пропустит мимо себя или совершит что-то дурное?

– Ты намекаешь на...

– Ага. Та история с Эмилией и потеря ею красоты. Что она сделала?

– Попыталась утопиться.

– Тут не будет такого же?

Я откинул стул, на котором сидел.

– Бертран, твои мысли, я надеюсь, летят быстрее действий! Бежим!

Как ошалелые, мы выкатились из «Шершавой Ящерицы» и понеслись к Вилика Ура Светелик – внушающей пиетет площади, на которой незыблемо, уже века и века стоит Храм Ураха. Преодолев несколько мощеных булыжником дорог и десятков аллей и бульваров, Грозная Четверка в лице меня и Бертрана, запыхавшись, заколотили в золоченные ворота. Бум! Бум! Бум! Пока мы ждали какого-то отклика

изнутри, я уставился на рдеющую жаровню, что находилась неподалеку. Её угли практически прогорели... как, возможно, и жизнь Серэнити... Спустя долгих пять минут нам открыли. На пороге нас встретили четыре боевых жреца и ключник Храма. Я сбивчиво объяснил им кто я такой и кого хочу видеть. Видимо, Серэнити отдала какие-то распоряжения насчет меня, поэтому нас пропустили вовнутрь. Мне было некогда любоваться великолепным убранством Обители Всеотца, и оттого я лишь мельком отметил, как вокруг восхитительно всё устроено. Золоченые ходы-выходы, лестничные марши, колонны с канелюрами, пульсары в рамках из факельных зарниц, алтари с куманикой и слюда с хрусталем. Робкие монахи и монахини, заведя нас, нарушающих покой анфилад своим топотом, отскакивали. как от огня, и жались к вездесущим барельефам, восхваляющим подвиги Ураха. Пухленький дьячок, что должен был нас сопровождать в личные покои Великого инквизитора, пыхтел и причитал, так мы торопили его побыстрее устроить нам аудиенцию с Серэнити. Палаты Ордена Инквизиции занимали в Храме Ураха самую западную его часть, а моя подруга жила в их ядре. Перед лилейной дверью застыл лысый инквизитор с алебардой. Он растерянно перегородил нам путь своим оружием.

– Великий инквизитор никого не принимает в такой час! – попытался остановить нас инквизитор.

– Открывай! – рявкнул Бертран. – Открывай, пока я из тебя кучу навоза не сделал!

– Урахом заклинаю! Открывай или я ее выбью! – вторил ему я.

– Вы с ума сошли?!

Тут из-за угла вывернул наш ключник. Он принялся сумбурно втолковывать стражу, кто мы такие и зачем пожаловали. Пять секунд, семь, двенадцать... Я схватил инквизитора за наплечник и, откинув в сторону, повернул дверную ручку. Заперта, зараза! Концентрация... Лик Эбенового Ужаса осклабился Пламенным Цветком.

– Назад! – скомандовал я.

– Чего ты творишь?! – в один голос завопили ключник и инквизитор.

Бабах! Моя преграда разлетелась в щепки.

Инквизитор ткнул в меня алебардой, но её пресекла Пиявка.

– Бертран! Прикрой меня!

– Стража! Стража! Стража!

– Иди! – тряхнув рыжей шевелюрой, отозвался Бертран. Его фантомы уже вовсю сновали промеж мебелировки и чинных статуй героев и святых.

Небольшая приемная и три комнаты... которая из них? Та или эта?! Мне повезло с первого раза... Веревку она завязала над балкой, над той, что поддерживала люстру... Валяющийся табурет и силуэт, что повис в холоде и тишине... Заливаясь слезами, я обнял её ноги и поднял их вверх...

– Бертран! Бертран!

Мой друг с рассеченной бровью появился почти сразу.

– Руби веревку!

Не говоря ни слова, Бертран установил на прежнее место табурет, забрался на него и рассек узел Пиявкой. Серэнити опала в мои руки... Ее синее лицо и остекленевшие глаза пронзили моё нутро, как меч. Я уложил её на кровать и, судорожно, сбивая пальцы в кровь, стал рвать тугую петлю на тонкой шее. Сзади слышались крики, и Бертран метнулся за мою спину, но я не обратил на это никакого внимания. Серэнити... Серэнити, очнись! Ну, пожалуйста! Пожалуйста! Я, как безумный, тряс свою подругу и умолял не покидать меня... Мои бока

взяли в стальные тиски... Меня оттаскивали, а я брыкался и вопил, вопил, вопил...

– Жреца! Приведите сюда жреца!

Какой-то старичок в зеленой мантии склонился над Серэнити. Он потрогал взбухшую жилку на виске моей подруги и принялся за искусственное дыхание. Вдох-выдох, вдох-выдох...

– Помогите мне! – распорядился он. – Поднимите ноги вверх, чтобы её голова оказалась их ниже!

Тут же два послушника выполнили это.

Старичок сделал массаж в области трапециевидных мышц и шеи, используя принцип от центра к периферии, то есть от лопаток к голове. Потом он сильно потер за ушами и повторил вдох-выдох. Потом снова затеребил за ушами. О, чудо! Чудо из чудес! Серэнити надрывно закашляла, а я зарыдал как ребенок...

– Серэнити! Что ты натворила?! Что ты только наделала?! – мой голос срывался на хрип. – Дура! Дура! Дура!

– Калерб... – чуть слышно промолвила моя подруга, обессиленно откидываясь назад.

– Ей необходим покой! – гаркнул старичок. – Все вон! Вон!

– Нет... Пусть он побудет со мной... Пусть... А ты, Роджер, уйди...

– Миледи...

– Я приказываю... И если кто-то проболтается об увиденном... Я лично прослежу за его незавидной судьбой... Всем ясно?

– Да, Великий инквизитор! – хором ответили мужчины и женщины.

Человек двадцать нас было в опочивальне Серэнити. А осталось двое. Бертрана, так как про него разговора не было, ретиво увели за дверь.

– Серэнити, глупая моя Серэнити...

Я уперся мокрым лбом в рясу своей подруги. Её ладонь коснулась моих волос.

– Он все рассказал мне ... Я чудовище, Калерб. Чудовище. Мне нельзя жить.

– Нет! Нет! Тысячу раз нет!

– Я наполовину живорез. Наполовину та, коих ненавижу. Я демон. Я исчадьё Бездны.

Только сейчас я заметил, что её руки были все изрезаны. Те символы, что Дроторогор поместил на Великом инквизиторе, покрывала застывшая пленка крови. Она пыталась срезать их с себя.

– Серэнити, милая моя, послушай... Ты не такая! Ты человек! Ты Воля и Длань Ураха! Он тебя любит! Я тебя люблю! Эмилия тебя любит! Грешем! Снурфи! Малыш Снурфи! Помнишь его? Мурчик, тот вредный кот! Вспомни о нас, мы есть у тебя! А это уже не мало! Ты нужна нам! Такая как есть! Зачем?...

– Мой Бог и вы... Да. Но я... Я грязная, нечестивая, испорченная... Как я смогу теперь с этим быть... Носить в себе это Зло...

– А я? Я–то кто такой тогда? Я некромант! Попиратель всех Устоев и Канонов Храма! Призыватель Мрака! Убийца и осквернитель Сущего! Я – тлен и разложение, именующее себя Калером

Шаттибралем! Но ты показала мне, что такое Свет. Ты выволокла меня к Нему! И я сражался за Него, за Ураха! Такой как есть! Мы необходимы Ему! Мы – Его Орудия и Ему все равно, какое у нас происхождение! Важно только то, что есть внутри! Только это!

Моя подруга устало прикрыла глаза.

– Без тебя Хрипохор поставит нас на колени. Король вампиров, Вальгард Флейт, заполонит Соединённое Королевство призраками и ходячими мертвецами. Констанция Демей лишится своего самого преданного заступника. Орден Инквизиции придет в упадок, а я, я осиротею...

– Все они... вы...

Я стиснул кулаки и гневно крикнул:

– У тебя есть долг, Серэнити, треклятый долг! И будь добра выполнить его! Тряпка ты или Великий инквизитор?!

– Шаттибраль, как же я ошибалась в тебе...

– Пообещай мне, поклянись Урахом, что больше не повторишь такого. Никогда!

– Тебе?

– Мне, твоему лучшему другу! Здесь и прямо сейчас!

– Я... Я... Я... клянусь...

– Урахом!

– Урахом.

Я лег рядом с Серэнити и нежно обнял её за плечи.

– Спи, моя родная, спи... Сон освободит тебя от страданий.

– Спасибо... Кaleb...

Так мы и заснули. Серэнити с тесьмой на воспаленной шее, а я весь в слезах, неумытый, потный и радостный...

Великий инквизитор разбудила меня с первыми лучами солнца. Она была бледна, но её льдистые глаза горели прежним холодным огнем. Новая чистая ряса, отороченная серебром по рукавам и чудесный шелковый шарф, повязанный у горла, – такой она предстала предо мной. Серэнити, видимо, успела омыться, и от неё шёл приятный запах жасмина и эфирного масла.

– У меня есть незаконченное дело.

– Канахес? – спросил я, садясь на кровати. Вчерашний сидр бередил жилы и ломил мне все тело. Похмелье! Как интересно Бертран себя чувствует? Небось, завалился прямо на порожках Магика Элептерум и засопел.

– Твой перегар отвратителен.

– Прошу прощения, леди.

– Да, Канахес. Я велела сжечь его.

– Прилюдно?

– Нет. На заднем дворе моего Ордена. Народу Шальха видеть его отвратительный лик воспрещено.

– И это произойдет вот-вот?

– Мне нужно... Чтобы ты был рядом со мной. Иначе я могу... Сорваться.

– Я тебя понял. Идем.

Не каждый календарный день инквизиции Шальха ознаменовывается аутодафе. А тут... предавать огню будут не мелкую сошку, а самого префекта Канцелярии Правосудия, живореза–буревестника, пособника Хрипохора, личного ставленника Дроторогора и отца Серэнити. Как я уже много раз говорил – я не тот, кто приходит в восторг от чьей–либо смерти. А такая вещь, как костер и живое на нем существо... Нет, это не про меня. Однако я должен поддержать Серэнити. Я обязан не позволить ей потерять саму себя и предотвратить её прыжок на пылающие дрова Канахеса. Ведь, он... её отец. О, Вселенная, он её папа! Что сейчас творится внутри Серэнити?... Шторм...

Дворик, где треугольником накидали поленьев, сиял зеленью и ухоженностью тропинок. Птички пели в кронах деревьев и поклевывали зерно в кормушках. Сливы, сочные мягкие сливы, гроздьями свисали с веток. Я сорвал одну, потер о полу мантии и надкусил. Кислая! Почему? Я выкинул фрукт и начал готовить себя морально к тому зрелищу, что должно было тут произойти. Серэнити судорожно крутила медальон Ураха. Её челюсти, казалось бы, сжались до хруста. Она заплела свои роскошные волосы в тугую косу и теперь, грозно красивая, но необычайно дерганная, ждала, когда приведут живореза. В цепях на руках и ногах, его спустя пятнадцать минут, вывели к лобному месту. Следы вчерашнего допроса мириадами засечек и нарывов, исполосовали Канахеса Ильку сверху донизу. Глядеть на него было страшно! Заплечные мастера Ордена Инквизиции постарались над ним на славу. А ведь когда–то, не так давно, если бы не Серэнити. меня бы запекли в «медном быке». Тогда Эмилия поскользнулась и из её сумки выпал амулет, извращенный Дромбильхвалем, покровителем Лунных Врат. Послушники инквизиции тогда схватили нас и пытали, но Серэнити появилась вовремя и спасла наши души. В ту зимнюю пору Сон–Травы (первый месяц зимы) она еще не стала нам подругой, и только приказ Констанции Демей – не причинять вреда королевским гостям, отодвинул её десницу от желанной потехи.

Канакеса подняли на эшафот и грубо привязали к столбу. Поленья обильно полили смолой и закидали сухим валежником. Инквизитор, весь в черном и в бесстрастной маске, оцепенел с факелом в руке. Через прорези маски он неотрывно смотрел на Серэнити, ловя любой признак её «отмашки» начать.

Моя подруга подошла к живорезу.

— Я, Серэнити, Великий инквизитор Иль Градо и примас Братства Света, начинаю судилище над отпрыском Тьмы...

Её голос чуть дрожал. Усилия, которые она прикладывала к себе, чтобы не сорваться на крик, ощущались мною почти физически.

— Моя доченька так выросла, — улыбнулся Канакес выбитыми зубами.

— Во благо Соединённого Королевства!...

— Так возмужала!

— И всего человечества!...

— Моя жестокая и непримиримая малышка!

— Властью и Законом Ураха!...

— Ах, как же ты хороша!

— Я приказываю!...

— Любуюсь тобой! Скажи это уже своему папочке!

— Казнить тварь Великого Леса!

Костер вспыхнул озорно и весело, а дикий ор Канакеса Ильки лишь подстегивал его темперамент. Запахло жареным мясом...

– Ты принадлежишь Дроторогору! Ему! И Хрипохору! Тебе не изменить саму себя!

По щекам Серэнити потекли прозрачные ручейки, но она стояла с высоко поднятым подбородком. В этот момент я гордился ею и, вместе с тем, испытывал жгучую боль за неё. Серэнити страдала, ох, как она страдала.

– Катись в Бездну к Назбраэлю! – заорал я в ответ, заслоняя собой подругу.

– Шаттибраль! Ааааа! Калерб Шаттибраль! Сердобольный и глупый маг из Шато, что у Моря Призраков! Уааааа аааа! А ты не знал о том, что... уаааа, что... Серэнюшка, твоя Серэнюшка, эта льдинка–снежинка, моя плоть от плоти, она... над ней надругались в монастыре Ордена Креста, как над панельной девкой!...ааааа! Когда она была послушницей, аббат запирали её в своей келье совсем не для того, чтобы читать молитвы! Ууууууу! Ааааа!

– Ложь! – несвойственно тонко воскликнула моя подруга.

– Шаттибраль! Я же... аааааа... говорил тебе, что у моей дочери нет от меня секретов... ааааа! Тот аббат, я специально вклинил ему в голову похоть... Уаааааа! Я разжигал ненависть в Серэнити и начинал в ней отчаяние... Ааа! Пока он, раз за разом, брал её, скованную моей магией, она опускалась в яму самобичевания, которая потом, как море... Уаааа! Вылилось из неё потоком линчевания, деспотии и репрессий...

– Заткнись! Заткнись! – иступлено взревела Серэнити. – Подохни, уже! Подохни!

– Ааррррххх... Жаль, доченька, Калебу тебя жаль... аааааа, ты стала безумной, испорченной и одержимой, как я того и хотел!...ааа! Ха! Исковерканная душа, познавшая грубость и распущенность жирного борова, облаченного в рясу Всеотца... Она ненавидит всех

мужчин, и стыдиться саму себя! ... аааааа! Не выйти замуж моей доченьке, нет, не выйти...Уаааа! Расскажи Калебу, что ты учинила с тем аббатом, когда мои буревестники заявили в Орден Креста? Ты убила его! Забила жирандолью! Любо–дорого было смотреть! Не мои рабы, а сама! Аааааа! Тогда ты убила человека в первый раз! Уууу... Как же я праздновал тот день! Как пьянствовал! Ныне ты убиваешь всех и вся! И меня... Лапочка моя... Аааа! Меняяя...

– Какой же ты мерзкий–премерзкий гад! – хрипло заорал я, неосознанно оголяя Альдбриг.

– Хахаха! Ааааарх! Серэнити... Её удел – вечная мука...

Префект Канахес Илька наконец умер. Немногочисленные свидетели его предсмертных высказываний, инквизиторы и миряне, всю таращились на Серэнити и меня.

– То, что живорез тут кричал, не имеет никакого смысла, – ровно проговорила Серэнити. – Помутнение рассудка.

– Госпожа великий инквизитор, его речь... Он как будто бы вас знал... – залепетал какой–то служка.

Серэнити схватила его за рясу и притянула к себе. Нос к носу.

– Мое имя известно всем живорезам Великого Леса и Леса Скорби. Я их уничтожаю. Безжалостно и методично. Где бы они ни скрывались.

– Он сказал – дочь... и Орден Креста...

– И ты поверил?!

– Нет, миледи, нет...

– Я дочь Ураха и больше ничья!

Серэнити отшвырнула паренька в руки другого инквизитора.

– Твой послушник слишком впечатлительный и не способен отличить истину от бреда. Ты не находишь? Может он, как и ты тоже, не пригоден для Ордена Инквизиции?

– Госпожа Великий инквизитор! Нет! Он еще очень молод! Не подумал, брякнул... Я проведу с ним беседу! Он... я... мы исправимся!

– Я проверю это.

Серэнити порывисто развернулась и зашагала прочь, а я за ней.

– Я...

– Ты хочешь обсудить это, Шаттибраль?!

Глаза Серэнити лучились силой и такой яростью, что я аж попятился назад.

– Вижу, что хочешь. Пошли.

Моя подруга, как валькирия, прошествовала по анфиладам Ордена Инквизиции. Её рабочий кабинет представлял собою округлую комнату со столом и десятком шкафов. Древние манускрипты, письма и книги заполняли все свободное пространство. Моя подруга отцепила булаву и вложила её в стойку. Потом она села и, глядя на меня в упор, не мигая, спросила:

– Веришь ему?

– Нет, – тут же ответил я, ерзая на маленьком стуле, расположенном напротив впечатляющего кресла Великого инквизитора.

– Врешь!

Серэнити кинула в меня охапку бумаг.

– Врешь! Врешь! Врешь!

– Он...

– Он сказал правду...

Серэнити опустила глаза.

– Но не всю.

– Это как? – осмелился спросить я. Моя подруга находилась на взводе, и я боялся, что она меня попросту разорвет. Такой у неё сейчас был вид и настрой.

– Я действительно убила того аббата, но только после того, как он кинул в лапы живорезам одну из наших сестер, чтобы, пока они с ней расправляются, сбежать из Ордена Креста через черный вход.

– Ты поступила...

Серэнити вскинула на меня взор. Подобный айсбергу и полярной ночи он прожигал насквозь.

– Только Урах может вынести мне вердикт за мое деяние! И я приму его! Но не от тебя, ни от кого другого я не буду слушать ни порицаний, ни сочувствий!

– Я бы сам его убил, Серэнити... За то, что он сделал... Провалиться мне на этом самом месте к Назбраэлю, если я так не думаю!...

– Не надрывайся!

Серэнити помолчала, а затем добавила:

– Это мой позор, те дни и ночи... и я должна с ним жить. Прошу тебя, никогда не заговаривай со мной об этом.

– Я не буду, но... прими к сведению. То, что с тобой произошло... Я об этом буду молчать вечно. И вот ещё что. Произошедшее в детстве... Это событие, никак не повлияет на моё отношение к тебе.

Моя подруга сжала латные рукавицы. Потом их сняла и размяла костяшки пальцев.

– Мы знакомы с тобой всего пару месяцев. Ты меня совсем не знаешь и твое, как ты высказался, отношение ничего для меня не значит.

– Родная, сейчас врешь мне ты.

– Шаттибраль! По лбу получишь!

– Ты мне небезразлична. Это так. А я тебе. Я хочу быть рядом с тобой в трудную минуту. Эта минута – такова.

– Мне не нужна жалость!

– Ты не так интерпретируешь мои слова. Я про то, что к тебе никогда не относились как к подруге. Не поддерживали. А я, я делаю это искренне и потому... Ты почувствовала еще там, в Эльпоте, что есть те, кому на тебя не начихать. Это странно, но это так. Даже ты, Великий инквизитор Иль Градо и примас Братства Света можешь быть нужной. И есть те, кто воспринимает все твои «язвы» как свои собственные.

– Прекрати уже! – прервала меня Великий инквизитор, со слезинкой в глазу, опрокидывая графин с водой. Он разбился.

– Хорошо, это хорошо... Серэнити? – позвал я, поднимая с пола кусочки керамики.

– Что?

– Я всегда мечтал о такой сестре, как ты...

Серэнити посмотрела на меня долгим взглядом. Она глубоко вдохнула воздух, а потом резко сменила нашу тему:

– Отправляйся в Карак. Я от имени Алана Вельстрассена возглавлю Братство Света и соберу монашеско–военную армию Иль Градо и Вельдза. У нас нет полководца Света, как и Архиурата, поэтому я займу этот пост. Когда с организацией будет покончено, а на это уйдет время, я пошлю весточку в Ильварет к Констанции Демей и Алану Вельстрассену, а там стану действовать согласно их указаниям.

– Ты думаешь магистры Братства Света Иль Градо и Вельдза примут тебя как полководца Света?

– У них нет выбора, – блекло хмыкнула Серэнити. – Мне суждено «поднять» кулак Ураха против Его врагов. Кто это захочет оспорить – пожалуйста. Однако предполагаю, что таких не отыщется.

– Ты повернешь знамена Братства Света против Плавеня и Керана?

– Да, если мне так велят. Пока же мой приход займется врачеванием армии Кирфа Маяна и сдерживанием живорезов у Леса Скорби. Тварям ни за что не добраться до Кости Ночи в Гричинге. Я позабочусь об этом. Я...

В окно ударился пушистый комочек. Серэнити открыла форточку и бережно взяла в ладони вяхиря. Тот взмахнул крыльями. Белые пятна на их верхней стороне будто сверкнули. На лапе вяхиря болтался свиток. Моя подруга отцепила его и, пробежав глазами, отдала мне.

– Это тебе.

Письмо, что принесла птица в палаты Ордена Инквизиции, написал Бертран Валуа. Он, как и многие, пользовался голубиной почтой, но голубям предпочитал вяхирей. Я погладил вяхиря по макушке и принялся читать.

«Калерб. Знаю, что у тебя много забот. У меня тоже. Я безотлагательно занялся Магика Элептерум, поэтому прощаюсь с тобой через моего Френки. Куда бы ни завела тебя дорога, я, как со всем покончу – присоединюсь к тебе. Передавай Альфонсо Дельторо мой пламенный привет. Про Живую Воду помню! Не беспокойся! До встречи и береги себя! Твой Б. В.»

– Серэнити, я пойду, – сказал я, свертывая свиток трубкой. – Мы...

– Мы непременно увидимся, – кинула Великий инквизитор. – Да направит нас Урах.

– Аминь и...

– Да?

– Ты не бросишь в меня сейчас чем–нибудь?

– Говори, Шаттибраль!

– От тебя веет непогодой и морозом, но я все равно люблю Вас, Ваше Снежное Величество!

Серэнити впервые за все утро улыбнулась.

– Видно, мне уже от этого никуда не деться?

– Авторитетно заявляю, что это точнее точного.

– Эх, надо было тебя все–таки прибить еще пару месяцев назад.

– Серэнити! Надеюсь, что это шуточка?

– Самая настоящая. Топай.

Я обнял свою подругу (она даже не отстранилась) и поспешил покинуть Храм Ураха. М–да. Эта история с Орденом Креста... Бедная моя Серэнити... Еще и её суицид... То, что мне удалось его предотвратить, наполняло меня чувством отрады, но... не повторит ли она свою попытку? Нет, она поклялась... Теперь я спокоен. Ох, если бы не Бертран и его прозорливость, то произошло бы непоправимое... Бертран всегда чувствует, откуда ветер дует. Это у него с рождения.

Улицы Шальха, серые и безликие, населенные рядами домов и особняков, повели меня к Толкучке. Нет, я шел не к Магика Элептерум, что дыбила свою фигуру напротив базара. Сейчас, считая двухскатные крыши и столбики печных труб, я желал посетить Анонимного Дельца. Зачем? Конечно же, из-за Эмилии. Ио, в Первородном Соблазне, поведал мне, что Безымянный поможет отыскать Светочь, и раз я в Шальхе, надо расспросить его о ней.

Закоулки и переулки, тупички и параллели мостовых наконец вывели меня на свалку на задворках полупустой Толкучки. От неё пахло помоями и навозом – то самое место. Вывеска «Анонимный Делец», измазанная сажей и запорошенная пылью, едва виднелась среди баков, коробок и разбросанного тряпья. Я постучал в неприметную дверь. Тихо. Я постучал настойчивее. То же самое. Он, что? Оглух? Я забарабанил со всей дури. Скрипнули засовы, и створы мягко распахнулись. Тут он, тут! Никуда не делся, лиса! Я вошел вовнутрь и стал спускаться по порожкам. Сыроватый туннель провел меня по спирали и вывернул в круглую коморку, уставленную всякой всячиной. Помигивающие шарики света томно плавали в застоявшемся воздухе. Я поводил головой туда–сюда.

– Безымянный!

– Ты вернулся?

Троль, зеленый, с длинными когтями и в сюртучке осторожно выскользнул из-за стойки со слабо фосфоресцирующими растениями. На его переносице засели волшебные очки. Он оценивающе осмотрел меня через них и вздохнул:

– Узилище Ярости сработало не как надо? И ты явился за Фиалом Сна и своими деньгами?

– Нет.

– Тогда, что?

– Вижу, бизнес у тебя больше не процветает.

– Временные неудобства. Магика Элептерум и раньше выкидывала нечто подобное. Люди уходят из Шальха, а затем стекаются в него вновь. Месяц–два, и моя торговля возобновится.

Я оперся о Лик Эбенового Ужаса и положил подбородок на его изуверский череп.

– У меня к тебе есть вопросы.

Троль ослабился.

– Задавай. А уж я определю им цену.

– Мне необходимо знать, что такое Светочь, и где искать её осколки.

– Светочь? – троль как бы попробовал это слово на вкус. – Осколки?

– Именно.

– Был некогда такой артефакт. Был... И кое-что мне известно о нём, а о кое-чём будет необходимо навести справки.

Я отстегнул от пояса мешочек с монетами и Безымянный громко расхохотался.

— За эти гроши я даже хлебушка себе не куплю. Пойми, продукты мне добывать... немножко сложно.

— Что ты хочешь?

Троль задумался. Его голубые зрачки через очки оглядели меня сверху донизу.

— То чудесное покрывало, что в твоей сумке?

— Нет.

— Твой миловидный посох?

— Тоже нет.

— Какой ты несговорчивый, маг. Сапфировый шарик?

Я отрицательно покачал головой.

— Про все остальное — тоже нет? Тогда маленькая услуга?

— Какая? — выдавил я.

— Я из «Анонимного Дельца» практически не выбираюсь, но иногда такая потребность у меня появляется, — повел свою речь Безымянный. — Это случилось в конце зимы. Некий колдун, такой же, как ты, хмурый и нелюдимый, за одну мощную штуковину расплатился со мной зачарованным золотом. Вот оно лежало у меня в сейфе, а вот оно превратилось в грудку железных пуговиц. Он обманул меня. А я не тот троль, что забывает такое.

— Почему твои очки не разглядели подвоха?

– Этот колдун. Он представился Бингсом Флаерсом. Он как-то притупил свойство моих очков.

– Специфическая магия?

– Понятия не имею, как. Со мной такое случилось впервые.

Безымянный провел длинным бледным языком по черным губам.

– Разыщи его и заставь пожалеть о своем некрасивом поступке.

– Убить его?

– Нет, нет. Смерть слишком легкое наказание для Бингса Флаерса. Пусть вкусит горечь отмщения. Пусть раскается в содеянном и приползет ко мне на коленях, – проскрипел Безымянный, вынимая из ящичка кривую спицу с рукоятью в виде змеи. – Уколи его Гадюкой.

– Она смочена ядом?

– Такие подробности обязательны? Да, её острие смазано веществом из Ноорот'Кхвазама. Не поранься ею, а то... Ну а то сведения про Светочь тебе уже не понадобятся.

– Где мне искать Бингса Флаерса?

– Хороший вопрос. По его оговоркам, сказанным, как бы, между прочим, он вроде бы должен был податься в Великий Лес. Куда конкретно? Вселенная его знает.

Тролль показал мне обычную гальку (таких пруд пруди, валяются на побережьях Моря Призраков и Абрикосового Моря).

– Как только Гадюка вопьется ему в плоть, этот камушек станет красным. Так я узнаю, что ты выполнил мое поручение.

Задание Безымянного меня несколько подкосило. Бингс Флаерс – лишь один из миллионов и миллионов людей, и разыскать его в Великом Лесу и пырнуть Гадюкой это... Это несколько затруднительно. Но что делать? Хотя я и не сторонник «преподношения таких подарков», тем более от хитрого тролля, придется согласиться. От этого зависит счастье Эмилии, а для неё я сделаю все, что угодно. Бингс Флаерс, прости, ты мне никто и ничего дурного мне не причинял, однако Гадюка непременно передаст тебе привет от Безымянного.

– По рукам.

– Спасибо. Это многое значит для меня, поэтому я кое-что поведаю тебе про Светочь уже сейчас. Небольшой задаток, – просипел тролль.

– Я слушаю, – превращаясь в «само внимание», сказал я.

– Светочь – это фиал, сотворенный величайшим мастером–колдуном и элементом из Клирдвайта. Лаэхе Отступником, Сыном Антиматерии и отцом Ютвинга – существа стародавнего и мудрого. Светочь предназначалась для поддержания вечной стабильности частиц–тела Лаэхе, но у нее были и другие эффекты, мрачные и прекрасные. Кунглонд Разоритель, дракон из Впадины Бесконечности когда-то заинтересовался Светочью и напал на Лаэхе Отступника. Их бой окончился тем, что Лаэхе погиб, но Светочь не досталась Кунглонду. Издыхая, кудесник–элементаль Клирдвайта запустил её в солнце и от соприкосновения со светилом, она раскололась на части, которые разлетелись по всему миру. Солнце упокоило их в самых недоступных местах, чтобы Кунглонд Разоритель никогда не смог до них добраться. По преданиям, что дошли до меня, я знаю, что один из фрагментов лежит где-то в Соединённом Королевстве, а, может, и не один...

– Он уже есть у моей подруги.

– Тем лучше, потому что другие, так сказать, схоронены в иных землях.

– Тебе ведомо в каких?

– Нет, но я потяну за свои ниточки–информаторы, если ты разберешься с Бингсом Флаерсом.

– В следующий раз, когда я приду к тебе, ты мне о них поведаешь.

– Не сомневайся, – хохотнул тролль, вкладывая в руки мне Гадюку. – Сделай то, что я прошу, и я разузнаю для тебя о Светочи куда больше.

– И как соединить её обратно воедино.

– За эту информацию ты уплатишь чем–нибудь другим.

– Какой же ты жадный!

– Это моя работа, быть жадным, – осуждающе прищелкнул Безымянный. – Я неставляю свою помощь на аукцион за бесценок. Бизнес и ничего личного. Для меня важна прибыль.

– Отлично, – скрепил я. – Ты получишь, что просил.

– С тобой приятно вести дела.

Тролль повертел перед моими глазами гальку. Как только она окраситься в красный, я примусь за поиски обломков Светочи.

– До свидания, – сказал я, закутываясь в плащ.

– До встречи, – расплылся улыбкой тролль.

Потирая зеленые ладони, он проводил меня до выхода из Анонимного Дельца.

– Светочь, – прогнусавил Безымянный мне в спину. – Значит, Светочь...

– Угу, она, – кинул через плечо я. – Не смей надуть меня, а то Гадюка поцелует твой живот.

– Опять ты за свои угрозы? Куда уж без них? Да? – вздохнул тролль. – Вы все, маги, такие? Пытаетесь казаться устрашающими?

– Видимо, да, – сказал я, покидая Безымянного.

Я шел к Мышиной Дыре и думал о том, что разузнал у тролля. Светочь, получается, создал Лаэхе Отступник. О нем я ничего не знал. Многие тысячелетия в Клирдвайте, утлой и неприглядной стране пороков и деспотии, правит Ютвинг – некое создание, принявшее человеческий облик. Неоспоримо, что сейчас он самый сильный и могущественный из всей моей волшебной братии, а его отец... Кем он был? Элементаль? Сын Антиматерии? Что, или кто такая эта Антиматерия? Что-то из литературы должно пролить свет на личность Лаэхе и его мать, о ней я тоже хочу знать. Так же Кунглонд Разоритель... Следует поковырять книги и о нём, потому что про него мне известно не так и много. Кунглонд Разоритель, он же Повелитель Впадины Бесконечности, Вызыватель Бронзового Дожда и Зачинатель Болезней, на иерархической лестнице вирмов стоял чуть ниже легендарного Фисцитрона Венценосного короля всех драконов древности, рядом с Ольфирндбалем, Змеем о Пяти Головах и Хглимом Ледяным Дыханием. Кунглонд Разоритель был повергнут Урахом в войне Власти, но песни о его бесчинствах и свирепствах барды и ныне поют в тавернах. Оранжевый День – та пора, когда с неба года и года капала расплавленная магма и Лихорадочная Метель – поветрие, что уничтожило треть всех живых существ еще, когда Дроторогор с другими Владыками Хрипыхора открыто ходил по долам и весям – его заслуги. По описанию, что дают нам испорченные и заплесневелые тома ранних летописцев, основанных на беседах с шаманами живорезов, Кунглонд Разоритель размером превосходил некрупный замок, а его пламя крушило целые горные цепи и иссушало моря.

Однако, что интересно, Кунглонд Разоритель не всегда показывался в миру, как дракон, он мог принимать и гуманоидную форму. Высоченный, в капюшоне, под которым нету ничего кроме пустоты да расплавленных очей, и в приливающих чешуйчатых доспехах цвета ржавчины – таким его преподносили живорезы, и таким видели его Дроторогор и прочие Боги–Идолы Хрипохора. На выцветших картинках в левой ониксовой перчатке Кунглонд всегда держит весы Суда, а в правой сжимает Мертвую Деву – злотворную шипастую оглоблю, распространяющую мор и чахотку. Предполагаю, что он пытался достать осколки Светочи, и раз у него это не получилось, то припрятаны они на совесть, но... Солнечный Лут, лепрекон пленивший Эмилию и Серэнити на подходе к Эльпоту, каким–то образом завладел одним из них. Как? Случайно ли разрыл какую–то норку и попросту наткнулся на блёсточку, что обжигала его холодом? Допустим. Вот бы так же легко потом и мы с Эмилией заполучили все остальные составляющие Светочи.

Я почесал затылок. Этого мало. Моего умственного багажа здесь мало! А тут ещё Бингс Флаерс! Нарисовался так в мои планы ненавязчиво! Мне теперь придётся прочесать весь Великий Лес в поисках него. Благо или, скорее, несчастье, что я туда пойду разыскивать Тумиль'Инламэ с захороненным в нём Легией. Так, Калёб, не спеши, прежде всего Филириниль, а затем Бингс Флаерс. К нему я всегда успею вернуться, а авось, так сложится, что он и сам как–то подвернётся на пути. Вселенское провиденье непредсказуемо. Кто разберет, что там повстречается в моих приключениях? Приключения! Вообще это слово мне не нравится. Оно отдает рыцарскими подвигами, лощёными сказками, духом свободы и возвышенным самопожертвованием за какой–нибудь платочек принцессы. Приключения, как по мне, это совсем иное. Это стоптанные сапоги о мили и мили дорог, это зачастую голод и кровь, оторванённость от дома, от родных и от близких, это вечная осторожность и балансирование на краю лезвия. Нет, приключения – это не смазливая история о ловкой победе над нерасторопным драконом и спасении королевства, нет. Приключение – оно не такое. Оно утомительно. Оно жестоко. Оно смертельно. Только те, кто действительно познал на себе «приключения», никогда ими не

похващаются и не покичатся. Вспомнят, да, но и только. Я, Калев Шаттибраль, старый вояка и опытный маг, завсегдатай Грозной Четверки, брат по крови клану Надургх, ведьмак Оплота Ведьм и Леса Скорби, любимец Вселенной и игрушка в дланях Богов, мог бы наговорить о себе такого, что отпадет любая челюсть. А оно все правда. Я не выдумщик, не враль и не фантазер. Уж такая у меня выдалась жизнь – гиблая и роковая. Это мой жребий и мой удел, нести на себе груз опасностей. Другого мне не дано.

Глава 18. В Энгибар

От Шальха до Энгибара, роши друидов и рейнджеров, я пошел пешком. Юнивайн мои призывы проигнорировал, и мне ничего не оставалось делать, кроме как довериться «своим двоим» (нанять повозку, нет; додуматься до этого – это не про меня). Весна вошла в пик своего расцвета. Зеленая трава у обочины, поросль диких нарциссов и медуниц, а также кустарники жимолости, жавшиеся к кромке лесополосы, – все это приводило меня в восторг. Я неоднократно упоминал, что больше предрасположен к зиме и осени, слякоти и снегу, но и эта пора обновления и рождения нового заставляет меня внутренне трепетать. Мои волнения принадлежали насущному, но лепота, окружающая меня, как-то смазывала острые углы и придавала уверенности. Отодвинув в сторону свои страхи перед грядущим, я сосредоточил мысли на том месте, где жил Альфонсо Дельторо, мой закадычный и вечно волнующийся за все друг. Энгибар – это своеобразное поселение, в основном состоящее из хибар, возведенное в дубраве Медвежьей Угодья. Если добраться до Оленьей реки, что протекает от Шальха всего в двадцати милях к западу, и в городе–порте Дарне купить себе место на когг или бриг, то всего через день плаванья можно достичь крепости Огнеморт (ныне последнего бастиона защищающего столицу Соединённого Королевства от посягательства Плавения), а от него до Энгибара будет уже идти всего ничего. Если бы осажденный Десницей Девяносто Девяти Спиз Эрменгер, к которому меня, Серэнити, Эмилию, Грешема, Снурфи и Мурчика–Огурчика послала королева Констанция Демей не лежал много восточнее Оленьей реки, то мы бы тогда,

возможно, успели бы спасти его жителей от их незавидной доли. Кто знает, кто знает...

Так вот, вернемся к Энгибару. В нем проживает чуть больше полутора тысяч «ревнителей природы». Они воздают хвалу Урагу и чествуют Братство Света, но есть у них и иное, собственное Божество, даже не Божество, а Дух Зелени. Он или Оно, уж тут не разберешь, покровительствует всем братьям нашим меньшим, наряжает деревья плодами и обогащает землю урожаем. Милый такой «наставник и чудотворец». В Братстве Света Духа Зелени принято считать малым святым помощником Всеотца, поэтому инквизиторы не притесняют скромных уроженцев Энгибара. Капище Духа Зелени занимает центральное место в их поселении, и на праздники Овсяницы, Ячменя, Лисы и Пахоты, да и прочих, жители преподносят ему (как и Урагу, разумеется) в дар овощи, фрукты и молодое вино. Есть в Энгибаре легенда о том, что именно Дух Зелени показал праотцам людей, где Он (Оно) желает возвести себе Дом. Энгибар вообще благолепный уголок, свободный от распрей, претенциозности и суеты. Его рейнджеры и друиды всегда высоко ценились в Соединённом Королевстве. Их ученость и познания о флоре и фауне не вызывают сомнений, а искусство врачевания бальзамами, притирками и припарками не уступит по своей эффективности даже вышколенной лечебной практике Алхимикус Деторум. Упомянем так же, что из своих пенатов Энгибар выпустил немало знаменитых личностей. Кларк Гвоздь и Доска – гениальный плотник и ремесленник, Инга Блаунт – друидесса, спасшая короля Барбадоса Тёмного от своры кабанов, что спустил на него Безумный Лесник, Глухарь Пересмешник – удивительный мастер оружейник, создавший пару десятков волшебных луков, Агая Красивая – неимоверной пригожести девушка, сберегшая последних львов Иль Градо от охотников, уведя их за Великий Лес, Салавар Молчаливый, умевший приручать волков, и, наконец, о ком отдельно упоминаю, сестры Ольвелла и Нипра Харингтоны – первые, кто приготовил столь почитаемый и знаменитый полынный напиток «Зеленый чаек». Харингтоны, травницы по профессии, занимавшиеся изготовлением лекарственных снадобий, некогда дистиллировали полынно–анисовую настойку в небольшом перегонном аппарате, которая не только крепило тело, но и дурманило голову. В Энгибаре, а потом и за его

пределами, «Зеленый чаек» пришелся по нраву почти всем и каждому. В его финальный состав входили так же ромашка, фенхель, вероника, кориандр, иссоп, корень петрушки, мелисса, шпинат. «Зеленый чаек» бывает коричневый, желтый, синий, красный, но чаще зеленый – таков его классический натуральный цвет. Помимо бодрящих и обезболивающих качеств, от напитка, если его употреблять не в меру и пристраститься к нему, можно получить и вред. Систематическое употребление «Зеленого чайка» способствует отравлению организма от токсичного вещества, которое содержится в горькой полыни – оно навлечет на него ряд негативных последствий и эффектов. Опыание напитком напоминает действие некоторых наркотических препаратов, которые вызывают общее возбуждение, изменение сознания, бред и немотивированную агрессию. Иногда при употреблении «Зеленого чайка» у людей даже возникают галлюцинации. Жрецы Зеленого Духа частенько вкушают его до одурения, чтобы воочию лицезреть, как они говорят, своего Покровителя. Как там ни крути и какие бы «за» и «против» не выдвигай, а «Зеленый чаек» все-таки замечательная штука. В разумных пределах, естественно! Я с большим удовольствием пропущу стаканчик крепкого нектара в компании Альфонсо. Уже жду–не дождусь! Но все в меру! А то потом лыка вязать не буду! Хе!

Только далеко за середину дня я с пригорка увидел тихую гладь Оленьей реки. Мне повезло, часть пути я проделал на телеги семьи Ноглов (одумался, что можно не только топать, но и ехать). Эти Ноглы оказались славные ребята. Отец их – Ханис, солевар, а его жена Пия – швея. Ханис погонял стареньких кляч, а я с Пией и её шумливой детворой (аж четыре ребенка выносила, молодец!) беззаботно болтал о погоде, тканях–иголках и трудностях материнства. Я расстался с Ноглами у развилки, что вела на городок Ревью, поблагодарив их пригоршней серебра. Для них – это целое богатство, а мне не жалко, я люблю делать подарки. Ах, как же Пия мне желала всяческого добра и процветания! Искренне и нежно! От её слов с моего лица ещё долго не сходила улыбка.

Я спустился с кручи и затопал к реке. Оленья несла свои воды на юг, ну и я вместе с нею подался туда же. Вечером меня уже впустили в

Дарн. Его неказистые стены из черного камня сочились влагой, а у подножья бугрились ракушками. Дома здесь в основном кряжистые и прочные светились изнутри свечными лампадами. Хороводы теней блуждали по вытоптаным кирпичным мостовым... Мне хотелось спать, и я зевал, но решил для себя – заночую только в каюте корабля, который поплывет в Огнеморт. В доках, рассчитанных на две дюжины судов, я легко сыскал того, кто исполнит моё желание. Капитан Еверхай, седой такой морской волк в шляпе–козырьке, сюрко и полосатых штанах, посчитал выданные мною монеты, после чего распорядился провести меня в кубрик и выдать циновку. Мою подстилку из сена, камыша и лыка примостили на незанятой широкой нише, рядом со спальником помощника кока. Отправиться к Огнеморту «Леди Кэндис», так звалась моя каравелла, должна была рано утром, поэтому я перекусил тем, что мне дали (окунями, съедобными водорослями и хлебом) и повел разговор с помощником кока. Он знал кучу всяких рецептов, былей и небылиц, коими охотно со мной и поделился. Чтобы я слушал его внимательно, этот курносый мальчишка лет тринадцати притащил мне подогретого вина с пряностями и фисташек. Мелочь, а от неё как-то уютнее и теплее стало! За угощения и истории о русалках, кораблях–призраках и речных чудищах, я наградил мальчугана тем, что у меня еще плескалось в кошельке (троллю я его не оставил). Мои денежные запасы практически иссякли, ну да ничего, еще раздобуду где-нибудь. Вселенная – дала, Вселенная – взяла, так уж заведено у Нее. Под качку волн и посапывание парнишки я погрузился в сон... Луковое Спокойствие... Оно выпало из моей разжавшейся ладони...

Этот океан не имел границ. Не имело границ и омерзение, испытываемое мною от его тлетворного вида и трепыхающихся в нём каких-то щупалец... Летящие, зубастые твари с перепончатыми крыльями тащили меня под локти вдоль пенящегося молочно–блеклого покрывала вод... Воронки, что бороздили их бурлящие и затхлые шири, всасывали в себя, как мне казалось, души несчастных, что падали откуда-то с небес... Небосклон – сплошь паутина и сети. Вместо облаков по нему, трясаясь и вздрагивая, ползли сгустки живой сукровицы, изливающие мутные слезы. Мои твари–волочильщики поочередно впивались мне в затылок когтями и отрывали от него

лоскуты кожи. Сам я, бестелесный, в мертвецкой хламиде с перламутровым знаком Рифф на груди, изнемогал от усталости и бессилия. Мой полёт над этим дурноёго вида океаном все длился и длился... Минуты, часы, дни... Я потерял счет времени, и оно, время, как бы зная о моем бессилии и прострации, лишь издевалось надо мной, растягивая само себя до единственного момента, до вечности. Крики и писк моих терзателей, как и вонь, исходящая с поверхности, изнывающей паром белесой пучины, заставляли меня стучать зубами и вопить безумным воплем, воплем боли и страха. Там, в смрадном просторе, я разглядел остров, столь гадкий и пагубный, что мой вой переродился в хриплый свист. Меня швырнули на землю, и от этого, без всякого сомнения, могу заявить, я переломал себе руки и ноги. Они вывернулись под неестественными углами, и мне ничего не оставалось делать, как заворочиться на гнилой почве червяком. Песнопения... О, да... Те самые, что я слышал впервые во сне, пребывая в фантомном доме моего детства... Рефрены сводящие с ума, барабанные перебои и каблуки, каблуки, каблуки, что стучат им в такт... Дерганные покачивания плеч, что линией водят хоровод... Танец был демоническим и звериным... Меня перевернули, рывком подняли и поставили на колени. Мои запястья, что сковывали цепи–змеи засеребрились потусторонним светом. Фасетчатый ключ и шкатулка с прихотливой резьбой и рунами древности, оплетающими её зловредную окантовку, – они проявились, и я их держал. В круг людей в хламидах и власяницах, что шевелящейся стеной мялись передо мной, пришепетывали и чмыкали, горделиво вступил Укулукулун. Его лицо, исключительно правильное, прекрасное и гусное, было обращено ко мне и только ко мне. Ему поднесли трон, и он величаво на него воссел. Корона–паук и шикарные вычурные доспехи из кости добавляли его образу стати и значимости. Аура силы, исходящая от архонта, была столь велика и ощутима, что я неосознанно уткнул взгляд в песочное месиво – лишь бы не видеть его.

– Смотри на меня, раб.

Я затравленно, исподлобья, глянул вверх. Слуги нелюдя заголосили ещё пуще, с остервенением и подобострастием. От их

бесовского хора и перебранки палочек, чмыканья и пришепетывания, а так же перестука каблуков из моих ушей потекла кровь.

– Тихо, – лениво сказал Укулукулун.

Тут же воцарилось гробовое молчание. Лазурноокая свита архона выудила из закровов туник волшебные факелы. Синим огнем горели они. Коварным и чудовищным.

– Ты здесь, и ты в моей власти, – продолжил Укулукулун, кладя меч себе на колени. – Как думаешь, насколько тебя хватит на этот раз? Сегодня сюда не придёт ни Бракарабрад, ни Горгон Преломляющий Оттенки, ни Серэнити, ни Алан Вельстрассен, никто. Твоим заступникам не дотянуться до тебя. Так вот ещё раз, как думаешь, насколько тебя хватит на этот раз? Отвечай, раб!

– Не знаю... – против воли, как-то вымолвил я через разбитые губы.

Укулукулун улыбнулся. И та улыбка, красивая и холодная, как айсберг, принадлежала победителю.

– Я буду тебя пытаться. Медленно и с удовольствием.

По мановению пальца ко мне подошли двое извергов в капюшонах. На мою шею накинута пеньковую веревку и затянули крепко-крепко.

– Воздух. Как он сладок. Им дышишь и не можешь надышаться, – хмыкнул Укулукулун. – Так оно?

Я задыхался, терял сознание, умирал и возрождался вновь. А моё горло все давили и давили... По мне бегали пауки. Сотни и тысячи... Они забирались мне в рот и в нос. Я плевался ими, жевал их, а они выдергивали мне зубы и разрезали внутренности педипальпами.

– Чтобы прекратить муки, тебе надо сделать только одну простую вещь – отдать мне Путаницу. Возложи Её к моим ногам, и я убью тебя. Быстро и милосердно. Своим собственным мечом – Губителем Живых и Мертвых.

Я хотел, я очень хотел сказать – забирай эту проклятую Путаницу, но знал, что если произнесу это, то все пропало... В этом адском океане, на этом ужасающем острове, в клетке из мнущихся и бесящихся идолопоклонников, я искал в себе хоть какой-то лучик надежды... Сквозь тучи мглы, что заполонили моё естество, я нащупал его... Возможно ли? Не показалось ли мне? Под гнетом мрака лучик ускользал, но пытался вновь и вновь пробиться ко мне... Настойчиво, настойчиво, настойчиво...

– Ты не получишь Путаницу...

Архонт рассмеялся. Громогласно и сокрушительно. От его смеха мои жилы вытянулись, и я застонал.

– Значит, храбрец? Или глупец? Ну что же. Я люблю ломать и храбрецов, и глупцов. Их хребты и ребра.

Укулукулун указал на меня Губителем Живых и Мертвых.

– Подайте ему настоящего страха.

На голую плешистую поляну вкатили... медного... но не быка, а гигантского арахнида. Я сразу понял, что он полый. Под его брюхом, покрытым сажей и подгорелой коркой, развели костер...

– Ты уже не так самоуверен? погоди чуть-чуть. Пусть нагреется, а ты пока присмотришься к нему, своему новому другу. Он обнимет тебя жаром, проварит тебе потроха и запечет кишки. Ты издохнешь в нем, а затем вновь очнешься и снова издохнешь. Ты будешь агонизировать до тех пор, покада Путаница не станет моей. Когда это случится, я раскрою тебе череп и сделаю из неё чашу для вина.

Я слушал Укулукулуна и лихорадочно цеплялся в себе за краешек света, что старался дотянуться до меня... Еще немного, так, так, осторожно, Вселенная, ну, пожалуйста, пожалуйста... Есть! Внутри меня как будто пробился фонтан. Его напор выбил из меня Тьму и насытил вены живительной панацеей. Я словно бы обновлялся, сбрасывал саван обреченности, покровы вялости и дряблости. Когда я осознал, что свершилось чудо, мои уста заговорили, но фразы принадлежали не мне.

– Укулукулун Тобольдо, архонт великого Вседержителя Рифф, король Анкарахады и первый среди равных в Доме Шелка, почему ты ведешь себя, словно пугливая мышь? Почему вместо открытого поединка, ты насылаешь на Калеба видения и морок? Почему у тебя недостает духу воплотиться в явь и сразиться с избранником Праматери? Не оттого ли ты Ей и стал неуютен, потому что прячешься за ширмами да кулисами?

– Кто ты?! – взревел Укулукулун, вскакивая с трона и взмахивая мечом. Его тяжелые, ухоженные волосы разметались по плечам.

– Я – Петраковель, оракул Оплота Ведьм, и я говорю: мои свечи горят по тебе, и их пламя дойдёт до Рифф. Они принесут Ей весть о твоём позоре и о твоей недостойной, жалкой игре. Этого ты хочешь? Твоя Госпожа будет в ярости.

– Ворожея! Собака сутулая! Да как у тебя хватило дерзости заявиться ко мне?! – сплюнул Укулукулун. – Ползи в свою вшивую нору или я разорву тебя напополам!

– Заставишь меня?

Меня обволокла туманная пелена. Она отделилась от меня и сформировалась в образ Петраковель. Она стояла (что не свойственно ворожеям), высоко подняв подбородок, и её глаза, белый и оранжевый, излучали чистый поток сияния. Её очи напугали прихвостней архонта. Они, чмыкая и скороговоркой пришепетывая, попятились назад, пряча

факелы за пазухи. Да! Бойтесь её, как сказал ваш урод–поработитель, собаки сутулые!

– Испытание Анкарахады – старше тебя и меня, Укулукулун. Оно грозное и благородное. Ты оскверняешь его и за то расплатишься. Я чту Рифф, а ты – нет, и потому тебе не совладать со мной. И Калеба ты так же ныне не получишь.

– Я разрублю тебя на куски, карга, и скормлю твоему же мальчишке ведьмаку!

Укулукулун взметнул Губитель Живых и Мертвых, однако Петраковель оказалась проворнее. Она окутала меня своей поволокой, и мы взметнулись в космос... Все крутилось и вертелось, пока я не оказался в Оплоте Ведьм. В том самом амфитеатре, где я лгал Петраковель о Кварцарапщине и похищенной им у меня семье. Тогда я желал разжалобить её, чтобы попасть в Чертоги Отражения. Однако оракул разгадала мою хитрость, и за это мне пришлось выполнить то, что она повелела – избавить Лес Скорби от яда, что тек во всех ручьях и реках из–за слез Шоб–Коб–Дуба. Я справился, и за то Петраковель нарекла меня ведьмаком – побратимом Оплота Ведьм и другом всего Леса Скорби.

Оракул лежала передо мной на пуфике и гладила рукой с длинными фиолетовыми ногтями по стеклянному шару, так напоминающему мне Гамбус.

– Нам очень повезло. Она была близка.

– Кто?

– Твоя Смерть, – ответила Петраковель, бесстрастно взирая на меня. – Раздвигая пертурбации фата–морганы, я следила за тобой, Калерб. Следила и выжидала момент, когда тебе больше неоткуда будет ждать помощи кроме, как от меня. Четыре раза тебя чудом спасали от Укулукулуна до меня, и сейчас был последний, пятый. Укулукулун – могущественный чародей и махинатор. Уникальный в своем роде и в

своей гордыне. Он – изгнанник нездешнего порядка, поставил заслон для каждого твоего друга. То, что он сказал – правда. Ни Серэнити, ни Бракарабрад, ни другие более не способны явиться в твои сны. И я теперь тоже.

– Тогда я мертвец, – понуро прошептал я.

Белый и оранжевый, глаза Петраковель, мигнули и потухли, рдея углями. Присутствие ворожеи действовало на меня успокаивающе. Подле нее я чувствовал себя огороженным от невзгод и неприятностей. Что-то сродни родительскому присмотру, когда нашкодил и можешь спрятаться за мамой, зная, что рядом с ней тебя никто не тронет.

– Даже если бы мы все вновь пришли к тебе на защиту – Укулукулун бы одолел нас. Только наша внезапность и его неосмотрительность выуживали тебя из опалы. Он бессмертен, и в своих владениях отгорожен Рифф от любого физического и мистического урона. Только ты, по воле Праматери, можешь ниспровергнуть его. Луковое Спокойствие, выделка Лукового Рыцаря, священника Ураха, ещё попридержит архонта, но ты не должен рассчитывать на него. Под гнетом Укулукулуна оно непременно треснет и расколется. Когда это произойдет, архонт опять примется терзать тебя. Найди в себе силы сражаться. И знай, пока ты не повернешь ключ в Путанице, Рифф не допустит твоей кончины. Три оборота. Три.

– Что меня ждет в ней?

– Паучий престол Рифф. Её макро-лабиринт Анкарахада. Её Святая Святых. Её Испытание.

– Каково оно будет, это Испытание?

– Таково, как то решит Рифф.

Петраковель накрыла стеклянный шар платком.

– Наше время истекает, ведьмак. Мои торфяные свечи гаснут, а Куркумные Болота пузырятся, и ты должен поспешить. Ради себя и ради тех, кто тебе дорог. Мир на грани катастрофы. Он дестабилизирован. Света стало слишком мало, а Тьмы много. Верни нам Свет.

– Но как?!...

– Не перебивай, – приказала Петраковель. Она подтянула к себе обтянутый кожей фолиант и монотонно, посматривая на его странные страницы то с пропадающими, то появляющимися иероглифами, продолжила: – Это Книга Грядущего. В ней я прочла, что для Серэнити срок подходит к концу. Живая Вода скоро потребует вернуть ей то, что Великий инквизитор взяла у неё взаймы. Создай для Серэнити противоядие или потерьй навсегда. Эмилия и Грешем блуждают в потемках. В их исканиях обломков Светочи им встречаются много опасностей и врагов. Без тебя они обречены потеряться и умереть. По Зарамзарату начинают ходить толки о пропаже кольца Буля Золотобороного. Дунабар скоро станет склоняться к тому, чтобы поведать совету Надургх о том, что его украл ты. Если Дурнбад не вернет кольцо в Зарамзарат, то Соединённому Королевству объявят войну. Люди навсегда поссорятся со своими соседями. На Хильд выступят гномы Железных Гор и не только Надургх, но и их меньшие кланы–сатрапии – Хазгунд, Лирдхи, Вайхойри, Придроги и Дюны. Будет сеча, и еще не оправившийся от Десницы Девяносто Девяти Спиц, Эльпот падет. Невинным дадут испить кровавую чашу. Это то, что мне дано провидеть о твоих друзьях и грядущих событиях. В Бархатных Королевствах, Островном Королевстве, Минтасе, Рунном Королевстве, Острохвостии, Ноорот'Кхвазаме и в иных землях, равновесие тоже расшатывается. Я ощущаю в дальнейшем, что и в них не обойдется без тебя. Твое участие в их Судьбах уже определено Вселенной. Если, конечно, ты сможешь обхитрить Укулукулуна, Привратника и Смерть.

Зловещие предсказания Петраковель заставили мои подмышки обзавестись мокрыми разводами. Что? Да как хоть так?! Почему?! Ворожея закрыла Книгу Грядущего, потрясла и вновь открыла.

– Теперь внимай о самом насущном. О том, что уже дышит нам в затылок. В Лесу Скорби Вальгард Флейт сокрушит Горбатое Логово живорезов. Все, кто в нём погибнут, превратятся в пасынков Назбразля. Сразу после этого Вальгард Флейт двинет армаду на Вельдз, и его Гричинг не устоит. Кость Ночи достанется вампиру.

Петраковель подула на Книгу Грядущего, и она окрасилась в черно– багровые тона.

– Вижу, что Дроторогор и его легионы выжгут две трети Плавения. В Новорисе, в котором испокон веков хранится Тигровый Глаз Вилисивиликса, Дроторогор остановит своё шествие. Он оставит от Новориса лишь пепел и присвоит Тигровый Глаз Вилисивиликса себе. Этот Глаз содержит в себе настоящий Фатум, и владыка Хрипыхора усилится им стократ. Дроторогор и Вальгард Флейт заимеют Тигровый Глаз Вилисивиликса и Кость Ночи почти одновременно. И так они станут эквивалентны друг другу по всемогуществу. Чтобы взять вверх над противником, им потребуется найти Тысячелетний Гром, где возможно извратить части Короны Света. Вбить в них либо Кость Ночи, либо Тигровый Глаз Вилисивиликса. Кто первый успеет это сделать – тот возобладает над вторым. Потом уже, с обоими фрагментами Короны Света, будет выплавлена либо Корона Тьмы, что приведет к пришествию Назбразля, либо Корона Огня – она выдернет всех владык Хрипыхора из Безвременья, кусков разорвавшегося Юкцфернанодона. И то, и то ужасно и неприемлемо для всего мироздания.

Ворожея опять подула на Книгу Грядущего и из неё хлынула кровь, и взметнулась едкая гарь.

– Она показывает мне, как страшен будет поединок Дроторогора и Вальгарда Флейта. И как смертоносно для всех нас обернется его финал. Две Нечестивости сойдутся в сече у Тысячелетнего Грома с армиями немыслимых размеров. Там, среди их орд, я различаю и тебя...

– Меня?!

– Тебя, – сурово кивнула Петраковель. – Книга Грядущего шепчет мне о твоей роли в Жребии Мира, но Будущее очень размыто... Концовки не разобрать. Ясно только одно – ты – ключ к спасению всего живого. Свет все еще может отогнать Тьму.

– Дай мне совет! – взмолился я.

Петраковель пошамкала дряблыми губами.

– Могу предположить, что тебе надлежит отнять у Дроторогора и Вальгарда Флейта их куски Короны Света. Ещё до того, как они их сумеют осквернить...

– Да как мне!...

– Затем...

Ворожея зарябила. Амфитеатр размывался туманом. Фитили свечей потянуло затухшим дымом.

– Ты просыпаешься... То, что я тебе не рассказала... Тебе поведаст тот, кого ты встретишь на своём пути... О Короне Света... он ведаст... многое... – отрывками донеслись до меня слова Петраковель.

Я очнулся в кубрике Леди Кэндис. Помощник кока мирно посапывал в свою подушку. Одеяло сползло с него на пол. Я тоже бы сейчас упал на пол, если бы и так не лежал. Циновка, как и вся одежда, в которой я спал, пропиталась моим потом. Трясущимися пальцами я подобрал Луковое Спокойствие, закатившееся мне под бедро. Надо повесить его на шею... Да, именно на шею, как кулон. Мой желудок скрутил спазм боли. На негнущихся ногах я открыл дверь и вышел на палубу. Там меня стошнило. Звезды смотрели на меня с чистого небосклона, а из Дарна доносился сладковатый запах цветов и дымком от печных труб. Он перемешивался с ароматом плещущейся воды, с

тиной и водорослями, что кучей лежали у пристани. Ко мне подковылял матрос, несущий вахту.

— Мы еще даже не отчалили, а ты уже весь зеленый, — хохотнул он.

— Мне приснился плохой сон.

— Да ладно тебе заливать, мужик! Боишься, небось, на кораблях ходить! Ха! Вот держи! Это тебя взбодрит!

Матрос всунул мне в руку полупустую бутылку.

— Что это?

— Ром, мужик, ром!

Матрос хлопнул меня по плечу, а я, когда он ушел, приложился к горлышку. Напиток пронёсся по моей гортани и опустился ровно в желудок. Тот опять заворчал, но повторной попытке освободиться от своего содержимого не предпринял. Я сделал еще три глотка. Алкоголь быстро затуманил мое сознание. Это мне и было нужно. Захмелевший, я пробрался в свою каюту и заснул уже без всяких сновидений.

Меня разбудил скрип половиц. Это мальчик, помощник кока, принес мне еды. Разжав пальцы на Луковом Спокойствии, я поблагодарил его. На бочку, что стала моим столом для завтрака, мальчик положил полбуханки ржаного хлеба, вяленую треску, фасоль и эль. Я боялся, что пища не удержится во мне, но этого не произошло. Я поел и подался на свежий воздух. Мне хотелось обо всем хорошенько подумать. Как оказалось, «Леди Кэндис» уже как часа три-четыре вышла из Дарна и теперь на всех парусах плыла в Огнморт. Капитал занимался своими делами и на меня внимания не обращал, также как и вся команда. Я проследовал к корме и там свесил руки вниз.

Умыться бы да зубы почистить? М—да. Хоть прыгай за борт и тони, так все плохо.

Глядя на линию берега, что тонюсенькой черточкой виднелась как справа, так и слева, я стал упорядочивать, по полочкам раскладывать, то, о чём мне поведала Петраковель и то, что мне довелось узнать за прошедшие пару дней.

Есть Дроторогор. У него в лапах – часть Короны Света. Второй кусок находится у Вальгарда Флейта. Сейчас им необходимо обогнать друг друга. Заполучить либо Кость Ночи, либо Тигровый Глаз Вилисивиликса. И тот, и тот артефакт возвысит своего обладателя, если тот доберется до Тысячелетнего Грома и вставит его в свою половину Короны Света. Кто первый успеет это сделать, тот опрокинет своего оппонента на лопатки и снимет с его трупа недостающий обломок монаршего венца. Потом будет создана или Корона Тьмы, или Корона Огня. Одна приведет к нам Назбразля, а другая – всех владык Хрипыхора. Миру настанет конец. Угу. Прекрасно. Что требуется от меня? Всего–навсего помешать одному и второму достигнуть своей цели. Мило!

Вот, к примеру, я все–таки найду Филириниль. Что дальше? Я заявлюсь в Червонное Капище и крикну: Дроторогор, супница ты пригорелая, выходи на поединок? Да он меня пришибет, даже не поморщится. Думаю, и в Вестмарке ситуация сложится подобная. Вальгард Флейт из ковена Порхающей Ночи... О нем я еще не кумекал. Великий Лес недаром провозглашен «Великим» – он такой огромный, что даже представить сложно. И в нём есть некая Вестмарка – пагубный и мрачный шмат просторов, принадлежащий исключительно вампирам, их люмпенам. В это легендарное «королевство», а таковым оно и является по сути, живорезы не суются. Там ими в охотку откусывают. Сами же вампиры Вестмарки, наоборот, с удовольствием навешают омов, безволосых обезьян, троллей, цирвадов и прочих существ. Где бы ни лежала эта Вестмарка в Великом Лесу, она очень далеко от Соединённого Королевства, и потому опасности для него не представляет. Не представляла – так лучше сказать! До этого времени!

Вальгард Флейт. О нём, в частности, о его патологической жестокости, есть ряд трактатов. Он в своем роде известная личность в определенных кругах. Если об Эмириус Клайн, прародительнице вампиров, я пару месяцев назад и слыхом не слыхивал, то с Вальгардом Флейтом все иначе. Впрочем, достоверны ли мои познания о нём или нет, тут уж не угадаешь. Вальгард Флейт – древний, спесивый и амбициозный кровосос, скорее всего один из первых отпрысков Эмириус Клайн. Именно он, в дни юности Соединённого Королевства, собрал разобщённых вампиров и увел их в Великий Лес от меча Нолда Тёмного. Там Вальгард Флейт основал Вестмарку – Страну Тьмы с тремя неприступными городами: Лившихтмах – ковена Чистой Крови, Арт Паури – ковена Ночного Дозора и Зинат Альфадах – ковена Порхающей Ночи. Вообще Вестмарка всегда считалась чем-то ненастоящим, сказочным, поэтому я никогда не вспоминал о ней, когда думал о Великом Лесе. Оказывается, зря. Вроде как в Лившихтмахе правит род Вайнхеберов, а в Арт Паури руководят Рихтеры. Обе эти фамилии подчиняются Флейтам Зинат Альфадаха. Это три самых значимых ковена, что живут не прячась в своей Вестмарке. Но есть и другие, малочисленные и неприметные. Они разбросаны по Лесу Скорби, Великому Лесу и кое-где, я так предполагаю, что и в Соединённом Королевстве. Неприметные замки, окруженные непроходимыми лесами и зыбкими топями, забытые кладбищенские уголья с перекошенными оградами, покинутые руины древних капищ – все они могут служить пристанищем для вампиров и их ковен. Сейчас Вальгард Флейт, опьянённый всесилием и грандиозной задумкой – лично пригласить Назбраэля, выпить чашечку чая, пардон крови, в Вестмарке, созывает всех вампиров всех ковен – вступить в войну против Хрипохора. Петраковель поведала мне, что немногим спустя он упрочит свое положение, уничтожив Горбатое Логово живорезов в Лесу Скорби. Потом Вальгард Флейт устремится в Вельдз, в его столицу – Гричинг. Какова должна быть армада короля вампиров, чтобы сломить сопротивление Гричинга? Я таких чисел вообразить точно не сумею. В Гричинге расквартирована самая лучшая конница Соединённого Королевства и несколько боевых Орденов Братства Света. А что уж говорить о гвардейцах, рыцарях и лучниках Вельдза? Они вымуштрованные и опытные ветераны, которые не раз и не два сходились в битвах против всяких тварей Леса Скорби.

Конечно, в рукаве у Вальгарда Флейта есть призраки, зомби, скелеты, нетопыри, личи, горгульи и еще невеста кто, но... разрушить ими Гричинг? У меня в голове не укладывается, как такое возможно. Что же... а Кость Ночи? Вальгард Флейт нуждается в ней.

По преданиям Кость Ночи является «ребром» самого Назбраэля. Принужденный Вселенскими Законами вечно прозябать в Мире Тьмы, забавляясь садизмом и лиходейством, он извернулся и оставил для себя лазеечку все-таки выбираться к нам на «огонёк». Кость Ночи – вырванная Назбраэлем из своего тела и выкинутая в Соединённом Королевстве, позволяет ему иногда бродить по нашему миру в облике человека. Но никогда доселе не шло речи об Его истинном воплощении, не скованном рамками человеческого организма. Если Назбраэль покинет Мир Тьмы, свой жуткий и безобразный Трон Праха, и, призванный Вальгардом Флейтом, войдет к нам Самим Собой, то... ну то каюк. Эх, и почему у Ураха нет второго Пророчества Полного Круга, которое изгнало бы и Дроторогора и Вальгарда Флейта с его вампирами. Всеотец, коему Серэнити посвятила всю себя, неужели Ты будешь взирать на наши мучения и ничегошеньки не делать? Почему Ты не заступишься за нас? Неужели Ты так уверен, что нам по силам одолеть Хрипотор и Вестмарку? Или... Я? Неужели Ты выбрал меня своим героем? Тогда Ты промахнулся, и Твоя промашка возложит наши головы на плахи. Я всего лишь смертный и не ровня таким небожителям, как гнусный Вальгард Флейт или уродливый Дроторогор. А тут еще деспотичные Укулукулун и Привратник, имеющие на меня виды. Да я умру раньше, чем доковыляю до Тумиль'Инламэ. Ты же... Видимо, так надо. Тебе, Вселенной, Рифф, Соединённому Королевству и всем, всем, всем кто надеется завтра вновь увидеть восход солнца. Я расхохотался. Пускай Дроторогор берет Тигровый Глаз Вилисивиликса, а Вальгард Флейт Кость Ночи. Пусть подавятся ими! Я встречу их Филиринилем и безграничной верой в то, что Добро всегда побеждает Зло. Авось проскачем на ошпаренной блохе!

Хмыкая себе в кулак и поглядывая на спящих по кораблю матросов, я, наверное, от безнадежности маячащего предо мной предприятия, прибодрился. Терять-то мне все равно нечего, кроме

себя самого, своих сапог и своих штанов! Мои друзья и незаконченные дела – вот что по-настоящему еще ценно для меня. Но если брать себя как индивида, то мне себя не жалко. Других – да, но не себя. Я уже прожил свою жизнь и испытал всякое разное. В этой Тьме я отыщу Свет, как просила Петраковель, и либо так, либо никак. Вселенная ставит на меня свои «фишки», и я не должен Её подвести. Я остро чувствую, что Равновесие Весов – моя забота.

Укрепившись верой в себя, я подумал про Тигровый Глаз Вилисивиликса. Давным-давно король Ульто осадил Оплот Ведьм. Но Обитель ворожей, к которой пришли на выручку живорезы, оказалось ему не по зубам, и он отступил. Пробиваясь к рубежам Соединённого Королевства, солдаты Ульто зарубили главаря живорезов – демона семи футов ростом, сопатую образину по имени Душитель Младенцев. Как раз-таки из его внутренностей и выпал Тигровый Глаз Вилисивиликса – нечто напоминающее стеклянный зрачок с бегающими по нему красными рунами. Эту штуку-паразита, сидевшего в потрохах Душителя Младенцев, подобрали и увезли в Плавень, где магистры Братства Света смогли перевести письма и идентифицировать её как Тигровый Глаз Бога-Идола Вилисивиликса (так стеклянный зрачок сам себя называл). Стали ворошить хроники и всплыло то, что Вилисивиликсу действительно выкололи глаз драконьим когтём. Виновником этому был никто иной, как Ольфирндбаль, Змей о Пяти Головах. Ольфирндбаль проглотил «глаз» противника, но потом срыгнул его над чащей, и тот потерялся на века и века. Пока его не нашли живорезы Хрипохора. К тому моменту ни Вилисивиликса, ни Ольфирндбала уже и в помине не было. Тигровый Глаз Вилисивиликса – очень злая и мистическая вещь, способная каким-то образом проникать в чужие тела и манипулировать ими. Тигровый Глаз Вилисивиликса держат в Новорисе, в секретном хранилище, под пудовыми замками. Поговаривают, что «глаз» Бога-Идола сам вращается и смотрит... Вглядывается и что-то прикидывает. По его желто-оранжевой радужке беспрестанно несутся цепочки из пламенных букв и тошнотворных символов. Те, кому довелось повидать Тигровый Глаз Вилисивиликса, сообщают, что от него веет мудростью и черной ненавистью. Короче, он не самое приятное дополнение к интерьеру или к.. брэнной оболочке, что мы

носим на себе. Паразитизм «глаза», а он уже овладевал как-то парочкой послушников Братства Света, наталкивает меня на животрепещущие воспоминания о Минтасе. В парящем над Ледяными Топями городе-диске заседает совет магов-лордов, истцов, и верховный истец в нём – Даэрио Симильвейн – не совсем человек. Вернее он делит себя, свой мозг с длиннющим белесым червем – Тихим Надзирателем. Червь использует Даэрио Симильвейна как сосуд, и по сути является истинным правителем Минтаса. Изредка Тихий Надзиратель высовывает свой хвост через нос, уши и рот Даэрио Симильвейна и всегда, всегда... смотрит его глазами. Забавно? Мне нисколько.

За размышлениями минуло чуть больше, чем полдня. Я пообедал с матросами и послушал их байки о китах океана Безнадежности, что носят на себе целые острова, населённые зелеными карликами, о богатствах, что покоятся на дне Абрикосового Моря и смешных котах Бархатных Королевств. «Леди Кэндис» частенько гоняла по всем рекам Соединённого Королевства, а иногда выходила и в длительные заплывы, поэтому в том, о чем моряки чесали языками, присутствовал налет правды. Но только самую малость! Сам я о себе помалкивал, и на все расспросы отвечал односложно – мол, я странствующий знахарь и только. Лик Эбенового Ужаса, естественно, привлекал к себе внимание, но у знахарей посохи в чести, так что тут все было нормально.

За бортом мелькали рыбацкие деревеньки с малюсенькими пирсами, одетые в веселую зелень деревья, спускающие свои корни к воде, черные базальтовые глыбы, холмы и пригорки. Я любовался округой и негромко насвистывал какую-то песенку. Нет, настроение у меня было прескверное, и так я старался отвлечься от раздражающей меня реальности. Грустно проводив взором двух парней, закидывающих с лодки невод, я вспомнил об Отметке Арбитра. Она где-то во мне, да. То ли мне пыток от Укулукулуна во снах мало, так еще и эта пакость, по уверению Привратника, будет меня мытарить, если я, не дай Вселенная, позабуду о своей важной миссии. Я отношусь к боли философски, но её перспектива меня печалит. Почему я не могу вернуться на столетия назад? В те беззаботные годы, когда у

меня были мама и папа. Если бы их не убили, все бы сложилось иначе. Все превратности прошли бы мимо меня. Я отучился бы на пекаря или гончара, или стал бы пастухом или землепашцем. Я бы женился на какой-нибудь девушке, и она родила бы мне детей на умиление моих стариков. Мама, моя дорогая мама, где ты, когда мне так тяжело и тоскливо? Смотришь ли ты на меня сверху, когда небо безоблачно? А ты, папа? Как бы я хотел спросить тебя о том, как мне справиться с навалившимися на меня невзгодами. Как выжить в этом вертепе? Как мне, вашему сыну, не сойти с ума и не наложить на себя от безысходности руки? Однако вас нет рядом со мной, и вы мне ничего не ответите... Одиночество – мой удел, моя каторга и моя цикута. Иметь родителей – это самое большое счастье, которое только доступно человеку, ведь только им он и нужен. Я потерял маму и папу в раннем, несмышленном возрасте и их утрата, через эпохи, все так же берedit моё сердце раскалённой, не остывающей иглой. У меня есть Эмилия, есть малыш-хулиган Снурфи, Бертран, Альфонсо, Дурнбад, Серэнити и Грешем, но моих самых любимых, отца и матушку, не заменит мне никто. Тучи сгущаются, и я, как канатоходец, завис на веревке, что простирается над пропастью. Это отчаяние и вызывает во мне потребность быть защищенным. Мама, как же мне тебя не хватает... Я бы отдал все, что у меня есть, и даже больше, только бы вновь увидеть тебя и прикоснуться к тебе. На минутку, на секунду... Сказать тебе, что ты для меня значишь. Могила, могила подле Энигмы – там ты заснула навсегда. Я исходил сотни троп, чтобы отыскать тебя и возложить цветы на твоё надгробие, но... так и не нашёл его. Прости меня, мама, прости меня, папа... Я – круглый горемычный сирота, я по-прежнему люблю вас. И всегда буду любить. До последнего вдоха.

«Леди Кэндис» неспешно плыла по Оленьей реке. Пена, взъерошенная носом отлакированного судна, бурунами откатывалась в стороны. Где-то в выси перекрикивались птицы. Я бродил по палубе и размышлял о своей неказистой жизни и её превратностях. Меня охватила хандра и жалость к себе. Несправедливость выпавшего на мою долю жребия тиранила моё нутро и выгоняла на глаза слезы. Я то хорохорился, то падал в пучину отчаяния. Меня бросало из крайности в крайность. Такое бывает с каждым человеком. Нервы сдают и выволакивают в черноту горя, подавленности и меланхолии. В данный

момент я находился на взводе и нуждался в том, чтобы меня кто-то выслушал и приободрил. Близкая встреча с Альфонса Дельторо – вот, что не давало мне, наплевав на всех и вся, броситься за борт. Я уговаривал себя перестать канючить и собраться с духом. Сколько мне лет уж стукнуло, пора бы научиться справляться со стрессом и невзгодами! Но тут так все худо и скверно... Еще мама и папа припомнились... Почему все это приключилось именно со мной? Со мной...

Хмурый, как дождевая туча, я отыскал капитана и справился о том, как скоро «Леди Кэндис» прибудет в Огнморт. «К вечеру» – ответил он мне. Часы, вяло сочащиеся минутами, при всей красе окружи, показались мне вечностью. Наконец в снизошедших сумерках я различил огни крепости, что выпренно тянула свои башни и фортификации с полуострова, на котором была когда-то возведена. Флаги, как Соединённого Королевства, так и провинции Иль Градо, вдетые в желоба кладки, рвались под налетевшим ветром. Баллисты и скорпионы застыли в ожидании спуска. Солдаты, словно муравьи, сновали по стенам. С наблюдательных постов они зорко осматривали местность – вдруг Плавень предпримет попытку нападения. Наше возникновение в поле зрения дозорных не было проигнорировано. Нам подали сигналы факелами, и впередсмотрящий «Леди Кэндис» отозвался условленным шифром пламенных взмахов. Кораблю, видимо, разрешили пришвартоваться. Мы причалили в достаточно узкий проем между двух осанистых, вдающихся в темную воду, укреплений. Став на якорь, капитан Еверхай распорядился выгружать трюм и тащить оттуда ящики, бочки, тюки в барбакан Огнморта. Как мне пояснил Еверхай, когда я сходил на пирс, дороги нынче стали довольно-таки опасны и «Леди Кэндис», вместе с «Пряным Бризом» и «Белокрылкой», наняли доставлять в крепость провизию. Платили золотом, поэтому Еверхай в накладе не оставался. Хотя, как он со вздохом отметил, маршрут туда-обратно ему порядком надоел.

– Мне, что Плавень, что Иль Градо, без разницы, кто из них перетянет одеяло на себя. Соединённого Королевства уже нет. Констанция «Бестолковая» Демей все потеряла, а мне главное с ребятами выгоду не упустить. Сегодня в Огнморте сидит сенешаль

«львов», а завтра его сменит «лось». Мне до этой войны – фиолетово. Тот, так же как и этот, попросит возить ему провиант и эль, – на прощание сказал мне Еверхай.

– Гляди, как бы «лоси» не потопили твою «Леди Кэндис», – мрачно отозвался я. – В Плавене свои баржи имеются. А ты, по мнению сенешаля «лося», сойдешь за предателя. Вздернут тебя на твоей же мачте вот и весь разговор. Прощай.

Не рискнув мне, насупленному и при бесовском посохе, возразить, Еверхай промолчал, но его взгляд помрачнел. Сколько мне их, таких безмолвных проклятий, уже подарили? На целую вагонетку хватит и еще маленькую коробку. Я завернулся в плащ, накинул капюшон и прошел через притянутую к арке порткулису.

Безнравственная политика Еверхая меня слегка взбесила. И вот ради него и таких же циничных криводушников как он, Констанция Демей не спит ночами и ломает голову, как бы все урегулировать и вернуть в мирное русло? Поверь, Еверхай, поверь, дурачина, моему опыту и компетенции, если бы ты сунулся к Алтодосу, за которым лежит прямой путь на Узел Благополучия, то драккары Плавеня отправили бы «Леди Кэндис» прямиком на дно, к ракушкам, рыбам и водорослям. Повезло тебе, вот и все, что сенешаль Огнморта зафрахтовал тебя гонять в Дарн и обратно. Даю сто к ста, что любой корабль, идущий в это смутное время из Иль Градо в Плавень, будет взят на abordаж или обстрелян из орудий. Таков суровый закон театра военных действий – бери, что хочешь, и ничего тебе за это не будет – твоя добыча – это твоя добыча, твой выигрыш и твоя собственность. Первобытные инстинкты людей, обретающие себя в наживе на своем слабом соседе и его хозяйстве, всегда прорастают на почве насилия и террора. Сколько женщин лишатся своих мужей, сколько отцов и матерей потеряют своих сыновей и дочерей, пока Соединённое Королевство будет труситься под лязгом оружия. Смерть, выкликанная как Пророчеством Полного Круга, так и Гильбертом Энтибором, разбрасает тысячи душ по Мирам Тьмы и Света. Человечество гложет само себя, а ему надо бы наоборот сплотиться, потому как грядет Ужас по имени Дроторогор и Вальгард Флейт из изуверской Вестмарки, –

тоже с ним. Тьма и Огонь не ставят нас ни во что. Для них мы не более, чем жуки, коих можно раздавить как бы между прочим. Тому быть, если только не произойдет какое-нибудь чудо.

Урах! В сии невзгоды я часто думаю о Тебе. Помоги нам выстоять. Помоги не перегрызть друг другу глотки раньше, чем мы не образумимся. Как восстановить Соединённое Королевство? Как вернуть ему прежние границы и приделы? Даже, если выпустить из вида подбирающихся бестий Хрипохора и нежить Вестмарки, что сейчас несметной ордой выбирается из каверн и свищей, готовящуюся выстилать для Назбраэля дорогу в явь, то ясно, что Багряный Рок уже посетил каждую провинцию Соединённого Королевства. Иль Градо опустошают армии Плавеня. Плавень застыл под угрозой десницы Карака и Вельдза. Они же в свою очередь пребывают под туманной неопределенностью тлетворностей Великого Леса и Леса Скорби. Хильд помят Десницей Девяносто Девяти Спиц больше прочих, и о нём вообще вести не доходят. О Керане молва тоже поговаривает недоброе. Междоусобицы лендлордов и правящих партий, обусловленных как верностью короне, так и отрицанию её власти, секут его на тонкие лоскуты враждебности и отчуждения. Новости о нём, что просачивающиеся в Иль Градо через странников да разрозненные группы кочующих выселенцев пестрят разными подробностями и противоречивы. Все они однако сходятся в одном – Керан сам себе хороший враг и других, в лице того же Вельдза, ему для ухудшения положения не нужно. То Хафлан – столица провинции взята Рейстирами из Дома Краба, близкими родственниками Демеев, то Рейстиров выбили из Хафлана Чарльтоны, то Чарльтоны объединились с Малистерами и сокрушили Нольстрид Хавааванов, но потеряли Хафлан. По последним сводкам войну с Вельдзом в Керане забросили после преждевременной кончины Рикарда Смолви, ратующего за независимость провинции и присвоение ей статуса Королевства. Ныне вроде бв в Керане с посула Вельдза упрочилось положение знатного рода Брамсудов. Они подмяли под себя две трети провинции и заявили о преданности Констанции Демей. Так ли это на самом деле? Да кто его там разберет! Сегодня Брамсуды на стороне королевы, а завтра воткнут ей нож в спину. Назначенный некогда Вильгельмом Тёмным наместник Керана Варио Саан уже давненько

спит в могиле, пронзённый предательским мечом, а новый – самопровозглашённый, Бах Брамсуд, – никому неизвестная лошадка. Что от него ждать? Я не знаю, и никто не знает, кроме него самого.

Отягощенный подобными измышлениями, я все же не преминул посетить сенешаля Огнморта. Пустили меня к нему не сразу. Выясняли, чьих я буду, да какой у меня титул при королевском дворе, а также по какому вообще поводу мне надо увидеть Его Командантство. Упомянутые мною имена Констанции Демей и Серэнити все же отворили мне двери в просторный холл, что кругом замыкался на самом себе. Низенький, с обветренным и покусанным оспинами лицом, сенешаль Огнморта внимательно читал какие-то бумаги за столом. Его тяжелый доспех, который он, по-видимому, носил не снимая, отливал желтизной позолоты. Я представился, засим получил приглашение присесть. Вирик Нарт – так звали моего лорда-собеседника, внимательно выслушал доставленную мною депешу о планах Индванцио Гнобиля, любезно преподнесенную мне Дугласом Хайлом под пытками Великого инквизитора Иль Градо. Вирик Нарт заверил меня, что ему и другим генералам уже известно об каверзных умыслах Плавеня. Кирф Маян с сорокатысячным войском поджидает Индванцио Гнобиля у Переменчивого моста. Там, если все пойдет как надо, силы Плавеня застанут врасплох. Затем, по распоряжению Кирфа Маяна, Иль Градо предпримет быструю атаку на форты, захваченные Плавенем. Когда неприятель будет из них выбит, рати Иль Градо отправятся дальше, на юг, в глубь лесов, полей и долов зарвавшейся провинции-агрессора. Весь личный состав Огнморта останется на своем месте, дабы Шальх, не подвергся случайному нападению извне, а вот такие крепости, как Кастрик, Пята Ураха, Люминст Гор, Астрхан и Уфрик на Рене, направят свои гарнизоны в разные оконечности Плавеня. Первыми целями для удара Кирф Маян наметил крупные торговые центры-селения. Правда, какие, Вирик Нарт не упомянул. Так же, по намекам сенешаля Огнморта, я понял, что Констанция Демей дала добро Энейгриду – командующему мечами Карака и Нуалоту Шрамтону – военачальнику Вельдза, отрядить треть своих воинов для подмоги Иль Градо. С трех сторон, с севера, запада и востока, обрушится на Гильберта Энтибора гнев правящей королевы. Долго она ждала, долго терпела беззаконие

Плавеня, и её нервы сдали. Я уверен, что против закалённых в боях солдат Вельдза и Карака сброд Индванцио Гнобиля не устоит. Единственное, что меня беспокоило в речах Вирика Нарта, это то, что Карак и Вельдз, передислоцируя свои отряды в некогда центральную провинцию, подставят мало защищенные «бока» Великому Лесу и Лесу Скорби. Дроторогор готовится пересечь Карак, умерщвляя на своем пути всех и вся, и вторгнуться в Плавень, а конкретно в Новорис. Вальгард Флейт же намерен разнести Гричинг на кирпичи и крошево. С уходом из Карака и Вельдза дивизий, их копий и луков и хоругвей у поборников Тьмы выкристаллизуется реальный шанс зацапать то, что им позарез необходимо – Кость Ночи и Тигровый Глаз Вилисивиликса. Пока как-то так.

Я тепло простился с Вириком Нартом. Он уговорил меня не уходить из Огнморта сразу и скоротать ночь под крышей его осанистой, зубчатой цитадели. Я согласился. Поужинал я вместе со старшими офицерами и их женами. За отвлеченными разговорами, красным вином из «Житницы Солнца», бифштексом и фасолью. сдобренной соусом из терпких трав, я провел пару закатных часов. Моё желание помыться так же исполнили со всей охотой и пылом. Мне нагрели два десятка ведер воды, и я, нежась в безвкусной ванной, хорошо пропарил своё тело. Спать меня положили в покой недавно скончавшегося от лихорадки кастеляна Огнморта, заместителя Вирика Нарта. Я укладывался на кровать с чувством страха и горечи, виною которым был Укулукулун и его визионерские приходы. В «ушко» Лукового Спокойствия я вставил позаимствованную из комода цепочку (с моей шеи оно не соскользнет куда-нибудь под перину).

Сон без снов и утро, что легкой моросью позвякивало в закрытое окно, – так подумал я проснувшись. Да пусть хоть град и буран ревут над Огнмортом, качая его башни и шпили, лишь бы архонт Праматери не совался ко мне в дремы. Споро позавтракав хлебом с маслом, сладким чаем, бужениной и вареными яйцами, я заторопился в Энгибар. Отойдя от крепости Иль Градо на почтительное расстояние, я выкликнул из Кампри Юнивайна. На нём, на моем молниеносном друге, мне не составило труда пересечь затененный бор и заскакать по перешейку полей к другой чаще. К полудню я стал узнавать мегалиты,

что, как и в первобытные эоны, жухли, покрытые мхом, подле Медвежьего Дола. Кто их поставил сюда и кто им поклонялся, никто не знает. Семи футов в высоту и три в поперечнике, они несли на себе прихотливый мотив символов и выпуклых рун. Старейшины Энгибара почитают их и зовут «Свидетелями». Среди рейнджеров и друидов гуляет молва о том, что в лютые зимние морозы Свидетели впитывают в себя свет звезд, и тогда словно вытесанные на них письма будто бы обрамляются собственным потусторонним сиянием. Бертран Валуа пытался перевести смысл истертых иносказаний Свидетелей, но потом махнул на это рукой, заявив, что их транскрипция похожа на какую-то околесицу. Что конкретно ему удалось вычитать из криптографии Свидетелей, он не сказал.

Я миновал четыре десятка Свидетелей и въехал в Медвежий Угодья. Никакая стрела и окрик не угонятся за Юнивайном, поэтому соглядатаи-рейнджеры, где-то точно замаскированные на деревьях, меня не остановили. Я пролетел миловидными тропинками, петляющими промеж сосен-исполинов, буков и вязов, и выскочил к скосу-изгороди Энгибара. Спешившись и отпустив Юнивайна, я предстал пред стражниками, носящими на себе серо-зеленые плащи, так хорошо скрывающими их в изумрудной поволоке Медвежьего Угодья.

– Я – Калеб Шаттибраль, старый друг Альфонсо Дельторо, – сказал я у ворот.

– Ты приехал в Энгибар к верховному следопыту? – откликнулся бородатый мужчина, смерив меня настороженным взглядом.

– К нему.

– Тогда ты опоздал, Калеб, Альфонсо умер.

Глава 19. Дух Зелени

– То есть, как это умер?! – возопил я, чувствуя, как подкашиваются ноги, и едва не падая на землю.

– Сегодня первосвященник–друид признала его таковым, – был мне ответ.

– Сегодня?!

Рейнджеры переглянулись.

– Если ты и впрямь друг Альфонсо Дельторо, то тебе стоит навестить его семью, – промолвил бородач, открывая предо мною створы.

– Сожжение верховного следопыта по всем правилам и установленным канонам состоится в полночь. Ты успеешь с ним попрощаться, – вставил второй страж.

На окостеневших ногах, я, получивший удар в самое сердце, с влажными от слез глазами, вошел в Энгибар. Этот приветливый и в высшей степени красивый уголок Соединённого Королевства сейчас меня не занимал, ни капельки. Бредя по улочкам в состоянии болезненного транса, я не обращал свое внимание ни на резные перила домов, ни на россыпи двухскатных крыш, ни на пескоструйные роднички, обрамленные кладями гранитных камней, ни на животрепещущую изгородь цветов, что избороздила весь Энгибар, отделяя один его квартал от другого. В голове у меня бил молоток – Альфонсо больше нет. Альфонсо нет! Нет! Я прекрасно знал, где находился дом моего друга и приятеля молодости, поэтому шел к нему почти машинально. На меня смотрели и пялились. Дети показывали на меня пальцем и разбегались при моем приближении в заросли или прятались за материнские юбки. Конечно, в Энгибаре не каждый день видят столь темную фигуру, несущую в дланях посох с зверски гогочущим, раззявленным лысым черепом. Крюк по аллее и знакомая веранда... Я, Альфонсо, Бертран и Эмилия, часто сиживали на ней в креслицах, подбитых войлоком, попивая из кружек чай или потягивая виски. Память. Неужели – это все, что теперь у меня есть от Альфонсо Дельторо? Невообразимо, кошунственно, нечестно!

Я сглотнул твердый комок в горле, вытер тыльной стороной рукава глаза и постучал в дверь. Мне отворила девушка лет двадцати семи. Она, мигая покрасневшими, заплаканными очами, спросила:

– Кто ты?

– Калев. А ты...

– Калев? Я – Лика Дельторо. Супруга Альфонсо. Он много рассказывал мне про тебя. Заходи.

Бертран в наше короткое randevu не оговаривался о том, что Альфонсо женился. Когда это произошло? Сколько лет назад? И почему сам Альфонсо не позвал меня на свадьбу... и даже не сообщил о ней?

В наглухо зашторенной комнате царил полумрак и витал запах ароматических свечей. Расставленные по канделябрам, они скупо вырывали из тьмы очертание предметов. Альфонсо, облаченный в мертвецкую хламиду, возлежал на кровати, овеянный тенями и призрачными полутонами, что плодились от зажжённых, колыхающихся фитилей. Я снял перчатку и положил ему руку на лоб – холодный, как вода в проруби. Из-за шкафа с утварью на меня украдкой глядела девочка лет шести.

– Это Каталина, – представила мне её Лика. – Каталина, это – Калев, друг папы.

– Очень приятно, – прошептал я. – Как это произошло?

Лика опустилась на пол рядом с мужем.

– Дух Зелени... Все случилось из-за него.

– Поподробнее, пожалуйста.

Лика глубоко вздохнула, после чего продолжила:

– Каждый год в Энгибаре проводится обряд Таинства. Мы чувствуем Духа Зелени и возносим Ему молитвы. Виноград, розы, рожь, эль – эти и другие дары возлагаются нами к нему на алтарь, и Он всегда их принимает... Принимал, до этого времени. Три дня тому назад Альфонсо с первосвященником–друидом и прочими нашими братьями возложили на кумирню свои подношения. Они просили Духа Зелени о плодовитом урожае, о покровительстве птицам и животным, о мире во всем мире и о благоденствии Соединённого Королевства. Молитва длилась, а идол Духа Зелени набирался истомы – я была там тоже и видела, как он покрылся красными песчинками. А потом из всех его древесных членов хлынула кровь. Первосвященник–друид, Хагиша, сказала, что то есть нам кара за наши деяния, и что Дух Зелени отвернулся от людей. Альфонсо... Он знал, что существует древний обряд, который способен перенести свое «я» в обитель Духа Зелени. Он вознамерился провести его, чтобы умолить Духа Зелени вернуть нам Свое расположение. Первосвященник–друид и иные друиды из Совета поддержали решение моего мужа. Альфонсо принял из чаши редкостный яд–галлюциноген Катиллу, что возможно достать из молодых ростков ингибитуса и... погрузился в сон. Его сознание воспарило к Духу Зелени и... там и осталось. Поначалу тело Альфонсо подавало признаки жизни, но сегодня оно стало коченеть. Хагиша сказала, что мой супруг не смог добиться расположения Духа Зелени и потому... и потому не вернулся назад...

– Его пытались привести в чувство?

– Да, Хагиша сама смачивала губы Альфонсо приготовленным ею противоядием, но... Все безуспешно. Нынче утром первосвященник–друид оповестила меня, что Альфонсо ушел в царство Духа Зелени уже слишком далеко. И...и... она пояснила, да я это и сама знаю, что если плоть моего мужа не сжечь до нового рассвета, то в нее, податливую и открытую к проникновению сущностей Мира Тьмы, обязательно кто–нибудь вселится и... и... Альфонсо воспрянет, но уже не собой, а кем–то иным... Злым.

– Однако этого может и не произойти?

– Так уже было пару раз в прошлом, и Хагиша боится за Энгибар. Демонические бестии очень сильны, и им, влившимся уже в почившее тело, нипочем топоры и секиры. Они могут натворить кучу злых дел тут или сбежать, чтобы сеять ужас где–нибудь в иных местах...

Пока Лика говорила, я щупал пульс Альфонсо. Глухо... Глухо... Глухо... Минуту глухо... Удар!

– Он еще держится! Он пока жив! – возбужденно воскликнул я, перебивая речь Лики. – Его нельзя предавать костру!

– Мама, папа очнется? – тут же спросила Каталина, таращась на меня.

– Я... Жив? – вся встрепенулась Лика. – Но Хагиша сказала...

– Думаю, что Хагиша не держала пальцы на запястье Альфонсо так долго, как я.

– Что нам делать?! – заламывая руки, спросила Лика. – Его еще можно достать из транса?

– Я немедленно иду к Хагише, – тут же объявил я. – Мне нужно больше информации о Катилле и самом ритуале, восхваляющем Дух Зелени.

– Каталина тебя проводит, – быстро ответила Лика.

Я протянул девочке ладонь и та пугливо её взяла.

Каталина, молча и тупя взор в землю, повела меня промеж глинобитных стен, зданий из срубов и всюду размещённых цветочных клумб. Пока мы шли, я рассматривал дочь Альфонсо. Её схожесть с отцом была наглядной и ярко выраженной. Те же скулы, тот же лоб и те же голубые глаза, что еще застенчиво и робко глядят из–под чуть приподнятых бровей. Единственное, что Каталина получила от матери

— это копну русских, вьющийся волос и вздернутый носик с пятнышками–веснушками.

Каталина замедлила шаг у Свидетелей, что сакральным кругом оторачивали поляну своими глыбами в центре Энгибара. То был Храм под Небом – капище Духа Зелени. Рука об руку, я и дочь Альфонсо заскользили среди анахронических мегалитов, обметенных рунами и нечитаемыми выпуклыми иероглифами, в коих зиждилось седокудрое поучение из непроглядного прошлого и так стать, что и прорицания из недоступного разуму будущего. Каменный лабиринтный кромлех то сужался, то расширялся, пока мы не взошли на пригорок с прямоугольной, заботливо забранной плющом глыбой посередке. Прямо над ней, растопырив широченные корни–арки вздымалась невиданных размеров секвойя. Её ветви–балки воздымались к небосклону, и солнце, подсвечивая их крупные листья, создавало на недоступной выси ареол–облако из бирюзы и нефритового, калейдоскопического мельтешения. Наверное, это самое огромное дерево во всем Соединённом Королевстве. Большого роста секвойи произрастают только в Бархатных Королевствах – загадочный и канувший в веки Тумиль’Инламэ в расчет не берем. Под секвойей, прямо на траве, поодаль от алтаря, сложив ноги крестом, медитировала женщина в красном балахоне. Завидев нас, она подняла голову вверх. Нежная девичья кожа, острые черты, черные, как уголь, зрачки, окрашенные церемониальной синевой щеки и губы – лик первосвященника–друида показался мне смутно знакомым. Где же я мог её уже видеть?...

— Дочь главы Энгибара и Его верховного следопыта! Кого ты привела под сени Духа Зелени? – глубоким голосом спросила Хагиша.

Каталина вот была рядом, а вот – уже за моей спиной. Хагиша её пугала.

— Ааа... – протянула Хагиша, цепко и не спеша, оглядывая меня. – Калёб Шаттибраль из Шато, что стылой конструкцией громоздится в Веселых Поганках у извечно стынувшего Моря Призраков. Ответь мне,

в твоём Шато, исковерканным порочной некромантией, есть закуток для Духа Зелени?

– Природа и её Бытие всегда много значили для меня, – отозвался я. – Откуда ты меня знаешь?

Первосвященник–друид улыбнулась ровными красными зубами. Они такие у нее, потому что она жуёт «красницу» – популярный среди знахарей стебель, смекнул я. Его побеги используются как для здоровья полости рта, так и для улучшения пищеварения. Однако если красницу употреблять постоянно, может возникнуть зависимость от её реагентов, без которых человеку становится дурно и паршиво. Так, навскидку, Хагиша явно перебарщивает с употреблением красницы. Окрас её ротовой полости – тому подтверждение.

– Иди обратно к Лике, дитя, – промолвила первосвященник–друид.

Девочка поглядела на меня, а потом без единого слова пустилась опрометью из величавого и мистического урочища Духа Зелени, в коем век от века ее предки затягивали эзотерические песни и плясали диковинные танцы.

– Энгибар хоть и глухое, отгороженное от разноголосиц селение, но слухи из провинций сюда тоже просачиваются, – томно продолжила Хагиша. – За последний год ты, Калеп, хорошо проявил себя на попроще Защитника Естества. Да, мне известно, что ты избавил Лес Скорби от токсичного рыдания Шоб–Коб–Дуба и, очистив Лимфимиду, дал напиться всему животному братству. У меня есть всюду свои осведомители и зачастую они вовсе не люди. Птицы и звери приносят мне свои щебетания и рыки. Ты молодец.

– Я польщен, что ты обо мне такого мнения. Я...

– Выпей со мной «Зеленый чайк», Калеп. Он раскрепостит тебя и отвадит гнетущую тоску, – перебила меня Хагиша, вынимая из–за пазухи бутылочку.

– Я тут из-за Альфонсо!...

– Мне жаль, Светом ему уже не помочь.

Первосвященник-друид сделала из тары глоток, затем протянула ее мне.

– Альфонсо еще не до конца приобщился к миру Духа Зелени. Я нащупал у него пульс, – твердо сказал я, не принимая предложенный напиток.

– Даже если так, то биться он будет совсем недолго. Катилла уже разбежалась по венам главы Энгибара, и вытравить её не представляется возможным, – печально отозвалась Хагиша. – Зря отказываешься от «Зеленого чайка». Такой не продается ни в Шальхе, ни в Гельхе, нигде. Мы варим его по секретному, первоначальному рецепту исключительно для себя.

– Я сюда не пить пришел!...

– Но спасти своего друга?

– Верно!

Первосвященник-друид заложила себе за десну свежий пучок красницы. Бурая пена, выступившая на ее синих губах, отвратительно запузырилась.

– Благородство и безумство, – тихо проговорила Хагиша, сверкая черными глазами-агатами. – Может, есть еще способ повернуть все вспять.

– Какой?!

– Траурный, как сама безлунная ночь и скверный, как пагуба Назбразля. Он не присущ Духу Зелени, но тянет свои всходы из Мира

Тьмы, – еще тише зашептала первосвященник–друид, наклоняясь ко мне так близко, что я ощутил её дыхание на своем ухе. – Я думаю, что Альфонсо вообще не добрался до прерий Зеленого Духа, а по случайности, вызванной гадким, извращенным и целиком неизведанным эффектом Катиллы, угодил в одну из дыр–пространства, что пребывает под властью неименуемых и неопиcуемых субстанций, которые обитают в бесцветных пластах Вселенной. Я не говорила о своей догадке ни Лике, ни своим сестрам и братьям друидам, однако по всем признакам она верна. Упокоить Альфонсо на складчину из валежника и поленьев – верное решение, покуда он не осознал себя совсем не собою, однако...

Тут Хагиша приложила губами вплотную к моему уху.

–... Однако если ты примешь ту же дозировку Катиллы, что и Альфонсо, то быть может, прободив заслон вещности, окажешься вместе с ним в одном Плане.

Из складок одежды первосвященник–друид вынула полупрозрачную мензурку с пробкой–головой волка. Наполовину пустая, она содержала на своем дне чахоточный, бурый осадок, который самоочевидно смахивал на трупики мошкары.

– Пригуби этот настой из Катиллы, и ты увидишь Альфонсо.

Я неуверенно покосился на Хагишу. Что–то мне не понравилось в её мимике, её жестах и красной улыбке с выступами рубиновой пены на уголках рта. Моложавый вид первосвященника–друида, её inferнальные синие отметины на челе, как и замогильная бледность сухого эпителия – так же добавляли своего веса в моих впечатлениях.

– Сомневаешься? И правильно. Это правильно. Без сомнений мы превращаемся в бездумных, самоотверженных болванов.

– Ты не поведала, как мне и Альфонсо, когда я его отыщу, вновь проснуться.

– Где-то в стране сумрака и мглы, где бродит твой друг, есть «переход–портал». Он выведет вас к рощам Духа Зелени, а оттуда вы непременно разыщете дорогу домой.

Бурлящая жидкость из уст первосвященника–друида потекла на подбородок и закапала на балахон. Она впитывалась в него и расходилась мокрыми подводками, но Хагиша не придавала этому значения. Выражение её лица, сумасшедшего и экзальтированного, нагоняло на меня некое подобие страха.

– Давай сюда свою микстуру, – поборов нахлынувшую неприязнь, сказал я.

– Вот она, бери, – вкладывая мне в пальцы мензурку, промолвила Хагиша. – Спешу к Альфонсо, возляг на его койку, возьми его за руку и вкуси выжимку из Катиллы до последней капли. Помни, когда часы пробьют двенадцать раз, срок твоей миссии окончится. Если ты потерпишь неудачу, Альфонсо перенесут на пустырь, и там вместе с тобой отдадут всеочищающему пламени.

– Вместе со мной?

– А как иначе? – недобро сощурилась Хагиша. – Зачем нам в Энгибаре еще один демон из преисподней?

– Я вернусь.

– Или обратишься в пепел.

– Тому не бывать.

Я покинул Храм под Небом с впечатлениями не слишком приятными. Тон, облик и жестикуляция первосвященника–друида, вкупе с её нездоровыми посулами, не вязались у меня с кроткими и смиренными нравами поселенцев Энгибара, с их обычаями и укладом. Я осязал в речах Хагиши какую-то угрозу, налившуюся гроздью и готовую пролить на меня своё гнилушное семя. Меня смущало даже не

сколько то, что мне предстояло сделать, сколько сама первосвященник–друид. Ну не такие они, друиды! Они таинственные, сведущие и мудрые, но никак не такие... зловещие и отталкивающие. Что–то тут было не так... Но что? Я поболтал в склянке яд Катиллы. Его мучнистый осадок из насекомых всколыхнулся и распределился по всей поверхности сосуда. Он, получается, введет меня в состояние летаргии. Эмилия частенько делилась со мной сведениями о подобных вирулентных настоях. Она как мастер уж знала в них толк. Если доля, к примеру, той же Катиллы окажется чуть больше, чем нужно, я моментально погибну. Однако если Катиллы будет немногим меньше, меня увлечет в сон–забвение, который всего на один шаг будет отделять от смерти. Обычно в такой сон–забвение погружают людей с каким–то умыслом, подразумевая, что при желании достанет сноровки их выдернуть из забытья обратно. Мне же Хагиша ничего такого не обещала. То есть, не сыщи мы с Альфонсо червоточину, все – все пропало. Как–то незавидно. Впрочем, разве у меня есть иной выход, кроме как рискнуть? Я очень люблю Альфонсо Дельторо, и подставить или не подставить свою шкуру под «губительную случайность», у меня выбор не стоит.

Когда я подошел к дому Альфонсо, то изрядно удивился тому, что на его пороге меня поджидала не только Лика, но и Хагиша в своих красных одеждах и накинутах капюшоне. Рядом с ней топтались несколько друидов, тоже все в красном и с красницей в зубах. Их челюсти мяли стебли и производили отвратительные багровые слюни, которые они не сдерживали в себе. Мерзкое пренебрежение посетило меня при их виде, тошнотворное и гнусное. Куда делись все те, знакомые мне, ревнители Духа Зелени? Почему они превратились... в этих странных и безобразных кумиропослужителей с мыльной охрой на губах?

– Как ты меня опередила?

– От Храма под Небом есть свои тропы в любую точку Энгибара, –ответила мне Хагиша. – Мы пришли, чтобы узреть твой переход в Устье Грез.

– Пусть так, – кивнул я, после чего обратился к Лике Дельторо: – Приведи сюда кого–нибудь из верных Альфонсо следопытов. Тех, на кого он мог действительно положиться.

– Зачем? – тут же осведомилась первосвященник–друид.

– Затем, что так мне хочется. Лика, я подожду тебя тут.

– Я... да, я исполню, что ты просишь, Калев, – быстро сбегая по порошкам, крикнула через плечо Лика.

Я стоял и ждал, ощупывая взором тех людей, что звались друидами. Их поведение и повадки казались мне заслуживающими недоверия. Почему? Может всему виной красница, что брызгала мелкими каплями из отечных горловин друидов, или их холодные, отдающие гробовой пустотой взгляды. Не знаю. Мне показалось неизмеримо важным не оставаться одному в кругу этих, с позволения сказать, людей, когда я буду без сознания. Могу списать свою подозрительность на то, что вскоре мне предстояло окунуться в бессвязный и порочный омут Катиллы. Впрочем, перестраховка еще никому не навредила...

Минут через пятнадцать–двадцать Лика Дельторо показалась с шестью неприветливыми мужчинами, каждому из которых было к сорока годам, и одной женщиной лет тридцати трех. Все они супились и исподлобья косились на Хагишу и её спутников. Первосвященник–друид расправила плечи и как будто сверху вниз глядя на пришедших, надменно промолвила:

– Так, так, так, кто это у нас тут? Семь «лесных стрел»? Единственная недальновидная каста Энгибара, которая противилась восхождению Завету Благодати и к его верховенству в Храме под Небом. Я не забыла о ваших крамольных речах посреди собрания друидов. Нет, не забыла.

– Твой культ кровожаден и жесток, Хагиша, – проворчал мужчина с топором на поясе. – Никогда Дух Зелени не решал свои заботы при

помощи открытой ненависти и агрессии.

– Что такое Завет Благодати? – спросил я.

– До сих пор это было малочисленное общество отшельников, живущих на выселках и проповедующих Сказания Отмщения. Такое себе «сказание», уверяющее, что все и вся обязаны вложить в руку меч и щит, и с ними мстить за осквернение нетленного порядка природы. Их, этих «заветников» с посула Хагиши, вняв её уверениям о начале Новой Страницы в истории Энгибара, основанной на праве ставить Землю–Мать выше человеческой юдоли, по глупости и бестолковости выбрали руководить друидическими конфессиями. Когда Завет Благодати дорвался до власти, то все неугодные ей волхвы и рейнджеры вдруг оказались в немилости. Их обвинили в несоблюдении новоявленных принципов и каких–то несуразных устоев, выуженных из больной фантазии Хагиши. И что потом? Всех более–менее толковых жрецов изгнали из общины и запретили им возвращаться под страхом «суда». Только всеми уважаемого Альфонсо они побоялись тронуть и нас, его личных «лесных стрел».

– Не шибко–то ты жалуешь своего первосвященника–друида, Хансель, – улыбнулась Хагиша своими красными в подтёках зубами. – Разве плохо то, что браконьер понесет наказание? Или зазорно покарать зарвавшегося траппера? За нарушение Равновесия должно последовать справедливое воздаяние. И Завет Благодати истово и заповедно ратует за это. Друиды и их собратья находились в потемках своих миротворческих обычаев, которые по сути своей претили Духу Зелени. Делали Его слабым и ничтожным. Но ничего, скоро Он воссияет и воспрянет, как никогда до этого.

– Уже воссиял, ага, – сплюнула женщина. – Та треба тому доказательство. Секвойя–Аватар Дух Зелени покрылась кровавой коркой после неё, а Альфонсо слег, погубленный сваренным тобою ядом.

– Только со слов все так чинно и пригоже, – промычал товарищ мужчины с топором. – Кто распял на деревьях охотников из Рахиса?

Кто предал смерти рыболовов, что закидывали свои сети на Шевелянке? Кто закопал по шеи в глину, я хочу получить ответ, подростков, что просто собирали ягоды у нас в Медвежьем Угодье?! Кто они?! Это вы! Изверги!

– Они не только собирали ягоды, но и травили кроликов своими бешеными собаками. Не ради пропитания, но в угоду своим ледяным сердцам. Жаль, что вместе с ними я не закопала еще и их узколобых родителей – так была бы всем наука о том, как надобно воспитывать своих чад.

– Ты чуть их не убила! И убила бы, не освободи мы их!

– Твои слова – ветер, Прик. А что по поводу твоих обвинений, Элхе, то и они беспочвенны и мятежны. Дух Зелени не принял подать только потому, что уже устал от ваших пустословий. Он гниет, и гниет исключительно из-за вас. Из-за вашей нерадивости и вашей бездеятельности. От вашей нерешительности и нечестивой застенчивости. Ныне с этим покончено, теперь Завет Благодати расставит все по своим местам. Дух Зелени и с Ним все Естество края Соединённого Королевства расцветет на зависть всем. Те же, кто встанет на пути Обновления – будут истреблены.

Запальчивая фанатичность, с которой говорила Хагиша, заставила меня содрогнуться. В Энгибаре случился Переворот Сил, и гадай не гадай, скоро он выльется в противостояние, что обернется смертью для многих поселенцев этого, доколе не ведающего ранее раздора города рейнджеров и друидов, волхвов и знахарей.

– Сколько всего лесных стрел?

– В Энгибаре? И пятидесяти не наберется, – прорычал Хансель. – Все за его пределами. В Медвежьем Угодье.

– Хорошо, – кивнул я. – Это хорошо.

– Больше плохо, чем хорошо. Я все более уверяюсь, что лесным стрелам тут не место, – отметила Хагиша. – Однако мы задерживаемся. Пора начинать, Калерб.

Я, многозначительно глянув на Хансея и Элхе, кивнул.

– Мы будем рядом с тобой и Альфонсо, – сказала Элхе.

– Это!.. – взъерепенилась Хагиша, но её оборвал Прик.

– Это никак не противоречит правилам. Или и это уже запрещено? Не упомяну такого.

– Нет...

– Вот и славно.

Я вошел в дом Дельторо. Он все так же лежал на кровати, походя своим обликом на мертвеца. Я отдал Лике посох, отложил котомку на стул и забрался на перину, благоухающую как медвяными травами, так и испариной залежавшейся плоти. Хагиша и восемь её друидов, неистово чавкающих красницей, встали в моём изголовье.

– Пей, – промурлыкала Хагиша.

Я откупорил пробку с резной головой волка и залпом влил в себя содержимое мензурки. Мерзкая, густая жижа, принявшее в свое лоно утопленных насекомых, поползла по моему надгортаннику, затем по голосовой складке и дальше в трахею и пищевод. По вкусу эта слизь, а иначе её и не назовешь, была сродни сукровице, солидно приправленной некой невообразимо тошнотворной составляющей, которую невозможно описать словами и чувствами. Меня пробрала волна жара пустыни и одновременно с ней накрыла поволока склепного холода и рассудочной неустойчивости. Мой желудок жгло желчью, а мозг посылал импульсы тревоги и безотчетного, всеобъемлющего страха. Я словно бы погружался сам в себя, в свои внутренности, и в них уже проваливался в смарагдовую толщу Бездны,

что есть суть Черноты и Бесцветия. Последнее, что я успел различить, прежде чем окончательно снизошел в хтоническую пучину, были ковыляния свечных фитилей. Их призрачное пламя отбрасывало длинные тени на тяжелые шторы и мебель, вовлекающую в себя свои углы и абрисы... Катилась подействовала...

Трехмерное пространство, таким, как мы его знаем, тут не существовало. Я понимал, что это совсем не те визии, в которых ко мне являлся Укулукулун или приходили, уже крайне редко, обычные предметы, силуэты, эманации, порождения памяти или иллюзии и фантазмы дремлющего разума. Я находился в сознании, четком и ничем не завешанном. Тот полет, отмеченный преодолением звездных прерий и впадин бестелесного, но безобразно и кошунственно мыслящего толка, нагнал на меня древний, гнездившийся в наших предках испокон веков, ужас неведомого. То, что мне довелось познать, и к чему, я, в силу своего безволия, смог приобщиться, можно назвать психозным сюрреализмом и адовым абсурдом. Потусторонние маргиналии и ямины, выползающие на моем пути в Точку Невозврата, кишели вспученными страшилищами и плотоядными бестиями, такими аномальными и несовместимыми с привычным, что мне хотелось кричать. Несусветный хаос злокозненности, беспринципности и зыбкости, обметанный гнилушными, погрязшими в грехе, бестолковыми подлипами, сопровождал меня повсюду. Эта в высшей мере порочная мешанина, крутившая мое гуттаперчевое «я», не отступала, пока где-то там, на задворках моего безумия не проскребся тоненький ориентир. Он, компас космического коллапса, стал вести меня куда-то в одну из этих торфяных выщерблен, снискавших загробный саван тлена и мириад криков агонии.

Плато, где я – клочок-туман приземлился, точнее, меня приземлили, воспринималось мною не глазами, а какими-то совершенно иными, находящимися в зачатках, чувствами. Зрение, слух, осязание, обоняние здесь преобразовывались в клубок-головоломку, который давал иначе познать себя и окружающую действительность. Альфонсо Дельторо стоял в шаге от меня. Он застыл в наблюдении и созерцании тех апокалиптических руин, высотных башен, циклопических монолитов, зачарованных изваяний,

эфирных лестниц–лемнискат и безбрежных океанов ганглий, что способны сформироваться только в больном воображении. Я потянулся к другу своим «я», но в ответ импульс–энергия принесла мне лишь безмолвие. Я понимал, что Альфонсо попал под гипнотический эдикт этих, суррогатных и животрепещущих картин, что не нарисует ни одна кисть художника, даже если тот будет отягощен экзальтационным бредом. На меня сии равнины, униженные лиходейскими постройками и населенные антропоморфными обитателями, облюбовавшими собою каждую пядь, уже тоже начинали влиять. Они тянули в свои сети и навязывали мне чужеродный, расщепляющий и растворяющий меня поток. Тот шум, что воспроизводила округа, кичился пронзительными нотами, коих нету в известной нам «семерке». Гениальность и дегенеративность слились друг с другом в этом оркестре, как сиамские близнецы.

Самое жуткое, я мог воспринять, какова эта «музыка» на вкус и на запах. Запахи! В нос, или то, что я принимал за нос, запахи проскрребались в меня вихрями вонищ и изысканных букетов, не поддающимися определению. Я обонял сразу сто и один фимиам: гравий, сырость, персики, мертвечину, ладан, чернила, помет, тухлятину, ваниль, секрет муравьиных желез, морской бриз и паприку. Если брать тактильные ощущения, то мое осязание перешло на совершенно инородный уровень. Я мог не только потрогать «что–то», но и сразу дать ответ – чем это «что–то» было раньше, и чем оно станет потом. Его история, его составные частицы, его структура – все читалось мною и безошибочно угадывалось. Я был всем и ничем – теми гагатовыми башнями, исполинскими жуками–скитальцами, дождем из молний, проливающимся в сумасбродное небо, геологическими пластами, тающими ледниками и бесконечной Белизной, что старше Ураха, Назбраэля, Риф и всех девяносто девяти Вседержителей. Как еще мне извернуться, чтобы передать то, что обременило меня в этом бесовском апокалипсисе? Не знаю! Или знаю? Знал! Так, оно? Там, слева, вкривь... Абракадабра!

Я пытался бороться с собой, со своей психикой, и искать червоточину в благоденствующую явь Духа Зелени. Преодолевая то, что у нас на земле возможно назвать звуками, светом и тьмой, я –

импульс–энергия – прорывался сквозь кавалькаду препятствий даже не сходя с той точки, в которую меня опустили. Я мог пробраться сквозь эоны прошлого, настоящего и будущего, вместить в себя истину того, что время – это всего–навсего обман. У себя мы видим смены дня и ночи, отсчитываем минуты и часы, но в реальности – это миф. Время было, есть и будет. Оно неподвижно и нет ему конца, как и не было начала. Принятие наркотической Катиллы раскрепостило меня и поместило туда, где Мир Света и Мир Тьмы, как и обозримая Вселенная, служили фикциями–игрушками. То трехмерное пространство, что упомянул я до этого, тут являлось ущербным. Я дошел умом, что геометрия и её сложносоставные габариты, такие как тетраэдры, тригон–тритетраэдры, гексатетраэдры, ромбододекаэдры и дидодекаэдры производят здесь пятимерные и семимерный квази–царства. Когда я снискал эту аксиому, то без труда освободился от демонических наваждений, на поверку оказавшихся цифровыми комбинациями, и устремил импульс–энергию точно к Вратам Духа Зелени. Но прежде, чем податься туда, мне было надо пробудить Альфонсо, его математический потенциал. Вооруженный дифференциальными уравнениями и уравнениями с частными производными, я перешёл в атаку на элементарную и неказистую арифметику моего товарища. Чем больше я вливал в Альфонсо планиметрии и разношерстных алгоритмов, тем лучше реагировала его импульс–энергия. Когда наша связь окрепла, мы вместе придались вычитаниям, умножениям и делениям в таких объемах, что не осилили бы и странные вычислительные приборы из сопредельного мира–рубежа, опередившего по прогрессу на Мир на тысячи лет. Альфонсо очнулся, и мы, «строчкой, длиною в центиллион», ворвались в октагон, который препроводил нас в банальный трехмерный континуум Духа Зелени.

Самая обыкновенная чаща, самые обыкновенные деревья в ней. Туман нежной пленкой катился с холма, где образовывался от перепада температур. Накапывал мелкий дождик. Я ощупал себя и поболтал головой. Где–то там ухала сова, и завывал ветер. Его порывы трясли мою тунику и волосы. Осенние листья тихо опадали на пожухшую траву.

– Альфонсо?

– Привет, Калев. Ты ли это? Взаправду?

– Я! Я! Я! Пришел к тебе на выручку, потасканный ты бурдюк с вином! Что это за чистилище, что мы сейчас посетили?

Мой друг, такой каковым я его всегда помнил – плечистым, с волосами, забранными в пучок, со шрамом посредине щеки и внимательными голубыми глазами, коротко вздохнул:

– Вино бы оказалось кстати. Так? Бокальчик для успокоения нервов, – отметил Дельторо.

– И все же.

– Друидами Энгибара это место зовётся – Конкодор. Оно – это мы сами, то, что сокрыто в нас. В нашем «я». Вселенная внутри Вселенной, за Вселенной и перед Вселенной. Считается, что Катилла, которую, как я вижу, ты тоже выпил, позволяет нам откинуть рамки насущного и погрузиться в атмосферу Предбытия. По ней, её мистическим дорогам, можно путешествовать в любой План, который существует, будет существовать или существовал вне нашей досягаемости.

– Ты никогда не рассказывал мне ни про Катиллу, ни про Конкодор!

Альфонсо грустно улыбнулся.

– Отчасти потому, что сам не верил во все это. Из Конкодора еще никто не возвращался и все познания о нём у друидов строились на сказаниях и легендах.

– Но ты хлебнул Катиллы! Зачем, если не был уверен в её эффекте? Ты сбрендил?! Там, у себя дома, ты едва дышишь, и я теперь вместе с тобой! Ночью нас, по решению Хагиши, попарят на поленьях, если ты вдруг не в курсе последних новостей!

– Опять торопишься со своими умозаключениями, – промолвил Альфонсо, спокойно смотря прямо мне в глаза.

Эта его манера меня всегда раздражала! Он ни за что не отведет взгляд, и так и будет на тебя бессовестно пялиться!

– Хагиша – не та за кого себя выдает. Я стал подозревать, что она не человек, но демон, еще когда впервые увидел её на Совете друидов. Доказательств у меня не было, только внутреннее предубеждение, поэтому я, как ты знаешь приобщенный к Природной Магии, провел свой собственный ритуал, возвав Духа Зелени. И Он, снизойдя до меня, показал, что Хагиша – некий мыслящий субстрат из его Плана.

– Почему ты не пришиб её у нас?! Обязательно надо было переноситься к Духу Зелени?

– Обязательно. Смерть Хагиши и её сторонников у «нас» ни к чему бы не привила. Она, пробравшаяся за грань нашей реальности, просто бы переселилась в иное тело–вместилище, и отыскать потом её было бы невозможно. Невидимым духом Хагиша бы убежала из Энгибара и стала бы сеять зло за его рощами. Хагишу – её суть – нужно уничтожить здесь. Тут она настоящая.

– Легче легкого, да?

– Шутишь, Калёб?

– А ты чувствуешь юмор? Где мы её тут отыщем?!

Альфонсо потянулся, и его нестесняющая движений броня замерцала зеленым цветом. Он вынул Резец из–за спины и показал пальцем на притаившуюся у коричневого валуна, дотоле незамеченную мной, выхухоль. Она наблюдала за нами глазами бусинками и что–то жевала.

– Та малютка нам подскажет.

Я поджал губы.

– Телепатия, конечно... Дельторо!

– Что?

– Ты выпил Катиллу из рук самой Хагиши! – вновь отметил это я.

– И?

– И то, что ты не думал о том, что она могла умертвить тебя ею?

– Зелье варилось в присутствии десятка друидов и следопытов. У неё не получилось бы подмешать мне что-то помимо выверенных ингредиентов.

– Так-то прям? У Эмилии это всегда получалось.

– Эмилия ей не чета. Пойдем.

Мой друг бесшумно зашагал к выхухоли. Поначалу она испугалась, однако Альфонсо – мастер-парапсихолог, без труда успокоил её. Он опустился на колени подле животного и погладил по короткому, волнистому меху. Альфонсо принялся передавать выхухоли образы-видения, задавая вопросы о Хагише. Спустя полминуты он поднялся и махнул рукой на северо-восток.

– Наша подружка Сью-Сью говорит, что ни про какую Хагишу не слышала. Однако какая-то ведьма ведёт черную ворожбу прямо у истоков Духа Зелени. Она разводит там костры и всячески мракобесничает. Думаю, это та, кого мы ищем.

– Мы повстречаемся с самим Духом Зелени?

– Возможно, – улыбнулся Альфонсо. – Ты помнишь, что в Лунных Вратах, где живет Весенний Шторм, иногда просыпается Лихмирра?

– «Один раз в пять високосных лет, рой нимф сплетаются друг с другом, образуя подобие оленя. Им они облетают все уголки Лунных Врат, разнося по нему золотую пыльцу», – процитировал я Истоки Лунных Врат, писанные Аверином.

– Лихмирра в Лунных Вратах, Цашиба в Хереварсе, что в Бархатных Королевствах, Онтли в Ледяных Топях, Пирси в Островном Королевстве – это все неподдельные аватары Духа Зелени. И все они олени. Скорее всего, в своем исконном Plane, он выглядит точно так же.

– Будет интересно на него посмотреть.

– Поэтому хватит медлить, Калев.

– Иду, иду! Торопит он меня!

Я и Альфонсо пошли по неприметной тропинке, уводящей вглубь чащи. Для меня стало неожиданностью то, что при мне находились Альдбриг и Лик Эбенового Ужаса. Да и сам Дельторо имел при себе Резец – лук с бесконечным запасом стрел в колчане и топор Щавель, светящийся оливковым огнем. Я спросил своего друга об этом.

– Наши вещи, без которых мы себя не видим в опасности, так же совершают путешествие с нами по просторам, которые приоткрывает Катилла. Потому что в нашем мозге заложено – они должны быть рядом.

– Сей факт меня утешает.

Хмыкнув, Альфонсо продолжил раздвигать нависающие над нами ветки древних вязов и буков. Реалия, принадлежащая Духу Зелени, выглядела очень приятно для взора. Все тона и цвета здесь казались ярче и насыщеннее, чем у нас. Растения – натуральнее, а попадающиеся зверки и птички глядели на меня и на Альфонсо с мудростью и всепроникающей осмысленностью. Этот лес словно бы

сошел со страниц бабушкиных сказок, где все прекрасно и бессмертно в своем вечном постоянстве. Альфонсо пояснил мне в полголоса, что все здесь живущие переродились после своей смерти. Друиды Энгибара верят, что вырубленные деревья вновь вырастают в Плани Духа Зелени, а пресмыкающиеся, как и теплокровные, также как и пернатые обретают себя в этих бесконечных прериях. На моё замечание о Миров Света и Миров Тьмы и круговороте душ, что непременно засасываются в них, Альфонсо лишь пожал плечами. По его словам, мы бродим в потемках своих суждений, а то, как все обстоит на самом деле – нам неизвестно. Я согласился с ним.

Пока мы пробирались по приветливым кущам, я поведал другу о своих странствиях и проблемах. Не преминул сообщить еще и о том, что ему придется отправиться со мной в Ильварет к Констанции Демей, а затем в Великий Лес, дабы разыскать Тумиль'Инламэ, а в нем Легию и Филириниль. Альфонсо выслушал меня не перебивая.

– Значит, Дроторогор вернулся, а вампир Вальгард Флейт плодит нежить. И у обоих у них есть по куску Короны Света. На тебя насел Привратник из Гамбуса и Укулукулун из Анкарахады. Эмилия скитается где-то с Грешемом, твоим учеником, Элизабет Тёмная погибла, Фабиан в Вестмарке, и Соединённое Королевство вот-вот растащат на клочки и прянички если не сами люди, так легионы тварей, – мрачно подвел итог Дельторо. – Наш век и наша старость этого не заслуживают.

– Извернемся как-нибудь...

– Да уж, а я-то считал, что у меня в Энгибаре все плохо, а оказалось, что плохо повсюду и кругом. Войны за власть и раньше случались в Соединённом Королевстве, но Дроторогор и этот Вальгард Флейт? Нет, Калев, нет, Толковая Каракатица... Хватит ли нашей удали? Моей и твоей? Я шибко сомневаюсь.

– А ну перестань усы вешать! Попробуем! Если выберемся отсюда...

– Иначе никак... Теперь я вижу, что без нас никуда.

Альфонсо, хмуриющий брови, разнервничался. Он всегда сильно тревожился, если не мог решить возникшую неурядицу сразу. «Неурядицы», которые я ему выложил, повергли его в пропасть угрюмой досады. Он же очень ответственный, он принял все близко к сердцу и ныне активно обмозговывал, что и как ему делать.

– Я надеюсь, что Настурция Грэхольм уже что-нибудь разузнала о Филириниле, – после долгого молчания, наконец, промолвил Альфонсо.

– Вот и спросишь у нее. Из всей нашей «четверки» к тебе она лучше всех относилась. Меня же Настурция терпеть не может.

– Я посоветуюсь с ней, да, – сказал Альфонсо. – Ещё меня интересует Укулукулун. Он достает тебя почаще Привратника, так? То, что ты висишь на волосок от могилы, меня угнетает. Эта Рифф, Вседержитель, она заявила свои права на тебя... Что-то следует предпринять! По твоему рассказу ни Серэнити, ни даже Алан Вельстрассен больше не могут войти в преддверие Анкарахады, и от ярости архонта тебя отделяет только Луковое Спокойствие. Беда! Беда, Кaleb! Я не хочу потерять тебя!

– Это лестно, – тускло улыбнулся я. – Может Дух Зелени поможет?

– К сожалению, нет. Ему безразличны человеческие заботы.

– А вот это нелестно!

Альфонсо печально вздохнул.

– Перво-наперво разберемся с Хагишей и с Заветом Благодати, а потом будем кумекать, как быть с тобой и всем Соединённым Королевством. Чую, как только выведем здесь потустороннюю личину,

овладевшую Хагишей, на чистую воду, нам придется навестить обиталище Завета Благодати.

— Альфонсо, ты забываешь, что весь Энгибар сейчас под пятой Хагиши. И вполне вероятно, что она нас прирезала бы во сне, не кликну я твоих «лесных стрел» к нашей койке.

— Они и так были неподалеку. Перед тем как я вкусил Катиллу, отдал приказ подначальным мне «лесным стрелам², рейнджерам—маскам и друидам—обрядникам тайно собраться в Энгибаре. За моим домом зорко наблюдают и лишь ждут того момента, когда я очнусь, чтобы перейти от скрытности к атаке. Я все продумал, Калеп. Я не дурак.

— Чего—чего, а дураком я тебя назвать никогда бы не назвал.

Чем дальше мы заходи во владения Духа Зелени, тем более тенистее и сумрачнее становилось в обозримом пространстве. На коре дубов—гигантов, что облюбовали собою взлохмаченные сорняками бугры, я заметил какие—то вырезанные кривобокие руны, перемигивающиеся затаенной магической энергией. Они плодили мглу и холод. Альфонсо внимательно осмотрел один из тлетворных знаков, но своё мнение о нём не высказал. Мне же эти символы знакомыми не показались. Не походили они ни на пометки живорезов, ни на иные дикарские иероглифы. Потом эти аллегорические монограммы стали попадаться и на камнях и даже на самой земле. Хаотично очерченные, они неизменно включали в себя волнистые овалы и звездчатые шестиугольные проекции. Сверху с сучьев к нам тянулись тенета паутины и широкие сети, которые получается встретить лишь в Ноорот'Кхвазаме. Было ясно, что Обиталище Духа Зелени подверглось жестокому преобразованию — оно отдавало плесенью и прелью.

Неожиданно где—то левее Альфонсо промелькнул силуэт, источающий призрачный свет. Я увидел только огромные рога и копыта, высекающие серебро. Дельторо приложил палец к губам и поманил меня к кусту, возле которого стоял. Я подошел, и Альфонсо отодвинул в сторону застилающую обзор лиственную ширму. Там, в

углублении оврага, раскинулся эллипс из горящих столбов и крест-накрест всаженных в почву кольев, с насаженными на них тушками мелких зверьков. Ворон тоже имелось тут предостаточно. Они натужно каркали и клевали мертвечину, борясь с соседом за лакомый ломоть мяса. Альфонсо приподнял брови. Он было хотел взять стрелу из колчана, но потом, передумав, вооружился Щавелем. Медленно, шаг за шагом, спустились в коптящуюся горловину. Этот дымящееся мегалитическое сооружение пропитывала злобная магия. Она витала в воздухе и насыщала своими эссенциями. Нечто подобное я испытываю, когда обращаюсь к скверне Назбразля, что дает мне силы творить Тёмное Искусство. С тем отличием, что тут эта пакость была повсюду. и от того меня пробирал мерзкий озноб. Приобщиться к Бездне Назбразля единожды, за тем, чтобы сляпать волшебную закваску — еще можно вытерпеть, но ежесекундное давление зачарованных миазмов — нет. Меня потряхивало, подташнивало и мутило. И все-таки вместе с тем, я непроизвольно зачинал на Лике Эбенового Ужаса какую-то слащаво-румяную, приторно-глумливую массу. Череп моего посоха так ей преисполнился, что она потекла через его раззявленные челюсти. Там, где эта магическая кашка падала, появлялся гнойник, лопающийся желеобразным ихором, воняющим тухлыми яйцами. Мы шли среди вездесущего воронья, их помета и обглоданных костей. Всполохи искр поднимались от наших подошв. Они лизали подошвы плащей и цеплялись к штанам. Загадочная, овеванная спиритизмом обстановка, щекотала нервишки, как гусиное перо. Я, весь в напряжении, ожидал чего-то недоброго. Радовало одно — рядом находился Альфонсо, закаленный невзгодами мой закадычный друг, с которым мы умели действовать в паре почти интуитивно. Дельторо наклонился и тут... Вжух! Вновь тот олень! Он промчался всего в десяти футах от нас! Я сумел его рассмотреть! На его шкуре пустились корни чахоточные фосфоресцирующие сорняки-отростки. Так же по ней кто-то ползал, какие-то ракообразные, с клешнями и жвалами — точнее не скажу. На рогах оленя я различил пленку слизи, лоснящуюся едкой селитрой. Макушку оленя проела плешь, а его глаза — невидящие белые бельма, нагнали на меня страх.

— Альфонсо! Этот олень!...

– Тсс! Она поблизости...

Лицо моего друга прошиб пот сосредоточенности. Он машинально смахнул его латным рукавом и скользящим маневром встал спиной к каменной глыбе. Я, примостившись напротив него, заглянул за угол своего укрытия. Мы достигли центра лиходейского акрополя. Там, в размашистой, отороченной горячими выемками полости с базальтовыми тумбами, унизанными чудовищными выпуклыми письменами, зажав между коленей тушу оленя, сидело... Назвать эту согбенную, нескладную и длиннющую бестию женщиной язык не поворачивался. Она (оно) хрипела страшную мольбу и клацала когтями то по кукле–двойнику Хагиши, то по обездвиженному оленю. «У–тана–магот, у–тана–захалиб, у–тинбас–кахал!» – самозабвенно выло нечто, то лаская куклу, то вонзая заостренные ногти в оленью плоть. Облаченная в одежду из ветоши, извергающую хмарь, с обручем из гвоздей, впившихся в кожу, на лысом челе, гарпия в такт своим кошмарным песнопениям дрыгала перепончатыми крыльями и виляла хвостом–трезубцем. Вокруг неё клубились молочного цвета приведения, которые безголосо вторили ей распахнутыми челюстями. Неожиданно гарпия оторвалась от своего черного кафизма и вперила зенки без радужек ровно туда, где мы прятались.

– Ты все–таки пробрался сюда, Альфонсо, осел дурной! Ну что же, выходи не стесняйся, поздоровайся со мной! – просвистела гарпия, выпрямляясь в полный, почти трехфутовый рост.

Дельторо облизал губы кончиком языка.

– Резцом, – прошептал я. – На счет «три».

– И Калёб плакса–вакса–забиякса тут, ну и ну! – хрипло расхохоталась гарпия. – Люблю гостей! Они вкусные!

Альфонсо и я, мы вместе высунулись из–за убежища и выстрелили. Я – Ликом Эбенового Ужаса, его муторным заклятием, а Дельторо стрелой. Но цели наши запалы не достигли. Гарпия всего на

мгновение раньше повела лапой и призраки, что кручей ворошились над ней, огородили крылатую хрычовку от нашей атаки.

– Я – Хагиша! Дочь самого Хромуса Нечестивого! Ваши потуги мне нипочем! – возвестила гарпия, обнажая в улыбки внушительные желтые клыки. – Я умоюсь вашей кровью, а потом стану ворожить на вывернутых у вас кишках!

Хагиша простерла свои плешивые длани, унизанные браслетами, и к нам ломанулась орава её призрачных прихвостней. Я был к этому готов. Когда кошмарная плеяда, состоящая из порабощённых душ, попыталась опутать нас своей хмарью, я, воздев посох вверх, произнес древний, замогильный наговор. Слова, принадлежащие Назбраэлю, подобно студеной волне отбросили нападающих, но не смогли подчинить их, как я того желал, моей воле. Призраки неслышно расправляли пасти и бодали возведённый мною барьер. Пока я удерживал их, Альфонсо успел запустить в Хагишу аж три стрелы. Гарпия ловко отбила одну когтями, а от двух других увернулась.

– Брыкаетесь? Так мне нравится! Мне нравится! Так интереснее!

Распахнув плащ–крылья, гарпия выпустила на волю вонючую тучу мошкар, таящуюся у неё под волосатыми подмышками. Насекомые облепили нас в мгновение ока. Их крошечные жвала затерзали мое лицо и руки болезненными укусами. В слюне букашек точно содержался яд – моя голова сразу пошла кругом, а ноги обмякли. Альфонсо взревел и, отгоняя от себя «живое облако» ринулся на Хагишу. Взмах! Ба–бац! Топор сошелся с шишковатым стекольчатым кинжалом, вынутым гарпией из–за пазухи. Я, по–прежнему стискивая ярость призраков в оковах колдовства, заторопился к следопыту на помощь. Метя Альдбригом в худощавый бок, я к несчастью споткнулся и упал. В темечко мне тут же бабахнула грязная пятка. Я перекувырнулся и со стоном шмякнулся на то, на чем обычно сижу. Кинжал скользнул к моему горлу, но его перехватил Щавель. Когти прошли по зеленой броне Альфонсо, наградив её глубокими бороздами. Мой друг парировал хитрые наскоки Хагиши и стойко терпел зудящую мошкар, впрочем, это продолжалось недолго. От

того, что я так безапелляционно был ниспровергнут о твердь, расшатались струны моих чар, и нежить, более не стесненная ими, обвила нас молочной поволокой. В мои ноздри и уши кто-то забрался. Я потерял ориентацию. Подобное произошло с Дурнбадом на Куркумных Болотах. Тогда ему повезло, и я смог вытравить из него паразита-фантома Джейкоба, но сейчас... сейчас некому было воспроизвести надо мной тот очищающий церемониал. Я – я есть личность, нет (нет, нет, нет, не-е-е-ет!), не тысячи личностей, что принялись делить меня между собой! Призраки забрались в мой разум, где устроили галлюциногенный пир. С Альфонсо происходило то же самое. Он остервенело, как припадочный, мотал Щавелем из стороны в сторону.

– Хантал-мику-ал-фазат-атон! Хатал-мисту-вилас-сататрон! – победоносно прохрипела Хагиша. – Хромус! Отец Нечестивый! Я скину их потроха к тебе на пир!

Я все ещё мог сохранять зрение, и потому увидел, как мечущийся Альфонсо врезался наплечником в Хагишу. Она, не предвидевшая неумышленного толчка, неожиданно свалилась со своего насеста и обронила зажатую в пятерне куклу. Что же приключилось со всеми нами далее?

А вот, что. Олень, на котором до этого восседала Хагиша, вдруг вскинул голову и издал громкое «ииииияяя!». Спустя миг к нам выскочил оплетенный всяческими нечистотами его эфемерный собрат, дотолпе примеченный мною у кромки этого, рдеющего огнем и смогом, безбожного логова. Он раздул ноздри, встал на задние ноги, а затем, обретя вещественность, прыгнул на Хагишу. Удар переплетенных рогов пришелся ей точно в живот. Гарпия ойкнула и согнулась. По её проткнутому брюху стали расползаться бордовые пятна. Ругаясь и проклиная всех и вся, Хагиша все-таки умудрилась вывернуться из своего недруга. Она подалась направо, уводя за собою оленя (его рога), и кое-как плюхнулась на свое прошлое место. Как только гарпия вновь дотронулась до оленя, стреноженного в проеме, тот, проткнувший её олень, вновь став эфирным, растворился в воздухе.

Я понял! Пока Хагиша покоит свою паклю на «пленнике», дух оленя, прошибленный плесенью и струпьями, не в состоянии причинить ей вред. Та рана, что получила гарпия, пошатнула её превосходство над нами. Призраки, ютившиеся во мне, потеряли стабилизацию, которую, несомненно, получали от своей повелительницы. Я собрался с силами и, пока Хагиша ворочалась на своем гнездовье, предпринял попытку освободиться от осаждающей меня нечисти. Я – некромант, и мой опыт сверхъестественного почти интуитивно подсказал мне, как я должен себя вести. Зажмурившись и вцепившись в Лик Эбенового Ужаса, как в спасительную соломинку, я стал произносить про себя волшебные и разрывающие нутро речитативы, записанные Назбраэлем в книге «Отчаяния». С каждым воспроизведённым мною святотатственным слогом призраки–солитеры, засевшие во мне, получали ментальный и безжалостный удар «молотом» своего Господина из Мира Тьмы. Назбраэлю, по сути, все равно, кто будет страдать от Его гнева. Я весь взмок, сражаясь с цепкими крюкохватами внутри моей натуры. Думаю, на то, чтобы совладать с призраками у меня ушло не больше тридцати секунд, однако они показались мне вечностью. Когда последний метафизический «губитель индивидуальности» покинул меня, я вскочил на ноги. Посох направленный на Хагишу изверг из себя огненную пульпу. Она втемяшилась в гарпию и воспламенила её ветхое, промасленное тряпье. Хагиша заголосила, и мошकारа, которая все так же пронзала мне вены своими клычками, полетела к ней на зов. Они облепили тварь, туша собою, своими тельцами, разгоравшийся пожар. Пока деморализованная гарпия сбивала с себя пламя, я сосредоточился на Альфонсо. Поверженный изматывающей вакханалией, которую нагнал на него призрачный сонм, он, скукожившись на земле, конвульсивно дрыгал ногами.

– Именем Назбраэля, я приказываю вам убираться прочь! – крикнул я, опуская череп Лика Эбенового Ужаса на голову друга.

Дельторо свирепо взвыл и, открыв заплывшие глаза, едва не саданул меня топором. Я подхватил Альфонсо под локоть и мы, как пара рассерженных драконов, надавили на Хагишу Альдбригом и Щавелем. Кинжал гарпии блокировал клинок, но полотно топора так–

таки разрезало впалую грудину. Хагиша пошатнулась и, утратив равновесие, крикнулась на лопатки. Я собрался добить гарпию, однако она, опередив сталь Альдбрига, сделала мне подсечку. Зубы у моей шеи!... Реакция Альфонсо не дала совершить непоправимого. Резец, воткнувшийся передо мной, принял на себя слюнявый прикус. Бесцеремонный пинок Хагише под ребра, окончательно разделил нас футом расстояния. Осознавая, что её сейчас прихлопнут, гарпия перевернулась мордой вниз, а затем, каким-то чудом избегая Щавеля, взлетела. Теперь бестия парила по надутым тучами небесам, а мы с Альфонсо посылали в неё стрелы и заряды магии. Тут на мегалитической поляне вновь показался миражный олень. Он галопом пробежал мимо нас с Альфонсо и влился в родича из плоти и крови, всё еще лежавшего в смрадной ямине. Когда этот магический акт состоялся, и олени объединились в одну сущность, все вокруг зарделось нестерпимым светом, источником которого стали серые и мокрые глыбы, толпящиеся по кругу сакрального урочища. В единый миг все преобразилось. С пожелтевшей травы исчезли гнойники ганглий. Плесень с разлапистых деревьев распалась на частицы, а вместо ночи занялось яркое утро начинающегося дня. Из рогов оленя, уже поднявшегося на копыта и сияющего чистой энергией, выплеснулся животрепещущий дождь из микроскопических золотистых флюидов. Он обволок Хагишу и низверг её, безостановочно вопящую и стонающую, за грань космической юдоли.

– Дух Зелени... – прошептал мой друг. – Мы успели...

Альфонсо преклонил перед Оленем–Богом колени, и я, видя благоговение моего друга, сделал тоже самое. Олень, запредельно красивый и могучий, потряс своей всемудрой макушкой. На рогах его залились звоном серебряные и изумрудные колокольчики. Он взрыл землю передней ногой, а потом дыхнул. Из его чистого и свежего выдоха, отдававшего земляникой и мятой, воплотились врата с изумительными резными абрисами. Они распахнулись, и Альфонсо, ухватив меня за мантию, потянул к ним.

Глава 20. Вестмарка. Выводок Аспида–Хаттона

Когда я вошел в те чудесные двери, что ниспослал нам Дух Зелени, меня обнял теплый и благодушный свет. Как в коконе–скорлупе, я, сидящий в прочной и защищенной от всего зла капле, несясь по звездным кручам и Вселенским весям. Точно зная, что мне не грозят мелькавшие всюду тетраэдры, гексатетраэдры, ромбододекаэдры, тригон–тритетраэдры и дидододекаэдры, я наблюдал за их вычислительными уравнениями, что собою творили здесь Миры и Планы. Через какое–то время, могу лишь сказать, что тут оно идет по–другому, меня вышвырнуло в самого себя.

Ночь и зарево факелов... Я ощутил, что в спину мне упирается какие–то ветки. Затем возникло улыбающееся лицо Альфонсо Дельторо. Он стащил меня с погребального, но еще не зажженного пандуса из веток и валежника. Я поводил глазами по округе. Всюду валялись мертвые друиды в красных балахонах. Кое–кого из них уже оттащили в сторону. Бордовые рты, окрашенные красницей, навсегда застыли предсмертными изгибами агонии. Убитых рейнджеров из «лесных стрел» тоже хватало. Тут произошла бойня и то, что она случилась из–за нас с Альфонсо, я не сомневался. К нам подошла Лика, прижимающая к себе Каталину.

– Ты вернулся! – заплакала женщина, повисая на плече Альфонсо.

– Папа! Папа! Папа! – тоненько закричала Каталина, стискивая бедро моего друга.

– Будет вам! Будет! – промолвил Альфонсо, отстраняясь от семьи.

– Глава Энгибара, хвала Духу Зелени! – обратился к Альфонсо Хансель, устало опираясь на лук. – Твои домыслы оказались верны. Не прошло и часа, после того как Калев выпил Катиллу, как Хагиша распорядилась волочь вас на костер. Завязалась драка. Элхе, Прик и Малыш Люи погибли. Однако в пылу схватки я смог вытолкнуть из дома Лику с Каталиной и подать сигнал «нашим». Сеча шла долго, но Хагиша, и её неизвестно откуда понабежавшие прихвостни, одолели нас. Они вскинули вас с Калевом на хвойный помост, намереваясь придать огню. И тут с Хагишей что–то случилось. Она начала

меняться! У неё проросли крылья, выступили клыки, а по одежде потекла кровь...

– Дух Зелени. Это тот момент, когда Он прободал её своими рогами, отозвался на ней здесь, – кивнул я Альфонсо.

– Хагиша заметалась по площади, и весь Энгибар увидел, что она тварь из Бездны. Преодолев свой страх, все жители Общины заторопились к тебе и нам, «лесным стрелам», на выручку. Мы перебили пособников Хагиши, но сама она сумела избежать их участи. Хагиша прочла заклинание, от которого мои уши едва не лопнули, и просто пропала. Вот она была, и вот её уже нет...

К нам подоспел молоденький друид. Отдуваясь, он быстро заговорил:

– Глава Энгибара! Секвойя–Аватар Духа Зелени распустилась цветами! Она благоухает, а её кора лоснится оливковым свечением!

– Дух Зелени вновь свободен, – ответил ему Альфонсо. – Он снова будет покровительствовать нам. В Плани–Запределье Хагиша каким-то образом пленила Его материальную оболочку, вершив над Ней нечестивые обряды. Но мы с Калесом победили её.

– Там, – отметил я. – А здесь?

– Это хороший вопрос, – печально согласился Альфонсо. – Так может статься, что Хагиша ещё даст о себе знать.

– К тому же нам до сих пор непонятно, какие цели преследовала эта гарпия, – сказал я. – Для чего она подчинила себе Духа Зелени? Почему Хагиша не сидела у себя в Завете Благодати, вершив черное колдовство из него, а пришла для этого в Энгибар? С каким умыслом ею был выбит пост первосвященника–друида? Почему она не расправилась с тобой сразу, а намеревалась именно запечь? Слишком много недомолвок и заковычек, ты не находишь?

– Да, – хмурясь, отозвался Альфонсо. – Загадка на загадке.

– И теперь Хагиша исчезла, – промолвил Хансель.

– Ты же не пойдешь искать её? – встрепелась Лика.

– Я... – заикнулся Альфонсо.

– В Энгибаре все утихомирилось, – перебил я своего друга. – Отдай приказ «лесным стрелам» зачистить обиталище Завета Благодати, а сам отправляйся со мной. Нас ждет Констанция Демей. Это срочно.

Альфонсо смерил меня долгим взглядом голубых глаз. За надетой бесстрастной маской Следопыта я прозревал, как разрывается его сердце. Оно металось между долгом перед Соединённым Королевством и заботой о родном Энгибаре.

– Калев!...

– Альфонсо! Дроторогор и Вальгард Флейт важнее Хагиши. К тому же гарпия, если и жива, то сильно потрепана и еще долго не покажет свой нос. Ей сейчас надо залечь на дно и зализать раны. Чего нельзя сказать про Хрипохор и Вестмарку – они готовы сокрушить человечество! Во что бы то ни стало нужно опередить их удар, потому что время истекает! Оно тает и тает, как сосулька по весне! Я обещаю тебе, что мы непременно разыщем Хагишу и насыем ей тумачов, дай только... разобраться с первоочередным.

Немного подумав, Альфонсо повернулся к Ханселю и Лике.

– Калев принес мне вести из Ильварета. Как вы догадываетесь, они весьма и весьма дрянные. Меня требует к себе королева, и я должен незамедлительно покинуть Энгибар. Да, Лика, да, я уйду. В Соединённом Королевстве назрели большие проблемы, которые без моего участия не решить. Хансель! Разошли своих людей ко всем друидам и рейнджерам, разбросанным по окрестностям Медвежьего

Угодья. Не позднее, чем через три часа, скажи им, я созову всеобщий сбор. У Секвойи–Аватара Духа Зелени я отдам распоряжения, касающиеся Завета Благодати и управления Энгибаром, которые потребуется выполнять, пока я буду отсутствовать.

– Что делать с этими ублюдками? – осведомился Хансель, надавливая подошвой сапога на висок почившего слуги Хагиши. – Похоронить?

Мой друг поджал губы.

– Нет. Пусть их пожрет пламя.

– Будет исполнено, Верховный Следопыт, – отрапортовал Хансель, сливаясь с лунными тенями.

Пока в городе наводили порядок, мы – я, Альфонсо, Лика и Каталина, зашли в дом Дельторо. Там супруга моего товарища наскоро накрыла на стол. Ей тут было не до приготовления пищи. Прихлебывая из кружки чай и уплетая яичницу, холодную курицу, кукурузные лепешки и сыр, я слушал, как Альфонсо пересказывает жене события уже почти минувшей ночи. Он также поделился с ней и с дочерью, почему его так безотлагательно требует к себе Констанция Демей. Лика всхлипывала и украдкой утирала слезы тыльной стороной ладони, Каталина же рыдала навзрыд. Да и сам Альфонсо, предвещая скорую разлуку с дорогими ему людьми, изрядно переживал. Весь его вид говорил: я не хочу расставаться с вами! Нечто подобное испытал и я, уходя из Шато. Физиономии Птикала – дурачка, что живет у меня в замке, Тины – жабы–повара, прибившейся когда–то ко мне в Трясинах Онглойна, Катуба – полу–зомби, в прошлом рыцаря–плютеранца, Суптоны – гигантской летучей мыши и Пимина Бои – ветхого грача (последние двое обретаются у меня на чердаке и так редко вылезают из своего укрытия, что я грешным делом иногда забываю об их существовании) и других моих домочадцев до сих пор стоят у меня перед глазами. Я скучаю по ним... Вселенная, живы ли они?

На пороге замаячила фигура Ханселя: я увидел его через окно. Когда Лика впустила «лесную стрелу» в прихожую, он доложил, что большинство братьев и сестер Медвежьего Угодья уже поджидают Альфонсо а Храме под Небом. Все вместе мы вышли из уютного дома, на крышу которого бережно опускали свои зеленые руки дубы и вязы, и в зарницах бледнеющих звезд и тлеющих жаровен поднялись на пригорок, в центр Энгибара. Камни–Свидетели, как и раньше, ряд к ряду, окружали пространство перед высоченной Секвойей– Аватаром Духа Зелени. Я отметил, что перемычки–прямоугольники, соединяющие Свидетелей между собой, мигали крошечными искорками. Поначалу, я решил, что это магия, но потом осознал, что то есть тысячи и тысячи светлячков, облепивших первобытные глыбы. Лаяли собаки, повсюду звучал гул сотен голосов.

Проследовав к алтарю, покоевшемуся под корневищами секвойи, Альфонсо дал знак, и шум прекратился. В защитной броне, с аккуратно забранными волосами, с Резцом за плечом и Щавелем у пояса, мой друг выглядел очень внушительно. У него, как и у Серэнити, есть врожденное качество – лидерство, заставляющее принимать себя всерьез. Хорошо поставленным голосом он описал Совету и поселенцам Энгибара свои изначальные подозрения насчет Завета Благодати, рассказал о своем путешествии к Духу Зелени и о противостоянии с Хагишей. Изобличение гарпии и её окутанного злом шабаша на Совете приняли громкими восклицаниями и яростными воззваниями разделаться с отшельниками–демонами, засевшими на выселках Медвежьего Угодья. Альфонсо поддержал эти речи, но сказал, что сам возглавить карательную операцию не сможет. Он объяснил, почему. Вести о Дроторогоре, как и о Вальгарде Флейте были приняты в гнетущем молчании. Все понимали, что Верховный Следопыт уходит, чтобы исполнить свое святое обязательство перед Соединённым Королевством и Миром– защитить их, обычных мужчин и женщин Энгибара, Гельха, Роуча, Осприса, Гричинга, Эльпота, Ильварета, Глиняного города, Брандварда, Подлунных Пеньков и прочих больших и малых городов от расползающейся Тьмы. Кое–кто заворчал, а кто–то уткнулся лицом в руки, но никто не обвинил Альфонсо в том, что он спешно покидает Энгибар, не поставив точку в истории с Заветом Благодати. Дельторо назначил временным главой

Медвежьего Угодья Ханселя. Его выбор приняли с одобрением. «Хансель – умный и повидавший всякого рейнджер «лесных стрел». Он не уронит чести Энгибара», – так заключил Альфонсо свой монолог.

Совет закончился, но мой друг и не думал ложиться спать. Он продолжил наставлять друидов в том, как себя вести и что делать, пока его не будет. Обсуждения все длились и длились, а я в отличие от Альфонсо, бессовестно зевал. Моя сонливость не осталась незамеченной. Дельторо милостиво отпустил меня, Лику и Каталину скоротать последние предрассветные часы на подушке, чему я несказанно обрадовался. В доме Альфонсо меня разместили на кушетке с матрасом, набитым пряными травами. Наверное, как только я «бросил кости» на благоухающее ложе, так сразу и заснул. В этот раз мои грезы обременяли какие-то смазанные пейзажи и реки, что направляли свои воды в безбрежные океаны. Сюрреалистические панорамы и странные ракурсы, с которых я на них взирал, несли на себе неуловимое, но вместе с тем ощутимое присутствие Укулукулуна. Даже под протекторатом Лукового Спокойствия, я не находился в безопасности. И более того, когда я, осознавший себя в визиях, воздел глаза к небу, то четко увидел, как по его глади расползаются стеклянные трещины. Луковое Спокойствие испытывало непрерывное давление архонта, и оттого, его стенки медленно, однако верно разрушались. Сколько у меня ещё есть в запасе таких, неомраченных тиранией Укулукулуна, счастливых забвений? Такие мысли прорывались в мой измученный мозг даже сквозь полог зыбких грез. Скитаясь по неведомым дорогам, уводящим в бесконечность, и древним паркам, облагороженным диковинными статуями, вытесанными из невообразимого материала, я боязливо ожидая неминуемой встречи с Укулукулуном и думал о том, как бы мне выкрутиться. Впрочем, конструктивные мысли меня не посещали. Ощущая на себе Его пристальный взор из-за рубежа-щита Лукового Спокойствия, я, замотанный дремотными миражами, различил в перчатках очертания Путаницы. Шкатулка с ехидной торфяной клинописью, что не перевести ни на один язык, как и её раздутая, дышащая склепным ветром замочная скважина, вызвали у меня приступ бессознательной паники. Я махал рукой, пытаюсь выкинуть

Путаницу – все впустую. Она прилипла ко мне и стала частью меня. Затем в пальцах другой руки, сформировался фасетчатый ключ, затаенно мерцающий томной белизной. Сам того не желая, я вставил его в замок. Меня всего затрясло. Нет! Нет! Нет! Я не готов! Ну, пожалуйста, только не сегодня! Нет! Умоляю! Нет! На меня как будто вылили ушат брезгливости и презрения. Там, в туманной завесе, не мигая, на меня пялился, тот раздутый и плешивый паук, что тогда в Гамбусе даровал мне Путаницу. Он отвратительно зашевелил лапами и неуклюже подобрался ко мне.

– Праматерь, наша многоликая Рифф, недовольна тобой. Ты не убажашь Её алчбы. Ты не стремишься, ты не тяготеешь, ты простаиваешь. Рифф наказывает тебя. Крути ключ – три оборота. Пока ты не повернешь его и не войдешь в Анкарахад, Бракарабрад будет терпеть за тебя Её гнев. Его станут разрезать нитями и слеплять вновь. Раз за разом, раз за разом. Пытка. По твоей вине. Рифф знает, что он тебе дорог. Он первый, кого Она начнет распинать на сетях из-за твоего промедления. Смотри, на что ты его обрекаешь! Пшшшш!

Паук подтянул к себе лапами ближайшее облако, волочащее свое брюхо по низине. Поворошив по нему педипальпами, он сотворил из него нечто схожее с зеркалом. В полупрозрачной мути, как бы затянутой мутной пленкой, я разглядел Бракарабрада в образе человека. Он, нагой, пребывающей в орбите без потолка, пола и стен, был распят на паутинной сетке. По его запястьям, вколоченным деревянными кольями в субстрат-пемзу, капля за каплей, моросила кровь. По торсу, ногам, рукам и голове отшельника Серебряной Росы сновали мизгири и тарантулы. Они то натягивали тросы, повитые вокруг Бракарабрада, то, ослабляли их, когда боль пленника становилась невыносимой. Вывернутые сухожилия и застывшая гримаса безысходности, казалось бы, навеки поселившаяся на лице Бракарабраде, вызвали у меня тошнотворную трясучку. Наши глаза пересеклись.

– Каллеб...

– Почему Рифф так поступила с тобой?! Ты же ни в чем не виноват! – прохрипел я.

– Праматерь посчитала правильным – поторопить тебя... Я выдержу, – тяжело ответил Бракарабрад. – Но ты... ты наберись сил... подготовься... Не поддавайся ... Пока между тобой и Укулукулуном стоит Луковое Спокойствие... Используй это время... Испытание!

Осознание того, что из-за меня непричастный к Испытанию безобидный отшельник Серебряной Росы подвергается насилию, пронзило моё нутро острым клинком.

Зеркало–облако растворилось, а арахни, с пятнами выцветшего хитина и бородавчатыми нарывами на лапах вперился в меня всеми восемью отежшими глазами.

– Ты улицезрел, ты прочувствовал, ты проникся. Бракарабрад первый, Бракарабрад первый, но не последний, кто будет нести за тебя Бремя возмущения нашей Липкой Праматери. Ты жалкий, ты унылый, ты нецелесообразный! Отринь свою неуверенность, свою застенчивость и пугливость. Крути ключ. Три раза. Крути! Крути! Крути! Иначе братец Эмилии Грэкхольм присоединится к Бракарабраду! Ансельм! Ансельм! Ансельм!

Последние три слова арахнид прямо–таки прокричал.

Этот чавкающий, не имеющий ничего общего с людским наречием, ор окропил моё «я» льдом и пригнул мои колени на черно–белое распустье. По моим щекам текли слезы. Я плакал из-за своего малодушия, из-за боязни вновь столкнуться с деспотизмом Укулукулуна и потому что не мог заставить принять себя Испытание, затянувшее Бракарабрада в застенки агонии.

– Слезы не помогут! Я доберусь до тебя! А лучше умри! Умри! Наложь на себя руки! Так будет всем легче! Самоустранись! Соверши самоубийство! – раздался гром с небес, несомненно, принадлежащий архонту Праматери.

Я ясно различил возле себя дерево и свисающую с его сука угодливую веревку. Она раскачивалась под дуновением холодного воздуха взад–вперед. Что, мне? Как Серэнити, влезть в петлю?... Освободиться от нависшего надо мной Рока? Так все просто?...

– Сделай это, и ты больше не проснешься! Путаница будет моя, а ты отправишься в Безликую Пустоту!

– Нет...

– Тогда жди меня, червяк! Жди и дожидайся! Когда Луковое Спокойствие разрушится, я наслажусь твоими всхлипами и криками сполна!

Арахнид, что еще подрагивал поблизости, воззрился ввысь.

– Укулукулун! Архонт Укулукулун! Король Анкарахады! Ты тоже непотребный и недобросовестный! Ты обратил Дом Шелка в руины! Ты все потерял! Ты все упустил! Рифф, великолепной и всемогущественной Рифф ты надоел! Опостылел и утомил! Не он, так другой пройдет Испытание! Ты обречен! Обречен! Обречен!

– Я есть властелин всех пауков, всех Миров и Планов, маленький уродливый Шорох! – пророкотал небосклон. – Почему бы тебе не вылезти из Лона Праматери и не вкусить моего всевластия? Не утруждай себя ответом, я знаю, что ты такой же трус, как и этот раб Шаттибраль!

– Я – книгочей и хронист, Укулукулун. Моя доля – вести «пересчеты», вести летописи, вести летоисчисления нашей прародительницы Рифф. Пшшш! Я – на своем месте, а ты нет! Ты его недостойн! Ты подлый, ты мягкий, ты скользкий! Ты забыл, что такое Истина и Предназначение! Дома Шелка нет! Но он вновь восстанет! Когда Испытание замкнется на себе, он заново воссияет! Без тебя! Без тебя!

– Хватит ничего не значащих слов, Шорох! – рассмеялся Укулукулун из космических далей. – Лучше получи от меня презент!

В арахнида ударила молния. Он скукожился и осел. Из его клыкастого рта заструилась бардовая слизь.

– Раб! Ты же видишь, что я могу, и что умею? Зачем ты противишься своей участи? Своей смерти! Сегодня я милостив, и та веревка – выход из твоего незавидного положения. Просунь в неё шею и покончи с этим дурацким цирком. Я обещаю тебе – Рифф отпустит Бракарабрада, как только ты испустишь дух.

– Только лаять и умеешь... – едва слышно отозвался я.

– Вскоре ты запоешь иначе, ничтожество...

Меня обняла изумрудная взвесь. Я проваливался сквозь толщу кристаллических сколов... Луковое Спокойствие, наконец, отделило меня от Укулукулуна...

Весь потный, с мокрыми волосами я открыл глаза. Лица тихо посапывала в кровати за балдахином, и Каталина, полностью укрытая одеялом, тоже чуть слышно сопела. Вселенная, теперь Рифф дотянулась до Бракарабрада... А за ним последует Ансельм! Я помассировал виски, снедаемые мигренью. Однажды с семейством Грэкхольмов произошла очень печальная история, нашедшая отклик в моих нынешних терзаниях. Тогда, века назад, Ансельма – сына Наурет и Клидаса Грэкхольмов, младшего брата Эмилии и Настурции похитили последователи Дома Шелка. Наурет и Клидас долго искали его и вышли на след одного пещерного омера, который рассказал им, что их дитя уволокли в Логово Серого Паука. К сожалению, Грэкхольмы не успели спасти Ансельма. Когда они ворвались в притон Дома Шелка (на тот момент уже последний во всем Соединённом Королевстве, остальные разобрали на щепы жрецы Инквизитика Конопус) их сына уже принесли в жертву Рифф, по такому страшному обряду, что язык не поворачивается произнести. Наурет и Клидас, выдающиеся маги прошлого, выжгли Логово Серого Паука дотла,

поставив точку в идолопоклонничестве Рифф, но Ансельм... Они не провидели, что их погибшее чадо навсегда окажется затынутым в Её Анкарахадугу... Я должен вызволить Ансельма! Обязан! Ради Эмилии, Наурет, Клидаса... и ненавидящей меня Настурции! Калев! Ну почему ты такая размазня?! Нет, я не такой... Сейчас, дрожа всем телом, я дал себе зарок – я сражусь с Укулукулуном. Этому быть. Возможно даже, скорее всего, архонт сотрет меня в порошок и... Я не смею допустить этого, до того, как Хрипехор и Вестмарка потерпят поражение – они мои первоочередные задачи! Когда с ними будет покончено, я сам, не по принуждению, засуну ключ в тлетворную шкатулку и проверну его трижды. Пойми меня, Бракарабрад, от меня зависит то, что произойдет с Соединённым Королевством уже в ближайшем будущем. Его судьба – значимее и меня, и тебя, и Ансельма. Если Укулукулун прорвется сквозь Луковое Спокойствие раньше, чем я найду Филириниль, что же – так тому и быть, однако если время мне позволит – я отложу встречу с ним на ту пору, когда Огонь и Тьма будут побеждены.

Я поднялся с матраса и дошел до уборной. Там я ополоснул в бадье лицо и привел себя в более–менее приличный вид. На кухне я сел на стул и подставил лицо пробирающимся сквозь занавески солнечным лучам. Ковыряя ногтем в столешнице, я, было, подумал о завтраке, но накотившая желудочная истома, затолкавшая желчь по горлу, отсекала эту мысль. Украдкой выбравшись из дома, я, согнувшись пополам, изверг из себя скопившуюся внутри гадость. Как только я разогнулся, меня поразила иная хворь. Напомнила о себе Отметка Арбитра – на руке, где мне вытатуировали масляный фонарь над мрачным мегаполисом, проявились тонюсенькие жилки–гуаши. Они растеклись по всему предплечью и забрались, мне кажется, куда–то за лопатки. Их течение откликалось в моей брэнной плоти неуловимыми уколами, которые с каждой секундой жалили меня все более остервенело. Нет, вред, что они мне наносили, не имел под собою физической подоплеки, как я изначально решил. Уколы глодали мое естество. Существует ли душевная боль? Еще как! Я изнывал под её воздействием, кривлялся и ныл. Наверное, что–то подобное испытывают призраки, когда я накладываю на них тёмное искусство. Божечки! Поутру меня вознамерились достать все мои «драгоценные друзья»! Буль Золотобородый – излеченный вампиризм которого

бередит мне кишечный тракт, Укулукулун со своей патологической тягой заграбастать Путаницу, ну и Привратник приложился Отметкой Арбитра! Эге–гей, приятели! Я так превращусь в развалину под вашими то радениями! Истерически рассмеявшись, я увидел Альфонсо Дельторо, бодро шагающего по благоухающей ландышами улице Энгибара. Следопыт, приблизившись ко мне, сострадательно нахмурил брови.

– Что с тобой? Это та Отметка Арбитра тебя дергает?

– Она, и не только она, – кое–как распрямившись, сквозь сжатые зубы, ответил я. – Сейчас все пройдет.

Маята и правда покидала меня. Не так прытко, как мне бы того хотелось, но все же. Спустя минуту–другую я пришёл в норму. Альфонсо молча дожидался, когда я соберусь с силами.

– Ты как?

– Все, все... Я в порядке.

– Тогда давай двигать в Ильварет. Я только попрощаюсь с Ликой и Каталиной. Моя кобыла...

– Твоя лошадь, уверен, шустрая и неутомимая зверюга. Однако она намного медленнее Юнивайна. Мы поскачем на нём.

– Ты говоришь про того коня из Леса Скорби?

– О нем самом.

Мой друг перевел взгляд на дверь своего дома.

– Ладно. Хотя вдвоем нам ехать на нём будет весьма неудобно.

– Ага, я бы тоже предпочел карету, а в ней пуховые подушки и запас Золотого вина из Плавения.

– Комфорт ты всегда любил, – хмыкнул Альфонсо, поднимаясь по порожкам веранды.

Я глубоко вздохнул и извлек из сумки Кампри. Камень Призыва, размером со средний апельсин, искрился сапфировыми отблесками. Я размахнулся и кинул его об землю. Ничего не произошло. Не долетев до травяной подстилки, Кампри завис в воздухе. Створки его завибрировали, но не открылись. Юнивайн чем-то был занят и не откликнулся на мой зов. Я подобрал Камень Призыва и вновь пустил его вниз. Снова тишина. Я повторил попытку. На этот раз призрачный конь появился. Он огляделся, и, не увидев никакой грозящей мне опасности, встал на дыбы. Ему не понравилось, что я так бесцеремонно его побеспокоил, когда вроде бы вокруг все не так плохо.

– Прошу, пойми меня, мой дорогой, нам с Альфонсо необходимо попасть в Ильварет, причем как можно быстрее, – принялся я оправдываться перед явно недовольным Юнивайном. – Уверяю тебя, что как только мы туда попадем, я не буду беспокоить тебя многие дни!

Призрачный конь заржал и покачал удивительной гривой. Он как будто попрекал меня за мои слова. Мол, вот он – я, раз уж у тебя такая срочность, и если понадобится еще – зови. Получив морозное прикосновение от лба Юнивайна, я благодарно взобрался в седло. Альфонсо, показавшийся чуть попозже в сениях, изумленно раскрыл рот.

– Всяких я повидал копытных, но такого...

– Дядя Калерб! Что это у Вас за лошадь? Почему она светится? – любознательно спросила Каталина.

Она и Лика вышли проводить нас в путь.

– Он волшебный, – улыбнулся я, придавленный со спины, взобравшимся на Юнивайна Альфонсо.

– Из добрых сказок?

– Из самых–самых.

– Лика, Каталина, я люблю вас!

– Альфонсо! Будь осторожнее и... Молю Ураха и Духа Зелени, чтобы ты вернулся целым и невредимым!

– Иначе никак, – тепло откликнулся Следопыт.

– Пока! – крикнул я.

Юнивайн зацокал по Энгибару, а позади, пытаясь его догнать, бежала Каталина. От этой картины моё сердце дрогнуло. Беззаветную любовь маленькой девочки к своему отцу – не купишь ни за какие деньги. Желал бы я, чтобы у меня тоже была дочь или сын? Чтобы жена точно так же махала мне платком вслед у порога Шато? Я представил, как безупречно красивая Эмилия с младенцем на руках смотрит на меня уходящего в неизвестность. Какие чувства владели бы мной в тот момент? А какие сейчас гнездятся в груди Альфонсо? Я немножко завидовал своему другу – у него есть те, кто будут переживать, как он, и что он. А у меня? У меня есть только я сам. Я одиночка и одиночество – мой удел. Конечно, надо припомнить всю ту же Эмилию, Грешема, Альфонсо и Бертрана, однако я им только друг и не более того. Иная же ипостась – узы брака и их производная – дети, для которых ты становишься целым Миром. Я тешу себя крохотной надеждой на то, что моя прошлая недалёковидность по отношению к Эмилии еще обратима. Что она еще разглядит во мне «того самого мужчину»... Тут стоит сделать засечку – если я выживу в надвигающемся Армагеддоне, если меня не уничтожит Укулукулун и если Привратник каким–то образом отстанет. И даже случись все так, то как мне донести до Эмилии свои чувства? Бертран вон сколько старался добиться ее расположения, и все коту под хвост! Я–то чем

лучше? К тому же моё откровение вполне способно уничтожить нашу дружбу. Сколько подобных примеров я могу упомянуть? Десяток, точно. Говард Демей так и не добился благосклонности своей давней приятельницы графини Анны Фаггот из Лепшильда. Она после его сентиментального признания оборвала с ним все связи. Да и Шилли Хельберт тоже пострадал от неразделенной любви, хотя ходил просить о ней к святой Яинеске. Мария (фамилию не упомяну), девушка из богатого сословия купцов Роуча, сказала ему: «Мой папа считает, что мы обязаны только дружить, и не более того». Тех или иных моих знакомых не обошли стороною волнующие чары и шипы романтики, да и я их изведаль по молодости. Примерно в двадцать лет, еще до того, как я повстречал Эмилию и Альфонсо (с Бертраном мы уже дружили), мне очень приглянулась одна девушка. Как её звали? Уже не скажу. Я объяснился с ней, но она дала мне понять, что мы друг другу неровня. Та девица давным-давно умерла, как и её дети, внуки и правнуки, а я все помню её отказ. Я клялся, что подарю ей целый замок и сделаю её самой счастливой. Что она не будет знать нужды. Что все, о чем она мечтает, я исполню. Безымянная, я тот оборванец в замызганных штанах и куртке, тебя не обманул бы. Замок – Шато у меня появился, и денег у меня немало скоплено в нем, но ты обратилась в прах и никогда не узнаешь об этом. Та, самая первая страсть, она никуда не ушла из моих воспоминаний. Изведав горькую чашу невзаимности, я так думаю, закрылся в своей раковине и уже полностью посвятил себя магическим тайнствам. Да, я странный человек, и именно моя странность возвела меня на тот уровень мастерства, где я по сей день и пребываю. Я профессионал–колдун, без ложной скромности говоря достигший немалых вершин в управлении Вселенскими флюидами. Однако мой успех, мои богатства и мой опыт не соизволили снабдить меня второй половинкой. Одиночество, я повторю, мой удел. Герои по типу меня обязаны нести груз ответственности, не деля его с кем–то ещё, с мужем или женой. Плата за подвиги велика, а вот честна ли она? Для кого–то да, для кого–то нет. Я считаю, что Вселенная дает нам то, что мы заслуживаем, то, что может иметь место в нашей жизни. Если брать в расчет лично меня, то я, видимо, так и буду куковать холостяком, покуда не умру. Ха! А умереть я могу уже завтра или послезавтра! Чего гадать, да пестовать жалость к себе! Где наша не пропадала? Калёб Шаттибраль ещё повоюет!

Юнивайн вынес нас из Энгибара и поскакал по редколесью, усеянному Свидетелями. Монолиты, пористые, в выщерблинах и побитые непогодой, возникали то справа, то слева. Призрачный конь, взяв для себя привычный, запредельный для восприятия темп бега, огибал их с мифической ловкостью. Альфонсо позади меня, пораженный нашей скачкой, только и делал, что поминутно охал и приговаривал мне на ухо: «Он не конь – он чудо!».

Ветер весенней струей свежести трепал мой капюшон и рвал мантию. Мазки, в которые от бешеной гонки призрачного коня превратились деревья, камни, пригорки и ручейки, сменялись цветными полосами синего, желтого, коричневого и зеленого. Юнивайн знал, куда нас везти. Ему вообще, мне кажется, любая дорога известна наперед. Даже в Гамбусе, он безошибочно сориентировался, где расположен Отражатель – линзовый комплекс, приютивший Дукаса, Фирджи, Короля Брена, Импрет, Хадру и Горгона Преломляющего Оттенки. Интересно, кузнец из «Бесовской Плави́льни» сподобился вставить кусок Амасты в квазальд? Уповаю на то, что у него получилось!

Где-то после полудня Юнивайн дал нам размять затекшие ноги и передохнуть. Лужок с веселым родничком, смело пробивающимся из-под корневищ старых вязов, – таков был антураж нашей стоянки. Скатерть «На любой вкус» накормила нас горячим супом из телятины, пюре с тефтелями и двумя пинтами эля. Альфонсо воздал должное артефакту, позаимствованному мною из Килкваги.

– Ты знатно прибарахлился за эти приключения, Толковая Каракатица. Тут тебе и эдакая Скатерть, и Кампри, и Лик Эбенового Ужаса – добротный такой посох, и уникальные книги. Чего только «Первоначал»а стоят!

– Поверь, Комок Нервов, я бы не раздумывая обменял все эти богатства на пару безмятежных денечков в Шато.

– Верю.

– Почему ты не рассказал мне, что женился?

Альфонсо отпил из кружки, а потом заложил в рот длинную травинку. Его голубые глаза следили за клином порхающих птиц.

– А почему ты не написал мне ни одного письма за прошедшие десять лет? Хочешь, отвечу? Мы уже не те, Калев, что были раньше. Наша молодость уже трижды минула, и каждого из нас разнесло по разным оконечностям реки–беглянки. У тебя свои заботы, у Бертрана и Эмилии – свои.

– Как и у тебя?

– На мне лежит ответственность за Энгибар.

– Ты говоришь так, как будто Грозная Четверка уже ничего для тебя не значит.

– Когда она собиралась последний раз полным составом?

– Ну–у–у...

– Вот видишь, ты и сам уже не помнишь. В этом нет ничего дурного. Все подвластно изменениям и мы, – ни ты, ни я, не исключения.

Я поджал губы. Слова Альфонсо были честны. И я, и Эмилия, и Бертран, да, как и сам Альфонсо, мы все погрязли в собственных заботах. Бертран Валуа безвылазно заседал в аудиториях Магика Элептерум или метался по её заданиям. Эмилия до недавних событий жила в домике в Лунных Вратах, где предавалась алхимии и зельеварению. Я коротал четыре сезона в Веселых Поганках и... навещал ли я Грэкхольм хотя бы раз в два года? Нет. А она меня? Тоже нет. Альфонсо – то и говорить нечего, в Энгибаре всегда хлопот хватает. Такие не разлей вода в юности, ныне мы отстранились друг от

друга и стали полагаться только на самих себя. Эта мысль опечалила меня.

— Теперь ты и я, мы снова вместе, а Бертран обещал присоединиться к нам чуть позже, чтобы найти осколки Светочи для Эмилии. Может, именно сейчас, в эти черные дни, настала пора вновь собраться всей Грозной Четверке?

Следопыт обнял меня за плечо.

— Пусть будет так. Я скучал по тебе, Калерб.

— И я по тебе, Альфонсо.

Я извлек из сумки Хиловису.

— Кстати! Я взял ее, уходя из Шато, чтобы показать тебе. Этот момент настал! Что скажешь?

— Она самая?

Альфонсо аккуратно принял веточку неувядающего дуба. Он повертел ее так и эдак, а затем помахал туда—сюда.

— Твоя история про гениального художника Икки Тира, про Ожу и Зожу недвусмысленно дает понять нам, что Хиловиса тоже волшебная палочка. Однако есть ли в ней заряды? И если да, то какие?

На вытянутой руке Альфонсо начертил Хиловисой круг.

— Проявись! — повелел он.

Друидическая магия Дельторо и моё колдовство не похожи между собой. и секреты тайнства у нас разные, поэтому я с надеждой ждал, что мой друг вот—вот выявит потенциал Хиловисы.

— Покажи мне себя!

И вновь замысловатые росчерки Хиловисой по воздуху.

Ничего не произошло. Альфонсо ещё минут пять поупражнялся с Хиловисой, а потом опять подвел её к глазам. Его брови хмурились.

– Мне думается, Калёб, что Хиловиса невероятно мощная штука. Сопrotивляется мне. Упорствует! Я не могу заставить её дать знать, для чего она нужна, хотя чувствую, что внутри неё сокрыта дремлющая сила.

– Предположения будут?

– Одно и оно стопроцентное. Хиловиса, как ни крути – творение эльфов. Про волшебные палочки мы можем только гадать, но тут я уверен. Если бы ты имел при себе ещё футляр от неё, то я бы сказал больше.

– Мы идем к Тумиль’Инламэ, и так статься, там она пригодиться.

– Как вариант. Храни её, как зеницу ока. Я потом еще поковыряюсь с ней, – передавая мне Хиловису, промолвил Альфонсо.

– Кликни тогда, как соберешься.

– Хорошо.

Мой друг прошелся по поляне. Сорвав дикую розу, он вновь сел и протянул её мне.

– Красная смесь — включает сорта, лепестки которых в основном красные, но имеют участки других оттенков, например жёлтого, оранжевого. Эта именно такая. Гибрид.

– Пахнет приятно.

– Это растение – спящий вампир, способное поглощать энергию, исходящую из человека. Если розу правильно вскормить и учинить над ней соответствующие ритуалы, то для людей, получивших её соцветие в дар, жизнь в скором времени покажется опустошенной и разбитой.

– Серьезно? Не знал.

– Роза – по своей сути апофеоз мистики. Она символ богатства, предательства и любви. Роза включает в себя огромное множество ассоциаций, метафор и аллегорических форм. Чаше прочих этот цветок ассоциируется с эмоциями, привлекательностью и страстью. Роза неоднозначна, она олицетворяла и до сих пор олицетворяет разные значения, которые зависят от ее цвета. Связанная по своей морфологии с кругом, роза с первобытных эонов отождествляется с темами рождения и перерождения, а скорость, с которой она увядает, сделала ее вензелем смерти и хрупкости существования.

– К чему ты клонишь? – заинтригованно спросил я.

– В Вестмарке, роза – исконный герб вампиров. У всех трех величайших оплотов Тьмы – Арт Паури – ковена Ночного Дозора, фамилии Рихтеров, Зинат Альфадаха – ковена Порхающей Ночи, фамилии Флейтов и Лившихтмаха – ковена Чистой Крови фамилии Вайнхеберов она вышита на флагах. У Рихтеров – розовые и синие розы на эмблеме обрамляют меч, пронзающий череп, у Флейтов – сквозь розы летит нетопырь, держащий в лапах скрещенные кости, а у Вайнхеберов – из шипастой розы, повитой гадюкой, течет кровь. Роза как священный атрибу, чествуется и в капищах антропомантов Аспида–Хаттона. Там её лепестки смешивают в жаровнях с эфирными маслами и потрохами теплокровных.

– Антропомантов? Кто это?

– Калев! Удивил! Это же как раз близко к твоей некромантии. Антропомантия — гадание на человеческих или животных внутренностях. Для наиболее ответственных случаев поборниками этой практики применяются иссечение внутренних органов младенцев

или девственниц (антинопомантия). Сия жреческая ветвь благодатно проросла в Вестмарке и Ноорот'Кхвазаме, но и не только в них. В Рунном Королевстве по сей день трупы вскрывают для последующего мумифицирования – так у виалов век от века накапливались знания об анатомии. Опытные антропоманты из Ледяных Топей могут безошибочно выявить у своих сородичей некоторые наследственные болезни или предрасположенность к ним. Интересно? Ну, еще бы! Однако сейчас речь о Вестмарке, так? Антропомантные ворожения применяются высшими жрецами Аспида–Хаттона для определения дальнейшей судьбы какого–либо важного вампира, исхода битвы или еще не знаю чего – фантазия тебе в помощь.

– Познавательно.

– Но ты не думай, в Вестмарке, у Аспида–Хаттона не только антропоманты на побегушках. Просто их у него больше, чем других жрецов.

– Канакес Илька поведал, что Блюдер Рови – кровосос, пробравшийся в Шальх из Вестмарки, как раз является одним из антропомантов Аспида–Хаттона. Кто он такой, кстати, этот Аспид–Хаттон? Ты же, конечно, в курсе?

– Естественно. В отличие от тебя, я верования вампиров, как и Вестмарку, никогда не держал за вымысел. Я много бродил по Великому Лесу и нахватался там всяких слухов от личностей, что прячутся в тени. И более того, я лично видел Вестмарку.

– Лично видел?! Поподробнее, пожалуйста! – спросил я, порывисто откладывая почти пустую супницу.

– Давай вначале про Аспида–Хаттона. Если бы ты пришел ко мне в Энгибар, когда разыскивал Эмириус Клайн, то я бы просветил тебя, что она, хозяйка Пика Смерти, не первый вампир в своем роде. Неимоверно старый, да, но, может статься, что не первый. Аспид–Хаттон...

– Подожди, подожди, нестыковка, сразу нестыковка! Я четко прочитал на страницах Пророчества Полного Круга, что «Эмириус Клайн – первый из рода вампиров». И Грешем мне тогда подтвердил тоже самое! Что вампиры познали себя именно на Пике Смерти!

– Ладно, давай об Эмириус Клайн... – Альфонсо пытался подобрать слова. – Она прецедент среди вампиров. Если уж быть точным, то Матрона Тьмы – существо из запредельных граней мироздания, призванное Урахом для выполнения каких-то Его задач. Кто она? Это загадка. Эмириус Клайн пришла к нам из сопредельного разрыва, но тут у нас еще в эпоху драконов и Богов-Идолов Хрипыхора уже водились, так сказать, свои собственные вампиры. А точнее, по легендам, их было трое. Бенедикт Вайнхебер, Амалия Рихтер и Вальгард Флейт, по прозвищу Искуситель и Летучая Смерть – тоже один из них. Уже потом, когда Эмириус Клайн взялась обращать гномов и людей в себе подобных, Вальгард Флейт приютил часть её отпрысков в месте под названием Вестмарка, в котором потом пафосно провозгласил себя королем всех ковенов, всех континентов.

– Ага, ага, так сразу и хочется спросить у Вальгарда Флейта, а вампиры таких всем печально известных ковенов, как Кусь-За-Кусь и Лунная Кровь из Бархатных Королевств или Безликие Империи Хло, знают о том, кому они должны подчиняться? Смешно!

– У Бенедикта Вайнхебера, основателя ковена Чистой Крови, есть ответ на твой вопрос. Всех вампиров, произошедших не от укусов изначальных Трех и их малочисленных потомков, он зовет грязными. Мягкошерст, виал, любой – они все занимают вторую ступень в иерархии Вестмарки. Твой Грешем – молодой вампир, и я сомневаюсь, что ему довелось побывать в Великом Лесу, чтобы узнать больше о родословной его племени, поэтому он тебя и уверил, что Эмириус Клайн с Пика Смерти – мать всех кровососов.

– Оно-то вот как всё!

– То лишь мои познания, основанные на сказаниях и притчах как вампиров Великого Леса, так и изучающих их мудрецов.

Дельторо снял тесьму и распустил свои длинные волосы. Ух, какие шелковистые! Эмилия сейчас бы позавидовала ему! Чем же он их пользует?! Основа – точно мед! По запаху чую!

– Так, теперь об Аспиде–Хаттоне.

– Ага, тут не все так гладко. Ответь мне – кто такой Назбраэль?

– Вседержитель. Властелин Мира Тьмы. Он Девятый из Колеса Девяносто Девяти, как уверяют «Первоначала».

– Девятый? Забавно.

– Да. А что?

– То, что у Назбраэля есть сынок. Серэнити никогда не чертыхалась им всеу?

– Что? Нет!

– Это потому что в Братстве Света о нем, если и слышали, то в пол уха. Вестмарку и Соединённое Королевство разделяют тысячи миль, так что это не удивительно.

– Просвети меня.

– Мы с тобой помним – когда-то Урах пришел а наш Мир и привел с собой гномов, людей и эльфов. Он сражался с драконами, Богами–Идолами и прочей нечестью. Но вот до Него к нам пожаловал Назбраэль. Еще не стесненный нетленными рамками–затворами, воздвигнутыми потом Всеотцом между Миром Света, Миром Тьмы и Твердью, он бродил по долам и творил свое лихоедействие, как ему заблагорассудится. Дроторогор со своим выводком сторонился его, да и Лаэхе Отступник из Клирдвайта вместе с вирмами Фисцитроном Венценосным, Бравилем Пламенным, Кунглондом Разорителем и Ольфирндбалем, Змеем о Пяти Головах тоже жались по углам, когда

Затейник–Назбраэль показывался у них на виду. Так и вот, по преданиям, что я почерпнул из разговора с ветхим, слепым отшельником –вампиrom в заброшенных катакомбах Великого Леса, Назбраэль буквально за какие–то годы до снисхождения к нам Ураха, польстился на королеву–нимфу Астрид. Он взял её силой и держал в Мире Тьмы, пока она не выпустила из своего лона Аспида–Хаттона. Этого прекрасного младенца с двумя клыками и красными глазами. Аспид–Хаттон съел свою мать, а затем проник на землю. Однако набедокурить, так прямо, чтобы очень у него не получилось, и виною тому небезызвестный тебе Урах. Аспид–Хаттон успел покусать лишь троих, прежде чем Бог Света выгнал его с батюшкой Назбраэлем в Мир Тьмы.

– Если верить твоему информатору, получается, что именно Аспид–Хаттон стал зачинателем всех вампиров? Вальгард Флейт, Бенедикт Вайнхебер и Амалия Рихтер – его рук дело... И все же, Эмириус Клайн – тоже вампир!

– Точно, она такая. Может, Эмириус Клайн дочь Назбраэля от другого брака с Альстад или даже от этого с Астрид – это тебе как вариант, а то ты все никак не успокоишься.

– Поражаюсь твоему приобщению к анналам Ночного Племенн.

– На посошок следует еще кое–что добавить. Вальгард Флейт, но то уже мои косвенные догадки, не собирается звать к нам Назбраэля, как подозревает Петраковель и молвили почившие Элизабет Тёмная с Канахесом Илькой. Его цель – Аспид–Хаттон. Все–таки Назбраэль стиснут космическими запретами, низложенными Урахом, а вот распространяются ли они на его сыночка? Подозреваю, что не в таких объёмах.

– Назбраэль иногда путешествует по земле в человеческом обличии. Когда кто–то живой снисходит к нему в Мир Тьмы через Альтараксис или Яму Сибиллы, он забирает себе тело несчастного, чтобы в нем сеять ужас и разрушения.

– Да, да, кровавая река Альтараксис на границе Бумфамара и Ноорот’Кхвазама, Яма Сибиллы в Плавене, Горло Грешника в Империи Хло, Ахамантуру в Острохвостии – его лестницы в Мир Тьмы. Назбраэль вселяется в существо, прошедшее через них, но на большее, по–видимому, его не хватает. Когда «оболочка» умирает – Назбраэль возвращается обратно в Хлябь. Произнесу снова: он надежно заперт Урахом в своем «доме».

– Я не согласен с тобой в том, что Назбраэль – априори «ястреб в клетке». Вполне допустимо, что к нам на огонек разукрашенная розами бричка Аспида–Хаттона подъедет раньше кареты Властелина Мира Тьмы, но, по сути, не так уж его и опередит. Аспид–Хаттон наверняка знает о морфологии Вселенной побольше нашего с тобой и, имея при себе Извращенную Корону Света – артефакт, заряженный на успешный Успех Успехович, уж как–нибудь да извернется и вызовет батьку–лицедея из скучной и постылой Бездны. И тогда мы запляшем с двойным усердием! В присядку, хоп–хоп! Батька у нас «оторвется» так, что мама–не горюй!

– Если выбирать из двух ужасных штук менее ужасную, то Аспид–Хаттон в Короне Тьмы по–любому будет не так осанисто выглядеть, как его папка Назбраэль в этой же нарядной шапке.

– Назбраэль непременно придет вслед за Аспидом–Хаттоном. Это лишь вопрос времени.

– Если только Дроторогор не одолеет Вальгарда Флейта, – блекло улыбнулся Альфонсо.

Он похлопал меня по нагрудному карману, а затем спросил:

– Ты бы на кого из них поставил свой медяк с Манфредом Вторым? – На кровососа–аристократа или на перекаченного демона–атлета?

– Я? Свою счастливую монету?

– Ту самую.

– С одной стороны неисчислимая армада Хрипохора с Богом–Идолем, а с другой Вестмарка, три, без сомнения, авторитетных вампира и вся нежить за их спинами. Хм! Сложный выбор!

– Вот и я – хм!

– Нас ты почему–то в список «победителей» не добавил.

Альфонсо рассмеялся.

– Скромность – украшает!

– Но оставляет голодным!

– В этом конфликте интересов до полного расклада преферанса не хватает еще Эмириус Клайн, Джеда Хартблада, Цхеви, Нолда Темного, Риппера и Ри Казирра. Если бы они еще поучаствовали в борьбе за Корону Света, то вообще шик и блеск был бы. Особенно Риппера потешил бы этот спектакль. Он обладал силами, настолько абсолютными, что по сравнению с ними наша с тобой магия – так, ярморочные фокусы.

– Эмириус Клайн, Цхева, Хартблад! Почему ты так уверенно про них говоришь? Такое впечатление складывается, что ты сам читал Пророчество Полного Круга! Еще какого–то Риппера приплел!

– Нет, не читал, но разве оно единственное повествует о четырнадцати чемпионах Ураха? Не смотри так на меня, их четырнадцать, Калев, четырнадцать, а не четыре, как указано в твоём Пророчестве Полного Круга и прочих популярных манускриптах. Просто та четверка самая знаменитая. Ознакомься на досуге с книгами «Божественное в Божественном» и «Глас Света». Ладно? Они заштрихуют недостающие пробелы в твоих познаниях. Цхева – царица пресветлых вод, Эмириус Клайн, Матрона Тьмы, Невольница Света – вампир–королева, Риппер – жнец, Фарганорф – Золотой Дракон Добра,

Искривитель Реальности, Первый из Семи Вирмов – мятежник, младший брат Фисцитрона Венценосного, Нолд Темный – мастер над оружием, Кузнец, Ри Казирр – Небожитель, телохранитель Всеотца, Кейн и Кейз – сиамские близнецы, Хранители Ключа Света, Клаус – чародей–рыцарь, Смоляной Доспех, Ящерица, Онгольдом – Бледный Господин Всех Красок Мира, Сия Лаверлорд – Дух Добра, Поэтесса Любви, Даратанаэль – Бич и Гнев Господень, Месть и Каратель Ураха, Ольвелия – Наставница, Льющая Слезы, Мэтри – Отдохновение и Забвение, Целительница, Блейз – генерал ангелов, Семикрылый и Меч Всеотца, ну и Джед Хартблад – Патриарх Материи и Друг Зверей. О Последнем в Энгибаре знает каждый ребенок. Дух Зелени – это тождественность Джеда Хартблада. Его часть, так скажем. Именно Джед Хартблад у нас, на земле, считается покровителем всех четвероногих.

– Дельторо, Эмириус Клайн и Джед Хартблад стали совсем не теми, кем были изначально!

– Поэтому давай возблагодарим Вселенную за то, что она к нам снисходительна!

– Аминь.

– У Назбраэля так-то тоже есть свои герои, и они не менее могущественные, чем у Ураха.

– Сказал «птица», говори и «синица».

– Аспид-Хаттон – наследник Мира Тьмы, Кровь от Крови, Плайма Осквернительница – Госпожа суккубов и инкубов, Наложница Назбраэля, Таккилад'Ан'Халад – Мучитель, Сайрус – Красавец, Соблазнитель Душ и Плоти, Велефор – Посланец Болезней, перенявший эстафету Кунглонда Разорителя после его смерти, Мальтиш – Таинственный Скиталец, Герцог, Варахурт – Шпион Среди Живых, Сабесску – командир армии Тьмы, Хацкин – Палач, Без Лица, Ров Ги Клош – Надзиратель, смотрящий за камерами пыток, Альстад – вторая жена Назбраэля после нифмы Астрид, Черноволосая Кобра,

Госпожа Черных Свечей, Белетодор – Молот Мира Тьмы, Гладиатор, Хаста – Лукавая, Бельфигорон – Князь Мира Сего, Лживый Дух, Отец Лжи, Намасти – она же Прометей и Гильгамат – гермафродит, Разделяющий, Гасионд Несгибаемый – командующий Западными легионами Бездны, Разгаратон – Садист, командующий Восточными легионами Бездны, Арабарот – генерал Пламенного Легиона, личной стражи Назбраэля и Ситритион – Наместник Огненной Долины.

– Альфонсо, ты точно не в Братстве Света состоишь? Уверен, что даже Серэнити не перечислила бы всех этих гадов Назбраэля.

Мой друг улыбнулся.

– Я всегда интересовался Высшими Силами Вселенной, теми, кто есть помимо Духа Зелени. Что касается Ураха и Назбраэля – то мой список наверняка неполный. Он даже, вероятно, не укомплектован на треть. Кто там скажет, кто еще у Ураха и Назбраэля ходит в «дамках». Я? Нет.

Я свернул Скатерть и, переварив полученную информацию, вновь заговорил:

– Ты забыл рассказать о своих странствиях по Вестмарке.

– Странствиями то назвать нельзя, – протянул Альфонсо, поглаживая Щавель на коленках. – Занесла меня нелегкая в глубинные глубины Великого Леса. Почва там берется дымными фонтанами, а деревья все как одно скручены и похожи на допотопных страшилищ. Я шел и шел по оскверненной местности, пока в дали не разглядел три разобщенные возвышенности – на них зиждились черные, внушительные и грозные фортификации. Башни, парапеты, мосты, барбаканы, бастионы – все было какое-то злущее. Ко мне тогда подлетел стервятник, и я с ним поговорил. Он посоветовал мне уходить как можно скорее, потому что передо мной – Вестмарка, оплот вампиров. Я тотчас повернул назад.

– Хм. Негусто. А отвести в Вестмарку, если что, сможешь?

– Не хотелось бы, но дорогу я запомнил.

– Наши враги – Амалия Рихтер, Вальгард Флейт, Бенедикт Вайнхебер и лично ими обращенные вампиры чем-то отличаются от обычных кровососов? К чему нам быть готовыми при встрече с ними? Есть у них какие-нибудь «коленца», которые они могут выкинуть и огорошить нас?

– Без понятия, Толковая Каракатица, но уверен, что у них что-нибудь припрятано про запас, – пожал плечами Альфонсо.

– Тогда давай проговорим с тобой все то, что мы знаем о вампирах.

– Два кислых профессора на институтском заседании? Идет! – рассмеялся следопыт. – Начинай. По факту с каждого.

– Тезис! Вампир в мифологии народов Соединённого Королевства, Ледяных Топей и Бархатных Королевств – это полумертвец либо мертвец, ведущий ночной образ жизни, сосущий кровь у людей, насылающий кошмары. Считается, что вампирами становятся «нечистые» покойники, преступники, самоубийцы, умершие преждевременной смертью или заражённые от укусов других кровососов. Так принято полагать, но по-настоящему тут правдив только последний довод, потому что вампиры не боятся солнечного света и обрести себя могут лишь через контакт с носителем «вампириус гностис»

– Годится. Я следующий. Термин «вампир» может использоваться, чтобы обозначить любое магическое существо, которое является хищным паразитом, высасывающим энергию или жизнь из своей жертвы. Твари, которые действуют в схожей манере, часто рассматриваются как образец вампира, даже если они не питаются кровью.

– Вампир – относительно бессмертное существо. Убить его можно, но он не стареет. В различных произведениях фольклора упоминаются вампиры, возраст которых составляет тысячу лет и более. Некоторые из примеров, отметим, вполне достоверны – Эмириус Клайн, граф Смастери, леди Тиона Граушвицкая. Вампир – это сверхъестественная сущность, обладающая силой, которая во много раз превосходит физический и колдовской потенциал человека. Зрение, слух, обоняние – все лучше, чем у людей.

– Внешность вампира Соединённого Королевства и «кровуна» Железных Гор состоит в большей степени из особенностей, по которым их легко можно отличить от обычного трупа – стоит только вскрыть гроб подозреваемого вампира. Вампир имеет устрашающий вид – клыки, заостренные уши, когти, деформированные челюсти, красные глаза и бледную кожу. Ко всему прочему он выглядит совершенно неразложившимся. Самые мерзкие на глаз, как по мне, это вампиры из Рунного Королевства. С багровыми блюдцами-очами и акульими челюстями на груди, брр!

– Наиболее обычные способы уничтожить вампира – это вонзить осиновый кол в его сердце, обезглавить или полностью испепелить тело. Чтобы не дать тому, кто мог стать вампиром, восстать из мертвых, тело хоронят лицом вниз, перерезают сухожилия в коленях или кладут маковые семена на могильную землю предполагаемого вампира, чтобы заставить его считать их всю ночь. Так же подозреваемому иногда заталкивают в рот большой кирпич или камень. Это прописано в обрядах Братства Света.

– Предметами, защищающими от вампиров, всегда были чеснок, солнечный свет, стебель гвоздики, боярышник и храмовые реликвии, такие как амулет Ураха, святая вода и чётки, а также алоэ. Подвешенный за дверью или возле неё, он может отпугнуть вампира от дома. Серебро очень сильно в противостояниях с вампирами. Считается, что раны, полученные от серебряного оружия, для них смертельны.

– Вампиры умеют принимать обычную пищу. Впрочем, она их не только не насыщает, но и вызывает длительное несварение желудка, которое потом непременно обернется для кровососа рвотой и общим недомоганием. Алкоголь на вампиров воздействует куда сильнее, чем на людей. Они пьянеют с трех бокалов вина.

– Древние вампиры, особенно те, что живут в Вестмарке, умеют обращаться в летучих мышей. Могут летать на огромные расстояния и вести скрытую охоту.

– Облик вампира можно изменить с помощью оборотного зелья. При этом рацион кровососа остается прежнем, а вот его природные силы скудеют. Есть еще, что добавить?

– Только то, что вампиром я бы стать не хотел.

– Я тоже! Хотя недавно чуть не приобщился к их братии! Благо Петраковель отвела заразу своим отваром.

Я уже собирался позвать Юнивайна, однако у меня остался еще один вопрос.

– Альфонсо, ты упомянул Лаэхе Отступника. От него же произошел Ютвинг?

– Светочь. Ты же к ней клонишь? – промолвил следопыт. – Лаэхе Отступник мне знаком не более, чем тебе. Единственное, что у меня «чешется в затылке», так это то, что он жил на земле в незапамятные эры, еще до прихода Ураха, и вроде как слыл созданием, подчинившим себе всю «азбуку магии». Теперь я, как и ты, знаю, что он боролся с Кунглондом Разорителем за свой волшебный фиал и проиграл. А то, что касается Ютвинга – действительно ли он произошел от Лаэхе Отступника или нет, то мне неизвестно. Однако думаю, ты со мной согласишься, что на данный момент чародея сильнее Ютвинга в мире нет. Это что-то да значит...

– Про Светочь меня уверил тролль из Анонимного Дельца.

– Вот пусть твой тролль и нароеет нам еще про Ютвинга и Лаэхе.

– Бесплатно он этого не сделает. Его цена – Бингс Флаерс, которого я должен пырнуть спицей Гадюкой.

– Отыскать Бингса Флаерса в Великом Лесу... Ну, Калев, это как ворошить стог сено в надежде наткнуться на иголку.

– Однако «сено» можно сжечь, и ради Эмилии я сделаю это.

– Я помогу тебе в этом, – улыбнулся Альфонсо Дельторо. – Грозная Четверка своих не бросает.

Я сжал ладонь следопыта в крепком рукопожатии, и он ответил мне тем же. Сегодня – Ильварет, завтра – Великий Лес. Сегодня – сон, а завтра – сражение. График на неделе ожидается несколько нервным и загруженным, но зато скучно точно не будет! Айда в пропасть!

Глава 21. Те самые цепи на нежных запястьях

Который день Юнивайн нес нас в столицу Карака. Дни подменялись ночами, и ничего из ряда вон выходящего не происходило. В один из поздних вечеров призрачный конь затормозил возле неприметного и одинокого домика, стоявшего на отшибе древесного массива, что тянулся вдоль Гусиной реки. Я отпустил Юнивайна бороздить просторы Леса Скорби, а сам вместе с Альфонсо направился к калитке, подсвеченной фонарем из оконца. Отворив заржавевшую створку, я громко постучал в дверь. Вокруг витали пряные и сладкие ароматы ночи. Тренькали цикады. Лунный блин застилала набежавшие тучки. Нам был необходим ночлег, и мы собирались купить его за пару монет.

Скри–и–и–ип! Дверь открылась. На пороге возник подслеповатый лысенький мужичок лет так сорока–пятидесяти. Жиденькая борода едва прикрывали выдающийся вперед подбородок. На мужичке была надета помятая сорочка и жилетка, подбитая овечьим мехом.

– Чем могу быть полезен, добрые путники? – спросил он, настороженно нас осматривая.

Наш внешний вид вызвал в нем тревогу, которую он пытался скрыть.

– Я – Альфонсо Дельторо, глава Энгибара, а это мой друг Калев, – ответил следопыт. – Если тыпустишь нас погреться и поспать на перине, а не на траве, мы вознаградим тебя «золотым» Манфредом.

– Глава Энгибара? Той самой священной рощи друидов?

– Да.

– Знаменитый гость нынче пожаловал к Сиркудру. Сиркудр – это мое имя. Входите, входите.

В доме у Сиркудра царил кавардак. Мутные бутылки, пыльные стаканы и грязные тарелки наполняли собою не только столешницы и комоды, с выдвинутыми ящиками и торчащими из них носками, но и пол. Я переступил через лоханку с засохшими остатками супа и зашел в смежную комнату. Тут, как бы это мягко сказать, меня ждал сюрприз. На трех диванах восседали большущие куклы! У меня аж челюсть отвисла, такими они были реалистичными. Все куклы являли собой детей. Мальчики – в штанах и холщовых рубашках, девочки – в платьицах, шляпках и панталонах. Но все они страшно глядели на меня стеклянными глазами с фарфоровых и очень правдоподобно содеянных лиц. Я машинально пересчитал манекенов – двенадцать, по четыре на диван. Они показались мне такими настоящими и такими кощунственно живыми, что я попятился назад и наступил на сапог Альфонсо. Мой друг тоже удивленно икнул. На длинном столе перед куклами стоял сервиз. В двух вазах в форме лодочек лежали печенья и пряники. Я посмотрел по углам. Чучела собаки у печи и кота на подоконнике добавляли к антуражу колорита.

– Будьте как дома, Альфонсо и Калев! Подсаживайтесь к нашему семейному столику! Я сейчас согрею вам чаю, а то этот уже малость остыл, и принесу рыбный пирог, который приготовила Дороти. Вон, она, красавица, крайняя слева, в незабудковом сарафане. Дороти, поздоровайся с дядями!

На секунду мне показалось, что Дороти и впрямь мне кивнула.

Переглянувшись со следопытом, я устроился на незанятое кресло.

– Сиркудр, хм... Эти куклы...

– Это не куклы! Имейте совесть, господин Калев, не выражаться так под моей крышей! Это слово тут запрещено! Они – мои роднунечки, мои ребятки и девчатки! Их бросили родители на произвол судьбы, а я подобрал, сиротинок! О, Урах! Я не мог поступить иначе!

Сиркудр скрылся за сениями, а я молча стал приглядываться к Дороти, её братьям и сестрам. Чем дольше я на них глядел, тем больше во мне нарастало чувство какой-то тревоги. Нет, я не боялся Сиркудра, что он, простой человек (явно сбрендивший от одиночества в этой глуши), может мне сделать? Но вот его чада вызывали у меня тревогу. Альфонсо поднялся с софы и, пользуясь тем, что хозяин дома вышел, провел пальцем по щеке ближайшей куклы. Потерев между собой пальцы указательный и средний, он поднес их к языку.

– Это не воск, – сообщил мне следопыт шепотом.

– Кожа?

– Думаешь, я знаток в таких вопросах?

Альфонсо задумчиво сел и закинул ногу за ногу. Сиркудр показался минуту спустя. Он принес заварник, сахарницу, лимон, две кружки, холодный пирог и горку сухарей. Есть я не хотел, поэтому довольствовался протянутой мне чашкой. Кинув в слабый черный чай

два кусочка сахара и дольку лимона, я отведал напиток. За окном, занавешенным выцветшими, порванными шторками, густилась мгла.

– Ну–с, глава Энгибара! Расскажешь, как там у вас? Что новенького? – весело прокукарекал Сиркудр, плюхнувшись между двух кукол.

– Потеснись, Пайси, и ты тоже, Хенджой! Это место папы! Ишь, расселись! Да? Говорю, двинь тазом, нахал!

Альфонсо достал из кошелька золотую монету и положил её перед Сиркудром.

– Для начала рассчитаемся.

– Деньги вперед? Это очень правильно, так правильно! – пробормотал Сиркудр, засовывая «Манфреда Второго» к себе за пазуху. – Манфред–то – он хороший король был!

– Хороший, – подтвердил я.

Денежная реформа, проведенная Манфредом Вторым, изъяла большую часть старых монет, ходивших по Соединённому Королевству. Причиной тому послужил разный размер номинальной валюты и ее ценность (обесценивание) на рынке. Например, «дракон» короля Хасла почти в полтора раза больше размером, чем червонец сравнительно недавнего правившего Удва Темного (отца Клакацина Темного и дедушки Манфреда Второго). А в серебряном Екатринс Шальмстирде – королевы по прозвищу «Пятьдесят лет» (это ее годы нахождения у власти), содержатся примеси иных металлов, которые уже не встречаются в чеканке Гюнтри Третьего Самонадеянного.

– Папочка теперь купит вам, деточки, сладостей! Целую тележку пряников и леденцов! Ага, и тебе, Джои, новые штаны! На тебе которые, ты совсем протер!

– Сиркудр, прежде чем я удовлетворю твое любопытство относительно Энгибара, может ты, в начале, поведаешь нам с Калемом о своей семье? Признаться, дети у тебя все как на подбор – умники и умницы!

– Это моя заслуга! – тут же откликнулся Сиркудр, горделиво приосаниваясь.

Так статься, что мы, как и Энгибар ему были до фени. Зато про себя поболтать он желал.

– Я их воспитываю. Один! Моя жена – Анна отошла к Ураху еще три года назад, и мне, конечно, стало тяжело уследить за этими сорванцами, но я справляюсь! Вкладываю в них всего себя! Дороти, моя любимица, ладно поет и умеет шить – загляденье, Хенджой и Пайси – помогают мне во всем по хозяйству. Эти – Лимми, Карв, Дранга – только пока на подхвате, а чудесные – Викки, Сиджи, Эведенс, да, как ту знаменитую королеву её зовут, и Зиштра – они утонченные и скромные девочки, стряпают и полют огород. Так–с! Глора – уже на выданье, совсем выросла, как и молчун Хант – ну он–то у меня охотник, без дичи не возвращается никогда.

– Как часто ты берешь детей... к себе в дом? – поинтересовался я.

– От случая к случаю, – сцепляя руки замком, отвечал Сиркудр. – Там, за Гусиной рекой есть селение – Хомтрики. Я изредка продаю в нем пойманную рыбу. Жуткое местечко, и люди там, все как на подбор, мерзавцы и негодяи. Нарожают младенцев, да и выкинут потом – потому что не нужны им, рты лишние. А у меня сердце–то не железное – увижу малыша беспризорного, так и привечаю к себе. У меня дом, сами видите, на всех хватит.

С последним заявлением Сиркудра я бы поспорил. Если бы у него «дети» были бы не игрушечные, то уместиться всем в этом бунгало было бы проблематично.

– А сколько твоим чадам лет? – спросил Альфонсо.

– Самый маленький – Карв, ему три, Глоре – четырнадцать, а Ханту все шестнадцать. Остальным от шести до десяти.

– Ясненько.

Возраст кукол навскидку и правда отличался, но он не переступал порога «взрослости». Та, что Дороти, была сделана с уклоном к восьми–девяти годам, а Хенджой и Пайси тянули лет на двенадцать каждый. Пока Сиркудр разглагольствовал о том, что его «сорванцы» делали вчера и чем занимались на неделе, я, полуприкрыв глаза, присматривался к объектам нашего разговора. Альфонсо украдкой тоже. Что-то нам, стреляным воробьям, казалось тут нечистым. То, что тела манекенов покрывала кожа (наверное) – еще ни о чем не говорило, она могла принадлежать корове или свинье, однако все же... Сиркудр явно что-то скрывал, но что? Мрачное подозрение требовало либо подтвердить себя, либо отринуть. Отложив чашку в сторону и расслабившись, я настроился на потоки энергетических линий, оплетающих все естество Вселенной – манипулируя ими, мы, маги, творим свое колдовство. Внутренним взором я почти мгновенно различил двенадцать синих сгустков–эссенций, закованных в оболочки, которые Сиркудр поместил на диваны. Я облизал губы. Занятно, занятно. Прощупывание мистических вуалей – это лишь поверхностный опыт, подсказавший мне, что куклы – вместилище чего-то потустороннего. Души в цепях? Проверим... Темное искусство – моя профессиональная стезя, увела меня за пределы обыденного и наглядного. Я, словно кожуру с лука, снял им завесу, разделяющую Мир Духов и нашу Реальность.

И тут...

– Спаси нас! Спаси! Спаси! Спаси! – хор детских отчаянных криков заполнил мой разум...

– Кто вы? – мысленно произнес я.

– Спаси! Спаси! Умоляем! Спаси!

– Что это с твоим другом? Он как-то весь поник, – взволнованный голос Сиркудра вырвал меня из сосредоточения.

– Он устал с дороги.

Распуская чары, я натянул на себя улыбку.

– Да, я не выспался.

– Тогда не буду вас больше отвлекать! Пора баиньки! Пойдемте, пойдемте, в мою опочивальню! Сам я сегодня посплю с малышами.

– Это очень мило с твоей стороны, – отозвался Альфонсо.

Мы проследовали в смежную комнату, в коей Сиркудр указал нам на широкую кровать. Свежестью она не отличалась, но и грязной не была.

– Я делил ее с Анной, поэтому так думаю, что вдвоем вам на ней тесно не будет.

– Спасибо.

– Доброй ночи!

Сиркудр прикрыл за собой дверь, после чего я шепотом поведал Альфонсо о том, что мне удалось узнать пять минут назад.

– Считаешь, что наш хозяин – черный маг, сцапавший для своих потех квинтэссенции сознания? – тихонечко сказал Альфонсо, аккуратно ложась на матрас. Броню он снимать не спешил.

– Он – нет, в нем нету никакой мистической силы. Сиркудр пуст.

– Тогда кто?

– Погоди, мне необходимо время.

Для того чтобы эктоплазма не отправилась в Мир Света или в Мир Тьмы, а осталась в своей прошлой оболочке, на нее следует наложить очень вредоносные заклинания. Умеют наговаривать их немногие, поэтому я боялся, что в доме Сиркудра мы столкнулись со Злом древним и умелым. Его активность надо было пресечь. Серьезность мероприятия побудила меня воспользоваться более углубленным уровнем темного искусства. Я, прислонив руку к стене, другой стиснул Лик Эбенового Ужаса – прут разрушения и боли. Я давно уже смекнул, что он, с его облезлым и монструозным черепом на навершии, сопричастен к Миру Тьмы. Узкая специализация моего посоха нравилась Назбраэлю, и оттого он мог служить усиливающей призмой для моей работы. Лик Эбенового Ужаса, коим некогда владел Милтар Бризз – спесивый ученик Джеда Хартблада, помог мне рассеять реальность и перейти в транс. Я будто бы вышел из самого себя. Подобные репризы я проворачиваю крайне редко, потому что они требуют от меня абсолютного контроля над рассудком. Когда я достиг нужного мне порога концентрации – все вокруг смазлось и исполнилось багряными красками. Дельторо – уже не был собой. Теперь я воспринимал Альфонсо как красный сгусток – его кровь пульсировала и текла по венам, мотками нитей укутывающим тесно прижатые друг к другу органы. Мой анализ относил его к «живым субъектам». Сиркудр за тонкой прозрачной пленкой–стеклом (в моем нынешнем состоянии я мог прозревать за грани доступного человеческому глазу) тоже лучился бордовым. Зато куклы исторгали из себя фонтаны индигового тумана. Я перенес к ним свою тень–фантома и «включив» слух, дотоле находящийся «под запретом», сразу окунулся в сонм воплей.

– Спаси! Пожалуйста! Спаси! Спаси! Вынь нас из тюрьмы! Вынь! Спаси!

– Для чего Сиркудр вас заколдовал?

– Это не он! Не он! Не он! Это она! – хныча, наперебой, ответили мне голоса.

– Кто это «она»?

– Анна! Анна! Ведьма Анна!

– Супруга Сиркудра?

– Да! Да! Да! Да–а–а–а!... Мы – её рабы! Её чаши для питья! Она высасывает из нас соки! Она сосет наши души, чтобы жить!

– Сиркудр сказал, что она умерла, – беззвучно промолвил я, созерцая глобулы света.

В каждой глобуле я различал человека – страдающего и унылого, для которого я стал соломинкой к надежде вырваться из жадных когтей Анны.

– Нет! Она жива! Жива! Она обитает на кладбище Хомтриков! Там ей все мило! Там кости! Там трупы! Но они не насыщают её! Ей нужны души детей! Они самые сладкие! Самые легкие и непорочные! Раз в три месяца Анна получает от Назбразля силу вершить гадкий ритуал! Она льнет к могиле только что умершего ребенка и не дает ему вознестись к Всеотцу! Потом Анна зовет Сиркудра, и он откапывает тело и несет сюда! А–а–а–а! Сюда! Когда Анна голодна – она покидает кладбище Хомтриков и приходит к нам. Чтобы есть! Чтобы мучать! Чтобы издеваться! Спаси нас! Спаси! Спаси!

– Каким образом?

– Разорви чары! Освободи нас! Освободи от Анны! Проткни мечом!

По моим вискам потек пот напряжения. Отдаленно я услышал, как меня завет Альфонсо. Мои «синие» собеседники подались вперед.

– Беги! Беги! – заверещали голоса. – Анна знает о тебе и твоём друге! Она велит нам убить тебя! Убить! Убить! Молим! Молим тебя!

Не причиняй нам вреда! Защищайся! Только не бей нас! Не убивай! Молим!...

Я сбросил с себя пелену медитации. В дверь вовсю барабанили кулаки. Альфонсо с оголенным Щавелем у бедра встал в боевую стойку.

— Дельторо! К нам рвутся гости!

— Те куклы?!

— Да, но они не куклы, а стиснутые заклатьем Анны души усопших детей! Нам нельзя им навредить!

— Почему?!

— Потому что тогда они попадут в Мир Тьмы! — крикнул я, наваливаясь плечом на дверь. — Таков закон Назбраэля, и обрекать их на это кощунственно!

— Дух Зелени их побери! — прорычал Альфонсо. — Что предпримем?

— Прикончим Анну! Она ж и так на кладбище! Тогда их души станут свободными! — отозвался я, выбивая гардой Альдбрига стекло в окне. — За мной!

— Откройте, господа любезные, откройте! Дети хотят с вами пообщаться! — сумасшедше проорал Сиркудр с той стороны двери. — Они желают прочесть вам на ночь сказочку! Мою любимую, про волка и зайчика!

— Книжка—то с картинками хоть?!

— Конечно! Я сам разукрашивал! Давайте покажу! — проорал Сиркудр, пробивая топором брешь в двери.

– Фигу тебе!

Я сиганул через раму, Альфонсо за мной.

– Так не пойдет. Если весь этот шабаш за нами погонится, то может случиться беда. Не с нами так с теми, кто попадется им по дороге!

Дельторо воздел руку вверх и выдохнул «Слово Силы». Друидическая магия Альфонсо вызвала из-под земли корни деревьев, что росли неподалеку. Они взвились ввысь и под действием Призыва многократно отросли, надежно оплетая собою весь дом Сиркудр, превратив его в подобие тюрьмы, через которую пробиться теперь было можно, если только перебороть волю Альфонсо. Корни не получится ни разрезать, ни разорвать, пока Дельторо вливает в них свою мощь.

Взъерошенный Сиркудр выглянул через просвет окна спустя секунду.

– Куда же вы, мои ненаглядные?! Сказочка–то еще не читана!

– Её нам расскажет твоя женушка–лицедейка!

Сиркудра отпихнула Дороти. Мне было страшно видеть, как кукла с такими живыми чертами остервенело ломится через решетку корней. Однако все ее потуги ни к чему не приводили. Альфонсо, многовековой мастер природного уклада, надежно держал корни под своей опекой.

– Я напьюсь вашей крови! – нечленораздельно возвестила кукла Лимми, отталкивая Дороти от проема.

– Калерб! Мчи в Хомтрики! Я их задержу!

Я кинул Кампри в траву. Выпрыгнувший из него Юнивайн громогласно заржал.

– Если что, бей на поражение!

– С меня станется!

Я вскочил в седло.

– Юнивайн! К погосту Хомтриков!

Призрачный конь встал на дыбы, поводит головой взад–вперед, и побежал куда–то направо. Он понял, что мне нужно попасть туда, куда я сказал очень быстро, поэтому его прыть превысила всякую величину. Я едва мог различить голубые всполохи, которые, наверное, принадлежали водам Гусиной реки, блестевшим под луной. Мы преодолели их за считанные секунды. Затем показались коричневые и зеленые мазки. Минут через десять впереди замаячили огоньки – видимо, они принадлежали домам Хомтриков. Юнивайн вильнул и сбавил темп. Впереди уныло, подсвеченные луной, поблёскивали кресты и надгробия. Призрачный конь затормозил у калитки, повитой мхом.

– Юнивайн, жди тут. Ты мне можешь понадобиться!

– Иго–го!

Я внимательно оглядел раскинувшееся передо мной деревенское кладбище. Тишь да гладь. И где–то тут прячется ведьма Анна... Вновь нужно прибегнуть к темному искусству.

Как профессионал–некромант (опять не покривлюсь от этого сравнения), я знал, какими средствами мне надлежит бороться с нежитью. Я закрыл глаза, и, привычно пустившись в счет от одного до десяти, сконцентрировался. Когда необходимая величина сосредоточения была достигнута, я вклинился в Бездну Назбраэля. Каждый раз, когда я туда пробираюсь, чтобы зачерпнуть пригоршню «скверны», мною овладевают чувства безразличия и пессимизма. Я как наяву вижу то, как Ров Ги Клош – цербер Назбраэля, подвергает

пыткам людей, которые не заслужили попасть в Мир Света. Их муки проникают сквозь «преграду» и по крупице втискивают в меня, собирателя их стений, силу, которую я перековываю в пагубу. Орбита, что сейчас стала жечь мне перчатку, курилась дымом раздвоенности и миазмами вони. Я, перекинув её на Лик Эбенового Ужаса, вышел на тропинку, ведущую промеж чинных рядов мшистых могильников., Прильнув к потусторонней основе чародейства, я шел и выискивал Анну. Нервы мои напряглись, но это только подстегивало меня. Безлюдная череда крестов и эпитафий, сонные вороны и ухающие совы. Внутренним оком я искал сущность, что приходилась манипулятором Сиркудру и тюремщиком незапятнанных детских душ.

Вот из тьмы показалась гротескная чаша с возложенными в нее цветами. Я тронул свежие лепестки гладиолуса, постоял и, повинаясь инстинкту, пошел вдоль изгородей, строго на запад. Чутье звало меня дальше... Да, эта каменная, возведенная невеста когда, гробница с покосившейся треугольной крышей и обветренными боковинами – то, что я ищу. Именно из нее льется дотоле неуловимо ощущаемое поветрие Тьмы, что постичь дано только таким, как я – поборникам меланхоличной эзотерики. Сейчас оно достигло пика. Я потянул на себя безнадежно проржавевшее кольцо, и створы нехотя поползли в сторону. Изнутри на меня обрушился сладковатый запах тлена с примесью прелой листвы. Сырые стены, обметанные селитрой, и истлевшие факелы, обрамляли собою куцые порожки. Спускаться пришлось недолго. В нефе, украшенном грубой резьбой и облупившимися статуями арквириков (в народном эпосе времен независимости провинций, они – вечно молодые юноши и девушки в капюшонах и длинных ризах, являются бесстрастными проводниками в Мир Света или в Мир Тьмы), я различил расколотый надвое саркофаг. То, что он был не занят, не удивило меня, а вот то, что за его полостью зиждился вырытый, довольно свежий проход –несколько озадачивало. Видимо, Анна некогда решила расширить свои владения.

Правильно, в эту глубину вряд ли бы кто-то сунулся. Но я же не таков. Запалив парочку шариков Света, я, уверенно снизошел в хмарь. Туннель, что предстал передо мной, подсказал мне, что я попал в старое захоронение Хомтриков, на котором, скорее всего, уже

воздвигли современное место вечного упокоения. Из ниш и затвердевшей почвы, то тут, то там недвусмысленно высывались фрагменты скелетов. Их блеклые отсветы и тени, порождаемые моими шариками, повествовали о тайне и делах минувшей давности. Есть в этом что-то такое, необъяснимое и щемящее грудь. Этим можно проникнуться, лишь побывав в подобной скудельнице. Отверженная Урахом и принятая Назбраэлем Анна, выбравшись из гроба, каким-то образом проведала о том, что прямо под ней находятся забытые всеми катакомбы. Их устройство по понятным причинам было мне знакомо. Почти все подобные подземелья – вместилища останков – наши предки возводили одинаково – плюс-минус несущественные различия. Ветвистые коридоры, замыкающиеся сами на себе, непременно содержат в своем кругу часовню Ураха или Языческих (Старых) Богов – Хрипыхора (всех Богов-Идолов) и других: Наулита, Вея, Хаэта, а может так статься, что и Драконова Племя. К ней-то мне и надо попасть. Почему? Во-первых, там обширное пространство. Это могло прийти по вкусу Анне (есть, где развернуться), во-вторых, рядом с часовней укладывали мумифицированных волхвов, пророков и провидцев. Почившие святые и угодники, как уверяют легенды, всегда притягивают к своему праху извращенных низкопоклонников Ада. Они купаются в нем, натираются и едят его, унижая таким образом, Небо, Солнце и Луну. Также кое-кто из знатоков Мира Тьмы рассказывает и такую идею – снимая нетленную кожу и прикладывая её к себе, создания Зла получают от нее какие-то частицы Благодати Ураха, от которых оторваны и по которым бессознательно тоскуют.

Я брел по стволу многовековой галереи, приглядываясь, не попадется ли мне ответвление, ведущие не по дуге, но напрямик. Такое отыскалось минут через десять. Паутинные занавески, в достатке увившие собой потолок, клоками свисали на мои волосы и щекотали лоб. Я отодвигал их рукой и продолжал идти. Во мне нарастал азарт. Наверное, это оттого, что я примерно представлял себе, с чем придется столкнуться. Если взять мой сравнительно недавний бой с гальванизированным арахнидом в Зрячей Крипте, то там я не был толком подготовлен к нему. Здесь же преимущество я негласно определил за собой. Почему?... Ага, не знаю. Я не всегда могу ответить себе на подобные вопросы. Так, и все.

За величавым саваном бледных сетей, любовно сотканным прадедами нынешних пауков из Хомтриков, я обнаружил довольно вместительный холл с куполообразной молельней, поддерживаемой колоннами. Среди раскуроченного траурного обихода летала сияющая пурпуром женщина. Мертвенно бледные черты лица за оболочкой исходящего от него сияния, алебастровые глаза, длинные загнутые когти, изодранные трупные ступни, рот с длинными клыками – это банши, разновидность нежити, что живет за счет поглощения душ. Банши умеют очень громко кричать, и их крик несет смерть. Естественно, она уже давно прознала о моем приходе и теперь поджидала меня для встречи тет-а-тет. Смею предположить, что банши не стала нападать на меня в проходах крипты, чтобы я не дал драпу. О, ну вот! Дубовые двери за моей спиной со свистом захлопнулись! Поднявшийся сноп пыли покрыл мой капюшон вековой порошей. Неожиданно? Нет. Что-то подобное я и предвидел. Я начертил рукой Ограждающий символ, скороговоркой зачитав про себя наговор: «Тьмы Властелин, безропотен Страх, он ниспровергнет Нарочного в Прах». И шутливо (юмор – польза, сомнения – яд) сказал вслух:

– Аннушка, золотце! Что с твоим макияжем? Эти язвы на щеках сейчас не в моде!

– Осушииить! – допустимо по громкости для барабанных перепонок провыла банши, со всего размаха стукнувшись о мою защиту.

Проявившаяся Клятая Звезда Назбраэля откинула Анну обратно. Банши, вероятно, собиралась по-свойский припасть к моим губам и выпить из меня мое субтильное «я». Не вышло, ай, ай, ай.

– Кого это ты собираешься осушить, красотка? Меня, что ли? Не треснешь ли поперек-то? Не?

– Я чууюую ктооо тыыы! Тыыы черрнооокниииижник! Уухходи! Остаавь меняя! Это мояяя вотчинаааа!

Я, опустив Лик Эбенового Ужаса на уровень груди, прицелился.

– Бай, бай, нимфетка–конфетка!

Я выстрелил, но промазал. Тот, негодный всему доброму сгусток магии, пронесся мимо ловкой Анны. Вы посмотрите только, успела увернуться!

– Вертялая какая подлюка! – досадливо воскликнул я, вновь приклоняя мысли к посоху.

– Тыыы! Тыыы! Отвеедайй!

Банши вихрем переместилась к алтарю Наулита и раздула впалые щеки...

Сама молельня выглядела так – мраморный квадрат, из которого высовываются отростки, сцепляющиеся между собой и образующие морщинистые ладони с танцующим по ним ониксовым огнем. Наулит – это архаичный, всеми позабытый (Старый) Бог–Временник, предшественник Ураха. Спустя годы, после того как Всеотец вывел из Великих Окон Перехода людей, эльфов и гномов в наш Мир, Его чада прониклись верой еще не сгинувшей тогда расы «потерянных». Потерянные – коренастые, могучие рептилии, многократно пережившие галанов Хаз Гона и их врагов н’гарини, с которыми я нос к носу столкнулся в Криде, вызволяя из западни Лешпри Хельберта, обитали в болотистых топях, в шири современного Соединённого Королевства. Они строили высоченные мегалитические башни, ныне обратившихся в руины, и поклонялись пантеону Сущностей. Наулит – один из них. Некоторым людям пришлось по нраву религия потерянных и они, вопреки вероучению Ураха, справляли требы их Покровителям.

...Истошный крик! В моих ушных раковинах моментально собрались капельки крови. Вот визгливая же! Магический вопль банши пробудил мертвецов, что спали в крипте от начала затерянных

эр и ионов. Я, зачинивший над Ликом Эбенового Ужаса Цепную Молнию, ждал увидеть мумий или скелетов, поднимающихся из ям и селитровых канав, однако мой цепкий взор разглядел кое-кого другого. Рептилии, почившие сыны племени потерянных, шустро разгребали ссохшимися конечностями рыхлую почву. Их желтые, аномально не разложившиеся тела с длинными хвостами и высохшими прорезями глаз, словно черви по земле, поползли ко мне. В лапах, увенчанных тусклыми золотыми кольцами и браслетами, рептилии сжимали серповидные клинки – хопеши. Ну-с! Получайте! Я изверг из посоха электрическую дугу. Она прокатилась по потерянным, обратив каждого к кому прикоснулась, в обугленную головешку. Альдбриг сошелся с хопешем, а Лик Эбенового Ужаса тем временем взорвал уродливую голову гальванизированной ящерицы. На меня наседали. Штук семь рептилий, не получивших поцелуй Молнии, нещадно жали меня к алтарю Наулита, подле коего Анна зачинала какое-то нездоровое колдовство. Что-то у меня пошло как-то все вкривь да вкось! Не люблю досадные обстоятельства! Отметя мечом очередной летящий мне в грудь хопеш и парировав с фланга его собрата, я отскочил к безнадежно испорченной балюстраде.

– Тьмы Властелин, Назбраэль Черноликий – Бич Свой обрушь из меня Смертоносный и Дикий!

Таким типом ворожбы (Разрушительным Словом Бездны) я пользуюсь от случая к случаю, даже редко. И все оттого, что «слово» вредит не только моим злопыхателям, но и мне. Эта сакральная и очень тлетворная магия, принуждающая меня принять лично в себя Ненависть Назбраэля.

Грубое заклинание мощи, возбудившее к яви силу Мира Тьмы и вывернувшее мое нутро шиворот навыворот, пробилось наружу из моего рта смарагдовым потоком уязвления и порчи. Зубы мне свела судорога, язык онемел, а десны вспухли волдырями и лопнули. Выплевывая кровавый сгусток, я стал свидетелем того, как пять из семи потерянных онемели, а затем рассыпались красным крошевом. В бок мне ударил хопеш. Я извернулся и разрубил череп рептилии.

Теперь кровь текла не только из моих уст — под мантией расплзалось мокрое пятно. Больно то как! Как же больно, тролль тебя подери!

— Иииииии! — взывала Анна, переносясь на левый край, за пределы видимости.

Ее визг дезориентировал меня и ввел в прострацию. Как под гипнозом, травмированный, я, уже действуя по наитию, проткнул последнего потерянного Альдбригом. И тут... В мои волосы вцепилась ледяная ладонь. Меня рванули и я, не удержавшись на ногах, упал на колени. Омерзительная и жуткая физиономия Анны замаячила всего в нескольких дюймах от моих губ.

— Иииииааа! — довольно провыла банши над самым моим ухом.

Я оглох. Это ли мой конец?

Слезящимися глазами, под пеленой мути, я видел, как Анна смакует мое безволие и готовится подарить мне лобзание Смерти. Её синие губы разверзлись, обнажив под собою гнилые клыки. Еще секунда — и все. Я пропал. Уже не предвещающий быть спасенным, я удивленно заметил неожиданно выросший бугорок изо лба Анны. Нет, то не бугорок! Это стрела! Банши сердито оттолкнула меня от себя и резко повернулась. Там, в выбитом дверном проеме стоял Альфонсо Дельторо с натянутым Резцом. Он целился. Банши, раззявив челюсти, закричала (для меня — не слышно). Две новых стрелы угодили в свою мишень, одна — в торс, другая — в голень. Банши вырвала их из себя и, извлекая из хламиды меч, собралась было наброситься на Альфонсо, но что-то её смутило. Я приподнялся на локтях и... Двенадцать кукол, одна за одной, появились из-за спины следопыта. Дороти, Лимми, Дранга, Карв, Пайси, Хенджой, Сиджи, Эведенс, Викки, Глора, Зиштра и Хант. Все вместе, скопом они побежали на Анну. Безумие какое-то, а не театральная постановка! Кто ставил сценарий?! Куклы облепили банши и стали рвать на куски. В колебаниях шариков Света мне показалось, что их восковые лица горят румянцем отмщения. Дороти и Глора впились ногтями в запястья Анны, а Карв и Хенджой, крепко обхватив упругими пальцами бедра и плечи банши, давали остальным

наносить ей увечья. Альфонсо, да, это он, взял меня подмышки и кое–как водрузил на ноги. Не берусь сказать, сколько времени куклы терзали Анну, но когда они от нее отстали – та, превратившись в грудку тряпья, не двигалась. Дороти направилась ко мне... Я потерял сознание...

Тихий шелест листвы и дуновение свежего ветра. Я лежал на чем–то мягком. Где–то рядом потрескивал костер. Мне было плохо. Меня бил озноб и снедала слабость. Неверно, «пляшущей» туда–сюда рукой я нащупал рану в боку. Туго перевязанная и большая, она недвусмысленно намекала о своей серьезности. Я попытался сесть, однако боль не дала мне этого сделать. Я закричал и вновь откинулся назад.

– Тебе нельзя ворочаться, Калек.

Силуэт моего друга заслонил собою часть неба. Проступающие звезды обрамляли распущенную косу следопыта.

– Альфонсо? Где мы?

– В Караке. Почти у Ильварета.

– Сколько я был в отключке?

– Пять неполных дней.

– Эти куклы... Как ты... и они нашли меня? Почему они вступились за нас?

– Ах, ты – как всегда – еще не успел толком очухаться, а сразу с расспросами пристаешь. В этом весь ты, Толковая Каракатица.

– Дельторо, по ощущениям – я близок к тому, чтобы составить завещание, поэтому будь любезен удовлетвори напоследок мое любопытство.

– Скрывать не буду – дела твои дрянь, – печально отозвался следопыт. – Тот серп, коим пырнул тебя потерянный, задел печень и селезенку... Я отволол тебя в Хомтрики и там, слава Духу Зелени, нашелся толковый знахарь. Вместе мы обработали твоё увечье и зашили его, но... Тут нужна Эмилия с её выучкой Алхимикус Деторум или опытный жрец, прошедший обучение в Ордене Креста. Без них, боюсь, ты обречен. По всем признакам пару дней назад у тебя началось заражение крови. До Ильварета, где тебе окажут самый лучший уход – рукой подать, поэтому я гнал Юнивайна как бешеный.

Альфонсо отошел, а потом вернулся с дымящейся чашкой. Он, положив мою голову к себе колени, сказал:

– Выпей. Это настой из целебных трав. Я сварил его из того, что есть вокруг. Он поддержит тебя.

Покорно проглотив пряный отвар, я, бьющийся в ознобе, вяло отер облитый подбородок.

– И все же... Поведай мне, что произошло после того, как я отрубился...

– Ты не отстанешь же, верно? – вздохнул Альфонсо, проводя ладонью по моим вспотевшим волосам. – Не берусь что-то сказать, о твоём сражении с Анной, однако, по всей видимости, ты применил колдовство, которое случайно угодило в алтарь Наулита. Именно он, с посула Анны, стал вместилищем скверны Назбраэля. Когда ты его продырявил своей волшбой, рок рабства душ перестал тяготеть над куклами. Я сразу понял это по изумленным крикам, попавшего в западню Сиркудра. Они убили его, и тогда, я... Я снял свои чары с дома и поговорил с ними. Дороти заверила меня, что ты в огромной опасности, и что мы должны немедленно торопиться к тебе на выручку. Я почувствовал, что надо ей довериться. Она хлопнула в ладоши, и мы все перенеслись на кладбище Хомтриков. Ума не приложу, как ей удалось такое повернуть, ну тут, наверное, сыграла свою роль мистическая привязанность кукол к месту их первоначального

упокоения. Когда мы ворвались в зал, ты уже находился на волосок от гибели.

– А дальше?

– Анну постиг жребий Сиркудра, – мрачно ответил Альфонсо. – Дети же, заключенные в тела мертвецов... Они попросили меня разжечь огонь. Я штабелями уложил валяющихся рептилий, ты же в курсе, что по преданиям они горят, что твоя смола, и накидал сверху корней. Вспыхнуло так, что зависть бы взяла все фонари Толкучки. Дороти, Дранга, Хенджой да и все остальные, попрощались со мной, сто раз сказали нам спасибо, а потом взошли на кострище.

– Да, – устало протянул я. – Только так они и могли скинуть с себя гнет Назбраэля.

Альфонсо уставился вдаль.

– Они что-то ощутили? Напоследок?...

– Безмятежность, наверное...

Я закашлялся.

– Потерпи, Калев, уверен, что уже завтра я доставлю тебя в Ильварет.

– Спасибо, – прошептал я. – И Юнивайну тоже передай спасибо, что откликнулся на твой зов.

– Обязательно. Тебе необходим отдых. Спи.

Весенние запахи, мучительная боль, переключки каких-то птиц и холод, холод, холод. Ах, как бы сейчас пригодилась Серэнити с её чудодейственным врачеванием. В путешествии к Пику Смерти меня множество раз секла сталь и только искусность Великого инквизитора выуживала мою шкуру с того света. Серэнити, где ты, моя дорогая?

Получается ли у тебя осуществлять свой план по объединению военных знамен Братства Света? Я бы хотел, чтобы ныне ты оказалась рядом со мной, а не где-то там, далеко-далеко. И это не потому, что я могу опрокинуться в могилу. Нет. Я просто скучаю по тебе, моя светловолосая и непримиримая воительница. По твоим восклицаниям: «Шаттибраль!» и строгому взгляду, за которым, как в зеркале, отражается привязанность и сердечность... А моя Эмилия? Моя милая Эмилия? В лихорадочном бреде, подсунутым мне лукавым хапешом, который принадлежал канувшему в «были» и «небыли» ящероподобному исчадию, я пестую в себе комочек тепла, что тянет свои зачатки из оптимизма, привитого мне моей подругой. Её неунывающий вздернутый носик, изумруды-глаза, линии-брови, щеки с неизменной улыбкой... Её вид, её воздушные движения и грация, все они убаюкивают меня и уговаривают бороться за свою жизнь... Она тут... Держись, Калев, держись! Не сдавайся!... Стискивая Луковое Спокойствие, тяжело свисающее с шеи, я проваливался в хрупкое сновидение... В кротком по своей пригожести осеннем парке, облагороженным колоннами, оплетенными плющом, и скамеечками, застрявшими у мощеной тропинки, образ близко стоящей Эмилии отошел на задний план. Нет, он не пропал, но как-то соскользнул вглубь. Опираясь на Людвирбинг, Эмилия, горделиво приосанившись, застыла, как гротескная статуя. Из-за дерева вышла Лорина. Опадающие на неё оранжевые и горчичные листья придавали колдунье флёр тайны и мистики. В плаще, застегнутом фибулой в виде разложенного шатра, она смотрела на меня фиалковыми очами и молчала. Я захотел подойти к ней, обнять её, но не мог сдвинуться с места – подошвы сапог словно прилипли к прелой подстилке. Лорина протянула тонкую руку вправо. Повинуясь её движению, я повернулся. Среди зеленой поросли, уже подернутой золотистыми вкраплениями увядания, на скамейке сидел Квиль Лофирндваль. Посох моего приемного отца искрился келейным сиянием. Мрачно хмурясь, он, вопреки своему суровому облику, будто бы источал благодушие, сострадательность и отзывчивость. Виляющий хвостом Виноград примостился около. Три дорогих мне человека... три... зачем они собрались здесь? Потом стали появляется другие... Бертран Валуа, Альфонсо Дельторо, Серэнити, Дурнбад, Грешем, Говард Демей, Манфред Второй, Клакацин Темный, Элизабет Темная, Снурф (он

выбрался из-за валуна и зашипел), Мурчик, Лешпри и Шилли Хельберты, Нифиль, Брубор, Петраковель, Юнивайн и его собрат – оранжевый гнедой конь в молниях, Безымянный, какая-то очень красивая девушка-вампир с черными-пречерными волосами, мягкошерст, нирф, эндорит и царственный эльф (я ощутил, что с некоторыми из них судьба меня ещё не свела), Дебора Ольвинхайд, Бритсморру и Лайли Серебряная Часовщица – друзья юности, погибшие в Ледяных Топях, Эшли Шторм (высокий и нескладный, он улыбался и поигрывал жезлом), Парабелла – ясноокая и гордая. Она и Эшли тоже погибли, но только уже в Бархатных Королевствах. Эмириус Клайн с венцом из сапфиров (чопорно, шелестя крыльями, вампир прошествовала в середину моих знакомых, умерших и живых, будущих и прошлых), Птикаль, Катуб, Марципан, Суптона, Тина, Пимин Бои, Король Брен, Бракарабрад, Импрет, Фирджи, Дукас, Горгон Преломляющий Оттенки и еще десятки людей и созданий, что я знал раньше и знаю до сих пор. Все они окружили меня плотным кольцом. Я оглядывался и не понимал – зачем они все тут собрались? Вдруг ряды пошатнулись и отошли мне за спину. По-прежнему прибывая в состоянии оцепенения, я стал следить за тем, как из леса, окутанного туманной завесой, неторопливо поплыли тени. Не оформившиеся окончательно, они имели в себе расплывчатые черты лиц, и нельзя было сказать, кому они раньше принадлежали. Одна, восемь, пятнадцать, сорок, и далее... Их был целый легион. И они желали мне зла. Они были мои враги. Среди них всех выделялась тень, более других принявшая физический вид. Деформированная волна, из которой состояла тень, то смыкалась, то размыкалась, пока не оформилась в четкую структуру человеческого тела. Передо мной предстал рогатый мужчина с опрятной бородой и зрачками змеи. Он сделал жест и тени – его сподвижники, откатились чуть назад. На их черных, струящихся ликах, горели раскаленные и очень недобрые угли глаз.

– Кто из вас, трусливых ягнят, будет говорить за Калеба! – громко спросил он у тех, кто стоял позади меня.

В его голосе звучала неприкрытая издевка.

– Я!

Ко мне подошла Эмириус Клайн. В латных рукавицах, увитых цепями, она стискивала двуручный меч. Молодость и сила безошибочно угадывались в каждом её движении. Она посмотрела на меня долгим взглядом, а потом насмешливо воззрилась на рогатого мужчину. Он отшатнулся от неё, как от огня.

– Похоже, что теперь трусом пристало называть тебя. Да, Кайнандас?

Мужчина облизнул губы раздвоенным фиолетовым языком.

– Матрона Тьмы...

– Вы не получите его.

– Он умирает, о великая Эмириус Клайн, – елеинно улыбнулся её собеседник, отвешивая шутовской поклон. – Скоро он станет нашим.

– Калёб не умрет, пока не умрем мы.

– Это дело быстро разрешимо, – рассмеялся мужчина. – Но надо ли вам проливать за него свою святую кровь? Особенно тебе. Ведь именно из-за Калеба ты нырнула в Безвременье.

Эмириус Клайн отвесила Кайнандосу пощечину. Он упал в грязь и исподлобья, по-волчьи, зыркнул на мою защитницу.

– Таков тебе мой ответ, – с отвращением утвердила Эмириус Клайн.

– Да будет так, проклятая! – сипло взревел Кайнандос.

Он вскочил на ноги и воздел руку вверх.

Тут же вся армада Тьмы оцетинилась мистическим оружием. Я оглянулся. Светлые ряды моих друзей и тех, кого я в них дотоле не числил, приготовились к бою. Тени и герои противоборствующего им буфера набежали друг на друга...

Не описать ту битву, что разразилась в этом благолепном лесу. Скажу лишь одно, что в ней участвовали не только те, кого я здесь упомянул. Ко мне стягивались все новые и новые существа – те, кто любил и ценил меня... Слева, справа, сверху и снизу... Они пробирались из Вселенских прорех, и я как-то знал, что когда-то соприкасался с ними не тот «я», кем являюсь сейчас, а совершенно другой, тот, кем я был ранее, жизни и жизни назад. Это так поразило меня, сама возможность моего иного Бытия, что я в определенный миг застыл, как вкопанный. Странно, да, но это так. Всюду ревели магические вихри посылаемых заклинаний, меч шел на меч, лилась кровь друзей и пронзалась бесплотная дымка врагов, а я все стоял и стоял, ошеломленный всей богохульной несуразностью происходящего...

Постепенно сражение подходило к концу... Погибли... Погибли все... И тени, и друзья... Но не я.. Меня никто не тронул... Пальцы Смерти не смогли добраться до Калеба Шаттибраля – так же еще звучит мое имя?... Отчаянное сопротивление Лорины, Квиля, Эмилии, Грешема, Парабеллы, Деборы Ольвинхайд и прочих отвели от моей души клинок забвения. Все они отдали самих себя, чтобы я не потерял свое «я»... Они отталкивали меня от вражеских ятаганов и прикрывали собою от ярости замогильных аспидов... Эмилия умерла у меня на руках, но луч, извергшийся из её Людвирбинга, пронзил Кайнандаса насквозь. Все... Всему конец...

...Тот же осенний лес, те же лавочки и колонны... Среди уцелевших был только я... Я брел, прикрывая незрячие глаза своим друзьям... Я плакал и повторял, повторял, повторял... «Нет! Нет! Нет!» Бухнувшись на карачки подле бездвижного Квиля Лофирндваля, я бессознательно приставил Альдбриг к своему животу... Мою руку мягко отвели...

– Хочешь, чтобы наша победа обесценилась?

Я поднял голову. Эмириус Клайн... С отрубленным крылом и рассеченной бровью, она уселась рядом со мной.

– Это все не взаправду. Я сплю и скоро проснусь.

– Ты не спишь, но действительно проснешься, если не натворишь сейчас глупостей.

– О чем ты? И... разве ты не погибла?

– В некотором роде – да, в другом – нет. Что есть Мир Грез, куда мы попадаем, ложась на кровать во здравии или теряя сознание в недуге? Для тотального большинства сновидцев – Он ненатурален, зыбок и призрачен, но для тебя, снискавшего Плерому Вселенной – Он есть вторая Реальность. Только избранные способны идти Миром Грез. Осязая себя в Нем и управляя собою на Тропах Мечтаний. Ты не задумывался, почему Укулукулун так легко входит в твои сновидения? А как Привратник смог прорваться в твои визии на Клинке Ночи? Что помогло Нолду Темному и Таурусу вклиниться в твои ночные путешествия? Калев, некоторые твои сны – вовсе не сны. Это параллельные комические просторы, понять которые не дано даже мне. Однако тут я могу говорить с тобой и видеть тебя. Я способна здесь дышать и жить. И это потому, что в твоих мыслях я не умерла. Чем дальше ты пойдешь, тем больше ты будешь проникаться своим Даром – парить над Граниями Определения и Штор.

– Я не понимаю...

– Пока тебе этого и не надо. Сейчас главное, что Альфонсо довезет тебя до Ильварета.

Эмириус Клайн посмотрела куда-то сквозь меня.

– Он мчится на Юнивайне во всю прыть, и скоро ты будешь спасен.

– Почему ты тогда обманула меня? Это все из-за власти? Из-за твоего желания стать Богом?

Матрона Тьмы блекло улыбнулась.

– Я – верная последовательница Ураха, малыш, и то, что наплел тебе про меня Таурус – неправда. Ни я, ни Цхева, ни Джед Хартблад никогда не собирались пустить Пророчество Полного Круга на свое собственное возвышение.

– У меня есть!...

– Тише, тише, не все так сразу, давай по очереди, – перебила Эмириус Клайн, прикладывая теплый палец к моим губам. – Мои игры? Ты же про них? Я старше тебя в тысячу тысяч раз и многократно мудрее. Поэтому не смей судить меня. Я навела тебя на выверенную мною стезю так, как того требовал тот момент. Хотя для тебя думать об этом уже бессмысленно. Чудо, которого ты так алкал, – свершилось.

Матрона Тьмы убрала палец с губ и, ласково проведя мне им по подбородку, всеведуще сказала:

– Если с этим мы покончили, то давай о другом. Пока у нас еще есть время. Ты намеревался спросить меня про Ураха. Давай, малыш, не стесняйся, я сегодня кусаю только твоих врагов.

Меня действительно давно мучили дилеммы, связанные с Богом Света и теми откровениями, что были преподнесены мне Эмириус Клайн. Зло Он или Добро? Где в имеющейся у меня картине пазлы лжи, а где в ней инкрустации истины? Почему мне так это интересно? Почему меня сжигает жажда ответить себе на вопрос – Кто Он? Наверное, это потому, что весь мой последний, ужасный и роковой путь так или иначе, связан с Всеотцом. Фольклористика и верования народов Соединённого Королевства, рассказы Серэнити, фрески Первородного Соблазна, страницы Первоначала и Пророчества

Полного Круга, все они возглашали о Его величии, милосердии и альтруизме. А Эмириус Клайн... Она молвила об обратном. Что Урах – не Тот, кем кажется. Что Он испытывает радость не только от свершения благодеяний, но и от разладов и конфликтов, от горестей и боли. Ее речи имели под собою доводы, которые мы привыкли воспринимать не так, как они выглядят на самом деле. Урах открыл Окна Перехода и вывел праотцов на землю. Но хотели ли того наши предки или то было сделано насильно? Нельзя также не признать и того, что Эмириус Клайн служит Всеотцу. Однако как она несла свои обязанности все эти бесконечные годы? Матрона Тьмы беспощадно и планомерно уничтожала гномов Железных Гор. Это ли было угодно Всеотцу? Почему Он не покарал её за все причинённые злодеяния, а ограничился лишь цепями на запястьях? И то, их, по заверению Эмириус Клайн, она получила за некий выбор, неомраченный прихотями Ураха. Правда о Всеотце уходит корнями в ту непостижимую для человеческого разума Необъятность, в которой уже, по-видимому, не сыскать концов. Впрочем, здесь, сегодня, сейчас, Эмириус Клайн может пролить свет на новые и старые аксиомы, принятые нами на доверии и неведении.

– Тогда, на Пике Смерти ты уверяла меня, что Урах – лживый и неистовый князь Девяносто Девяти Спиц. Однако, когда разверзлось Пророчество Полного Круга, и на Тауруса накинута аватар Всеотца, я, в тот мимолетный миг, ощутил абсолютное умиротворение. Оно исходило из Него! Как будто рядом с Ним мне ничего не было страшно. Я не знаю, этого не описать, как будто Он – совершенная нежность и чистота, что Он и есть все самое хорошее и незапятнанное, и что Он – очень–очень меня любит.

Я дотронулся до бледной щеки Эмириус Клайн.

– Я считаю, что ты обманула меня. Только, зачем и в чем? Я в растерянности! Ведь ты действительно держала Будугай под пятой тирании! Неужели Урах потакал тебе в этом!

Эмириус Клайн отстранилась от меня и устало облокотилось о дерево. Её прекрасный лик передернула судорога – разрубленное

крыло сильно кровоточило. Она сделала над собою усилие и, улыбнувшись, сказала:

– Учись раздвигать занавеси слов, Калерб. В тот день я дала тебе пищу для размышлений, которую ты можешь теперь крутить под разными углами. В «Первоначалах», как я тебе и говорила до того, ты выяснил, что Урах действительно является князем Девяносто Девяти Спиц и занимает в них «седьмую максиму». Кто знает? Может, потом ты найдешь подтверждение и иным моим констатациям. Добро и Зло. Ты привык, что одно – Черное, иное – Белое. Ты судишь как человек, и тебе не дано, по крайней мере, пока, осознать то, что Добро не всегда есть Добро для всех, и что Зло, каковым оно кажется на первый взгляд, на поверку оборачивается дальновидным зачином последующего процветания. Звучит метафорично, конечно, но это так. Только Урах наравне с Назбразлем, Рифф, Юкцфернаноном и Харо, полноправно распоряжается Вечностью, её сутью и грядущим, и обладает сакральным знанием того, что прорастет из посеянного Им семени. Ныне «оно» может казаться странным и жестоким, однако потом из него поднимется цветок небывалой красоты. В природе так происходит с гусеницей. Некрасивая, она ползает и неэстетично сокращается. Нам она не нравится. Некоторые давят её каблуком. Так, забавы ради. А что потом? Если ей повезет, и каблук её минует, то она станет бабочкой, за полетом которой мы будем заворуженно следить. Понимаешь ли, о чем я? Вседержители, родившиеся на заре всех веков, неестественно и пугающе умны, если тут допустимо сказать об «уме», так как я склонна верить, что Они даже отдаленно не мыслят наподобие нас с тобой. Ты делаешь упор на моем гнеде над Железными Горами, и тебя смущает то, что тому был указ Ураха. Хорошо, погляди на это так. Не берусь заявлять со всей точностью, но Урах, помещая меня на Пик Смерти, мог желать, чтобы гномы как можно позже узнали о квазальде, тогда еще богато залегающим на верхушках гор. Он – Рассекающий Предопределенность, предугадал, что жадные до металлов «галахи», пронюхав о квазальде, объявят нирфам войну, которая приведет к гибели последних. Заметь, нирфов я не трогала никогда. Пока воздушное пространство было под моим контролем – гномы, обуреваемые животным страхом, не смели показывать бороды из своих нор, и не ведали о том, что у нирфов есть квазальд, потому

что те молчали об этом. Что есть моя миссия, как не Зло в угоду Добра?

Пораженный такими рассуждениями, я ошарашенно откинулся на выставленные руки. Они угодили в лужицу крови, вытекшую из пасти поверженного Кайнандоса. Спешно вытерев запачканные ладони о тунуку, я воскликнул:

– Тыставляешь себя защитницей нирфов, но тут у тебя разладица! Ты же убила их на Пике Весны, превратив его в Пик Смерти!

– Присовокупь сюда еще вопрос, малыш, почему гномы–таки добрались до нирфов и истребили их? Как я это проглядела? – прошептала Эмириус Клайн, суживая свои удивительные, черно–синие глаза.

– Да! И это тоже!

– Как раз–таки в ту пору Урах и подарил мне эти тяжелые браслеты. Как за мое попустительство, так и за соблазн моего сердечного порыва.

Матрона Тьмы подняла свои цепи и позвенела ими. Затем понуро опустила их и, вздохнув, промолвила:

– Так случилось, потому что тогда меня не было на Пике Смерти уже очень долго, по меркам смертных. Гномы почувствовали свободу и стали хаживать к своим соседям в гости. И квазальд моментально пленил их. Что касается Пика Весны, то на нем издревле находилась своеобразная нерушимая тюрьма, предназначенная для нирфов–детоубийц, безумцев с искалеченным мировосприятием. Эта маниакальная хворь, заставляющая души собственных чад в младенчестве, изредка и внезапно поражала того или иного нирфа. Отчасти птицы, нирфы имели в себе их повадки. Аисты, например, избавляются от своих птенцов, если их вылупилось слишком много, так легче прокормить остальное потомство. Нирфу, умертвившему

своего отпрыска, по закону Воздушного Королевства обрубали крылья и ссылали на Пик Весны. На нем он, искалеченный, более не умеющий парить над облаками, он коротал свою оставшуюся жизнь. Я скажу тебе, Калев, что те несчастные и всеми презираемые нирфы, что были встречены мною на Пике Весны, сами желали своей смерти. Они осознавали, что их разум неизлечимо болен и нашли отраду в молниеносном взмахе моего меча.

– И все же ты убийца.

– Я и не отрицаю этого, но что, если я скажу тебе, что в последующих веках, протянувшихся вплоть до исчезновения нирфов, после того, как я заняла Пик Весны, в Воздушном Королевстве не появилось ни одного детоубийцы? И это – моя заслуга. Как ты на это отреагируешь? Меня толкнула на это жалость. Да, малыш, жалость, я тоже знаю, что это такое. Недавно именно она не откинула твою просьбу о помощи с Пророчеством Полного Круга, а тогда...

Эмириус Клайн на секунду запнулась, подбирая верное слово.

– Тогда, среди убитых мною нирфов, я поняла, что больше не хочу повторить подобное. Я полюбила их, потому что они в чем-то были похожи на меня.

Матрона Тьмы указала мне на свое белоснежное оперение.

– Я просила Ураха дать мне возможность проявить милосердие к этим дивным созданиям. Не сразу, однако, но Он все-таки услышал меня и вложил в мои длани Великое Волшебство, которым я окутала все пики Воздушного Королевства. Я через Всеотца исцелила нирфов от их психической предрасположенности – предавать своих чад смерти. Так вот теперь ответь мне, Калев, не обернулось ли мое вчерашнее Зло, завтрашним Добром?

Я покачал головой.

– Я не знаю... Не знаю!

Эмириус Клайн улыбнулась.

– Зато знаю я. Помнишь, я сказала тебе, что мои грехи не смыть всей водой океана Безнадежность?

– Кажется, да, помню.

– Я не солгала тебе, малыш. Меня за многое можно ненавидеть. Да я и сама чувствую отвращение к себе за все то, что мне пришлось сделать не по своей воле. Однако, возвращаясь к нашему рассуждению о Добре и Зле – я – инструмент Бога Света, Его скальпель. А скальпель, как известно, в руках лекаря при операции хоть и причиняет муки, но отсекает опухоль.

Эмириус Клайн вновь улыбнулась, обнажив ровные и острые клыки.

– Вижу, что ты опять погрузился в раздумья. Думать всегда полезно, особенно когда пытаешься постичь что-то такое, на что раньше смотрел по-другому.

– Значит, ты добрая? – наконец выдавил из себя я. – И все, что ты совершала, в финале вышло пользой для Мира?

Матрона Тьмы рассмеялась.

– Нет, нет, малыш, не воспринимай все буквально. Всё куда глубже и тенистее. Нет ни Добра, ни Зла. Есть – Порядок. Он таков, каким Его учредили Вседержители. Моя роль в Нем, как, в принципе и твоя, несущественна. Мы взаимозаменяемы. В нашей беседе я просто попыталась показать тебе, что не надо относить себя к Черному или Белому. Вселенная многогранна, и где одно – плохо, в ином месте, при иных обстоятельствах и времени – будет хорошо.

– Может это так для бессмертных, чьи жизни проходят через столетия. Они могут сравнивать свои поступки, оценивать их и видеть

последствия. Но для тех, кто есть здесь и сейчас – миг, горящий фитилем тонюсенькой свечи, учит отделять день от ночи. Я к тому, что для меня, если человек ведет себя, грубо говоря, не по-человечески, то, возможно, мне никогда не придется узнать о том, что его мотивы, определяющие поведение, в будущем приобретут иной тон. Будь самим собой, не чини неприятностей окружающим тебя людям, помогай и люби – тогда, под уклон лет, тебе не за что будет упрекнуть себя.

– И о тебе не вспомнят, как о мерзавце. Да? Философично и несколько неказисто, но принимается, – хмыкнула Эмириус Клайн. – Вы, люди, и есть свечи, восковыми каплями рано опадающими в могилы. В твоём замечании о вашей краткосрочной юдоли проглядывается смысл, который нельзя отнести к Высшим Силам. Наставления Лорины по меркам нынешних реалий выпестовали в твоей душе букет из колхикума. Душистый, пряный, красивый и опасный. Быть может, потому ты и приглянулся Вселенной. Забавно, конечно. Ты – человек со своими маленькими внутренними переживаниями и заботами, сейчас, наподобие меня в прошлом принужден заложить зачин судьбам миллионов созданий. Кто остановит Хрипохор, если не ты? Кто даст отпор Вестмарке Вальгарда Флейта, если не ты? Кто возродит Соединённое Королевство, если не ты? Кто вернет Ураху и Рифф былое могущество, если не ты? Кто, если не ты, свершит другие подвиги, которые мне открыты, а для тебя еще тайна? Бархатные Королевства, Ноорот'Кхвазам, Рунное Королевство, Клирдвайт, Острохвостия, Островное Королевство, Бумфамар, Минтас, Империя Хло, да и все другие, ведомые тебе и неведомые земли, все они повязаны с тобой нерушимыми нитями Фатума. Об этом тебе говорила Петраковель, и теперь говорю я. Как много выпало на долю одного тебя, малыш...

Эмириус Клайн неожиданно осеклась.

– Быть может?... Проверим...

Вампир, ворошившая пальцами листву, вдруг, как сокол в зайца, впилась своими очами в мои. Магический всплеск... Что-то

зашевелилось во мне... Из потаенных и крепко–накрепко схороненных провалов Оно потянулось вверх...

– Нет... Неужели я не разглядела с самого начала... Возможно ли? Шанс один на миллиарды миллиардов, но... Он же предупреждал!

– Эду–на Ар–Ура Ха–ама–нат! – прогремела Эмириус Клайн.

Наш зрительный контакт, который я не мог разорвать, отозвался во мне веретеном странных видений. Своим взглядом Эмириус Клайн будто бы выволакивала из меня события запредельных далей. Всюду лился свет и полыхал огонь. Я сам был Огонь... или Его элемент?... Громадный город–замок у изумрудного пенящегося моря... не Шато, предвечный... Реликвии Силы... молодой Джед Хартблад у Окна Перехода... Серединный Мир... Девушка и парень, я в ином облики, снег... Дверь, запечатанная Словом Мощи... Еще дальше... Космогония... Бурлящие вулканы, бесплодные растрескавшиеся прерии, пустые водные просторы... Я лечу над ними ветром и смеюсь... Это не наш мир! Это Гамбус!... Звезды, мириады звезд... Расплавленный шар. Солнце? Демиурги, без каких–либо форм и намеков на осязаемость, совещаются на уровне, недоступным для воспроизведения ни мысли, ни языка... Судьбы Девяносто Девяти... У Каждого своя и Каждый примет Её...

– Адун! – обрubiла Эмириус Клайн.

– Ура Адун! – самопроизвольно вторил ей я.

Грезы наяву покинули меня. Осталось лишь послекусие изречения, что было произнесено мною. Повелительного, неукоснительного и грозного. И вместе с тем хрупкого и благословенного.

– Нет! Разве это...Как? Если только... Свет от Света. И Свет в Нем! – сама с собой быстро заговорила Матрона Тьмы.

Она выглядела крайне возбужденной. Такой, как будто на нее снизошло некое откровение, повергшее её в шок.

– Что сейчас произошло?! Зачем ты показала мне все это?! Кому принадлежали эти воспоминания?! И что я только что сказал?!

– Принадлежали – тебе и одновременно не тебе. У меня есть догадка. Она так чудовищна и так фантастична, что я гоню её от себя. Но, если она все же верна, то у Вселенной есть чувство юмора. Извращенное, глупое и блистательно горькое!

– Как это – мне и не мне? Ты говоришь загадками!

– Ты слышал о перерождении Душ?

– Да.

– Мы знаем, что ты – Калед Шаттибраль – и это «сегодня». Однако может стать так, что тебе уже доводилось жить «до». И это «до» относилось к Сущности из Гамбуса.

– Ты нарекла Гамбус творением Нолда Темного, но я выяснил, что это не так. В нем вакуум потряс Большой Взрыв. Он есть первый и наиболее реальный из Миров.

– Опять возвращаешься к тем нашим диалогам? Не надоело? Сейчас ты соединил ниточку с дужкой иглы. Молодец. За невинную выдумку прощения не прошу. Я вообще никогда его не прошу. Тогда у меня не было времени вдаваться в подробности образования Пространства.

– Ладно. Что же насчет моего перерождения? – я заинтригованно вернулся к предыдущему высказыванию Матроны Тьмы.

– В тебе дремлет Дух того, кем ты был раньше. И когда-нибудь Он может проснуться, – тихо промолвила Эмириус Клайн.

Я нахмурился.

– О чем ты?

– О том, что слишком уж это трагично и смешно! Да, смешно! Ты и Он. Он и ты...

Потом Эмириус Клайн прошептала:

– Почему я не увидела раньше? Почему? Я не верила, а оно так и есть... Так случилось...

– Он? Кто – Он? Скажи прямо! Хватит ходить вокруг да около!

– Ты забываешься, малыш, и за это я могу тебя наказать, – рыкнула Эмириус Клайн.

Одного её порыва было достаточно для того, чтобы я отпрянул.

– Имя тебе погоды не сделает. Что в нем толку? Буквы стоят то в одном порядке, то в другом, – уже мягче сказала Матрона Тьмы. – Важно лишь то, важно для меня, что ты несешь в себе частицу Личности, перед которой я виновата. Да и не только я. Много кто. Тогда я, мы, не уберегли ту Личность, и Она, Он запер сам себя. И ему не вернуться. Его удел – тлеть неприметной искрой былого идеала. Спустя бесконечные годы Его отпечаток теперь в тебе.

– Во мне?

– В тебе. Наверное, поэтому ты такой восприимчивый к Миру Грез и Вселенским пертурбациям.

Бред же. Ну, бред. Кто во мне? Фарганорф летал по моим венам, когда я вошел в Царство Привратника. Но, оказывается, есть ещё и Он. Сколько вас, ребята?! Не ощущаю я в себе никаких Оных! Что за еще общежитие во мне тут устроили?!

Я, поборов трепет, вновь приблизился к Эмириус Клайн.

– В чем ты виновата?

– Конкретно перед тобой – ни в чем, поэтому об этом ничего больше ты от меня не узнаешь. Однако... В память о Нем, я не позволю Укулукулуну убить тебя. Ни ему, никому другому. Я буду оберегать тебя в Море Грез, как смогу. Пожалуй, это единственное, что мне доступно в моем нынешнем положении, – упрямо сказала Эмириус Клайн.

– Ты станешь защищать меня?! – радостно воскликнул я. – Против тебя Укулукулун не выстоит!

– Пока положишься на Луковое Спокойствие, а я между тем соберусь с силами. Архонт Праматери – из рода Древних. Ему многое открыто и доступно. Он мудр и невероятно могуществен. Каждая наша встреча в поединке за тебя будет непредсказуема.

– Теперь, по крайней мере, у меня есть козырь в рукаве.

– Калев, малыш, мой дорогой малыш, ты – самый главный козырь во всей колоде Вселенной, и Укулукулун еще узнает об этом. Мы, ты и я, поднимем тебя на самую высокую планку в иерархии Дома Шелка. Я ненавижу Рифф, но другого пути, как тебя спасти, кроме как встать подле Нее – не вижу. Ты станешь архонтом Праматери...

Осенний лес обзавелся светлыми полосами. Он как бы распадался на лучи солнца. Я услышал какие-то голоса.

– До свидания, Калев, до свидания, малыш... – прошептала Эмириус Клайн.

Она и все мертвые тела вокруг, друзей, врагов, героев, расщепились на крошечные шарики света. Я смотрел, как они поднялись к небу и там сложились в одно огромное морщинистое лицо, обрамленное копной седых прядей. Две руки со звездами на

ладонях потянулись сквозь ветки деревьев. Они обняли меня, одарив внеземным теплом и заботой. Листья закрутились в круговерти. Подул обжигающий бриз. Я понёсся в вышину...

Глава 22. Деловой курильщик табака

... Кaleb! Кaleb, очнись!

— Что с ним?

— С ним все в порядке. Ты успел вовремя, сын мой...

Я открыл глаза. Комната, в которой я находился, плыла перед взором. Во рту стоял привкус желчи и крови. Какие-то пятна плавали над головой. Они то смыкались, то размыкались, то становились более-менее четкими, то распадались на пузыри мыльной палитры... В висках стучал молоточек пульсирующих жилок. Тук-тук-тук — настойчиво и отвратительно. Меня тошнило.

— Где я?... — прошептал я, согнув и разогнув пальцы.

— Ты в Ильварете. В палатах Ордена Милосердия. Альфонсо Дельторо привез тебя сюда час назад. Твоя рана почти убила тебя, но по воле Всеотца я смог отвести смерть в сторону.

Алан Вельстрассен тепло улыбался. Его усталое и вместе с тем благородное лицо выражало искреннее сочувствие.

— Тебе нельзя шевелиться. Побудь пока в постели. За тобой присмотрят сестры Храма.

Понтифик Братства Света пропал из поля зрения. Я было заворочался, но мою грудь мягко, но твердо прижала ладонь.

— Пустите! Мне надо к Констанции Демей! Нужно рассказать ей о том, что случилось в Шальхе...

– Не так быстро, мой дорогой друг, – прервал меня Альфонсо. – Пока что тебе необходим покой.

Я вновь смежил веки и, осознав, что рядом со мной Следопыт, перестал ерзать и пролепетал:

– Так холодно...

– Это и понятно. Заражение крови – штука бедовая. Алан Вельстрассен её победил. Однако это не означает то, что ты опять здоров, как бык. Нет, вначале нужно поправиться...

– А потом мы вновь будем сражаться бок о бок? – улыбнулся я.

– Куда я без тебя.

– Серэнити! Позовите Серэнити! Она может!... – воскликнул я, в горячке позабыв, что Великий инквизитор находится за сотни миль от Ильварета.

– Серэнити тут нет, Калев, и, да, я и понтифик согласны, что, скорее всего, только она ныне обладает уникальными способностями магии Света, которые ставят на ноги сразу. Алан Вельстрассен хоть и помазан самим Урахом, но... Поверь, сейчас он и так совершил почти невозможное. И ты не умрешь. Однако пойми. Тебе придется пройти процесс восстановления. Как и всем тем до тебя, кого от Вселенского Забытья отделял всего один шаг.

– Альфонсо...

– Я пойду к Констанции Демей. Она уже потребовала, чтобы я пришел к ней как можно скорее. А ты спи и набирайся сил. Они тебе пригодятся.

– Хорошо... Спасибо тебе...

– Юнивайну скажи спасибо. Без него ты бы отправился прямиком в Пекло Назбраэля.

– Горячая сковородка, и все дела?

– За все твои грехи для тебя бы выделили там лучшее местечко, с видом на водопад лавы или что-то в этом роде, – хмыкнул Альфонсо.

– Такой антураж бы мне понравился.

– Не сомневаюсь. Я буду заходить к тебе по возможности...

Все последующие дни практически слились в один единственный, исполненный бессвязными проявлениями бреда и короткими озарениями день. Я то засыпал, то просыпался. Ко мне подходили женщины в белых рясах и поили меня травами и настоями. Иногда среди моих посетителей был и Алан Вельстрассен или девушка в черной мантии. Трясаясь в лихорадке или мучаясь от озноба, я в полудреме слышал, как она, эта девушка, монотонно напевает молитвы и прикладывает к моему воспаленному порезу амулет Ураха. Из нее струилась магия, и я чувствовал, что она исцеляет меня и вытравливает все еще не ушедшую до конца болезнь. Являлся и Альфонсо с королевой Констанцией Демей. Они тихо переговаривались, а я лишь что-то шептал им, не в состоянии овладеть своим телом и рассудком. Дурнбад частенько ругался возле меня на лундулуме.

Однажды, могу поклясться, что это так, меня посетила и Настурция. В промежутке между сумбурными снами и секундами просветления я встретился с ней взглядом в дверном проеме. Она тут же накинула капюшон и исчезла, а я опять погрузился в бессвязные параноические визии. Мне снился гогочущий и улюлюкающий Укулукулун и старая, велеречивая колдунья Лорина, мама и папа у нашего дома, Мурчик, недовольно мяукающий на Снурфа, Суптона и Пимин Бои на чердаке Шато, Железные Горы, Джизи и Эмириус Клайн... Последняя мелькала в чередрах моих ночных иллюзий больше прочих. Она убаюкивала меня и прикрывала своими крыльями. Молча

созерцая ее идеальный лик я проникался какими-то небывалыми эмоциями. Мне казалось, что я знал её ранее. Что эоны и эоны назад она была для меня другом или... любовью? Это не получится выразить словами, я просто ощущал её тягу ко мне и сам стремился прильнуть к ней. Когда я зарывался носом в её белоснежные перья или клал ей голову на грудь, мне становилось уютно и хорошо. Она гладила меня по волосам, и мы просто лежали вместе без всякого движения. Наше ложе менялось раз от раза. То я обнаруживал себя с ней на подстилке из осенних листьев, то парил на облаке или нежился на перине в какой-то мрачной твердыне. Я вглядывался в черно-синие глаза и не боялся их. Через них я открыл для себя, что сердце Матроны Тьмы исполнено сострадания и нежности, которое как земля, высвободившееся из-под сугроба снега по весне, расцвела душистыми цветами. Единственный во всем Мире я понял, что Эмириус Клайн совсем не такая, как кажется... Похожая в чем-то на Серэнити, она была заключенным своей преданности к Всеотцу. Её путь не принадлежал ей. Бедная и несчастная, всю свою невероятно долгую жизнь, она страстно желала, чтобы ей дали снять с себя цепи и позволили стать обычной девушкой. Без крыльев, без клыков и без меча – той, кем она была в юности. Та Эмириус Клайн ненавидела насилие и отрицала его. Она не убивала и не пила кровь. Она заботилась о животных и саде, что разбила в лесном уголке близ речушки. Пребывая с Матроной Тьмы наедине, я внимал всему, что мне она показывала... И я познавал её, проникался ею и её тяжелой судьбой... Идиллия нашей взаимосвязи, однако, в определенный миг была разрушена. Это грубо и патетично сделала Эмилия. Сверкая глазами-изумрудами, с нахмуренными бровями и суровой складкой промеж лба, она решительно оттолкнула от меня Эмириус Клайн. И та, лишь печально вздохнув, растворилась в воздухе клубом невесомого дыма... Эмилия присела и взяла мои руки в свои. Повсюду горели свечи. Окутанная сиянием их желтых фитилей, она негромко, но категорично заговорила со мной:

– Только я и никто другой. Только я. Ты принадлежишь мне. И только мне.

– Тебе?

– Мне. Не ей. И никакой другой.

– Она любит меня.

– Я люблю тебя во сто крат сильнее.

– Но она полюбила меня еще до моего рождения. Когда я был кем-то другим.

– Вот именно, не тебя этого, а Его. Он умер. Его нет. А я люблю тебя.

– Нет, он жив. Во мне.

– Это ничего не значит. Ей не отнять тебя у меня. Ты же любишь меня, а не её? Правда? Меня! Скажи, что это так!

– Тебя, да, и её тоже.

– Какую-то одну из нас.

– Как мне выбрать?

– Тебе не нужно выбирать, потому что я уже сделала это за тебя.

– Это эгоистично.

– Мне все равно.

Эмилия зарделась всполохом света.

– Я люблю тебя, милый, и никому не отдам...

Шторы резко раздернули, и в комнату ворвалось солнце. Я привстал на локтях – болезнь отступила. О хапеше и его последствиях мне теперь напоминала только плотная повязка чуть ниже ребер. Я

вдохнул и легко выдохнул. Ей, не так-то и легко! Саднит! У столика с вазой, наполненной благоухающими розами, скрестив перчатки у пояса (прямо как Серэнити!), на меня внимательно смотрела девушка в черной тунике с вышитым белым знаком Всеотца на плече. Худая, высокая, с острым носом и копной русых волнистых волос – она выглядела мило и приветливо. По первой оценке я бы дал ей лет двадцать семь.

– Меня зовут Лютерия Айс. Я магистр Ордена Милосердия.

– Калев Шаттибраль, миледи. Приятно познакомиться.

– Я знаю, кто ты, поэтому представляется мне – это лишнее, – белозубо улыбнулась Лютерия. – Ты – мой подопечный.

– Это ты выходила меня, так?

– Да, я и мой приход.

– Спасибо!

– В отличие от моих братьев и сестер я не считаю, что ты несешь в себе зло, поэтому охотно согласилась взять тебя на поручительство в свой Орден, – сказала Лютерия, присаживаясь на мою кушетку.

– Почему?

– Потому что я всегда думаю головой, прежде чем выносить вердикт о том или ином человеке. Ты многое перенес ради Соединённого Королевства, и именно твои подвиги изгнали Таурса обратно во Врата Ночи. Нужны ли мне еще доказательства твоей благовидности? Нет.

– Я был не один. Грешем, Эмилия, Серэнити...

– Да, Серэнити. Наша одаренная сестра. Я уважаю её и признаю, что из нас она – самая лучшая целительница. Хотя её маниакальное

пристрастие причинять другим боль я принять не могу. Однако Серэнити угодна Ураху, Алану Вельстрассену и Королевскому Двору, а значит не мне судить её.

Лютерия Айс дотронулась до Лукового Спокойствия.

— До тебя его носила я.

— Ты?!

— Алан Вельстрассен должен был упоминать об этом.

Я сморщился.

— Он что-то говорил мне о том, что раньше Луковое Спокойствие... Да, хранилось в Ордене Милосердия.

— Это древний и могущественный артефакт Братства Света уже не раз противостоявший Злу, — задумчиво протянула Лютерия Айс. — Тебе интересна его история?

— Конечно!

— Давным-давно, правила королева Лия Темная. Она должна быть известна тебе...

— Единственная дочь Харальда Темного...

— Да, только не перебивай, пожалуйста. Так вот, после Полдня Игл Лия Темная страдала жуткими видениями резни, случившейся в Лесу Скорби. Сама по себе она не была свидетельницей того, как ее мать и братьев убили слуги Хрипохора, но черная магия этого свершения проникла в её сны, иногда доводя бедняжку до безумства. Муж Лии Темной, король-консорт Эрзац Демей, хоть и слыл деспотом, однако жену свою любил и после её очередного ночного припадка, видя бессилие Братства Света, объявил, что тот, кто излечит его суженую от адских видений получит баснословное богатство. Разные люди

стекались ко двору, чтобы попытаться снять порчу – шаманы, лекари, кудесники и медиумы – ни у кого из них не получалось побороть ненависть Хрипохора. Однако однажды, когда Лия Темная в очередной раз, опустошенная тлетворными грезами, едва дышала в своей постели, к Эрзацу Демею пришел Некто. Закованный с ног до головы в зеленый доспех со звездами, он каким-то образом миновал стражников и предстал перед супругом правящей королевы. Из его сияющей перчатки выпал кулон. «Я Луковый Рыцарь» – сказал он. – А Это – Луковое Спокойствие. Опusti его через шею Лии Темной – и её страхи отступят». После этих слов Луковый Рыцарь исчез, как его и не бывало, а ошеломленный Эрзац Демей поспешил исполнить поручение загадочного гостя. Когда Луковое Спокойствие опустилось на грудь Лии Темной – та облегченно улыбнулась и вновь заснула. Проснувшись, она поведала, что Луковый Рыцарь – ангел Ураха, принесший ей Его благодать. С того дня Лию Темную кошмары более не терзали. По настоянию королевы, после её смерти Луковое Спокойствие отошло в распоряжение Храма, а именно в Орден Милосердия, к которому та питала особое уважение. Она поручила отдавать Луковое Спокойствие тому, кто будет более всего нуждаться в нем. Так что, теперь оно твое. Когда Луковое Спокойствие поборет Укулукулуна, тебе надлежит вернуть его в Храм.

– Я бы с радостью отдал тебе его уже сейчас, но архонт Праматери пока не предоставляет мне такой возможности.

– Рифф – мерзейшая из мерзких единомышленница Назбразля, будь трижды прокляты их имена, – скривила личико Лютерия Айс. – Мне казалось, что мы победили Её Дом Шелка. Растоптали его и истерли в порошок. Но, видимо, корни Зла оказались куда крепче, чем все мы думали. Мне очень грустно от того, что ты страдаешь от деспотии Рифф. Я обсуждала это с Аланом Вельстрассеном, но, увы, у нас пока нет догадок, как отвести от тебя Её Взор. Луковое Спокойствие слабее пертурбаций Путаницы – это факт, поэтому... Поэтому борись. Я же буду молиться за тебя, Калев, сын Храма.

– Сын Храма? Меня так еще никто не называл, – улыбнулся я. – Серэнити твоя фраза по вкусу бы не пришлась.

Лютерия Айс встала и разгладила складки рясы.

– Все мы – сыновья и дочери Храма. Дети Ураха. То, что Великий инквизитор Иль Градо привыкла разделять все на хорошее и плохое – меня не удивляет. У нее свое мнение, у меня – свое. Часто они не совпадают.

– Ты с ней знакома близко?

– Ближе, чем остальные, – грустно, одними губами, улыбнулась Лютерия Айс. – Она выбрала меня для своих исповедей.

Магистр Ордена Милосердия развернулась, и ее ухоженные волосы расплескались по спине, подобно волнам.

– Подожди, подожди! У меня есть еще один вопрос! – воскликнул я.

– Какой? – подняла бровь Лютерия Айс.

– Зачем ты носила Луковое Спокойствие?

– Я расскажу тебе об этом позже. Сейчас, в коридоре, не находят себе места один твой друг и боюсь, что если он не зайдет сюда через минуту, его терпение лопнет и он сломает нам дверь. Так что до встречи, Калев Шаттибраль!

Лютерия Айс покинула меня. Я хотел вновь откинуться на подушку, но сделать это не успел. В мои покои буквально влетел Дурнбад. Его борода нервно трепыхалась, а черные глаза напряженно глядели на меня. Звеня пластинами брони, он, словно упитанный глазированный бочонок, в два прыжка подскочил ко мне и схватил за плечо.

– Горы и недра, брат по крови! Ты почти отправился на поклон к вашему Богу! Но лекари, эти сестры–женщины, выходили тебя! Ты,

как в целом–то? Есть хочешь? Я тебе принес тут еды всякой.

Старейшина войны плюхнул мне на живот мешок со снедью. С улыбкой я развязал его и достал гроздь винограда. М–м–м! Прозрачный! Сладкий! Без косточек! Обожаю!

– Спасибо! Я – нормально!

– Я знал, я–то знал, что моего брата по крови обойдет смертушка! Рано ему еще под камнем лежать! – гикнул Дурнбад.

Я отправил виноградину в рот, после чего спросил:

– Сколько я провел времени на койке?

– Полных восемь дней. Помотал уж ты нам нервишки – мне, королеве, Настурции и твоему другу Альфонсо. Славный он малый, поприятнее Грешема будет.

– Настурции?!

– Угу. Главной колдунье Ильварета. Так ее должность тут звучит?

– Хм? Странно... Может, она хотела убить меня?

– Убить? Фу ты ба! Дурак! Мы с ней сошлись на коротком поводке. Приятная она особа, хоть и высокая, прямо, как твоя Эмилия – да и выглядит так же. Близнецы, что сказать? При наших встречах она все расспрашивает у меня – ходил ли я к тебе тогда–то, тогда–то, а пойду ли я к тебе после обеда или вечером. Уж не втюрилась ли она в тебя? Или ты ей денег должен? – хохотнул Дурнбад.

– Если ты говоришь о той Настурции, которую я знаю, то у меня ответа нет. Она меня терпеть не может.

– Значит, денег должен, – крикнул Дурнбад. – Твои алмазы с Клинка Ночи все еще при мне болтаются. Давай, я их ей отдам?

Покроем твой заем.

– Дурнбад! Я у нее золота не брал! Лучше поведай мне, подвеска из квазальда у тебя? Ее тебе должен был передать Великий инквизитор Зенобий.

– Квазальд? Зенобий? – всколыхнулся Дурнбад. – Никаких цацек из квазальда мне твой Зенобий не приносил!

По моему лбу побежали ручейки холодного пота. Неужели Великий инквизитор Карака забыл о моей просьбе?!

– Эй! Брат по крови! Вижу по тебе, что что-то пошло в разрез твоим планам!

– Точно! – крикнул я, подпрыгивая с перины.

Голова закружилась, и я чуть не упал на пол. Меня подхватил Дурнбад. Слабость ощущалась в каждом члене тела, но я пересилил себя и обулся.

– Рано тебе на прогулку еще! Ишь, как снежный барс сиганул на верхушку утеса! погоди хоть немного!

– Некогда, Дурнбад! Если квазальд потеряется – Серэнити умрет!

– Давай я разыщу этого твоего Зенобия и потрясу его.

– Нет! Мне нужно увидеть его лично.

– Ладно, ладно! – проворчал старейшина войны. – Я с тобой тогда! Без меня ты где-нибудь завалишься под куст.

Дурнбад помог мне одеться. Новая синяя мантия с плащом, украшенная вепрем – символом Карака, мягкие сапоги коричневой кожи и кожаный пояс – цвета, который мне всегда навязывала Эмилия. Что же, выглядит и правда недурно. Прицепив к бедру верный

Альдбриг и взвесив на ладони охальный Лик Эбенового Ужаса, я вместе с Дурнбадом отправился на поиски Великого инквизитора. Честно, еле шел. Прихожанки из Ордена Милосердия подсказали нам, что он в этот час обычно творит суды или разбирает бумаги в своей келье. Туда мы и потопали. Я, скорее потащился. Орден Инквизиции, в Храмовом комплексе Ильварета располагался в самой западной его части. Мы преодолели две улицы, загроможденные одинаковыми пятиэтажными зданиями, а затем свернули направо. У створов с надписью «Инквизитика Конопус», я попросил у монаха–стража аудиенции с главой Ордена. Мой решительный вид, подкреплённый с боку нетерпеливо сопящим Дурнбадом, по крайней мере, снискал сдержанное «Я доложу Его Святейшеству о вас». Спустя минут двадцать тот же монах–страж впустил нас вовнутрь и провел к кабинету, в котором заседал Зенобий. Покрытый оспинами, некрасивый, с лохматыми смоляными волосами над неестественно большими оттопыренными ушами и кривым носом, он что-то кропотливо писал на пергаменте.

– Чем обязан? – не поднимая глаз от работы, проворчал Зенобий.

– Ты забирал мою подвеску из «Бесовской Плави́льни»? – без всякого приветствия спросил я.

Зенобий недовольно дернул щекой и откинул перо.

– У меня, что? Других дел нет что ли, чем ходить по плави́льням?

– Тебя же попросила Серэнити!

– И что с того? – становясь гневно пунцовым, поднял голос Великий инквизитор. – Что я теперь, должен, как собачка, выполнять её поручения?! А?! Я тебе вопрос задал, некромант!

– Ты обороты сбавь тут, белый! – выходя вперед, пробасил Дурнбад. – Ты брал или не брал?!

Зенобий встал. Он был вдвое выше старейшины войны и возвышался над ним, как исполин.

– В своих подгорных норах, вероятно, ты принц, но здесь, у меня, в Ордене Инквизиции, ты – просто гном, поэтому выбирай выражения, чтобы ненароком ничего с тобой не случилось!

Я положил руку на плечо Дурнбада. Еще не хватало, чтобы нас тёпленько попарили на дровишках или приголубили на дыбе. По апокалиптически вздувшейся вене на лбу Зенобия я понял, что он вот-вот сорвется, чтобы кликнуть своих услужливых клевретов. Может статься, что он потом и раскается, когда Констанция Демей и Алан Вельстрассен возьмут его за грудки, но! Повторю, «но»! Нас с Дурнбадом это уже не воскресит.

– Я – старейшина войны Надургх! И я!...

– И ты гость в Соединённом Королевстве! Не относись к тебе с пиететом наша дражайшая Констанция Демей, я дал бы тебе понять, почем нынче стоит на рынке фунт вашей вонючей руды!

– Зенобий, необязательно так кричать, – добавляя миролюбия в тон, вклинился я. – Для меня очень важно знать – наведывался ты в «Бесовскую Плавильню» или нет. Просто да или нет?

– Да! – помолчав, гавкнул Великий инквизитор. – Да! И там мне сказали, что за материалом, каким уж не знаю, приходил твой поверенный! Вот этот гном, стоящий рядом с тобой! Он его получил и ушел. Все, больше мне сказать нечего! Проваливайте!

– Я!...

– Ты! Ты разве не гном?!

– Пошли, Дурнбад! – промолвил я, почти силком уводя закипающего друга от раздувающего ноздри Зенобия.

– Какой–то гном уволок квазальд?! – возопил Дурнбад, как только мы вышли из Ордена Инквизиции. – Разве в Ильварете живут мои соплеменники?

– Уверять точно не берусь, но думаю, нет. И то мог быть вовсе не гном, а, к примеру, карлик.

– Ты как? Идти можешь?

Меня действительно подкачивало и слегка... Нет не слегка! Меня затошнило! Я опорожнил желудок в кусты. Ну, а как без этого? Проблемы с этим у меня аж с Оплота Ведьм...

– Эй, дуй–ка обратно, а я сгоняю в «Бесовскую Плавильню» и наведу там шороху. Она где–то на улице Перекованный Наплечник. Так?

– На ней и пойдем мы туда с тобой вдвоем! Я огурцом!

– Хмрф! – обронил себе в усы Дурнбад.

Это же как так приключилось – размышлял я. Кто–то, когда я покинул Ильварет, завалился в кузницу, представился моим товарищем и, преспокойно приняв сделанную вещицу, был таков! Что за несправедливость! Этот гад теперь может оказаться где угодно!

Мрачнее мрачной тучи, я, насколько у меня получалось быстро, мерял шагами серую брусчатку города. Старейшина войны подстроился под мой темп. Миновав с десяток домов, льнущих к вереницам переулков, мы, наконец, достигли Перекованного Наплечника. Всюду ярилась копоть и сопели горнила. Молотки били по стали и опускались в бочки с маслом. Слышалась ругань, лаяли псы, мяукали кошки, кричали петухи, а вместе с ними неотлучным спутником вился дымок сгорающих углей и поленьев. Ко мне подбежал мальчишка с подносом свежих булок.

– Купите, добрый господин, купите, не пожалеете! Всего две медные монетки!

– Я не голоден.

– Тогда возьмите сахарный калачик вашему сыну, – тоненько пропел паренек, приняв Дурнбада за мое чадо.

Я посмотрел на гнома.

– Сынок, хочешь слойку с маком?

– Возьми мне лучше пинту эля, папаша!

Я подмигнул растерявшемуся юному булочнику (он смекнул, что Дурнбад – тот самый знаменитый гном) и направился дальше. Нужная мне вывеска обнаружила себя почти в самом центре бульвара. Не стучась, я переступил через порог. Одноглазый мужик в фартуке постукивал зубилом по раскаленной докрасна шпаге. Мельком оглянувшись на меня, он во всю глотку рявкнул:

– Эй, Гард! Где ты, поросенок мелкий?! Прими заказ у клиента!

Юнец в веснушках тут же выскользнул из-за стойки с оружием. Он жевал сельдерей.

– Желаете записаться, милорд? У нас, дык по честности, все наперед расписано... – разжевывая сочный стебель, произнес он.

– Я за своим ожерельем!

– Выдай, Гард, и денежки посчитай! Раз–два, раз–два! Почему ты такой медлительный? – все так же не отрываясь от труда, повелел одноглазый.

– Каким еще ожерельем? – похлопал глазами Гард.

– Из чудесного металла. Там я вам еще камень необычный давал в обработку.

– Хм! Мастер Янгус, вы помните что-то такое? – прикусив губу, почтительно осведомился Гард.

Кузнец откинул в сторону зубило и, вытерев подолом потное лицо, осмотрел меня.

– Как же не помнить! Ничего не получилось! Твой кусок железа, приятель, огню не поддался! Чудо чудное. Мне раньше никогда не попадался такой. Какая в нем примесь? Я не смог определить.

– Где металл и драгоценный камень? Неси их сюда! – набычившись, распорядился Дурнбад.

– Че ты голосишь! Ты же сам его у меня... – начал было мастер Янгус, потом осекся. – Гард, таракань из сейфа финтифлюшку господина!

– И металл, – с холодной в голосе добавил я.

– Его у меня нет, – медленно сказал мастер Янгус. – Случилось так, что в «Бесовскую Плавильню» появился очень похожий на твоего друга парень (кузнец показал на Дурнбада). Он представился твоим посланником и спросил, как мои успехи, на что я ему повторил тоже, что и тебе. Тогда он оповестил, что забирает металл и в точности его мне описал, ну, твой брусок, что ты у нас оставил – пластинка в виде кривого щупальца.

– И ты ему вот так вот и вручил его?! – смотря волком, прошипел я.

Мастер Янгус попятился. Все дело в том, что Лик Эбенового Ужаса от моего гнева непроизвольно раскалился и стал сыпать колючими искрами.

– Он показал мне доверенность! – выставляя перед собой руки, как будто защищаясь, отвечал кузнец. – Гард! Она же у нас? Эта бумаженция?

– Естественно, – поддакнул подмастерье, аккуратно кладя на стол рядом со мной Амасту, завернутую в ткань.

– Покажи её господину!

Гард скрылся за ширмой и вновь вернулся с клочком пергамента. Бегло проведя по нему глазами, я понял, что это никакая не расписка, а обычный рецепт от кашля – «куманика, шалфей, мята, эвкалипт, все смешать и вскипятить – полученным отваром дышать, накрыв голову полотенцем» М–да!

– Ты читать–то умеешь? – складывая листок пополам и засовывая его в карман, спросил я.

– Эм–м? Нет, – признался мастер Янгус.

– Ты говоришь, что мерзавец выглядел, как я? Да, дурачина?! – насел Дурнбад.

– Как ты, практически! – отходя еще дальше от нас, пробормотал одноглазый кузнец. – Ростом с тебя, с бородой, коренастый такой, и от него сильно разило рыбой.

– Я что, пахну, как окунь?!

– Я просто перечисляю то, что запомнил!

– Наказать бы тебя, – злобно поджимая губы, вздохнул я. – Да только это уже ничего не исправит.

– Где нам теперь искать этого юркого малого? – нахмурился Дурнбад. – Ума не приложу!

Я еще раз зыркнул на мастера Янгуса и, заставив себя успокоиться, загасил Лик Эбенового Ужаса.

– Я знаю, где, – ответил я гному, после чего кинул кузнецу:

– Впредь не будь глупцом и не передавай материалы, принадлежащие твоим нанимателям, каждому встречному поперечному! Ты усек?!

– Да, милорд! Простите меня!

Я бросил в него пустым мешком.

– Ух ты, тыква садовая!

– Хоть Амасту не прозевал, – фыркнул Дурнбад, когда мы вышли из «Бесовской Плавильни». – Ты сказал, что у тебя есть нюх на то, как нам отыскать воришку?

– Именно так. Я уверен, что мы его найдем, – ответил я, держа путь к северной оконечности Перекованного Наплечника.

– Поешь загадками!

– Нет. Я привык оперировать исконными данными и выделять из них главное. Нам известно немного, но достаточно. Что «лже ты» – по меркам людей приземистый – это первое, что поможет нам не промахнуться (я загнул палец), второе – от него несло обитателями моря, значит, он по– любому сопричастен к рыбацкому промыслу. Скорее всего, плут из Лососевого Квартала (я загнул следующий палец), третье – сигнатура, которую вероятно ему выписал лекарь (я сжал кулак). Нам только то и надо, что обойти все целебные лавки в гавани и расспросить их владельцев о маленьком человечке, страдающем простудой. Даю девять против одного, что кто–то его, да и припомнит.

– Поражаюсь твоим рассуждениям! Ты– как огранщик, отшлифовал неровности рубина! – восхитился Дурнбад.

– Мозги – мое оружие! – хмыкнул я.

На то, чтобы добраться до Лососевого Квартала нам потребовалось минут сорок. Миновав лабиринты из улиц, площадей, лестниц, парков и рынков мы все-таки ступили на мостовую близ причала. Слева, ряд к ряду, горделиво покачивались пришвартованные бриги, шхуны и когги, а справа от них липли друг к другу дома с зазывными витринами. Порасспросив обывателей, мы выяснили, что в Лососевом Квартале есть всего две бакалеи, торгующие эликсирами, бальзамами и притирками. В первой – «Животворящей Устрице» нам не повезло. Лысоватый человек с пышными бакенбардами никакого бородатого карлика никогда у себя не принимал. Зато во втором заведении – «Живунце», женщина с крупной родинкой на подбородке опознала и свой рецепт и того, кому она его отрядила. Нашего «супчика» звали Шакур. Он был матросом на «Вдове» и, если не выходил на Туманную Пляску с командой, то жил в трущобах неподалеку. Я поблагодарил хозяйку и, многозначительно хлопнув Дурнбада по шлему, «Ба!», целенаправленно затопал по причалу, ища «Вдову» – двухмачтовый корабль с корпусом, разукрашенным изображениями полуобнаженных дев. Ага, вот и он. Моряк в тельняшке поведал нам, что «Вдова» никуда не ходила уже как неделю, и что Шакур наверняка у себя, пьет сидр. Справившись поточнее, где это «у себя», мы с улыбками, не предвещающими ничего хорошего, заторопились по указанному адресу. Хибары, хибары, хибары, хмф, хе-хе, вот и нужная лачуга! Я было хотел позвонить в колокольчик, но старейшина войны в присущей ему порывистой и нетерпеливой манере шарахнул молотом по двери. Ба-бах! Хлипкие петли слетели со своих мест, и мы победоносно зашли вовнутрь. Всюду валялись пустые бутылки, замызганные тряпки, засаленная мебель и вот он – наш «предмет поисков» на кресле. Низенький, смуглый, с мощными руками, привыкшими тянуть сети или канаты, он отшвырнул от себя недопитую склянку и встал в боевую позу.

– Че вам надо, крысы камбузные?!

– Мармелада! – грозно рявкнул я, подводя глумливый посох ко лбу Шакура. – Тащи сюда металл, что ты обманом умыкнул из «Бесовской Плавильни»!

– Пока я из тебя гороховое пюре не состряпал! – добавил Дурнбад, недвусмысленно поднимая свой грозный молот.

Шакур смог правильно оценить ситуацию, свое положение в ней и от того изрядно побледнел.

– Кхе. Кхе. Ах, ту блестящую такую плитку?!

– Ее! – в один голос подтвердили мы с Дурнбадом.

– Я её продал! Кхе.

– Кому?!

– Да я тебя! – хватая Шакура за бороду, взъерепенился гном.

– погоди, Дурнбад! – попридержал я старейшину войны. – Кому ты продал квазальд?! И как вообще ты додумался до того, чтобы все это провернуть!

– Отпустите меня! Кхе! – взмолился Шакур. – Я все расскажу!

– Дурнбад!

– Ладно! Но только попробуй нам сбrehать! – проворчал гном, пихнув Шакура на облезлый диванчик.

Шакур затравленно приложился к бутылке (видимо для смелости). Душок дешевого пойла наполнил собою комнату.

– Я, стало быть, ошивался в Перекованном Наплечнике, сколько дней назад, уж не помню. Подбирал себе ножик возле «Бесовской

Плавильни» покачественнее, чтобы «полосатика» чистить сподручнее было. Как вдруг услышал разговор о каком-то удивительном металле. Кхе. Меня он сразу заинтересовал, и я наостри уши. А все потому, что я знаком с одним коллекционером и изобретателем, лордом, если хотите, платящим чеканной монетой за все редкое и необычное. А мне денежки всегда нужны. Кхе. Кхе. Ссекаете? Я собирался прибегнуть к краже, однако кузнец содержал металл в крепком сейфе. Я пасся у «Бесовской Плавильни» пару дней, надеясь, что мне представиться какой-нибудь счастливый шанс заполучить металл и Боги вняли мне, он не заставил себя ждать. Тот кузнец как-то сказал своему подмастерью, что металл не расплавляется в горне и надо бы его вернуть клиенту. Тут я набрался смелости и объявил себя твоим гонцом, вовремя так пришедшим. Посокрушавшись, что у кузнеца ничего не вышло, я сунул ему рецепт из «Живунца» как твою доверенность на металл, и он ее, дубина занятая, «проглотил». Я отнес добычу изобретателю... Он ее купил. Вот и все. Кхе.

– Клоп паршивый! – рыкнул Дурнбад.

– Соглашусь, кхе, все несколько вывернулось неказисто! Кривенько вышло...

– Гони сюда деньги того изобретателя и не забудь присовокупить то, где он обитает, а также его имя! – сказал я.

– Серебро я давно потратил, – поник Шакур, вновь прокашлявшись. – А зовут его Кай Галий. Вы найдете его в особняке на улице Плодородия. Он такой, с башнями и флигелем-молнией. Не пропустите.

– Теперь мы, надеюсь, докопались до конечного пункта нашего назначения, – промолвил я.

– Если я вам более не надобен, то, кхе... – заикнулся Шакур.

– Дурнбад, что скажешь, если я заколдую его, к примеру, всегда прикусывать язык, если он соберется что-то украсть? – пошутил я.

– Лучше заморози его так, чтобы он квакал, а не говорил, – поправил меня гном.

– Нет, пожалуйста, не надо! Я обещаю, что буду вести самый порядочный образ жизни! – Клянусь всеми морскими глубинами! Ну клянусь, клянусь!

– Что, поверим ему?

– Я бы не стал.

– Мой друг не такой доверчивый, как я, – обратился я к Шакуру. – Но так уж и быть, считай, тебя пронесло.

– Спасибо! Кхе!

Перед тем как уходить, я пересмотрел рецепт из «Живунца».

– Вижу, что прописанные тебе травы не помогают. Добавь к перечню еще календулу и чабрец. Еще я бы советовал тебе делать полоскания теплым раствором зверобоя и ромашки три или четыре раза в день. Через неделю твое хроническое воспаление горла должно пойти на убыль.

– Премного благодарен! – восторженно воскликнул Шакур. – Ты знахарь?

– Что-то типа того. Прощай.

Я и Дурнбад вышли на свежий воздух. Над кораблями витали чайки. Блямс! Мне на капюшон упала белая капля.

– Богатым будешь!

– Как сто королей Железных Гор, – усмехнулся я. – Время к обеду. Не находишь?

– Да, пора! Я голодный, как сто снежных барсов!

Мы откушали в харчевне «Три Спрута». Я заказал мидии с рисом, а Дурнбад жареных окуней, присовокупив к ним две пинты пива. Подкрепившись, я и старейшина войны затопали на улицу Плодородия. Издревле на ней селились родовитые горожане и преуспевшие в бизнесе коммерсанты. Красивая и ухоженная, улица встретила нас экипажами с серьезными солидными мужчинами и томными, бледными девицами в роскошных платьях и корсетах. Я кивнул двум кокеткам и их престарелому камердинеру, поддерживающему у локтя маленькую собачку с недовольной мордочкой. Она затыкала на меня, а девица засмеялась в платочек. Обогнув внушительный театр с колоннами из черного мрамора и пройдя вдоль дорожки с карликовыми деревьями, мы увидели то, что и собирались: флюгер–молнию, вертевшуюся под порывами ветра на конусообразной башенке. Повитая мхом и лианами кладка серого камня и внушительные парапеты, составляющие неременный атрибут мини–замка, мне понравились. В этом жилище чувствовалась монументальность и сопричастность к аристократическому сословию. Особенно мне глянулись зубастые горгульи, засевшие на пандусах многочисленных аркбутанов. Я шел и осматривался. На балкончике второго этажа стоял желтоволосый мужчина лет тридцати пяти, с усами и... трубкой. Он попыхивал ей, испуская облачка дыма – пух–пух–пух. Табак не растет в Соединённом Королевстве, не прижился он у нас, поэтому достать его сложно. Брикеты «дымного зелья» доставляют к нам из Бархатных Королевств и стоят они очень дорого. Сам я не курю, это пристрастие плохо влияет на легкие, но кто–то находит в нем отраду.

Я помахал мужчине перчаткой, а он, в знак приветствия поднял трубку вверх.

– Чем могу быть полезен, любезные? – с хрипотцой осведомился он.

– Нам нужно повидаться с Каем Галием!

– Это я и есть! Вы механики из Гельха? Я вас поджидаю уже битую неделю!

– Нет. Но у тебя есть то, что принадлежит нам!

– Интересно, – выпустив пар изо рта, удивленно сказал Кай Галий. – Не припомню, чтобы я у вас что-то брал.

– Не у нас, а у негодяя Шакура! – проскрежетал Дурнбад.

– Ах, у Шакура? Ну что же, давайте это обсудим. Заходите!

Дворецкий открыл нам двери, и мы вошли в просторный холл, заставленный всякой всячиной. Тут были и верстаки с инструментами, и невообразимые прозрачные часы и конструкции из переплетения каких-то прутиков, и стеллажи с книгами, и схемы, разложенные на столах, и сосуды с разноцветными жидкостями. М-м-м! Как мне это все близко! Сразу видно – человек занят наукой! Я постучал ногтем по стеклянной сфере, под куполом которой находилась замкнутая экосистема из растений.

Держа трубку у пояса, к нам спустился Кай Галий.

– Моя гордость, – сказал он, ткнув трубкой в запаянный шар с землей. – Немного традесканции, чуток папоротника и щепотка грибов. Я уделил особое внимание микроклимату ограниченного пространства и верно выбрал емкость. Мой «травяной мир» способен поддерживать свою жизнедеятельность самостоятельно. Без сомнения, это увлекательный опыт! Тут все взаимодействует по своим законам и правилам. Свет в достатке и изначально правильно минерализованный грунт – вот секрет успеха! Круговорот питательных веществ в действии! Знаете, как приятно в зимнюю стужу поглядеть на что-то цветущее? Рекомендую!

– Отлично содеяно, – отметил я.

– Но вы тут, как мы выяснили, не для того, чтобы восхвалять мои диковинки, – добродушно сказал Кай Галий. – Я с самого начала знал, что квазальд не может принадлежать ему.

– Ты в курсе, что металл, который тебе принес Шакур, называется квазальдом? – опешил я.

– Это он, и ни что иное. Температура его плавки ошеломляюще велика, а прочность – за гранью всего допустимого, – затыкаясь трубкой, изрек Кай Галий. – Но мне негоже подчитывать вас информациях так, посреди зала. Прошу, садитесь. Сейчас Джери извлечет из погреба штоф вина. Белое или красное?

– Белое, – согласился я, усаживаясь на мягкий пуфик.

Кай Галий вытянул пожелтевший том с полки и показал мне.

«Наследие нирфов. Ошибка Дюрнаца», автор Припоний Диктиус – значилось на корешке.

– Она подсказала мне, с чем я имею дело.

– Никогда такую не видел.

– Она редкая, – почесав усы, откликнулся Кай Галий. – А, вот и ваше вино! Угощайтесь!

Джери, этакий чопорный дворецкий во фраке, наполнил мне бокал. Я отпил и отставил его на журнальный столик.

– Итак, квазальд, – сказал я.

Кай Галий перекинул ногу на ногу.

– Я – честный человек и хочу заметить, что квазальд был куплен мною по всем канонам сделки. Если вы желаете обвинить меня в присвоении вашего имущества, то подавайте жалобу в высший

сословный суд. Но я бы начал с Палаты Лордов, там, вероятно, вашу проблему уладят быстрее.

– Мы и так способны забрать квазальд! Он – наш! – подал голос Дурнбад.

– Смею спросить – вы грабители? – приподнял бровь Кай Галий. – Будете обчищать законопослушного человека в его собственном доме? Не думайте, что я не подготовлен к таким поворотам судьбы. Если вы взгляните наверх, то увидите десяток арбалетов, заряженных и прицеленных прямо на вас.

Кай Галий безмятежно показал на Джери. Слуга застыл у стены с рычагом. Над нашими головами действительно, в разных позициях и под несхожими углами, ждали своей секунды взведенные арбалеты. Если Дурнбада, выпущенные болты и не проймут – доспех защитит, то меня уж проткнет основательно. Засада!

– Джери дернет за ручку, и вас утыкает стрелами, как подушечку для иглока.

– Экая осторожная бестия! – зарычал гном.

– Предусмотрительно, – хмыкнул я. – Но мы не те, за кого ты нас принял. Мы выкупим у тебя квазальд за алмазы. Дурнбад, покажи фляжку.

Старейшина войны нехотя извлек из-за пазухи сосуд, найденный мною в трюме Клинка Ночи, и высыпал горсть на ладонь.

– Боюсь вас расстроить, любезные господа, но я не имею никакой охоты расставаться со своим приобретением, – вздохнул Кай Галий, приныкая к трубке. – Оно мне по душе.

Пуф. Пуф. Пуф.

– Устроим гешефт? Мы тебе что–то дадим, а ты нам за это квазальд, – стал я уговаривать Кая Галия.

– Вряд ли вы в силах удовлетворить мои желания. Они невыполнимы.

– И все же!

– Я бы не отказался стать королем в Острохвости, обрести вечную молодость или научиться оставаться сухим под дождем.

– Фантазер!

– Я склонен пускать поток мыслей в свободный полет. Без этого нюанса я бы не стал новатором.

– Уверен, что в твоих экспериментах есть какие–то недостающие звенья, – поддержал я.

– Сейчас я испытываю нехватку лишь в толковом механике или маге. В подручном, который будет готов выполнить ряд моих поручений в очень сложной по оснащению экспедиции. Праздно шатающегося колдуна найти в наше время – почти невозможно, а механики из Гельха конкретно запаздывают...

– Я – гном, и разбираюсь во всяких штуках–дрюках.

– А я как раз тот, кого ты ищешь. Я – маг.

Кай Галий заинтересованно нас оглядел.

– Хм? Гном? А ты, м–да? Что, настоящий чародей или... кхм?

Я сконцентрировался на Лике Эбенового Ужаса. Из распахнутых глазниц затрепетал огонь.

– Впечатляюще! Тогда, вероятно, мы придем с вами к некому соглашению.

– Ближе к теме, – пробасил Дурнбад.

– Уже приступаю, – послушно сказал Кай Галий. – Тебе, выходцу из Железных Гор, я уверен, о Туманной Пляске ничего толком не известно, поэтому стану отталкиваться от самой дали. Широкая река, что течет по Караку и впадает в Узел Благополучия – предмет давних споров и кривотолков. Все почему? Из-за неких таинственных обсидиановых глыб – Отуманивателей, встречающихся по берегам реки и изредка на небольших островках в её центре. Они исторгают из своего нутра легковесный, без запаха и почти неразличимый для глаза дым. Откуда он берется? Бытуют разные мнения. Кто-то говорит, что он есть продукт действия подземных коловращений, иные утверждают, что то – есть отголоски функционирования вулкана Вугу, что венцом засел в Горах Заботы. У меня же иное, более экзотическое мнение, которое я хочу опровергнуть или подтвердить. Я – натуралист, необременённый нуждой заработка, и познавать природу – моя страсть.

– Звучит занятно. Я и сам частенько думал, что же такое Отуманиватели. Если ты подобрался к их разгадке, то я поддержу тебя с двойным энтузиазмом, – промолвил я.

– Вот оно! Именно! Подобрался! Все может оказаться куда серьезнее и сенсационнее! – воскликнул Кай Галий. – Если ты – маг, наверное, частенько ковыряешься в книгах и наверняка знаком с тем, что до прихода людей из Великого Окна Перехода на нашей земле водились другие разумные расы. Одна из них – «потерянные». Эти антропоморфные рептилии ютились в болотах и возводили на них огромные башни из мергеля – непрочного материала, по вине которого до нас дошли лишь руины тех мегалитических сооружений. Так, к чему я. Я склонен верить в то, что, не выдержав конкуренции с людьми за освоение ресурсов и просторов, потерянные, склонные к водной среде, в один момент покинули свои топи и опустились вниз, к корням земли, где и основали свои новые государства. Я изучил

историю, летописи и полунамеки, запечатленные в ветхих фолиантах, после чего пришел к выводу, что нисхождение потерянных к глубинам было возможно лишь в трех местах нынешнего Соединенного Королевства. Два из них уже как почти вечность погребены под толщей камня. Катаклизмы никто не отменял. Но третье, последнее, еще открыто для прохода.

— Я не понимаю, при чем тут Отуманиватели, твои игрушки в ученого и какие-то плешивые потерянные, — проворчал Дурнбад. — Разгрызи мне орешек!

— Не так быстро, не так быстро! — затараторил Кай Галий, с остервенением втягивая в себя табачный дым. — Я отыскал тот самый сход, который использовали потерянные, чтобы уйти подальше от людей! Он покоится на дне Туманной Пляски, почти рядом с Ильваретом! В расщелине, уводящей в темные и никем еще не виденные царства! Еще до того, как река пробила себе путь из Моря Призраков к Караку и дальше потекла по долам, тут расстиралось громаднейшее болото — К'Хоро, со столицей потерянных — Дабанди. Буквально по крупицам я собирал осколки скрижалей Дабанди, что еще крайне редко, но всё же встречаются в шахтах и скважинах. Для перевода их трудного языка и синтаксиса я прибег к помощи талантливого мага-лингвиста из Магика Элептерум...

— Бертрана Валуа?

— Его самого! Ты знаком с ним?

— Знаком, продолжай.

— Бертран Валуа отказался участвовать в моем предприятии, но... Так, обратно к скрижалям! Их транскрипция подтвердила все мои домыслы. Потерянные бросили Дабанди стоящий на К'Хоро и в местечке, окруженным скалистыми гребнями, — их точное описание я соотнес с ландшафтом Туманной Пляски, снизили в новый город — Румбильдан. Звучит метафорично, но суть такова, что потерянные пробрались к недоступным пластам земли! При всем при том

скрижали экивоками затрагивают тему Отуманивателей. Мне пока не ясно для чего они нужны, однако нет сомнений, что Отуманиватели играют какую-то роль в жизненных процессах Румбильдана! Вскоре, вместе с вами, я выясню, для чего они служат, и поставлю жирную точку в череде пустопорожних обсуждений!

– Твои теории прекрасны. Но как их подтвердить? Как попасть в Румбильдан? Я, хоть и знаю заклинания, позволяющие дышать под водой, однако, как понимаю, тут речь идет не о получасовом заплыве.

– В яблочко! Нам потребуется окунуться на самое дно! Но ни один человек не сможет настолько задержать дыхание, скажете вы и будете правы! Тут потребуется определенный механизм, в котором такое путешествие станет возможным. Я не без хвастовства заявляю: я такой изобрел и назвал его батискафом!

– Батискаф? Что это? – спросил я.

– На языке потерянных «батискаф» означает – «бати» – глубокое, «скаф» – судно, все вместе – глубоководное судно. Это самоходный аппарат для изучения океанографических, гидрологических, гидроакустических и иных «гидро» мистерий. Рассказать о его устройстве поподробнее? Вам будет интересно?

– Мне – очень, – не покривив душой, ответил я.

– Мой батискаф выглядит как большой серый контейнер с прочными стеклами–иллюминаторами. Основой в нем является – поплавок – легкий корпус, под которым закреплен сферический прочный шар – гондола, а в ней, в нормальном атмосферном давлении находятся пульт управления и экипаж. Движение батискафа осуществляется с помощью гребных винтов, приводимых в действие «пыльцой фей», засыпанной в емкости под днищем. Пыльца фей нагревается – винты крутятся. (Кай Галий показал трубкой на меня) Здесь мне понадобятся твои колдовские способности.

– Что значит в «нормальном атмосферном»? Что еще за «нормальности» такие у атмосферы, человек?

– Это значит, что сила, с которой воздух внутри батискафа будет «давить» на тебя, останется такой же, как и на земле.

– Хрмф!

Я прищелкнул пальцами.

– Пыльца фей, в том количестве, что я думаю тебе понадобится – стоит как твое поместье!

– Именно так, но матушка и батюшка оставили мне приличный капитал. Так что у меня не возникло с этим проблем.

– Как мы всплывем из этой речной дыры обратно? – спросил Дурнбад.

– Уместный вопрос. Батискаф будет погружаться в недра Туманной Пляски под собственным весом, а вот подняться на поверхность нам предоставит шанс уже иной алхимический реагент. Я закупил не только пыльцу фей, но и «желчную взвесь» с Ноорот'Кхвазама.

– Вау! Ты право не поскупился!

– Ты знаешь, о чем я толкую?

– Естественно. Главная «золотая жила» Ноорот'Кхвазама, за которую отчаянные моряки рискуют головой, – это эголоцепы, жуки–рогоносцы с невероятно крепкими панцирями. Они бродят по тенистым кущам, и почитается эндоритами за священных животных и отпрысков Нафм'Халиди. Однако эголоцепы славны не только непробиваемой кожей–покрытием. В их железах содержится вещество – желчная взвесь. Если ее крупницу смешать с повсеместно распространенным крапивным соком и хорошенько потрясти их

вместе в резиновом мешке, то он заполнится газом, который заставит мешок воспарить к небесам!

– А здесь, пригодишься ты, гном, и твои мускулы. Когда мы закончим с секретами Румбильдана, ты станешь беспрестанно качать, туда–сюда, эластичные цистерны с желчной взвесью и крапивным соком. Они войдут в реакцию друг с другом, и мы заскользим ввысь.

– Интересно! – похвалил я.

– И рискованно, господа, рискованно! – выдувая на нас табачный дым, кивнул Кай Галий. – Однако, вам же нужен квазальд?

Я переглянулся с Дурнбадом.

– Мы согласны на твои условия.

– Тогда отправляемся сейчас–же! – решил Кай Галий. – Джери, подай карету к порогу. Мы едем на пристань!

Глава 23. Подводное путешествие

Не могу точно сказать, что я чувствую перед предстоящим круизом в недоступную для человека черноту Туманной Пляски. Волнуюсь, переживаю, испытываю интерес! Я никогда до сего дня не опускался так глубоко под воду. И потом: я еще слаб, очень слаб. Но я уверен, что смогу выдержать предстоящее путешествие. Обязательно выдержу. Мне же нужен квазальд.

Что мы обнаружим в таинственной расщелине, в которую, как думает Кай Галий, пробрались потерянные? Загадка! Как истинный ученый, я хочу быть соучастником открытия. Что же? Сейчас мы не спеша катим по мощеной дороге улицы Плодородия. Кай Галий все пыхтит своей трубкой и кивает многочисленным знакомым. Дурнбад молча рассматривает засечки на молоте – он, как и я, нервничает. Проезжая мимо высшего сословного суда, Кай Галий в шутку поинтересовался у меня – не желаю ли я все же обвинить его в краже

имущества? Я сказал – «нет». Квазальд мне необходим, чтобы спасти Серэнити, и я мог бы легко отнять его у Кая Галия, но мне так поступать не хочется. Во-первых – у меня есть моральные принципы, а во-вторых – я вот-вот удовлетворю свой разыгравшийся аппетит познания и отвечу себе на давний вопрос – что же такое Отуманиватели? Еще сюда присовокупляются факты и домыслы о потерянных, их история исчезновения и регресса. Вдруг, там, под Туманной Пляской и впрямь сокрыт древний город Румбильдан? Захватывающе! Я непременно должен его увидеть! Такой шанс выпал! Кстати, потерянные были не единственными жителями юной Тверди, построившими на ней свои Королевства. Не так давно я встретился с неизвестными людям до этих пор галанами – гуманоидами с хоботами вместо рта из Шаб'Гахалома и н'гарини – дымчатыми субстанциями, их врагами. Пока в списке трое – галаны, н'гарини и потерянные. Давайте расширим его. Я могу вписать сюда, по крайней мере, еще два народа, канувших в века. Туодоры – саблезубые и покрытые мехом гигантские муравьи, три фута в длину и два в поперечнике. Они обитали под сеньми Железных Гор почти аж до основания Соединенного Королевства. Питались туодоры грибами и пойманной дичью. Их культура при приходе человечества уже переживала финальный этап кризиса и деградации. После какой-то мутации, вызванной занесенными спорами со стороны Ледяных Топей, они стали неспособны к размножению и тихо вымерли. Предки Дурнбада, особенно те, что заняли горы севера, потом перебрались в освободившиеся туннели туодоров и переиначили их на свой манер. Если не ошибаюсь, мелкие кланы к востоку от Зарамзарата – Игли и Шилкахар по сей день пользуются пещерами увядших туодоров. В музее «Цивилизаций» Гельха на обозрение выставлены мумии туодоров. Я множество раз бывал в нем с Эмилией и с восхищением рассматривал этих, непохожих на нас, разумных существ. Колдунья на мои очарованные охи и ахи всегда закатывала глаза. Ей подавай театры и балеты, а не это вот все...

Эх, Эмилия. Обещаю, что когда все наладится, я обязательно свожу тебя туда, куда ты пожелаешь... Ну, а пока переместим взор на другое унесенное временем племя «бубонов». Бубоны, внешне напоминающие обезьян, были достаточно хорошо развиты. Они

предпочитали леса, ели фрукты и овощи, и в целом были миролюбивыми и доверчивыми созданиями. Пожарища – сыны Бедствий и резкая смена климата от жаркого к более прохладному, поставили на бубонах крест. Какое-то время они еще встречались в Великом Лесу и Лесу Скорби, но живорезы, крохоши, мириды и лапридоны быстренько показали новоявленным соседям, что им там не рады. Все в том же музее «Цивилизаций» Гельха рядом с туодорами размещены набитые ватой чучела бубонов. Смотритель не позволяет трогать их руками, однако я украдкой как-то раз провел по ним пальцами – в некрасивых по нашим меркам бубонах я всегда видел то, что может постигнуть и нас, людей. Ведь кто знает, что случится с нами завтра или послезавтра? Может случиться, что когда-нибудь и мы, как бубоны и туодоры, тоже будем представлены в чьем-нибудь хранилище древностей...

Карета Кая Галия, управляемая Джери, свернула к площади Беломраморного Форума. Мы ехали по самой ее кромке, и суতোлка торгующихся продавцов и покупателей гулом сотен голосов неотступно следовала за нами до тех пор, пока мы не въехали в Бедные Кварталы, за которыми замаячили ряды пристаней. Всю нашу дорогу на заднем фоне мелькал «Гордость Вара» – неприступный замок и резиденция наместников Карака. Я последний раз кинул взгляд на его шпили, после чего слез с подножки на мостовую. Дурнбад, крикнув, прыгнул следом. Перед нами качался на волнах двухмачтовый корабль. Кай Галий взошел на трап и поманил нас следом.

– Смею представить вам свой барк – «Розу Ветро»в. Ага, а это капитан Ньютон, познакомьтесь.

Мы обменялись рукопожатиями с кучерявым, смуглым Ньютоном.

– Все ли готово? – спросил у него Кай Галий.

– Более чем. Желаете взглянуть?

– Да.

Мы прошли по корме к накрытому тканью валуну. Команда «Розы Ветров» сдернула покрывало, и я уставился на, во всех смыслах, необычный, раздутый и испещренный оконцами овальный корпус. По его бокам, как гроздь винограда, свешивались мешочки с трубками. На хвосте батискаф сужался и оканчивался винтом. Еще на корпусе были два, фута по четыре длиной, железных механизма-хватателя, наподобие щипцов. Дурнбад замороженно обошел батискаф и изрек: «Горы и недра!», а потом – «Хмф!»

– Ну как вам? – зажигая трубку, осведомился Кай Галий.

– Любопытно, – заверил я, пустившись, как и гном, в обход батискафа.

– Капитан, снимаемся с якоря. Путь вам известен, – повелел Кай Галий, сделав трубкой «пуф», «пуф».

– Есть! – приложив руку к фуражке, сказал Ньютон, затем, повернувшись к морякам, гаркнул: – Отдать швартовы!

– Есть, отдать швартовы! Из бухты вон! – подхватил старший офицер.

«Роза Ветров» отчалила от Ильварета и теперь медленно шла вдоль канала. Кай Галий околачивался возле штурвала, а мы с Дурнбадом, свесив руки за корму, тихо переговариваясь, смотрели на мелькающие перед взором печные трубы двускатных крыш, изгороди, деревья на аллеях и горожан, торопящихся по своим делам. Ох, наверное, уже хватились меня мои лекари, а главное – Лютерия Айс!

«Роза Ветров» прошла через Гребенчатую Заставу – гигантские пропускные ворота, расписанные вепрями и химерами, и пустилась в свободное плавание. Паруса корабля благосклонно надулись, и мы сразу взяли приличную скорость. По левому борту нам помигала масляными фонарями военная каравелла, мы ответили ей тем же. Солнце клонилось к вечеру. Часа через четыре оно утомленно село за горизонт. Потом Кай Галий, неизменно испуская клубы дыма из

трубки, оповестил нас, что мы почти добрались до нужной точки. Он, пребывая в более чем приподнятом, азартном настроении, расстелил на столе карту и, ткнув в нее мундштуком, сказал:

– Еще минут тридцать–сорок, и покажутся те гребни, в лоне которых зиждется спуск в Румбильдан!

– Только не напоритесь на них! В этой темнотище одни звезды светят! – проворчал Дурнбад.

– Не беспокойся, гном, капитан Ньютон обошел всю Туманную Пляску вдоль и поперек. Ему тут каждый закуток известен. Кстати, не соблаговолите ли со мной поужинать? Мы, конечно, возьмем с собой в батискаф кое–какой снеди, но немного.

– Эль на камбуз не забыли захватить? Без него мне кусок в горло не лезет, – сощурился Дурнбад.

– Я знаю, что гномы равнодушны к пенным напиткам, – улыбнулся Кай Галий, выбивая табак из трубки. – Из чего вы их варите?

– Из четырех неразлучных друзей – воды, ячменного солода, хмеля и дрожжей.

– А откуда вы берете солод и хмель? Разве они произрастают в Железных Горах?

– Наши агрономы не хуже ваших, а может даже и получше, – выпятив грудь колесом, ответил Дурнбад. – У нас в Зарамзарате, столице клана Надургх, есть целый уровень, где искусственные светильники и днем и ночью поливают своим светом разнообразные всходы. Урожай в Будугае, чего уж греха таить, не такой обильный, как у вас, однако нам хватает.

– Ох, я бы не отказался посмотреть на это! – вспушив усы, обронил Кай Галий.

– Я собираюсь, как закончу с братом по крови кой–какие делишки, воротится в Зарамзарат. Приглашаю тебя с собой, – важно кивнул Дурнбад.

– И я со всей радостью принимаю твое приглашение! – заискрился улыбкой Кай Галий. – Покажешь мне сокровищницу? Я слышал, что у гномов важных кланов она обычно такая огромная, что туда может поместиться целый табун лошадей!

– Сокровищницу – нет, а вот бар – да. Будем играть с тобой, кто больше выпьет неййли–пеййли. Помнишь, Калерб, как мы тогда гульнули в «Полной Вагонетке»?

– Это сложно забыть. Мы тогда с Грэкхольм порядком набедокурили.

– Она у тебя девица–огонь! Брисовое пивко ином с играющими–то пузырьками запивать! – расхохотался Дурнбад. – Я к ней сразу тогда уважением проникся!

– Грэкхольм? – встрепенулся Кай Галий. – Настурция Грэкхольм?

– Нет. Её сестра Эмилия.

– Эмилию я не знаю, а вот Настурция мне всегда нравилась. Красивая – глаз не оторвать и холодная, прямо кусочек льда! Выгодная пассия из знаменитого рода! Я сватался к ней пару раз, но она меня... М–м–м, в общем, ответила мне отказом.

– Поверь, тебе повезло, – хихикнул я. – Так что там, насчет ужина?

– За мною, юнги! – шутливо скомандовал Кай Галий.

Мы спустились в трюм, где кок любезно отрядил нам по пайке. Буханка хлеба, треска на пару, вино (эль для Дурнбада), артишоки,

квашеная капуста, печёная картошка и буженина – вот, что нам предложили. Мы подкрепились и заговорили о том, что нас может поджидать в ущелье, ведущем к Румбильдану. Высказывались разные предположения, но все они почвы под собой не имели, а потому беседа в целом была бесполезной. Утерев рот салфеткой, я вышел на палубу. Мы, несомненно, приближались к своей цели – об этом подсказывали Отуманиватели, попадающиеся взору через каждые три–пять минут. Их маревая поволока, распространяющаяся из конусов и боков, легковесно поднималась к ноздреватой луне. Рядом со мной возник старший офицер Дарий (Кай Галий познакомил нас со всей командой). Он достал из-за пояса подзорную трубу и посмотрел куда-то в сторону.

– Отдать якорь! – крикнул Дарий.

– Есть отдать якорь! Полный стоп! – слышалось с носа.

«Роза Ветров» затормозила ход, а потом остановилась совсем. То самое кольцо из дыблящихся скал чернело в каких-то тридцати футах от нас. Все, скоро все начнется. Крайне возбужденный Кай Галий, приныкая к трубке каждую секунду, вместе с капитаном Ньютоном занялся подготовкой батискафа к погружению. Его подцепили тросами к крану, который натянул их до предела. К батискафу подтащили лестницу, и Кай Галий взобрался по ней первым. Он отвинтил люк и махнул нам с Дурнбадом – мол, давайте следом. Изобретатель скрылся в полости батискафа.

– Пора, – сказал я старейшине войны.

– Надеюсь, что безумный Калий все рассчитал, и мы не утонем в этой бочке!

– Проверим?

– Я смельчак! – рыкнул гном. – Полезай!

И я полез. Внутри батискафа было тесно и темновато, поэтому я запалил несколько шариков Света.

— Очень кстати, — сказал мне Кай Галий в затылок. — Ты не обманул, что маг!

— А смысл мне врать? — спросил я, осматриваясь.

Сверху на меня упал Дурнбад. Эй, больно! Мы растянулись на пятачке и заворочались. В светлом пятне на потолке показалось лицо капитана Ньютона (он держал факел).

— Я задраиваю! — крикнул он нам вниз.

— Давай! — согласился Кай Галий.

Люк шмякнулся на резьбу. Послышался скрежет затягивающихся винтов.

Как батискаф выглядел изнутри? Куча рычагов, кнопок, пружин, один штурвал и три креслица, стиснутых спинками треугольником.

— Садитесь! — сказал Кай Галий, первым плюхнувшись на седелку. Он взял в руки штурвал и покрутил его. — Красота!

Что-то затрещало, и я увидел в иллюминатор, как батискаф оторвался от палубы. Осторожно нас переместили по воздуху и... бззз... задержали над гладью воды.

— Погружение через минуту! Гном, давай обратный отсчет!

— Э?! Сам свои числа бубни! — возмутился Дурнбад. — Я старейшина войны могущественного клана Надургх, а не счетовод какой-нибудь!

— Вы поглядите, какой кисель! Тогда, ты, маг!

Я послушно принялся перебирать числовой ряд:

– Пятьдесят девять, пятьдесят восемь, пятьдесят семь...

Щелчок! Плюх! Вода моментально окружила батискаф со всех сторон. Косяк мелких рыб испуганно шарахнулся от нас куда-то вниз. Кай Галий принялся дергать ручки и пружины. Он проверял, все ли действует, как надо.

– Как по маслу! Как по маслу на булочку с красной икоркой! – повторял он, после каждой опробованной детали.

– Все тип-топ у тебя? – спросил Дурнбад, ерзая на своем креслице. – Эля ты с собой не прихватил сюда?

– Нет! Ты – в завязке с этой минуты! А так все выше всех похвал!

Кай Галий было достал трубку, но потом ее спрятал обратно.

– Табак сжигает воздух, а его нам нужно экономить, – отметил он.
– Итак, мой славный экипаж! Мы успешно прошли первый этап! Нигде не течет, нигде не капает! Сейчас мы мерно опускаемся на дно! И пока мне от вас никакой помощи не требуется. Наслаждайтесь уникальностью происходящего! Как только достигнем «края», там ты, маг, разогреешь пылцу фей, и я поведу батискаф в дыру, за которой находится Румбильдан!

– Если эта дыра там есть! Ты проверял? – опять заворчал Дурнбад.

– Браво, язва! Скрижали Дабанди не могут лгать! Она там!

– Вы все, люди науки, малец тукнутые? – осведомился гном у меня.

– В большинстве своем, да. А что?

– И ты так просто об этом говоришь!

– Без паники! Все под контролем! – рассмеялся Кай Галий. – Ты первый, а может статься, что и последний гном, который совершит такое умопомрачительное путешествие!

– Клан Надургх будет гордиться тобой, – с улыбкой заметил я.

– Я не трушу! Нечего на меня так пялиться!

Мимо батискафа пронесся осьминог. Крайне удивленный, он скрылся из вида, а потом присосался щупальцами к иллюминатору.

– Какие у него присоски, а? – восхитился Кай Галий. – Он так и пытается пробраться к нам!

– Потому что дурак!

– Он всегда такой ворчливый, твой друг? – спросил изобретатель, косясь на гнома. – Мрачный бородатый воркотун!

– Такой уж у него характер, занозистый – сказал я, подмигивая Дурнбаду.

Батискаф задрожал – его поймало проходящее течение.

– Нас чуть–чуть отклоняет, но это некритично, – пожевав усы, промолвил Кай Галий. – Все в пределах допустимого! Все нор–маль–но!

Минут через двадцать батискаф лег на дно. Я сконцентрировал дополнительную парочку шариков света – фиолетовых. В стеклах я ясно видел свое отражение, а вот что за ними – нет.

– Так плохо! – воскликнул Кай Галий. – Перекинь их за корпус! Сумеешь?

– Попробую, – с сомнением в голосе, ответил я.

Я затушил призванное Свечение, а потом сконцентрировался на воде. Блюм! Блюм! Из черно–смарагдовой пучины вынырнули четыре маленьких солнышка.

– Кучеряво! – одобрил Кай Галий. – Поверти ими взад–вперед. Мне нужен обзор!

– А ты как собирался в воду смотреть, интересно?

Силой мысли я откинул шарики Света как можно дальше от батискафа. Ракушки, крабы, разноцветные рыбы... Ого! Мы все прильнули к крайнему правому иллюминатору. В полумиле от нас в полукольце глыб с вязью символов имелась скважина вглубь.

– Так–с! Маг! Вон там, под ногами брюзги–гнома, резервуары с пыльцой фей! Накаляй их!

– Ты мне тут сравнений не накидывай, а то я тебя вздую!

– Принял! – отрапортовал я.

– Бунт на корабле?

– Я предупреждаю!

Удерживая освещение, я перенаправил поток энергии на сероватые выпуклости под сапогами Дурнбада. Раскаляя их, я обзавелся потными подмышками и испариной на лбу. Тяжело же! Вокруг все такое холодное, а тут давай – подавай температуру под сто градусов!

У стенки батискафа что–то задрожало.

– Винты в работе! – довольно крикнул Кай Галий, опустив какой–то рычаг к самому низу.

Батискаф оторвался от дна и, ведомый штурвалом изобретателя, поплыл к расщелине.

– Осторожно, осторожно, вот так! – забубнил Кай Галий.

Мы потихонечку стали приближаться к яме. Шарики Света потянулись за нами. Я чувствовал, как тяжело на мне сказывается магический сеанс. Всё же я еще нездоров. Чтобы не потерять самообладания, я, закрыв глаза, сцепил руки замком.

– Отменить нагрев пыльцы фей! – проревел Кай Галий.

Я тотчас убрал волшебную опеку с резервуаров, и винты прекратили свой бег.

– Мы в свободном падении!

В лучах шариков Света перед нами открылась уникальная инсталляция. Горловина шахты, по которой мы, словно камушек, падали вниз, была усеяна засечками и вырезками рукотворного толка. Я четко видел фрески, повествующие о жизни потерянных, их бытия и истории. Класс! Класс!

Наш спуск продолжался довольно долго, пока в какой-то момент мы вновь не сели на дно. Тогда Кай Галий повелел мне возобновить прогревание пыльцы фей. Винты завыли, и мы поплыли в стволе древнего природного ствола. Постепенно путь стал вести вверх, а там... Воздушный карман! Батискаф выпрыгнул, с разгону протесал корпусом по уклону и остановился.

– Полный стоп! Приехали! – возликовал наш капитан. – Гном, открывай люк!

На этот раз Дурнбад не стал препираться. Он отстегнул ремни на кресле, и, взобравшись по трапу, стал вертеть шестерню. Когда

старейшина войны откинул диск–заслонку, на нас сверху полились струйки воды.

– На выход!

Дурнбад первый, за ним Кай Галий, а затем и я покинули батискаф. Итак, впечатления! Кругом сталактиты и сталагмиты. Мерно опадающая капель. Впереди коридор, обнесенный квадратным орнаментом... Мы пошли по истрескавшейся плитке в неизвестность... Где–то через полчаса наша компания достигла двери с грудой блеклых доспехов. При их осмотре я убедился, что под ними покоятся кучки праха – стражники умерли на своем посту. Мирно или насильственно? Сказать не берусь. Но оплавленные края на кольчужных рубах мне не понравились. Мы прошли за полуоткрытые створы и оказались в теряющемся в дали (такое оно было огромное) помещении. Непривычная архитектура, состоящая из ярусов, по воронке завивающейся к вышине, меня поразила. Пробитые в толще сыроватой породы, оконца без стекол мертво созерцали нас – искателей приключений. Тихо посоветовавшись, мы решили просто пойти вперед. Всюду нам попадались пирамидки праха, беспорядочно разбросанные по пещере. Глядя на них, я предположил, что потерянных сразила какая–то болезнь или моровое поветрие. Кай Галий неустанно отклонялся от нашего курса, чтобы припасть глазами к какой–нибудь диковинке. Да я и сам поддерживал его в этом. На продолговатом постаменте я обнаружил занятные кубики с гранями в шашечку. Один из них я положил себе в сумку – потом разберусь, что это за штуковина! По мере того, как мы продвигались по Румбильдану, нам все отчетливее становилось слышно какое–то мерное постукивание. Ответ на то, что оно такое, пришел к нам в палатах за базальтовыми арками, переплетенными между собою трапециями из линий и завитков. В Румбильдане по сей день, исполняли свой долг загадочные механизмы, чинно заполняющие собою все пространство в длинном чертоге. Тонюсенькая дорожка поманила нас через их ряды. Механизмы в форме труб то тянулись к сводам, то – пшшш – со свистом низвергались обратно на пандусы со штифтами. Я подошел к одному из них. Это же устройство для подачи воздуха! Из многочисленных дырочек, усеявших собою основание пандуса,

тянулся свежий воздух! Вот почему тут так привольно дышится! Фантастика! Потерянные, опираясь на свои технологические достижения, организовали подачу кислорода в Румбильдан! По удовлетворенному клетоту Кая Галия, я понял, что он отыскивал что-то интересное. И действительно так! Он ворковал, чуть правее меня, над настенной схемой–скрижалью. Одного только взгляда на нее мне хватило, чтобы участливо похлопать ученого по спине. Его теория, насчет того, что Отуманиватели связаны с Румбильданом, нашла свое подтверждение. Среди многочисленных символов и невнятных знаков, я увидел зарисовку конструкций–патрубков, которые без сомнения пересекались с Отуманивателями, так же представленными на схеме. Дым, источаемый Отуманивателями – это воздух, нагреваемый под действием машин! Старый – наружу, новый – в Румбильдан!

Пока Кай Галий набрасывал чертеж со стены себе в дневник, Дурнбад нашу экзальтацию от открытия не разделял. Он ругался на лундулуме и примерялся молотом, так, как будто к нам могли заявиться незваные враги. Экспедиция оправдала себя, но наш с Каем Галием «азарт разоблачения истин» еще не был удовлетворен и на половину, поэтому, не взирая на докучливое бормотание Дурнбада, мы отправились исследовать город потерянных дальше. Лабиринт из залов вел нас к раскрытиям тайн! Обожаю такие прогулки! Я даже забыл, что неполностью здоров! В одном из нефов нам повстречался неувядающий сад. Карликовые деревья, таких я никогда не видел, цвели бутонами оранжевых цветов, а папоротники, покрытые едва различимым слоем росы, приятно благоухали зеленью. Пятнистые грибы тут и там приветливо вздымали свои шапочки к бессолнечному подземелью. Как все они смогли прорасти здесь без света? Мой ответ таков – вероятно, растения в нем не нуждались, потому как сами в себе аккумулировали флуоресценцию. Эмилия, мой неунывающий и всеведущий естествовед, где ты? Мне нужна конкретика! Сам я смею лишь строить догадки!

Потом мы наткнулись на настоящий «самородок в пустотелой руде» – архив погибшей расы! Вот бы Бертрану тут оказаться! Он был бы на седьмом небе от счастья! Волнообразные шкафчики без заслонок содержали в себе непомерное количество глиняных табличек.

Я достал одну из них – клинопись прекрасно сохранилась! Ах, как же жаль, что я не могу по мановению посоха перенести их все к себе в Шато! Кай Галий между тем маниакально набивал ими свой рюкзак.

– Я отошлю все их тому толмачу в Магика Элептерум! А он мне их расшифрует! – объявил он мне.

За архивом нас поджидало ответвление. посвященное инсталляциям. Не шибко мастерски содеянные статуи, зигзагами протянувшимися вдоль тропинки из изразцов, как застывшая музыка, сообщили нам трагичную летопись потерянных. Они жили в пресных болотах, и был у них свой пантеон богов. Они поклонялись им и возводили в их честь свои величественные храмы. Но пришел человек и объявил им войну. Зажатые в рамках своей привычной сферы обитания, потерянные были обречены на поражение. Однажды, осознавая неминуемый исход своего народа, король Дабанди повелел своим поданным покинуть топи и забраться под землю. Его волю исполнили. Румбильдан – новая отстроенная столица потерянных – наполнился радостью существования без агрессии человека. Однако долгие годы мира и процветания подменились ужасом, возникшим из самых глубоких пропастей. Раздутая и гадкая по своей наружности бестия о трех головах, схожих чертами со змеиными, пробралась в самый темный уголок Румбильдана, в коем украдкой отложила кладку яиц. Для себя я тварь нарек гидрой, в честь чудовища из древних легенд. Спустя немного времени, гидры вылупились и со своей «прародительницей» быстро заняли несколько ярусов Румбильдана.

Я, как ребенок на ярмарке, во все глаза смотрел на то, как тысячелетние статуи, повитые сетями паутины, застыли в сражение друг с другом.

Потерянные противостояли гидрам. То успешно, практически уничтожая их род, то почти проигрывая по всем фронтам, забиваясь в городскую крепость (кстати, где она?). Я разочарованно дошел до конца «парка скульптур». Кто победил? Последние несколько фигур были раздроблены в пыль.

– Там я вижу какие-то огоньки! – вдруг, закидывая молот на плечо, сказал Дурнбад.

Я повернул голову за пальцем гнома. В ответвлении, немного севернее, и впрямь подрагивало пламя.

– Пойдемте посмотрим! – беззаботно предложил Кай Галий, вынимая трубку из камзола.

– Ты! Усы табачные! Ну-ка! Спрятался быстро за меня! – рывкнул старейшина войны, хватая изобретателя за ворот и ставя за собой. – Твое дело – ковыряться с рычагами, наше – спасти твою шкуру!

– Мой друг прав, – одобрил я порыв Дурнбада, перенося заклинание Молнии на Лик Эбенового Ужаса. – Рисковать понапрасну нам ни к чему.

Кай Галий растерянно выпустил струйку дыма на шлем гнома.

– Хорошо, идите вперед, я буду держаться за вами.

Так мы и поступили. Дурнбад на шаг впереди меня, потом по цепочке – я, за мной Кай Галий. Мы вошли покои, усталые истлевшими коврами. По kloкам материи они повели нас по неровной, но приземистой лестнице на платформу с обсидиановым стулом, на котором сидел мертвец в короне из бирюзы и в пластичной броне. Костная морда с пустыми глазницами и острыми, выступающими зубами с золотыми вставками живо напомнили мне недавнее сражение на кладбище Хомтриков. На сомкнутых коленях потерянного возлежал хапеш и ромбовидный щит, а над головой висело выцветшее знамя с вышитым Наулитом. По бокам от почившего короля на треногах покоились два шара – один молочно-белый, второй – иссини-черный. Оба они распространяли затаенное сияние. Кай Галий отер платком ближайший к нему – молочно-белый. Сфера бесшумно раздалась чистым сиянием! На долю секунды мы ослепли, а потом... Все озарилось блеском. Мириады звезд-светильников, спавших в безвременье, пробудились, чтобы разогнать вечную темноту. Я

завертел подбородком. Да это склеп! В нишах, в углах, на балконах, на приступках – всюду стояли и сидели мумифицированные потерянные. В их конечностях сверкала сталь хапешей... Дальше было вот что. Мертвый король Румбильдана раскрыл пасть, пощелкал ей и заговорил... Без «языка», но на нашем наречии!

– Внемлите мне, пришельцы из будущего! Румбильдан пал от отпрысков Бездны! Они взяли мою вотчину в кольцо, и здесь, у трона, защищенного двумя Кругами Наулита, мы найдем свое последнее прибежище! Вы – люди и я, король ан'хазаров, Кухот Леорот, говорю – я ждал вас! Я знал, что когда-нибудь вы придете, чтобы нарушить покой Румбильдана! Вы выгнали нас из Дабанди! Палками погнали нас из Охривана! Огнем вытолкали нас из Пирмиргема! Я, король Кухот Леорот, заявляю – я ненавижу вас! Мой народ ненавидит вас! И я преподнесу вам, правнукам человеческим, прощальный подарок ан'хазаров! Да расплатитесь вы кровью за грехи ваших дедов и отцов!

С треском во всех суставах Кухот Леорот поднялся с обсидианового престола и резко нажал култей на иссини-черный (Круг Наулита, наверное, он про него шипел) сфероид. Тут же бордовая мгла смешалась с горением светильников.

– А ну ка сядь на место, плесень! – гикнул Дурнбад, опуская молот на черепушку Кухота Леорота.

Король потерянных хрустнул и, втрое сложившись, брякнулся на пол. Однако... Однако процесс, который запустила его окольцованная пакля, уже было не остановить. Те сотни потерянных, нашедших свою смерть подле трона, вдруг ожили! Они не напали на нас, но кинулись закрывать массивные двери за нашими спинами!

– К выходу! – крикнул я, держа на прицеле бегающих потерянных.

Дважды просить нашу компанию не пришлось. С трубкой в зубах, Кай Галий прытко понесся к узорным створам. Поздно! Они захлопнулись у нас перед носом! Дурнбад, разбросав молотом пятерых

потерянных, задергал на себя дверное кольцо – безрезультатно! Мы в ловушке! Тогда, пока я спешно думал, как нам выбраться из щекотливого положения, потерянные возились у доселе непримеченных мною тросов. Вцепившись в тросы своими когтистыми конечностями, они тянули их на себя. Бз! Бз! Бз! Стонали тросы... А потом, подиум на котором еще недавно восседал Кухот Леорот разъехался, и король потерянных полетел в хмурую дыру. Визг... Голодный, насадный, звериный визг донесся из недоступных глубин... Дыхнуло холодом и тленом. Между тем, потерянные, сомкнутым строем, бряцая хапешами, оттеснили нас от дверей и начали толкать к этому провалу. Я выпустил Цепную Молнию в скалящихся мертвецов. Десяток потерянных превратились в золу. Но! Их «кончина» была лишь каплей в море и погоды не делала от слова – «совсем»! Потерянных шевелилось в округе видимо–невидимо, и они все прибывали – с парапетов, из комнат и с закутков.

– Горы и недра! Галий, ты готов не посрамить своих предков и умереть сегодня достойно?! – взвыл Дурнбад, колошматя потерянных почем зря.

Надо отметить, что древние ящерицы сами нас не атаковали, а только все так же жали к пропасти.

– Эм?! Умереть?! Нет!

– Молись своим пробиркам и шайбам! Ибо твой день настал!

– Дурнбад, смотри! – крикнул я, направляя Лик Эбенового Ужаса к пройме.

Из смрадной и стылой расщелины выкарабкивалась лиловая, в раздутых жилах туша. Вначале появились две ноги с серыми перепонками на голенищах, а затем три длинные шеи, оканчивающиеся тупорылыми и злобными головами. Вот уже показались раздвоенные языки и зрачки цвета меди. Пасти распахнулись и из них вырвалось красное пламя!

– Вот это животина! – восхитился Кай Галий, позабыв о нашем критическом положении. – К какому виду она относится?

– К смертельно опасному! – воскликнул я, оголяя Альдбриг.

Когда гидра выползла целиком, у меня на посохе уже болтался магический бутон, позаимствованный из удушливого пекла Назбраэля. По моим прикидкам гадина весила не меньше четырех–пяти тонн! Ну и туша! Как тут поступить? Огреть гидру заклинанием Потустороннего Террора или шваркнуть им по потерянным? Выбор стал очевиден после того, как существо потопало напрямик к нам. Я, вложив в колдовство весь свой энергетический потенциал, выпустил заряд ей в брюхо. Повеяло горелой плотью. Гидра взвыла и обдала Дурнбада пламенем сразу из двух пастей. Сияющий доспех гнома не загорелся и не расплавился, но его обладатель громко закричал!

– Дурнбад!

– Хмрф! Я невредим!

Как выкрутиться?! Сзади напирают оголтелые потерянные, а спереди насаждает гидра! Кажется, что карты мне выпали не ахти! Двойки, четверки и семерки! Вселенная, спаси нас! Раздай козырей из колоды!

Мое отчаянное воззвание, вероятно, наверху рассмотрели и приняли к сведению. Кай Галий, до этого жавшийся к моему плащу, вдруг извлек из штанов два свертка с фитилями. Запалив один из них от трубки, он кинул его в толкотню потерянных. Ба–бах! Взрыв! Останки бывших потерянных и рваные элементы одежды засыпали нас с ног до головы!

– Сюрприз! Порох из Империи Хло! – довольно рассмеялся Кай Галий. – Бежим к дверям!

Мы юркнули в образовавшуюся от взрыва брешь между потерянными и дали деру к сомкнутым створам. Гидра же, уразумев,

что ее жертвы могут скрыться, раскидала сновавших подле нее мертвяков и ломанулась за нами. Огонь из ее ртов опалил мне подошвы! Благо, что энная часть не пострадал! Я ею дорожу! Быстрее! Быстрее!

На бегу Кай Галий поджег другой сверток и, прицелившись, с размаху припечатал его к каменной глыбе! Вновь взрыв! В этот раз нас обдало горячим крошевом! Мы протиснулись в оплавленный пролом и что есть духу припустились по пустынным анфиладам Румбильдана. Сзади нас гидра тоже смогла преодолеть препятствие. Я оглянулся. Бестия разможила кладку и, приложив усилия—таки протиснулась сквозь расширенный проход. Этот бешеный марафон я могу сравнить лишь с тем, как я улепетывал от тараканов под сеньями Трузда. Тогда нас от прожорливых жвал насекомых унесли тачанки, а сейчас?... Мы продолжали драть пятки... Все прямо и прямо... Вдох—выдох, вдох—выдох... Хорошо, что запутаться, где нас ждал батискаф, было сложно. Изначально наш путь вел по ровному коридору и потому, думать куда завернуть или повернуть, от нас не требовалось.

Ага! Вон и наш родненький! Наш батискаф!

Гидра чуть отставала от нас (хоть и не намного) и потому у нашего бравого трио нашлось какое-то время, чтобы забраться в нутро чудо-изобретения.

— Маг, подсаживаем гнома!

— Только аккуратнее!

— Уж не как тогда Серэнити тебя перебросила в тачанку! — истерически хихикнул я.

Вместе с Каем Галием мы согнули колени, и Дурнбад кое-как взобрался на крышу батискафа.

— Немного недоработано, надо было снабдить батискаф лесенкой... — сам себе сказал Кай Галий.

Старейшина войны протянул руку, и следующим к нему вспорхнул наш любитель курения. Я запрыгнул последним.

– Но у нас проблема! Батискаф наполовину находится на уклоне! Его надо столкнуть в воду! – взволнованно сказал я, в спину, спускающемуся по трапу Каю Галию.

– Никаких проблем! Гном, задраивай люк! Маг, на тебе пыльца фей! И живо! Живо! Я дам задний ход!

Проворно пристегивая ремни на креслице, я увидел в иллюминатор, как на побережье показалась гидра. Она разбежалась и боднула батискаф грудью. Я еще не успел предать пыльце фей нужной температуры, и оттого этот толчок сыграл нам на руку. Батискаф сделал «плюм» и ушел под воду. Спасибо! Подыграла нам, бестолочь!

– Маг! Пыльца фей! И не забудь расположить своих светляков за корпусом!

– Да, да! Уже!

В нервной обстановке мне всегда тягостно найти в себе должную концентрацию для чаротворения, но тут... Да, чтоб тебя! Накаляйся, зараза! Лопасты задвигались и батискаф, развернувшись по оси, пошел креном вниз. А гидра, наша приставучая гидра, тоже не дремала! Она, рожденная для плавания, в один миг зашла в легкие волны и дунула за нами! Вот это погоня! Мамочки! Кай Галий, так и не вытащивший мундштука из скривленных губ, пыхтел пряным дымом и, как заправский кучер, лавировал между подводных преград.

– Надбавь жару пыльце, иначе мы от нее не оторвемся! – скомандовал Кай Галий.

– Это максимум, что я могу из себя сейчас выжать!

– Пусть так! Ладно! Вон уже подъем!

Кай Галий прижал штурвал к животу и батискаф, резко поменяв угол скольжения, подался вверх.

Ремни предательски расстегнулись, и я навалился на иллюминатор. В нем я различил крайне зубастую пасть... Ам! Клыки прошлись по обшивке батискафа. Тварь отстала, но потом, вновь набрав скорости, вплотную приблизилась к нам.

– Пора показать, что мы тоже не лыком шиты! – возвестил Кай Галий. – Гном, видишь ту ручку возле тебя с надписью «Поцелуй девы»?

– Поцелуй девы?! – вскрикнул я. – При чем тут поцелуй какой-то девы?!

– Отставить, вопли! Гном, по моему сигналу... Нагни ее до упора!

– Понял!

Кай Галий повертел штурвалом, после чего крикнул:

– Давай!

Дурнбад рывком опустил ручку и я, все еще лежащий на иллюминаторе увидел, как из днища батискафа вылетел гарпун! Он попал в гидру и та несколько раз приложилась телом об острые углы камней. По воде стали расползаться струйки крови.

– Есть! – победоносно крикнул Кай Галий!

Однако наше ликование длилось недолго. Гидра перекусила гарпун и со всей злостью и ненавистью устремилась к нам. Она настигла нас именно тогда, когда батискаф покинул затопленную штольню, ведущую к Румбильдану. Гидра ударила по батискафу хвостом и мы, как мячик на воде, заюлили по кругу.

– Не хочешь по–хорошему, получай по–плохому! – промурлыкал Кай Галий.

Бзац! Зубы впились в иллюминатор! По ним стали расползаться трещины!

Кай Галий схватил два рычажка, приведя в действие железные отростки–хвататели. Ловко ими орудуя, он защемил две морды гидры в тиски. Та попыталась их сбросить с себя, но безрезультатно. Щипцы надежно держали гадину в плену. И мы, и гидра одинаково исходили конвульсиями тряски.

– Гном! Стреляй!

– Чем?! Тут только одна ручка была с «поцелуем девы»!

– Там есть еще «Шлепок карги», жми ее! Да вон же, над твоим шлемом!

Дурнбад вцепился в стрежень, напоминающий собою подозрную трубу, и порывисто дернул его к коленям. Из носа батискафа стартовал трезубец. Воткнувшись в сердце гидры, он заставил ее закатить глаза. Гидра выпустила из себя пузырьки воздуха и поволокла нас на дно. Кай Галий ударил по рычажкам и отростки–хвататели разжали свою хватку. Мы выиграли, а гидра – проиграла! Всё! Если бы такое устройство было у потерянных, они бы еще были живы–здоровы!

Я, вновь забравшись в кресло, пристегнул соскользнувшие ремни.

– Хочу сказать, что враг попался сноровистый! Ха, чуть нас не сожрал! – в свойственной саркастической манере, оповестил Кай Галий.

– Как ты можешь так спокойно об этом говорить?! – спросил Дурнбад, явно борясь с тошнотой.

– Мое аристократическое воспитание не дает мне показывать свои истинные чувства, – с укором ответил Кай Галий. – На самом деле мне было как-то не по себе.

– Капитан, нам бы побыстрее всплыть! – отметил я, тыча в треснутый иллюминатор.

– Предложение принимается! Гном, помнишь, я обозначал в начале нашего предприятия, как мне пригодятся твои стальные мускулы?

– Хмф!

– Отлично! Приму за «да». Вон там шестеренка – попрошу тебя заняться ею.

– Крутить её, что ли?

– СмекаLISTO! От твоих коловращений к крапивному соку по шлангам просочится желчная взвесь. Чем больше ты будешь вращать шестеренку, тем пуще реагенты станут взаимодействовать друг с другом. Эластичные мешки наполнятся газом, и нас поднимет к поверхности! Ну же, чего ты ждешь?!

– Ничего!

Дурнбад налег на иззубренную шестерню. Постепенно я стал различать, как за толстыми оконцами батискафа надуваются мешки. Они всё увеличивались в своем размере, пока не достигли ширины колеса от повозки. Мы медленно–медленно оторвались от грунта и плавно пошли вверх!

– Работает! – восхитился Кай Галий.

Я похлопал в ладоши.

– Браво!

– Овации! Как приятно!

– Заслуженные!

Кай Галий потянул трубку, но с расстройством увидел, что она потухла.

– Ай, ладно! Это было чудесное приключение, которое полностью себя оправдало! Как только я окажусь у себя в кабинете – сразу примусь за составление статьи! Ее я отправлю в Королевское Научное Общество! Выступлю на симпозиуме и утру там всем сопpli! Отуманиватели – есть продукт расы потерянных! И доказательства при мне!

Изобретатель погладил дневник с занесенным в него чертежом.

– Если симпозиум состоится где-то через месяц-два, пришли мне весточку. Я тоже хочу на нем побывать, – улыбнулся я.

– Куда? И вообще? Как вас зовут с гномом?

– Мне кажется, что ты уже сто раз слышал наши имена. Ну да ладно. Я – Калев Шаттибраль, на адресе указывай – замок Шато. А это – старейшина войны Дурнбад, сын Дунабара, главы клана Надургх.

– Приятно познакомится, Кай Галий!

– Мы знаем! – проскрежетал Дурнбад.

Вода вокруг батискафа стало светлеть. Мы приближались к поверхности Туманной Пляски. Спустия какое-то время мы уже закачались на ее волнах! Приехали! Дурнбад открыл люк, и Кай Галий, высунувшись из него, выстрелил в небеса хлопушкой. Да не простой хлопушкой! В облаках разразился целый фейерверк! С разрядами молний и ливнем искр!

– Порох можно применять по-разному. Для салютов, для расчистки шахт, для смещения тяжелых предметов и уничтожения противника. В Хло имперцы смастерили пушки-бомбарды, стреляющие ядрами. Вообще имперцы – мастера хоть куда. Открытие пороха в Империи Хло вывело его войну с Островным Королевством на новый уровень, – поделился с нами изобретатель. – Сейчас, заметив мой сигнал, «Роза Ветров» найдет нас в три счета.

Корабль, ранее маячивший точкой на горизонте, на всех парусах плыл к нам. Краном батискаф был поднят на палубу. Меня и Дурнбада подкачивало. Гном сразу потребовал выдать ему пинту эля. Утолив первую жажду, он снял шлем и взлохматил жесткие волосы.

– Этим вонючим табаком у меня вся борода пропахла! – пожаловался мне старейшина войны. – И голова теперь болит как после пирушки! Надышался пакости!

– Табачок – моя маленькая слабость. С его ароматом меня посещают озарения, – вздернув усы, сказал Кай Галий. – Ну что, кто молодцы?

– Мы молодцы, – кивнул я, тоже обнюхав свою мантию (Бе!). – И молодцам причитается плата.

– Квазальд! Ну, разумеется! Но он у меня не с собой, а дома.

– Мы с удовольствием проводим тебя до порога.

– Ох, как вежливо! Может, пока откушаем? Солнце успело опуститься и подняться. Настал новый день – время завтрака.

– Я ничего не хочу, – отказался Дурнбад. – А ты, Калерб?

– Тоже нет. Только спать.

– Странно, у меня сна ни в одном глазу, – бодро сказал Кай Галий. – Наверное, тому виной ажиотаж после удачного предприятия!

– Похоже на то, – проворчал Дурнбад. – С чокнутыми всегда так.

– Фу, какой грубиян! Кстати, батискаф – не единственная моя воплощенная в жизнь задумка. Ну, не совсем конечно так, но я близок, да, очень близок к созданию воздухоплавательного средства! Я даже ему уже имя придумал – дирижабль! На нем, в теории, будет возможно парить над облаками и летать в далекие земли! И тут на сцену событий опять–таки можете выйти вы с капризным гномом! Ваши успехи как моих ассистентов замечены! Когда доведу дирижабль до ума, сразу приглашу вас принять участие в путешествиях! Ну что? Вы в восторге?

– Я – нет! Пропади пропадом твой дирижабль!

– Не обращай на Дурнбада внимания. Он просто еще находится под впечатлением от а батискафа, – улыбнулся я. – Что касается меня, то я буду рад присоединиться к твоим изысканиям.

– Слова истинного ученого!

– Кем я и являюсь.

«Роза Ветров» взяла курс на Ильварет. Маленькие домишки, крошечные обозы, проезжающих по дорогам, стены поместий, лесные массивы и прочие детали, встречающиеся по разным оконечностям Туманной Пляски, не долго задерживались перед глазами. Корабль гнал вперед. Я, Дурнбад, Кай Галий и капитан Ньютон оставшееся время до швартовки провели в неспешной беседе. Обсуждали как нашу экспедицию, так и какие–то незначительные новости из провинций. Я потягивал кофе и зевал. Наконец впереди показались фортификации города. «Роза Ветров» прошла сквозь Гребенчатую Заставу и пошла по каналу. К пристани мы причалили где–то в обед. Джери, слуга Кая Галия, дожидавшийся нас на пирсе, помахал нам рукой. Мы забрались в карету и поехали по пестрым улицам Ильварета к особняку во всю щебечущего изобретателя. Добравшись до места, я,

вооруженной новой кружкой кофе с сахаром и клубничной слойкой, спустя пару минут получил обратно свой квазальд.

– Расставаться с ним не хочется, – набивая трубку, вздохнул Кай Галий. – Но уговор есть уговор! Как я понял, ты собираешься придать квазальду форму?

– Мне надо как-то поместить внутрь него драгоценный камень.

– Что-то типа украшения будет в итоге? – выпуская дым, спросил изобретатель.

– В перспективе да.

– Тогда поделюсь с тобой своими наблюдениями. Печи Соединенного Королевства хороши, но расплавить квазальд они не смогут. Да что там наши печи! Горны современных гномов и то не справятся! Тут нужна температура, близкая к вулканической!

– Утешил!

– Единственное место, которое приходит мне на ум, способное сделать то, что ты желаешь – мифический Тысячелетний Гром – кузнеца, где была выкована Корона Света.

Пуф, пуф, пуф.

Кай Галий встал с креслица и внимательно осмотрел полки с книгами, после чего извлек одну и раскрыл на середине.

– Тут у меня закладка, – сказал он. – Этот том был написан не Братством Света, но выдающимся литейщиком прошлого – Фернандо Перши. Безумцем.

– Таким, как ты?

– Нет, гном, уверяю, с мозгами у меня все в порядке. Фернандо Перши описывает устройство Тысячелетнего Грома каким оно должно быть, чтобы самые твердые металлы могли обретать текучесть. Принцип Тысячелетнего Грома, скорее всего, основан на энергии, получаемой от постоянного соприкосновения с лавой. Другими словами, под кузницей должен кипеть неухающий, яростный огонь!

– Наверное, там так жарко, что и дышать–то невозможно! – отметил Дурнбад.

– Допустимо, что и так.

– Думаешь, Тысячелетний Гром находится в вулкане Вугу?

– Нет, он где–то в Великом Лесу. По крайней мере, так нам талдычат легенды. Вугу – действующий вулкан в Горах Заботы, но есть же и дремлющие, копящие свой гнев до поры до времени. В Железных Горах, например, я знаю парочку таких.

– Нету у нас в Будугае никаких вулканов!

– Есть, и в Великом Лесу тоже могут быть!

– Сказки!

– Не сказки, а аналитика, основанная на изучении тектонических плит, их сдвигах и движении магмы! Что скажешь на счет Орбиджана, что еле коптится у самых западных отрогов Железных Гор? Или о Трандалбэнди, что стоит стражем у Ледяных Топей?

– Пф! Я их не видел! К ним не подобраться! Их стерегут пропасти почище, чем твоя в Туманной Пляске!

– Однако они есть.

– Спасибо, что поделился с нами своими мыслями, – сказал я, поднимаясь с дивана.

– Уже уходите? – огорчился Кай Галий. – Жалко, жалко! А еще мне жалко (раз мы заговорили о Тысячелетнем Громе), что Величие Света у нас отменяется. Короны Света нет, принца нет, праздника без них нет. Только представьте, в Храме Ураха не зажгут свечей, не произнесут молитвы, не отделят литургией, во всей торжественности, старую эпоху от новой. Я собирался поехать в Шальх на это уникальное мероприятие, но, увы!

– Я очень постараюсь, чтобы Величие Света все-таки состоялось.

– Ты?! – удивился Кай Галий.

– Я отыщу Корону Света.

– Где?!

– Где бы она ни была, – устало отозвался я. – До свидания!

– Официально я расформировываю свою команду и отпускаю в бессрочный отпуск! Однако я буду ждать вас для опробования дирижабля! – улыбнулся Кай Галий, провожая нас к дверям.

– Ну уж нет! – рыкнул Дурнбад.

– Ну уж да! Придется вновь воспользоваться услугами Шакура и приобрести что-то ценное для вас, – улыбнулся изобретатель, выпуская из трубки сизый дымок. – Пока, мои дорогие!

– Он мне понравился, – сказал я Дурнбаду, идя по улице Плодородия к «Гордости Вара».

– Потому что он такой же сумасшедший, как и ты! Только у тебя магия-шмагия в фокусах, а у него механизмы-линзы в приоритете. Но оба вы оба – два сапога пара!

– Что-то в этом есть, – протянул я. – Мне идея с дирижаблем пришлась по душе. Надо же! Кай Галий придумал нечто, способное летать в облаках!

– Будешь греть пыльцу фей и раскачивать мешки с крапивным соком и желчной взвесью! Но без меня!

– Поживем–увидим, – хмыкнул я. – У нас впереди с тобой еще длинная дорога и непонятно, куда она нас выведет!

Старейшина войны смерил меня мрачным взглядом, а потом рассмеялся:

– Куда уж ты без меня! За тобой, вороной, глаз да глаз нужен! Если потребуется, я – с тобой!

– На то мы и братья по крови.

Я обнял Дурнбада. Он – самый настоящий верный друг! Люблю его!

Глава 24. Выбор Констанции Демей

По пути к «Гордости Вара» меня вдруг прошиб озноб. Отметка Арбитра напомнила мне о себе. Вначале легонько заболело предплечье, потом вся рука, грудь и живот. Эта агония не была похожа на телесные муки, как мы их себе представляем. Ощущения я бы охарактеризовал, как горение души. Они мучали меня, и я терпел, не давая Дурнбаду заметить, как мне плохо. Но затем пытка стала невыносимой. Обливаясь слюной, я упал в кусты и застонал. В голове стучали два повторяющихся слова «Корона Света», «Корона Света», «Корона Света». А затем – «Принеси», «Найди», «Добудь»! Не обращая внимания на взволнованные вопрошания друга, я стал кататься по сырому булыжнику. Местные зеваки вовсю таращились на меня, и Дурнбад пытался их отогнать. Кто-то предложил позвать сестер из Ордена Милосердия. Мне? Кому? Зачем? Я упал в омут нестерпимой и жгущей скорби, выворачивающей меня наизнанку.

Принесли носилки. Меня уложили на них и повезли... Очнулся я уже в кельях Храма Ураха. Дурнбад, Лютерия Айс и Альфонсо Дельторо тихо переговаривались у окна.

– Хей! Привет! – поздоровался я.

– Ты меня напугал! – крикнул Дурнбад.

– Тише, господин гном, тише, – мягко промолвила Лютерия Айс. – Урах смиростивился – его приступ ушел, но он еще слаб.

– Кaleb, что с тобой произошло? – спросил Альфонсо. – Тебя в полуобморочном состоянии, бормочущего что-то о Короне Света и Привратнике, притащили в лазарет. Опять эта Отметка Арбитра тебя нашла?

– Ага, подарочек из Гамбуса, – ответил я. – Сейчас со мной уже все хорошо.

– Точно? – сощурив глаза, осведомилась Лютерия Айс.

– Да, она пытается меня, а потом я вновь прихожу в себя, как ничего и не было, – кивнул я, вставая с постели. – Насылая на меня немощь, Привратник не дает забыть мне о задании.

Лютерия Айс потрогала мне лоб:

– Жара – нет. О каком задании ты говоришь?

– Не имеет значения.

– Ты уходил, – укорила меня Лютеция. – Мы искали. Мы ждали. Разве ты поправился?

– Уже да.

– Но если ты поправился, то нас ждет королева Констанция Демей, – сказал Альфонсо. – У нее и Настурции Грэкхольм есть для нас новости. Хорошо, Лютерия, что ты тоже здесь. О тебе она также упоминала.

– Вот как?

– Приведи только себя в порядок и умойся, – указал мне следопыт.
– Ты выглядишь, как незнамо кто. Нельзя так идти к королеве.

– Всё сделаю.

Лютерия Айс провела меня к апартаментам со значком бегущей воды. Я ополоснулся в умывальнике и пригладил волосы. Одежда грязноватая, но что поделать? Я тут немножко занят был намедни. Надеюсь, что Констанция Демей простит мне мой неподобающий вид.

Все вчетвером мы вышли из Храма Ураха (я и Дурнбад пересказывали наше сегодняшнее приключение) и подались к лестнице Тысяча и Одна. Подъем по ней после ранения, недавнего сражения и эпилепсии, ниспосланной Привратником, меня утомил. Пыхтя и шепотом причитая, я наконец добрался до ворот замка, а там... опять лестницы! Уже смеркалось, и нас, как уверил Альфонсо, ждали к ужину. Поесть я был не против, поэтому, предвкушая бокальчик вина и что-нибудь сочно-мясное, чуть-чуть прибавил шагу.

Принимали нас в «Розовом Зале». Увешанный гобеленами с цветными полосками разной длины и ширины, он вмещал в себя комплект богатой мебели. Сервированный серебром стол, тяжелые резные стулья, диван с пуфиками и ковры. И все это розовое, красное или оранжевое! Прямо рай для девочек двенадцати-четырнадцати лет!

На дубовой лакированной столешнице толпились изысканные блюда. От рыбы и дичи, салатов и закусок, до фруктов и сладких пудингов – тут было всё. Перечислю то, на что упал взгляд: Суп из фунгусов – лук-порей, плавающий в бульоне с грибами, приправленный порошком из специй, в коем главными элементами

являлись перец, имбирь и корица. Кормарье – большой кусок свинины в густом соусе, посыпанный кориандром и тмином. Блинчики, фаршированные нежным телячьим языком. Миндальный молочный рис – его я ел последний раз еще при Манфреде Втором. Каракские фрикадельки и сосиски – национальные яства западной провинции, их запекают с молодыми томатами. Куриные ножки под соблазнительной румяной корочкой, начиненные мягким сыром. Вырезка из буженины, сервированная дольками апельсина. Лосось под чесночной подливкой. Все и, по сути, вкусно, и по вкусу вкусно. Как-то так.

Королева Констанция Демей, в изумительном коричневом платье с агатовым колье тепло улыбалась нам с центрального места. Справа от нее сидела Настурция Грэкхольм. Облаченная в тона шафрана, она томно вращала в руках бокал, давая вино «подышать». Увидев меня, придворная колдунья Ильварета скривила личико. Что Серэнити тогда меня не жаловала в Шальхе, что теперь Настурция мину корчит. Но тут есть мудрость – к каждой девице подберется свой ключик. Если с Великим инквизитором было сложно это сделать, то тут, хм, ну это нереально? Вражда Настурции ко мне тянется из прошлых веков, и растопить ее сердце консервированными персиками или клубникой вряд ли получится. Мы все поклонились королеве, а потом я, улыбнувшись про себя, сел подле Настурции. Видимо пах я не как орхидея, и она отвернулась от меня. Простите, любезная, меня едва гидра не слопала полдня назад!! Времени принять ванную с лепестками роз у меня не было!

– Мастер Калев, я очень рада, что Вы вновь с нами.

Я склонил голову.

– Ваше Величество как всегда добры ко мне.

– Альфонсо Дельторо поведал мне обо всем, что вам пришлось перенести. Как в Шальхе, так и за его пределами. Я признательна Вам, мастер Калев, за то, что Вы урегулировали обстановку в столице моего Королевства и изобличили жуткого живореза, скрывающегося под личиной префекта Канахеса Ильки. Моя догадка о том, что за смертью

Вильгельма прятался Хрипохор – нашла подтверждение. Хрипохор и Вестмарка, вдвоем, они ткали покрывало лжи и злобы. Утрата Элизабет Темной разбила мне сердце, но... Её уже не вернешь. Однако важные сведения, которые она и префект дали перед смертью, проливают на сложившуюся ситуацию луч света. Ее дополнит Настурция Грэкхольм. Ей есть, что рассказать вам. Но вначале давайте утолим голод.

Констанция Демей повела рукой, приглашая нас начать трапезу. Я наложил себе на тарелку томленных бараньих ребрышек, свежего гороха, ароматного миндального риса и полил все сверху ароматным соусом. Отдавая себя на поруке вкусной еде, я на несколько мгновений заставил свой разум позабыть о неурядицах и трудностях, что выпали на мою долю. Трапеза проходила молча. Чувствовалось напряжение, исходящее, как от внешне спокойной королевы, так и от насупленной колдуньи. Когда блюда переменили трижды и подали десерт, Настурция сказала:

– Разрешите, моя королева?

– Говорите, Настурция.

Сестра близнец Эмилии утерла рот салфеточкой, отпила лимонный напиток, а затем, не глядя на меня, преодолевая отвращение, заговорила:

– Пока ты, Калев Шаттибраль, был на задании королевы, я многое успела сделать. Во-первых, я смогла настроить Купель Семи Преданий так, что она теперь, внутри своей глубины, будет показывать не события прошлого и грядущего, но настоящего. Я соединила ее силу с... с единственным, кто из приближенных Констанции Демей согласился на эту опасную связь. С Тенью – шпионом Королевского Дома. Он еще неполностью овладел контролем над Купелью Семи Преданий, однако очень близок к тому. Когда фокусировка закончится – Тень будет способен являть в глубине Купели то, что происходит в разных уголках Соединенного Королевства. Если бы у меня в распоряжении было бы больше времени, я бы смогла увеличить

потенциал Купели Семи Преданий, и Тень прозревал бы и кущи Великого Леса, и Леса Скорби, однако... На это сейчас рассчитывать не стоит.

– Как ты это сделала?! – не удержался я от восхищенного восклицания.

– Что? Удивлен, что не только ты и Эмилия в состоянии подчинять себе потенциал артефактов? Что я в короткий срок додумалась, как обратить во благо Соединенного Королевства непредсказуемую и загадочную Купель Семи Преданий, которая у всех знатоков мистерий всегда вызывала сомнения и трепет? – сжав губки, прошипела колдунья Ильварета. – Я, пока вы с моей сестрицей придавались праздной жизни, много и усердно училась. Сама. Без всякой поддержки, подсказок и дружеских советов. Как видишь, мой опыт нашлось куда применить.

– Настурция, ваши таланты никто не умаляет, – укоризненно сказала Констанция Демей. – Прошу Вас, продолжайте.

– Извините, моя королева, – слегка зарумянившись, откликнулась Настурция. – Так же помимо Купели Семи Преданий, я занималась и самой насущной нашей проблемой – а именно тем, как отыскать Филириниль. Мне пришлось туго, но и здесь я добилась больших успехов. В Ноклидане – ты, Шаттибраль, об этом не знаешь, – есть специальная секция–архив, посвященная мемуарам и воспоминаниям личностей древности. В ней мне попался дневник некоего оруженосца одного рыцаря. Этот оруженосец, Тори Велш, принимал участие в сражении Полдня Игл. Он любил писать для себя, и его заметки станут для нас путеводной звездой в противостоянии с Хрипохором, а возможно, что и с Вестмаркой.

– Настурция, Вы принесли дневник с собой, как я просила? – осведомилась Констанция Демей.

– Да, моя королева, – беря в руки портфель из кожи, – отозвалась колдунья Ильварета.

Она раздвинула посуду и, достав из портфеля потрёпанную книжку, положила ее перед собой. Перелистав страницы, Настурция принялась негромко читать:

«... спаси нас Урах. Сегодня мы победили, но какой ценой? Эта бойня – самое страшное, что только могли увидеть человеческие глаза. Дроторогор – князь Хрипохора, будь он проклят в вечности, рвал наши ряды Иглой Пламени и пронзал наши тела Иглой Стужи. Я находился подле своего лорда Глида Ростри из Госткловера в числе рыцарей генерала Гвина Гокатюра и видел, как Он сокрушил Ки Анаю. Дроторогор перерубил жрицу напополам и, приставив клыки к ее рассеченному животу, вырвал ей кишки. Я – не храбрец, я – не смельчак. Мне было мучительно страшно, но я, пересилив себя во имя чести лорда Глида Ростри, своей семьи и спасения рода людского, последовал за рожком Гвина Гокатюра. Вместе со своим сюзереном я, обливаясь слезами испуга, вклинил пику в толпу живорезов, окруживших нашего короля Харальда Темного и принца эльфов Легию. Гвин Гокатюр! Он жил героем и умер героем. Дроторогор прямо на моих глазах втоптал Гвина Гокатюра в лужу его крови. Однако, пожертвовав собой, генерал спас принца Легию. Дальше меня сшибли с коня, и я упал рядом со своим лордом Глидом Ростли. Признаю, я проявил малодушие, но мною овладел испуг – я закатился под труп лошади и претворился мертвым. Я видел, как принц эльфов Легия Филиринилем – клинком, дарованным самой Сирвиллой, отрубил Дроторогору его огромную руку, как упал наземь горящий молот Преисподней – Игла Пламени, и как Харальд Темный послал свое копьё – Молнию Света в грудь Владыки Хрипохора.

В тот миг Дроторогор словно бы выгорел изнутри. Он закричал так, что все листья в Малахитовом Дворце разом опали с веток, и, обратившись синим пожарищем, взмыл вместе с ветром в прогорклое небо. Игла Пламени, Игла Стужи и Молния Света последовали за ним, а вот его отвратительная, источающая мглу плешивая пятерня никуда не делась. Она уменьшилась соразмерно обычной руке и, сжавшись в кулак, вытянула когтистый перст, строго указывающий на принца эльфов. После поражения Дроторогора дух нашего воинства получил

новую струю надежды. Я подобрал свой меч и кинулся разить им стонущих и паникующих живорезов. Мы одержали вверх, да. Но за этот день мои волосы стали абсолютно белыми. Я превратился в старика.

По указу Харальда Темного мы собрали живорезов в округе (далеко не всех, ибо в Малахитовом Дворце их скончалось видимо–невидимо) и вместе с лапой Дроторогора подожгли. Этот костер горел долго, очень долго. А Легия, прекраснее его я никого не встречал, он все вглядывался в языки того «красного петуха». Я стоял возле него и утирал пот со лба, когда он воскликнул: «Она не горит. Она тычет в меня и не горит!» Харальд Темный приказал мне поворошить угли. Да, куля не поддавалась огню и все так же целенаправленно высовывала палец, указывая на принца эльфов. Легия отошел в сторону, и рука сама по себ, повернулась к нему. Куда бы принц эльфов не перемещался, конечность Дроторогора обвиняла его, своего «отсекателя», в том, что тот содейл. «Ты ей ненавистен», – молвил тогда король Харальд Темный. – И до конца времен она будет показывать на тебя. Уничтожить ее нельзя, а потому мы погребем лапу под останками наших витязей. Так обрубок Дроторогора никогда не доберется до тебя, мой друг»...

Настурция Грэхольм закрыла книгу и бережно убрала обратно в портфель.

– Понимаете, что вытекает из этого?

– Рука Дроторогора не исчезла бесследно и, если мы ее отыщем, то вероятно, она так, как и встарь, будет указывать дорогу к своему врагу, – потеряв подбородок, выдохнул я. – Настурция – ты просто умница!

– Обойдусь без твоих комплиментов!

– Получается, что нам надо отправиться в Тлеющую Чашу и откопать лапу Дроторогора, – возбужденно подхватил Альфонсо Дельторо. – Если черная магия не покинула ее, она даст нам верное

направление к тому, где упокоился принц эльфов, а с ним, видимо, и Филириниль!

– К Тумиль’Инламэ! – сказала довольная Настурция.

– Потрясающее открытие! – восхитилась Лютерия Айс.

– Я же говорил тебе, Калеб, что колдунья Ильварета – башковитая, – гикнул Дурнбад.

– Мой сын – жив, – подчеркнула Констанция Демей. – Он находится в застенках Вестмарки, где кормит своей кровью венценосного вампира. Больше всего на свете я хочу его спасти. Чтобы сразить Дроторогора, мы раздобудем Филириниль. Но я также уверена, что с помощью легендарного клинка можно будет побороться и с Вальгардом Флейтом. Имея Филириниль, мы отнимем у монстров Корону Света, возродим Соединенное Королевство и вернем миру мир.

– Осталось только решить, кто отправится на поиски Филириниля, – сказал я.

– Я думаю, мастер Калеб, что мой выбор тут будет очевиден, – промолвила Констанция Демей. – Пойдете Вы...

– И я! – крикнул Дурнбад, раздувая ноздри. – Я – с братом по крови! Хоть в бездну, хоть в горы, да хоть в любую сечу! Мой молот с ним!

Королева улыбнулась воинственному гному.

– Я не имею права Вам приказывать, о благородный гном из рода Надургх, но Ваш порыв для меня бесценен. Поэтому с радостью я причисляю Вас к отряду.

Констанция Демей оглядела нас.

– Также к Вам, мастер Калев, присоединится Альфонсо Дельторо. Его познания Великого Леса как следопыта переоценить нельзя.

– Моя королева, сочту за честь, – склонил голову Альфонсо.

– К Вашей тройке, я добавляю Настурцию Грэхольм.

Неожиданно! Не для меня разумеется.

– Я нужна здесь, Ваше величество! – попробовала не согласиться Настурция. – Без меня Ильварет останется без магической опеки, и Купель Семи Преданий сможет выйти из под контроля!

– Однажды, когда мастер Калев уходил в Железные Горы на поиски Эмириус Клайн, примерно то же самое мне сказала Великий инквизитор Серэнити. Я не изменю своего решения. Вы – исключительно даровитая колдунья, и я считаю, что Ваши умения нужно использовать по уму. Здесь Вы принесете пользу, да, но в поисках Филиринилия – она будет во сто крат заметнее.

– Как прикажете, моя королева, – понуро ответила Настурция, явно не желавшая делить со мной столь жуткое приключение.

– Вместе мы всем рога свернем, – подмигнул ей Дурнбад.

Не понимаю, почему гному она так понравилась?

– Спасибо, – натянуто улыбнулась ему Настурция. – Вы с Альфонсо – хорошая компания.

– И брат по крови тоже!

– Он – нет! – яростно возразила сестра–близнец Эмили, не сдержавшись даже при королеве.

Констанция Демей внимательно все это слушала.

– Вижу, что вы испытываете некую неприязнь к мастеру Калебу. Я не стану искать тому причин, но велю Вам – пока вы будете разыскивать Филириниль, спрячьте, пожалуйста, свои негативные чувства в самый дальний чулан Вашей души. От слаженности ваших действий зависит судьба всего человечества.

– Я обещаю.

– Надеюсь на это, – сказала Констанция Демей, переводя взор на Лютерию Айс.

– Вы – последняя, кому я приказываю участвовать в столь сложном предприятии. Вы – магистр Ордена Милосердия. Вы – отличный клирик и целитель. Без вашего врачевания, скорее всего, вся задумка пойдет прахом.

– Но я не Серэнити, Ваше Величество, – печально отвечала королеве Лютерия Айс. – Многое мне подвластно, да, но Урах не одарил меня Своим Светом так, как нашу сестру. У меня не получится убирать раны наложением рук. Я не смогу вытянуть Калеба или Дурнбада из могилы, если они получают смертельное увечье.

– Что вы знаете о Милости Ураха? – вдруг спросила Констанция Демей у магистра Ордена Милосердия.

– Я живу Ею!

– Я говорила о Вас, Лютерия, с Аланом Вельстрассеном. Да, вы не Серэнити. И без всякой застенчивости заявляю: я бы послала ее вместо Вас. Но ее здесь нет, Алан Вельстрассен не выдержит долго пути, а Вы – теперь Вы – наша надежда. И мы не знаем, как далеко будет распространена на Вас Милось Ураха...

Констанция Демей помедлила, потом продолжила:

– Алан Вельстрассен уверил меня, что есть некий ритуал, который волеет в Вас его силу. Мне это сложно объяснить. Алан Вельстрассен –

помазанник Ураха, и каждый раз, когда Вы будете испытывать необходимость оказать помощь своим товарищам – он сделает это возможным.

– Я знаю об этом ритуале. Он называется – Теургия Ураха, – медленно и очень тихо сказала Лютерия Айс. – Он есть прерогатива понтификов, их бескорыстной любви и самопожертвования. Всеотец установил: отдай самого себя в угоду ближнему. Теургия Ураха, осуществляющаяся через парные кольца–печати – Лики Всеотца, будет иссушать Алана Вельстрассена всякий раз, когда мне потребуются прибегнуть к его Святой мощи. От перенапряжения он может умереть...

– Его выбор – выбор настоящего сына и служителя Ураха. Мы станем молиться, чтобы этого не произошло, – грустно отметила Констанция Демей. – Но иного выхода у нас нет.

– Моя Королева, могу я обратиться? – спросил Альфонсо Дельторо.

– Конечно.

– Как я понимаю, наша поездка в Тлеющую Чашу и далее в Великий Лес должна состояться как можно быстрее.

– Вы правы, верховный следопыт Энгибара. Сколько вам нужно времени на сборы, мастер Калерб? Лошадей, одежду, провизию я предоставляю вам хоть завтра утром.

– Я осознаю, что для нас весома каждая секунда, Ваше Величество, – отозвался я. – Но если бы вы дали мне хотя бы три дня, я бы был Вам очень признателен. Мне надо досконально изучить дневник, найденный Настурцией в Ноклидане, запастись всеми необходимыми сведениями и колдовскими запасами, которые, несомненно, нам пригодятся в пути.

– Что там изучать? Все как на ладони! – разозлилась Настурция.

– Порешим на этом, – согласилась королева Констанция Демей, игнорируя ропот колдуньи. – Я отдам соответствующие распоряжения. Вы будете обеспечены деньгами и проходом в любую точку Ильварета, в любые его хранилища и библиотеки. Корона Света и мой сын должны быть подле меня. Совершите этот подвиг ради Соединенного Королевства и ради моего материнского сердца. Вы, все впятером, наша надежда, наш луч света в непроглядной тьме. Сделайте, что я прошу, и ваши имена войдут в легенды.

Королева поднялась со своего места. Мы последовали вслед за ней.

– Мастер Калерб, Ваши апартаменты для сна располагаются там же, где и раньше.

– Спасибо, моя Королева.

– Последний совет назначаю через два дня. На вечер. Сейчас отдыхайте и приходите в себя.

Мы поклонились, и Констанция Демей позвонила в колокольчик. Тут же возникли два пажа. Они подхватили длинные полы платья королевы, и пошли на выход. Золотые локоны на прямой спине королевы слились с сиянием свечей. Затем уходящие исчезли за дверью.

– Столько еды осталось, – хмыкнул Дурнбад, уже без всяких манер закидывая себе в рот пласт ветчины и обильно запивая его вином. – Твоего Снурфа бы сюда.

– И Мурчика с Угольком, – добавил Альфонсо. – Вот, кто лакомки–то шерстяные.

– Они те еще обжоры, – улыбнулся я.

– Поражаюсь, как вы можете обсуждать пищу и ненасытных животных, когда у нас есть темы поважнее, – возмутилась Настурция.

– Филириниль, Вальгард Флейт, Дороторогор и принц Фабиан, – поддержала колдунью Лютерия Айс.

– Перво–наперво доберемся до Тлеющей Чащи, – отметил Альфонсо. – Препротивное местечко, бывал я там как–то. Злое, окутанное магией и душами усопших. Кaleb, возмешь нежить на себя?

– Постараюсь.

– Перед яростью Всеотца не выстоит ни одна тварь Назбразля, – твердо сказала Лютерия Айс. – Тут можете положиться на меня.

– Два спеца по загробному миру лучше, чем один, – хохотнул Дурнбад.

– Если лапа Дроторогора все еще в Тлеющей Чаще, и она по–прежнему указывает на Легию, дальше нам останется лишь следовать за ней... в неизвестность, – задумчиво обронила Настурция Грэхольм.

Ее бокал опустел, и я услужливо обновил его красным сухим.

– За Эмилией своей следи. Это она у нас имеет пристрастие к алкоголю, а не я! – скривилась колдунья.

– Я бы и последил, да ее нет со мной...

– А я похожа на нее, и потому ты оказываешь мне знаки внимания? Да? Ненавижу тебя! Ненавижу!

Настурция Грэхольм вылила мне на голову бокал и стрелой понеслась к дверям. Вот она была – и вот ее уже нет. Я недоуменно приложил салфетку к мокрым волосам.

– Что я плохого ей сделал? Не пойму.

Альфонсо как-то странно на меня посмотрел.

– Тут дело не в тебе. А в ней и Эмилии. Ты, Толковая Каракатица, этого никогда не замечал. Иногда из-за этого я, прости, считаю тебя дураком. Или ты так жестоко и безнравственно играешь? Бертран, кстати, того же мнения.

– Меня? Дураком? Играешь? Альфонсо! О чем ты? О чем?!

– От меня ты ее не получишь.

– Женские переживания – вещь, не поддающаяся определению, – загадочно сказала Лютерия Айс. – Прошу простить меня, мне надо повидаться с Аланом Вельстрассеном.

– Пока– пока! – попрощался Дурнбад, отирая жир с бороды.

– До свидания, Лютерия, – дружно отвечали мы.

– В Великом Лесу нас будет ждать море опасностей – это королева в расчет берет, – произнес Альфонсо. – Однако даже если нам каким-то образом удастся в нем выжить и достать Филириниль, останется еще одна маленькая загвоздка.

– Тысячелетний Гром, – вздохнул я. – Ты зришь в корень, мой друг.

– В Соединённом Королевстве никто не знает, где он. Думаю, что и для Дроторогора с Вальгардом Флейтом – это загадка. Великий Лес так обширен, так тернист и непролазен, что на то, чтобы установить, где Тысячелетний Гром, в котором Урах отковал Корону Света, у нас могут уйти годы. А их у нас нет. У нас нет даже лишнего месяца, – продолжил Альфонсо Дельторо. – Некоторые места Великого Леса так окружены стеной сросшихся деревьев, что и ноги не вставишь – руби

или выжигай, чтобы пройти. И, как на зло, Тысячелетний Гром, вполне вероятно, что и будет скрываться за такой вот преградой.

– Кай Галий думает, что Тысячелетний Гром находится под вулканом! – вскрикнул Дурнбад. – Глупость же, да?

– Как ни странно, в Великом Лесу есть глубокие ямы огня и дымные сопки, – ответил гному Альфонсо. – Что они такое – продукт действия вулканов или колдовства, я не знаю. Поэтому Ваш Кай Галий мог попасть стрелой в мишень.

– Королеве пока нужно, чтобы мы достали Филириниль, постараемся это сделать, – зевнул я. – О том, где расположен Тысячелетний Гром, станем кумекать по достижению первостепенной цели.

– Разумно, – согласился Альфонсо. – Однако мы сейчас обсуждаем это так, как будто части Короны Света уже лежат у нас в кармане. Между тем ни Дроторогор, ни Вальгард Флейт просто так их нам не отдадут.

– Для меня план яснее ясного. Грабастаем Филириниль из эльфийского города, везем его обратно в Ильварет, дальше высекаем демона и вампира, чешем им хвосты и уже потом, с Коронай Света рыщем по Великому Лесу в поисках Тысячелетнего Грома, – пробасил Дурнбад. – Там куем венец монархов заново и возвращаем его спасенному принцу. Там–бам–бам, Соединенное Королевство вновь процветает, а я пью эль за здоровье Констанции Демей и клана Надургх.

– В идеале так, – улыбнулся я. – Только бы владыка Хрипохора и король Вестмарки не побили бы друг друга до того, как Филириниль будет у нас. Потому что если у кого-то из них в лапах окажется вся Корона Света – мы пропали. Ее сила позволит «победителю» встать на один помост с богами. А Дроторогор и так к ним причисляется, кстати.

– Еще меня беспокоит то, что Констанция Демей не обмолвилась о том, как она защитит Гричинг с его Костью Ночи – реликвией Тьмы и

Новорис с Тигровым Глазом Вилисивиликса – всевидящим оком Хрипохора. Без этих двух составляющих не смастерить ни Корону Тьмы, ни Корону Огня. Это значит, что сокрушительный удар двух наших врагов будет непременно нанесен по нам, – вертя в руках яблоко, сказал Альфонсо. – Если за Гричинг – столицу Вельдза я более–менее спокоен, там все–таки есть, кому за себя постоять, то за Новорис я такой уверенности не испытываю.

– Что за Новорис? – спросил Дурнбад. – Надеюсь, это крепость?

– Да. Уединенный замок в королевстве Плавень, западнее Гельха. Он пребывает под патронажем «казначея и хранителя реликтов Света» – высокого должностного лица Храма. В Новорисе издревле под семьюдесятью семью засовами лежат разные смертельные и нечестивые атрибуты Тьмы. Новорис обслуживает Орден Праведников – пылкие ребята, не уступающие боевой выучкой рыцарям–плютеранцам. Но их мало. Если Дроторогор заявится в Новорис – его паладинам с ним не совладать, – задумчиво откусывая яблоко, отозвался Альфонсо.

– Тут я с тобой не согласен, Комок Нервов, – покачал я головой. – Рядом с Новорисом – Гельх. Что стоит Гильберту Энтибору выслать к нему на помощь пару десятков тысяч молодых?

– Сам посуди, Калерб, а есть ли сейчас в Гельхе эта пара десятков тысяч? Ты же знаешь, что Констанция Демей отправила в Плавень почти две трети всей армии из трех провинций. Нынче весь личный солдатский состав Плавеня, если Инвандцио Гнобиль хоть что–то смыслит в стратегии, должен ошиваться у границ Иль Градо, Карака и Вельдза. Молниеносный удар Хрипохора, скажем, с более–менее спокойной западно–южной оконечности Плавеня, – а ведь его от Великого Леса отделяет лишь степные форты Карака, поставит новоявленное королевство на колени.

– Тут, да. Ежели Дроторогор захочет, он и эти форты снесет, и весь Плавень, – ответил я. – Таких противников, как Харальд Темный или Легия у него сейчас нет. И Филириниль пока не с нами.

– Что вы переливаете из пустого в порожнее? – рыкнул Дурнбад. – Как то, под каким углом вывернет это, как крутанется. Живите моментом и решайте все проблемы по мере их поступления. Так правильно! А то сидите тут, как два сыча, чирикаете и волнуетесь.

Я расхохотался.

– Вот чем мне нравятся гномы, так это тем, что они все меряют длиной своей бороды и не думают, что завтра ее могут опалить или вовсе отрезать!

– Ты мою бороду не трогай! – гикнул Дурнбад, поглаживая свои роскошные завитки на груди.

– И в мыслях не имел!

– То-то же! Я – спать!

– Доброй ночи, – в один голос пожелали мы с Альфонсо.

Я и следопыт еще посидели вместе. Свечи давно уже превратились в огарки, а мы все болтали о днях минувших, и о том, что нас ждет в грядущем. Мы сокрушались, что с нами нет Бертрана и Эмилии, и что друзья молодости, такие как Бритсморру, Лайли Серебряная Часовщица, Дебора Ольвинхайд, Эшли Шторм и Парабелла – отважные и погибшие столетия назад, не могут дать совета, как быть мне и Альфонсо дальше. Я скучал по каждому из них. Конечно, по Эмилии, о которой мое сердце бьется учащенно. По Бертрану Валуа – медноволосому красавцу, с неизменной иронией и холодным разумом. По Лайли Серебряной Часовщице – малышке со вздернутым носиком и неиссякаемым запасом оптимизма. По Бритсморру – ворчуну, мастеру клинка и заклинаний–рун. По Деборе Ольвинхайд – разноглазой любительнице «черного юмора». По улыбчивому Эшли Шторму – талантливому чародею–мистику. По Парабелле, с которой я спорил и ругался до потери голоса, а потом в обнимку пил вино на рассвете. Они – наши с Альфонсо верные друзья,

живые и мертвые, ушедшие за грань мира и пребывающие в неизвестности, могли бы помочь выстоять в круговерти свалившихся на нас событий. Но их нет, а значит надо «выгребать из болота» самим.

Я смотрел на Альфонсо. На его длинные волосы, забранные в пучок, милые взору черты лица и острые глаза. Я был рад, что он вновь со мной. Что я не один. Дурнбад за меня всем хребты переломает, но Альфонсо Дельторо, этот приятель моего чудного и безрассудного прошлого, он – часть меня. С ним мы съели пуд соли, не запивая его водой. Это не выразить словами. Я просто знаю – с Альфонсо мне нечего бояться... Я слушал следопыта и слушал. О его семье, о кроткой жене и ласковой дочке. О хлопотах, не омраченных кровью и сталью. В эти минуты я, одиночка и затворник, сам стал мечтать о доме, наполненном звонкими детскими голосами. Об Эмилии с младенцем на руках и двумя «шалунами» у ее передника. О счастье, еще неизведанным мною. Я – сирота. Но почему я все время повторяю это себе? Хотя мне немало лет, я так и не научился отделять себя от родителей. От их заботы и бережного отношения ко мне. Детская травма, постигшая меня в хрупком возрасте, поселила во мне зависть к тем, кто рос с матерью и отцом. Я борюсь с этим пороком, засовываю его в самые недостижимые недра души, но... Если я кого-то когда-нибудь люблю и любил, тем неопишуемым трепетным и нежным чувством, то только ту женщину, что родила меня и того мужчину, что укачивал меня, плачущего в люльке. Возможно, наравне с ними, я люблю так и свое дитя. Однако будет ли оно у меня? Если Эмилия скажет мне – «нет», то я приму это, но уже никогда не посмотрю на другую. О, Вселенная! Что за мысли под старость?! Женитьбы, девушки, дети! Калев, ты явно перебарщиваешь с сентиментальностью! Соберись! Есть Вальгард Флейт, вот ему можешь предложить надеть фату, а Дроторогору засвидетельствовать ваш брак! Ха!

– Калев, почему ты палишься в стенку? Разве я – там?

– Немного задумался, – улыбнулся я своему другу.

– Давай–ка на сегодня свернем наши разговоры, – хмыкнул Альфонсо. – Ты уже неловишь нить беседы.

– Эй! Это ты носом клюешь, а не я!

– Тоже правда.

Мы поднялись и подались к выходу из Розового Зала. Хлопнув Альфонсо по плечу, я попрощался с ним у питьевого фонтанчика, а затем потопал к себе на ярус. Я не спал почти двое суток, поэтому меня клонило занять «горизонтальное положение». Может помыться? Ай, завтра! Я кое–как нашел свои покои и, раздевшись, завалился на кровать. Повязка под ребрами саднила – швы, наложенные мне на рану, говорили – «ты себя не бережешь». Я вздохнул. Серэнити, твоя отлучка вновь напомнила мне, каково это – выздоравливать самому, а не под твоими исцеляющими руками.

За окном хмуро каркали два ворона. Тени, плодимиными лучами луны, создавали в моей комнате странные фигуры. Их вертепный танец отзывался во мне какой–то мистической подоплекой, каким–то таинством. Очень скоро я, Альфонсо, Лютерия, Дурнбад и Настурция ступим на дорожку, ведущую к Филиринию. Опасно? Более чем. Думаю, надо последовать совету моего неустрашимого брата по крови и не принимать в расчет мысли «а что случится потом». Сегодня – я засну, а завтра – будет завтра. Так правильно. Я потянулся, подтолкнул под голову подушку и тут же уснул...

По словам Эмириус Клайн – некоторые мои сны –вовсе не сны. Занятно... Я вижу, как страдает Бракарабрад, подвешенный за лодыжки к потолку. Как юноша с чертами Эмили и Настурции терпит боль от укусов пауков. Его взгляд полон отстраненности. Как будто пытка происходит не с ним, а с кем–то другим. Я лечу... Нет сомнения, что я в Луковом Спокойствии. Все вокруг зеленое. Укулукулун где–то сверху. Он давит... Он пытается раскрошить свод моей защиты. И у него медленно, но верно получается это сделать. На меня сыпется крошево осколков. Изумрудные кристаллики падают мне на волосы и колючками сыплются за воротник. Пока Луковое Спокойствие еще

держится... Пока... Но мне ясно – Укулукулун близок к тому, чтобы добраться до меня. Еще ночь, две, десять... В лучшем случае «месяц» ночей и – все... Я предстану перед ним... Придет ли ко мне на выручку Матрона Тьмы? В своем сне я желал, чтобы она появилась... Из-за того облака или из-за той гряды. Но не слышно мне шелеста крыльев и не видно глаз-океанов. Здесь, в грезах Эмириус Клайн, моя единственная отрада. Познав ее сущность, всю ее саму, я теперь безотчетно стремлюсь быть рядом с ней. Неужели Пророчество Полного Круга убило ее и ныне она может жить только во мне? Не верю! Она где-то есть! Раненая, слабая, всеми покинутая, но есть! И я найду ее! Эмириус, в морке и визиях, я пестую надежду разбить твои цепи и вознестись с тобою в небо... Играет ли Матрона Тьмы мной, как когда-то? Водит ли за нос? Нет. Она раскрылась мне, такой какая она действительно есть и... Показала мне, кем я когда-то был. Тем, другим, иным человеком или духом я любил Эмириус Клайн. Что же случилось с нами? Почему мы не могли быть вместе? Я искал ответы, и мне казалось, что они постепенно, совсем по чуть-чуть начинают приподниматься завесы тайны... После того, как мне привиделась Матрона Тьмы, сражавшаяся с моими друзьями против дымных монстров, Эмилия Грэкхольм во снах отходила на второй план. Я чаял разделить свою жизнь не с ней, а с Эмириус Клайн. Смешно? Нет. С недавних пор меня словно разделили на «до» и «после». «До» – я был собой, говорил, ел, ходил, иногда смеялся, а «после» – я боялся Укулукулуна и алкал встречи с Эмириус Клайн. Только вот если «первого» я ощущал почти все время то, «вторую» лишь мимолетным, невесомым дыханием... Эмириус... Почему ты мне так дорога? Наверное, я схожу с ума...

Тук! Тук! Тук!

Весь в поту я проснулся от того, что в мою дверь настойчиво стучали. На моей груди сияло Луковое Спокойствие. Очень горячо! Я подул на красный след ожога и поспешил открыть гостю. Настенная кукушка пропела три раза. Еще ночь! Кому я понадобился, тролль всех побери?!

Настурция.

– Что случилось? – немного грубо спросил я.

– Случилось!

– Ты умеешь изъясняться более понятно?

– Одевайся, пойдем к королеве. Это срочно.

– Хорошо, проходи и дай мне две минуты.

Настурция Грэкхольм сузила глаза. Я думал, что колдунья не войдет, но она, колебавшись, переступила через порог. Я стал натягивать мантию.

– Тень наконец настроился на Купель Семи Преданий, – тихо проговорила Настурция, не глядя на меня.

– Похвально, этим и хотела поделиться королева?

– Нет.

Я вдел ноги в сапоги, затянул пояс с Альдбригом и, пригладив волосы, взял в руку Лик Эбенового Ужаса.

– Если «нет», то я готов, чтобы узнать «зачем».

Настурция осмотрела меня, а потом через силу выдохнула.

– Извини, что облила тебя вином. Я сорвалась.

– Знаю, иногда твоя вражда ко мне переливается через край. Ничего, я привык. Переживу и этот твой выверт, – ответил я, идя рядом с Настурцией по коридору.

– Ты вызываешь у меня отвращение, Калерб. Однако так поступать было неправильно.

– С тебя коробка шоколадных конфет и пакет вафель с орешками,
– пошутил я. – Тогда я забуду о твоей выходке.

Настурция кинула на меня удивленный взгляд.

– Я не стану тебе покупать конфет! Я уже попросила прощения!
Все! Точка!

– Тогда я тебя простил, но только наполовину! Потому что
шоколадные конфеты я люблю!

– Какой же ты мерзкий, Шаттибраль!

– А ты душка, но с шипами. Я каждый раз колю палец, прикасаясь
к твоим стеблям.

– Спасибо. Другого ты от меня не дождешься.

– Миленько!

Мы преодолели анфиладу комнат, и пошли не вверх, а вниз. К
сырым погребам «Гордости Вара».

– Куда ты меня ведешь?

– К Купели Семи Преданий.

– И королева там?

– Да.

Два стражника молча открыли нам проход, за которым начиналась
ветвистая лестница, уводящая в самые глубины древнего замка.
Сиротливые факелы, вбитые в уключины стен, перемигивались то
затишающим, то вновь разгорающимся пламенем. Я было собрался
призвать пару шариков Света, но меня опередила Настурция.

– Дизз! – повелительно сказала она.

Тут же весь стылый проход озарился мягким сиянием, исходящим от колдуньи.

– Вау! – восхитился я. – Чары голоса с моментальной концентрацией! Да какие мощные! Мои «светлячки» тут и рядом не стояли.

На ярко освещенных щеках Настурции пробился румянец. Отвернувшись от меня, она попыталась его скрыть.

– Я тебя, что? Смутил?

– Нет! Ты всю жизнь, что бы я ни сделала, так восклицаешь! Изумляешься! Удивляешься! Как так у нее получилось? Как так она смогла? Я не фокусница какая-нибудь заезжая, Шаттибраль, а колдунья Ильварета! Заруби себе это на носу!

– Ладно, ладно! Не кипятись! Я просто хотел тебя похвалить...

– Не надо...

Я оступился и брякнулся на порожки. Ну прямо как мешок муки. Ох, больно... Эта рана в боку еще долго будет мне аукаться ... Холодная рука подхватила меня за подмышку.

– Спасибо!

– Засунь свои «спасибо» себе за пазуху! Если ты тут свернешь себе шею, то я не получу никакого удовольствия, потому как сама желаю тебя убить!

– Весомое замечание от красивой девицы!

– Молю, заткнись!

Оставшийся путь мы проделали молча. Настурция злилась, и я не понимал, почему. Она – леди с взрывным характером. Эмилия тоже такая, но Настурции «огонька», как и «холодка» от маменьки и папеньки досталось больше.

Когда мы опустились вниз, я увидел распахнутые створы, за которыми виднелась природная каверна. Тут факелы подменялись лампадами с разноцветными магическими сферами.

По слову Настурции волшебный свет потух, а затем:

– Илюстриор!

Лампадное свечение увеличилось втрое. Вдали на помосте, огороженным золотыми перилами, на треноге возвышалась госпожа потусторонности Ильварета – Купель Семи Преданий. Возле нее уже собрались люди... Дойдя до помоста я поклонился королеве. Она была не выпавшейся и очень взволнованной. Так же тут находились Альфонсо, Дурнбад, Алан Вельстрассен, Великий инквизитор Зенобий, Лютерия Айс, наместник Карака Лей Клинч, командующий военными силами Карака Энейгрид, еще два незнакомых мне генерала (их мне представили, как Хайгри Олта – командора восточных оконечностей Карака и Грегора Нойса – адмирала флота Карака), Риц Глузи – префект Канцелярии Правосудия и Тень... Карлик с монолитным стеклянным шлемом неподвижно сидел на стульчике подле овальной чаши из черного оникса. Незакрытыми стеклом у него были лишь рот и нос. Тень простер маленькую ручку над Купелью Семи Преданий и ее непроглядная гладь зарябила искрами.

– То, что я хочу вам показать, было увидено мной всего час назад. Это мои воспоминания, – хрипло и как-то монотонно проговорил Тень.

Его непрозрачный шлем, плотно прилегавший к темени, отражал мое нахмуренное лицо. Я отвернулся от него и воззрился на закипающую чашу. Вода в ней постепенно светлела. Потом проявилась

картинка. Очень быстро она неслась над холмами и долами Карака. Я могу описать ее как полет птицы. Деревья, деревья, деревья, селения, люди... Тень дернулся. Я понял, что он каким-то образом находится там, и что мы сейчас видим его глазами. Стоп! Изображение Купели Семи Преданий зависло высоко в небесах. В предрассветных сумерках внизу колыхалось море. Мы стали снижаться... Нет, это не море... Это живорезы! И их бесчисленное множество! Они все выходили и выходили из Великого Леса, и не было им ни конца, ни края.

– О, Урах... – прошептал Алан Вельстрассен.

Затем земля как будто затряслась. Живорезы отхлынули в сторону и... появился Он. Дроторогор. Каким перед нами предстало древнее Зло легенд? Владыка Хрипохора был около десяти футов ростом. Его морда походила на гротескное смешение человеческих и звериных черт. Большие желтые глаза, клыки, как у саблезубого тигра, впалые щеки и громадный лоб, на который ниспадали волосы цвета рубина. Половина Короны Света, увеличенная соразмерно челу обладателя, ярилась огнем. Дроторогор был закован в адамантовый доспех. Трезубец-хвост и единственная рука, сжимающая кнут – Иглу Стужи, распространяющую почти осязаемый холод. За спиной у Дроторогора висел молот – Игла Пламени.

Владыка Хрипохора придирчиво оглядел свое войско, после чего махнул Иглой Стужи куда-то вперед. Вся ватага живорезов, улюлюкая и вереща (я предполагаю, что живорезов было не меньше трехсот тысяч) двинулась по равнинам Карака...

– Он уже здесь... У нас... – поборов трепет, сказала Констанция Демей.

– Всеотец... Этот день настал. Он идет в Плавень. В Новорис, за Тигровым Глазом Бога-Идола, брата Вилисивиликса, – тихо промолвила Лютерия Айс.

– Моя королева, приказывайте! – бледный как мел, почти крикнул Энейгрид.

– Я...

– Подождите... – прохрипел Тень. – Это еще не все...

Королевский шпион, принявший на себя бремя Купели Семи Преданий, растопырил пальцы. Чаша задымилась, и картинка пропала. Потом она проявилась вновь. Теперь Тень несся через Гричинг, сквозь его площади и шпили башен, и дальше, дальше, дальше... к опушке Леса Скорби. Я увидел разбитый форт и мертвых солдат. Они вставали и присоединялись к бессчетному воинству Тьмы. К зомби, скелетам, отвратительным распухшим трупам, стискивающим в култях ржавые топоры, к призракам, витающим сонмом в воздухе подле летучих мышей, к упырям и стройным рядам вампиров. Один из кровососов, самый рослый, в плаще расшитым розами с нетопырями, в чешуйчатой броне, с ромбовидным щитом, клинком у пояса и кинжалом, не мог сдержать победоносную и очень страшную ухмылку. Это – Вальгард Флейт – вспыхнуло у меня в голове. Старейший из вампиров, первенец Аспида–Хаттона, Летучая Смерть и Искуситель. Его красные глаза с индиговыми прожилками горели яростью и его темя, с обломком Короны Света, так же испускало почти осязаемые волны мощи. За плечом венценосного вампира из Вестмарки реяло знамя Аспида–Хаттона. Вальгарду Флейту подвели дышащего тленом скакуна. Он забрался на него и принялся объезжать свою бесконечную армию. Не было сомнений – его цель – Гричинг, а в нем – Кость Ночи...

Пальцы Тени дернулись. Из его носа полилась кровь. Застонав, карлик упал со стула. Его шлем покатился по полу. Незрячие бельма – такую виру уплатил он Настурции Грэкхольм за возможность послужить королеве Констанции Демей... Риц Глузи и Грегор Нойс подхватили Тень. Его, потерявшего сознание, посадили на место. Купель Семи Преданий поблекла и опять стала лишь лакричной гладью воды.

– Ситуация критическая, – облизав губы, промолвил Лей Клинч. – Каковы будут Ваши указания, Моя Королева?

Все посмотрели на Констанцию Демей. В который раз я ощутил гордость за дочь своего друга Говарда Демея. Эта женщина, королева Соединенного Королевства, сейчас проявила стойкость. Она не заплакала, не закричала, не стала рвать на себе волосы. В ее лице, в секунду состарившемся на добрый десяток лет, я прочел беспощадную решимость. Она глубоко вздохнула, оглядела каждого из нас, а потом негромко, но повелительно заговорила:

– Я, королева Соединенного Королевства, Констанция Демей из рода Демей, владычица Моря Призраков, Абрикосового Моря и Гор Заботы, законная повелительница всех шести провинций – Карака, Иль Градо, Вельдза, Плавеня, Керана и Хильда, Высшая Власть, Судья и Мать Каждому. Сейчас вы услышите мои слова. В войне с узурпатором трона Гильбертом Энтибором я отправила большую часть солдат на север Плавеня. Поэтому... Поэтому я не буду притворяться, что могу спасти те вотчины, по которым пройдут Хрипехор и Вестмарка. Возможно, Грининг, но не Новорис... Мои поданные там обречены, и мое сердце от этого обливается слезами. Я делаю выбор и их жизнями покупаю ... время. Время на то, чтобы мы подготовились... Калех Шаттибраль!

Я опустился на колени.

– Моя Королева!

– Встаньте, мастер Калех! Я приказываю вам отправиться в Тлеющую Чашу. Немедленно! Пока Вальгард Флейт и Дроторогор будут заняты разорением Соединенного Королевства – Великий Лес станет свободен от их влияния. Лучшего, хотя и очень горького, момента, чтобы добыть Филириниль нам больше не представится. Я... Мы постараемся задержать владыку Хрипехора и короля Вестмарки... Мы ляжем костями и усеем своими телами каждую пядь земли, но выиграем для вас столь важные дни и недели. Знайте, Калех Шаттибраль, нам будет отчаянно трудно, но мы сделаем все, что в наших силах, чтобы купить вам свободу действий, – произнесла Констанция Демей.

Затем она властно добавила:

– Герои Соединенного Королевства, я жду ваших клятв!

Я обнажил Альдбриг.

– Клянусь, Уговором Предков, связывающим меня и Вас! Я добуду Филириниль!

Дурнбад скрестил с моим мечом молот.

– Королева! От имени моего клана и всего Будугая я буду рядом с Калебом! За Надургх! За жизнь и за смерть! Я клянусь биться и бороться за Соединенное Королевство до последнего вздоха!

Сверху на наше оружие возлег топор Щавель.

– Я, верховный следопыт Энгибара, клянусь! Я проведу наш отряд к Тумиль'Инламэ или умру, пытаюсь сделать это!

В руках Настурции возник посох–льдина Клюква. Она приложила его к нашим клинкам.

– Я, Настурция Грэкхольм, колдунья Ильварета, клянусь не вернуться к вам без Филириниля!

Последним звякнул тонкий и изящный шестопер.

– Я, Лютерия Айс, магистр Ордена Милосердия, клянусь! Волей Всеотца нашего Ураха пробить нам дорогу через Тьму к Свету! Умру, но исполню!

Мы подняли оружие вверх и все вместе, хором (Дурнбад в том числе, хорошо знающий обеты и легендарные присяги Соединенного Королевства) сказали:

– Мы, избранные рыцари Соединенного Королевства, клянемся, что сохраним обещание или будем прокляты во веки веков!

– Я принимаю ваши клятвы и благословляю вас! Калед Шаттибраль, я «отдаю» отряд под Ваше руководство! – торжественно сказала Констанция Демей. – Седлайте коней! И да прибудет с вами Урах!

Чуть ли не опрометью наша пятерка кинулась прочь из каверны Купели Семи Преданий. Дорогая каждая секунда! Миновав ствол с лестницей, мы покинули подземелье и понеслись по замку. Впереди всех, как маяк, обозначающий дорогу, бежала Лютерия Айс.

– Через полчаса, у конюшен! Я отдам соответствующие распоряжения насчет лошадей! – крикнула она. – Берите с собой все самое необходимое, еда...

– С провизией проблем не будет, – отозвался я. – У меня есть Скатерть «На любой вкус» – она нас накормит.

– Что это?

– Особенный артефакт, позволяющий не думать о том, как и чем питаться.

– Хорошо! Положимся на тебя!

Мы разошлись. Честно говоря, я не знал, что мне брать из своей комнаты, но на всякий случай зашел в нее. Я открыл шкафчик и стал ворошить его содержимое. Деньги? Нет. Запасные носки? Хм, ну да. Оу, новая мантия! Точно да! И сапоги!

Я переоделся, а потом стал выдвигать различные ящики. В одном из них мне попала на глаза коллекция малюсеньких флаконов. Я поднес один из них к глазам. На бирке значилось – «От большинства ядов. Изготовитель – Ирен Пипия». Ирен Пипия – выдающийся алхимик Ильварета. Лично я с ней не знаком, но восторженные

рассказы Эмилии о ее персоне слышал многократно. Так, его тогда тоже закинем в сумку. Что тут еще есть? «Для силы духа», «Сращиватель костей», «Болеутоляющее», «Очиститель воды», «Защита от элемента огня», «Защита от элемента мороза», «Защита от элемента молнии», «Камнекожа» – последний из эликсиров – это вышка профессионализма, даже для Эмилии такой приготовить трудно. Выпивший камнекожу как будто бы покрывается твердой коркой, сродни камню, пробить которую клинком почти невозможно. Я решил, что все пузырьки, чьи бы они раньше ни были, мне пригодятся. Настенная кукушка шесть раз издала протяжный «туи». Полчаса, без пяти минут, истекли! Я захлопнул свою дверь и опрометью бросился к выходу из «Гордости Вара». По пути мне встретился Дурнбад. Закованный в свой сияющий доспех, он с рюкзаком, как кабанчик на подскоке, тоже рвался к конюшням. Отдуваясь и тяжело дыша, мы поспели тютелька–в тютельку. Альфонсо Дельторо, так же как и Дурнбад, облаченный в броню, уже сидел на гнедой кобыле. Рядом с ним стояла Лютерия Айс. В легкой кольчуге поверх рясы и с уложенными в хвост волосами, она повелела привести нам наших с гномом жеребцов. Для старейшины войны было предусмотрено специальное седло, позволяющее тому ездить, не испытывая каких-либо стеснений или неудобств.

– Это что на снежных барсах скакать, только проще, – подмигнул я гному.

– Горы и Недра! Эти клячи по скорости им и в подметки не годятся!

– Ваших кошек в Ильварете нет, – улыбнулась Лютерия Айс.

– Я не слепой! Вижу!

Последней явилась Настурция Грэххольм. Одета практически – в кожаные штаны и курточку с капюшоном, она выглядела привлекательно. В руках у нее не было посоха, но я знал, что колдунья могла призывать его, когда ей заблагорассудится. Клюква – исключительно мощная «волшебная палка», доставшаяся Настурции

по наследству от отца. Похожая на красноватую льдину, она была заточена на заклинания Видоизменения. Иными словами Клюква умела предавать предметам различные формы. Однажды при помощи нее Настурция обратила меня в крысу, и я битый день пищал ей о милосердии. Лишь после крупного скандала с Эмилией, ее сестра–близнец вернула мне прежнее обличие. Еще Клюква способна низвергать из себя нехилые Огненные шары. Хотя Настурция и имеет в своем арсенале столь значительный посох, она не полагается на него беззаветно. Колдунья Ильварета отлично знает, как направить свои чары мысленно или голосом. Сюда еще надо присовокупить то, что с телекинезом она на «ты». Еще в девичестве, не отрываясь от чая, колдунья научилась швырять яблоки в надоедливых ухажеров, но яблоки яблоками, а, хм, кинжал, если потребует, полетит по ее приказу не менее метко. В общем, Настурция – не промах.

Что же касается ее характера, ну тут все не так очевидно, как кажется. Хотя колдунья Ильварета меня не шибко жалует и шипит при любой возможности – это не означает, что она мегера. Нет, Настурция обладает добрым, чутким сердцем и чувством сопереживания к ближнему. Особенно к детям. Богатая и знаменитая, она на свои собственные деньги возвела в Ильварете «Ладони Тепла» – трехэтажный приют для беспризорников. Лет сорок назад, когда я посещал столицу Карака, в «Ладонях Тепла» у Настурции жило около шестидесяти малышей и подростков. И все они почитали ее как мать. Помимо этого, сестра–близнец Эмилиии жертвует золото и на иную благотворительность. Столовая «Ешь бесплатно» на улице Лютинная кормит бедняков всего Ильварета три раза в день. Гонг Дракона – исполинские часы, изюминка города, следит за временем принятия пищи. Да, да, Настурция не бука–злюка, и мое уважение к ней велико. Еще к ее чести плюсуется забота об Ририях – странных деревьях с ветками–руками. Настурция, занимающая высокий пост при Дворе провинции, учредила в Ильварете «Природоохранный Комитет» и «Комитет Благоустройства». Оба они следят за тем, чтобы в городе «зелень» и «камень» дополняли друг друга. За достижения в градостроительстве, за красоту и гармонию, привнесенную Комитетами, бывший наместник Карака Ханц Прэй удостоил Настурцию высшей наградой провинции – Скипетром Вепря. В

довершение скажу, что колдунья Ильварета, как и Эмилия, обожает кошек. У моей подруги есть Мурчик, а у Настурции Уголек. Уголек – толстенный черный кот, жизнь которого продлила магия. Хозяйка души в нем не чаёт и всячески потакает его прихотям. Когтеточку из Гельха с кисточками по бокам? Держите, ваше Хвостейшество! Самый вкусный паштет из печени индейки? Он уже у вас в мисочке, ваше Темнейшество! Плюшевую мышку изволите? Она ждет на лежанке из ситца, ваше Когтейшество! Уголек в отличие от Мурчика – кот ласковый и не любител подкрадываться. Как бы укусить за лодыжку, этот кот думать не станет. Он – пухлый увалень, снискавший все блага цивилизации. Уж кто в Соединенном Королевстве снимает с жизни все пенки – так это Уголек! Как видно, траты Настурции колоссальны, но она очень много работает и приносит пользу Короне, где только получается. Последняя ее крупная заслуга, не беря в расчет розыск дневника Тори Велша и настройки Купели Семи Преданий, это закрытие червоточины близ Осприса. Мне нравится Настурция. Она не только изумительно прелестна внешне, но и внутренне. Я искренне сожалею о том, что колдунья не жалуёт меня. Когда-то я был ей другом, и мы много путешествовали вместе... Пока не случился разлад. Сейчас, отправляясь с Настурцией в поход, я надеюсь на то, что мы сблизимся, и она зароем топор войны.

Пока Настурция забиралась в седло, я думал о том, что на Юнивайне преодолевать лиги было бы на порядок быстрее, но, увы, не сподручнее. Призрачный конь – вольнолюбивое создание, и выдергивать его каждый день из Леса Скорби у меня рука не поднимется.

Наконец мы все сели верхом.

– Королева Констанция Демей назначила меня руководителем отряда. Но это во Дворце. За его пределами – мы – равны, – сказал я.

– Ха! Еще бы ты мне говорил, когда нужду справлять, – хохотнул Дурнбад.

– Мы – команда, – кивнул Альфонсо.

– Грозная Пятерка, – улыбнулся я ему.

– Грознее не придумаешь! Лютерия? Настурция?

– Для вас я – сестра, а вы для меня – семья, – отозвалась магистр Ордена Милосердия.

Настурция вздернула подбородок.

– Если ждете от меня пафосных речей, то не получите.

– Спины–то наши прикроешь? – осведомился Дурнбад.

– Если потребуется, то как свою собственную.

– Тогда вперед! – скомандовал я.

Цок! Цок! Цок! Копыта выбивали дробь по мостовой. Я и мои друзья вновь спешили на встречу с опасностями!

Глава 25. За Соединенным Королевством. Рассказы Альфонсо и Лютерии

Мои мысли часто витают вокруг Соединенного Королевства (и это понятно), но сейчас мне хочется отвлечься от насущного и обратить взор на что–то милое. Последнее время я нахожу в этом отраду. Если думать только о врагах и их кознях, то никаких нервов не хватит. Вспомню–ка я о Бархатных Королевствах. Пару месяцев назад, по обыкновению рассуждая сам с собой, я отмечал, что мягкошёрсты – прямоходящие коты около шестидесяти дюймов в холке. Что они очень умны и пушисты. Что их характеры различны и имеют особенности. Мягкошерсты могут быть игривыми, плутоватыми, ехидными, вредными, мечтательными и осмотрительными. Вот такой народ. Мне нравятся мягкошерсты, хотя они бывают и хитры. Сейчас я подумаю об устройстве Бархатных Королевств, его истории и географии, а так же о религии и институте семьи.

Что касается последнего, вожаком в клане мягкошерстов признаются старшие в роду – дед или бабушка. Их слово всегда решающее в любых обсуждениях и толках. И чем более преклонен их возраст, тем по мнению мягкошерстов больше мудрости они могут поведать. Мягкошерсты доживают до семидесяти–восемидесяти лет, и за «стариков» у них принято держать тех, кто побил отметку шестьдесят пять полных лун. Отметим, что деды мягкошерстов дают наставления только мужчинам, а бабушки исключительно женщинам. Одни учат охоте и рыбалке, другие дают советы о замужестве и ведении хозяйства. Свататься молодой мягкошерст приходит не к отцу невесты, а к его бабке. Именно она решает достойная ли партия будет у ее внучки. Если ее все устраивает – играется пышная свадьба, если нет – жениху преподносят пирог из патоки, который он обязан принести в свой дом как дар отказа.

Мягкошерсты заселили Бархатные Королевства за долго до того, как на страницах летописей появились мои предки. Сами они говорят, что проснулись под звездами у священного озера Мулат–Мяу–Канама. Возле него они основали город Мерсил. Потом случилось землетрясение, и Мерсил вместе с Мулат–Мяу–Канама опустились в недосигаемые недра земли. Мягкошерсты бежали от катаклизма. В ту пору они разделились на малочисленные группки, которыми разошлись по всем долам будущих Бархатных Королевств. Образовавшиеся государства поначалу отстаивали свое право на владение теми или иными просторами. Велись кровопролитные сражения, плелись интриги, заключались союзы и распадалась прежние договоры. Так было пока мало–помалу Бархатный прайд (наследников его сейчас уже нет) не переборол остальные менее могущественные прайды. Основателем Бархатных Королевств стал падишах (титул учреждён) Шамси Бархатный. Его род просуществовал более пятисот лет. Крайним представителем Бархатного прайда вроде бы был Мурлон Второй. Он пал от копья короля Острохвости, шипунца Пискалки. Ближайшие родственники Мурлона Второго попали в плен к Пискалке, и что с ними затем произошло – для нас загадка. На троне Бархатный прайд подменился прайдом Белых

Воротничков, а за ним и иными прайдами. Мягкошерсты воинственны, когда речь идет о том, «чье это?! Мое или твое?!»

Бархатные Королевства – это окрошка территорий, включающих в себя как влажные тропические леса и саванны, так и необъятные болота и зоны высотной поясности. С севера они омываются Радужным и Кислым Морями, с востока затеняются Великим Лесом. С юга овеваются ветрами Великого Песка – совокупности непроходимых пустынь, за которыми, по легенде лежат Покинутые Города, а на западе гремят войны с королевством Острохвостии. Насколько Бархатные Королевства обширны? Честно? Всей жизни не хватит, чтобы обойти их и сказать – я побывал в каждом уголке. Если площадь Соединенного Королевства примерно равно ста тысячам квадратных миль, то Бархатные Королевства будут где-то в два раза больше. В стране мягкошерстов есть громадные горные цепи – Каппучи, Труттчи и Мяундулы. Мяундулы почти кольцом огибают фосфоресцирующий водный бассейн – Атамалу’Мяу. Отметим еще и то, что в Мяудулах, есть целых три вулкана – Куш–Куш, Кус–Кус и Ням–Ням. Эти вулканы ассоциируются у мягкошерстов со злыми духами, сварливыми и коварными.

Живность в Бархатных Королевствах – это что-то с чем-то. Тут вам и ящерицы, и приматы, и змеи, и зебры, и бизоны, и, жирафы, и даже слоны. Мягкошерсты едят всех. О вкусах не спорят, но не уверен, что слоны прям «пальчики оближешь». Насекомые. Отдельное слово о них. Муравьи, термиты, пауки, жуки–дровосеки, бабочки, червяки – все как на подбор – исполины. Если у нас бабочка – это бабочка, малюсенькая и хрупкая, то в Бархатных Королевствах – это создание почти с ладонь! Мягкошерсты нанизывают их на палочки, засахаривают в сиропе или в меду и ом, ом, ом!

Об устройстве. Бархатные Королевства разделены на «уделы», во главе каждого из которых стоит мяу–хан с правящим прайдом. Что же, попробуем эти уделы перечислить: Дельта Почесушки – самый плодородный район Бархатных Королевств, питаемый рекой Молочной, цветет и благоденствует под личным надзором падишаха – неоспоримого владыки всех мягкошерстов. Ныне падишахом является

старый кошкотун Рыжаст Четвертый из прайда Лимонных Ушек. Сидит Рыжаст Четвертый, как ему и положено, в столице Бархатных Королевств – в Торр–Каторре. Его наследник – мяу–хан, бесстрашный воин Персик бдит за уделом Сливки и Сметанка. Так, это пока два удела. И вот какие еще: пустыня Бао–Мяу, Цап–Царап саванна, Осетринный Залив – наиболее богатый рыбой, Шур–шур, Мята, Шуршащий Вереск, Угрюмый Сад, Коробкус, Шепот Брима, и Сливочные Небеса. Всего получается двенадцать уделов. О каждом из них можно говорить часами. Например, в Шур–шуре – в шири многоголосных городов и прерий есть гигантский храмовый комплекс, выбитый в горе Хвать–Неотдать. Он посвящен верховному божеству Бархатных Королевств – Кашеаку. Кашеак в мифологии мягкошерстов – бессмертный их прародитель, играющий с Клубком Судьбы. Именно из нитей этого Клубка, по мнению мягкошерстов, Кашеак и сотворил, сплел Все земли. В отличие от Ураха, у которого есть только помощники–святые, у Кашеака имеются братья и сестры – Боги, отвечающие за те или иные аспекты жизни. Вот они: Саафина – киса урожая и рождения. Юми – мать всех вод. Тиграш – бог смерти, муж Саафины. Долька–Со – богиня–мудрец. Парсун – бог неба. Амсоль – богиня ветра. Лайма – богиня охоты. Жасмин – богиня красоты, мягкошерст–дева. Урс’Ус – бог–посредник. Трюфель – гермафродит, бог радости, веселья и любви. Герех–Аман – бог–демон, аналог Назбразля, младший брат Кашеака. Дармиса – богиня музыки. Ширшир – бог боевого танца. Это те, кто пришел мне на ум сразу. По–моему их там еще штук пятнадцать. В Бархатных Королевствах к своим покровителям относятся чрезвычайно трепетно. Вы можете пошутить над мягкошерстом и сказать, что его хвост не так пушист, как ему кажется, – тот улыбнется, но если вы обмолвитесь, что Трюфель – имечко для бога смешное – ждите оскала клыков. Конечно, имена мягкошерстов, такие, как Персики, Бао–Мяу, Цап–Царапки, Пузочесы, Чернушки и Пушки – для обычного человека кажутся названиями комичными, но для самих мягкошерстов они не есть таковы. У нас разные культуры и непохожее мировосприятие. То, что для нас – правильно и в порядке вещей, для мягкошерста – нет. У нас при дворе Соединенного Королевства в Керане, а точнее в его столице Хафлане, мягкошерсты возвели свое посольство. По делам государственным я бывал в нем пару раз и хочу отметить – меня всегда

восхищала та сдержанность и то приличие, с каким меня в нем всегда встречали. По большому счету это относится и ко всем Бархатным Королевствам. Мягкошерсты держат людей за потешных безволосых великанов, а мы в свою очередь млеем от их носиков, усов и шерстки, лапок и полосатых животиков. Между Соединенным Королевством и Бархатными Королевствами никогда не было конфликтов. Ну, торговые пошлины тут упоминать не станем – это мелочи.

Пару занятных фактов! Ага! Самым ярым почитателем мягкошерстов был все тот же известный нам король Рамир Пятый Красный Голос. Он так очаровался фольклором и балладами Бархатных Королевств, что попросил падишаха Беляша о том, чтобы тот прислал ему менестреля. Сказано–сделано! Белый красавец–мягкошёрст Мурлыкий прибыл в Шальх с тонкострунной арфой. Его песнь, сочиненная перед тронном Рамира Пятого «Моя родина», снискала такую известность, что ее пели тогда на всех фуршетах и балах. Как бишь там?

Есть ли место, где солнце светит ярко?

Мяу–мяв! Мяв! Мяв!

Есть ли уголок, где всегда не зябко?

Мяу–мяв! Мяв! Мяв!

Где же те леса, где танцует радость?

Мяу–мяв! Мяв! Мяв!

Где же долы, что отгонят скуку и усталость?

Мяу–мяв! Мяв! Мяв!

Я скажу вам, леди, я скажу вам, серы! Есть такое место!

Мяу–мяв! Мяв! Мяв!

Слепленное не из теста – Бархатное Королевство!

Мяу–мяв! Мяв! Мяв!

Цветут там папоротники целый год!

Мяу–мяв! Мяв! Мяв!

Там вина благодатно празднуют восход!

Мяу–мяв! Мяв! Мяв!

Сахар лунный и дурманный табачок!

Мяу–мяв! Мяв! Мяв!

Воздаст хвалу им – нет, не простачок!

Мяу–мяв! Мяв! Мяв!

Родина моя! Я люблю тебя!

Мяу–мяв! Мяв! Мяв!

Только здесь я чувствую собой себя!

Мяу–мяв! Мяв! Мяв!

Люди, я зову вас к себе в гости!

Мяу–мяв! Мяв! Мяв!

Чтоб могли вы бросить кости!

Мяу–мяв! Мяв! Мяв!

На подушках нежных, под пологом ситца!

Мяу–мяв! Мяв! Мяв!

Там, в медовом зале, я спою вам, как синица!

Мяу–мяв! Мяв! Мяв!

В Бархатные Королевства поспеши, скиталец!

Мяу–мяв! Мяв! Мяв!

Там отведаешь сметану ты и смалец!

Мяу–мяв! Мяв! Мяв!

Там забудешь ты заботы и тревоги!

Отдохнешь там ты от жизненной дороги!

И протянешь там усталые ты ноги!

Мяу–мяв! Мяв! Мяв!

В кои веки ты на славу отдохнешь!

С новыми силами домою ты пойдешь!

Мяу–мяв! Мяв! Мяв! Мяу–мяв! Мяв! Мяв! Мяу–мяв! Мяв! Мяв!

Наверное, я все это тихонечко пропел себе под нос, потому что Дурнбад хмыкнул себе в бороду. Гному нравятся всякие такие мотивчики, и сам он частенько может спеть нечто подобное из репертуара Железных Гор, но... Поэзия Бархатных Королевств – это отдельный жанр творчества. Так–с, вернемся к другим примечательным достоверностям.

Помимо Мурлыкия в Соединенном Королевстве прославился еще один мягкошерст, а точнее мягкошерстка Лаврушка. Лаврушка была пиратом, да-да, пиратом! Раскосая, с покрашенными коготками и платком, завязанным особым узлом, она грабила суда Керана на перешейке между Радужным Морем и Морем Призраков. Лаврушка никого не убивала, а взяв корабль Соединенного Королевства на abordaj, изымала из трюмов единственное – «валерьяну лекарственную», – растение, которое в Бархатных Королевствах продают на вес золота. Пристрастие Лаврушки к валерьяне лекарственной было столь велико, что когда ее когг «Распутницу» наконец зажали в тиски, и бежать уже не имело смысла, она влезла в деревянный короб с «душистой зеленью» и приказала сбросить себя в пучину. Короб пошел ко дну, и Лаврушка нашла свою смерть, видимо, так как и желала.

Еще. Однажды в Гельхе разразилось крысиное нашествие. Вредителей развелось так много, что наместник Плавения, не зная, что делать, и как спасти склады с пшеницей, в отчаянии обратился за помощью к перекупколапу и щекоткоререференту из посольства Бархатных Королевств, посчитав их экспертами в поединках с назойливыми грызунами. Аристократичные мягкошерсты, приняв письмо наместника, тут же выслали всех своих подчиненных чиновников в Гельх. Спустя две недели было объявлено – угроза для зерна миновала. Тогда мягкошерсты изловили здоровенную крысу–мутанта, жившую прямо в кабинете наместника и плодящую потомство, и... ну и съели ее. Они все едят. Могут и одуванчиком телячью ножку закусить, или тонкими травинками, которых любят, или цветком комнатным...

– Брат по крови, что ты там насвистываешь?

Мы покинули Ильварет и уже как несколько часов скакали на запад.

– Да так. Размышляю о всяком. О Бархатных Королевствах, в частности.

– Почему о них? – спросила подскакавшая Лютерия Айс.

– Мягкошерсты для меня существа приятные. Воспоминания их нравов и обычаев не дают мне заикнуться на всех наших проблемах.

– А поведай нам то, о чем ты сейчас кумекал, – попросил Альфонсо.

– Только не на ходу! – воспротивилась Настурция. – Нам совсем необязательно прислушиваться к тому, что ты собираешься орать тут против ветра!

– Пора на привал! – потребовал Дурнбад.

– Поддерживаю! Тпру! – отозвался я.

Мы разбили импровизированный лагерь у малюсенького ручейка, который, быть может, когда-то являлся рекой. Я достал из сумки Скатерть и, осведомившись у друзей, что бы они хотели на обед, стал раздавать возникающую по мере заказов еду. Под сочные сосиски с пюре и салатом с сухариками, кукурузы и мидий, я немножко рассказал им то, что мне известно о Бархатных Королевствах.

– Ты всегда был такой начитанный и умный? – хрустя крекером, усмехнулся Дурнбад.

– Почти с пеленок, – улыбнулся я.

Альфонсо воздел палец вверх.

– Мне вот что пришло в голову. Давайте каждую нашу стоянку делиться какими-то знаниями. Вот, Калерб сейчас поведал нам о Бархатных Королевствах. Следующим эстафету подхватываю я. Как вам идея?

– Заманчиво, – отозвалась Лютерия. – Я люблю узнавать что-то новое.

– Заметано! – гикнул Дурнбад.

Мы все воззрились на Настурцию.

– Ладно! Ладно! Я тоже с вами!

– Ай, молодчина! – похвалил ее гном. – Брат по крови уверил меня, что ты почти такая же смышленная, как он!

– Почти такая же?! – становясь пунцовой и прожигая меня и Дурнбада взглядом, воскликнула Настурция.

– Э! Наравне идете, значит? – чуть смутился старейшина войны, поняв, что его похвалу не оценили.

Настурция схватила Клюкву и наставила на меня.

– Ты говорил такое про меня?!

Я сглотнул комочек слюны.

– Я, вот честно пречестно, считаю тебя более чем башковитой!

– Но глупее тебя, так?!

Альфонсо встал между нами.

– Не нужно ссориться!

– Нет! Ты – самая умная!

Настурция нахмурилась. Она опустила посох, но потом опять его подняла.

– Я чувствую твой сарказм! И не потерплю его по отношению к себе, Шаттибраль! Ты уяснил?

Я, не желающий превратиться в какую-нибудь гадость от поцелуя Клюквы, быстро закивал.

– То-то же!

Настурция уселась подле Лютерии Айс.

– Успокой свое сердце, – мягко сказала она. – Он не понимает, почему ты так себя ведешь...

– Почему? – сразу вырвалось у меня.

Язык мой – враг мой. Ну, вот мне бы промолчать, а я лезу, куда не надо! Дубина!

– Закрой свой рот! – рявкнула на меня Настурция. – Ты мне противен! Всегда ты первый, всегда ты самый душка и лапочка, как и Эмилия, а я – на вторых ролях! Да как бы не так! Я тебе и Эмилии сто очков форы дам! Особенно сестре! Я куда, может быть, и лучше нее! Во всем! Почему ты этого никогда не видел?!

Лютерия Айс, Дурнбад и Альфонсо почему-то стали смотреть себе под ноги.

– И ты, и Эмилия – дорогие мне люди, – медленно ответил я. – И только ты виновата в том, что отстранилась от нас. Ты ушла сама, мы тебя не прогоняли.

– Да, ушла! Потому что... потому что посчитала это правильным!

– Настурция, можно я тебе кое-что скажу?

– Попробуй.

– Для меня ты – эталон человечности, красоты и...

– Красоты? Красоты моей сестры, ты же это имел в виду?! Но ко мне как к личности это никак не относится! Ты – враль! – перебила меня колдунья Ильварета.

Настурция вскочила на ноги и скрылась в кустах. Там она горько заплакала.

– Что вызвало ее слезы? – ошеломленно спросил я у друзей. – Вы же сами слышали, я ничем ее не обидел! Еще и Эмилию приплетает постоянно! Ее так вообще тут нет!

Альфонсо подергал мочку уха.

– Настурция, как и Эмилия... Как бы выразится–то?... Сложно все это!

– Я не в курсе ваших взаимоотношений, но как женщина скажу – Альфонсо, предоставь Настурции самой объяснить ситуацию.

– Лютерия?! О чем ты?! – взвыл я.

Дельторо кивнул магистру Ордена Милосердия.

– Верно.

– Тут, брат по крови, я бы сравнил тебя со слепым бараном, что тычется мордой в забор, – доверительно сообщил мне Дурнбад. – Соедини два камушка вместе. Квась, квась и вместе!

– Тролль бы вас побрал! – разозлился я. – Я тут ни при чем!

Сколько мы еще отдыхали у ручейка? Да недолго. Солнце уже клонилось к закату, и мы решили гнать коней до самой темноты. Ехали без всяких разговоров. Настурция впереди всех, я – замыкающим. Эти дамочки – для меня загадка! Ты подойди ко мне и скажи: «Калерб, нам надо серьезно поговорить». Я – что? Должен понять, что беспокоит Настурцию по каким–то полупонамекам? По тайным знакам или жестам?

И эти еще втроем! Держат меня за мальчишку, что ли?! Настурция начала меня ненавидеть не сегодня и не вчера! Почему им знать, что тут к чему! Бестолочи!

Поздно вечером трактирщик «Хрюшки–Сушки» разместил нас на ночлег. За комнату взял по шесть серебряных и десять медяков! Я понимаю, если бы мы сейчас остановились в фешенебельном отеле Эльпота – плата была бы уместна, но за рваные обои, потертую мебель и продавленную кровать – это чересчур! Это грабеж! Платила Лютерия Айс. Из нас пятерых деньги догадалась взять только она и, естественно, Настурция. Перед самым сном, за бокалом портера, мы обсудили дальнейший план действий. Дорогу к Тлеющей Чаше все знали хорошо, кроме Дурнбада. Альфонсо предложил держаться Змейчатого Тракта аж до самого форта Нура, потом свернуть к Березовому городу и дальше – по прямой к Брандварду, подле которого и рдеет Тлеющая Чаша. Возражений не последовало. Поэтому на том и порешили.

В своей комнате я укрылся тонким пледом и погрузился в сон. Укулукулун ошивался где-то поблизости... Он больше не тревожил меня своими видениями, но сосредоточился на том, чтобы сломить Луковое Спокойствие. На моей груди оно пылало, как пожар. Оно жгло меня, и я хотел его снять, однако осознавал, что этого делать нельзя. Наутро я заметил, что Луковое Спокойствие покрылось сетью больших трещин. Если раньше оно выглядело более–менее целым, то ныне его вид говорил об обратном. Хрупкое – ударь случайно и рассыплется. Я сжал губы. А ты что думал, Калёб? Встреча с архонтом и Испытание неотвратимы! Я потерял глаза, а потом ополоснул лицо в бадье. Я малодушничая! Трушу! Бракарабрад и Ансельм по воле Рифф терпят из-за меня пытки, а я все жду последнего момента, того, когда отступить будет уже некуда! Тряпка!

Я спустился вниз. Друзья уже завтракали. Яичница, бекон, поджаренные хлебцы и кофе. Кофе жидковат! Мне подавай такой, чтобы глаза наружу лезли! Настурция расплатилась (по грабительской таксе!) и мы вновь отправились в путь. Наше путешествие пока что проходило безмятежно. Что радовало. Торговые обозы, почтовые

воронье и эскорты рыцарей встречались почти каждые пятнадцать минут. Крестьяне обрабатывали поля – пора уже! Картошка и репа сами себя не посадят!

Щебетали птицы, слышался гул людских голосов, шумели деревья, пахло чем-то сладким и травяным. Всеобщая обстановка умиротворения как бы говорила: нет никакого Дроторогора и Вальгарда Флейта. Все это выдумки! Шутки! Я потряс головой и пустил своего коня Марви галопом. Пока тут все тихо, да, но, сколько еще так будет? Филириниль, ты нужен нам, чтобы сразить демонов Преисподней... Они непременно явятся сюда, и мы должны предупредить это. Достать благословенной сталью их плешивые рога и клыки раньше, чем мир потонет в огне... Констанция Демей покупает нам время, чтобы мы могли свершить подвиг. Мы не имеем права подвести ее, ошибиться, сломаться или умереть. От нас зависит будущее Соединенного Королевства. Приветливо помахивая рукой девушке с корзиной, я настраиваю себя на борьбу. На кровь и на потери. Я – старый мастер–маг. Я многое повидал, но еще никогда до сих пор мне не приходилось сталкиваться с такими страшными врагами. С моего посула свершилось Пророчество Полного Круга и Таурис погиб... и я погиб тоже. Но воскрес вновь, чтобы узнать – Первый из Круга Смерти не единственный, кто ставит нам палки в колеса. Что пора потрясений с уходом Десницы Девяносто Девяти Спиц не ушла в небытие. Грустно. Неужели я когда-то жил в Шато? Бродил по полянкам Веселых Поганок, собирая грибы и целебные растения? Охотился со Снурфом на уток и играл в карты с Катубом? Чинно ужинал с Птикалем и Грешемом? Как будто все это было сотни лет назад. Те мои заботы не сравнить с нынешними. Не умереть, не пораниться, не сойти с ума – вот о чем я сейчас думаю постоянно.

Марви – конь резвый и бойкий. Он неустанно вез меня на себе и не подавал вида, что устал. К полудню мы сделали привал. Скатерть выдала каждому его вкусняшки. Я ел торопливо, мне хотелось побыстрее закончить трапезу, чтобы послушать, что расскажет такого интересного Альфонсо. Следопыт чесать нам уши, пока жует, не любил. Насилу дождавшись того, когда он проглотит последний кусочек баранины, я воскликнул:

– Альфонсо! Уговор!

Мой друг улыбнулся. Он потрогал упругую тетиву Резца, а затем, привалившись к дереву, промолвил:

– Все доели?

– Ты начинай. Мне мясо никогда не мешало улавливать суть повествований, – хмыкнул Дурнбад, откусывая сочный кусок свинины.

– О чем будет речь? – спросила Лютерия Айс. – О каких землях?

– О Ноорот'Кхвазаме.

Альфонсо заложил прутик в уголок рта.

– Я следопыт. Исхожено мною троп немало и повидал я всякого, но скитания по Ноорот'Кхвазаму мне запомнились больше прочих.

– Речь пойдет о каком-то конкретном приключении? – осведомилась Настурция.

– Нет. О том, что такое этот Ноорот'Кхвазам в целом и кто там обитает.

Настурция Грэххольм положила голову себе на колени. Ее изумрудные глаза пересеклись с моими. Я улыбнулся ей. На какой-то миг мне показалось, что она тоже готова улыбнуться, но Альфонсо заговорил, и колдунья отвернулась.

– Все мы в курсе того, что в Ноорот'Кхвазаме живут эндориты – разумные паукообразные существа. Что они злы и скоры на расправу. Но так ли это на самом деле? Что вообще мы можем про них поведать? Я – многое. Эндориты в длину от четырех до семи футов, в поперечнике от двух до трех. У них по восемь ног-рук и лица, так похожие на лица людей. Эндориты – высокоорганизованные создания

с развитым институтом взаимоотношений. Во главе Ноорот'Кхвазама, протянувшего свои паутинные леса на сотни лиг, стоит королева, производительница–матка. Раздутая такая особь размером с приличный дом. Ее тщательно оберегают и всячески холят эндориты–рабочие, а гвардия – стражи – защищает от любых опасностей. Где конкретно эта королева–матка находится – не скажет вам никто, но то, что она руководит Рождением и Смертью на Теневых Угодьях – неоспоримый факт. У эндоритов нет городов в том виде, как мы привыкли их себе представлять. Они живут в лабиринтах, построенных из секрета, что выделяется из их желез. Это такие громоздкие сооружения–нити, которые простираются как на дымной лиственной подстилке, так и на кронах деревьев. Выглядит невообразимо. Представьте себе обычную паутину. Представили? А теперь сделайте ее в воображении толстой, как стена, и оплетите ею, скажем, весь тот холм с его дубами и вязами. Что, получилось нечто вроде белого туннеля с проходами и коконами–башнями? Так они и выглядят эти города. В Ноорот'Кхвазама их тысячи и тысячи, но один все–таки самый–самый занятный – Дхоль. Его имя нам известно по почти свежим книгам исследователей Самака Курувэ и Урфины Хацкер. Дхоль, находящийся у кромки Мухоловочного Моря, первый и последний дружественный очаг. Эндориты в Дхоле не нападают на человека, сразу как это повсеместно принято думать об их виде, но ведут с ним беседы и более того – торговлю!

– Альфонсо, ты точно сейчас рассказываешь про эндоритов Ноорот'Кхвазама? Они никогда не вели с нами никаких дел! – с сомнением в голосе, промолвил я.

– Про тех, Калерб, про тех. То, что ты ничего не слышал про Дхоль, я не удивлен. Моряки наткнулись на него случайно, и совсем недавно. Их корабль налетел на скалу, и их выбросило на отмель. Там к ним подошли эндориты. Матросы приготовились умереть, но эндориты каким–то образом дали понять, что не желают зла.

– Как? Каким образом? –спросила заинтригованная Настурция. – Эндориты же общаются пощёлкиванием лап.

– Это между собой. Однако у них есть рты, а в них языки. Эндориты наладили «контакт» с моряками при помощи магии–лингвистики. Они поняли друг друга. Эндориты Дхоля перенесли какую–то мутацию и теперь не испытывают к человеку, как к пришлому захватчику, слепого гнева. Их кора головного мозга блокирует импульсы опасности, посылаемые королевой–маткой, ментально настроенной на каждого эндорита.

– Это значит, что теперь Соединенное Королевство и Ноорот’Кхвазам будут обмениваться всякими финтифлюшками? – пробасил Дурнбад. – Вы им стеклянные бусы, а они вам панцири эголоцепов? Так, что ли?

– Пока до этого далеко, – отметил Альфонсо.

– Ну, погоди, погоди, – заканючил я. – Мудрецы не раз и не два захватывали того или иного эндорита и...

– И именно из их речей мы знаем, что есть Бумфамар и река крови Альтараксис. Ведь, корабли Соединенного Королевства никогда не заплывали за Мухоловочное море, по причине того, что «Мухоловок» – громадных плотоядных морских «цветков» на юге Ноорот’Кхвазама и около океана Темного Холода – пруд пруди. Миновать их невозможно.

Я поднял палец вверх.

– Я!...

– Он просто сует «я» всюду, даже когда его не просят, – съязвила Настурция.

– Мы тут так–то обсуждаем Ноорот’Кхвазам все вместе!

– Нет! Рассказывает Альфонсо, а ты слушаешь! Его очередь! Тебя, между прочим, никто не перебивал!

– Спасибо, Настурция, – улыбнулся следопыт. – Продолжим?

– Давай, – чуть надувшись, отозвался я.

– Сейчас, как мне сообщил Бертран, в Дхоль отправилась экспедиция магов. Магика Элептерум при поддержке короны желает знать, как там можно сформировать какие-то выгодные взаимоотношения.

– Блеск! – похлопала в ладоши Лютерия Айс. – В Ноорот'Кхвазаме есть много лекарственных ингредиентов, которые раньше добывались с огромным риском!

– Поддерживаю, – согласился Альфонсо. – Какой-либо договор с эндоритами Дхоля привнесет в Соединенное Королевство редкие и уникальные вещицы.

– Мази! Растирки! Крема! – подхватила Настурция.

– Дхоль нам интересен, но вернемся к самому Ноорот'Кхвазаму. Как он выглядит? В целом солнце там имеет поверхностные права. Что-то наподобие Леса Скорби. По тенистым кущам бродят стада эголоцепов, а землю роют гигантские черви-переростки – главный источник пищи эндоритов. Через темные просторы текут реки. Большинство из них ядовиты. Это связано с тем, что в Ноорот'Кхвазаме в изобилии растут крайне токсичные грибы коплюшки. Их длинные корни отравляют не только почву, но и воду. Ноорот'Кхвазам – велик, мы не можем в точности сказать, где он заканчивается, но нет сомнений, что на его окраинах ревет Альтараксис – мифическая водная жила, несущая свою влагу в Бездну к Назбраэлю.

– Я бродил по Ледяным Топям и видел северную окраину Ноорот'Кхвазама. Она прямо за чокнутым летающим диском-крепостью магов Минтаса, – вставил Дурнбад.

– А с востока Ноорот'Кхвазам омывает Мухоловочное Море, – добавила Настурция.

– Если мы знаем, что на востоке, юге и севере, то, что же на западе от Ноорот’Кхвазама? – спросила Лютерия Айс.

– Давайте порассуждаем, – ответил Альфонсо. – Я могу с уверенностью заявить, что Великий Лес дотягивается до Ноорот’Кхвазама, но вот, где он перестает на него «наступать,» – не знаю. Однако до меня дошли кое–какие обмолвки, что на юго–западе Ноорот’Кхвазама прячутся равнины Тьмы, за которыми, если информатор не приукрашивает, есть другие, неведомые нам страны.

– Что это еще за информатор? – оживился я.

– Бертран Валуа.

– Его–то рыжей шевелюре почем знать, что там за Ноорот’Кхвазамом?

– От третьих лиц, а те от еще каких–то, – пожал плечами Альфонсо.

– Затронь, пожалуйста, тему религии Ноорот’Кхвазама, – попросила Лютерия Айс.

Альфонсо вздохнул.

– Там всего одна богиня – Рифф. Гордая, мстительная и хитрая. Ее влияние на Ноорот’Кхвазам – беспредельное. Эндориты чтут Ее как Прародительницу и приносят Ей жертвоприношения. Глубоко под лабиринтами–городами есть капища Праматери. Там, среди беспрестанно чадающих кадильниц с хсцитом – психоделическим веществом, которые жрецы эндоритов используют, чтобы приобщиться к Ее мрачному Лику, зачинаются хриплые оды и вершатся грязные ритуалы. Ноорот’Кхвазаме – вотчина Рифф. В нем Она черпает силу и в нем же был впервые воздвигнут храм Дома Шелка.

– Скверна Дома Шелка затронула и Соединенное Королевство. Но мои братья и сестры из Иквизитика Конопус выкорчевали ее, – проговорила Лютерия Айс.

Настурция Грэхольм потупила взор. Ее глаза вновь стали влажными. Ансельм – ее дорогой брат погиб от пакли Дома Шелка. Колдунья Ильварета знала, что Рифф склоняет меня служить Ей, но пока своего мнения на этот счет не высказывала. Однако сама возможность того, что я рабски согнусь и отдам себя Праматери, наверняка вызывает у нее отвращение. Как, впрочем, и у меня.

– Дом Шелка более не существует в Соединенном Королевстве, да, но его зачатки есть в Островном Королевстве, – сказал Альфонсо.

– И в таких местах, как Королевство Бурунзия и Империя Хло, – поддакнул я. – Особенно в Империи Хло его приняли с распростертыми объятиями. По-моему там религию Дома Шелка отнесли к ветви официального культа Бога-Колеса, Бога-Дракона и Бога-Императора.

– Вот когда ты надерешь Укулукулуну зад в Анкарахаде – наведешь свои порядки в Доме Шелка, – хмыкнул Дурнбад.

– Если бы...

– Надеюсь, что ты разрушишь его до основания и выжжешь дотла, – тихо промолвила Настурция.

– Рифф не даст мне сделать этого...

В мое темечко ударился каштан. Я ойкнул и потер лоб. Шишка теперь вырастит! А между тем в затылок мне бабахнулся еще один снаряд.

– Настурция, прекрати! – крикнул Альфонсо.

Ну а кто еще из нас обладает даром телекинеза на таком продвинутом уровне? Дельторо правильно смекнул, что к чему.

— Я убью тебя своими собственными руками, если ты будешь лебезить перед Рифф! — крикнула колдунья Ильварета. — Ее прихвостни похитили моего брата и... и... Его больше нет!

— Мне, правда, очень жаль, — понуро ответил я. — Но Праматерь не дает мне выбора...

— Ты еще даже не пытался противостоять Ей, а уже ноешь о том, что у тебя чего-то там нет! — заорала Настурция. — Заморыш и слюнтяй, вот ты кто!

Последнее ее высказывание взбесило меня. Да что она себе позволяет?! Разве она испытывала на себе гнет Путаницы?! Разве Укулукулун пытался стереть ее в порошок?! Нет! Разве она на своей шкуре почувствовала, что значит сходить с ума и не хотеть жить?! Нет! Нет! Нет!

— Замолчи, или я за себя не отвечаю! — прошипел я, вскакивая с места. — Ты даже близко не представляешь, что мне приходится испытывать каждый божий день!

— Так чего же ты ждешь, сопляк?! Поплачься мне в кофточку!

Лик Эбенового Ужаса, под воздействием моей ярости, заморосил капельками огня. Настурция тоже уже не сидела. Клюква стала пунцовой — заклинание было наготове.

— Эй, остыньте! — воскликнул Дурнбад.

— Калерб не виноват в том, что Рифф обратила на него Свой Взор! — вступилась за меня Лютерия Айс. — Погаси посох! И ты тоже!

— Не виноват! Да, не виноват! Но он может Ей противостоять!

– Что я и делаю! – уже ровным голосом отозвался я, распуская чары на Лике Эбенового Ужаса.

– Ладно, прости... Я... Для меня это рана, которая никогда не заживет. Прости.

Клюква исчезла из рук колдуньи.

– Я понимаю, почему ты так ненавидишь Рифф, но и ты пойми меня. Я...

– Мы еще поговорим об этом, – оборвала Настурция. – Сейчас нам пора в путь.

– Что есть то – есть, – подытожил Дурнбад, расправляя бороду.

Я свернул Скатерть «На любой вкус», а друзья затоптали костерок. Я подозвал пасущегося с остальными лошадьми Марви, и уже через пару минут мы все в приличном темпе цокали по Змейчатому Тракту. Я размышлял о нашей ссоре с Настурцией. И она права – и я прав. Все правы по-своему. Нельзя также не отметить того, что Эмилия, узнай она обо всей этой моей кутерьме с Рифф, могла бы отреагировать точно так же. Я – лучший друг колдуньи Лунных Врат, но семья – семья – это дело другое. Может Эмилия обвинила бы меня в предательстве или вообще перестала бы со мной общаться. Я надеюсь, что как-то раскидаю эту проблему еще до встречи с Эмилией. В любом случае вихлять я не стану и скажу все, как есть. Рифф – Вседержительница, Восьмая из Колеса Девяносто Девяти, Творец, Могущественная из Могущественных. И кто я такой, чтобы поднимать против нее свой меч? Так бы подумал любой здравомыслящий человек, но себя я к таковым уже отнести не в силах. Если я каким-то чудом сброшу Укулукулуна с помоста архонта, то Праматери придется считаться с моими требованиями! Почему я так в этом уверен? Все просто. Однако, оговорюсь, это лишь мое подозрение. Если бы Рифф была в состоянии Сама отделаться от надоевшего Укулукулуна, разве Она стала бы затевать это Испытание? Скорее всего, Рифф и ее архонта связывает какой-то Божественный

Договор, который даже Праматерь не в состоянии нарушить. Испытание – Оно, бесстрастное и выверенное Рифф, покажет, достоин ли еще Укулукулун носить звание сатрапа всех пауков. Путаница откроет себя после трех оборотов. Стрелки часов неумолимо бегут и может статься, что не сегодня–завтра я поставлю точку в притязаниях Рифф на мою душу.

Марви нес меня, Лайс – Дурнбада, Тимфи – Альфонсо, Гонория – Настурцию, а Барон – Лютерию. Наша пятерка коней поднимала копытами пыль. Скорость Марви после Юнивайна, казалась мне почти черепашей. Я видел, что происходит вокруг и слышал голоса своих друзей. Не было той запредельной гонки, которую призрак конь брал с первых секунд. За два дня мы преодолели почти пятьдесят миль, и до форта Нура нам осталось где-то еще сорок или шестьдесят.

Заночевали мы в редколесье. Было тепло, и лежанок с пледами, коими снабдили поклажу наших четвероногих братьев, я счел вполне достаточными для удобного отдыха. Сумка по-прежнему служила мне подушкой. Я смотрел на колышущуюся молодую зелень тополя и сжимал пальцами Луковое Спокойствие. Мало-помалу сон сморил меня...

В грезах, до боли уже привычных, я сидел под малахитовым куполом в камере пять на пять футов. Купол трещал и осыпался – это Укулукулун, как крот, старался прорыть ко мне брешь. Какой же он настырный! Я безумно хихикнул. Чванливый, злобный паук! Я уже почти не обращал внимания на его потуги, принимая их как должное. Рядом со мной возникла Эмириус Клайн. Она печально улыбалась.

– Ты ждал меня, малыш?

– Каждый раз, как закрываю глаза.

– Я нашла способ, как мне вернуться в Мир Яви, – промолвила она, обнимая меня за плечи. – Ты мне поможешь?

Я поглядел в космические очи Матроны Тьмы, а затем провел рукой ее по волосам.

– Да.

– Ты должен освободить меня от цепей, дать мне материальность, – нежно сказала Эмириус Клайн, поднося мне к носу закованные запястья.

– Как?

– Когда ты станешь архонтом, ты попросишь об этом Рифф. Ты обещаешь мне? Сделаешь это ради меня?

– Разве у Нее есть право отменить наказание Ураха?

– Такая возможность есть... Есть у тебя, малыш. На Пике Смерти ты разбудил меня своей кровью. Я выпила ее и теперь... теперь я с тобой. Ты особенный. Ты, как сказала тебе Лорина, сын Вселенной. Она не ошиблась. Твоя кровь – Живительная Роса. Я не погрузилась в Ничто и теперь знаю, почему.

– Почему?

Эмириус Клайн блеснула клыками.

– Мы это уже проходили, малыш. Потому что ты не только Калев Шаттибраль, но и прообраз моей любви. Ты и сам это чувствуешь. Ты тоже любил меня, тогда, тысячи лет назад. И именно твоя любовь, точнее того отдаленного в провале времени мужчины, его пылающим страстью, влечением, я была задержана у Врат Ночи и повернута вспять, к Свету.

– Я хочу, чтобы ты вновь парила в небесах.

– Для этого ты должен снова добровольно дать мне испить из своих вен, – прошептала мне на ухо Эмириус Клайн.

В моих пальцах возник клинок гномов – тот самый, в которого я заковал Джейкоба.

– Сейчас?

– Да.

Я взял кинжал и прорезал им себе кожу чуть ниже локтя. Красные капли побежали мне в спущенный рукав.

– Пей, – проговорил я, протягивая Матроне Тьмы свою левую руку.

Дрожа всем телом, Эмириус Клайн припала к потоку моей крови. Она жадно глотала и всасывала его. Я слабел, а она становилась сильнее. Моя голова закружилась, и я упал... но не на пол, а в подставленные ладони Матроны Тьмы. Ее испачканное красным лицо светилось радостью и какой-то уверенностью в том, что она достигла своей цели...

– Теперь у меня есть часть тебя из Мира Сна и Мира Реальности. Два положенных фактора учтены. Я – целая. Я снова я. Ты отменил висящую надо мной Виру Запрета. Но я еще не в состоянии очнуться. Цепи – они, тяжелые и опостылевшие, еще держат меня в ловушке твоих видений.

– И тут понадобится Рифф?

– Ни у тебя, ни у меня нет возможности разбить оковы Ураха. Наша с тобой воля – всего лишь искра по сравнению с огнем-волей Всеотца. Только равный Ему Вседержитель ударом Своего ментального Молота будет горазд расклинить мои звенья. Ты уже много сделал для меня, малыш, и от тебя нужен лишь последний шаг. Сразить Укулукулуна на Испытании и потребовать у Рифф себе награду за это – мою свободу. Первый Подарок Архонту – так учредила Сама Праматерь. Это Ее правило и твоя прерогатива.

Я поглядел на исковерканный трещинами потолок Лукового Спокойствия.

– Ты знаешь, Укулукулун гораздо сильнее меня, смертного человека.

– Но не меня, – улыбнулась Эмириус Клайн. – Я, Матрона Тьмы, Познавшая Себя В Дланях Ураха, Падший Ангел Неба и Проклятие Тверди, переломаю ему все кости!

– Рифф не позволит тебе участвовать в Испытании вместо меня.

– Испытание – это традиция, навязанная Праматери Высшим Каноном против Ее одобрения. Анкарахада – Ее Царство, однако и на него Вселенная наложила свои законы. Рифф не деться от Судьбы Вседержителя, как бы Она того ни желала. Ныне во мне текут «две твои крови» – они священны. И их властью я стану твоим заступником. Не везде, но в самый ответственный момент. Тогда, когда Рифф уже не сможет переиграть нас.

Эмириус Клайн поцеловала меня в щеку.

– Скоро мы будем вместе, малыш. Ты и я, – отстраняясь, сказала Матрона Тьмы. – Я – твой щит и твой меч, твоя ярость и твоя справедливость. Со мной ты станешь королем Всего Мира...

Я проснулся под лучами луны. Желудок нестерпимо болел. Тихо, стараясь никого не разбудить, я отошел в кусты и там освободился от рвущейся наружу желчи. Тошнило меня долго... Наконец, выплюнув остатки горькой слюны, я заковылял к своему лежаку. Дозорных мы пока не выставляли – Лей Клинич держит Змейчатый Тракт в железных рукавицах надзора, поэтому разбойники или грабители на нем встречаются исключительно редко. Спать я больше не хотел, поэтому, чтобы чем-то занять себя, стал рассматривать своих спутников.

Дурнбад лежал, закинув ногу на ногу и протяжно храпел. Его спутанная борода трепетала в такт выдуваемому воздуху. Под рукой у старейшины войны покоился его верный боевой молот, а у живота, поблескивая в свете тускнеющих звезд, покоился шлем. Синеватый доспех гнома, выкованный в Зарамзарате лучшими кузницами затаенно мерцал. В путешествиях Дурнбад почти не снимает своей брони. Он – отважный вояка, задира, сорвиголова, смельчак и безрассудный рубака, всегда готов отстаять свою точку зрения. Если у гнома не получается это сделать словами, то уж кулаки все решат в его пользу. Дурнбад, как и я, имеет много татуировок: подкова – символ удачи, наковальня – герб клана Надургх, кирка, пробивающая щит, снежный барс на плече, руны Владыки Гор на предплечьях и во всю грудь – солнце, поднимающееся над пиками Будугая. Глаза у гнома почти черные, а колючая шевелюра темно-коричневая. Дурнбад – классический уроженец подгорного народа.

Поодаль от него на боку посапывала Настурция. Как две капли воды похожая на свою сестру близнеца, она умиляла мой взор своей женственной и незамутненной красотой. Изумрудные очи, ласточкиброви, роскошная копна густых волос. Настурция – невысокая барышня. В ней чуть больше пяти футов роста. Настурция, как и Эмилия, всегда притягивала к себе мужскую половину населения Соединенного Королевства. Но если колдунья Лунных Врат предпочитает играть с Джонами, Раймондами и Робертами, то колдунья Ильварета сразу дает им от ворот поворот. Настурция, сколько ее помню, держала всех ухажеров на расстоянии. Тут они с Эмилией тоже две черешни. Моя подруга не так давно раскрыла мне тайну, что ее сердце навсегда отдано какому-то загадочному незнакомцу, которому она так и не посмела открыть своих чувств. Что же насчет Настурции? Почему в ее жизни нет второй половинки? Я не знаю. Могу лишь предположить, что она очень избирательна в своих предпочтениях. И это не на пустом месте! Не на каше, заваренной на воде! Настурция – при больших деньгах, с родовым особняком, с влиятельной должностью, с умопомрачительными внешними данными и исключительными магическими способностями, как и я, как и Бертран, Эмилия и Альфонсо – почти не стареет. Эта занимательная

история – как все мы вырвали себе долгожительство, но не бессмертие, разумеется. Когда–нибудь я ее припомню.

К Настурции прижалась спиной Лютерия Айс. Магистр Ордена Милосердия тоже хорошенькая. Почти такая же худая, как Серэнити, просто прутик прутиком. Розовые ноздри обрамляют прямой аристократический нос. Брови – аккуратные линии, а глаза у нее желто–зеленые, глаза–хамелеоны, меняющие цвет, внимательные, добрые и большие, как у лани. Волосы у Лютерии Айс короче, чем у Настурции Грэкхольм, однако более пушистые, русые. У магистра Ордена Милосердия нежный голос и плавные движения. Ее одежда – образец чистоты и аскетизма. Украшений Лютерия не носит. Единственное кольцо–печать Лики Всеотца, полученное от Алана Вельстрассена, сейчас сидит на ее среднем пальце. Хоть Лютерия и кажется милой, она обладает сильным характером и несгибаемой верой, за которую готова биться не на жизнь, а насмерть. Серэнити боготворит Ураха с маниакальной страстью, а Лютерия держит свои думы при себе. Однако, когда речь заходит о Всеотце, она непримиримо доказывает точку зрения Храма. Мне пока неясно, насколько хорошо Лютерия владеет шестопером, и каковы будут ее успехи в исцелении наших ран, но предвижу, что обузой она в нашем отряде не прослывет.

Альфонсо! Комок Нервов! Гусь мой закадычный! Самый волнующийся из всех моих друзей! С возрастом ты научился скрывать свои эмоции, но меня не проведешь! Внешне Альфонсо Дельторо кажется самым старшим из нас. Вырос он основательно, и я ему слегка уступаю, дюйм–два. Длинные черные волосы, плотный, однако не толстый, с внушительными бицепсами под крепким доспехом. У Альфонсо внимательные голубые глаза с индиговыми прожилками, ныне чуть дергающимися под сомкнутыми веками. Альфонсо обладатель множества шрамов. Он носит их гордо. Татуировок на следопыте пять: орел, медведь, лисица, волк и филин. Орел – видеть далеко, все улавливать, медведь – сила в сражении, доблесть и неустрашимость, лисица – хитрость, проворство, волк – тишина, незаметность, филин – мудрость леса. Все наколки Альфонсо била Эмилия. Она у нас художница с легкой рукой. Дельторо – человек

противоречий. С одной стороны – он скиталец–рейнджер, с другой – разумный глава Энгибара. Первая половина Альфонсо разговорчивая, шутливая, веселая, вторая – замкнутая, терпеливая, беспокоящаяся. Мне отраднo, что мой давний друг женился и завел ребенка. Это событие в будущем еще отразится на нем и его мировосприятии. Мне интересно, каким он станет через лет пятнадцать–двадцать. Но станет ли? Ха! Мы ходим по натянутому до предела канату и, если ветерок подует не туда, – оп, поминай, как звали. Я, конечно, надеюсь, что мы отыщем Филириниль, победим Хрипохор с Вестмаркой, после чего Альфонсо возвратится в свой Энгибар, к Лике и Каталине Дельторо.

Солнце согнало луну в подол синеющего неба. С его первым светом проснулась Настурция. Она сладко потянулась, зевнула, а потом встретилась со мной взглядом.

– Доброе утро.

– И давно ты на меня пялишься? – хмурo спросила колдунья Ильварета, накидывая на плечи одеяло и как бы прячась в нем.

– Часа как два, а ты на меня?

– Глупые шутки – твоя визитная карточка.

Настурция потерла лицо ладонями, после чего потербила Альфонсо за плечо.

– Твой мерзкий друг меня пугает, – пожаловалась она следопыту.
– Он рассматривает меня, пока все спят.

– Калeб–то? Мерзкий. Ну, есть чуть–чуть. Или не чуть–чуть? Тут кому как. Он уверяет, что любит созерцать эстетику, а ты у нас, как известно – красотка, – хмыкнул Альфонсо, привставая на локтях. – Толковая Каракатица, я прав?

– Более чем! Настурция – само совершенство! – поддакнул я.

– Дельторо, я думала, что ты–то хоть на моей стороне! – почему–то краснея, воскликнула колдунья.

Она легко поднялась и пошла умываться к маленькому родничку.

– Мы все на твоей стороне! – крикнул я ей вслед.

– Но только не ты!

– Что кричите спозаранку, как пигалицы пришибленные? – прокряхтел Дурнбад со своего лежака.

– Это Настурция задает дню настроение, – ответил я. – Считает, что я на нее глазею. А это недопустимо.

– Скажи, Калерб, сколько тебе лет? – спросила Лютерия Айс.

Она тоже проснулась и теперь улыбалась нам. Магистр Ордена Милосердия импонировала мне тем, что, она всегда всем своим видом выражала благодушие и предрасположенность. Видимо такой и должна быть наставница самого кроткого, всепрощающего и ласкового прихода.

– Эм? Я должен назвать цифру?

– Нет. Но предполагаю, что больше, чем семнадцать полных годков? Так?

Альфонсо расхохотался, а я насупился, не понимая, что вызвало его веселье.

– Так.

– Если так, то почему ты не научился разбираться в людях? В их эмоциях и их чувствах? Ты ранишь Настурцию.

– При чем здесь чувства и какие–то раны? Настурция, как всегда, полезла в бутылку прямо с утра пораньше!

– Это грустно, – промолвил Альфонсо. – Но Кaleb не притворяется. Он, правда, такой.

– Ваши неприкрытые полунамеки меня бесят! Чего я не вижу?!

– Не вижу я тут еды! – гаркнул Дурнбад. – Где твой волшебный ковер?! Пусть он мне в пожарном порядке принесет чаю, да покрепче, запечённой баранины под чесночным соусом и сыра с дырками, как уши у тролля!

– Ух, какой гурман! – улыбнулся Альфонсо. – Подавайте ему в пути изыски королевского стола!

– А что я такого попросил?! А?! Ты, лесное полено!

Дельторо помрачнел. Дурнбад иногда бывает грубым в своих высказываниях.

– Ты обидел Альфонсо, – попенял я брату по крови.

– И ты заметил это? Странно, – все так же улыбаясь, промолвила Лютерия Айс.

– Заметил!

– Я ответил шуткой на шутку. Он же не маменькин сынок, чтобы расплакаться, а настоящий мужик, – мотнул головой Дурнбад. – К слову, про обиды. Ты, конечно, это делаешь не нарочно, но Настурцию частенько задеваешь.

– Чем?! Вы меня уже достали своими разговорами про меня и Настурцию!

– Невниманием, – улыбнулась Лютерия Айс. – Прояви ее ко мне. Я хочу бутерброды с маслом, так же чай с сахаром и омлет.

– Твои заказы какие будут? – бросив попытки докопаться до истины в речах своих друзей, спросил я у Альфонсо.

– Тоже, что и ты.

– Тогда кофе, яичница и колбаса на хлебе.

– Подходит.

Возвратилась посвежевшая Настурция. Она, заметив, что я вынимаю из сумки Скатерть «На любой вкус», сказала:

– Мне противно быть зависимой от тебя.

– И все-таки. Твои пожелания?

– Всего одно – чтобы ты расшиб себе голову, и дальше мы бы ехали без тебя!

– Она первая начинает меня задирать! – вскричал я. – Ну вы же это слышите! Слышите!

– О, Урах, как дети малые! – всплеснула руками Лютерия Айс. – Этот слепец слепцом, а та злится на него из-за этого! Вы точно мудрые маги или только делаете вид?

– Настурция любит цикорий и творог, – уведомил меня Альфонсо.

– Исполню, – буркнул я.

После того, как все мы поели, сразу оседлали коней, которых погнали во все копыта. Ландшафт изобиливал холмами и покатосями. Наша пятерка то скакала вверх, то неслась вниз. По правую руку текла

река Ольса – тоненькая такая, но богатая рыбой и крабами. М–м–м! Крабы! Вкусненькие!

День, впрочем, медленно и неуклонно подходил к концу. За сегодня мы совершили всего две стоянки и третья, последняя, сейчас предполагала сон.

– Мы уже послушали Калеба и Альфонсо. Про Бархатные Королевства и Ноорот’Кхвазам – проговорила Лютерия Айс, кутаясь в свою мантию. – Кто будет рассказывать следующим?

– Кто спросил – тому и карты в руки, – отозвался Дурнбад, грузно плюхнувшись на заросли дрока.

В зарницах разведенного костра глаза гнома стали похожи на две горных пропасти Будугая.

– Хорошо. Я поведаю вам об Островном Королевстве. Кому–нибудь из вас приходилось бывать там?

– Мне, – серьезно кивнул Альфонсо.

– Ты забыл, что я был там вместе с тобой? – хмыкнул я.

– С тобой? Нет, со мной путешествовал какой–то сутулый грач, а тебя я не припомню. Нет.

– Карр! – возвестил я, кинув в Альфонсо охапку папоротника орляка. – Карр!

– О! Похоже, похоже!

– Я, естественно, читала об Островном Королевстве, – сказала Настурция.

– В Железных Горах про эту страну и слыхивать не слыхивали, где это и что это?

– Тогда спешу удовлетворить твое любопытство, любезный гном, – родничком пропела Лютерия Айс, подбрасывая в пламя пару веточек.
– С самых пеленок и до десяти ле, я с моим отцом, капитаном маленького торгового судна «Пачули», много плавала по морю Призраков и Абрикосовому морю. В Ледяное море и Радужное «Пачули» не навевался, это далеко и опасно, а по первым двум, ходил, да.

– Не могу согласиться с утверждением того, что Абрикосовое и Призраков моря тихие гавани, – отметил я.

– И что ребенку на палубе самое место, – поддержал меня Дурнбад. – Я тут недавно с братом по крови колыхался в трюме «Клинка Ночи». Так вот, мне та тряска не в жилу пришлась.

– Меня не с кем было оставить, – ответила Лютерия Айс. – Моя мама умерла родами, а у папы не было денег, чтобы нанять мне няньку. Да и кто бы присмотрел за мной лучше, чем родной отец? Он очень оберегал меня, и... Море... Я полюбила его всем сердцем. Я не боялась его штормов и беснующихся волн. Они, как и пятерка матросов, были мои верные друзья. Но мы отклоняемся от темы, – улыбнулась магистр Ордена Милосердия. – Вы правы, соленые просторы своенравны. И однажды «Пачули» почувствовал их прихоть на себе самом. В тот день разразилась буря, какой я до этого никогда не видела. Ревел ветер, и ураган рвал наши паруса. Корабль подхватило волной и понесло в необъятную ширь. Сколько бесновалась буря? Сказать не могу. Нас выкинуло в океан Безнадежности, в ту бесконечную гладь, что простирается от края до края. Понять, куда править, чтобы вернуться к рубежам Соединенного Королевства было нельзя. Спустился влажный смог, и звезды смазывались в единое пятно, а солнце словно потерялось. «Пачули» блуждал и блуждал, пока на обозримой кромке не замаячили земли. Мы взяли курс на них. То был архипелаг, принадлежащий коммуне «изысходов» – одной из народностей Островного Королевства. Мирные, в отличие от большинства этносов этой страны, они приняли нас, обогрели, накормили и рассказали о своей истории. Почти неделю

мы провели под кровом гостеприимных изысхадов, а потом, набравшись сил и починив корабль, при благоприятной погоде, отчалили к Соединенному Королевству. Покидая изысхадов, я унесла с собой багаж знаний, к которому отношусь как к сокровищу. Не только потому, что я узнала что-то новое, но больше из-за того, что прониклась культурой и странными обычаями тех людей.

– Ты оказывается, такая, отчаянная пловчиха. Мне пока все интересно, – одобрил Дурнбад.

– Я рада. Итак. Постараюсь поделиться своей эрудицией. Бытует мнение, однако, основанное не на голосовой молве, что все люди Островного Королевства немые или что у них вовсе нет языков. Эти толки, распространяемые в Керане, взяты из торговых взаимоотношений между Соединенным Королевством и государством океана Безнадежности. Мрачные галеры из Островного Королевства никогда не заходят в порты, присылая своих негоциантов на базары на лодках и шлюпках. Это действительно так, но из двадцати-тридцати сошедших на сушу мореходцев всего один будет настоящим уроженцем Островного Королевства. И уверяю вас, он умеет говорить. Его свита – безмолвные рабы, плененные в Империи Хло. Их задача принести сундуки и тюки на рынки Хафлана или иных прибрежных городов. Рабов лишают голоса из-за старого поверья, гласящего, что однажды на трон Островного Королевства взойдет невольник. Силой магического крика он заявит свои права на него, и никто не сможет дать ему отпор. Рабов на разбросанных клочках земли в океане Безнадежности очень и очень много. Вообще рабство в Островном Королевстве – суть естественного уклада. И от этого мне, несомненно, грустно. Мне дали посмотреть на карту владений Островного Королевства. Оно включает в себя более ста девяноста черных пятен на синем фоне. Каждое пятно – это суша окруженная водой. Это селение или крепость, имеющее свой герб и свой изолируемый социум с правилами и уставами. Впрочем, во всем Островном Королевстве есть только три неукоснительных и заповедных принципа, распространяющихся на все пристани-твердыни: беспрекословно подчиняться королю-пирату, отдавать старшего отпрыска Сынам Спрута и не признавать никаких демиургов, кроме Шаггудды.

Шаггудда – это Монстр Недоступной Впадины, Бог Воды и покровитель Островного Королевства. Шаггудду изображают как огромного кита с зубами–мачтами, глазами–жемчужинами и золотыми плавниками. На скульптурах их красят настоящим золотом или используют медный порошок. У Шаггудды есть два Сына и две Дочери. Сын Спрут – полководец всех морей и океанов, Сын Осьминог ведает храмами, правосудием и врачеванием, Дочь Медуза отвечает за улов, богатство и семейный очаг, и последняя Дочь Акула повелевает барышами, вольностями и корсарской авантюрой. Получается четверо младших богов и один старший – над ними. Как уверяют «островитяне» что все их короли–пираты тянут свою родословную от Самого Шаггудды и являются воплощениями Его наземного отражения.

– Мне все это известно, но послушать от тебя в таком ключе и вспомнить это очень здорово! – похвалил я.

– Почему в тебе нет чувства такта? Почему ты так и норовишь всех перервать? – раздраженно спросила Настурция. – Что когда нам Альфонсо давал представление о Ноорот’Кхвазаме, что сейчас, когда Лютерия делится своим опытом – ты неизменно влезашь со своей эрудицией. Может, мы все будем молчать, и слушать только тебя?

Посмотрев на колдунью, я сконфузился (уже второй раз она указывала мне на мою невоспитанность), а потом перевел взгляд на магистра Ордена Милосердия.

– Извини, что вклинился, Лютерия.

– Продолжай, пожалуйста, – сладкоголосо попросила Настурция.

– Тебе незачем так себя вести, – покачала головой Лютерия Айс. – Ты злишься на Калейба и, как я понимаю, еще и на себя. Если Ураку будет угодно – Он осуществит твою мечту, но если нет – смирись с этим. Всеотец даст тебе...

Лютерия пересеклась со мной взглядом, после чего опустила глаза. Через секунду она сказала:

– Еще даст тебе счастье.

– Мне не нужно никакое счастье! Я и так счастлива! И я не злюсь на него! Я просто стараюсь быть объективной! – розовея, всплеснула руками Настурция.

– А почему ты все время краснеешь? Как ягодка–клубничка, а? – не удержался я.

– Калев! – предостерегающе воскликнул Альфонсо.

– А почему ты все время язвись?! Не из–за того ли, что в тебе полным–полно неизрасходованной желчи?! Все поливаешь меня ею и поливаешь!

– Так, маги–шмаги! Цыц! Мы сегодня вечером не ваши конфликты обсуждаем! – рыкнул Дурнбад. – Лютерия?

– Позвольте?

– Конечно! – в один голос сказали мы с Настурцией.

Лютерия Айс покрутила в пальцах серебряный медальон Ураха.

– Спасибо. Островное Королевство живет грабежом, разбоем и военной добычей. Их флот – грозная сила. Я бы даже сказала – абсолютная сила. Под знаменами Спрута собраны тысячи боевых галер и драккаров. И это, не считая других каравелл, не участвующих в набегах. Знаменитый флагман короля–пирата, «Великий Змей», носит на себе более двадцати сотен воинов. Представляете себе, насколько он огромен? Невообразимо. Нет, Калев, воочию я его не видела. С уверенностью могу заявить, что «островитяне» с младых когтей учатся обращаться со снастями, как править судном и правильно распознавать малейшие изменения погоды, которые всегда использует себе во благо.

Они и палуба – единое целое. Одно существо. Обожжённые лучами солнца и обветренные солеными шквалами, островитяне суровые и упрямые мужчины и женщины. Они не приемлют слабости. Больных или хворых новорожденных, преступников, военнопленных, а также стариков с надетым через шею камнем скидывают с кормы в пучину, к Шаггудде. Жестоко, грубо, по–варварски и бессердечно. Якобы там, в невиданных недрах, Монстр Недоступной Впадины съедает страшное подношение, чтобы вечно переваривать его в своем бездонном желудке.

– Жутковатые у них традиции! – крикнул Дурнбад. – У нас таких нет!

– Ага, у вас просто с горы сбрасывают! – хмыкнул я.

– На да, или голову с плеч секирой, – хохотнул гном. – У нас так в ходу! Бац, и ты покойник!

– Вот уж умора, – закатывая глаза и сжимая губы, протянула Настурция. – Обхохочешься!

– Островное Королевство, дрейфующее в океане Безнадежности, имеет доступ ко всем его ресурсам. Как к обычным, так и к уникальным. Если про рыбу говорить не имеет смысла, то отметить фосфоресцирующие водоросли, продляющие молодость, стоит. Они растут у оснований рифов, и добывать их сложно. Что еще? Невыцветающие краски, изготавливающиеся из разноцветных мидий, легковесная и прочная материя из чешуи «гладких бестий», покрытые добытым перламутром кости тупорылых черепах, чудодейственные лекарственные выжимки из внутренностей ольховых крабов, «рассекатели» – неимоверно острые пластины, из которых потом куют клинки...

– Что за рассекатели? Откуда они берут эти рассекатели? – пробасил Дурнбад.

– Их сдирают с панцирей особенных морских звезд. Они похожи на такие лезвия. Служат защитой от хищников.

– Эвон как!

– Очень острые, – добавил Альфонсо. – Меч, изготовленный из рассекаателя, пройдет сквозь обычный доспех, как нож через масло.

– С гномьей сталью им точно не сравниться! – надулся старейшина войны.

– Да нет, рассекатели точно посоперничают с вашими сплавами, – хмыкнул Альфонсо Дельторо.

– Дудки!

– Голая истина!

– Лютерия, добавишь еще что-нибудь? – спросил гном, недовольно зыркнув на следопыта.

– У тебя, видимо, есть вопрос, – улыбнулась магистр Ордена Милосердия.

– Да, – кивнул старейшина войны, отхлебывая эля из кубка (Скатерть, как видно, перенесла его с самого Зарамзарата). – Мне непонятно вот, что. Почему рабы, достигнув Соединенного Королевства, никогда не убегают от своего хозяина? Он – один, их – много больше. Лично я бы, будь в такой ситуации, прибил бы гада и дал деру.

Лютерия Айс печально вздохнула.

– Потому что они не могут. В Островном Королевстве умеют «связать» невольникам руки и заставить их что-то делать без всяких кнутов и бичей. Колдовство. Я не знаю, как это называется. Маги воздействуют на разум человека, навязывая ему свою волю, да так, что

у того даже мысли не возникнет им перечить. Что-то сродни транснаваяву.

– Угу. Заклятие Ментальных Кандалов, – добавил я. – В Островном Королевстве мои «коллеги» всем нос утрут по части магии разума. Ворожбой они уничтожают почти весь рассудок жертвы, а потом крутят ею как болванчиком на спектакле кукол. Замечу, что чтобы добиться интеллектуального господства над несчастными, необходимо провести сложный ритуал, однако в Островном Королевстве это поставлено на поток. Там есть мастера, которые знают, что, к чему и как.

– А ты такое в состоянии обстригать? – осведомился у меня гном.

Я пожал плечами.

– Некромантия и магия разума отдаленно похожи. Поэтому в каком-то смысле могу. Над мертвыми.

– Волшебники кладут жизнь на то, чтобы наловчиться держать контроль над мозгом. Этому учатся десятки лет. В Тритон–Аспере – столице Островного Королевства есть анклав Гоштуа, государство внутри государства. Он принадлежит касте кудесников–парапсихологов – закрытому обществу, практикующему исключительно магию разума. На благо Островному Королевству, разумеется, – промолвила Настурция. – Наша и их магия, – Калев тебе и правильно говорит, совсем не родня. Даже струны Вселенной для создания акта Смирения задействуются разные. Если твой друг при некромантии пользуется Злобой Назбразля или Вечной Энтропией, а Лютерия – Добром Ураха, то в Гоштуа культисты полагаются на собственную внутреннюю силу. Они в своем ремесле более близки к Оплоту Ведьм и ворожеем, чем к нам, знатокам тайн естества и мистерий демиургов.

Неправильно?! Да у меня куча доказательств есть своей правоты! Я, было, открыл рот, чтобы вылить на Настурцию поток тезисов и неоспоримых фактов, но Альфонсо сжал мое запястье:

– Не надо.

– От завернула–то! Прямо как брат по крови, когда дело до разъяснений доходит! Вроде и разжевала все и одновременно еще больше запутала, окаянная! – расхохотался Дурнбад. – Маги–зигзаги, вы токуйте–то так, чтобы другие вникали!

– Пф! – изрекла Настурция, чуть надувшись. – Я вроде ничего такого заумного не сказала.

– Принято к сведенью, – ухмыльнулся я Дурнбаду.

– Я ж проверю! – хрюкнул в бороду гном.

–Ух, какой подгорный зануда!

– Сам зануда с равнин!

Глава 26. За Соединенным Королевством. Рассказы Дурнбада и Настурции

Мы легли. Я заснул быстро и никаких сновидений не видел, чему был несказанно рад. Утро подменило ночь, и наша пятерка понеслась по Змейчатому Тракту. Три дня максимум, и мы достигнем форта Нура. Дорога, протоптанная временем, вела нас вперед. Меня посещали разные думы, но ни одна из них не относилась к чему–то определенному. Мне опостылело ломать голову над всеми проблемами, поэтому я касался в самом себе фабул, связанных с чем–то отвлеченным. Цветы у обочины распускаются. Лютики то или дикие астры? Что за птица так истошно кричит в лесу? Может, птенец выпал из гнезда? Парит – дождь, что ли, будет? Мое предчувствие насчет ливня оправдалось. Гроза разразилась к полудню и не утихала до самого вечера. Мокрые, продрогшие и молчаливые, мы кое–как сыскали трактир у развилки. Вдали, если хорошенько присмотреться, можно было увидеть малюсенькие огоньки – там Осприс. Это здесь генерал Мито Як увидел, что на город напала ватага Десницы

Девяносто Девяти Спиз. Он отбил нападение, а потом подоспевшая Настурция закрыла червоточину. Я глянул на сестру–близнеца Эмилии. Со слипшимися волосами, она тоже, как и я, прикинула взором к Оспрису. Ох, уж его «Мазня–Возня"! Во век не забуду ее и Гамбальда с Зожей–Ожей! Эх, Икки Тир! Как ты меня расстроил! И надул! Да, надул!

– Ты молодец. Не каждый бы отважился рискнуть своей жизнью ради других, – тихо сказал я, когда Альфонсо, Дурнбад и Лютерия зашли в трактир. – Я знаю, что это ты спасла Осприс от лап Десницы Девяносто Девяти Спиз.

Не поворачиваясь ко мне, Настурция промолвила:

– Ты даже не представляешь, что творилось под стенами Осприса. Там шло сражение, час за часом. Твари, полуголые и со звериными головами, штурмовали полки Мито Яка... Резня была страшная. Мне в такой никогда не доводилось участвовать... Я прибыла сразу, как получила вызов... Отчаянной атакой, безумной даже, мы проломили оборону демонов, и там я... Я закрыла потусторонние врата. Меня едва не разорвало напополам, но я смогла. Одна. Без чьей–либо поддержки...

–Нет, я именно, что представляю, каково тебе там пришлось, потому что сам не так давно сделал тоже самое.

На лицо Настурции набежала тучка.

– Ну да, ты же у нас самый талантливый и всё умеющий. Говоришь об этом как о будничном походе в бакалею.

– Настурция, давай с тобой объяснимся? Почему ты цепляешься к каждому моему слову? Сейчас я вообще ничего такого не сказал. Лишь похвалил тебя.

Я попытался взять колдунью за плечи, но не смог. Когда я дотронулся до нее, меня прошиб электрический заряд. Не

болезненный, впрочем, но ощутимый.

– Никогда не прикасайся ко мне! Даже пальцем! Ты уяснил? – разозлилась Настурция. – С моей сестрой за ладошки держись!

– А при чем тут Эмилия? Что ты ее все время вспоминаешь? Почему тебе все не так?

На глазах Настурции выступили слезы. Не терплю женских слез! Гром грянул так, что я едва расслышал, что она мне ответила.

– Почему тебе доставляет удовольствие играть мне на нервах?!

– Нервах? Я...

– Ты! Да, ты! Я почти забыла тебя! И нет же, вот он ты, на пороге Грэхелькхольма! Почему ты не умер в этом дьявольском Гамбусе?! Почему?! – закричала колдунья Ильварета.

В окне трактира возникла Лютерия Айс. Она махнула нам, приглашая войти. Я показал ей растопыренную пятерню – «пять минут».

– Ты бы хотела этого?

– Не скрою, да!

– Настурция, за что ты меня так ненавидишь?

– Ты... Потому что ты для меня!... Ты для меня пустой звук и я не стану отвечать на твои вопросы!

Колдунья Ильварета открыла дверь и прошмыгнула в зал трактира. Небо словно взбесилось. С него лило и лило, а я стоял и думал, чем мог я когда-то так задеть Настурцию. Странная она, конечно. И характер у нее не как у Эмилии. Моя лучшая подруга – мягкая, веселая, отходчивая, а Настурция иного покроя – серьезная,

ответственная, обидчивая. Две сестры и такие разные. Я вздохнул. Была пора, когда мы путешествовали все вместе. Я, Бертран, Эмилия, Альфонсо и Настурция. Тогда черная кошка еще не пробежала между нами, и мы делили неприятности и вкусы поровну. Как братья и сестры. Что же произошло? Из-за чего сердце Настурции так ожесточилось? Дело точно в нас с Эмилией. Я же не дурак! Но вот в чем конкретно? Загадка! Клубки взаимоотношений я расщелкиваю так же легко, как дверь ломает скорлупу грецкого ореха, а тут... Что-то не досматриваю, видимо. Побеседую об этом с Альфонсо, вдруг на что укажет. Еще немного подышав свежим весенним ненастьем, я, не торопясь, зашел в трактир. Внутри было человек пятнадцать – пару патрульных солдат с сержантом, одинокие странники, кочующие торговцы да гонцы. Я подошел к друзьям и скинул плащ на спинку стула.

– Кaleb! Ты что, в реке купался? – пошутил Альфонсо, наблюдая за тем, как подо мной образуется лужица воды.

– Так вместе с тобой плавали, – кивнул я. – Забыл что ли, тетерев?

– Сегодня черед мне вести вас по странам, – заявил Дурнбад, положив локти перед мутной кружкой с пивом.

– Тебе? А где твою бороду носило помимо Будугая? – удивился я.

– Я иногда поражаюсь тому, какой ты рассеянный, брат по крови! Что вот про науку – ты первый дока, а где запомнить что-то к ней не относящееся – тут у тебя морока! Ну, подлец же? Да?

– Я не подлец!

– Ладно, ты огурец. Я же давеча только обмолвился, что слонялся по Ледяным Топям. Ну, когда Альфонсо нам про Ноорот'Кхвазам распиался.

– Между кланом Надургх и Ледяными Топями лежат все Железные Горы. Что тебя потянуло проделать такой путь?

Гном надолго приложился к кружке. Он выпил ее залпом, рыгнул и зычно, через весь зал, потребовал у трактирщика добавки.

– Я – герой, старейшина войны и самый удалой вояка Зарамзарата, а так статься, что и всего Будугая. Я берусь за любую опасную работу без всякого страха. У отца было поручение для меня за пределами скал, и я его выполнил, – пророкотал Дурнбад. – Если вкратце, то лет двадцать назад один плешивый, но высокорожденный гном Рафдан из Балгана на Гхаге – Верховном Совете глав всех мало-мальски видных кланов, обвинил Надургх в присвоении себе чужих территорий и объявил ему Нчурдан – официальную войну. Этот клан Балган, да какой там из него клан был, так, сборище отбросов и балаболов, пронюхал, что в Ничейных Землях, граничащих с Надургхом, есть богатые залежи алмазов, и поторопился наложить на него свою паклю. Но Надургх на мякине не проведешь, мы тоже подсустились. В общем, спор решился по старинке – сечей.

– Почему ты говоришь про Балган «был»? – поинтересовалась Лютерия, аккуратно отщипывая мякоть с куриной ножки.

С полуулыбкой на устах, Дурнбад сжал пудовые кулаки.

– Потому что его племя развеялось по ветру. В Будугае правит сильный, а слабый – умирает. Воинство Надургха под моим командованием вначале одержало громкую победу на Ничейных Землях, раз и навсегда показав, чьи там алмазы, а затем ворвалось в Эхмель – главную гору Балгана. В тот день Надургх вычеркнул племя Балгана из Гхаги и всех летописей.

– Твои соплеменники устроили геноцид целому клану? – ужаснулась магистр Ордена Милосердия.

– Тех, кто держал оружие, – да, отправили к Владыке Гор, как мужчин, – без тени смущения отозвался Дурнбад.

– А капитулянтов? Детей? Женщин?

– Пленных не тронули. Клан Надургх – самый благородный клан всех кланов всего Будугая! – выпячивая грудь колесом, гордо ответил Дурнбад. – Мы испокон веков стоим за честь!

– Что же с ними стало? – не унималась Лютерия Айс.

– Тех, кто постарше, отправили на рудники и штольни, младых – забрали к себе в Зарамзарат, – пожал плечами Дурнбад. – Обычная доля побежденного.

– Жуткая доля.

– В Эхмеле теперь «сидит» Надургх? – спросил Альфонсо.

– И довольно крепко, – кивнул старейшина войны. – Война пошла нам на пользу. Взбодрила дух, расширила владения, продвинула авторитет моего народа на Гхаге. Все сложилось лучшим образом.

– Так, а про задание Дунабара–то что? – подтолкнул я Дурнбада.

– Отца–то? Он повелел мне поймать сбежавшего с поля брани главу клана Балгана. Рафдан оседлал снежного барса и дал деру. Как последний трус! – сплюнул Дурнбад. – Я гнался за ним на Клаке, как бешеный, но его кошка в скорости моей не уступала. Барсы, умные и преданные животные, чувствуют, когда их седок в опасности и гонят так, что не поспеешь. Семьдесят лун или около того, я преследовал Рафдана. Я покрыл столько лиг, что и подумать страшно. В конце концов Рафдан и я спустились с Будугая и помчали к Минтасу. Неподалеку от чокнутого города–диска я так–таки настиг главу клана Балгана.

Лютерия Айс сузила глаза.

– И?

– Отец сказал мне – приведи мне Рафдана или принеси к трону его голову. Рафдан выбрал второе.

– В этом рассказе уместается вся суть гномов, – изрекла Настурция Грэкхольм, помешивая ложкой сахар в чае. – Простые решения простых проблем.

– Я так-то не про Будугай почесать языком собирался, а про Минтас, – пробасил Дурнбад, опорожняая третью чарку.

– Вот как? Ну, давай, – проговорила Настурция. – История, в которой гном будет описывать магов – дорогого стоит.

– Я изрядно измотался. Скачка за Рафданом отняла у меня много сил, да и боец он оказался не кислый – попотеть пришлось, поэтому я решил поочахнуть в Минтасе. Я пришпорил Клака, и мы затрясли к городу. Да, городом, конечно, его назвать можно с натяжкой. Не такой он, как все. Этакий парящий в небе овал с минаретами и башнями. Неоглядный вблизи, он плавает в облаках так, как ему велят его невменяемые колдуны. То над Ледяным морем зависнет, то переместится абы куда, аж к Рунному Королевству. Когда я стал приближаться к Минтасу, из него, с необъятного верха, как по волшебству, выскочила лестница. Да не такая, знаете, веревочная, а самая настоящая, большая, как перед дворцами делают. У самой ее кромки меня встретили четыре стражника. Все сияющие, молодые и улыбающиеся. Они сказали мне: «Здравствуй, Дурнбад, старейшина войны клана Надургх и сын Дунабара. Минтас и его владыки приветствуют тебя!» Я им ответил: «Горы и недра! Откуда вы меня знаете?». А они мне: «Совету Истцов ведомо о каждом живом существе. Проходи, Дурнбад! Даэрио Симильвейн приглашает тебя стать его гостем». Вот так я и попал в Минтас. Этот Даэрио Симильвейн д у них за главного там, вроде бы верховный истец его чин. Только он не человек. Нет! Он оболочка от человека! Вместилище чего-то Жуткого!

Дурнбад обвел нас взглядом.

– Клянусь бородой, когда я с ним встретился, он показался мне как бы ни самим собою что ли. Как объяснить? Как будто через его черные глаза на меня смотрел кто другой! Какая-то очень умная и чуждая тварь!

– На самом деле твое чутье тебя не обмануло. Вернее ты прав наполовину, – подтвердил я. – Даэрио Симильвейн все же человек, но! Давным-давно, еще до моего рождения, он заключил договор с неким созданием – Тихим Наблюдателем, гигантским ленточным червем. По сути Даэрио Симильвейн в обмен на магическую силу, позволил Тихому Наблюдателю, хм, забраться внутрь него.

– То есть в этом Даэрио засел солитер?! – возопил Дурнбад.

– Он не то чтобы солитер... – протянул Альфонсо.

– Именно так, – утвердила Настурция. – Тихий Наблюдатель– это древний и могущественный паразит. Он обладает большой властью над элементами Вселенной, однако без донорского тела его потенциал не столь уж велик. Только вклинившись в «сосуд» из плоти и крови, Тихий Наблюдатель обретает настоящую власть творения. Его мудрость, как и интеллект поразительны, поэтому время от времени находятся те, кто не прочь «впустить» его в себя. Я полагаю, что Тихий Наблюдатель почти полностью контролирует свой «сосуд», впрочем, сохраняя ему некую видимость свободы действий. Даэрио Симильвейн – марионетка, и в Минтасе правит именно Тихий Наблюдатель. Это он, а не верховный истец, позвал тебя насладиться «его» городом.

– Никогда не слышала про такого... такую мерзость! – ахнула Лютерия Айс.

– Вот уж монстр! – согласился Дурнбад.

– Тихий Наблюдатель – феномен интересный, – промолвил я. – Никому доподлинно не известно, откуда он взялся. По крайней мере, второго такого червя нет.

– То бишь и да, – буркнул гном, отирая рот тыльной стороной ладони. – Этот Даэрио Симильвейн или Тихий Наблюдатель, сказал мне, чтобы я, высокорожденный Надургх, чувствовал себя в Минтасе как у себя дома. Он ушел, а я принялся бродить по улицам. Какие они! Все в цветах! С позолотой! С яркими красками! Загляденье! А люди – то люди! Все до одного волшебники! И даже джины есть! Они там что только не вытворяют! Огненные шары запускают и превращают муху в графин! С животными разговаривают! И это происходит везде! Прямо на глазах! Есть в Минтасе что-то наподобие базара. Всячины там разной навалом! У меня глаза на лоб лезли от тех вещиц, что лежали на прилавках! Походил я туда-сюда, побеседовал с тем и этим. И вот, что мне рассказали. Каркас Минтаса – весь этот летающий оmlет был некогда построен из панциря черепахи Минтамансия. Эта зверюга, понимаете каких размеров, плавала где-то за Ледяным морем, в океане Темного Холода, пока ее не сокрушил Айэ – Бог Айсбергов. Айэ выел мясо Минтамансия, а остов выкинул в воду, где на него наткнулся некий маг первобытности – Калибард, скитающийся по Темному Холоду. По легенде Калибард был химерой – наполовину человеком, наполовину кем-то не от мира сего, может тоже Богом. Он загорелся идеей сделать из кости Минтамансия независимое государство волшебников. Чарами Калибард создал на панцире замки и стены, купола и капища. Он назвал свое детище Минтас, в честь Минтамансия. Долго пустой Минтас слонялся по Темному Холоду вместе с Калибардом, доводящим его до идеала, пока не явился Айэ. Бог Айсбергов заявил, что скелет Минтамансия ему противен, и что Он хочет, чтобы Калибард, если уж тому так понравилась «дохлятина», убрал его куда подальше. На вопросы мага «Куда и как?» Айэ ответил: «Я помогу». Бог Айсбергов стал дуть на Минтас, и тот поднялся в небо, а потом полетел к Ледяным Топям. Да он и остался курсировать там в рамках, огороженных Айэ. И все минувшие тысячелетия, сколько бы Минтас не пытался сдвинуться через Ледяное море в Темный Холод, у него не выходит. Это касается и Ледяных Топей. Дойдя в своем полете до Великого Леса, Ноорот'Кхвазама или до Будугая он начинает крениться к земле, падать. Видимо чары Айэ тоже имеют свой предел, поэтому Минтас навечно застрял на «стылом пятачке».

Но его обитателей это не огорчает. Они благоденствуют и занимаются своей дурной наукой без всяких надоеданий извне. В Минтасе заседают истцы – избранные чародеи–наместники, которые пекутся о безопасности своего немногочисленного народа. Как я понял, в Минтас можно попасть всего тремя путями: приехать торговать, но тогда в сам город вас не пустят, родиться в нем, или если вы получите личное приглашение, как вот я. Барышничают мои соплеменники, виалы из Рунного Королевства и люди Соединенного Королевства с Минтасом только в определенный день – последнее число каждого месяца. В эту дату под крепостью–диском устраивают нечто вроде ярмарки. В Минтас везут в основном еду, а из него всякие зачарованные побрякушки. Детей в «городе над облаками» я насчитал не больше десятка. Завести ребенка для семьи магов – наивысшая награда. Чад, что роженицы принесут под сводами Базиликума – Университета Чародейства, Космогонии и Медицины, с пеленок будут обучать всем тонкостям магического искусства. Но не только ему. Множество самых разнообразных дисциплин впитают в себя маленькие человечки, пока не станут взрослыми юношами и девушками. Это про два первых способа, как зайти в Минтас. Третий – по вызову. Тут, как говорится, выбирают по заслугам. Если ты знаменитый кудесник или важная шишка, как я, то, возможно, тебя допустят побродить по садам и галереям Минтаса. Поглядеть на его всякие достопримечательности и приобщиться к степенной учености.

– Ты отметил Базиликум. Это оплот тайнства Жизни и Смерти. Его лекари признаны лучшими из лучших в целом мире, – сказал я.

– Тангинсия – Академия Врачевания в Королевстве Бурунзии – с ним легко посоперничает, – не согласилась Настурция.

– Мой Орден Милосердия и сестры Ордена Креста многое умеют, – тихо промолвила Лютерия.

– Но не столько, сколько в Базиликуме, – сказал Альфонсо, отставляя от себя тарелку. – Я с Калесом тут за одно. Лекари из Минтаса ценятся в мире так же, как вода в пустыне.

– Про их свихнувшиеся Житницы Знаний. Их там штук десять и каждая «особенная», – крикнул Дурнбад. – Сейчас перечислю какие запомнил: Университет Чародейской Медицины, Университет Астрологии и Звездного Склона, Университет Тайного, Университет Элементов, Университет Ночи и Дня, Университет Механизмов, Университет Природы, Университет Чтения что ли? Они там, что? Буквы складывают как-то не по-нашему?

– Университет Чтецов Времени, – поправила Настурция. – В нем обучают тому, как предсказывать будущее.

– А разве его можно как-то прозреть? Вот я сейчас это блюдо разобью или нет, мне бы ответил ихний шарлатан?

– Нет, ты слишком непредсказуемый, – улыбнулся Альфонсо. – Зато будет сегодня Калев храпеть в подушку или нет, они бы в прорицании не промахнулись.

– Или станет ли Альфонсо завтра ворчать по поводу и без повода – тоже бы предвидели наверняка, – шуткой на шутку отозвался я.

– Что ты с Эмилией пургу нес, что с Альфонсо каламбуришь! Смешной ты, брат по крови! За что тебя и люблю!

– Я тоже люблю тебя, крепыш!

– Поездка утомила меня, а история Дурнбада принесла на сон грядущий приятную думу, – зевнула Лютерия Айс. – Альфонсо, ты же договорился о ночлеге? Я так хочу спать.

– Да, Лютерия. Наши комнаты на втором этаже.

В зале трое гуляк-солдат затянули песню, славящую Констанцию Демей.

– Меня их фальшивые голоса тоже не смутят, – окинув взором распевшихся выпивох, сказала Настурция. – Доброй ночи.

– Мы все с тобой. Пивцо меня разморило, поэтому пора и баиньки, – ввернул Дурнбад. – Кто под горочку сойдет, тот и сладенько заснет.

– Альфонсо, посидишь со мной лишних пятнадцать минут?

Следопыт проводил глазами удаляющихся друзей, а затем, вздохнув, ответил:

– О чем будет разговор?

– Настурция.

– Так?

– Чего я не вижу.

– А что ты видишь?

– Она, хм, не приветствует мое общество.

Альфонсо задумчиво покрутил яблоко по столешнице.

– И да, и нет. Больше нет, чем да. Однако и «да» присутствует.

– Конкретнее.

– Я не уверен, что эту тему нужно развивать... ночью.

– Меня не проведешь. Ты пытаешься уйти от диалога.

– Если тебя не проведешь, то почему ты проводишь сам себя?

Я непонимающе помотал головой.

– В смысле?

– Ты настолько себе на уме, что, как бы выразиться, порой самые очевидные истины для тебя, что непроницаемая стена.

– Какие?! – чуть не крикнул я.

Эта манера Альфонсо ходить вокруг да около меня иногда раздражает.

– Кто для тебя Настурция?

– Сестра Эмилии, выдающаяся колдунья, ну и... друг. Да, другом я ее всегда считал, несмотря на то, что она меня нет.

– Вот ты и сказал главное – сестра Эмилии. Почему ты вспомнил Весенний Шторм? Настурция – личность с совершенно отличным от Эмилии характером. Из-за чего ты упомянул ее? Говорить о том, что у них одинаковая внешность воспрещается. Подумай, ведь ты подошел к ответу на свой вопрос.

Я потупил взор.

Выплеснуть на Дельторо мои чувства? Они горят ярче пламени... Настурция. Вся она, каждое мгновение напоминает мне о той, что ласково завет меня «старый гриб» и «порванный носок», о той, по которой мое сердце выстукивает дробь не хуже, чем палочки по барабану на военном марше.

– Эмилия моя лучшая подруга...

– Так ли это?

– С оговоркой, – несмотря на Альфонсо чуть слышно выдохнул я.

– Тебе от меня ничего не скрыть, Калев. Даже не от меня, а от всех нас. Ты часто поминаешь Эмилию. Рассуждаешь, как она и где

она. Не мерзнет ли, не голодна ли, не заболела ли. Понимаешь, к чему я? Тут одних дружеских чувств мало... Тут нечто большее.

– Но я же так и о Грешеме беспокоюсь!

– Не в таком тоне. И Настурция... Настурция не глухая. Она воспринимает твои монологи с болью...

– Ты хочешь сказать, что Настурция так озлоблена на Эмилию, что даже ее имя ей невыносимо?

Альфонсо положил руку на мое запястье.

– Нет. Настурция очень любит сестру, но то, что ты ищешь в ней Эмилию, а не ее – вот это она перенести не может. Этот нюанс отталкивает ее и от Эмилии, и от тебя.

– Ты это про что? – я был заинтригован.

– Про то, что ты «это» делаешь не нарочно.

– Что, «это»?

– Не замечаешь того, что Настурция...

– Альфонсо!

– Этот возглас, громкий и строгий, налагающий запрет, оборвал в таверне все песнопения. Со второго этажа, у перил стояла Настурция. Ее пальцы дрожали, а щеки в свечных зарницах отливали мертвенной желтизной.

– Довольно!

– Прости, я... Он же не на зло тебе... Ты...

Колдунья Ильварета, приковавшая к себе все удивленные взгляды, молнией сбежала по лестнице. Она схватила следопыта за плащ и, его несопротивляющегося, потащила обратно вверх.

– Ты погоди! Я тебе все разложу по полочкам! Кто кому и как приходится! И кто, о ком и как думает!

– Своенравная у тебя жена, мужик! И глупая! – хохотнул рябой сержант. – Ты ее проучи! Отлупи хорошенько! Так она будет знать, кто в доме хозяин!

– Слышь,мышь, это я тебя сейчас отлуплю! Чтобы ты язык–то свой прикусил! – крикнул Дурнбад.

Без доспеха, в ночной сорочке, он вышел на звук из своей комнаты.

– Это ты–то? Мне–то?! – расхохотался сержант. – Твоя макушка мне до пояса–то хоть достанет? А, карлик?

– Шут шутом! – икнул рядом сидевший солдат. – Вздуть его, Серж?

– Карлик?! Шут?!

– Дурнбад!

Следопыт попытался перехватить пышущего гневом гнома, но поздно. Дурнбад увернулся от захвата Альфонсо, а затем, как бык, понесся на сержанта и его компанию. Драка? Да никакой драки. Старейшина войны вначале врезал кулаком в челюсть сначала одному (гном сделал это в прыжке), потом другому и третьему. Я помнил, как Грешем и Дурнбад состязались в силе рук в Трузде. Тогда гном прижал запястье вампира (вампира!) к столешнице. Ну а сегодня... Сегодня – три нокаута и раздосадованный Дурнбад – уж слишком быстро противники отключились. Таверна опустела.

– Горы и недра! Меня! Старейшину войны клана Надургх! Какой–то вшивый паяц обозвал карликом! Да я тебя!...

Дурнбад с надеждой приподнял за вихор одного из поверженных вояк – нет, не очнулся, и лупить его уже не имело смысла.

– Спасибо, что заступился за меня, – поблагодарила Настурция. – Но так их... Это лишнее.

– Перед ними колдунья Ильварета! – громыхнул Дурнбад, со стуком роняя голову солдата на пол. – Да ни одна псина в моем присутствии не посмеет вытирать об нее ноги!

– Им повезло, – хмыкнул я. – Ты их совсем легонечко.

– Я дураков только учу, а не калечу.

Настурция кинула пару монеток трактирщику (за причиненные неудобства), а потом мы все пошли спать. Дурнбад, удаляясь к себе в опочивальню, что–то приговаривал на лундулуме. По всей видимости, ругался. Я, пожелав всем выспаться, завалился к себе. Обстановка моей коморки была не ахти, но сойдет. Тумбочка, кровать, стул, зеркало, что еще надо? Я разделся и, потеряв виски, уместился на матрасе. Не то, чтобы он был свежим и благоухал полевыми цветами, однако, и не грязный. За окном по–прежнему бушевала гроза. Я вслушивался в ее вой и вместе с тем анализировал беседу с Альфонсо. Она ничего мне не подсказала. Следопыт говорил экивоками. Что я мог почерпнуть? Зачем он заострил внимание на Эмилии? Дельторо мнит себя таким знатоком ситуации, а меня выставляет болваном. Я перевернулся на бок и накрылся тонким одеялом. Хотя, может, так и есть? Ох, уж эти барышни! Создания своенравные! То они тебе рады, то через секунду твое общество им тягостно. Что касается Настурции – моя личность ей всегда не к месту. Но было ли так всегда?

Я призадумался. Нет. Когда–то мы с ней делились самыми сокровенными секретами и вместе устраивали для Бертрана, Альфонсо, Эмилии, Бритсморру и Деборы веселые розыгрыши. Тогда

нас еще было много, и мы не называли себя Грозной Четверкой. То была заря моей юности... Дождь бился в стекло и ставни скрипели... Я вздохнул. Как много утекло воды с тех пор! Я бы желал вернуться в то время, когда Настурция относилась ко мне иначе. По-другому. Когда Лайли Серебряная Часовщица упрекала Парабеллу в легкомыслии, а Эшли Шторм с видом умудренного летами старик, журил Бритсморру за то, что тот не принимает знаки внимания Деборы Ольвинхайд. Мы, молодые и неопытные, в те, отдаленные пропастью года, искали приключений на свои разбитные головы. Большая половина моих друзей мертва, но только не для меня. Я скучаю по ним, также как и скучаю по доверию Настурции. Я бы дал пустить себе кровь, только бы она вновь улыбалась мне. Что это? Тяга к минувшему? Люди живут в нас, в наших воспоминаниях. Зачастую в них – они не те, что есть сейчас. Это нормально. Во Вселенной все подвержено изменениям. А я? Я, наверное, тоже. Наш путь, что мы идем день ото дня, наши невзгоды и радости откладывают на нас отпечаток. Под воздействием событий мы закаляемся, учитываем их поучения, приспособляемся и движемся дальше. Страница за страницей мы пишем свою книгу. Настурция, некогда уязвленная, пересмотрела свою дружбу со мной. Это грустно. Я бы извинился перед ней, если бы знал за что. Эта девушка, по сути, одинокая, достойна самого лучшего...

Зажав в ладони Луковое Спокойствие, я проваливался в грезу... Почему она не нашла себе мужа? Почему она не снискала любовь? Неужели Эмилия и Настурция не смогли поделить того таинственного незнакомца, о котором мне с печальной улыбкой на устах поведала колдунья Лунных Врат? Я заворочался... Мне стало казаться, что во мне складывается картина. По кусочкам она обретала целостность. Эмилия, Настурция, некто из прошлого...

Меня сморило. Реалистичные видения, смешанные с мороком утомленного мозга, ковали во мне иллюзии черного мрака и ослепительного света. Где-то поблизости околачивался Укулукулун. Он неустанно работал. Долбил и долбил Луковое Спокойствие своей нестигаемой волей. Его маниакальная враждебность, капля за каплей, просачивалась через истончившуюся ограду кулона Лукового Рыцаря.

Я отравлялся страхом и предчувствием пыток. Я не боюсь смерти, но длительная, растянутая в вечности боль, которую мне обещали, повергала меня в апатичное безумие... Мою душу закоробило и закрутило...Ха-ха! Так это же Привратник и его Отметка Арбитра. Вы теперь с Укулукулуном теребите меня на пару? Ай, красавцы, ай, скоты! Мои мытарства и скитания по звездным весям уничтожали мое «Я». Я растворялся в бездне сострадания к себе и своей доле. Жалость и хороша, и плоха. По ситуации. Посочувствовать ближнему – это по-человечески, но обливаться слезами по себе – слабость. Этот мир жесток, и он не приемлет беспомощности. Закон природы: хочешь жить – борись, плыви против течения, гребь до ломоты во всей спине и сбившегося дыхания. И я, в своей дреме, нашел в себе силы отгородиться от Тьмы. Я знал, что во мне есть Свет и Он куда могущественнее, чем Ночь. Нет, я не откинул Укулукулуна и Привратника, меня не хватило на это. Я просто нырнул глубже в себя. Туда, где «солнце» было не омрачено влиянием моих Господ. Сюда им еще только предстояло добраться. До моего атолла отдохновения в беснующимся море. Это пространство, куда я попал, было знакомо мне. Однако не мне настоящему, а другому мне, не Калекбу Шаттибралю. Я как будто бы переродился в Того, кем когда-то являлся. В фонтан энергии, который брал свой исток из себя самого. Я видел лица древних героев. Я знал – они мои верные... слуги? Нет, я для них кто-то вроде отца или наставника. Эмириус Клайн, Цхева, Нолд Темный, Джек Хартблад и еще десятки таких странных и таких необычных созданий. Они ждали, что я скажу. Что повелю. Я мог проникнуть в каждого из них. В их мысли, эмоции и впечатления. Это нельзя передать словами. Я был всеми ими и одновременно собой. В этот миг мы прощались. Я уходил к своей Судьбе. Я сбрасывал с себя покровы Абсолюта и готовился стать... Калекбом Шаттибралем? Я разделялся. Одной половиной я оставался со Вселенной, иной, самой маленькой, почти песчинкой, навязывал себе «смертную оболочку». Мое сознание дало трещину, а затем последовало раздвоение. В эту секунду я вышел из лона матери, как и прежде, выполняя свои обязанности за пределами Мира, там, в том континууме, откуда я родом – в Гамбусе и его мирах-собратьях. Только с одним «но». Мои функции, того меня, который не покинул изначального временного кармана, стали подвержены автоматизму, поставленной мной самим

логике и маршрутной карте. Там я подчинился законам составленных пророчеств, укладов и проторенных дорог. Тот я ехал по «прямой» и не мог свернуть с нее. Хоть и безотчетно, я держал все под контролем. И не было ошибок в моих действиях. Я же, родившийся, плакал и быстро забывал о том, кто Я Есть. Так я сам определил себе. Таков был мой Жребий. Я задавался вопросом – для чего Это? Ради какой Цели я пожертвовал Всем, заключив себя в оболочку, из которой не смогу выбраться самостоятельно. Смерть. Любовь. Жизнь. Я нуждался в их познаниях...

Утро принесло мне ломоту в пояснице и сухость во рту. Кое-как встав, я открыл окно. Солнце и чистое небо... Я вдохнул свежий воздух и потянулся. Сколько еще ночей Луковое Спокойствие будет сдерживать Укулукулуна? Надеюсь, что хотя бы неделю-другую. А потом? Не знаю. Я был опустошен – тлетворность Отметки Арбитра выпила из меня все силы. Я бы дал себе характеристику – стеклянный стакан, истертый песком. Сухой. Без единого намека на влагу. Такой я сейчас. Но что жаловаться и ныть? Надо начинать новый день. По обыкновению я пошарил под пологом кровати, намереваясь разбудить Снурфа. Потом понял – моего любимца со мной нет уже давно... Как ты там, малыш? Уверен, что Эмилия тебя в обиду не даст, но все же... Внизу слышались громкие голоса. Что там еще происходит? Я оделся, обулся и вышел из номера. В холле трактира собрался десяток солдат. Там был вчерашний побитый сержант и, по всей видимости, капитан. Он, нахмутив брови, что-то говорил завтракающему Дурнбаду.

–... Да мне плевать! Я вас всех здесь уделаю, если потребуется! – заявил гном, не отрываясь от яичницы.

– Ты угрожаешь гвардии наместника Карака?! – не выдержал капитан.

Вероятно, он явился разобраться, что это за разбойник вчера отмутил его подгулявших подчиненных.

– Ты глухой? Я так и сказал!

– Что за шум? – вклинился я.

Хлопнули двери Альфонсо и Лютерии.

– Я заключаю гнома под стражу и увожу в Осприс! – отозвался капитан. – Бургомистр вынесет ему приговор!

– Поверь, Энтони Фришлоу не будет рад, если я пожалую к нему, – встрял я. – А я не брошу своего друга.

– Кто ты такой?!

– Кто он такой? Он – спаситель Соединенного Королевства. Калев Шаттибраль. Это он изгнал Десницу Девяносто Девяти Спиц обратно в пучину Тьмы. Ты говоришь с героем и фаворитом Констанции Демей. Твоей королевы, – промолвила Лютерия Айс, оправляя на шее амулет Ураха. – Предвосхищая твой следующий вопрос – я магистр Ордена Милосердия всей западной провинции.

Капитан опустил на колено.

– Миледи!

– Не надо склоняться передо мной, дитя, – покачала головой Лютерия Айс. – Я прошу тебя выслушать меня. Гном из Железных Гор, которого ты намерен увести в казематы, – Дурнбад, старейшина войны клана Надургх. Высокорожденный. Вечером минувшего дня он защитил честь Настурции Грэкхольм, придворной колдуньи Ильварета. Твои солдаты оскорбили ее. Я видела это. Я думаю, что полагается наказывать не Дурнбада, но тех, кто не умеет культурно вести себя с женщиной.

– Магистр, Ваших слов мне достаточно! – козырнул капитан.

Он волком оглядел своих вояк, после чего дал знак, чтобы они покинули помещение.

– Обещаю Вам, что не оставлю эту ситуацию без разбора!

– Никакого разбора не нужно, – рыкнул Дурнбад. – Оболтусы свое уже получили.

Капитан поклонился Лютерии Айс, а затем покинул трактир.

– Как ты технично все разрулила, – улыбнулся Альфонсо.

– Истина не нуждается в резких речах, – откликнулась Лютерия Айс. – Давайте присоединимся к Дурнбаду. Он так вкусно ест, что я почувствовала, как во мне проснулся аппетит.

Предложение магистра Ордена Милосердия пришлось всем по вкусу, поэтому мы с Альфонсо поспешили сесть подле Дурнбада. Настурция оказалась спустя час. Заспанная, она налила себе кофе и взяла бутербродов (Альфонсо заказал их у трактирщика заблаговременно). Откушав, мы оседлали коней и подались дальше. Сырая от вечернего дождя дорога то шла в горку, то загибалась по одной только ей известной петле. Каждый из нас прибывал в своих думах. К полудню Змейчатый Тракт пересекался с Вересковым Трактом, уводящим на самые северные города – Вересковую Долину, Розмбальд и Гаршинг. Я бывал в каждом из них. Миленькие самобытные селения, хранимые от невзгод Великого Леса цепью фортов – Цабером, Гибелью Кварцарапцина и Пастью Пса. Эти крепости лежат правее Клейменда, за много миль от которого раскинулась Тлеющая Чаща с Брандвардом – древним центром пахарей и стеклодувов. От форта Нура до Тлеющей Чащи будет рукой подать, поэтому мы неустанно скакали к нему.

День подменился днем, а ночь ночью. Настурция, последняя кто еще не рассказывал о землях за пределами Соединенного Королевства, греясь у потрескивающего пламени костра, вдруг заговорила:

– Завтра будем проезжать форт Нур – за ним Тлеющая Чаща.

– Наконец–то! Мне эта качка в седле уже порядком опостылела! Где это видано, чтобы гном седлал коня! Это почти такая же диковинка, как если бы брат по крови ходил задом наперед!

– Я так умею, – хмыкнул я.

– Твой Лайс очень покладистый, – заметила Лютерия. – Тебе не на что жаловаться.

– А я и не жалуясь! Я возмущаюсь!

– Расстрою тебя, мой возмущенный друг: в Великий Лес ты тоже отправишься на Лайсе, – улыбнулся Альфонсо. – Мы не будем спешиваться.

– Без тебя знаю! – фыркнул Дурнбад, подбирая под себя ноги. – Деревья все эти не по мне! Никакого камня! Да еще животное без шерсти, на которую я взбираюсь кое–как!

– Без твоего молота нам бы пришлось туго. Спасибо, что ты с нами, – поблагодарила Лютерия Айс.

– Рад, что вы это осознаете! От меня Владыка Гор получит богатое подношение в виде отсеченных голов демонов!

– Урах проповедует смирение и альтруизм. А твоему Богу приятна кровь? – спросила магистр Ордена Милосердия.

Прежде чем ответить, Дурнбад немного подумал.

– Нет. Он справедливый. Если ты Зло – ты должен умереть. Если Добро – жить. Он разграничивает эти два понятия. В данном случае смерть живорезов будет угодна Владыке Гор. Когда наступит момент мне уходить за Грань, я предстану перед Ним с высоко поднятым подбородком. Я не трусил, не пасовал и не избегал неприятностей, поэтому буду вечно пить эль в Его чертогах.

– Есть ли у вас, гномов, какие-нибудь знаменитые праздники, восхваляющие Владыку Гор? – поинтересовалась Лютерия Айс.

– Знамо, что имеются! Один как раз вот-вот случится! Поворот Тысячелетия! В этот день в Зарамзарате отметят уход старой Эпохи и приход новой. Отец закатит пир на весь мир! От жаркого из летучих мышей и марочного винца будет ломиться каждый стол! Вашего наместника из Эльпото’одо тоже пригласят!

– Я думаю, что Поворот Тысячелетия – это иное название Величия Света, – покусав губу, сказала магистр Ордена Милосердия. – Им мы, так же, как и вы, ознаменуем начало тысячелетия следующего. Только... Только, наверное... Если достанем Корону Света. Без нее, по преданиям, в Храме Всеотца в Шальхе не зажгутся свечи, и не вспыхнет сам по себе Огонь в жаровнях.

– Мы ее непременно раздобудем, – уверенно заявил гном. – Эти ваши вампиры Флейты и рогатые Дроторогоры получают от меня по макушке!

– Какой же ты неустрашимый! Вы все такие в Железных Горах? – поразилась Настурция.

– Всякие у нас гномы есть, но по большей сути, да!

Дурнбад стукнул себя по доспеху.

– Впрочем, я самый храбрый во всем Будугае!

– Ой, и любишь ты похвастаться! – рассмеялся Альфонсо.

– Небезосновательно! – громыхнул старейшина войны. – Я просто так не балаболю!

– Что есть то – есть, – кивнул я. – И ты это не единожды доказывал!

– То–то же! – благосклонно буркнул Дурнбад, разворачиваясь лицом к Лютерии. – Ты обмолвилась о Величии Света. Что он сродни нашему Повороту Тысячелетия. Считаешь, что люди и гномы переплетены общими корнями?

– Мы все живем здесь благодаря Ураху. Мы– Его паства, а Он – наш пастырь. Во времена такие давние, что их можно счесть за сказку, Всеотец привел моих и твоих предков на эти равнины и горы. Впоследствии вы стали называть Ураха – Владыкой Гор, и дали Ему обличие, подобающее вам. Мы же, народы Соединенного Королевства, продолжили величать Его как Он сам себя именовал. Величие Света – один из самых фундаментальных и сакральных обрядов славящих Всеотца. Его расположение к Своим детям. Победу Света над Тьмой. Величие Света – это Жизнь, не сломленная и не раздавленная, проросшая сквозь Смерть вопреки Ее стараниям. В моем Братстве есть трактаты, гласящие, что на Величие Света Урах нисходит в Свой Храм, чтобы еще на тысячу лет изгнать из Мира исчадий Назбраэля, пробирающихся сквозь Заслон перед самым Священнодействием. «Перед самым» – понятие растяжимое, скажете вы. Насколько «перед самым»? За месяцы, за годы, за столетия – отвечу я вам. Тьма всегда становится сильнее и яростнее, предвосхищая приход Всеотца. Ныне к нам пожаловал Таурис и Дроторогор – и я не удивляюсь этому. Ранее на Соединенное Королевство обрушивался Мор. Да этого Харальд Темный и Легия так же противостояли Царю Хрипохора. Но после, когда свершалось Величие Света, на претерпевших муки и лишения людей снисходило чистое сияние Добра, Отрады и Отдохновения. Так было всегда. Все плохое уходило. Уйдет и сейчас... Я верю в это.

– Из–за похороненной длани Дроторогора, Бога Черного Пламени Удуна, Тлеющая Чаша очень горяча. Сам воздух там пылает зноем, – не глядя ни на кого из нас, тихо промолвила Настурция. – Однако есть место, где наоборот, невероятно холодно.

– Это какое? – осведомился Дурнбад.

– Я хочу поведать вам о Рунном Королевстве...

– Настурция! Так ты не забыла, что ты тоже состоишь в географическом клубе? – улыбнулся Дельторо. – А я уже почти решил, что ты не с нами.

Колдунья Ильварета закинула за плечи прядь волос. Ее глаз–изумруды в отблесках костра засветились загадочностью и тайной.

– Нет, отчего же ты так подумал? Я такой же член отряда, как и вы все. И я соблюдаю правила...

Настурция поворошила траву носком сапога. Мы же все, как мотыльки к свету, безотчетно к ней приблизились. Я глядел на колдунью... Красивая, подтянутая, стройная и такая... Похожая на Эмилию? Я тянулся к Настурции и не осознавал, почему это делаю. Только лишь потому, что она есть отражение моей подруги или... из–за того, что она привлекает меня именно своим, иным внутренним миром? В этот момент, когда мы отдыхали после утомительной поездки, я вдруг пришел к выводу, что Настурция симпатична мне. Как человек. Что она важна для меня и мне необходимо ее общество. И, что бы не случилось, – я буду рядом...

– Сколько лет прошло с тех пор, как я посещала Рунное Королевство? – начала Настурция. – Пятьдесят или все сто – это не столь существенно, потому как уклады этой страны почти не претерпевают изменений. Я не стану заострять внимание на том, что я делала в Ледяных Топях и их странах. Вместо этого я постараюсь дать максимум информации. Рунное Королевство находится под южной оконечностью Железных Гор, в их, так скажем, продолжении – Горах Химблы.

– Есть такие, есть! Туда мои сородичи не заявляются! Больно там все морозно!

– Горы Химблы – это звезда семи пиков–камней – Орвирвика, Тони, Лайстуса, Шон–Хагры, Бурвингтиона, Сан–Пашо и Плютера, который держит на себе столицу Рунного Королевства – Молисингтон и стоит в центре этих шести. На всех этих громадах живут виалы. Эти

гуманоиды похожи на людей. Руки и ноги у них там, где и положено. Однако голов нет, а лица – на груди. Отсюда виалов и зовут – лицогрудые. Сами себя они называют «ашо», что в переводе означает «белый». Они действительно пепельного цвета и не носят одежды, кроме юбок–штанов, потому как не восприимчивы к холоду. Броня у них, разумеется, имеется, но облачаются они в нее только на войне. Виалы социально замкнуты. Они предпочитают не водить дел ни с Железными Горами, ни с Соединенным Королевством. Минтас здесь идет как исключение. Почему? Потому что Рунное Королевство – это сосредоточение магии, и чародеи Минтаса им близки по духу. Виалы практикуют волшебство Хлада. Что они могут делать из снега и замерзшей воды? Да все что угодно. Все их города построены из нetaющего льда. Днем они искрятся под лучами солнца, а ночью пульсируют лунными бликами. Выглядит это завораживающе и очень мистически. Крепости виалов крепки и неприступны. Они зачарованы древними заклятиями, которые способны обратить в бегство почти любую армию неприятеля. Что занятно, правит в Рунном Королевстве не виал...

– Да ладно? А кто? – изумился Дурнбад.

– Не Кто, а Что, – поправила Настурция. – Тут можно провести аналогию с Минтасом. Остовом парящего Минтамансия сейчас руководит Тихий Надзиратель – хитрый и цепкий паразит, ага, а в Студеном Чертоге, что в Молисингтоне, всем повелевает гигантский кусок разумного Хрусталя. Да, да, Хрусталя. Его зовут Фосгейн. Эта мыслящая глыба минерала, покрытая сетью мигающих иероглифов, общается со своими подданными посредством музыки. Из внутренности Фосгейна течет мелодия арф, цимбал, скрипок, лютен и арф – это когда он в хорошем настроении. Но стоит ему разгневаться, как грянут барабаны, органы и трубы. Речь Фосгейна уникальна, и виалы умеют ее переводить. Хрусталь–Король любит Рунное Королевство так, как мать боготворит свое чадо. Понимаю, что странно так утверждать, однако сие – правда. В религии виалов Фосгейн – это тот же Бог Всего, а «все» для них – температура ниже нуля.

Настурция сдержано улыбнулась.

– Но нам–то надо разобраться, кто такой Фосгейн более детально. Первым из людей Соединенного Королевства его описал Иорла – придворный колдун Эльпота. Его догадки относительно Фосгейна таковы: Сам по себе минерал сформировался под воздействием лавовых потоков и испарений, сотрясших Горы Химблы на заре юности Мира. Иорла считает, что где–то под Химблами обреталось некое создание, которое чтобы не умереть, когда ему пришел срок, переместило свой ум в наиболее устойчивую к разрушениям материю. Почему не в алмаз, а в хрусталь? Да кто его ныне разберет. Создание провело ритуал и затаилось в своем новом доме. Впрочем, «затаилось» – слово неуместное. Просто Фосгейн лишился возможности куда–либо перемещаться. Застрявший в «ограниченности», он между тем непрестанно работал – сплетал эфиры материи и предавался творчеству. Фосгейн – творец, пробудивший виалов из сугробов. Они – только его дети. Ни Урах, ни Назбраэль и никто иной из Высших Духов не прикладывал к ним свою руку. Иорла, удостоенный чести лично побеседовать с Фосгейном, преподносит Хрусталь–Короля как мудрого и рассудительного владыку, и более того, доброго и даже пленительного. Иорла в своей книге «Вечная Зима» говорит о высокой морали Фосгейна и его миролюбии. Так это или нет, но сами виалы – продукты креативности Фосгейна, зла никому не желают. Если так случится, что к ним попадет человек или гном, нуждающийся в помощи, они примут его, снабдят всем необходимым и покажут безопасную дорогу в Железные Горы или в Соединенное Королевство. При всем при том для нас виалы – страшны внешне, и их церемониалы кажутся нам отталкивающими. Например, в Рунном Королевстве есть обычай хоронить социальную элиту вместе с живыми слугами. Для меня и вас это звучит чудовищно, но для них – в порядке вещей. Но давайте в этом разберемся. Слуги эти, конечно, не виалы, а лишённые интеллекта и не ощущающие боли «веретена–вьюнки» – нечто вроде веников из серой плоти. Они выметают сор из помещений или готовят пищу. В склепах веретена–вьюнки должны ухаживать за почившим хозяином и его скарбом. И они это делают, пока со временем не усыхают от старости, так как еда и вода им не нужна. Здесь следует упомянуть о пышных похоронах виалов, сокровищах могил и

искателях приключений. Наших с вами соотечественников, тех, кто побойчее и поалчнее, тянет к алебастровым глыбам–катакомбам Рунного Королевства, расположенным у подножий гор. Тяжелые и запертые навсегда двери отделяют мародёров от сокровищ усопших виалов. Без зазрения совести они взламывают засовы, ломают печати, срывают перевязи с дверных ручек, вламываются в погребальные залы и... погибают.

– Трупные газы, – поддакнул я.

– Да, – даже не сердито подтвердила Настурция. – Мы помним про веретена–выюнки. Со временем они разлагаются на облака аммиака – смертельно опасного яда. В зарытом пространстве ему некуда выйти, поэтому острое отравление им у людей наступает неимоверно быстро. В начале у несчастных поражаются глаза и дыхательные пути, за этим следует удушье и летальный исход. Обычно расхитители гробниц, осознав, что дело – дрянь, хватают пригоршню драгоценностей из саркофага и бегут обратно. Но лабиринты виалов запутанны, и лишь единицы выбирают обратный к спасительному свежему воздуху.

– Урах порицает воровство и со слезами на очах наказывает за него.

– Настурция, а что ты знаешь о самих виалах? Помимо того, что они незлобивы, холодны, как сосульки, и противны на вид? – спросил Альфонсо. – Я вот помню, что они питаются исключительно «ледяными ягодами».

– Кстати, да, насколько они уродливы? У меня они почему–то в голове они похожи на перцы с отростками по бокам, – хохотнул Дурнбад. – Все так?

Колдунья Ильварета юмор моего брата по крови не разделила. Она нахмурилась.

– Некоторые циники иногда вешают им ярлыки аналогичные твоим. Да, виалы не такие, как мы. Обитатели Рунного Королевства имеют зубы, примерно в четыре–пять раз большие, чем у нас, полные губы и раздутые уши под подмышками. Их глаза – айсберги, и они не моргают. Носы виалов зачастую сравнивают с мраморным перцем. Пальцы – сосиски, а ступни более близки к лапам, чем к человеческой ноге. Волосы у виалов почти не растут.

– Ну и монстры! Даже бороду отпустить не могут! – гикнул гном, поглаживая свою внушительную «лопату» на щеках.

– Виалы так не думают, – вздохнула Настурция. – Гипотетически выходцы Рунного Королевства способны прожить многие века, так как их метаболизм протекает значительно медленнее, чем у теплокровных, однако такое случается редко. Причиной тому служит детородный процесс...

– Настурция, я не уверен, что всем тут есть по восемнадцать лет, – пошутил я. – Тема–то для взрослых!

– Заткни уши, малек, – расхохотался Дурнбад.

– М–м–м! Интимные подробности! Кaleb, взрослые запрещают тебе про такое слушать! – добавил Альфонсо.

– Собираетесь все опошлить? Ничего такого я рассказывать не собиралась, – приподняла бровь Настурция.

– Тогда – прошу.

– Дело в том, что при родах виала–мать как будто стекленеет и почти всегда не в состоянии вернуться к прежней подвижности. Постепенно она кристаллизуется и перестает дышать. Это что, касается женщин. Относительно же виала–отца, мужчины, скажу, что он выполняет функцию кормилицы. Виал–отец носит новорожденного в сумке–брюшине, пока тот не окрепнет для самостоятельного бытия. В этой сумке–брюшине ребенок питается экстрактами родителя. Это

действие буквально иссушает мужчину и он, как и супруга, после выполнения своего долга, засыпает и более не просыпается.

– О, Урах! Я–то считала, что нашим роженицам трудно на сносях, а тут такое! – воскликнула Лютерия Айс. – Бедные, бедные виалы! Мне их жалко!

– Мне тоже, – согласилась Настурция. – Впрочем, для виалов это естественно и иного они не знают.

– Как же наш мир уникален! Сколько в нем всего парадоксального и экстраординарного! – сказала магистр Ордена Милосердия. – Пусть Всеотец не оставит виалов в их трудной доле!

– Как и нас, в нашем путешествии в неизвестность, – почти шепотом проговорил я.

– В эти минуты, пока мы с вами ведем неспешные беседы, Дроторогор и его войско уже всюду попирают ногами Карак, – услышав меня, грустно промолвила Лютерия Айс. – Хрипохор гремит оружием, уничтожая села и города. И это здесь. А в Вельдзе Вальгард Флейт со своими легионами нежити направляется к Гричингу. Как много зависит от нас! Как тонка надежда! Как хрупко равновесие! Я молюсь, чтобы Урах смилостивился над Соединенным Королевством.

– Мы не птицы, чтобы летать. Эти клячи стараются, как могут, – буркнул Дурнбад, посмотрев на своего пасущегося коня. – Снежных барсов бы сюда. Вот они ускорили бы гонку!

– Мне вот, что не дает покоя – как Вальгард Флейт из Вестмарки перебрался в Лес Скорби? – как бы сам у себя спросил Альфонсо.

– Через порталы–червоточины, – коротко сказала Настурция.

– Я это понимаю, но... как?

– Ты хочешь, чтобы я тебе нарисовала схему–устройство планарных врат?

– Нет. Просто, если посудить, то, чтобы создать червоточины, нужна така» власть над магией и такая сила, что мне становится не по себе.

– У владыки Вестмарки есть половина Короны Света. Предполагаю, что он как–то настроился на ее мощь, – задумчиво произнес я.

– Что же он не открыл свои плешивые «двери» прямо у Гричинга? – пробормотал Дурнбад. – Зачем ему топать через весь Вельдз? Он – дурак?

– Во–первых, червоточины – это тебе не дыры размером с Зарамзарат. В максимуме они достигают величины мелкого сарая. Через них вся рать Вестмарки сразу не пройдет. Это значит, что разверзлись «окно» у столицы Вельдза, Братства Света, и гвардейцы Гричинга стали бы уничтожать неприятеля не всем миллионным скопом, а чуть ли не поодиночке. Во–вторых, в Лесу Скорби – в месте темном и тенистом, легче собрать и подготовить армаду к наступлению. В принципе Вальгард Флейт и так опережает Дроторогора. Расстояние от Великого Леса до Новориса в десятки раз превышает то, что раскинулось от Леса Скорби до Гричинга. Думаю, что король Вестмарки не считает нужным рисковать понапрасну. Нет. Он сыграет аккуратно, так чтобы взять Кость Ночи с наименьшими потерями, – проговорил я.

– Мое сердце болит за Серэнити, – изрекла Лютерия Айс, прикрыв ясные глаза. – Война может погубить ее... Серэнити бесстрашная жрица, и она сделает все, чтобы защитить людей Вельдза от Вальгарда Флейта. Даже если это будет стоить ей жизни.

– У каждого из нас в груди за нее щемит, – сказал Дурнбад. – Она, стойкая и несгибаемая, проскачет мимо всех каверз. Ваш Бог ее защищает.

– Аминь, мой добрый гном.

Мы стали укладываться спать.

Упоминание о Серэнити перенесло мои думы на Живую Воду. Великий инквизитор и так балансирует между Миром Света и Миром Тверди, а тут еще и Вальгард Флейт со своей Вестмаркой теперь будут ставить ей клинья в колеса. Бертран! Когда ты, тролль тебя ущипни, уже переведешь наговор Джеда Хартблада! Я стиснул кулаки. Хотя, что толку? Кузнец из «Бесовской Плавильни» сказал, что квазальд ему не обработать. Тут необходима мощь вулкана. Только в мифическом Тысячелетнем Громе, если он еще не остыл, получится растопить квазальд и обрамить им кусок Амасты. Как же сложно все! Вселенная, не дай умереть Великому инквизитору Иль Градо, храброй девушке и моей дорогой подруге. Серэнити, веришь, нет ли, я бы лучше сам выпил Живую Воду вместо тебя. Я – старый волк, повидавший уже всякого. А ты... Ты еще и не жила толком.

Я допил чай и прилег рядом с Дурнбадом...

...Мы – искры в пламени факела.

Мы – ничтожные песчинки в дюне песков.

Мы – капля воды в океане.

Мы – прах земли.

И все–таки мы верим, что завтра настанет.

Я верю... верю...

Глава 27. Ориентир Зла

Я часто меряю время сменами дня и ночи. Вот я встал, а вот я лег. Наша поездка из Ильварета до форта Нура прошла без каких–либо

опасных событий. В эти дни мы много говорили о том, что скрывается за Соединенным Королевством, а еще наслаждались волшебной природой западной провинции. Весна! Ты в самом разгаре! Эти цветы! Эти леса! Эти птичьи крики, шорохи травы, ароматы свежести после весеннего ненастья! Я люблю осень и зиму, но и эта пора всеобщего расцвета так трогает мою душу! Наверное, наблюдая за тем, как шустрая речушка шумит у темных валунов, или провожая взглядом какого-нибудь встречного человека, я как бы «прижимаю» к себе ту умиротворенность, что так скоро покинет меня.

Когда мы достанем из Тлеющей Чащи лапу Дроторогора и пойдем за ней, то непременно попадем в Великий Лес. За Клеймендом, через который наша компания проскачет, за ним, за последним оплотом мужества Карака, нас будет преследовать злоба Хрипыхора. Все наши чувства обострятся до предела, и мы уже не сможем радоваться капели или поляне, полной цветов. Я не хочу этого. Но кто, если не я? Я до хруста стискиваю челюсти, предвосхищая потери и страдания. Сейчас мой взор отдыхает, но в ту же самую секунду я не могу отделаться от черных дум. Маленьким, я, сидя в кроватке или играя с Медком, иногда слышал, как отец говорил матери: «Боль отвлекает меня от мыслей». Мой папа! Невысокий, с седыми усами и внимательными серыми глазами – таким я его запомнил, мой папа был человеком сильным духом, образованным и в высшей степени ответственным. Я не знаю, чем конкретно он занимался, но из дома отец уходил на заре, а возвращался к закату. Его обязанности оставляли на нем глубокие морщины. Однако он всегда находил повод улыбнуться, и это невзирая на шаткое здоровье. У него была «жидкая» кровь, при малейших порезах она долго не останавливалась, и нестерпимо ныло колено. Папа... Только недавно я догадался, в чем был смысл его слов. Физические муки помогают скрыться от внутренних терзаний. Укулукулун и Привратник, как на эстафете в борьбе за первый приз, обгоняют друг друга в ухищрениях свести меня с ума. Эмилия, Снурф, Мурчик и Грешем занозят мое сердце неизвестностью своих судеб. Мой Шато с Тиной, Птикалем, Суптоной, Пимином Бои, Катубом, Марципаном и другими его забавными обитателями так же занимают во мне отдельное поле «нервов». Близкая смерть Серэнити, проблемы Бертрана с Магика Элептерум, покинутая семья Альфонсо, гнев

Дунабара на Дурнбада и обида Настурции также беспокоят меня (про Серэнити это мягко сказано). Прибавлю еще самое очевидное – всеми желаемую Корону Света, Дроторогора и Вальгарда Флейта, беспощадную войну, как с Тьмой, так и против себя самих – моя родина, мое Соединенное Королевство теперь лишь осколки разбившегося кувшина. Я не выпускаю из мыслей гибель Элизабет Темной и страшного Канахеса Ильки, который, умирая, «морально убил» и свою дочь. Мне жаль Констанцию Демей, ту, чей сын сидит в заточении в Вестмарке. Что она чувствует? Пустоту и сосущее, неотступное отчаяние. Все, чем королева Констанция дорожила. – разрушено. Все, что у нее было – пропало. Все близкие – под гробовыми досками. Надежда... Надежда на то, что Фабиан еще жив – вот, чем начинается и заканчивается ее день. Мы – люди. И каждый из нас несет свой груз грусти, терпеливо и безысходно пряча его под маской. Я отчаянно желаю сделать так, чтобы все плохое закончилось. Чтобы на наших небесах возшло незамутненное солнце. Но я здесь – последний в списке.

Вселенная, ты одарила меня Своей благосклонностью. Прошу тебя, посмотри на меня и помоги мне совершить подвиг. Не ради славы или чести, но во имя тех, кто дышит и хочет дышать дальше, во имя невинных и слабых, во имя Равновесия, которое у нас отняли, и во имя Добра. Я и раньше считался с трепетным понятием «Жизнь», но только Серэнити смогла показать мне, как она чудесна. Великий инквизитор сделала это порывисто и честно. Она оголила передо мной самую суть милосердия. Кто-то наверняка не согласится с моим заявлением, и отметит, что Серэнити безжалостна, что она расправляется с врагами Ураха без колебания. Что Великий инквизитор получает экзальтированное удовольствие от причинения телесных повреждений, и что она, не моргнув и глазом, может проломить кому-нибудь макушку своей булавой. Что Серэнити больна психически, и что она, отделив зерно от плевел, это самые «плевела» ниспровергнет в Забвение. Это все так. Да, я не буду лгать, что Великий инквизитор – «аленький цветочек» и никого и никогда не убивала – это просто смешно. А также, что она не лучится радостью от пыток, проводимых над «еретиками» в ее Ордене. В ее умопомешательстве виновен Хрипотор. Но... Если невинный будет

нуждаться в помощи, Серэнити в лепешку разобьется, но спасет его. Эта девушка, обделенная заботой и отстраненная от всех, несущая на себе груз «творения судов», вопреки всем своим человеческим недостаткам и шепотом попрекаемой должности для меня эталон заботы и ревнителя справедливости. Никому из нас не под силу разгадать Замысел Ураха, однако то, что Он нашел оттиск в моей подруге – мне видно яснее ясного. Серэнити – герой Света, а о героях, как известно, ходят разные толки.

Форт Нур, к которому мы приближались по Змейчатому Тракту, в надвигающихся сумерках ярился десятками огней. Его форты и осанистые башни, вытесанные прямо из горы над крутым обрывом, опоясанным рекой Муравьедкой, выглядели впечатляюще. Над внушительными воротами с подвесным мостом трепетали флаги Карака и королевского Дома. Скача на Марви на подъем, я глянул влево–вниз. Где–то там, за Муравьедкой и почти что голой степью возвышается Брандвард, а подле него, к северу, раскинулась Тлеющая Чаща. Еще день – и будем на месте.

Запел рожок – это дозорные форта Нура заметили едущих к нему путников. Настурция извлекла из воздуха Клюкву и выпустила из нее в небо Огненный шар. Так в крепости узнали, что к ним пожаловала сама колдунья Ильварета. Через минуту монолитные створы форта Нура раскрылись, и наша компания въехала во двор. Ох, как же тут встречали Настурцию! Криками! Восхвалениями! Пожеланиями! Все потому, что не так давно сестра–близнец Эмили бок о бок сражалась с солдатами форта Нура за освобождения Осприса. Десяток услужливых рук тянулось помочь Настурции спуститься с Гонории. Колдунья Ильварета улыбалась. Она чувствовала себя здесь, как у себя дома. Пока наших лошадей уводили, а сенешалю крепости спешили доложить, кто под вечер к ним пожаловал, я задал себе риторический вопрос – «А кто в Караке главнее? Настурция Грэкхольм или Лютерия Айс?». Одна – придворный маг, вторая – магистр Ордена Милосердия. М–м–м! Сложно! И нелепо! Это как спрашивать у меня, кто в Шато мне симпатичнее – Пимин Бои или Тина? Оба они мне дороги.

Сержант провел нас в рабочий кабинет сенешаля. Генерал Мито Якк вопреки моим представлениям о том, как должен выглядеть закаленный бесчисленными сражениями человек, оказался тучным мужчиной с бычьей шеей лет эдак сорока пяти. Его маленькие глазки казались блеклыми, скулы – чрезмерно выпирающими, губы – пухлыми, как у молодой девицы, а проплешина на голове – островком суши посреди редких серых «волн» волос. Внушительные мышцы – почти такие же, как у Дурнбада, катались под просторной белой рубашкой, заправленной в свободные коричневые штаны. Природа слепила Мито Якка нескладным, но почему-то он мне сразу пришелся по нутру. В нем чувствовалось лидерство. Оно словно бы просачивалось сквозь его неказистую фигуру. На все эти выводы мне потребовалось всего несколько секунд.

При нашем появлении Мито Якк встал и показал пальцем на свой испещренный засечками доспех, одетый на манекена.

– Если бы не Вы, Настурция, на нем бы были не царапина, а дырки! А я бы сейчас не разговаривал, а кормил в земле червей! Я польщен, что Вы, оторвавшись от своих важных занятий, завернули к нам в форт Нур! Для меня, как и для всего гарнизона, Ваше общество – настоящий подарок! – голос командующего был скрипучим и фальцетным, что не вязалось с его медвежьей фигурой.

– Я тоже рада видеть Вас, генерал, – тепло ответила Настурция.

– Эй, Гарк, Гарк, недотепа! Принеси нам вина! – пискляво распорядился Мито Якк. – Помните, Гарка, миледи? (Откуда ни возьмись показался худощавый юноша) Он – мой сын! Ходит у меня в оруженосцах! Это Ваша магия тогда спасла его от клинка той твари из портала! Вы испепелили образину целым снопом пламени!

– Конечно, я помню, – сказала колдунья Ильварета, принимая бокал из ладоней Гарка.

– Я молюсь за Вас каждый день, миледи! – поклонившись, изрек он.

– Гарк, давай организуй там пир на весь мир! Ну, кто из поваров у нас еще не слег от кровавого поноса! Потормоши их!

– Слушаюсь!

– В фоте Нур эпидемия? – спросила Лютерия Айс.

– Не имею чести быть знакомым с вашими спутниками, миледи, но всем рад! – заметил Мито Якк.

Настурция, уютившись в кресле с деревянными подлокотниками, стала нас представлять:

– Это – Лютерия Айс, магистр Ордена Милосердия. Гном – Дурнбад из рода Надургх, старейшина войны Зарамзарата, что в Железных Горах – он. Как и ты тут, он повелевает всеми военными силами своего клана. Альфонсо Дельторо – глава Энгибара, рощи друидов. И... Калев Шаттибраль... мастер–маг.

Мито Якк приподнял брови:

– Всем рад! И – все, как на подбор, да? Не абы кто. Куда же вы направляетесь?

– В Тлеющую Чашу, – ответил Альфонсо.

– Расспрашивать зачем – не стану. Однако, может будет вам полезно, замечу, что из Брандварда ко мне каждодневно доносят тревожные вести, – помрачнел генерал. – К его рубежам из Тлеющей Чаши стекаются какие–то призраки и еще невесть кто. Я бы послал туда своих ребят, но что они могут сделать против загробных существ, когда даже аббат Брандварда со своими братьями и сестрами лишь разводят руками.

– Давно это началось? – промолвил я.

– Месяца три назад.

– Примерно тогда, когда Тауруса поглотило Пророчество Полного Круга, – кивнул я друзьям.

– Думаешь, длань Дроторогора уразумела, что Первый из Круга Смерти пал, и настала пора активизироваться? – проворчал Альфонсо.

– Да чем она там мыслить может! – не согласился Дурнбад. – Это пятерня! Сухожилия, кости и мясо! У нее нет мозгов!

– Дроторогор вышел из Безвременья, и его обрубок, захороненный в Тлеющей Чаще, также пробудился ото сна, – сказала Настурция. – Это – метафизическое явление, присущее Высшим Созданиям. Части их тел, даже оторванные друг от друга, живут своей жизнью и своими, так скажем, заложенными мотивами. Владыка Хрипыхора ненавидит человечество. Его рука – тоже. И поверь, Дурнбад, она умеет соображать, правда, на свой лад.

– Дроторогор... Я знаю, что он уже где-то в Соединенном Королевстве, разносит там в щепки наши города! Мне пришло письмо об этом лично от Констанции Демей. От королевы! Первый раз мне что-то написала сама королева, а не от Энейгрид или Лей Клинч! – пропищал Мито Якк. – В начале Таурус, а потом Он! Я-то надеялся сдать пост и приобрести себе домик у моря в Керане... Придется и дальше держать меч наготове!

– Еще Вальгард Флейт, вампир из Вестмарки, – дополнила Настурция. – Но тут он вряд ли появится, если только не победит Дроторогора.

– Я не в курсе кто такой Вальгард Флейт, но ни ему, ни Дроторогору не пройти по Змейчатому Тракту, пока мои ребята держат форт Нур!

– Беззаветная храбрость – вот, что отличает Карак от всего Соединенного Королевства! – воскликнула Лютерия Айс.

– Клинок моего отца хранил границы Карака, а до него топор моего деда и прадеда. За мной настанет черед моего сына Гарка. Он – славный мальчик, прыткий. Не опозорит ни меня, не своих предков.

– Некоторым людям надо было родиться гномами, а иным гномам – людьми, – громыхнул Дурнбад.

– Генерал, что на счет моего первого вопроса? – напомнила Лютерия.

– Вы про болезнь? Да, Нур обуяла какая-то лихорадка. Одна четвертая моего состава в лазарете. И то всего за неделю! Коек не хватает, а наш лекарь сбит с толку. Сегодня утром я послал гонцов в Брандвард и в Осприс. Надеюсь, что там сыщется кто-нибудь толковый из жрецов или знахарей, – вздохнул Мито Якк, стискивая свои внушительные пальцы замком.

– Здесь уже есть я, генерал. Вряд ли кто-то в округе разбирается во врачевании лучше меня, – изрекла магистр Ордена Милосердия, поднимаясь со своего места. – Где я могу найти лазарет?

– Вы осмотрите моих ребят?! На я на это и рассчитывать не смел! – встрепыхнулся Мито Якк. – Палаты находятся в глубине форта. Гарк вас проводит. Эй, Гарк!

– Генерал?

– Отведи, магистра Ордена Милосердия к хворающим. Она поглядит, что к чему.

– Будет исполнено! – прищелкнул каблуками оруженосец-сын. – Миледи?

– Могу я составить тебе компанию? – обратился я к Лютерии.

– Если ты не устал... то, да.

Вместе с Лютерией Айс и Гарком я спустился на несколько этажей вниз, в толщу форта. Когда Гарк пихнул одну из дверей, на меня дохнуло сладковатым запахом крови и рвоты. Крепко сбитые местными плотниками кровати занимали весь длинный холл. На них стонали умирающие. Зажав нос платком, я склонился над ближайшим ко мне. Набухшие водяные волдыри, испарина, бледность, спутанность сознания. Лютерия, поджав губы, так же занималась осмотром. Все признаки налицо...

– Оспа, – тихо сказала магистра Ордена Милосердия.

– Форт обречен, и мы тоже, если не покинем его немедленно.

– Погоди, Калев... Погоди, может быть, еще не все потеряно.

– Зимой мы попали в зачумленный аванпост гномов Трузда. Серэнити смогла оградить нас от болезни, но вылечить наших снежных барсов – нет. По ее словам – на это у нее не доставало сил. Неужели ты... справишься?

Гарк, тем временем внимательно слушающий нас, боязливо прошептал:

– Нам конец, миледи? Вот это конец, да? Мы все заразимся и умрем? Как собаки безродные?

Лютерия Айс, казалось, не расслышала того, что сказали я и Гард. Она крутила на пальце «Лики Всеотца» – кольцо, связывающее ее с Аланом Вельстрассеном, и как будто чего-то искала... В себе?

– Расчисти мне место в центре, – внезапно и как-то хрипло попросила она нас.

Мы опрометью кинулись выполнять поручение. Когда столы, стулья и кровати (вместе со страдальцами) были сдвинуты к стене, Лютерия словно в трансе встала на пустой пятак. Она закрыла глаза,

а потом... потом Лики Всеотца озарились светом. В этом сумрачном помещении, пронизанном удушливыми запахами и безысходностью, я ощутил, как по моим венам разливается жар. Он исходил из магистра Ордена Милосердия. На короткий миг Лютерия Айс превратилась в сияющую звезду, источающую волны энергии. Она захлестнула меня и опустила в негу полузабытья. Я видел, что происходит вокруг и вместе с этим одновременно летал над облаками, где чистые и мягкие солнечные блики выжигали из моей плоти всю хандру. Сколько длился ритуал? Минуту, две, двадцать? Без понятия. Время смазалось и растянулось в полоску блаженства. Постепенно пелена экстаза стала покидать меня. Я ошалело потряс головой. Лютерия лежала на полу. Она потеряла сознание. Я и Гарк Якк бросились поднимать ее. Но не только мы... Все, дотоле умирающие, как ни в чем не бывало повскакали со своих лежаков и потянулись к Лютерии. Чудо из чудес! Кто-то плеснул на магистра Ордена Милосердия воды из бадьи. Она открыла очи и кротко улыбнулась нам.

– Урах с вами, дети...

Я взял Лютерию на руки и понес вслед за Гарком – в опочивальню, сказал он. Легкая, как перо, магистр Ордена Милосердия обвила мою шею холодными ладонями. Я всматривался в ее глаза и что-то не нравилось мне в них... Ранее ясные, они будто бы состарились и потухли...

Я уложил Лютерию на кровать и попросил мнущегося позади меня Гарка выйти.

– Ты как?

– Лики Всеотца... Они перетягивают в меня мощь Алана Вельстрассена, а он черпает ее у Всеотца... Она несет исцеление и вместе с тем калечит... Нет, меня не нужно жалеть. Просто ни один из смертных не способен вместить в себя Абсолютный Свет и не ослабеть... Как же тяжело сейчас пришлось понтифику... не то, что мне... Он – призма.

– Но ты не ослабла... Ты...

Я оглядел Лютерию.

– Ты взяла их оспу на себя! – выкрикнул я, осознав, что сделала магистр Ордена Милосердия. – Находясь в казематах инквизиции Шальх, я точно так же перенял увечья Эмилии, когда ее пытали «огненным сапожком»!

– Калеп... и да, и нет, – измученно прошептала Лютерия Айс.

Ее стал сотрясать озноб.

– Я... я действительно вынула оспу из них... Урах согласился на это и... Она прошла через меня и Алана Вельстрассена, к Нему...

– Ты... Ты не оставишь нас?

– Возможно... По воле Ураха. Но ты не бойся... Оспа заперта во мне «Печатью Света». Тебе и другим ничто не угрожает. Эта ночь... Если переживу ее, то хорошо... Алан Вельстрассен тоже не заболеет... Я упростила об этом Всеотца...

Лютерия Айс смежила веки и часто-часто задышала. Ее тело горело. Я открыл окно, чтобы впустить свежего воздуха, а затем снова сел в кресло подле магистра Ордена Милосердия. Что я думал? Я восхищался самоотверженностью Лютерии, ее альтруизмом и самопожертвованием. Вот она – настоящая дочь Ураха, отдает себя за неизвестных ей людей... Беззаветно, без всякой нерешительности и без страха. Мне хотелось плакать, потому что я не знал, как облегчить муки Лютерии. Через час на пороге показались мои друзья. Гарк Якк все рассказал им, и теперь они волновались. Их беспокойство утроилось, когда я дополнил повествование оруженосца своим. К двенадцати ночи у Лютерии началась агония. Настурция и Дельторо приготовили из того, что имелось в форте, лечебный отвар. Они смачивали им синие губы, а я проверял пульс. Кроме не стесняющихся сквернословий Мито Якка и Дурнбада, мы все молчали. Один

сокрушался на языке Соединенного Королевства, второй на лундулуме. Автоматически я отметил, что речь генерала более заковыриста и богата «оборотами» нежели, чем у гнома. Хотя я мог перевести далеко не все, что изрекал Дурнбад.

Лютерия металась по койке и изредка, не приходя в себя, призывала Ураха. Сюда бы Серэнити или Эмилию! Без них мы бессильны предпринять что-то существенное... К трем часам мою грудь защищало. Я полез за пазуху и дотронулся до Лукового Спокойствия – оно накалилось. Полудрагоценный камень, весь в бороздах трещин, пульсировал, как изумрудный маяк. Нет, то не было связано с Укулукулуном и его тягой прихлопнуть меня. На этот раз Луковое Спокойствие тянулось защитить Лютерию... Почему я в этом уверен? Потому что в недрах моей души неожиданно все преисполнилось «зеленым». Я бы не назвал это божественным откровением или «гласом» Небес. Однако Кто-То, я подозреваю, что Луковый Рыцарь – святой Ураха, пытался пробраться к Лютерии, чтобы спасти ее. Почему он? Может от того, что магистр носила Луковое Спокойствие до меня и как-то настроилась на Него? Какая разница! Главное, что Всеотец хочет, чтобы Лютерию жила! Я сдернул с себя цепь и под недоуменные взгляды друзей вложил кулон в кулак магистра. Она стиснула его и натужно закашлялась. Ее лоб прорезали тонкие морщины, а волосы взмокли. Шла борьба. Я почти осязал ее. Лютерия и Луковый Рыцарь против Тьмы Назбраэля, которая желала уничтожить магистра. Постепенно, очень-очень медленно Лютерия одерживала вверх. Ее кожа приобретала более розовый оттенок, а дыхание выравнивалось. Она перестала метаться и наконец погрузилась в глубокий сон. Луковое Спокойствие вспыхнуло, а затем померкло. Лютерия выиграла бой.

– Ей лучше! – облегченно оповестила Настурция.

– Горы и недра! У меня вся борода поседела! – взревел Дурнбад, от чувств пиная сапогом комод. – Лучше сотню троллей раскромсать, чем вот так сидеть и гадать «да» или «нет»!

– Луковое Спокойствие помогло, – сказал я.

– Твоя догадка спасла Лютерию, – похвалил Альфонсо.

– Удивительный артефакт Братства Света, – промолвила Настурция. – Как ты сообразил, что он подействует?

– Мне подсказал «внутренний голос».

– Слышать голоса – плохо. Так с катушек слетают. Фчифчи, карга из Леса Скорби, тоже слышала их, а потом за дерево–мутанта замуж вышла, – сказал Дурнбад. – Впрочем, сейчас это пришлось кстати.

– Вы идите, поспите. Я посижу с ней, – промолвил я, держа руку Лютерии в своих ладонях.

– Я тоже, – произнесла Настурция.

– Пойдемте, я покажу вам ваши спальни. Вернее не я, а Гарк, – позвал Мито Якк. – Гарк, увалень! Ты где?! Но сначала вам надо поесть чего–нибудь. Гарк! Давай сообрази поесть дорогим гостям!

Альфонсо, окинув взглядом меня и Настурцию, жестом поманил Дурнбада за собой.

– Я побуду тут, – буркнул гном.

– Нет, пошли.

– Зачем?

– Разговор есть.

– А! – что–то себе смекнул Дурнбад. – Ну да, ну да, разговор. Важный, небось, у нас с тобой разговор–то, да?

Остались только я, Настурция и посапывающая Лютерия. Колдунья Ильварета откинулась на спинку неказистого стула и

вперила в меня свои прекрасные глаза. Я заерзал. Неуютно!

– Э–э–э? Настурция?

– Что?

– Почему ты на меня так смотришь?

– Почему ты не ушел?

– Я... Нужно, чтобы кто–то был с ней рядом.

– И это ты.

– И ты.

Мы замолкли. Под взглядом Настурции я чувствовал себя не в своей тарелке. Она же не собиралась отводить от меня своих глаз.

– Настурция, что же не так?

– Много, что, – протянула колдунья Ильварета, пряча лицо в тень.

– Много что – «что»?

– У тебя есть самый сокровенный секрет? – вопросом на вопрос внезапно ответила Настурция.

Эмилия!

– Ну, надо подумать...

– Есть, – утвердила колдунья Ильварета. – Я желаю знать, сколько он стоит.

– Он... не продается.

– Всему есть цена.

– Не всему...

– Тогда представь его себе.

– Зачем?

– Чтобы сказать себе, на что ты пойдешь, чтобы сохранить его.

Я стал смутно догадываться о том, что Настурция ведет со мной сложную игру. Ей было все равно, что я отвечаю, но вот образы, вспыхивающие при моих словах... Образы тут имели ключевую роль. Магия Разума – самая запутанная из всех чародейских школ. Она дает возможность при должной подготовке применяющего ее читать мысли собеседника. Настурция владеет телекинезом на искусном уровне, а он в некотором плане сродни магии Разума, которую, как мне кажется, она тоже изучила, – так, для галочки. Мне не нравится, когда такие штуки проворачивают с другом без всякого предупреждения. Но... это способ сблизиться с Настурцией, на ее «поле».

– Хорошо, – помедлив, отозвался я.

Я постарался вообразить себе, как жажду вернуть к себе расположение Настурции (специально, разумеется, чтобы растопить ледник ее сердца). Я действительно того хотел, но в меньших объемах. В моей голове Настурция с Клюквой на коленях сидела в оливковом саду, а я наливал ей холодный абрикосовый сок и подавал на тарелочке дольки спелого, нарезанного манго. Чтобы удовлетворить «на что я пойду, чтобы сохранить его», я надумал себе разных опасностей и лишений, в которых мне было проще перекусить свой язык, чем проболтаться о том теплом «комочке», что бился по Настурции.

Неожиданно колдунья Ильварета вздрогнула всем телом.

– Ты... Ты... нет! Не может быть!

Ха! Калеба не проведешь! Даже тебе!

– Что не может быть?

– Ничего, – как-то совсем иначе сказала Настурция.

Я сделал глуповатый вид.

– Совсем ничего? Тебя уже не занимают мои тайны?

– Напротив, более чем, однако... Они пока терпят.

Настурция словно преобразилась. Она улыбалась мне как-то по-особому... Это яд сочится по ее устам или плохо скрываемое отвращение? Меня как громом поразило! О, Вселенная! Колдунья Ильварета уже не первый раз проникает в мой «кочан капусты». И она видела в нем Эмилию и мою... «привязанность к ней». Как горько! Как беспринципно! Как подло! Мои мечты, только мои! Они – не достояние общественности и уж тем более Настурции! Колдунья Ильварета, сестра-близнец моего предмета воздыхания, теперь относилась мои чувства не к Эмили, а к себе! Настурция, которая до сего момента мою личность еще как-то терпела, ныне наверняка попытается меня укокошить. Она сложила два плюс два, и я... столь ей ненавистный и по ее мнению влюбленный в нее, вообще достоин ли жить? Эх, сплоховал!

– Я тут кое-что хотел заметить...

– Меня?

– Это более чем очевидный факт, но...

По кругу комнаты зажглись свечи. Их мягкий разноцветный свет совсем чуть-чуть разогнал всеобъемлющую темноту. Окруженная загадочными мерцаниями, Настурция подалась вперед и приложила палец к моим губам.

– Не говори ничего. Я не приму так твое.... Не здесь. Потом... когда вернемся в Ильварет. Ладно? Этот день мне хочется запомнить... не таким.

Что она пытается мне этим сказать?! Что она собралась там запоминать?! То, как прихлопнет меня?!

– Хмр! Хорошо! В Грэхелькхоме? – наобум ляпнул я.

– Подойдет. Сладких снов... Кaleb.

Настурция грациозно поднялась и вышла. Скукожившись, я попытался разобрать тот тон, которым она произнесла мое имя. Злобный? Нет. Мстительный? Нет. Предвещающий расправу? Да нет же! Он был... приятным? Не будь я знатоком человеческих хитростей, отнес бы его к этой категории. Настурция что-то замышляет. Надо держать ушки на макушке. Да, что я о ней?! Лютерия едва не погибла, а я – «Настурция»! Пусть вынашивает свои коварные планы, сколько влезет! Пока мы не возвратимся в Ильварет, мне нечего пугаться! А там, там уж как-нибудь раскидаю «колоду»! Подтасую, если что!

Я так и просидел подле Лютерии до самого рассвета. С красными от недосыпа глазами, всклокоченный и осунувшийся, я ощутил на своей коже первый лучик солнца. Он погладил мое запястье, а затем перебрался на магистра Ордена Милосердия. Кряхтя, как испорченная мельница, я посеменил к окну, чтобы его зашторить...

– Не надо. Я люблю свет... Он сближает меня с Всеотцом.

Я обернулся. Лютерия робко улыбалась мне. Одним прыжком я оказался возле ее изголовья.

– Я почти потерял надежду...

– Луковое Спокойствие изгнало из меня всю болезнь. Я вновь здорова, хотя и обессилена. Это был Луковый Рыцарь... Во мне и со

мной. Святой покровитель праведников. Но я себя к ним не отношу. Я грешница.

– В меньшей степени, чем я.

Лютерия по-доброму рассмеялась.

– Шутка засчитана!

– Один:ноль?

–Я так проголодалась! Как будто сотню лет ничего не ела! Поищешь что-нибудь обжоре?

– Теперь ты шутишь? Ты же ешь меньше всех нас вместе взятых!

– Если не поторопишься, то слопаю тебя!

Я нежно обнял Лютерию, после чего ломанулся в поисках кухни. Я бросился на запах. Вот она, кухня! Там все кипело и скворчало! Затевался праздник! Солдаты в измазанных фартуках разделявали лося, пеклись пироги, шинковались незатейливые салаты! Ну, а как иначе? За здоровье! Или к тому же... за упокой? Тьфу ты, Калёб! Какой «упокой»! Лютерия очнулась! Слава тебе, Вселенная! Буду должен!

Я наткнулся на Гарка у серванта. Он, при парадном доспехе, что-то обсуждал с поваром – усатым мужиком с офицерской нашивкой на белом колпаке. Своеобразно! Растолковав обрадованному сыну Мито Якка, для кого мне срочно требуется самый огромный поднос со всем вкусным и свежим, я принялся весело насвистывать. Мою просьбу исполнили в лучшем виде. Сгибаясь под тяжестью двух подносов мы с Гарком отправились к Лютерии. По пути нам встретился Альфонсо, – он тоже шел к Лютерии. Я бы, конечно, мог накормить ее из нашей Скатерти, но мне подумалось, что магистру поднимет настроение именно стряпня форта. И не промахнулся! Как же она накинулась на еду! Как оголодавший волчонок! Альфонсо только и успевал намазывать маслом новый бутерброд, Гарк подавать буженину, а я

наливать кружки земляничного чая – Лютерия выпила их три! Когда магистр наелась, то сразу уснула.

Пока она спала (до обеда), мы с друзьями гуляли по форту Нуру. Мито Якк сопровождал нас неотлучно. Он рассказал нам об устройстве крепости и об ее истории. Форт Нур осаждали за предыдущие века нечасто, и каждый раз неприятель уходил восвояси ни с чем. Я не удивлен этому. Толстые отвесные стены, построенные на природной скале, и ряд очень удачно воплощенных оборонительных нюансов издревле держали аванпост под надежной защитой. Поговорив с нами о том, о сем и о десятом, генерал покинул нас, посоветовав наведаться на тренировочную площадку. Она располагалась в восточной части форта. На ней инструктор гонял своих подопечных до седьмого пота. Облаченные в доспехи, солдаты сражались тупым оружием. Дурнбаду зрелище пришлось по нраву. Он кричал и раздавал всем советы, так, как будто это он тут руководил упражнениями, а не кто-то другой. В конце концов, терпение инструктора лопнуло, и он рявкнул, что если гном такой хороший воин, то почему бы ему самому не встать в круг. Дурнбада уговаривать не пришлось. Он тут же выпятил грудь и вызвал на состязание самого инструктора. Тот отрывисто кивнул. На этот поединок собралась посмотреть целая толпа. Делались ставки! Горластому капралу в снятый шлем кидали, как Манфреда Второго медного, так и серебряного! Дурнбад, следя за этим действием, ухмылялся и потирал молот.

– Поставите на кого-нибудь? – озорно поинтересовался капрал, подходя к нам.

– На Дурнбада, – благосклонно ответила Настурция, вынимая из кармана пригоршню золотых (ее вложение превысило всю солдатскую складчину).

– Ого, миледи! Вы отчаянная! Как у Осприса в битве, так и в азарте! Только я вам вот что скажу: Вашего крепыша мы не знаем, а вот Шусту Рика – премного! Он недаром у нас за Мастера меча числится!

– Я выиграю. Я это делаю всегда и везде, – беспечно отозвалась Настурция, взмахивая длинными ресницами.

– А вы? – обратился к нам капрал.

Альфонсо глянул на меня.

– Займешь?

– Ты что? Дырявый носок? У меня пусто. Но если бы у меня были деньги, то я бы не задумываясь, вывалил их все.

Дурнбад между тем пил из поднесенной фляжки что-то явно крепкое.

– Давайте на кон что-нибудь еще, – подбивал нас капрал. – Например, ты – лук, а ты – сапоги. Кожа у них телячья, да?

– Ага, она самая.

– Ты слышал? Резец оценили эквивалентно твоим «подкрадушкам». Красота!

– Почти равноценно, – улыбнулся я. – Идет! Мои замызганные сапоги – в деле!

– Не хочешь лук, тогда с тебя ремень! – не унимался капрал.

Альфонсо расхохотался.

– Пусть так. Только снимем все себя уже по факту.

– Лады, мужики.

Когда противники приготовились, капитан, выбравший сам себя в судьи, крикнул:

– Начали!

Дурнбад почти лениво двинулся к Шусти Рiku. Помотав молотом, он сделал пробный удар. Мимо! Инструктор форта Нура ловко увернулся и в ответ едва не достал мечом головы гнома. Толпа взревела! Дурнбад, наступая боком, держал молот всего одной рукой, а второй показывал Шусти Рiku «нос». Инструктора это злило, но он не поддавался насмешкам. Его четко выверенные курбеты клинка искали у Дурнбада слабые места, однако не находили. Старейшина войны, знаменитый вояка Железных Гор, от души забавлялся над потугами Шусти Рика. Он больше отбивался, чем наседали. А инструктор старался! Старался, как мог! Он применял все известные ему уловки! Бил с плеча и снизу, прокручивал финты и делал разнообразные «па»! Надо отдать ему должное – он и правда, был не простачком и к тому же выносливым! Я бы, наверное, уже умаялся, а он – нет! Шусти Рик, как человек, которому перевалило за сорок, метался по утопанной земле взад и вперед! Э, какой подвижный! Танцор!

– Ну, что? Размялись? – хохотнул Дурнбад своему оппоненту. – А теперь давай по-взрослому!

Старейшине войны наскучило поддаваться, и он взял свои привычные обороты. То есть грянул напролом! Бац! Бац! Молот скрестился с мечом, по касательной пронесся у виска Шусти Рика (гном не хотел попасть туда, потому что его удар мог ненароком убить), а затем вихрем пронесся к коленке, поддел ее и опрокинул инструктора навзничь. В грязь! Заблокировав клинок железной пяткой, Дурнбад театрально медленно опустил свое пудовое оружие на череп Шусти Рика. Показав нам, что «бум» и смерть! Потом перекинул молот в другую ладонь, крутанул его в воздухе, поймал опять, и молниеносно послал к лежащей поодаль крупной репе. Овощ разметало в пух и прах! Дурнбад провернул этот трюк так быстро, что у всех присутствующиххватило дух! Личный состав форта Нура понял, каков был бы удар по макушке Шусти Рика в настоящем сражении! Аплодисменты и ор оглушил меня. Дурнбад улыбнулся и помог инструктору подняться.

– Молодец! Хватка есть! Не моего, конечно, уровня! Но, так, жирок страсти, пойдет!

– Меня никто еще не побеждал! – уважительно воскликнул Шусти Рик.

– Никто до меня! Я – побеждаю всех! С тебя пинта эля, человек!

Хлопнув меня по бедру, гном добавил:

– С тебя тоже!

– Почему это – с меня тоже?! Я на тебя положил свои сапоги!

– Именно поэтому! Ободрал бедных солдат! – рассмеялся Дурнбад. – Ты же знаешь: меня не одолеть!

– Миледи, – обратился капрал к Настурции, отдавая ей шлем, полный монет. – Ваш выигрыш!

– Оставьте себе, – улыбнулась колдунья Ильварета. – Это мой подарок тем, кто щитом ограждал меня от тварей близ Осприса!

– Хвала вам, миледи Настурция! – благоговейно взвыл капрал. – Мы будем пить за Вас! И за магистра Ордена Милосердия! За нее обязательно тоже!

– Только не переберите!

– Эгей! Идея неплохая! Кто в увале, налейте мне до краев! – загрохотал Дурнбад.

Гнома тут же подхватили и понесли в казармы.

– Увидимся! – крикнул нам старейшина войны.

– Покажи им теперь, кто самый большой выпивоха! – крикнул ему вдогонку Альфонсо.

Дурнбад нашел себе еще одно занятие по вкусу. Ждать его не имело смысла, поэтому мы втроем отправились к Лютерии. К нашему приятному удивлению, она уже покинула кровать и, как оказалось, следила за состязанием гнома и инструктора из окна. Ей было много лучше, недомогание шло на спад. Мы посоветовались и решили выдвигаться к Тлеющей Чаше завтра утром. Заключительную половину дня наша компания провела в кабинете Мито Якка. Мы попивали пряный напиток, сделанный в форте, и тихо беседовали. Генерал восхищался Дурнбадом, а я украдкой посматривал на Настурцию. Она, веселая и щедрая на безобидные шутки, вскользь тоже кидала на меня взгляды. Я гадал, что тут к чему, и выводил теории, но все они не шибко меня устраивали. А может, я накручиваю себя? Я так умею.

Поздним вечером мы разошлись по комнатам. Заснул я быстро и спал без всяких сновидений, что уже достижение! Утром, свежие и вымытые (когда еще придется теперь принять ванну!), мы оседлали коней и покинули форт Нур. На прощание весь его гарнизон выстроился в шеренги и поднял свое оружие. Трусясь на Марви, я оглянулся – две фигуры, Мито Якк и Гарк Якк, отец и сын, махали нам вслед.

В Брандвард мы не стали заезжать – только время терять. Он, маячивший по левую сторону, как будто мрачно наставлял: в Тлеющую Чашу суются одни самоубийцы и дураки. Когда Брандвард скрылся позади, я стал ощущать запах гари. Нет, не так. Аромат раскаленных углей. На подступах к Тлеющей Чаше появился дым. Тугими разобщенными струями он тянулся, как по воздуху, так и стелился по земле. Да, вот и она, опушка... Лес, ранее называвшийся Малахитовым Дворцом, представлял собою нечто нереалистичное. Деревья, если их сжечь, превращаются в труху и пепел. Но только не эти. Крепкие стволы здешних дубов, ясеней и каштанов избороздили крупные и мелкие прожилки, из которых вечно тянулся огонь. От этого темного волшебства весь бор сиял бессчётным количеством

неугасимых факелов. Такое более нигде не увидишь... Из сухой почвы то и дело вырывались снопы искр. Их фонтанчики смешивались с хмарью или лизали копыта наших лошадей. В тенистом пространстве, пропитанном потусторонними шорохами и скрипами, плодился страх и безысходность. Изредка, будто из минувших тысячелетий, до нас доносились стоны или отчаянные крики. Это расшатывало нервы. Мы ожидали нападения, но, казалось, что Тлеющая Чаща абсолютна пуста. Ни животных, ни птиц. Только беспросветная мгла и сажа полустертых тропинок. По пути нам часто встречалось обугленное оружие или трухлявые доспехи. Под обмаранными копытю валунами валялись кости, как людей, так и чудищ из Великого Леса. Да... Та самая легендарная битва – Полдень Игл, она напоминала здесь о себе повсюду. Этот застрявший в том моменте могильник есть место славы и великого героизма моих праотцов, а так же трансцендентной и запредельной мощи владыки Хрипыхора, хоть и проигравшего Харальду Темному и Легии, но изувечившему тут самую основу Мироздания. Белые хлопья пепла покрыли всю нашу одежду. Мы попеременно чихали и кашляли. Дышалось с трудом. Тлеющая Чаща почти соразмерна Лунным Вратам. Чтобы пересечь ее от одного края до другого потребуется дней пять. Мы собирались найти курган, который по преданиям был насыпан в самом центре осквернённого Малахитового Дворца. Тогда, при Харальде, он еще цвел бутонами лютиков и был покрыт травяной подстилкой. А теперь... Теперь все иначе...

К вечеру настала необходимость где-нибудь заночевать. Сумерки опустились рано. По моим подсчетам солнце еще должно было бы светить, впрочем, тут все так непроглядно... Альфонсо, следопыт с колоссальным опытом, сумел (как?) подыскать нам что-то вроде неглубокой пещеры, скорее даже природный навес из наваленных метаморфизованных глыб сланца. Мы забрались в него и наскоро перекусили. Бархатным колпаком нас накрыла ночь. Дежурство поделили так – я, Лютерия, Настурция, Дурнбад, Альфонсо. Проверив, как привязаны наши беспокойные гнедые, я примостился на камне, так, чтобы обозревать... что обозревать? Что-то! Покумекав, я призвал шарики Света (на всякий случай!). Как масляные капли-зарницы, они со всех сторон омывались дымом, сливались с пеленой мути и бурями

языками пламени свечей–деревьев. Не усмотрев в шариках Света толка, я распустил свое колдовство. Но вынул и засунул в ножны Альдбриг. Ходит легко. Но поможет ли он? Кто знает? Тут нам не живые угрожают, а нечто... нечто неопределенное. Нежить? В каком–то роде она. Но особая, чуждая и аномальная, не такая, как везде. Эти прилагательные я даю ей, как мастер–некромант, разбирающийся в том, что такое «неуспокоенная сущность». Брр! Аж мурашки по коже!

Немногим спустя в глубине Тлеющей Чащи показались тускло люминесцирующие образы. Они колыхались от одного рдеющего тополя к другому, но близко не подступали... Загробные аспиды и пленники сакрального урочища давали мне понять – «мы рядом, и вы под наблюдением». Чтобы обезопасить нас, я взял палочку и, проговаривая про себя слова из темного искусства, стал чертить вокруг стоянки защитную сферу. В самом себе я обращался к древним и изуверским «запретам–чарам» Назбраэля. Наговор корежил мое сознание и вызывал тошноту. Я проводил ритуал и содрогался от безразличия, как к себе, так и к его создателю – Вседержителю Мира Тьмы. Когда мои линии замкнулись, я отбросил веточку и, сняв перчатку, приложил руку к теплой земле. Заключительные рифмы навета превратили почти не приметную бороздку чертежа в вязь красных рун. Заклинание рассчитано на часа три–четыре, и под его опекой мы будем в относительной безопасности. Если призраки решат атаковать нас, Назбраэль, которому, по сути, все равно, кто пострадает, вывернет их наизнанку. Они подвергнутся своего рода пытке, которая бичом погонит их обратно во мрак. Я, по крайней мере, надеюсь на это.

Лютерия проснулась сама. Она, обежав глазами символы Назбраэля, поморщилась.

– Зачем?

– Там – наши враги, – ответил я, указывая на приведения. – Это от них.

Магистр Ордена Милосердия присела подле меня. Она сжала амулет Ураха.

– И подействует?

– Раньше действовало.

– Я проникаю в смысл твоих написаний – их составитель Сам Назбраэль.

– Да.

– Они отвратительны.

– Согласен. Однако Тьма тоже любит бороться с Тьмой.

– Звучит странно.

– Насилие. Тут только это важно. Назбраэль получает удовольствие, если кто-то кого-то угнетает. Пусть даже это будут Его выводы.

– Ты сделал это ради нас. Как мог, – ласково сказала Лютерия. – Но это – мое поле брани. Я магистр Ордена Милосердия, и я получила эту должность не просто так. Со мной Урах и Его заступничество. Усопшим ни за что не добраться до вас, пока я рядом.

– Это ободряет... Помнишь, я говорил, что Серэнити своим Светом отбросила призраков ворожей, когда мы шли в Оплот Ведьм? Ты так тоже умеешь?

– Ты часто поминаешь Великого инквизитора. Моей сестре было бы приятно знать, что ты о ней думаешь, – улыбнулась Лютерия. – А на твой вопрос... Предпочту, чтобы доказывать не пришлось.

Магистр коснулась моего плеча.

– Калеб?

– Хм?

– Можно спросить кое–что личное?

Я заинтригованно поднял бровь.

– У меня обычно нет секретов, от друзей.

– Что такое Уговор Предков? Им ты поклялся Констанции Демей, что добудешь Филириниль.

Я вздохнул.

– Для того, чтобы это объяснить, мне потребуется рассказать тебе короткую историю.

– Пока идет твое дежурство, мое еще не начиналось.

– Хорошо... Когда–то я был мальчиком. Одним из уймы сирот, слоняющихся по Шальху в поисках еды и крова. Однажды, в ту мою горестную пору, я заболел. В лихорадке, кутаясь в порванный тулуп, а стояла зима, я волочил ноги по улицам нашей столицы, с завистью глядя на тех детей, у кого были родители. Я твердил себе, что хоть Вселенная и несправедлива – я не сдамся и выживу всем назло. Я повторял это, а сам уже, не заметив как, лежал в сугробе. Я почти заснул, но меня встряхнули, взяли на руки и отнесли в карету. Там я пришел в себя. Напротив меня, на сиденьи из красного ситца, восседал молодой мужчина с окладистой бородой. «Кто вы?» – спросил я. Он ответил: «Твой король». Это был Освальд из рода Хайдерсонов, муж Отилии Темной. Мне повезло. Счастливый билет. Мы приехали в замок, где Освальд распорядился накормить и напоить меня, обогреть и дать новую одежду, а также вылечить – за это спасибо жрецу Братства Света. Тогда я не умер, а мог бы.

В тот день Освальда заняли важные дела, и он позабыл обо мне. А меня... Что со мной делать? После выполнения всех королевских поручений, меня выставили обратно на холод. Потом я вновь повстречался с Освальдом, на празднике Урожая. Тогда мне было уже сорок семь, а ему под восемьдесят. Освальд вдруг вспомнил меня и пригласил разделить с ним ужин. С интересом, свойственным старикам, он принялся расспрашивать меня, как сложилась моя жизнь. Я поведал ему, что стал магом и что теперь готов отплатить ему за его доброту. Собственно, за этим я и явился тогда в Шальх. Вернуть долг Заботы – такое желание двигало мной! Понимаешь? К моему неопишуемому удивлению, Освальд промолвил, что ему было видение, и он знал, что когда-нибудь я приду к нему. В нем король увидел моих маму, папу и Энигму – башню моего приемного отца Квиля Лофирндваля. Освальд сказал мне, что ему известно о том, где стоит Энигма, и что я страстно жажду ее найти. Дряхлый король утвердил следующее: я получу секрет через триста лет безоговорочной службы его роду. Трепеща всем телом, я дал клятву исполнять все, что мне прикажут. Освальд назвал наш гешефт Уговором Предков. Предполагаю, что сокровенную информацию мне должен был передать не он, а его потомки. И вот, с того самого судьбоносного соглашения по эту секунду я исполняю Уговор Предков.

– Сколько тебе еще осталось ждать? – прошептала Лютерия.

Я улыбнулся.

– Срок условия истечет сразу после Величия Света. Когда оно грянет – Уговор Предков с моей стороны будет выполнен.

– Значит, это Констанции Демей выпала честь вознаградить тебя за твои труды.

– Я уповаю на то.

– Урах видит – ты достоин того. Иди спать. Настал мой черед нести вахту.

– Если что – буди.

– Непременно.

Утро принесло мне ломоту во всех конечностях и послевкусие от усердий Укулукулуна. Создавалось впечатление, что еще пару ночей и Луковое Спокойствие попросту расколется. Я боялся слишком сильно надавить на него или на что-то наткнуться грудью. Развязка противостояния архонту и Испытание Рифф – вот, что мне светит в уже более, чем близком будущем.

Мы позавтракали, расстелив Скатерть «На любой вкус», и вновь взобрались в седла. Сущности, появившиеся вчера, не пропадали. Бледной мутной волной они следовали за нами по пятам. Чем дальше мы забирались во чрево Тлеющей Чащи, тем больше ее природа обретала мазков порочности и уродства. Выгорающие деревья завивались кронами книзу, врастая в свои же корни, а из тверди выпячивались конусы гейзеров, выпускающих из себя чад. Мы видели горы пепла, усеивающие собою пустыри и прогалины с адамантовыми, подвергшимися кошмарному видоизменению, пучками вереска. Они издавали звон и лоснились капельками огня.

Через день мы попали в «преддверие» Полдня Игл. Здесь, на тех и этих отрогах, Харальд Темный, Ки Аная, Гвин Гокатюр и Легия сошлись с Дроторогором и Хрипыхором в смертельной сече. Черные кости безостановочно хрустели под копытами наших лошадей. Черепа палились на нас из коптящихся смогом ям пустыми глазницами. Стволы деревьев были унижены скелетами, пронзенными стрелами. Каждая миля, которую мы оставляли позади, кричала нам о горе и жесточайшем побоище. Я привык к сопровождающим нас призракам, но сейчас, когда мы подобралась к центру Тлеющей Чащи они стали сокращать расстояние между нами. Их лики, с гримасами извечного томления и ужаса, уже четко различались за нашими спинами. Ага... Мы на месте.

На голой равнине цвета оникса возвышался холм. По его пологим склонам ползали какие-то твари два на два фута, напоминающие

муравьев, только огненных. Они копошились и рыли норы, вынимали из них останки, а потом, смазав их пламенным экстрактом, зарывали обратно. Магия первородного Хаоса, почти осязаемо повисшая в пространстве, наполняла меня чувством наэлектризованной напряженности. Пожелай, и создашь заклинание, не сосредотачиваясь. Нечто аналогичное я испытывал в присутствии Тауруса Красного Палача. На подножии холма находился частокол из воткнутых копий и единичных, истлевших стягов. Еще... Еще могила руки Дроторогора, вся эта опутанная газами возвышенность, состоящая из огненных муравьев и суглинка с вкраплениями вороненых кристаллов, траурно мигающих скорбным золотым светом, опоясывалась гигантскими буквами–пожарами. Их бедственный и мертвящий перевод, а алфавит Хрипохора я худо–бедно знал, заставил меня покрыться испариной.

Но главное было в другом. У входа, незанятого копьями и пиками, ведущего наверх холма, стояли два человека. Мужчина и женщина. Мужчина в красных доспехах, с рдяным клинком и таким же щитом. Под его шлемом, как две падающие звезды, сверкали глаза–алмазы. Женщина – вся в белой броне и плаще, с серповидным посохом и венцом–созвездием на челе. Их лица... Одновременно они казались мне, как прекрасными, так и жуткими. Думаю, это из–за того, что в них не было ничего человеческого. Без всякой концентрации я зарядил Лик Эбенового Ужаса заклинанием Потустороннего Террора – оно уже давно продемонстрировало мне свою эффективность против нежити. Мы спешили, и шаг за шагом, медленно, пошли к стражам. Когда нас от них стало разделять футов пятнадцать, женщина, вскинув руку, воскликнула:

– Живые, остановитесь!

Ее голос, пронзительный и потусторонний, пробрал меня щупальцами холода.

Мы невольно остолбенели.

– Здесь лежит обрубок Зла, – вторил женщине мужчина. – Здесь ему и прибывать до скончания Мира. Уходите.

Его возглас раскатился эхом и сотряс извечно горящие деревья.

– Кто вы, о, хранители? – спросила Лютерия Айс.

– Мы были смертными, – изрекла женщина.

– Мы являлись людьми, – дополнил мужчина.

– Ки Аная – я.

– Гвин Гокатюр – я.

– Жрица и Дочь Всеотца – я.

– Генерал армии Карака и Сын Всеотца – я.

– Мы, пали в борьбе с Дроторогором, – в унисон сказали Ки Аная и Гвин Гокатюр. – По желанию Ураха, мы вернулись сюда, чтобы никто не смог потревожить замурованное Проклятие.

– Дроторогор снова снизошел в наш мир, и оно, это Проклятье, нужно нам, чтобы найти Филириниль. Лапа указывает на Легию, отсекшего ее, а где он – там и его меч, – отозвался Альфонсо Дельторо. – Сейчас только Филиринилем возможно сокрушить владыку Хрипохора.

– И Вальгарда Флейта, – дополнила Настурция. – Короля вампиров Вестмарки.

– Наш ответ – нет, – хором грянули Ки Аная и Гвин Гокатюр.

– У них части Короны Света! – не выдержал я. – Если мы не добудем Филириниль – нам всем придет конец! Неужели вы хотите этого?!

– Рука не покинет своего саркофага, – безразлично изрек Гвин Гокатюр.

– Возвращайтесь восвояси или погибните, – прибавила Ки Аная.

– Таков Завет Ураха, – опять разом утвердили трансцендентный генерал и жрица.

– Всеотец нуждается... – начала Лютерия, однако ее перебил зычный бас Дурнбад:

– Че вы лясы точите с этими мумиями?! Видно же, что они за стол переговоров не сядут!

Неустрасимый и импульсивный гном, с молотом наперевес, понесся к хранителям Тлеющей Чащи:

– Я им сейчас «накидаю» пряников с шестка!

– Да будет так! – возвестили Ки Аная и Гвин Гокатюр, наставляя на нас оружие.

Что же произошло потом? Когда я оказываюсь в пылу схватки, то упускаю некоторые ее нюансы.

Я оглянулся. К нам летели все те тысячи призраков, которые дотоле держались поодаль. Их мерцающие топоры, булавы и секиры приобрели материальный вид! Заклинание Потустороннего Террора, конечно, испарит десяток–другой этих враждебных гадов, но! Они наступают со всех сторон! Дурнбад между тем нанес удар по щиту Гвина Гокатюра. Следом засвистели стрелы Альфонсо. Они метили в Ки Анаю. Жрица подняла сухопарую ладонь – все залпы Резца сошли с «прямого пути и взмыли в прогорклое небо. Настурция взяла на себя муравьев. Эти огненные насекомые–инферналы, бросив свою воркотню, единой лавиной спускались с холма. Грэкхольм, выудив из воздуха Клюкву, послала им навстречу оранжевый запал колдовства. Он разъял древки античных копий и с ревом обрушился на муравьев.

Те, в кого он попал, пронзительно заверещали и издохли, скрючив свои усики. Я выпустил Потусторонний Террор в гряде призраков, подобранных к Дурнбаду совсем близко. Сгусток волшебства чавкнул, распался на песчинки и, не задев гнома, заклеил нежить россыпью ядовитых поцелуев. Со стонами более двадцати лилейных силуэтов развеялись по ветру. Впрочем, это капля в море! Призраки все прибывали! Щавель Альфонсо сошелся с посохом Ки Анаи, а Дурнбад получил по крестцу алым клинком Гвина Гокатюра. Я воздел Лик Эбенового Ужаса ввысь, заполняя зону сражения чарами эфира (духи отшатнулись), а правее Настурция голосом заморозила подступающих к ней муравьев. Одна Лютерия, находящаяся посередине нас, не предпринимала никаких действий. Ровная, словно стебель пшеницы, она как будто бы погрузилась в транс. Не время медитировать, дорогуша! У нас тут как-то не чаепитие!

Я вновь зарядил Лик Эбенового Ужаса. Проведя им над головой, я поверг в бегство ряд призраков. Подчинить нежить себе я не мог. Прощупав их ментальные покровы, я понял, что не пробьюсь сквозь них. Все из-за того, что Божественность Ураха и Хаос Хрипыхора так закрутили «нити» порабощения нежити, что над тем, как распутать их «узел» мне пришлось бы подумать, а думать я сейчас собирался меньше всего. Духи обступили нас плотным кругом. Они боднули Настурцию, и та упала в муравьиное сонмище. Я рванул к ней... Вдруг Лютерия, вероятно ждавшая подходящего момента для своего вмешательства, растопылив пальцы, выдохнула фразу Мощи: «Ура Эт, Ура Сват Халу!». Магистр Ордена Милосердия окаменела, обратившись в алебастровую статую. Из нее полился свет! Ослепляющий! Благодатный! Нежный! И вместе с тем непреклонный и изгоняющий! Чувство любви захлестнуло меня и вылилось через края моей беспредметной чаши. Я почти забыл, для чего сюда пришел! Призраки, попавшие в лучи света, дрогнули, а затем бросились наутек. Лютерия опала в грязь куском камня (статуйей!). Добежав до Настурции, я схватил ее за ворот и, израненную слюнявыми жвалами, вытащил из муравьиного плена. Альфонсо Щавелем попытался достать до живота Ки Анаи, но та, уйдя в бок, приложила к его наплечнику свой посох. Раздалась вспышка. Следопыт ойкнул и плашмя повалился под сапоги жрице. Клюква изрыгнула из себя

персиковое цунами (и вовсе не персики забарабанили по муравьям, а очень даже едкие магматические ядра), а вслед за тем переключилась на Ки Анаю. Посох мертвой жрицы отбил волшебство Настурции, однако Альдбриг – нет. Мой меч с хрустом вошел в подреберье. Удар кулака в скулу оглушил меня. Подвывая, я брякнулся на Альфонсо. А Дурнбад все бодался с Гвином Гокатюром. Один на один.

– За Надургх! Нудургх! – ревел он. – Зарамзарат!

Прочнейший доспех гнома отмечали свежие засечки. Из-под шлема текла кровь. Раздувая ноздри и подволакивая ступню, старейшина войны провел серию выпадов. Молот бабахнул о меч, резко поменял угол, и, вкупе с коленным тычком, надавил на шлем – так дверь колет орехи. Череп Гвина Гокатюра расплющило, однако поверженный генерал в последний миг по рукоять вогнал меч в щель у горловины гнома. Так Дурнбад и Гвин Гокатюр свели счет в ничью. Неужели... Дурнбад? Со слезами и яростью, обуявшей меня от пяток до самых кончиков волос, я вскочил на ноги и, зайдя на Ки Анаю с фланга (Настурция мужественно сдерживала жрицу Клюквой) обезглавил ее Альдбригом. Все. Пятеро поверженных. Три от нас, два от Тлеющей Чащи. Уронив Альдбриг и Лик Эбенового Ужаса в пепел, я, рыдая и глотая слезы, побрел к Дурнбаду. Он хрипел.

– Я его вперед хлопнул! Ага? Победа за мной! – обиженно прокряхтел гном. – Собака изловчился под конец, но он меня...

Дурнбад зашелся кашлем.

– ... не одолел...

– Ты пример для нас всех...

– Э-ге! Пример? Да... Ты же видел, Калеб? Я не посрамился! Не постыдил предков трусостью! Как всегда, выступил на передовых и назад не сдал!

Хватило всего одного взгляда, чтобы понять – Дурнбад обречен.

– Ты самый храбрый и отважный гном всего Будугая, – вымолвил я, роняя на шлем друга прозрачные капли. – Владыка Гор ждет своего сына!

К нам подошел очухавшийся Альфонсо и Настурция. Левая рука следопыта висела как плеть.

– Я... Я... Так суждено... Не на койке же мне было умирать! Не с плачем же нянек и мамок! Я не из того теста! – с кровью на устах, усмехнулся стремительно бледнеющий Дурнбад. – А ну, не реветь мне тут!

Как бывалый вояка, он признавал, что ему не выкарабкаться... И все же он улыбался.

Гном залез в карман и извел кольцо Буля Золотобородого.

– Отдай отцу... и... попроси у него за меня прощения. Бедовый сын у него вырос, задиристый... Брату и матушке скажи, что... люблю их. Увидимся по ту сторону, брат по крови... Будем пить нейлипейли и брисовое пиво пока не окосеем... петь песни...

Старейшина войны, терпя мучительную боль без всякого недостойного его скулежа, гордо сказал:

– Владыка Гор, я иду к тебе... не обещанный и не опозоренный, никогда и никем... Зарамзарат... Надургх...

Дурнбад умер.

Я закрыл его незрячие глаза...

Здесь, сейчас, в эту самую минуту я потерял своего друга, своего брата по крови, своего родного гнома... Я не могу передать тех чувств, что глодали мою душу... В полной прострации я согнулся и уперся лбом в неподвижного Дурнбада.

Альфонсо мягко коснулся моей спины.

– Пошли, у нас есть дело.

Лютерия не погибла. Магистру Ордена Милосердия постепенно возвращалась ее прежняя форма. Алебастровые линии подменялись кожей, вновь забилося сердце. Не сразу, но она стала сама собой.

Мы пока не решили, где и как похоронить Дурнбада, поэтому взяли лопаты и принялись копать в самом центре холма. Я занимался этим механически, тупо и без всякого смысла. Лопату в землю, пригоршню – за себя. Все молчали. Добираясь до лапы Идола–Бога, мы буквально погрязли в скоплении костей. Тут были погребены сотни и сотни воинов... Наши раскопки продолжались до глубокой ночи. Утром они возобновились. Мы опустились в рытвину по свой рост и там... Бзынь! Лопата Настурции кольнула в стеклянную поверхность. Красный кулак Дроторогора, весь в нарывах и пузырях, сидел в полупрозрачной бериллиевой коробке, соразмерной ему. Мы выбрались обратно на холм и стали рассматривать руку.

– Так и не поймешь, будет она куда–то показывать или нет, – сказал Альфонсо. – Культия зажата в рамки.

– Надо ее вынуть, – согласилась Настурция.

Я нашарил в сумке кинжал с Джейкобом. Его острие я воткнул в замочную скважину, потом разломал ее. Отрубленная Филиринилем рука вздрогнула. Поджав губы, я вытащил ее наружу. От длани Дроторогора исходила злая энергетика, ощущаемая на физическом уровне. Не сродная той, что захлестывает меня от контакта с Бездной Назбраэля при творении заклинаний. Иная. Космическая и очень пагубная. Горячая на ощупь, рука выпрямила всего один кривой палец с серым ногтем, после чего сама собой повернулась на северо–запад... В где–то степи той был Легия.

– Вот оно! – воскликнула перепачканная Лютерия. – Настурция, ты была права!

– Теперь надо только идти по направлению, – сумрачно проворчал Альфонсо.

– Рука Дроторогора – есть квинтэссенция Хрипыхора. Его изначальное варварское свирепство. Она будет иссушать нас и обессиливать. Поэтому ее понесу я, – промолвила Лютерия.

– Почему ты? – спросил я.

– Вера в Ураха и Лики Всеотца, сила от Алана Вельстрассена помогут мне противостоять руке... Дольше, чем вам.

– Хорошо, – сказала Настурция. – Дурнбад...

– Предлагаю поместить его в нашу яму. Тут покоятся славные витязи Соединенного Королевства. Старейшине войны будет незазорно возлечь с ними рядом, – решил я.

– Поддерживаю, – кивнул Альфонсо.

– Я тоже, – откликнулась Лютерия.

Мы взяли Дурнбада и осторожно уместили его в черную дыру. Я снова взялся за лопату. Каким я запомню его? Таким? Белым как лед и с молотом у коленей? Тихим и спокойным? Нет... Другим. Я бросил вниз горсть земли. Веселым балагуром с золотой наковальней на шее, рвущимся в любую драку, ценящим поддержку и взаимовыручку. Героем.

Это не первый мой друг, которого я хороню. Но каждый раз, когда я это делаю, мне хочется надеяться, что он точно последний... Что я буду следующий.

Вселенная, сколько лет живу – никогда не привыкну.

Глава 28. Изгнанница Мира Тьмы

С помощью Ликов Всеотца на манер Серэнити Лютерия залечила раны, полученные нами от Ки Анаи и Гвина Гокатюра. Однако мою душу магия Света не остудила. Она пылала. Я скорбел по Дурнбаду. По его смеху. По его шуткам. По его жизнелюбивому темпераменту. Старейшина войны никогда не унывал и не просил жалости к себе. Он призывал слабость и прежде всего требовал быть сильным от самого себя. Дурнбад обладал многими качествами, встречающимися в личностях только поодиночке. Долг, благородство, достоинство – его девиз. Верность родине, отрицание лжи, умение добиваться своей цели, независимость и справедливость уживались в моем друге все вместе, и это было как нельзя лучше. Порой Дурнбад перегибал палку, стараясь завоевать первое место или пил эля больше, чем нужно, но разве это минусы? Беспредельная самоотдача команде, желание защитить каждого из нас ценой своего «я», бескорыстие и неиссякающий задор – таковы были углы его характера.

Дурнбад никогда не роптал на судьбу и на испытания, что ему приходилось переносить вместе со мной. Я уважаю его за это. Старейшина войны иногда говаривал, что его удел «сгореть в битве, а не на вонючем матрасе». Он отрицал самую суть тихого угасания. Он получил то, что хотел. При молоте и при доспехе, старейшина войны пал в сражении с исторической, достопамятной персоной – Гвином Гокатюром – мастером меча, знаменитым генералом древности, соратником Харальда Темного и избранником Ураха. Эпос – наследие народа, и я уверен, что потом менестрели людей и гномов сложат не одну и даже не две песни о поединке Дурнбада и Гвина. Они прославят Дурнбада и возведут его в ранг идеала ратной удали. Пусть не на рубежах Железных Гор, а в Соединенном Королевстве старейшина войны обрел имя легенды. Посмертно. Когда-нибудь я возвращусь в Тлеющую Чашу, чтобы полить «последний дом» моего друга крепким напитком. Никаких цветов и томных молитв. Дурнбад бы их осмеял. «Горы и недра», «Надургх» и «Зарамзарат», спи спокойно. Я, Калев Шаттибраль, твой брат по крови, буду помнить тебя. Всегда.

Покинув Тлеющую Чашу, мы отпустили Лайса – коня Дурнбада – на все четыре стороны. Он доживет остаток своих дней свободным. Неси его, ветер, неси от всех уныний и невзгод... Лайс хорошо послужил своему невысокому наезднику...

Лапа Дроторогора неизменно показывала на северо–запад. Лютерия доставала ее раз или два в день. Больше и не требовалось. Обретя «часть» Бога–Идола наша четверка почти сразу стала ощущать ее воздействие. Раздражительность, тошнота и мигрени досаждали нам почти постоянно. А ведь мы только выехали из Тлеющей Чаши! Что же будет с нами дальше? Пока неясно.

Друг за другом – Альфонсо, Лютерия, Настурция и я – мы скакали по Закатному Тракту. Через какое–то время он разделится на две старых дороги. Первая уйдет на Клейменд, вторая – на Роуч и Россо. Ни та, ни та не станет нашей. Мы пустимся им вразрез. К опушке Великого Леса.

Я предавался мыслям не только о Дурнбаде, но и о Тлеющей Чаше. Что ждет ее теперь? Лапа Дроторогора более не в ее лоне. Означает ли это для «горящего леса» начало новой страницы? Потухнет ли он? Усмирят ли свои дымные проймы? Вознесет ли измаявшихся призраков на небеса? Расцветут ли на нем зеленые побеги? Так статься, что минует эра, и Тлеющая Чаша вновь получит имя Малахитовый Дворец. Обновление Жизни через Смерть – это естественный уклад Природы и Равновесия. Смерть долго царила в Тлеющей Чаше и, может статься, ныне настал черед Жизни. Вселенная не претендует на доминирование одного над другим. Все, прибывающее под ее патронажем, находится в гармонии. Катаклизмы и катастрофы – инструменты Вселенной, кажутся нам жестокими, но на поверку они лишь отсеивают «излишки». Если рассматривать в этом ключе Тлеющую Чашу, то она хлебнула испытаний – Полдень Игл, тотальное выгорание, мерзопакостная лапа Дроторогора. Как сквозь сито, лес пропустил через себя множество катастрофических событий, чтобы быть воскрешенным и вновь зазеленеть и заблагоухать. Птицы и звери пусть наводнят его чертоги. Солнце пусть ласково обнимет его кроны. Жизнь да возобновит круги своя. Я всегда относился к нашему

Миру философски. И именно эти мои взгляды держат меня на плаву вот уже более трехсот лет. Наблюдай и выноси выводы (свои, а не чьи-то чужие, навязанные тебе) – так ты усвоишь урок.

Недавний разговор с Лютерией напомнил мне об Уговоре Предков. Достижимость его исхода, такая иллюзорная ранее, сейчас представлялась мне вполне допустимой. «Вполне», а не «точно», потому что я могу умереть. Ха, а разве не логично? Мне досадно, что Дроторогор и Вальгард Флейт не удосужились подождать свершения Величия Света. Эгоисты! Мерзавцы! Я бы получил от Констанции Демей свою награду – точку–расположение Энигмы и отправился бы к ней. Мне до безумия надо снова увидеть острый шпиль башни Квиля Лофирндваля. Все эти годы я тянул лямку надеждой на это. Возможно, мой приемный отец еще там, в Энигме. Может быть, он окоченел в летаргическом сне. Но не умер! Я, я, который сейчас столько всего знаю и умею, я, обладающий громадным опытом в самых разных областях, как в магии, так и в науке, в лепешку бы расшибся, но пробудил бы его! Я бы ухаживал за ним и лелеял его! Я обязан Квилю всем – дыханием, опекой, кровом. Если бы не он – меня бы не было на этом свете. Родители «ушли» – это суровый факт, Квиль – под вопросом. Пока есть хоть малейший шанс его отыскать – для меня он будет среди живых. Мои глаза увлажняются, когда я вспоминаю Энигму и Квиля Лофирндваля. И я плачу, как мальчишка, воссоздавая в себе картину незатейливой ограды в плюще и два надгробия за ее скрипучей калиткой. Лавочка, на которой я часто сидел и беседовал с родителями, там ли ты еще? Мамочка... Мне бы только опять дотронуться до тебя... Я взрослый, и все-таки в душе я – ребенок. Тот малыш Калерб, чье сердце навсегда разбито непереносимой мукой тоски по моей самой дорогой маме. Никто и никогда не любил меня так, как она... И никому и никогда я не был так нужен, как ей... Да, что говорить? Вперед, вперед, вперед несет меня Марви...

Стиснув зубы, я спрятал лицо в складки капюшона.

Через несколько суток Закатный Тракт разошелся влево–вправо. Отсюда Великий Лес был всего в одном дне пути. Лютерия старалась как можно меньше прикасаться к руке Дроторогора. Когда она брала ее

в свои ладони, чтобы свериться с маршрутом, то вся дрожала. Отвращение, которое вызывала у нас эта длань не сравнится ни с чем. Кусок красного мяса – так мне хочется ее назвать, изредка сокращался и шелушил на себе струпья. Рука притягивала к себе мух и прочих насекомых. Она жутко воняла, а по ночам тормозилась в сумке Лютерии. Создавалось впечатление, что мы везем с собой не культу, а какое-то страшное существо, мыслящее и анафемское.

Что есть Хрипохор – Боги–Идолы. Кто есть Дроторогор – среди них он Кесарь, Заглавная Октава, Повелитель. И нам приходится взаимодействовать с его конечностью. С этой паршивым и выпивающим у нас всю радость злым первоэлементом Хаоса. Это изводит и повергает в черное уныние. Смертным нельзя приобщаться к таким вещам – рано или поздно они погубят их. Магистр Ордена Милосердия принесла руке Дроторогора себя на заклятие. Волевая и непреклонная, добрая и невинная, она понимала, на что идет, и на что себя обрекает. Бьюсь об заклад, если мы достанем Филириниль и вернемся с ним обратно в Ильварет, Лютерии уже не быть собой. Дроторогор исковеркает ее нутро, вытянет жилы и сгрызет душу. Такова плата за взаимосвязь с Предвечным Огнем. И все же Лютерия не отступала, не пасовала и не предлагала нам принять на себя ее ношу. Я восхищаюсь ей. Лютерия совершает подвиг, который не каждому из нас по плечу, а может и вообще никому не по плечу. Магистр Ордена Милосердия не ждет за это никакой награды или признания. Ее ориентир – Урах, ее знамя – Свет, ее жизнь ей не принадлежит. Как и Серэнити, Лютерия следует по избранному ею пути и ничто не заставит свернуть ее с него.

Зеленое руно раскинуло свои нити от одного обозримого края до другого – это Великий Лес покрасил собою всю даль. Сейчас его неохватные взглядом просторы теряются в дымке наступающих потемок. Справа он дотянется до Гор Заботы и Моря Призраков, а слева до Ледяных Топей и Ноорот'Кхвазама. Этот массив из разных пород деревьев, кустарников, бурьянов, холмов, расщелин и одиночных пиков – место древнее и волшебное. В тених Великого Леса кишмя кишат живорезы. Война – их призвание и праздник. Без сострадания и сочувствия, но при диких и изуверских инстинктах, они

готовы убивать всегда и везде. Ихор из Ненависти и Свирепства берedit вены большинства живорезов (есть исключения, к примеру, Безымянный), иссушая их жаждой насилия. Этот абстрактный ихор, который есть не что иное, как отпечаток Вселенского Хаоса, велит тварям истреблять, истреблять и еще раз истреблять! Все сущее и все живое! Всех не таких, как они сами! Ныне все живорезы Великого Леса не чувт себя от радости – с ними Царь Хрипыхора, Дроторогор, Бог–Идол, Старший из Демонов Стихий, сын Черного Огня и Сумрачного Льда. Бичом, Иглоу Стужи он гонит своих приспешников разорять Соединенное Королевство и стоять против Вестмарки. Живорезы – фанатики. Марш по костям витязей во славу Дроторогора – разве есть что–то приятнее этого? Что–то более пьянящее и одурманивающее? Нет. Дроторогор вызывает у живорезов священный трепет. Так вот, этот «марш», несомненно, победоносный и триумфальный, докажет всем и каждому, что их Бог – самый истинный, самый сильный, самый страшный и самый злобный. Пусть весь Мир оглохнет от скрежета оружия, пусть предсмертные стоны будут такими громкими, что небо в отчаянии упадет на само себя, пусть прольются реки слез, пусть земля побагровеет от впитавшейся в нее крови, пусть лава, смерч и булат установят в Юдоли абсолютную власть Хрипыхора. Эти «пусть» вгоняют живорезов в экстаз наркотического вождения. Кто кого, ты или тебя – азарт, разгоняющий скуку. Живорезы опасны и по одиночке. Что же говорить, когда их сотня, тысяча или десятки тысяч? Нет, нет, живорезов куда больше. Нами принято говорить «живорезы», обобщая расы Великого Леса, поклоняющиеся Хрипыхору. А сколько их всего, этих народов Царства Хаоса? Чем они отличаются друг от друга и где живут? (В Великом Лесу же!) Разберем.

Первыми на ум мне приходят тролли. Их отличительные черты облика – приземистость, оливковая, нефритовая или темно–пастельная липкая кожа, желтые зрачки, сутулость, рельефная мускулатура, худоба – жирных индивидуумов я не встречал. Доживают тролли до пятидесяти лет, редко переваливая за этот рубеж. Они носят облегающую одежду и сносно владеют разнообразными ремеслами. Самые сообразительные и хитрые из живорезов, тролли построили в Великом Лесу множество устрашающих замков и вырыли не меньше

подземных ходов. В каждом селении троллей имеется свой аналог короля или королевы – Секач Мрахарафата – мужчина, Заклинательница Мрахарафата – женщина. Некоторые общины этих гуманоидов бывают столь огромны, что их по численности вполне можно сравнить с Шальхом или с Хафланом.

Бросбо, Хачпарди, Люстри, Земец – знаменитые крепости – столицы троллей. Спрятанные в кущах Великого Леса, они, как нарывы на теле, вызывают у моих соотечественников суеверный ужас. И не просто так! Альфонсо не единожды рассказывал мне о прибитых к стенам Хачпарди покойниках, с вырванными сердцами и глазами, о пыточных площадях Люстри, на которых ради забавы распиливают пленников напополам или варят в масле, о рабских рынках Бросбо, где продают и покупают военную добычу как за золото, так и за «крунчату» – дурманящую курительную эссенцию, и о чадных храмах Земеча, у которых ступеньки, крыши и остовы целиком сделаны из костей. Тролли, любящие насилие в любой форме, есть апофиоз Великого Леса. Их флаг – белое на синем, скрещенные кости под рассыпающейся осколками луной.

Вторыми упомяну безволосых обезьян. По своей сути они – гориллы без намека на какую-либо растительность на задубелых, розовых шкурах. Передвигающиеся на четвереньках, с раздутыми губами, выпирающими лобными дугами и вылезающими за пределы рта клыками, безволосые обезьяны, наделенные превосходными физическими данными, они столь же сильны, как и медведи. Их ручищи способны согнуть железный прут, а острые резцы перекусить шею. Безволосые обезьяны не наделены даром речи. Они переговариваются утробными звуками и незамысловатыми жестами. Их Бог-Идол Маморгамон – самый яростный и остервенелый из братии Хрипохора. Его почитатели – такие же. На утопанных полянах, измазанных куцыми рисунками, они приносят Маморгамону жертвоприношения. Их служители, с ожерельями из черепов, пьют в честь Бога-Идола свежую кровь, и орошают ею сакральные костры. Обряды безволосых обезьян всегда полны истощающего воя, буйных плясок, умерщвлений и сражений. У этих живорезов нет постоянного места обитания. Табунами в триста-четыреста, а то и тысячу особей

они кочуют по Великому Лесу, оставляя после себя раздор и опустошение.

Некогда безволосые обезьяны попытались облюбовать как свою стоянку озеро Кристальное Одиночество, но что-то или кто-то прогнало их оттуда. Так как гориллы ничего не боятся и никогда не пасуют (у них, как я полагаю, инстинкт самосохранения если и есть, то только в зачаточном, рудиментом состоянии), то я нахожу этот факт занимательным. Что заставило, скажем, пятьсот безволосых обезьян попятиться от Кристального Одиночества? И не просто попятиться, а бежать без оглядки, впервые ощутив на устах вкус страха? Волшебство или... что? До меня дошли кое-какие легенды странствующих колдунов... Так вот, они экивоками шепчут о том, что в Кристальном Одиночестве еще на заре времен поселился Громадный Зверь. Вот он-то по сей день и держит свою вотчину под надежной защитой. Так это или нет, лгать не стану, не знаю, однако безволосые обезьяны чураются Кристального Одиночества, как и прежде.

Так, кто у нас на очереди? Самая пылкая и охочая до сечи раса Великого Леса – оморы. Всегдашние союзники безволосых обезьян, эти твари олицетворяют собою гротескную и очень нездоровую копию человека. На серых мордах (не лицах) все как у меня или Настурции, только... вот только выглядят их носы, щеки и подбородки отталкивающе и как-то неправильно. Возможно, всему виною зубы, которые не в пример больше, чем у людей. Ростом оморы такие же, как тролли и гномы. Их уникальность заключается в сверхпрочной коже-доспехе, которой они покрыты от пяток до волос. Когда выходишь из целебного грязевого источника – ты одна сплошная клякса, тут та же аналогия. Пробить кожу-доспех клинком можно, но сложно. Что интересно, поверх своей естественной защиты оморы надевают комплекты брони, приобретенные ими у троллей или отнятые в битве у врага. При коже-доспехе и броне эти злобные выкидыши природы становятся почти неуязвимы. Возведшие себе в кумира воинскую выучку, оморы больше прочих рас Великого Леса повинны в разорениях Карака. Оморы признают всех Богов-Идолов, но только Одного (на равне с Дроторогором) их жрецы возносят как Старшего Владыку Хрипохора – Кхароторона. С головой собаки, с искрящимся

амулетом на голой груди, с красными ручищами и в юбке Кхароторон известен и как создатель кхатров – псин с дымными пастями, исторгающими из себя факельный смрад. Кхатры преданно служат оморам. Они охотятся вместе с ними, спят и сопровождают их в военных походах. По стародавнему приказу Кхароторона оморы отдают самых могучих кхатров стеречь врата Червонного Капища. Неусыпно. Зорко.

Что же мы скажем о быте оморов и их обычаях? Оморы предпочитают селиться в болотистых низинах. В них они лепят себе неказистые глиняные закругленные хибары и продолговатые лачуги. Едят оморы того, кого подкинет случай (как змейсов и пиявсов, так и Джонов и Ронов), но если прижмет голодный год, то они и друг дружку с удовольствием отведают. Каннибализм у оморов в порядке вещей. Но переменим тему. Оморам не чужда склонность к музыке. А конкретнее, к ее особой, задающей ритм ветви – барабанной игре. Когда гвардейцы Соединенного Королевства слышат из теней Великого Леса дробь палочек, отбивающих «тум–тум–тум, тага–дум–дум–дум» по туго натянутой мембране, они понимают – дело дрянь. Барабанные мелодии – важная основа быта оморов. Под них хоронят, рожают и воздают требы Кхароторону. Наиболее громко (сутки напролет) заповедная барабанная перебранка звучит под сенями Трехзубки – расщепленной молнией (не уверен, что ею) горы. Под нависшими мшистыми кряжами Трехзубки томится и бурлит кочкарник, на котором издревле находится Саашаа – столица оморов. Рубиль Блотс – темный маг и эзотерик, посещавший Саашуу, в своих мемуарах восхитился громадной статуей Кхароторона на центральной площади. Сделанная из порфира, с черепом от какого-то волчьего чудовища, она сама собой светится мрачным светом. Рукодельный Бог–Идол Хрипохора вечно взирает на высокие чертоги оморы–короля, над которыми реет знамя – черное на багровом, плаха с окровавленной секирой.

Про оморов сказали, про безволосых обезьян сказали, про троллей тоже сказали. Не сказали про ядовитогубых причмокивателей. Само их название вгоняет человека в дрожь. И это неспроста. Землистые слизи в шесть футов длиной, с широкими глотками, усеянными

отравленными иглами–парализаторами, с руками и ногами крючьями, с малюсенькими полуслепыми глазами – кошмарная выдумка Вселенной. Ее насмешка над всем красивым и пригожим. Ядовитогубые причмокиватели заселили собою недостижимые полости и каверны Великого Леса. Глубоко под корневищами деревьев они веками прободали проходы и штольни, уводящие в невообразимые и нечестивые недра. Сколько всего ядовитогубых причмокивателей – неизвестно никому, но я подозреваю, что там, в кромешной тьме под сырой почвой, в кабалистических пещерах этих тварей – что той воды в океане Безнадежности. Ядовитогубые причмокиватели – загадочные, закулисные создания. Мне довелось несколько раз побывать в их капищах (у самой кромки лесной подстилки) и вот, что я выяснил: Ядовитогубые причмокиватели тяготеют к пиктографии. Все стены туннелей, увиденных мною, заполняли замысловатые письмена и пещерная живопись. Миниатюрные статуэтки Захваша из серного мякиша – Бога–Идола Хрипохора, сундуки–лари из костей, торфяные свечи, ниши с заплесневелыми фиалами и кандалы в сочащихся влагой стенах – таков антураж катакомб ядовитогубых причмокивателей. Узкие коридоры в их обиталищах раз от раза подменяются циклопическими и уродскими просторами, где на пьедесталах гнездятся источенные рунами алтари, омытые тлетворными экстрактами и овейные жуткими песнопениями. По устным преданиям, дошедшим до нас из седых тысячелетий, Захваш самый странный и непостижимый из Владык Хрипохора, Червь Пространства, Фантаст и Алчущий Мозгов, некогда, как сейчас Дроторогор, физически воплотился в Гривирдане – городе–урочище ядовитогубых причмокивателей. Об этом узнал король эльфов Лузановиэль. Собрав пресветлую рать, он бесстрашно двинулся на Гривирдан. Там, в проклятых лабиринтах, Лузановиэль сошелся с Захвашем и одолел его, но при том и сам получил смертельную рану. Вписав свое имя в легенду и оградив Мир от влияния Бога–Идола (в Полдень Игл Харальд и Легия повторили этот подвиг), король эльфов погиб. Битва «Сотня Ножей» – так люди называли противостояние Лузановиэля и Захваша много лет спустя.

Размышляя над тем, что смертный способен побороть бессмертного, я захожу в тупик. С одной стороны Бог–Идол – Альфа и

Омега, с иной – эльф или человек. Драконы гибли, не сумев совладать с Повелителями Хрипохора, а тут... Божественное вмешательство? Вселенские весы, соблюдающие Равновесие? В чем причина таких неожиданных побед? Ой, ну я тут развожу руками. У детей Захваша есть свое полотно–вымпел – на нем из пурпурной тюремной клетки тянуться желтые языки пламени.

Вспоминая ядовитогубых причмокивателей, нельзя не присовокупить к ним и трупоедов. Кто они? Вообще это – здоровенные лягушки. Вонючие, рыхлые и раздутые, они почти соразмерны оморам. Трупоеды гнездятся в руслах подземных рек и в затхлых водоемах, подле каналов–галерей своих соседей – ядовитогубых причмокивателей. Там, где дневной свет никогда не касается осклизлого камня, там, где слабо фосфоресцирующие кувшинки робко разгоняют мрак вечной ночи, там, где перепончатая белесая лапа отделяет гнилое мясо от кости, именно там, тихо и траурно, трупоеды преквакивают молитвы к Дуни – Поглотителю Душ, жабе с бесконечным количеством ртов, Богу–Идолу Хрипохора. Альфонсо спускался к трупоедам, я – нет. Следопыт считает, что трупоеды с ядовитогубыми причмокивателями состоят в некотором симбиозе. Умирая, ядовитогубый причмокиватель очень скоро начинает пучиться и исторгать из себя пары вредоносных газов. Чтобы этого избежать, родственники твари сбрасывают его в ямы к трупоедам. И те сыты–довольны, и эти вроде как проследили за санитарной обстановкой.

Трупоеды досаждают Соединенному Королевству, только когда у них заканчивается «провиант». Безлунной ночью они выползают из своих канав, чтобы двинуться к краю Великого Леса. Чаще всего трупоеды не склонны затевать драку с людьми, но ищут кладбища. То может быть братская могила или безмятежный сельский погост у границы Карака. Найдя то, что искали, трупоеды целиком заглатывают мертвецов (скелеты тоже насыщают этих бестий) и скачут к себе обратно. Солдат западной провинции учат: приметил трупоеда – пронзи его пикой или стрелой из лука, никаких мечей, действуй издалека. Это потому, что если трупоеда порезать или проколоть – из него польется, а то и брызнет токсичная сукровица, которая при

попадании на кольчугу или поножи, расплавит их не хуже кислоты. И это не шутки!

Социальный строй трупоедов – тайна за семью печатями. Если ядовитогубые причмокиватели разделены на три сословия – руководящее (но кто всем заправляет? один элитарный причмокиватель или несколько?), нападающее, добывающее, то у трупоедов вернее всего у «руля власти» оттирается самая сильная и грузная жаба. У Бертрана Валуа в Магика Элептерум есть коврик из брюха трупоеда. Этой гадостью он неимоверно гордится и говорит, что ему пришлось изрядно попотеть, прежде чем трупоед стал ковриком. Я подозреваю, что Рыжая Колючка просто нагоняет себе весу, и коврик сделан из шкуры гигантского геккона, но доказательств у меня нет.

От трупоедов и ядовитогубых причмокивателей перейдем к излюбленному деликатесу и тех и других (да, трупоеды и живых едят, разумеется, и с большим аппетитом!) к гоблинам. Мелкие, в две трети тролля, эти гуманоиды множатся несчетно, прямо как тараканы в Будугае. В Великом Лесу их тысячи тысяч. Только держась все вместе, они могут выживать и добывать себе кусок пищи. Волки, медведи, кабаны, те же тролли, оморы, ну и трупоеды с ядовитогубыми причмокивателями – все они с превеликим смаком сожрут зазевавшегося гоблина. Поправка! Бывает такое часто, но не постоянно. Все от того, что гоблины ходят, куда бы то ни было, вдсятером, а то и «полтинником». Если медведь нарвется на такую ватагу, то тут уж не он будет пировать, а им закусят с удовольствием! Гоблины сражаются коротенькими дубинками, реже – кинжалами. Вроде бы и не страшно, но если вы (предположим, омор) отдыхаете после обеда под деревом, предаваясь философским мыслям о значимости великого фрактального подобия и не ожидаете никакого «вдруг» или «бац», а они эти «вдруг» и «бац», под названием свора гоблинов, уже здесь – тут уж сразу не смешно становится. На вас шустренько накидывают сетку и волочат куда-то в темноту. Но скоро станет светлее! Вас (омора) кинут на костер и зажарят, как утку с яблоками. Прискорбно, но это так.

Тянем карту, ага, выпал интересный факт! У гоблинов в Великом Лесу есть своя собственная страна – Заллусия, на которую во все времена кто-нибудь, да покушался. Эльф, цирвады, живорезы – все пытались прервать родословную гоблинов, но, увы, кишка оказалась тонка. И в этом нет никакого чуда. Попробуйте обуздать полмиллиона или миллион гоблинов на их территории! Это – относительно Заллусии. Отдельные аулы гоблинов уничтожаются ежедневно. Заллусия – это такой же прецедент в Великом Лесу, как и Вестмарка, но без ее образования, а тут имеется в виду сплочение гоблинских кланов, выводкам Кчорохороха – генерала Оранжевого Легиона, Бога-Идола, было бы не выжить. При систематизации знаний о гоблинах, я, как всегда, обращаюсь к тому, что мне довелось о них читать. Эн Шо – друид и летописец Энгибара в книге «Оранжевое на Зеленое» (этот том мне нравится налетом некой поэтичности. В Шато он стоит на полке рядом с «Истоками Лунных Врат» Аверина) приводит несколько переводов первобытных скрижалей гоблинов. В конфликте с вирмами Владыки Хрипыхора делали основную ставку на Ливана и его «ястребов смерти» – ныне безвозвратно пропавших бледных гарпий. Ливан упивался славой триумфатора, и это бесило Кчорохороха – его вечного конкурента.

Пораскинув мозгами на тему того, что ястребы смерти хороши супротив драконов в небе, но не земле они курицы курицами, Кчорохорох вылепил из желтозема и своего пламени первых гоблинов. Увидав этих малюсеньких лопоухих недочеловечков, Ливан громко осмеял Кчорохороха – «Что «это» сделает драконам?» – и пришиб их своей ладонью. Девяносто из ста гоблинов испустили дух. Но оставшиеся десять на зло Ливану Кчорохорох спрятал, чтобы потом продемонстрировать ему и всему Хрипыхору, как его возросшая армада а сто тысяч особей расправляется с каким-нибудь серьезным драконом. Выбор Кчорохорох пал на Бругинтрокса. Когда вирм крепко уснул, гоблины хлынули к нему в нору. Они облепили дракона, забрались к нему в уши и ноздри и залезли в пасть. Бругинтрокс проснулся и в гневе испепелил сразу пятьдесят пять тысяч гоблинов, а еще пятнадцать затоптал. Однако уцелевшие тридцать тысяч недочеловечков умудрились – таки сорвать с дракона пластины панциря и исполосовать его живот. Бругинтрокс испустил дух. Это позабавило

Дроторогора, и он разрешил Кчорохороху оставить гоблинам жизнь, а также взять себе титул «генерал Оранжевого Легиона». Гоблины, что чума, заполонили собою весь Великий Лес. Они безостановочно хвалили Кчорохороха и таким образом вливали в него (своими верованиями) новые силы. Богам–Идолам возвышение собрата по вкусу не пришлось. Ливан отловил всех гоблинов и закинул их в огороженный Вайри – волшебный круг. В нем по указу Хрипыхора отродья Кчорохороха должны были провести пятьсот пятьдесят пять лет. Так появилась Заллусия. Впоследствии решение Дроторогора не укокошивать гоблинов до конца окупало себя с лихвой. Когда пятьсот пятьдесят пять лет миновали, гоблины, уже в количестве неисчислимом, вышли из Заллусии и под водительством Кчорохороха отбили Червонное Капище от последней, самой яркой атаки Фисцитрона Венценосного. Гоблины по сию пору чествуют эту победу и отмечают ее в Заллусии гладиаторскими поединками и трапезой из волков, медведей, кабанов и тех же троллей, оморков и трупоедов с ядовитогубыми причмокивателями – из всех тех, кого я отметил в самом начале. Флаг гоблинов – оранжевый на черном фоне, Кчорохорох на троне.

В Соединенном Королевстве нечасто услышишь термин «чумазные окаянники» – это потому, что данные обыватели Великого Леса почти не тревожат мою родину. Чумазные окаянники – нечто вроде осознавших себя деревьев, получивших разум и свободу передвижения по прихоти Нургахтабеша, Бога–Идола, прозванного в Бархатных Королевствах Восточным Проклятием. Эти, с позволения сказать деревья, не только «чумазные» (черные, как черный оникс), но и с сюрпризом на кроне – желтыми ульями беспризорников–ос, таких себе нехилых, в ладонь размером, полосатых насекомых. Нургахтабеш, вклинивший себе в голову, что мягкошерсты хороши только как подстилки у камина, всеми силами старался (и ныне старается) сократить популяцию Бархатных Королевств. Его чумазные окаянники, «произрастающие» на самых западных оконечностях Великого Леса со стороны Соединенного Королевства, то и дело наведываются в пустыню Бао–Мяо, где нещадно терроризируют «лысых мурлык» (есть и такие) укусами беспризорников–ос. Это очень огорчает и всегда огорчало мяу–хана удела Бао–Мяо. На моей памяти не так давно мяу–

хан Шебуршака, устав от мытарств, причиняемых чумазыми окаянниками, при поддержке падишаха Саудамы Восьмого Рыжеусого, вторгся со своим прайдом Мягких Лапок в Великий Лес. Тогда между мягкошерстами и чумазыми окаянниками грянул страшный бой, который окончился ничьей. Множество выходцев Бархатных Королевств были закусаны насмерть, но и не меньше вражьих деревьев попало под топор и огонь. На какое-то время в Бао-Мяо вновь стало все спокойно. Однако чумазые окаянники, не откинули своих планов третирования мягкошерстов. Нет, нет! Укрывшись в недоступных и мрачных прогалинах Великого Леса, они по-прежнему хотят выполнить волю Нургахтабеша – устроить Бархатным Королевствам Большой Разгром. Чумазые окаянники и их беспризорники-осы в толкованиях мудрецов не лишены своего отдельного уголка в Великом Лесу – Пашмаршары. Это «чаща» внутри «чащи», полностью засаженная чумазыми окаянниками. Мудрецы опять же поговаривают, что в центре Пашмаршары цветет гигантский окаянник-гиперион. и вроде бы в его ветках копошится королевский рой беспризорников-ос. Вместе же окаянник-гиперион и этот рой есть ни что иное как воплощение Нургахтабеша, сияющегося понять, что Оно такое. Когда Нургахтабеш наконец прозреет, что он – Бог-Идол, тогда в Бархатных Королевствах случится нечто ужасное, как сейчас, к примеру, у нас в Соединенном Королевстве с Дроторогором. Я от всего сердца желаю, чтобы Нургахтабеш так и стоял деревянным болваном, а милые мне мягкошерсты и дальше благоденствовали.

Так-с, ну-с, упомянем еще четыре этноса, три из которых затиснем в одну «ступу». Черноокие зелёные гуманоиды с длинными когтями, встречающиеся на тропах Великого Леса – это альхиды. Из-за своего рациона питания – свежей кров», я отношу их к некой разновидности вампиров. Альхиды, слабые физически, развили в себе недюжинные способности к магии Видоизменения – наиболее сложного рукава школы Трансформации. По своей прихоти, но не чаще раза в день, альхид способен обратиться птичкой, рыбкой, лисой или даже человеком. Эта гнусь, замаскированная под невесть кого, подберется к избранной жертве (во сне) и прильнет своими устами к горлу или к венам на запястьях. Сонный яд-слюна, выделяемый альхидом, не позволяет его блюду проснуться. Удобно, не правда ли?

Альхид не убивает свою еду нарочно, но вот его сонный яд, если доза окажется велика, может остановить сердце несчастного. Вот так вот – смерть в грезах. Насытившись, альхид уползет, улетит или убежит к себе в логово. В нем он сбросит волшебные покровы, впадет в спячку и будет спокойно переваривать добытую кровь от месяца до трех. Альхиды – существа–одиночки, ищущие общества друг друга только в период спаривания или для свершения Вооргарана – обряда, проводимого в честь Ворга, Бога–Идола, Опустошителя Колыбелей и Пожирателя Детей. Неясно, чем так альхидам глянулся Ворг, и почему они отрицают всех иных Богов–Идолов, кроме Дроторогора, но факт остается фактом – Ворг у них – фаворит. Эта тема когда-то затрагивалась в Грозной Четверке. Альфонсо тогда побожился, что в Великом Лесу есть поляна, где альхиды возвели для Ворга Место Поклонения, и что он видел его своими собственными глазами. Храм – полый кусок розового кварца с окошками–прорезями имеет на плоской крыше что-то вроде чаши, из которой бьет фонтанчик алой жидкости – так его описал Альфонсо. Вокруг храма растут удивительные стекловидные и костяные цветы, а с красного неба беспрестанно опадают капли крови. Брр! Грозная Четверка искала эту таинственную и вне сомнений чародейскую кумирню, но так и не нашла. Альфонсо добавил, что у входа в святилище Ворга он углядел флаг – коричневое на белом, кроватка с растерзанным младенцем.

Теперь об ограх – их хозяин Кварцарапцин, Бог–Идол, Бич Мороза и Прядильщик Теней, о великанах – их патрон Вайри, Бог–Идол, Надзиратель Темниц и Мытарь Невинных и о циклопах – их властелин Вилисивиликс, Бог–Идол, Прекрасный, Одноглазый. Все эти три расы схожи своими внушительными габаритами, бестолковостью и животными повадками. Создается впечатление, что «закадычные друзья» – Вайри, Вилисивиликс и Кварцарапцин пытались перещеголять друг друга в том, у кого получится сляпать более объемное, непотребное и живое. У кого же эксперимент вышел самым неказистым? По моему мнению, тут пальму первенства нужно поделить между Кварцарапцином и Вилисивиликсом, потому как у Вайри великаны просто похожи на страдающих гигантизмом людей. Чего не скажешь об ограх и циклопах. У огров по две, а то и три головы, и каждый раз на них разное число глаз, ушей и ноздрей. У

циклопов же око одно, зато на всю «моську». Великаны, огры, циклопы – в таком порядке, от первого к последнему, я выстраиваю их по силе. Однако если выводки Кварцарапцина и Вилисивиликса могут полагаться только на мускулы и кремневые орудия, то у потомков Вайри тут все позамысловатее. Циклопы–жрецы умеют аккумулировать энергию Хаоса и исторгать ее из своего единственного глаза. Что–то наподобие луча–зарева, плавящего твердь. Сам не наблюдал, но читал об этом статью в ежегодном издании Магика Элептерум «Волшебник на все времена» – подписка с доставкой до Шато влетает в не в один золотой! М–да, и вот! Мой товарищ этнограф Жак–Жак Пурье из Королевского Общества Народоведения, что базируется в Эльпоте, как–то выпив лишний бокальчик красного полусладкого, дал мне ознакомиться со своей еще неопубликованной работой–исследованием. Если вкратце. В ней Пурье, опираясь на различные материалы, сводит вопрос об ограх, великанах и циклопах к тому, что все они произошли от общего предка «луксуса гигантума». Экспедиция ученых, организованная в Великий Лес около сорока пяти лет назад, подтвердила, что в дебрях близ Гор Заботы у кромки Моря Призраков было найдено коллективное захоронение–кромлех всех трех рас. Сей багаж знаний не слишком богат информацией, но уж что есть. Напоследок замечу, что и огры, и великаны, и циклопы не всегда зло (тот же Бруббор, ухажер Нифиль, – добряк добряком). Из–за своей умственной ограниченности они не поклоняются Хрипохору, как иные живорезы, – они сами по себе. Впрочем, наследие Богов–Идолов в них еще как есть. Дроторогор – вот и все, что им надо для того, чтобы вспомнить, «кому они всем обязаны». У великанов и огров знамени нет, зато у циклопов есть – желтое на черном и куча камней, падающих со скал.

У того, что «над» много господ, но у тех, что «под» – Он один. По Великому Лесу протекают десятки рек, и все те живорезы, такие как гигантские пираньи, угри, скаты–гуманоиды, тритоны и прочие, что обитают в них, в единый голос булькают о своей повинной Шигхломару. По большому счету мы можем только догадываться, что там происходит на дне Рыжей или Гнилой, а так же на других водных просторах Великого Леса. Однако кое–какие обрывки сведений у нас все–таки есть. Где–то в недостижимых недрах, освещенных лишь

фонариками рыб–убийц и люминесценцией водорослей, в провале, уводящим к черным тайнам и опасным секретам, возведен дворец для Шигхломара – Ампура. Из блоков–ракушек, покрытых зелеными струпьями минералов, стоят там неприступные стены. Башни с нанизанными на них скелетами утопленников вздымаются вверх. Ходят толки, что из Ампуры есть прямой лаз к Червонному Капищу – святая святых всех живорезов. Все подводные жители, мнящие себя приверженцами Шигхломара, приносят в Ампуру жертв, пойманных на поверхности. Так или эдак, живорезы не дают утонуть своему пленнику до того, как он не окажется перед отвратительным ликом Бога–Идола. Живорезы считают, что их Повелитель, лицезрея «захлебывания» у себя перед престолом, получает огромное удовольствие. Если так судить, то у Шигхломара самая большая армия почитателей, и благо, что она еще не нашла способ, как пробраться в Соединенное Королевство.

Мы скачем по Великому Лесу уже как пятые сутки подряд. Рука Бога–Идола немного изменила направление перста. Теперь она тычет на северо–северо–запад. Каждый в нашей компании ощущает на себе ее пагубное влияние. Мы испытываем, как душевные, так и телесные страдания. У Альфонсо ни с того ни с сего стали выпадать волосы. У Настурции облупились все ногти, а губы приобрели оттенок голубики. У меня все чешется и зудит. Мы часто препираемся по мелочам, спорим и обзываемся (пожалуй, что переходы на личности в этом самое огорчительное). Это что касается нас троих. С Лютерией все куда хуже. С каждым днем она словно бы тает. Белая словно мел, скупая на слова, с полуобморочным выражением лица, Лютерия неизменно сжимает в ладони медальон Ураха. Мы предложили ей (опять) нести пятерню Дроторогора по очереди, но магистр Ордена Милосердия наотрез отказалась. Проклятая рука «сознательно» (даю свою руку на отсечение, что именно сознательно) ведет нас через самые непроходимые болота, кручи и кустарники. Ее маршрут часто пролегает через биваки живорезов (что заставляет нас сражаться с ними) или сквозь пропасти. В Великом Лесу всюду и везде витает присутствие Хрипыхора. Нет, живорезов тут почти нет, они все ушли на войну с Соединенным Королевством, но сама энергетика Хаоса, в меня, как в мага, вливается безостановочно. Она отравляет кровь,

дурманит голову и распаляет во мне желание причинить кому–нибудь боль. Короче, кошмар.

К шестому восходу солнца, рука Дроторогора ткнула строго на север. Резко уж очень. Вчера еще двигались к западу... Хм, хм.

Чаща, благоухающая сотнями цветов и папоротников, сколь миловидная, столь же и опасная, неожиданно обзавелась мощным булыжником. Мы переглянулись. В самом деле? В Великом Лесу кто–то прокладывал колею? Что за выкрутасы!

Постепенно среди деревьев и бугров, обметанных травами и ползучими лианами, стали показываться развалины некоего комплекса зданий. Тут, за пригорком мелькнет обвалившаяся башня, там, за утесом, среди зарослей дрока, вспучится почерневшая кладка стены. Меня эти разбросанные по округе руины заинтересовали. Вероятно, мой мозг искал возможность переключиться на что–то, не связанное с лапой Дроторогора, с Укулукулуном, Коронай Света и прочими проблемами. Мерно цокая по мостовой, я с седла Марви оглядывал фрагментарные, вылезшие, подобно грибам из–под земли, колонны со змеями–канелюрами, мелкие переплетения букв на сохранившихся фризах одиночных домов и мраморные раковины искусственных прудов. Пересохшие, они приняли в свои трещины неприхотливые побеги кислицы и вьюнка. Проезжая мимо ветхой колокольни, я подсознательно уже о чем–то догадывался. Впереди нас ждала арка с выбитыми створами ворот. Сверившись с рукой Дроторогора (она упиралась точно в проход древнего города), мы направились вперед. Здания, здания, здания – со всеми ними время обошлось жестоко. Линии улиц, перемешивающиеся со стежками зелени, то вели по дуге вверх, то уводили куда–то в сторону. Становилось жарко.

– Что это за город и что в нем тут так парит? – задался риторическим вопросом Альфонсо. – Баня, что ли рядом?

Мой лоб, медленно, но верно покрывался испариной.

– Ага, с вениками, шайками и черпаками, – пошутил я.

– Думаю ответ где-то там, – махнула перчаткой Настурция. – Ох, не по нраву мне это унылое зодчество.

– Хочешь, чтобы твой пессимизм перекинулся бы и на нас? – буркнул Альфонсо. – С меня хватит одной холерной вороны в отряде – Калеба.

– Заткнись и поезжай дальше! – огрызнулась Настурция Грэкхольм.

– Сама заткнись! – раздувая ноздри, рывкнул следопыт. – Молчи уже!

– Если ты еще хоть раз пожелаешь мне заткнуться, Клюква мигом усечет твою патлатую голову!

– Дура же, Кaleb? Ну, скажи? Дура! Так и просятся кулаки ей настучать!

– Еще и дура?!!

Так нас, людей, в высшей мере себя контролирующих, стравливала между собой рука Дроторогора. Иногда мы словно бы входим в транс и не понимаем, что наши слова, обращенные к товарищу, его ранят. Чтобы бороться со злом Бога-Идола, наша компания, догадавшаяся, что лапа Дроторогора не в силах стравить сразу всех нас (пока?), выработала следующую тактику поведения: Когда кто-то начинает собачиться, (как сейчас Настурция и Альфонсо) «третий» (в данном случае я) вырывает этих двоих из агрессивного состояния, пуская сноп искр. Да, небольшой ожог проясняет сознание. У меня таких уже штук пятнадцать на предплечье, у Альфонсо около того, а у Настурции «поцелуев огня» где-то под тридцать. Только Лютерия – не имеет ни одного, потому что просто молчит.

– Конечно дура. И ты дурак, и я дурак, – вздохнул я. – Чую, следующим буду я.

– Каким еще следующим?! – рыкнул Альфонсо.

Сконцентрировавшись, я призвал два разноцветных Пламенных веера. Одним я зарядил в Настурцию, вторым обдал Альфонсо. Мои друзья, получив уколы, болезненно вздрогнули.

– Ну вот! Опять! – пожаловалась Настурция. – Я же все осознаю! Все понимаю! И вместе с тем несу эту околесицу! Прости меня, Альфонсо!

– Нет! Ты меня извини, это все Дроторогор... Все он. Извини.

– Глядите! – сказал я. – Там, в конце, вроде какой-то амфитеатр! И он сияет!

– Сто к одному, что нам туда, – процедила колдунья Ильварета, перекладывая Клюкву из ладони в ладонь.

– Эта демоническая культа тащит нас через адову полосу препятствий, – согласился Дельторо. – Уверен, что к Тумиль'Инламэ есть более «приятный» путь.

– Только он не про нас, – хмыкнул я, подъезжая к Лютерии.

– Ты как?

Магистр Ордена Милосердия лишь посмотрела на меня. Она почти перестала общаться с нами. Лютерия сжала губы и опустила взгляд. Затем слегка качнула подбородком.

– В порядке?

Еще один робкий наклон головы.

Чувствовала себя Лютерия паршиво. Это было яснее ясного. Однако она держалась. Ради Соединенного Королевства, ради Ураха,

ради Констанции Демей и ради нас.

Мы спешили и, привязав лошадей к ограде, осторожно зашагали к амфитеатру. Приблизившись к первым ступенькам, уходящим вниз, я ахнул. Орхестра приподнималась над ямой из которой вовсю, опоясывая центр, ревело пламя пожара. Оно лизало порожки амфитеатра, узкий декоративный мостик, ведущий к орхестре, и поднималось к плите, замещавшей собою сцену. На той плите, как бы из нее, наполовину проступало омерзительное и неимоверно тошнотворное лицо какой-то демонической женщины. Ее граненые глаза-рубины испускали из себя ольховое свечение. Меня всего передернуло. Второй раз, я содрогнулся, когда до меня дошло еще и то, что на орхестре кто-то шевелится. Скованный цепями по рукам и ногам, человек изнывал под нажимом раскалённых тавро, которыми орудовали бесы – такие крылатые, рогатые и зубатые твари Мира Тьмы.

– Что там такое происходит, Дух Зелени поberi? – вскинул брови Альфонсо.

– Он... наверное праведник... он мучится... Назбраэль поймал его, – едва слышно проговорила Лютерия Айс. – Его необходимо... спасти. Никто из детей Ураха не достоин такой... кары.

– Лютерия, ты еще можешь разговаривать? – облегченно воскликнула Настурция.

– Я... берегу силы. Да.

– Посиди здесь. Отдохни, – распорядился я. – А мы посмотрим, что можно сделать для того несчастного.

– Хорошо...

– Мы-то посмотрим, – промолвила Настурция. – Но как тот пленник связан с тем, куда нам надо идти?

– Дорога пролегает через амфитеатр, – отметил я. – Его можно обойти, бросив того малого на произвол судьбы, или мы попытаемся что-то предпринять.

– Ладно, я за перемены к лучшему.

Я приобнял Лютерию. Не знаю, зачем я нарушил ее личные границы. Наверное, мне захотелось дать ей (как и себе) чуточку душевного тепла, в котором мы все испытывали дефицит.

– Ты доброе сердце.

– Да, пока рука Дроторогора не сводит меня с ума, – горько усмехнулась Настурция, почему-то прижимаясь ко мне.

Мягко отстранившись от меня, колдунья Ильварета первой пошла вниз. Мы с Альфонсо тут же увязались за ней. Через три пролета Дельтора, сняв со спины Резец, застопорился у балюстрады.

– Ушки поджал, заяц? – насмешливо сощурился я.

– А-то! Отсюда я смогу проследить, чтобы и ваши ушки не были поджаты.

– Прикрой уж, если что, – сказал я, хлопнул Альфонсо по плечу.

– Мои стрелы не только свистят.

Я и Настурция дошли до декоративного мостика. Перед ним юлил огонь, а за ним, бесята придавали свою жертву бесконечной пытке. На нас никто внимания не обращал.

– Как снять эту завесу? – протянул я, бегло осматривая жгучие и беспристрастные огненные канаты–переливы, трещащие у моего носа.

– Льдом, – откликнулась Настурция.

– Им, но с какой–нибудь специфической затравочкой. Как тебе идея?

– Хоть куда. Подмешаем в заклинание того сего и устроим «бабах–тарабах–бабах».

– Помнишь, ты помнишь, ту нашу градацию мощи творимого заклинания! – возликовал я так, как будто бы вновь обрел давно утраченного друга.

– Естественно, ведь я сама ее и придумала, – улынулась Настурция. – Заряжаем!

Клюква и Лик Эбенового Ужаса засветились магической энергией. Элементарное колдовство – это моя стезя. Опираясь на свой многолетний опыт мистерий, а также на повсюду витающие флюиды Предвечного Хаоса, я смог извлечь из пустоты и насадить на навершие Лика Эбенового Ужаса мощнейшую глобулу Оледенения, приправленную темным искусством. Настурция проделала с Клюквой примерно то же самое. Наши глаза пересеклись. Изумрудные очи моргнули... Пора! Два посоха, два мага, два приятеля, объединили свой потенциал для разрушения заслона. Взрыв... И ничего! Напалм лишь на мгновение сбросил свою мандариновую штору жара, а затем продолжил бушевать, как ни в чем не бывало!

– Невообразимо! – ошеломленно выдохнула колдунья Ильварета.
– Против такой атаки не выстояли бы и стены Гельха!

Я почесал макушку.

– Мы с твоей сестрой недавно проделывали точно такой же фокус, чтобы закрыть червоточину у границы Плавления, но тогда все получилось!

– Как же быть?

– Видимо вся соль в том, что огонь под оркестрой подпитывается неким неиссякаемым источником темнейшего энтузиазма.

– Давай проведем анализ спиритических струн. Если мы найдем его ядро, то развяжем...

Настурцию прервал мелодичный женский голос, исполненный тягости, юмора и безысходности.

– Я польщена, что кому-то есть до меня дело! На моей памяти это впервые! А-а-а-а-а!

– Кто это говорит? – всколыхнулась Настурция, отступая на шаг назад.

– Я Сол'Фимитриэль! Но друзья зовут меня Софи!

– Где ты? – крикнул я.

– Так как, где? Там на камне за огнем – это я! А-а-а-а! Эти мелкие... а-а-а-а! Очень досаждают мне! Если можете, спасите меня!

– Кто заточил тебя сюда? – с подозрением осведомилась Настурция.

– Ты как будто бы в моих ушах! Как ты разговариваешь с нами? Ты– ведьма? – вторил я колдунье Ильварета.

– Погодите! Столько вопросов! Я прямо–таки чувствую себя важной персоной! А-а-а-а! Как же больно, мамочки мои! Нет! Я не ведьма! Я суккуб! А наказала меня Плайма Осквернительница – Госпожа моих Сестер и Братьев! Аррррх!

Сол'Фимитриэль, разделяющая беседу на вопли и слова, живо напомнила мне диалог с Канахесом Илькой, состоявшегося на костре святой инквизиции. Разница была лишь в том, что префект

Канцелярии Правосудия, живорез, запекся, как картошка в мундире, а вот суккуб, так статья, была обречена лишь терпеть бремя терзаний.

– Пойдем отсюда. Дрязги Мира Тьмы уж точно не наши заботы, – прошептала мне колдунья Ильварета. – Пусть себе там и чахнет...

– А–а–а–а! Настурция! Цветочек! Кто дал тебе это чудесное имя? Мама или папа? Я бы поступила один в один, как ты! А–а–а–а! Но Калев–то, Калев, он у нас–то не такой, верно? А–а–а–а–и! Отстань от меня отстань, поганый бес! А–а–а–а! Калев вызволит меня! – проорала Софи.

– С чего ты решила, что я это сделаю? – насупился я.

– С того, что тебе нужен Бингс Флаерс! И я знаю, как его найти!

Я сжал челюсти до хруста. Тот самый маг, которого я должен пырнуть Гадюкой – спицей обворованного тролля. Как только Бингс Флаерс получит «привет» из Анонимного Дельца, Безымянный примется дергать свои ниточки–информаторы, наводить справки об осколках Светочи, которую надо собрать для восстановления красоты Эмилии.

– Ты упоминал этого Бингса Флаераса. Он необходим Безымянному, – промолвила Настурция.

– Да, без него шансы обнаружить всю Светочь почти равны нулю.

– Значит, будем действовать.

– Поподробнее, пожалуйста! – внутренне напрягаясь, потребовал я у Софи.

– Перебей всех бесов, тогда поговорим! А–а–а–а!

– Тогда подскажи, как мне преодолеть стену огня!

– И–и–и–и–и! А–а–а–а! Ты хоть помнишь, что ты таскаешь в своей сумке помимо книг?! А–а–а–а! А? Поройся в ней!

Ну да, ну да! В спешке уезжая из Ильварета, я захватил с собой несколько зелий, сваренных замечательным мастером–алхимиком Ирен Пипией! У меня с собой были пузырьки: противоядие, «сращиватель костей», «камнекожа», болеутоляющее, очиститель воды, «для силы духа» и «элементарная защита»! Последнее – то, что вот сейчас к месту!

– Ух, сколько их у тебя! – отметила Настурция.

– Возьми парочку. А то вдруг я упаду, и они все разобьются, – откликнулся я, отдавая сестре Эмилиии «сращиватель костей», очиститель воды и «камнекожу».

– Будет жалко, – согласилась Настурция.

Я откупорил крышку «элементарной защиты от огня» и проглотил его жидкость. По моим внутренностям словно бы пронесся ледяной вихрь. Он выбрался через кожу и обволок меня светящейся белой мембраной.

– Только осторожно! – предупредила Настурция, накаливая Клюкву силой воли.

– Как войдешь... А–а–а–а! Дерни рычаг! Он отключит пламя под орхестрой, и твои друзья смогут прийти к тебе, к нам, на помощь!

– Ты готова?

– Да, – утвердила Настурция. – А ты?

– Всегда, – улыбнулся я, пересекая горящую завесу.

Мне доводилось пользоваться эликсирами «элементарной защиты», поэтому я знал, какие ощущения они приносят, соприкасаясь

с «мощью–антагонистом». Когда я наступил на плитку за огнем, чтобы перенести свое тело, на меня будто бы обрушилось само солнце. Оно прильнуло ко мне смертоносными лучами, но не достало ими меня. Всего секунду длился мой переход к оркестре и через эту секунду аура–протектор, надежно укрывшая меня от испепеляющего шторма, испарилась, выполнив свой долг. Естественно, я и сам умею накладывать чары «элементарного надзора», но в таких случаях как этот, более благоразумно положиться на зелье, приготовленное не абы кем, а Ирен Пипией! Ирен Пипия известна среди алхимиков новейшего времени так же, как Серэнити знаменита в Инквизиции. Иначе говоря, ей довериться можно!

Итак! Я с Ликом Эбенового Ужаса и оголенным Альдбригом стою в песочном кругу. В его центре, на продолговатом тривиальном алтаре распята суккуб – привлекательная девушка, при кожаных крыльях, рожках и длинном хвосте – все при ней, все как полагается. По бокам от Софи, у головы, у рук и ног чадили неугасимые жаровни. Мелкие, чуть меньше пивной бочки, бесята, не ведая усталости, с чувством, с толком, с расстановкой корпели над заданием Плаймы Осквернительницы – «втолковывали» Софи каково это – стать «неудобной» в Мире Тьмы. По очереди они доводили тавро докрасна, а затем прикладывали его к бедрам, щекам или животу Софи. Та страшно кричала и плевалась в своих истязателей. Раны суккуба заживали почти моментально. Кровь в них сворачивалась черной сажей, которая вымарывала лопнувшие волдыри и осыпалась на пол. Если магия Света в дланях Серэнити – исцеляющее добро, то эта лечебная волшба, окутывающая Софи, аж издали щемила мне ребра и стискивала горло поветрием неистребимого зла, родина коего – вотчина Назбраэля. Для меня это стало открытием! Не только Свет, но и Тьма может врачевать увечья! Причем так же эффективно! Надо об этом подумать на досуге, а сейчас... Сейчас займемся насущным – перебьем всех этих демонов! Ать–два! Ать–два!

Бесят тут было штук тридцать пять. Уразумев, что я смог как–то перемахнуть через огненную ловушку, они все побросали свое «важное занятие» и с писклявым хрипом ломанулись на меня. В их кулачках плотно сидели трезубцы. Получи таким в печень или в

селезенку и все, каюк. Но я–то «калач» тертый, поэтому пасовать не стану. Воздев Лик Эбенового Ужаса вверх, я выпустил из него Цепную Молнию. Бах! Бах! Бах! То дымящиеся черепа бесов брякнулись ко мне под ноги. Пользуясь замешательством, постигшим демонов, я прыгнул к рычагу (ему придали форму могильной гермы) и дернул его до упора вниз. Следом я отбил Альдбригом трезубец, метивший мне в шею. Я увернулся от второй атаки, перекатился к алтарю, и там скрестил посох и меч с четырьмя заточенными вилками. Пиу! Пиу! Пиу! Три головки проткнули три стрелы! Альфонсо тоже не зевал – это отрадно! Я отрубил еще одну макушку Альдбригом, а пять других уничтожил Ликом Эбенового Ужаса. А что же Настурция? Спешу заверить, что у нее на счету убитых бесенят было больше, чем на наших с Альфонсо вместе взятых. Настурция, грозная и статная, с развевающимися волосами и глазами–изумрудами, волнами Меди, ниспосылаемыми Клюквой, загнала последнюю нечисть к стене. Там, колдунья Ильварета их зажарила шаром чистой магмы. Любо–дорого глядеть! У меня так помпезно выводить заключительные штрихи сражения не получается!

В воздухе витал запах жаркого. Если не знать, кого именно запекли до корочки, то и ничего страшного. А так как я этим знанием обладал то, меня вырвало в одну из жаровен. Послужил ли тому мясной аромат или то аукнулось последствие вытравленного из меня вампиризма – я размышлять не стал.

– Ты оказывается впечатлительная душка–подушка, да? – улыбнулась Софи со своего неудобного ложа. – Привет!

При ближайшем рассмотрении суккуб показалась мне еще более симпатичной, чем при первом впечатлении. Но не прямо «вау» (а искусительницы должны быть прям «вау»)! Яркие фиолетовые очи, пухлые губки, точеная фигурка – песочные часы, волосы – водопад серебра с прожилками синевы. Из одежды на Софи была только юбка, блузка и сандалии.

– Эти прилагательные мне достаются вместо благодарности? – стирая с подбородка желчь, поинтересовался я.

– Кто она? – вставил Альфонсо, подойдя к нам.

– Ты только и делаешь последнее время, что спрашиваешь, увалень лесной, – буркнула Настурция.

– Так я не в курсе!

На всякий случай я обдал Настурцию снопом искр. Колдунья Ильварета, пососав ошпаренный магией палец, произнесла:

– Зараза! Рука Дроторогора достает меня даже с того уступа!

– Все нормально, – сказал Альфонсо. – Так кто это у нас?

– Разреши, представлю. Перед тобой Сол'Фимитриэль, суккуб ставшая неудобной Плайме Осквернительнице. За свое освобождение Сол'Фимитриэль обещала нам поведать кое-что о загадочном Бингсе Флаерсе!

– Ого! Ценно!

– Для друзей я – Софи! Лучше зови меня так, Альфонсик!

– Но мы не твои друзья, – осекла суккуба Настурция.

– Снимите с меня эти оковы! – жалобно заканючила Софи. – Снимите, снимите, они мне все натерли до кровавых мозолей!

– Отпирать замки на твоих запястьях пока излишне, – урезонил я. – Я прекратил издевательства над тобой. Уплати, пожалуйста, за это тем, чем было оговорено.

– Ах да, услуга за услугу! Я не солгала! – весело откликнулась Софи.

– Ну, и? – подтолкнул ее Альфонсо, не выпуская из ладоней Щавеля.

– Я что? Так и буду тут перед вами лежать и умолять? Вы же не охотники, а я не тигрица, я кошечка! Мур! Мур!

– Мы тебе не доверяем, Сол’Фимитриэль, – сказала Настурция. – Вы, суккубы, исключительно хитрые и лукавые создания. В карманах у вас много опасных фокусов. Будет правильным оставить тебя пока так, как есть.

– Софи!

– Хорошо, Софи, – согласилась Настурция.

– И карманов, как видите, у меня давным–давно нет!

– Хватит юлить, Софи! Бингс Флаерс! Говори о нем! – нажал я.

– Тю, я–то думала, что ты не такой, как они. Предложишь мне чаю и печенье. Ладно, ладно, не дуйся, мой сладкий...

– Я не сладкий!

– А ты стесняешься?

– Софи!

Суккуб бесстыдно подмигнула мне.

– Сладкий! Сладкий! Как сахарная ватрушка!

Альфонсо расхохотался.

– Рука Дроторогора привела нас к демонессе, которая теперь пытается соблазнить Толковую Каракатицу! Если бы демонесса только знала, что Толковая Каракатица не понимает намеков женщин, даже

самых прямолинейных, то она бы бросила эту гиблую затею! Если все не было бы так серьезно, я бы смеялся!

– Хмф! Женщины, что вода в пруду – их мотивы для меня прозрачны! Ты же и так гогочешь, – хмыкнул я.

– Это от нервов.

– Ты – Комок Нервов, то и понятно. Софи!

– Фу! Какой же ты оказывается черствый парень, Кaleb! Требуешь от почти ничем не прикрытой девушки, вести светскую беседу! Это аморально! Однако... – Сол'Фимитриэль самозабвенно облизалась. – Ты такой красивый! М–м–м! Этот твой непоколебимый настрой!

– Откуда тебе ведомо кто я? Все мы?

– Давай конкретно про тебя. Альфонсик и Настурция меня сейчас меньше занимают. В Мире Тьмы имечко Калеба Шаттибраля у всех нимфеток на устах! М–м–м! Ка–а–а–aleb! Когда кто–то черпает силу из Бездны, его лицо, лицо должника, проявляется в Пруды Смерти. И ты, Кaleb, последнее время в Пруды Смерти «блещешь» чаще прочих. То Потусторонний Террор потребуешь, то еще что забористо», короче, активно вгоняешь свою душу в обязательства. На тебя, красотульку, суккубы стекаются полюбоваться со всех огненных площадей! Ты такой лапочка! Сабесску и Хаста едва не дерутся, выясняя, у кого из них во дворце тебе подарят первую дыбу!

– Я приятно тронут тем, что в Мире Тьмы для меня зарезервирована люксовая камера пыток!

– Ты такой обаяшка!

– Если ты сейчас не уймешься, то я сама начну тебя подпекать! Угольки еще горячие! – сердито воскликнула Настурция.

– Ты ревнуешь?

– Нет! – хватаясь за кочергу и недвусмысленно подводя ее к голени Софи, проревела колдунья Ильварета.

– Настурция, успокойся! – воззвал Альфонсо.

– Ой, я надавила на плохо сшитый душевный шов, а в моем положении, это недопустимо! Извиняюсь! Но я же суккуб! Мне свойственно искушать! Это моя работа «пять через два»! По выходным я люблю шить и выпекать торты с шоколадной начинкой. Но вам мой досуг вряд ли будет сейчас интересен...

– Выбирай, Сол'Фимитриэль или Софи? – сказал я.

– Софи, – грудным голосом ответила суккуб. – Для тебя могу быть Софиюшка, Софа, Софочка.

– Тогда, Софи, а так зовут тебя только друзья, вернемся к Бингсу Флаерсу.

– Зануда! Ты уговорил меня! – вновь улыбнулась суккуб. – Тролль из Анонимного Дельца, которому ты обязан неким уговором, – не единственный кто недолюбливает Бингса Флаерса. Этот безумный маг своего рода коллекционер. Он, как бы это выразиться, собирает врагов и чем их больше, особенно уникальных и ужасных, тем ему радостней. Среди обширного комплекта мастистых личностей, желающих Бингсу Флаерсу скорой смерти, есть жемчужина – Плайма Осквернительница. Ну, вот как, Калерб, соотнести ее с понятными тебе величинами? У нас в Мире Тьмы она такая же важная, как у вас падишах Бархатных Королевств или Император Хло, хм, королева Констанция Демей. Ну, то есть, лучшая из лучших, и самая–пресамая. Топчик! Сестры судачат, что Назбраэль нет–нет, да подумывает насовсем уйти от жены Альстад к наложнице Плайме. И основания у него на то есть, разумеется. Но вернемся к Бингсу Флаерсу. Он, этот хитрюга, провернул ритуал призвания нашей Матроны. Когда Плайма явилась к Бингсу Флаерсу

во всей своей ослепительной красе, тот поклялся ей в вечной преданности, как к девушке.

– Эм, я не уверен, что Калев врубается во фразу «как к девушке», – обронил Альфонсо. – Он у нас на такое туговат.

– Правда? – рассмеялась Софи.

– Нет, не правда! – огрызнулся я.

– Бингс заверил Плайму, что хочет на ней жениться. Так доступно?

– Да! – покраснев, крикнул я.

– Он залился румянцем! Вы это видите, видите? Ты мой хороший маленький мальчик! Это так мило!

– Сол’Фимитриэль, я тебя предупреждала?! – угрожающе зашипела Настурция, приподнимая тавро.

– Простите, извините, вижу, что Калевушек–Хлевушек Творожный Ломтик уже занят!

– Я никем не занят! Я сам по себе!

– Конечно, конечно! Ты только свой собственный! – проворковала Софи. – И Бингс тоже только свой, красивый он для смертного очень. И Плайма повелась на это. Вернее, не так. Она не пришибла его сразу, а дала ему возможность поизлиться комплиментами в свой адрес. Какой девушке этого не хочется? Соловьиное пение Бингса, состоящее из «голубка», «твои очи, как рассвет», «волосы, что медовый водопад», «крылья, как у дракона», так зачаровало Плайму, что она не заметила, как ухажер стянул с ее пальца колечко – «Мелису»! Мелиса не обычное колечко, а печать–ключ от Священных Врат, ведущих... далеко ведущих. Бингс сорвал кольцо, а затем резко растер ладонью мел Призывающего круга, тем самым разорвав контакт с Плаймой

Осквернительницей. Мою растерявшуюся Госпожу выкинуло обратно в Мир Тьмы. Кипя от злости, Плайма, оставшаяся без Мелисы и без мужчины, дала себе зарок учинить с Бингсом такое, что мне и говорить–то вам стыдно. Сама Плайма не имеет права выходить на землю, таков закон Ураха, но ее слуги – мы, инкубы и суккубы, сию юрисдикцию иногда можем обойти. Госпожа избрала меня своим Гневом. Через Альтараксис, пролетев его водами, я покинула Мир Тьмы и воспарила в облаках. Я искала Бингса Флаерса, и я его нашла. Я хотела немножко позабавиться с ним, вечер, вино, свечи, меренги, так мне нравится, но не вышло! Дело в том, что Бингс поиграл с Мелисой и уразумел кое–какие ее тайны. Он дотронулся до моей шеи ключом–печатью, и это парализовало меня! Как оказалось, за всем этим наблюдала Плайма! Ее ярость была... доходчива. За то, что я не умертвила Бингса Флаерса сразу, Госпожа иссякла меня розгами, а потом закинула в Великий Лес на срок в тысячу лет.

Вздохнув, Софи сморгнула набежавшую на глаза слезу.

– Кaleb, Калебушек, мы, ты и я, мы нужны друг другу. Если освободишь меня, то я вновь отловлю Бингса Флаерса, потом кликну тебя, и ты кокнешь его Гадюкой. Выгодно же, да? Обещаю, что я не убью мерзавца раньше, чем Безымянный снабдит тебя информацией о Светочи. Ну же! Мы оба будем не в накладе! Я вернусь в Мир Тьмы, с Мелисой и выполненной задачей, а ты поскачешь на выручку к Эмили!

Я почесал в затылке.

– Заманчиво!

– Она – суккуб! Она может обманывать! – воскликнула Настурция.

– Это так... – задумчиво кивнул я.

– Решай быстрее, мой обольстительный герой! – скороговоркой произнесла Софи. – Сюда спускается ваша подруга, Лютерия Айс.

Если она меня увидит – никакого договора не состоится! Она... Она закинет меня в Мир Света!

– А такое возможно? – удивился Альфонсо. – Чтобы демона отправили в Мир Света?

– Да! Да! И еще раз да! Там меня растворят в Святой Воде! Я перестану существовать! Навсегда! Умоляю, Калев, разбей цепи! – испуганно и истерично возопила суккуб.

Я глянул на Альфонсо.

– По сути, мы ничего не потеряем.

Я перевел взгляд на Настурцию.

– Затея не глупее прочих.

– Дельторо?

Щавель клянул по запорам. Бац! Бац! Бац! Софи радостно кинулась меня обнимать.

– Как только я выясню, где наш огурчик – сразу маякну! До встречи!

Суккуб чмокнула меня в щеку, после чего расправила крылья и взлетела в небо.

Через пять минут к нам подошла Лютерия.

– Это суккуб? – сузив воспалённые глаза, едва слышно спросила магистр Ордена Милосердия.

– Да, – не стал отрицать я.

– Ее нельзя было отпускать. Она – исчадь Бездны.

– Вполне возможно, но это уже случилось.

– Пусть Урах рассудит ваш поступок по справедливости.

Лютерия извлекла из сумки руку Дроторогора. Указательный палец поскреб по «среднему», а затем показал на северо–запад. Получается, что нам туда.

Глава 29. Любящая мать

Мне сложно точно сказать, сколько недель мы уже находимся в Великом Лесу. Однако их явно меньше, чем наших стычек с живорезами. Впрочем, баталий могло бы быть куда больше, если бы не Альфонсо. Следопыт, различающий тайные знаки древнего бора, часто предвосхищает неуютную для нас встречу. Тогда мы сворачиваем с пути или пережидаем опасность в укрытии. В один из таких моментов, после того, как Дельторо вдруг сообщил, что с востока на нас очень быстро движется по его прикидкам гоблинов сорок–пятьдесят, мы сидели в яме под корневищами буков. Сверху, в футах тридцати от нас, топотали и переругивались гоблины. Кони жалобно жали уши. Слава Вселенной, что они тоже уместились в рывину, а Лютерия Айс, исхудавшая и болезненная, тряслась от холода. У нее была температура. Настурция или Альфонсо готовили ей отвары из целебных растений, богато усеявших просторы Великого Леса, но они не помогали ей. Не могли помочь. Недуг Лютерии не был материальным. Это рука Дроторогора, словно пиявка, вытягивает из нее все силы. Лапа, насыщаясь жизнью магистра Ордена Милосердия, с каждым канувшим в прошлое днем становиться все подвижнее и бойчее. Мне страшно наблюдать за тем, как моя подруга идет напрямиком в могилу. А еще более ужасно сознавать то, что аномальная и злая культа, шевелящаяся сама по себе, приобретает лоск и глянец. Чем хуже Лютерии, тем лучше руке Дроторогора. Обрубок Бога–Идола на вид уже не такой неопрятный, как по началу. Теперь он скорее напоминает человеческую пятерню, нежели звериную лапу.

Я слушал, как визжат гоблины и нежно обнимал Лютерию Айс, которая почти дремала на моем плече. Настурция с Клюквой на коленях прижалась к холодной земляной стенке, а Альфонсо, покусывая губы, держал на тетиве Резца стрелу. Мы были готовы к нападению гоблинов. Но мы не желали его. Я, Настурция и Альфонсо, прижучили бы пять десятков тварей, попотели бы, но прижучили, однако для Лютерии этот бой мог бы стать последним.

На голову Настурции спорхнул вяхирь. От неожиданности колдунья Ильварета стукнулась затылком об камень. Вяхиря это озадачило. Он повертел клювом, а затем перелетел на меня. К лапке было привязано письмо!

– Да это же Френки! Вяхирь Бертрана! – полупшепотом сказал Альфонсо. – Разворачивай давай!

Я аккуратно отвязал от лапы туго скрученный свиток. Развернув его, я стал читать вслух:

«Калев, «превед–медвед»! Посылаю тебе своего Френки. Если послание перед тобой, значит, он выполнил задание и его нужно чем–нибудь угостить! Френки обожает орехи, а клубнику ему не давай»!

Тут на бумаге Бертран нарисовал то, как вяхирь жадно клюет кешью, ниже было следующее:

«Калев, я почти раскидался с заботами Магика Элептерум – это раз. В «башню» вернулось двадцать мастеров, и как только мы выберем нового архимага, я сразу мчу к тебе – это два. Три – я перевел шифр Джеда Хартблада. Составлял он его не от балды, да к тому же стихом, и потому покорпел я над ним изрядно. В наговоре участвуют два человека, которые произносят строчки вместе, все, кроме последних, начинающихся с «Господь Мой Отец!» – их проговаривает тот, кто принимает «благословение–искупление». Текст прилагаю. С уважением, твой Б. Валуа».

— Браво! — тихо восхитилась Настурция, после того, как я зачитал наговор. — Бертран сделал это!

— Нет таких закорюк, которые бы он не привел к нашему алфавиту, — согласился Альфонсо. — Рыжая Колючка, как всегда, на высоте!

— В тексте заклинания одна любовь, любовь да любовь, — протянула Настурция. — А еще я в словах Джеда я уловила намек на то, что Серэнити может обрести вечную жизнь.

— Это метафора, — откликнулся Альфонсо. — Про именно «вечную» жизнь в наговоре ничего не сказано. Но я тоже чувствую в нем эту подоплеку...

— Серэнити не хочет волочить лямку до Судного Дня. И к тому же, самое очевидное, квазальд и Амасту еще требуется как-то соединить, — вздохнул я.

— В Тысячелетнем Громе, — утвердила Настурция.

— Или у жерла Вугу, — дополнил Альфонсо.

— Вот только времени у нас почти в обрез, — вновь вздохнул я, прикрывая Лютерию своим плащом. — Живая Вода может упокоить Серэнити в любую секунду.

— Она... Урах хранит ее... для чего-то большего, — промолвила Лютерия с моих колен. — Чувствую, сестра не умрет раньше срока, а вот я...

— Ты так тем более! — напуская на себя безмятежной веселости, сказал Альфонсо. — Ты у нас крепкая! Как только доберемся до Тумиль'Инламэ, или туда, где Легия нашел свой приют, сразу вышвырнем эту облезлую лапищу, к троллям собачим! В реку или в расщелину какую-нибудь!

– Ты сам знаешь, Альфонсо, что ее нельзя... просто отбросить, – поднимая на следопыта уставшие глаза, проговорила Лютерия. – Ей нужно будет найти место... Безопасное и огороженное от Зла. Даже не так...

– Вернем культю в Тлеющую Чашу. Закопаем ее там, как раньше было, – предложила Настурция.

– Этого мало, – покачала головой Лютерия Айс. – Теперь мало... Сила Дроторогора возросла стократ. Рука вернется к нему, где бы ее не запереть...

– А что же нам тогда остается?

– Бросить ее в вулкан, – пролепетала магистр Ордена Милосердия, вытирая кровь, которая пошла носом. – Но не вам. Ни в коем случае не прикасайтесь к ней! Мне. Только я должна... перебороть себя и дойти до Вугу или до Тысячелетнего Грома. Это моя ноша. Вас она сделает навечно проклятыми.

Сумка Лютерии зашевелилась. Магистр прочитала молитву, а затем прижала сумку к своей груди. Так она просидела около получаса. Мы на славу угостили вяхиря, и он улетел к Бертрану. Гоблины давно уже ушли, но мы не желали беспокоить Лютерию. Потом она все-таки встала и быстро вытащила лапу Дроторогора. Палец, синим сверкающим ногтем, показал налево. Поехали.

Еще неделю, а может и все полторы мы углублялись в Великий Лес. Меня беспокоили, как Лютерия, так и Луковое Спокойствие. Кулон Братства Света стал похож на оливковую пемзу. Он крошился и блестками оседал у меня на груди. Однако в жуть меня вгоняло другое, то, что Укулукулун более не приходил ко мне. Мои сны наполнились абсолютной чернотой и молчанием. В них уже не наблюдалось зелени, присущей защите Лукового Спокойствия. Я, подвешенный в пустоте, ждал, когда за мной «придут». Иногда в грезах я звал Эмириус Клайн, Эмилию, Бракарабрада или Квиля Лофирндваля – никто из них не откликался. Эфир Вселенной был чист и бесстрастен. Им владела

атараксия. Вроде бы я выспался, а вроде бы и нет. Не поймешь. Так или эдак, я, как заключенный в камере смертников, измаянный долгим сроком заточения, уже почти желал, чтобы наступил мой Последний День.

Сегодня ночью произошло то, к чему я подсознательно был готов. Где-то около четырех часов утра, я нес дежурство с развешенными по периметру «шариками-огоньками». Их мутный свет лишь чуть-чуть разгонял мрак, однако мне хватало его, чтобы держать ситуацию под контролем. Я жевал стебелек осоки и одновременно скреб подбородок, когда услышал приглушенный хрип. Вначале мне показалось, что это так ветер забавляется с кронами деревьев, однако потом я понял, что это совсем не то. Я нахмурился и поглядел на друзей. Они мирно спали. Я, было, отвернулся и тут резко прыгнул к лежакам – до меня дошло, «что» есть причина невнятных звуков – рука Дроторогора выбралась из сумки и теперь душила Лютерию!

– Дельторо! Настурция! Проснитесь!

Мыслью приблизив к нам все шарики Света, я обнажил Альдбриг.

– Нет! Ты попадешь в нее! – крикнула заспанная, но быстро сообразившая, что к чему Настурция. Она попыталась разжать красные пальцы на шее магистра Ордена Милосердия.

– Магией?!

– Только узконаправленной! – отозвался Альфонсо.

Я запалил на Лике Эбенового Ужаса дезинтегрирующую свечу.

– Калерб, ты точно в своем уме?! – испуганно воскликнула колдунья Ильварета. – Убери этот факел! Ты сделаешь им дырку в Лютерии!

– Я не нарочно! Когда я переживаю, заклинания увеличивают свою мощь!

– Ай, ты ж! Давай я!

Лютерия, между тем, конвульсивно дергала ногами. Рука Дроторогора, жилистая и крепкая, вознамерилась не отпускать магистра, пока та не отправится в Мир Света. На виске Лютерии вспухла синяя жилка. Она натужно билась... Пока билась...

Настурция не стала использовать чары, основанные на концентрации или силе воли. Она прибегла к «голосу». Эта разновидность колдовства имеет свои плюсы и минусы. Голосом, таким «выстрелом» энергии, можно подчинять, разбивать, скреплять, призывать, развеивать – да все что хочешь. Загвоздка только в том, что тебя слышат. Опытный маг, распознав первые слоги волшебства, способен выставить мистическую Защиту–Плащ или даже обернуть «голос» против его хозяина. Подробно, но несколько сухо об учении «голоса» написал Паржу Набади в соавторстве с мягкошерсткой Щекотушкой Серой–Ушкой. Примечательно то, что Паржу Набади умер от разрыва трахеи, подзывая «голосом» разумный столик с фруктами.

– Долор Аргенти!

Из рта Настурции вылетело серебряное облачко. Оно окутало культу Дроторогора и засверкало. Бьюсь об заклад, если бы лапа могла орать от боли, она бы орала. Отомкнув свои тиски с горла, часть Бога–Идола завертелась в пыли. Она стараясь стереть с себя магическую поволоку. Настурция брезгливо придавила ее подошвой сапога.

Я бросился к Лютерии.

– Жива! – объявил я.

– Вселенная еще на нашей стороне, – облегченно выдохнул Альфонсо.

– Пока на нашей, – буркнула Настурция.

Колдунья нагнулась, чтобы взять руку Дроторогора... Но неожиданно упала в листву. Это Лютерия дернула ее за щиколотку.

– Нет! Нет! Нет! – закашлялась магистр, сумасшедше выкатывая глаза на колдунью Ильварета. – Это погубит тебя! Никогда! Погубит! Мое... Погу... Не трогай!

Лютерия притянула к себе извивающуюся лапу Дроторогора, а потом засунула ее обратно в сумку. Сразу за этим магистр провалилась в бредовые грезы. Она плакала, звала отца и Ураха. Мне было ее очень–очень жаль.

– Посмотри, что ты наделала, бестолочь?! – вынимая Альдбриг из ножен, рявкнул я. – Это из–за тебя ей так плохо!

Настурция отступила.

– Калеп!...

– Что ты орешь на нее, а?! Давно стали на вкус не пробовал?! – с перекошенным от гнева лицом, возопил Альфонсо.

Я успел отбить Щавель, летевший в мою поджелудочную железу, в самую последнюю секунду. Наше оружие звякнуло еще пару раз. На моем посохе распустилась Роза Аннигиляции, а в кулаке следопыта заплесала какая–то буро–серая каша – друидическая закваска тоже жалит – мало не покажется.

Мой висок отерла струя разгоряченного воздуха. На коже вздулся пузырь и тут же лопнул. Альфонсо, между тем, прижал ладонь к щеке.

– Спасибо, Настурция. Остудила нас, – благодарно сказал я.

– Стравливает нас бестия. Не угомониться никак, – рыкнул Альфонсо Дельторо.

– Раньше за клинки мы не хватались, – промолвила Настурция, распуская Огонь с Клюквы. – Динамика отрицательная, идет книзу.

– Так гляди, и поубиваем друг друга, – проворчал Альфонсо. – Зараза!

– Соблазнительнее пасть от твоего Щавеля или Клюквы Настурции, нежели, чем от секиры омора, – пошутил я. – Всегда об этом мечтал!

– Уймись, Калерб, – шикнула колдунья Ильварета. – Не буди Лютерию.

Луна ушла на покой, уступив место солнцу.

Если задаться целью составить список главных, хорошо всем известных достопримечательностей Великого Леса, то вверху страницы карандаш непременно выведет два слова – «Гнилая» и «Рыжая». Это – широченные реки, анакондами проползающими через гущу и тернии извечной чащи. Рыжая начинается на Пескунде – горной цепи на востоке пустыни Бао–Мяо. Ее название – ее достояние. Природная метаморфоза подарила дну Рыжей скопления особой лекарственной глины лисьего цвета – мандари. Те мягкошерсты, что посмелее, добывают мандари в Великом Лесу и продают ее как у себя в Бархатных Королевствах, так и у нас. Женщина, обмазавшись мандари на часок–другой, после купания помолодеет лет на пять. Морщины разгладятся, кожа подтянется, мешки под глазами уйдут. Фунт мандари на толкучке Шальха стоит семь золотых – недешево, ой, недешево, а на Беломраморном Форуме Ильварета и Королевском Базаре Гельха так и все пятнадцать. Как–то в Хафлане Эмилия заставила меня обменять содержимое кошелька на непрозрачный кулек мандари. Черно–белый мурлыка–мягкошерст уверил нас, что его мандари самая мандарная мандари, самая целебная мандари, самая полезная мандари и самая настоящая! И что моей спутнице она необходима, как воздух! Ну, я не жадный, и выложил ему двадцать Манфредов Вторых. Кошкатун ловко схватил их и был таков. Потом уже в гостинице, приняв ванну, Эмилия попыталась скрыть от меня,

что под тонким слоем мандари лежали, пардон, я говорить не буду что, но намекну, что домашние коты оставляют это в лотке. Эмилия хохотала до слез, а я злился и тоже смеялся. Усатый провернул выгодную и донельзя потешную сделку. Представляю, как потом он и его родичи, на каком-нибудь корабле «Рыбная Погремушка», отчалив от порта Хафлана, мяукали и надрывали животики над дурнями-людьми. Да, мягкошерсты любят пошутить!

Рыжая река уникальна, однако Гнилая тоже удивительна. Откуда вытекает Гнилая? Альфонсо говорит, что из недр земли, где-то у Ноорот'Кхвазама. Видный картограф Ирга Памунт считает иначе, что начало Гнилой еще дальше, чуть ли не в Бумфамаре. Сама по себе Гнилая совсем не грязная речка, а наоборот чистая, но соленая. Альфонсо предполагает, что Гнилая, проходя по туннелям-скважинам глубин, вымывает собой какие-то громадные залежи натрия (научный термин), что делает ее такой, какая она есть. Белые комочки, попадающиеся при просеве Гнилой, это соль – да, а вот те пурпурные, как бы окаменелые веточки, дюйм на дюйм, – совсем иное, это слипушки. Слипушки – редчайшие кораллы – произрастают только в Гнилой и больше нигде. Слипушки красивы. Из них мастераят дорогие кольца, бусы и подвески. Но! Их краеугольная значимость – применение, которое переоценить невозможно, снискала себя в стоматологии. Тут приведу отвлеченный пример – пародонтит. Запущенная болезнь приведет к потере. Удастся ли потом как-то вернуть себе былую улыбку (любую улыбку)? Ответ – да, если есть деньги. Дантист, он же сельский цирюльник, предложит выточить деревянный протез или вставить зубы собак, лошадей или свиней (м-м-м, бесподобно, да?), кости животных, а также человеческие зубы, купленные у бедняков или извлеченные из челюстей убитых солдат. Однако это не предел мечтаний. Если открыть семейный сейф и выгрести всё до последнего медяка и явиться в Гельх, в Лазарет «Твои Тридцать Два Будут Хоть Куда» Острома Дюффы – чародейки, всюжизнь занимающуюся зубоврачеванием, то можно преобразиться. Острома, как и еще несколько человек в Соединенном Королевстве, умеет раскрывать потенциал слипушек. Специальной отверткой Острома Дюфф вворачивает коралл в «пустое место», смазывает его чудодейственным кремом (ох, Эмилия, так и не выведала, какие в него

входят ингредиенты), а затем залепляет свежую ранку ватой. Все. Слипушка остается в челюсти и прорастает в ней. В этот период пациент ходит к Острому, чтобы та придавала кораллу нужную форму, спиливая излишки. Спустя месяц-два, человек уйдет из «Твои Тридцать Два Будут Хоть Куда» с новехонькими фиолетовыми зубами – блестящими и пугающими, зато своими.

Почему я сейчас упомянул себе под нос Гнилую и Рыжую? Все из-за того, что наша компания как раз-таки приближалась к Гнилой. Лапа Дроторогора неукоснительно требовала, чтобы мы пересекли речку. Однако, где? Ширина потока здесь, по прикидкам Дельторо, была миль десять! Причала с человеком, услужливо предлагающим сдать нам лодку в аренду, я не увидел. Юнивайн? Если его попросить, он, конечно, перенесет нас всех на тот берег, но как быть с Марви, Тимфи, Гонорией и Бароном? Юнивайн на себе их не перетащит. Пока я размышлял, как нам быть, Гнилая, незаметно, оказалась у самых копыт наших лошадей. Альфонсо дернул уздечку Тимфи.

– Объехать Гнилую не удастся, – помолчав, изрек следопыт. – Вернее, это займет у нас уйму времени.

– Предложения? – спросил я.

– Какое бы ни было, это «предложение», которое мы сейчас «предложим», оно должно распространяться и на Рыжую, – сказала Настурция, ссаживаясь с Гонории. – Вряд ли нам так повезет, что Легия захоронен в водоразделе, на котором находится Кристальное Одиночество. Придется вначале миновать Гнилую, затем Рыжую, а потом скакать дальше по Великому Лесу.

Я выпятил губу. Настурция права. Решение, ау! Извилины, работайте!

Хрусть!

Это оборвалась лямка моей сумки. Давно пора! Чего ей только не случилось пережить за последние шесть месяцев! И швыряли ее, и

бросали ее, и спали на ней, и прикрывались ею, и дрались ею. А сколько сумка всего в себе хранила и волокла! Ее пенсия даже не обсуждается! Как только вернусь в Шато, вручу ей «орден» и оставлю коротать старость в Веселых Поганках!

Мои благодарные думы прервались весьма красочным и нестандартным событием. При падении на траву, сумка раскрылась и из нее посыпались мои вещи: книги, зелья, Хиловиса, Скатерть «На любой вкус», обломок Ночи Всех Усопших, Кампри и бутылочка с миниатюрным кораблем внутри... Тара покатила и, плюх, закачалась на воде... Затем произошло следующее. Из стеклянной тары затрепетал свет. Он вышел из донышка и, щупальцами осьминога, впился в пробку на горлышке. Шпут! Пробка отлетела и игрушечное судно, размякнув подобно картону, выдавилась в реку. Сверкнула молния! Грянул гром! Все заволочло туманом! Бабах! С небес проревело: «Кинувший меня в море – поплывёт на всех парусах»! Когда смог рассеялся, мы все остолбенели – подле нас бултыхалось громадная двухмачтовая каравелла! На ее флаге (синий фон) пылало изображение звезды!

– Что за шутки, Калев?! – ошеломленно икнула Настурция.

– Я так, ради спортивного интереса хочу спросить, что еще прячется в твоих манатках? Кит? Кракен? Пивоварня? Акведук? Что? Если заваялось старое доброе винцо из Ньюфолка, то тоже сгодится.

– Все-то вам расскажи, – камуфлируя замешательство улыбкой, отозвался я.

– Он сам в шоке, – кивнула Настурция Альфонсо. – Не ожидал такого.

– Ага. Просто так вышло. Бум – и все. У Толковой Каракатицы всегда так, – поддакнул Дельторо. – Помнишь, как Калев подорвал замок Снежного Великана в Ледяных Топях?

– Как забыть? Мы чудом уцелели. Тогда у него из-за пояса выпрыгнули «жабы-бомбардиры».

– Которые к нему под мантию забрались сами, погреться. А он и не заметил. Так Калев нам сказал вроде бы.

– Сами и забрались! Они мерзли! Их Источник Воспламенения покрылся инеем!

– Это судно тоже «мерзло», и ты его любезно пригрел? – хмыкнул Альфонсо.

– Почти так!

– Твой корабль... Он нас перевезет? – тихо спросила Лютерия, приподнимая голову от гривы Барона, тем самым прерывая наш ералаш воспоминаний.

– Хмрф! – только и успел произнести я.

А почему? Потому что корабль сам ответил. Звонкий голос сказал:

– Перевезу!

– Ты умеешь говорить? – удивился я.

– Конечно! Как и все другие «Ладьи просторов необъятных»!

– Хочу тебя расстроить – не все, – промолвила Настурция.

– Все! Вы просто их не слышите! Ответьте! О чем скрипит палуба? Что кряхтят тросы? Что поют снасти? Что молвит бизань-мачта? Все они, единый организм, разговаривают с вами! Наставляют вас! Советуют вам и подсказывают! Беспокоятся!

– Вау! Мое почтение всем бушпритам, фор-брамселям и фок-реям, – присвистнул Альфонсо. – Снимаю шляпу и перед твоими

бензелем, бом–бран–стенъгой, планширем и кливером!

– Знаток терминов? Ха! Принимается!

– Тебя зовут Ригель? – задал вопрос я, вспомнив, что было написано на «бутылочке».

– Ригель! А ты Калед Шаттибраль, а ты Настурция Грэххольм, а ты Альфонсо Дельторо, а ты Лютерия Айс, а ты, Джейкоб Лавенхильд, а ты Дроторогор, имен у тебя много, если говорить все, то до вечера не управлюсь! Поэтому только Дроторогор!

– Ты всех нас знаешь?

– Каждый из вас бороздил морские просторы. О каждом из вас вода сохранила память и принесла мне.

– Ригель, ты очень необычный корабль. Ты в курсе? – спросила Настурция. – Возможно, ты такой один, хм, в своем роде.

– Настурция Грэххольм! – провозгласил Ригель, раздувая паруса (это он так выражал симпатию?). – Ты желаешь узнать, кто я и откуда!

– Вообще–то, да, – чуть розовея, откликнулась колдунья Ильварета. – Ты читаешь мысли?

– Это длинная история, вы же спешите!

К нашим ногам, с кормы, выдвинулся трап.

– Выходите! Я поведаю вам о себе, не отрываясь от круиза!

Переглянувшись с друзьями, я взял под уздцы Барона – Лютерия первой оказалась на Ригеле. Затем на него проследовали Настурция с Гонорией, Альфонсо с Тимфи и вновь я с Марви.

Палуба Ригеля представляла собою образец корабельного порядка. Все лежало, висело и было прикреплено на тех местах, что и положено. Никакого беспорядка. Все с иголочки – опрятно и чисто!

– Поражаешься моей скрупулёзности, Калёб?

– Настурция права, ты читаешь мысли, – сказал я.

– И, да, и нет. У меня нет глаз, зато есть чувства», – тут же отозвался Ригель. – И с помощью чувств, я доставлю вас, куда следует! Это важно!

Его голос как бы окружал нас. Он звучал из каждой балки, из каждого каната и бочонка.

Тронулись...

– Это очень приятно, – согласилась Лютерия, тихонько усаживаясь на скамеечку у борта. – Однако ты обещал нам рассказать о себе.

Колдунья Ильварета откинула голову назад, подставляя лицо речной мороси.

– Наше, мое, ваше путешествие не из длинных, поэтому перейду сразу к сути. Но что слушать на пустой желудок? Это утомительно! Вот! Угощайтесь! – произнес Ригель.

Из трюма, аккуратно пихнув дверь, выкатилась бочка. Подобно лотосу, она раскрылась, явив в своем нутре штоф вина, большущий свежий хлеб, круг сыра (с плесенью, м–м–м), оливки и салями.

– Ты нас балуешь! – усмехнулся Альфонсо. – Спасибо!

– Не за что! – промурлыкал голос. – Я – Ригель! Звездоносный! Быстрокрылый! Сиятельный! Давным–давно, совсем не здесь, не в этой части света, и даже не в этом мире и Вселенной, я родился в доке,

что вечно омывается благодатным и теплым морем. Мой Создатель, совсем не похожий на вас, да и в принципе ни на кого иного, хотел, чтобы я стал «неожиданной радостью», спасением для утопающих, ориентиром для сбившихся с пути странников, другом для пылающих матросской страстью сердец! Создатель желал, чтобы я нес добро и избегал приближаться ко злу. Я избороздил тысячи океанов и тысячи тысяч их родственников: кузин–морей, дядюшек–рек, племянников–каналов. Я возил одиночек и целые народы, кулечки небесного пуха и табуны верблюдов. Я был верен высоконравственным изгоям и королям, нищим и богатым, сильным и слабым. Я такой один, Настурция Грэкхольм, такой один! Ты попала форштевнем в буюк!

– Много прилагательных и сладкой похвалы самого себя, – безобидно рассмеялась Настурция. – Как в твою нижнюю палубу загнать всех тех сказочных верблюдов? Я так думаю, что ты пытаешься нас надуть!

– Ни в коем случае! – возмутился Ригель. – Во мне сосредоточена бесконечность! Сингулярность! Я так устроен! Засунь в меня хоть все ваше Соединенное Королевство, еще останется кладовка на сотни таких же стран!

– А что такое буюк? Я лично не в курсе, – пробормотал Альфонсо.

– А как ты попал в бутылку? – одновременно с Дельторо сказал я.

– Буй – это поплавок, крепящийся ко дну при помощи якоря на тросе, для указания конкретного места в воде. Изготавливают его обычно из дерева или железа.

–Хм?

– Буюк еще не придумали в вашем Королевстве. Про бутылку же, Калек, тут я еще добавлю, как я очутился в ней на шкафу у Нолда Темного?

Киль разговорчивого Ригеля почти не касался воды. Он будто бы летел по Гнилой. Я бы сравнил его с Юнивайном. И тот и тот – чемпионы скорости.

– Ага, – подтвердил я.

– Когда мой Создатель понял, что его жизнь подходит к концу – он позвал меня, чтобы говорить. Он сказал мне, что теперь я волен делать все, что захочу, – выбирать свои собственные цели, а не его, Создателя, задумки. На прощание он дал мне свой последний дар – «Разум без шор». Я будто бы очнулся от крепкого сна. С грустью я простился с Создателем. Я бороздил просторы и думал, думал, думал... О чем? О разном. Мне захотелось расширить свой кругозор, поглядеть на другую сторону «компаса». Что такое Зло, к которому я до сих пор не допускался? Есть ли у Зла градации? Бывает ли Зло «Злом Частичным» или только «Злом Абсолютным»? И я стал брать на борт темных личностей. Я доставлял их в Бездны и к исчадиям Каверн. В особые дали, недоступные для смертных, и уж в совсем невнятные и неопишуемые края. Вместе, мы фраговались в портах Сюрреалистических Городов и Фантазмагорических Застав. Я служил своим пассажирам верой и правдой. И однажды для меня это не прошло даром. В Мире под названием Гамбус, ведьма из рода демонов Ярванга вознамерилась присвоить меня себе. Она опутала мой корпус сетью чар. Я сражался с ней. Мое «Я» против ее «Я». Упорно шла наша борьба, но в конце я проиграл. Ярванга, применив колдовство невиданной силы, сломила меня. Она уменьшила меня и запихнула в бутылочку, навечно ограничив мое «распределение» и мою «общедоступность». Я являлся по желанию Ярванги, и в «ментальных цепях» нес ее туда, куда она приказывала. Потом Ярванга умерла, а я вновь втиснулся в опостылевшую бутылку. Едва ли не бесконечность я в ней и томился. До тех пор, пока меня прибоем не швырнуло к ногам Нолда Темного, героя, что так же светел душой, так и черен. Нолд сразу понял кто я. Он попытался освободить меня от чар Ярванги, но не успел принять все меры. Дроторогор потребовал его к себе. Спросите у Дроторогора, как было. Почему он, кстати, молчит? И Джейкоб тоже.

– Джейкоб язык проглотил, а Бог–Идол тут не весь. Он немножко разделен, – улыбнулся я.

– Какая удивительная история... – утомленно прошептала Лютерия Айс.

Смежив веки, магистр Ордена Милосердия дрожала.

– Не более, чем у каждого из вас! – выразительно, с ударением на каждый слог, пропел Ригель. – Калев! Ты такой добрый! Прямо как мой Создатель! Я ощущаю в твоём сердце порыв окончить то, что не завершил Нолд Темный! Рассеять заклинание Ярванги!

Настурция и Альфонсо посмотрели на меня.

– Что? – спросил я. – Да, я так подумал!

– Я не удивлен, – пожал плечами Дельторо. – Ты готов каждому отдать свои штаны. Бессребреник.

– Бертран бы не согласился! Я «зажал» ему как–то свои носки!

– Он ни с чем никогда не соглашается, – промолвила Настурция. – И правильно делает.

– Ригель, мне надо подумать, как выскрести тебя из бутылки. Но это будет на досуге. Сейчас у меня дел невпроворот. Ты не обидишься?

– Нет, нет! Я польщен! Если ты разрешишь, потом я дополню твои идеи своими догадками.

– Договорились.

– Разбить ее, не? Слянку эту, да и баста, – прокричал Альфонсо.

– Увы, так было бы слишком просто и совсем не драматично, – сказал Ригель. – Через три минуты у нас будет «полный стоп»!

И правда, болтая с кораблем, я и не заметил, как приблизился берег. Деревья на нем, опустившись с природного уклона, через одно, макали толстые корни в бурлящую реку. В зарослях мелькнула лиса. Удивленная нашим видом (кто они такие?), она подошла к самой кромке. Улыбнувшись, Настурция помахала ей перчаткой, та же в ответ отрывисто потявкала. Девушки обменялись любезностями так сказать. Или то был лис? Хм.

Вскоре Ригель затормозил (филигранно плавно) и протянул трап на поросшую травой землю, на которую мы по очереди и сошли. Как только мы покинули палубу, «Звездоносный, Быстрокрылый, Сиятельный» сказочный корабль, наш перевозчик, замигал всей палитрой радуги. Беззвучно вспыхнув, на мгновение ослепив нас, он опал в воду той самой бутылочкой, которую я унес собой из Первородного Соблазна. Я взял ее и положил в сумку. Ее лямку я завязал узлом – еще «покачается» со мной старушка!

Водораздел, пролегающий между Гнилой и Рыжей, называется Крюк Святоши. Именно на нем, на шмате суши, вытянутом подобно груше, располагается Кристальное Одиночество. Озеро находится где-то посередине Крюка Святоши. Его площадь по приблизительным оценкам около семидесяти квадратных миль. Не хило, верно? Кристальное Одиночество – исключительно чистое. У озера есть интересная особенность (и Альфонсо, и книги в этом сходятся) – оно само по себе может сиять сиреневыми или синими огнями. Я не видел этого. Я не знаю, так ли это. Также возле Кристального Одиночества есть горы Ледянки с сетью глубоких пещер, образовавшихся еще на заре всех времен. Что в них таится? Какие секреты они хранят? Одной Вселенной известно. Кристальное Одиночество очень красиво, но мало кто отваживался отдыхать у его кромки. Как уверяет Альфонсо Дельторо, сидя у озера, ощущаешь какую-то тревожность и смятение. Так, как будто бы ты, нечистый, своим присутствием оскверняешь Заповедный Угол Мироздания. Это странно, но так уж, как говорит Альфонсо, ты там себя сознаешь.

Я всегда хотел посетить Кристальное Одиночество, и сегодня такой шанс мне выпал. Все потому, что лапа Дроторогора установила направление на юго-запад. Я понял, как и Дельторо с Грэкхольм, что мы попадем к озеру по истертым, как бы сплавленным порфировым линиям, встречающимся нам по пути. Они, эти знаки-индикаторы, если расширяются, значит, ведут к Кристальному Одиночеству, а если сужаются, то к Гнилой или Рыжей. Сейчас порфировые дороги становились только всё более объемными.

Умаявшись, мы заночевали под смоляными соснами. Воздух хмелил голову нотками черной смородины, хвои и чабреца. И то, и то, и то благоденствует в Крюке Святоши. Эх, жалко Снурфика нет рядом со мной, он бы точно оценил ягодки с того куста. Мне не хватает моего любимчика. Я скучаю по нему и часто вспоминаю его, так же как Эмилию и Грешема.

Прижимая к себе часто дышащую Лютерию и бережно возложив пальцы на Луковое Спокойствие под мантией, я погрузился в сон.

Утро – это новая дорога. Рука Дроторогора, по всей видимости, знала. Что чтобы добраться до Легии не обязательно пересекать Кристальное Одиночество, а надо лишь обогнуть его и плыть через Рыжую, дабы затем топать дальше. Но зачем облегчать жизнь ненавистным людишкам? Пусть шлепают строго напрямик! Хоть сквозь воду, хоть сквозь лаву – авось, погибнут.

Когда солнце вошло в зенит, перед нашей компанией во всем своем величии предстало Кристальное Одиночество. Если что и можно без зазрения совести воспеть чудом природы, так это сие озеро и его окрестности. На крутоярах, раскинувшись плеядой созвездий, цвела черная смородина, а внизу, у искристой галечной отмели, тянулись к небу пучки важного эфиромасличного растения – тимьяна обыкновенного (он же чабрец). Все здесь молвило о юности, отрешенности и незыблемости. Это место будто бы застыло во времени. Создавалось впечатление, что ты попал в предначальную эру. Что именно вот так, ничем и никем не тронутым выглядел мир тысячи и тысячи лет назад. Кое-где по Кристальному Одиночеству плавали

отдельные льдины. Мне это показалось занятным. По моим расчетам весна уже готовилась отдать бразды правления лету. А тут такое... Сразу на ум просится теория о том, что под Кристальным Одиночеством, в глубоких недрах, лежит нетающий глетчер. Он такой большой, и такой замерзший, что его хребет морозит озеро, которое потому и рождает подобные льдины. Хм, хм? М-да? Мне бы это исследовать! Хочу подтвердить свою теорию! Вот не умру и обязательно вернусь сюда! Непременно!

Мы спустились с возвышенности, после чего не сговариваясь, спешили. Я опустился на колено и зачерпнул ладонями влагу. Отерев шею и лицо, следующую «чарку» я отправил в рот. Студеная! С неуловимым привкусом каких-то лекарственных экстрактов! Полезные микроэлементы присутствуют? Вполне!

К моим ногам подплыл крупный карп. Он поводил малахольными глазами, пошамкал ртом, а потом подался восвояси.

– Жирненький какой ушел. Снурф бы этого не допустил, – заметил Альфонсо, жуя прихваченную веточку смородины.

– Желаете порыбачить? Твои перепачканные сизые пальцы сойдут за червяков.

– Наживка, что надо. И я с удовольствием пустил бы ее в ход, но в другой раз.

– Для Соединенного Королевства дорога каждая секунда, – кивнула Настурция.

Лютерия, между тем, натужно кашляя и пригибаясь к земле, щелкнула фермуаром на сумке. Лапа Дроторогора, словно негодующий опоссум, вылезла из нее сама. Она сжалась в кулак, покрутилась им, затем лениво ткнула пальцем на северо-восток.

– Туда... кхе.. Нам туда... кхе...

При помощи Альфонсо магистр Ордена Милосердия взобралась на Барона и затихла. Она таяла как свечка, однако на самочувствие не жаловалась. Более того, в короткие моменты просветления магистр Ордена Милосердия старалась нас приободрить улыбкой или словом. Она дарила нам последние крупички своей жизни, понимая, что уже никогда не покинет Великий Лес...

Я сузил глаза. На горизонте, почти сливаясь с выпренными облаками, виднелись белые треугольники:

– Там вздымаются пики скал.

– Горы Ледянки. Покрытые не только снегом, но и тайной, это их вечно стынувшие вершины. В Ледянках есть дыры, уводящие в самые недоступные земные недра, – подтвердил Дельторо.

– Так как нам надо через них, а Кристальное Одиночество придется огибать не один день, предлагаю срезать напрямик и вновь воспользоваться Ригелем, – сказала Настурция.

– Поддерживаю, – промолвил я, вынимая бутылочку.

Бульк! Над озером будто бы взорвали салют! Появление Ригеля я счел несколько помпезным.

– Калерб! Я снова нужен! – благодарно пропел корабль. – Куда мчим? В Камелот? Калимпорт? Или в Ултар, что за рекой Скай? Хоть они все из иных Вселенных, я найду к ним путь!

– Нет, нет! Давай другие Вселенные оставим на потом. Тебя не затруднит закинуть нас к Ледянкам?

– Пф! О чем речь?! Все на борт!

Таким образом, мы второй раз за три дня воспользовались великодушием Ригеля. Станет ли он, этот в высшей мере загадочный корабль, мне другом? Я бы хотел. Болтая с Ригелем о том, о сем, я

проникался к нему доверием и уважением. Чудо–Корабль, сейчас развивший скорость в уйму «морских узлов», ценил поддержку, взаимовыручку и отвагу. Как одухотворенная вещь, он был уникален уже потому, что обладал многими качествами «настоящего человека». С любопытством рассматривая снежные глыбы, дрейфующие по Кристальному Одиночеству (корабль оплывал их с математической точностью), я кумекал над тем, а не мог ли Ригель раньше быть кем–то другим? Не судном, а скажем, хм, таким, как я. Может так быть, что Создатель, которого Ригель боготворит, внедрил в свою «поделку» уже существующее сознание? Ставлю три куска малинового пирога к десяти конфетам, что он так и поступил. Просто вынул «его» (такое умеют, к примеру, Фосгейн и Тихий Наблюдатель) из «умирающего» (в лучшем случае) и поместил в «приготовленную заготовку». Но вот... Кто, кроме Вселенной, способен именно дать разум? Урах? Назбраэль? Рифф? Другие Вседержители? Я не знаю границ Их могущества. Однако выбрасывать Вседержителей из игры тоже неправильно. В последнее время я не делаю скоропалительных выводов – все возможно в нашем мире.

– Лютерия умирает, – нехотя обронила Настурция, облачаясь на перила рядом со мной.

Она говорила правду. Мы отнесли магистра в трюм Ригеля. Силы иссякали в ней. Они переходили в руку Дроторогора. Каждый из нас понимал это. Но сделать ничего не мог. Альфонсо вызвался посидеть с Лютерией, пока мы не бросим якорь у Ледянок.

– Как думаешь, сколько она еще протянет? – надтреснуто спросил я, сбрасывая капюшон и взлохмачивая волосы.

Устремляя на меня глаза–изумруды, Настурция вздохнула:

– Меньше, чем необходимо...

– И ты...

– Да. Кто из нас возьмет после нее обрубок Дроторогора?

– Я.

– Тебе нельзя, – покачала головой колдунья Ильварета. – Я чувствую, да и Альфонсо наверняка тоже, что только ты сможешь отыскать Филириниль. Без тебя этого не случится. Так угодно Вселенной. Тобой запрещено рисковать.

– Я такой же, как вы!... – запальчиво начал я, но меня прервал Ригель.

–Настурция, Калед! Бегите вниз! Ваш друг Альфонсо напал на Лютерию!

– Рука Дроторогора! – вместе выпалили мы с колдуньей.

Опрометью, прямо в три прыжка, я и Настурция оказались в каюте магистра Ордена Милосердия. Альфонсо, здоровенный и могучий, с перекошенным от ярости и помутнения лицом, с пеной у рта, навалился на Лютерию, давя ей, как недавно до него лапа Дроторогора, на шею.

– Игнис! – магией «голоса», прогремела Настурция.

С уст колдуньи Ильварета сорвалось Пламя. Тонкой струей оно полоснуло Альфонсо по уху. Тот даже дернулся.

– Не действует! – охнула Настурция. – Боль больше не снимает с нас безумного наваждения Дроторогора!

– Плохо! – скрепя зубами, отозвался я.

Я вцепился в запястья следопыта, пытаюсь их отодрать от Лютерии. Впустую. Дельторо всегда был сильнее меня. Даже объединившись с Настурцией, я не мог разжать медвежью хватку Альфонсо. Ну все, это конец... Лютерию сотрясали мелкие конвульсии.

– Альфонсо, опомнись! Это наша подруга! Это Лютерия! – ревел я.

– У Хрипыхора нет друзей! Я убью ее! Убью! – орал Дельторо в ответ. – И ее! И тебя! И всех вас! Огонь пожрет ваши души! Мне же достанутся ваши потроха!

– Дельторо, молю, перестань! – плача взывала Настурция. – Тобой руководит Дроторогор! Это не ты!

– Я? Мной? Бестолочь! А тобой кто? Плевать! Я ненавижу тебя! И ее! И тебя! И его!

Альфонсо двинул локтем мне в скулу.

– Отхвати–ка «финиш», чучело!

Крап, крап, крап – красные капли заморосили на пол – это я отлетел в угол. Резко развернувшись, Альфонсо приложил кулак к носу Настурции.

– И ты принимай, малявка затрапезная!

Колдунья резко упала на древесный шпон. Удар у Дельторо послабее, чем был у Дурнбада, но вырубить – вырубит почти любого.

– Хватит драк и бранных реплик! – вдруг прогрехотал голос Ригеля. – Я не потерплю от тебя, Дроторогор, такого отношения ко мне!

Сумка, в которой находилась рука Бога–Идола, задымилась. Так воняет горелое мясо. Альфонсо закричал и повалился подле Настурции.

– Что я наделал?! Что наделал?!

Кое–как поднявшись, не обращая внимания на стенания друга, я приблизился к Лютерии. Уже дважды Урах не дал ей воспарить в Мир Света... Ее пульс слабо прощупывался... Если бы не эти кровавые подтеки на кадыке, то могло бы показаться, что она крепко спит...

– Пронесло, – прошепелявил я, сплевывая кровавый сгусток.

– Она?...

– Придет в себя. Надеюсь...

Мы перетащили оглушенную Настурцию на кровать к Лютерии. Пока я прикладывал компресс к раздутому носу колдуньи (по–моему, следопыт его сломал), Альфонсо занимался Лютерией. Проведя незамысловатые лечебные процедуры, мы поднялись на палубу Ригеля. Близилась ночь. Морозный ветер Кристального Одиночества, несмотря на конец весны, крепил наши щеки румянцем.

– Выпить бы, – проворчал Альфонсо.

– Но не надраться?

– Раскрывай свою Скатерть ...

– Калерб, себя не утруждай! Все уже на подходе! – оповестил Ригель.

– Спасибо! – благодарно крикнул я. – Скажи...

– Нет! Те мысли, что ты обозначил, как «только для себя», я не трогаю. В них не заглядываю.

– Благородно.

– Я организовал вам столик у кормы. Под навесом. Вы можете любоваться на проступающие звезды, греться в пледах и прогреваться горячим красным.

– Ригель, ты накидываешь очки в свою пользу с поразительной скоростью! – очаровался Альфонсо, направляясь вместе со мной на корму корабля. – Только предупреди, если внизу что-то опять случится, ладно?

– Конечно! – прозвенел голос с фок-мачты.

Меня и Альфонсо ожидало очень уютное «гнездышко». Два стула, прижатые спинками к деревянной стене, парусина, растянутая над импровизированным потолком, круглая стойка с двумя штофами «зеленого змея» и закуска к ним – яблоки, сыр и оливки. Умопившись на стулья, мы придались лицезрению мелькающего в сумерках пейзажа Кристального Одиночества. Ригель пообещал предупредить нас, если Настурция захочет «поквитаться» с Лютерией, поэтому мы впервые за несколько недель позволили себе по-настоящему расслабиться.

Закинув ногу на ногу, я с квадратным бокалом в руках, так и просидел до самой зари. Вроде бы и засыпал, а может статься, что и нет. Когда я полностью сбросил себя сонный морок, Альфонсо рядом не было. Я потянулся, пожевал дольку яблока и пошел проведать, как там мои подруги. Лютерии явно полегчало. Как и Настурция, она пришла в себя, но, увы, едва могла двигаться. От еды магистр отказалась. Она сказала, что больше не сможет есть, потому что лапа Дроторогора выжгла ее внутренности...

Часам к шестнадцати на Кристальном Одиночестве разразилась непогода. Что-то подобное я видел, когда поднимался к Эмириус Клайн на Пик Смерти. Озеро забурлило, исторгая из себя не воду, но снежные вихри. Они атаковали Ригель, заставляя его сменить изначальный курс. То, что ураган был волшебным (и вероятно убийственным), из нас никто не сомневался. Вот только кто и зачем его наслал? Я, Настурция и Альфонсо, согласовав энергетические линии в общий Луч-контрзаклятие, попытались разрушить выставленный перед нами барьер. В итоге мы только «перегорели» и сникли. Трое против одного (или скольких?). Абсолютно никакого успеха.

К вечеру Ригель прибил к берегу подле Ледянок. Поток стылого воздуха и песчинок льда тесал бока корабля, обнаруживая при этом небольшой просвет—дорогу, уводящую к Ледянкам. Мы стали совещаться. Остаться на Ригеле, чтобы переждать это мракобесие (вдруг у него есть предел?) или пойти туда напрямик? Этот коридор без замораживающего хлада будто сделали для нас специально... Приведет ли он к врагу? Зная свою удачу, понимали: только к нему он нас и доставит. В наши обсуждения «за» и «против» вступил Ригель:

— Метель не утихнет, ни сегодня, ни завтра, — заявил корабль. — Страшная мощь, посылающая ее, желает, чтобы вы ее обнаружили. Пока вы не встретитесь с ней — зимний шторм не уймется. И предупреждаю! Не суйтесь в него! Превратитесь в глыбу льда!

— Утешил, — буркнула Настурция, призывая Клюкву.

— Выход, получается, только один, — сказал я.

— Мне не по нутру, когда в гости зовут настойчиво, — промолвил Альфонсо. — Меня это нервирует.

— Плюсую еще, что сырниками нас кормить там не будут, — дополнил я.

— Хватит мямлить! Мужчины вы или нет? — насупилась Настурция. — Ригель, трап на землю! Мы идем!

— Слушаюсь, миледи! — отозвался корабль.

Когда зимняя стужа резко подменяет собой естественный «припек» весны — это более чем диковинно. А если сюда еще присовокупить, что холод взял нас в непроглядные туманные рамки, шуршащие вьюгой, так это вдвойне ненормально и таинственно. Боясь, что наши кони ненароком зацепятся за пульсирующие края «белого колдовства», мы взяли их под уздцы. Впереди над нами нависали Ледянки. Днем отливающие солнечным блеском, а ночью

вбирающие в себя свет луны, они никогда не тают. Ни летом, ни весной, никогда. Пробираясь к Ледянкам, до которых было уже рукой подать, я стискивал Лик Эбенового Ужаса. Невольные сойти с положенного нам пути, мы словно бы под прицелом двигались к лобной точке. Мое сердце трепетало. Оно догадывалось, что мой магический потенциал – это ничто по сравнению с тем, что ныне вызывает к нам из Ледянок. Что мне не удастся защитить ни себя, ни друзей. Эти откровения повергали меня в уныние.

Все, кроме Альфонсо мерзли. А его защищал превосходный доспех. Моя кожа покрылась пупырышками озноба и приобрела синюшный оттенок. Где-то у подножия Ледянок меня прошиб еще и приступ, отряженный Привратником. Отметка Арбитра дьявольским толчком выбила меня из равновесия и заставила согнуться. В секунду меня обуяла агония, уничтожающая душу и угнетающая рассудок. Я ослеп и заскулил. Раскалёнными клиньями–словами «Корона Света», Привратник напоминал о возложенной на меня миссии. Я визжал и обещал Ему выполнить все и даже больше! Терпеть муку было невозможно. Меня словно опустили в кипящую кастрюлю. Однако все проходит когда-нибудь, верно? Так и Привратник отпустил меня, обронив на прощанье, что в следующий раз, то, что сегодня я пережил, покажется мне цветочками. После истязаний Арбитра меня стошнило. Едва волоча ноги и вытирая сопли, я, опираясь на Альфонсо, кое-как доковылял до громадного входа в пещеру. Что же, похоже, пришли.

Когда мы оказались внутри, все вокруг озарилось голубоватым светом – что-то наподобие эфирных лампадок мерцало в разных углах пещеры. Нас ждали. С оружием наготове наша компания стала спускаться вниз бесконечной каверны. Простор, широкий и с неизменным уклоном вглубь, был как бы обтесан. Он не имел сколов или острых углов. Температура стремилась к минусовой отметке. Уже давно из наших ртов вырывался только пар. Лошади жалобно ржали.

Эгей! У тебя было мало радостей в последнее время, да, Калёб? Желаешь развеяться? Повеселиться и оторваться по полной? Бинго! Очередное приключение! Вот оно! Держи и спасибо не говори! Это бесплатно! Так заботятся обо мне Высшие Силы? Видимо, Они

думают, что мне нравятся неприятности. При встрече надо Их как-то разубедить.

Продвигаясь по рукотворному туннелю, я неожиданно увидел «То», что увидеть собирался в последнюю очередь. Однако на раздумья о том, что такое это «То», которое несомненно было «Тем Самым», секундочек у меня не осталось. Я, а вместе со мной и Настурция с Альфонсо, занялся борьбой с самим собой. Если зимний шторм на Кристальном Одиночестве навевал мне воспоминания о Пике Смерти и его владычице Эмириус Клайн, как я уже недавно упоминал, то та заостренность, что сейчас поразила все мои члены, отображала собою волшебство-близнеца Тауруса Красного Палача. Тогда я так же «дубел». С одним отличием: ноги мои ныне продолжали идти. Когда они все-таки встали, как вкопанные, произошло следующее: Во-первых, Лик Эбенового Ужаса, Альдбриг, Клюква, Резец и Щавель вырвались из наших рук, и опали одной грудой между нами. Во-вторых Лютерия Айс и ее конь Барон подошли к груди... К чьей груди? Дракона. До сего момента, я имел честь лицезреть только одного дракона – Фарганорфа – гальванизированного костяного лица, колоссально-огромного трансцендентного чудовища. Фарганорф, младший брат Фисцитрона Венценосного, Старейший Вирм Севера и Искривитель Реальности внушал страх и трепет лишь одним своим видом – древним, грубым и катастрофически могучим.

А этот дракон... От него веяло чем-то другим. Всемогуществом тоже, да, но не лихом. Он был старым-престарым. Это я сразу смекнул. Древним, как сам Мир. Вероятнее всего, он происходил из того же выводка, что и Фарганорф, Фисцитрон, Кунглонд и Ольфирндбаль. По цвету дракон был неоднороден. Оттенки его чешуи варьировались от синего до бледно-голубого и белого. Такое разнообразие тонов я склонен был счесть за седину. Вполне, что раньше, хм, так скажем, где-то три или четыре тысячи лет назад, вирм был полностью синий. Потерял пигмент, бедняга. Впрочем, броня у дракона своей стати не лишилась. Щиты-пластины, подогнанные одна к одной, не обнаруживали в своих стыках ни трещин, ни каких-то иных, малых или уж тем более больших просветов. Одежка-комбинезон, застегнутая на все пуговицы! У-у-у-у! А Когти? Когти – это

отдельное дело! У дракона их было, как и полагается, по пять на каждой морщинистой лапе. Изогнутые, толстые, способные проломить крышу замковой башни, острые и хваткие, но вместе с тем ловкие и практичные, они, как опаловые клинки и, нутром чую, что красота их смертоносна.

Так как дракон был повернут ко мне в пол-оборота, я прекрасно рассмотрел его спину. Целиком состоящая из мускулов, она, с внушительным шипом на каждом позвонке, крепила к себе два кожистых крыла. Я бы сравнил их с парусами. Серые и жилистые, с сетями вен, сейчас они были сложены гармошкой, но случись им расправиться, без всякого сомнения, они бы накрыли базарную площадь среднего размера. Хвост! Он, как и у кошек, здесь являлся продолжением позвоночника. В длине не уступающий дереву из Леса Скорби или Великого Леса, он фут от фута сужался и оканчивался набалдашником-пикой, заточенным, как секира у гнома. Ну, и к главному! К голове на вытянутой шее! Морда дракона – это нечто! Если у Фарганорфа она была без всякого выражения и мимики (голый череп с красными глазницами-фонарями), то здесь все обстояло иначе. Суженные веки, а под ними малиновые глаза, впалые щеки, припрятанные под губы зубы-мачты – все же они еще как вылезали за пределы челюсти, и это было жутко, оттопыренные уши с кисточками, выпирающие надбровные дуги, клиновидный раздвоенный подбородок – как-то оно так. Не знаю, как Альфонсо и Настурция, а я все эти примечательности морды списал на плохое настроение дракона. Мне почему-то казалось, что у его физиономии в запасе есть и более миролюбивые выражения. Из прорезей носа вирма курился сизый дымок. Мой мозг накидал зарисовку о драконе за «тройку морганий». За них дракон успел внимательно осмотреть нас, глубоко вдохнуть и выдохнуть. Из его пасти выплеснулся пожар индигового пламени. Оно поглотило Лютерию, обратив ее и Барона в прозрачный куб льда – такая статуя, вытесанная скульптором. Дракон аккуратно подцепил лапой свое «произведение искусства», передвинул влево, а потом, устало положив голову перед собой, уставился на нас троих.

– Угумлунд, – рыкнул дракон слово-заклинание.

Чары, сдерживающие меня в раболепном оцепенении, тут же спали. Будь я поглупее, то нагнулся бы сразу к лежащему у сапог Лику Эбенового Ужаса. С ним можно было бы попытаться отомстить за Лютерию! Но я, как и Альфонсо с Настурцией, глупым не был, поэтому так не сделал. Дракон мог легко заморозить нас всех, однако не стал. Логично предположить, что он не боялся наших гневных потуг – какой вред ему могут нанести мушки? Да что там о нас? Тут и целая армия рыцарей–плютеранцев погоды бы не сделала! Так, дунуть–приморозить, растереть–прихлопнуть! Дракон прекрасно понимал, что мы собою представляем и какие риски несем. Никаких! Малиновые глаза, бесконечно мудрые и всеведущие, поведали вирму все о наших возможностях и потенциале.

– Люди, – прогрохотал дракон на безукоризненном языке Соединенного Королевства. – Вы несете с собой десницу Дроторогора! Бога–Идола, которого мой род проклял еще на заре своего существования! Зачем она вам, исчадие Зла?

Глотая тугой комок в горле, я отважился ответить:

– О, великий дракон! Лапа указывает нам путь к тому, кто отсек ее от своего хозяина – Дроторогора. Мы хотим разыскать принца эльфов Легию, чтобы заручиться его мечом – Филиринилем. Бог–Идол вновь вернулся в наш мир, и только Филириниль способен изгнать Дроторогора обратно за Грань Вселенной.

Вирм сузил свои удивительные малиновые глаза. Они мигнули затаенным огнем и вновь потухли углями.

– Я вижу, что ты не врешь мне, маленький человек. Это хорошо, потому что иначе я бы уничтожила тебя. Ваше желание мне нравится. Оно достойно того, чтобы я и дальше вела с вами речь. Я, Лоргварзабараз, знаю о возвышении Хрипохора. Но приход Дроторогора и Богов–Идолов сейчас заботит меня меньше, чем личная проблема. И я повелеваю вам ее решить...

Лоргварзабараз разразилась пламенным кашлем. Да таким сильным, что с потолка посыпались сталактиты и вечная наледь. Один из них едва не пропорол мне бедро, а другой чуть не проткнул всклокоченную макушку Настурции.

– Ты отправляешь нас на задание? – спросил Альфонсо.

Хоть и вида не подал, но он, как всегда, разволновался. Дельторо, тут уж точно есть, из-за чего нервничать! Не на пустом месте ты мнешь сейчас свои кулаки! Я сам струсил и трясусь, как осиновый лист! Одна Настурция не проявляла признаков страха. Может, она сегодня ослепла? Сразу на оба глаза! Или выпила винца украдкой? Здесь дракон! Дра-кон!

– Да! – прошумела Лоргварзабараз, чуть поворачивая к Дельторо свою точеную морду. – У меня похитили яйцо!

Яйцо – пронеслось у меня в голове. Вот тебе и на! Драконы – это легенды из Эры Предтеч, из того панегирически-героического времени, когда Боги и Полубоги встречались почти на каждом шагу! Они – мифы литературы, эпос-песни и красивые истории у камина в зимние вечера. Драконы – первенствующие в борьбе с монстрами Хрипыхора канули в лету отзвуками фантазий и художественных толкований. А тут... Живой вирм! И у него стянули яйцо! И говорить надо о том, что из этого яйца может проклюнуться маленький, но самый настоящий новый дракон! Поразительно! Нет, не поразительно! Это «умереть не встать»! Дракон вырастет, взлетит в небеса и... захочет удовлетворить свое любопытство – что же скрывается там, за тем бугорком, за Кристальным Одиночеством и за Великим Лесом? К чему это приведет? К добру или к худу? Я ничего не знаю о драконах и поэтому «гадаю на кофейной гуще».

– Кто же посмел?! – ахнул я, совершенно серьезно удивляясь тому, что кто-то не побоялся воровать у дракона.

– Вот именно! Посмели! – взревела Лоргварзабараз, оголяя меловые клыки и плюясь каплями ультрамаринового пламени. –

Цирвады из Шамсундоля! Век от века я защищала их от буревестников (Лоргварзабараз упомянула живорезов тем именем, которым их величал Канахес Илька), а они за это приносили мне дары в виде мяса и золота. Но недавно цирвады явились ко мне не за тем, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Под возом с телятиной и свининой они прятали волшебный алмаз–звезду Брошу–Ха – артефакт невообразимой силы Бога–Идола Ливана, созданный только для того, чтобы бороться против нас, драконов! Где лилипуты–предатели его достали и чем за него заплатили – для меня загадка. В руках Ливана Брошу–Ха не раз убивал моих соплеменников. Маги цирвадов – это пыль по сравнению с Ливаном, но они как–то сумели настроиться на Брошу–Ха. Поэтому, когда я увидела звезду–алмаз, я подверглась ее отвратительному влиянию. Я сразилась с Брошу–Ха и уничтожила ее, но артефакт все–таки тоже подействовал на меня. Я погрузилась в губительный и болезненный сон. Времени у цирвадов было в обрез. Я могла проснуться в любую минуту, поэтому они, опасаясь моей ярости, вскрыли хранилище лишь одного яйца, оставив другое нетронутым. До сих пор я ощущаю запах цирвадов. Он тянется к Шамсундолю, к их городу–пещере в горе...

Лоргварзабараз запнулась. Зажмурила глаза, а потом с усилием продолжила:

– Раньше я бы лично сожрала каждого цирвада из Шамсундоля, но энергия Брошу–Ха, влившаяся в мое тело, отравила меня! Я очень ослабла. Есть и иная причина, почему я не могу покинуть логово и отплатить Шамсундолю сполна. Она такова, что срок для моего второго ребенка вот–вот настанет! Я чувствую, как малыш уже скребется по скорлупе, и поэтому не могу его бросить! Все мои силы отданы на согревание яйца.

Дракон высунула сухой язык, облизала им губы, затем договорила:

– Идите в Шамсундоль, вырвете для меня то, что мое по праву и тогда я вознагражу вас как королей!

– Лютерия должна остаться невредимой! – произнесла Настурция, безбоязненно поднимая голову вверх.

Худенькая и хрупкая, она принимала дракона за равного себе. Откуда в колдунье столько отваги?! Есть мужчины, за которыми как за каменной стеной, а есть женщины такие, как Настурция и Эмилия – за их осиными талиями чувствуешь себя, как у Ураха за пазухой.

– Самка–человек и Дроторогор – гаранты вашего возвращения.

Дракон исподлобья поглядела на колдунью Ильварета, затем более мягко (утробно) добавила:

– Ваша Лютерия стоит одной ногой в могиле. Мой кристалл–заклятие сохранит утекающие из нее крупички жизни. Когда у меня будет яйцо, обещаю, я сниму свою магию, и вы сможете продолжить путь дальше, к Тумиль’Инламэ.

– Там захоронен Легия? – задал вопрос я.

Лоргварзабараз прищелкнула хвостом.

– Там спят все короли и королевые эльфов. Там угнездились крошечные Зло. Там вы узрите Филириниль.

– Но прежде всего, где нам отыскать дорогу к Шамсундолю? – спросил Альфонсо.

– Он к северу от моей пещеры, за сопками, что вы кличете Ледянками, – пророкотала Лоргварзабараз. – Поторопитесь, маленькие люди, я очень хочу увидеть свое яйцо и дать ему надлежащую защиту.

Я переглянулся с друзьями.

– Мы идем немедленно, – сказал я.

Дракон не ответила мне. Она, подобрав под себя лапы, зажмурилась и уперла морду между ними. Мне стало жаль ее, но еще больше я горевал о нас. Опять вляпались.

Глава 30. Пусть встрепетает знамя войны

В напряженном молчании мы покинули «дом» Лоргварзабараз. Она смирила свой ледяной шторм, и лишь сугробы напоминали мне о том, на что способен ослабевший дракон хлада! Слова из нас полились только тогда, когда наша тройка отъехала от Ледянок на пару миль. Перебивая друг друга, мы обсуждали все сразу: вирма из Кристального Одиночества, скинутое на нас задание, плен Лютерии, цирвадов и их Шамсундоль. Несмотря на наше незавидное положение, я почему-то обнаружил в себе родничок оптимизма. Связано ли это с тем, что так мой организм реагирует на фразу «Да когда же все эти выверты судьбы закончатся?» или то сказывается научный интерес, пробудившийся при виде дракона – ответить не решусь. Такое событие, как разговор с вирмом – само по себе достойно того, чтобы написать о нем какой-нибудь трактат. Что же тут говорить о том, что, возможно, в нашем мире вот-вот появится еще один или даже два отпрыска этих, всеми почитаемых за вымысел, гигантских ящеров.

Следопыт, колдунья и я, мы, гарцуя на лошадях, сложили все имеющиеся у нас знания о драконах и их детенышах. Самый большой вклад в мою копилку внесла Настурция. Вот то, что я еще не слышал. Факты, достоверные или выдуманные, пришли к нам из бесед магов с живорезами-жрецами. Из фольклора, передающегося из уст в уста. В эры, которые находятся за рубежом человеческого знания, драконы рождали потомство. Живорезы помнят, что драконы размножаются крайне медленно. Все дело в процессе формирования зародыша в яйце. Само яйцо самка дракона, к примеру, могла снести осенью тысячного года, а вот «белок» и «желток» становились бы в нем эмбрионом только к лету тысяча трехсотого года. Какие механизмы должны быть задействованы для того, чтобы дракончик вылупиться пораньше? Вирмы и сами искали ответ на этот вопрос. Известно, что некоторые «огненные ящерицы» делали свои кладки подле жерла вулканов. Так в Присыпках – в руднике на Горах Заботы, возле Вугу,

были обнаружены почерневшие останки драконовых яиц. Обтянутые затвердевшей лавой, они, впрочем, не выглядели поврежденными. Даже наоборот: вызванный для их осмотра из Магика Элептерум чародей сделал вывод о том, что все вирмы успешно покинули свое пламенное гнездо. Склоняюсь к мысли о том, что огонь не только не нанес вред яйцам, но напротив, принес пользу! Под покровом жгучей красноватой тьмы, в объятиях нестерпимого зноя, под прикрытием водопадов магмы, яйца–рубины впитывали жизненные соки земли – ее раскалённую кровь. Первородная энергия Ядра–Центра укрепляла и приумножала силу будущих, еще не появившихся на свет, драконов огненной стихии.

Лоргварзабараз – вирм хлада – это точно. То, что она сказала «все мои силы отданы на согревание яйца» – по сути, может означать совсем иное. А именно то, что Лоргварзабараз окутывает свое «хранилище» морозом и стужей. Я четко видел, что в яме, в которой сидела дракон, есть многочисленные трещины, уводящие в глубины Ледянок. Я уверен, что сама Лоргварзабараз не высиживает яйцо, но прячет его в инкубаторе, в недоступных недрах одной из расщелин. Там, в снегу и иное, промеж сосуллек и ледяных блоков и таится самое главное сокровище дракона – ее ребенок. Лоргварзабараз, подпавшая под подлый удар Брошу–Ха, алмаза–звезды Ливана, знает, что ей потребуется много времени, чтобы выздороветь. И ее рвение как матери во что бы то ни стало получить второе яйцо обратно – понятно каждому. Наша компания для дракона – удачная возможность реализовать свое желание уже сейчас. Думаю, что как только дракон получит яйцо обратно – сразу поместит его под самые корневища Ледянок – туда, где яйцо уж точно не достанут ни цирвады, ни живорезы, ни кто–либо другой. В случае новой опасности (Какой?! Она же вирм! Она же сама «опасность»!) Лоргварзабараз обрушит своды пещеры, погребя яйца под камнем и извечным фирном. Малышам заточение было бы не страшно. Так или эдак, они непременно бы выбрались на свободу. Потому что они – драконы!

Но пустим рассуждения по смежному руслу. Зачем цирвадам, всегда жившим с Лоргварзабараз в дружбе, надо было так бесчестно и цинично с ней поступать? Так как мы еще довольно далеко от

Шамсундоля, я порассуждаю. Есть интересное поверье, гласящее следующее: «Кто перед очами дракона будет первым, того он признает за родителя своего. Он полюбит «его» или «ее» и будет навсегда предан «ему» или «ей». Что-то из разряда мистики? С чего бы таким рассудительным и здравомыслящим чудовищам, как драконы, вести себя так сентиментально к тому, кто окажется ближе всего к их «люльке»? Где доказательства того, что так было? Ну что же, есть некое свидетельство. Нет, его не нужно искать в истертых фолиантах затворников-колдунов или в закрытых библиотеках Минтаса. Мы все его знаем. Ведь та шутильная песенка «О добром драконе» и есть зерно данной аксиомы. В «Добром драконе» поется о вирме Арагардусе, которого нашел гном Бадун-Налегай-Копай. Однажды Бадун-Налегай-Копай по обыкновению тесал киркой породу, как – бах! – разбил что-то круглое базальтовое. Из полой дыры и выглянул дракон. Он опалил бороду Бадун-Налегай-Копай и гаркнул: «папа!». На что испуганный и сбитый с толку гном заикаясь возопил: «Аргх! Град! Под-мог-ите! Дус! По-мо-ги-те! По-мо-ги-те!», а тот ему: «Арагадус? Так ты меня нарекаешь? Спасибо за имя, отец!» Так и завязалась та странная дружба. В веселых куплетах Арагардус и Бадун-Налегай-Копай облетели десятки стран и прожили насыщенную, благородную жизнь. Может показаться, что песня о «Добром драконе» и другие предания имеют общую закваску случайно. Я отрицаю это на основании рассказов Дурнбада о войне за квазальд Каменного и Воздушного Королевств. Популярная песня, прошагавшая по миру от Железных Гор до Империи Хло, это переименованное стихотворение загадочной скрижали, вынесенной предками Дурнбада из храмовых развалин Воздушного Королевства. В изначальном переводе повествуется не гноме, а о нирфе. Что более правдоподобно, потому как при гномах драконы уже не водились (Лоргварзабараз, прошу прощения).

И так вот. Мог ли царь Шамсундоля замыслить привязать к себе вирма? Отвечу сам себе на вопрос – да, еще как, да. Для чего? Все просто. Чтобы воспитать его послушным, роковым и деструктивным орудием, которое по ленивому мановению пальца сожжет целый город или проглотит вражеское войско. В защиту царя Шамсундоля, не умаляя, тем не менее, порочность его поступка, скажу – абсолютно любой правитель, заботящийся о своей державе, не отказался бы от

такого союзника, как дракон. Прознав о том, что у Лоргварзабараз вот–вот будет приплод, цирвад–царь, вооружив подданных уникальным предметом Хрипохора, решил обзавестись новым опасным питомцем и таким образом накидать своему Шамсундолю очков влияния. Кто посмеет теперь выступить против народа, у которого есть ручной дракон? Я уверен, что кандидатов наберется по минимуму.

Какую же еще причину можно прикрутить к преступлению цирвадов? Подойдет почти любая. Перечислю, так, навскидку, что в голову лезет. В притчах во языцех, кровь дракона, как и кровь эльфа, обладает неким букетом удивительных трансмутационных свойств. По преданию, сварив из нее отвар, получишь силу огра, зрение сокола, быстроту гепарда, красоту дриады и ум Фосгейна. Так же вирм может быть необходим цирвадам для проведения какого–нибудь очень древнего ритуала, такого, допустим, как вызов «Бронзового Бога».

Третий, напрашивающийся сам по себе домысел – это гордыня царя Шамсундоля. Это «а вот я могу». Я – царь, могу вот взять и доказать всем цирвадам, живорезам, да и кому угодно, что дракон мне в подметки не годится. Сидела она там эта Лоргварзабараз, сидела, всем внушала трепет, а я – бац, и не только прижучил ее, так еще и яйцо вытянул! Потому что я – герой, а вы все абы кто! Славьте меня во веки вечные!

Настурция в большинстве своем с моими догадками согласилась, Альфонсо же не спешил этого делать. По его убеждению, цирвады хоть и не без греха за душой – Великий Лес на всех клеймо испорченности ставит, однако, на подобную низость по отношению к Лоргварзабараз от «фиолетового фонаря» не пошли бы. «Что–то там у них произошло такое, из ряда вон выходящее», – рассуждал Дельторо. После этого высказывания следопыт провел нам с Настурцией маленький ликбез о цирвадах, как таковых.

В Великом Лесу племена цирвадов абы где не сыщешь. Они встречаю редко, в основном в местах, почти полностью избавленных от доуки живорезов. Таких уголков немного, да, но они все же есть. Самое знаменитое поселение – Шазбармах с населением в тридцать

тысяч цирвадов, расположено под покровом Кауч–Артума, водопада, низвергающегося с высоченной горы–одиночки, Замгламзави.

О внешности и иных нюансах. Цирвады выглядят занятно. Я бы назвал их троюродными братьями гномов, их побочной ветвью эволюции. Они низкие, смуглые, едва ли не чернявые, коренастые, без бород, но с бугорками–рогами, растущими прямо посередине лба. Носы цирвадов походят на бурые картофелины, а губы черные, словно бы измазанные сажей. Глаза у цирвадов оранжевые, при необходимости они способны видеть в инфракрасном спектре. Это значит, что ночью, если ты «теплый», будешь им заметен. Преимущество! На руках у цирвадов по четыре пальца. В редких случаях бывает и пять, но это аномалия, которую соплеменники чураются и боятся. А вот белокожесть и особенно альбинизм цирвады нарекли поцелуем Неба–Араксы. Тех, кто имеет светлую кожу и голубые зрачки – почитают за святых духов в тленном облиии. Особенно это касается тех, кто не обделен высоким ростом. Так, как цирвады никогда не покидали Великий Лес и о Соединенном Королевстве либо не знают, либо почти ничего не знают, то их редкие встречи с людьми – целое событие! Моих «бледных» соотечественников принимают за сынов и дочерей богини Неба–Араксы – супруги Медного Бога, именуемой Госпожой. Серэнити, к слову, сошла бы за саму Неба–Араксу. Из–за этого немаловажного фактора мы, стегающие коней в Шамсундоль, уже заочно как бы добились уважения и даже пиетета цирвадов.

Социальный строй цирвадов без всяких изюминок. На верхушке лестницы любого племени сидит царь, под ним духовенство, потом – дружина царя и «знатные», затем все остальные. Цирвады доживают до сорока–сорока пяти лет, что по меркам Великого Леса не так уж и мало. Эти гуманоиды презирают Хрипотор и открыто выражают к нему свое презрение. Их вера зиждиться на восхвалении двух демиургов – алебастровой, тонкой и изящной Неба–Араксы – покровительницы Звездного Купола и Солнца и ее мужа – Медного Бога – метафизического гиганта–колосса, который в Судный День заберет цирвадов под землю.

Но почему же все-таки обитатели Шамсундоля, Шазбармаха и Ютри, не жалуют Хрипохор? Все потому, что божественные супруги – Неба–Аракса и Медный Бог, по рождению Стихии, не стали Богами–Идолами! Их оскорбили и унизили! Как? Об этом через три секунды! Вследствие непримиримости культов цирвадов и живорезов, первым приходится постоянно вести войны, что, в принципе, их не расстраивает – трофей есть трофей, а тролль на вкус почти не отличается от той же кабанины. Единственные к кому цирвады относятся особенно – это оморы. Вот их цирвады готовы убивать всегда и везде. Оморы тоже в этом не отстают. Чем больше рожек болтается у оморы на шеи, тем он более достоуважен в своем окружении. Почему между оморы и цирвадами такая неприязнь? Пришло время для «трех секундочек»! Все из-за Медного Бога и Кхароторона. Среди знатоков, посвященных в шаманизм Хрипохора, установлено правило, гласящее, что кхатры – бестии–псины с алыми языками и огненным дыханием, выведены Кхаротороном, но по убеждениям цирвадов все было не так. Что никто кхатров не создавал. Что Медный Бог, блуждая по огненным туннелям в чреве земли, наткнулся на щенков кхатров. Они так понравились Стихии–Богу, что тот взял их с собой наверх. А что же Кхароторон? Когда Медный Бог спал, он похитил кхатров, в тайне приручил их и показал Дроторогору. Тогда Властелин Богов–Идолов присоединил Кхароторона к Хрипохору, а Медного Бога, доказывающего, что кхатры – его, осмеял и закинул в глубокую котловину, как раз-таки под Замгламзави. Там, потехи ради, Дроторогор приковал Медного Бога к стене, обозвав его самым убогим и недостойным выкидышем Отцов и Матерей Стихий. Вроде так.

Марви, Тимфи и Гонория покорно несли нас на своих спинах к Шамсундолю уже вторые сутки. Оставив руку Дроторогора далеко позади, мы отделались от ее влияния и, наконец, вздохнули свободно. Злоба, грубость, вспыльчивость оставили нас. Как будто бы пелена спала. Мы улыбались, всячески помогали друг другу и даже по-глупому подшучивали. Могу сравнить свои чувства с затяжной депрессией и пограничным психозом, с заболеваниями, которые потом вдруг – бац, и сгинули единым часом. Я выкарабкался! Я излечился! Я поправился! Осознание того, что Бог–Идол, нецелый, не весь, а лишь

одной своей рукой способен извратить ум и заставить служить себе – гадко и тошнотворно. И это за какой–то небольшой отрезок времени! Если бы мы путешествовали с обрубком Дроторогора, к примеру, месяца два–три, то точно бы не выполнили свою миссию – конфликты внутри компании привели бы к убийствам, а последнего выжившего – к самоубийству. Я изумляюсь тому, что Лютерия Айс, взявшая нести руку Бога–Идола, еще не умерла. Но, как заметила Настурция и сказала Лоргварзабараз, это случится очень скоро... Магистр Ордена Милосердия, отдавшая свое здоровье и молодость на борьбу с Хрипохором, для меня есть идеал самоотверженности и безграничного альтруизма. Я часто повторяю себе это, но только потому, что по достоинству оцениваю великий подвиг Лютерии Айс.

Впереди, а мы ехали по буковому чернолесью, стала вычерчиваться замшелая гора–исполин. Поднимающиеся из нее струи дыма охотно коптили собою перистые облачка. Шамсундоль походил собою на Зарамзарат и Трузд, с той только разницей, что у цирвадов в отличие от гномов я не заметил на периферии города никаких оборонительных сооружений. Если гору–столицу клана Надургх опоясывали дуги–стены, по всюду вздымались смотровые башни и ждали своего часа баллисты, то здесь ничего такого не было. Впрочем, Шамсундоль не выглядел доступным. Глухой монолит зеленого базальта с редкими прорезями–оконцами и, отвесные, не дающие шанса за что–то зацепиться стены делали его для любого врага крепким орешком. Когда до Шамсундоля оставалось уже совсем чуть–чуть, я обратил внимание на еще две занятные вещи. На склонах горы, тут и там, у цирвадов были закреплены валуны. Для чего? Если разомкнуть сдерживающий их механизм, то они полетят напрямик вниз – на незадачливые головы тех, кто отважится напасть на Шамсундоль. Предусмотрительно! Вторая особенность заключалась в том, что Шамсундоль как бы рос из пропасти. Вначале ты битый день спускаешься к нему с участка под уклоном в шестьдесят градусов, а затем направляешься ввысь, заведомо зная, что непосредственно перед городом–горой есть обрыв, и, если оступишься, поминай, как звали.

Альфонсо, а следом я и Настурция вступили в преддверие владений цирвадов. Мы не понадеялись на лишь на свою

светлокожесть, но применили магию, которая заставила нас блистать подобно морскому жемчугу. Разумеется, о том, что к Шамсундолю спешат такие необычные всадники, в нем быстро прознали. Трели и свист, а также блики солнечного света – знаки, подаваемые ручными зеркальцами, цепочкой сообщали соглядатаем о нашем продвижении. У циклопического моста, с вырезанными ограждениями–балюстрадами, нас затормозили. Около тридцати цирвадов в броне из коры железного дерева – экзотического, прочного, как бронза и неподдающегося пламени кедра, без всякой агрессии, но настороженно выставили «дикобразом» свои короткие, но оточенные пики. Но как нам понять язык цирвадов, а им – наш? Об этом позаботилась Настурция, но если быть прямо уж дотошным, то Бертран. Валуа, частенько мотающийся по заданиям Магика Элептерум, не раз и не два навещал колдунью Ильварета (не то, что Альфонсо и Эмилия), привозя ей разные забавные вещицы. Некогда одним из подарков обходительного Валуа для Настурции стали бесценные фенечки–переводчики. Бертран сплел цепочки из мелких бусинок–рун, зачаровав их на транскрипцию непонятных слов. Более того, повязавший на себе фенечки–переводчики, не только слышит свою родную речь от иностранцев, но и отвечает им на их же наречии. Хочу отметить, что сконструировать, а в данном случае сплести подобные предметы может только мастер–маг, сам идеально разбирающийся в заграничных диалектах. Есть здесь и особенность, вполне закономерная. Фенечки–переводчики не растолкуют своему обладателю (мне, Настурции, Альфонсо) тот язык, который не был знаком их создателю (Валуа). На вопрос о том, сколько же наречий «раскусил» Бертран, он сам всегда отвечает: «Уж побольше, чем ты или сорок, таких как ты», потом неизменно смеется. Валуа – гениальный полиглот и ремесленник–волшебник, обладающий не мельчающим запасом бодрости духа, азарта и увлеченности. Люблю его! Настурция раздала нам фенечки. И сейчас в мои уши вошли не гортанные звуки цирвадов, но чистый слог Соединенного Королевства.

– Гонцы Неба–Араксы! Незнакомцы–полубоги, стойте! – приказал нам цирвад с красивым узором лани на броне из железного дерева.

Мы послушно придержали коней и спешили. Наша с Альфонсо «двойка» и по меркам людей достаточно «вытянутая» (Настурция не в счет), что уж тут говорить о цирвадах? Мы возвышались над ними, как титаны. Заранее обсудив, как нам себя вести с цирвадами, каждый из нас накинул на себя вид грозный и торжественно–авторитетный.

– Назовитесь сами и назовите цель вашего визита в Шамсундоль,
– потребовал все тот же цирвад.

– Это – Калерб, небожитель–ведун из Мира Солнца (так у цирвадов обозначалась первая вотчина богини Неба–Араксы), это Альфонсо – небожитель–следопыт лунных троп, друг животных из Мира Звезд (вторая вотчина), а я – Настурция – небожитель–ворожея Радужного Света, поверенная самой Неба–Араксы! Мы здесь для того, чтобы говорить с вашим царем о яйце дракона!

Цирвады обескураженно переглянулись. Не давая им, что–либо ответить, Настурция прогремела–добавила:

– Такова воля Неба–Араксы!

Ох, как же цирвады засуетились. По мановению «капитана» (не знаю, как его назвать иначе) один из стражей опрометью ринулся в Шамсундоль, чтобы, как видно, испросить у царя как с нами быть. Вернулся он спустя считанные минуты. Шепнув что–то «капитану», страж вместе со всеми поднял свою пику вверх, таким образом, давая нам пройти через внушительные ворота. С почетным караулом с «капитаном впереди», мы зашли под сени Шамсундоля. Если в Зарамзарате, по приходу, я увидел громадные дуги–ярусы, свечение тысяч фонарей и гармонию в каждой завитке и подпоре, то в Шамсундоле на меня снизошло впечатление того, что я попал в какую–то широченную нору, с артериями ходов–выходов. Приглушенное мерцание факелов и грубая мозаичная кладка сопровождали нас неотлучно. Кое–где гавкали собаки, помесь дворняг и волков, а может и кхатров. С потолков пищали летучие мыши, а за аляповатыми, но не лишенными шарма постаментами–статуями прятались белесые пауки.

Шамсундоль был полон живностью всех мастей, и его обитателям это явно нравилось. Помимо повсюду снующих «домашних питомцев», я раз или два замечал что-то похожее на грибные фермы и фермы для разведения «скота». На покрытом сеном плато лениво паслись коричневые, в пятнах жуки, размером с добротную корову. Сняв с себя фенечку–переводчик, Альфонсо в полголоса пояснил, что эти насекомые называются словом «огоши» и цирвады с удовольствием употребляют их в пищу. Из секрета огошей делают краску, а из желудочного сока целебные настои.. Попадающиеся по дороге цирвады, рассмотрев нас, испуганно или благоговейно вскрикивали. Некоторые падали ниц или запевали хвалебные песни. В другое время я бы чувствовал себя неуютно от такого подобострастия, но сейчас оно было нам на руку.

Постепенно воздух в Шамсундоле становился более теплым и пряным –мы спускались в сердцевину горы. Здесь, в нишах и специальных углублениях, беспрестанно работали печи. Летом и зимой они снабжали стылый Шамсундоль жаром своих горнилов. Я запрокинул голову. Ветвистые стволы–шахты выводили гарь к поверхности горы. Не так изыскано и технически правильно, как у гномов, но приемлемо. Я шел и ничуть не пригибался – потолки в городе–пещере были вытесаны с существенным запасом. Потом под ногами появился самый настоящий ковер – э–гей, вот и просторная царственная зала! Промеж колонн и резных выступов–лавочек, позолоченной и посеребренной мебели, внушительных элегантных торшеров–костей, попеременно потрескивающих фитилями, и развешанных пурпурных гобеленов, петлял ручей подгорной реки. Отороченный по бокам балясинами, он, звонко шумящий, огибал по рукотворному каналу лестничный пьедестал, после чего свергался куда–то вглубь, за полукруглые решетки. На пьедестале, на который мы стали медленно восходить, среди роскоши и помпезности, жрецов, придворных и слуг зиял трон с восседающим на нем царем. Лет сорока–сорока четырех, в обществе цирвадов он почитался за древнего старика. На его приплюснутом лице исподлобья глядели два суженных темно–оранжевых глаза. Длинные волосы царя, продетые через нефритовую обруч–корону, волной ниспадали на оголенную грудь и дальше к драгоценным браслетам на бицепсах и к штанам, унизанным

мелкими алмазами. Нос, как у кондора и такие же рожки на лбу – все крючком. В одной ладони царь держал плетку с семью хвостами, а в другой расписной топорик с лезвием из оникса. Когда ему донесли, что на пороге Шамсундоля появились небожители Неба–Араксы, он приготовился встретить их во всем своем могуществе!

Преодолев последнюю ступеньку пьедестала, я, не доходя десяти шагов, уважительно, но не без должной своему положению небожителя амбициозной суровости, слегка поклонился монаршей особе. То же проделали и Настурция с Альфонсо. Цирвад встал и гордо, как и подобает царю, мановением плетки удалил с нашего пути ошестинившихся оружием телохранителей. Мы приблизились, а царь вновь сел. За его правым плечом, в белой ризе, застыл жрец Неба–Араксы, а за левым, в бурой рясе, жрец Медного Бога. Чуть поодаль, но так чтобы слышать, о чем пойдет речь, собралась остальная элита Шамсундоля.

– Видите? Они посланцы из Мира Звезд и Мира Солнца! Неба–Аракса вняла моим молитвам! – возбужденно обратился царь к окружающим его цирвадам. Жрец, тот, что в белой накидке сразу отозвался:

– Амах Амπτу, царь царей, ты смог добиться внимания Матери нашей Небесной!

– А значит и Медный Бог тоже с тобой! – вторил ему другой жрец.

– Говорите, небожители! – повелел нам Амах Амπτу. – Как Неба–Аракса собирается спасти мою дочь?

– Яйцо, – тут же, с явным налетом претенциозности, отозвалась Настурция. – Покажи его нам.

Амах Амπτу жестом указал на одного из своих прислужников. Тот мигом схватился за рычаг и дернул его до упора в сторону. Пятью футами левее разъехали плиты. Загадочно поглядев на Амах Амπτу, я подошел к краю дыры. В желобе, под стеклянным сводом и – как

пить дать – под охранными заклинаниями, засыпанное льдом и снегом, лежало здоровенное синее яйцо. От моего опытного взора не ускользнул, однако, печальный факт – в желобе было не так холодно, как могло показаться при первом впечатлении. Конденсат тут не случайный гость! По крошечным трещинкам в стенах к яйцу просачивался горячий воздух, нагнетаемый печами. У основания, в самом неприметном месте, лед истаял, и скорлупа попадала под воздействие жарких, неуловимых дуновений. Это плохо. Любое температурное отклонение может нанести вред невылупившемуся дракону.

– Неба–Аракса разгневана! – угрожающе обронила Настурция, углядев мой короткий кивок.

Вот это актриса! Эта мимика! Эта жестикуляция! Даже не знаю, кто лучше может обвести публику вокруг пальца – она или ее сестра. Сейчас во всем облике Настурции была столь мощная непоколебимость и уверенность, что я сам почти поверил в то, что она – не колдунья Ильварета, но небожитель Неба–Араксы! Мы условились, что говорить с цирвадами будет исключительно Настурция, потому как она отображает «женское начало» Богини и оттого главнее «мужчин–небожителей».

– У меня не было выхода! – взревел Амах Амπτу.

Жрец в белом добавил:

– Тяжело бремя правителя!

– Нет, – отрезала Настурция, еще пуще покрывая себя искорками света. Цирвады попятились назад, а царь со жрецами скукожились. – Госпожа не желала, чтобы ты крал яйцо у Лоргварзабараз, и тем более так сильно ранил ее! Дракон была отражением могущества Зимней Ночной Звезды!

Тут Настурция специально умолкла, выждала волшующий миг, а потом торжественно добавила:

– Ярость Неба–Араксы велика! Но ты все еще можешь исправить!

– Как?! – выдохнул впечатленный Амах Амπτу.

– Отдай нам яйцо Лоргварзабараз, дочери Неба–Араксы. Сделай это. Восстанови нарушенный Божественный Баланс и получи прощение Госпожи, – растянуто и очень четко произнесла Настурция, вспыхивая огоньками пуще прежнего. Для острастки и я чуть засветил нас с Альфонсо.

– Госпожа печется о своих выводках и это ее священное право, – ответил Амах Амπτу. – Но когда на кону стоит будущее Шамсундоля и цирвадов Великого Леса, для меня, как для царя и как для патриарха Медного Бога – супруга–хозяина Неба–Араксы, главное не потерять нас всех. Я понимаю, почему Богиня послала вас ко мне. Как и каждый из нас я уважаю и люблю Неба–Араксу. Но яйцо не отдам.

Настурция выглядела оскорбленной и готовой испепелить всех и вся.

– Ты отказываешь своей Богине?!

– Я умоляю Ее помочь мне. Если будет на то Воля Госпожи, то я приму Ее благоволение через вас, – вздохнул цирвад–царь. – Если бы Неба–Аракса подсказала мне, как сохранить яйцо и решить ужасную проблему, то я бы воздвиг Ей самый невероятный и огромный храм во всем Великом Лесу!

– Это и так твоя обязанность! – рывкнула Настурция.

Не перегибает ли она палку своими высказываниями? В Шамсундоле цирвадов тысяч десять–пятнадцать. Трех лже–небожителей они, если захотят, на лоскуты порвут и мокрого места не оставят. Я предупреждающе кашлянул в кулак.

– Неба–Аракса назначила нас забрать яйцо Лоргварзабараз и это так. Однако мгновение назад Госпожа шепнула мне другое: «Узнай у Амах Амπτу, в чем его горе». Поведай нам, небожителям, все без утайки, – сказала Настурция, медленно распуская на себе чары. – Я – Дева Лучезарного и Радужного Света! Почему еще мне не предложили сесть?

Требования колдуньи Ильварета исполнили молниеносно. К ней поднесли чудесное кресло, на которое она и воссела. Я и Альфонсо встали за ее спиной, как этикие сверкающие жемчугом стражи.

– Начинай, – промолвила Настурция, укладывая руки на колени. Под всеобщие ахи и охи в ее ладонях материализовалась Клюква. Цирвады, обделенные магическими способностями и черпающие мистерии–волшебство через сопричастность с Божественными Духами–Стихиями, воспринимали маневры Настурции с трепетом и подобострастием. По их мнению, такими силами должны обладать небожители.

Протерев рожки на лбу поднесенным платком, царь, отложив плетку и топорик, сцепил пальцы замком. Затем Амах Амπτу печально заговорил:

– Это произошло... Сколько дней назад? Семнадцать лет – там лежит точка отсчета. Тогда родилась моя дочь – Имиш Амπτу, единственная наследница Шамсундоля. Иных мне Медный Бог не дал. Когда Имиш показалась из лона матери, я, как и остальные, сразу догадался, что она не такая как все. Что она – Всевышний Дар! Черная, как беспросветная ночь, она держала в своем черепе Сапфир–Благословение, излучающий энергию Вселенной! Это было предсказано! Приход Объединительницы Цирвадов со звездой на челе! Объединительница...Так суждено будет наречь мою дочь... Если она выживет и сможет сделать то, что было записано в пророчестве Лау Шапсет–Дау еще при моем прапрадеде!

Обернувшись к жрецам, Амах Амπτу сказал:

– Воспой, Брашах!

Белый жрец вышел вперед, воздел руки к потолку, после чего старательно продекламировал:

– Она придет с кожей–гагатом, но над ее глазами будет сиять пульсар ярче огня, Сапфир–Благословение! Избранная Твердью и Небом, она соберет все народы цирвадов в одну общину! Она прославит Медного Бога и Неба–Араксу! Она мессия и новая надежда! Она радость и любовь! Она явиться совсем скоро! Вы узнаете ее по Шибунус–Кличу, который эхом разнесется по всем городам. Шибунус скажет: «Она зовет, и за Ней будет стоять весь наш Мир. И ты стой рядом».

Брашах поклонился нам и царю, затем занял свое прежнее место.

– Все сходится! Имиш – та самая! – ударил кулаком в ладонь Амах Амπτу. – Вы, небожители, знаете, что в каждом царстве цирвадов есть сердце горы или пещеры, оплот – священный камень Шибунус, капля крови Медного Бога. После долгих лет медитации и самопознания Имиш, с помощью своего Сапфира–Благословения почти настроилась на все Шибунусы! Она была готова воззвать их голосами цирвадов на Судьбоносное Собрание! Но...

Амах Амπτу всхлипнул.

– Последний раз Имиш ушла из Шамсундоля с небольшим отрядом стражников, чтобы взойти на Пернатого Змея. Это холм с кругом известковых менгиров полон древних настенных пентаграмм и чар Медного Бога. Там моя дочь всегда грезил наяву и общалась с Шибунусами. В тот роковой день она должна была открыться для всех цирвадов Великого Леса, но этого не произошло...

По лицу охрипшего царя покатались прозрачные ручейки.

– Ее подстерегли, выследили ... Оморы напали на моих воинов. Они собирались перебить их, чтобы утащить Имиш в свои норы. Но не

тут то было!...

При этих словах по залу прокатился гул одобрения и скорби. Цирвады зашептались, и царь оборвал их резким взмахом семихвостой плетки. В моментально снизошедшей тишине, Амах Амπτу продолжил:

— Застигнутые врасплох, мои поданные все-таки смогли отбиться и уберечь Имиш. Но... Один громадный омор, будь он и его род трижды прокляты, пробился-таки к моей дочери. Он раскидал стражу и в пылу схватки, видимо случайно, вонзил в голову бедняжки свой жуткий кинжал. Омор не убил Имиш, но выбил с ее лба Сапфир-Благословение! Тогда Пино, телохранитель, подобрал у поверженного Хона горн и дунул! Трубы отозвались! Весь Шамсундоль побежал на выручку своей принцессе! И оморы поняли, что надо убираться! Бросив раненых, они ринулись наутек. Но этот гад! Тот подлый громила-омор! Он выжил и забрал с собой Сапфир-Благословение! Я организовал погоню за ним и его шайкой, однако он сумел затеряться в хляби Бонч-Катуна... А потом... Потом Имиш почти сразу впала в сон-болезнь. Без Сапфира-Благословения моя дочь не просыпается и чахнет день ото дня! Силы уходят из нее, словно песок сквозь сито!

Царь цирвадов перевел дух. Он глотнул из поднесенного кубка. Питие нам тоже предложили, но мы отказались: небожители не едят и не пьют. На висках Амах Амπτу появилась испарина. Рассказывая о своем бедном ребенке, царь испытывал ужасные мучения.

— Снадобья лекарей и молитвы жрецов не возымели никакого эффекта. Она просто спит и... и сейчас также спит, еще дышит!

— Как ты додумался полезть к Лоргварзабараз? И самое главное — для чего? — Настурция подтолкнула Амах Амπτу к интересующей нас теме.

— Это не я. Это король оморев из Ол-То, Гравразуб, — мрачнее тучи, стискивая челюсти до хруста, буркнул царь. — Он прислал нам из Ол-То посланника. Если бы тварь не была с белым флагом, худо бы ей

пришлось... Омор передал мне, что Гравразуб отдаст мне Сапфир–Благословение, если я... Если я похищу для него яйцо дракона из Кристального Одиночества...

– И ты поверил?! – не сдержалась Настурция.

Амах Амπτу в гнев вскочил с трона и схватил топор. Альфонсо тут же поднял Щавель, а я Лик Эбенового Ужаса. Казалось, что царь кинется на Настурцию, однако пелена ярости спала с него – он вспомнил, кто мы и зачем пришли. Развернувшись к нам спиной, Амах Амπτу надтреснуто заговорил:

– Поверил ли я ему? Его словам? А что мне оставалось делать, небожитель? Что? Ради грядущего, ради всех городов–пещер, не ради Имиш, как моей дочери, но для Объединительницы Цирвадов, я заключил с омором–королем грязную сделку. Гравразуб через посланника дал мне волшебную штуку, способную усыпить Лоргварзабараз... Тогда я так думал! Эта вещь их Бога–Идола Ливана, Брошу–Ха. Он высосал из Лоргварзабараз все соки. Я не хотел, чтобы она, как и Имиш, стала медленно умирать! Не желал я того! Мы взяли всего одно яйцо, оставив второе дракону... Но, боюсь, что вирм его уже не высидит, потому что Брошу–Ха перетянул большую часть ее энергии в Гравразуба. Восстать в Мощи – вот, какова была истинная цель короля–колдуна оморов! Подобраться к ничего не подозревающей Лоргварзабараз и моими руками нанести ей предательский удар, который перекачает в него силу дракона! А Брошу–Ха? В противостоянии с Лоргварзабараз он рассыпался пеплом, чтобы затем на моих вот этих самых глазах подняться с пола, и ветром, обретая прежние призрачные очертания, унести к Ол–То!

– Думаешь, что Гравразуб через Брошу–Ха еще продолжает высасывать из Лоргварзабараз ее жизнь?

– Да, пока она не умрет, подлый король–колдун не оставит ее.

Настурция поднесла палец к губам. Выдержав паузу, она произнесла:

– Получается так. Гравразуб из Ол–То обзавелся силой дракона. У него есть Брошу–Ха и Сапфир–Благословение. Он возвысился и теперь является очень опасным врагом, как для Шамсундоля, так и для всех других цирвадов. Кхароторон ненавидит Медного Бога, а оморы вас – детей Неба–Араксы. Ваша вражда бесконечна, и лишь сиюминутные события ярки.

– Да, – коротко подтвердил Амах Амπτу. – Ты оголяешь истину, небожитель.

– Но зачем тебе яйцо Лоргварзабараз? Я не усмотрела в твоём рассказе нужды хранить его в Шамсундоле сейчас!

– Позвольте, мой царь? – вдруг вмешался жрец в бурой рясе. Он чуть подался вперед и опустил непропорционально большую голову книзу. Его выпирающие из–под капюшона рожки, покрашенные в золотые тона, мерцали в отблесках факелов.

– Ответь им, Бурдон, – дозволяющее кивнул Амах Амπτу.

Жрец развернулся к нам и, поглядывая то на Настурцию, то на свой красный жезл в форме спирали, заговорил:

– Имиш Амπτу больна. Корни ее забытья–немочи исходят из потери Сапфира–Благословения. Чем дольше принцесса Шамсундоля оторвана от своего священного камня, тем быстрее она теряет саму себя. У нас оказалось яйцо дракона... Я знал, что его можно попытаться... использовать для поддержания угасающего духа. Чтобы Имиш Амπτу не умерла до того момента, как к ней будет возвращен Сапфир–Благословение, я и мой брат Брашах провели ритуал над яйцом дракона. Он увенчался успехом. Сейчас от вирма (Бурдон указал загнутым жезлом на «погреб–морозилку») к Имиш Амπτу, через мост–заклятие переходят флюиды–целители. Они питают принцессу, удерживая ее на грани Жизни и Смерти.

– Вы истощаете яйцо почти так же, как Гравразуб бедную Лоргварзабараз?

Бурдон, не мигая, выдержал угрюмый взгляд Настурции.

– Да, но мы сохраняем равновесие и не позволим...

Не подыскав нужного слова, жрец замешкался и смолк.

– Ты хотел сказать – «не позволим яйцу лопнуть от перенапряжения» или «не позволим Имиш Амπτу отойти в Мир Звезд и Мир Солнца, пока жив пленный дракон»? – со всей строгостью спросила Настурция.

– Небожитель вольна додумать, как ей хочется, – кланяясь, прошелестел Бурдон. – Правда – одна. Неба–Аракса расстроится одинаково, если потеряет Имиш Амπτу или отпрыска Лоргварзабараз. Оба ребенка уникальны. Оба любимы и важны для нас.

– Что скажешь, о небожитель? – с уважением обратился к Настурции Амах Амπτу. – Как нам преодолеть роковой путь? Как удержать нити пророчества и дать ему сбыться?

– Мне надо сойтись в молитве с братьями–небожителями, – обронила колдунья Ильварета. – Вместе мы воззовем к Госпоже, чтобы она ниспослала нам ответ на твой вопрос.

– Шамсундоль смиренно ждет изречения Неба–Араксы, – сказал Амах Амπτу.

Настурция встала и вплотную приблизилась к нам с Альфонсо. Почти не разжимая уст, колдунья шепнула следопыту:

– Устрой так, чтобы нас не слышали.

Альфонсо Дельторо, прекрасно владеющий магией Природы, свел перчатки вместе. Для концентрации ему потребовалось не больше трех

секунд. Альфонсо разве ладони в разные стороны и из них посыпались оттиски–сигилы, принадлежащие Духу Зелени. Они помигали в воздухе и исчезли. Обитатели Шамсундоля, отчетливо видевшие это, решили, что мы творим какой–то обряд–обращение к Неба–Араксе. На самом деле Дельторо окутал нас Безмолвием – магией друидической школы. наша речь стала беззвучной.

– Готово. В пределах четырех футов – для них ничего кроме тишины, – с обычной громкостью сказал Альфонсо.

– Спасибо, – поблагодарила Настурция. – Что вы думаете? Дельторо? Шаттибраль?

– Отобратить яйцо мечом не выйдет, – откликнулся Альфонсо, поглядывая на Амах Амπτу за плечом Настурции. – Цирвады держат его под неусыпным надзором.

– Мы заметили, – согласилась колдунья, направляя на меня взор изумрудных очей.

– Напрашивается очевидный вывод, – как бы нехотя продолжил Альфонсо. – Но он мне не нравится, и я склонен считать его опасным.

– Сомневаешься в том, что надо идти в Ол–То, – сказал я.

– Гравразуб, как промокашка, впитавшая в себя «эссенции–чернила» Лоргварзабараз, бьюсь об заклад, получил несколько ее драконьих способностей. Может одно из них «прозрение», которое без труда подскажет ему, что в Ол–То появились чужаки. Он просто увидит нас через стены, пурпурными или синими пятнами. Сражаться с Гравразубом, поглощающим дракона, и полчищем свирепых оморков у них же дома? Безумие. Должна быть какая–то иная тропинка. Не такая шаткая.

– К тому же у Гравразуба Сапфир–Благословение и Брошу–Ха. Они еще могут подкинуть нам неожиданных подарочков, – заключила Настурция. – Этот вариант нам не подходит.

– Нет, – промолвил я. – Именно он – то, что надо.

– Кaleb, ты не обо что не стучался своей кочерыжкой? – нахмурилась Настурция. – Самое лучшее для нас будет придумать, как унести яйцо без всяких путешествий в Ол–То.

– К тому же у нас нет времени тащиться к троллю на кулички, – поддакнул Альфонсо. – Лоргварзабараз ранена, и Амах Ампу уверяет, что это более, чем серьезно. Что она уже одной лапицей в могиле. Нужно успеть принести ей яйцо до того, как туда опуститься вторая лапа.

– Боишься, что Лоргварзабараз преставится, а Лютерия так и останется сомкнутой глыбой льда? Что заклинание не развеется? – дополнил я.

– Это так. Но, полагаю, ты другого мнения, – проворчал Альфонсо.

Я натянуто улыбнулся друзьям.

– Не шибко свои зубы показывай. Цирвады могут истолковать их как–нибудь по своему, – напустилась Настурция, осыпая нас снопом мерцающих снежинок–колючек для поддержания таинственности нашей беседы.

– У нас на повестке дня есть задания. Заглавное из них – изъять из Шамсундоля яйцо и принести его Лоргварзабараз до того, как она, быть может, заснет на века вечные. И второстепенные, нравственные: спасти Имиш Ампу, вернув ей Сапфир–Благословение и сразить Гравразуба, по возможности, попутно уничтожив Брошу–Ха, который мучает дракона. И вне всего – Лютерия Айс должна выжить, провалим мы что–то из этого или нет, любой ценой!

– Нормально раскидал каштаны, – хмыкнул Альфонсо, потеряв подбородок. – И как мы это все провернем? Не будь ты Толковая

Каракатица, если не примешал одно к другому!

– На вскидку, Настурция, как ты оценишь Сапфир–Благословение и Брошу–Ха? – осведомился я у колдуньи Ильварета.

– Они противоположны по полюсам Хаоса и Порядка, но сходны по энергетике – обоих породили Боги–Стихии. Брошу–Ха – точно Хрипотор, оно Ливана. Так же я практически уверена, что Сапфир–Благословение на челе Имиш Ампу появился не без прямого соизволения Неба–Араксы или Медного Бога.

– А если один артефакт натравить на другой?

– Я бы сказала, что произойдет взрыв, – чуть подумав, отозвалась Настурция. – Какого масштаба? Опрокинет ли он только все сервизы в столовой? Разнесет Ол–То в пух и прах? Обвалит Олфолию в Бездну к Назбразля? Тут не угадаешь.

– Вот к чему ты клонишь, – проговорил Альфонсо. – Пока ты будешь настраиваться на Сапфир–Благословение или искать лазеечки к проникновению в мистику Брошу–Ха, Гравразуб тебя в овсяную крупу перемолотит, заварит и съест. И нас с Настурцией за компанию.

– Все так, – не стал отнекиваться я. – Но ты упускаешь самое очевидное.

– Что?

– Внезапность! Гравразуб не ждет к себе в гости небожителей. Наш визит станет для него большим сюрпризом. И ты, как никто другой, поняла: замешательство в сражении – тетка провала. Мы проберемся в Ол–То, да, Альфонсо, проберемся никем не замеченные. Почему? Да потому что Дроторогор поставил всех живорезов под знамя и двинул в Соединенное Королевство! Если в Ол–То помимо Гравразуба есть хотя бы треть от всех его омов, я удивлюсь. Мы прокрадемся к спящему королю и...

– Перережем ему глотку до того, как он проснется и обрушит на нас украденную у дракона ярость? – прямо спросила Настурция.

– Только так мы освободим Лоргварзабараз от влияния короля–колдуна, – сказал я. – Прихватим с собой Брошу–Ха, Сапфир–Благословение и поминай, как звали нас, Ол–То!

– Твой план более, чем средней паршивости, – вздохнула Настурция.

– И я предвижу, что пятки нам подпалят. Или хвост, – вторил ей Альфонсо.

– Значит, что? Пробежим по лезвию ножа? – предложил я.

– А что остается? Этот мир безнадежно съехал с катушек, и мы в нем – отпетые сорвиголовы, – блекло улыбнулся Альфонсо. – Ты и я, Калерб, окончательно свихнулись еще пару сотен лет назад. Так чего сомневаться, раз сражения не избежать? Я с тобой.

– Настурция?

Колдунья Ильварета молчала. Минуту. Полторы...

– Э, Настурция?

– Не мешай, я мне надо сосредоточиться...

– Для?...

– Снимай Безмолвие, – повелела Настурция Альфонсо. Тот как бы невзначай провел рукой и кивнул. Тут же весь зал озарился светом. На потолке выступили горящие звезды, а ручей–река стала яриться голубыми и синими всполохами магического блистания. Воздух засеребрился тысячами малюсеньких точек. Они лопались, оставляя после себя в пространстве белые дырочки, которые смазывались и пропадали спустя секунду. В центре всего этого действия стояла

Настурция. Ее омывали вихри необжигающего огня и облака эфира. Цирвады попадали ниц, а у Амаха Амπτу отвалилась челюсть. Когда на Настурцию снизошел столб пламени, и она, как ни в чем не бывало, вышла из него, величественная и грациозная, словно пантера, глаза на лоб полезли даже у меня – такое световое шоу не каждому магу по «шапке» состряпать!

– Услышьте Неба–Араксу через ее верного небожителя! Госпожа требует немедленно начать войну против ужасного Гравразуба! – хорошо поставленным голосом возвестила Настурция.

Эм, постойте, любезная? Разве мы так договаривались? Как–то ты неправильно истолковала мои слова. Но уже поздно пить брисовое пивко (хотя я бы не отказался сейчас пропустить пару пинт в «Полной Вагонетке», что под Зарамзаратом). Уж пусть будет, что будет! Настурция, между тем, оглашала волю Неба–Араксы дальше:

– Госпожа сострадает вам и не бросает одних! В наступлении на Ол–То, мы, Ее небожители–герои, станем вашими командирами от Неба! Вместе с вами, цирвадами, мы ворвемся в Ол–То и вырвем у Гравразуба его черное сердце! Собирайтесь, дети Неба–Араксы! Одевайте доспехи, сыны Медного Бога! Мы выступаем!

Управление толпой, ее слитым воедино духом, настроением и желанием – наука тонкая и сложная. Настурция, обладающая врожденной харизмой и более чем незаурядным интеллектом, смогла разгадать, каким образом заставить цирвадов впасть в состояние маниакальной возбужденности. Фокусы с освещением, потусторонний тембр голоса, красноречие, властная поза и приказ от Божества – сыграло свою роль. Колдунья, оратор и маг, разворошила «костер» Шамсундоля. Признаю, Настурция, ты такая одна.

Воздев кверху топорик и вскочив ногами на сиделку трона, Амах Амπτу закричал первым:

– Священная война! Во имя Неба–Араксы! Во имя Медного Бога! Во имя Объединительницы! Во имя грядущего! Уничтожим омор

Ол–То! Отнимем у Гравразуба Сапфир–Благословение и насадим его уродливую голову на пикку!

– Месть! Месть! За Шамсундоль! – в исступлении вторили ему все цирвады города–пещеры.

Так же на разные лады они орали хвалу Неба–Араксе, Медному Богу и объявляли о своей готовности умереть ради них, Амаха и Имиш Амπτу.

– Ведите нас! С вами мы будем неуязвимы! – в экстазе возопил царь цирвадов, размахивая нагайкой–семихвосткой, как заведенный.

К нам подошли те же два жреца и четыре важных цирвада в броне из железного дерева.

– Прежде всего надо отдать войску соответствующие приказы. Позвольте, царь царей?

– Займись этим, Оторвик. Собери мою рать на первом ярусе и будь начеку!

– Да омоют тебя солнце и луна своим светом, Амах Амπτу, царь царей! – козырнул Оторвик.

Он снял трубу с груди и затрубил. Оторвик двинулся к выходу, а за ним, следуя за призывными звуками музыкального инструмента, поспешила вся толпа Шамсундоля.

– Обсудим нашу тактику, – сказала Настурция Амах Амπτу и оставшимся подле него цирвадам.

– И с ними. Это мои вожаки. Кунбад, Дьеринг, Шогм и ушедший Оторвик. Они отвечают за рать Шамсундоля.

– Где находится Ол–То и как он выглядит? – начала расспрос Настурция.

– Это кряж, испещренный ходами–норами. Он располагается на сгибе Гнилой и Рыжей рек. От нас это будет прямо за зеленую Бонч–Катун, – ответил Дьеринг. – Отсюда в недели пути, небожитель.

– Это если идти по поверхности. А если под землей?

– Если бы существовали такие туннели, могущие привести нас к оморам, то Ол–То давным–давно бы уже не было.

– Разделяющие Шамсундоль и Ол–То Бонч–Катун – необъятное лживое болото, с провалами и лягушками–тиграми. Оно непроходимо для цирвадов, – изрек Кунбад, переводя взор от нас на Амах Амπτу, а затем снова на нас. – Неба–Аракса поручила Шамсундолю выступить на Ол–То, но, учла ли Госпожа то, что мы можем захлебнуться в трясине и попросту не дойти до вонючей вотчины оморов?

Всего на миг Настурция выглядела растерянной. Она собиралась, что–то сказать, но я дернул ее за рукав. Колдунья отклонилась и подвела свое ухо к моим губам. Я тихо сказал:

– Ригель. Он говорил, что перевозил на себе целые народы. Если он не солгал, то мы загрузим в него цирвадов, а потом высадимся на не приметном бережку возле Ол–То. Оморы точно такого поворота судьбы не предвидят.

Настурция, прильнув ко мне вплотную, так что я ощутил аромат ее духов (она взяла их в путешествие?! По Великому Лесу?!) прошептала:

– Молодец.

После этого отстранилась и произнесла:

– Мы, небожители, знаем, как обойти Бонч–Катун. Твой боевой кулак, Амах Амπτу, мы перевезем к Ол–То на корабле Неба–Араксы.

Госпожа призовет его со своей Небесной Гавани и опустит на Гнилую. Он вместит всех! Все твои тысячи!

– Цирвады дичатся Гнилой и Рыжей. Реки своенравны и не любят нас. Они проглатывают моих поданных и не отдают обратно... Однако... С Морской Колесницей Неба–Араксы мы обуздаем и укротим их темперамент!

– Как же безгранично могущество Неба–Араксы! – выдохнул Брашах.

– Оно лишь сравнимо с всесильностью Медного Бога! – подхватил Бурдон.

– Тому быть! – экзальтированно рявкнул Амах Амπτу.

– Будет разумно не атаковать Ол–То откровенно – снаружи, но пробраться к нему по потайным лазам. Найти такие, как мне кажется, будет не шибко хлопотно? – обратилась Настурция к вожакам.

– Вся округа Ол–То пронизана дырами, уводящими, так или иначе, к городу. Так что в этом проблемы точно нет, – не раздумывая ответил Шогм.

– Разделим цирвадов на три или четыре отряда, – проговорила Настурция. – Они ударят по Ол–То с разных подземных точек. Пока оморы организуют оборону, в этой неразберихе мы, небожители, подкроемся к Гравразубу и сокрушим его. Мы заберем Сапфир–Благословение для Имиш Амπτу и Брошу–Ха, чтобы отдать ее Неба–Араксе, после чего, либо дадим сигнал об отступлении к кораблю, либо взойдем на него как победители.

– Я сам!... – начал Амах Амπτу, но Настурция его прервала.

– Ты об этом не подозреваешь, но Имиш держит в живых не только энергия яйца, но и твоя любовь. Я предвижу, что если ты погибнешь, то твоя дочь тут же умрет, а Шамсундоль постигнут

многие беды. Это очень древняя и сакральная связь, которую нельзя нарушать.

Настурция придумала этот фарс не просто так. Случись Амах Амπτу получить клинок под ребро в Ол–То, где гарантии, что мы, пусть и «небожители», получим яйцо Лоргварзабараз по возвращению в Шамсундоль? Их нет! Царя надо сохранить в целости! К тому же по меркам цирвадов он стар! Вдруг да скончается где–нибудь по дороге... Зачем нам это?

– Так хочет Неба–Аракса! – наредила Настурция именем Богини.

– Пусть так! – смирился Амах Амπτу. – Идите, небожители! Идите, мои вожаки, и принесите Шамсундолю добрые вести!

– За Неба–Араксу, за Медного Бога! – разом грянули цирвады.

Из города–пещеры, из громадных каменных дверей, плечо к плечу вышла стройная вереница цирвадов. В их ярко–оранжевых глазах фанатично плескалась расплавленная жажда боя. Для них поход в Ол–То являлся заповедным, ниспосланным Богами–Стихиями. Они не боялись сложить головы в борьбе с омирами и не чурались любых трудностей, которые могли им выпасть. Настурция убедила Амаха Амπτу, а вместе с ним и весь Шамсундоль, что лишь вместе, всей армией цирвады добудут утраченный Сапфир–Благословение. Колдунья Ильварета дернула за религиозный нерв. Удачно. Бесспорно, – тягаться с королем–колдуном омором один на один у меня энтузиазм не хлещет, но не подло ли вот так прикрыться от Гравразуба цирвадами? Отвлечь ими его внимание на себя? Настурция – добрая и милосердная девушка. Почему она так поступила? Вероятно, ответ таков – Соединенное Королевство ей дороже Шамсундоля и всех иных шамсундолеей всего мира. Колдунья Ильварета ни минуты не колебалась в своем решении. Если за счет цирвадов мы увеличим свои шансы на успешную концовку предприятия – это чудесно. Так считает Настурция. Не имею права винить ее. Однако, если бы от небожителей «говорил» мужчина, стал бы я или Альфонсо провоцировать баталию между Ол–То и Шамсундолью? За Альфонсо не скажу, а я, наверное,

нет. Специально подвергать опасностям кого бы то ни было, кроме себя, привычки за собой не усматриваю. Но ведь все люди разные, верно? И понятия о «порядочности» и «правильности» у них тоже не под одну гребенку расчесаны. Нет, это не те слова. Настурция исключительно порядочная. Скорее тут подойдет термин – «допустимость нравственного выбора». У колдуньи Ильварета он пониже, чем у меня, Альфонсо или Эмилии, однако точно выше, чем у покойного Дурнбада и Грешема.

Сверившись с картой, которую принес Оторвик, Альфонсо на своем Тифми погарцевал впереди колонны. Следопыт, никогда ранее не обретавшийся в пределах Шамсундоля, безошибочно выбирал самую удобную дорогу к Гнилой. Он руководствовался не тем, как для одного цирвада было бы комфортнее идти к реке, но соображением того, как бы вся армия быстрее добралась до бурлящего протока. За следопытом скакали я и Настурция, а за нами, на горных козлах четверо вожakov Шамсундоля. После них маршировали разномастные цирвады–воины с булавами, алебардами, короткими луками и клинками. На отмель Гнилой наш многотысячный отряд, со всеми привалами вступил к глубокой ночи. Я и мои два друга спешили. Сблизив носы, мы стали шушукаться.

– Сработает? – в свойственной сомневающейся манере спросил Альфонсо.

– Проверим? – отозвался я.

– За этим же и шли! Ну! – подтолкнула Настурция. – Кидай его уже в воду!

Я извлек из сумки бутылочку с миниатюрным двухмачтовым судном и, размахнувшись, закинул ее на темную гладь. Бульк! Как и в предыдущий раз, пришествие Ригеля не обошлось без сверкания, блеска и вспышек комет на индиговом небосклоне, что было очень в «струю» к нашему световому шоу в Шамсундоле. Надувая паруса и будто бы подпрыгивая, «живой корабль» (я его так окрестил для себя), продекламировал:

– Калерб, Настурция, Альфонсо! Цирвады Шамсундоля! Я рад вам!

Что тут началось! Низкорослые рогатые человечки воздели руки к Ригелю и подобострастно затянули:

– Неба–Аракса! Владычица! Спустила к нам свою Морскую Говорящую Колесницу! Величайшее творение Мира Звезд и Мира Солнца!

– Морскую Колесницу? И Говорящую? Звучит приятно! И про Мира мне тоже нравится слышать! Кстати, видите? У меня тоже есть звезда на полотне! Она моя гордость!

– Великая Морская Колесница! – не унимались цирвады. – Красивая и гордая Морская Колесница! Самой Неба–Араксы!

– Ну, будет, вам, будет! Я сейчас покроюсь солью от смущения!

– Ригель, – обратился я к кораблю. – Ты вроде говорил о том, что тебе все равно, сколько пассажиров взойдет на твой борт. Один, два или миллион. Это правда?

– Или три миллиона! Так и есть!

– Тогда мы все – я обвел рукой сонм цирвадов – хотим это сделать.

Ригель развернулся боком и вытянул борт, который магическим образом удлинялся, пока не оказался у моих ног. Потом он расширился до десяти футов в поперечнике и обзавелся поручнями!

– Все наверх! Далее направо и в дверь с картинкой трезубца! – весело скомандовал живой корабль.

– Дьеринг, Шомг, Оторвик, Кунбад, ведите всех на Морскую Колесницу! – сказала вожакам Настурция.

— Исполним, небожитель! — гаркнул, ословелый от всего происходящего, Шомг.

Когда цирвады поднялись на Ригель, я, покинув сушу последним, из любопытства заглянул в кают–компанию живого корабля. Такого я себе вообразить не мог! Помещение с рядами лавочек, столов, убранных всяческой едой и благоухающими свежестью спальниками, разложенными у стенок, уходило в бесконечность.

— Ты заблуждаешься, Калев! Я продлил свой отсек ровно настолько, чтобы в него уместилось пять тысяч шестьсот восемьдесят два цирвада, четыре горных козла и три лошади. Для парнокопытных я отвел в себе специальное стойло с полуторадневым запасом сена и питьевой воды.

— Когда в моей макушке так бесцеремонно просматривают мысли, я маленько напрягаюсь, — хмыкнул я. — Выходит, мы будем плыть до Ол–То около тридцати часов?

— К первому изречению — будь спокоен, я так же верен тебе, как и лапочка Снурф. А ко второму, — ты же помнишь, что сказал тебе капитан Клаус с Клинка Ночи? — рассмеялся Ригель. — Плынут, сам знаешь, «что» и «кто», а мы идем!

— Ты еще и в памяти ковыряться умеешь? — задумчиво изрек я. — Забавно.

— Да я почти все могу, — не стал юлить живой корабль. — Ну, а на твой вопрос всей совокупностью отвечу: да, с учетом течения, ветра и прочего, около того. Плюс, минус.

Помахав пьющим вино вожакам, мол, все нормально — пока отдыхайте, я вернулся на палубу. Там, у форштевня, под бисером звезд, беседовали Альфонсо и Настурция. Я присоединился к ним. Мы обсуждали то, как нам действовать по прибытию к Ол–То.

Кое–какой опыт в стратегии наша тройка имела, а вот подробностей устройства города–крепости омов и прилегающих к нему ландшафтных особенностей – нет. Как организовать нападения без вводных данных? Не радужно, не радужно. Если повезет, то цирвады отыщут нору и проберутся в Ол–То, где устроят сечу. Мы же, пользуясь сумятицей, увяжемся за ними, подкараулим Гравразуба и постараемся забрать то, зачем идем. Настурция признавала, что, вероятно, цирвады могут погибнуть почти все. Это удручало колдунью, однако она не жалела, что ее спектакль удался.

– А как мне надо было уравнивать нас и Гравразуба? – закончила Настурция, перевязывая волосы лентой. – Он и сам по себе омор – боец не из плевых, так теперь еще и с драконовым духом внутри. Только заставив его побегать за цирвадами, понервничать и допустить ошибку, мы можем рассчитывать на то, чтобы выбраться из Ол–То невредимыми и с Сапфиром–Благословением.

– Прошу прощения, господа и дамы, – вдруг подал голос Ригель. – Я не в состоянии абстрагироваться от вашей полемики, поэтому тоже хочу высказать.

– Кто бы сомневался, – по–доброму фыркнула Настурция.

– Такой уж я, – хохотнул живой корабль. – Вы горюете, что не ведаете, что там вокруг Ол–То, и тут я вам кое–чем помогу. Город омов находится на кромке Крюка Святоши, который обхватывает Гнилая. Знайте же, что для моего взора открыты все расщелины, куда только может затечь вода. Влага, где бы она ни была, с дыханием или дождем, всегда уходит обратно в Реку Мира. Она мой информатор. Благодаря воде, я уже сейчас вижу, где мне пристать, чтобы цирвады без всяких помех прошмыгнули в Ол–То. Причем не из одного проема, а с двух–трех.

– Почему ты хочешь стать непосредственным соучастником сражения? – спросил Альфонсо. – Ты же такой добрый корабль!

– Оморы не берегут реки, озера и моря. Всюду, где побывают эти буревестники, остается грязь и мусор. Шаманы Ол–То сливают в Гнилую и Рыжую свои отвары, которые умерщвляют рыбы больше, чем им необходимо для пропитания. Гибнет не только рыба. Гнилая, с надеждой ловит каждую вашу реплику и умоляет меня воздать оморам по их заслугам. И Она собирается вам крошку подсобить. Пока секрет, как.

– Как? Гнилая в курсе, куда ты нас везешь? – удивился я. – Она же река, да есть ли у нее разум!

– Погляди впереди себя, Калеп! – отозвался Ригель. – На небе ни облачка! Мои паруса полнятся воздушными вихрями! А волны с ними заодно гонят меня, как копыта Юнивайна по травяному настилу!

– Юнивайн, он – да, порождение магической скорости.

– Резвее только его брат – Ловилайн, но он редко покидает Лес Скорби и почти не показывается людям.

– Есть ли что–то, о чем ты не осведомлен? – хохотнул я, вдруг вспомнив гнедого рыжего коня из реалистичного сна, в котором Эмириус Клайн и все мои друзья сражались с тенями какого–то Кайнандаса.

– Даже в пустынях иногда льют дожди, – двусмысленно ответил Ригель.

– Ты учился где–нибудь так туманно изъясняться? – расхохотался и Альфонсо.

– Я возил на себе много великих личностей из разных Вселенных. Некоторые из них были мастера риторики и интеллектуального образа, – с гордостью отозвался живой корабль.

– И ты нахвтался от того– от этого? – вторил я следопыту.

– С миру по нитке, – с улыбкой ответил Ригель.

– А есть ли герой, что запомнился тебе больше всех? Необязательно своим краснобайством, – осведомилась Настурция.

– Имя?

– Его.

Ригель призадумался, а я между тем загляделся на его нос, который, словно нож масло, рассекал «голубую наволочку». Создавалось впечатление, что движется не корабль, что он как бы стоит на месте, а будто бы кто-то крутит мир под нами. Я поскреб ногтем поручень и согласился сам с собой, что надо «переварить» этот вывод на досуге. Возможно, что Ригель не то, чтобы скользит по воде, но прогоняет ее в виде реальности–реле через себя. Почему бы и не да?

Мы уж забыли, что огорошили живой корабль вопросом, но он о нем не забыл.

– Мне нелегко выделить кого-то одного, – через несколько минут проговорил Ригель.

– Тогда предоставь список пяти, запавших тебе в сердце–мачту, – потребовала Настурция. – И бокал холодного игристого, будь добор.

– Мое чутье подсказывает, что ты сейчас желаешь игристое розовое, и на закуску рыбное ассорти, – елеиным голосом откликнулся Ригель.

Воздух перед колдуньей как будто сгустился. Он замерцал, а потом обзавелся очертаниями – стол, три креслица, бутылка, вытесанная из рубина и изящные приборы. Мы все с удовольствием расселись по местам. Альфонсо взвесил драгоценный сосуд на ладони:

– За нее можно купить знаешь, сколько всего? – обратился он к Ригелю.

– Если тебе она нравится – возьми себе. У меня их – несчетное количество, – беспечно сказал живой корабль.

– Теперь я понимаю, почему Ярванга решила наложить на тебя лапу, – промолвил я, перенимая бутылку из рук Дельторо.

– Вовсе не из-за бриллиантов и изумрудов.

– А из-за твоей уникальности, – утвердила Настурция.

– Да.

– Имена, я все еще жду их.

– Сегодня я отдаю предпочтение вам – Настурции, Альфонсо, Калебу и Джейкобу, – рассмеялся Ригель. – А если уж прям ставить вопрос ребром, то каждый из моих пассажиров был дорог мне. Но все они в прошлом. В нынешнем же – вы. И я предвижу, что моя судьба тесно, такелаж к такелажу, переплетется с вашими. К чему это приведет? Только время покажет. Оно не коррумпировано, оно «вампирировано» и мне неподвластно.

– Вот как он вывернулся, а? Вы слышали? – улыбнулась Настурция, отпивая из бокала. – Чудесное игристое, спасибо!

– К твоим услугам, колдунья Ильварета! Когда соберетесь отдохнуть, идите в самый центр и ищите дверь с красной ручкой – за ней вас ждут апартаменты.

– Ригель, ты лучше всех, тебя ждет большой успех, – сказал я.

– Не всех, но большинства!

– И скромный тоже! – хихикнула Настурция.

– И воспитанный, и тактичный!

Я от души рассмеялся. Ну, а как иначе? Себя надо любить и хвалить. Но в меру! Это одно из золотых правил душевного равновесия и счастья.

Глава 31. Король

Я посидел с друзьями, наверное, еще с полчаса. Усталость тянула меня прилечь, и пожелав покойной ночи Альфонсо и Настурции, я отыскал ту самую дверь с красной ручкой, зашел вовнутрь и чуть не вскрикнул от неожиданности! Один в один – моя спальня в Шато! Вот мои любимые картины на стенах (осенний лес, речка, дождь, натюрморт с черепом), вазы и комоды. Я подошел к окну с тяжелыми зелеными шторами – вид на Море Призраков. Ригель «достал» из меня самую уютную и желаемую мною опочивальню. Видимо, для Альфонсо и Настурции за дверью окажется что-то свое. Колдунье – Грэкхелькхом, а следопыту – Энгибар. С пиететом и благодарностью к живому кораблю, я стянул с себя одежду и лег. Укрывшись одеялом и зарывшись лицом в подушку, я вздохнул – вот чего мне не хватало. Пусть это не мой Шато, а лишь его воспроизведение, но как же тут хорошо! Бережно обхватив пальцами Луковое Спокойствие, я погрузился в дрему...

Когда я разлепил глаза, солнце уже вовсю лилось через узорчатые стекла. Ну и приснится же! Путешествие в Шальх, потом в Железные Горы, какой-то вампир Эмириус Клайн и Таурус, еще Дроторогор и Корона Света! Нужно меньше засиживаться за манускриптами и пить вина! Чтобы такое больше не мерещилось, сегодня сварю себе отвар из ромашки и мелиссы! Почесав за ухом, я позвал:

– Снурфи! Снурфи! Снурфи! Вылезай проказник! Пора кинуть что-нибудь на зубок!

Тишина.

– В молчанку с папочкой играешь?

Я подлез к кромке кровати, уже собираясь пошарить под ней рукой, но тут остановился: на моей груди качался медальон Братства Света. Мне это не пригрезилось. Я – не дома, а на непостижимом судне, Ригеле. С громким вздохом безысходности, я поднялся и полез в шкаф – мелочь, но забота есть забота – мои штаны, сапоги и туника были вычищены и даже надушены парфюмом. Апельсин и нотки свежести кориандра! М–м–м!

– Благодарствую!

– Я знал, что ты оценишь! – через секунду воскликнул Ригель. – Утречко! Завтрак подать сюда?

– Буду признателен.

Сосиски, кофе, тосты, джем, бекон, сыр, – вот что материализовалось на широком подоконнике. Я подставил к нему стул и стал с аппетитом есть. Откушав, я подался на палубу.

День прошел в раздумьях и обсуждениях – как будет лучше всего прижучить Гравразуба и сокрушить его Ол–То. Кунбад, Дьеринг, Шогм и Оторвик высказывали разные мнения, как впрочем, и мои друзья. Хотя предложения и задумки отличались друг от друга, мы смогли их слепать в нечто единообразное. Так у хозяйки из творога, яиц и муки получаются сырники. Ригель, под покровом тьмы совершит три остановки: на севере от Ол–То, на востоке и западе. Атаками будут командовать Оторвик, Кунбад, Дьеринг, а Шогм с резервом будет ждать на живом корабле. После того как заварушка переместиться на верхние этажи города омор, и путь станет относительно чист, мы, небожители, пройдем по туннелям и займемся Гравразубом. Дальше – по обстоятельствам.

К двум часам утра, Бонч–Катун – фосфоресцирующая мертвецкая топь, мелькающая за стволами прибрежных деревьев, подменилась холмами, за которыми, словно величественный земляной саркофаг,

вздымался кряж, окутанный дымом и блещущий огнями. Вот он – Ол–То!

Первые пункты нашего сценария прошли без сучки и задоринки. Без всякого плеска, так мог листочек прильнуть к отмели, Ригель тормозил в неприметных заводях, подле пещер и сгружал с себя облаченных в железное дерево цирвадов, которые бесшумно хоронились у темных недр, без сомнения, ведущих к Ол–То. Начало военной операции должен быть дать сигнал–вспышка из посоха небожителя. Когда Ригель пришвартовался в крайний раз, я с друзьями сошел с трапа вместе с Кунбадом и его молодчиками. Мы отделились от Шогма, возглавляющего арьергард четырех сотен, и направились к отверстию, выдолбленному в скале. Пропустив всю ватагу цирвадов, кроме элитного отряда наших защитников вперед, Настурция воздела Клюкву. Огонь, вырвавшийся из полупрозрачной трости колдуньи, расцвел на небе бутоном–воззванием: «Пора, воины Неба–Араксы»! Переглянувшись с Альфонсо, я извлек из кармана медяк с Манфредом Вторым.

– Орел или решка?

– Орел.

Я подкинул монетку, потом словил.

– Ты проиграл.

– Невелика беда, ты–то выиграл, а значит, не пропадем, – пожал плечами Альфонсо. – Я уже слышу крики омов. Пойдем, подкинем им под зад поленьев от рейнджеров Энгибара и тухляков Шато.

– Эй, рейнджер и тухляк! Держаться сзади цирвадов! Никакого геройства! – приказала Настурция. – Калерб, как и договорились ранее, на тебе магические эманации. Как только улавливаешь их, показываешь откуда и мы туда идем.

– Помню! – откликнулся я, стискивая Лик Эбенового Ужаса.

– Ну, води нас, Вселенная! – выдохнула колдунья Ильварета, опуская Клюкву на уровень пояса.

В коридоре, прорытом от Ол–То к Гнилой, страшно воняло затхлостью и тленом. Вроде бы сквозняк, гуляющий по ходам, должен был бы спасать обстановку, однако, как бы не так. Неровная дорога, пролегающая под низким сводом, повела нас вглубь. Почти сразу под ногами стали встречаться убитые оморы и цирвады. Я отметил, что застигнутых врасплох живорезов было где–то в два раза больше, чем рогатых человечков, сошедших с Ригеля. Вдруг подземелье содрогнулось от звона гонга, призывающего весь Ол–То к оружию. От звона звук перешел в протяжный вой колоколов. Вуг–вуг–вуг, – надсадно гудело рефреном. В городе неприятель! В Ол–То беда!

Все чаще из расходящихся в бока коридоров на нас набрасывались оморы. Их либо пришибали стрелы Резца, либо пламя Клюквы, либо клинки избранных цирвадов – охраны небожителей. Я в драку не вступал. Доверившись Цоп Тою, старшему из телохранителей, прикрывавшего меня своим щитом, я, полностью сосредоточился на проявлениях каких–либо колебаний энергии. Ловить Вселенские всплески пришлось недолго. Мощь артефактов Гравразуба, а так статья, что и самого Гравразуба, переваривающего ихор Лоргварзабараз, потрясла мое восприятие чередой магических отсверков. Они были настолько яркими, что их ощутили концентрирующиеся на ином и Альфонсо, и Настурция.

– К той лестнице, – сказал я, показывая Альдбригом влево.

– А то мы не догадались! – сверкнул зубами Альфонсо. – Гравразуб с Сапфиром–Благословением и Брошу–Ха, словно церемониальный костер в канун Дня Всех Святых! Пылает!

– Цоп Той, не давай никому подойти к нам! – наказала Настурция, приканчивая Клюквой трех оморов.

– За Небо и Твердь! – со страстью ответил цирвад.

Взбежав по крутому лестничному маршу, мы оказались в просторном холле с каменными перегородками и нишами, загромаждёнными всяческим барахлом. Отовсюду доносились вопли существ Великого Леса. На приступочках, на пяточках и в ширине проходов древние враги сводили свои не менее давние счеты. К моим ногам покатила отрубленная голова. Высунутый язык и разорванная щека... А за ней еще и еще одна... С подмостков и балкончиков (пли!) шумели арбалетные залпы. Цирвады давали им отпор короткими складными луками. Альфонсо тоже подключился, ровняя шансы жителей Шамсундоля Резцом. Его стрелы безошибочно попадали в глаза оморам, прямо под пластины брони. Пробиваясь сквозь толщу тел, мы неотступно держали курс наверх. Перепрыгнув три ступеньки, я, испепелив Молнией четырех оморам и вскрыв артерию на бедре пятому, с разворота приложил Ликом Эбенового Ужаса к морде подбирающейся твари, тем самым уберегая Настурцию от кинжального тычка. Благодарно кивнув, колдунья Ильварета Клюквой обратила десяток живорезов в мышей, после чего изжарила их напалмом. Альфонсо неугомонно дефилировал вокруг нас с Щавелем наперевес. Куда не попадал его топор (оморы от природы, что твой непрошибаемый комод), доставали длинные шипы на перчатках. Взметая плащом, финтя Щавелем, Альфонсо отвлекал внимание живореза и... шипы вонзались в глаза. С латных кулаков Дельторо (он перекидывал Щавель то в одну руку, то в другую) лились кровавые струи. Да, и где они не протекали здесь?! Багрянец, смоль, стоны и мольбы... Кровожадность и безумие.

Каким-то чудом мы перешли на более высокий ярус Ол-То, не получив никаких повреждений. Мне стесали подбородок, а Настурции ободрали щиколотку, но ничего серьезного. Вместе с тем ряды наших телохранителей, как и тех цирвадов, что успели сюда прорваться, заметно поредели. Здесь, среди кривобоких статуй и уродливого убранства, явился эпицентр мистерий – Гравразуб. Я сразу смекнул, что это именно он – король оморам. В алом с белыми вставками меховой пелерине, в богато украшенных золотом сапогах и с кирасой из отличной воронённой стали, этот живорез, окруженный шаманами и отборными бойцами, своей грозной властью восстанавливал порядок в

атакованном Ол–То. Там, куда он шел, цирвады гибли целыми пачками. На запястьях, в браслетах из яшмы, у Гравразуба блестели Сапфир–Благословение и алмаз Брошу–Ха. Король–колдун, правой рукой сжимающей меч, пылающий синим пожаром, крушил цирвадов заговоренным булатом, а левой, ниспосылал на них буруны расплавленной и едкой пульпы. Настурция зарядила в него россыпью «Огненных» шаров, а я добавил к ним дугу электрического разряда. Да это как в океан Безнадежности гальку швырять. Наше магическое нападение без остатка, как бы невзначай, поглотилось браслетом с Брошу–Ха. Впрочем, брызги магии у носа Гравразуба не могли не привлечь его внимание к тем, кто их послал. С утробным рыком, он повел свое разрастающееся с каждой секундой войско строго на нас.

– Надо убираться отсюда обратно в туннели, – рывкнула Настурция.

Контрзаклятием Щит, блокируя ядовитые Ядра шаманов Ол–То, она увлекла меня за базальтовую перегородку. Краем глаза я увидел, как Альфонсо, прежде чем присоединиться к нам, пристрелил Резцом парочку спешащих к нам омов. Пронзенный копьем, в балюстраду грохнулся Цоп Той. Он захрипел и, пустив изо рта кровавую струйку, замолк навсегда. С пришествием Гравразуба, цирвады стали сдавать завоеванные позиции и пятиться назад. Торжественные кличи, посвященные Неба–Араксе и Медному Богу, оглашали Ол–То все реже и реже. Нас обращали в бегство! Что до короля–колдуна, то он смекнул правильно, кто тут самый опасный. Гравразуб двинулся за нами. Зная город, как свои пять пальцев, король–колдун теснил нас и десяток прибившихся к нам цирвадов в нутро Ол–То. В жилых кварталах старые и молодые оморы, завидев нас, беспорядочно разбегались и ползли в укрытия. Осветив Молнией проход, я изжарил пяток омов, но потом в страхе отшатнулся – позади меня их было уже видимо–невидимо. Кажется, влипли! Села муха на варенье–е–е–е, вот и все стихотворенье–е–е–е!

– Убить вас будет мне мало! Я вырву вам все пальцы! Все зубы! Все кости выверну наизнанку! Потом свяжу их вместе и буду трясти! Бряцать! Греть! – орал Гравразуб, первым несясь к нам.

– Может, мы сами себя прирежем, а?! Или это тебя расстроит? – крикнул ему Альфонсо, запуская очередную стрелу из Резца.

Бегущий, как рассвирепевший бык, Гравразуб тонкого юмора не оценил. Стрела клацнула ему по нагруднику и отлетела куда-то в сторону.

– Нет! Сами– не надо! Сами не смейте! Я самолично пушу вам кровь! И омою ею каждый закуток своего городища!

– По сути-то, он прав. В эти вонючие норы нас не звали. По статусу мы тут сейчас «захватчики», – досадливо сказал Альфонсо, выпуская еще стрелу. Она впилась какому-то омуру в шею.

– Нечего было воровать Сапфир–Благословение у Имиш Амπτу! – отдуваясь, гаркнула Настурция.

– Тоже, кстати, да! – на ходу крикнул я.

Обливаясь потом, прищелкивая челюстями и лихорадочно соображая, как нам быть во всей этой ситуации, я, шандарахнув из Лика Эбенового Ужаса глобулой Огня, оглянулся. Длинный узкий тоннель, такой, что пройти в нем можно плечо к плечу только вдвоем. Гравразуб, несравненно более прыткий и быстрый, чем мы, уже почти дышал нам в затылок. Сократив расстояние между нами до десяти футов, он, выудив из-ниоткуда Ледяной Шип, запустил его в нас. Опять выручило контрзаклятие Щит, вовремя созданное Настурцией. Хоть она и не показывала этого, колдунья была ментально выжата. Примерно, как постиранная одежда в руках трудолюбивой прачки. Да и я был не лучше. Заклинания давались нам все сложнее, и мозги кипели. Противопоставляя чародейству Гравразуба свою Эгиду, Настурция испытывала титаническое давление элемента стихии, в данном случае – стихии Мороза. Это, как бы так сказать, не самые приятные ощущения. Потом после такого «увеселения» (я сейчас про себя) можно целые сутки лежать и приходить в себя. Так не отвлекаемся... Альфонсо, воспользовавшись магией Природы,

выкинул на Гравразуба плющ–веревки. Они опутали короля–колдуна всего на мгновение, затем он сорвал их с себя и с животным воем простер отвратительную длань. По ее мановению позади нас обрушился потолок... Все? Это – конец? Умирать, так с музыкой! Настурция выровняла баланс сил! Клюква, выбив Огнем брешь в стене, сомкнула за Гравразубом горячие блоки стен. Мы втроем – и он один. Это сверхъестественное противостояние я могу сравнить лишь с пыткой. Король–колдун, вооружённый Брошу–Ха и Сапфиром–Благословением, развез руки в стороны и завыл, призывая к себе на помощь Бога–Идола Кхароторона. Секира – заклинание, вызывающее что–то наподобие полупрозрачного клинка, зависло над нашими шеями. Пользуясь магическими предметами, король–колдун стал давить на всех нас сразу. От напряжения у меня помутнело в глазах. Я знал, что если моя воля ослабеет, мне конец. Рядом вели свои собственные дуэли Альфонсо и Настурция. Отстранившись от всех и вся, я как бы издали ловил ухом то, как оморы, глухо переругиваясь, пытались откопать брешь к своему повелителю. Мой опыт подсказывал мне – самому мне не одолеть Гравразуба. Никак. Никогда. Только объединив усилия с товарищами, совместно, мы можем дать ему отпор. Расщепив свое сознание на мысли–щупальца, я, оставаясь стоять как вкопанный, послал их к друзьям.

Они откликнулись! Как ниточки–паутинки, мы сплели свои энергетические потенциалы и, вылепив из них невидимую для глаза сферу, отправили ее навстречу Гравразубу. По мере того, как сфера летела, она обретала контраст, становясь из ничего искрящимся белым кругом. Яростно сплюнув через щель в желтых клыках, Гравразуб принял ее своими скрещенными браслетами. Прогредел жуткий взрыв! Ошметки короля–колдуна, меня и Настурцию откинуло в один край заваленного туннеля, а Альфонсо, наоборот, вопреки воздействию ударной волны, через весь накаленный воздух и огонь притянуло к его противоположному концу. Скорее всего, Брошу–Ха, стремясь впитать в себя наш дезинтегрирующий запал, в последнюю секунду уцепил к себе Дельторо. Землетрясение! Машинально я схватил дымящуюся руку Гравразуба и сорвал с нее Сапфир–Благословение. Отовсюду сыпались камни, твердь Ол–То исходила конвульсиями и... Я увидел то, что никогда бы не хотел видеть...

Здоровенная глыба весом тонн в десять, отколовшись от свода, накрыла собою Альфонсо... Выжить под ней, да, я сразу это осознал, за тот короткий миг отчаяния и черного горя, у него не было никакой надежды... Последнее, что мне довелось разглядеть и сохранить в памяти, прежде чем я провалился в дыру, разверзшуюся в полу, это неподвижное и очень бледное лицо моего друга, треснувшее поперек лба кровавой молнией... Да, это дико, это неправдоподобно, это невероятно, но мой старый, верный и любимый всем сердцем Альфонсо погиб, и теперь навеки останется лежать в могиле, называемой омирами Ол-То. Падая куда-то вниз, я, подверженный дикому стрессу, вдруг ясно и четко постиг истину – возвращаться к Альфонсо и проверять действительно ли он умер – бессмысленно. Иначе не могло просто быть. Вместе со следопытом, героем и искателем приключений клуба Грозная Четверка, который теперь останется лишь в памяти да в соленых слезах, под толщей камня, навсегда упокоился и Гравразуб – король-колдун, заручившийся через Брошу-Ха драконовой статью. Брошу-Ха – великий, лживый и надменный алмаз-звезда Бога-Идола Ливана, теперь тоже затеряется под всеми этими обломками, и я надеюсь, что на веки вечные. Гравразуб не победил нас по одной причине – его интеллектуально ограниченный мозг не мог понять, как подчинить себе Брошу-Ха и Сапфир-Благословение, так, чтобы вместо конфликта они действовали заодно. Мощь дракона, король-колдун, как пить дать, тратил на сдерживание этих божественных предметов в узде, ведь будь иначе, он бы с нами не цацкался. Конечно, Гравразуб научился, как опираясь на Брошу-Ха и Сапфир-Благословение блокировать простые чары и самому вершить их на уровне адепта, но вывезти на этом ему была не судьба. Я все это думал, как бы между прочим... Отвлеченно думал ... А между тем, я, вместе с Настурцией и каменным водопадом стремительно низвергался в пропасть по какой-то штольне, которая, словно по мановению волшебной палочки, возникла под нами... Мне в голову ударил булыжник. На секунду все померкло, а потом... Тьма, что окружала меня, внезапно рассеялась. Она подменилась светом, но не тем, что мы привыкли за него считать. Этот свет был серым. Все стало серым в разных его оттенках. Каким-то шестым чувством я догадался – время замедлилось до тонкой, вытянутой до предела

струны. Через застывшее в пространстве крошево, сквозь пелену серости всех тонов, меня и Настурцию мягко потянуло вниз. Сколько длился этот полет? Час или минуту? Для меня реальность как будто смазалась, и потому ответить на этот вопрос не представляется возможным. Точно скажу одно, наше первоначальное падение вниз изменило курс. Меня и Настурцию потянуло в бок, в природную каверну. Когда мы оказались вне штольни, под защитой потолка, время вновь приняло привычный темп. Я увидел, как смертельный каменный обвал миновал нас и устремился к недрам Ол–То. Звонящая тишина... Я подошел к Настурции.

– Я в норме, – сказала она, отряхиваясь.

– Альфонсо...

– Горевать будет потом. Смотри...

Мы находились в овальном кармане, выдолбленном в Ол–То, перед пропастью, ведущей в крошечные глубины земли. Впереди нас, футах в тридцати была дверь, исчерченная невообразимыми рунами и украшенная вставками из лепнины и серебра.

– Кажется, что нам туда... – глухо проговорила Настурция. – Я предвижу, что там нас ждет сила, которая не дала нам умереть...

– Иного пути нет. Пошли.

Дверь поддавалась легко. Только стоило мне на нее нажать, как она сразу открылась. Внутренний антураж... Он поразил меня. Весь пол был устлан пурпурными коврами. В канделябрах, расставленных по какому–то эзотерическому принципу, мерцали неугасимые свечи из нетающего воска. Колонны, вырезанные прямо из тверди, треугольником сходились к возвышению. Там, за десятью порожками была угольная апсида. В ее лоне, из пятиконечного алтаря, наполовину высываваясь из него удивительным лезвием, торчал меч с рукояткой в виде солнца. Я перевел взгляд с него наверх апсиды, где над мечом располагался триптих. Его изображение, уникальное в своем роде,

влило в меня «стакан» благоговения. В середине триптиха было выведено некое существо–дух, состоящее из пламени и сидящее на троне. Буквы, древнее самой Вселенной (они интуитивно отпечатались во мне), над ним гласили – У–Р–А–Х, правее выведенного Вседержителя зарисовали Его воинство Небесное и Земное, а слева... Нолда Темного! Как только меня поразила эта истина – все вокруг вновь посерело... Вспышки света... Я отделился от своего собственного тела... Меня куда–то несли... Это сон наяву...

До того, как я получил послание от королевы Элизабет Тёмной меня и раньше посещали разнообразные грёзы, нёсшие отпечатки будущих событий или их эвентуальные варианты. Сегодня, сморенный тяжкими испытаниями, с посула Макрокосмической Вибрации, я пустился в полузабытьё–путешествие, но не то, что мне навязывал Укулукулун изо дня в день на протяжении этих месяцев, а в другое, оваянное совершенно иной мощью. Хрипохор... Я находился в непролазной лесной глуши Великого Леса и надо мной возвышалось Червонное Капище – гигантский красный курган, источенный ходами–лазами и плюгавыми трубами, из которых курился смрадный дым. Подле меня стоял герой прошлого, я знал его. Нолд Тёмный взирал на меня ясными, пронзительными и донельзя печальными глазами. Они моргнули, и я переместился в глубокий чертог, который озаряли исковерканные и кургузые руны живорезов. В нем, на постаментах с багровыми оттисками, в полумраке и удушливом мареве, торчали безгранично уродливые и страшные истуканы–божества: Маморгамон, Ворг, Вилисивиликс, Ливан, Дроторогор, Нургахтабеш, Захваш, Мрахарафат, Дуни, Шигхломар, Вайри, Кварцарапцин, Кхароторон и Кчорохорох – все они, в разных ипостасях, скалились на единственную благообразную хоть и подточенную скверной фигуру–статую, на Нолда Тёмного. Они хотели поглотить его, но пока не могли. Я чувствовал, как он сопротивляется всеобщему напору, однако силы легендарного короля Соединённого Королевства потихоньку истощались. Во полусне я подумал – как он может существовать, если свершилось Пророчество Полного Круга? Неужели он каким–то образом обманул Смерть? Нолд Тёмный возник рядом со своей фигурой–статуйей. Пошарпанный струпьями и шанкром, не такой как в начале сна–путешествия, он, сжав губы в тонкую обмётанную

нарывами линию, всем своим безмолвным видом показывал мне, что сотворил что-то ужасное и теперь от этого неимоверно тоскует и мучается. Внезапно первый король Соединённого Королевства мигнул, а потом ещё и ещё раз. Пыльные прорванные гобелены, едва шевелящиеся под затхлыми дуновениями коптящихся курильниц, замерцали, а тусклая позолота интерьера, доселе отдававшая какой-то зелёной плесенью, поплыла и стушевалась. Перед взором заплясали разноцветные иероглифы Хрипохора, которые сомкнувшись вокруг меня, перенесли моё естество высоко в хмурые небеса. Там, парящие неподалёку буквы сложились в слово – “Отречение”. И сразу после его осознания все краски оплыли кляксами, растеклись и закрутились так быстро, что я потерял ориентацию... Через считанные мгновения я опять оказался в Ол-То. С пересохшим горлом, с ломотой в суставах и с вспотевшими висками, я нетвердо заковылял к мечу. Теперь я отдавал себе отчет, для чего я здесь...

– Стой! – крикнула Настурция, пытаясь схватить меня за руку.

Поздно.

Моя ладонь уже успела лечь на рукоятку оружия... Когда это произошло, по залу, где мы стояли с Настурцией прокатился вихрь из звезд... Он был такой пленительно дивный и чарующий, такой теплый и нежный, что я едва не позабыл, кто я такой... Однако боль от прикосновения к мечу вернула меня обратно к действительности. Я отдернул руку, снял перчатку и... на ней по линиям Судьбы и Жизни из разреза текла кровь, а рядом со мной проявился Нолд Темный... Внешне призрачный, король набирался осязаемости, пока полностью не облекся в плоть.

Высокий, мускулистый, с короткими волосами и безукоризненной осанкой, он одновременно был воплощением благородной, всеобъемлющей красоты и убогой безобразности самого низкого толка. Его черты неуловимо менялись. Вот он неполноценный и аномальный калека, а вот он почти с ликом нимфы (уточню, что нимфы –не всегда женщины, но есть и мужчины). Я чувствовал, что, дотронувшись до клинка и оросив его своей кровью, создал некую

связь, выведшую сюда Нолда Темного из Безвременья. Более того, я знал, что теперь первый король Соединенного Королевства может изъясняться со мной не только видениями, но и словами... И правда, он заговорил:

– Избранные Светом, вы тут, чтобы стать свидетелями моего откровения, а также для того, чтобы Мир был спасен. Внемлите мне, Нолду Темному, родоначальнику Соединенного Королевства и вашему пастырю. Я совершил грех, коему нет равных. Хотя многие из пророков отвернулись от Него, никто из них не предавал Ураха так, как сделал это я...

Голос Нолда Темного был ровным и властным, содержащим в себе интонации, безраздельно завладевающие вниманием слушателя.

– Урах провозгласил меня Своим Вестником, Своим Лидером и Знаменосцем. Он дал мне все. Он вручил мне вас – людей, Его детей и его Дом со Святой Церковью – Соединенное Королевство...

Нолд Темным медленно пошел по залу, а я и Настурция вслед за ним. Там, куда ступала нога короля, проступала то клубящаяся чернота, то искрящееся сияние.

– Легко служить тому, кто всемогущ и тому, кто непобедим, ты всегда в выигрыше. Но как себя вести, если твой повелитель видоизменился? Когда Урах отправился «Я–Разумом» на встречу к Судьбе, Той, что у каждого Князя из Круга Девяносто Девяти Своя, Он прекратил Быть Вседержителем–Индивидуумом. Урах отделился от своего «Я–Абсолюта–Мощи», заперев Его в Звезде Жизни, оставив здесь Себя, в виде Законов и Правил. Такое сложно объяснить... Это произошло в далеком–далеком прошлом, еще до сотворения нашей Тверди как планеты, и вместе с тем, совсем недавно, после моего восхождения на престол Соединенного Королевства. Пертурбации времени и осознание их каналов–червоточин, которые выводят в стезю «настоящего» и «прошедшего» не подвластны ни моему, ни уж тем более вашему пониманию. Тогда, несколько тысячелетий назад, я просто ощутил – Ураха со мной больше нет. Его нет ни с кем из нас, из

Его апостолов. Так происходит, когда костер заливают водой и вы, сидящие вокруг него, теряете тепло и окунаетесь во тьму... Для меня наступил холод. Нестерпимый. Адский. Запредельный.

Нолд Темный резко остановился и съёжился. По его лицу пробежала сеть гнойных нарывов. Они лопнули и тут же подменились здоровой кожей. Король поморщился, после чего возобновил рассказ:

– Та пустота, что поселилась во мне в те годы... Она, ужасная немочь, была хомутом, неотступно и без всякой жалости душившим меня и день и ночь. Это жуткое всеокрушающее уныние несравнимо ни с чем. Лучше умереть, никогда не зная Ураха, чем жить, утратив Его в себе. Однако сие случилось. До меня доходили обрывки стенаний и агонии тех, кто обретался на земле вместе со мной – Эмириус Клайн, Джеда Хартблада, Цхевы и Фарганорфа, дракона, снискавшего милость Всеотца последним. Чтобы не погубить себя болью сестер и братьев, я отгородил свой ум от их воззваний.

Король Соединенного Королевства подвел нас к столу.

– Мне нет оправданий в том, что я содеял потом. Скажу одно – та мука все же возобладала над моей бедной душой. Я метался из угла в угол, пока в своем безумстве не обратился к Хрипохору.

Герой сел на архаичное кресло и жестом показал, чтобы мы последовали его примеру. Нолд Темный сдернул со столешницы покрывало. Под ним оказался небольшой хрустальный шар, очень напоминающий тот, что я забрал у Милтара Бриза в Мил'Саак. Король коснулся его ногтем, и он словно бы ожил. В сфере закрутились осенние листочки, и заморосили дожди. Потом все поглотили буруны индигового моря. Нолд Темный сощурился.

– Думаешь о Гамбусе?

– Да, – отозвался я, поспешно добавив: – Мой король.

– Не упоминай этот титул по отношению ко мне. Я более не достоин его, – покачал головой Нолд Темный. – Достаточно имени – Нолд. За стеклом действительно Гамбус, Колыбель Вседержителей. Но сам шар – это не Гамбус. Он лишь дверь в Него и носит название Арта. Дарованная мне Урахом, она моя по праву.

Я округлил глаза.

– Стоп! Арта же в Килкваге! Она на крыше башни, покоится на треноге! Туда ее при мне поместил Джед Хартблад!

Нолд Темный поглядел вверх, затем вновь меня. Мне показалось, что он соображает, как попроще нам что-то растолковать.

– Для меня нет разницы, где именно находится Арта. Я могу призывать ее образ из любого места нашего Мира.

– Арта... и в ней тот самый Гамбус, – пробормотала Настурция Грэкхольм.

– Для того кто есть нынешний я, Арта – это вечное напоминание о безвозвратно отвернувшемся от меня Рае. Я не был в нем, наверное, уже... так давно. Гамбус отгорожен от меня нерушимым заслоном... не хрустальным ободком Арты.

– Почему? Нет! Ты был в Гамбусе, в Первородном Соблазне, когда Таурус Красный Палач пытался извратить Пророчество Полного Круга! – невольно воскликнул я.

– В некоторой степени. Мы скоро подойдем к этому моменту и рассмотрим его во всех подробностях, – блекло улыбнулся Нолд Темный, затемняя Арту новым прикосновением. – Мы все еще стоим на той точке, когда я в умопомешательстве обратил свои помыслы к Хрипохору. Вы, люди, привыкли думать о том, что Хрипохор – это культ Богов-Идолов. Это не совсем так. Поголовное число живорезов поклоняются именно Богам-Идолам, но лишь в Червонном Капище ведают, что они, эти Стихии-Цари, есть не что иное, как лоскуты

разорванного Вседержителя Юкцфернанодона. В конце Эры Предтеч, той, что заложила основы для всего живого, Юкцфернанодон вдруг выступил против сотворения смертных. По его мнению, вы, люди, гномы, эльфы и прочие – это ошибка. Язва. Болезнь. Распад. Он предостерег Рифф, Харо, Ураха и Назбраэля о том, что вы, своим появлением вызовете из Ничто Ту, Которая будет способна погубить даже самих Вседержителей. Но Назбраэль, рассмеявшись, ответил Ему: «Они, предвижу, многие станут мне рабами в Мире Тьмы. Мой ответ – сказать им: «Будь»». Харо высказал: «Моя справедливость требует от Меня дать созерцать Вселенную не только Мне. Мой ответ – сказать им: «Будь»». Рифф промолвила: – «Моя природа – есть Изменение и Плетение Узора. Мой ответ – сказать им: «Будь»». Урах грянул: – «Я есть Любовь и Добро. Они, более всех Вас, есть Мое Начало. Мои Владения, Мир Света, Я уготовил для них. Мой ответ – сказать им: «Будь»». После этих знаменательных Слов в Явь пришла Замыкающая Круг Девяносто Девяти. Смерть. Тогда Юкцфернанодон, желающий обезопасить вас, смертных, от угасания, набросился на Нее. И проиграл Ей. Смерть разделила Юкцфернанодона на аспекты–аватары Его метафизической сущности и закинула Их сюда, на землю. Юкцфернанодон не был плохим, но, наоборот, в вашем понимании Он – «хороший», противопоставивший Себя Смерти, Умерший на Срок за то, чтобы вы не переходили в Мир Света или в Мир Тьмы, но вечно оставались молодыми. Однако вместе с тем, будучи по рождению Демиургом из Большого Взрыва, Юкцфернанодон лишен жалости и сострадания, как вы их себе воображаете. Им всегда двигал, если уж можно так рассуждать о Вседержителе, рационализм. Что – допустимо, то допустимо, что противоречит – то недопустимо и тому «Не Быть». И его обрубки–органы, Боги–Идолы, скинутые в данный Мир как сор, обзаведясь собственным сознанием, к сожалению, не впитали в себя зерно Возвышенного Равновесия. Так вышло, что жестокость и угнетения оказались им слаще, чем милосердие и забота о ближнем. Боги–Идолы боролись против драконов за право обладать Землей, но были сомкнуты Святым Словом Ураха и выдворены за Грань.

Нолд Темный вздохнул и устремил свои поразительные очи на Настурцию.

– Ты в смущении, Избранная. Я тебя не виню. Охватить разумом то, что я вам ныне рассказываю, задача не пустяковая. Верь мне. Я – Нолд Темный, и все что я говорю тут – правда.

Настурция заерзала.

За секунду лик первого короля Соединенного Королевства истончился и покрылся сетью морщин. Глаза запали в череп, а волосы выпали. Затем он так же быстро вернулся прежний вид.

– Суть. Мы с вами в преддверии моего греха. Я лишь хочу, чтобы вы прониклись тем, чем я тогда руководствовался... Хотя, к чему это? Вот видите, даже сейчас я пытаюсь как-то обелиться. Это не я, но происки того, к Чему мне довелось приобщиться, – сказал Нолд Темный, кладя руки перед собой ладонями вверх. – Слушайте же дальше. Урах ушел из меня, но я маниакально жаждал восполнить тот пробел, что Он занимал во мне. Заново завязать ту ниточку, что ведет к Замыслу. И я пошел в Червонное Капище. Я говорил себе – Юкцфернанодон – это не Назбраэль. Он не представляет собою квинтэссенцию Зла, и что Он не будет требовать от меня вершить разрушения в угоду Ему. Что, временно став вассалом, но ни в коем случае не Богом–Идолом, как мне тогда казалось, Этого Вседержителя, я, когда все наладится, отрину Его и смогу потом по-прежнему продолжить служить Урагу.

Как же я заблуждался. Нельзя быть верным Урагу и Назбраэлю сразу. Выбирая Назбраэля, вы отвергаете Ураха и Его Мир Света, обрекая себя этим на Духовную Смерть и Мир Тьмы. С Юкцфернанодоном тоже самое. В Червонном Капище меня встретили, как заблудшего сына. Мне пообещали, что Юкцфернанодон снизойдет ко мне и я, встав в его ряды, вновь обрету единение с Вселенной. Мне солгали. Ритуалом, древним и мрачным, жрецы насильно отделили мою душу от тела. И вопреки ожиданиям, я не вознесся к Юкцфернанодону, но влился в статую–истукан, вырезанную загодя по моему подобию. В тот день в Червонном Капище грянул Великий Праздник Принятия меня в число Богов–Идолов. Пока начинались

дикие пляски и оды, меня постигло откровение. Да, я приобщился к ауре Стихий; к Ливану, Вайри, Дуни, Шигхломару и прочим. К Осколкам Юкцфернанодона, но не к Нему Самому. Знайте, что Реальность такова – Юкцфернанодона, как Вседержителя и Цельной Личности нет с Эры Предтеч, и все учения, уверяющие обратное, беспочвенны и ведут к гибели. Я попался в их сети и поплатился за это. В том трансе, окутанном пламенем, морозом, ветром, лавой и минералами всех пород, на сцену моего взора взошел самый сильный из Стихий, Дроторогор. Он проревел: «Теперь ты есть Приобщенный к Таинству, Аватар, Бог–Идол для буревестников, но не Собрат для Нас. Смотри, слушай и постигай – Миг почти настал. Ты – Предатель, Отвернувшийся от Ураха, будешь Инструментом для пробуждения своего нового Господина, Юкцфернанодона. Мы Все, Вящие Аватары, вновь сольемся Воедино и растворятся в Нем. К Его Славе. К Его Причине и Следствию. Ты же – Инструмент, лишь сгоришь, напитаешь Его своим Ихором. Такова твоя Доля и твое Распределение. Сему Быть». Я осознал, что цель Хрипохора, поныне всегда тщательно скрывающаяся от всех и вся – это восстановить Юкцфернанодона, как Вседержителя. А меня... Меня, дурачка и простофилю, уготовили стать для этого опорой. Именно моя душа, ее энергия, возвращенная Урахом, всего какие-то годы назад, взяла форму Ключа, выпустившего в мир Дроторогора. Я сделал это против своей воли. Пантеон Богов–Идолов принудил меня отыскать лазеечку к тому, как отомкнуть Затвор между Небесными Гранями и Галереями. Под нажимом я открыл Белую Дверь. Мною владели всего мгновение, но его хватило, чтобы Дроторогор успел проскользнуть через Брешь.

Нолд Темный удрученно сжал голову руками. Он зарябил и обзавелся потусторонними чертами, которые проскрежетав электрическими всполохами, спустя несколько секунд пропали.

– Это событие принесло мне огромное горе. Я был обманут. Я не получил связи с Юкцфернанодоном, так еще и выпустил в мир Демона. Мне уготавливали гибель. Но хуже всего было даже не это, а то, что я, заключенный в мерзкую оболочку, ощутил в себе робкое дыхание Ураха. Мне припомнилось все то, что Он говорил мне, отдавая Корону Света. Пророчество Полного Круга, о котором я

позабыл, всплыло во мне горящим колесом. Оно близилося! Тут я опять проникся тем, как мне удалось снять Замок с Белой Двери. Урах был во мне! Он не покинул меня! Я являлся Его сосудом–хранителем! И именно Он, моими руками, однако не Его желанием, распахнул Белую Дверь! Сам бы я этого сделать не смог, да и никто бы не смог, ибо только Он, сильнейший. Он есть Свет Предвечный. Теперь отвечу на твой вопрос Кaleb. Я знал, что Таурус или кто–то другой из генералов Десницы Девяносто Девяти Спиц, явившись на землю, догадается, что Урах, ушедший к Своей Судьбе Разумом, но не Духом–Законом и Духом–Инструкциями, дабы не погибнуть от Возмездия Братьев–Князей, разделится на четыре части. И что меня, Цхеву, Джеда и Эмириус станут искать. Лично за себя я был почти спокоен. Мое настоящее физическое тело находилось в Гамбусе, и пробиться к нему можно было, только сломив чары Арты, в свою очередь укутанной в покровы колдовства Мил’Саак. Яйцо в яйце, да в таком, где одна скорлупа прочнее другой.

Заметив мое недоумение, Нолд Темный невесело хмыкнул:

– Да, да, я ушел в Гамбус почти сразу после того, как Урах направился к Своей Судьбе. И я мог, хоть и ограниченно, влиять на ход бегущей вперед истории! Мое признание самому себе в том, что я оступился, лишь подлило масло в огонь моего рвения! Всем сердцем я алкал и до сих пор алчу вновь прильнуть к груди Ураха. Но понимая, что тому уже вряд ли быть, я, минувшей осенью, исподволь, взялся исправлять и то, что произошло из–за меня – Дроторогор и то, в чем моей вины нет – Таурус. Впрочем, откатимся немного назад. Примерно за четыре десятилетия до Пророчества Полного Круга, Боги–Идолы, подозревая, что я намерен явиться кому–нибудь из героев и рассказать ему о том, как бороться против только перебравшегося через Грань Дроторогора, поймали меня во Вселенском Куполе. Они окружили меня и сломили. Не полностью, но настолько, чтобы речь более не принадлежала мне. Потом они занялись своими насущными делами, а меня, помятого и раздавленного, словно бы выкинули на помойку. Вот из–за этого упущения, того, что Они не истерзали меня окончательно, наш Мир еще жив. Этот меч, Избранные, мой меч. Задолго до того, как оморы облюбовали Ол–То, я засунул его здесь в алтарь. Он – мой

вечный знак преданности Ураху. Сейчас он стал нашим спасительным маяком. Взяв мой меч в руку и облив его своей кровью, ты, Калерб, сломал некие невидимые барьеры Вселенских запретов. Да, тебе интересно какие, но у нас на это нет времени.

Нолд Темный улыбнулся.

– Еще чуть–чуть, и мы приблизимся к развязке. Пророчество Полного Круга и как одолеть Дроторогора. Об этом и не только. Я провидел месяц, день и час, вплоть до минуты, когда Фабиан Темный, загипнотизированный Блюдером Рови, вонзит кинжал в своего отца Вильгельма. Я знал дату, потому что Ее поместил в меня Урах. Она всплыла во мне сразу по осознанию того, что я являюсь сосудом–хранителем. Пророчество Полного Круга – есть важная веха в метафизической трансформации Ураха. Когда Оно грянуло, Энергетические Завихрения Света и Тьмы были столь импульсивны, что я, хоть и зажатый в каменного Бога–Идола, смог применить Их нам на пользу.

Наш с Настурцией собеседник указал на меня двумя пальцами.

– Ты – Избранный, Калерб. Вселенной или Девяносто Девятью, а может и Сотой, неважно. Но ты такой. Еще до твоего рождения Кто–то определил или Что–то определило тебя на Сверхшения. Ты предстал передо мной в замке Шальха. Неестественно восприимчивый к Аномалиям и умный по меркам людей.

Сложив ладони домиком, Нолд Темный, бесстрастно глядя на то, как я краснею, серьезно промолвил:

– Я не хвалю тебя и не набиваю тебе цену. Ты – Печальное Орудие Многих. И мое, в том числе. К Добру, как по мне, и к Худу, по мнению Тауруса. Ты – Долото, крошащее базальт Высших Сил в пыль. Помнишь, ты лежал в спальне дворца? Войдя в твой сон, я, безмолвный, Откликом Мощи, скинул тебе тоненькую петельку, ведущую к ковру всего Узора. К тому, где кроется Истина. К тому, как

найти Пророчество Полного Круга, принять Его и осуществить. Ты сообразил и пошел к Эмириус Клайн.

Первый король Соединенного Королевства запнулся. Он поднял брови, поглядел по сторонам и отрывисто продолжил:

– Матрона Тьмы. Ей ты тоже показался «выгодным». А может, и нет. Я так до конца и не понял, что за игру она вела. Естественно, что Эмириус чувствовала Пророчество Полного Круга не меньше моего. Хотела она встать на одну планку с Богами–Идолами и Высшими Духами, или так своеобразно, чтобы не унюхал Таурус, толкала тебя к исполнению Завета Ураха – не знаю. Однако факт есть факт – Пророчество сбылось. Все висело на волоске, все было очень хлипко и хрупко. Почти на острие ножа! Особенно, после того, как Мил’Саак, со смертью Митара БриZZа, скинуло свою защиту, и Красный Палач получил доступ к Гамбусу и ко мне, к четвертому сосуду–хранителю. Эмириус – выдающийся и бесстрашный воин, но она не берсеркер, и ей свойственно все продумывать до мельчайших подробностей. Я тешу себя мыслью, и от этого мне как–то легче, что вся затея была выверена ею с филигранной точностью. Ведь не будь тебя в Первородном Соблазне, не потеряй Таурус контроль над ситуацией, не решишь Фарганорф на самопожертвование, все бы пропало. Урах бы погиб.

Нолд Темный пожал плечами.

– Эмириус либо гениальна, либо... Подберите слово сами.

– Она такая одна, – сказал я, вспоминая те великолепные и трансцендентные глаза–океаны Матроны Тьмы.

– Наверное, это самое верное определение, – странно улыбнулся Нолд Темный. – В твоих сегодняшних путешествиях я был всегда рядом. Иногда я умудрялся пробиваться к тебе в грезы. Помнишь, как тебя в них охватывали смутные видения, окрашенные волшебством Хрипохора? Его рунами и элегиями? Их насылал я.

Нолд Темный смежил веки, а затем, будто бы читая какой-то текст, монотонно произнес:

– «Море душ стремится выйти на волю, объединиться в одну», – это цитата. Ею и прочими, теми, что отложились в твоём подсознании, и теми, что нет, я готовил тебя к тому, что намеревался обрести Хрипехор – Юкцфернанодона.

– Прости, но я не вижу того, как твои ведения, мой корол... Нолд... помогли Калебу и нам в... сейчас, – сказала Настурция. – Дроторогор топчет Соединенное Королевство, которое, кстати, больше не «Соединённое», а «Разбитое». И Вальгард Флейт тоже не отстаёт от него.

– Для тебя, Избранная, Настурция Грэххольм, то, что не в Яви – то неочевидно, – вздохнул Нолд Темный. – Как я могу доказать тебе, вам, то, что Калёб выбирал свой путь не без моего участия? Может то, что вы ныне беседуете со мной, подле единственного меча, которым я искоренял нечисть, и который стал нашим проводником к разговору, – есть крошечное тому подтверждение?

Настурция Грэххольм нахмурилась, а я глупо брякнул:

– Значит, ты невидимо манипулировал мною?

– Нет, не так. Я наставлял тебя и как мог пододвигал к Уравновешиванию Сил, – тихо промолвил король Соединенного Королевства. – Те люди, которые сопровождали тебя – оказались «те самые». Разве не так? Смелые и надежные. Горячие на подвиги. А дороги... Сколько мелочей, сколько знакомств и переплетений Судеб... Все оказалось к месту и ко времени.

Хрустальный шар, он же Арта, вспыхнул белыми точками – звездами. И такими же стали глаза у Нолда Темного... Как два алмаза горящие в ночи... Голос короля загредел, словно водопад. Нолд Темный как будто бы преобразился, став... нет, человеком, он не был им итак... кем-то внеземным и могущественным.

– Утраченный навсегда квазальд! Ты нашел его! Не потому, что так случайно вышло! Но из-за того, что он нам необходим! Всем Королевствам, всей земле!

Голосу Нолда Темного вернулся былой тембр, а глаза потухли... но угли тлели в них. Облик короля то расплывался, то сходил в четкую обрисовку. И тут до меня дошло...

– Твое тело уничтожено! Но тебя там не было! Вот почему Таурус так легко совладал с тобой в Первородном Соблазне! – взволнованно вскричал я. – Твоя душа и плоть существовали отдельно друг от друга! Ты, твое «Я» – угодило в капкан Хрипохора, тогда, как твоя «оболочка» оставалась в Гамбусе!

– Эврика! Если телесно я был в Гамбусе, то душой – на земле, в истукане Червонного Капища, куда изначально пришел фантомом. Разве не об этом я говорю уже как полчаса?

– Значит сейчас перед нами твоя иллюзия? Нет, не иллюзия, но эфирное подобие, пребывающее под давлением Хаоса! Это сверхъестественное клеймо Стихий, Богов-Идолов затуманивает твой фантом и добавляет ему страшные и отталкивающие особенности внешности! Затем их опять сменяет красота и пригожесть, впитанная от Всеотца! Но это ты и есть! Так изменилась твоя душа! Она одновременно и алебастровой-белая, отданная Ураху, и красно-черная, вверенная раздробленному Юкцфернанодону! Два полюса бесконечно борются в тебе! А когда я ухватил рукоять твоего меча, сработал какой-то механизм, надбавивший очков той, белой стороне! Поэтому ты здесь!

Нолд Темный с интересом посмотрел на меня.

– Ты близок к тому, как это есть на самом деле.

– Чем предаваться разбору того, Кто теперь Такой... король... Не лучше ли нам обратить взор на упомянутый квазальд? – вклинилась

Настурция.

– Это важно, – согласился Нолд Темный. – Что такое квазальд? Сверхпрочный драгоценный металл, разбудивший у гномов аппетит обладания. Из-за него без объявления войны король Каменного Королевства Дюрнац Сердитый напал на Кхирта Лунного Менестреля – короля Воздушного Королевства. Галахи атаковали нирфов по всему Будугаю. Гномы победили, но Кхирт Лунный Менестрель проклял жадность Дюрнаца и сказал Слово–Заклинание, обратившее весь квазальд в пустую руду. Трагедия состоит в том, что, этим Словом Кхирт нечаянно, сжег и свой народ. Отрада же кроется в том, что несколько особей крылатой расы Урах в самый последний момент уберег своим Светом. Потом Всеотец явился к выжившим нирфам и забрал их с собой на Небеса, оставив в Будугае лишь одного, дабы тот вечно охранял Будугай от Злых Демонов Поднебесной Сферы. Вопреки огромной чести, преподнесенной Урахом, нирф горько плакал. Ведь он был обречен на одиночество, так как все его братья и сестры погибли, а иные ушли с Всеотцом. Слезы нирфа капали и капали. Они опадали на вершушку горы и превращались в чистейший квазальд – так Урах не позволил исчезнуть и тому, чего жаждал Дюрнац и что боготворил Кхирт. Та скала – Клервик, на которой состоялось это священное действие плача, гордая и неприступная, в будущем стала домом для клана Хагала.

Нолд Темный поюлил пальцем по поверхности Арты. Под хрустальным куполом возник смерч из лепестков цветов и зарниц молний.

– Я не буду вдаваться в подробности о том, как клан Хагал не замечал квазальд у себя под носом до сегодняшних дней и о том, как Шулум Медный Щит наткнулся на него именно тогда, когда в Клервике, на празднике Кузницы, находилась Фридия, отца которой, Доргха, содержал в плену клан Умбрдун. Скажу лишь одно – мои усилия для розыгрыша такой карты были более, чем велики.

Король Соединенного Королевства скривил губы.

– Я прозрел то, что Дроторогор, как только вспыхивает Пророчество Полного Круга, по неосторожности разобьет Корону Света. Чтобы починить ее, созданную самим Урахом, мне, нам, требовался квазальд. Фридия похитила его из спальни Шулума, но за ней быстро организовалась погоня. Я направлял гонку так, чтобы Фридии не позволяли вести своего снежного барса к родному клану Дригольхи, но вытесняли ее к рубежам Соединенного Королевства, к Караку. Самым сложным было устроить все так, чтобы ты, Калерб, скачущий на Юнивайне из Осприса, и Шулум Медный Щит, несущийся на снежном барсе Яшме из Клервика, встретились в одной точке. Однако, как ты в курсе, у меня это получилось...

Внимательно слушая Нолда Темного, я медленно–медленно проникался тем, что он не такой, как я или та же Настурция, да и в принципе, любой наш современник. Что падший король – беспредельно умный, умеющий и знающий... Что он смог продумать то, как сквозь годы и годы осуществить план по освобождению Мира от пяты Тьмы... Я, как рыба, несколько раз ухватил ртом воздух, – так отразилось мое неподдельное уважение к Нолду Темному.

–... Какой–то металл. Да? Квазальд. Стал бы ты вступать из–за него в драку с Шулумом Медным Щитом, если бы Серэнити не глотнула Живой Воды? Услышав от Шулума пересказ о краже квазальда, не видя в нем никакой пользы для себя, ты лишь вспомнил бы о нем то, что тебе поведал Дурнбад, который и это сделал по моему велению. И ты бы ушел от Шулума и Фридии, доверив Вселенной Самой распорядиться судьбой квазальда, потому что обладание претит тебе... Все же вышло иначе. Когда Шулум сказал – «квазальд», ты подумал – «Серэнити». Ты проштудировал десятки книг, и ты знал – квазальд есть противоядие к редкому эликсиру, к Живой Воде.

Я таращился на Нолда Темного, а он все говорил:

– Так было необходимо, свести все к тому, чтобы Серэнити выпила Живую Воду. Ее самопожертвование Соединённому Королевству, точно ведущее к гибели, раскрепостило в тебе настрой –

разбиться в лепешку, но отвадить от подруги Косу Смерти. И теперь квазальд у тебя.

– У меня, – сглотнув комок в горле, подтвердил я.

– Поверь, я не хотел, чтобы кто-то страдал из вас, людей, детей Ураха. Мои возможности, пусть и сомкнутые чарами Богов-Идолов, за пределами твоего понимания, Калерб. Но клянусь тебе, хоть мне это и претит, что я никогда не проливал твою кровь или кровь твоих друзей напрасно. Я чувствовал каждый твой синяк и каждую царапину. Каждую пощечину и тычок. Иногда я ухитрялся посылать в тебя Вселенские Флюиды или брать на себя твою боль. И тогда ты мог без усталости бежать, сражаться и помогать тем, кто слабее тебя. Ради Любви, нашего Мира и во Имя Ураха.

В глазах Нолда Темного стояли слезы.

– Ты еще в силах спасти Серэнити и весь Мир. И я расскажу, как.

– Как? – весь покрываясь мурашками, выдохнул я.

– Квазальд не получится раскалить ни в одном горне Соединенного Королевства – ты успешно выяснил это. Только в Тысячелетнем Громе – месте, где Урах лично отковал Корону Света, можно привести квазальд к жидкому состоянию. Нет, Тысячелетний Гром – это не жерло вулкана и не сосредоточение невероятной температуры, но вместилище благодати Всеотца. Там, ты, Калерб, расплавишь квазальд и спаяешь им две части Короны Света, возвратив ей первоначальную форму!

– Я?!

– Ты, – отозвался Нолд Темный. – Потом, с Наговором Ураха ты коснешься Короной Света чела Серэнити, и Живая Вода потеряет над ней власть!

– А Амаста? Мы вобьем Амасту в Корону Света?! Без третьего условия – камня–емкости Божественной Субстанции порча не сойдет с Серэнити!

– Тот, коему принадлежала Амаста, в Гамбусе, известен, как Пестрый Бог. Мне же он знаком как Онгольдом, Бледный Господин Всех Красок Мира. Как и я или Эмириус, Онгольдом отдал свое сердце Ураху. Он – Его верный апостол. Некогда выдающийся маг – Горгон Преломляющий Оттенки нашел Амасту в развалинах храма Всеотца. Он пленился ее потенциалом и волшебством радужных бликов. Горгон построил Отражатель, в коем центром стала Амаста. Много добрых и достойных дел совершил ею Горгон Преломляющий Оттенки, но Амаста – это Реликварий Одного из Сегментов Духа Ураха, и она не для человеческих рук. В какой–то момент Горгон утратил бдительность и Амаста, ее Пульпа Света, без соответствующего надзора затопила часть Гамбуса Жаром Чистого Цвета. Люди и животные не приспособлены к тому, чтобы лицезреть или чувствовать Неочищенный Совершенный Пламень Ураха. Те, кто подпал под Него, вознеслись в Мир Света. Их жизни прервались раньше положенного часа. За это Бледный Господин Всех Красок Мира наказал Горгона Преломляющего Оттенки. Он заключил его в Амасту, а стражем поставил змею Хадру. Чтобы сдержать деструктивное поведение Переливчатых Импульсов Амасты, Онгольдом окружил ее и Горгона лакунами черноты.

Нолд Темный покатак желваки.

– Проникнись тем, что я сейчас тебе скажу, Калерб. С желанием и амбициями Привратника, а также с реализацией цепочек, таких как – Отражатель–Амаста–Первородный Соблазн–Ио–Фарганорф, я намучался больше всего.

– Я даже не представляю...

– Шесть алмазов, сидящих в Короне Света, были взяты Урахом именно из Амасты. Эта «шестерка», по числу провинций, сейчас разобщена. Три у Дроторогора, три у Вальгарда. При реконструкции

Короны Света, чтобы их сакральная связь вновь обрела себя, мы сделаем в оправе венца новую лунку под тот кусочек Амасты, что у тебя в кармане. Седьмой, свежий, он пробудет шесть братьев-кристаллов и заставит Корону Света воссиять, как встарь.

Я пытался упорядочить в себе свалившуюся на меня информацию, а первый король Соединенного Королевства все продолжал:

– Но одной Короны Света, пусть и воссозданной вновь, для победы над Тьмой все же будет недостаточно. Корону Света нужно рассматривать, как часть метафорической Белой Двери, как Ее замочную скважину, к которой необходим Ключ. Это Ключ – особые люди. Короли и королевы, те, в чьих жилах течет кровь Харальда, только они, через предка приобщенные к Свету более прочих, могут раз в Тысячелетие упросить Всеотца о Милости. О Его Величии Света. Ровно в полночь, с тридцатого Ириса на первое Авантюрина, Констанция Демей, надев на себя Корону Света, обратится в себе к Урагу. Ее молитва, сокровенная и предопределенная, ознаменует собою Величие Света. Это Деяние смертного человека, Констанции Демей, как возможный вариант Будущего, было помещено Всеотцом в Пространство–Время, чтобы принести Надежду на Избавление от Тьмы. Если у Констанции получится сделать то, о чем я говорю, тогда Ураг придет в Мир! Сам, Своим Аватаром–Законом и Аватаром–Инструкцией! Мечом Пылающим Он погонит Дроторогора и Вальгарда Флейта к Граниям Вселенной, прижмет их Там и выкинет за Рамки! После чего водрузит на Белую Дверь Свой Белый Замок! И его будет уже не снять! Во веки вечные!

Я обомлел, а колдунья, в отличие от меня, нет.

– Тпру! Мы здесь перескочили гигантский отрезок насущных проблем, которые надо проговорить! – запротестовала Настурция. – Корона Света и Величие Света – финальный аккорд, как подарки на Новый Год. Добро возобладает – это я уразумела. Однако... К Дроторогору и Вальгарду Флейту. Фрагменты Короны Света у них пока никто не отобрал. Мы идем за Филиринилем, уповая на то, что

этим особенным клинком принца эльфов Легии можно сокрушить Бога–Идола и короля вампиров заодно. Но честно... я сомневаюсь, что у нас все получится.

Нолд Темный кивнул.

– Вальгарда Флейта, выкормка Аспида–Хаттона, как и Дроторогора, обычным оружием убить или ранить невозможно. Филириниль, отмеченный Сирвиллой, для нас – самый доступный, из всех Клинков Мощи...

– А твой меч? Вон тот! – перебила Настурция, показывая на блестящее лезвие с тесьмой сверкающих символов. – Он же явно способен отрубить макушку у Бога–Идола! Зачем нам тащиться в Тумиль’Инламэ, когда нужный булат прямо под боком?!

С унылой улыбкой король Соединенного Королевства покачал головой.

– Святозарный. Стылый. Одинокый. Раньше чудовища бежали от него без оглядки. Никому кроме меня не достать Святозарный из алтаря.

Настурция Грэххольм встала со стула и подошла к апсиде. Кинув взгляд на триптих, она скрупулёзно, не трогая, оглядела Святозарный.

– Он выглядит не шибко застрявшим, – наконец изрекла колдунья Ильварета. – Если потянуть, как следует...

Нолд Темный грустно рассмеялся.

– Его держит в алтаре не камень, а воля. Если схватить Святозарного за рукоятку, то придется доказать, что ты готов победить его и стать ему владыкой. Ни у тебя, ни у Калеба на это шансов нет. Вы умрете.

– Но Калеб дотронулся до Святозарного и ничего, не окочурился!

– Да, но второй раз уже не сможет. Святозарный – это меч-личность. Он фантастически разумен и со своими принципами, от которых не отступает. Попав в истукан Бога–Идола, я из Червонного Капища смог уговорить Святозарного пойти на уступку – снизойти до прикосновения одного определенного человека– Калеба. Он сказал мне: «Разговор через меня одобряю. Большему – одобрения не даю». Только я, физически и умственно целый, умел преодолеть смертоносность Святозарного и заставить его служить моей деснице.

– Звучит удручающе, – промолвил я.

– Филириниль совсем близко, – туманно изрек Нолд Темный. – Когда вы достанете его, немедленно поворачивайте к Ильварету. В нем, глубоко в подземелье сидит бедный, ослепший от Купели Семи Преданий карлик, именующий себя Тенью. Я пошлю ему в чашу Купели Семи Преданий видение Тысячелетнего Грома. Через свой волшебный шлем Тень усмотрит Кузнецу Света и запомнит путь к ней. С незрячими бельмами королевский шпион безошибочно точно, поведет вас к цели.

Нолд Темный стал истончаться и таять. Заметив это, он быстро заговорил:

– С Филиринилем вы, в преддверии Величия Света, подойдете к Тысячелетнему Грому. Там же со всеми стягами будут стоять две армии – Вестмарки и Хрипохора. Дроторогор с левой частью Короны Света, Глазом Вилисивиликса и легионом буревестников и Вальгард Флейт с правой частью Короны Света, Костью Ночи и сонмом мертвецов. Помешайте им!...

король Соединенного Королевства почти пропал...

– Калев, когда ты попадешь в Тысячелетний Гром, я тоже буду там! Вместе, ты и я, мы станем работать над новой Коронай Света...

– Дроторогор! Флейт! – закричал я. – Ты говоришь о них так, как будто я их уже победил! А, между прочим, они не отдадут мне Корону Света за кефир и коржики!

– Филириниль! Достаньте его! Вооружитесь им! Но нужна еще поддержка Фар... (искаженный звук)... Фа Золотого (искаженный звук и мерцание всей фигуры Нолда Темного)... Но!... (речи не разобрать)... Все упование Мира я возлагаю на Величие Света! Только Урах, только Он сможет вытравить Зло с Кожи Земли!

Нолд Темный открывал рот, но из него уже лишь доносились отдельные фразы.

– Калерб, ты... Он должен тебе за свободу.... Привратник... зови от всего сердца... .. Фар... Затормози их для начала Филиринилем, а потом... Он выцарапает части Короны Света и передаст тебе... Фарг... ф заслонит собой ворота Тысячелетнего Грома и сдержит Флейт... Величие Света!

Нолд Темный растворился в воздухе серебристыми искрами. Спустя пару секунд Арта тоже пропала со стола. Где-то позади меня что-то заскрежетало. Я обернулся. От стены отвалился валун. За ним был проход, ведущий наверх. Посмотрев на Сапфир–Благословение, бессознательно сжатый в кулаке, я пошел к выходу из каверны.

Глава 32. Маленький дракон, тот же дракон, но только маленький

Я стоял на палубе Ригеля, на всех парусах несущего меня в Шамсундоль. Из всех цирвадов, совершивших набег на Ол–То, в живых осталось лишь горстка. Погиб мой телохранитель Цоп Той, умер Кунбад, Дьеринг и вожак Оторвик, до последнего прикрывающий отступление соплеменников. Как только я взошел на корабль, город омовов, вся эта гряда из мрачных ходов, труб и дымных отверстий, затряслась и обрушилась прямо в реку, которая с довольным плеском ее и поглотила. Я подозреваю, что это связано либо с раскрепощением какого-то волшебства Брошу–Ха, либо с прощанием Нолда Темного,

ну или либо с тем «сюрпризом» Гнилой, о котором обмолвился Ригель. Как бы там ни было, цирвады теперь смогут спать спокойно – Ол–То более не существует. Оморы, те, что не потонули в волнах гнева разбушевавшейся Гнилой, разбежались кто куда, а Гравразуб, коварный король–колдун – побежден. Сапфир–Благословение скоро вновь окажется на челе Имиш–Ампту, а яйцо у Лоргварзабараз. Только Альфонсо с нами нет.... Больше нет...

В Ол–То я попал неслучайно. Это первый король Соединенного Королевства привел меня сюда. Нолд Темный многое открыл мне из того, что было в прошлом, из происходящего в настоящем и из того, так сказать, что возможно в недалеком будущем. Время идет, а я не перестаю поражаться, как под одной «крышечкой», скрывается «крышечка поменьше». Как пирамида взаимосвязей уходит вглубь на первый взгляд очевидных событий. Поначалу я думал, что мною движет Вселенная. Потом я узнал, что меня подталкивала к свершениям Эмириус Клайн. В свою очередь это опроверг Таурус Красный Палач. Ну а теперь... Теперь Нолд Темный заявил мне, что он, перефразирую и учитываю в хорошем смысле слова «серый кардинал», помогающий своему гуттаперчевому верхогляду, шагать в нужном направлении. Я не отрицаю и не в коем случае не умаляю феноменального умения Нолда Темного просчитывать происшествия и обставлять их в финале так, как того будут требовать дальнейшие «взаимозависимости, но... как тролль побери, вообще можно было умудриться такое проверить? Я–Шальх–Пик Смерти–Гамбус, затем я–Гамбус–Земля –Ол–То и...Тумиль’Инламэ–Тысячелетний Гром? Первый король Соединенного Королевства, величайший герой, заключенный душой в каменного Идола–Бога Червонного Капища, раскаялся в своем грехе отступничества от Ураха, взял себя в руки и... выбрал меня своим фаворитом в этой сложной и чрезвычайно шаткой конструкции хитросплетений, манипуляций и скрытых желаний. Даже то, что я прибыл в Ол–То, особенно это, произошло не по воле слепого и пустопорожного поворота судьбы. Так было нужно! Нолд Темный, буквально на пальцах, показал мне, что за чем и ради чего следовало в моей намеренной жизни. Поразительная по своей уникальности увертюра инцидентов, в которой дирижёрами

выступили самые разные личности с непохожими друг на друга задумками, вошла в историю, как Пророчество Полного Круга.

Но за этим Пророчество, в шкафу, за пыльными и старыми клетчатыми пальто, пропахшими нафталином, прятались и иные подоплеки. Корона Света, как ключ к слиянию Стихий в Юкцфернанодона или как лазеечка к прибытию на землю из Бездны Аспида–Хаттона, есть предыстория, замешанная на крови, лжи, оккультизме и гибком, нечеловеческом интеллекте. Это страшно, сознавать, что Мир находится на краю гибели. В нескончаемом напряжении, в горячке боя, где ты или тебя, в вечном сомнении о том, как правильно, а как нет, в стертых сапогах–путешественниках, я, Калерб Шаттибраль, знаю – если выбираешь сердцем, совестью и состраданием, если при альтернативе – милосердие и тяжелый путь или жестокость и легкая дорога, ты делаешь ставку на первое, то ты дышишь не зря. Так же я сознаю – Тьма, та, что обольщает и обещает силу, на деле всегда обманет тебя и приведет лишь к могиле. Свет – вот, что должно быть в каждом из нас. Только он, порой призрачный и слабый, сулит спасение и вознесение к Бесконечному Добру. Для меня Добро – это Вселенная. Не Купол Небесный, сам по себе, но совокупность явлений, коловоротов и природных цикличностей, несущих в себе обновление и гармонию порядка – «это за этим, то за тем». Если зима – то холод, если лето – то тепло, и так по циркульному росчерку. Эта аксиома – мой фундамент религии. Я – натурфилософ до мозга костей, но... Но! Мое воззрение – не слепо и не глухо. Оно не отвергает дополнений. Без году неделя таким дополнением, которому я, правда, пока не отвел определенного места в себе, стал Урах. Всеотец, Перворожденный из Большого Взрыва, Князь и Седьмой в Списке Девяносто Девяти Спиц стал олицетворять для меня Безграничную Любовь. Урах – элемент Огня в своем изначальном виде, и для меня это значит, что Он неотделим от Вселенной. Всеотец – тот самый аспект Мироздания, который Своим Всепрощением и Альтруизмом латает в Макрокосмосе прорехи Зла, оставленные Назбраэлем, Повелителем Тьмы и Ненавистником Света. Я никогда об этом не вспоминал, но Назбраэль, хоть и представляется зачастую гигантом, тоже элемент Огня, только не как Урах – Белого, а Черного.

Два Края–Антагониста – Мир Света и Мир Тьмы... В котором из них сейчас Альфонсо? Мой друг, друид и глава Энгибара, ты ушел в поход, из которого уже не вернешься. Однако прежде, чем ты безвозвратно скроешься из виду, оглянись на меня! Моя душа обливается горячими слезами! Я смотрю тебе в след, машу рукой и благословляю тебя! Я говорю тебе спасибо за все то, что мне довелось с тобою пережить! Ты ни разу не опозорил себя предательством, трусостью или бесчестьем! Ты всегда стоял со мной, Эмилией и Бертраном до конца. С твоим уходом Грозная Четверка, словно хрустальный стакан, упавший на пол, разбилась на блестящие и очень острые осколки вечного горя. Ты был эталоном уравновешенности и взвешенности для меня. Это тебе мы, твои друзья, обязаны тем, что смогли научиться сострадательности, мудрости и гуманизму. Ты показал нам ту истинную гармонию, в которой человек и окружающая его плерома могут жить во взаимной радости. Альфонсо, ты был идеалистом, переживающим за каждый листочек и всякий лепесток, ревнителем Животного и Растительного Царства. Ты привил к моему «дереву» лозу суровости и бескомпромиссной отваги. Дельторо, старый ворчун и скиталец миллионов троп, я не в силах передать, что ты для меня значил и продолжаешь значить. Столетия, что мы провели бок о бок, слоняясь по горам и долам, – в моей памяти. Маятник качается туда–сюда, он отсчитывает дни, минуты и года, а я все так же, как и раньше, вижу нас с тобой идущими через метели Ледяных Топей, плывущими сквозь туманы Абрикосового Моря или взбирающимися на вершины Мяндулов. Уж мы–то с тобой хлебнули горечи из чаши, но и мед тоже тек по нашим устам. В Бархатных Королевствах, в Бурунзии, в Островном Королевстве, в Вольных Городах и иных странах, мы – ты и я – везде находили повод улыбнуться и спеть пару курьезных песен. Куда бы Грозную Четверку не заносила нелегкая, зачастую только благодаря твоей рассудительности члены ее клуба выходили из проблем на своих ногах и (почти!) в полном здравии.

Альфонсо, вместе с тобой, с твоей смертью от меня будто отрезали кусок. Не быть мне больше прежним. Я чувствую, как я осунулся и как в один миг одряхлел. Не внешне, нет, магия, как и прежде, хранит мое тело молодым, но духовно. Тебя, Дельторо, сокрушил не вражеский молот или меч, а случай. По сути, мы все

ходили, да и сейчас ходим по лезвию кинжала. Сегодня, как и вчера Опасность – наш извечный компаньон, наконец, взяла реванш. Я трижды проклиная ее за это и стискиваю зубы, чтобы не закричать. Нет. Я молчу, молчу, а птицы все парят там в небе... В юности я потерял много друзей – Дебору Ольвинхайд, Бритсморру, Лайли Серебряную Часовщицу, Эшли Шторма, Парабеллу и других. Вот они были, и вот их нет... Тогда я думал, что Мир, простившись с ними, опустел. Я заблуждался. Это не Мир опустел, а я. Однако в ту пору мне некогда было по-настоящему хандрить. Авантюра шла за авантюрой, и я никогда не сидел на месте. Уже после, испытав все, я обзавелся Шато, прелестью уединения и степенной ученостью. При всем при том, став старше, я состоялся не только, как мастер-волшебник, но и как человек, который смог разобраться в себе. Мне открылось то, чего я «хочу» и что мне «нужно». Перед распахнутым настежь окном, за которым ревел ливень или кружились осенние листья, я, вглядываясь вдаль, иногда представлял себе лицо Эшли, Бритсморру или Парабеллы. И мое сердце, омытое опытом, хоть и трепетало, но шептало мне: так было надо. И я, в отрешенной меланхолии, соглашался с ним. К Альфонсо это не относится. Разумом я покоряюсь тому факту, что его больше нет. Однако потрясение от произошедшего не пройдет для меня бесследно. Эмоции утихнут, слезы высохнут, но рана внутри меня всегда будет кровоточить и болеть. Альфонсо, я обещаю тебе, что приду в Энгибар. В Храме под Небом, в тени Секвойи– Аватара Духа Зелени, я поведаю друидам и следопытам, как пал их избранный глава. Я постараюсь утешить Лику и рассказать Каталине, каким был ее отец. Я не брошу твою семью и приму ее под свою защиту. Пожалуй, это последнее, что я еще в силах для тебя сделать.

Дельторо! Помнишь присказку Грозной Четверки, на удачу? У каждого из нас была своя строчка!

Весенний Шторм:Мы отправляемся вперед!

Толковая Каракатица:Дорогой, что сердца зовет!

Комок Нервов:Туда, где приключение ждет!

Рыжая Колючка: Пускай Вселенная нас поведет!

И вместе, разом: Грозная Четверка!

Альфонсо! Вот я пропел ее за нас всех! За тебя, за себя, Эмилию и Бертрана! Иди, следопыт, иди мой друг... Четыре сезона, четыре друга. Мы лишились зимы... В себе, на твой кенотаф, я возлагаю букетик сон-травы...

Ригель обошел Бонч-Катун, болото, населенное лягушками-тиграми, и к раннему утру причалил неподалеку от Шамсундоля. Под водительством Шогма, цирвады «Священной брани» сошли на сушу. Приняв от меня и Настурции тысячу благодарностей за оказанную помощь, Ригель вновь обернулся «кораблем в бутылочке». Я засунул его в сумку и в середине торжественной процессии, распеваящей громогласные песни, пошел к горе-городу цирвадов. Под воздействием магии моя кожа, как и кожа колдуньи, продолжала сиять белизной света. За минувшие сутки это очень простое заклинание почти полностью «выпило» меня. Я мечтал сбросить чары и поспать, отключив свой мозг от всех и вся.

Шамсундоль приветствовал нас барабанной дробью и перезвоном крошечных колокольчиков, зажатых в ладонях его жителей. Настурция, держа Сапфир-Благословение высоко поднятым над головой, гордо и слегка надменно демонстрировала его цирвадам. Под ниспадающими каштановыми волосами колдуньи блестели два глаза-изумруда. Надев на себя «триумфальную маску», она скрывала то, что творилось у нее внутри «лебяжьего пуха души». Настурция любила Альфонсо и... что говорить? Слов, которые бы передали ее страдания, у меня нет.

В тронном зале Шамсундоля Амах Амπτу, заранее извещенный о нашем успехе посланным грачом с Ригеля, выпячивал грудь колесом. Подле него, на кровати из светлого бука лежала цирвад. Приближаясь к царю, следуя чуть позади Настурции, я внимательно осматривал ее. Казавшаяся спящей, она, закутанная в хламиду из сафьяна, разительно

отличалась от соплеменников чернотой лика. Над подрагивающими закрытыми веками Имиш Амπτу была видна овальная вмятина.

Амах Амπτу крутанул своей семихвостой плеткой, и на ликующий Шамсундоль снизошла тишина.

– Небожители! – грянул царь цирвадов. – У вас с собой Сапфир–Благословение!

– Знай, что дорогая цена была уплачена за него, как нами, небожителями, так и твоими поданными, – подтвердила Настурция. – Ол–То пал и Гравразуб, злой король–колдун повержен! Для цирвадов Шамсундоля настало время процветания! Как того и хотела Неба–Аракса, мы возвращаем Сапфир–Благословение твоей дочери!

Величественно грациозно колдунья подошла к ложу Имиш Амπτу. Я приготовился добавить к действию немножко спецэффектов, но этого не потребовалось. Когда Настурция вложила Сапфир–Благословение в чело принцессы–цирвада, все подземелье залил теплый и бодрящий свет. Мне стало хорошо. Нет, то были не чары Настурции, а истинная мощь артефакта, занявшего положенную ему нишу. Как только сияние Сапфира–Благословения спало, стало очевидным, что Имиш Амπτу очнулась от грез. Ее голубые очи были прикованы ко мне.

– Ты мне снился, – мелодично промолвила она, переводя взор на Настурцию. – И ты тоже, и ваш друг.

– Принцесса пробудилась! Хвала Неба–Араксе! Хвала Медному–Богу! – возопил весь Шамсундоль.

С верхних этажей и ярусов на нас посыпались лепестки цветов!

– Дочь! – радостно закричал Амах Амπτу, обнимая свое дитя. – Небожители, просите все, что желаете и вы получите это!

– Золото и драгоценные камни для них несущественны. Этого полным–полно на облаках Неба–Араксы. Им необходимо яйцо

Лоргварзабараз, – сказала Имиш Амπτу. – Я знаю это.

– Таково волеизъявление моей Госпожи, – кивнула Настурция.

– По отношению к дракону из-за меня было совершено преступление, – произнесла Имиш Амπτу, вставая с кровати. – Чтобы его загладить я должна пойти к Лоргварзабараз и лично умолять ее о прощении.

– Ты?! – в ужасе воскликнул Амах Амπτу. – Дракон сожрет тебя! Пусть ее ярость сдержат те, кто избран Неба–Араксой!

– Отец, так мне нашептал Дух пророка Лау Шапсет–Дау, и о том же ему сейчас вторят все Шибунусы Медного Бога. Лоргварзабараз – «древняя», из первых Ящеров Вершителей и она чувствует, что со мной связаны Линии Судьбы. Оборвет она их или оставит – решать только ей, – ласково сказала Имиш Амπτу, опускаясь на колени перед хранилищем яйца. – Я чувствую, что Лоргварзабараз очень больна. Ей навредил как Брошу–Ха, так и страх потерять своего ребенка.

– Я уповаю на милость Медного Бога и Неба–Араксы. Ты одна у меня...

– Извлеките яйцо, – повелела Настурция.

– Повинуюсь, небожитель! – откликнулся Амах Амπτу, вновь взмахнув своею плеткой.

– И принесите льда. Много льда, – дополнила Имиш Амπτу. – Он потребуется для транспортировки яйца к Хрустальному Одиночеству.

Аккуратно извлеченное, синее яйцо Лоргварзабараз было уложено в короб с застежками. Изнутри его засыпали снегом и обложили кусками фирна, собранными на вершине Шамсундоля. Я почародействовал надо льдом, и теперь он, сомкнутый элементарным заслоном Мороза, не таял. Провожать нас к Лоргварзабараз Амах Амπτу отрядил пятьдесят своих лучших воинов. Этот указ Настурция

с жаром оспорила. Для нас была важна каждая секунда, падающая в небытие, и неповоротливое, пешее войско значительно затормозило бы наше возвращение к Лоргварзабараз. К протестам Настурции неожиданно присоединилась Имиш Амπτу и Брашах с Бурдоном и Шогмом. Все они утверждали, что дракону не понравится, если возле ее пещеры вновь покажутся боевые стяги. Под напором резонных и убедительных доводов Амах Амπτу наконец сдался. Неохотно, он разрешил Имиш Амπτу воссесть на Тимфи, ныне неприкаянного коня Альфонсо, и ехать в Кристальное Одиночество без всякой иной свиты, кроме нашей, небожителей. На прощанье жрецы и выживший вожак низко поклонились нам, а царь сказал:

– Ради Шамсундоля, Шазбармаха и иных общин не позволяйте Лоргварзабараз съесть мою дочь, еще не нареченную Объединительницу Цирвадов! От нее зависит то, какими мы войдем в будущее уже завтра!

– Мы сделаем все зависящее от нас, – пообещала Настурция, жестом показывая, чтобы яйцо несли к выходу. – Прощай, Амах Амπτу. Да овеют тебя благие ветра Госпожи.

– Да озарят нас всех светом Звезды–Жемчужины Жены, и да одарит посевом Сыра–Земля Мужа, – сакрально отозвался царь цирвадов.

Направляясь к Кристальному Одиночеству, я придавался воспоминаниям, относящимся, как конкретно к Альфонсо, так и к странствиям Грозной Четверки. В пути я и Настурция почти не разговаривали. Каждый из нас пребывал в своих мыслях, и делиться ими ни с кем не хотел. Марви покладисто нес меня, Гонория – колдунью, а Тимфи – Имиш Амπτу, прижимающую к груди короб с яйцом дракона. Привалы мы делали не чаще трех раз в день. Скатерть «На любой вкус» угощала нас изысками, и принцесса Шамсундоля смогла впервые в жизни попробовать на вкус желе из вишни и мороженое. Имиш Амπτу по–детски восхищалась ими, мне же кусок в горло не лез. На вторые сутки на горизонте замаячили искрящиеся

пики Ледянок. Сгущались сумерки, поэтому мы, коротко посоветовавшись, отложили встречу с Лоргварзабараз на утро.

Солнце взошло... Я очнулся и сразу понял – ну вот и все... Луковое Спокойствие, которое все ночи кряду я стискивал в потном кулаке, и которое было Преградой для Укулукулуна, рассыпалось. Я лежал на боку, голова на сумке, и угрюмо смотрел на ладонь, полную зеленых осколков. Что же, Луковое Спокойствие дало мне возможность принять то, что меня ожидает – борьбу с архонтом. Выбора нет – Испытание – это совершенная воля Рифф и противиться Ему – значит умереть. Я глубоко вздохнул и выдохнул. Потом меня стошнило...

Вселенная, мой черед близок...

– Браигиляр – так зовут дракона в яйце, вылупится ущербным, – грустно поведала нам Имиш Амπτу.

– Почему? – удивилась Настурция.

– Из-за того, что мой отец не смог правильно обустроить хранилище для яйца, – ответила принцесса-цирвад, приныкая к коробу лицом. – Тепло Шамсундоля попало под скорлупу и нанесло Бараигиляру непоправимый вред...

– С чего вдруг такие поспешные выводы? – поднял бровь я.

– Я общаюсь с Браигиляром через Сапфир-Благословение, – просто ответила Имиш Амπτу. Потом на ее глазах появились слезы:

– Тонкая кожа Браигиляра ошпарена. Он плачет и хочет к маме. Он отчаянно завет ее! Мне его жалко.

– Для нас это может плохо кончиться, – высказала наши общие опасения Настурция.

– Лоргварзабараз будет в гневе, – согласился я.

– За сына дракон возьмет горькую палату, но не с вас, а с Шамсундоля... Вашей вины в том нет.

– Я бы так не торопился с суждениями.

– Так будет. Мне открыли это Шибунусы.

Ледянки все приближались и приближались, а я, раскачиваясь в седле, будто бы находился в прострации. Я отрешенно перебирал в себе все «свидания» с Укулукулуном и то, как меня спасали от их явно гибельных финалов. Горгон Преломляющий Оттенки – гениальный чародей–инженер, Бракарабрад – отшельник клана Серебряной Росы, Серэнити – Великий инквизитор Иль Градо и примас Братства Света, Алан Вельстрассен – понтифик Братства Света и Петраковель – оракул Оплота Ведьм, все они смогли отодвинуть от меня фатум лишь по невероятной случайности. Физическая сила Укулукулуна, его военная выучка, оточенная вечностью, и способности к созиданию волшебных эманаций стоят за гранью человеческих – и не человеческих, если брать Петраковель – возможностей. Да, архонт точно меня уничтожит, если только... Вопреки всей этой безысходности во мне теплится, как масляный комочек на тарелке манной каши, надежда. Эмириус Клайн, Матрона Тьмы, Та, что без всякого страха готова ответить мечом на любой Вызов, Помазанница Ураха. Она обещала мне, что не бросит меня. Что в самый ответственный момент придет ко мне на выручку. Не знаю почему, но я верю ей. В своих визиях я проникся тем, какая она, эта Эмириус Клайн. Она показала мне ту себя, которую никто другой из смертных никогда не видел. Мягкая, заботливая, нежная и неотступная от идеалов любви и чести, – такова настоящая Эмириус.

Уже скоро она сможет подтвердить или опровергнуть свой образ в моих глазах. Я жду этого.

Мы въехали в Ледянки и поскакали промеж их истрескавшихся базальтовых глыб по едва приметной тропинке направо. Сбоку от меня клубилось туманом Кристальное Одиночество. Его воды, фосфоресцирующие бархатистым фиолетовым оттенком, были

безмятежны и гладки. Ничто и никто не нарушал их застывшую гармонию. У берега Кристального Одиночества, то тут, то там, едва-едва шевелил стеблями тимьян обыкновенный. Как же здесь красиво! Все тут будто бы такое, каким было тысячи и тысячи лет назад!

Миновав несколько крутых подъёмов и спусков, усеянных нарядными смородиновыми кустами, мы, спустя пару часов, оказались перед громадной выемкой, уводящей в недра скалы. В пещере, как и в тот раз, при нашем появлении весь потолок озарился эфемерным светом звезд. Имиш Амπτу, прогибаясь под тяжестью короба (нам она его нести не дала), затаив дыхание, шла первой. Снисхождение по вертикали вниз сопровождалось резким понижением температуры. Когда мы достигли логова дракона у меня изо рта вовсю шел пар. Ага... Влияние Дроторогора... Здравствуйте. Ошметок Юкцфернанодона, я опять ощущаю твои липкие и мерзкие щупальца на моей душе...

Какой предстала перед нами Лоргварзабараз? Могучее тело вирма, подобно высеченному из льда монументу, дугой простиралось от одного края каверны до другого. Я вдруг понял. Оцепенение Кристального Одиночества, как в зеркале, отражало то, что случилось с его владыкой. Казалось, что дракон мертва, но...

— Она еще жива.

Голос, слабый и такой знакомый...

Не помня себя от радости, я обнял Лютерию Айс. Магистр Ордена Милосердия, изрядно исхудавшая и сильно продрогшая, едва держалась на ногах. Однако ее взгляд был тверд и полон отваги.

— Ты не знаешь всей истории, но мы... — быстро заговорила Настурция. Лютерия ее перебила:

— Настурция, милая моя. Вы привели сюда Имиш Амπτу и принесли яйцо. И то, и то правильно, — переводя взор на принцессу-цирвада, сказала магистр. — Лоргварзабараз заморозила меня, однако

не лишила слуха. После вашего ухода она общалась со мной мысленно и поддерживала в противостоянии с дланью Дроторогора. Когда вы убили Гравразуба с его Брошу–Ха, а Гнилая поглотила Ол–То, Лоргварзабараз, отпустила меня, распустив надо мной сеть своих чар. Затем она сразу погрузилась в беспробудный сон. Восстановит он ее или нет? Я не берусь сказать этого. Однако с уверенностью могу заявить: дракон, что вы имеете счастье лицезреть – исключительное создание Порядка. Сам Урах после Великой Войны благословил ее Своим Именем, хоть она и не приняла Его.

– Я излечу ее, – тихо промолвила Имиш Амπτу, аккуратно ставя короб на промерзшую почву и нежно прикасаясь пальцами к морде Лоргварзабараз. – То, что у нее отнял Брошу–Ха, я восполню Сапфиром–Благословением и Шибунусами моего народа. Пройдет не одна неделя, но она точно очнется. Я обещаю вам.

Имиш Амπτу уселась на корточки.

– Калерб, отнеси Браигиляра к его собрату. Для этого иди к тому скату и спускайся с него вниз. Там будет инкубатор. В нем нет ловушек. Лоргварзабараз обезвредила их для тебя.

Сказав это, принцесса Шамсундоля дотронулась до своего лба, и из Сапфира–Благословения вырвался луч живительной энергии. Он проник в череп Лоргварзабараз и зарделся в нем радужными всполохами. Сей обряд выглядел чрезвычайно мистически и таинственно! Творилось волшебство, флюиды коего были суть добро и исцеление! Поразительно!

Настурция, взяв за руку Лютерию, зачарованно смотрела на то, как Имиш Амπτу, в полголоса напевая рифмы–заветы и мерно покачивая им в такт плечами, ворожит над Лоргварзабараз. Я тоже потряс головой туда–обратно, призвал шарики Света и потащил короб с Браигиляром в инкубатор. Лоргварзабараз явно не предусматривала того, чтобы кто–нибудь из двуногих именно сходил к ее хранилищам, а не катился к ним кубарем. Если оступиться на этих хитрых уступах, то легче легкого упасть и сломать себе хребет или шею. Ну, вот и да,

погибшие цирвады Шамсундоля, встречающиеся мне тут, тому доказательство. Я часто останавливался, ставил короб и высматривал, как мне двигаться дальше, чтобы случайно не свалится в расщелину или бездонную дыру. Магическое освещение, вырывающее из тьмы древние сталактиты и сталагмиты, странные скрипящие и шипящие, едва уловимые звуки, пробирающиеся из горных толщ, а также холод, царящий здесь от начала Времен, все это, окутывало мою душу вуалью таинственности.

Долго или коротко, я, преодолев сотню лживых круч и коварных обрывов, весь потный, наконец, сошел на плато, под которым разверзла зев бесконечная пропасть. Я боязливо встал на край вертикального склона и заглянул вниз. Черная пустота... Отойдя назад, я поднял голову ввысь. Там, где-то надо мной, были Имиш Амπτу, Лютерия Айс и Настурция Грэкхольм, а впереди, источая неземную малиновую люминесценцию, так же, как глаза у Лоргварзабараз, дыбились кубы чистейшего льда. Их сложная конструкция, наподобие арок, делила предполагаемую дорогу на два гигантских ответвления. Какое выбрать? Я потерял индевеющие пальцы и потопал налево. Почему бы и не «да»? По мере моего продвижения вокруг зажигались невиданного размера факелы, вбитые в промерзлые стены. Их бирюзовое пламя, не отбрасывающее тени, не грело, но наоборот только еще больше охлаждало и без того невероятно стылую утробу Ледянок. Спустя пятнадцать минут я остановился. Я устал, но не обращал на это внимания, потому что передо мной, в белой, воронкообразной ванне-камне, наполненной густой и явно сверххолодной субстанцией, наполовину утопало синее яйцо. Ну и ну! Что это у нас тут такое?!

Я отставил короб с Браигиляром и, обуреваемый жгучим любопытством, наклонился. Рассматривать кладку дракона своими собственными глазами, а не читать об этом легенды или слушать песни, замечу, приходится не каждый день. Хрусть! Я часто заморгал... Хрусть! Мамочки мои! Второй сын Лоргварзабараз!... При мне!... В эту самую секунду!... Вылупляется! Три жемчужных когтя пробили стеночку яйца! Ультрамариновая лапка ухватила скорлупу и, с силой потянув на себя, вырвала из нее кусок. В дырочке показался

смешной носик, из которого вышло две белых струйки. Я наблюдал за происходящим, разинув рот. Дракон, между тем, пробил верхушку яйца. С длинной шеей, в броне–пластинах насыщенного синего цвета, он расправил внушительные крылья и тоненько возопил: «Иу–у–у–уля–я–я–я Рхггггг!» Я по–дурацки ему улыбнулся и помахал перчаткой.

– Привет! – сказал я.

– Привет? – ответил он моим голосом.

– Ты умеешь говорить?! – поразился я, упирая руки в колени.

– Умеешь говорить, – подтвердил дракон, облизнувшись.

Он полностью вылез из ванны–камня и, встав на задние лапы, распрямился. Хоть яйцо и было размером с крупную тыкву, дракон, видимо, ранее компактно в нем свернутый, ростом доходил мне до плеча. Его острейшие зубки щелкнули и растянулись до маленьких ушек. В испуге я отпрянул, а потом рассмеялся. Дракон улыбался мне, как и я ему до этого! Глаза у вирма не имели определенного оттенка. Они то становились розовыми, то наполнялись серебром, а то и вовсе затягивались золотой пленкой. Дракон неуклюже прошелся взад–вперед. Потом упал и поднялся. После чего он вплотную подошел ко мне и обнял. О, Вселенная, как же это восхитительно! Многие годы никто не обнимал меня с такой любовью! Особенно дракон! Наши глаза пересеклись, и я понял, что через зрительный контакт, вирм получил от меня знания о языке! Он мог бы взять и другие сведения, принадлежащие мне, причем любые, но в данный момент ему нужно было научиться изъясняться. Дракон–детеныш сделал это, инстинктивно воспользовавшись уникальными способностями своей расы.

– Мама?

– Нет! Твою маму зовут Лоргварзабараз! Она там! – я ткнул пальцем в потолок.

– Папа?

– Тоже нет!

Дракончик нахмурился, потом опять улыбнулся.

– Дядя!

Тут я живо вспомнил ту самую балладу о «добром драконе», в которой Арагардус, вылупившись, увидел гнома Бадун–Налегай–Копай и счел его за мать! Поверье! То самое поверье! «Кто перед очами дракона будет первым, того он признает за родительницу свою! Он полюбит «его» или «ее» и будет навсегда предан «ему» или «ей»!

– Ну...

Дракончик пошевелил ушками.

– Дядя! Как зовут?

– Дядя Калед! А тебя как зовут?

– Джудассарвалингинион!

– Джудас... лингинитон?

– Джудасс! Зови меня Джудасс, дядя! – рассмеялся дракончик (утробный рык и движение грудной клетки я воспринял как смех).

Джудасс отошел от меня и приблизился к коробу. Он обнюхал его, потом чихнул (морозный сноп искр). Дракончик поддел когтем затворку и аккуратно достал яйцо. Он покрутил его перед физиономией, после чего положил в свою ванну–камень.

– Браигиляр будет здесь! – сообщил мне Джудасс. – Ему недолго осталось!

– Это хорошо...

– Я хочу есть!

– Я тебя накормлю!

– Когда?

– Эмм...

– Отведи меня к маме, – попросил дракончик.

– Конечно! Только твоя мама сейчас крепко спит, – быстро ответил я. – Не пугайся, что она сразу не проснется! Ладно?

Джудассарвалингинион, повиляв хвостом на манер собаки, забавно почесал макушку.

– Давай! Пошли! – решил он. – И поесть!

Наше возвращение в каверну Лоргварзабараз вызвало у присутствовавших бурю эмоций. При виде Джудасса, Настурция оторопело охнула, Лютерия сложила руки домиком, воздавая Всеотцу хвалу, а Имиш Амπτу низко поклонилась. Не глядя ни на кого, Джудассарвалингинион бросился к Лоргварзабараз. Он прижался к ней и накрыл ее морду полупрозрачными крыльями.

– Дамы, это сын Лоргварзабараз, Джудассарвалинг... он разрешил называть его Джудасс. Джудасс, это Лютерия Айс, Настурция Грэкхольм и Имиш Амπτу, – несколько нервно представил я всех друг другу.

– Мама! Мама! Мама! Вставай! – запричитал Джудасс, не глядя на девушек.

– У него твой голос! – опешила Настурция.

– Наверное, он его потом сменит, – хихикнул я.

– Джудасс говорит на нашем языке! – продолжала поражаться колдунья Ильварета.

– Или то фенечка Бертрана на наших запястьях так работает– переводит. Не знаю, – пожал плечами я.

– Мама! – угрожающе прошипел Джудассарвалингинион, поворачиваясь к нам. – Мама не встает!

– Спокойно, малыш, спокойно! – властно, но доброжелательно воскликнула Имиш Амπτу. – Твоей маме нужен отдых. Пока она спит, за тобой буду ухаживать я.

– Хочу есть! – покумекав, ответил Джудасс. – Где моя еда? Дядя!

– Погоди немножко, сейчас дядя тебе ее достанет!

Я развернул Скатерть «На любой вкус». Вот уж правда, на любой! Сколько разделанных туш я, Настурция и Лютерия извлекли из нее? Много. Провизии, доколе не очнется Лоргварзабараз, Джудассу точно хватит (надеюсь!). Для Имиш Амπτу мы тоже запасли разной снеди. Когда мы стали прощаться с принцессой–цирвадом, дракончик, разом проглотив кусище мяса весом не меньше, чем в три стоуна, недовольно сказал:

– Нет, дядя! Останься!

– Я не могу... Мой дорогой...

Джудассарвалингинион припал к земле и, как молния, рванулся ко мне. Сжав меня в лапах, он облизал меня сизым языком. На моей скуле возникла рана обморожения.

– Мы увидимся? Дядя!

– Непременно!

– Если не ты ко мне, то я к тебе приду, дядя!

– Джудасс, ты обещаешь мне?

– Хармф! Да! Я найду тебя везде, потому что ты пахнешь собой!

– Буду ждать тебя с нетерпением, малыш!

Я похлопал Джудассарвалингинион по спине и начал долгий подъем к выходу из пещеры.

Воздух! Лютерия втянула его в себя и робко улыбнулась низколетящим облакам. Пребывание в плену у Лоргварзабараз, как ни странно, пошло ей на пользу. Теперь она обменивалась с нами репликами и даже шутила. Отвратительная культя Дроторогора указывала нам путь на запад, за горы. Покинув Ледянки, кольцом огибающие Кристальное Одиночество, и их владычицу Лоргварзабараз, я дивился тому, в чем мне довелось поучаствовать. Драконы! Сражения! Легенды, притворяющиеся в Явь! Если бы я так не кручинился по Альфонсо и Дурнбаду, не содрогался бы в ужасе из-за того, что меня вот-вот настигнет Укулукулун, не нервничал бы из-за алчного Привратника, не придавался бы думам о Хрипыхоре, Вестмарке, Констанции Демей и о Короне Света, не тосковал бы по Серэнити, Эмили, Грешеме и Снурфи, не боялся бы того, что Гильберт Энтибор и Шарлиз Орик могут присвоить себе все Соединенное Королевство, не тревожился бы за принца Фабиана, если бы не Кость Ночи, Тигровый Глаз Вилисивиликса и Филириниль, то считал бы, что это приключение было отличным! Ха! Правда? Отличным? Откуда во мне только такие слова берутся...

Я не стал рассказывать Настурции и Лютерии о том, что Луковое Спокойствие более не оберегает меня. Зачем? Магистр Ордена Милосердия и так несет тяжелый крест, ей бы только еще переживать из-за меня, да? А Настурция...

За день мы намотали порядочно миль. Где-то под нами, у низины оврага, в эти минуты шумит волнами Рыжая, а лапа Бога-Идола метается внутри сумки Лютерии. Она будто бы сошла с ума. Безостановочно теребит котомку магистра и всячески, когда ее достают из нее, жеманно сокращается или норовит вцепиться в горло. Лютерия говорит, что мы почти у цели. Что Тумиль'Инламэ совсем близко.

Я сидел у костра и смотрел на то, как на небе проявляются звезды. Увижу ли я их после сегодняшнего сна? Рядом со мной опустилась Настурция.

– Завтра или послезавтра, – сказала она мне, поджимая ноги и кладя на них подбородок. – Или через три дня.

– Да, Тумиль'Инламэ и его Филириниль.

– Серп короля Лузановиэля – Рассекающий или лук Яда короля Кириана – Альтнадир, а может, катана короля Пиримизэля – Честь Зеленого Королевства. Все они – наша надежда на спасение человечества, – промолвила Настурция, глядя на посапывающую Лютерию. – Но ты думаешь об ином.

– Возможно.

– Ты знаешь, Калерб... Я... Помнишь мы с тобой говорили о Грэкхелькхоме? О том, что мы объяснимся в нем друг с другом.

М-да! Оп-ля! Что за кошки-мышки?! Для чего и зачем?! Особенно сейчас!

– Хрм! Естественно!

– Я не хочу так.

– А как, если не так? – брякнул я.

Сама по себе ко мне подлетела жаба. Дрыгая всем зеленым телом, она, раздувая щеки, громогласно возмущалась! «Ква! Ква! Ква!» – ругалась жаба, попавшая под власть левитации Настурции.

– Это ты, когда речь заходит о чем-то важном, – улыбнулась колдунья. – Ты говоришь: «А как? Ква! А почему? Ква! А для чего? Ква! А из-за чего? Ква!» Ты пытаешься все расставить для себя по полочкам, а это неправильно.

– Не понимаю, – отозвался я. – Куда ты клонишь? Ква?

– Туда, что пусть это станет для меня сюрпризом! Я не отвергаю того, чтобы ты готовился к нему и продумывал его, но... Запланированное событие в Грэхелькхоме, нет, пусть все произойдет для меня спонтанно, мило и тепло.

Что за игру Настурция опять начала?! О чем она мне «поет»? Тролль разбери этих девушек и их полунамеки!

Амм! Жаба, все еще парящая в воздухе, ухватила языком мотылька. Везение! Мягко отлевитировав жабу в поросль, Настурция вынула из кармана кулон с тонкой цепочкой и передала его мне.

– Дельфин?

– Он из топаза. Хоть мой цвет глаз зеленый, любимый – синий.

– Мой тоже. Ну и черный, конечно, – ответил я, крутя в ладонях крошечное морское животное.

– Если олицетворение моей сестры – кошка, то мое – дельфин. Я – это вода. Я добрая, свободолюбивая, но очень преданная. Я никогда не брошу тебя и не оставлю в беде. Хоть океан странствий безбрежен, в нем есть место, где мне хорошо, – это Грэхелькхом. Это гавань уюта и отдыха может стать твоей... – тихо промолвила Настурция. – Открой его.

Эти совершенно неясные мне по смыслу слова Настурции почему-то всколыхнули в моей душе какие-то необъяснимые чувства. Я надавил дельфину на «бугорок» и он раскрылся. Внутри лежал локон коричневых волос.

– Если завтра мне предстоит умереть, то пусть он останется с тобой... Напоминанием, – как-то хрипло сказала колдунья, пряча лицо в тени.

– Настурция!...

– Тише, Калев... Тише. Это еще не все. Этот дельфин – он ключ. Если я погибну. Иди с ним в Грэхелькхон и ищи дверь с нужной замочной скважиной. Отворив ее, ты узнаешь то, что я могла бы сказать тебе лично, но... у меня это не получилось.

– Мы найдем Филириниль Легии и вместе вернемся в Ильварет!

Настурция печально хмыкнула.

– Альфонсо и Дурнбад тоже так думали, и что? Если будет все, как ты говоришь, то просто выбери «время». Для нас с тобой.

– Хорошо.

– Ложись спать, Калев, я разбужу тебя в час дежурства.

– Настурция?

Колдунья подалась вперед. На ее прекрасном точеном профиле, на таком знакомом и одновременно непознанном, заиграли блики костра. Я глядел на нее и глядел... Кого я видел? Колдунью или ее сестру? Она была Эмилией внешне и совсем иной внутренне... изумительный цветок, такой же, как моя аллегория, прозопопея-метафора – колхикум.

– Что?

– Спасибо тебе.

– И тебе...

Потом шепотом, почти неразличимо для уха, Настурция сказала сама себе:

– Ах, если бы я только могла вернуть все назад... все эти утерянные из-за меня годы...

О чем она? Что Настурция потеряла? Я не решился спросить...

Укладываясь в ароматную траву, я отвергал трусость. Убывающий месяц каймил меня своим скупым желтым светом... Этот мир... Он так красив... Мой последний сон... Дурнбад, гордись мной! Твой брат по крови храбро идет на встречу к своей Судьбе... Дорогой друг! Я не посрамлю тебя!

Я смежил веки...

Конечно, заснуть за три секунды у меня не получилось. Куда там! Я ворочался и ерзал. Казалось, что на меня снизошла бессонница. Однако где-то ко второму часу ночи, когда Настурция должна была вот-вот пойти поднимать меня на дозор, я внезапно понял, что более не нахожусь в своем теле. Невидимой силой меня выдернули из него и грубо уволокли в дымную и источающую смрад яму, не различимую для бодрствующего человеческого глаза. Падая в воронку, я видел прилипших к ее стенкам существ, беспомощно дрыгающих конечностями. В поволоке тьмы, и в бешеной скорости ниспровержения, мой разум все же умудрялся отмечать, что в тех липких путах болтаются не только животные, но и люди... Крики, вой, лязги, мольбы... В мои уши ревом проникали канонады нестерпимого и гнетущего звука. По мере того, как я устремлялся куда-то вниз, мое тело покрывалось призрачными струпами. Я преобразался... Туника подменилась мертвецкой хламидой, с постепенно проявляющимся

знаком — песочными часами с лапами-ответвлениями и спиралью вверх. Он принадлежит Предопределению и Испытанию, штандарту Дома Шелка и Богу-Вседержителю Рифф. На моих запястьях и щиколотках оформились старые, ржавые кандалы с тлетворным синеватым отливом. Довольно долго барахтаясь и извиваясь в свободном полете, я вдруг шлепнулся в клейкий субстрат. Не разбился...

Что-то потащило меня через грязную и зловонную толщу — это из-за нее в этой яме так шибает в нос тухлятиной! Гуща, по консистенции похожая на жидкую глину, заливалась мне в горло и уши. Я задыхался и захлебывался... Однако самое ужасное было не это, а то, что в этой каше распада и прогорклости обитали гигантские антропоморфные создания, уродство и непростительное непотребство коих я не берусь упоминать даже мысленно. Они плавали в толще слизи, поедали друг друга и несметно множились... Это было так страшно, так противоестественно и космически ужасно, что я бы с радостью потерял сознание. Но, увы, оно не покидало меня... Мое путешествие в хтонический провал окончилось так же внезапно, как и началось. Рыхлой гейзерной струей меня вытолкнуло из дыры-колодца к поверхности. Место, где я вновь обрел себя, было соборным нефом, выполненным в стиле омбольдольской архитектуры. Только в каком-то искаженном и извращенном ее пошибе. Удлиненные витражные окна с заострённым концом, как одиночные, так и сгруппированные в три-четыре рамы, были оплетены мерзкими паучьими сетями. Арки, в том числи и полуарки, обычно призванные придавать внутреннему убранству легкость и невесомость, здесь отягощались полотнищами с зарисовками странных обрядов и колдовских росчерков. Выполненные золотым и серебряным шитьем, они кичились помпезностью и царственной надменностью. Блистательный декор нефа обременяли барельефы, пилястры, балюстрады, небольшие гипсовые скульптуры и стилизованные кованые украшения. Вопреки своей нарядности, все это почему-то выглядело «бессодержательно и пусто». Самое удивительное, что света вроде бы было много, но он как бы рассеивался и тонул во мраке штор и угрюмых драпировок. И тысячи свечей в канделябрах и шандалах не добавляли освещения, но отбрасывали нездоровые колышущиеся тени. На балконных парапетах

и на мраморных лавках, расставленных по помещению, толпились люди. Они размахивали кадильницами, чмыкали и прешепетывали. Некоторые из них в полголоса гундосили заунывную и монотонную песню, сопровождая себя в такт прищелкиванием тяжелых каблуков. Рожи с признаками звериного родства у тех, что не были прикрыты капюшонами, одновременно выражали экстаз и отвращение.

Широкий ковер алого бархата, на котором я стоял, уводил к эвфуистической статуе мужчины, да такой высокой, что она касалась головой червонного потолка. Под статуей на помосте слоновой кости возвышался престол. Укулукулун, во всем шике и томном величии сидел под увеличенной копией самого себя. У его ног ворошился серый комочек. Иногда архонт равнодушно придавливал его пяткой и тот пищал. Меня схватили и поволокли к Укулукулуну. Архонт в мои сны всегда приходил облаченным в костный доспех. Сейчас же он сменил свое привычное обмундирование на мантию, обметанную драгоценными камнями. На длинноволосом челе Укулукулуна сияла алмазами корона-арахид. Когда меня бросили к сапогам архонта все сборище ликующе взвыло, запрешепетывало, зачмыкало и забацало каблуками! Властелин всех Пауков смерил меня взглядом бездонных запредельных глаз. На его точеном и обаятельном лице проступила кошмарная ухмылка. Архонт наступил носком сапога на своего пленника и тот вновь заверещал. Да, я уже видел его. С бородавчатыми лапами и пятнами облезшего хитина на брюхе и спине. Это он мне вручил Путаницу в Зрячей Крипте.

Стоит заметить, что вся моя доблесть и самоотверженная стойкость, внушаемая самим себе перед грезой, куда-то улетучились. Я как никогда раньше, проникался тем, что я обречен. Что Серэнити или Горгон Преломляющий Оттенки меня уже не вызволят из этих застенков. Что я не скажу Эмилиии три главных слова, и что домочадцы в Шато не дождутся меня. Прости, Птикаль, не принесу я тебе мармеладных червячков. Я все еще помню о них, но... Так уж вышло.

— Маленький безмозглый Шорох, по-шутовски называющий сам себя летописцем и книгочеем Рифф. Ты, наиболее гугнявый и чахоточный из преторов Анкарахады, думал, что сможешь спрятаться

от меня? Что я тебя не отыщу? И считал, что вправе диктовать мне свои условия и навязывать какие-то несуразные правила! Мне! Архонту всех пауков и арахнидов, всех Вселенных и всех Миров! Гляди, Шорох! Вот он, твой Шаттибраль из хибары-развалюхи Шато, что скособочилась подле тухлого Моря Призраков! Гляди, вот он – твой Избранный, а мой раб, с которым я вот-вот разделаюсь!

– Это не мои правила, не мои уклады и не мои указания! Ты знаешь, ты чувствуешь, ты доходишь до этого умом и от того боишься! – с трудом прокряхтел пленный паук из-под пяты Укулукулунa. – Праматерь, наша Владычица Рифф больше не хочет терпеть тебя подле Себя! Рядом с Собой! Перед Собой! За Собой! Ее Веление – Испытание! И оно свершится! Сейчас или позже! И ты примешь его! И ты будешь разорван, смещен и выкинут!

Укулукулун яростно дернул ногой, едва не расплющив Шороха. Тот вытянул все лапы и громко завизжал. Мне было жаль его до слез, но что я мог сделать? Ничего. Скоро меня постигнет та же участь.

– Ты! Падаль! Поверил в себя?! Или в него?! Тебе надо было отдать Путаницу мне, а не ему! Чтобы я, твой законный король, установил, где, когда и кто станет проходить Испытание Рифф! И будет ли проходить Его вообще, потому что Рифф припасала Это Испытание не мне, но другому, канувшему в Бездну тысячи лет назад! Шорох, чепуховое нелепое создание, ты возомнил себя инициатором Перемен и этим святотатством ты унизил нашу Праматерь! За это, Шорох, ты будешь страдать!

– Хрмммм а-а-а-а! Если бы я так поступил... если бы сразу передал Путаницу тебе... ара-а-а-а... ты бы просто убил Калеба, и Испытание бы не состоялось ... гха-а-а-а! Праматерь... Ри... сказа... так не... опомнись!

– Заткнись! Я должен был изучить Путаницу! Разгадать и понять ее! И уж потом решить – давать или не давать Испытанию ход!

– Арга-а-а-а-а! – только и смог выдавить из себя Шорох.

– Ничтожный человечиска, на колени!

И я, сдавленный чудовищной властью очей архонта, подобострастно согнулся.

– Шорох дрожит, потому что уразумел, что провинился перед Рифф. Она отстранилась и теперь не защищает его от меня. Праматерь желает, чтобы он вкусил боли из Ее Чаши. Чтобы он раскаялся и взывал к Ней о прощении. Агония для него растянется на века и века, но он не умрет. Нет. А вот ты, – да.

Укулукулун грациозно встал с престола и в его руках возник колдовской меч – Губитель Живых и Мертвых. Приставив его к моему горлу, он сделал на нем маленький порез. Прикосновение меча потянуло мою душу в его сталь, но архонт остановил это... Красная капель заморосила на плитку пола.

– Кровь. Твоя, – лениво заметил Укулукулун, обходя меня по кругу. – Как ты можешь догадаться, червяк, Путаница более не запрещает мне причинять тебе физический урон. Калечить тебя. Пытать. Истязать. Насиловать. И это самый верный признак того, что Шорох ошибся. Твоя роль в Испытании Путаницы – не просто неуклюжее допущение, это ересь, и ее надо пресечь!

Архонт схватил меня за волосы.

– Для меня ты и твои друзья – это пыль! Постигни всю свою смехотворность и незначительность!

– Время... – прошипел Шорох.

– Время, – согласился с ним Укулукулун. – По меркам бессмертия не прошло и мига, как я изловил «избранную» тобою, Шорох, никчемную вошь. И Рифф получит результат Испытания! (тут Укулукулун возвысил голос стократ) Которое! Даже! Не состоится!

Весь собор обуял восторженный рев клевретов архонта. Они потрясали гадко чадящими кадильницами, озверело стучали набойками пудовых каблуков и неистово чмыкали, и прешепетывали невнятные, но явно хворые и безобразные суесловия.

Укулукулун пнул меня коленом под ребра и полностью уверенный в своем всесилии, повернулся ко мне спиной. С высоко поднятым Губителем Живых и Мертвых он принимал овации от своих подобострастных поданных.

– Время близко! – вновь выдохнул Шорох, явно обращаясь ко мне.
– Теперь у тебя есть самый последний шанс!

Поверженный в уныние и катастрофическую апатию, я вдруг ощутил, как в моих ладонях материализуется шкатулка! Видом продолговатая, талькового цвета, с болотными иероглифами дурного толка на крышке, она, завершая формировать себя, выудила в своем чреве ребристую скважину. Следом в пальцы мне лег торфяной ключ фасетчатой структуры. Рифф оказывала милость, давая мне последнюю возможность покориться Испытанию и принять Ее как свою Госпожу.

– Три оборота! – почти крикнул Шорох.

Укулукулун обернулся. В его глазах мелькнул страх.

Я безумно рассмеялся:

– Эй, паучья рожа! Пропади все пропадом! Хуже уже не будет!

Ключ зашел в замочную скважину.

Крык. Раз.

Архонт, как метеор метнулся ко мне. Однако я с улыбкой смертника уже вовсю крутил этот дьявольский, прихотливой резьбы ключ.

Крык. Два.

Укулукулун воздел Губитель Живых и Мертвых.

Крык. Три.

Меч архонта перерубил мою шею...

Глава 33. Анкарахада

Когда ключ провертелся в замке три раза, Укулукулун отделил мою голову от плеч. Если говорить о том, приятное это событие или не особо, то я бы настаивал на «не особо» и использовал бы иное, вероятно более крепко» слово. Я перестал быть единым целым, но к великой радости, в «разобщенности» мой организм пребывал всего–то секунду–другую. Ха! Да! Когда срубают голову, ты продолжаешь кумекать ею уже отдельно от туловища! До каких пор? Троль его знает.

Губитель Живых и Мертвых хотел съесть мою душу, но его осекла Сама Рифф...

Шкатулка открылась, и из нее полился тусклый свет. Он окутал меня, возвратив голову на прежнее место, Укулукулуна и Шороха. За годы приключений я часто попадал под воздействие магических «светильников» и их поветрий. И никогда доколе не испытывал того, к чему приобщился сейчас. Сияние из Путаницы обожгло меня Взыскательностью, Мудростью, Изменением и Беспощадностью. Мне не было больно, но я осознал, какой я маломощный и плюгавый. Жесткий по Своей Сути источник мощи пульсировал бледным огнем, расщепляя меня на частицы. Влетая ими под крышку шкатулки, я почему–то праздно придавался философии. От стресса, наверное, с катушек слетел? Да? Шиги–бом–бом–шиги–шиги–бом–бом–да! Урах – это Добро, Назбраэль – Зло, Юкцфернанодон – Хаос, Харо – Порядок, а Рифф? Кто есть Рифф? Додумать я не сумел.

Все привычные цвета смазались и съехали в одну точку. Я же (охарактеризую себя, как нечто, состоящее из флюидов–зарниц) вошел в эту точку и запетлял в ней промеж каких–то искрящихся дыр–пространств. Как ни странно, мои чувства не только не пропали, но и обострились! Я обонял неведомые запахи Вселенной и различал невообразимые палитры красок! Инородные влечения так поразили меня, что я едва не упустил из вида то, как... Вот и я. Да, это Царство Рифф... Ее личная Планарность.

На серой земле, лишенной каких–либо пятнышек травы, сколько я мог охватить взором, стелились сложные паутинные рисунки. По их белым линиям непрерывно двигались песчинки... Нет, не песчинки. Это малюсенькие разноцветные пауки. Я стоял как бы на возвышенности, поэтому глядел далеко. Пауки тянули нити, соединяли их друг с другом или скручивали узелками. Их работа ладилась так спорно и быстро, что создавалось впечатление, будто бы новые узоры проявляются из Ничего. Иногда паучки волной несчетных особей передвигали целые паутинные озера, мастера одну только им ведомую инсталляцию. Вокруг было и несветло и не темно. Сумерки. Солнца, как и ее невесты Луны, я, сколько силился, отыскать не смог. Смарагдовая высь то озарялась вспышками, то, как бы втягивалась в кривизну горизонта.

Укулукулун тоже был здесь. Его от меня отделяло каких–то десять шагов.

Внезапно во все небо проступила плешивая морда Шороха. Он пошевелил педипальпами, затем прогремел:

– Пропорционально!

Я стал съёживаться и Укулукулун тоже. Я становился все меньше и меньше, а те алебастровые панорамы, напротив, делались все объёмнее и больше. Нет... То, что я изначально принял за паучьи картины, после моего превращения в букашку преобразились в кварталы бесконечного движущегося города! Легендарная Анкарахада! Это она! Ленты–виадуки постоянно переносили на себе бессчетное

множество арахнидов! Здания—дворцы совершенной геометрической формы пронзали твердь своими шпилями—иглами! А площади! Какие площади! На их фасетчатых просторах, поддерживаемых тросами и канатами, раскинулись невообразимые храмы и капища с крышами из сапфировых черепиц! От этих фантастических святилищ словно бы щупальца осьминога единой линией извивались сотни жилых домов и бакалей. Увенчанные серебряными куполами и облагороженные изысканными фронтонами, они своей неисчислимостью творили улицы, проулки и переулочки. По жемчужным мостовым курсировали кареты, запряженные пятнистыми жуками или насекомыми, похожими на муравьев. Разбитые сады, у озер—клякс, изобиловали диковинными растениями и деревьями, ветвями, оплетающими витые колонны ротонд!

И повсюду шла работа! Что—то латали, что—то чинили, что—то переделывали и доделывали, перекраивали и переиначивали! Никто не отлынивал, с жаром, с усердием и с полной самоотдачей трудились на благо Ее Рая!

Разинув рот, я осматривался, пока меня не подхватили, взявшиеся откуда—то из—за угла те самые жуки размером с медведя. Числом в десять особей, они сгруппировались так, чтобы я, закинутый на их спины, точно не свалился вниз. Жуки побежали, уволакивая меня, своего пассажира к арене, ярящейся жаровнями и кострами. Над ее неприкрытым ничем сводом беспрестанно мигали молнии. Казалось, что арена была вырезана из цельного куска ошеломляюще красивого мрамора. Мои «носильщики» взяли курс на исполинские ворота, так же как и все вокруг, обитые сапфирами и алмазами. Уж так они сверкали! Когда меня внесли за створы, я обратил внимание на трибуны. Они были забиты до отказа! Людьми с яркими лазурными глазами! Меня, как обухом по голове ударило! Это же те почитатели Рифф, что отдали свое зрение на Земле, чтобы в Истине обрести его в Анкарахаде! Миллионы и миллионы «детей» Праматери смотрели на меня, а я на них. Они безмолвствовали. Не так ли привечают «черную лошадку» гладиатора на Арене Колесничего в Гельхе или на Лепестковом Поле в Шальхе? «Болеть за него или нет? Как он себя проявит? Я, пожалуй, не рискну ставить на него свои сбережения».

Жуки, доставившие меня на поле, по объёму несоизмеримое ни с одним амфитеатром, ипподромом или цирком, удалились. Через мгновение ворота в дальнем конце арены распахнулись, и на поле на изумительной квадриге, ведомой четверкой жутких, пламенных жеребцов, выехал Укулукулун. Арена взорвалась возгласами приветствия! Я вертел носом и примечал, что архонта славят едва ли каждый десятый. Укулукулун гордо выпятил подбородок и расправил плечи. Аура его всевластия, зиждящаяся на уверенности в абсолютном превосходстве над всем Миром, была почти осязаема. Пока Укулукулун хорохорился, в воздухе, в стекляннопрозрачной сфере, воплотился Шорох. Он потер лапки и, ухватив ими себя за грудь, крутанулся справа налево. И уже не Шорох то был, но уродливый карлик в серой рясе. Лысоватый, с оспинами, щедро избороздившими весь лик, Шорох сутулился и смотрел исподлобья. Рядом с ним стали появляться другие сферы, а в них — пауки. Все они так же оборачивались мужчинами и женщинами, и рассаживались на роскошные престолы, украшенные таинственными и загадочными эмблемами. Одним из левитирующих надо мной был прекрасный белокурый юноша. В красном одеянии, подпоясанном черным ободком и с объёмистым золотым кулоном на груди, он, вознесшись на своей сфере в центр, так чтобы его было видно всем, сказал:

— Народ Рифф!..

Его ровный и четкий голос был слышен в каждом уголке арены и перекрывал ее шум. По всей вероятности, перевоплотившийся арахнид наложил на свою гортань какое-то заклинание Усиления Звука.

Укулукулун при первых словах юноши рванул вожжи и вальяжно повел коней к середине арены.

—... Ее отпрыски и Ее чада! Перед вами и перед нами, преторами, Укулукулун — помазанник Праматери, Ее сын из клана Тобольдо, король Анкарахады и первый ставленник, архонт в Доме Шелка! От Имени Рифф, я, Лиуфуил, Ее Вестник и Ее Изречение, говорю: Максигалдора, склонись!

Все люди Максигалдоры (это название арены, как я понял) глубоко и почтительно поклонились Укулукулуну. Ниоткуда (и отовсюду) прозвучал сверхъестественный, пронзительный возглас: «Укулу!»

– Архо! – миллионно вторила Максигалдора.

Барабанная дробь и тромбоны.

– Укулу!»

Барабанная дробь и тромбоны.

– Тобольдо! – проскандировала Максигалдора.

– Укулу!»

Трижды барабанная дробь и тромбоны.

– Рифф!

– Все что здесь будут говорить преторы, архонт–король, «отмеченный» и свидетели да услышит на Максигалдоре каждый так, как самого себя! – отчеканил Лиуфуил, производя руками какие–то пассы.

– Я объявляю Суд Всех Преторов открытым! – сказал Лиуфуил. Теперь его голос не катился по всей арене, а как будто бы звучал у меня в ушах. Его заклинание теперь распространялось и на меня с Укулукулуном. Мы слышали друг друга ясно и четко.

После этого вся Максигалдора будто бы скрылась во тьме. Освещенными остались только сферы, парящие в вышине, и участок сорока–пятидесяти футов, где находились мы с Укулукулуном ... Привыкая к темноте, я осознал, что Максигалдора не стала черной

совсем. Эти блеклые лазурные точки–огоньки по всей шири... Это – мириады глаз, следящие за мной и Укулукулуном.

– Рифф заповедовала архонтам исполнять Ее Восемь Правил, – бесстрастно обратился к напыщенному Укулукулуну Лиуфуил, опустившийся вровень с нами. – Первое. Повинуйся Праматери, чти Ее, не превозноси себя сверх Нее и не обожествляй себя. Помни! Ты – раб, Она – Твоя Повелительница. Все Твое исходит от Нее. И нет истоков, которые бы лежали в Тебе, но не было бы в Ней. Второе. Правь, как король, Анкарахадой и как архонт, Домом Шелка – мудро, непредвзято и добросовестно. Думай любую мысль и совершай каждое действие к Их благу и к Их приумножению. Суди честно. Наделяй бедного. Усекай излишек. Третье. Будучи помазанным королем и священником–архонтом всех арахнидов и всех пауков, беспрестанно заботься о них – не только обо всем, но о каждом. Не призывай отдельные и самые робкие молитвы. Откликайся на них, помогай. Четвертое. Распространяй вероучение Праматери, записанное в Лемнискате, во все малые и большие уголки Вселенной. Она – Правда и Все от Нее. Пятое. Защищай Анкарахаду и культ Дом Шелка от врагов Их. Всегда иди на рати во главе Ее воинства. Шестое. Учись, совершенствуйся, развивайся, тренируйся, будь примером для подражания. Твоя несокрушимость и сила – залог устойчивости и покоя Анкарахады и Дома Шелка. Твой личный пример воплощает образ Рифф, а значит, никогда не должен порочить Ее. В твоих руках героизм и храбрость, под твоими ногами – слабость и пассивность. Рифф отрицают неустойчивость и слабохарактерность. Архонт, познавший неуверенность и боязливость, гневит Праматерь, и Она отвергает его. Седьмое. Храни ключи Ее от Анкарахады и от Лаанхакады у себя как зеницу ока. И Восьмое. Призри хотя бы одно из Семи и подвергнись Ее Испытанию.

– Тебе ли, Лиуфуил, не знать, что Рифф давным–давно ушла от нас в неведомые дали? Вот Максигалдора и множество Ее, а вон Ее Держава – Укулукулун взмахнул рукой, и в полумраке, сотнями светлячков–шариков засветилась лоджия, а на ней главный объект – упоительный и дивный, пустой престол – и Она не занята Ею. Но не

называйте себя сиротами, потому что я, девятый король Анкарахады, еще слышу Ее глас, наставляющий меня и вас! Внемлите мне!

Укулукулун, непревзойденный оратор и манипулятор толпы, всецело привлек к себе внимание:

– Праматерь в ярости! Потому что Это Испытание – не Ее прихоть!

Архонт подчеркнуто–театрально указал пальцем на Шороха.

– Это он, кособокий лилипут, подстроил так, чтобы Испытание Гамбуса, уготованное, как возможное, не для меня, но для первенца Рифф, архонта Кьюбирга и «отмеченного» Бланзинсайруса, разверзлось надо мной и над этим... человеком. В Зрячей Крипте Шорох вручил человеку Путаницу – древний и могущественный предмет, который без надзора Рифф ошибочно определил Кьюбиргом меня, а Бланзинсайрусом – его... Калеба Шаттибраля. Это бесчестит и позорит Праматерь, ибо Ее нынешний Выбор – я! И меня, вашего короля, дерзнули оспорить обманом!

Укулукулун сжал кулак и потряс им, грозя Максигалдоре.

– Не оступитесь в суждении, потомки Рифф! Шорох – предатель! Прикрываясь Испытанием, он желает сместить меня и продвинуть своего, архонта–марионетку, которым будет руководить из–за кулис! Я требую у Суда Всех Преторов его казни! Немедленно!

Архонт стал поворачиваться, обводя Максигалдору широко расставленными руками.

– Вторь мне, Анкарахада! Я – твой король! Я – твой архонт! Я – твое знамя, а ты – цвет моей нации! Нам не нужны такие, как Шорох! Прохиндеи и махинаторы!

Арена будто бы взорвалась! Гвалт стоял такой, что я думал, что оглохну. И все же голос Шороха перекрывал его:

– Нет! Это не так! Праматерь, наша Вселипкая и Всемерная Рифф имеет намерение тебя убрать! Тебя отлучить! И выдворить вон! – крикнул низкорослый Шорох. – Я привел Калеба в Зрячую Крипту по Ее инициативе и по Ее решению! Она Сама сказала мне! Ты потерял Дом Шелка! Забросил! Закинул! Он только здесь! За пределами Анкарахады Дома Шелка почти уже нет!

– Лгун! Рифф открывается только мне! А на всех Просторах всех Вселенных – Ее Дом Шелка незыблемо Первый, – взревел Укулукулун.

– Скоро мои речи найдут подтверждение!

– Я уничтожу тебя!

– Тишина на Максигалдоре! – потребовала женщина в мантии цвета меди. Бзц! Бзц! Бзц! По стенкам ее летающего эллипса пробежали энергетические разряды. Молодая и статная, она, сидя на троне, грозно обвела взором всех собравшихся, остановив его на Шорохе.

– В канун Испытания король Тобольдо утрачивает всевластие над Анкарахадой. Поэтому все его юстиции сейчас переходят ко мне, вершителю Канханации. Книгочей и хронист! Ты обвинен королем Укулукулуном в измене, и я не могу игнорировать это. Тебе надлежит покинуть «орбиту» до завершения Суда Всех Преторов. Твой вердикт будет вынесен мной в конце Ритуального Дня. Енорх, распорядись!

Фигура в капюшоне и черно-белой маске, чуть помедлив, мужским голосом воскликнула:

– Серые тени, взять Шороха под стражу!

Пять огромных бронированных пауков, доселе не примеченных мною, трепеща на спинах крылами, подлетели к Шороху, выудили его из «орбиты» и замотали в кокон. Соорудив из паутины канат, они

подвесили своего пленника на длинный шест, торчавший из стены Максигалдору. Выглядело это жутковато.

– Иа–а–а–а, – печально взвыл Шорох.

– Вершитель Канханаця. Вторая после меня, – холодно улыбнулся Укулукулун, с вызовом осматривая женщину. – Ты не убила Шороха. Ты послушалась меня, и я это запомню. Тебя тоже, Енорх. Тебя тоже.

Канханаця и Енорх держались прямо, однако промолчали.

– Архонт, Укулукулун Тобольдо! Повелитель!... – выкрикнула претор. Ее искрящаяся желтая сфера–орбита плавно соскользнула к нам. На лице женщины было обожание.

– Броция, искусница швов Дома Шелка.

– Зачем ты возражаешь Шороху, первый из первых? Разве тебя это достойно? Разве тебе это подобает? Разве «твое» и «его» не Небо и Земля? – подобострастно спросила Броция. – Никому и никогда не победить архонта, благословленного Рифф! Поэтому, чего тебе бояться Испытания, о король Анкарахады? Пройди его! Пусть твои слуги вновь поражаются твоему величию! Пусть они увидят и вкусят! А ты потом кнутом накажешь тех, кто сомневался!

– Во мне нет страха, Броция! И никогда не было! – раздуваясь как индюк, гаркнул Укулукулун.

– Вестимо!

– Но дело именно в достоинстве! Человеку, смертному, рабу, произошедшему не из нашего колена, не надлежит даже поднимать глаз на меня, и это не говоря уже об участии в Испытании, на которое Праматерь не дает Своего одобрения!

– Король! Ты призываешь преторов Анкарахады отменить Испытание? – осведомился прекрасный Лиуфуил.

– Мне не составит никакого труда втоптать этого «червяка» в грязь!

– Точно так, повелитель! – прокричала Броция, и ее возглас подхватили еще пять преторов.

– И все же?

Укулукулун одобрительно мотнул головой, и его паучья корона замигала алмазами.

– Однако я – архонт, и я ставлю свое самоуважение и чистоту Испытания выше секундного поединка! Ему не должно быть, ибо Оно кощунственно!

– Щипиш, как Шорох преисполнился в летоисчислении, так и ты по умыслу Рифф познал всю Лемнискату. Как Книга Книг предписывает поступить Суду Всех Преторов ныне, по обстоятельству уникальному, имеющих власть над своим королем? – задал вопрос Енорх.

Престарелый мужчина в рясе и белом льняном шарфе, повязанном у горла, кивнул ему, после чего заговорил:

– Енорх, владетель серых теней и вы, преторы, я вынесу свои знания на Ваше Рассмотрение. Король Укулукулун Тобольдо прав. Путаница, чудесная и опасная выделка–шкатулка Рифф, была оставлена Ею в Гамбусе – в Мотке всех Мотков и предназначалась для архонта Кьюбирга и «отмеченного Ею» Бланзинсайруса. Из истории мы помним, что они оба не дожили до Испытания и угодили в Серединный Мир Вседержителя Харо. После этого Праматерь призрела Путаницу. Она запечатала ее в Зрячей Крипте... с какой целью? Догадки строить не стану. Лучше обращу ваш, преторы, и свой взор на Лемнискату. Что Праматерь молвит в Ней об Испытании?

В ладонях Щипиша из воздуха возник фолиант. Даже с расстояния десятка футов я видел, какой он красивый и необычный. Металлические вставки–сети на переплете отливали и чернотой, и белизной одновременно, а выпуклые буквы, выполненные из электрума, то изгибались, то расширялись, а то и сужались или вовсе пропадали. Щипиш полистал страницы из золотой фольги. Найдя нужную, он стал читать:

– Из Испытания – из Моего Указа, Моего Избрания. Мой отбор «из рода мелкого Мною сотворенного», чтобы угождал Мне и Восхвалял Меня. Сие «разумное» Я нарекаю архонтом. Ему должно объясняться за сонм передо Мной и править Моим сонмом от Лица Моего. Архонт – это Мои Обеты для сонма в Доме Шелка. Архонт – это не только первосвященник Мой. Он – Закон Мой, он – король Анкарахады – Земли Моей и всех арахнидов, всех пауков Всех Вселенных. Как Анкарахада – Милость Моя, так Лаанхакада – Проклятие Мое, но так же Земля Моя. И есть от них два Моих Ключа у архонта. Хранить их ему вовеки. Если архонт силен, претенциозен, вынослив – он угоден Мне. Если архонт – измельчал, поблек, одряб – он негоден Мне, и Я говорю – Испытание! Испытание – это Мой Указ, Мое Избрание. Оно сменит старого архонта на нового. Ради обновления, ради изменения, ради преображения и Моего одобрения. Испытание – это Мой Указ, Мое Избрание. Я утверждаю сонму Своему – Я – Вседержитель! Я вне Времени, вне Пространства! Я есть Здесь, и Я за Гранью Его. Когда я за Гранью Его, и случилось так, что архонт нарушит хоть одну из Восьми Моих Заповедей, а Восьмая идет из Семи, то вознесите молитву перед Лице Моим и Я устрою Испытание! Я говорю – Испытанию «Быть», если сонм свидетельствует правдиво, и Я говорю – Испытанию «Не Быть», если сонм свидетельствует ложно! За обман – Я истреблю сонм, за достоверность – Я награжу его! Возопите, и Я услышу Свой сонм, Ибо Я – Рифф, Вседержитель и Творец сонма Своего!

Щипиш бережно закрыл Лемнискату, затем подвел итог:

– Рифф четко дает нам понять – Испытание может начинаться только в том случае, если к тому есть серьезные предпосылки. Без них Испытание – это богохульство и надругательство над Рифф и над Ее исключительной жемчужиной – архонтом.

Лиуфуил полетел по периметру Максигалдоры, громогласно взывая:

– Вы все вняли Лемнискате, Которая есть Проповедь Владычицы нашей Рифф! Есть ли среди вас, отпрысков племени Ее, тот, кто скажет перед Праматерью и Судом Всех Преторов: Мой король и архонт Дома Шелка преступил Семь Заповедей, чтобы очиститься в Восьмой! Если такой есть, то пусть он выйдет сюда и обвинит!

Максигалдора безмолвствовала.

– Если ты есть, выйди сюда и обвини короля и архонта своего! – вновь зычно повторил Лиуфуил.

Укулукулун доселе не смотревший в мою сторону, вдруг устремил на меня огненные воронки–глаза и ослабил.

– Если в третий раз никто не откликнется, то преторы отменят Испытание, и я покажу тебе, что такое вечная боль, – процедил мне Укулукулун.

– Как же ты мне надоел. Все лаешь да лаешь, прямо как дворовый пес, – откликнулся я, наконец, совладав с собой.

– Не путай собаку с волком. Ты даже не заметишь, как я перекушу твою шею, щенок, – хохотнул Укулукулун.

– Если ты раб или ты свободный Анкарахады, ты есть, и ты можешь обвинить своего короля Укулукулуна, выйди сюда и сделай это прямо сейчас! – в третий раз крикнул Лиуфуил. – Немедленно!

И тут... из космической выси в песок Максигалдоры рядом со мной ударил луч ослепительного света. В синем пластичном доспехе, без одной руки из него вышел Бракарабрад. Он улыбнулся мне, а следом за ним из того же свечения показался очень худой молодой человек. С веснушками, бледным лицом и мешками под глазами, он был похож на Эмилию и Настурцию...

– Кто вы? И как вы смеее вот так заявляться на Суд Всех Преторов?! – перекашиваясь от возмущения, отчеканила Канханаця. – Отвечайте!

Я заметил, как Укулукулун нахмурился и свирепо расширил ноздри узкого носа. Ба! Так открыто проявлять свою неприязнь к новоприбывшим просто неприлично! Выражение лица Укулукулуна с совершенно очевидным желанием броситься и «убить этих двоих» (меня тоже, естественно), было таким злобным и взбешенным, что меня невольно прошиб озноб.

– Я – Бракарабрад, отшельник Серебряной Росы.

– Я – Ансельм Грэкхольм. Я – агнец Рифф и Ее приемыш.

После чего они сказали вместе:

– Мы умерли и были с Рифф.

– Ребенком Она взяла меня к себе три столетия назад. По Ее допущению, мертвый, «не ваш», я вырос в Анкарахаде, – проговорил Ансельм.

– Меня Она призвала к себе совсем недавно, – добавил Бракарабрад.

– Я и Бракарабрад, мы прошли свои пути ради для этого момента, – вновь заговорил Ансельм Грэкхольм, показывая пальцем на Укулукулуна и переводя его на меня. – Для Испытания.

– Как и Шорох, мы свидетели Ее, – сказал Бракарабрад.

– Если вам есть, что сказать, говорите! – громко отозвался Лиуфуил.

– Я приношу Максигалдоре и Суду Всех Преторов доказательство трусости и малосилия короля Укулукулуна Тобольдо! Того, что Рифф бичует и не приемлет в архонтах! – громко выкрикнул Бракарабрад поднимая вверх обрубок руки. – Всмотритесь преторы, она гноится и не заживает!

Около тридцати светящихся шаров–орбит подлетели к отшельнику Серебряной Росы.

– Я умер в Гамбусе, имея две руки и, как вы знаете, есть только одно оружие, способное в Преддвериях Рая усекать плоть так, чтобы она более не восстановилась в Анкарахаде! Это зачарованный душами меч архонтов – Губитель Живых и Мертвых!

Тут все преторы разом зашептались, а Укулукулун сузил глаза.

– Это он, король Укулукулун, отсек ее мне! В Преддвериях–Сновидениях он пытался сломить Калеба и нечестно завладеть Путаницей, чтобы тот не смог перейти в Анкарахаду и принять Испытание Праматери!

– Я вырву тебе твой грязный язык! – вспыхнул Укулукулун, направляясь к Бракарабраду. Однако архонту перерезали путь «серые тени». Десять пауков отгородили его от отшельника Серебряной Росы.

– Чушь, – сказала Броция Бракарабраду. – Как ты смог рассчитать миг и отыскать точку в бесконечно–вечном, где король Анкарахады, как ты уверяешь, напал на этого ничтожного человека? Как?

– Меня и Калеба связывает обряд Нити, проведенный Плетущей Пряжу, – моей дочерью Пастасарамой. Ведомый Нитями, я всегда знаю, где находится Калев.

– Рихтвайра, знаток всех церемониалов и ведущая их, так ли это? Есть ли на Бракарабраде обет Нити? – спросил Лиуфуил у женщины в красно-белых одеждах.

– Есть, – хрипло обронила Рихтвайра. – Внутренним Оком я вижу линии, сцепляющие отшельника Серебряной Росы и смертного мага.

Лиуфуил кивнул Бракарабраду, чтобы тот продолжил.

– В тот день ритуал Нити дал мне возможность защитить отмеченного! Но это не все! Праматерь позволила мне одолеть архонта!...

Максигалдора загомонила.

–... И не только мне! Петраковель, ворожея-оракул из Леса Скорби и Горгон Преломляющий Оттенки, механик-колдун – тоже сделали это! Они разбили чары Укулукулуна и вырвали Калебу свободу! Было еще и Луковое Спокойствие! Это – кулон Братства Света, Вседержителя Ураха. Пока отмеченный спал, кулон заключал его в оболочку-кокон, что не позволяло Укулукулуну дотянуться до цели многие недели! Все это показывает вам, преторы, и тебе, Максигалдора, что Укулукулун уже не тот архонт, что раньше! Что он жалкий и подлый! Что в нем нет бывшего величия!

Гомон Максигалдоры перешел в рев. Лазурные глаза миллионов пауков горели во тьме ярче звезд... Укулукулун обнажил Губитель Живых и Мертвых...

– Суд Всех Преторов взывает к тебе, Максигалдора! Успокойся! – изрек Лиуфуил.

Когда шум немного поубавился, Укулукулун ткнул мечом на Бракарабрада.

– Ты – брехун! Подойди сюда, чтобы я смог убить тебя!

– Хоть то, что ты, отшельник Серебряной Росы, нам рассказал – ужасно, однако этого мало, чтобы мы, преторы, утвердили Испытание, – проговорила вершитель Канханация. – Мы не видели этого своими глазами. Истина может быть искажена.

– Есть ли что тебе добавить, Бракарабрад? – осведомился Лиуфуил.

– Нет.

– Есть мне, – вставая рядом со мной, промолвил Ансельм Грэкхольм. – Для всех родов и племен Своих Рифф написала священную книгу – Лемнискату. В ней Праматерь оставила Заветы – для жизни и для служения во Имя Нее. Кто будет исполнять Их, тот после смерти отойдет сюда, в Анкарахад, в Ее рай и Ее Вотчину. Но те, кто в своей смертной юдоли призрит Рифф и Лемнискату, упадут в Лаанхакаду – в Ее Геену, аналог Мира Тьмы Назбразля.

– Для чего ты пересказываешь нам сии эдикты Праматери? – спросил Щипиш.

– Терпение, Щипиш. Через минуту ты все поймешь, – сказал Ансельм. – У архонта должны быть два Ее ключа. От Анкарахады – Ситри и от Лаанхакады – Бицфу. Потеря любого из них – жуткое горе для всех пауков всех Вселенных. Если пропадет Ситри – Анкарахада закроет свои ворота для душ Ее праведников...

– Для чего ты, раб, чешешь нам уши? Ворота Анкарахады открыты! – перебил Ансельма Укулукулун.

... – Если же архонт лишится Бицфу, то главный демон и царь Лаанхакады – Бангравейс – мятежный сын Рифф, обретет его у себя!

Ансельм Грэкхольм встал на колени.

– Максигалдора! Суд Всех Преторов! Начало Конца близко! Бангравейс рядом, ибо король Укулукулун Тобольдо имеет у себя Ситри, но не Бицфу! На его поясе нет ключа от Лаанхакады! Бицфу у Бангравейса! Я клянусь вам в этом именем Праматери, которая сейчас говорит моими устами! То, что мне известно, – известно от Нее!

– Король Укулукулун Тобольдо! Оспорь речи Ансельма Грэкхольма! – произнес Лиуфуил. – Продемонстрируй нам Бицфу, смыкающий затвор на створах Лаанхакады!

– Я – архонт! Я никому и ничего не обязан доказывать! – надменно гаркнул Укулукулун.

Канханация, переглянувшись с Енорхом и Лиуфуилом, произнесла:

– Ты – наш архонт и ты же король Анкарахады. Ты выше нас всех, но ныне идет Суд Всех Преторов, и твоя монаршая неприкосновенность не учитывается нами. Как вершитель, я призываю тебя, Укулукулун Тобольдо, предоставь ключи на обозрение Максигалдоры.

– Нет!

– Так как ты отказываешься показать Ситри и Бицфу добровольно, я вынуждена принудить тебя к этому! Енорх!

Владелец «серых тене»й – арахнидов–стражников, ничего не говоря, махнул рукой.

– Предатели! – яростно зывал Укулукулун.

Пауки, держащие архонта в кольце, скопом набросились на него. Губитель Живых и Мертвых безошибочно точно поражал их одного за другим!

– Это непозволительно! – пронзительно закричала Броция. – Я требую отмены этого бесчинства!

– Остановитесь! Перестаньте! Не надо! – вторили ей еще несколько преторов.

Суд Всех Преторов вдруг разбился на два противоположных полюса. На тех, кто хотел придерживаться правил и узнать правду и тех, кто боготворил Укулукулуна. Броция выставила вперед странный посох, а Енорх с Канханацией извлекли из ножен удивительные клинки. Казалось, что столкновение между преторами неминуемо. Но все решил возглас Шороха, который, хоть и висел замотанный в паутину, все видел:

– На ремне Укулукулуна висит только Ситри! Только он!

Ага, да! Вокруг архонта валялось где-то двадцать мертвых пауков и примерно столько же держали его лапами за все части тела. Под плащом, скрывающим часть мантии, висел красивейший пояс и на нем покачивался оранжевый ключ. Один!

Вся Максигалдора ахнула и замолчала.

В этой абсолютно тишине, нарушаемой только рычанием Укулукулуна, неожиданно стали раздаваться хлопки. Это из неба падали столбы света. Из каждого выходили люди. И было их видимо-невидимо. Все они начали обличать Укулукулуна, принося на Суд Всех Преторов разные пороки короля Анкарахады. Время будто бы остановилось для меня. Сколько я слушал эти обвинения? Не знаю. Казалось, что они никогда не прекратятся, но это все же случилось. Когда высказался последний, вершитель Канханация, подозвала к себе преторов – тех, кто согласился к ней «подлететь». Броция и еще десяток преторов не двинули «орбиты» со своих мест. Спустя несколько минут совещания Канханация сказала:

– Укулукулун из клана Тобольдо, король Анкарахады и архонт Дома Шелка. Свидетельства против тебя преподнесены на Суд Всех

Преторов. Они обличают тебя, как недостойного быть первым из первых. На твоих плечах много грехов, и самый тяжелый из них – пропажа Бицфу, ключа Лаанхакады. Испытание Гамбуса было определено Кьюбиргу и Бланзинсайрусу, не тебе. Но ты пройдешь Его! Если на Нем ты возобладаешь над Калобом, то очистишься в глазах Рифф и получишь шанс исправить катастрофическое положение дел, к которым приложилась твоя рука. Ты отнимешь у Бангравейса ключ Лаанхакады и вернешь Дому Шелка былую славу. Если же ты проиграешь Калобу на Испытании, то умрешь.

Вершитель Канханация помедлила, а потом возвестила:

– Максигалдора и Анкарахада! Все пауки из всех Вселенных и Планов, через Суд Всех Преторов, Рифф говорит: Испытанию Укулукулуна Тобольдо и Калеба Шаттибраля – Быть!

Величественное сооружение, носящее название Максигалдора, вместившее в себя сегодня без малого миллионы приверженцев Рифф, так загалдело, заорало и взвыло, что мне показалось, что само небо упадет на нас, не выдержав давления звука.

Арахниды перестали держать Укулукулуна. Они вспорхнули и улетели куда-то за пределы видимости. Но архонт не обратил на это никакого внимания. Он будто бы чего-то напряженно ждал. И тут...

Что-то под моими ногами заклокотало и задергалось. Брвгггг! Из песка, беря нас с Укулукулуном в подобие кольца, поднялись восемь цельных и высоченных алмазных столбов, поддерживающих на своих вершинах громадные невозжённые жаровни, в разных ипостасях стилизованные под пауков. Через секунду после этого что-то хрустнуло. От одной драгоценной глыбы к другой потянулась трещина и так далее по кругу. Трещина быстро расширилась до десяти футов в поперечнике (не перепрыгнешь!), образовав тем самым островок, отгороженный от всей остальной Максигалдоры пропастью. Я глянул вниз. Ой, ой, ой, а дна-то и нет! Это сколько же надо будет падать, если оступиться! Два столба зарябили, а затем между ними проявилась кристаллическая стенка, а в ней – механизм наподобие исполинских

часов Ильварета. Да, он напоминает Гонг Дракона, что грохочет для столицы провинции с площади Союза. Но в отличие от Гонга Дракона тут, на причудливом циферблате с бездвижной стрелкой, вместо цифр были выведены различные и явно сакральные изображения. Нет, их рисовала не человеческая рука и вообще не рука... Идеально выведенные линии, законченность и завершенность образов, гармоничность в каждом штрихе... Мамочки мои! Передо мной произведение Вседержителя Рифф... Я любовался бесконечно непостижимым, притягательным и одновременно отталкивающим артефактом, а преторы в шарах-орбитах опускались в пустоту разлома. Они зависали в ней, прямо за алмазными столбами, так чтобы быть вровень со мной и архонтом, но на безопасном расстоянии (от Укулукулуна, так думаю) ...

– Король Анкарахады, архонт Дома Шелка, Укулукулун, и Калев Шаттибраль, отмеченный, претендующий, сегодня вы, по воле Праматери нашей Рифф подвергаетесь Испытанию, – возвестил Лиуфуил. – Я должен разъяснить правила проведения...

– Мне они известны! – рявкнул Укулукулун. – Я принимаю Испытание!

– Тебе – да, мой король. И Суд Всех Преторов учитывает твой ответ. Но Калев Шаттибраль с правилами незнаком, – бесстрастно сказал Лиуфуил, затем он подчеркнуто вежливо обратился ко мне:

– Калев Шаттибраль, ты – человек, ты не из нашего рода и не из нашего колена, но тебя избрала Рифф. Праматерь желает, чтобы ты знал то, на что ты идешь ради Нее.

– Я слушаю.

Лиуфуил смерил меня взглядом. Нет, в нем не было жестокости или высокомерия. Он посмотрел на меня с любопытством, как на предмет, научившийся разговаривать, а может даже и немножко самостоятельно мыслить. До меня дошло – Глашатай Праматери, как и все преторы Анкарахады, кроме Шороха, относили меня к низшей

ступени эволюционного развития. Разве обезьяна умнее человека? Да, ей присуще кое-что от нас, людей, тоже подражание – для нее наука, но разве она способна начертить проект здания или заготовить соленья на зиму? Нет. Это за гранью ее понимания. Для Лиуфуила я был та же обезьяна, которой надо все разжевать. Уа-уа-уау-уау-ау и скачу-скачу по лианам в его воображении! Ха! Но ведь не смешно! Он ни единого мига не верит в то, что я могу свергнуть Укулукулуну с места архонта, но работа есть работа, и нужно повторить и проговорить моменты, так положено укладом...

– Испытание придумано Рифф, чтобы Анкарахада – Рай Праматери и пауки всех Миров всех Вселенных находились под десницей сильного и могущественного архонта и короля. Чтобы Ее народ жил без страха, в достатке и благополучии. Ты знаешь, Калев, что душам и вещам свойственно ломаться. Даже здесь, в бессмертии Анкарахады, это случается – как с нами, простыми пауками, так и со ставленниками Праматери – нашими повелителями архонтами. Когда так происходит, когда архонт и король Анкарахады нарушает одно из Восьми Правил, а Восьмое исходит из Семи, то Всеведущая Рифф устраивает ему Свою проверку – Испытание, на котором он может снять с себя клеймо позора и очиститься в Ее глазах. Ныне король Укулукулун вышел из доверия Праматери, и ему назначено Испытание. И ты, Калев Шаттибраль, есть Инструмент Испытания, Его Часть и Его Секатор. Ты в Нем – ревизор короля Анкарахады, которому надлежит проверить его на прочность, пригодность и целесообразность. Если Укулукулун возобладает над тобой, то останется архонтом, если же все обернется иначе – им станешь ты. Ты понимаешь, о чем я говорю? Ты займешь престол Анкарахады.

– Конечно.

– У Испытания нет какой-то заготовленной последовательности, как и каких-то испокон веков повторяющихся в Нем соревнований. Все Испытания архонтов уникальны. Все состязания – Экдизисы, в которых вы с королем Укулукулуну должны будете участвовать, выберет сама Рифф. Ты видишь, Калев, что перед тобой хронометр (ага, те часы напомнившие Гонг Дракона, вот они). Праматерь нарекла

его Ганглион. На Ганглионе есть риски, показывающие ту или иную дуэль, как интеллектуальную, так и физическую. Потянув за рычаг – Базал (Лиуфуил указал на длинный прут, торчащий перед Ганглионом), ты и Укулукулун по очереди будете обращаться к Провиденью Рифф, запечатанному в Ее хронометре. Его стрелка сойдет с мертвой точки и определит тот Экдизис, что вам уготован. Вы будете начинать Экдизисы по священной команде Испытания – Форгат.

– Сколько всего матчей мы сыграем? – спросил я, косясь на Укулукулуна. Мантия на нем словно бы деревенела, превращаясь в костный доспех. Да, так привычнее. А то разрядился, расфуфырился! Бе!

– Это никакая не игра, Калёб Шаттибраль, а наисерьезнейшее событие, которое отразится на Анкарахде самым непредсказуемым образом, – строго сказал Лиуфуил. – Как ты можешь заметить, по периметру ристалища расставлены восемь жаровен – Оцеллюсов – через них Праматерь выказывает Свое Одобрение. Цвет архонта – белый, отмеченного – черный. Победа на Испытании присуждается тому, чей цвет займет все Оцеллюсы. Достаточно ли для этого будет провести всего один Экдизис или устроить их сотню – знает только Праматерь.

– Ясно.

– Это еще не все. Испытание – это битва двоих, однако перед каждым Экдизисом у архонта и отмеченного есть право совещания с доверенными лицами. Если таковые у него имеются... «Правь один, но опирайся на многих» – таков Завет Праматери, и Она претворяет Его в жизнь на Своем Испытании.

– Мне все понятно, – сказал я, спешно переваривая полученную информацию.

– Чтобы Испытание состоялось, ты, Калёб Шаттибраль, должен дать ему добровольное согласие или отказаться от Него, – промолвил Лиуфуил.

– В чем же подвох отказа?

– Подвох? – удивленно выгнул бровь претор. – Никаких подвохов, отмеченный. Король Укулукулун продолжит править Анкарахадой, а ты освободишься от Испытания.

– Как это?

– Умрешь от клинка Губителя Живых и Мертвых.

– Мне это не подходит, – покачал я головой, вдруг понимая, что при мне нет ни Альдбрига, ни Лика Эбенового Ужаса. Я безоружен! А под подолом моей мертвецкой хламиды даже нет обуви! Где мои сапоги?! А?! Где!? Нет, ну это уже чересчур!

– Я принимаю Испытание.

Максигалдора озарялась вспышками света. Люди зажигали факелы...

Глава 34. Испытание

– Испыта–а–а–а–ание! Испыта–а–а–а–ание! Испыта–а–а–а–ание! – трижды громогласно крикнул Лиуфуил. – Рифф ниспослала нам Испыта–а–а–а–ание! и первым Ганглион крутит король Анкарахады Укулукулун Тобольдо!

После этих слов под прицелом тысяч глаз и очагов света, архонт царственно двинулся к хронометру. Он буравил меня взглядом огненных глаз и чудовищно улыбался. Только от одной этой ухмылки внутри у меня все скукожилось и оборвалось. Как мне выстоять?! О, Вселенная, подскажи, как...

Дойдя до Ганглиона, Укулукулун широко расставил ноги и руки. Его статная фигур, с прямой осанкой и длинноволосой головой с короной лучилась уверенностью и непоколебимостью. Для зрителей

Максигалдоры, преторов и меня он казался апофеозом бесстрашия, невероятной красоты и монументального авторитета. Как же жалко, по-мышинному серо я смотрелся на его фоне! Укулукулун схватился за Базал, дернул его книзу, а затем исступленно воззрился на Ганглион. По циферблату медленно–медленно поехала стрелка. Потом она увеличила скорость движения и миновала сразу десяток картинок, чтобы потом плавно приступить к торможению. Проехав последние три карточки – разорванную паутину, бутылку с выливающимися из нее звездами и квадрат, исписанный иероглифами, она застопорилась на ладони, которая почти касалась волнистого треугольника.

– Праматерь наша Рифф назначает королю Укулукулуну Тобольдо и отмеченному Калебу Шаттибралю Экдизис Стойкости!

В центре нашего огороженного островка–ристалища проступила воронка. Сначала она засасывала в себя песок, но потом стала действовать в обратном направлении. Из ее нутра всколыхнулся вихрь, который чуть погодя, рассеявшись, обернулся восьмиконечным столом с двумя горящими свечками – язычок пламени одной был белый, а второй – черный.

– Архонт! Берешь ли ты себе перед этим Экдизисом советника? – спросил Лиуфуил.

– Нет! Ни для этого, ни для последующего! Я – самый сильный и мудрый из когда–либо избранных Рифф архонтов, и не нуждаюсь в чьей–либо помощи! – сказал Укулукулун, с форсом приближаясь к свече на своем конце стола. Он облокотился на столешницу и вперил в меня свой кошмарный взгляд.

– Отмеченный! Желает ли ты увидаться с каким–либо советником до Экдизиса Стойкости?

Я пожал плечами, собираясь ответить, что в Анкарахаде у меня нет друзей, но тут заметил, как по ту сторону пропасти, из рядов «свидетелей Рифф» мне машет Ансельм.

– Я хочу поговорить с Ансельмом Грэкхольмом!

– Ты услышан, – кивнул Лиуфуил.

Сразу после этого «серые тени» Енорха подлетели к Ансельму и перенесли его на островок Испытания.

– Суд Всех Преторов отмеривает вам пять минут.

Долговязый мужчина с чертами Эмилии и Настурции Грэкхольм совокупно выглядел молодым и старым, уставшим и бодрым, странным и невероятно отдаленным от всего мирского. Только зеленые глаза его не имели двоякости. Как и у сестер, они были чуткие, добрые и внимательные.

– Калерб, хоть и заочно, но я знаю тебя. Ты очень дорог моей семье, – помолчав, сказал Ансельм.

– Эмилия и Настурция скучают по тебе, – отозвался я. – И мама с папой тоже...

Ансельм покатал желваки.

– Наурет и Клидас у Ураха, в Мире Света, а я здесь. И, к сожалению, я не могу сообщить им, что люблю всем сердцем не их, а Владычицу Рифф! Только Она – мой ориентир и мой единственный Бог.

– Любишь?! – изумился я.

– Три минуты! – напомнил Лиуфуил.

В изумрудных очах Ансельма появился блеск обожания.

– Я видел Ее, Калерб. Я жил у Ее ног. Она – Вседержитель... Я не могу описать тебе этого чувства. Она... Она сурова, как отец, и нежна, как мать. Рифф терпеливо учит и жестоко наказывает. Она не для всех.

Анкарахада погрязла в тщеславии, неге и эгоизме. Из-за Укулукулуна Ее рай превратился в свалку, в мусорную кучу, и Она отстранилась от него. Случилось большое горе, Калев. Но о нем потом. Среди всех людей и нелюдей Праматерь указала на меня. Чтобы я направлял тебя. Сейчас и далее. Ты – Ее избранный. Тебе многое предстоит свершить для Нее.

– Ансельм, если ты не в курсе, то я серьезно влип.

– Минута!

Грэххольм торопливо заговорил:

– Укулукулун – архонт, он кажется неуязвимым, но это не так. Ты во всем превосходишь его. Так мне сказала Праматерь, а значит так и есть. Чтобы пройти этот Экдизис сосредоточься на самом светлом, что есть у тебя. На...

– Время истекло! – произнес Лиуфуил. – Отмеченный, займи свое место у стола.

– Крепись, Калев. Рифф с тобой, – напоследок сказал мне Ансельм Грэххольм.

Серые тени, взяв Ансельма под ребра лапами, доставили его обратно на основное поле Максигалдоры.

На негнущихся ногах я заковылял к столу. Меня тошнило и мутило. Мне чудилось, что я сплю, что все это происходит не со мной, а с кем-то другим. Словно в прострации я уставился на архонта.

– А вот и ты, раб! Пошушукался с отребьем? Он сбежал, а ты остался, – злобно обронил Укулукулун. – Чувствуешь теперь, как дрожат твои коленки? Как тебе хочется плакать? Ревь! Покажи Максигалдоре, какой ты никчемный!

– Еще чего.

Вдруг, из столешницы стали расти два хрустальных стебля. Увенчанные обрюзгшими шишками на концах, они буквально за несколько мгновений вытянулись и низко загнулись над свечками. Затем шишки лопнули и из них выдвинулись прозрачные прямоугольники с архаичными, едва приметными загадочными письменами. На нижней призме полого прямоугольника имелась дырочка, которую с удовольствием стало лизать пламя свечи. Изыскано и со вкусом. Серэнити бы понравилось эта забава.

– Экдизис Стойкости таков, – между тем повел речь Лиуфуил. – По моей команде вы вложите свои ладони в ниши над фитилями. Как вы видите, в основании ниш есть прорезь – через нее на вас будет воздействовать жар свечи. В Экдизисе победит тот, кто продержит свою ладонь над огнем дольше другого. Король Укулукулун Тобольдо, Калёб Шаттибраль, вы готовы?

Укулукулун снял перчатку. Его пальцы блеснули изумительными перстнями.

– Я – да! – громко сказал архонт.

– Тоже.

– Максигалдора! Суд Всех Преторов! Экди-зи-и-ис Сто-о-ойкости! Экдизиинис Сто-о-ойкости! Экди-зи-и-ис Стооойкости! Во имя Рифф нашей Праматери – Форгат!

Я глубоко вздохнул, утер соленый пот на висках и вставил ладонь в хрустальную ячейку. Укулукулун сделал то же самое...

Вряд ли есть те из нас, кто хоть раз в жизни случайно не приближался к разругавшейся печи или весельчаку-костру слишком близко. Поцелуй огня... Почувствовав разрушительную плерому первозданного элемента стихии, обращающего в пепел все и вся, мы тут же отшатываемся от него. Это срабатывает инстинкт самосохранения – наиболее примитивный рефлекс, который почти

невозможно контролировать. Дуть на покрасневший участок кожи – наше первое желание. Потом может вздуться волдырь. Ранка будет дергать несколько дней, а то и недель – неприятно. К чему я? Да к тому, что, поместив ладонь в этот проклятый прямоугольник, я сразу проникся всей так называемой прелестью агонии. Сказать, что мне было больно – это ничего не сказать. Я истошно закричал и дернул руку на себя. Я почти вынул ее из выемки, но осекся. И не потому, что огонь перестал причинять мне вред, нет, вовсе нет. Трижды нет! Все дело в том, что до меня дошло – если я вот так вот выкину белый флаг, попячусь назад перед телесными истязаниями, не проявив хотя бы каплю выдержки и самообладания, то умру, потому что Рифф такой архонт не нужен. А так... так у меня еще есть призрачный шанс на... На что? О, Вселенная! На что?!...

Я сжал челюсти и, воя не раскрывая губ, поднял глаза на Укулукулуна. Да неужели! От его грозного и властного обличия не осталось и следа! Фальшивая маска спала! Где твой прежний лоск, злополучный король Анкарахады? Ты побледнел и осунулся! Ты дрожишь! Ха-ха-ха, ты еще и жмуришься?! Ты мой бедненький!

И эта картина, это неподдельная демонстрация неустойчивости и изможденности влила в меня кувшин упрямства и какого-то безумного стремления во что бы то ни стало опрокинуть Укулукулуна на лопатки!

В моей биографии есть пункты, окрашенные в багряные и грязно-темные цвета – это пребывания в камерах пыток. Я находился в них не единожды, и крайний раз совсем недавно, из-за Эмилии – в Ордене Инквизиции Шальха. Тогда, месяцами назад и гораздо ранее, палачи безбожно измывались надо мной, но я выжил и вопреки всему сохранил рассудок. А в чем секрет? В чем затравка? Почему я не сошел с ума и не повредился психикой? Отвечу кротко – мне помогла многолетняя практика колдовства и чародейства. Мое умение концентрироваться на чем-то одном, убирая из внимания все другое. Это заглавное правило для создания заклинаний большинства «магических школ» не дало мне слететь с катушек. В момент «икс», когда палач закатывал рукава и брался «трудиться» надо мной, я начинал воспринимать свое тело не все целиком, но частями. И ту

часть, что подвергалась насилию, я мысленно будто бы отсекал от себя, блокировал. Она словно бы оказывалась вне меня. За мной. Нет, разумеется, членовредительство сказывалось на мне, однако я мог ясно соображать и отдавать отчет тому, что говорю. При допросах это очень важно.

Сейчас мою ладонь крутил палящий зной свечи. Нос различал вонь жженого мяса. Это страшно и мерзко. Я применил к себе тот самый проверенный годами прием – «я есть фрагменты», и он возымел успех. Отгородив руку от самого себя (она не моя, я не ее – мы – порознь), мне, чтобы окончательно выдворить болезненный импульс из сознания, пришлось в эту тяжелую минуту выудить из себя воспоминания радости, безмятежности и тихого счастья. Я глядел на свою коптящуюся кисть, но уже видел не ее. Перед моим взором была мама. При свете лампы она шила мне новые штанишки, а я, маленький мальчик, сидел у ее колен и возился с Медком. Иногда мама отрывалась от своего занятия, чтобы улыбнуться мне... Ах, эта улыбка! Сколько в ней ласки, заботы и добра! Я прижался к маме, и не было ничего во всем Мире, что заставило бы меня плакать! Я – ребенок, уткнувшийся в подол платья, отдаленный от своей нынешней Судьбы и Рока провалом времени, знал – никто не посмеет меня обидеть, когда рядом мама. Моя защита была абсолютной, непробиваемой, незыблемой и негибимой. Мама бесконечно любила меня при жизни и верю, отчаянно верю, что и после смерти ее душа не покидает свое чад. Куда бы меня ни занесло, и где бы я ни оказался – моя дорогая мамочка бережет меня... Мама! Я все преодолею, если ты будешь подле меня! Тогда и сейчас!

Слезы текли по моим щекам. Они падали с подбородка на хрустальную ячейку и ползли по ней дальше, к свече. Встретившись с первой из моих слез, фитиль недовольно зашипел. Кап–кап–кап – заморосили на него остальные прозрачные горошины. Свеча не погасла, нет, она даже стала более пылкой, но вся моя боль куда-то испарилась... Самовнушение?... Мама, Вселенная, Урах... Спасибо! В неопишемом удивлении и трепете, я медленно–медленно опустил голову и исподлобья, воззрился на Укулукулуна. Уже едва–едва

удерживающий руку над горящим фитилем, он пересекся со мной взором огненных–воронок глаз.

– Ты проиграл, – шепнул ему я, придавливая ладонь к отверстию, так чтобы пламя свечи полностью вошло в нее.

– Ты же просто раб! Как ты...?! Сумел?! Ты! Раб! – задохнулся архонт, рывком изымая руку из хрустальной ячейки.

– Во мне есть то, чего нет в тебе.

– Чего же во мне нет?!

– Любви.

Три из восьми Оцеллюсов зажглись черным пламенем. Внезапно в мои уши ворвался рокот Максигалдоры. Мозг, ранее отключивший для меня почти все звуки (наверное, чтобы они не мешали мне фокусироваться на Экдизисе), вновь вернул их.

– Экдизи–и–ис Сто–о–ойкости! Максигалдора! Экди–зи–и–ис Стооойкости! Народ Рифф! Экди–зи–и–ис Сто–о–ойкости! Анкарахада! Окончен! – закричал Лиуфуил. – На нем победил отмеченный! Калев Шаттибраль!

Арена вопила. Гневно? Одобрительно? Азартно?

Укулукулун таращился на меня, а Лиуфуил, между тем, вновь заговорил:

– Отмеченный, Калев Шаттибраль, теперь твоя очередь запустить Ганглион. Испытание должно продолжаться.

Я кивну и подошел к Базалу.

– Тебе всего лишь повезло! Глупая удача! Второй раз ты не выступишь! – прогремел Укулукулун, принимая на себя прежний

порфиноносный вид.

– А что, если нет? Вон те пауки и преторы, сколько ты им всего злого сделал? Не знаю, как в Анкарахаде избавляются от архонтов–тиранов, но предполагаю, что свою смерть ты сладкой не назовешь.

– Гаденыш, я тебе все ребра переломаю! – рявкнул Укулукулун.

– Веди себя подобающе, король Укулукулун, – обронила Канханация.

– Продажная курица! Я – твой повелитель! Я, а не эта букашка! Ну, ты погоди, я воздам тебе сполна, бестолковый вершитель! Уж ты у меня хлебнешь горя! – с пеной у рта вновь пообещал расправу Укулукулун.

– Калерб Шаттибраль! Рифф, Суд Всех Преторов и Максигалдора все еще ждут начала второго Экдизиса! – проигнорировав угрозы архонта, промолвила Канханация.

Я повернул ладонь кверху (невредимая!), а затем положил ее на Базал. Легкое движение... Стрелка Ганглиона сошла с риски и направилась бороздить «сакральный круг». Ведомая Рифф, она должна была определить какой Экдизис нам назначить... Торможение... Указатель дернулся туда–сюда и затих на абрисе с фигурками разных существ, окружающих красного паука.

– Экди–зи–и–ис Му–у–удрости! Экдизи–и–ис Му–у–удрости! Максигалдора! Анкарахада! Экди–зи–и–ис Му–у–удрости! – молитвенно воспел Лиуфуил.

Серые тени Енорха, летающие пауки стражи, стали переносить на островок–ристалище громадные шары–коконы. Всего шаров оказалось восемь. Серые тени выстроили их ровной линией перед Ганглионом, а после вскрыли. Вот кто вышел из льняной внутренности: престарелый гоблин в изысканных одеждах и с тростью в лапе, крупная женщина – человек в белой рубашке, свободных штанах и красной повязке вокруг

лба (при ней был гарпун), сутулый тролль с короткими мечами у пояса и фиолетовым ирокезом на макушке, рыжий магкошерст в бриджах и шляпке моряка за ушками, чумазый гном с киркой, вампир – человек с удлиненными скулами и печальными глазами, в черной кожаной броне, виал в синих перчатках и комбинезоне, на груди с вырезом под лицо, ворожея – стояла прямо, в тунике и с большой котомкой грибов.

– Экдизис Мудрости! – еще раз сказал Лиуфуил, но теперь уже мне и Укулукулуну. – Отмеченный и король Анкарахады! Цель Экдизиса – найти среди этих восьми рабов паука, замаскированного в ложную личину. Рабы станут подходить к вам, и вы по очереди должны задать им два любых вопроса, получая в ответ только «да» или «нет». Далее, после всех опросов, вы выскажете Суду Всех Преторов ваше умозаключение – кто из всех рабов является иллюзией, прячущей под собой паука. Экдизис прекратится, когда кто-то из вас даст правильный ответ.

– По итогу. Говорю – «паук» и попал – значит, выигрыш, а если ткнул мимо, то захожу на второй круг, и так до победы?

– Верно. Прозорливость – приличествует, недалёковидность – возбраняется и наказывается, – подтвердил мне Лиуфуил.

– А если мы вместе назовем «паука» пауком и угадаем? Ведь такое тоже может быть.

– Тогда Суд Всех Преторов засчитает вам Экдизис Мудрости ничью. Теперь вам все понятно?

– Твои «ясно» и «понятно» уже порядком надоели мне! Если еще раз услышу их, вырву тебе хребет! – гаркнул Укулукулун, упирая руки в боки.

Лиуфуил молчаливо возвел очи на меня.

– Да.

– Архонт Дома Шелка и король Анкарахады, ты по–прежнему отказываешься от советника?

– Тебе надо повторять это каждый раз?

– Калев Шаттибраль, отмеченный, а ты? Возьмешь ли ты свое право на советника перед Экдизисом Мудрости?

– Можно ли дважды брать одно и того же советника? – спросил я.

– Нет. Ансельм Грэхольм уже вне твоего выбора.

– Тогда... – я посмотрел за «орбиту», парящей в воздухе Рихтвайры, – я приглашаю стать моим советником Бракарабрада! Отшельника Серебряной Росы!

– Да будет так, – согласился Лиуфуил.

Серые тени скопом покинули ристалище. Обратно из арахнидов возвратились только двое – они перенесли ко мне Бракарабрада.

– Отмеченный, Суд Всех Преторов постановляет тебе совещаться с Бракарабрадом три минуты.

– Хорошо, спасибо, – отозвался я, крепко обнимая отшельника Серебряной Росы.

– Ты очень помог мне, Калев. Ты спас мою дочь Пастасараму и вернул Тутовой Прогалине прежнее равновесие. Я помню это и никогда не забуду, – отстранившись, сказал мне Бракарабрад.

– Ты тоже сделал для меня немало. Без тебя бы я уже давным–давно погиб, – ответил я.

– Рифф запретила королям Анкарахады владычествовать над потомками Серебряной Росы. Вседержитель «помазала» нас самым красивым Своим Благословением – альтруизмом. Ты, Калев, тоже

обладаешь им, и Рифф это по нраву. Ты Ей угоден, – Бракарабрад легонько надавил кулаком мне на грудь, – а он – нет.

Отшельник Серебряной Росы улыбнулся:

– В Анкарахаде Рифф не показывалась уже тысячу лет. Однако мне Она позволила увидеть себя воочию. Ей известно, что ты, Калев, не хочешь быть архонтом и именно поэтому ты станешь им. Для чего и как надолго, ты узнаешь чуть позже, после того, как займешь трон. Пока же тебе предстоит пройти Экдизис Мудрости.

– У тебя есть какие-то соображения по этому поводу?

– Король Анкарахады должен уметь распознавать кто есть кто. Доверься своему наитию. Но не только ему. Анализируй, сопоставляй, классифицируй, соизмеряй. Не гляди на то, что будет говорить Укулукулун. Имей свою точку зрения.

– Время вышло, отмеченный! – изрек Лиуфуил.

– Ты башковитый и даровитый колдун, Калев. В тебе сидит врожденное чувство справедливости и такта. Ты не избит дворцовыми интригами, и любая власть для тебя – лишь способ навести Порядок в Хаосе. Рифф учитывала это при избрании тебя Своим фаворитом. Не подведи Ее! – напоследок крикнул мне Бракарабрад, улетаая вместе с серыми тенями с ристалища на Максигалдору.

Два смерча закрутились на песке неподалеку от Ганглиона. Спустя секунду они вжались сами в себя, образовав стулья с высокими спинками.

– Король, отмеченный, займите свои места, – попросил Лиуфуил.

Я прошел к черному стулу. Справа от меня, Укулукулун уселся на белый.

Оглядев нас, Лиуфуил взмыл над Максигалдорой, и с неба крикнул:

– Экди–и–и–зис Му–у–удрости! Начинается Экди–и–изис Му–у–удрости! О, великая Анкарахада! Экди–и–изис Му–у–удрости! Мы Приступааем! Форга–а–а–ат!

Грянула ритмичная, барабанная музыка. Услышав ее, все восемь существ стали танцевать занятный, чуть чудаковатый танец. Они потрясали оружием (у кого оно было), поворачивались вокруг своей оси, притопывали ногами и плавно жестикулировали руками. Завораживающе! Особенно старается тот гоблин! Так и крутится, так и вертится! Красавчик! Архонт же удовольствия от пляски не получал. Он что–то шептал и смотрел по сторонам.

Когда мелодия стихла, существа отошли к Ганглиону. Осталась только ворожея. Она сузила два глаза – медный и фиолетовый, а затем показала на меня:

– Два вопроса, – потребовала ворожея.

Я растерялся. Я так не могу! Мне надо подумать! Как так с бухты–барахты спрашивать что–то важное?!

Я глубоко вдохнул и выдохнул, а затем внимательно осмотрел ворожею. Укулукулун в это время нетерпеливо ерзал. Ему хотелось побыстрее закончить с «глупым» Экдизисом Мудрости.

– Тебе трудно стоять на ногах? – наконец решился спросить я.

– Нет.

– Ты поклоняешься какому–то определенному Богу?

– Да.

Ворожея ткнула на Укулукулуна.

— Теперь ты, король.

— Ты родилась в Оплоте Ведьм?

— Да.

— Ты можешь жить вечно?

— Да.

Ворожея поклонилась и ушла. На смену ей вышел гоблин в изумительном наряде —серьга в ухе, атласные штаны, такая же блузка, замшевые сапоги. Он постучал странной тростью — словно извивающаяся змея, она была с набалдашником в виде пасти кобры, по песку Максигалдоры и почтительно склонил плешивую, в пигментных пятнах голову. На этот раз Укулукулун спрашивал первый:

— Ты сам себе сделал эту палку?

— Нет.

— Она ядовита?

— Да.

Гоблин перевел взгляд на меня.

— До того, как попасть в Анкарахад, ты жил в Великом Лесу?

— Нет.

— Ты находился на службе у колдуна?

— Да.

Интуиция, не подведи меня!

Виал – третий «интервьюируемый» встал перед нами. Вообще виалы для тех, кто их никогда не видел, кажутся безобразными, страшными и отталкивающими созданиями. Лица у них на груди. Такие иногда встречаются у елочных игрушек – солнышек всяких, очеловеченных помидоров или звезд. Глаза – выпуклые блюдца (обычно пепельно–серые), зубы в три–четыре раза больше, чем у людей и жидкие пучки волос, как на клубне луковицы... Этот виал не был исключением.

– Тебе случалось путешествовать за пределы Рунного Королевства? – задал вопрос я.

– Да, – не мигая пялясь на меня, прогудел виал.

– Ты, как и все твои соплеменники, боялся тепла?

– Да.

Укулукулун тут же подхватил:

– Ты ел мясо и пил вино?

– Да.

– Ты умер от этого?

– Да.

Виал помахал нам с Укулукулуном рукой и уступил место женщине с гарпуном. Черноволосая, полная, в широко распахнутой белой рубашке и красной бандане, она походила на уроженку Островного Королевства. Женщина улыбнулась, и в знак приветствия подняла свой гарпун вверх.

– Ты была пиратом? – брезгливо протянул Укулукулун.

– Да.

– Твое оружие – твой военный трофей?

– Нет.

– Отмеченный, – кивнула мне женщина.

– Ты пила морскую воду после каждого успешного abordaja?

– Да.

– Но все же ты обесчестила свой народ?

– Да, – грустно отозвалась женщина. Она немного постояла, мотнула копной волос и вернулась обратно в ряд.

Мягкой, почти скользящей походкой, к нам подошел вампир. Бесстрастно и с некой неуловимой усталостью его красные глаза остановились на Укулукулуне. Заложив руки за спину, вампир тихо промолвил:

– Я жду, король Анкарахады.

– Ты всегда высасывал жертву «досуха»?

– Нет.

– Ты мог превращаться в животное?

– Да.

Не расцепляя сзади рук, вампир повернулся ко мне.

– Твои два вопроса, отмеченный.

– Жажда крови – твой врожденный инстинкт?

– Да.

– Ты рассматривал теплокровных исключительно как пищу?

– Нет.

Вампир подпрыгнул и, совершив сальто, опустился на свое прежнее место в числе существ Экдизиса Мудрости. На смену ему вальяжно вышел рыжий, забавный мягкошерст. Хихикнув и почесав брюшко, он промурлыкал:

– Калев Шаттибраль! Я слушаю тебя!

– Ты бывал в Керане?

– Мур.

– Но ты посещал его не для того, чтобы торговать?

– Мур. Архонт, Укулукулун, прошу тебя.

Укулукулун надменно вздернул подбородок.

– Будучи живым, ты точил свои когти?

– Нет. Мяу.

– Ты больше охотился, чем выжидал?

– Мяу.

Дернув хвостом, мягкошерст ушел. Теперь на «сцену» выдвинулся гном. Замаранный сажеей, в фартуке еще более грязном, чем лицо, могучими руками он стискивал кирку. Откашлявшись, он пробасил:

– Я здесь, король!

– Ты рудокоп?

– Нет.

– Тебя можно назвать изгоем?

– Да.

Укулукулун задумчиво закусил губу, а гном рявкнул:

– Отмеченный, не томи!

– Правда ли то, что ты никогда не видел солнца?

– Да.

– До того, как ты попал в Анкарахад, ты знал, кто такая Рифф?

– Да.

Гном закинул кирку на плечо. Сделав шутовской приглашающий жест троллю, он покинул «площадку вопросов». Сутулый, но поджарый тролль с фиолетовым ирокезом застыл передо мной и Укулукулуном.

– Я тут, чтобы ты спросил меня, – прошепелявил мне тролль.

– Цвет твоих волос имеет сакральный смысл?

– Да.

– У тебя отсутствуют все задние жевательные зубы?

– Да.

Тролль хмуро посмотрел на Укулукулуна.

– Король Анкарахады.

– Ты ел своих соплеменников?

– Да.

– Ты делал это ради их блага?

– Да.

– Анкарахада! Все вопросы заданы! – возопил Лиуфуил, как только тролль встал между мягкошерстом и гномом. – Король Укулукулун Тобольдо, отмеченный Калеп Шаттибраль, Суд Всех Преторов готов услышать ваш вердикт! Кто из восьми рабов паук? Первым из вас Экдизис Мудрости открывает Укулукулун!

Архонт изящно поднялся с трона. Он подошел к вампиру и, грубо взяв его за локоть, вывел из ряда.

– Он – паук!

– Почему ты так думаешь, король? – вкрадчиво осведомился Лиуфуил.

– Кто ты такой, чтобы я сообщал тебе о своих выводах? – процедил Укулукулун. – На Экдизисе Мудрости – главное сделать правильный выбор, и я его совершил. Довольствуйся этим.

– Суд Всех Преторов принимает твой ответ, король Анкарахады, – отозвался Лиуфуил. – Калеп Шаттибраль, твое слово.

Я почувствовал, как пересыхает мой язык. Он прилип к небу и никак не хотел мне помогать высказаться. Кое-как, совладав с трепетом и волнением, я заговорил. И отчего-то с каждой секундой, с каждой произнесенной фразой, моя уверенность в себе росла.

– Кто паук, а кто нет? Суд Всех Преторов, Анкарахада... давайте разберемся в этом. Я начну преподносить вам свои суждения не по тому порядку, как выходили... рабы... но как велит мне разум – отсеивая истину ото лжи методом исключения. Проговорив себе и вам все зафиксированные мною на Экдизисе нюансы, я тем самым аргументирую свою точку зрения. Мне так будет легче... Это не претит Испытанию?

– Суд Всех Преторов позволяет тебе это, – согласился Лиуфуил.

– Хорошо. Итак. Гоблин – не паук. Его одежда сшита по моде Империи Хло, а серьга – символ особого расположения императора. Если чуть-чуть пофантазировать, то можно представить, что его родителей привезли из Заллусии в Империю Хло как диковинку – подарок, как занятных уродцев из заморских стран. Однако удача не обошла их стороной. Есть гоблины – исключения. Они чрезвычайно сметливы и эти, так сказать, такими и были. Их гибкие мозги пришили кому-то по нутру, и оттого они смогли успешно социализироваться в обществе. Этот гоблин, их сын, родился вне Великого Леса и Заллусии, под сенью университетов и институтов, и его наследственный хваткий интеллект не остался незамеченным. Побьюсь об заклад, что при жизни он ходил в подмастерьях у личного колдуна самого Бога-Императора – Таккибала. Лучших из лучших своих учеников Таккибал всегда награждает тросточками с головами змеи, такими как у этого гоблина. (Щипиш приподнял бровь) Идем дальше. Та женщина, похожая на пирата. Она действительно им была, и она не паук тоже. Женщина родом из Островного Королевства. Она активно занималась мародерством бухт и гаваней Империи Хло. Ей нравилось это. Женщина снискала славу грозной воительницы – это доказывает ее красная бандана. «Кхако» – такую отличительную повязку выдает капитан корабля самым отчаянным рубакам. Однако женщина оступилась. Она влюбилась в кого-то мужчину из Империи Хло. Кем он был? Рыбаком? Ловцом жемчуга? Да кем угодно! Важно лишь то, что когда об интрижке стало известно команде корабля, ей – женщине, расстегнули ворот, – клеймо позора в Островном Королевстве и принесли в жертву Шаггудде – Богу Морей и Океанов.

Броция сощурилась.

– Следующий, о ком я хочу сказать – это тролль. И он – не паук. Он берсеркер и тигролов. Фиолетовый ирокез у некоторых троллей имеет некий особый смысл – его обладатель отрицает страх и будет сражаться до последнего вздоха. У тролля отсутствуют четыре главных зуба – он сам себе их вырвал в знак того, что всю его семью съел тигр. Чтобы их души не растворились в желудке хищника навсегда, он по старому и древнему обычаю, заповеданному Богом–Идолом Мрахарафатом, сам отведал останков своих родственников. Теперь они с ним навечно.

Я набрал в грудь воздуха, после чего продолжил:

– Гном. Мои вопросы к нему и его ответы можно называть необычными и фатально прямолинейными, однако, это не совсем так. Гном никогда не видел солнечного света, потому что для него это табу, и он сам так решил. Гном, как он подтвердил Укулукулуну – изгой своего народа. Но не просто изгой, он фанатик своей веры – культа Дома Шелка Рифф. Кто ему его привил в Железных Горах? Не берусь сказать. Но он все равно не паук, хотя и мнит себя таковым. Гном – сумасшедший. Когда он был живым, то обитал под корнями гор, считая себя Ее «подземным арахнидом».

Преторы стали переглядываться друг с другом, а я, не обращая на это внимания, говорил дальше:

– Виал – не паук. Он оставил Рунное Королевство ради изучения иных земель. Возможно, сам Фосгейн некогда послал его бороздить Мир, чтобы пополнить о нем свои знания. Жар – это погибель для виалов. В скитаниях «нашему» помог выжить колдовской комбинезон. Так что тут все в порядке. Но вот уникальная еда виалов – ледяные ягоды, есть только на склонах гор Химблы. Уверен, что в одном из странствий виал неточно рассчитал запас ледяных ягод. И ему волей–неволей пришлось пойти на риск и эксперимент – отведать, то, что ему

подали в таверне – мясо и вино. Увы, пищеварительная система виала не смогла переварить странную пищу, и он умер.

Канханация, подлетев к Енорху, что-то тихо заговорила.

– Что до того мягкошерста, то и он не паук. Изначально я намеревался отнести его к торговцам «дальнего плавания», но затем осекся. Мягкошерст – исследователь. Он много раз был в Соединенном Королевстве, ища сундучок легендарной Дольки–Со. По преданиям Богиня положила в него два «откровения» о Бархатных Королевствах и спрятала где-то в Керане. По традиции все последователи Дольки–Со обрезают себе когти – «не навреди ближнему своему» – их завет.

Преторы ловили каждое мое слово.

– Теперь вампир. (Укулукулун заметно напрягся) Он не паук...

– Ты просто «не видишь»! – заорал Укулукулун.

– Вампир, смею заподозрить, выходец из Вестмарки. Он – чистокровный аристократ, знающий все особенности своего племени. Король Укулукулун, услышав, что вампир может обращаться животным, решил, что это намек на паука. Нет. Отпрыск Вестмарки, говоря это, имел в виду, что он умеет становиться летучей мышью. Разговаривая с нами, вампир держал руки за спиной – обратите на это внимание – деталь холодной вежливости. Это фирменная карточка самых «благородных мертвецов». Ею они показывают – «ты не «ровня» мне, но мое воспитание выше моей брезгливости». Также вампир не убивал своих жертв бездумно и не полагал, что насилие к низшим – есть удовольствие. Вампир очень похож на достославного паука Рифф. Впрочем, схожесть еще не означает, что он такой же. Повторю – вампир не паук.

Я позволил себе улыбнуться. Преторы смотрели на меня, уже не скрывая своих эмоций.

– Ворожея. Я заявляю, что она – паук. Почему? Аспекты и неточности, вся соль в них. На мой вопрос о том, трудно ли стоять ворожеи на ногах, она ответила – нет. Это не может быть так. Все ворожеи испытывают неудобства, выпрямляясь в полный рост. Им сложно ходить из-за природного искривления позвоночника. А что же наша ворожея? Она вышагивала легко и просто. И еще танцевала! Это первое. Второе. Для ворожей в божественном пантеоне есть все Вседержители – Рифф, Харо, Урах, Юкцфернанодон и прочие мелкие божества. Они возносят кровь одним и цветы другим – так меня наставляли в Оплоте Ведьм. Данная ворожея сказала мне: «Я служу только одному Богу». Я знаю, Суд Всех Преторов, что она подразумевала Рифф. Лже-ворожея действительно родилась в Оплоте Ведьм. Я был в Оплоте Ведьм и лично видел в нем великое множество арахнидов всех мастей. Там их любят, лелеют и содержат в почете. Самое главное же кроется в последнем вопросе Укулукулуна. Он спросил: «Ты можешь жить вечно?» и она сказала «да». После этого архонт отсеял ворожею, как не паука. Мол, тленен арахнид Рифф, что уж тут... И это его самая большая ошибка и самое роковое заблуждение! Знаете, почему? Знаете? ПОТОМУ ЧТО ПАУКИ В АНКРАХАДЕ МОГУТ ЖИТЬ ВЕЧНО!

Последнюю фразу я прокричал, что было мочи. После этого Максигалдора просто ошалела от ора. Рихтвайра, Броция, Щипиш, Енорх, Канханаця, Лиуфуил и прочие преторы все вместе стали призывать арену к порядку. В это время ворожея подернулась дымной поволокой. И уже не ворожея то была, а паук размером с прикроватную тумбочку. Он сказал:

– Ты прав, отмеченный. Я настоящий арахнид. Гляди, Оцеллюсы Праматери славят твой чистый разум. Экдизис засчитывается тебе.

Уже не три, но все шесть Оцеллюсов горели черным огнем. Я смотрел на них с надеждой и трепетом. Неужели... Неужели я смогу?

Серые тени переправили выявленного мною паука и других существ за ристалище Испытания.

Укулукулун проиграл уже второй Экдизис. У него не было ни одного зажженного Оцеллюса. Он буквально рвал и метал, наблюдая, как его освистывают с трибун. Однако только дурак решил бы, что моя победа близка. Если говорить без всяких шор, архонт и я сознавали – фортуна уж слишком избаловала меня. Как только я ей наскучу, и она уйдет восвояси, Укулукулун возьмет свое. Еще есть два Оцеллюса, два, не принадлежащих ни мне, ни королю Анкарахады. По кому они всколыхнут свое пламя после третьего Экдизиса? Максигалдора – это толпа, а Рифф – ее Покровительница. Один громкий успех Укулукулуна может перевернуть все с ног на голову. Мои Оцеллюсы погаснут, чтобы затем вновь воспарить белым свечением архонтов...

Лиуфуил, смирив развопившийся народ Анкарахады, вернулся на ристалище.

– Суд Всех Преторов, как и Максигалдора, высоко оценил твою речь, отмеченный. Она оказалась точной, отсеивающей зерно от плевел. Ты, в отличие от короля Укулукулуна, понял, что на Экдизисе главное не только правильно ткнуть пальцем в небо, но и объяснить почему этот палец туда угодил. Для Рифф и Анкарахады важно быть уверенными: их архонт всегда и во всем мудрейший из мудрых. Ты проявил смекалку, и Праматерь через Оцеллюсы, одобрила это.

– С каких это пор ты взялся махать хвостом перед этим рабом и твякать ему похвалы?! – возводя Губитель Живых и Мертвых вверх, крикнул Укулукулун.

– Это не мои похвалы, король, но Анкарахады, – сказал Лиуфуил, растопыривая пальцы обеих рук. – Прислушайся...

Максигалдора громыхла что-то странное... Шат... Шат... Этот нечеловеческий гул тысячи голосов повторял всего одно слово. По началу, из-за нестройности произношения и неустойчивого тембра, оно гасилось само в себе... Шатб... Шатб... но потом мне стало чудиться, что я слышу нечто такое, что у меня перехватило дыхание... «Шаттабра! Шаттабра! Шаттабра!» – скандировала Максигалдора, переиначив мою фамилию на свой, удобный ей лад. Когда до

Укулукулуна тоже дошел смысл этой здравницы, он пришел в такую ярость, что сама земля, на которой он стоял, пошла трещинами. Архонт подпрыгнул и схватился за орбиту какого-то претора, что был к нему ближе прочих. По мановению Енорха к Укулукулуну сразу бросились серые тени, но король все-таки успел вытащить перепуганного претора из своей летающей оболочки.

— Заткните их! Заткните! — волком возопил Укулукулун, сбрасывая беднягу в расщелину арены. — Вы, псы, а не преторы! Заставьте их замолчать или все как один полетите вниз, вслед за Юбругом!

Преторы разом взмыли в недостижимую высь небес.

Так был страшен Укулукулун и так ужасен, что серые тени не посмели усмирить его. Однако числом не менее тридцати они образовали кордон, отделив меня от архонта своими телами.

Лиуфуил, предпочитая не играть с судьбой, с безопасного расстояния заговорил:

— Король, твои действия оскорбили Суд Всех Преторов и Испытание Рифф. Ты совершил грубейшее...

— Если ты еще пропищишь хоть что-то не относящееся к третьему Экдизису, то клянусь, что даже ветер не найдет твоего пепла!

Столько мощи было в голосе Укулукулуна, что Лиуфуил тут же осекся. Он открыл рот, закрыл его, а затем все-таки промолвил:

— Суд Всех Преторов просит тебя, король Анкарахады, подойти к Ганглиону, чтобы он постановил Испытанию новый Экдизис.

— Так-то лучше, — злобно хмыкнул Укулукулун.

Серые тени попятились от архонта, заслонив мне обзор. Я не увидел, как Укулукулун дергает Базал, и на каком петроглифе замерла сакральная стрелка Гангилиона. Обидно! Ганглион такой красивый!

Однако если выбирать между «мяться» рядом с Укулукулунум или нет, я предпочту – второе. Так безопаснее.

– Экди–и–изис Же–е–ертвы! Дети Рифф! Экди–и–изис Же–е–ертвы! Святая Анкарахада, Экди–и–изис Же–е–ертвы!

Лиуфуил взял в кулак свой золотой кулон. Он повертел его так и эдак, после чего возвестил:

– Укулукулун Тобольдо, архонт и король, и ты отмеченный, Калев Шаттибраль. Экдизис Жертвы самый простой из Экдизисов Испытания. Он подразумевает гипотетическое утверждение. Звучит оно так: Анкарахада в опасности. Праматерь постановляет, что спасет Анкарахаду и отдаст трон Своего Рая тому, кто преподнесет на Алтарь Гемолимфы, во Имя Ее, наиболее драгоценную жертву.

Тут из песка ристалища выбрался гигантский каракурт (что твой бегемот) в серых пятнах. Поворошил лапами лунку, он извлек из нее трехногую ониксовую чашу, которую установил подле себя. Огромная чаша, диаметром в три локтя, имела в себе перегородку, которая делила ее ровно пополам. Левая сторона уже традиционно была белая – алмазная, а правая – нефритовая, практически черная.

– Иначе говоря, на Экдизисе Жертвы чемпионом станет тот, кто проявит самую большую щедрость? – спросил я.

– Необязательно. Ты можешь отдать и волос с головы, – пожал плечами Лиуфуил. – Но будет ли угодно твое подношение Рифф и побудит ли оно Праматерь смилостивиться над Анкарахадой и отвести от нее мнимую угрозу? Это более правильный вопрос. Чтобы ответить на него, ты и король положите свои дары в Алтарь Гемолимфы, а жрец воспламенит их. Чья ставка затухнет позже другой – тому Оцеллюсы присудят триумф Экдизиса.

– А если у меня ничего нет? Как быть?

– Подумай о том, что у тебя есть и оно появится здесь, – сдержанно улыбнулся Лиуфуил.

– Ясно.

– Архонт?

Укулукулун плюнул в Лиуфуила.

– Я обязан спросить тебя, король Анкарахады – нуждаешься ли ты в советнике перед Эkdизисом Жертвы?

Снова плевок.

– Калев Шаттибраль, будешь ли ты брать себе советника?

– Я бы хотел, но Бракарабрад и Ансельм уже... хотя позвольте...

Я приложил палец к губам.

– Я назначаю своим советником Шороха. Он последний, кого я тут знаю.

– Шороха? – удивился Лиуфуил. – Шорох претор Суда, да к тому же пленник вершителя. Он не...

– Тому быть, – оборвала Лиуфуила Канханация. – Приведите Шороха к Калебу Шаттибралю!

Енорх отдал соответствующее распоряжение, и спустя несколько мгновений возле меня очутился замотанный в паутину карлик. Он задумчиво–отрешённо глядел на меня, а я на него.

– Суд Всех Преторов отмеряет вам четыре минуты, – отчеканил Лиуфуил.

– Привет, – поздоровался я.

– Вежливость Ей приятна, Ею хвалится, – затараторил Шорох, раскачиваясь взад–вперед. – Она права, всегда во всем права. Рифф знала еще до того, как ты появился на свет, что назначит тебя архонтом.

– Да почему?

– Она – Бог! Она Вседержитель! Понимаешь? Нет, не понимаешь! Да это и должно быть так, потому что Она Непостижима! Ей все ведомо – как хорошо, а как нет! Но если заострять внимание на тебе, то твой вопрос – пустотел. Почему? Как так? От чего? Ты – песчинка, ты не наш по роду своему, но ты им станешь! Архонтом всех пауков всех Вселенных!

Я почесал в затылке.

– И?

–Рифф пришла ко мне! Сама! О, Сама! – заливаясь слезами слепого обожания, проскулил карлик. – Только ко мне, Ансельму и Бракарабраду! К нам троим! Троим!

– Зачем?

– Ради тебя и Анкарахады!

Шорох улыбнулся от уха до уха.

– Тебе не уйти от своей Судьбы, и уже очень скоро ты об этом узнаешь.

– А Экдизис? Что мне такого этакое предложить Алтарю Гемолимфы? Уверен, что в закромах Укулукулуна, не как у меня, лежат не только пыльные книги, гербарии да алхимические реактивы для зелий.

– Нет, конечно, нет! У него есть все, что ты только можешь себе вообразить! Материального! Вещественного! Осязаемого! Но нет духовного! Он черств! Он беспринципен! Он деспотичен! Это его сила – обрати ее в слабость! Сокруши его! Разори его! Перевоспитавай его! Чем? А тем, что у тебя в избытке, а у него нет и капли!

– А по конкретнее?

– Ваше совещание подошло к концу, – сказал Лиуфуил.

– Шорох, ну же! – взмолился я.

– Ответ в твоём сердце! – крикнул карлик, уносимый серыми тенями на прежнее место заточения.

– Экди–и–изис Же–е–ертвы! Внемли мне, раб ты или свободный, Суд Всех Преторов объявляет Экди–и–изис Же–е–ертвы! Экди–и–изис Же–е–ертвы! Форгат!

Лиуфуил указал на Укулукулуна.

– Король, что ты принесешь во всесожжение на алтарь Гемолимфы, чтобы Анкарахада осталась незабываемой и, как и прежде, никем не попираемой?

Раздвинулись серые тени и заключили в круг меня и Укулукулуна, а по центру был тот самый каракурт с Алтарем Гемолимфы. Архонт смерил меня ледяным взглядом, а затем хлопнул в ладоши. По колдовству Укулукулуна в нескольких футах от него возник портал–червоточина. Из него вышел подросток лет шестнадцати. Одетый в просторные бирюзовые штаны, расшитые паучьими сетями и такую же рубаху, юноша был внешне похож на Укулукулуна. Он непонимающе осматривался, пока не увидел архонта.

– Отец! Мой король...

– Подойти сюда, Эфоз, – повелительно сказал Укулукулун.

Максигалдора затаила дыхание. Все лазурные глаза сейчас были устремлены на короля Анкарахады и его сына.

Эфоз стушевался, но потом выпрямил спину и смело прошагал к Укулукулуну. Тот крепко взял его за руку и вместе они направились к каракурту. Там архонт сказал:

– Максигалдора! Испытание Рифф древнее, венценосное и гибельное! Из тысячелетия в тысячелетия архонты правят Анкарахадой! Достойные из достойных, мы – первые среди первых! Но что есть архонт без осознания своей высокой доли и поста в Ее Рае? Ничто! Я, Укулукулун, знаю вас, а вы меня! Я держу Анкарахаду в кулаке, в ежовой рукавице! Вы ропщете, но вы же и процветаете! Чем я готов заплатить за вашу защиту? Своим сыном! Гляди, Анкарахادا! Я отрываю от себя своего отпрыска, единственного наследника Дома Тобольдо! За вас! За Рифф! За героизм и кровь, сегодня я определяю ему смерть!

Под рев Максигалдоры, Укулукулун швырнул Эфоз в лапы каракурта. Жрец ловко поймал мальчика и прижал к себе. Под манипуляциями хитиновых лап Алтарь Гемолимфы вытянулся и его белая часть, принадлежащая Укулукулуну, стала не меньше средней ванны. Уверенно, но без агрессии, каракурт уложил туда Эфоз.

У меня аж веко задергалось. Укулукулун не просто безжалостный тиран и убийца, он еще и беспринципный изувер, идущий на все ради сохранения своей власти. Если нужно умертвить своего ребенка, чтобы и дальше «утяжелять пятой точкой» престол Анкарахады – он это сделает. Да, жертва, которую он предлагал Рифф поистине бесценна... Самое печальное, что даже если в глазах преторов и Анкарахады – это является таковым, то в очах–воронках Укулукулуна – нет. Его сын – инструмент, способный надавить толпе на жалость и вернуть ему утерянные «очки» Экдизисов.

– Отмеченный, – прокрихтел каракурт. – Теперь ты.

Что? Что у меня есть такого, что перекроет карту архонта? Даже если бы тут были Эмилия или Грешем... Стоило мне только подумать о друзьях, как они тотчас появились рядом со мной. Полупрозрачные, призрачные образы–тени, они будто бы были взяты из иной реальности. Прижавшись друг к другу, друзья спали под раскидистым деревом. Я знал – выбери я одного из них, и он сразу же воплотиться на Максигалдоре. Поборов желание возможно в последний раз дотронуться до Эмилии, я помотал головой. Не думай о них, не думай! Я стиснул пальцами виски. Помогло. Вампир и колдунья обернулись дымом и с легким ветерком покинули Лобное Место. Пронесло.

– Отмеченный! – с нажимом повторил каракурт.

Видимо, иначе никак. Что же, это таково и более никакого.

Я размял шею, улыбнулся и потопал по песку Максигалдоры. Почему–то только сейчас я почувствовал, какой он теплый и мягкий. Даже приятный. Такой устилает берега Радужного Моря, что плещется у Бархатных Королевств. Эх, окунуться бы в его воды и половить рыбку на вечерней зарнице!... Эх, эх...

Остановившись напротив каракурта, я заговорил:

– Преторы Анкарахады, как вы уже знаете, меня зовут Калев Шаттибраль. Великая Рифф Своей волей помазала меня на Испытание. Я не хотел Его. Я сопротивлялся Ему, как только мог, потому что боялся Его. Ныне ничего не поменялось. Праматерь превозносит в архонтах силу, могущество, мудрость и прочее – всего этого больше в Укулукулуне. Это правда. Архонт Укулукулун так любит Анкарахаду и Праматерь, что без всякого колебания приносит в жертву своего сына. Похвально? Достойно? Нет! Анкарахада, выслушай меня, «не паука» и пришельца с Земли! Так не должно быть! Почему – спросите вы меня? Нас миллионы, а мальчишка один! Это так. Но разве именно Эфоз Тобольдо обязан выкупать у Рифф помилование Анкарахады? Опять нет! Это бремя лежит на его отце Укулукулуне! Укулукулун кидает на заклятие неповинную душу! Он трус! А я нет! Во мне есть мужество! Анкарахада, за тебя настоящий архонт будет жертвовать не кем–то, но

собой! Я не возложу на Алтарь Гемолимфы ни одного, ни двадцать одного своего друга! Максигалдора, Суд Всех Преторов, Экдизису Жертвы я предлагаю себя!

Укулукулун весело расхохотался.

– Тогда ты погибнешь, – выдавил из себя Лиуфуил.

Было видно, как он впечатлен моей речью.

– Да, но я хочу, чтобы жил этот юноша. Если мы загоримся вместе, и я истлею раньше, может еще будет шанс его вылечить.

– Ты сказал, – кивнул Лиуфуил. – Иди.

– Умри, глупый раб! Умри! Умри! Умри! – прокричал мне в спину Укулукулун.

Теперь черная сторона Алтаря Гемолимфы приняла форму прямоугольника. Я сам забрался в нее и посмотрел на стучащего зубами Эфоз.

– Эгей, ты как?

Он мне не ответил. Эфоз не верил, что это происходит с ним. Что с ним так поступил его родной отец. Мне было очень жаль парня. Прости, что так вышло...

– Крепись, – шепнул я ему. – Скоро все закончится. Закрой глаза. Вот так.

Где-то сверху Лиуфуил выкрикивал «Экдизис Жертвы!», «Экдизис Жертвы!», «Экдизис Жертвы!», а я вспоминал лужайку полную колхикума, звонкую речку и карасей в ведерке...

Каракурт посыпал мои волосы каким-то порошком. Так, наверное, я гореть буду лучше.

Факел... Форгат!...

Внезапно надо мной взвился огонь. Я только подумал – ну вот и все. Пламя объяло меня со всех боков. Оно трещало и шелкало. Боль... Она отсутствовала. Повреждения? Никаких. Энергия стихии не причиняла мне абсолютно никакого вреда. Я в изумлении воззрился на Эфоз. С ним происходило то же самое. Тут что-то громко бабахнуло, и сын Укулукулуна, словно катапультный снаряд, вылетел из Алтаря Гемолимфы. А я все пламенел и пламенел. Внезапно меня подняло в воздух. Я, как фитиль свечи, ярился чистым черным огнем и парил вровень с преторами. Затем, чуть погода, огонь унялся, и я плавно опустился подле Алтаря Гемолимфы. Вся Максигалдора, преторы, Укулукулун и я впились взором в Оцеллюсы. Все, кроме одного, они полыхали чернотой.

– Третий Экдизис! Экдизис Жертвы Дух Рифф присуждает Калебу Шаттибраю! Отмеченному, благородно отдавшему себя за Анкарахад и безгреховное дитя Дома Тобольдо! – экзальтированно протрубил Лиуфуил.

– Шаттабра! Шаттабра! Бум! Бум! Шаттабра! Шаттабра! Бум! Бум! Шаттабра! Шаттабра! Бум! Бум! – стонала Максигалдора.

Укулукулун смотрел на Максигалдору и не мог поверить в то, что он видит. и в то, что он слышит. Широко открытые глаза–воронки архонта, всегда такие кошмарные и чудовищные, сейчас выражали неподдельный ужас. Не дожидаясь объявления четвертого Экдизиса, Укулукулун, словно безумный, рванулся к Базалу...

– Теперь черед отмеченного обозначить какой Эkd!... – испуганно крикнул Лиуфуил.

Он опоздал. Укулукулун вцепился в рычаг, потом дернул его на себя. Ганглион пришел в действие. Максигалдора тут же стихла.

– Это не по правилам! – еще раз протестовал Лиуфуил.

– Я отменяю все правила Испытания и отменю тебя, если ты не заткнешься! – отрезал Укулукулун.

Стрелка Ганглиона поднималась снизу вверх. Она прошла «десять» и «одиннадцать часов» и остановилась на «полночи» – изображении скрещенных мечей. На прекрасном лице архонта проступила жуткая улыбка. И что-то оборвалось во мне в этот момент. Я почему-то почувствовал, что мне никогда не одолеть архонта на предстоящем Экдизисе...

– Экдизи–и–ис Войны–ы–ы! Рифф, Суд Всех Преторов, Анкарахада! Экдизи–и–ис Вой–ны–ыы! Раб и свободный! Экдизи–и–ис Войны–ы–ы!

– Ты – покойник, – уверенно сообщил мне Укулукулун.

Он расслабился и выпятил грудь. Ныне он выглядел так, как будто с его плеч свалилась целая гора. Что Испытание уже в его руках.

Да, в чем же ему так повезло, тролль побери?!

– Экдизис Войны за все Испытания всей истории Анкарахады выпадал всего один раз. Сегодня... Он вновь появился на Ганглионе, – пробормотал как бы сам себе Щипиш.

Лиуфуил обратился ко мне и Укулукулуну:

– Экдизис Войны – уникален. Он – совершенное желание Рифф нашей Праматери дать возможность испытуемым проявить себя в самом чтимом Ею ремесле – в уничтожении врагов Анкарахады. Сейчас враг для вас – это ваш оппонент по Испытанию. Экдизис Войны перечеркивает собою все Экдизисы этого дня. Он обнуляет их. Победителем на Экдизисе станет тот, кто убьет своего оппонента. На Экдизисе Войны назначаются не советники, но оруженосцы. Экдизис Войны завершит Испытание. По его итогу Анкарахада получит короля, благословленного Рифф...

– Я готов! Гото–о–о–о–ов! – смеясь, выкрикнул Укулукулун, перебрасывая меч из одной руки в другую. – Так и надо было это сразу решить! Максигалдора! Только сила правит Миром! Я – ваш гарант на спасение, а он – раб, который не сможет вас никогда и ни от кого защитить! Анкарахада! Я проиграл три Экдизиса, но разве это существенно? Нет! Когда на Анкарахаду придет «погибель», я отведу ее от вас своей сталью! А он? Что он? Примет клинок в грудь – вот и все, на что он способен!

В запястье Укулукулуна проступил великолепный алебастровый щит.

– Анкарахада, узри, как я могу истреблять твоих противников! Безжалостно! Без колебаний! Как вихрь!

Мне какую – эта мысль вопреки всему принесла облегчение. Ну наконец–то я отмучаюсь... Чик–чирик и все... Разве у этого Испытания кто–то предвещал иной исход?

– Архонт... – начал было Лиуфуил.

– Оруженосца? Мне? В Анкарахаде мой доспех не проймет ни один клинок, а Губителю Живых и Мертвых – нет равных!

Укулукулун погрозил преторам кулаком.

– Скоро вам самим понадобятся советники! Подсказать, как надо будет передо мной замаливать свои грехи! Я – ваш король, а вы – мои слуги! Остерегайтесь моего гнева! Он прольется на вас дождем серы и гроздьями лавы!

Заметно осунувшийся Лиуфуил повернулся ко мне:

– Калеп... отмеченный...

Предвещая расправу Укулукулуна, он стал заикаться. Конечно, все же уже понятно...

– Тебе... оруженосец?

– Если у него сыщется что-то похожее на амуницию Укулукулуна, то буду благодарен, – печально отозвался я.

– Такого, как у него – у нас нет, но мы преподнесем тебе лучшее, что есть в арсенале Анкарахады. Ты... – заговорила Канханация.

Однако...

Однако не договорила. Произошло что-то странное. Небо почернело и вспучилось, а затем раздалось вспышкой ослепительного света. Из него вынырнула дева с мечом и знаменем. Она шумно сотрясала воздух крыльями и заливала Максигалдору своим сиянием. Над ее головой горел нимб-диадема. Целый рой пауков, умеющих летать, бросился на нее, но она сшибла их всего одним движением, несущим волну энергии. Между тем у меня на глазах выступили слезы. Она не солгала мне... Не предала меня! Не бросила!... Я зарыдал...

Эмириус Клайн мягко приземлилась рядом со мной. Ее пепельно-серые волосы, отросшие до плеч, трепетали по смолянному доспеху. Она улыбнулась мне и воткнула в песок знамя – с одной его стороны была выткана волнистая звезда Ураха на желтом фоне, а с другой – на сине-белом – песочные часы с лапами-ответвлениями и спиралью вверху – символ Рифф.

– Калерб Шаттибраль берет оруженосцем меня! – звонко сказала Матрона Тьмы.

– Кто ты такая, и как ты смеешь нарушать Испытание?! – рывкнул Укулукулун. – Енорх, убери ее отсюда!

Но Енорх не шелохнулся, как и Лиуфуил, и Канханация. Они пилились на Эмириус Клайн и безмолвствовали.

– Я – Эмириус Клайн, Падший Ангел Света и Матрона Тьмы. Я явилась сюда, чтобы Экдизис Войны был честным, как то и угодно Рифф.

– Канханация! Лиуфуил! – с нажимом гаркнул Укулукулун.

Лиуфуил будто бы очнулся. Он кивнул архонту и сказал:

– Ты как-то проникла в Анкарахад... Это невероятно!... Ты хочешь стать оруженосцем? На каком основании?

– На таком, что архонт собирается всех вас обмануть, – промурлыкала Эмириус Клайн. – Вы, судьи-преторы Испытания, совершенно точно знаете – меч Губитель Живых и Мертвых – это особая тюрьма Рифф. В нем содержатся пленные Ею души «не пауков». Они напитывают Укулукулуна своей силой. Пока Губитель Живых и Мертвых в руках архонта – он обладает могуществом тысяч. А разве один может тягаться с тысячами?

– Я не отдам его! Он мой по праву! – проревел Укулукулун. – Что мне с того, что рабу нечего мне противопоставить?

– Вот именно поэтому я и здесь, – сверкнула клыками Эмириус Клайн.

– Бракарабрад заявил, что поверг короля Укулукулуна! – встряла Броция. – Либо он врет, (претор перевела взгляд на архонта), либо меч тут не причем! Нельзя лишать короля Укулукулуна клинка, выданного ему на предыдущем Испытании Самой Рифф!

– Мы этого и не будем делать, – сказала Эмириус Клайн, берясь левой шипованной перчаткой за древко флага.

– А что тогда? – спросил Лиуфуил.

– Примите меня оруженосцем Калеба, – требовательно и очень властно продекламировала Эмириус Клайн.

Невозможно было отказать ей. Ее величию и ауре всевластия. Одним своим видом Матрона Тьмы заставляла преклониться перед ней. Меня осенило – Эмириус Клайн тут единственная, кто действительно может потягаться с Укулукулуном в Раю Праматери.

– Минутку, – попросил Лиуфуил.

Преторы стали совещаться. Эмириус Клайн тем временем нагнулась к моему уху:

– Вот и я, малыш.

– Я почти...

– Перестал верить?

– Да.

Эмириус Клайн отстранилась. Ее неописуемые глаза неотрывно глядели в мои.

– Я никогда не оставлю тебя, – беря мою ладонь в свои, прошептала Матрона Тьмы. – Ты только мой и никто не посмеет причинить тебе боль, когда я рядом.

– А Укулукулун?

Эмириус Клайн покосилась на преторов.

– Они согласятся, чтобы я стала твоим оруженосцем. Когда они это скажут – ты выйдешь против Укулукулуна.

– Я умру!

– Нет, малыш. Ты не умрешь. С тобой будет мой меч – Гаситель Зари – младший брат самого Святозарного. Он вырвет нам победу.

– Падший Ангел Света и Матрона Тьмы! – обратился Лиуфуил к Эмириус Клайн. – Суд Всех Преторов решил удовлетворить твою просьбу!

– Тогда я подпоясываю Калеба Шаттибраля своим мечом! – воскликнула Эмириус Клайн.

Матрона Тьмы, легко удерживающая двуручный клинок одной перчаткой, дунула на него, и он уменьшился, став «одноручным». Рукоятка из черного метала, лезвие идеально ровное, испещрённое загадочными рунами.

– Да благословит тебя Урах! – скрепила Матрона Тьмы, передавая мне Гаситель Зари. – Иди!

Эмириус Клайн отошла от меня. Я взвесил Гаситель Зари в руке – словно перышко! Вдруг... Через секунду во мне раздался мягкий голос Матроны Тьмы:

– Гаситель Зари и я – неделимы. Ты со мной, малыш. Не бойся. Я «больше», чем все твои враги.

Не передать, что в этот миг я ощутил. Я одновременно был и собой, и Эмириус Клайн. Она вошла в меня и укрепила своим божественным естеством. Матрона Тьмы раскрыла меня, как книгу. Она раскрепостила спящие во мне инстинкты и умения. Эмириус Клайн пробудила их к жизни и взяла мне (нам) на вооружения. Все мои мышцы, все кости, весь я преобразился. Не внешне, но внутренне. Я – до этого мгновения – поломанный механизм, сейчас был отрегулирован и смазан маслом. Во мне ярился свет...

– Да... свет не мой, он твой... он из тебя и для меня... для нас, малыш...

Я, уже не я, но совокупность двух личностей, двинулся навстречу к Укулукулуну. Во мне пропал страх. Из меня улетучилась неуверенность. Я был совершенством – ножницами, которым предопределили отрезать от Анкарахады лоскут–опухоль – обмельчавшего, заигравшегося в короля Укулукулуна Тобольдо.

Мы встали друг напротив друга. Я – босой, в хламиде и с Гасителем Зари, и Укулукулун – в мастерски подогнанном доспехе, со щитом и с Губителем Живых и Мертвых. Я посмотрел поверх головы архонта, потом влево и вправо – Максигалдора ждала. Она гадала, что же будет дальше.

– Шат! Шат! Шат! – стуча голой пяткой по песку, воззвал я к арене.

– Бум! Бум! Бум! Шаттабра! Шаттабра!! Бум! Бум! Бум! Шаттабра! Шаттабра! – отозвалась она мне.

Я рассмеялся, а Укулукулун прошипел:

– Думаешь, тебе это поможет? Да я прихлопну тебя, как таракана!

– Снурфик бы сказал, что ты злой, да к тому же дурак.

– Что?! Какой Снурфик?!

– Мой друг таракан.

– Архонт, отмеченный, Анкарахада, Экдизи–и–ис Войны! Экди–зи–и–ис Войны! Экди–зи–и–ис Войны! – пропел Лиуфуил. – Пусть смерть заберет недостойного и оставит Анкарахаде истинного короля! Форгат!

Укулукулун сразу перешел в наступление. Он не верил в то, что я могу составить ему достойную конкуренцию. Архонт подпрыгнул и взмахнул Губителем Живых и Мертвых. Раньше я бы даже

пошевелиться не успел, так неуловимо быстр был Укулукулун. Он бы убил меня в первую же секунду Экдизиса. Но сейчас со мной, во мне, находилась Эмириус Клайн. Проводник между мною и ею – Гаситель Зари, помог мне отреагировать так, как недоступно ни одному человеку. Я увернулся и со змеиной ловкостью послал меч в спину архонта. Брззззц. Мой клинок прорезал в броне глубокую борозду. Гаситель Зари не достал до кожи Укулукулуна, однако заставил его растеряться. Он поглядел на свой, казалось бы, прочнейший доспех и удивление отразилось в его воронках–глазах. Кто я? Это Калев Шаттибраль накинулся на Укулукулуна или Эмириус Клайн? Гаситель Зари высек искры об Губителя Живых и Мертвых, сделал обманный финт и пронесся по дуге. Бам! Бам! Бам! Укулукулун парировал щитом. Магический всполох Укулукулуна – голубая сфера Огня, ниспосланная из латной рукавицы, едва не задела мою щеку. Зараза! Получай обратно! Сконцентрировавшись, я запустил в архонта глобулу Пламени. Тоже мимо! Ага, сойдем опять в рукопашной!

Я как в трансе наносил удары, отражал их и вновь атаковал. Архонт провел серию комбо – меч–щит, меч–щитовой наскок, меч–разворот–удар наотмашь. После этого он резко пригнулся и сделал мне подсечку. Я упал. Пшшт! Меч архонта воткнулся в песок, но не в мою шею! Ведомый опытом Эмириус Клайн, я, не осознавая своих движений, мотнул головой в сторону. Я пихнул ногой Укулукулуна в живот, схватил пригоршню песка и кинул ее архонту в глаза. От этого посланный в меня Губитель Живых и Мертвых изменил свою траекторию и лишь резанул воздух, а не мою плоть. Я смог подняться и, перекувырнувшись через себя (как у меня это получилось?!) вновь занять оборонительную позицию. Я выставил вперед себя Гаситель Зари... В Оцеллюс бабахнула струя волшебного Пламени архонта. Я запустил Молнией в ответ – ее без остатка принял щит Укулукулуна.

– ... Шаттабра! Шаттабра! Шаттабра!...

– Сейчас будь внимателен! – промолвил во мне голос Эмириус Клайн.

Укулукулун побежал на меня. Словно разъярённый вепрь, он держал щит перед собой. Омор бы его подрал, не успею сосредоточиться для магического напалма! Любой бы подумал – он ударит щитом, а затем пригвоздит мечом... Однако я разгадал то, что намеревался сделать архонт. До самой последней секунды я стоял, как вкопанный и когда алебастровый щит стал подниматься как бы вверх, предвещая мне апперкот, я не уклонился от него, но наоборот подставился. И поступил правильно. Следом, снизу скользнул Губитель Живых и Мертвых. Если бы я не получил удара щита (разумно пригнувшись), Укулукулун насадил бы мой подбородок на свой меч. А так я ушибленный, но более невредимый, лишь вновь упал на песок. Архонт уже был тут как тут. Он принялся мочалить меня сапогами и тыкать клинком. Меч я парировал, а вот пинки – нет.

– Перекатывайся! – крикнула во мне Эмириус Клайн.

Я осекся, замялся и...

Меня взяла под контроль Матрона Тьмы...

Не я уже владел собой, а Эмириус Клайн «наблюдала», но все теперь было наоборот. Сам собой я отпрянул от страшнейшего по силе взмаха меча, сжал кулак и слепо выкинул его вверх... Кулак, снабженный колдовской затравкой Мира Тьмы, треснул в челюсть архонта – посыпались зубы, и послышался стон. На корточках, в развороте, я описал (Эмириус Клайн мною) Гасителем Зари замысловатую восьмерку. Соприкоснувшись со щитом, Гаситель Зари разрезал его на аккуратные лоскуты...

– ... Шаттабра! Шаттабра! Шаттабра!...

Я отпихнул от себя плюющегося кровью архонта и, переместив Гаситель Зари к бедру, улыбнулся.

– Ты не раб... Ты не Кaleb! – вскрикнул Укулукулун, глядя мне в глаза. – Я вижу тебя! Ты проклятая Вселенной Эмириус Клайн!

– Ты прав. Я – проклята, и я твоя смерть, – ответили мои губы.

– Тупица! Я убью вас обоих! Тебя и твоего Калеба! – возопил архонт, опять набрасываясь на меня.

Это его нападение уже не было расчетливым. Нет, оно несло на себе отпечаток бессильной ярости. Архонт понял – он сражается не с человеком. Но что ему противостоит такой же, как он – древний, могучий и закаленный неисчислимыми битвами воин. Только отличие было в том, что Укулукулун, хоть и являлся обладателем многих магических и физических «даров» Рифф, уже давно привык полагаться не на них и себя, а на Губитель Живых и Мертвых. На чудо–меч, дарующий власть. А Эмириус Клайн, руководившая мною сейчас... только на саму себя...

– ... Шаттабра! Шаттабра! Шаттабра!...

Мои ноги ходили без моего повеления. Мои руки разили без моего дозволения. Я увертывался от заклинаний и посылал свои.

Внезапно колдовская Паучья Сеть Укулукулуна, шваркнутая из–под плаща, опутала меня. Я сразу же разрезал ее Гасителем Зари. Но ее ядовитое прикосновение вздуло нарывы на моей коже. Они лопнули и залили все кровавой лимфой – продержись «сеточка» на мне подольше – проела бы насквозь.

Вслед за этим я (Эмириус Клайн) отбил хитрый укол Укулукулуна и пошел по кругу вытоптанного ристалища. Дойдя до двоякого флага Ураха и Рифф, развевающегося подле застывшей Матроны Тьмы, я вытянул его из лунки. Согнувшись в колене, я махнул знаменем у архонта перед носом (это его отвлекло), затем извернулся и поддел ему сухожилие – сочленение доспеха лопнуло, оголив перерезанную ногу. Укулукулун выругался и ударил меня Губителем Живых и Мертвых. Он попал мне в подреберье... Волшебный меч Укулукулуна потянулся к моей душе... Я запаниковал...

– Не пугайся! – тут же пронеслось в моей голове.

Твердо и уверенно Гаситель Зари, ударив по рукоятке Губителя Живых и Мертвых, выбил его из меня. Моя кровь лилась и смешивалась с кровью Укулукулуна. Оба раненные (он в меньшей степени) мы тяжело дышали. Мое сознание помутилось...

– Не пропадай! Вернись! Вернись! – стала просить во мне Эмириус Клайн. – Мы почти у цели!

Шатаясь, я воткнул Гаситель Зари в лужу крови. И он – меч-вампир, выпил ее – мою и Укулукулуна. Кровь архонта – для меня ничего не говорящая, через Гаситель Зари донесла Эмириус Клайн, где у архонта есть слабые места. О том, как он может поступить в той или иной боевой ситуации. Она рассказала Матроне Тьмы, как ей окончательно его одолеть.

Теперь я знал: как, куда и с какой долей вероятности Укулукулун пошлет свое оружие (под определенным углом) на меня. Придерживаясь за флаг, я сошелся в битве с почти обездвиженным архонтом. Я колотил его Гасителем Зари сверху, а он пытался достать меня Губителем Живых и Мертвых снизу. Рубя клинком от плеча, я, ведомый Эмириус Клайн, вместе с тем поливал архонта заклинанием Жидкого Мрака. Жидкий Мрак – высшая школа темной магии. Ее так просто не зачинить. Но Эмириус Клайн позволила мне это. Жидкий Мрак (струи дезинтегрирующего пара) соскоблил с Укулукулуна доспех и сжег его волосы до скальпа. Изуродованный, однако, не сломленный архонт за мое заклинание отплатил своим. Его белесая Стрела прободила мне кишки и вывернула их наружу.

Даже под водительством Эмириус Клайн, под ее трансцендентным чутьем, я получал жесткие раны.

–... Шаттабра! Шаттабра! Шаттабра!...

И я, и архонт уже держались из последних сил. Уверен, что если бы Эмириус Клайн сама, а не через меня, сошлась бы в поединке с Укулукулуном – все было бы иначе... а может и нет... Кто знает?

– Еще чуть–чуть! Еще капельку! Не засыпай, малыш! Только не засыпай! – умоляла меня Матрона Тьмы.

– Хорошо, – прошептал я. – Ради тебя...

Моя рука вдруг опять обрела былую решимость. Гаситель Зари прильнул к Губителю Живых и Мертвых. Я (Матрона Тьмы) вновь прислушался к гласу «крови». Теперь он поведал Эмириус Клайн все. Гаситель Зари быстрее птицы устремился к Укулукулуну ...

И тут, в это последнее мгновение, я в полной мере обрел самого себя. Эмириус Клайн покинула мой разум и мое тело. Зачем?

Чтобы эта победа принадлежала только мне.

– Сдавайся и я пощажу тебя! – крикнул я Укулукулуну, выбивая из его рук Губитель Живых и Мертвых.

– Никогда–а–а–а–а! – завопил архонт, извлекая непонятно откуда кинжал.

Кинжал воткнулся мне в лодыжку, а я...

Гаситель Зари отсек Укулукулуну голову.

Я. Калев Шаттибраль. Сегодня. Сейчас. Новый король Анкарахады!

Глава 35. Дерево Жизни

– Анкарахада! О, Анкарахада! Земля Святая Ее милости Рифф! На Испытании победил отмеченный! Калев Шаттибраль! – кричал Лиуфуил. – Калев Шаттибраль! Король Анкарахады! Максигалдора! Калев Шаттибраль! Архонт Дома Шелка! Калев Шаттибраль – наместник Паучьего Трона Рифф!

– Шаттабра!

Бум! Бум!

– Архо!

– Шаттабра!

Бум! Бум!

– Архо!

– Шаттабра!

Бум! Бум!

– Рифф!

Я опирался на флаг, истекал кровью, и слушал, как неистовствует Максигалдора. Через Гаситель Зари, меч–кровосос, в меня вливалась жизненная сила поверженного Укулукулуна. Она рубцевала мои раны, сшивала их и затягивала.

Ко мне подошла Эмириус Клайн. Она обняла меня и прижала к своей груди.

– Ты смог, малыш... Ты смог...

– Если бы не ты...

Ко мне спускались орбиты преторов. Их лица – напуганные, радостные, изумленные, огорошенные – отражали рвавшиеся из них эмоции.

Внезапно...

Максигалдора встряхнулась. Так взбалтывают декоративный шарик со снегом внутри.

Все опустилось в непроницаемую тьму...

Плиты. Обычные серые плиты, уводящие в бесконечные дали. Кое-где мерцали факелы. Наверху – абсолютная чернота. Я сразу понял – это место вне времени и пространства. Рядом со мной стоял Бракарабрад, Ансельм Грэкхольм, Шорох и Эмириус Клайн.

– Оглянись, – сказал мне Ансельм.

Я сделал это.

Сзади меня возвышался неприглядный каменный алтарь, на котором лежала корона–паук Укулукулуна.

– Пойдем, – промолвил Ансельм.

Я подошел к алтарю и брат Эмилии тихо промолвил:

– Укулукулун слышал Рифф. Он знал Ее пути и возомнил себя выше их. Она удалила его и выбрала тебя. Чтобы ты не умер от Лица Ее, Праматерь не покажется тебе, и твое ухо не различит Ее Гласа. Она будет говорить с тобой через меня. Я – недостойнейший, теперь твой первосвященник в Доме Шелка и наставник Ее наущений. Бракарабрад и Шорох – так же твои доверенные, отобранные Рифф для служения тебе. Сейчас Рифф изъела тебя из Анкарахады, потому что твое тело еще не приспособлено к тому, чтобы долго пребывать в ней. Я буду готовить ег» к этому, и учить тебя тому, что ты обязан знать и уметь, как архонт. До тех пор, пока ты не войдешь в Анкарахаду – ты волен заниматься своими личными делами. Рифф дарует тебе время на себя и на познание своего положения – используй отмерянный тебе промежуток с умом!

Ансельм взял в руки корону–паука.

– Склони голову, Калеб Шаттибраль.

В великом трепете я опустил подбородок вниз. Когда на меня лег обруч... ничего не произошло. Я выпрямился и посмотрел на Ансельма.

– Теперь ты – король Анкарахады, ревнитель Лаанхакады, правитель от Нее над всеми пауками всех Вселенных и архонт Дома Шелка.

Бракарабрад и маленький Шорох склонили колени.

– Повелевай нами, король, – грянули все трое, кроме Эмириус Клайн.

– Калеб, Рифф хочет, чтобы ты понимал – ты всего лишь человек, не арахнид, и стал архонтом не навсегда, а лишь для свершения Ее Плана, – продолжил Ансельм. И между тем Праматерь заготовила для тебя много подарков. Она будет выдавать тебе их порционно – сразу, как только в тебе сформируется возможность их использования.

Ансельм выудил из-за пазухи Путаницу и протянул мне.

– Рифф заявляет, что она твоя – навеки– вечные. Ранее ты попадал в Анкарахаду только во снах. Фантомом – овеществленным зеркалом себя. Отныне, очень скоро, это будет не так. Ты сможешь являться в Ее рай вне сновидения», как сегодня – таким, каков есть – самим собой. Позже я покажу тебе, как. Это первое. Второе – Рифф молвит: Она покровительствует тебе. Ее покровительство – это цветок с шипами. Держи его нежно, но не дрябл», не навреди ему своей неосторожностью и неосмотрительностью, иначе Рифф сожмет твой кулак – и ты заплатишь за свое недоумие кровью. Третье – Рифф сохраняет тебе зрение. Ты не ослепнешь, как все те, кто видел священную Анкарахаду еще при жизни. Ныне ты получаешь «лазурные очи» – Ее отметку и Ее расположение к тебе. Четвертое. Праматерь учредила – за успешно пройденное Испытание, архонту–

королю преподносится Ее награда – проси, что пожелаешь, и Она даст тебе это.

Эмириус Клайн дотронулась до моего плеча.

– Мой... Калев, малыш... это для нас...

Я взвесил в ладонях цепь, сковавшую запястья Матроны Тьмы. Невесомая и вместе с тем неподъемная, безгранично прочная... неразрывная... Это наказание Вседержителя Света и Любви за неповиновение, за некий выбор ее сердца... За какой? Когда-то Эмириус Клайн крупно провинилась перед Урахом. В чем, я не знаю... Однако Всеотец не уничтожил Матрону Тьмы, но вынес ей Свой суровый приговор – вечно таскать на себе тюремные кандалы – Его напоминание о том, что Он есть Первозданная Сила и за ослушание Он может запереть ее в тюрьме-гробе покуда не истлеет последняя звезда. То бишь на значительный срок. Урах – Вседержитель и Его Законы Добра нетленны, но... Эмириус Клайн и Нолд Темный намекнули мне, что Всеотец как бы не существует ныне как Разум, но есть Свод Правил, оставленных Им для поддержания Фундамента Вселенной... А если так, то не мог ли Урах – уже став не «Азм Есьм», а Укладом Бытия, упустить из вида такую «пушинку», как Эмириус Клайн? Проглядеть то, что она хорошенько усвоила свой урок? Может Всеотец хотел бы явить Свою Милость и освободить Матрону Тьмы от ее «ноши», но теперь Он-Личность пребывает где-то за гранью нашего понимания и не может (не помнит), как это сделать? Я же... помогу Ему. Воздам от Него Эмириус Клайн по ее заслугам: за состоявшееся Пророчество Полного Круга, за защиту Воздушного Королевства от алчных и коварных владык Железных Гор, за беспрекословное повиновение любому приказу Всеотца... Я думаю, что Урах бы одобрил мое решение. Время настало.

Я положил цепь на алтарь.

– Я хочу, чтобы Рифф разбила ее.

– Ты сказал...

Ансельм закрыл глаза...

Вдруг запястья Матроны Тьмы дернулись в разные стороны. Стальная змейка натянулась до предела! Эмириус Клайн закричала от боли, оковы хрустнули и... звенья цепи лопнули и опали загнутыми крючками... Не веря в то, что это произошло, Матрона Тьмы упала на пол и громко зарыдала.

– Что ты изрек – то и получил, – возвестил Ансельм.

– Великая Рифф, – выдохнул Шорох.

– Я – свободна! Калёб, малыш, я больше не принадлежу Ему!... Я только своя собственная!

Матрона Тьмы встала и обняла меня, потом отстранила и повертелась, как бы осматривая себя. Она улыбалась, и эта ее улыбка заостренных клыков, казалось мне, все больше похожа на чудовищный оскал черного торжества.

– Малыш, о, малыш! Калёб! Благодаря тебе, твоей крови и сломанному тобой Замку, я вновь могу вернуться на Твердь! В своем физическом обличи! Дышать полной грудью, летать и вершить Свою Жатву, Свой Суд... Калёб, дурачок ты мой ненаглядный, теперь весь Мир и его Создатель Урах втрое на десятеро заплатят мне за тысячелетия рабства, унижения и позора! Цепь Ураха – Его Затвор Света, беспрестанно карающий меня за грехи раскалённым железом и связывающий меня с Ним, снята! Теперь я обращаю королевства в руины, моря – в коралловые пустыни, а цветущие поля в пепел! Я истреблю столько людей, мягкошерстов и виалов, что воды Океана Безнадежности покраснеют от крови! Я возьму свое, и никто меня не остановит...

Нет! Нет! Нет! Это не может быть правдой! Мне это грезится! – вопило мое сознание.

Вселенная, что же я натворил...

– Ты такой доверчивый, малыш, и «поиграть» с тобой для меня было большим удовольствием, – вздохнула Эмириус Клайн, проводя мне пальцем по виску. – В какой-то момент ты мне даже понравился. Обещаю, что оставлю тебя жить, чтобы ты один мог увидеть голые кости на безбрежных погостах моего Царства Тьмы. Ты это заслужил.

Эмириус Клайн положила мне хрупкую ладонь на волосы и, сжав их в кулак, ледяным голосом прошипела:

– Ах, да и еще кое-что, архонт. Я вырежу твоей Эмили ее нежное сердце и затолкаю его в горло Грешему. Так, ради своей забавы. Чтобы тебе было больнее. Чтобы ты люто ненавидел меня и всегда помнил, что я – Матрона Тьмы, пробудившаяся раньше всех светил, а ты – червяк, который жив только потому, что мне так угодно.

Эмириус Клайн откинула меня к алтарю и расправила белоснежные крылья. Она лучилось запредельной мощью. После снятия Цепи ее стать плавала дыры в Окружности Мироздания.

– Видишь, Калев. Рифф не пригвоздила меня молнией за то, что я так обошлась с Ее королем Анкарахады. О чем тебе это говорит?

– Ты лжёшь, Матроны Тьмы. Ты прекрасно знаешь – если ты сейчас нападешь на Калеба в Ее Храме, Праматерь не стерпит этого. Ты сгинешь быстрее, чем моргнешь, – спокойно ответил за меня Ансельм. – Рифф позволяет тебе проверить Ее архонта на прочность, но за пределом Этого Места. За Анкарахадой, Лаанхакадой и Ее Планами. Гамбус, Земля – да, здесь – нет, тут – архонт вне твоего влияния. Это – Слово Рифф. Оспорь Его, если осмелишься, и тогда сразись с Богом.

Эмириус Клайн хмыкнула.

– Я не прощаюсь, малыш... Только не с тобой.

Матрона Тьмы вспорхнула и исчезла из вида...

– Не–е–е–ет, – простонал я, закрывая ладонями лицо. – Что я наделал... Она опять водила меня за нос... Снова использовала меня... Дурак! Дурак! Я выпустил в Мир само Зло... Эмилия! Грешем! Урах! Простите меня...

– Тебе подобает просить прощения только у Рифф, и ни у кого более, – сдержано промолвил Ансельм. – Да, Эмириус Клайн сильна и может принести Земле погибель. И что? Это ничего не значит. Истина – в Анкарахаде. Только она достойна преклонения наших мыслей и труда.

– Нет! – крикнул я. – Нет! Я люблю свой дом! Эмилию! Бертрана! Грешема и Снурфа! Я не хочу, чтобы Эмириус Клайн их убила! Клянусь, я помешаю этому! Я найду ее и отрежу ей крылья!

– Ты – архонт и ты – король Анкарахады, – сказал Шорох. – Мы, твои слуги, твои подопечные, твои шелкопрядные, будем ждать твоего приказа. Если тебе нужно вынуть из Матроны Тьмы ее сгнившую душу – мы исполним это. Выполним. Содеем. Заплетем и переплетем. Мы – дети Рифф, у нас есть сети. А сети – выходы и входы. Липкие – жертвам. Прилежные – нам.

– Согласен. Эмириус Клайн надо поймать. Она – Гнет пауков и их Бич, – печально кивнул Бракарабрад. – Но не помыкай нами в убыток Анкарахады. Рифф не простит тебе этого.

– Как бы там ни было для тебя, первостепенно сейчас иное, – сказал Ансельм. – А именно: Указ Рифф.

– Какой?! – вскрикнул я. – Какой?!

– Я сообщу Его тебе сразу, как получу на это дозволение Рифф. Когда Она сочтет, что настал твой черед шить Ее Паутину. Со всей безропотностью думаю, что ждать тебе осталось совсем чуть–чуть.

Ныне мы прощаемся, король. Жди меня. Я или кто-то из нас, мы вскоре явимся за тобой.

– Сразу. Тотчас. Моментально. Как только твоя плоть овеет молитвами Рифф. Как только ты не иссохнешь в лучах Ее Рая Анкарахады. Как только Ансельм, священник, помазанник-приемыш, затрубит Ее волю, – дополнил карлик Шорох. – Я – твой, мой архонт. Умру за тебя и за Рифф.

– Ныне ты – король и тебя ждут Ее дела, Калев. Я не покину тебя в них, – протягивая мне единственную руку, сказал Бракарабрад. – День настанет – увидимся! Надейся на себя и на Праматерь! Пока!

Я открыл глаза. Они зудели, и я стал их тереть. Стояла ночь. На небесном куполе ярко блистали звезды. Мне все это приснилось? Или я... Мои пальца переместились с глаз на какой-то предмет, давивший мне на затылок. Нет... не причудилось. В моих руках была шкатулка – Путаница. Я действительно стал королем Анкарахады и архонтом Дома Шелка. Я сел и... Путаница задымилась и пропала с ладоней. Ко мне повернулась Настурция.

– А я как раз собиралась тебя будить... – заговорила колдунья, но осекалась. Она внимательно всматривалась в мои глаза.

– Калев, твои очи горят подобно алмазам, – прошептала Настурция. – Они лазурные...

– Теперь в темноте мне не спрятаться? – нервно усмехнулся я.

– Что с тобой произошло? Ты хорошо себя чувствуешь?

– Я – да, а Укулукулун – нет. Он – мертв, архонт – я.

– О, Урах, не отступи от нас! – хрипло вскрикнула Лютерия Айс, приподнимаясь на локтях.

Во мне заскреблось желание рассказать Настурции про то, что Ансельм – священник Рифф и мой наставник, но я сдержался. Надо хорошенько подумать – нужно это делать или нет, ведь род Грэкхольмов ненавидит Дом Шелка. Правда о том, что Ансельм переметнулся к Темному Божеству, может быть воспринята превратно...

– Я... это плохо?... – выдавила из себя Настурция.

– Куда хуже, чем ты можешь себе представить. Калерб, ты упал во Мрак... и нет тебе пути назад.

– Почему ты считаешь, что все так категорично? Я же не кинулся сейчас прославлять Рифф и приносить Ей жертвы, верно?

– Это пока... Твои новые глаза – Ее клеймо демона.

Магистр Ордена Милосердия закашлялась и прижала к себе котомку с егозливой лапой Дроторогора.

– Давайте закроем эту тему и сосредоточимся на нашем походе, – категорично заявил я. – Моя очередь дежурить!

– Хорошо...

– Спаси нас, Всеотец, – утыкаясь в траву, тихонечко простонала Лютерия.

Сдвинув брови, я проследил за тем, как укладывается спать Настурция. Лютерия вновь зашла кашлем. Еще вчера ей не было так дурно... Вчера? Да, пока я находился в Анкарахаде, здесь не прошло и двух часов...

Я подпер подбородок кулаком.

Развязка Испытания пугала меня. Я никогда и никем не хотел править, становиться выше других или решать чьи-то Судьбы. А тут...

Теперь я король Анкарахады, великого Вседержителя Рифф, Восьмой из Колеса Девяносто Девяти. И я либо буду соответствовать Ее требованиям «архонта», либо... Я почему-то чувствую, что в случае моей «некомпетентности к занимаемой должности» Рифф даже никаким Испытанием Себя утомлять не будет – просто прибьет меня, как моль тапкой, потому что я «не паук» и – привет.

Анкарахада – Небесная Высь, где в нетленности живут миллионы и миллионы «детей» Праматери. Что Рифф ждет от меня по отношению к Ее Раю? Реформаций? Каких-то завоевательных экспансий, к примеру, в Мир Тьмы или Мир Света, которые расширят «владения» Праматери? А может, мне нужно будет проповедовать учение Лемнискаты в разных уголках Вселенной? В чем конкретно на меня надеются? Я не люблю неизвестность. Я такой человек, которому надо быть готовым ко всему заранее.

Хотя одно я точно предугадываю... Архонты, по Ее уставу, должны иметь два священных «ключа». Ситри от Анкарахады и Бицфу от Лаанхакады. Главный грех Укулукулуна перед Рифф, из-за которого Она через Суд Всех Преторов подвергла его Испытанию, ознаменовался потерей Бицфу. Лаанхакада, как я понял, это – ад прогневавших Ее арахнидов. И в нем есть некто Бангравейс – кто-то шибко похожий на нашего Назбраэля. Так вот, Бицфу теперь у этого Бангравейса. Или нет? А если да? Что Бангравейс наоткрывает этим Бицфу? Какие клетки он им отопрет и каких монстров из них выпустит? Уже выпустил... К гадалке не ходи, что Бицфу в списке моих заданий будет обведен красными чернилами.

Я вздохнул.

Как скоро Ансельм, Шорох или Бракарабрад придут за мной, чтобы я воссел на Ее трон Анкарахады? Не знаю. Сейчас меня заботит совсем не это. Эмилия и Грешем! Снурфи и Мурчик! В эти секунды моя душа рвется из-за них... Из-за прощальных слов Эмириус Клайн, о том, что она убьет тех, кто мне дорог. Лучше бы меня, дурака, прикончила! Вселенная, Урах, вы – свидетели моего провала! Моего краха и безумия! Я возомнил себе, что в праве отменить взыскание

Самого Бога! Всеотец, прости меня... Я... Зачем я так... Кто я такой, что поставил себя выше Тебя и Твоего предназначения для Эмириус Клайн? Я – бестолочь! Я перемудрил сам себя! Оплошал и промахнулся! Я наломал таких дров, что теперь хлебай – не расхлебашь! Эмириус Клайн, наперсница всех интриг и пороков, так ловко прикинулась передо мной беленькой овечкой, что я вновь поверил ей! Опять! Матрона Тьмы – древнее создание, безжалостное и циничное, ныне сбросила себя цепи Бога Света – артефакт запредельной силы, удерживающий ее в повиновении у Уруха. Что же, Рифф разбила браслеты Всеотца. У Праматери хватило мощи сделать Это. Да, это так, и Эмириус Клайн уже где-то на Земле. Сколько бед она принесет Королевствам? Сколько невинных мужчин, женщин и детей падут от ее ужасного меча Гасителя Зари? Как нам... мне ее остановить? Будет ли Рифф помогать мне в этом? А Урах? Может Назбраэль? Ха! Бог Тьмы же не станет терпеть конкурента, верно? Эй, Назбраэль, одна подлая красotka с крыльями собирается отнять у тебя лавры Наикошмарного Кошмара! Ты уж подсуетись, не прозевай свое чемпионство! Смешно? Куда уж...

В отчаянии я ударил себя по коленке.

Дроторогора и Вальгарда Флейта будто было недостаточно для того, чтобы разнообразить мой скучный досуг, вот с Эмириус Клайн – самый раз. Ровнёхонько! С ней колода карт стала полной! Эгей! Фатум–Крупье, перетасуете, пожалуйста! Ага! Сдаете? Посмотрим, посмотрим... Надеемся на удачу! А козыри все – где?... Не у меня... Почему мне так плохо?...

Наутро Лютерия Айс совсем расхворалась. Ее бил озноб и тошнило. С трудом мы усадили магистра на Барона, а сами оседлали Марви и Гонорию. Двигаясь вдоль Рыжей, мы следовали за омерзительной лапой Дроторогора. В какой-то момент рука Бога–Идола ткнула через реку. Ригель – твой выход! Волшебный корабль из бутылки явился на мой зов. Как всегда, тепло нас поприветствовав, он пригласил нашу компанию к себе на борт. Водное путешествие выдалось коротким, но ознаменованным для меня вниманием Привратника. Он безмолвно жарил мою душу Вселенскими Углями,

болью напоминая мне о том, кто из нас двоих тут Господин, а кто «отправленный на задание мешок крови и мяса». Я катался по палубе, стонал и стenal, пока Привратник внезапно не удалился из моих внутренностей тела. Арбитр выудил из меня новую информацию о Короне Света, и она пришлась ему по вкусу: «Подвижки есть! Калев без дела не сидит! Филириниль – оружие против Флейта и Дроторогора – где-то рядом! Бабахнуть им одного и другого, а там и две части Короны Света в руках. Все тип-топ! В следующий раз, когда заскочу к Калеву, – уже уйду с обновкой!»

К полудню мы пересекли Рыжую и двинулись дальше через заросли Великого Леса. День сменился днем, затем еще одним. К его завершению Настурция отметила, что цвет моих глаз вновь стал прежним. Вся лазурь сошла с них. Я же подозревал, что это не совсем так. Я догадывался, что «помазание» Рифф не покинуло меня, а лишь скрылось на время. Скорее всего, мои новые глаза нельзя носить здесь постоянно. Ведь если припомнить мертвых культистов Дома Шелка, с которыми я сражался в Зрячей Крипте Гамбуса, то у всех у них на очах лежала повязка. Через тайные, макабрические обряды они приблизились к Рифф, снискали от Нее расположение и получили за это лазурные глаза Анкарахады. Но недозволительно живым смертным лицезреть Сущее тенью Взора Праматери – рано или поздно, но неизменно это приведет к полному ослеплению обладателя сего Дара. Я должен научиться пользоваться своими «лазурными глазами», их трансцендентным ясновидением и проникновением за шторы обыденного без вреда для себя. Убежден, что Ансельм знает, как это сделать.

Миновали еще сутки. В полдень, когда мы отдыхали после долгой скачки, к нам на поляну вышел бурый кудлатый медведь. Голодный и оттого злой, привлеченный запахом запечённого антрекота из Скатерти «На все вкусы», он напал на привязанных коней. Два резких удара могучих лап, выстрел энергетического Луча из Клюквы и еще удар... В итоге: все печально и грустно. Косолапый как-то успел задрать всех наших лошадей, ну и сам тоже отошел к праотцам всех медведей. Зверь подобрался тихо, и еще хорошо, что к Марви, Гонории и Барону, а не ко мне, Настурции или Лютерии. Так – бамс – кому-то из нас по

шее когтистой пятерней и все, тью–тью. Не стоит забывать – Великий Лес – это не какой–нибудь чудесный парк, разбитый вблизи поместья. Нет. Он коварен, опасен и бесконечно хитер. Здесь всегда надо держать ухо востро!

Посоветовавшись с Настурцией о том, как быть с Лютерией Айс – постоянная тяжелая борьба с лапой Дроторогора почти обездвижила магистра Ордена Милосердия, я попытался «достучаться» до Юнивайна. Несколько раз я кидал Кампри об траву – впустую. Мой призрачный друг не отзывался. Пришлось взять Лютерию под руки и вести вперед... А как иначе? Идти надо во что бы то ни стало.

Вынужденный неспешный поход дал мне присмотреться к Великому Лесу. Он явно изменился. Да, да! Он тут не такой, как, скажем, десять миль назад! Рано опустившиеся сумерки не позволили мне ответить себе на вопрос «что с ним не так?». Однако, вновь выдвинувшись с солнцем в путь, я все же сообразил что к чему. Ароматы – это раз. Великий Лес благоухал! Он пах свежестью, чистотой и весенней радостью, состоящей из тонких ноток меда, стиракса, аниса и гальбана. Любой парфюмер из Плавения или Иль Градо пришел бы в восторг от этого букета и тотчас бы возвестил, уперев руки в боки: «Мой парфюм был беден без этого фимиама! Я обязан произвести в своей лаборатории нечто похожее!» Что поразило меня еще – так это целые заросли разнообразных цветов! Великий Лес и так обаятелен, как дама, наконец–то выбравшаяся в театр, но тут он превзошел сам себя! Под черными и коричневыми стволами деревьев роскошествовали многолетние кустарники – форзиция, рододендрон, скумпия и глициния перемешивались друг с другом и накрывали собою гиацинты, тюльпаны, ирисы и эрантисы. Толстенные, но вполне бойкие пчелы летали от бутона к бутону. Их шубки и мордочки – все в пыльце. Одна пчелка, более прочих взявшая на себя пыльцы, уселась на меня передохнуть. Я аккуратно погладил ее пальцем по спинке, и она зажужжала – «мол, не надо, не надо, милейший, это лишнее, мы с вами не шибко–то знакомы для таких вот фамильярностей». Спустя секунды пчелка улетела. На прощанье я помахал ей рукой.

Еще в Шальхе я позаимствовал с полки Вильгельма Темного блокнотик, куда во время путешествия стал записывать свои мысли, томные элегии (не для всех ушей, я стесняюсь!) или зарисовывать какие-то миниатюры. Поддерживая Лютерию Айс под локоть, я пожалел, что: «а» – не могу сейчас что-то накидать на «бумагу», «б» – что сам по себе посредственный художник. Вот Эмилия, вот она – да, кисть или карандаш в ее руках творят волшебство... А еще мне показалась удивительным, что здесь не было ни одного намека на присутствие живорезов. На их деятельность и промысел. Если во всем Великом Лесу следы активности живорезов проглядываются на каждом шагу – их неряшливые вырубки, безобразные норы, куцые руны на камнях, прогоревшие кострища, останки и черепа, то сюда, казалось, Хрипехор не заходил вовсе. Создавалось впечатление, что я иду по Великому Лесу той доисторической эпохи, когда здесь беззаботно жила нимфа Астрид – до прихода Назбраэля, Хрипехора и Его войны с драконами Фисцитрона Венценосного.

Пели птички, прыгали зайчики, из-под коряг пучились аляповатые грибные шляпки. Множество родничков усеяли собой просторы лесистых холмов. Мы набирали их ледяную воду во фляги, а потом с наслаждением запивали ягоды, в изобилии растущие куда не глянь. Пряная изумрудная подстилка, окружающая прогалины позабытых всеми троп, пучки ковыля и овсяницы в низинах, душистый ветер и исполины-буки, дубы и вязы навевали на меня ощущение, что я попал в сказку, в мифическую страну, где живут добро, альтруизм и кротость – эти неразлучные сестры, и их танец – Чары Самой Жизни.

Но вот что-то поменялось в Великом Лесу. Как будто в Его Праздник природы забралось что-то стылое и мрачное. Все чаще мне под ногами попадались опавшие листья и все реже мелькали хризантемы и георгины, а те, что я замечал, были пожухлыми и хворыми. Покуда я продвигался вперед, все неумолимо чахло и увядало.

Мое настроение тоже поддавалось пессимизму. Вдруг Лютерия мне сделалась обузой, тяжелой и обременительной ношей. Хватит ее

терпеть! Что я, нянька ей что ли? Чик–чирик ее и баста! Чуть отступив назад, я надавил Настурции на голову, и подсечкой скинул в овраг – чтоб не мешала, занудная бабенка. Перевернув Лютерию лицом к себе, я обнажил Альдбриг.

– Калев, это все Дроторогор! Сопровивляйся... – прошептала она, придавливая сумку с лапой Бога–Идола к животу.

– Все! Никаких «Калевов и Дроторогоров, хлебов и творогов»! Ты мне шибко надоела, смекаешь? Опостылела, как горькая редка! Ага? Поэтому я перережу тебе горло!

Я приставил меч к шее Лютерии. Ну а, что? Возись тут с ней, выхаживай, заботься! А может мне еще жениться на ней, нет?

Мою щеку обожгло прикосновение металла. Я приложился к ней пальцами – из неглубокой раны текла кровь. Беспощадное наваждение, ниспосланное на меня гадкой культей Дроторогора, покинуло меня так же быстро, как и до этого нашло. Настурция, отдуваясь, выбралась из оврага.

– Лютерия, прости меня! Это...

– Калев, я тебя!... – угрожающе крикнула мне колдунья.

– Калев, если ты сейчас вновь поднимешь свой меч на эту женщину, то второй мой «выстрел» угодит тебе точно в лоб.

Я обернулся. На дереве в десяти футах от меня сидел... эльф. Да, да! Эльф! Я сразу понял, что это именно он! В зеленой облегающей броне, камуфлирующей его в кроне ясеня, с длинным луком и серповидным мечом за плечом, с каскадом золотых волос, с ясными голубыми глазами, тонкими губами и слегка заостренными ушами. Эльф лучился молодостью, ловкостью и статью. Его движения несли в себе кошачью грацию и внеземную пластичность.

– Со мной все в порядке, – заворуженно отозвался я. – Это все Дроторогор. Он по очереди толкает меня и моих друзей на гнев.

– Дроторогор? – переспросил эльф.

Я поправил на запястье переводчик–фенечку Бертрана. Без нее, наверное, мы бы не смогли общаться. Спасибо тебе, Рыжая Колючка!

Эльф расслабился и упал с дерева спиной вниз. Я испугался, что он разобьется, но этого не случилось. В последний момент эльф перекувырнулся, и как ни в чем не бывало встал на ноги. Он кивнул Настурции и плавно подошел ко мне.

– Ты сказал, что Дроторогор манипулирует вами. Как?

– Если не вдаваться в подробности, то он частично принужден идти вместе с нами, – печально улыбнулся я.

– В моей котомке рука, отсеченная у Бога–Идола принцем Легией, – промолвила Лютерия.

Смерив меня испытывающим взглядом, эльф бережно взял магистра Ордена Милосердия под руки и усадил на замшелый валун. Чуткие пальцы коснулись сумки – та вздрогнула, и эльф отшатнулся.

– Зачем вы несете с собой Вековечное Зло? – сощурившись, спросил он.

– Поверь, не ради собственного удовольствия, – ответила ему Настурция, оправляя блузку. – Если кратко Дроторогор вернулся в Мир и хочет уничтожить всех и вся. Я, Калев и Лютерия, а изначально с нами еще были Альфонсо и Дурнбад, отправились в Великий Лес, чтобы отыскать Тумиль’Инламэ – город эльфов, а в нем Филириниль, меч принца Легии, подаренный ему богиней Сирвиллой. По преданию в Полдень Игл Филириниль Легии смог отрубить у Дроторогора, неуязвимого для обычного оружия, его лапу. Мы выяснили, что после победы Харальда и Легии над Хрипохором «обрубков» Дроторогора

нельзя было ни сжечь, ни уничтожить как-то иначе. Что культа Бога–Идола так возненавидела своего «отсекателя», что вечно стала указывать на него своим отвратительным перстом. Лапу Дроторогора закопали под курганом в Малахитовом Дворце, который потом под ее воздействием выгорел и превратился в Тлеющую Чашу – химерическое и смрадное лихолесье. Ради спасения всех Королевств и всего Мира мы выкопали лапу Бога–Идола, и пошли вслед за ней, как за ориентиром. К Легии и его Филиринию. Мы нуждаемся в легендарном мече, чтобы вновь выдворить Дроторогора за пределы Реальности.

– Меня зовут Салидас Аторэ, я – сын принца Легии, внук Пиримизля, правнук короля Кириана и Лузановизля Аторэ. Я последний отпрыск Зеленого Королевства и хранитель того, что раньше называлось Тумиль’Инламэ. Вы почти дошли до него, – помолчав, сказал эльф.

– Король! – воскликнула Настурция, преклоняя колено. Мы все последовали ее примеру.

– Не надо, встаньте. Чей я король? Разве что этих раки, – покачал головой Салидас.

– Расскажи нам свою историю, – попросил я, поднимаясь.

– Слушайте, раз так хотите. Мой дед и отец знали, что Хрипотор непременно отомстит Соединенному и Зеленому Королевствам за Полдень Игл. Иначе не могло и быть, – садясь на землю и поджимая под себя ноги крестом, начал Салидас. – Хрипотору всегда было тяжело дотянуться до сладкой сердцевины Соединенного Королевства. Много открытой местности, прерий и просторов. Закованная в латы конница, выходившая против, пусть даже тысяч живорезов, неизменно перекидывала чашу весов в вашу сторону. Но даже тут Хрипотор почти умудрился добиться своего. Тайной, предательством и сверкающим кинжалом в мгlistом тумане, он распял супругу и всех детей Харальда Темного. За исключением одной – Лия, находившаяся в замке Гричинга, спаслась. Мой отец – Легия – видел страх и

непереносимую опустошённость в глазах Харальда. Он был рядом с ним в Лесу Скорби, когда тела семьи Харальда снимали с гвоздей. В ту ночь вашего короля сломали. Маленький Гирц был еще жив, когда Легия, плютеранцы и Харальд отыскиали то Лобное Место. Отец воззвал к Сирвилле, Матери Матерей моего рода, известную у вас под именем Сия Лаверлорд, чтобы Она сжалилась над ребенком и излечила его. И Богиня откликнулась на праведные молитвы, и снизошла к ним. Она наложила руки на Гирца, вступив в противоборство с черным волшебством Хрипохора. Мальчик умер, потому что за его убийством, и за его душой, стояли не мистагоги Хрипохора, но все Боги–Идолы. Сирвилла открыла Легии и Харальду – это Ее поражение есть не просто отдельное превосходство Тьмы над Светом, но возвышение Мрака, которое в будущем будет почти невозможно остановить. Тогда отец, в последний раз, оставил своего друга Харальда, и поспешил вернулся к нам в Зеленое Королевство.

В канун моего пятидесятилетия, дед, король Пиримизель отменил все празднования. Он выступил перед народом Тумиль’Инламэ с тревожной речью, заявив, что ему стало известно о том, что Хрипохор собрал небывалую рать, которую уже двинул на Зеленое Королевство. Такое для нас было не внове, но ныне армаду вел лично Бог–Идол Захваш. Он выполз из Огненной Преисподней и, пылая яростью за брата Дроторогора и битву Сотню Ножей Гривирдана, в которой его одолел Лузановизель, направился к нам. Как мне описать, что тогда произошло? Отец и дед приняли решение удалить меня из Тумиль’Инламэ ради того, чтобы Зеленое Королевство в одночасье не потеряло всех своих владык. С горсткой приближенных я был упрятан далеко отсюда. Уже потом от пришедшего ко мне альва я услышал, что было дальше. Мой дед Пиримизель и отец Легия вышли сражаться с Хрипохором за наш Дом (У эльфа из глаз потекли прозрачные ручьи). Катана короля Пиримизеля – Честь Зеленого Королевства в тот день побагровела от пущенной ею крови, а Филириниль Легии обломал рога сотням монстров, но... живорезов было слишком много. Слишком... Захваш, проклиная его на веки вечные, прорвался к Пиримизелю и схватил его. Он взял его живьем, и дух воителей Зеленого Королевства пал. Чтобы избежать паники, Легия, сплотив разрозненные отряды альвов вокруг себя, увел их в Тумиль’Инламэ и

заперся в нем. Тогда Захваш осадил город. Но не мог Бог–Идол миновать Защитный Барьер, некогда поставленный перед Тумиль’Инламэ Элизиями Ураха. Затяжная война не устраивала Бога–Идола, и он пошел на хитрость. Захваш заявил, что отдаст Зеленому Королевству его короля и уберется восвояси ровно на сто лет, если взамен Легия вручит ему хотя бы одну из трех Элизий – веточек от предвечного Дерева Жизни из Мира Света Ураха. Глубоко под землей, в Пандусе Лилии, что находится в Чертогах Клятвы, корни Тумиль’Инламэ оплетали собой эти «веточки». Из них, из их неиссякаемой энергии, наш город–дерево и произрос, поэтому его можно назвать малым Деревом Жизни. Захваш настаивал на личной встрече, на нейтральной территории у Вильева Моста.

– Легия отдал Захвашу какой–то из Элизий? – не удержалась магистр Ордена Милосердия.

Салидас Аторэ грустно посмотрел на Лютерию Айс.

– Вы должны понимать, что Зеленое Королевство очень любило своего короля и поддержало Легию в его решении. Мой отец счел возможным ослабить Тумиль’Инламэ – вынуть из Пандуса Лилии Элизий для укрепления своего тела. Он собирался вставить его обратно в лунку после разгрома Захваша и уже с королем Пиримизлем попытаться восстановить нарушенную связь города–дерева с благодатью Ураха. Мой отец сознавал, что преподнеси он Захвашу хоть что угодно, тот не уйдет ни на какие «сто лет» и не отпустит Пиримизля, но такой шанс – сразить Бога–Идола упускать было нельзя. Легия уверовал в успех предприятия еще и потому, что с ним были Сирвилла – Мать Матерей наших и Джаддед Хар – радетель Света.

– Джед Хартблад и Сия Лаверлорд – святые Ураха! – воскликнул я.

– Это так, – кинул Салидас. – Всеотец не оставил Зеленое Королевство и прислал ему на выручку тех, кто был способен потягаться с Захвашем. У Вильева Моста Легия с Элизием, Джаддед

Харом и Сирвиллой встретились с Богом–Идолом, приволокшим истерзанного короля Пиримизля. Тогда Легия, предполагая, что охраняется Элизием, напал на Захваша, и Джаддед Хар и Сирвилла поддержали его. Но не знал Легия, что магия Элизия не предназначена для оберега одного, но преподнесена Урахом для многих и создает Его Волю исключительно в Тумиль’Инламэ. Захваш, естественно, обманул Легию и привел с собой легион живорезов, среди коих имелись и кхатры – громадные псы с алыми языками и огненным дыханием из Саашуу, великаны с Рдяных Гор и избранные ядовитогубые причмокиватели. Долго шла та сеча – трех героев Ураха и Бога–Идола с его рабами. Захваш одолел Легию. Он поразил Сирвиллу, и Джаддед Хар в последний миг, исчез вместе с ней, спасая обоих от смерти. Захваш, заполучив Элизий, преодолел им Защитный Барьер Ураха и выломал ворота Тумиль’Инламэ. Бог–Идол зашел вовнутрь и, в усмешку над Сирвиллой и Всеотцом, Чернокнижием Хрипыхора обратил весь мой народ в исковерканные деревянные статуи...

На этом моменте Салидас Аторэ задохнулся от горя, но справившись с собой продолжил:

Но Захвашу этого показалось мало. Он желал извратить Тумиль’Инламэ и надругаться над пугающим его Урахом. Бог–Идол спустился в Чертоги Клятвы и кинул к Пандусу Лилии изломанных, но живых Пиримизля и Легию. Захваш, Червь Пространства, Фантаст и Алчущий Мозгов увидел, что в Пандусе Лилии остался всего один Элизий из трех – Пиримиса. Литиривиса была при Боге–Идоле, но Хиловиса – у меня. Перед моим отъездом из Тумиль’Инламэ, дед отдал мне ее на хранение (Чтобы прикрыть свое изумление, я кашлянул в кулак). Захваш, мечтавший выкорчевать Тумиль’Инламэ сию секунду, осознал, что для этого двух извращенных Элизий будет мало. Необходимы были все три. В ярости он схватил Пиримизля и Легию. Прижав спины принца и короля друг к другу, он Запретным Колдовством содеял из них единое существо – безумного мутанта, люто возненавидевшего всех и вся. Затем Захваш вырвал из Пандуса Лилии Пиримису. Заклятьем страшным и чужеродным, Бог–Идол, опорочив Пиримису и Литиривису, сунул их обратно под корни, желая

по максимуму навредить Тумиль'Инламэ. У него это получилось, только сам он результата уже не узрел. Урах покарал Захваша за истребление Его малого Дерева Жизни. Когда Пиримиса и Литиривиса заняли свое прежнее положение в Пандусе Лилии, Свет, что вытесняла из них Тьма, импульсом перешел в Захваша. Бог–Идол тотчас сгорел. Я говорю, что так было, потому что этому стал свидетелем альв, который потом пришел ко мне. Он струсил и убежал из Тумиль'Инламэ, но кто бы поступил иначе?

– Почему же он не обратился в статую, как все эльфы Тумиль'Инламэ? Или волшебство Захваша распространилось не всех, кто тогда был в городе– дереве? – спросила Настурция.

– Ему повезло. Тот альв на протяжении длительного времени был послом Зеленого Королевства у цирвадов Шазбармаха. Цирвады сами по себе дикие, но нам приходились союзниками. Их Боги – Неба–Аракса и Медный Бог по рождению – Темные Стихии, не знающиеся со своими родственниками Богами– Идолами. Альв– посол – присутствовал на многих церемониалах Шазбармаха, зачинаемых подле Шибунуса – капли крови Медного Бога, и произвольно впитал в себя черные магические экстракты. Когда Захваш сотворил над Тумиль'Инламэ свое Зло, альва прикрыл Щит Темных Стихий – Неба–Араксы и Медного Бога. Однако этот альв потом все равно не избежал Смерти...

– А что было дальше? Это же не конец твоего рассказа? – осведомился я.

– Альв поведал мне, что Тумиль'Инламэ, подвергнувшись жуткому ритуалу Захваша, омертвел и высох. И не стало на нем ни одного листочка, и ни одного живого цветочка. Он превратился в истукана, громадного и пустого. С известием о том, что дед и отец... погибли, те тридцать альвов, что ушли вместе со мной в убежище, провозгласили меня своим королем. (Салидас отвернулся. Я услышал, как он плачет) Я как король сказал им: «У меня есть Хиловиса, и ею мы обязаны воскресить Тумиль'Инламэ». Я повел остатки своего народа обратно к городу– дереву. Мы не ждали сечи с живорезами, ибо

все твари после физической смерти Владыки Хрипыхора, будто бы разбежались. Я говорю «будто бы», потому что это было не совсем так. Некоторые из них затаились. Когда мы подошли к Тумиль'Инламэ, я понял, что хотя Пиримиса и Литиривиса были поруганы Тьмой и трансформированы в угоду Хрипыхору, Любовь Ураха все равно всего сильнее – Защитный Барьер Всеотца продолжал функционировать. Да, он работал, но теперь не совсем, как раньше – мы, альвы, тоже не могли пересечь его. Всеотец навсегда оградил остов Своего Творения от всех и вся.

– Но у тебя был с собою Элизий! Ты мог пройти через Заслон! – недоумевающе воскликнула Настурция.

– Я не успел попробовать сделать это, потому что на нас напали живорезы. – вздохнул Салидас Аторэ. – Соотношение одни к двадцати и... Мы стали отступать. В какой-то момент меня ранили, и я потерял сознание. Когда я пришел в себя, то увидел, что на мне лежит исколотый пиками альв, а вокруг нас десятки убитых живорезов. Он сказал мне... Я никогда не забуду этого: «Король Салидас Аторэ, мы выполнили свой долг и уберегли тебя, но потеряли Элизий. Это – оморы. Они тянули к тебе, оглушенному, свои когтистые лапы, а я, единственный выживший твой слуга, обрубал их. Я сумел обратить омов в бегство, но один из них стянул с тебя футляр с Хилловисой. Прости меня, король Салидас. Я позволил уйти твоей надежде на Будущее Тумиль'Инламэ».

– Вот как, – промолвила Лютерия Айс.

– Я был слишком плох, чтобы отправляться в погоню за оморам, и Хилловиса пропала... Я похоронил своих братьев и сестер, и остался в полном одиночестве. Я принес себе Зарок – вечно блюсти покой Тумиль'Инламэ – мертвого Дерева Жизни попанного Зеленого Королевства. Тысячи лет я уничтожаю живорезов на земле моих предков, на том клочке подсолнечного леса, что некогда принадлежал моим прадедам Лузановиэлю и Кириану Летящей Стреле, деду Пиримиэлю и отцу Легии, сердцам и душам родных мне альвов.

– Ныне, возможно, настал черед обновления, – медленно промолвил я.

– О чем ты молвишь, человек? – хмуро глядя на меня, спросил Салидас.

Я раскрыл сумку и достал из нее Хиловису – кусочек дерева в полфута длиной, теплый и по– весеннему живой. С почтительным поклоном я протянул Элизий Салидасу Аторэ, и тот ошарашенно принял его.

– Неужели... это возможно! – не веря в то, что он видит, хрипло задал вопрос эльф. – Откуда она у тебя?!

– Я случайно купил Хиловису на Беломраморном Форуме Ильварета у одного отставного капитана. Я думал, что это – волшебная палочка, а оказалось... Хотя... Тут вообще у меня сразу два недопонимания. Если первое – почему Элизий путешествовал по Великому Лесу так долго и угодил в руки именно мне, можно объяснить происками Вселенского Замысла, то второе – здесь у меня есть длинная повесть о моем посещении «Мазни– Возни», Изобразительной Академии Осприса – ее я опушу, но вынесу главное. В «Мазне–Возне» я попал в квази– карман параллельной реальности, где вот точно такой же, как Элизий... такая же... Ожа–Зожа – колдовской прутик, подтвердила мне свое родство с Хиловисой. Она назвала ее «сестрой». Что это значит?

– То, что вы зовете «волшебными палочками» – это лимилиты – выделки альвов, – ответил эльф, не сводя глаз с Хиловисы. – Раньше бывало, что корневища Тумиль’Инламэ, оплетающие Элизии в Чертогах Клятвы, вылезали из общего «узла» и начинали расти в сторону. Потом они засыхали и отваливались как лишние, как рудименты. Из них жрецы Зеленого Королевства изготавливали лимилиты, зачарованные на разные заклинания. Описанная тобою Ожа–Зожа – произошла от Элизий Тумиль’Инламэ, и она не солгала тебе, сказав, что Хиловиса ее сестра. Только она забыла добавить – старшая сестра. Лимилиты – это не бездумные предметы мощи. Они

обладают собственными характерами и нравами. Некоторые из них умеют мыслить наподобие нас.

– Очень познавательно и... – начал я, потом осекся, и с улыбкой сказал, то, что Салидас уже не чаял никогда услышать:

– Пора возродить Тумиль'Инламэ!

– Твое Зеленое Королевство, – добавила Настурция Грэхольм.

– Дерево Жизни Ураха, – скрепила Лютерия.

Салидас Аторэ медленно встал на ноги. Его глаза были полны света – того, что с неугасимыми звездами блистал в мифические дни юности Мира. Только сейчас до меня дошло: я разговариваю не просто с эльфом, рожденным неисчислимы годы назад, но с королем, сыном Легии и наследником Зеленого Королевства. Он был смертным, но великим, не таким, как Эмириус Клайн, Укулукулун или Цхева, но куда выше меня, Бертрана, Настурции или Альфонсо, упокой его дух Вселенная. Он из тех, «первых», таких, как Харальд Темный или Серфилин, что могли и не боялись вершить Судьбы всей Мира. Он – король без короны, но воин и герой. Он – сила и власть былых, эпических времен.

– Вы хотите пойти со мной, чтобы получить Филириниль?

– Да, да, сто раз – да! – отозвался я.

– Сему быть. Филириниль будет вам наградой за то, что вы отдали мне Хиловису, – скрепил эльф. – Но предупреждаю вас! Впереди, быть может, нас ожидает тяжелый поединок с моим дедом Пиримизлем и Легией. Как они... «оно» не допустит меня к Пандусу Лилии, так и не сдаст вам по собственной воле Филириниль.

– У нас общая цель – борьба со Злом в любом его облики, – сказала Лютерия Айс.

– Тогда в путь!

Салидас Аторэ махнул нам рукой, и мы последовали за ним.

Эльф ступал бесшумно, не сминая траву, не оставляя позади себя следов. Миновав крутой подъем, наша компания вышла на пригорок, с которого стал виден Тумиль'Инламэ. Сюда мы – я, Дурнбад, Альфонсо, Настурция и Лютерия шли многие недели кряду. Ради этого момента, мои друзья и я терпели невзгоды, проливали свою кровь и гибли... Только бы Хилловиса не подвела!

Спускаясь следом за Салидасом, я рассматривал город– дерево. Сравнить его мне не с чем. В какой–то степени Тумиль'Инламэ выглядел как дуб, выросший до размеров цитадели. Его растрескавшийся ствол испещряли сотни оконцев. Ветки– гиганты, тесно переплетавшиеся друг с другом, словно бы «улицы», являлись переходами между ярусами. Ранее цветущий, а ныне посеревший и изломанный, Тумиль'Инламэ был похож на скелет какого– то невообразимого существа, которое было ни сдвинуть, ни убрать. Поникший памятник – достояние прежнего величия Зеленого Королевства внушал мне трепет и шептал: «Ах, каким я был в рассвете своего могущества». Тумиль'Инламэ как будто бы воздвигал себя из глубокой ямы. Раньше в ней плескалась вода, которая питала город– дерево, — догадался я. Всюду защищенный пропастью, Тумиль'Инламэ имел единственный мост, Вильев мост, который вел от развалин ворот через пропасть к расплавленному огнем плато.

– От одного края до другого здесь все было покрыто трупами живорезов и телами витязей альвов, – негромко промолвил Салидас. – Дни и ночи, месяц за месяцем я очищал это место. Тот курган, – эльф указал на поросший дерном холм, – в нем похоронено воинство Зеленого Королевства, а там, – Салидас ткнул пальцем на угольно– черный, плешивый участок земли, – я сжег всех тварей Хрипохора.

У Вильева Моста мы остановились. Что– то мигнуло, раз, еще и еще – то ли искорки, то ли песчинки–зарницы. Они летали перед входом на мост и постоянно щелкали. Заслон Ураха – ступи за

сияющую черту и умрешь. Лапа Дроторогора в сумке Лютерии Айс аж вся извелась. Неистово скребясь изнутри, она, чувствуя близость своего главного противника, Легию, рвалась выбраться из «кожаного плена». Магистр Ордена Милосердия нахмурилась и закрыла глаза, видимо, вознося молитву. Затем ее кольцо – Лики Всеотца тепло засветилось. Это придало Лютерии сил. Она распрямилась и твердо стиснула сумку ладонями. Это не уняло культю Дроторогора насовсем, но она изрядно поутихла.

Салидас извлек из– за пазухи Хиловису и дрожащей ладонью поднял ее вверх.

– Я, Салидас Аторэ, последний король Зеленого Королевства, взываю к тебе, Урах! Со мной Твой Пресветлый Элизий, Всеотец! Открой им мне и этим людям проход к Тумиль’Инламэ! Я иду, чтобы пробудить Твое Дерево Жизни от Сна Смерти!

И Салидас был услышан. Урахом, Вселенной или Сирвиллой, не возьмусь сказать, но факт есть факт. По Вильеву Мосту прокатилось лавина яркого пожара. Она дохнула на нас пламенем и растворилась в опускающихся сумерках.

– За мной, – вне себя от волнения, позвал Салидас.

Мы прошли по узорчатому мосту, пересекли разрушенные, но все равно прекрасные ворота, и вступили в сени Тумиль’Инламэ. Темнота, давящая со всех сторон, улетучилась, как только Салидас вновь воздел Хиловису над своей головой. Потухшие в стародавнюю пору светильники вспыхнули зелеными, фиолетовыми, оранжевыми и другими цветными огоньками. Сказать, что город–дерево, пусть даже мертвый, был просто красив – равносильно преступлению. Тумиль’Инламэ, ныне пыльный и безмолвный, по–прежнему бережно хранил в себе дивные произведения эльфов. Изумительные фрески, фантастические колоннады и коридоры, которые не прорезали эльфы – город–дерево уже рос таким, с местом внутри себя, где альвы могли бы жить (в полголоса объяснил нам Салидас), скульптуры, пересохшие фонтаны и своды – все это приводило нас в восторг. Я сказал себе:

здесь все идеально, чтобы отвлечься от вездесущей скорби, безраздельно царящей в Тумиль'Инламэ. Ведь в каждом проеме, в закутке и зале, всюду мы встречали тех, кого Захваш «осенил» кощунственной магией Хрипохора. Эльфы города–дерева превратились в деревянные скульптуры. Сотни, а то и более, они занимали собою все свободное пространство. Мы петляли через их «молчаливо кричащие» ряды, чувствуя каждым дюймом кожи, сколько боли «испило» Зеленое Королевство от клинка Хрипохора. Масштаб трагедии – геноцид целой расы... Разве может быть что– то хуже этого?

– Бедные, мои, бедные... О, Урах, как же страшно им было... – шептала Лютерия, нежно прикасаясь к застывшим эльфам...

Салидас Аторэ вывел нас к центру Тумиль'Инламэ. Внизу под нами брала начало циклопическая лестница, уводящая к корневищам города–дерева. Но не она привлекла наше внимание... Трон, богаче любого, что можно только вообразить (у Рифф в Анкарахаде примерно такой), стоял на амвоне, а перед ним, поддерживаемое подпорками–жилами, висело огромное почерневшее сердце, в которое был воткнут гнусный, исклеванный иероглифами топор Захваша. У нас аж прихватило дыхание, таким омерзительным и скверным показался нам этот поступок Бога– Идола.

– Это Ураграмма – «сердце» Бога Света и Дерева Жизни – главное сокровище Зеленого Королевства. Пока Оно билось – Тумиль'Инламэ жил. Когда наше Дерево Жизни дало свои первые всходы на Элизиях, явился Урах. Ознаменовывая свое вечное расположение к альвам, Всеотец вспорол себе грудь, вынул из нее Ураграмму и вложил в город– дерево. Это Его дар для альвов..., – сказал Салидас, хватаясь за рукоять топорща. Он потянул его на себя, но, как ни старался, вырвать не смог. Отерев рукой пот с висков, эльф, скрипнув зубами, повел нас к лестнице.

– Еще не время, не время... – процедил он сам себе.

Мы спускались все ниже и ниже. В этом сходе, овеянном загадкой и седокудрой тайной, усеянном паучьими сетями и смоляными канавками, я, запаливший Лик Эбенового Ужаса, проникался неповторимостью мига. Первым шел Салидас с луком наизготовку, за ним я с посохом и мечом, за мной Настурция с полупрозрачной Клюквой, а за нами – Лютерия Айс. У нее оружия уже давным–давно не было. То ли мы специально где–то оставили ее шестопер, чтобы он не мешал ослабевшему магистру, то ли она сама его потеряла... Не помню уже...

Когда мы переступили, наверное, трехтысячную ступеньку, то оказались в каверне, люминесцирующей мириадами грибов и порхающих над ними мотыльков, каждый из которых не только сам лучился светом, но и держал в лапках малюсенькую лампадку. Мотыльки не обращали на нас никакого внимания. Когда мы подходили к ним слишком близко, они переставали сиять и теряли свою вещественность. Дух захватывает! Никогда и нигде такого не видел!

Дорожка под ногами – малахитовая брусчатка с серебряным вставками. Кое–где она обуглилась и деформировалась – здесь прошел Захваш.

Чем дальше мы заходили, тем отчетливее впереди маячило что–то громоздкое. Наконец я смог рассмотреть, что это такое. Из земляного бассейна, отороченного изумрудным бортиком, тянулись к потолку, и заходили в него, упругие, крепко перекрученные в канат и почти единые, отростки. Да, они покрылись шанкром, язвами и белесой плесенью, но не сгнили и не погибли, как Ураграмма. А могли бы, потому что основанием этих корней–отростков, их зачином служили две невероятно тлетворные на вид палочки – Пиримиса и Литиривиса. Элизии, попранные Богом–Идолем, звенели и чадили красноватым туманом. Слева и справа от Пандуса Лилии, в стенах стояли нетленные короли – Лузановиэль с Рассекающим и Кириан с Альтнадиром. Запечатанные в прозрачный янтарь, правители Зеленого Королевства будто бы не умерли, но спали. А что же до... Они, оно тоже было здесь. Я сражался с Укулукулуном, противостоял Таурису и

боролся еще невесть с кем, однако... жалости к своим противникам никогда не испытывал, а тут...

Пиримизель и Легия, оба, по пояс голые, спаянные затылками и спинами – так пластилин прилипает к пальцам – неотрывно бдели, сторожа Пандус Лилии и подход к нему. Их лица – почти божественно красивые и правильные, ежесекундно бредила судорога умопомешательства. Завидев нас, существо, ранее бывший королем и принцем, демонически возопило:

– Салидас! Сын! Внук! Уходи! Умоляю! Уходи!

– Нет, – останавливаясь и натягивая тетиву, сказал Салидас Аторэ.

Я примостился за правым плечом эльфа, Настурция за левым, Лютерия – позади нас. Мы встали таким образом не осознанно, а инстинктивно – бессознательно руководствуясь опытом пережитых сражений. У нас в Грозной Четверке подобная боевая расстановка использовалась постоянно и называлась «орешком». Альфонсо – рубака в непробиваемой броне всегда в первых, я и Эмилия чуть поодаль от него, а Бертран на прикрытии. Так Грозная Четверка могла маневрировать и принять в центр того из нас, кто подвергался вражескому давлению больше прочих.

Сейчас Лик Эбенового Ужаса и Клюква рдели импульсами заряженных заклинаний, а ладони Лютерии сияли Светом.

– Уходи! Прошу! Я убью тебя! Я не могу сопротивляться наваждению Захваша! Прошу! Пожалуйста! Я... Убью! Убью! Убью! – заголосило бедное создание, извлекая из ножен индигово– бирюзовую катану. – Честь Зеленого Королевства и меч... – Филириниль – тонкий, с витиеватым оливковым лезвием, как лоза, и с ручкой в виде головы ястреба.

– Я пришел, чтобы освободить вас, отец и дед, – прицеливаясь, ответил Салидас. – И вернуть Тумиль'Инламэ Его жизнь!

Стрела полетела в существо и... Честь Зеленого Королевства перерубил ее у самого носа Пиримизля.

– Мальчик, мой мальчик, сын! Я не хочу твой смерти! – рыдая, закричал Легия, на четырех ногах быстро приближаясь к Салидасу Аторэ. Я выпустил из посоха шар Огня. Из Клюквы в существо полетело нечто шипяще–лакричное. Моментально прогнувшись, упав на две вытянутые незанятые руки, принц–король, увернулся от магических зарядов, и, как краб, ринулся на Салидаса. Бац! Бац! Бац! Это два меча и катана запели оду Смерти. Существо вновь выпрямилось и принялось вращаться по оси, веером лезвий блокируя любые выверты наших мечей и посохов. Принц–король так мастерски владел ратным искусством, что я сразу понял – даже четверо мы вряд ли одолеем его. Отбив Альдбриг, существо двинуло мне кулаком в скулу, локтем той же руки заехало в висок Настурции, катаной «цапнуло» по мечу Салидаса, потом сделало ему ногой подсечку и пустило вниз Филириниль (эльф откатился в сторону), затем второй рукой схватил Лютерию и двумя коленями пнул ей под ребра. И это все за две–три секунды поединка!

– Сын! Внук! Пожалуйста! Пожалуйста! Отступи! Отступи! – в два голоса продолжало умолять существо Салидаса, полностью переключая свою агрессию на Настурцию. – Я дам тебе время – их жизни! Беги! Беги!

– Нет! – прогремел Салидас, выпуская очередную стрелу (и мимо).

Честь Зеленого Королевства проехался по бедру колдуньи, а Филириниль высек искры об Клюкву и, резко подавшись назад, ударил Настурцию рукояткой в челюсть. Существо подпрыгнуло, и две его ноги стукнули по мне и Салидасу. Мы с эльфом упали, а принц–король направил на Настурцию сверху Филириниль, а снизу – Честь Зеленого Королевства, намереваясь так ее разрубить напополам. На защиту колдуньи встала Лютерия Айс. Без всякого оружия, как есть, она закрыла собою Настурцию. Меч и катана врезались в лучащиеся

светом ладони магистра ... Взрыв... Лютерия осталась стоять, прикрывая пораненную Настурцию, а существо отлетело к стене.

– Как Урах Один сильнее Всех Царей Хрипохора, так и Его Свет неизменно повергает Огонь Их, – промолвила Лютерия Айс.

– Я люблю и ненавижу Всеотца! – поднимаясь, заплакало существо.

Принц– Король перебил Филиринилем две стрелы Салидаса, парировал Альдбриг, с прямого «ботиночного» тычка хрустнул мою коленную чашечку и, отпихнув Лютерию, пригвоздил Настурцию Честью Зеленого Королевства к полу... Кровь... много крови и хрипа умирающей... Ярость, всколыхнувшаяся во мне, устремилась в Бездну Назбраэля, где нашла пагубный комок скверны. Не сосредотачиваясь, я запустил в короля–принца едкой, марево– магматической глобулой. Она бабахнула по торсу существа и тот истошно взвыл. Моя волшба проела дыру в его теле, но не убила его.

– Еще не поздно, сын мой! Поверни обратно! Ради меня! Ты – самое дорогое, что у меня было и есть! – закричал Пиримизель– Легия.

– Вы не должны жить! Ни ты, ни дед! – в ответ заорал Салидас, прыгая на существо с вытянутым вперед клинком. Две руки короля–принца поймали занесенный меч и, крутанув, отшвырнули его обладателя, словно мешок, на Пандус Лилии.

– Тогда, молю, убей меня, мой мальчик!

Затем, скрестив Честь Зеленого Королевства и Филириниль, существо, как ножницами, вспорол живот Лютерии. Свет Ураха не уберег магистра Ордена Милосердия – она упала и больше не шевелилась. Нас осталось трое – я, Салидас и Пиримизель– Легия. Сколько не противилось существо тому, что надо будет сойтись в битве с внуком– сыном, но выбирать ему уже не приходилось. Я и Салидас... Существо всеми фибрами души тянулось зарезать меня, но эльф был ближе. С воем отчаяния Пиримизель– Легия обрушил на Салидаса

катану и меч. Филириниль эльф поймал гардой клинка, а вот Честь Зеленого Королевства вскрыла ему доспех – из глубокой раны хлынула кровь.

– Не–е–ет! Это ты, человек, привел его сюда! Ты! Я чувствую это! Я насажу твою голову на свой меч! – иступлено закричал принц–король, и, как бык, понесся на меня...

Тот (те), кто противостоял мне – знал все военные хитрости и уловки, имел уникальную дуэльную сноровку и участвовал в таких масштабных баталиях, что мне даже и не снилось, но... Что– то надо было делать! Я не супер–ловкий парень, с Грешемом и рядом не стою, и тут, считаю, мне подсобила Вселенная. В последний момент я, присев на корточки и кувыркнувшись вперед, благополучно вывернулся из– под укола Чести Зеленого Королевства, «ног», «рук» и Филириниля и оказался подле тяжело дышащего Салидаса... Бам! Бам! Это катана и меч существа нанесли по Альдбригу два новых удара. Я был зажат и готовился «присоединиться к столу» Дурнбада и Альфонсо, но... Всегда есть это «но», правда? Иногда Зло, которое изнемогает от желания всю дорогу тебя уничтожить, по Воле Вселенной, по Ее Доброте и Милосердию, вопреки своей мерзкой сути, оборачивается причиной твоего спасения.

Лапа Дроторогора, что вела нас к Легии и его Филиринилю, наконец смогла вырваться из сумки Лютерии. Она накинута на лицо принца и проткнула ему глаза своими жуткими пальцами. Ухватившись за десницу Бога–Идола незанятыми руками, существо, размахивая Филиринилем и Честью Зеленого Королевства, попытался ее с себя сбросить. Эта заминка Пиримизля– Легиидала мне возможность еще раз снискать Расположение Мира Тьмы и занять в ладони заклинание Потустороннего Террора. Переместив его на Лик Эбенового Ужаса, я, удесатерив мощност своих чар, тут же выстрелил им. Напалм горячего пламени объял гомункула и лапу Дроторогора. Живой факел... Это – король–принц в Чертогах Клятвы... Предчувствуя скорую смерть, существо в роковой миг смогло победить Колдовство Захваша и совладать с наваждением Хрипохора, пытавшим его бессчётные тысячелетия. Умирая, они вновь стали сами собой –

королем Пиримизлем и принцем Легией. Король и принц альвов, несчастные, ослепленные, горемычные, уселись на колени, кое– как отодрали от себя клешню Дроторогора и пригвоздили ее Филиринилем. И тут из клинка Сирвиллы полился Свет. Тот могучий, всесжигающий Свет Добра и Небесного Трона Ураха, что способен выкорчевать и исторгнуть с Земли любую Тьму. Свет Филириниля буквально варил лапу Дроторогора в собственном соку...

– Я – король Зеленого Королевства! – властно сказал пожираемый пламенем Пиримизль.

– Я – принц Его! – вторил ему Легия.

– Ты, Дроторогор – демон и наш Худший Враг! Ты, отойдешь за Грань вместе с нами!

Лапа Бога–Идола билась в конвульсиях и металась, но Филириниль крепко держал ее, и ничто не заставило бы короля и принца ослабить их хватки. Так король–принц, окутанные пламенем Потустороннего Террора и сникли... А вместе с ними перестала существовать и культа Дроторогора. Она вспучилась отвратительными пузырями и под воздействием Филириниля, Его Света, обратилась в красный пепел и без остатка исчезла с лица земли... Так ей и пришел конец.

За всем за этим я не заметил, как Филиринилем досталось и мне. Боль, откуда ни возьмись, пронзила мне спину чуть повыше крестца. Смертельная ли рана? Думаю, да... Лужа крови – тому доказательство. Получается, мы все погибнем? Я, Настурция, Лютерия и Салидас? Филириниль... Распластавшись на полу, я смотрел как он сияет в почерневших руках Легии.

– Ну, вот и все, – промолвил мне в ухо Салидас. Его губы, красные и разбитые, дрожали.

– Я был так близко к...

Эльф натужно закашлялся и смолк.

Я прикрыл глаза...

... И если сломлен ты – не значит побежден

Любовь – Отца дыханье

Святой! Твой путь еще неполностью пройден

Отвадит Он твои страдания...

Кто это говорит? Я разлепил веки... Лютерия Айс – чрезвычайно бледная, но решительная, вся перепачканная кровью, с искрящимся кольцом Лики Всеотца, опиралась на Филириниль.

– Урах, Отец Небесный, Царь Царей и мой Господин! Я – магистр Ордена Милосердия, Лютерия Айс – всегда была Твоей! Сейчас я умоляю Тебя: дай мне выкупить своей жизнью жизни своих друзей... помоги исполнить Волю Твою – изгнать Дроторогора... Прими меня, но не забирай их!

Свет из Ликов Всеотца потек по Лютерии. Он стал заливаться ей в рану на животе и в сапоги. Он поднялся ей до горла и полился за шиворот. Магистр Ордена Милосердия превратилась в сияющий столп света. Лучи Лютерии – теплые, согревающие, мягкие, снизошли на меня и окутали одеялом Добра, заботы и исцеления. Я возродился, моя пропоротая кожа стягивалась, ссадины и синяки рассасывались...

В какой– то момент свечение Лютерии поглотило весь Чертог Клятвы. Когда свет потух, я смог подняться... Я был невредим... Настурция и Салидас так же, как и я, недоумевающе себя ощупывали, а Лютерия... Магистр Ордена Милосердия, более не была человеком. Она, как и в Тлеющей Чаще, превратилась в алебастровую статую. Я было облегченно вздохнул – чары рассеются, и Лютерия вновь станет самой собой, но... По каменному стану магистра прошла трещина...

Через секунду Лютерия Айс осыпалась белым крошевом. Лицо—маска взирала на меня с пола белыми бельмами каменных глаз...

Нет! Нет! Нет! Я бухнулся на карачки и уткнулся носом в алебастровые осколки.

Лютерия Айс – самая преданная из преданных последователей Всеотца, обменяла себя на нас. Магистр – полная альтруизма, деликатности, радушия, нежности и несгибаемой веры девушка, вскинувшая за всех нас жуткую ношу – тащить лапу Дроторогора, умерла. Ее самопожертвование –величайший пример сострадания к ближнему и безоговорочного заступничества Света перед Тьмой. У Лютерии получилось лучше и объемнее, чем у Серэнити, выхолить во мне такие «цветы», как жалость и всепрощение. Она взлелеяла во мне не просто уважение к Ураху как к Богу Света. Магистр смогла поставить для меня Всеотца на одну планку с Вселенной. Принять, что Урах и есть Вселенная. Что Он неотделим от Нее и тождествен Ей. Без лишнего пафоса я заявляю: Лютерия Айс, ты – мой друг. Я не могу не оправдать твою надежду на победу Добра над Злом. Обещаю тебе, что, когда настанет День, Филириниль в моей руке не дрогнет! Я выйду с ним против Дроторогора и Флейта! За тебя, за Альфонсо, за Дурнбада и за все Соединённое Королевство! Я подниму его с Урахом на устах! Во Имя тебя, Его и во славу Победы!

Лютерия, я буду безумно скучать по тебе... Люблю тебя, прощай...

Я встал и встретился глазами с Салидасом Аторэ.

– Для моих отца и деда – все кончено. Держи, он теперь твой, – промолвил эльф, протягивая мне Филириниль. – Пускай его лезвие, как и в былые эры, сеет панику и ужас среди врагов Зеленого и Соединенного Королевств.

– Спасибо, – только и смог выдавить из себя я.

Ко мне подошла Настурция, и я прижал ее к себе.

– Что сейчас будет? – спросила колдунья.

– Если Урах и Сирвилла, Мать Матерей наших, еще желают того, чтобы Тумиль'Инламэ родился заново, то я постараюсь сделать Это.

Салидас Аторэ приблизился к Пандусу Лилии и вложил в его почву Хиловису. Поначалу ничего не произошло, но потом... От Хиловисы к Пиримисе и Литиривисе, по иссохшей земляной корке, поползли серебрящиеся ниточки. Они расширялись и уже ленточками оплетали оскверненные Захвашем Элизии. Боясь пошевелиться, я наблюдал за тем, как под влиянием Хиловисы с Литиривисы и Пиримисы спадает красный туман, как они перестают звенеть и словно бы обновляются. Медленно– медленно, с Элизий Захваша сошла корка гниения, и ... о, Чудо! Все три Элизии расцвели и зарделись, как маленькие солнышки! От них к стволу Тумиль'Инламэ побежала энергия... Когда это случилось, все мотыльки с лампадками кинулись в корни, скрученные в канат. Облепленные эфемерными насекомыми, корни дернулись и принялись пульсировать!

– Быстрее! Бежим! – вне себя от волнения, крикнул Салидас.

Мы бросились к лестнице и по ней – вверх, вверх и вверх! В тронном зале Тумиль'Инламэ что– то творилось... Говоря себе так, я всегда подразумеваю что– то плохое, но сейчас – это было наоборот – хорошее, даже прекрасное! Ураграмма – «сердце» Всеотца и Дерева Жизни, вновь билось! Натужно, тяжело, со скрипом, но билось! Плача и смеясь одновременно, Салидас Аторэ опять возложил руки на топор Захваша, и в этот раз – он выдернул его! Болезнетворная опухоль, под названием Хрипохор, покинула Тумиль'Инламэ. Дерево Жизни преображалось прямо на глазах! Отовсюду потянулись листочки, запели фонтанчики, зазвенели ручьи, но что самое интересное и невероятно радостное – отовсюду послышался оживленный шум, – это эльфы, обездвиженные Заклинанием Захваша, сбросили с себя свою кору–тюрьму. Сотни и сотни альвов приходили в тронный зал, чтобы склониться передо мной, Настурцией и Салидасом Аторэ на колени...

Мои друзья и я, Калерб Шаттибраль, пробудили Тумиль'Инламэ и навсегда стали Его легендами.

Глава 36. Последний Совет

Как бы мне и Настурции не хотелось остаться в Тумиль'Инламэ хотя бы на день – долг перед Соединенным Королевством – для нас был и есть превыше всего. Мы должны вернуться в Ильварет как можно скорее! У нас с собой Филириниль, а значит, и надежда на спасение!

Салидас Аторэ – король возрожденного Тумиль'Инламэ, понимая, что нам надо спешить, спустя несколько часов после победы над Кабалистикой Захваша, собрал свой народ в тронном зале. Под биение Ураграммы – сердца Ураха и Дерева Жизни, под ясные взгляды тысяч глаз, под нежную музыку арф и цевниц, Салидас Аторэ провозгласил меня и Настурцию – Фиалковыми рыцарями. Так постановил король Кириан Летящая Стрела нарекать людей (не эльфов) Королевств, положивших свои жизни на благо Тумиль'Инламэ. За всю историю до меня и Настурции Фиалковыми рыцарями были названы лишь пятеро: Харальд Темный и Джоана Ливхамет – из Соединенного Королевства, Янтарь и Фалафель – мягкошерсты из Бархатных Королевств и Шеннон Ларвикин – заклинатель барабанных палочек из Королевства Бурунзия. Фиалковый рыцарь – это герой Зеленого Королевства. Быть им – величайшая честь. При возведении в чин король по традиции прикалывает к груди удостоенного аметистовую фиалку. От Фиалкового рыцаря не требуют никаких клятв – его свершения известны всем, клянутся сами эльфы – «читать, защищать, помогать». Фиалковый рыцарь для Зеленого Королевства – это лучший друг, родной и всегда желанный товарищ. Когда Салидас Аторэ сказал: «Нарекаю Калеба Шаттибрала и Настурцию Грэххольм Фиалковыми рыцарями Зеленого Королевства...» эльфы заплакали. Они осыпали нас в спешке собранными цветами, а потом подхватили и стали качать на руках – верх-вниз! Меня обнимали и целовали, хлопали по плечам и спине. Чувства переполняли меня! Мы с Настурцией были на седьмом небе от счастья! С этого «пиршества радости» начнется новая

страница прерванных летописей Тумиль'Инламэ! Но что еще более прекрасно, так это то, что вместе с эльфами в Мир возвратилось Источник Добра – Ураграмма, сердце Ураха – Бога Живого! Сейчас я стою возле Него, и мне очень–очень хорошо! Я смотрю на Ураграмму и думаю – Оно бьется, и с Ним, Этим «пульсом» мы, видящие Его, не умрем. С Ураграммой к нам вновь придет время сказок и чудес! Этот божественный артефакт Вселенской Мощи Своей деятельностью гармонизирует, смирят и облагораживает все вокруг! Пройдут годы или столетия, не знаю, и Ураграмма, я верю, по Желанию Ураха распространит свое влияние за пределы Тумиль'Инламэ и затопит всех нас Своим Теплом и Лаской. И тогда больше не будет войн, кровопролитий и смертей. Мы все сможем ощутить то, насколько сильна любовь Всеотца и, как ничтожна враждебность Назбраэля и Хрипыхора. Отдавая свои души Тьме, мы зачастую превозносимся над ближним в каких–то делах и успехах. Однако не стоит заблуждаться на этот счет. Вверение себя в лоно Греха и Его Упадничества – огромная ошибка, которая будет стоить нам чрезвычайно дорого! Тем, кто Его чтит, Назбраэль дает власть колдовства или одаривает богатством. А что потом? Бум–с, и ты в гробу! И Назбраэль взывает должок и утащит тебя в Мир Тьмы – край страданий, вечной боли и мук. Из Него для тебя не будет выхода. Все. «Загорай» на дыбе или предавайся распиливанню напополам каждые полчаса. И так до скончания времен! Заманчиво? Для меня – нет. Я часто приникаю к Миру Тьмы, ворожу из Него заклинания, беру у Назбраэля займы, закладывая Ему свою бессмертную душу. Я постараюсь бороться с таким положением вещей. Я хочу перемениться, исправиться. Ураграмма гонит по Тумиль'Инламэ животворящие эссенции, и я, наблюдая за этим, все больше и больше обретаю в себе Ураха. Теперь я четко осознаю: все слова Эмириус Клайн, касающиеся Черного Начала Всеотца – жуткая ложь. В Урахе нет ни капли Тьмы. Он Есть Свет. Я уповаю на Ураха, на Вселенную и на себя... Добро ниспровергнет Зло.

И все же... Даже в животворящем ареоле Ураграммы, я осязаю Ее Липкую Паутину. Рифф – Вседержитель, Восьмая из Колеса Девяносто Девяти не потерпит умаления Своей Роли в моей ничтожной жизни. Я – архонт, король Анкарахады, и Она, если мне случится зайти в своих верованиях за черту дозволенного, разорвет меня на куски...

Вседержители – Демиурги накладывают на меня Свои Права. Они предлагают мне, угрожают и обольщают, сулят, низводят и устанавливают... Как мне устоять в перипетиях Судьбы? Вселенная, ответь своему сыну?... Но ты молчишь... Всегда молчишь...

В Тумиль'Инламэ пробудилось множество эльфов – это великолепно! Но, что им есть? Таким вопросом мало бы кто задался, но только не я. Понятно, что альвы не умрут с голоду, однако накормить, пусть даже на первых порах население целого города–государства – задача не из легких. Поэтому, когда меня называли Фиалковым рыцарем, я вынул из сумки Скатерть «На любой вкус» и протянул ее Салидасу Аторэ.

– Она – твоя.

– Что это? – принимая волшебное покрывало, с любопытством спросил король Зеленого Королевства.

– Скатерть «На любой вкус». Она предоставит альвам столько пищи, сколько им будет необходимо.

– Я слышал про такие Скатерти. Они весьма драгоценны, – с благодарностью в голосе отозвался Салидас Аторэ. – Твой высоконравственный поступок еще раз подтверждает мне то, что я не зря окрестил тебя Фиалковым рыцарем. Я отдам тебе Скатерть, как только это будет возможно.

– А я тогда, как только уничтожу Дроторогора, ворочу тебе Филириниль. Это меч твоего отца Легии. Он должен быть при тебе.

– На том и договорились.

Предварительно запасшись провизией из «Скатерти», я и Настурция вышли из Тумиль'Инламэ. Я постарался запомнить этот миг. Ночь. Звезды. Расцветающий Тумиль'Инламэ... На отвороте моей мантии блестит аметистовое соцветие. Эльфы с фонариками и

лампадками, освещающие путь. Широко улыбающаяся Настурция и ветер... Ветер, теплый ветер, который сегодня перебирает наши волосы мягкими пальцами, сея в них пряности и медовые ароматы.

Я достал Кампри. Ну, не подведи! Через секунду из поросли выпрыгнул Юнивайн, и эльфы восторженно закричали. Я вскочил в седло и подал руку колдунье.

– Кaleb, Настурция, отныне и навсегда Зеленое Королевство – ваш Дом, – на прощание промолвил Салидас Аторэ. – И ваш Дом будет ждать и тосковать по вам так же, как родители скучают по своим чадам.

– Благослови, Вселенная, тебя и твой род, Салидас Аторэ! – воскликнула Настурция. – Я обязательно вернусь в Тумиль’Инламэ!

– И я! – добавил я.

– Тогда – до скорой встречи! – скрепил король Зеленого Королевства.

– Юнивайн! В Ильварет!

Призрачный конь встал на дыбы (чтобы не свалиться, Настурция схватилась на меня), а затем рванулся вперед. Как же мне не хватало моего друга! Поездка на нем – это запредельная скорость, такая, что все перед глазами смазывается в одно пятно, и путешествие без преград. Юнивайн без затруднений может скакать через реки, прыгать с обрывов и взбираться на крутые склоны. Призрачному коню неведома усталость. Наматывая мили и мили, он не теряет темпа и не нуждается в отдыхе.

Сейчас мы несемся по Великому Лесу обратно в провинцию Карак, в ее столицу Ильварет, к королеве Констанции Демей. Мы – Дурнбад, Альфонсо, Лютерия, Настурция и я исполнили свою клятву. Мы нашли меч... Еще рывок, и можно будет посмотреть своему

«страху в глаза». Дроторогор и Флейт. Для этого я родился? Чтобы, как Харальд и Легия, сразиться с Зиждителями Зла? Поживем–увидим...

На привале я упросил Юнивайна не покидать меня, приходить на зов до самого Ильварета. Он помотал своей призрачной гривой, побил копытом по траве, но все же ответил согласным ржанием. А что? У него своих обязанностей в Лесу Скорби, наверное, невпроворот. Но Юнивайн любит меня и поэтому не отказал мне.

Мы миновали Рыжую, а затем Гнилую. Где–то справа раскинуло свои воды озеро Кристальное Одиночество, а еще дальше курится дымом печных труб град–гора Шамсундоль. Лоргварзабараз, невылупившийся Браигиляр, малыш Джудассарвалингинион, Имиш и Амах Амπτу, все цирвады! Я обязательно навещу вас вновь, и наша встреча – мирная, спокойная и ничем не омраченная, позволит насладиться общими воспоминаниями и взаимным уважением друг к другу.

День сменялся днем, а ночь – ночью. Филириниль! У нас! При нас! Чтобы ненароком не сглазить того, что им можно достичь, мы почти не разговаривали о насущном. Боясь потерять зыбкую мечту на то, что все будет хорошо, я частенько придавался иным думам. И почти всегда они были окрашены в черные тона. Я горевал об Альфонсо, Лютерии и Дурнбаде, предвещал поединок за Корону Света и поджидал Привратника с Волеизъявлением Рифф. А как же Эмилия?! Я обязан отыскать ее! Как для защиты от Эмириус Клайн, так и для того, чтобы найти Светочь. А чтобы отыскать осколки Светочи, мне необходимо еще выловить этого Бингса Флаерса и передать ему приветик от Безымянного, пырнуть спицей Гадюкой. Тогда тролль из «Анонимного Дельц»а поднимет свои «сомнительные связи» и, так статья, поведаст о Светочи что–то конкретное. А когда мне гоняться за Бингсом Флаерсом? Надеюсь, что Сол’Фимитриэль – для друзей Софи, суккуб, поможет мне взять след этого более, чем вертлявого мага. Хм? А как мне найти саму Софи? Ну, тут проблем не будем – ритуалом Мира Тьмы. Расчерчу пентаграмму, зажгу свечи и вуаля...

Еще было бы неплохо зачеркнуть и другие пункты в списке «сегодня–завтра–послезавтра»: попасть в Зарамзарат, чтобы передать Дунабару последний привет его сына и кольцо Буля Золотобородого, освободить Ригель от ворожбы Ярванги – вынуть его из опостылевшей бутылки, а уже потом проверить все ли нормально у Лешпри Хельберта и возобновить обучение Грешема. А еще Живая Вода Серэнити, Междоусобная война Соединенного Королевства – Констанция Демей против Гильберта Энтибора, спасение принца Фабиана из застенков Вестмарки – это вообще первоочередное...

Как же мне опостылели эти проблемы и их очереди! Когда я уже усядусь в кресло под крышей Шато? Книга на коленях, на тумбочке горячий кофе, за окном дождь и меланхолия, Снурф сопит под шкафом – это моя идиллия. Я – старый маг и искатель приключений, прошедший столько дорог, сколько многим даже и не снилось. Но больше всего я люблю уют и покой, Веселые Поганки – свой край родной и свой замок, что высится у берегов Моря Призраков. Я лелею в себе желание заставить Шато в целости, а его обитателей – в сохранности. Птикаль, Марципан, Суптона, Тина, Катуб, Пимин Бои – только бы вы не погибли... Только бы вы были живы, ведь вы – мои, а я – ваш...

А что же Настурция? Ее лицо то и дело озарялось загадочной улыбкой. Колдунья смотрела на меня, и мне казалось, что она что-то хочет мне рассказать. О себе? О сестре? О ком-то, мне знакомом? Ее глаза – зеленые изумруды часто задерживались на мне. Иногда она открывала рот, чтобы что-то произнести, а потом всё равно молчала и опять улыбалась. Как будто колдунья всем сердцем сдерживалась, чтобы раньше времени не выдать какой-то очень важный секрет. О чем он? Настурция вручила мне ключ-дельфин от комнаты в Грэхелькхоме... Связана ли ее кротость и ее тайна с ним? Сестра-близнец Эмилии спустя сотни лет холода и отстраненности, вновь сблизилась со мной. Я безмерно рад этому. Она изумительная девушка и надежный друг. В мое душе всегда есть место для нее.

Неделя и дальше... Юнивайн все бежал по равнине, а там, на горизонте, темнела цитадель Джеда Хартблада. Я сразу признал в

гигантских башнях, парапетах и бастионах осанку Килкваги. Тут, где-то поблизости, стоит Мил'Саак – башня Милтара Бризза, ученика Джеда Хартблада. Милтар Бризз погиб от Людвирбинга Эмилии, а мне достался его посох – Лик Эбенового Ужаса. Приобретение оказалось шикарным! Также в той или может быть в этой стороне, Эмириус Клайн отбила нас от живорезов, потом с небес спустился «костяной кошмар» – Фарганорф. Дракон-лич перенес нас в Килгвагу. Там, вместе с ним, я вошел в Гамбус и смог выполнить Завет Ураха – Пророчество Полного Круга, уничтожившее Тауруса Красного Палача – командира бесовских легионов Десницы Девяносто Девяти Спиц.

Я помотал головой – нет, сейчас, дракона-лича нигде не было видно...

Мне вспомнился Налъд, находящийся где-то неподалеку, и его оборотни-заключенные – Элми, Илва и Комодриан – хитрый жрец-волк. Я вытравил из Налъда хищный дух ликантропии и вернул его людям утерянную свободу. Как давно это было? Мне кажется, что годы и годы назад... Но нет, прошли всего лишь месяцы.

А Юнивайн все мчал и мчал...

В Великом Лесу есть отдельные горы. Многие из них такие же высокие, как кряжи в Горах Заботы или в Будугае. Только они не лысые, а поросшие неприхотливыми кустарниками и мхами. Нынче на закате, Юнивайн, как и прежде не зная утомления, гарцевал вверх по склону. Ему все равно – подъем это или низина. На пути к цели он проскачет где угодно. Юнивайн забирался на вершину довольно долго. Когда он, наконец, остановился на покатом плато, чтобы мы устроились на ночлег, я, встав на край обрыва, увидел, насколько внизу все крошечное.

Первой дежурила Настурция, потом я. Хотя кто на этой недостижимой круче нас потревожит?... Улегшись, я сразу уснул. Вселенная, какое облегчение, когда ты не боишься того, что во сне к тебе может явиться своенравный и очень эксцентричный гость по имени Укулукулун!

Почти перед самым рассветом, меня разбудила Настурция. Я пожурил ее, что она «прокуковала» больше, нежели уговаривались, и сел на ее место под дерево. Ну, вот зачем колдунья так? Я, значит, дрыхс без задних ног, а она, бедняга, стерегла меня. Теперь ей осталось спать часа полтора. Восток! На восток! Быстрее к Ильварету!... Ай, ладно, подниму ее попозже.

Что-то негромко хлопнуло.

Я обернулся...

Из портала-червоточины, разверзшегося в пяти футах от меня, вышли трое мужчин и три женщины. В черных облегающих доспехах, с кликами и щитами, с арбалетами... Все молодые, все с красными очами – вампиры... Я дернул Настурцию и та, мигом проснувшись, призвала Клюкву. Между тем из портала показался еще кое-кто. Его я уже имел честь знать – приземистый, с бородкой-лопаткой, в мантии, усыпанной замысловатыми рунами, то был Ингри Звездный Плащ, придворный маг Шальха, продавшийся Вестмарке. Это он привел в королевский замок Блюдера Рови – жреца Аспида-Хаттона, загипнотизировавшего Фабиана на убийство своего отца – Вильгельма Темного. Короче, Ингри – парень так себе.

Лик Эбенового Ужаса и Альдбриг заняли боевое положение, а вампиры подняли свои арбалеты.

– Калев Шаттибраль, – отвесив мне короткий поклон, промолвил Ингри Звездный Плащ. – Рад встрече.

– А я – нет! Как ты нашел меня?!

– Ну! Ты же не думаешь, что ты один такой вот весь самый умный? – хмыкнул Ингри, небрежно поигрывая волшебным жезлом. – Как я мог позволить себе упустить тебя из виду? Ты даровитый колдун – важная и опасная фишка на шахматной доске. И сейчас ты это еще раз подтвердил – завладел Филиринилем.

– И что?

– Отвечаю на твой первый вопрос – если ты помнишь, когда ты зимой попал в Шальх, то тебя в бессознательном состоянии доставили не к королеве Элизабет, но в палаты инквизиции. Серэнити «занялась» тобой, а я, под предлогом – «опасные тут штуки всякие, наверно, нужно их проверить на предмет черной магии», взялся посмотреть твои вещи. Я вошел в твою сумку пуговицу–ориентир. Весь год она безошибочно указывала мне, где ты бродишь–ходишь. Погляди, пуговка, там, с обратной стороны, – у застёжки.

В недоумении я снял с плеча котомку и воззрился на то место, на которое указал Ингри. Действительно, под одной из заплаток, которых так много на моей кожаной спутнице, была пришита незнакомая мне синяя пуговка. Я впился в нее пальцами, оторвал и выкинул.

– Радикально. Однако она свое уже отслужила сполна, – усмехнулся колдун–предатель. – Второй твой вопрос «и что?», который можно перефразировать так – «зачем ты, Ингри, явился и, причем тут упомянутый тобой Филириниль?» Все просто, Калев. Мудрый Вальгард Флейт, в отличие от тупорылого Дроторогора, всегда умел распознать, а потом привлечь выгодных ему людей. Глава ковена Порхающей Ночи, посадник Зинат Альфадаха и владыка всей Вестмарки Вальгард Флейт предлагает тебе примкнуть к «его семье».

– Стать вампиром? – опешил я.

Ингри улыбнулся во весь рот, продемонстрировав мне два клыка.

– Заманчиво? Еще бы! Столько плюсов! Бессмертие! Неувядающий разум! Сила! Но не так быстро, Калев, не так быстро! Король Вальгард Флейт говорит: ты удостоишься этих наград только после того, как докажешь свою преданность – отдашь ему Филириниль. О, Калев! Это же такая мелочь, правда? Какой–то плешивый меч какого–то хилого эльфа! Что он, по сути? Тьфу! Взамен его ты получишь все то, о чем я сказал! И еще! Еще небывалую власть!

Ты возвысишься над всеми людьми всех Королевств! Владыка Вестмарки лично обратит тебя вампиром!

– Значит, Флейт решил, что может купить меня обещаниями могущества?

– Для тебя и для всех – король Вальгард Флейт, – поправил меня Ингри. – Владыка Вестмарки долго следил за тобой. Он знает, что ты всегда правильно оцениваешь ту или иную ситуацию. А какова она здесь? Две стороны и два выбора – остаться с дурочкой Констанцией Демей, потерявшей авторитет на своих землях или открыть дверь, ведущую к славе и совершенству, в Вестмарку! Согласись, тут очевиднее не придумашь. Корабль под названием «Соединенное Королевство» идет ко дну. Так? Но тебе–то зачем тонуть вместе с ним? Ведь тебя зовет взойти на борт флагман всех морей – Вестмарка! О, да, король Вальгард Флейт, как и прежде, видит яркие таланты! Он отделяет их от массы, пестует и взращивает! Когда эта докучливая дрязга с Дроторогором закончится и Корона Тьмы окажется на челе короля Вальгарда Флейта, он примется обучать тебя всему, что ведает в магии сам, а это, поверь, совсем не детские фокусы – твои или мои. Это истинная, черная месса – запредельная и непознанная! Калев, я видел, каков король Вестмарки! Одним своим взглядом он обращает камни в пыль или вырывает им души! И ты так тоже сможешь!

– А ты?

– Под патронажем короля Вальгарда Флейта я вырос стократ!

Я задумчиво закусил губу.

– Как же Настурция?

– Что?! Калев?! Ты что? Торгуешься за меня с этим вырожденком?! – не веря в то, что слышит, воскликнула колдунья Ильварета.

– Он ней речи не шло, – рассмеялся Ингри Звездный Плащ. – Но если эта сладкая конфетка тебе нравится, ты можешь оставить ее подле

себя. Пусть она тебя забавляет.

Маг–предатель сделал шаг ко мне и протянул руку.

– Отдай мне Филириниль и тогда для тебя начнется восхождение к триумфу!

Я уже как несколько минут держал Лик Эбенового Ужаса заряженным Цепной Молнией.

– В отличие от тебя, растленной Тьмой тварью, я никогда не опущусь до измены Соединенному Королевству и продажи своих друзей! – крикнул я, замахиваясь посохом.

Лик Эбенового Ужаса высвободил заклинание, но оно не попало в Ингри. За секунду до своей скоростижной гибели, маг телепортировался тремя футами левее меня. Однако Цепная Молния все же нашла свои цели – три вампира попали под электрические дуги и превратились в пепел.

– Болван! Я заберу Филириниль с твоего бездыханного труп! Потом воскрешу его и поставлю на службу королю Вальгарду! – завопил в ответ Ингри Звездный плащ, посылая из жезла восемь магических сгустков энергии.

Бум! Бум! Бум! Сгустки стукнулись о защитное поле. выставленное Настурцией Грэкхольм. Пшт! Пшт! Пшт! – запели арбалеты. Один болт угодил точно в Лик Эбенового Ужаса, второй просвистел мимо, а третий процарапал мне ухо! Зараза! Не надо так с моими ушами!

Вампиры отложили арбалеты и кинулись нас – два на меня, один на Настурцию. Зря они так преуменьшали ее важность. Колдунья не лыком шита! Что она и доказала спустя мгновение. Отразив новую атаку грязно ругающегося Ингри (я себе таких слов при дамах никогда не позволяю!), Настурция, воздев Клюкву вверх, насадила на нее кувыркнувшегося вампира. Этот кровосос, делая пирует с мечом

наизготовку, предположил, что если на колдунью вот так, нахрапом наскочить, то она запаникует, растеряется и погибнет. Но нет – пришибли его. Я заблокировал клинок первого вампира Альдбригом, а второго Ликом Эбенового Ужаса. Пригнулся, перекатился к Настурции, вновь свел оружие с вампирами и изверг из посоха Огненный» шквал. Кровососы отшатнулись и зашипели. Что змеи!

– Хватит этой ерунды! – завопил Ингри, двумя руками стискивая свой жезл.

Сизый луч из жезла вперился в магический Щит колдуньи. Настурция выдержала натиск, но провести контратаку не смогла – выдохлась. Этим и воспользовался Ингри. Понимая, что у него есть в запасе всего две–три секунды до того, как подступы к колдунье станут опасными, он резко подпрыгнул и ударил Настурцию ногой в грудь. Колдунья охнула и полетела в пропасть... В бешенстве я обезглавил ближайшего вампира Альдбригом, затем Ликом Эбенового Ужаса буквально взорвал другого кровососа – это Мир Тьмы уже привычно влил в меня силу Своего Хозяина Назбразя. Отпихнув подбирающегося ко мне Ингри, я посмотрел вниз... Настурция – малюсенькая, как кукла все еще падала... Затем я увидел то, что заставило меня закричать от горя. Настурция ударилась головой об выпирающую скалу, сложилась пополам и уже обмякшая забарабанила о прочие каменные выступы... Она погибла ... Погибла! Вжух! Это Юнивайн, до этого где–то блуждающий по горе, спрыгнул вслед за Настурцией... Что же... Теперь все четыре друга, отправившихся со мной за Филиринилем, отошли в Мир Света...

Я переключил свое внимание на Ингри. Видимо моя физиономия была такой зверской, что маг–предатель неосознанно попятился.

– За то, что ты сделал. За то, что ты стал причиной смерти Настурции Грэкхольм, я не пощажу тебя, – сказал я, медленно приближаясь к Ингри Звездному Плащу.

– А я и не прошу тебя ни о каком милосердии! Это ты должен умолять меня о нем! – взъярился Ингри, выворачивая колдовской жезл

под неестественным углом.

Ингри запустил в меня Ледяной Волной. Это заклинание захватывает площадь примерно пять на пять футов. На пяточке сражения я не смог уклониться, и оно настигло меня. Страшный холод проморозил меня до костей. Парализованный, я завалился на бок, а Ингри, предвкушая победу, издевательски расхохотался. Он пнул меня под ребра, потом еще и еще раз. Магу–предателю понравилось это занятие, и он отдался ему без остатка. Ингри дубасил меня, пока окончательно не утомился (уже старик все же). Он утер вспотевший лоб ладонью и стал празднично пялиться куда–то поверх меня, попутно накаляя свой жезл для последнего смертоносного заклинания. Меня же никакие «вдохновения» не посещали. Моя рука обрела некую подвижность, и я залез ею в сумку. Я искал пузырек... Ага, ты или не ты... Время рассматривать, что вытяну – нет. Удача, я полагаюсь на тебя!

– Калев Шаттибраль, король Вальгард Флейт, смею заметить, был слишком большого мнения о тебе. Вот он ты, тряпка кисельная, и ты сейчас умрешь. Хочешь что–нибудь сказать мне напоследок? – осведомился Ингри Звездный Плащ, обращая на меня глаза и наставляя жезл.

– Катись ты к троллю в зад! – крикнул я, швыряя в мага–предателя Молнией.

Как я смог переиграть переигрования Ингри Звездного Плаща? Вся соль в том, что мне повезло – я вытащил из сумки зелье Ирен Пипии – Защита от элемента мороза. Я выпил его и эффект Ледяной Волны сошел на нет. Пока Ингри любовался рассветом, раздумывая, как поинтереснее меня уколошить, я сумел сконцентрироваться, ну и развеять мага–предателя по долам Великого Леса.

В прострации я вновь открыл сумку и вынул из нее четыре бутылочки Ирен Пипии. Одну я не удержал и «Защита от элемента молнии» разбилась об твердь. Как и Настурция, мигнуло в моей голове. Мне хотелось выть, и я не стал себя сдерживать. Я истошно,

словно раненое животное, закричал, выплескивая из себя боль утраты. Откупорив «Для силы духа», я выпил настойку одним глотком. По моим венам растеклись покой и умиротворенность. Нет, я не перестал горевать о Настурции, просто эликсир позволил мне принять тот факт, что она... она...

Показался Юнивайн. Я попросил его отвезти меня туда, где окончились дни Настурции. Призрачный конь потоптался, а затем спустил меня к подножию горы. Он остановился у кромки худощавой, но шустрой реки. Тело не сыщешь. Настурцию унесло – куда... Куда, одной Вселенной теперь известно. Может, так и лучше? «Я – это вода» – сказала мне однажды Настурция. Ты права, моя дорогая, ты – вода. Ты была жизнью для многих и многих людей. Твоими стараниями и твоей работой Карак был защищен, а Ильварет не засыпал на голодный желудок. Сколько нищих, ежедневно кормящихся в твоей столовой «Ешь бесплатно» на улице Лютинной, сейчас бы зарыдало, узнай, что ты погибла? Сотни. А сколько детей и подростков, живущих в твоём приюте «Ладони Тепла», ныне потеряли свою маму? Единственную женщину, которая о них заботилась – сколько их? Настурция – ты не только утрата моя или Эмилии, ты, благотворительница и покровительница, потеря всего Соединенного Королевства. Мое уважение к тебе как к личности и как к подруге – выше кряжей Будугая. Настурция – ты эталон женской храбрости, стойкости и сердечной, почти девичьей заботы. Из моих глаз бегут слезы. Настурция, я говорю тебе за всех нас: «Спасибо за то, что ты была в наших жизнях. Мы не забудем тебя никогда. Покойся с миром, Фиалковый рыцарь. Прощай, прекрасная колдунья Ильварета. Моя подруга...»

Я кинул пригоршню гальки в русло безымянной речки и взобрался на Юнивайна...

В последующую неделю, хорошо хоть, что ухо не загноилось, у меня было много времени для того, чтобы уложить визит Ингри Звездного Плаща в определенную нишу своего разума. Придворный маг Шальха оказался куда хитрее, чем я о нем думал. Он и его владыка Вальгард Флейт не выпускали меня из виду. Скорее всего, по началу

коронованный вампир повелел Ингри зацепить на меня «сигнальный маячок» ради того, чтобы просто держать все под контролем. Но потом я проявил некую выдержку перед опасностями, поспособствовал исполнению Пророчеству Полного Круга и в довершении всего – пошел за Филиринилем. Тут внимание Вальгарда Флейта обострилось. Уверен, что его меч, какой бы он ни был, тоже в силах проткнуть Дроторогора и потому почему бы не занять запасной вариант? Филириниль – козырь в рукаве. Когда он заболтался у меня на бедре, Вальгард Флейт пришел к выводу: «А этот Шаттибраль не так уж бесполезен. Возьму его под свое крыло, а если откажется, не велика беда – отдам зазнайку стервятникам на съеденье – Филириниль так и так будет мой». Вышло все иначе, а, король Вестмарки? Мир Тьмы схлопотал твой Ингри Звездный Плащ. Может его уже жарит на костре Плайма Осквернительница или мучает Таккилад'Ан'Халад. Хотя, держу пари, что ты не шибко расстроился тому, что Ингри перестал дышать. Ты хмыкнул – он всего лишь человек, расходный материал. В этом вся твоя тлетворная природа. Ты – древнее Зло, и потому должен быть сокрушен.

Юнивайн вильнул куда-то в бок, пробежался по болотцу и затормозил на островке, который как вишенка на торте, пучился из мутной жижи. Так как сюда вряд ли бы забрались живорезы, призрачный конь решил, что тут я смогу отдохнуть. Он дал мне с себя слезть, а сам потрусил куда-то за опушку.

Я растянул свой плащ на песочке, после чего лег на него. Вокруг жужжали стрекозы. Пахло илом и перегноем. Из Тумиль'Инламэ я прихватил с собой бутылку вина и тару банок кофе – сокровище, потому что стекло тяжелое и в путешествие сто пинт разных напитков не возьмешь. Это раньше со Скатертью «На любой вкус» о еде беспокоиться не приходились... Теперь я рачительно делю свой рацион на приемлемые порции.

Вино или кофе? Пускай будет кофе. Я откупорил пробку...

– Ква!

Из зарослей бурьяна на меня глядела гигантская оливковая жаба с черными крапинками на подбородке и лапках. Она была размером с поросенка!

– Ква! – квакнул я ей в ответ и помахал перчаткой.

– Не откажите в любезности, ква, угостить меня вашим чудесным напитком? Ква?

– Ты разговариваешь! – опешил я.

– Ква? Ну да, сударь, меня, брата и нашего с братом друга научил вашей речи один странствующий маг. Ква.

– Это интересно!

– Так «квак» на счет моей просьбы, сударь? Я люблю кофе. Это же оно так пахнет! Я угадаю его, ква, везде!

– Это тот маг дал тебе его попробовать? – с улыбкой спросил я.

– Ква, – подтвердила жаба.

Я налил кофе в свой походный стаканчик и передал моему собеседнику. Жаба осторожно обхватила стаканчик перепончатой лапкой, после чего сразу вылила половину его содержимого себе в рот.

– Ква–а–а–а–ак вкусно! – закатывая миндалевидные глаза, возвестила жаба. – Спасибо, добрый человек!

– У тебя есть имя? – полюбопытствовал я.

– Есть, – гордо отозвалась жаба. – Маг назвал меня Островский!

– Почему? – сдерживая улыбку, спросил я.

– Как почему? Очень даже очевидно! Ква! Потому что я живу на этом острове! Я – Островский и брат мой Островский, только я – Квакуша Островский, а брат – Мыша Островский, а друг наш, хоть и тоже с нами тут живет – не Островский. Ква? Налей, сударь любезный, мне, пожалуйста, еще кофе? Ква?

Я подлил жабе кофе, а затем уселся напротив нее. Сражения, опасности и невзгоды – мои неотлучные спутники и хорошо хоть ненадолго покинуть их «компанию» и побывать в обществе такой интересной жабы. Окунуться в ту позабытую бытность, когда обычный разговор по душам, пусть даже с таким необычным существом, о всяких мелочах, таких как: погода или сбор урожая – являлись для меня нормой и потребностью.

– Квакуша, ты – Островский и брат твой Мыша – тоже Островский, не понимаю, из-за чего ваш товарищ тогда не Островский. Вы же тут вдвоем на острове обитаете?

– Ква! – подтвердила жаба. – Маг, когда увеличивал нас всех в объеме, сказал: – «Ты, Квакуша, Островский, ты тоже, Мыша, Островский, а ты, Квоша, не Островский, ты будешь Симпапулькинс, потому что мне нравятся квоки».

– Так-так-так! – я поднял палец вверх. – Если ты Квакуша – жаба, то Мыша – крыса или лемминг, а Квоша – это квока, все правильно? Квока или короткохвостое кенгуру... Ну, маленькое животное, с сумкой на брюшке. Верно?

– Ква? Квоша такой же большой, как я или мой брат Мыша, и у него действительно есть «шерстяной карман» на животе. Ква! А кофе закончилось?

– Ты все выпил, Квакуша, – рассмеялся я.

– Есть еще? Ква?

– Нету.

– Очень жаль.

Островский поник и сложил лапки на одутловатом животе.

– Что тогда у тебя есть, сударь? В той бутылке у тебя что? Ква?

– Ты немножко наглый, да? Я же тебя уже угостил. Все, хватит.

– Квааа! Я не наглый, нет, но я чуть–чуть зажимистый, – печально сказал Квакуша. – Сознаюсь, я выпил весь твой кофе, но оно не попало ко мне в желудок. Кофе все еще у меня под щеками. Но, ква, я бы хотел запастись им еще. Пойми, добрый человек, я бы проглотил все кофе Великого Леса. Ква?

– Ха–ха! Ну, ты и фрукт! Вот так вот честно и признаешься в этом? А дарить ты любишь или только брать и не отдавать?

– Прижимистый – ква, но честный тоже – ква! – отозвался Квакуша. – Я бы поделился с тобой своими стрекозами. Правда, вдруг ты тоже их обожаешь, квак я кофе? Но я не могу себе этого позволить! Я коплю сто стрекоз на то, чтобы устроить пир для себя, брата Мыши и друга Квоши. А так я точно дал бы тебе три или четыре стрекозки – мне не жалко. Ква!

– Какая щедрость! – откупоривая бутылку вина, улыбнулся я. – То есть ты живешь по принципу «сделаю добро, когда у меня будут на это средства». То есть в каком–то будущем?

– У меня просто нет лишнего, – проквакал Квакуша. – Я прыгаю, иду или лежу по направлению к своей мечте!

– А когда ты ее достигнешь, то что?

– Ква?

– Ну, задашь ты пир, а дальше–то, какая мечта у тебя будет? Та же самая – вновь попить? Или другая?

Жаба распластался на песочке и, полизав языком кофейные капельки в стакане, кванул:

– В Великом Лесу мало увеселений. Скучно! Я хочу открыть какой–нибудь аттракцион для детенышей белок или бурундуков. Например, вращающееся колесо, в котором можно будет бегать без остановки или стрелять из рогатки орехами по грязевым мишеням–гоблинам! Ква! А еще! А еще! Ква! Я бы был рад построить первую кофейню в Великом Лесу! Знаешь ли, до такого еще никто не додумался! Только я! Ква! А платили бы мне все стрекозками. Ква! Они вкусные!

Это вино мне так по голове дало, или Квакуша действительно сейчас упомянул кофейню и аттракцион»?

– Но ты же сам выхлебаешь все кофе в своей кофейне! Ха–ха–ха! Так, подожди, не обращай на меня внимания...– давась от удивления и смеха, сказал я. – Хмр! Как же ты назовешь свою кофейню?

– «Радость Момента»! Твак! – горделиво ответил Квакуша.

– Ты самый необычный «жаб», которого я когда–либо встречал! – честно сказал я, прикладываясь к горлышку бутылки.

– Спасибо! Ква!

– Сколько же ты уже собрал стрекозок на пир?

– Двадцать две!

– Выделишь мне одну? – решил пошутить я.

– Нет! Ква!

– Но я же налил тебе кофе! Почему ты жадничаешь?

– Все, наверное, из детства, – поник Квакуша. – В нашей семье всегда было мало стрекоз на завтрак, обед и ужин.

– Почему? Вон их, сколько тут летает! – воскликнул я, а потом добавил: – Ты просто ленивый, да, Квакуша? Каждодневная добыча насекомых – это не твое?

– Ква! – подтвердил Квакуша. – Я пробовал! Это утомительно!

Я захмелел и оттого пустился в нравоучения:

– Ты предпочитаешь, чтобы мошки сами к тебе порхали в лапки? Квакуша, это так «не работает». К этому надо прилагать усилия. Тогда и пир организовать получится, и Квошу–друга попотчевать, и брата Мышу тоже. Хрустальные замки мечтаний – это одно, а реальность – совсем другое.

– Ква–а–а–а–а! – согласно квакнул жаба. – Все так! Но потом!

Я вздохнул и сменил тему:

– У тебя есть брат Мыша.

– Ква! Он бард!

– Прямо бард?

– Квак! Мыша поет и бренчит на домре. Он стремится стать известным, но пока у него это не получается! Ква! Может картавость мешает, ква, или слишком «большой талант»! На выступления Мыши ходим только мы с Квошей да еще пару сусликов.

– Чем же занимается Квоша? О нем ты еще толком не упоминал.

– Он много трудится – собирает ягоды, запасает мед и сочиняет стихи. Он иногда дает нам с братом Мышей займы стрекозку или клубничку. Ква! Квоша добрый! Он тоже хочет, чтобы его сочинения прославились в Великом Лесу, но Мыша считает, что это невозможно.

– Почему?

– Не знаю, – развел лапы в сторону жаб. – Может, он завидует Квоше? Ква? Один Квошин стих недавно снискал маленькую, ква, популярность! Кое–кто в Великом Лесу даже стал фанатом Квоши.

– И Мыша злится на это?

– Ква!

– Квоша мне приятен. Я не знаком с ним, но то, что он не пребывает в творческой праздности, как твой брат или в грезах о «соточке» стрекозок, как ты, говорит о его прагматичных взглядах на жизнь и свободе от гедонизма, как философии в целом. Вы, Островские, тоже хорошие, но Симпапулькине не сидит на хвосте ровно и не возлагает надежды на случайно упавшее с неба богатство.

– Ква? Гедонизм? Что это?

– Этическое мировоззрение, утверждающее, что удовольствие и наслаждение – есть высшее благо и только этим стоит жить.

– Ква! Однозначно!

– Что?

– Стоит жить! – мудро квакнул Квакуша Островский.

– С этим не поспоришь! – кивнул я, заваливаясь спать.

Проснулся я с больной головой и привкусом какой–то гадости во рту. Может мне этот Квакуша приснился? Почему бы и нет. Такое

бывает, когда переутомишься, всякие полуночные видения.

Я наскоро умылся, скудно перекусил и влез в седло Юнивайна... Если все-таки Квакуша, Мыша и Квоша существуют, то пусть у них все сложится хорошо! Вселенная, я желаю этого!

Прошли еще не одни сутки, прежде чем я вырвался из куш Великого Леса. Юнивайн рысью побежал по травянистому полю, а я, впервые за долгое время, смог хоть немного расслабиться – обитель живорезов, наконец, осталась позади.

Мы скакали и скакали... Изредка, когда призрачный конь сбавлял темп, я видел сожженные избы и хибары, пепелища и груды гниющих трупов – как людей, так и живорезов. Здесь прошел Дороторогор и его Хрипохор...

Роуч, возведённый на Криде в стародавние годы, был полностью разрушен. Успели ли его жители спастись в глубине Криды – в капище древней расы галанов и захватчиков н'гарини, или их всех предали мечу? Шилли, друг мой... Твой Кулуат Хель – красивое и уютное поместье есть теперь только в моих воспоминаниях. Дина, Лешпри, Хельберты, я бы все отдал, чтобы только вы не погибли! Сейчас я кусаю кулак до крови, но не могу свернуть со своего пути и узнать – как вы... Энтони Фришлоу, бургомистр-крючкотвор, тебя мне тоже жалко... всех вас...

Все вперед и вперед на Юнивайне...

Осприс мне проезжать не пришлось – призрачный конь взял куда-то в сторону от Змейчатого Тракта...

Ильварет! Я возвращаюсь с Филиринилем!

Грозный, неприступный город – столица и житница Карака, по-прежнему реял собственными стягами кабана и королевского Дома!

Я буквально ворвался в его ворота Одичалый, далее промчался по площади Союза, лишь мелком кинув взор на часы Гонг Дракона, смастеренные Щидом Вало, миновал парк из Ририй – раскидистых деревьев с ветками–руками, перемахнул через мост, покрывающий Туманную Пляску, вильнул в проулок за Ноклиданом – таинственной библиотекой и единым разом проскочил все порожки лестницы Тысяча и Одна. Отпустив Юнивайна в Лес Скорби, предварительно от всего сердца поблагодарив его за помощь, я зашел в «Гордость Вара». Стража пропустила – меня узнали. Размашисто шагая по вестибюлю замка, я почти сразу поймал дворецкого, который сообщил мне, где сейчас находится королева. Я поднялся на два этажа выше и перешел в Храмовое крыло замка. Там я отыскал часовню Ураха. Грязный, запыленный, в рваной одежде, пропитанной потом и кровью, я переступил порог священной обители Всеотца. Констанция Демей (одна) стояла на коленях и молилась перед гигантской статуей Бога Света.

– Услышь, меня, Отец, услышь, услышь, пожалуйста, услышь... – шептала королева.

– Он слышит Вас, Ваше Величество, – тихо сказал я, становясь за спиной Констанции Демей.

Королева медленно повернулась и в ошеломлении закрыла рукой рот. Я опустился рядом с ней и положил у ее ног Филириниль.

– Я исполнил Клятву.

– Всеотец наш Небесный... – только и сказала Констанция Демей, беря в руки меч Легии. Потом она собралась, но все же с глазами полными слез, спросила:

– Остальные?

– Я – теперь единственный, Ваше Величество...

– Расскажите мне все, мастер Калеп...

Мы уселись на скамейку у ризницы. Под колыхание свечного пламени, переливы света, проникающего сквозь слюдяные окошки, и отдаленные птичьи крики, я поведал королеве Соединенного Королевства все то, что с нами приключилось после того, как мы дали ей присягу – умереть или вернуться с Филиринилем. Констанция Демей ни разу не перебила меня, и только прикладывала к глазам платок, когда я четыре раза сказал: «погиб (погибла), герой»...

Когда я закончил говорить, взяла слово королева. Ее новости для меня были таковы:

Дроторогор, выйдя из Великого Леса, выжег половину Карака и добрался до Плавеня. Там он предал огню Новорис и забрал из его хранилища Тигровый Глаз Вилисивиликса. Обрато в Великий Лес Бог–Идол той же дорогой, что изначально шел, возвратился совсем недавно. Отчаянное сопротивление Карака затормозило движение Дроторогора и сократило его армию, как минимум, на две трети. В сражении с Богом–Идолом погиб Лодли Щавелевые Щеки – генерал западной оконечности Карака и командор крепости Ортхеймова Падь, а с ним еще тридцать тысяч таких же смельчаков, как и они. Их жизни купили нам столь необходимое время – помогли добыть Филириниль. Ведь если бы не витязи Карака, вставшие на пути у Бога–Идола, не совершили свой ратный подвиг, Дроторогор давным–давно бы воротился в Великий Лес, а там... Отсеченная Рука, как пить дать, притянула бы его к себе... И никакого Филириниля. Ничего. Дроторогор отыскал бы Тысячелетний Гром, где и вковал бы в свою половину Короны Света Тигровый Глаз Вилисивиликса... И пришел бы тогда на Твердь Юкцфернанодон – Вседержитель Хаоса... Нужно ли говорить о последствиях такого расклада? Пока у нас еще есть шанс... Еще есть!

Это, что касается Хрипохора.

С Вестмаркой же вот, что:

Серэнити добилаь того, чтобы духовенство Иль Градо, Вельдза, Карака и Хильда, а также несколько регионов Керана признали ее полководцем Света. Когда армада Тьмы вылилась из чащи Леса Скорби, Серэнити, по указу Констанции Демей, прибывала в Дарси – бастион на юге Вельдза. Ее братия, прикрепленная к кавалерийскому корпусу генерала Фая и пехотным полкам генерала Веллингтона, собиралась выдвинуться на Хафлан. Тогда лояльность новоявленного «наместника» Керана Баха Брамсуда еще была под вопросом, и Серэнити намеревалась лишь продемонстрировать силу Констанции Демей, приставив к управителю, которого королева не выбирала, своих проверенных людей. С появлением на рубеже Леса Скорби Вальгарда Флейта, планы Серэнити поменялись. Она и генералы спешно снялась с Дарси и отправилась к столице Вельдза. Но на выручку к нему не успели... Гричинг – достолавная цитадель, крепкая и непреступная, дополнительно укомплектованная паладинами и монашескими Орденами (Серэнити, как всем тогда казалось, надежно уберегла Кость Ночи в закромах Гричинга), все же была не готова принять на себя всю мощь Вестмарки... Она не устояла... Войдя в город, Вальгард Флейт убил в нем... всех, а потом, посредством некромантии, добавил их (сколько тысяч человек?) к своему и без того несчетному множеству нежити...

Вальгард Флейт получил Кость Ночи и скрылся с ней в тумане...

Под нажимом Констанции Демей Серэнити с боевыми монахами Барства Света отступила к периферии Иль Градо. Фай и Веллингтон так же присоединились к ней, уведя с собой остатки (то есть, всех кого нашли) жителей и солдат в монаршую провинцию Соединенного Королевства. Все. Гричинга – больше нет, а почти вся провинция Вельдз на данный момент объята мраком... Десятки городов, сел и деревень были принесены Флейтом в жертву Аспиду–Хаттону и Назбраэлю... Нуалот Шрамтон – главнокомандующий Вельдза, Импи Лик – генерал Всего Востока, Онил Сайт – генерал Кольца, Эмпалия Лост – наместник Вельдза, Кетти Баскерт – настоятель Братства Света Вельдза, Винг Темный – граф Саспрейкса и троюродный брат Вильгельма Темного – погибли...

Ныне Вальгард Флейт, он же Искуситель и Летучая Смерть, держит в кулаке миллионы подвластных ему душ... Это страх... Липкий страх на нашей коже...

У Констанции Демей были для меня и другие новости – политические происшествия, идущие в Соединенном Королевстве параллельно с событиями, относящимися к Вестмарке и Хрипохору.

Гильберт Энтибор, опираясь во всем на гениального генерала Индванцио Гнобиля и Великого инквизитора, самопровозглашенного понтифика Братства Света Шарлиз Орик, все же смог отбить общее наступление Карака, Иль Градо и Вельдза. Тысячи убитых – тех, кто стоял за Королевскую Власть и против Нее усеяли своими телами центральную провинцию, а ныне Королевство, Плавень. Война, в народе уже названная – «Львино–лосиная» – по флагом Иль Градо (лев) и Плавеня (лось), перешла в затяжную фазу. И хоть объединённые силы, верные Констанции Демей, изрядно помяли север Плавеня, в глубине мятежной провинции королевская атака захлебнулась. В битве при Мюррах Индванцио Гнобель обезглавил Кирфа Маяна и взял в плен двадцать пять тысяч его солдат.

Другое крупное поражение Констанции Демей случилось из-за предательства одного ранее доверенного вельможи. Цвет рыцарства Вельдза, направлявшийся в Бром, что, по сути, не так уж непреодолимо и далеко от Гельха, был подкараулен у горной гряды. Скинутые валуны перекрыли дорогу, а арбалетные залпы не оставили рыцарям ни единого шанса на спасение.

Тут же и вскрылся – каков он, – Бах Брамсуд – столоничальник Керана. На неких «условиях» он будто бы согласился принять сторону королевы и вместе с «временным» наместником Хильда Гривольдом Дукунатом ударить по Плавеню с юга. Его ложь дорого обошлась Констанции Демей. Бах Брамсуд и его «крабы» вместе с «лосями» Плавеня устроили «соколам» Хильда засаду, когда те маршировали по длинной и извилистой тропе через лес Терракотовые Бурьяны. Двадцать тысяч хильдовцов и Гривольд Дукунат в тот день пропали без вести...

Сегодня карта Соединенного Королевства такова: за Констанцией Демей по-прежнему сохраняется Иль Градо, Карак, север Керана (три-четыре города) и Хильд, правда тоже не весь. Гильберт Энтибор из рода Темных удерживает Плавень и некоторые территории ослабевшего Хильда. Третья фишка в игре – это Бах Брамсуд. У него, на первый взгляд, позиция шатковатая, но это не совсем так. В руках у «короля» Керана мощные фортификации, расположенные по возвышенностям – крайне неудобные для штурма, самый большой военный флот и рычаги стимулирования экономики – торговать с Минтасом, Империей Хло, Бархатными и Островным Королевствами никто не прекращал.

Вывод Констанция Демей сделала такой – все очень неопределенно и плачевно. Страна обескровлена, угнетена и разграблена. Даже если лето выдастся урожайным, а Дроторогор и Флейт каким-то чудом канут в Бездну, простым людям не избежать голода и мора. Ныне новые границы прокладываются «куском хлеба» – какой вассал кормит – за того и воюю. Гильберт Энтибор стоит на том, что наследный принц погиб, а Констанция Демей («да кто она вообще такая, эта Демей? Курица-наседка! Тюфу, пустили юбку к власти!»), хоть и из правящего рода, имеет меньше прав, чем он, произошедший от более титулованной ветви Темных. При том, что если дворяне и аристократия еще что-то понимает в этом, то «серая масса» – нет. По «бумагам» Гильберт Энтибор такой же знатный, как и Констанция Демей. Он – племянник Элизабет Темной – сын ее родной сестры Вальсы Темной, почившей родами в тридцать шесть лет. Поэтому, кто будет сидеть в Иль Градо на троне – всем уже почти все равно... Лишь бы все вернулось на круги своя... Но так уже вряд ли когда-нибудь будет...

Спустя два часа я предстал перед Объединенным Советом. В роскошном зале собрались политики, генералы, колдуны и высшее духовенство – всего десятка три-четыре персон. Их, глав разных подразделений, ведомств и земель Соединенного Королевства, Констанция Демей вызвала в Ильварет месяцем ранее. Из присутствующих кого я знал, были: Лей Клинич – изрядно исхудавший

наместник Карака, Энейгрид – командующий армией Карака с неизменным бастардным мечом за плечом. Риц Глузи – префект Канцелярии Правосудия Карака. Зенобий – Великий инквизитор Карака. Алан Вельстрассен – понтифик Братства Света. Он выглядел очень изможденным и казался глубоко больным. В зал его внесли на носилках. Вероятно это кольцо – Лики Всеотца, из которого Лютерия Айс черпала силу Алана Вельстрассена, чтобы лечить нас, так «выпило» понтифика. Кай Галий – изобретатель и член Палаты Лордов. Он подмигнул мне, и я тоже подмигнул ему в ответ. Халесара Ханц – маг. В целом она достаточно известная личность – как у нас в Соединенном Королевстве, так и за его пределами. Мы с ней примерно одного возраста. Большая удача, что ее уговорили приехать в Карак. Тень – шпион королевского Дома. Скукожившись и почти не шевелясь, он сидел в закрытом стеклянном шлеме. Сама Констанция Демей – в платье цвета ночного неба, она восседала на троне с абсолютно прямой спиной. Справа от королевы расположилась Серэнити – Великий инквизитор Иль Градо, примас Братства Света и с недавних пор полководец Света! Ее белые одежды по рукавам оторачивал красный шелк, а на груди красными нитками был вышит знак Всеотца. Моя беловолосая подруга улыбнулась мне, а я, несказанно обрадованный ей, приложил ладонь (в приветствии) к виску.

Все негромкие разговоры оборвал герольд:

– Внимание!

Воцарилась абсолютная тишина.

– Ее Королевское Величество Констанция Демей начинает Объединённый Совет! Королева предоставляет первое слово мастеру–магу Калебу Шаттибралю!

Я встал и повторил то, что рассказал Констанции Демей. Натом моменте, когда Салидас Аторэ преподнес мне Филириниль, королева, до этого прятавшая меч в нише, положила его на стол. Все ахнули.

Когда я завершил свою речь, заговорила Констанция Демей:

– Калев Шаттибраль! Ваши заслуги видны Трону, и Вы непременно получите награду. Но, как Вы понимаете, сейчас не лучшее время, чтобы устраивать пышные празднества и проводить награждения. Вы принесли нам Филириниль, а значит нужно действовать немедленно. Близится Величие Света. и Урах, хочет, чтобы Оно свершилось! Слушайте меня, все! Всеотец не только «вырвал» для нас меч Легии, но и указал путь туда, где была откована Корона Света! (по залу пробежал шепоток) Тень, сообщите нам то, что открылось вам в Купели Семи Преданий.

Карлик поднял голову и его отполированный шлем засветился бликами огней.

– Мне было видение громадного поля в глубине Великого Леса. На этом поле стоит скала–замок – Тысячелетний Гром, где некогда Урах выковал Корону Света. Голос из Купели Семи Преданий сказал: «Веди Соединенное Королевство – Туда. Там ждет Огонь и Смерть. Великая Тьма. Но Там ждет и Свет. Все Будет Так. Так предрешиено. Разбитая Корона Света там вновь станет неделимой». Купель Семи Преданий ослепила меня, но мне не нужны глаза, чтобы найти дорогу к Тысячелетнему Грому – она пламенеет внутри меня. Если решит королева – я приведу вас к Кузнице Ураха.

– Тень говорит правду. Такое невозможно выдумать. Его изречение полностью соотносится с тем, что изложил Калев Шаттибраль, – промолвил Алан Вельстрассен. – Нолд Темный, какой бы он ни был ныне, пророчествует о вознесении Света. Статься так, что Урах продумал Все. Бог Света дает нам шанс устоять в Роковом Шторме. Он ниспослал нам Филириниль и движет Тьму к Тысячелетнему Грому. Там, у Кузницы, Урах завещает Своей пастве, чтобы Его клинок Света срубил у Гидры сразу все ее мерзкие головы. Он столкнет Флейта и Дроторогора рогами. И мы, воспользовавшись их слабостью и отвлеченностью, нанесем свой удар.

– Прибыть к Тысячелетнему Грому в нужный час и минуту... Это из разряда невозможного, – заметил кто-то из присутствующих магов.

– Да и почему вы все так уверены, что Флейт и Дроторогор подступят к Тысячелетнему Грому вместе? Почему не порознь? Бред какой–то...

– Это вопрос нашей веры! – чуть повышая голос, ответил ему Зенобий.

– Только она у нас еще и есть, – дополнил жрец в бордовом одеянии.

– И все же, это все так... кривобоко и неустойчиво, – сказал тучный мужчина. – Допустим, что все... Что Урах действительно Все Прозрел и мы, вот с этим, хм... Тень приведет нас к Тысячелетнему Грому, где будут бесноваться Дроторогор и Флейт. И что? Да, у нас при себе Филириниль принца эльфов Легии. Да, им можно, наверное, убить Бога–Идола и короля вампиров, но у них же, у этих монстров, под боком будут целые миллионы приспешников! Как мы пробьемся к командирам Тьмы? Сколько людей должно отправиться с Тенью, чтобы отобрать у... у Всесильных Сущностей куски Короны Света?

– Это что–то фантастическое. Я думаю, что эта, простите меня, афера, заранее обречена на провал, – подхватил седовласый мужчина.

– Вы предлагаете вообще ничего не делать? Сидеть и ждать. пока Флейт и Дроторогор разберутся между собой и потом вновь явятся к нам? – спросил Лей Клинч. – Из–за Хрипохора и его Владыки Карак и Плавень превратились в кладбища, а по вине Вестмарки Вельдза вообще так и нет вовсе. Если мы не попробуем – точно погибнем.

– И все же, наместник Карака, сколько человек ты отрядишь к Тысячелетнему Грому? Согласись – это насущный вопрос, – спросила фрейлина лет двадцати пяти.

– Я!...

– Пусть мы хоть все войдем в Великий Лес – обратно из него не выйдет уже никто! – перебила Лея Клинча старушка в колье.

– Отчаяние – сокрушитель сердец! – воскликнула Серэнити. – С Урахом мы победим!

– Я знаю тебя, – ответила ей все та же старушка. – Да и есть ли вообще хоть кто–то, кто не слышал о Великом инквизиторе Иль Градо? Ты горяча и безрассудна, девочка. Ты и глазом не успеешь моргнуть, как все те, кто уйдут с тобой, окажутся в могиле! Матери не дождутся своих сыновей, а жены – мужей! Если у тебя нет никого – езжай! Урах тебе судья, а мы и тут сможем умереть.

Когда речь зашла о детях. глаза Констанции Демей подернулись пеленой. Она резко отвернулась, а затем, сделав над собой усилие, вновь обрела прежнюю строгость. Королева Констанция Демей – умный правитель, но она еще и женщина. И как женщина, и как мать, она безумно любит своего ребенка – Фабиана Темного. Все ее мысли – с ним. Она дрожит, догадываясь о том, какие муки ему приходится терпеть в Вестмарке. Каждое утро королева просыпается с надеждой увидеть своего сына живым. И это чаяние делает ее неsgiбаемой.

– Я ценю все Ваши мнения, – промолвила Констанция Демей. – Мое королевское решение относительно всего предприятия будет таковым...

Герольд дунул в трубу.

– Ранее мастер Калев преподнес мне и Элизабет Темной свои домыслы о том, почему погиб мой муж, Ваш законный король, Вильгельм Темный. Калев Шаттибраль нарисовал нам тогда теоретическую картину – что, зачем и почему. Ныне почти все из его теорий–фрагментов нашли свое подтверждение. Как вы помните, совсем недавно нас осаждала Десница Девяносто Девяти Спиц, и лишь мастер Калев дал то, что мы с королевой Элизабет Темной хотели, – план, пусть сомнительный, но план – как все решить. И он, вопреки всему, оправдался. Мастер Калев, Эмилия Грэххольм, Грешем, Дурнбад и... полководец света Серэнити нашли Эмириус Клайн – чемпиона Ураха. Матрона Тьмы, пусть и желала нам всем Зла, своих грязных целей не достигла – Урах все повернул иначе. Предательство

Эмириус Клайн ознаменовалось триумфом Всеотца и гибелью Немезиды Спиц, захватчика Тауруса Красного Палача. Так почему нечто подобное, такое же чудесное, не может произойти и сейчас? Я говорю вам: Урах – это Бог и Ему подвластно Все! Уповая на Всеотца, мы выстоим!

По залу прокатился гул одобрения.

– В Великий Лес к Тысячелетнему Грому пойдут только добровольцы. Это будет маленькая ударная группа. Если все произойдет так, как Угодно Всевышнему, Флейт и Дороторогор сцепятся друг с другом в сражении у Тысячелетнего Грома и тогда на горизонте появится «кулак» Соединенного Королевства. Он прорвется сквозь толщу Хрипыхора и Вестмарки, окружит «пятерней» Властелинов Ужаса и Филиринилем... снимет с них обломки Короны Света. Затем «кулак» прорвется к Тысячелетнему Грому и в нем будет воссоздана новая Корона Света. Да, понимаю, звучит неправдоподобно, но Урах заповедовал нам доверять Ему. На кону будет стоять все, но разве мы с вами хоть когда-то пасовали перед Тьмой? Никогда – вчера и никогда – впредь! Я, королева Констанция Демей, говорю вам: с нами Бог, а значит, никто не сможет устоять перед нашим и Его гневом!

Что-то подобное происходило на Максигалдоре, только в большем масштабе, когда я стал архонтом Анкарахады. Зал будто бы взорвался овациями и криками, славящими Констанцию Демей и Ураха. По мановению королевы герольд снова дунул в трубу, призывая всех к тишине.

– Я сказала, что к Тысячелетнему Грому отправятся лишь те, кто пожелает сделать это по собственной воле. Итак, я заявляю: первый доброволец – это я!...

–Нет! Не надо! Смилуйтесь! Не оставляйте нас! – на разные голоса вскричал Объединённый Совет.

– Молча–а–а–ние! – гаркнул герольд.

– Мой сын, Фабиан Темный у Вальгарда Флейта, – кладя руку на Филириниль, сказала Констанция Демей. – Мне ведомо, что принц – еще не вампир... Но повелитель Вестмарки кормится его кровью... Становится он так сильнее или просто делает этим мне больно – не знаю... Однако... Сколько детей погубила Вестмарка и Хрипотор за минувшие месяцы? Я боюсь назвать цифру... Я – королева Соединенного Королевства – мать всем. И как мать, я жажду отмщения – за Фабиана, и за всех остальных детей, маленьких погасших свечек. Когда браконьеры на глазах медведицы убивают ее детеныша – медведицу уже ничто не остановит – она разорвет их! Я – та медведица, а Флейт и Дроторогор – браконьеры!

Констанция Демей подняла Филириниль вверх:

– Я уничтожу их!

Вот это настоящая королева! Смелая! Храбрая! Отважная! Так считаю не только я – все, кто находился в зале, разом стали восхвалять Констанцию Демей! Когда шум немного поутих, я подошел к королеве и встал на одно колено.

– Я – второй доброволец, Ваше Величество.

– Я принимаю Вас в свой отряд, мастер Калед, и вручаю Вам Филириниль, – отозвалась Констанция Демей, передавая мне меч Легии. – Только в Ваших руках, видит Урах, он принесет всем нам ту самую, долгожданную победу.

– Клянусь Уговором Предков, что не подведу вас.

– Я – третий доброволец, моя королева, – отчеканила Серэнити.

– Я – четвертый, – присовокупил Зенобий.

– Пятый, – отрапортовал Энейгрид.

– Шестая – подхватила Халесара Ханц.

– Во имя Ураха и Вас, я – седьмой, Ваше Величество – сказал Риц Глузи.

– И я...

– Я!

– Нет, Вас, префект, а так же Вас, понтифик и наместник, я не беру в добровольцы, – с улыбкой отозвалась Констанция Демей, видя рвение упомянутых личностей. – Вы нужны здесь.

– Тогда мне и моим парням вы отказать не сможете, – проседая в поклоне, прорычал мужчина в латах. – Мы – рыцари–плутеранцы – ваш щит и меч. Куда – вы, туда и мы. Все полторы тысячи, что есть в Караке, пойдут за вами.

Констанция Демей кивнула.

– Тогда «кулак» Соединенного Королевства собран. Мы выступаем в Великий Лес завтра поутру.

Королева обвела нас взглядом, потом сказала:

– Это – время свершений. Время подвигов и мужественных поступков. Время легенд. Нашими жизнями – сегодня, мы купим для потомков – благоденствие завтра. Спустя годы и годы внуки и правнуки будут гордиться нами. Мы стояли и головы вниз не опускали. Мы – воины Соединенного Королевства! Мы никого не боимся! За Ураха! За Бога–Света! За честь и Дом! За пастбища и луга! За мирное небо! Мы сбросим Зло обратно в Бездну!

Глава 37. Быть героем

Я и Серэнити сидели за столом маленькой таверны на улице Скрипачей. Я смотрел на свою подругу и улыбался. За минувший

месяц — или сколько их прошло с нашей крайней встречи? — у Великого инквизитора прорезались первые морщинки у глаз. Все такая же красивая и статная, она внутренне постарела на добрых сто лет. Если обо мне Серэнити узнала на Совете (про Анкарахад и Эмириус Клайн я рассказал ей только что), то я о ней — сейчас. Дрязги в Братстве Света, бесконечная череда изуверченных войною солдат, крупные и локальные битвы с Плавенем и Кераном, смена власти в отдельных регионах — вот неполный список того, с чем она столкнулась в разлуке со мной. Про атаку Вестмарки Серэнити сказала следующее:

— ... ты даже не представляешь, что там было в Вельдзе, — покачив головой, продолжила наш разговор Серэнити. — Я знакома с Тьмой ближе прочих. Я видела Ее Лицо миллионы раз и сражалась с Ней не меньше, но... Впервые, там у Гричинга, мое сердце дрогнуло. Нет, я не испугалась Вальгарда Флейта, но... Город, Шаттибраль, город — он стал оплотом Мрака и Ужаса. Гигантский некрополь... Если раньше я думала о Тьме только как об отдельно существующих местах порчи, то теперь — нет. Лиги и лиги земли Вельдза покрыла пелена тумана. Серый дым обволакивает колени, и вороны кричат о Гибели... Мы отступили — таков был приказ Констанции Демей, и знаешь, королева была права, отдав нам его. Зайди мы в Гричинг — ничего бы не добились кроме собственной смерти.

Серэнити намотала четки на запястье, а потом размотала их:

— Я вернусь туда. Обязательно вернусь и предам всю скверну Светлому Огню... Когда буду готова к этому...

— Если мы поборем Хрипохор и Вестмарку.

— По воле Ураха.

— Серэнити ты же слышала то, что я рассказывал о квазальде и Нолде Темном?

— Да.

– У меня есть переведенный наговор Джеда Хартблада. Я спасу тебя от Живой Воды. Только бы Всеотец позволил тебе дотянуть до... Тысячелетнего Грома.

Серэнити сузила свои льдистые глаза.

– Нолд Темный – ранее идеал во всем и теперь... предатель Ураха...

– Раскаявшийся!

– И все же. В этой игре он, как и Эмириус Клайн, может преследовать свои собственные цели.

– Но ты поддержала меня и Констанцию Демей! Наш план! – непонимающе воскликнул я. – Ты сомневаешься?

– В Нолде Темном – да, в Урахе – нет, – отозвалась Серэнити. – Я верю в то, что Всеотец любит нас и не хочет, чтобы мы умерли. Величие Света – это Добродетель. Для Дроторогора, Богов-Идоллов Червонного Капища, живорезов, мертвецов Вестмарки и прочей падали Оно может стать Последней Пучиной. Я всегда за то, чтобы пробовать, за то, чтобы бороться и биться.

– В этом вся ты.

– Да. Однако, Шаттибраль... Про Живую Воду, квазальд и Корону Света, я... Не знаю. Поможет ли... Ведь я, отчасти... живорез. Может, после ее прикосновения ко мне, я просто перестану существовать.

Видя, как я начинаю хмуриться, загораюсь желанием привести кучу аргументов почему так не будет, ведь Дроторогор и Флейт таскают части Короны Света на себе, Серэнити улыбнулась:

– Нет. Я хочу жить, конечно. Но я свыклась с мыслью, что каждый день может стать для меня последним. Наверное, это моя расплата за то, что я погубила много людей... приговорила их к казни. Были ли

среди них невинные? Надеюсь, что нет, но... Каждый человек – он живой, и у него есть чувства, страхи и воспоминания. Что смертники думают накануне своего последнего часа, теперь я знаю это. За любую боль, перед Вселенной мы ответим болью.

– Почему ты сказала Вселенной, а не Урахом? – удивился я.

– Когда-то я спросила у тебя: «Кто Она такая, твоя Вселенная, Шаттибраль»? А ты мне что ответил?

– Что?

– «Она то, что не даёт переступить дозволенную черту. Сила, изменяющая ход событий в нужном направлении. Смерть, прибирающая увядшую траву, и Жизнь, дарующая новые плоды миру. Это равновесие, хранящее целостность природы, не позволяя чему-то одному доминировать над остальными»

– И?

– Тогда мне было непонятно, что ты имел в виду, однако сейчас... не Урах создал Мир – Он Его Бог, Вседержитель Света, да, но Вселенная... Она была раньше Него. Он вышел из Нее. Поэтому... мне сложно объяснить, чему я прониклась. Короче. Вселенная – это Урах, но Она Есть и отдельно от Него. Она Его мать и наша бабушка. Бабушкам свойственно не только ласкать своих внуков, но и наказывать их. Я... я порочна... Я получаю удовольствие, когда кто-то терпит страдания... Это язва во мне от Канахеса... Я... с недавних пор, когда мне довелось встретить тебя, я... Смогла научиться противостоять этому чувству... И тогда Вселенная показала мне себя. Чтобы очистить меня, Она дала мне испить Живой Воды... Вселенная поставила меня перед Зеркалом Смерти. Это урок, и я его усвоила.

– Значит ли это, что ты сложишь полномочия Великого инквизитора и возвратишься в Орден Креста?

Серэнити пожала плечами.

– Я на пути духовного обновления. Я всем все простила. Во мне только Урах и (на мою улыбку Серэнити погрозила мне пальцем) ... Шаттибраль, моя булава никогда не останется без работы. Пока она не проржавеет, или я не умру – враги Всеотца будут бежать от нее без оглядки.

– Серэнити, но твоя булава из нержавеющей стали. Ну и после того, как ты под наговор Джеда Хартблада соприкоснешься с Коронай Света, ты можешь стать бессмертной. Ты это учла?

– Тогда кровь не перестанет литься, пока все не покаются и не обретут в себе Ураха, – хмыкнула Серэнити.

– То есть – никогда?

– Шаттибраль!

– Извините, понесло не туда! – хихикнул я.

– Куда ты сейчас, «бродяга из доков»? Право, тебе нужна новая одежда! Идем со мной?

– Нет, нет! Только не в Орден Инквизиции! – рассмеялся я. – Я хотел зайти в Грэхелькхом... Проститься с поместьем от имени Настурции...

– Ясно. Я распоряжусь доставить тебе кое–какие вещи туда.

– Спасибо. Тогда до завтра?

– Да. В десять на площади Союза. Пока.

Серэнити допила свой чай с лимоном, встала и пошла в сторону Храма Света. Неспешно опускался теплый летний вечер. В заходящих лучах солнца каскад белых волос Великого инквизитора показался мне золотым. «Ты – это почти все, что у меня еще есть», – подумал я.

Друзья... как мало вас осталось... А сколько я потерял? Пальцев не хватит...

Расплатившись с официантом за наш ужин – Великий инквизитор сунула мне мешочек с золотом, зная, что у меня в карманах абсолютная пустота, я покинул улицу Скрипачей и, наслаждаясь старым городом – его тенями на стенах зданий, арками, повитыми плющом, архаичными балкончиками, флюгерами, двускатными крышами и прилавками, заюлил по проулкам. Один из них вывел меня на аллею Зоркая Птица – по ней я дошел до Грэхелькхома. Толкнув витую калитку, я очутился во фруктовом саду. Тропинкой среди миниатюрных кустарников я добрался до массивной двери. Отворила служанка.

– Прошу простить меня, господин, но хозяйки сейчас нет дома.

– Меня зовут Калед Шаттибраль... – начал я и потом запнулся.

– Как и прежде – для меня это большая честь, – тупя взор, ответила служанка.

– Настурция Грэхольм... больше не вернется...

– Как?! Почему?

– Она погибла.

– Я... я...

Служанка растерялась, а потом спрятала лицо в ладони. Ее стали сотрясать беззвучные рыдания.

– От имени Настурции Грэхольм я бы попросил тебя не покидать Грэхелькхома. Может так случиться, что сюда явится Эмилия, тоже Грэхольм.

– Я знаю, госпожу Эмилию... Хорошо. Спасибо, – утирая глаза подолом, промолвила служанка.

– Ты вступишь меня? Я бы хотел переночевать в Грэхелькхеме.

– Конечно, господин Калев, – тут же отозвалась служанка, открывая дверь шире и пропуская меня. – Я – Люси... Я приготовлю вам жаркое... или вы хотите что-то еще?

Я вздохнул.

– Я бы принял ванну и выпил бокал вина.

– Ванная комната по коридору налево...

Отстегнув Альдбриг и облокотив Лик Эбенового Ужаса на стойку с тростями, я отправился в ванную комнату. Ванна Грэхелькхов представляла собой громадное мраморное лоно, заставленное по бортам различными лосьонами, душистыми мыльными жидкостями и притирками. Я отвинтил кран и вскоре забрался в горячую воду. Я не мылся и не чистил зубы... Мне надо произносить вслух такие временные интервалы? Стыдно, конечно, но вроде как в Великом Лесу бани не на каждом углу натканы. В том, что от меня несет, как от помойки, моей вины нет. Но сейчас все исправлю. Я взбил пену и разлегался откисать. По ощущениям пять из пяти! Потом в комнату постучалась Люси. Через дверь ванной она сообщила, что монах Братства Света принес для Шаттибраля сверток. Просунув руку, Люси положила сверток на стул у двери. Приняв омовения, я развязал узел на внушительной посылке – сапоги, рубашка, штаны, мантия, носки... Спасибо, Серэнити! Переодевшись в обновки, я пошел искать дверь со странной замочной скважиной. Она нашлась в восточном крыле особняка. Я вынул из сумки дельфина и вставил его в лунку. Щелк! Комнатка оказалась совсем крошечной – одно кресло, столик с бокалом и тремя бутылками марочного винограда... Я сел в кресло и откупорил пробку...

Иногда я плачу из-за физической боли, но чаще из-за душевной. Сейчас из моих глаз текли потоки слез. Теперь мне все стало ясно и понятно. Дурак! Дурак! Я осознал, почему и из-за чего Настурция не желала со мной общаться так долго, так оглушительно долго. Я смотрел на скульптуру человека, в полный рост стоявшую по центру помещения и бил себя кулаком по колену. У ног скульптуры лежали увядшие цветы. Скульптурой был я... Настурция любила меня и страдала от этого... Но почему она не рассказала мне о своих чувствах? Что ей мешало? Застенчивость? Робость? Сомнения, отвечу ли я ей взаимностью? Что? Опять загадки... Настурция! Я не знаю могли ли бы мы быть вместе, но... О, Вселенная... почему же так? Нет, скульптура не была фетишем – я сразу ощутил это. Колдунья не поклонялась ей и не боготворила ее. Изваяние всего лишь напоминало Настурции обо мне. О потерянном друге, о неизведанной и недоступной любви... Настурция Грэкхольм, я жалею, что не смог узнать тебя лучше... Проникнуться тобой. Это моя неизгладимая ошибка... Моя вина... Что толку вновь говорить о твоих достоинствах и сопоставлять их с моим характером и натурой. Мы – разные, но разве огонь и лед – не притягиваются друг к другу? Какая бы из нас вышла пара? Счастливая? Или наоборот несчастная, подверженная взрывам эмоций, ревности и недосказанности? Настурция, это неведомо нам... Ты умерла, и сегодня, частично, умер и я... Люблю тебя... Но как, кого? У меня нет ответа на этот вопрос... Просто люблю...

Ныне тридцатое число месяца Солнцецвета, праздник Света в Соединенном Королевстве и по совместительству мой день рождения... Твое откровение, Настурция, твой подарок мне – навсегда останется со мной.

Я занял апартаменты под крышей Грэкхелькхома. Когда я уже почти заснул, ко мне на одеяло запрыгнул Уголек. Кот Настурции, поджав под себя лапки, устроился подле моей груди. Мы смотрели друг на друга... Мне кажется, что он как-то понял, что его хозяйка.... Котик, Уголек, прости меня... Если бы я только мог повернуть время вспять... Если бы я только мог...

Прости...

Я заснул...

Лето, лето, летушко! Оно ни с чем не сравнится. Птичий гомон, бабочки, венки из цветов, компот из персиков, клубника, мороженое... Это все не про меня. Мне, как и прежде, достается меч и магия, опасность и невзгоды...

Часы на притолоке прощептали восемь раз ...

Я оделся, умылся и спустился в холл. Там меня ждал нехитрый стол – вареные яйца, бекон, хлеб, сливки, творог и сыр. Заплаканная Люси подала горячий кофейник. Мне нечем было ее утешить...

Заправившись, я поблагодарил служанку и пошел на площадь Союза. Там уже собрались рыцари-плютеранцы, Халесара Ханц и Энейгрид. Констанция Демей, Серэнити, Зенобий и Тень явились последними. Мне подвели снаряженного мерина Каштана. Я оседлал его, и все мы, числом в полторы тысячи копий, под реющими флагами Соединенного Королевства, двинулись к Одичалому. Ильварет молчал. Все понимали – смех и крики тут неуместны – ведь многие из нас уже не вернутся из этого похода. А может быть, и все... Королева, облаченная в изумительную легкую броню и шлем, возглавила поход. За ней двигались я, Тень, Энейгрид, Халесара Ханц, Серэнити и Зенобий со стягом Ураха. За нами колонной по шесть в ряд цокали рыцари-плютеранцы – лучшие из лучших воинов всех провинций.

Тень повел нас на юго-запад, туда, где Великий Лес наступает на Железные Горы...

Мы скакали и скакали... Неделью, две, три... А я все вспоминал свой Шато в Веселых Поганках, Птикаля, Катуба и Марципана. Мои мысли неотлучно были с Эмилией и Грешемом. Я пестовал в себе обрывочные реминисценции, посвященные Грозной Четверке – Альфонсо, Бертрану и тем, кто к ней был причастен – Эшли Шторму, Бритсморру, Лайли Серебряной Часовнице, Деборе Ольвинхайд,

Парабелле и Настурции – наших погибших друзей. Я часто задаю себе вопрос – почему они ушли, а я остался? Кто ведает? Уж точно не я... Моя жизнь – это череда потерь, испытаний и трудностей. Мне свойственно думать и размышлять над тем или иным досадным событием, прожевывать его и мять внутри себя, но... Не лихолетья мною правят. Каждый раз, приближаясь к точке невозврата, я говорю себе: «Троль тебя побери, Калев, ты же всегда был везунчик!» Вселенная никогда не прекращала заботиться обо мне, помогать мне и даже баловать меня. Я не кину в Нее камня. Став взрослым, я хорошо ел, вволю пил, крепко (до недавнего времени) спал, занимался любимым делом – наукой. Если завтра мне предстоит умереть, то ну что же, пора и честь знать! Я благодарю тебя, Вселенная, и тебя, Урах, мой Бог, за то, что у меня было. Я с улыбкой предаю себя в Ваши Руки. Ведите меня. Я только Ваш.

Когда мы вступили в Великий Лес, то увидели, как он пуст. Все Его живорезы были призваны Дроторогором под свою пяту. Наш рыцарский отряд избегал приключений вплоть до Судьбоносного Мига. Тень, не снимающий своего стеклянного шлема, хоть и незрячий, и правда, привел нас к Тысячелетнему Грому. То, что сулил мне Нолд Темный, свершалось на наших глазах. Мы стояли на вершине высокого холма, прикрытые зарослями деревьев, а внизу, у необычайно красивого замка, вырезанного из серебряной горы, на гигантском пустыре колыхались два «моря» – две армии. Что песчинок на пляже было живорезов на одном фланге, и с ними колосс Дроторогор – остервенелый Бог–Идол Хрипохора. С большими навывкате желтыми глазами, с ноздрями, пушащими жаром, с клыками, как у саблезубого тигра, с рубиновыми волосами, стиснутыми частью Короны Света, он, закованный в адамантовую броню, сжимал молот – Иглу Пламени. Тут же реяли знамена всех Богов–Идолов. Дроторогор хрипел свирепые заклинания, и облака над ним и его рабами рдели Огнем. Напротив множества» Хрипохора клубилась живая Тьма. Бессчетные полчища зомби, скелетов и иной нежити единым тянулись на мили, покуда хватало зрения. Некроманты–командиры потрясали костяными посохами, а нетопыри черными тучами кружили над их головами. Конница вампиров – сияющая мертвецкой сталью при флагах Аспида–Хаттона била копытами в авангарде. Всем своим

необъятным и жутким полчищем Вестмарка как бы заявляла: «Здесь сила – это мы!» Вальгард Флейт – Летучая Смерть и Искушитель на скакуне–кошмаре обегал свои рати. Старейший из вампиров был не менее страшен, чем Дроторогор. В плаще, расшитым розами, с тлетворным, светящимся сизым мечом, в чешуйчатых латах и с поволокой мглы за плечами, он, рослый и могучий, лучился аурой всесилия, низвергающего в отчаяние. Половина Короны Света тоже была при нем.

В какой–то момент Хрипохор и Вестмарка, качающие свои легионы туда–сюда, ринулись друг на друга. Тьма и Огонь схлестнулись в Великой Битве. Стоны, крики, звон булата, кровь, вспышки магии и волшебства... Я никогда такого не видел... Эта сеча двух злых полюсов, дерущихся за артефакт Бога Света, так поразила меня, что я с трудом стал воспринимать себя здесь не как зрителя в театре. Великаны крушили дубинами чудищ с химерическими конечностями. Скелеты выпускали рои стрел. Вампиры, действуя исключительно организованно, буквально свежевали гоблинов и троллей. Ядовитогубые причмокиватели и оморы дрались с зомби, а безволосые обезьяны, к несчастью для них, стали главными мишенями гнилого колдовства некромантов.

А мы – надежда Соединенного Королевства и всего Мира, ждали... Ждали того, когда пересекутся Дроторогор и Флейт... Вестмарка, как и Хрипохор старалась занять более выгодные позиции у Тысячелетнего Грома. Две стороны Зла гибли за плацдарм у ворот Кузницы Ураха. И не было перевеса ни у одной из них аж до тех пор, пока у крепостного вала не показался Вальгард Флейт со своими вампирами. Он вклинился в сонм живорезов, как нож в масло, и почти прорвался к входу в Тысячелетний Гром, но... на его дороге встал Дроторогор с Иглой Пламени. Бог–Идол и король вампиров скрестили оружие, и тогда... запел рожок Соединенного Королевства... Пора! Серэнити, я с Филиринилем, Энейгрид, Констанция Демей, Зенобий, Халесара Ханц и рыцари–плютеранцы грянули к подножью...

– Пики! – крикнул Аска генерал–телохранитель королевы.

Полторы тысячи копий опустились на уровень груди... Ба-бах! Мы клином врезались в безбрежное море тварей всех мастей и видов. Война Тьмы с примесью Света... Эпическая. Безжалостная... Скажу одно. Мы как-то смогли прорваться к Дроторогору и Флейту. Растеряв по пути больше половины наших ребят, а так же Зенобия и Аску, «кулак» Ураха вмазался в костяк «кусающихся» Хрипохора и Вестмарки. Витязи Соединенного Королевства, Его герои, как когда-то в Полдень Игл, оттеснили от Бога-Идола и владыки Вестмарки всех их пособников. В кругу отважных, их подвига, мы – Констанция Демей, Серэнити, Энейгрид, Халесара Ханц и я вышли сражаться с Дроторогором и Вальгардом Флейтом. Оказавшись рядом с ними, предвечными и изуверскими созданиями, мы не пали духом. Да, невыносимо жутко, да безвыходно, но кто, если не мы? Филириниль в моей руке секся с Иглой Пламени и мечом Флейта. Пала Халесара Ханц, разрубленная королем вампиров. Следом в лужу собственной крови свалился Энейгрид...

Рожок! Рожок! Рожок! Вдруг в круг Смерти нашего поединка на единорогах впрыгнули эльфы Тумиль'Инламэ! Запели луки! Заискрились лунные серпы-кинжики! Зеленое Королевство не забыло прежнего Союза с потомками Харальда! Оно прислало нам подмогу!

– Салидас! – радостно воскликнул я.

– Фиалковый рыцарь! – крикнул мне Салидас Аторэ, пронзая живореза клинком. – Зеленое Королевство знает, кому обязано своей жизнью!

– Тогда в бой!...

...Серэнити прикрыла щитом Констанцию Демей... Горящий молот... Я извернулся и рубанул Филиринилем наотмашь... Трупы рыцарей-плютеранцев... Зубы, месть, ярость... Салидас Аторэ пригвоздил некроманта мечом... Эльфы гибли один за другим... Мы проигрываем... Как быть? Кто поможет? Урах... Мы, люди, всего лишь снежинки в пустыне по сравнению с этими всесильными сущностями... Дроторогор сбил меня с Каштана, подле грохнулась

Констанция Демей... До чего же смелая женщина! Бзацц! Это клинок Вальгарда Флейта поцеловался с булавой Серэнити. Очи короля Вестмарки ярились трансцендентным вихрем... Урах... Что мне делать?... Дроторогор наподдал Флейту молотом по доспеху, затем пригнулся и откусил голову у рыцаря–плютеранца... И тут меня словно озарило... Я вспомнил... Он «должен» мне!... Он сам сказал: зови меня... Попытка не пытка... Отче, не отступи от нас...

– Фарганорф! Фарганорф! Вирм Ураха! Я взываю к тебе, Золотой Дракон Добра! Помоги детям Всеотца выстоять! – закричал я что есть мочи в радужное небо...

Вспышка–блеск... На секунду все взоры обратились вверх... Там, в небесах, из зарева–пожарища вынырнул дракон–лич... Фарганорф, Старейший Вирм Севера и Искривитель Реальности, сильнейший из сильных защитников Ураха на Земле, услышал меня... Он взревел и, словно коршун на ягнят, бросился на Дроторогора... Флейт попятился...

– Фарганорф! Сними с него Корону Света! С него и с Флейта!...

Через подставленное крыло я вспрыгнул на Фарганорфа! Лапищи–секачи, разбросав живорезов и мертвяком, вцепились в макушку Бога–Идола... Хрясь – это Игла–Пламени угодила в череп дракона... Филиринилем я ткнул в тушу Дроторогора – из раны полилась расплавленная жижа... Хрясь, хрясь, хрясь! Метя в меня молот прошелся по костяному остову... Не попал! Старейший Вирм Севера не обратил на удары никакого внимания. Да, они изрядно ломали его, но он не пасовал... Я снова вздел Филириниль, и сидя на шее у Фарганорфа, с благословения Вселенной, воткнул его в глаз Дроторогора... Бог–Идол захрипел... Он вдруг раздулся, а потом взорвался тысячами мясных лоскутов...

Ему – конец! Серэнити подхватила часть Короны Света! Но Флейт, Флейт еще сидел на коне... Вальгард Флейт, увидав, что Дроторогор повержен, расхохотался. Как он ждал этого момента! Король вампиров Вестмарки – величайший некромант и каббалистик,

простер на Фарганорфа свою длань. И дракон застопорился... Нет, не мог Флейт подчинить себе Старейшего Вирма Севера, но парализовать его – оказалось ему «по росту». Я брякнулся с шеи Фарганорфа в подставленные руки Салидаса Аторэ. Шмварх! Булава Серэнити нокаутировала Флейта. Он полетел со своего коня–кошмара. Констанция Демей подняла укатившуюся с вампира Крону Света:

– За мной! Быстрее! – воскликнула она и понеслась к Тысячелетнему Грому, а мы за ней... Немного нас осталось в живых – людей Соединенного Королевства и альвов «Зеленого». Опомнившийся Вальгард Флейт ринулся было за нами в погоню, однако его пыл охладил так же очухавшийся Фарганорф. Дракон–лич надавил на короля вампиров лапой и тот вновь распластался на земле. А мы все бежали, рубя живорезов и мертвецов своими клинками... Почему, враждуя вплотную у ворот Тысячелетнего Грома, Флейт и Дроторогор так и не зашли в них? Ответ: ворота их не пускали! Зачарованные Всеотцом, они требовали, чтобы их «сломали», а на это требуется не пять секунд... Нас, детей Ураха, ворота Тысячелетнего Грома впустили сразу. Позади, на мост, разделяющий бастионы Тысячелетнего Грома, и поле, трепеща крыльями–костями сел Фарганорф. Он стал буфером, защитой между нами и Вальгардом Флейтом.

– Искорка! – рыкнул Фарганорф. – Иди и Сверши угодное Моему Господину!

Перед Искривителем Реальности копошилось все полчище Тьмы... Дракон–лич зарычал, а затем из его пасти вырвался красный пожар...

– Я – Фарганорф! Вирм Его Золота! Вам не пройти!...

Я, Констанция Демей, Салидас Аторэ, Серэнити и еще десять–пятнадцать рыцарей–плютеранцев и эльфов побежали по анфиладам Тысячелетнего Грома. Сюда не ступала ничья нога уже очень давно... Сейчас, увы, мне некогда воспринимать ту поразительную красоту, на которую невольно натыкался мой взгляд. Колонный ствол с широкой

лестницей вывел нас к аляповатой наковальне... Меха кузницы дышали огнем. Подле наковальни стоял мерцающий Нолд Темный.

– Калепб!

– Король!

– Кидай квазальд в жерло!

Я сделал это. Под воздействием жара Ураха мифически–твердый квазальд почти мгновенно стал жидким. Серэнити тем временем уложила части Короны Света на наковальню... Клещами я взял сосуд и полил из него на Корону Света. Квазальд сцепил Корону. После этого, клещами я вставил в нее осколок Амасты. Как же криво! Но я ведь не ювелир! Корона Света зарделась всеми цветами радуги...

– Теперь бей! – скомандовал Нолд Темный.

Я поднял молоточек и принялся за работу... Я вбивал в Корону Света квазальд, крепил ее с ним, а где–то над нами шел бой с Фарганорфом...

Когда я ударил молоточком последний раз, Корона Света взлетела в воздух и вспыхнула таким свечением, что мы все едва не ослепли... Венец Ураха был воссоздан вновь! Потускнев, Корона Света плавно опала ко мне в перчатки... Холодная...

– Ваше Вели... – начал было я, но...

Что–то произошло в этот момент с моей сумкой. Она дернулась, раскрыла лямки, и из нее вырвался кинжал гномов! Он подлетел к шее Констанции Демей и, приложив свое лезвие к ее коже, сказал:

– Привет, парень! Теперь давай без всяких глупостей, ладно? Надевай Корону Света на себя и мысленно зови Привратника, ага?

– Джейкоб?! Ты летаешь и говоришь?! Что происходит?! – крайне удивленно воскликнул я. – Ты говоришь?!

– А ты думал, я замолчал навсегда? Пророчество Полного Круга и впрямь отменило правило Юджина, и не только в Гамбусе. Речь вернулась ко мне, а вот тело – нет. Я терпел и терпел, хоронился от тебя и все ради этого мига отмщения! Раньше я был духом и летал куда хотел! Но потом явился ты и запечатал меня в этот тесный кинжал! Честно, я бы поиграл с гномом и отпустил бы потом!... Серэнити и Салидас украдкой двинулись к Констанции Демей, но Джейкоб это как-то заметил. Отойди от меня, патлатый эльф, и ты, инквизитор, или я заставлю улыбаться вашу драгоценную королеву от уха до уха! – заорал Джейкоб. – Вот так, вот так! Там и стойте! И что, а, Калев? Что? Я застрял в кинжале на веки вечные! Так себе перспектива, не находишь? Ну, ты и гад, конечно!

– Что ты хочешь?

– Новое тело.

– Тебе пообещал его Привратник? – спросил Нолд Темный.

– Да, Нолд, да! Он освободит меня из кинжала и всунет в кого-то из вас!

– Продажная ты тварь! – крикнула Серэнити.

– Ты просто никогда не коротала свою жизнь в клетке дюйм на дюйм, белобрысая уродина! Калев, хватит этих толков! Если тебе дорога королева – суй свою голову под Корону Света!

– Нет! Не надо! – вскрикнула Констанция Демей. – Он все равно убьет меня!

– А может, и нет? А? – лукаво осведомился Джейкоб. – Без тебя, Констанция, они-то знают, все ваше Соединенное Королевство пойдет прахом! Да, Калев?! Одевай уже корону, парень!

Джейкоб саданул своим лезвием по шее Констанции Демей – полилась кровь...

– Ты думаешь, я шучу?!

– Хорошо...

Я надел Корону Света...

По моим венам что-то потекло. Что-то чужеродное, стылое и невероятно древнее. Оно пробилось через мои поры и оформилось в текучую фигуру в капюшоне. Эта фигура потянула к Короне Света свои мерзкие пальцы-отростки.

– Я предвидел это! – сказал Привратник. – С Коронай Света я займу место Смерти! Я буду Сотым в Кругу Девяносто Девяти! Всему Конец! И тебе, Кaleb, первому!

И тут...

В моих руках проступила Путаница. Шкатулка с иероглифической вязью дурного толка откинула свою крышку...

Мне стало ясно, что Вседержитель, Восьмая из Колеса Девяносто Девяти, не позволит Высшим угрожать своему архонту или тем более налагать на него свои права... Сила на Силу. Если я могу противостоять Эмириус Клайн – Праматерь допустит это. Но Привратник – это уже Ее Дело. Если на львенка нападает шакал, львица перекусит его пополам.

Рифф рядом со мной...

Мы не слышали ничего, ничего и не увидели, кроме того, как Привратника засосало в Путаницу. Однако, когда Арбитра Смерти потащило куда-то к Праматери, все мы ощутили такую величайшую мощь и ярость, что каждый из нас упал на колени.

Падая вниз, Констанция Демей случайно напоролась на кинжал гномов...

Она умерла моментально.

– Парень, это не входило в мои планы! Честно! Я собирался вас только маленько постращать! – взвизгнул Джейкоб.

– Как ты того и хотел, я дарю тебе твоё тело, – вынимая кинжал гномов из Констанции Демей и кривя губы, промолвил я. – Ты обретишь его у Назбраэля!

Я швырнул Джейкоба в горн Ураха.

– Правильно, – кивнул Салидас Аторэ. – Но бесполезно.

– Теперь мы обречены. Констанция Демей – погибла. Принц Фабиан томится в Вестмарке..., – тихо сказала Серэнити, закрывая застывшие глаза Констанции Демей. – Если бы принц был среди нас! Теперь некому свершить Величие Света! Я слышу, как Флейт борется против Фарганорфа... Дракону не устоять... Тогда Флейт вломится в Кузницу и отнимет у нас Корону Света! И тогда... мы обречены... Мир поглотит Тьма... Фабиан – законный наследник Темных, и только он мог бы свершить Главное Дело.

– Но его здесь нет! А действовать надо немедленно, – откликнулся призрачный Нолд Темный.

– Действовать? – спросил я. – А как действовать! Прямых потомков Темных среди нас нет...

– Это не так! – возразил призрачный Нолд. – Да, Констанция Демей погибла, Фабиана с нами нет. Но тут, в Тысячелетнем Громе, есть еще один прямой потомок всех королей, всех Темных, произошедших от моего колена, ибо Харальд приходился мне сыном.

– Кто он?! – хором вскрикнули мы.

– Это ты, Серэнити, – поворачиваясь к великому инквизитору, сказал Нолд Темный. – Твой отец – Хаос, но мать – Свет. Моего Харальда – знают все, но Леста, твоя мать, Серэнити, ведет свои корни от другого моего сына, мною спрятанного и безызвестного – Майгорда. И ты – его праправнучка.

– Я...

– Бери Корону Света, Калев, – распорядился Нолд Темный. – Все идите за мной.

Мы поднялись на башню Тысячелетнего Грома. В ночной темени, подсвеченной звездами и вспышками магии, у подножья Кузницы Ураха, Фарганорф, разбитый, но еще живой, из последних сил сдерживал приливы Тьмы Вальгарда Флейта.

– Калев! Ты помнишь наговор Джеда Хартблада? – спросил меня Нолд Темный.

– Да... кажется помню...

– Это не просто заклинание, восхваляющее Всеотца и панацея от Живой Воды. Оно – ключ к Его Милости. Джек Хартблад записал его для этого Дня.

С трепетом я взял в руки Корону Света и возложил ее на чело Серэнити... Я и Нолд Темный вместе заговорили:

Любовь, что без слов,

Та Любовь, что задаром,

Без острых углов,

И что дышит пожаром.

Любовь Всеотца –
То Любовь без причины.
Любовь до конца,
Искра как для лучины.
Любовь – исцеленье.
Любовь – во спасенье.
Любовь – как прозрение.
Любовь – как прощенье.
Любовью для Жизни,
Корона, зажгись!
Ты вечной, Вселенской
Любовью явись!

Из Короны Света и из самой Серэнити вдруг полилось сияние.
Ярче мириад солнц волна чистой энергии затопила собою всех и вся.
Она выжгла Океан Тьмы Вестмарки и расщепила Вальгарда Флейта.
Добро победило Зло.

Это было Величие Света.

Конец второй книги.

Краткий энциклопедический справочник

Не так давно «Королевское общество пушистых географов и других научных хвостиков» при поддержке прайда Лимонных Ушек и личном содействии падишаха Рыжаста Четвертого под редакцией Илы выпустило «Краткий энциклопедический справочник», сокращенно «КиСа». Как уверяет Ила – мурлык, а широко известный в Бархатных Королевствах своими этнографическими открытиями и исследованиями, «КиСа» – это пособие–клубок (м–м–м, клубочек!), в котором переплетены познания о территориальном делении мира (его атлас), народностях мира и вероисповеданиях этих народностей. Сюда же прилагаются кое–какие социально–культурные и исторические справки. Надо также понимать, что его Шерстейшество Рыжаст Четвертый заинтересован в том, чтобы все мягкошерсты Бархатных Королевств уже сейчас имели возможность получить достойное образование. Поэтому данный «Краткий энциклопедический справочник» – это лишь первая книга в уже утвержденной серии «Мягкошерсты познают Мир». По желанию Рыжаста Четвертого, будущие «КиСы» будут дополняться информацией ранних версий энциклопедических справочников, а так же предоставлять новые монографии. Что же касается данной «КиСы», то по запросу посольства «Маслице и Блинок» в Керане, а именно по истребованию перекупколапа Зубкинса и щекоткоререферента Запеканки, она была укомплектована монографией Соединенного Королевства.

Обращение редактора Илы на титульном листе Краткого энциклопедического справочника: Дорогой мягкошерст! Наш Мир не ограничивается Бархатными Королевствами. Давай же взглянем, что тут к чему!

Плоский наш Мир или Круглый – это пока неизвестно. Однако с уверенностью уже сейчас можно сказать, что в Мире есть огромные участки суши – материки, они же континенты. Наш материк называется Олфолия. С севера он омывается морем Призраков, Радужным морем, Кислым морем и Блохером, также морем. Сноска: на северо–запад от Острохвостии у Олфолии выступает полуостров Тлингва. Он омывается с севера Серым морем, с востока Грозovým морем, с запада – Щавелевым морем. С запада Олфолия омывается

океаном Лирики, с востока – морями: Абрикосовым, Ледяным и Мухоловочным. На юге протекает река Альтараксис.

Олфолия поделена на признанные обществом, здравствующие геополитические регионы Первого Порядка. Это: Бархатные Королевства, Острохвостия, Соединенное Королевство, Королевство Бурунзия, Клань Будугая (ранее Каменное Королевство), Рунное Королевство, город–государство Минтас, Клитривайт, Муат’Лан. И на непризнанные обществом или погибшие геополитические регионы Второго Порядка. Это: Ноорот’Кхвизам, Воздушное Королевство, Владычество Леса Скорби (Оплот Вездь, Цвигильгард, Хрипхор), Владычество Великого Леса (Хрипхор, Вестмарка, Королевства–города Медного Бога, Зеленое Королевство, Заллусия), Камнепады, Владычество Теней.

За Олфалией на юге находится материк Историю. На нем стоит Бумфамар. Размеры и протяженность Истории неизвестны.

За Олфалией на востоке – за Абрикосовым, Ледяным и Мухоловочным морями – стынет океан Темного Холода. В нем – Белые Айсберги, что за ними – неизвестно.

За Олфалией на севере –; за Призрачным, Радужным, Кислым морями и Блохером, также морем, – океан Безнадежности. На нем стоит Островное Королевство. Далее раскинулся океан Лирики и материк Указарат с Империей Хло. Размеры Указарата – неизвестны.

За Олфалией на западе – также океан Лирики. В нем на северо–западе есть суша, где стоят Вольные Города. Что дальше – неизвестно.

Государства Олфалии Первого Порядка:

Территории, столица, население, форма правления, действующий правитель, наследник, верование, армия, образование.

Бархатные Королевства. Границы. На севере – Радужное и Кислое моря. На востоке – Великий Лес. На юге – пустыни Великого Песка,

Покинутые Города. На западе – Острохвостия. Столица: Торр–Каторра. Преобладающая раса: мягкошерсты. Форма правления: абсолютная монархия. Действующий правитель: падишах Рыжаст Четвертый. Наследник: мяу–хан Персик. Религия: политеизм. Главное Божество: Кошеак. Армия: регулярная, самая непобедимая! Образование: школы, университеты.

Королевство Острохвостия. Границы. На севере – Блохер (море), на северо–западе – полуостров Тлингва. На западе – океан Лирики. На юге – Камнепады. На востоке – Бархатные Королевства. Столица: Тысячеголовый Глог. Преобладающая раса: шипунцы. Форма правления: абсолютная монархия. Действующий правитель: Крыса–Бог Рацт Премогучий Всхильский. Наследник: герцог Гурс Всхильский. Религия: политеизм. Главное Божество: Шахсмирхаль. Армия: мобилизационная, несметная. Образование: Кхарц (единственный университет).

Королевство Бурунзия. Границы. На севере – Клирдвайт. На востоке – Клирдвайт, далее Муат’Лан. На юге – Острохвостия. На западе – Щавелевое море. Столица: Коргингард. Преобладающая раса: люди. Форма правления: монархия. Особенности: Королевский Круг (Совет). Действующий правитель: король Седрик Велжуйский. Наследник: принцесса Гия Остлегицкая, урожденная Велжуйская. Религия: монотеизм. Главное Божество: Урах. Армия: регулярная, элитная. Образование: школы, университеты. Форма обучения – высшая.

Кланы Будугая (ранее Каменное Королевство). Границы. На севере – Соединенное Королевство. На востоке – Абрикосовое и Ледяное моря. На юге – Рунное Королевство, Ледяные Топи. На западе – Великий Лес. Столица: общей нет, много. Преобладающая раса: гномы. Форма правления: монархия, подвид: клановая монархия. Действующий правитель: глава клана, много. Наследник: первый сын главы клана, много. Религия: монотеизм. Главное Божество: Владыка Гор. Армия: большая, профессиональная. Образование: школы, артели, храмы.

Рунное Королевство. Границы. На севере – Будугай, кланы гномов. На востоке – Ледяные Топи. На юге – Ледяные Топи, город–государство Минтас. На западе – Великий Лес. Столица: Молисингтон. Преобладающая раса: виалы. Форма правления: теократическая монархия. Действующий правитель: Кристалл–Бог Фосгейн. Наследник: нет. Религия: монотеизм. Главное Божество: Фосгейн. Армия: мобилизационная, вне родного края недееспособная. Образование: нет. Особенности: знания передаются из поколения в поколение либо от самого Фосгейна. Любые другие формы обучения отсутствуют.

Город–государство Минтас. Границы: На севере – Ледяные Топи. На востоке – Ледяное море. На юге – Ноорот’Кхвазам. На западе – Ледяные Топи. Столица: Минтас, особенности: летает. Преобладающая раса: люди, особенности: есть джины. Форма правления: Круг магов–истцов. Действующий правитель: верховный истец Дазрио Симильвейн. Наследник: нет. Религия: нет. Главное Божество: нет. Армия: очень маленькая, исключительно магическая, сильная. Образование: университеты, много, форма обучения – наивысшая.

Клирдвайт. Границы. На севере – Серое море, Вольные Города. На востоке – Муат’Лан. На юге – Муат’Лан, Королевство Бурунзия, Острохвостия. На западе – Королевство Бурунзия. Столица: Шепот Духов. Преобладающая раса: люди. Особенности: имеются разумные стихии–элементы. Форма правления: абсолютная монархия. Действующий правитель: Ютвинг. Наследник: неизвестно. Религия: монотеизм. Главное Божество: Антиматерия. Армия: малочисленная, наемническая. Образование: тренировочные Академии.

Муат’Лан, иногда Золотая Пустыня или Королевства Муат’Лан. Границы. На севере – Клирдвайт, Серое море. На востоке – Грозное море. На юге – Острохвостия. На западе – Клирдвайт, далее Королевство Бурунзия. Столица: нет, много. Преобладающая раса: акивалы. Особенности: около сорока процентов населения – рабы. Форма правления: монархия. Действующий правитель: василиск, много. Наследник: из седьмого яйца, много. Религия: монотеизм.

Главное Божество: Ату–Сигилл. Армия: наборная, хорошо подготовлена. Образование: храмы.

Государства Олфолии Первого Порядка завершает Соединенное Королевство. С монографией–дополнением.

Соединенное Королевство. Границы. На севере – море Призраков. На востоке – Абрикосовое море. На юге – Будугай. На западе – Великий Лес. Столица: Шальх. Преобладающая раса: люди. Форма правления: абсолютная монархия. Действующий правитель: Вильгельм Темный. Наследник: Фабиан Темный. Религия: монотеизм. Главное Божество: Урах. Армия: регулярная, мощная. Образование: школы, мастерские, институты, храмы, форма обучения – средняя.

Площадь Соединенного Королевства примерно равно ста тысячам квадратных мяу–миль. Основателем Соединенного Королевства является Нолд Темный. После него на трон сел Харальд, перенявший прозвище (фамилию) Темный.

Род Харальда обширен и ветвист. Он уходит корнями в глубокие века, и поэтому, для мягкошерстов «КиСа» приводит лишь три первых и три последних Престола Соединенного Королевства.

Древо Харальда, первые три Престола, включая самого Харальда (Престол–Родоначальник):

Харальд Темный и Линда Фаления из Королевства Бурунзии, их дети: Лия Темная, Хирц, Прицир и Клавдий.

Лия Темная и Эрзац Демей, их дети: Инок (Темный) Чахоточный и Ваилия.

Инок Темный и Филиция из Королевства Бурунзии, их дети: Маркус (Темный) Силач, Аглия Милосердная, Поэтия, Сивирог.

Маркус Темный и Фиона Прекрасная из Империи Хло, их дети: Бык (Темный) Ураха, Глориния, Уфарганод, Селивия, Хорца, Зимир.

Древо Харальда, последние три Престола:

Клакацин Темный и Эведенс Боэ из Керана, их дети: Манфред (Темный) Второй, Гукубус, Зилия.

Манфред Темный и Элизабет Темная (двоюродная сестра Манфреда, происходит от Кальвина, родного брата Клакацина Темного, отец которым был Удв Темный), их дети: Вильгельм Темный.

Вильгельм Темный и Констанция Демей из Ригиро, их дети: наследный принц Фабиан Темный.

Флаг Соединенного Королевства: животные сокол, лев, кабан, краб, лось и ворон, поддерживающие корону.

Соединенное Королевство делится на шесть административных центров (провинций): Иль Градо, Плавень, Вельдз, Керан, Карак, Хильд. Они, с описанием:

Провинция Иль Градо. Знамя: Желтое на черном. Лев в короне. Столица: Шальх (она же –столица всего Соединенного Королевства). Управитель: король или королева. Нынешний управитель: Вильгельм Темный. Значимые города и крепости: Огнморт, Дарне, Эрменгер, Силь, Энгибар (роща друидов и рейнджеров), Зеленый Скворец, Ячень, Острекс, Пирига, Глуморра, Глиняный город. Значимые культурные и природные объекты: Храм Ураха (самый большой в Мире), Магика Элептерум (институт волшебства и чародейства), Арена Лепестковое Поле, Толкучка (гигантский базар), Лунные Врата (лес), Палантиновые Холмы (грибной лес), море Призраков, Оленья река. Границы. На севере – море Призраков. На востоке – провинция Вельдз. На юге – провинция Плавень. На западе – провинция Карак.

Провинция Плавень. Знамя: Коричневое на зеленом. Прыгающий лось. Столица: Гельх. Управитель: наместник. Нынешний управитель: Гильберт Энтибор. Значимые города и крепости: Жемчужный Двор (огромный складской город–пристань), Хохельшоф, Мирибальд, Орел

на Камне, Гливир, Данте Роуз, Лунная Пажить, Стойкий, Черная Крепость, Белая Крепость, Синяя Крепость, Зиворот. Значимые культурные и природные объекты: Арена Колесничего (амфитеатр–арена), Узел Благополучия (сюда впадают все реки Соединенного Королевства), Терракотовые Бурьяны (лес), Житница Солнца (виноградник), Яма Сибиллы (пропасть, по легенде ведущая в Бездну к Назбразлю), Говорящие Менгиры (каменные–истуканы). Значимые реки: Шелковица, Оленья, Серебрянка, Земляничный Звон, Туманная Пляска. Границы. На севере – провинция Иль Градо, провинция Вельдз, провинция Карак. На востоке – провинция Керан, провинция Вельдз. На юге – провинция Хильд. На западе – провинция Карак.

Провинция Вельдз. Знамя: Черное и красное на золотом. Ворон в ареоле поднимающегося солнца. Столица: Гричинг. Управитель: наместник. Нынешний управитель: Эмпалия Лост. Значимые города и крепости: Темный, Леро, Адамантовая Секира, Топор–Ворота, Хайзенберг, Дулуморт, Воронья Скала, Шиповник, Норвингтон, Павчирг, Люмсторг. Значимые культурные и природные объекты: Площадь Висельников (знаменитое, но неприятное место), Квигидон (древний памятник архитектуры), Малиновое Поле (очень красивый парк), река Земляничный Звон. Границы. На севере – море Призраков. На востоке – Лес Скорби. На юге – провинция Керан, провинция Плавень. На западе – провинция Иль Градо, провинция Плавень.

Провинция Керан. Знамя: Кроваво–красное на синем. Большой краб. Столица: Хафлан. Управитель: наместник. Нынешний управитель: Варио Саан. Значимые города и крепости: Соленая Бочка, Колесо, Бримен, Пейдингтон, Олтривейт, Ханон, Сталь, Проткнутая Голова, Пул, Чифистер, Римши, Глотгреби. Значимые культурные и природные объекты: Залив Милы, Косая–Деревянная (самая большая пристань в восточной части Олфолии), Аллея Славы, Маслице и Блинок, Туманные Рощи (сказочный лес), Дуврон (древний, мистический объект), река Серебрянка. Границы. На севере – провинция Вельдз. На востоке – Абрикосовое Море. На юге – Будугай (Железные Горы). На западе – провинция Плавень, провинция Хильд.

Провинция Карак. Знамя: Коричневое на золотом. Кабан, рвущий тролля. Столица: Ильварет. Управитель: наместник. Нынешний управитель: Лей Клинч. Значимые города и крепости: Осприс, Клейменд, Роуч, форт Нур, Цабер, Брандвард, Олдетехейм, Лестергон, Челмсирмфорд, Пакаш, Эйлсборет, Мансголфильд. Значимые культурные и природные объекты: Горы Заботы (вулкан Вугу и каменный карьер Присыпки), Тлеющая Чаша (выгоревший лес, ранее – Малахитовый Дворец), Надежда Сердца (святое место), «Мазня–Возня» (картинная галерея имени Рамира Пятого Красного Голоса), Пересмешник (лес), Молодость (громадное озеро), Ноклидан (библиотека), Гонг Дракона (часы), река Туманная Пляска. Границы.: На севере – море Призраков. На востоке – провинция Иль Градо, провинция Плавень. На юге – провинция Хильд, провинция Плавень. На западе – Великий Лес.

Провинция Хильд. Знамя: Синее и золотое на черном (иногда коричневое на пурпурном). Сокол, летящий по ночному небу сквозь звезды. Столица: Эльпот. Управитель: наместник. Нынешний управитель: Эвельс Дукунат. Значимые города и крепости: Покуфгард, Матлокин, Сауниджин, Кокерстер, Йорфингтон, Брат со Щитом, Юлфа, Тотенси, Дуртмунгтон, Уитерби, Донкастерс. Значимые культурные и природные объекты: Алхимикус Деторум (университет), Соколиный Замок (возведен гномами), Шумальса (розовое озеро), Оливковый Камень (мистическое место), Талый Могильник (огромное древнее кладбище на границе с Будугаем). Границы. На севере – провинция Карак, провинция Плавень. На востоке – провинция Керан. На юге – Будугай (Железные Горы). На западе – Великий Лес.

Религия в Соединенном Королевстве.

Урах, Бог Света или Всеотец – признается Единственным Истинным Богом, сотворившим Мир. В представлении людей, Урах похож на человека с пламенем вместо головы. Он Всесилен и Всемогуч. Его аспекты – Любовь, Добро и Светлый Огонь. Символ Ураха – извивающаяся пятиконечная звезда, отороченная соцветиями и камешками, в кружке.

Для чтящих и выполняющих Его Законы, Урах уготовил Мир Света – жизнь после жизни, где нет боли и страданий. Для грешников – другая Окраина – Мир Тьмы. Мир Тьмы принадлежит демону Назбраэлю, антагонисту Ураха. Назбраэль пытается переманить людей на свою сторону, во Тьму. У Всеотца много святых и помощников, которые мешают Назбраэлю. Самые почитаемые из них – Щос, Яинеска, Нолд Темный (причислен к лику святых), Кейн, Кейз, Клаус, Сия, Даратанаэль, Ольвелия, Мэтри, Альмеко, Гутабальд. (список неполный – примечание редактора Илы)

Храм в Соединенном Королевстве.

Братство Света – это строгая иерархическая линейка. На верхушке стоит понтифик Братства Света. За ним идут настоятели провинций (числом шесть) и магистры различных Орденов и иных Крыльев Храма. Сложная обоснованная градация чинов позволяет эффективно распределять обязанности внутри Храма.

В Соединенном Королевстве год, как и у нас в Бархатных Королевствах, делят на двенадцать месяцев. Примечательно, что Новый год люди празднуют летом. Вот названия их месяцев, начиная с первого: Авантюрин (последний месяц лета), Колхикум, Бузина, Сердолик (месяцы осени), Сон–Трава, Камелия, Халцедон (месяцы зимы), Шафран, Эрантис, Аметист (месяцы весны), Солнцецвет и Ирис (первый и второй месяцы лета).

Самые значимые праздники Соединенного Королевства: Величие Света – им отмечают начало нового тысячелетия. Новый Год (с тридцатого Ириса на первое Авантюрина) – на этот праздник принято собираться вместе и дарить друг другу подарки. Праздник Мудрого Льва (девятое число Авантюрина). Праздник Урожая (первое число Колхикума). День Пик (восьмое число Бузины) – победа Соединенного Королевства «Война Пик» над Хрипохором. Праздник Снежинки (первое число Сон–Травы). Праздник Весны (первое число Шафрана). Багровое Воззвание (четырнадцатое число Шафрана) громкая победа Соединенного Королевства над Хрипохором. Полдень Игл – день Величайшей Победы Соединенного Королевства над Хрипохором

(четвертое число Эрантиса). День Доброго Лекаря (седьмое число Аметиста) День Всех Святых – день памяти святых Ураха (десятое число Аметиста). День Матери (одиннадцатое число Аметиста). Праздник Света (тридцатое число Солнцецвета). Праздник Середины Лета (пятнадцатое число Ириса).

Платежные единицы Соединенного Королевства: золотой «Манфред» (стал так называться после денежной реформы Манфреда Темного), серебряный и медный. Один Манфред равен ста серебряным; один серебряный – ста медным монетам.

Такова краткая монография Соединенного Королевства, завершающая собой список государств Первого Порядка.

Теперь обратим свой взор на государства Олфолии Второго Порядка.

Ноорот'Кхвазам. Границы. На севере – Ледяные Топи. На востоке – Мухоловочное море. На юге – река Альтараксис, материк Исторхия, Бумфамар. На западе – предположительно, Великий Лес. Столица: неизвестна. Преобладающая раса: эндориты. Форма правления: предположительно абсолютная монархия. Действующий правитель: королева–матка, имя – неизвестно. Наследник: неизвестно. Религия: монотеизм. Главное Божество: Рифф. Армия: неисчислимая. Образование: нет. Особенности: Ноорот'Кхвазам крайне враждебен ко всем разумным расам.

Воздушное Королевство. Границы. На севере – Соединенное Королевство. На востоке – Абрикосовое море. На юге – Ледяные Топи. На западе – Великий Лес. Столица: неизвестна. Преобладающая раса: нирфы. Форма правления: предположительно монархия. Действующий правитель: король, предположительно, Кхирт Лунный Менестрель (последний). Наследник: должность упразднена. Религия: неизвестно. Главное Божество: неизвестно. Армия: могучая (по летописям гномов). Образование: неизвестно. Особенности: Воздушное Королевство целиком погибло в войне против Каменного Королевства.

Владычество Леса Скорби (Оплот Ведьм) Границы: город–государство (анклав), окружено со всех сторон Лесом Скорби. Столица: Оплот Ведьм. Преобладающая раса: ворожей. Форма правления: предположительно основанная на избирательности главы. Действующий правитель: оракул, имя неизвестно. Наследник: неизвестно. Религия: пантеизм. Главное Божество: Вселенная. Армия: магическая, исключительно могучая. Образование: неизвестно. Особенности: Оплот Ведьм недружелюбен ко всем разумным расам, но иногда делает исключения для отдельных личностей (индивидов).

Владычество Леса Скорби (Цвигильгард) Границы. Город–государство (анклав), окружено со всех сторон Лесом Скорби. Столица: Цвигильгард. Преобладающая раса: нет. Особенности: в Цвигильгарде, предположительно, живут четыре расы – крохоши, мириды, лапридоны, балаги. Форма правления: неизвестно. Действующий правитель: неизвестно. Наследник: неизвестно. Религия: предположительно, пантеизм. Главное Божество: предположительно, Вселенная. Армия: неизвестно. Образование: предположительно, нет. Особенности: Цвигильгард недружелюбен ко всем разумным расам.

Владычество Великого Леса и Леса Скорби (Хрипотор). Границы. На севере – море Призраков. На востоке – Абрикосовое море. На юге – Соединенное Королевство, провинция Вельдз. На западе – Соединенное Королевство, провинция Вельдз. Столица: предположительно, Горбатое Логово (культовый центр живорезов). Преобладающая раса: живорезы, особенности: все расы Огня (кроме гоблинов). Форма правления: абсолютная монархия. Действующий правитель: неизвестно, много. Наследник: неизвестно, много. Религия: политеизм. Главное Божество: предположительно, Дроторогор. Армия: несметная, неисчислимая. Образование: нет. Владычество Великого Леса: Границы: На севере – море Призраков, Радужное море. На востоке – Соединенное Королевство, провинция Карак. На юге – предположительно река Альтараксис. На западе – Бархатные Королевства. Столица: предположительно, Червонное Капище (культовый центр живорезов). Преобладающая раса: живорезы, особенности: все расы Огня (кроме гоблинов). Действующий

правитель: неизвестно, много. Наследник: неизвестно, много. Религия: политеизм. Главное Божество: предположительно, Дроторогор. Армия: несметная, неисчислимая. Образование: нет. Особенности: Хрипыхор крайне враждебен ко всем разумным расам.

Владычество Великого Леса (Вестмарка) Границы. Окружено со всех сторон Великим Лесом. Столица: предположительно, Зинат Альфадаха. Преобладающая раса: вампиры. Форма правления: абсолютная монархия. Действующий правитель: король, предположительно, Вальгард Флейт. Наследник: неизвестно. Религия: монотеизм. Главное Божество: Назбраэль. Армия: несметная. Ее особенность: неживая. Образование: неизвестно. Особенности: Вестмарка крайне враждебна ко всем разумным расам, но иногда делает исключения для отдельных личностей (индивидов).

Владычество Великого Леса (Королевства–города Медного Бога) Границы. Окружено со всех сторон Великим Лесом. Столица: много. Преобладающая раса: цирвады. Форма правления: предположительно, абсолютная монархия. Действующий правитель: царь, неизвестно, много. Наследник: неизвестно, много. Религия: политеизм. Главное Божество: Медный Бог. Армия: предположительно, средняя, плохо вымуштрованная. Образование: храмы. Особенности: Королевства–города Медного Бога имеют в своем происхождении корни Хрипыхора. Королевства–города Медного Бога относятся нейтрально к большинству разумных рас.

Владычество Великого Леса (Зеленое Королевство). Границы. Окружено со всех сторон Великим Лесом. Столица: Тумиль’Инламэ. Преобладающая раса: эльфы. Форма правления: абсолютная монархия. Действующий правитель: король, предположительно, Пиримизль (последний). Наследник: Легия (должность упразднена). Религия: монотеизм. Главное Божество: Урах. Армия: малочисленная, чрезвычайно сильная. Образование: Лусфир – школа–храм. Особенности: Зеленое Королевство целиком погибло в войне против Хрипыхора.

Владычество Великого Леса (Заллусия). Границы. Окружена со всех сторон Великим Лесом. Столица: Пустарка. Преобладающая раса: гоблины. Форма правления: абсолютная монархия. Особенности: правит самый сильный гоблин. Действующий правитель: Зеленая Кость, неизвестно. Наследник: нет. Религия: политеизм. Главное Божество: Кчорохорох. Особенности: признаются также все остальные Боги–Идолы Хрипохора. Армия: несметная, слабая. Образование: нет. Особенности: Заллусия (ветвь Хрипохора) крайне враждебна ко всем разумным расам.

Камнепады. Границы. На севере – Королевство Острохвостия. На востоке – предположительно, Великие Пески, Покинутые Города. На юге – предположительно, река Альтараксис. На западе – океан Лирики. Столица: неизвестно. Преобладающая раса: разумные стихии, особенности: элементы камня. Форма правления: неизвестно. Действующий правитель: неизвестно. Наследник: неизвестно. Религия: предположительно, вера в абстрактный идеал. Главное Божество: предположительно, Вселенная. Армия: нет. Образование: нет. Особенности: Камнепады относятся нейтрально (безучастно) ко всем расам. Камнепады не выказывают расам никакой враждебности, пока они не зайдут на территорию Гор.

Владычество Теней. Границы. окружено со всех сторон Королевством Острохвостией. Столица: Шо–Гринбард. Преобладающая раса: нежить всех видов. Форма правления: абсолютная монархия. Действующий правитель: королева–некромант Астра–Алиса. Наследник: неизвестно. Религия: монотеизм. Главное Божество: Назбраэль. Армия: несметная, неисчислимая. Образование: неизвестно. Особенности: Владычество Теней крайне враждебна ко всем разумным расам, но иногда делает исключения для отдельных личностей (индивидов).

Здесь «Краткий энциклопедический справочник» ставит свою первую точку в описании территорий и этносов нашего материка Олфолии.

Что же находится за Олфолией?

На севере от нашего континента, растянулся океан Безнадежности. На нем вечно дрейфует Островное Королевство.

Островное Королевство. Границы. Окружено со всех сторон океаном Безнадежности. Столица: Тритон–Аспера. Преобладающая раса: люди, особенности: около тридцати процентов населения – рабы. Форма правления: абсолютная монархия. Действующий правитель: король–пират, имя – неизвестно. Наследник: неизвестно. Религия: политеизм. Главное Божество: Шаггудда. Армия: неспособна эффективно сражаться на суше, особенности: самый сильный флот в Море. Образование: анклав Гоштуа. Особенности: Островное Королевство, хоть и торгует почти со всеми разумными расами, крайне неустойчиво в своих политических взглядах. «КиСа» предупреждает всякого относиться к Островному Королевству и его выходцам с крайней осторожностью.

На запад от океана Безнадежности в океане Лирики, севернее Клардвайта, раскинулись Вольные Города.

Вольные Города. Границы. На севере – океан Лирики. На востоке – океан Лирики. На юге – Серое море, Клардвайт. На западе – океан Лирики. Столица: много, особенности: города–государства. Преобладающая раса: люди. Форма правления: демократическая. Действующий правитель: «трибун», неизвестно, много. Наследник: нет. Религия: все религии Мира. Главное Божество: все Божества Мира. Армия: мобилизационная, эффективная. Образование: школы, храмы, университеты. Особенности: Вольные Города относятся радушно ко всем разумным расам.

Севернее Вольных Городов и Островного Королевства и также водах океана Лирики располагается континент Укзарат. На данный момент ученым хвостикам Бархатных Королевств известна только одна страна Указарата – Империя Хло.

Империя Хло. Границы. На севере – неизвестно. На востоке – неизвестно. На юге – океан Лирики, океан Безнадежности, Островное

Королевство. На западе – неизвестно. Столица: Андромеда. Преобладающая раса: люди. Форма правления: императорское право. Действующий правитель: Бог–Император Казимир Солнечный Дракон. Наследник: Властелин Восхода Эйджа, Заклинательница Луны Цифиона. Религия: монотеизм. Главное Божество: Бог–Колесо, Бог–Дракон и Бог–Император (триедины). Армия: предположительно самая большая в Мире. Образование: школы, институты, храмы, великие учебные заведения. Особенности: Империя Хло не интересуется территориями и народами Ольфолии. Империя Хло относится уважительно ко всем разумным расам.

Последние несколько строк первого издания «КиСы», посвящены «пустотам». О Бумфамаре, реке Альтараксис, океане Темного Холода и Белых Айсбергах пока написать нечего. Но унывать не стоит, ведь впереди, уже скоро, нас ждет второе издание серии «Мягкошерсты Познают Мир».

С уважением, главный редактор КиСы, мягкошерст Ила.

Оглавление

Аннотация

Глава 1. Цена жизни

Глава 2. Фаворит Праматери

Глава 3. Большая проблема маленькой феи

Глава 4. Приумножающие Триплексы

Глава 5. Пленник Пёстрого Бога

Глава 6. Сущность Добра

Глава 7. День – хорошо, ночь – плохо

Глава 8. В гости к Хельбертам

Глава 9. Победы врагов, избавь от долгов, скажи, чего требуешь от учеников

Глава 10. Секрет совершенства

Глава 11. Рожденный в глубинах, пришедший на равнины

Глава 12. Грезы наяву или Свет против Тьмы

Глава 13. Черные крылья – черные вести

Глава 14. Когда не ты ешь грибы, а они тебя – это немножко плохо

Глава 15. Меч на меч, магия и булава

- Глава 16. То, что стояло за Пророчеством Полного Круга
- Глава 17. Хрупкость восприятия
- Глава 18. В Энгибар
- Глава 19. Дух Зелени
- Глава 20. Вестмарка. Выводок Аспида–Хаттона
- Глава 21. Те самые цепи на нежных запястьях
- Глава 22. Деловой курильщик табака
- Глава 23. Подводное путешествие
- Глава 24. Выбор Констанции Демей
- Глава 25. За Соединенным Королевством. Рассказы Альфонсо и Лютерии
- Глава 26. За Соединенным Королевством. Рассказы Дурнбада и Настурции
- Глава 27. Ориентир Зла
- Глава 28. Изгнанница Мира Тьмы
- Глава 29. Любящая мать
- Глава 30. Пусть встрепенется знамя войны
- Глава 31. Король
- Глава 32. Маленький дракон, тот же дракон, но только маленький
- Глава 33. Анкарахада
- Глава 34. Испытание
- Глава 35. Дерево Жизни
- Глава 36. Последний Совет
- Краткий энциклопедический справочник